ПРОТЕСТАНТСТВО И ПРОТЕСТАНТЫ

ВЪ РОССІИ

ДО ЭПОХИ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Дм. Цвѣтаева.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1890.

4823

022
63

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

Отъ лицъ, къ мнѣніямъ которыхъ въ Русской наукѣ принято относиться съ уваженіемъ, намъ не разъ приходилось слышать желаніе, чтобы мы наконецъ объединили свои работы объ иностранномъ вопросѣ въ Россіи. Представить цѣльное изслѣдованіе, по крайней мѣрѣ о протестантствѣ, было всегда нашею задачей, о чемъ мы заявляли нѣсколько лѣтъ тому назадъ печатно и на диспутѣ при защитѣ своей магистерской диссертаціи. Но положеніе вопроса въ исторической наукѣ и та постановка, какую мы имѣли въ виду, требовали предварительно отъ насъ продолжительной и тщательной работы по отдѣльнымъ его сторонамъ. Кругъ доступнаго точному знанію представляется намъ теперь за первый періодъ уже достигшимъ той существенной полноты данныхъ, которая приводитъ къ разностороннимъ научнымъ выводамъ и положеніямъ, и настоящее изслѣдованіе служитъ результатомъ нашихъ посильныхъ изысканій въ избранной области.

Предлагаемая книга обнимаетъ собою первый періодъ исторіи протестантства и протестантовъ въ Россіи, съ начала появленія ихъ у насъ вплоть до такъ называемой эпохи Преобразованій. Для изслѣдователя отечественной исторіи здѣсь глубокій интересъ въ томъ, какъ этотъ трудный вопросъ уставили и, въ основномъ, навсегда предрѣшили Московскіе люди, дѣйствовавшіе безъ постороннихъ указаній. Въ виду того, что многое обусловливалось предшествовавшимъ положеніемъ у насъ западнаго иновѣрія, мы должны были обращать вниманіе и на важнѣйшія явленія изъ жизни католиковъ и исторіи католичества.

Въ основу изысканій положены нами, гдѣ было то возможно, архивные и рукописные матеріалы, затѣмъ извѣстія современныхъ событіямъ иностранныхъ писателей и различныя

печатныя изданія; равнымъ образомъ, старались мы воспользоваться и относящеюся сюда научною обработкою вопроса. Сочиненія, имѣющія ближайшее къ намъ отношеніе, критически разсмотрѣны нами въ примѣчаніяхъ; часть первостепенныхъ матеріаловъ, сохраняющихъ свое значеніе въ цѣломъ ихъ видѣ, издается нами въ «Памятникахъ къ исторіи протестантства въ Россіи», которые составятъ приложеніе къ нашимъ изслѣдованіямъ по данному вопросу. Изъ Архивовъ самые богатые по содержанію матеріалы далъ намъ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ которомъ хранятся дѣла Посольскаго, Иноземскаго и другихъ приказовъ, вѣдавшихъ иноземцами; за нимъ слѣдуютъ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи и Архивъ Московской Старой лютеранской общины; нѣкоторые матеріалы намъ были доставлены изъ архивовъ иностранныхъ. Изъ хранилищъ рукописей и старопечатныхъ изданій всего болѣе мы обязаны бывшей Патріаршей, нынѣ Московской Синодальной библіотекѣ и Московскому Румянцовскому Музею.

Нашъ трудъ далеко не могъ бы двигаться съ должнымъ успѣхомъ, если бы не оказано было ему просвѣщеннаго содѣйствія со стороны администраціи архивовъ и названныхъ учрежденій, какъ равно и со стороны владѣтелей частныхъ рукописныхъ и печатныхъ собраній. Неоспоримую пользу приносили намъ, также указанія спеціалистовъ по Русской исторіи. Имена многихъ изъ нихъ мы позволили себѣ назвать въ примѣчаніяхъ къ изслѣдованію и въ предисловіи къ «Памятникамъ», но считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ еще разъ засвидѣтельствовать имъ всѣмъ нашу глубокую признательность и здѣсь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ..... 1

Глава I. Внѣшняя исторія протестантскихъ общинъ, съ ихъ приходскими церквами и духовенствомъ..... 15

Появленіе иноземцевъ въ Московскомъ государствѣ и ихъ бытъ. — Вытѣсненіе католиковъ и замѣна ихъ протестантами; непосредственное содѣйствіе этому Англо-Русской торговой компаніи и войнъ со Швеціей и Ливоніей.—Главные пункты поселенія протестантовъ.—Плѣнные пасторы и ихъ дѣятельность.—Возникновеніе въ Москвѣ Лютеранской общины, съ первою при ней лютеранской церковью, и ихъ дальнѣйшая судьба.— Выдѣленіе части прихожанъ въ особую общину, Новую, и существованіе послѣдней. — Реформатская община. — Перенесеніе приходскихъ кирокъ за черту города, въ Ново-Иноземскую Слободу.— Безуспѣшность ходатайства голландскаго посла Бореля за Реформатскую церковь.—Устройство церковныхъ дѣлъ въ Слободѣ Новою лютеранскою или Офицерскою общиной.— Сношенія ея членовъ съ западными единовѣрцами по дѣламъ ихъ церкви, и вызванное тѣмъ ходатайство саксонскихъ государей за вѣроисповѣдное положеніе жившихъ въ Россіи лютеранъ.—Распаденіе Офицерской общины на двѣ.—Окончательное число протестантскихъ общинъ и церквей въ Слободѣ.—Московскія кладбища.— Свобода богослуженія внѣ Москвы.— Нижегородская лютеранская община.—Вопросъ о лютеранской общинѣ въ Астрахани.—Реформатскія общины на Тульскихъ желѣзныхъ заводахъ и въ Архангельскѣ.— Сохраненіе религіозныхъ правъ въ завоевываемыхъ областяхъ.

Глава II. Свобода вѣроисповѣданія протестантовъ неслужилыхъ и проживавшихъ у насъ временно..... 129

Зависимость свободы вѣроисповѣданія протестантовъ отъ ихъ рода занятій и формы жизни.—Условія о свободѣ вѣроисповѣданія съ Даніей, Англіей, Ганзой, Швеціей, Голландіей и Голштиніей для жившихъ въ Россіи иноземныхъ купцовъ.—Иноземскіе торговые дворы и ихъ назначеніе, какъ мѣстъ общественнаго

богослуженія.— «Посольская церковь» на Шведскомъ подворьѣ въ Москвѣ и «Компанейская роната» на Вологодскомъ Англійскомъ торговомъ дворѣ. — Отзывы иностранныхъ писателей о свободѣ вѣроисповѣданія жившихъ въ Россіи протестантовъ.

Глава III. Церковно-административный строй, богослуженіе и средства къ просвѣщенію..... 179

Задачи протестантовъ при устройствѣ своей церковно-религіозной жизни и условія, благопріятствовавшія ихъ выполненію.— Предѣлы автономности церковной жизни.—Церковная община и ея значеніе.—Административное устройство общинъ: церковный совѣтъ и его обязанности: общія собранія; власть старшаго пастора. — Попытки къ регламентированію строя жизни общинъ, и участіе въ томъ саксонскаго герцога Эрнста Благочестиваго.—Приглашеніе, ординація и содержаніе духовенства.— Устройство храмовъ. — Языкъ и характеръ богослуженія. — Молитвы, проповѣди и другія духовныя назиданія.—Отрицательное и положительное вліяніе на богослуженіе окружающей среды. «Плачъ» и проповѣди пастора Мартина Бера; бракосочетаніе Магнуса, похороны принца Ивана Датскаго.—Школы.— Иныя средства къ просвѣщенію. — Религіозныя и школьныя книги.

Глава IV. Черты быта, нравовъ и взаимныхъ отношеній протестантовъ..... 239

Главныя иноземскія селенія и свойства ихъ жителей.—Подмосковныя селенія: Налейка, Болвановка, Нѣмецкая Слобода.— Допущеніе протестантовъ въ Москву и высылка ихъ отсюда.— Основаніе Ново - Иноземской или Ново - Нѣмецкой Слободы.— Важнѣйшія мѣста жительства вдали отъ Москвы: Нѣмецкая Слобода въ Архангельскѣ, Новинки въ Вологдѣ и др.—Составъ жителей.—Обезпеченность и гражданскія права иноземцевъ.— Подчиненіе ихъ приказамъ.—Судъ.—Нравственный уровень протестантовъ: отзывы о томъ иностранныхъ писателей; характеристическія особенности массы населенія. — Тяжбы между отдѣльными лицами.— Соперничество главныхъ торговыхъ націй: Англичане и Голландцы.—Взаимныя отношенія военнослужилыхъ иноземцевъ.— Дѣло генерала Николая Баумана.— Значеніе иноземческихъ группъ и легкость образованія ихъ.—Многосторонность взаимныхъ отношеній между протестантами.

Глава V. Сношеніе протестантовъ съ православно-русскимъ населеніемъ и обрусѣніе ихъ подъ условіемъ перекрещиванія..... 329

Опредѣленіе границъ сношеній между протестантами и Русскими. — Устраненіе протестантовъ отъ религіознаго общенія съ православными. — Запреты иновѣрцамъ нанимать русскую

прислугу и владѣть помѣстьями.—Характеръ отношенія протестантовъ къ Русскимъ.—Усвоеніе ими русскаго языка и обычаевъ.—Принятіе ими Православія подъ условіемъ перекрещиванія, какъ единственное средство для полнаго общенія и уравненія ихъ въ правахъ съ русскимъ населеніемъ. — Заботы о религіозномъ обученіи и матеріальномъ обезпеченіи обращающагося. — Перекрещиваніе. — Утвержденіе обычая перекрещивать духовнымъ соборомъ 1620 года. — Церковный чинъ крещенія протестантовъ.—Примѣры обращенія: «графъ Матіасъ Шликъ», полковникъ Александръ Лесли, и др.—Пособія обращенному во время и послѣ его крещенія и гражданскія права его. — Границы покровительства обращеннымъ. — Юридическая отмѣна постановленія собора 1620 года о перекрещиваніи.—Удержаніе въ практикѣ перекрещиванія и вспомоществованій. — Противодѣйствіе обрусѣнію со стороны протестантовъ. Анна Бернзли и дѣло Андрея Виніуса. — Отношеніе обратившихся въ Православіе къ прежнимъ единовѣрцамъ. — Сближеніе новообращенныхъ между собою.—Слободы перекрестовъ.—Ассимиляція обратившихся съ русскимъ населеніемъ.

Глава VI. Брачный вопросъ..... 406

Роль женитьбы въ жизни иноземца.—Недостатокъ въ невѣстахъ. — Браки лицъ протестантскаго вѣроисповѣданія между собою и католиками.—Вопросъ о бракосочетаніи протестантовъ съ православными.—Женитьба перекрещенцевъ на иноземкахъ, принявшихъ Православіе, и на природныхъ православно-русскихъ.—Иванъ Дорнъ, князь Левъ Шляковъ-Чешскій.—Попытки къ заключенію смѣшанныхъ браковъ въ царской семьѣ.—Бракъ Магнуса Датскаго съ Маріей Владимировной.—Сватовство Грознаго за Марію Гастингсъ. — Ксенія Борисовна Годунова и ея женихи. — Сватовство Михаила Ѳедоровича за шлезвигъ-голштинскую принцессу Доротею Августу. — Сватовство Михаила Ѳедоровича за Екатерину, маркграфиню бранденбургскую.—Дѣло Вальдемара Датскаго и Ирины Михайловны. — Отрицательное рѣшеніе вопроса о смѣшанныхъ бракахъ.

Глава VII. Протестантская пропаганда и борьба съ нею..... 512

Способъ и характеръ религіознаго воздѣйствія протестантовъ на окружающую среду.—Противоположность религіозныхъ воззрѣній между Русскими и иноземцами и неизбѣжность столкновенія, взаимной борьбы.—Свойства литературной полемики.—Полемическіе труды Максима Грека.—Первыя явныя попытки протестантовъ къ пропагандѣ. — Ознакомленіе царя Ивана Васильевича IV съ протестантскимъ вѣроученіемъ. — Грозный и пасторъ Иванъ Рокита. — Устойчивость взгляда Грознаго на протестантство и значеніе этого.—Бѣдствія отъ иноземцевъ въ

Смутную эпоху. — Систематическая лютеранская пропаганда въ сѣверозападныхъ русскихъ областяхъ, захваченныхъ Шведами.— Распространеніе протестантскихъ мнѣній въ предѣлахъ Московскаго государства. — Потребность въ новыхъ полемическихъ сочиненіяхъ; ихъ происхожденіе и составъ.—«О единой истинной Православной вѣрѣ», священника Василія Острожскаго.—«Объ образѣхъ и крестѣ». — «Изложеніе на лютеры». — Священникъ Иванъ Насѣдка, какъ вѣроятный составитель этого сборника.— Мысль о печатаніи противо-протестантскихъ сочиненій.—«Сборникъ, слова избранныя о чести святыхъ иконъ и поклоненіи».— «Кириллова книга о вѣрѣ».—Пренія въ дѣлѣ Вальдемара Датскаго.—«Книга о вѣрѣ».—Злоупотребленія лютеранскихъ помѣщиковъ въ русскихъ селеніяхъ. — Волненія въ областяхъ, пограничныхъ съ Швеціею. — Попытки пропаганды чрезъ живопись и школу.—Старанія саксонскаго герцога Эрнста Благочестиваго организовать у насъ лютеранскую пропаганду. — Иностранная литература о Русской церкви и жизни и ея тенденціи.— Безуспѣшность распространенія протестантства въ Московскомъ государствѣ и значеніе противодѣйствія ему.

Глава VIII. Законная сфера дѣятельности и вліянія протестантовъ въ русской средѣ..... 697-782

Отношеніе Русскихъ къ западноевропейской культурѣ.—Примѣненіе въ Московскомъ государствѣ иноземческаго труда и знанія въ развитіи военнаго дѣла, промышленности, торговли и международныхъ сношеній.—Улучшеніе условій частнаго быта и житейской обстановки; развитіе искусствъ и высшихъ ремеслъ при помощи иноземцевъ. — Вліяніе Нѣмцевъ на просвѣщеніе, нравы и обычаи.—Юрій Крижаничъ о роли Нѣмцевъ.— Взглядъ на нихъ въ разныхъ слояхъ русскаго общества.—Окончательное рѣшеніе вопроса о пригодности у насъ протестантовъ.

(Подробный указатель выйдетъ отдѣльно, общій съ указателемъ къ «Памятникамъ»).

Изъ западныхъ европейцевъ, жившихъ въ предѣлахъ Московскаго царства, перевѣсъ постоянно былъ на сторонѣ лицъ Германскаго племени, принадлежавшихъ къ протестантскому вѣроисповѣданію. И не одно сосѣдство Россіи съ Ливоніей и Швеціей, изъ которыхъ доставлялась сюда значительная доля иноземцевъ, способствовало такому явленію: русская граница прилегала и къ владѣніямъ католическаго польско-литовскаго короля, а ливонскіе и шведскіе плѣнные и выходцы, игравшіе у насъ видную роль въ начальной исторіи протестантскаго населенія, непосредственно уже за Смутною эпохой теряются по количеству и значенію въ массѣ протестантовъ, вновь прибывшихъ къ намъ изъ другихъ сѣверо-западныхъ протестантскихъ государствъ.

Условій преобладанія у насъ протестантовъ надъ католиками надо искать въ общихъ политико-экономическихъ и религіозныхъ интересахъ.

Многозначительныя перемѣны, совершавшіяся на Западѣ, въ періодъ реформаціи, въ сферахъ научной, церковно-религіозной и общественной, будили народныя силы и вызывали ихъ къ оживленной дѣятельности въ различныхъ новыхъ и разнообразныхъ направленіяхъ. Вмѣстителями новыхъ идей были по преимуществу люди Германскаго племени, которыми главнымъ образомъ и совершена реформація и съ которыми слилось протестантство, подобно тому какъ за народами Романскими осталось католичество. Наступившія кровавыя войны, внутреннія междоусобія, экономическое разстройство, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, примѣненіе разными правителями извѣстнаго пункта «чья земля, того и вѣра» и возбужденная предпріимчивость повлекли многихъ изъ нихъ искать средствъ и счастія внѣ родины. Сѣверозападная часть Европы находилась тогда въ броженіи, впослѣдствіи, въ эпоху Тридцатилѣтней борьбы, собственно по Германіи двигались цѣлыя толпы военныхъ людей, искавшихъ занятій и за выгодную плату готовыхъ служить, гдѣ и кому угодно. Когда разнесшійся по Западу слухъ о Московіи и ея богатствахъ становился все упорнѣе и затѣмъ когда чрезъ нарочитыхъ агентовъ нашего правительства получались тамъ приглашенія, обращенныя къ военнымъ, художникамъ, мастерамъ, врачамъ и т. п. лицамъ, объ опредѣленіи на русскую службу, то, естественно, протестанты, и по собственной

волѣ, и по приглашенію, двигались сюда въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ католики.

Первоначально они совершенно незамѣтно смѣшивались съ толпою прежнихъ западныхъ пришельцевъ католической вѣры и никѣмъ у насъ не были отличаемы отъ ихъ предшественниковъ. Христіане въ сознаніи замкнутыхъ Москвитянъ дѣлились тогда на «крестьянъ» (православныхъ) и «латинянъ», весь Западъ представлялся латинскою землей, всѣхъ, прибывшихъ оттуда, Москвичи обыкновенно безъ различія называли «латинами» и «иноземцами» [1]. Скоро однако была подмѣчена вѣроисповѣдная и національная отдѣльность между пришельцами: уже многіе современники Грознаго начали называть протестантовъ «люторами», «нѣмцами», католиковъ — «папежниками», «римлянами», «латинами». Различеніе сопровождалось существенными послѣдствіями.

Московскіе люди совсѣмъ не были слабымъ, неисторическимъ народомъ, обреченнымъ на страдательное отношеніе къ чуждымъ вліяніямъ. Уже въ началѣ своей исторической жизни Русь отличалась творческою, созидательною силой въ такой мѣрѣ, что могла усвоивать себѣ и переработывать посторонніе элементы и находиться въ тѣсномъ общеніи съ остальною Европою, не теряя своей оригинальности. Общеніе это нарушено было нашествіемъ азіатскихъ ордъ, и возобновить его поставила своею задачей Москва, лишь только отстранила татарскую власть и образовала изъ сѣверно-русскихъ земель самостоятельное государство, съ народными началами, нуждавшимися въ дальнѣйшемъ развитіи и укрѣпленіи. Независимой Византіи болѣе не существовало; за полученіемъ требовавшихся намъ нѣкоторыхъ практическихъ результатовъ, достигнутыхъ къ этому времени гражданскою образованностію въ чужихъ странахъ, оставалось обратиться прямо на иновѣрный Западъ, къ бывшимъ въ немъ культурно-политическимъ центрамъ. Но, чтобы не допустить при этомъ нагнетательнаго дѣйствія чужихъ народностей, подъ прикрытіемъ культуры обыкновенно преслѣдующихъ свои эгоистическія цѣли, необходима была зоркая осторожность въ допущеніи иноземцевъ и въ примѣненіи ихъ для удовлетворенія создававшимся вновь нуждамъ. Пока приходилось довольствоваться одними католиками; послѣ же реформаціи, подѣлившей западныхъ людей на два враждебные между собою лагеря, и послѣ того, какъ у насъ научились отличать протестантовъ

---

[1] Полн. Собр. Рус. Лѣтоп., IV, 293; Царственная книга, 9; Ant. Possevini, De rebus Moscoviticis. Antverpen, 1587, 100.

отъ католиковъ, практическій разсчетъ побуждалъ нашихъ склоняться въ пользу протестантовъ.

Въ нихъ усмотрѣна большая близость къ тому идеалу, который намѣтили у насъ относительно иностранца: иноземецъ долженъ удовлетворять практическимъ нуждамъ страны, не нанося ущерба ея существеннымъ основамъ и традиціямъ; почему въ интересахъ правительства было наблюдать, чтобы посторонніе люди не вредили русской вѣрѣ, русскимъ нравамъ и крѣпнувшему самодержавію. Охраненіе религіи отъ посторонннихъ посягательствъ было даже самымъ рѣшающимъ основаніемъ въ опредѣленіи положенія у насъ иноземцевъ. Католичество было ближе къ Православію, это сознавали въ Москвѣ, и въ догматическомъ отношеніи ставили его выше протестантства; за то съ католичествомъ у Москвы соединялись тяжелыя мысли и горькія историческія воспоминанія. Холодность и недовѣріе къ католикамъ были переданы Руси еще изъ Греціи, завѣщаны Ольгой и Владиміромъ и послѣдующія историческія обстоятельства, осложняемыя эгоистическими дѣйствіями папства, его страстью къ пропагандѣ и религіозно-политическому господству, должны были способствовать къ развитію непріязненныхъ чувствъ. Московскому правительству была непріятна воинствующая церковь за ея стремленіе мѣшаться во внутреннія дѣла государства, за стремленіе подчинить своему вліянію даже верховную свѣтскую власть; духовная іерархія предостерегала противъ католиковъ, какъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ интересахъ папства. Ко вреду послѣднихъ, одновременно съ успѣхами реформаціи усилилась и католическая пропаганда, пытавшаяся загладить убытки на Западѣ. Въ Римѣ созрѣвалъ планъ о широкомъ натискѣ на весь православный греко-славянскій міръ, съ цѣлію вовлеченія его въ католичество; изъ іезуитовъ одни скоро очутились уже въ Константинополѣ и искусно интриговали противъ патріарховъ; другіе орудовали въ Македоніи, третьи—въ Сиріи. Московскіе люди, въ свою очередь, представлялись на взглядъ иныхъ католиковъ такимъ выгоднымъ пріобрѣтеніемъ, которое бы не только «покрыло вѣчнымъ стыдомъ безумцевъ-лютеранъ», старавшихся унизить папскій престолъ, но и «втрое вознаградило потерю, понесенную римскою церковію въ Нѣмецкой землѣ и во Франціи» [1]. Непосредственнымъ и усерднымъ исполнительнымъ орудіемъ къ религіозно-политическому подчиненію Московскаго государства и вообще Русской народности римскому

---

[1] Письма Кампензе (Библіот. иностр. писателей о Россіи, т. I, стат. III, стр. 46—47) и Кобенцеля (Ж. М. Н. Пр., 1842, № XXXV, от. II, стр. 130).

престолу была сдѣлана Польша, вслѣдствіе чего Московское государство, не питавшее доселѣ особеннаго религіознаго антагонизма, становится открытымъ защитникомъ русской вѣры и народности противъ римскаго католичества и польщизны. Съ вопросомъ національнымъ, который и безъ того велъ къ борьбѣ съ Польшей изъ-за политическаго объединенія южной Руси съ Русью сѣверо-восточной, неразрывно соединился вопросъ религіозный, который въ народномъ сознаніи былъ господствующимъ, и тѣмъ надолго предрѣшалось крайне неблагопріятное положеніе у насъ какъ Поляковъ, такъ и вообще лицъ католическаго вѣроисповѣданія.

Не были безупречны и протестанты: и имъ не чуждо было стремленіе вмѣшиваться въ политическія дѣла государства, распространять свое вліяніе въ правительственныхъ сферахъ; и имъ не чужды были надежды, что Русскіе, получивъ просвѣщеніе, могутъ склониться къ протестантству, но все это, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, у нихъ носило значительно иной характеръ, чѣмъ у католиковъ. Собранные изъ различныхъ мѣстъ сѣверо-западной половины Европы и лишенные такого руководителя, какой имѣлся у католиковъ въ лицѣ папы и іезуитовъ, протестанты не могли вести систематической пропаганды ни въ сферѣ религіозной, ни въ сферѣ политической, и, въ силу особенностей своего вѣроученія, менѣе католиковъ должны были ревновать о вѣроисповѣдной пропагандѣ. Ихъ религіозная даль отъ насъ значительно сокращалась общностью вражды къ католикамъ, ихъ большею предпріимчивостью, практичностью и уживчивостью. Сосѣдняя съ нами Ливонія сама по себѣ не могла имѣть для насъ угрожающаго характера, Швеція, кромѣ того, непрочь была помогать намъ въ борьбѣ съ католической Польшей. Политическія, торговыя и культурныя сношенія и связи легче и тѣснѣе устраивались съ Европою сѣверо-западной, протестантской, нежели съ юго-западной, католической.

Сложиться болѣе выгодному положенію протестантовъ у насъ было, послѣ того, вполнѣ естественно, и выпадали даже такіе моменты что московское правительство призывало и принимало ихъ однихъ и запирало входъ католикамъ. Со всею настойчивостью проводилось это въ ближайшее время послѣ Смутной эпохи. Своему главному агенту за границей, полковнику Лесли, Михаилъ Ѳедоровичъ прямо наказывалъ не нанимать солдатъ, «которые папежскія вѣры». Голштинская торговая компанія подъ страхомъ смертной казни виновнымъ обязывалась не привозить и не держать у себя на домахъ «римскія вѣры поповъ и учителей и никакихъ латинскія вѣры людей». Предложенія съ королевской стороны, чтобы польскіе купцы свободно ѣздили для

торговли въ московскіе города, наши дипломаты усиленно старались отклонять, ссылаясь на то, что эти купцы, пріѣзжая въ Россію, «станутъ привозить съ собой учителей римской вѣры и приводить православныхъ людей въ свою вѣру», и что у этихъ купцовъ «не обойдется безъ ссоры и безъ брани съ живущими въ Россіи иноземцами лютеранскаго и кальвинскаго закона». При всей условности выполненія подобныхъ строгихъ требованій о недопущеніи «папежниковъ», католическая колонія снова начала принимать въ Москвѣ замѣтные размѣры уже въ періодъ присоединенія Малороссіи, когда Польша обнаружила явные признаки внутренней слабости и предстоявшаго впереди разложенія.

Явное предпочтеніе протестантовъ предъ католиками и численный ихъ перевѣсъ открывали имъ возможность къ благопріятному церковному и общественному устройству и къ многостороннему соприкосновенію и взаимодѣйствію съ православно-русскимъ народомъ. До личныхъ религіозныхъ убѣжденій иноземцевъ московской власти почти не было дѣла: весь вопросъ сводился къ тому, чтобы иновѣрцы «не плодили своего ученія», не соблазняли имъ Русскихъ. Признанные въ этомъ отношеніи надежнѣе католиковъ, протестанты въ свободѣ вѣроисповѣданія и общественнаго богослуженія пользовались полнымъ преимуществомъ. Какъ ни былъ намъ нуженъ папскій посолъ Антоній Поссевинъ, въ сношеніяхъ съ Баторіемъ, на всѣ свои домогательства о допущеніи въ Россію венеціанскихъ и другихъ католическихъ торговыхъ людей съ ихъ духовенствомъ и о замѣнѣ въ Москвѣ «магистровъ люторскихъ-нѣмецкихъ» священниками вѣры римской, которые будутъ нѣмецкіе же (какъ будто это одно и тоже!), онъ получилъ въ отвѣтъ: «Римлянамъ, Венеціанамъ и Цесаревой области торговымъ людямъ въ Московское государство пріѣзжать и торговать повольно и попамъ съ ними ихъ вѣры ѣздить воля безо всякаго возбраненія, только имъ ученія своего Русскимъ людямъ не плодить и костеловъ имъ въ государствѣ Московскомъ не ставить, каждый въ своей вѣрѣ да пребываетъ; и грамотою утверждать то не для чего: въ Московскомъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и великій государь ни у кого воли не отнимаетъ, живутъ, какъ кто хочетъ, но мольбищъ никакихъ по сіе время никакой вѣры не ставливали»; о лютеранахъ же было сказано папскому послу, что «въ Россійскомъ государствѣ всякихъ вѣръ люди многіе живутъ, и своимъ обыкновеніемъ, и къ Русскимъ людямъ не пристаютъ, а хотя бы кто и похотѣлъ пристати, и того тому чинить не попускаютъ».

Отвѣтъ и политика Грознаго послужили прототипомъ политики всѣхъ послѣдующихъ государей. За исключеніемъ эпохи самозванцевъ, когда вторгшіеся католики почти хозяйничали въ Русской землѣ и на мгновеніе ооттерли было протестантовъ, наше правительство, не стѣсняя ихъ въ вѣрѣ, никогда не дозволяло имѣть имъ ни костела, ни іезуитовъ; послѣ Междуцарствія не допускало въ Россію и ихъ священниковъ и тѣхъ изъ лицъ католическаго духовенства, которыя проникали тайкомъ, ссылало въ отдаленную Сибирь даже во второй половинѣ царствованія Алексѣя Михайловича [1]. Въ противоположность этому, пасторы и кирки, если и испытывали на себѣ превратность судьбы, за все разсматриваемое время имѣлись у протестантовъ почти непрерывно, и при томъ съ царствованія того же Грознаго, который такъ рѣшительно отказалъ въ храмѣ католикамъ.

У главной протестантской группы, Московской, приходскія церкви стояли въ ея подгородныхъ предмѣстьяхъ или во второстепенныхъ частяхъ столицы; въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII в. имѣлась кирка у Нижегородской лютеранской общины; въ третьей четверти XVII столѣтія правили службу особые реформатскіе пасторы на желѣзныхъ заводахъ близъ Тулы и устроила себѣ кирку реформатская община въ Архангельскѣ. Конечно, соотвѣтственно съ юридическимъ положеніемъ у насъ иновѣрія, строители кирокъ ни разу не получали заявленія правительства, что протестанты имѣютъ право на построеніе церквей; напротивъ, каждое правительственное разрѣшеніе на постройку кирки, сколько извѣстно, принимало видъ особой, временной и частной м и л о с т и, отнюдь не обязанной для правительства ни въ иныхъ мѣстахъ, ни въ другое время, ни для иныхъ лицъ, и наблюдалось, чтобы эти церкви служили для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ однихъ природныхъ протестантовъ и

---

[1] Римскій католицизмъ въ Россіи. Историческое изслѣдованіе графа Дмитрія А. Толстаго. Спб., 1876, I; наше изслѣдованіе «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ». М. 1886, кн. II, и наша вступительная лекція въ Моск. Университетѣ «Положеніе западнаго иновѣрія въ Московскомъ государствѣ». Авторъ «Римскаго католицизма въ Россіи» (I, 125) такъ объясняетъ положеніе католичества: «Русскіе государственные люди весьма разумѣли духъ римскаго католицизма и очень вѣрно провели черту между религіею и пропагандою, между духовными нуждами католиковъ и кастовыми притязаніями ихъ духовенства; римско-католики могли... и въ Россіи оставались католиками, никто не принуждалъ ихъ перемѣнять вѣры, но за то рѣшительно воспрещено католическимъ духовнымъ совращать православныхъ». Католическое духовенство, между тѣмъ, не держалось въ указанныхъ ему границахъ, постоянно переступало ихъ, и у насъ принуждены были совсѣмъ прекращать ему доступъ въ Россію.

ничѣмъ, ни своимъ видомъ, ни мѣстонахожденіемъ, не приносили бы соблазна или вреда религіозному чувству православныхъ. Съ этою цѣлію постройка церквей разрѣшалась протестантамъ, осѣвшимъ въ Россіи, жившимъ значительными группами и въ особенности лицамъ, стоявшимъ на государевой службѣ, какъ прочнѣе прикрѣплявшимся къ нашему государству и наиболѣе для насъ нужнымъ. Получали также разрѣшеніе «на домашнее вѣры своей пѣнье» въ торговыхъ дворахъ и заѣзжіе купцы; Англичане могли устроить себѣ «Компанейскую ропату» въ Вологдѣ и шведскій резидентъ основалъ на своемъ Московскомъ подворьѣ, такъ сказать, церковь Посольскую.

По юридическимъ изслѣдованіямъ [1], Россіи первой принадлежитъ честь наиболѣе удовлетворительнаго рѣшенія на практикѣ вопроса о правахъ иностранцевъ. Когда на Западѣ иноземецъ считался врагомъ (Feind), или, покрайней мѣрѣ, когда его личность и имущество составляли еще собственность новаго государства, и онъ не имѣлъ права завѣщанія (droit de naufrage, droit d'aubaine, Strandrecht, Wildfangsrecht), былъ лишенъ свободы личнаго вѣроисповѣданія и т. д., древняя Русь не знала ничего подобнаго; въ этомъ отношеніи не произошло коренныхъ измѣненій и въ Московскій періодъ. Въ Москвѣ знали, какой жгучій интересъ имѣлъ тогда вѣроисповѣдной вопросъ въ самой западноевропейской жизни, и видѣли попытки западныхъ людей перенести свои религіозные счеты на русскую почву: католики старались возстановить московское правительство противъ протестантовъ, протестанты то же дѣлали относительно католиковъ. До Москвы достигали вѣсти объ инквизиціи, ауто-дафе, Тридцатилѣтней войнѣ, могли слышать у насъ о Варѳоломеевой ночи и проч. Московскіе люди боролись съ тѣмъ, что въ сосѣднихъ съ ними Польшѣ, Ливоніи и Швеціи громадныя массы православнаго населенія насильственно вовлекались въ унію и лютеранство и множество православныхъ храмовъ и монастырей обращены въ костелы и кирки. Несмотря на то, неприкосновенность личнаго вѣроисповѣданія иноземцевъ всегда стояла у насъ прочно, чужія религіозныя формы оставлялись въ покоѣ и не допускалось

[1] Witte, Die Rechtsverhältnisse der Ausländer in Russland. Dorpat, 1847; В. Лешковъ, Взглядъ на состояніе правъ иностранцевъ по началамъ европейскаго народнаго права вообще и въ особенности по законамъ отечественнымъ, Юридическія Записки, издан. П. Рѣдкинымъ. 1842, II, 2—9; И. Е. Андреевскій, О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Іоанна III на престолъ великаго княжества Московскаго. Спб. 1854; Ф. Мартенсъ, Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Спб. 1882, I, 74—75; М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ, 1886, II, 67—70, и др.

насилія въ дѣлахъ вѣры. Такая вѣротерпимость выходила, разумѣется, не столько изъ теоретическихъ началъ, или изъ юридическихъ основаній свободы личности въ дѣлахъ вѣры: она обусловливалась свойственнымъ намъ гостепріимствомъ, снисходительностью къ иновѣрію Православія и ближе всего политико-экономическими и культурными потребностями государства, удовлетворявшимися при содѣйствіи полезныхъ иноземцевъ. Большею частію все шло отъ фактовъ, отдѣльныхъ случаевъ, и потому, если, побуждаемые государственно-политическими причинами, наши отдали предпочтеніе протестантамъ предъ католиками, то протестанты получили съ избыткомъ почти лишь то, что прежде имѣли у насъ католики и что нашли Москвитяне въ присоединенномъ Новгородѣ, гдѣ свободой общественнаго богослуженія пользовались заѣзжавшіе туда католическіе купцы. Москвитяне отдали это преимущественно протестантамъ, жившимъ у насъ постоянно и находившимся на службѣ, вѣротерпимость къ которымъ простиралась въ Москвѣ до того, что ихъ пасторы удостоивались иногда казенныхъ наградъ и содержанія.

Казенное жалованье получали пасторы, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда правилась ими прямая или косвенная служба государству. Непосредственное попеченіе о духовенствѣ, приходскихъ церквахъ и церковно-религіозныхъ нуждахъ лежало на самихъ прихожанахъ и членахъ церковныхъ общинъ. Успѣшность своей дѣятельности *общины отчасти обезпечивали* поддержаніемъ сношеній съ протестантскимъ Западомъ. Оттуда онѣ нерѣдко пользовались матеріальной помощью и разными совѣтами, еще чаще приглашали духовенство или посылали туда своихъ кандидатовъ за ординаціей, заручались тамъ ходатайствомъ правительствъ и владѣтельныхъ лицъ предъ правительствомъ московскимъ и т. п. Отношенія эти не могли превращаться въ подчиненіе. Патронатство выражалось въ добровольномъ и случайномъ покровительствѣ, носившемъ совершенно частный характеръ, безъ права рѣшенія и направленія дѣлъ общинъ. Независимые отъ западныхъ метрополій, общины не имѣли и внутри государства своего церковно-административнаго, объединяющаго ихъ центра, не были подчинены ни суперъ-интенденту, ни какой-либо консисторіи. Нѣкоторую устойчивость еще удерживали у нихъ церковные совѣты, состоявшіе изъ выборныхъ членовъ прихода, но общія собранія, или «генералъ-конвенты» рѣшительно не удавались. Каждая община устроивала дѣла по своему, и потому въ своей жизни и дѣятельности была подвержена колебаніямъ, смотря по количеству, положенію и характеру ея членовъ. Безпорядки постоянно нужда-

лись въ умпротвореніяхъ со стороны правительства, которое всего менѣе хотѣло бы знать внутренній церковно-административный и религіозный бытъ общинъ (I—III гл.).

Прямая забота правительства была объ устройствѣ и упорядоченіи гражданскаго быта иноземцевъ и о правильномъ выполненіи принятыхъ ими или возложенныхъ на нихъ гражданскихъ обязанностей. Установивъ на иноземца взглядъ, какъ на служебное орудіе для достиженія практическихъ цѣлей, московское правительство отдавало преимущество тѣмъ протестантамъ, дѣятельность которыхъ находило наиболѣе надобною и полезною у насъ. На этомъ основывались тѣ выгоды, которыя, въ концѣ концевъ, получили у насъ торговые Голландцы въ сравненіи съ Англичанами; важнѣйшіе купцы и промышленники, прикрѣплявшіеся къ Русской землѣ, приравнивались иногда къ гостинной сотнѣ; основатели заводовъ получали субсидіи, земли, волости (на опредѣленные сроки). Въ послѣднемъ случаѣ какъ бы пропадало различіе между неслужилыми и служилыми людьми. Собственно служилые люди были помѣстные и кормовые, подъ конецъ одни кормовые, содержавшіеся на одно жалованье. Лицами новоприѣзжими и торговыми вѣдалъ Посольскій приказъ, служилыми—Иноземскій, затѣмъ—другіе приказы, соотвѣтственно съ занятіями и службой иноземцевъ. Послѣдніе постоянно чувствовали, что для нихъ обязательны у насъ одни русскіе законы и установленія. Принципъ экстерриторіальности, примѣнявшійся въ Великомъ Новгородѣ, не былъ принятъ централизующею домовитою московскою властію.

Но направленіе дѣйствій иноземцевъ въ чисто русскихъ интересахъ приносило нашему правительству не мало хлопотъ, потому что это были люди исключительно личныхъ разсчетовъ и практическихъ домогательствъ, въ достиженіи которыхъ лишь весьма немногіе изъ нихъ могли опираться на свои несомнѣнныя достоинства: знающіе люди были надобны и дома, и западныя правительства слишкомъ ревновали о томъ, чтобы къ намъ не проникали дѣйствительно полезныя личности. Каждый хлопоталъ о своихъ выгодахъ, всякій непомѣрно гнался за наживой или почестью и нимало не стѣснялся подставлять другому ногу, буде этотъ не принадлежалъ къ его кружку. «Германцы и другіе иноземцы въ Россіи, писалъ (1673 г.) одинъ изъ нихъ среды [1], «сильно вредятъ одинъ

[1] Lavrent Rinhuber, Relation du voyage en Russie fait en 1684. Berlin, 1883, 28.

другому, хотя царь любитъ ихъ одинаково; много бѣдъ наживаютъ они себѣ ябедой, обвиненіями и преслѣдованіями». Замѣчательно, что самый религіозный антагонизмъ, столь сильный на Западѣ, здѣсь ослаблялся до того, что подчасъ терялась религіозная между ними обособленность. Розни, споры, натянутость во взаимныхъ отношеніяхъ протестантовъ вызывались интересами почти исключительно матеріальными, личными, къ которымъ примѣшивались религіозные и политическіе, какъ благовидный предлогъ, и совсѣмъ не видимъ споровъ изъ-за вопросовъ ученыхъ, научныхъ. Противодѣйствовавшій успѣхамъ у насъ Голландцевъ, Джонъ Мерикъ жаловался, напримѣръ, нашему правительству, что Голландецъ Масса уничижительно отзывается объ англійскомъ королѣ Іаковѣ I; Голландцы, въ свою очередь, искусно эксплоатировали англійскую революцію и убійство короля Карла. Яблокомъ раздора между Англичанами и Голландцами, какъ представителями двухъ главныхъ у насъ иностранныхъ торговыхъ націй, были торговыя выгоды. Въ служиломъ классѣ борьбу вызывало полученіе прибыльныхъ мѣстъ и почета, почему она всего упорнѣе велась между иноземцами прежними и новоприѣзжими, изъ которыхъ послѣдніе, какъ сравнительно болѣе знающіе, часто перехватывали то, что первые считали своимъ достояніемъ. Какая буря разыгралась около одного новоприѣзжаго и счастливаго по службѣ Баумана! Но тотъ же Бауманъ сильнѣе всего разобидѣлся на Фадемрехта, что этотъ, будучи купеческимъ пасторомъ, смѣлъ оскорбить его, генерала. Офицеры не хотѣли сидѣть въ Московской киркѣ ниже купчихъ, купчихи не желали уступать своихъ мѣстъ офицершамъ, и, не утерпѣвши, разъ, тутъ же, въ церкви, передрались; въ дракѣ, конечно, приняли участіе мужчины. Въ подобныхъ случаяхъ мотивомъ раздоровъ служило уже тщеславіе. Личный и партійный характеръ борьбы и домогательствъ, приносившій ущербъ тѣмъ иноземцамъ, которые не успѣвали предупреждать опасность, легко превращался въ стремленіе къ прямому эксплоатированію, если дѣло касалось мѣстнаго, русскаго элемента, гдѣ иноземцы легко сходились до объединенія своихъ интересовъ (IV гл.).

Свойства протестантовъ, какъ равно свойства русскаго населенія и въ особенности взглядъ на иновѣріе и значеніе Православія въ жизни народной вели къ тому, что иноземцы, хотя и пользовались свободой въ своемъ внутреннемъ бытѣ, отъ Русскихъ должны были, по требованію нашей власти, держаться изолированнѣе, ограничиваясь по возможности одними дѣловыми и мірскими сношеніями, и

то по мѣрѣ надобности. Для нихъ закрывалась вся религіозно-церковная область и что находилось съ нею въ непосредственной связи, и многое изъ такого, что просто нуждалось въ охраненіи отъ чуждой эксплоатаціи. Протестанты не могли или, точнѣе, не должны были заводить съ Русскими бесѣды о вѣрѣ, ни касаться священныхъ предметовъ, ни посѣщать православныхъ храмовъ; религіозные соблазны и эксплоатированіе со стороны иновѣрцевъ побуждали правительство запрещать иноземцамъ нанимать къ себѣ русскую прислугу и прекратить награжденіе служилыхъ иноземцевъ помѣстьями; не разъ пресѣкались попытки иноземцевъ замѣшаться между Русскими. На такія попытки и на примѣненіе по внѣшности къ русскимъ обычаямъ у насъ смотрѣли неодобрительно: въ такомъ видѣ иноземцамъ удобнѣе было эксплоатировать Русскихъ. Этимъ обусловливалось то, что иноземцевъ заставляли носить платье своего національнаго покроя и отводили имъ мѣста жительства во второстепенныхъ мѣстностяхъ городовъ или совсѣмъ за городской чертой, въ особыхъ иноземческихъ селеніяхъ, какъ это дѣлалось относительно Евреевъ во многихъ городахъ Западной Европы. Цѣльность склада русской жизни, одухотворяемой вѣроисповѣданіемъ, побуждала многихъ протестантовъ принимать Православное исповѣданіе, что совершалось непремѣнно чрезъ перекрещиваніе, послѣ чего не только уничтожались для новообращеннаго преграды, но оказывалась ему матеріальная и моральная помощь, вытекавшая изъ нравственной обязанности облегчить переходъ обращающемуся, дать ему возможность легче устроиться въ новой средѣ, такъ какъ онъ обыкновенно долженъ былъ порывать связи съ прежними единовѣрцами и ожидать отъ нихъ не содѣйствія, а скорѣе непріятностей и притѣсненій. Подъ одной Москвой изъ обращенныхъ составилось двѣ слободы, Басманная, по сосѣдству съ Нѣмецкой, и Панская, на другой сторонѣ столицы. Послѣ крещенія неминуемо слѣдовалъ процессъ обрусѣнія иноземца, ассимиляціи съ русской средой, какъ бы въ противовѣсъ совсѣмъ уже некультурной стихіи, входившей въ нашъ служилый классъ въ лицѣ принимавшихъ крещеніе Татаръ (V гл.).

Теперь иноземецъ дѣлался полноправнымъ членомъ государства. Онъ могъ двигаться по служебной лѣстницѣ, выбирать мѣсто жительства и вступать даже въ кровное родство съ Русскими, какъ природные Русскіе его разряда. По недостатку въ иноземной средѣ невѣстъ, тѣмъ болѣе «приличныхъ», брачныя узы служили весьма важнымъ побужденіемъ къ перекрещиванію и обрусѣнію, потому

что бракъ иноземца съ лицомъ нашей народности допускался лишь по принятіи иновѣрнымъ лицомъ Православія. Въ виду этого требованія, вопросъ о бракахъ подъ условіемъ предварительнаго крещенія иновѣрной особы, когда дѣло касалось членовъ царскаго рода, возвышался до первостепенной государственной важности. Строгость вѣроисповѣднаго принципа, забота объ обезпеченіи духовнаго единства и правильности выполненія взаимныхъ обязанностей и отношеній между всѣми членами великой русской семьи привели къ отрицательному рѣшенію вопроса о смѣшанныхъ бракахъ (VI гл.).

Православное исповѣданіе, это знамя и опора народности, ставилось предъ иновѣріемъ на такую высоту, чтобы посторонніе не только не могли вредить ему, но не смѣли и касаться его. Иновѣріе по сравненію съ нимъ было сближено съ невѣріемъ и, въ смыслѣ государственно-юридическомъ, было только допускаемо, почти лишь терпимо; религіозная свобода, предоставляемая протестантамъ, насколько было надобно для ихъ дѣйствительныхъ религіозныхъ нуждъ, никогда и никѣмъ не смѣшивалась съ прозелитизмомъ, съ пропагандою между Русскими. Со всею полнотою взглядъ на протестантство и на границы ему высказанъ былъ полемистами, произведенія которыхъ поэтому не были вообще простымъ словопреніемъ, но наиболѣе отчетливымъ выраженіемъ борьбы съ встрѣчными вѣроисповѣдными и отчасти національными особенностями и принципами. Попытки религіозной пропаганды протестантовъ, подъ прикрытіемъ какихъ бы культурныхъ средствъ ни предпринимались, не оправдывали надеждъ иниціаторовъ: протестантскія вѣроисповѣдныя и моральныя тенденціи нашими были отстраняемы. Дѣйствуя подъ охраной и руководствомъ Церкви и своего національнаго Правительства, Московскіе люди умѣли брать у протестантовъ новозможности одни элементы космополитическаго характера, культурно-образовательные, эстетическіе и т. п. (VII гл.).

Служить удовлетворенію нарождавшихся гражданскихъ культурныхъ и разныхъ практическихъ потребностей и было у насъ прямымъ назначеніемъ протестантовъ. Ихъ дѣятельность постепенно примѣнялась здѣсь въ разнообразныхъ сферахъ жизни, нуждавшихся въ техническомъ и научномъ умѣньи и знаніи, именно въ дѣлѣ военномъ, промышленномъ, торговомъ, политическомъ, въ охраненіи здоровья, въ улучшеніи житейской обстановки, развитіи искусствъ, ремеслъ и т. д. Вниманіе наблюдателя невольно привлекаетъ къ себѣ политика Московскихъ людей, чтобы всѣ отрасли, гдѣ примѣ-

нялся иноземецъ, оставались въ русскихъ рукахъ, или по крайней мѣрѣ подъ русскимъ контролемъ и наблюденіемъ, и чтобы мало-помалу подготовлялись умѣлыя лица изъ природныхъ Русскихъ. Многочисленныя препятствія къ достиженію такой цѣли, заключавшіяся въ недостаткѣ знающихъ и добросовѣстныхъ иноземцевъ, въ стараніяхъ ихъ скрывать отъ Русскихъ секреты своего умѣнья, такъ и въ условіяхъ жизни самого Русскаго народа, не были въ силахъ лишить русское общество соотвѣтственнаго роста. Укрѣпляясь въ своихъ народныхъ началахъ, оно, одновременно съ тѣмъ, мало-помалу настолько освоилось и съ элементами западноевропейской культуры, что оказалось подготовленнымъ къ гражданскимъ реформамъ, которыя бы съ пользой для Россіи ввели ее съ самостоятельною ролью въ кругъ европейской системы.

Реформа, съ довольно опредѣленными свойствами, стучалась въ двери еще въ концѣ жизни Алексѣя Михаиловича, послѣ котораго, по признанію осторожнѣйшихъ изслѣдователей русской исторической жизни [1], наступаетъ уже, такъ называемая, эпоха Преобразованій. Его дѣти и образовавшіяся около нихъ двѣ придворныя партіи, правда какъ будто подѣлили между собою политическія и культурныя роли. Милославскіе были увлечены югозападнымъ теченіемъ, начавшимся у насъ по присоединеніи Малороссіи и съ появленіемъ южнорусскаго литературно-образованнаго духовенства; Нарышкины и ихъ партія, выведенныя «отцомъ и другомъ Нѣмцевъ», А. С. Матвѣевымъ, могла удобнѣе тянуть къ Европѣ сѣверозападной, германо-протестантской. Но и независимо отъ того, что побѣда осталась за Петромъ, традиціи, созданныя Московскою Русью, предрѣшали, въ какомъ направленіи должна была совершиться гражданская реформа и кѣмъ изъ иноземцевъ и какимъ способомъ воспользуются у насъ при ея проведеніи (VIII гл.).

И во внутреннеи, и во внѣшнеи жизни протестантства и протестантовъ, особенно въ сферѣ ихъ отношеній къ природнымъ Русскимъ и нашему вѣроисповѣданію, въ занимающее насъ время было вообще поднято и вызываемо практикой множество вопросовъ, и тѣмъ былъ предупрежденъ періодъ Преобразованій, на долю котораго выпадало не столько создавать новое, сколько разширять и юридически рѣшать то, что было уже прежде. Въ этомъ смыслѣ предыдущій періодъ подготовилъ второй; не узнавши и не выяснивъ

---

[1] С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XIII.

факты древняго періода, нельзя понять событій въ періодъ государственныхъ реформъ. За первымъ періодомъ остается честь основной установки крайне сложнаго и труднаго вопроса, соотвѣтственно съ дѣйствительными нуждами иноземцевъ и существенными потребностями русской государственной и народной жизни.

ГЛАВА I.

ВНѢШНЯЯ ИСТОРІЯ ПРОТЕСТАНТСКИХЪ ОБЩИНЪ, СЪ ИХЪ ПРИХОДСКИМИ ЦЕРКВАМИ И ДУХОВЕНСТВОМЪ.

Появленіе иноземцевъ въ Московскомъ государствѣ и ихъ бытъ. — Вытѣсненіе католиковъ и замѣна ихъ протестантами; непосредственное содѣйствіе этому Англо-русской торговой компаніи и Шведско-Ливонской войны.—Главные пункты поселенія протестантовъ.—Плѣнные пасторы и ихъ дѣятельность.—Возникновеніе въ Москвѣ Лютеранской общины, съ первою при ней лютеранской церковью, и ихъ дальнѣйшая судьба.—Выдѣленіе части прихожанъ въ особую общину, Новую, и существованіе послѣдней. — Реформатская община. — Перенесеніе приходскихъ кирокъ за черту города, въ Ново-Иноземскую Слободу.—Безуспѣшность ходатайства голландскаго посла Бореля за Реформатскую церковь.—Устройство церковныхъ дѣлъ въ Слободѣ Новою лютеранскою или Офицерскою общиной.—Сношенія ея членовъ съ западными единовѣрцами по дѣламъ ихъ церкви, и вызванное тѣмъ ходатайство саксонскихъ государей за вѣроисповѣдное положеніе жившихъ въ Россіи лютеранъ. — Распаденіе Офицерской общины на двѣ.— Окончательное число протестантскихъ общинъ и церквей въ Слободѣ.—Московскія кладбища.— Свобода богослуженія внѣ Москвы.— Нижегородская лютеранская община.— Вопросъ о лютеранской общинѣ въ Астрахани. — Реформатскія общины на Тульскихъ желѣзныхъ заводахъ и въ Архангельскѣ.—Сохраненіе религіозныхъ правъ въ завоевываемыхъ областяхъ.

Съ политическимъ и матеріальнымъ ростомъ Москвы, воплотившей въ себѣ идею внутренняго объединенія и внѣшней независимости Россіи, въ ней возникаютъ одна за другой потребности, неудовлетворяемыя одними домашними средствами и побуждавшія къ различнымъ перемѣнамъ и усовершенствованіямъ. Сосѣди не хотѣли еще признать за ней ни политической самостоятельности, ни прочно очерченныхъ границъ: Татары постоянно нападали на нее съ юга и востока, Польша спорила за Литовскую Русь, Ливонія и Швеція непріязненно запирали доступъ къ Балтикѣ. При такомъ тревожномъ положеніи, Московскому государству необходимо было соотвѣтственное развитіе прежде всего, военнаго дѣла. Поднятіе власти и

значенія московскаго князя, вмѣстѣ съ накопленіемъ дворцовыхъ богатствъ, отражалось, въ свою очередь, на постройкахъ и украшеніяхъ двора; увеличивавшіеся государственные расходы заставляли изыскивать новые источники доходовъ, заботиться о развитіи торговли, о добываніи руды и т. п. Не трудно было узнать, откуда можно позаимствовать надобныхъ людей, искусства и мастерства. Сравнительно бо́льшая тяжесть веденія войны на западной границѣ, чѣмъ на юго-восточной, указывала, гдѣ стоитъ лучше ратное дѣло; молва доносила, что тамъ же, на Западѣ, живутъ и искусные мастера. Приглашенный, послѣ брака в. кн. Ивана III на Софьѣ Палеологъ, итальянскій мастеръ Фіоравенти Аристотель выстроилъ каменный Успенскій соборъ, лилъ колокола, пушки, чеканилъ монету и т. д.; его работа произвела впечатлѣніе благопріятное, и еще усерднѣе стали хлопотать о привлеченіи гораздыхъ людей. Юрію Траханіотову и Ивану Халепѣ, нашимъ посламъ (1489 г.) къ австрійскому двору, наказывалось «добывать для великаго князя мастеровъ: рудника, знающаго золотую и серебряную руду, и другаго, который умѣетъ отдѣлить отъ земли золото и серебро; добывши, выпросить ихъ и взять съ собой еще иныхъ мастеровъ, годныхъ къ тому дѣлу; добывать также мастера хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, и серебрянаго мастера, хитраго, который бы умѣлъ большіе суды дѣлать, и кубки, и чеканить бы умѣлъ, и писать на судѣхъ» [1]. Въ слѣдующемъ же году нашими послами къ папѣ привезены были въ Москву изъ Италіи, Венеціи и другихъ странъ зодчіе, серебряники, пушечники, органный игрецъ и лѣкарь [2]. По количеству вскорѣ начали превышать художниковъ итальянскихъ мастера нѣмецкіе. Подобно Фіоравенти, выполнявшему самые разнообразные заказы, художники и мастера принимали участіе въ сооруженіи замѣчательныхъ дворцовыхъ и общественныхъ каменныхъ зданій, воздвигнутыхъ при Иванѣ III и его сынѣ и внукѣ, производили образцы литейнаго, ювелирнаго и другихъ искусствъ и дѣлъ, иные искали руду и проч. Ихъ дѣло разширялося тѣмъ, что нѣкоторыя частныя лица, въ

[1] Памятники дипломатич. сношеній Россіи съ держ. иностранными, I, 19.

[2] Продолж. Нестор. лѣтописи, 317; Временникъ, XVI, смѣсь, 21—22.

подражаніе великому князю, стали строить каменные дома и вводить иныя улучшенія; выстроены были каменныя палаты митрополита.

Лѣкарь, привезенный, вмѣстѣ съ мастерами, посольствомъ 1490 года, не былъ первымъ придворнымъ врачемъ. Умирающаго Василія III лѣчило, затѣмъ, два иноземныхъ врача, Николай Люевъ и Нѣмецъ Феофилъ [1]. При Василіѣ же былъ организованъ постоянный пѣхотный полкъ, тысячи въ полторы человѣкъ. Набранный изъ Литовцевъ и всякаго другаго пришлаго народа, онъ отличался отъ бывшихъ дотолѣ пѣшихъ отрядовъ. Иноземцамъ былъ порученъ «нарядъ» (артиллерія) [2]. Контарини отмѣтилъ, что около времени его пребыванія (1476—1477 г.) въ Москвѣ наѣзжало сюда много купцовъ изъ Германіи и Польши [3]. О нихъ Герберштейнъ [4] записалъ: «не всякому купцу можно пріѣзжать въ Московію, исключая Литовцевъ, Поляковъ и подвластныхъ имъ; Шведамъ, Ливонцамъ и Германцамъ изъ приморскихъ городовъ позволено производить торговлю и закупать товары только въ Новгородѣ; когда же отправляются въ Москву посланники и полномочные послы, тогда всѣ купцы, откуда бы они ни были, если только они приняты подъ ихъ защиту и покровительство, могутъ свободно и безпошлинно ѣхать въ Москву; это и вошло у нихъ въ обычай». Самостоятельно купцы пріѣзжали чаще всего по зимамъ, когда сообщеніе было удобнѣе, и раскладывали свои товары на Гостинномъ дворѣ [5].

---

[1] Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи, I, 223—229, 267—276.

[2] Правда, Кампензе писалъ (ок. 1523 г.) о Василіѣ III, что «онъ никогда не употребляетъ воиновъ чужеземныхъ, а набираетъ рать свою изъ собственныхъ подданныхъ» (Библ. иностр. писателей о Россіи, I, отд. 3, стр. 32); но Герберштейнъ, болѣе его наблюдательный и два раза (въ 1517 и 1526 гг.) посѣтившій Россію, увѣряетъ: «въ нашу бытность онъ (Василій III) имѣлъ около 1500 человѣкъ пѣхоты изъ Литовцевъ и другихъ иностранцевъ, стекшихся изъ разныхъ мѣстъ... Нынѣ князь имѣетъ пушечныхъ литейщиковъ изъ Нѣмцевъ и Итальянцевъ» и проч. (Записки о Московіи бар. Герберштейна, у Старчевскаго въ Historiae Rutenicae Scriptores exteri, I, и перев. Анонимова, Спб., 1866, 78, 140). См. С. М. Соловьева, Исторія Россіи, изд. 4, т. V, стр. 393—394.

[3] Библіот. иностр. писат. о Россіи, I, отд. 2, стр. 111.

[4] Записки о Московіи, 89—90.

[5] Библ. ин. писат. I, 111; Н. И. Костомаровъ, Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1862, 4.

Положеніе иноземцевъ, состоявшихъ на службѣ, было какъ наймитовъ, торговыхъ—какъ гостей. Первые жили на жалованьи. Богатство казны заключалось не столько въ деньгахъ, сколько въ количествѣ земли, почему служилымъ людямъ обыкновенно, въ качествѣ платы, раздавались земельные участки, помѣстья; естественно, что получили помѣстья и нѣкоторые почетные иноземцы. Такъ, нѣкто Нѣмчинъ Иванъ, съ своею женою Натальей, владѣлъ сельцомъ Воргушею, лежавшемъ близъ монастыря, построеннаго Даніиломъ Переяславскимъ; по разсказу житія этого святаго [1], иностранная чета, боясь, чтобы Даніилъ не овладѣлъ ея землями, безпрерывно нападала на подвижника. Обезпеченность открывала иноземцамъ возможность даже располагать значительными свободными суммами. Нѣмецкіе мастера, жившіе въ Москвѣ, ссудили (1494 г.) ревельскому послу сумму, чтобы избавить его отъ предъявленнаго ему московскими Греками иска, до 360 золотыхъ, за убытки, причиненные имъ въ Ревелѣ, когда они ѣздили въ качествѣ русскихъ пословъ въ Ганзу [2]; это указываетъ также на значительность нѣмецкой колоніи еще въ концѣ XV вѣка и на то, что ея члены старались держаться сплоченнѣе и поддерживать своихъ. Увеличеніе иноземцевъ въ нашей столицѣ повело къ тому, что ихъ выселили за Москву-рѣку. «Недалеко отъ города, говоритъ Герберштейнъ, показываются домики и зарѣчныя слободы, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ кн. Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей новый городъ (novam civitatem) Нали (что значитъ по-русски «налей»), потому что только имъ однимъ дана отъ князя воля пить, тогда какъ другимъ Русскимъ запрещено пить медъ и пиво, исключая немногихъ дней въ году; по этой причинѣ они удалены отъ сообщества съ остальными, чтобы прочіе не соблазнялись, живя вмѣстѣ съ ними». Туда же были поселяемы и всякіе другіе иноземцы [3]. Названіе ихъ мѣстожительства

[1] Рукопись Моск. Синодал. Библіотеки, № 926, л. 48—49.

[2] Hildebrand, въ Baltische Monatschrift, Neue Folge, B. II, Heft 3 — 4, S. 115—136; Д. И. Иловайскій, Исторія Россіи. М., 1884, II, 501.

[3] Записки о Московіи, въ главѣ о хорографіи; Al. Guagnini, Sarmatiae Europeae et Asiaticae descriptio. Spirae, 1581, 79; Ad. Olearius, Offt begehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise. Schlesswig, 1647 г., 116, 1656 г.,

и ближайшая причина выдѣленія отъ Русскихъ ясно характеризуетъ, что это былъ въ большинствѣ за народъ и какъ смотрѣли на него Москвитяне, которые, съ своей стороны, только-что испытавъ всѣ невыгоды иноземнаго ига и вліянія, естественно, относились съ крайнимъ опасеніемъ и недовѣріемъ ко всѣмъ иноземцамъ и ревниво оберегали отъ нихъ свое добро. Собравшимся въ Москвѣ иноземнымъ людямъ поневолѣ пришлось жить въ отдѣльности, въ сторонѣ отъ мѣстнаго населенія.

Отчужденіе это не должно было препятствовать передачѣ иноземцами своего практическаго умѣнья тѣмъ Русскимъ, которые работали вмѣстѣ съ ними или подъ ихъ руководствомъ. Вызванные и явившіеся изъ Италіи и другихъ странъ мастера не только выполняли заказы, но и помогали развитію разнаго рода художественныхъ и ремесленныхъ издѣлій. Замѣчательно, что самыя постройки, произведенныя иноземными мастерами, должны были удовлетворять своеобразнымъ вкусамъ нашихъ предковъ. Предъ тѣмъ, какъ приступить къ стройкѣ Московскаго Успенскаго собора, Фіоравенти, конечно, по волѣ великаго князя, съѣздилъ во Владиміръ и осмотрѣлъ тамъ Успенскій соборъ [1], очевидно, какъ образецъ для плана новаго собора; Грановитая палата, выстроенная другими итальянскими художниками, напоминала собою Новгородскую Ефимьеву, и т. д.

Одного главнымъ образомъ не смѣли передавать иноземцы — своихъ религіозныхъ убѣжденій, и ни подъ какимъ предлогомъ не могли привлекать Русскихъ въ свое вѣроисповѣданіе. Вполнѣ извѣстны безуспѣшность попытокъ ввести у насъ Флорентійскую унію,

---

149—150; рус. пер. Пав. Барсова, Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, въ Чт. Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос., 1868 — 1870, и отдѣл. М., 1870, 112 — 113. Иноземное селеніе называлось, по Гваннни, Nelęvvki, по Олеарію, Naleiki. Мѣсто его Олеаріи указываетъ въ южной части Москвы, за р. Москвой; точнѣе можно опредѣлить мѣстность по существующей въ настоящее время церкви Спасъ Преображенія, что въ Наливкахъ; послѣднее, конечно, указываетъ, что селеніе называлось у насъ и Наливками. — Ср. изслѣдов. проф. Е. Е. Замысловскаго, Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Спб. 1884, 457.

[1] Лѣтописецъ русской отъ приш. Рюрика до кончины ц. Ивана Васильевича. Изд. И. Л. Спб. 1792, III, 43.

тщетность хлопотъ папскаго легата, пріѣхавшаго съ Софьей Палеологъ, и строгія изобличенія Максимомъ Грекомъ придворнаго доктора, который началъ было распространять свои мнѣнія. За неимѣніемъ въ Москвѣ своего духовенства и своей церкви, нѣкоторые католики, повидимому, легко обращались въ Православіе и ассимировались съ Русскими.

Между тѣмъ какъ въ такой формѣ ставилось дѣло въ Москвѣ, въ 1514 году 70 ганзейскихъ городовъ возвратили себѣ прежнее право на торговлю и церковь въ разоренномъ Новгородѣ.

Ранѣе, въ періодъ своего процвѣтанія, Новгородъ служилъ главнымъ пунктомъ сѣверо-восточной торговли ганзейскихъ городовъ Иноземцы имѣли здѣсь свой большой, обнесенный деревяннымъ заборомъ, Нѣмецкій дворъ, который, какъ бы юридическое лицо, постоянно пользовался свободною торговлею, правомъ владѣнія недвижимымъ имуществомъ внутри и даже внѣ его и т. под. На дворѣ стояла церковь во имя св. Петра и тѣснились жилыя постройки и амбары. Какъ наиболѣе обширное и безопасное отъ огня зданіе, католическая церковь, помимо религіозныхъ цѣлей, служила главнымъ складомъ. Подъ ней находился подвалъ, гдѣ хранились дорогіе товары; много ихъ, за тѣснотой, лежало въ самомъ храмѣ и висѣло по его стѣнамъ и въ немъ же хранились торговые вѣсы. Наканунѣ праздниковъ средину церкви разчищали для имѣющаго быть богослуженія; послѣ службы купцы составляли въ ней общее собраніе (gemeine Steven), на которомъ разбирались и рѣшались общія дѣла конторы. За нарушеніе благочинія во время службы и за отсутствіе на собраніи взимался штрафъ. Въ силу значенія храма для торговли, онъ составлялъ предметъ особой заботливости купцовъ. Сторожить его обязаны были всѣ жившіе въ Новгородѣ иноземцы, поочередно; о наступающей очереди нарочно напоминалось за обѣдомъ. Спали въ немъ хозяинъ съ прикащикомъ другаго купца; но ни близкіе родственники, ни компаніоны, торгующіе на общій капиталъ, ни одни слуги не могли спать въ немъ одновременно. Провожавшіе стражниковъ дожидались, пока церковныя двери не запирались внутри, и, заперевъ ихъ снаружи, отдавали ключъ начальнику двора, ольдерману. Кто забылъ бы потушить огонь, закрыть окна на ночь, оставилъ бы церковь не

запертою, или вынесъ ключъ со двора или хотя бы и на дворѣ, но держалъ бы его снаружи, такъ что могъ бы замѣтить его Русскій, такихъ виновныхъ полагалось подвергать денежному штрафу. Товары приказывалось вносить бережно, чтобы не повредить двери или петлей, и размѣщать ихъ возможно экономнѣе, чтобы хватило мѣста всѣмъ: къ стѣнѣ для своихъ товаровъ могъ каждый протянуть только одну веревку; возлѣ алтаря ставили вино, но осторожно, чтобы не залить алтаря. Когда, при отъѣздѣ очередныхъ купцовъ, оставалось на дворѣ менѣе шести хозяевъ и десяти прикащиковъ, церковь запирали до прибытія слѣдующей купеческой компаніи. Священникъ къ ней пріѣзжалъ вмѣстѣ съ очередной компаніей; во времена двойнаго владычества конторой Любека и Висби, онъ выбирался на годъ, попеременно отъ того и другаго города. По малограмотности купцовъ онъ исправлялъ должность секретаря.

Въ Новгородѣ иноземцы не были постояннымъ населеніемъ: каждогодно, раза два, обыкновенно на зиму или на лѣто, одни замѣнялись другими, изъ разныхъ городовъ и не въ одинаковомъ числѣ. Всѣ прибывшіе жили на своемъ Нѣмецкомъ дворѣ, и только немногіе изъ нихъ останавливались внѣ его, въ зданіяхъ, также принадлежавшихъ иноземцамъ. Это было какъ бы особое государство внутри другаго, почти ничѣмъ не связанное съ мѣстнымъ населеніемъ, кромѣ торговли. По правиламъ, начертаннымъ Ганзой, съ своего двора иноземцы обязаны были выходить для торговли не менѣе, какъ вдвоемъ. Строго запрещалось задерживать Русскаго на ночь, или водить его въ подклѣть, гдѣ продавалось вино, пиво и медъ, или пускать въ церковь: сторожъ, допустившій Русскаго даже только на первую ступень церкви, долженъ, по требованію устава, платить штрафъ въ 10 марокъ серебра. Нельзя было также торговать съ Русскими въ кредитъ, вступать съ ними въ компанію, брать товаръ на коммиссію, или для доставки его въ какой-нибудь нѣмецкій городъ. Для переговоровъ они держали у себя переводчиковъ, которыхъ подготовляли себѣ, отдавая мальчиковъ въ русскія семьи, съ цѣлію обученія языку; но взрослымъ, достигшимъ 20-тилѣтняго возраста, запрещалось учиться, чтобы не допускать сношеній мимо конторы; не дозволялось посвящать Русскихъ въ техническія знанія, чтобъ тѣмъ легче держать

Новгородъ въ торговой отъ себя зависимости. Возможность болѣе тѣснаго сближенія съ Русскими предупреждалась и тѣмъ, что никто не имѣлъ права оставаться долѣе двухъ компаній, т. е. года.

Такой эгоизмъ Нѣмцевъ, допускавшихъ сближеніе по мѣрѣ, опредѣляемой ихъ корыстными видами, и частые обманы и обсчитыванія, удававшіеся пришлымъ купцамъ благодаря ихъ карпоративному устройству, вызывали въ Новгородцахъ раздраженіе, вспышки котораго иногда грозили цѣлости Нѣмецкаго двора, и тогда Ганзейцевъ могла ограждать одна помощь высшихъ властей, владыки, посадскаго и тысяцкаго, бывшихъ всегда за внѣшній порядокъ. Для разбора судебныхъ тяжебъ Нѣмцевъ съ Русскими составлялся судъ смѣшанный, близъ церкви св. Ивана на Опокахъ: со стороны Русскихъ тысяцкій съ купеческими старостами, со стороны Нѣмцевъ ольдерманы. Во внутреннихъ дѣлахъ факторія подлежала вѣдѣнію своихъ ольдермановъ, ратмановъ и другихъ властей; главный ольдерманъ имѣлъ право даже казнить смертію. Власти эти, въ свою очередь, всецѣло были подчинены Ганзѣ, не скупившейся на самую строгую регламентацію.

Съ подчиненіемъ Новгорода Москвѣ дѣла Ганзейцевъ измѣнились. Главною причиною продолжавшейся строптивости Новгородцевъ считая достатки, добываемые ими отъ внѣшней торговли, московскіе централизаторы недружелюбно отнеслись къ новгородскимъ иноземцамъ, особенно послѣ того, какъ съ основаніемъ Иванъ-города, они пожелали тверже встать на морѣ и войти въ болѣе непосредственныя сношенія съ Западомъ. Подъ предлогомъ оскорбленій, нанесенныхъ въ Ревелѣ нашимъ купцамъ и посламъ, Иванъ III велѣлъ (1494 г.) этихъ заѣзжихъ гостей бросить въ тюрьму, дворъ и божницу отнять, товары отправить въ Москву; по просьбѣ своего зятя, Александра Литовскаго, ганзейскихъ городовъ и ливонскаго магистра, онъ, впрочемъ, освободилъ заключенныхъ. Торговля и храмъ не могли воскреснуть въ прежнемъ видѣ и послѣ того, какъ Василій III возстановилъ было права Ганзы. «Церковь, писали (14 марта 1521 года) жившіе въ Новгородѣ нѣмецкіе купцы, плохо крыта и во многихъ мѣстахъ протекаетъ; стѣны и своды расходятся и все стоитъ на подпорахъ; касса св. Петра пуста. При этомъ они подвергаются такимъ насиліямъ, что

жалость писать объ этомъ. Русскіе ежедневно докучаютъ торговому двору своими посѣщеніями, истязаютъ прикащика и такъ колотятъ собакъ, что они падаютъ на землю, какъ мертвые. Если все это не измѣнится, то поселеніе не можетъ долѣе существовать». Наши явно стремились устроить свою торговлю въ самой Лифляндіи, стеченіе торговаго народа въ Иванъ-городѣ усиливалось, и значеніе двора падало. При своемъ посѣщеніи (1570 г.) Новгорода, Нienштедтъ, рижскій бургомистръ, увидѣлъ здѣсь лишь развалины божницы и небольшой деревянный домикъ съ подваломъ, куда нѣмецкіе купцы складывали еще нѣкоторые свои товары. Разрушеніе латинскаго храма было благочестивымъ сознаніемъ нашихъ предковъ приписано потомъ особенному чудесному дѣйствію—въ наказаніе за то, что онъ мѣшалъ православной церкви св. Іоанна Предтечи и что на внѣшней сторонѣ его были, съ цѣлію совращенія Русскихъ, написаны образа Спасителя и нѣкоторыхъ Святыхъ. Большой пожаръ уничтожилъ (1560 г.) около той поры другой ганзейскій дворъ, стоявшій во Псковѣ и находившійся въ нѣкоторомъ подчиненіи у Новгородскаго [1].

Независимо отъ перемѣны въ политическомъ состояніи Новгорода, на судьбу нѣмецкихъ дворовъ, костела и ганзейско-новгородской торговли оказали свое ближайшее вліяніе учрежденіе Англо-русской торговой компаніи и наступившія у насъ войны съ Швеціей, Ливонскимъ орденомъ и Польшей: завязавшаяся тогда двинско-англій-

[1] Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, 164—165; VIII, 228—229; Повесть Новгородская о Немецкой ропате въ Великомъ Новѣгородѣ въ рук. Имп. Публич. Библіот., изъ собранія Погодина № 1570, л. 190—193; Слово на Латиновъ и лютеровъ, изд. проф. А. С. Лебедевымъ, Чт. Им. М. О. И. и Д. Рос. 1884, III, 28—30; Arndt's, Liefländische Chronik, 158; Riesenkampff, Der Deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schliessung durch Iwan Wassiljewitsch III. im Jahre 1494. Dorpat, 1854; Н. Аристовъ, Промышленность древней Руси. Спб. 1866, 248—251 и др.; А. И. Никитскій, Очерки изъ жизни В. Новгорода. II. Святой великій Иванъ на Опокахъ. (Журн. М. Н. Пр. 1870, Августъ, 216—219) и Отношенія новогородскаго владыки къ нѣмецкому купечеству по новымъ даннымъ (ibid. 1883, Іюль); Гильдебрандъ, Отчеты о розысканіяхъ, произведенныхъ въ Рижскомъ и Ревельскомъ архивахъ, Прилож. къ XXIX т. Зап. Им. Ак. Н., 1877, № 3; М. Н. Бережковъ, Торговля Руси съ Ганзой. Спб. 1879, гл. IV—VII.

ская торговля не замедлила подорвать ганзейско-новгородскую, и явившіеся въ большомъ числѣ протестанты быстро оттѣснили и замѣнили католиковъ. Изъ новыхъ пришельцевъ образовалось въ Московскомъ государствѣ особое и своеобразное иноземное населеніе, въ составѣ, положеніи, бытѣ, дѣятельности и вліяніи котораго мы постепенно увидимъ не мало такого, что̀ принадлежало прежней, католической группѣ, и еще болѣе свойствъ, которыхъ тамъ не было замѣтно; практика, уставившаяся въ Москвѣ и Новгородѣ относительно католиковъ, примѣнялась, въ видоизмѣнной, соотвѣтственно съ новыми условіями, формѣ, и относительно протестантовъ.

Затрудненія и ущербы во внѣшней торговлѣ отъ конкурренціи Испанцевъ и Португальцевъ побудили Англичанъ, ихъ соперниковъ по всемірной торговлѣ, поискать себѣ новыхъ торговыхъ путей и рынковъ [1]. Предпріимчивые Англичане снарядили (1553 г.) подъ начальствомъ Юга Виллогби и Ричарда Ченслера экспедицію на востокъ, чтобы найти прямой путь въ Китай и Остъ-Индію. Экспедиція достигла всего сѣверныхъ предѣловъ Московскаго государства. Два корабля замерзли у Лапландскихъ береговъ, въ Нокуевской губѣ; отбитый отъ нихъ бурей, третій «Эдуардъ Бонавентура», на которомъ плылъ Ченслеръ съ 47 человѣкъ экипажа, послѣ блужданій, присталъ (24 августа) къ устью Двины, близъ монастыря св. Николая. Съ нѣкоторыми изъ своихъ спутниковъ, Ченслеръ, принявъ характеръ англійскаго посланника,

---

[1] Hakluyt's, Collection of the early Voyages, Travels and Discoveries, of the English Nation. London, 1809, русск. переводъ, съ сокращеніями, С. Середо, нина, Извѣстія Англичанъ о Россіи XVI вѣка, въ Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1884, IV; Dr. I. Hamel, Tradescant der Aeltere 1618 in Russland. St.-Petersburg u. Leipzig, 1847, переводъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, подъ заглавіемъ: «Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ», въ приложен. къ VIII и XV т. Записокъ Имп. Акад. Наукъ; среди дополненій особенно важно 2-е приложеніе ко второй статьѣ, о привилегіи Грознаго, данной Компаніи чрезъ Ченслера; гр. Юрій В. Толстой, England and Russia. Россія и Англія 1553—1593. Спб. 1875 (введеніе къ этому сборнику документовъ первоначально помѣщено было въ Вѣсти. Евр. 1875, VII); Костомаровъ, Очеркъ торговли Московскаго госуд., 13 и слѣд.

отправился по Двинѣ въ Холмогоры. Городское начальство увѣдомило о томъ государя, и Ченслеръ былъ отпущенъ въ Москву.

Пріѣздъ Англичанъ въ Россію случился въ самую свѣтлую эпоху царствованія Грознаго. Незадолго предъ тѣмъ была покорена тревожная Казань, теперь можно было предвидѣть подчиненіе Астрахани и надѣяться на усмиреніе Крыма. Счастливо справляясь съ налегавшимъ дотолѣ Востокомъ, Грозный, окруженный своими «стратилатами», внимательнѣе оглянулся на Западъ и долженъ былъ съ особенною болью сознавать и видѣть, какъ боязливые и завистливые западные сосѣди старались мѣшать непосредственнымъ сношеніямъ Московскаго государства съ Западными. Нѣмецкимъ купцамъ трудно было провести къ намъ такіе товары, которые могли бы служить ко вреду Польши и Ливоніи; напротивъ, этихъ купцовъ часто употребляли въ качествѣ лазутчиковъ и чрезъ нихъ знали, что дѣлалось или замышлялось въ Москвѣ. Еще труднѣе, чѣмъ купцамъ, было пробираться къ намъ такимъ людямъ, которые своими знаніями и дѣятельностію служили бы къ увеличенію нашего могущества. Прибытіе Ченслера открывало новый путь для непосредственныхъ сношеній, и этимъ объясняется, почему Иванъ Васильевичъ такъ ласково принялъ англійскихъ гостей и съ готовностію обѣщалъ (въ февр. 1554 г.) имъ и ихъ соотечественникамъ свободную у насъ торговлю. Въ Лондонѣ, когда узнали о томъ, немедленно составилось изъ купцовъ и нѣкоторыхъ дворянъ общество, выхлопотавшее (6 февраля 1555 года) у своего правительства исключительную привилегію на торговлю въ Россіи и открытіе неизвѣстныхъ странъ на Сѣверѣ. Оно не разъ перемѣняло свое названіе и чрезъ нѣсколько лѣтъ именовалось «Компаніей для торговли съ Россіей, Персіей и сѣверными странами», въ сокращенномъ видѣ называли его «Англо-Русскою» или просто «Русскою компаніей». Своими правилами относительно внутренней дисциплины оно напоминало ганзейскія: подчиненіе агенту служащихъ въ обществѣ настолько было полное, что они безъ его позволенія не смѣли выходить изъ своего дома; агенты имѣли безусловное право наказывать ослушныхъ и нерадивыхъ. Компанія должна была противодѣйствовать совмѣстничеству въ торговлѣ въ Россіи всѣхъ иностранцевъ и даже самыхъ Англичанъ, не принадлежащихъ къ обществу. Подчи-

ненная одному своему правительству, отъ коего зависѣли ея существованіе и права, Компанія, свободная отъ конкуренціи, должна была вводить въ Россіи торговое и политическое преобладаніе Англіи.

Задачи общества не были извѣстны Русскимъ. Ченслеръ, вторично прибывъ (1555 г.) въ Россію, чтобы хлопотать о торговыхъ правахъ Компаніи, говорилъ объ однихъ взаимныхъ торговыхъ выгодахъ. Его приняли опять предупредительно. На царскомъ въ честь его обѣдѣ присутствовалъ составитель Четьи-минеи, митрополитъ Макарій. Домогательствамъ компаніи способствовали окольничій А. Адашевъ и дьякъ Ив. Мих. Висковатый. У Висковатаго собирались на дому для разсужденія объ этомъ дѣлѣ; въ собраніяхъ участвовали и русскіе купцы. Было признано надобнымъ основать факторіи въ Холмогорахъ, Вологдѣ и Москвѣ. Для жительства въ Москвѣ царь подарилъ имъ, такъ называемый, Юшковъ домъ у торговыхъ рядовъ, на Варваркѣ, въ Китай-городѣ, близъ церкви св. Максима и дома Никиты Романовича Юрьева-Захарьина [1]. За этотъ домъ Англичане не обязывались платить никакихъ податей; въ немъ разрѣшалось держать мѣры и вѣсы, съ царскимъ клеймомъ; управлять имъ могъ, по усмотрѣнію, Англичанинъ, либо другой иностранецъ, либо Русскій, только проживать въ немъ изъ Русскихъ можно было не болѣе, какъ одному человѣку. Купцамъ давалось право купить себѣ домъ въ Вологдѣ и Холмогорахъ, строить склады для своихъ товаровъ, гдѣ найдутъ удобную пристань для своихъ судовъ, и держать тамъ управляющаго изъ какой угодно націи, но также не болѣе одного Русскаго. По всему пути отъ Холмогоръ къ Москвѣ они могли про-

---

[1] Производя названіе «Юшковъ дворъ» отъ уменьшительнаго имени Юрія «Юшко», академикъ Гамель (St.-Petersb. Zeitung, 1857, № 43; Англичане въ Россіи, II, 255) полагалъ, что этотъ домъ принадлежалъ прежде Греку Юрію Траханіотову, который прибылъ въ Москву изъ Рима съ отцомъ и дядей въ свитѣ Софьи Палеологъ; описатели Москвы (Москва. Издан. Мартынова, текстъ составленъ Снегиревымъ при сотрудничествѣ издателя. М. 1875, I, 124) возражали, ссылаясь на то, что, по родословію дворянъ, Юшковы выѣхали изъ большой Орды.—У самихъ иноземцевъ, какъ увидимъ впослѣдствіи (гл. II, стр. 159) сохранилось преданіе, что этотъ домъ до отдачи Англичанамъ принадлежалъ московскому гостю, по прозванію Юшкову.

давать и мѣнять всѣ товары, оптомъ и въ розницу, какъ туземцамъ, такъ и иностранцамъ, безъ задержки и осмотра таможенными чиновниками и безъ таможенныхъ пошлинъ. Члены Компаніи имѣли право свободно въѣзжать и выѣзжать изъ Россіи, объявляя объ отъѣздѣ царскому казначею. Взаимные споры гостей между собою разбирались агентомъ, наказаніе виновныхъ производилось при участіи русскихъ властей. Еслибы лица другихъ странъ стали соперничать съ гостями въ торговлѣ и наносить имъ убытки, казначею вмѣнялось въ обязанность разсудить дѣло. При разбирательствѣ нанесенія обидъ со стороны лицъ постороннихъ, съ гостями будутъ обходиться такъ же справедливо, какъ съ лицами другихъ націй; то, чего нельзя разрѣшить судомъ, будетъ разрѣшаемо присягой.

На возвратномъ пути въ Англію Ченслеръ погибъ отъ бури; ѣхавшій съ нимъ посолъ, вологодскій воевода Осипъ Непѣя случайно спасся и былъ встрѣченъ довольно дружелюбно. Члены Компаніи приняли на свой счетъ всѣ его путевыя издержки, но онъ скоро разгадалъ ихъ цѣли. Къ своимъ московскимъ агентамъ писали они: «Теперь мы находимъ посланника уже не столь доступнымъ убѣжденію, какъ надѣялись прежде. Онъ очень недовѣрчивъ и думаетъ, что каждый хочетъ обмануть его. Потому, мы должны внимательно обдумать, какъ намъ поступать съ нимъ или съ кѣмъ-либо другимъ подобнымъ и дѣлать торговыя условія чисто, записывая ихъ на бумагу». Въ Англіи правили тогда Филиппъ и Марія, покровители католиковъ, и потому въ ихъ грамотѣ (28 апр. 1557 г.) [1] къ Іоанну, врученной Непѣѣ, послѣ увѣреній въ важности открытаго пути для взаимной дружбы государей и торговли между ихъ подданными, говорилось отъ имени короля и королевы: «и мы имѣемъ надежду, что какъ Богъ, по безпредѣльной Своей благости и милости, открылъ въ наши времена этотъ морской путь, прежде неизвѣстный, такъ и на будущее время Онъ сохранитъ сей путь и окажетъ ему благопоспѣшеніе во славу и честь Свою, для распространенія христіанской католической вѣры

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Англійскія грамоты, № 1. Гр. Ю. Толстой, Россія и Англія, № 4.

и для общей пользы и обоюднаго блага подданныхъ государствъ и обѣихъ сторонъ». Изъ Англіи Непѣя вывезъ съ собою доктора, аптекаря и нѣсколько разныхъ ремесленниковъ; сопровождалъ его англійскій посолъ Антоній Дженкинсонъ, заступившій мѣсто Ченслера. У Компаніи держалась еще мысль объ открытіи новыхъ путей на востокъ, и Дженкинсону государь дозволилъ поискать такихъ путей за Волгою. Послѣ смѣлыхъ туда поѣздокъ этого «Антона Янкина», жалованной грамотой 22 сентября 1567 года Компаніи предоставлялась свободная торговля и учрежденіе складовъ въ Великомъ Новгородѣ, Псковѣ, Нарвѣ, Дерптѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Казани, Астрахани, безпошлинный провозъ товаровъ въ Шемаху, Бухару, Самаркандъ; монополія въ гаваняхъ Ледовитаго и Бѣлаго морей; укрѣплены за Компаніей ея дома въ Москвѣ, Вологдѣ и Холмогорахъ; въ домахъ, бывшихъ внѣ Москвы, могло жить изъ Русскихъ не по одному, а по два или по три человѣка. Какъ бы въ вознагражденіе за колебанія не въ ея пользу, связанныя съ событіями въ Нарвѣ и неудачнымъ ходомъ начатаго Грознымъ дѣла о союзѣ и убѣжищѣ, Компанія, чрезъ посла Рандольфа, пріобрѣла (1569 года) себѣ еще новыя привилегіи: она могла вести чрезъ Россію торговлю съ Персіей, захватывать иноземные корабли, которые стали бы пріѣзжать къ Бѣлому морю, переплавлять монету въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ, искать желѣзную руду на Вычегдѣ; въ Нарвѣ запрещался торгъ двугимъ Англичанамъ, помимо членовъ Компаніи, дома ея изъ-подъ вѣдѣнія опальной Земщины переводились въ вѣдѣніе Опричины, за ея членами оффиціально признана свобода домашняго богослуженія.

Эти льготы получены были уже въ продолжительное королевствованіе Елизаветы, — энергичной покровительницы протестантства. Естественно, что среди попавшихъ въ Россію и жившихъ въ ней членовъ Англійской торговой компаніи ничего не было слышно о католикахъ: повидимому, всѣмъ заправляли протестанты. Вмѣстѣ съ агентами пріѣзжали прикасчики, мастера, слуги. Вопреки домогательствамъ Компаніи не допускать къ намъ другихъ торговыхъ Англичанъ, кромѣ своихъ членовъ, заводили у насъ торговлю и Англичане, не принадлежавшіе къ ней. Разсыпавшись по различнымъ торгово-промышленнымъ пунктамъ государства, тѣ и другіе со-

средоточились въ Москвѣ и Холмогорахъ, потомъ (со второй половины 1580 годовъ) и въ Архангельскѣ, заступившемъ мѣсто Холмогоръ; Вологда и Ярославль служили имъ главными перепутьями.

Вслѣдъ за Англичанами шли Голландцы. Они испытали всѣ неудобства торговли чрезъ Нарву и Новгородъ и пріобрѣли права торговать чрезъ сѣверныя гавани. Протестанты являлись къ намъ и въ посольствахъ изъ Швеціи, Даніи, Польши, иногда въ сопровожденіи духовныхъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя вступали съ Грознымъ и нашими богословами въ религіозныя бесѣды. Таково было, напримѣръ, посольство изъ Польши, съ членомъ котораго, пасторомъ Иваномъ Рокитой, Грозный велъ весьма интересную полемику, и еще ранѣе того шведское посольство въ лицѣ миссіонера Миссенгейма [1]. Если не считать иноземныхъ купцовъ, торговавшихъ въ Новгородской области, всѣ эти лица были однако слишкомъ кратковременные гости, чтобы отъ нихъ могъ произойти рѣшительный поворотъ въ пользу протестантства, да и у Московскаго государства на первомъ планѣ стояли не торговые интересы и изъ иноземцевъ не торговые люди. Численность самой людной изъ нихъ группы, англійской, сократилась, такъ какъ исключительныя привилегіи, неоправдавшія ожиданія государя, были Грознымъ отняты у Компаніи вскорѣ послѣ договора съ Рандольфомъ, и миссія Бауса, который привезъ въ своей свитѣ пастора и успѣлъ было воротить царскую милость къ своимъ соотечественникамъ, была застигнута смертію Ивана Васильевича. Старанія о привлеченіи купцовъ изъ государствъ сѣверозападной Европы не мѣшали Грозному заключать торговые трактаты и съ государствами Европы югозападной, католической; чрезъ Поссевина онъ объявилъ свободу итальянскимъ, венеціанскимъ и австрійскимъ купцамъ пріѣзжать даже съ «попами ихъ вѣры».

На приливъ протестантовъ и полученіе ими осѣдлости и вѣроисповѣдной свободы, съ рѣшительнымъ преимуществомъ надъ католиками, оказали свое вліяніе не столько завязывавшіяся торговыя и

[1] Объ этихъ посольствахъ подробно будетъ сказано ниже, въ VII гл.

политическія сношенія, сколько одновременно съ тѣмъ веденныя войны съ Швеціей и Ливонскимъ орденомъ [1], залегавшими намъ путь къ общенію съ Западной Европой чрезъ Финско-Балтійское побережье. По тогдашнимъ понятіямъ, господствовавшимъ и въ остальной Европѣ, война была «промысломъ», и военная «добыча», служившая наградою счастливо дѣйствовавшему войску, входила въ планы полководцевъ и государей [2]. По вторженіи въ предѣлы Швеціи наши войска опустошали окрестности Выборга, захватывая имущество и плѣнныхъ. Плѣнниковъ накопилось такое количество, что мужчина продавался по гривнѣ, дѣвка по пяти алтынъ. Продажу плѣнныхъ на сторону, изъ которыхъ многіе покупались было Ливоніей и Поль*шей, Грозный поспѣшилъ воспретить.* На нихъ онъ посмотрѣлъ, какъ на контингентъ, изъ котораго можно набрать тѣхъ «знатцевъ», достать которыхъ онъ первоначально надѣялся путемъ приглашеній и найма, и въ чемъ такъ упорно воспрепятствовали ему западные сосѣди.

Уже одна исторія съ его агентомъ Шлиттомъ [3] должна была научить его многому. Шлиттъ, католикъ по вѣроисповѣданію, дѣйствовалъ въ интересахъ католичества, увѣряя австрійскаго императора Карла V, къ которому послалъ его Іоаннъ, будто государь намѣренъ соединить Русскую церковь съ латинскою; съ соизволенія Карла, набранные имъ 123 человѣка состояли не изъ однихъ мастеровъ, художниковъ, типографовъ, лѣкарей, людей свѣдущихъ въ древнихъ

---

[1] Соловьевъ, VI, гл. III, V и VI; Костомаровъ, Ливонская война, въ Историч. Монограф., III; К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія. Спб. 1885, II, гл. IX, отд. VI—VII.

[2] П. О. Бобровскій, Переходъ Россіи къ регулярной арміи. Спб., 1885, 111—113 (сочиненіе вошло, безъ перепечатокъ, во 2 ч. «Воен. права въ Россіи». Спб. 1886).

[3] Scriptor. rer. Livonicarum, II, 213; A. Turgenev, Historica Russiae Monumenta, I, CXXX; Büsching, Magazin für d. neue Histor. u. Georg., VII, 299; Adelung, Kritisch-Literärische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700. St.-Petersb. u. Leipzig, 1846, I, № 43 (русск. перев. въ Чт. Имп. М. О. И. и Др. Рос. и отд.); Н. М. Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, изд. Эйнерлинга, VIII, 70—71, и примѣч. 205—208; Richter, Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen, I, 319.

и новыхъ языкахъ, но въ числѣ ихъ были и четыре богослова. Когда онъ прибылъ съ ними въ Любекъ, чтобы оттуда отплыть въ Нарву, правители города, по наущенію ливонскихъ Нѣмцевъ, подъ предлогомъ одного стараго долга, посадили его въ тюрьму и отняли у него данные ему Карломъ документы; въ оправданіе ихъ гросмейстеръ представлялъ императору опасность, если Русскіе ознакомятся съ плодами западной культуры; вскорѣ затѣмъ Ливонскій орденъ заручился отъ императора декретомъ о недопущеніи въ Москву надобныхъ людей. Собранные Шлиттомъ разсѣялись; могли попасть къ намъ немногіе, одинъ изъ смѣльчаковъ за свою попытку пробраться въ Россію поплатился въ Ливоніи жизнью. Изъ заключенія Шлиттъ бѣжалъ въ Данію, откуда написалъ (5 марта 1555 г.) государю о своемъ положеніи и просилъ новыхъ средствъ и инструкцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надежды, возбужденныя Англо-русскою торговою компаніей, не могли еще получить осязательныхъ результатовъ, и Грозный самъ легко могъ гадать, какъ недружелюбно посмотрятъ въ Ливоніи и Польшѣ на эту торговлю. Сигизмундъ, подъ угрозой смертной казни воспрещавшій пріѣзжать къ Нарвѣ западнымъ купцамъ, дѣйствительно, писалъ потомъ Елизаветѣ: [1] «Дозволить плаваніе въ Московію воспрещаютъ намъ важнѣйшія причины, не только наши частныя, но всего христіанскаго міра и религіи. Отъ общенія непріятель просвѣщается и, что еще важнѣе, снабжается оружіемъ, до тѣхъ поръ въ этой варварской странѣ невиданнымъ; всего же важнѣе, какъ мы полагаемъ, снабжается самыми художниками, такъ что если впредь ничего не будутъ привозить ему, то художники въ самой той варварской странѣ надѣлаютъ ему всего, что нужно для войны и что доселѣ ему было неизвѣстно... Онъ снабжается свѣдѣніями о всѣхъ нашихъ даже сокровеннѣйшихъ намѣреніяхъ, чтобы потомъ воспользоваться ими, чего не дай Богъ, на погибель всѣмъ нашимъ... До сихъ поръ мы являлись побѣдителями его потому только, что онъ дикарь въ искусствахъ и невѣжда въ политикѣ». Сами Англичане отпускали знающихъ людей крайне неохотно и весьма въ ограниченномъ количествѣ.

---

[1] Англич. въ Рос., I, 83—84, ср. Англ. и Рос., № 9.

«Московскому дикарю» по необходимости требовалось взять надобныхъ ему лицъ съ бою. Лишь только узналъ о печальномъ исходѣ миссіи Шлитта, Грозный велѣлъ (24 февраля 1556 г.) объявить [1] въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, чтобы дѣти боярскія и всякіе люди нѣмецкаго полону въ Нѣмцы и въ Литву не продавали, а продавали бы въ Московскіе города, ослушникамъ грозилъ тюрьмой; изъ доносителей боярскимъ дѣтямъ обѣщалъ свое жалованье, простымъ людямъ доправить по 50 рублей съ тѣхъ, на кого они доведутъ; тѣхъ плѣнниковъ, которые умѣютъ искать руду, дѣлать золотое, серебряное, оловянное и другое дѣло, приказывалъ приводить въ Москву и записывать на него, государя, обѣщая доставившимъ такихъ лицъ пожаловать своимъ великимъ государевымъ жалованьемъ. По мирному договору съ Швеціей, Шведы получили право выкупать своихъ плѣнныхъ, шведскіе купцы пріѣзжать для торговли въ Новгородъ, Москву, Казань и Астрахань. Купцы пріѣзжали, но изъ плѣнныхъ многіе выкуплены не были. Когда же наши войска, изъ природныхъ Русскихъ и Татаръ, разсѣялись (1558 г.) по Ливоніи, то, какъ пѣлось въ одной характерной пѣсни,

Der Feind war noch über fünftehn Meilen,
Da floh der Ritter mit grossem Eilen,
Liess Alles offen hinter sich stehen [2].

Однако не каждому рыцарю, охваченному страхомъ, удавалось спасаться бѣгствомъ. Войска, за все время своихъ счастливыхъ дѣйствій, точно вычерпывали нѣмецкій элементъ въ Ливоніи. Полонъ отводился внутрь Россіи громадными партіями, иногда по тысячамъ; переводили по преимуществу молодыхъ, красивыхъ и знатнѣйшихъ. Какъ ни много погибало ихъ отъ холода, голода и другихъ причинъ, плѣнныхъ можно было видѣть не по однимъ городамъ, въ Москвѣ, Владимірѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Псковѣ, Великомъ Новгородѣ, Угличѣ и др., но и въ глухихъ мѣстностяхъ; большія толпы ихъ справлялись и въ только-что покоренныя области Казанскихъ и Астраханскихъ Татаръ. Такъ какъ значительная часть плѣнныхъ обращалась

---

[1] Доп. къ Акт. Историч., I, № 102.

[2] Otto von Rutenberg, Geschichte der Ostseeprowinzen, II, 454.

въ крѣпостные, то такихъ помѣщали, конечно, въ русскихъ домахъ; другихъ, оставшихся свободными, селили и отдѣльно, подобно тому, какъ прежде католиковъ. Главныя массы ихъ селили въ подмосковныхъ предмѣстьяхъ, частію, какъ кажется, въ Налейкѣ или Наливкахъ, другихъ, несомнѣнно, на Болвановкѣ и всего больше на правомъ берегу Яузы, близъ ея устья, гдѣ вскорѣ находимъ цѣлое иноземное селеніе, «Нѣмецкую Слободу» [1].

Чтобы лучше устроить свой бытъ, многіе принимали Православіе; иные поступали на русскую службу; самые замѣтные изъ нихъ, Юрій Фаренсбахъ счастливо водилъ наши войска противъ Татаръ, Элертъ Крузе и Иванъ Таубе помогали Ивану Васильевичу въ составленіи и проведеніи плановъ, какъ легче покорить Ливонію [2].

При взятіи Феллина былъ плѣненъ (1560 г.) старый магистръ Ордена Вильгельмъ Фюрстенбергъ [3]. Съ нимъ Іоаннъ обошелся милостиво. На прокормленіе ему было дано въ Костромской области мѣстечко Любимъ, въ которомъ магистръ и прожилъ спокойно до своей смерти, имѣя при себѣ собственныхъ людей и троихъ лютеранскихъ пасторовъ.

Плѣнные пасторы были и правили богослуженіе не при одномъ Фюрстенбергѣ. Еще нѣсколько ранѣе плѣненія магистра, именно по взятіи княземъ Петр. Ив. Шуйскимъ Дерпта, были переведены (зимой 1559 г.), въ числѣ другихъ дерптскихъ гражданъ, католическій епископъ Германъ и лютеранскій пасторъ при киркѣ св. Іоанна Тиманъ Бракель. Это первый пасторъ въ Россіи, извѣстный по имени. Онъ оставилъ сочиненіе Christlich Gesprech von der grawsamen Zerstörung in Lifland, durch den Muscowiter vom 58. Jahr her geschehenn (1579 г.), въ которомъ въ рифмованной формѣ изображенныя имъ бѣдствія, постигшія Ливонію, объяснялъ карой Божіей за нравствен-

---

[1] Объ этихъ нѣмецкихъ селеніяхъ будетъ сказано въ IV гл.

[2] О нихъ у Theod. Schiemann'a, Charakterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte. Zweite Titelausgabe, Hamb. u. Milan, 1885; научныя требованія сочиненія, къ сожалѣнію, сильно страдаютъ отъ крайней тенденціозности, направленной противъ Россіи.

[3] Сборн. мат. и стат. по исторіи Прибалтійскаго края, II, 392 — 395, IV, 31; Mittheil. aus der Livl. Gesch., II, 544; Карамзинъ, IX, прим. 166.

ную распущенность ея жителей. Посвящено оно одному изъ люнебургскихъ покровителей Бракеля, и въ посвященіи авторъ разсказываетъ о собственныхъ приключеніяхъ въ московскомъ плѣну.

Называя себя пророкомъ, который долженъ проповѣдывать покаяніе, возвѣщать волю Божію и испытать на себѣ всю тяжесть кары, онъ говоритъ: «Въ 1559 году, по ложному доносу одного Москвитянина, я, въ узахъ и желѣзныхъ кандалахъ, былъ поведенъ изъ Дерпта, гдѣ служилъ, въ Московію, безпощадно, безъ всякаго разслѣдованія, въ сильную стужу, въ самую неудобную пору, предъ праздникомъ Очищенія Маріи [1]. Хотя я не зналъ за собой вины, но съ прочими грѣшниками я отъ Бога заслужилъ это, такъ я смотрѣлъ (на свою долю) и долженъ былъ терпѣливо сносить ее.

«Но подобно тому, какъ Господь въ своемъ совѣтѣ ведетъ и сохраняетъ святыхъ своихъ, что̀ сказалъ и Давидъ въ IV псалмѣ, такъ и меня, самаго ничтожнаго, удостоилъ Онъ своей чудесной помощи и избавилъ отъ всякаго недостатка, такъ что я долженъ превозносить, благодарить и прославлять Его повсюду и всегда. Ибо когда я, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, былъ приведенъ во Псковъ, первый русскій городъ, Онъ, милосердый Богъ, внушилъ и поручилъ утѣшить насъ двоимъ членамъ Своей святой, по обстоятельствамъ мѣста, скрытой и тайной церкви, Русскимъ по происхожденію и языку. Они пришли и попросили хозяина дома, куда помѣстили насъ, позволить взойти къ намъ, чтобы показать и продать тамъ кое-что̀ изъ своего товара (это были сапожникъ и перчаточникъ). Когда имъ дозволили, они, улучивъ время поговорить съ нами, наединѣ, начали —

1. Прежде всего утѣшать наше сердце словомъ Божіимъ, что возложенный на насъ крестъ слѣдуетъ намъ носить съ христіанскимъ смиреніемъ, помня ученіе и образъ Христа и безвредность въ этомъ мірѣ святымъ, и чтобы мы не сомнѣвались въ милости и помощи Божіей.

2. Затѣмъ они успокоили наше тѣло: такъ какъ мы были взяты изъ Дерпта внезапно и отведены точно узники, не успѣвъ

---

[1] У насъ праздникъ Срѣтенія Господня, 2 февраля.

захватить съ собой, чѣмъ бы защитить руки и ноги отъ сильной стужи, то они снабдили насъ теплыми перчатками и сапогами.

3. Наконецъ утѣшили и нашъ кошелекъ, ссудивъ насъ доброй деньгой на дорогу, около 12 талеровъ, по русскому счету.

«Вооруживъ насъ противъ унынія сердца и опасности здоровью и жизни, милосердый Богъ милостиво умалилъ и страданія нашего узничества. Когда насъ, въ желѣзныхъ оковахъ, привели въ Великій Новгородъ на княжескій дворъ, всемогущій Богъ вложилъ въ сердце князя приказать тотчасъ же снять съ насъ узы и вести въ Москву уже безъ оныхъ. Господь устроилъ, что и въ Москвѣ мы не имѣли недостатка въ утѣшеніи. Онъ воспользовался Нѣмцами, Поляками, также и Русскими, потому что Онъ держитъ въ Своей рукѣ всѣ сердца человѣческія. Словомъ, невозможно охватить мыслію всѣ великія благодѣянія Божіи, тѣмъ менѣе о нихъ разсказать.

«Не долго спустя послѣ несчастнаго прибытія въ Москву, я и многіе другіе, также глубоко опечаленные, нашли тамъ въ тѣлесной немощи нашей пособника въ лицѣ одного богобоязненнаго, благочестиваго и разумнаго мужа, медика по своему званію, родомъ Поляка, который, послѣ трехгодичнаго узничества, 27 лѣтъ христіански, въ супружествѣ, велъ свое хозяйство. Своими добрыми дѣлами и разнообразною помощью бѣднымъ и плѣннымъ онъ пріобрѣлъ у всѣхъ хорошую славу. Узнавъ о моемъ несчастномъ прибытіи, онъ, при поручительствѣ одного московскаго боярина предъ моимъ надсмотрщикомъ, что я буду возвращенъ, заставилъ привести меня къ себѣ, бесѣдовалъ со мною о душевномъ спасеніи и сѣтовалъ (между тѣмъ какъ я самъ нуждался въ совѣтѣ и утѣшеніи), что онъ въ этихъ нечестивыхъ мѣстахъ цѣлыхъ 30 лѣтъ сряду не могъ, къ своему сожалѣнію, пріобщиться тѣла и крови Христовыхъ по прямому установленію Его, такъ какъ тутъ не было христіанскаго проповѣдника. Но вотъ я предсталъ, какъ учитель евангельской правды, и онъ не хочетъ усомниться въ томъ, что Господь узрѣлъ его продолжительное бѣдствіе, многократныя воздыханія и сильное сердечное желаніе, и восхотѣлъ его утѣшить, успокоить и насытить. Поэтому онъ просилъ меня, чтобы я не отступалъ отъ своего служенія и чтобы совѣсть его была успокоена словомъ Божіимъ и спасительнымъ причащеніемъ истиннаго тѣла и крови Спасителя.

«Выслушавъ его съ удивленіемъ и радостію (такъ какъ встрѣтить подобныхъ лицъ я въ этихъ мѣстахъ не ожидалъ), я объяснилъ ему свое положеніе и недостачу у меня всего къ тому нужнаго. На это онъ отвѣчалъ, что онъ доставитъ чашу, хлѣбъ и вино отъ епископа Германа фонъ-Везель, бывшаго въ дерптской епископіи и теперь плѣнника, только бы я отправилъ свою службу. Я испыталъ его совѣсть и вѣроисповѣданіе (потому что въ Польскомъ царствѣ много сектъ), и, нашедши его вѣру согласной съ апостольскимъ и пророческимъ ученіемъ, его исповѣдь о существѣ, пользѣ и принятіи таинства правой, я согласился совершить служеніе и, по мѣрѣ возможности, отправилъ его.

«По пріобщеніи истиннаго и присущаго тѣла, драгоцѣнной крови Христовой въ хлѣбѣ и винѣ, онъ поднялъ глаза и руки къ Господу и громко прославлялъ Его за то, что онъ утомленную и жаждущую его душу насытилъ, напоилъ и опять возстановилъ св. тѣломъ и кровію Сына Своего. И затѣмъ обратился ко мнѣ: ««теперь я истинно вѣрую, что Господь направилъ тебя сюда болѣе для моего утѣшенія, нежели для твоего наказанія»».

«Такимъ же образомъ и другимъ, если позволялъ случай, я проповѣдывалъ тамъ въ домахъ слово Божіе, пріобщалъ св. таинъ и крестилъ дѣтей, родившихся у плѣнныхъ Лифляндцевъ; равно, я навѣщалъ и утѣшалъ плѣнныхъ и больныхъ, итакъ у меня была тамъ какъ бы своя церковь, каѳедра и алтарь, сколь ни тяжело и ни странно складывались обстоятельства».

Плѣненіе Бракеля было непродолжительно. Между тѣмъ какъ дерптскій епископъ, находившійся съ нимъ въ сношеніяхъ, оставался въ Россіи до своей смерти, пасторъ осенью слѣдующаго (1560) года былъ отпущенъ и жилъ затѣмъ въ Дерптѣ, Эзелѣ, Люнебургѣ и другихъ мѣстахъ; померъ въ 1602 году въ Ригѣ [1].

Съ пребываніемъ Бракеля въ Москвѣ можно соединить начало Московской лютеранской церковной общины [2], пусть въ ней еще и

---

[1] Fechner, Chronik, I, 33—39; Сборн. мат. и стат. по исторіи Прибалтійскаго края, II, 367—368.

[2] Соотвѣтственно съ значеніемъ предмета, вопросомъ объ этой и объ остальныхъ древнихъ московскихъ, такъ и иногородныхъ общинахъ и ихъ церквахъ и

невидно какой-нибудь строго-опредѣленной организаціи. Нѣкоторую оформленность и устойчивость она могла пріобрѣсть не ранѣе, какъ появились у ней опредѣленный молитвенный домъ или церковь и постоянно живущее въ Москвѣ духовенство, что не заставило себя ждать особенно долго, въ виду непрерывавшаго умноженія плѣнныхъ.

пасторахъ занимались болѣе всего и очень многіе. Историческому изученію его положилъ начало назначенный Петромъ Великимъ первый суперъ-интендентъ всѣхъ евангелико-лютеранскихъ церквей въ Россіи, московскій пасторъ Barthold Vagetius. Въ предисловіи къ изданному имъ церковному уставу «Revidirtes instrumentum pacis ecclesiasticum» (Reval, 1717) онъ назвалъ по именамъ извѣстныхъ ему первыхъ по времени лютеранскихъ пасторовъ, ограничившись однако въ обозрѣніи послѣдующей судьбы общинъ одними намеками. Книга его была извѣстна Büsching'y, но затѣмъ, при всей ея важности, какъ перваго у насъ общаго законоположенія для иновѣрныхъ церквей, почему-то была изъята изъ употребленія и въ исторической наукѣ считалась совсѣмъ утраченною, пока счастливый случай не помогъ намъ найти ее въ рукописяхъ Импер. Академіи Наукъ (см. предисловіе къ изданнымъ нами «Памятникамъ къ исторіи протестантства въ Россіи». М., 1888, стр. XIV—XVI). Пользовавшійся книгой Фагеція, D. Anton Friedrich Büsching, извѣстный собиратель документовъ по исторіи и географіи, авторъ различныхъ изслѣдованій и нѣкоторое время пасторъ въ С.-Петербургѣ, задался цѣлію сообщить уже обстоятельныя свѣдѣнія о церквахъ и общинахъ, для чего обращался онъ за справками къ современнымъ ему пасторамъ въ Россіи и искалъ данныхъ въ доступныхъ ему петербургскихъ архивахъ съ церковными дѣлами и въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей о Россіи. Свѣдѣнія, добытыя имъ, оказались годными для исторіи общинъ первой половины XVIII и конца XVII вв., о всемъ предыдущемъ онъ располагалъ совершенно отрывочными и случайными данными, среди которыхъ не могъ отличить достовѣрное отъ ложнаго. Такъ, онъ вполнѣ повѣрилъ извѣстію Петрея, будто бы построить московскую лютеранскую церковь выпросилъ у Годунова принцъ Густавъ Шведскій, между тѣмъ какъ этотъ принцъ не былъ и лютераниномъ. Но важно, что, занося эти данныя въ свое сочиненіе «Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinen im Russischen Reich» (Altona, 1766—1767, I—II), Büsching повсюду означалъ ихъ источники и тѣмъ не только облегчилъ возможность провѣрить его, но и указалъ путь для послѣдующихъ розысканій. Послѣ продолжительныхъ занятій въ этомъ направленіи, съ бо́льшимъ запасомъ свѣдѣній приступилъ къ печатанію своего труда «Bemerkungen über die Religionsfreyheit der Ausländer im Russischen Reiche» (St.-Petersb. u. Leipzig, 1797—1798, I—III) другой петербургскій пасторъ Joachim Christian Grot; наслѣдованную программу онъ разширилъ привнесеніемъ извѣстій еще о реформатскихъ и католическихъ общинахъ. Свою цѣну со-

Въ 1564 году было переведено въ Россію изъ окрестностей Шмильтена, Вендена, Вольмара и Роннебурга болѣе 3000 человѣкъ; конечно, тутъ находились и пасторы; несомнѣнно, былъ захваченъ одинъ пасторъ при переведеніи лѣтомъ слѣдующаго года всѣхъ жи-

---

хранятъ у него, какъ и у Büsching'а, сообщенное о дѣлахъ современныхъ и ближайшихъ къ нему по времени; но Grot многое, въ смыслѣ количественномъ, прибавилъ и къ исторіи XVI—XVII вв. Для начальной исторіи московскихъ общинъ существенныя свѣдѣнія доставилъ ему московскій пасторъ Іержемскій, частью изъ метрикъ и другихъ подобныхъ источниковъ, и еще больше на основаніи преданій, очевидно, недостовѣрныхъ. Между тѣмъ и самъ Grot далеко не обладалъ методомъ и осторожностію своего предшественника, и если зналъ о проектѣ временъ Елизаветы Петровны объ удаленіи иновѣрныхъ церквей съ главныхъ улицъ С.-Петербурга, то также находился и подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ либеральныхъ мнѣній и распоряженій Екатерины II въ пользу иновѣрцевъ. Естественнымъ отсюда является въ характерѣ разсказа хвалебный тонъ, а въ повѣствованіи о XVI—XVII вв. еще перевѣсъ недостовѣрныхъ сообщеній, источники которыхъ обыкновенно указываются слишкомъ обще или и совсѣмъ не означаются; границы свободы вѣроисповѣданія, дававшейся протестантамъ московскимъ правительствомъ, быть можетъ, расширены и не безъ намѣренія поддержать настоящее примѣромъ прошедшаго. Однимъ изъ первыхъ членовъ начальной Московской лютеранской общины авторъ считалъ датскаго посла Якова Ульфельда, хотя этотъ доѣхалъ всего до Александровской Слободы, откуда Грозный отпустилъ его обратно; увеличеніе общины и основаніе церкви соединено съ пребываніемъ въ Москвѣ Магнуса и ходатайствомъ его предъ Иваномъ Васильевичемъ, принцъ Густавъ не только де выпросилъ у Годунова позволеніе на перестройку этой церкви, стоявшей будто бы въ Бѣломъ городѣ, но еще выстроилъ и другую, въ самомъ Кремлѣ; объ церкви благополучно будто бы просуществовали Смутную эпоху, Кремлевская перенесена де въ 1614 году на Моховую, гдѣ теперь университетъ, Бѣлогородская долго стояла и послѣ основанія Ново-Иноземской Слободы, и ея пасторъ Фокеротъ иногда ходилъ на службу также къ Офицерской церкви, пока не былъ къ послѣдней опредѣленъ пасторъ Грегори, и т. д., вещи все недостовѣрныя. Вообще, за разсматриваемый нами періодъ, у Grot'а очень незначительная доля вполнѣ точнаго, выдѣлить которое изъ достовѣрной и искусно составленной фабулы можно только съ большимъ трудомъ. Но эта же искусность фабулы, ясность и связность разсказа, вмѣстѣ съ характеромъ его и трудностью провѣрки, надолго сдѣлали книгу Grot'а почти единственнымъ пособіемъ для ознакомленія съ исторіей протестантскихъ общинъ въ Московскомъ государствѣ. По ней и подъ ея вліяніемъ писались историческія повѣствованія объ этихъ общинахъ и церк-

телей Дерпта, когда ихъ взяли по обвиненію въ измѣнническихъ замыслахъ. Разселили этихъ дерптскихъ гражданъ во Владимірѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Костромѣ и Угличѣ. Въ Дерптѣ, кромѣ извѣстной намъ церкви Іоанна, при которой нѣкоторое время служилъ Бракель,

---

вахъ какъ нѣмецкими, такъ и русскими авторами. Таковы работы Mural't'a, Chronik der vereinigten franzosischen und teutschen reformirten Gemeinde in St.-Petersburg. Dorpat, 1842; Jungblut'a Die Gründung der evangelische-lutherischen Kirchen in Russland. St.-Petersburg. 1855; Busch'a Materialen zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev-Luth. Gemeinden in Russland. St.-Petersb., 1862; Lemmerich'a, Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St.-Petri in St.-Petersburg. S.-Petersb., 1862, I; Dalton'a, Geschichte der Reformirten Kirche in Russland. Gotha, 1865; проф. П. М. Снегирева, О началѣ и распространеніи лютеранскихъ и реформатскихъ церквей въ Москвѣ—Москвитянинъ, 1843, VI; Правосл. Обозрѣн., 1862, XI, и неизвѣстнаго автора статьи Обозрѣніе лютеранскихъ и реформатскихъ обществъ въ Россіи съ половины XVI до начала XVIII столѣтія, Христ. Чтен., 1857, II. Новые матеріалы вносились случайные и въ большинствѣ включались въ готовую фабулу. Такъ, Lemmerich, остановившись на извѣстіи Bussow'a о томъ, что пасторъ Беръ проповѣдывалъ въ Кремлѣ при первомъ Самозванцѣ для Нѣмцевъ, утверждалъ, что Кремлевская лютеранская церковь построена не при Борисѣ, а при Лжедимитріи I; мнѣніе его повторилъ Busch. Даже такой знатокъ московскихъ древностей, какъ проф. Снегиревъ, который обогатилъ разсказъ многимъ и изъ русскихъ источниковъ, до того рабски слѣдовалъ Grot'y въ основномъ, что допускалъ явныя несообразности. Онъ, напримѣръ, разъясняетъ, что при Лжедимитріѣ I Беръ потому проповѣдывалъ въ Кремлѣ для Нѣмцевъ, что имъ было далеко ходить къ богослуженію въ Нѣмецкую Слободу, и въ то же время, согласно съ Grot'омъ, говоритъ, что Кремлевская церковь, построенная при Годуновѣ, просуществовала до Михаила Ѳедоровича.

Положеніе работы Grot'a оставалось непоколебленнымъ вплоть до появленія въ свѣтъ труда московскаго пастора Andr. Wilh. Fechner'a Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau. Moskau, 1876, I—II. «Книга пастора Фехнера», отзывается о ней проф. Н. А. Поповъ, «представляетъ собою не только обильный матеріалъ для исторіи евангелическихъ общинъ, возникшихъ въ Москвѣ постепенно въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, но и значительныя поправки и дополненія въ прежнимъ сочиненіямъ, имѣвшимъ въ виду исторію лютеранской церкви въ Россіи, и въ этомъ отношеніи она представляетъ цѣнный вкладъ въ литературу по церковной исторіи вообще и отчасти по исторіи русскаго просвѣщенія» (Прав. Обозр. 1878, I). Составленіе собственно исторіи лютеранскихъ общинъ въ Москвѣ авторъ считалъ преждевременнымъ, и найденные имъ факты онъ помѣщалъ отдѣльно, въ хронологическомъ порядкѣ, подъ соотвѣт-

у нихъ стояла еще церковь Маріи, гдѣ пасторомъ былъ Веттерманъ. Этотъ находился теперь съ ними въ плѣну и странствовалъ изъ города въ городъ, посѣщая разсѣянныхъ членовъ своей паствы и опредѣляя къ ихъ дѣтямъ учителей, какихъ только онъ могъ пріискать и

ственными годами, излагая словами наиболѣе достовѣрнаго источника и часто сопровождая извѣстія соотвѣтственными примѣчаніями, въ которыхъ по преимуществу ограничивался буквальною критикой (Сужденія критиковъ и наше мнѣніе объ этомъ трудѣ подробно изложены нами въ брошюрѣ «Московскій пасторъ А. И. Фехнеръ». М. 1887, тоже, на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Zur Erinnerung an A. W. Fechner». M. 1887). Такія свойства труда, впервые ставившіе научную разработку предмета, ни мало не избавляли отъ самостоятельныхъ разысканій. Историкъ, попытавшіеся на немъ главнымъ образомъ основать свои разсказы, должны были встрѣтить затрудненія при простомъ послѣдовательномъ изложеніи однородныхъ событій, не говоря уже объ опредѣленіи ихъ причинной связи, внутренняго смысла и историческаго значенія. Введеніе къ новой работѣ паст. Dalton'a «Verfassungsgeschichte der evangelischlutherishen Kirche in Russland» (Gotha, 1887—1889, I—II), представляетъ, за разсматриваемое нами время, тенденціозную выборку нѣкоторыхъ фактовъ. Замѣченное отсутствіе посредствующихъ звеньевъ и недостатокъ связи между приведенными у Fechner'a однородными фактами и извѣстіями побуждало г. И. И. Соколова, для начальной главы его изслѣдованія Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ (М. 1880), обращаться за фабулой къ сочиненію Grot'a, чаще всего въ передѣлкѣ Снегирева. Но прежняя фабула мало могла идти къ новымъ фактамъ, и г. Соколовъ легко допустилъ рядъ существенныхъ промаховъ: извѣстія, встрѣчаемыя у Fechner'a и говорящія объ одномъ предметѣ, онъ иногда относилъ къ разнымъ, и наоборотъ, а также повторилъ и нѣкоторыя изъ крупныхъ ошибокъ Grot'a: существованіе кирки, построенной при Грозномъ и простоявшей всего нѣсколько годовъ, онъ, напримѣръ, продолжилъ на 40 лѣтъ, и т. п. Неточность разсказовъ г. Соколова, быть можетъ, обусловлена также несоблюденіемъ должнаго различія между источниками и пособіями и предвзятой мыслью о широкомъ будто бы вліяніи протестанства. Такъ, размѣщенные у Fechner'a подъ четырьмя буквами матеріалы о трехъ московскихъ иновѣрныхъ кладбищахъ, существовавшихъ преемственно одно за другимъ, подъ перомъ г. Соколова превращаются въ доказательство одновременнаго существованія 4 кладбищъ—это ему было надобно для обоснованія его положенія о многочисленности проживавшихъ въ Москвѣ протестантовъ; случайная остановка въ Астрахани голштинскаго посольства на пути въ Персію, о которой говорится у Büsching'a, превращается у г. Соколова въ постоянное пребываніе тамъ нѣмой лютеранской общины, съ своимъ пасторомъ и церковью: это служило

на обязанности которыхъ было и читать въ городахъ по воскреснымъ днямъ печатныя проповѣди [1].

Изъ другихъ пасторовъ, безпрепятственно исправлявшихъ религіозныя нужды Ливонцевъ, извѣстенъ «нѣмецкій пасторъ Илія», умершій 30 апрѣля 1570 года и похороненный на подмосковномъ иноземномъ кладбищѣ; надгробная надпись на немъ [2] увѣряетъ, что онъ пользовался между своими большою и хорошею славой. Чрезъ мѣсяцъ послѣ его смерти были въ Москвѣ въ свитѣ герцога Магнуса два придворныхъ пастора, Христіанъ Шрафферъ и Христіанъ Бокхорнъ. Шрафферъ служилъ правою рукою герцога по его политиче-

---

у автора доказательствомъ, что протестанты людно жили и дѣйствовали и «на крайнемъ востокѣ». Очевидно, было еще рано касаться мимоходомъ такого вопроса, который нуждался въ спеціальномъ изученіи, тѣмъ болѣе, что сохранившимися извѣстіями о начальной исторіи общинъ и церквей должно пользоваться съ особой осторожностью.

Удовлетворить создавшейся въ нашей наукѣ потребности мы, по мѣрѣ силъ и возможности, старались въ нѣсколькихъ монографіяхъ и въ особенности въ первыхъ главахъ изслѣдованія «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ» (М. 1886), подробное критическое сужденіе о которомъ и выясненіе связанныхъ съ этимъ предметомъ вопросовъ, кромѣ почтенныхъ оффиціальныхъ оппонентовъ и критиковъ, М. О. Кояловича, о. протоіер. И. Ѳ. Николаевскаго и Н. И. Карѣева (Христіан. Чтен. 1889, № 7—8, Проток., 139—142; Зап. И. Ак. Наукъ, 1888), потрудились дать А. Н. Пыпинъ (Вѣст. Евр. 1888 г. I) и профессора А. Г. Брикнеръ (Russische Revue, 1886, III, 274—317) и Д. А. Корсаковъ (Истор. Вѣстн. 1886, VII). Свою признательность имъ мы выражаемъ тѣмъ, что стараемся примѣнить здѣсь и ихъ ученыя указанія.

[1] Nyenstädt, Livländische Chronik, въ Monumenta Livoniae antiquae, II, 67, перев. въ Сб. мат. и ст. по ист. Прибалт. кр., II, 36—37; Полн. Собр. Рус. Лѣт., IV, 316; Карамзинъ, IX, 41, 52; Richter, II, 60 и др.—Съ пребываніемъ Веттермана нѣкоторыми изъ изслѣдователей соединялось начало Московской лютеранской общины. Grot (I, 233) собственно полагалъ, что она «явилась около 1560 или 1565 года»; проф. Снегиревъ (Пр. Об. 1862, IX, 30), неправильно переведя его выраженіе «die erste Lutherische Gemeine», отнесъ къ этимъ годамъ появленіе «первой лютеранской кирки»; г. Соколовъ (5) называетъ «Веттермана» первымъ ея пасторомъ. Ближе къ правдѣ рядъ пасторовъ общины начинать съ Бракеля, который жилъ и дѣйствовалъ ранѣе Веттермана и о которомъ у данныхъ авторовъ не упоминается.

[2] О ней см. ниже, въ трактатѣ о московскихъ кладбищахъ.

скимъ дѣламъ; онъ пріѣзжалъ въ Москву и въ слѣдующемъ году, по хлопотамъ о денежной субсидіи его господину на военныя издержки. Проповѣди Бокхорна Грозный выказалъ особенное вниманіе. Есть извѣстіе, что этотъ пасторъ съ своимъ господиномъ прожилъ при Московскомъ дворѣ около трехъ лѣтъ. Пребываніе Магнуса въ Россіи длилось не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, почему, если только извѣстію придавать какое-либо значеніе, слѣдуетъ разумѣть жизнь Бокхорна въ Ливоніи, въ которой по-часту и подолгу бывалъ и нашъ дворъ [1].

Отпускъ съ Магнусомъ части дерптскихъ гражданъ и другихъ латинскихъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ и Веттермана, не произвелъ никакихъ существенныхъ измѣненій: плѣнныхъ осталось въ Россіи еще много, и убыль возстановилась вновь прибывшими. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что тѣ, которые жили въ Москвѣ, продолжая пользоваться службою плѣнныхъ пасторовъ у себя на домахъ, собирались для богослуженія и въ какомъ-нибудь частномъ домѣ: жалобъ, чтобы Грозный стѣснялъ ихъ въ вѣрѣ, ниоткуда не слышно. Большинство иноземцевъ теперь были уже лютеране, и послѣднихъ набралось такое количество, что ихъ община легко могла поставить себѣ задачею получить разрѣшеніе на устройство для себя храма, который и является у нея въ концѣ 1575 или началѣ 1576 года, въ кратковременное правленіе государствомъ крещеннаго татарскаго царевича Симеона Бекбулатовича.

«Случилось», писалъ 1-го мая 1576 года Паули, повѣренный герцога Магнуса, «и еще нѣчто (прежде рѣчь шла о вызовѣ рудокоповъ) полезное, которое для меня и моихъ можетъ служить къ доброму благосостоянію, о чемъ охотно хотѣлъ бы написать вамъ пояснѣе, но обстоятельства времени не позволяютъ на этотъ разъ;

---

[1] Сборникъ Ласицкаго De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu. Spirae, 1582, 237; P. Oderborn, Joannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis Vita. Witebergae, 1585, л. E. 7 — 8, X. 2 — 3; Fechner, I, 76, 82, 85; Busse, Herzog Magnus, König von Livland. Leipzig, 1871; также въ нашей статьѣ: «Марья Владиміровна и Магнусъ Датскій», Ж. М. Н. Пр. 1878, кн. III. Ср. ниже въ VI и VII гл.

объ одномъ однако не могу отъ радости умолчать предъ вами, что великій князь разрѣшилъ Нѣмцамъ здѣсь, въ Москвѣ, собственную церковь и допустилъ имъ держаться своего чистѣйшаго ученія Евангелія по Аугсбургскому исповѣданію и устроиваться сообразно съ этимъ ученіемъ» [1]. По какому случаю и кто выпросилъ у царя разрѣшеніе на постройку въ Москвѣ первой лютеранской церкви, сказать что-нибудь опредѣленное трудно [2]; здѣсь прежде всего, конечно,

---

[1] Это письмо Паули, хранящееся въ Ревельскомъ Городскомъ Архивѣ въ спискѣ, по всей вѣроятности, доставленномъ туда изъ Данцига, издано и прокомментировано Фехнеромъ (Chronik, I, 89—92) и по своей непосредственности можетъ служить несомнѣннымъ источникомъ къ опредѣленію времени возникновенія въ Москвѣ первой кирки, хотя большинство историковъ и безъ того относило ея появленіе къ 1575 году, только основанія ихъ имѣли характеръ болѣе гадательный.

[2] Grot (I, 233), Jungblut (3), Lemmerich (I, 19), Снегиревъ (Пр. Об. 1862, IX, 30) и друг. все приписываютъ ходатайству Магнуса; но это случилось послѣ того, какъ Магнусъ впалъ въ царскую немилость (объ отношеніяхъ Грознаго къ Магнусу см. ниже, въ VI гл., и въ указанной выше нашей статьѣ: «Мар. Владим. и Магн. Датскій», Ж. М. Н. Пр. 1878, III), и потому ихъ мнѣніе принять не возможно. Въ качествѣ устроителя ея называетъ намъ себя извѣстный Горсей. «Между тѣмъ какъ Шведы», писалъ онъ, «брали Нарву и Ивангородъ (взяты въ 1851 г.), царскія войска вошли далеко въ Шведскую землю и произвели тамъ много грабежа и разоренія, увели множество плѣнныхъ Ливонцевъ, Французовъ, Шотландцевъ, Датчанъ и нѣсколько Англичанъ... Царь размѣстилъ и поселилъ большую часть ихъ въ Москвѣ за городомъ; я имѣлъ тогда доступъ при дворѣ и былъ хорошо знакомъ и уважаемъ лучшими временщиками и должностными лицами того времени и своимъ ходатайствомъ и посредничествомъ испросилъ имъ позволеніе построить себѣ церковь и много способствовалъ ея украшенію; доставилъ имъ ученаго проповѣдника; каждое воскресенье отправлялось у нихъ богослуженіе по лютеранскому вѣроисповѣданію, и собирались митинги. Въ короткое время они освоились съ Русскимъ народомъ, заслужили его расположеніе и жили мирно, но печалились, сожалѣя о потерѣ состоянія, друзей и отечества» (Записки о Московіи XVI вѣка. Путешествіе сэра Джерома Горсея, Библіот. для чтенія, 1855 г., мартъ, 48; друг. переводъ въ Чт. И. М. Об. И. и Др. Рос. 1877 г.). Относительно личнаго участія Горсея данное извѣстіе не заслуживаетъ вѣры: оно слишкомъ расходится съ несомнѣнно правдивымъ извѣстіемъ Паули о времени появленія кирки и о лицахъ, для которыхъ она была устроена; да и роль Горсея совсѣмъ не была такою значительною, какою, по

значили личныя соображенія Грознаго, который, когда научился отличать протестантовъ, при всѣхъ измѣненіяхъ отношеній держался къ нимъ ближе, чѣмъ къ католикамъ, и думалъ, что они лучше умѣютъ слушаться его царскаго запрета относительно того, чтобы иновѣрцы не распространяли своего вѣроисповѣданія между православными. Въ войнѣ съ Ливоніей онъ достаточно присмотрѣлся тамъ къ киркамъ, могъ понять ихъ значеніе и предположить, что онъ легче заставитъ плѣнныхъ и служащихъ при немъ протестантовъ прикрѣпиться къ Москвѣ, менѣе жалѣть о родинѣ и не стремиться туда, если у нихъ будетъ здѣсь свой храмъ. Медлить же съ своимъ разрѣшеніемъ о построеніи кирки могла побуждать Ивана Васильевича значительная неясность религіозныхъ тенденцій протестантовъ. Такія посольства, какъ Миссенгейма изъ Швеціи (1552 г.) и пастора Ивана Рокиты изъ Польши (1570 г.), могли породить въ немъ совершенно основательное подозрѣніе, не кроется ли въ протестантизмѣ такихъ же пропагандическихъ стремленій, какъ и въ католичествѣ. Рѣшиться

своему тщеславію, старается онъ обрисовать ее. Еще неправдоподобнѣе разсказываетъ Поссевинъ, будто бы лютеране и кальвинисты выманили себѣ позволеніе построить кирки (по его словамъ, двѣ) обманомъ, выдавъ себя за католиковъ (De rebus Moscoviticis. Antverpiæ, 1587, 100), такъ какъ Грозный-то именно и положилъ прочное основаніе различенію протестантовъ отъ католиковъ и предпочтенію первыхъ послѣднимъ. Ближе къ правдѣ повѣствованіе Петрея. Онъ отмѣтилъ: послѣ измѣннической бѣгства Таубе и Крузе «Нѣмцы сдѣлались ему (царю Ивану Васильевичу) подозрительны и не пользовались такимъ высокимъ почетомъ, какъ прежде, и хотя онъ довѣрялъ имъ уже не такъ много, однако къ тѣмъ, которые жили въ Москвѣ и служили ему, относился хорошо и справедливо, давалъ имъ жалованье и необходимое содержаніе, чѣмъ они жили и не терпѣли нужды, также получили они свободу построить въ четверти мили отъ города деревянную церковь, въ которой чистое лютеранское ученіе сообщалъ и проповѣдывалъ ихъ собственный проповѣдникъ» (Peter Petrejus de Erlesunda, Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow. Lipsiae, 1620, 251—252; рус. перев. Шемякина, Исторія о вел. кн. Московскомъ, которую собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де Ерлезунда, въ Чт. И. М. О. И. и Др. Рос., 1865—1867, и отд. М. 1867, 164—165). Весьма вѣроятно, что при своемъ разрѣшеніи Грозный имѣлъ въ виду по преимуществу состоявшихъ у него на службѣ, слѣдовательно, они собственно, надо полагать, просили о томъ, какъ это постоянно случалось и въ послѣдующее время.

на дозволеніе протестантамъ завести свою церковь онъ могъ только въ достаточной степени убѣдившись, что отъ того не случится соблазна православнымъ, что кирка будетъ служить на потребу однимъ природнымъ протестантамъ и не превратится въ оплотъ и орудіе пропаганды, въ средство совращенія Русскихъ въ иновѣріе.

Рядъ пасторовъ ея обыкновенно начинаютъ съ Іоакима Скультета [1], бывшаго придворнаго проповѣдника герцога Магнуса. По словамъ Фагеція, онъ проповѣдывалъ ученіе по Аугсбургскому вѣроисповѣданію сначала на островѣ Даго и въ Лифляндіи, особенно въ Аренсбургѣ, на островѣ Эзелѣ, въ Каркусѣ и Оберпаленѣ, потомъ въ Великомъ Новгородѣ и Казани. Умеръ въ 1587 году [2]. Ближайшими изъ его преемниковъ называютъ какого-то Іоанна (фамиліи неизвѣстно) и Бернарда Кегеля [3]; нѣкоторое время не служилъ ли также въ Москвѣ и Мартинъ Нандельштетъ [4], плѣнный кокенгаузенскій пасторъ, извѣстный по религіознымъ сношеніямъ съ Грознымъ: плѣнные пасторы тогда преобладали по численности надъ всѣми остальными.

---

[1] Büsching, I, 4—5; паст. Becker'a Pastores ecclesiae evangelicae Moscuensis ad templum prius quod exstructum ligneum antea 1626 lapideum 1684 въ издан. нами «Памятникахъ», I, № XV, стр. 176.—Ссылаясь на Büsching'a, Карамзина и Fechner'a, г. Соколовъ (стр. 6) пишетъ: «первымъ пасторомъ ея былъ Бекгорнъ, потомъ Іоакимъ Скультетъ». Указанные имъ авторы не говорятъ подобнаго. На основаніи извѣстныхъ доселѣ данныхъ (см. выше, стр. 42, прим.) о пребываніи въ Россіи Бокхорна (Bockhorn), еще можно сказать, что Бокхорнъ былъ въ Россіи въ началѣ 70 годовъ, т.-е. за нѣсколько лѣтъ до построенія кирки, и не болѣе. Г-на Соколова, нужно полагать, ввело въ заблужденіе слѣдующее выраженіе предъ тѣмъ цитуемаго имъ Grot'a (I, 234): «Joachim Scultetus, der Nachfolger des Christian Boccorn beym Herzog von Hollstein, war der erste Prediger dieser Kirche».

[2] Revidirtes instrumentum pacis ecclesiasticum. Reval, 1717, D. Vorrede, 8—9. Это свидѣтельство Фагеція такого характера, что прямаго указанія въ немъ на службу Скультета въ Москвѣ нѣтъ, почему извѣстіе, что Скультетъ былъ «первымъ пасторомъ» при Московской лютеранской церкви, едвали не связано съ прежнимъ ошибочнымъ мнѣніемъ, по которому виновникомъ построенія церкви считался самъ Магнусъ.

[3] «Памятники», I, № XV. Въ 1584 году, по словамъ P. Oderborn'a (л. X, 3), проповѣдывалъ и училъ въ Москвѣ нѣмецкій проповѣдникъ родомъ изъ Тюрингіи; но кто, имени не означено.

[4] О немъ подробно будетъ сказано ниже, въ VII гл.

Есть основаніе полагать, что церковь была построена не въ городѣ, но внѣ его, тамъ, гдѣ жила главная группа протестантовъ, въ при-Яузской Нѣмецкой Слободѣ [1]. Она была небольшая, деревянная, безъ колокольни и колоколовъ [2], и простояла всего нѣсколько лѣтъ. Разрушена она, когда Иванъ Васильевичъ разгромилъ Слободу, разгнѣвавшись на ея жителей за ихъ высокомѣріе, тщеславіе и дерзкіе поступки, которые они стали позволять себѣ [3].

---

[1] Grot (I, 233) и за нимъ Muralt (6), Jungblut (3), Busch (213), Снегиревъ (30—31) и друг. указываютъ мѣсто первой лютеранской церкви въ Земляномъ городѣ, на Поганомъ, нынѣ Чистомъ прудѣ; сличеніе извѣстій о ней, сдѣланное Фехнеромъ (Wo stand die erste Lutherische Kirche in Moskau? Chronik, II, Beilage, № 1), ведетъ къ болѣе вѣроятному заключенію, что она находилась въ этомъ мѣстѣ, за чертой города. Съ своей стороны мы присоединимъ лишь одну поправку: по старѣйшей изъ извѣстныхъ доселѣ описей Москвы, именно 1621 г. (Архивъ Моск. Оружейной Палаты, рукоп. № 666/1161, л. 58, ср. л. 270), Поганый, нынѣ Чистый прудъ лежалъ не въ Земляномъ, а въ Бѣломъ городѣ. Отчетъ объ этой отысканной нами Описи помѣщенъ въ Моск. Вѣдом. 1885 г. 17 марта, № 75, въ нашей статьѣ: «Новые матеріалы къ исторіи Москвы».

[2] Что она была деревянная, объ этомъ говоритъ Petrejus (Historien, 1620, 252), объ остальномъ можно догадываться изъ послѣдующей ея исторіи.—Утвержденіе г. Соколова (6), что «о внѣшнемъ видѣ церкви упоминаетъ одинъ Бушингъ», нельзя признать точнымъ, такъ какъ Бюшингъ повторяетъ лишь извѣстіе Петрея.

[3] Такъ объясняетъ причину разрушенія церкви Margeret (Estat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie. A Paris, 1669, 31—32, рус. перев. подъ заглавіемъ Состояніе Россійской державы, въ Сказ. современ. о Димитріи Самозванцѣ, Устрялова. С.-Пб., 1859, изд. 3, I, 261), прибывшій въ Москву въ 1600 году. Извѣстіе Поссевина (De reb. Moscov. 1587, 100), что поводомъ къ тому послужило обнаруженіе указаннаго выше обмана, изобличаетъ лишь тенденціозность іезуита Антонія. Очевидно, съ его словъ Маржеретъ говоритъ также о разрушеніи собственно двухъ кирокъ, что потомъ принято было нѣкоторыми историками, какъ дѣйствительный фактъ, а Карамзинъ (IX, 261) одну изъ нихъ счелъ лютеранской, другую реформатской; Устряловъ (Ист. царств. Петра Великаго, II, 107), полагавшій ихъ мѣсто на Покровкѣ и за Мясницкими воротами, продолжилъ ихъ существованіе до 1643 года. Если и придавать извѣстію о двухъ божницахъ значеніе, то развѣ въ смыслѣ догадки Lemmerich'a (Geschichte, I, 19), что слѣдуетъ разумѣть здѣсь старый лютеранскій молитвенный домъ и лютеранскую кирку, да и то съ оговоркой, что прямаго указанія на существованіе отдѣльнаго молитвеннаго дома еще не отыскано.

Слушать проповѣдь и къ богослуженію лютеране ходили послѣ того въ частный деревянный домъ [1], въ архитектурномъ отношеніи, нужно думать, ничѣмъ особеннымъ не отличавшійся отъ остальныхъ домовъ. Для членовъ общины онъ оказался достаточно помѣстительнымъ: многіе изъ ливонскихъ плѣнныхъ были въ началѣ царствованія Ѳедора Ивановича, согласно завѣщанію Грознаго, отпущены на свою родину. У оставшихся пасторъ отправлялъ свои обязанности совершенно свободно.

Вновь построили церковь уже въ царствованіе Бориса Годунова, при которомъ опять собралось въ Москвѣ много протестантовъ. Мѣры Грознаго для прикрѣпленія иноземцевъ къ русской почвѣ прилагались Годуновымъ съ неожиданною щедростію, и служилымъ протестантамъ надобилось теперь не много труда, чтобы

---

[1] А не церковь, какъ думаетъ нѣмецкій переводчикъ Одерборна (H. Ratel Wunderbare Erschreckliche Unerhörte Geschichte... des... Joan Basilidis Leben. Görlitz, 1596, 106) и за нимъ историки московскихъ кирокъ, за исключеніемъ Fechner'a. Въ латинскомъ подлинникѣ (P. Oderborn, X, 3): «in magna quadam domo lignea»... Только, понимая здѣсь подъ domus—домъ, а не кирку, и можно будетъ объяснить разсказы современныхъ Годунову иностранныхъ писателей о построеніи при немъ лютеранской церкви; иначе пришлось бы допустить, что новая кирка была опять разрушена при Ѳедорѣ Ивановичѣ, на что нѣтъ нигдѣ указаній и о чемъ иностранные писатели не преминули бы, конечно, упомянуть. Къ тому же, протестантамъ, наученнымъ горькимъ опытомъ, едва ли не было желательнѣе, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, удовольствоваться простымъ домомъ, ничѣмъ не отличавшимся отъ обыкновенныхъ жилищъ, чтобы не возбуждать противъ себя новаго неудовольствія. Какъ только была построена при Годуновѣ церковь, современники тотчасъ даютъ описаніе ея особенностей; между тѣмъ они ничего не говорятъ объ этомъ строеніи—опять какъ бы намекъ на то, что оно не отличалось отъ другихъ домовъ. Думая, что Одерборнъ говоритъ о церкви, а не о домѣ, и ссылаясь на Fechner'a, г. Соколовъ (7), правда, описываетъ внутренній видъ строенія, будто бы словами Массы: приводимыя имъ слова принадлежатъ не Массѣ, который ничего не упоминаетъ ни о внутреннемъ, ни о внѣшнемъ видѣ кирки, а неизвѣстному по имени автору Warhafftige Relation, вѣроятно, спутнику принца Ивана Датскаго, и относятся къ церкви, построенной въ 1601 году, то-есть послѣ Грознаго и Ѳедора Ивановича. Два извѣстія о совершенно различныхъ предметахъ онъ принялъ за описаніе одного предмета и второе извѣстіе отнесъ не къ тому автору.

выпросить у Годунова разрѣшеніе на построеніе церкви. Ходатайствовать о религіозныхъ нуждахъ общины всего легче было тѣмъ изъ нихъ, которые пользовались у него самымъ виднымъ положеніемъ и кѣмъ онъ лично всего болѣе дорожилъ. Среди ласкаемыхъ имъ иноземцевъ такою особенною честью пользовались у него доктора, которые, по словамъ современника [1], «имѣли все, кромѣ церкви; поэтому они просили и получили дозволеніе выстроить, по своему желанію, храмъ (erlangten auch Zulass, nach ihren Gefallen eine Kirche zu bauen) въ Нѣмецкомъ мѣстечкѣ, лежащемъ внѣ Москвы, на четверть мили. На церковное зданіе доктора жертвовали честно, какъ равно и среди послѣднихъ Нѣмцевъ никто не скупился. Они выстроили, къ славѣ Господа Бога, такую церковь, что затѣмъ самъ царь предпочелъ эту нѣмецкую кирку многимъ своимъ церквамъ для похоронъ въ ней брата датскаго короля, герцога Ивана [2]; при этомъ случаѣ онъ велѣлъ построить колокольню [3] и повѣсить три колокола, чтобы звонить при похоронахъ умершаго князя и его людей [4]. Отъ собранной суммы, за расходами по построенію церковнаго зданія, осталось столько, что нѣмецкая община, кромѣ прежнихъ пасторовъ, приведенныхъ вмѣстѣ съ ней изъ Ливоніи въ Россію въ качествѣ плѣнныхъ [5], могла нанять еще пастора Вальдемара Гуллемана, изъ

---

[1] Conr. Bussowii Chronica въ Rerum Rossicarum Scripotres exteri, I, 11; ср. перев. Устрялова, въ Сказан. современн. о Дм. Самозванцѣ, изд. 3, I, 20—21.

[2] Причина того, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, была другая, именно, что иновѣрцевъ у насъ тогда не только не хоронили при православныхъ храмахъ, но даже не впускали ихъ сюда и для простаго осмотра, и сама кирка не могла быть и сравниваема по великолѣпію съ величественными кремлевскими соборами и церковью Василія Блаженнаго.

[3] Конечно, небольшой навѣсъ, собственно для колоколовъ.

[4] Вслѣдъ за Bussow'ымъ о колокольнѣ о колоколахъ при этой церкви говорятъ Müller (Samml. Russ. Gesch. 1760, V, 91) и другіе; но колокола были повѣшены только на время похоронъ Ивана и затѣмъ опять сняты. Gyldenstiernes Dagbog, Historisk Calender udgiven af Engelstoft og J. Möller. Kjöbenhavn, 1814, 169. Имѣть колокола на иновѣрныхъ храмахъ у насъ, по оффиціальнымъ извѣстіямъ, не дозволялось долго и впослѣдствіи. На запросъ верховнаго тайнаго совѣта, при Екатеринѣ I, было ли дозволеніе иностранцамъ имѣть при своихъ церквахъ колокола, коллегія иностранныхъ дѣлъ отвѣчала отрицательно. Соловьевъ, 1868, XVIII, 333.

[5] По мнѣнію Fechner'a, II, 444, подъ ними слѣдуетъ разумѣть упомяну-

Вестфаліи, и студента Мартина Бера, изъ Нейштада, которые прибыли сюда въ этомъ [1] году; оба они, къ славѣ Бога, не жалѣли трудовъ на наставленіе и обученіе, такъ что въ скоромъ времени составился церковный хоръ изъ 6—8 голосовъ, и сами доктора не стыдились участвовать въ немъ. Многіе добродушные люди часто плакали съ радости, что милостивый Богъ допустилъ ихъ дожить въ Москвѣ до такого счастливаго времени» [2].

Другой современникъ [3] оставилъ намъ еще болѣе точное указаніе на мѣсто церкви и годъ ея построенія и присоединилъ слѣдующее описаніе ея внутренняго вида: «Въ четверть мили (ohngefehr ein Viertelweges) отъ города Москвы, на юго-востокъ, лежитъ городокъ Слобода, въ которой живутъ только Нѣмцы. Его царское величество въ 1601 году дозволилъ построить тамъ церковь и жить имъ по ихъ нѣмецкой вѣрѣ. Тотчасъ выбрали они мѣсто и построили на немъ церковь изъ сосноваго дерева. Въ ней, по нѣ-

---

тыхъ выше Ивана и Кегеля. Woldemarus Huellemanus у Устрялова (I, 21) названъ «Германъ Губеманъ».

[1] Рѣчь идетъ о событіяхъ 1600—1601 гг. Ibid, I, 122—123.

[2] Ближайшими виновниками построенія церкви, такимъ образомъ, по Bussow'y, были царскіе врачи; Is. Massa (Chronikon въ Rer. Ros. Script. ext. II, 32, русск. переводъ, подъ редакціей проф. Е. Е. Замысловскаго, Сказанія Массы. Спб. 1874, 66) указываетъ однако на другихъ лицъ, именно на ливонскихъ купцовъ, плѣненныхъ при Грозномъ. Перечисляя щедрыя милости къ нимъ Бориса, онъ говоритъ: «также дозволили (имъ) имѣть церковь, въ которой они могли, по своему обряду, молиться Богу, (какимъ дозволеніемъ) они и воспользовались». Буссовъ, какъ тесть Бера, пастора этой кирки, конечно, зналъ обстоятельства дѣла болѣе, чѣмъ Голландецъ Масса, защитникъ торговыхъ интересовъ иноземцевъ и реформатъ по вѣроисповѣданію. Не безъ причины же въ надгробной рѣчи надъ Каспаромъ Фидлеромъ, однимъ изъ лейбъ-медиковъ Годунова, было сказано (Petrejus, Historien, 1620, 252, рус. пер. 165), что онъ выхлопоталъ у царя Бориса дозволеніе о свободѣ лютеранской проповѣди и былъ строителемъ и покровителемъ этой церкви, хотя и нельзя согласиться съ ораторомъ, будто Каспаръ выпросилъ такое разрѣшеніе первый: кирка и лютеранское богослуженіе были и прежде его.

[3] Warhafftige Relation der Reussischen und Muscowitischen Reyse und Einzug des Herren Johansen des jüngern, въ Büsching's Magazin, VII, 275—276; русск. перев. въ Чтен. И. Мос. Общ. Ист. и Др. Рос. 1867, IV.

мецкому обряду, алтарь, надъ которымъ золотыми буквами написаны десятъ святыхъ заповѣдей Божіихъ и нѣкоторыя изреченія изъ Священнаго Писанія [1]; а возлѣ небольшое распятіе съ изображеніемъ на немъ Христа; и такъ, слава Богу, проповѣдуется слово Божіе, преподаются св. Тайны, и поется по ученію и постановленію Лютера» [2]. Въ Смутное время, въ которое Нѣмецкая Слобода запустѣла и выго-

---

[1] По Дневнику Гильденстерна, онѣ были написаны на отдѣльной доскѣ, соединенной съ алтаремъ кускомъ чернаго сукна. Historisk Calender. 184.

[2] Büsching (I, 6), Grot (I, 234—235), Müller (Samml. Rus. Gesch. V, 91), Jungblut (4), Busch (214), Dalton (Gesch. 116) и Снегиревъ (33) утверждаютъ, что эта кирка была построена по просьбѣ Густава, причемъ мѣсто ея опрѣдѣляется въ Бѣломъ городѣ, у Покровскихъ воротъ, близъ церкви св. Николая на Столпахъ; что она была построена здѣсь, повторяетъ также Соколовъ (10). Приведенными нами свидѣтельствами достаточно ясно опредѣляется ея мѣсто—за городомъ, въ иноземскомъ селеніи; Густаву же не для чего было хлопотать о ней, хотя Петрей (Petrejus, Historien. Lipsiae, 1620, 253, въ русск. перев. 166), на словахъ котораго основано данное мнѣніе, главную роль при построеніи ея, дѣйствительно, и приписываетъ Густаву. «По случаю ежедневнаго умноженія Нѣмцевъ, говоритъ онъ, Густавъ, сынъ короля Эриха XIV, послѣ большихъ стараній и просьбъ добился у в. кн. Бориса Годунова позволенія сломать старую церковь (основанную при Грозномъ) и на мѣсто ея построить новую, больше и лучше. Всѣ оказывали пособіе этому и жертвовали деньгами по средствамъ и состоянію каждаго: Густавъ 100 талеровъ, каждый изъ докторовъ по 40, потомъ и всѣ другіе, дворяне и не дворяне, смотря по своему жалованью отъ великаго князя и по расположенію къ слову Божію». Петрей писалъ послѣ Буссова и автора Relation, Густава не засталъ, разсказывалъ о немъ по слухамъ и, очевидно, ошибся: кирка, основанная при Грозномъ, давно уже не существовала, такъ что въ началѣ царствованія Годунова, какъ можно видѣть изъ свидѣтельствъ современниковъ, не было никакой кирки; въ 1601, къ которому относится возстановленіе церкви, Густавъ былъ уже, повидимому, у Годунова въ немилости, и во всякомъ случаѣ, какъ подробнѣе узнаемъ въ главѣ о бракахъ, онъ принадлежалъ не къ лютеранской, а къ католической вѣрѣ и дѣйствовалъ у насъ въ ея интересахъ. Grot (I, 235 — 236), Mural t (6), Снегиревъ (33 — 34) и др. разсказываютъ о построеніи Густавомъ еще другой кирки, въ Кремлѣ, именно, по Снегиреву, «на площади близъ Николо-Гостунскаго собора», Jungblut (7), Busch (214) относятъ это къ царствованію Лжедимитрія I, Posselt (Der General und Admiral Franz Lefort. Frankfurt am M., 1866, I, 217, сн. 441) говоритъ о Кремлевской киркѣ, безъ точнаго обозначенія времени ея возникновенія; Lemmerich (I, 23) утверждаетъ, что при Лжедимитріѣ I былъ построенъ въ Кремлѣ лютеранскій молит-

рѣла, церковь была сожжена (1610 г.) войсками Лжедимитрія II, Поляки и Литовцы разорили и каменный, выведенный подъ алтаремъ, сводъ, гдѣ стоялъ гробъ герцога Ивана, и отъ церкви почти не осталось никакихъ видимыхъ слѣдовъ. Когда братъ Ивана, Дат-

---

венный домъ. Что кирки не было построено здѣсь при Густавѣ, ясно изъ того, почему принцъ Иванъ Датскій, бывшій въ Москвѣ непосредственно за Густавомъ, былъ похороненъ въ Слободской лютеранской церкви. На другой день послѣ смерти принца, Семенъ Годуновъ замѣтилъ (29 окт. 1602 г.) датскимъ посламъ: такъ какъ въ городѣ одни русскіе храмы и нѣтъ ни нѣмецкой кирки, въ которой было бы прилично похоронить герцога, ни нѣмецкаго проповѣдника, который бы совершилъ отпѣваніе, и все это находится въ Нѣмецкомъ мѣстечкѣ, то онъ думаетъ, что тамъ, гдѣ обыкновенно совершается нѣмецкое богослуженіе, они и похоронятъ его (Gyldenstiernes Fagbog, 158; ср. ниже, III гл.). Важно также, что самъ Петрей (Historien, 253, 10) знаетъ только одну, будто бы «перестроенную» при Годуновѣ, церковь и мѣсто извѣстной ему московской лютеранской кирки прямо указываетъ въ Нѣмецкой Слободѣ. Главнымъ основаніемъ мнѣнія о построеніи и освященіи Кремлевской кирки или особаго молитвеннаго дома при первомъ Самозванцѣ служитъ слѣдующее свидѣтельство Bussow'a (Rer. Ros. I, 46): Diesen 10 May (1606 г.) ist die erste Evangelische Luttersche Predigt mit Zullas des Kaysers Demetrii aufm Schlosse Moscau gehalten worden, durch Herrn Martinum Beern Neustadiensem, darum dass es den Herrn Doctorn, Capitainen und andern Teutschen, so auf Kayser warten müssen, nach der Kirchen im Teutschen Flecken zu weit war. Такимъ образомъ здѣсь упоминается только о томъ, что съ соизволенія Лжедимитрія I была сказана (по Rer. Ros. 10-го, по списку Устрялова, 11-го мая 1606 г.) въ Кремлѣ («aufm Schlosse Moscau», по переводу Устрялова, I, 58, «во Дворцѣ») пасторомъ Беромъ первая лютеранская проповѣдь для докторовъ, капитановъ и другихъ, состоявшихъ при особѣ царя, Нѣмцевъ, которымъ было слишкомъ далеко ходить въ церковь въ Слободѣ, и нѣтъ ни слова объ отдѣльной Кремлевской киркѣ. Историки продолжили ея существованіе до временъ Михаила Ѳеодоровича, именно одни до 1614, другіе до 1632 года. Еслибъ она стояла здѣсь, неужели допустили бы это послѣ низверженія Самозванца?! Поэтому необходимо согласиться съ Фехнеромъ (Chron. I, 164—165), который, раскрывъ истинный смыслъ словъ Буссова, отнесъ всѣ эти разсказы о псевдокремлевской киркѣ къ области баснословныхъ. Впрочемъ, совершенно правильно понималъ извѣстіе Буссова еще Арцыбашевъ (Повѣствованіе о Россіи, М. 1843, III, стр. 340, прим. XXI) и даже самъ Снегиревъ (Москвит. 1843, VI, 273 Прав. Обозр. 1862, IX, 34), только у историковъ московскихъ кирокъ прошло это незамѣченнымъ, или, какъ Снегирева, который вѣрно передалъ слова Буссова привело къ почти не вѣроятному противорѣчію. Рабски слѣдуя Grot'y въ раз-

скій король Христіанъ IV, обратился къ Михаилу Ѳедоровичу съ просьбой отпустить королевичево тѣло въ Данію, то въ Посольскомъ приказѣ отвѣчали (8 февраля 1637 года) посланному: «въ великое разоренье Московскаго государства отъ Польскихъ и Литовскихъ людей палату и гробницу королевичеву, ради золота, серебра и всякой утвари, въ чемъ тѣло его положено, эти люди разорили, палата та засыпана землей, и есть ли на томъ мѣстѣ королевичево тѣло, о томъ подлинно не вѣдомо». Чтобы найти королевичевы останки, понадобились особые поиски [1].

Въ составѣ пасторовъ замѣчается перемѣна. Уроженецъ Ней-

сказѣ о построеніи Кремлевской кирки при Годуновѣ и о разрушеніи ея при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, Снегиревъ, совершенно неожиданно, вставляетъ въ срединѣ этого разсказа, «что 1606 года пасторъ Мартинъ Беръ, съ дозволенія государя (т.-е. Лжедимитрія I), говорилъ во дворцѣ проповѣдь для капитановъ, докторовъ и другихъ Нѣмцевъ, которымъ далеко было ходить въ Нѣмецкую слободу». Зачѣмъ же ходить имъ въ Слободу, если, по его же словамъ, Кремлевская кирка, построенная при Годуновѣ, была разрушена только при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, т.-е. слѣдовательно во времена Лжедимитрія I должна была стоять здѣсь невредимой?

[1] Bussow, 12, перев. 22; Моск. Главн. Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ, Дѣла Датскія, св. 9, 1637 г., № 1: «Пріѣздъ въ Москву датцкаго гонца Николая Голмера съ просительною королевскою грамотой объ отпускѣ въ Данію умершаго въ Москвѣ въ 1602 году датцкаго королевича Ягана». Буссовъ говоритъ, что хотя кирка была сожжена, но сводъ и гробница уцѣлѣли, и на этомъ, вѣроятно, основаніи Соколовъ (13) утверждаетъ, что гробница была сожжена Поляками во времена Михаила Ѳедоровича. Архивныя данныя не подтверждаютъ этого. Отдавшись подъ покровительство Самозванца II и затѣмъ оставивъ Россію, ни Беръ, сообщавшій свѣдѣнія Буссову, ни самъ Буссовъ, очевидно, не видали того, что̀ осталось въ Москвѣ послѣ катастрофы. Соколовъ (13) признаетъ еще, что эта гробница будто бы была подъ киркой, стоявшей въ Бѣломъ-городѣ у церкви св. Николая на Столпахъ; Снегиревъ (30—31) «временную могилу» для тѣла покойнаго принца отводитъ въ киркѣ, стоявшей «въ Земляномъ городѣ, на Поганомъ, что̀ нынѣ Чистый, прудѣ»; то же говоритъ и Jungblut (3). Очевидцы и современники похоронъ (авторъ Warhafftige Relation, 275—277; Massa, 44, рус. перев. 92; Petrejus, 10, рус. перев. 7, и др.) прямо называютъ мѣстомъ гробницы церковь въ Нѣмецкой Слободѣ, близъ Яузы, и нѣкоторые изъ нихъ подробно описываютъ погребальную туда процессію (см. ниже, III гл.). Вотъ какъ, напримѣръ, опредѣляетъ

штада на Орлѣ, лейпцигскій студентъ Мартинъ Беръ, по приглашенію (1601 г.) Московскою общиной, нѣсколько лѣтъ занимался обученіемъ дѣтей въ Нѣмецкой школѣ, и въ 1605 году старшій пасторъ Вальдемаръ Гуллеманъ, съ которымъ онъ прибылъ въ Москву, поставилъ его въ пасторы. При Самозванцѣ I имъ сказана была (10 мая 1606 г.) проповѣдь въ самомъ Кремлѣ, для служившихъ при царской особѣ лютеранъ, т.-е. для докторовъ, офицеровъ и другихъ; при Василіѣ Шуйскомъ онъ написалъ форму присяги Фридриху Фидлеру, который обѣщалъ Василію отравить Болотникова. Во времена Самозванца II застаемъ его въ Козельскѣ и Калугѣ, съ небольшою общиной, около полсотни человѣкъ. Москву онъ покинулъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что его тесть Конрадъ Буссовъ, пользовавшійся при Годуновѣ и Лжедимитріѣ значительнымъ положеніемъ и не устроившійся при Василіѣ, примкнулъ ко второму Самозванцу. Изъ Калуги Беръ ушелъ (1611 г.) въ Ригу, мѣсяцевъ 7 служилъ полковымъ пасторомъ въ Дюнамундѣ. Здѣсь или въ Ригѣ его тесть при помощи зятя составилъ, неправильно приписывавшуюся самому Беру, «Московскую лѣтопись съ 1584 по 1612 годъ». Затѣмъ Беръ опредѣлился къ церкви св. Іоанна въ Нарвѣ, гдѣ присутствовалъ (1615 г.) въ судебномъ процессѣ надъ вѣдьмой, кончившемся казнью подсудимой чрезъ сожженіе. Суровою манерой своей проповѣди онъ не снискалъ себѣ любви прихожанъ. По поводу ея, какъ видно изъ его же намековъ, они отзывались: «пасторъ сварливъ, желченъ, непріязненъ, недружелюбенъ, мы не можемъ долѣе терпѣть его и не хотимъ болѣе имѣть, что бы ни было съ нами, худо или хорошо». Однако онъ служилъ въ Нарвѣ долго: его имя встрѣчаемъ въ Альбомѣ Олеарія, гдѣ онъ подписался (28 янв. 1634) нарвскимъ пасторомъ и пробстомъ сосѣдняго округа и присоединилъ латинскій гегзаметръ: Omne solum forti patria est, ut pisci-

---

мѣсто этой церкви Петрей, въ своемъ описаніи окрестностей Москвы, предъ ея разореньемъ: «Близъ города Москвы лежитъ большое селеніе, въ которомъ до 700 крестьянъ и ремесленниковъ, оно называется Красное Село; въ четверть мили пути отъ него, на рѣкѣ Яузѣ, лежитъ Нѣмецкая Слобода, гдѣ живутъ иностранцы, которые построили изъ дерева свою собственную церковь и имѣютъ богослуженіе, тамъ есть также и лютеранскіе проповѣдники... Въ этой церкви покоится славный и высокородный князь, герцогъ Иванъ, родной братъ Христіана IV».

bus aequor—смѣлому всякая земля отечество, какъ рыбѣ море. Олеарію онъ сообщилъ (1636 г.) нѣсколько анекдотовъ изъ русской жизни, судя по обнародованному Олеаріемъ, неприглядпаго для Русскихъ свойства; померъ онъ въ 1646 году [1].

О Вальдемарѣ Гуллеманѣ, послѣ ординированія имъ Бера, не упоминается; изъ этой эпохи извѣстенъ по имени еще пасторъ Антоній Веберъ, по смерти котораго Московская община оставалась нѣкоторое время безъ проповѣдника [2]. Между тѣмъ одинъ купецъ, Карлъ Молинъ, лютеранскаго вѣроисповѣданія, привезъ съ собой бочара Георга Окса [3]. За неимѣніемъ проповѣдника, община выбрала Окса пасторомъ, въ котораго ординировалъ его нижегородскій пасторъ Ѳома Христіанъ.

Это случилось по минованіи опасностей, когда вступилъ на престолъ Михаилъ Ѳедоровичъ и разбѣжавшіеся иноземцы снова начали собираться въ столицу, разселяясь по различнымъ частямъ Бѣлаго и Земляпаго города, по преимуществу на Покровкѣ и ея окрестностяхъ. Здѣсь, въ Бѣломъ-городѣ, почти между нынѣшней Маросейкой и Златоустовскимъ монастыремъ, Опись Москвы 1621 («рк҃в») года отмѣчаетъ уже дома лютеранскаго причта: «дворъ нѣмецкаго дьячка Якова Юстрова, вдоль ч тырнадцать сажень съ третью, поперегъ двѣнадцать саженъ; дворъ нѣмецкаго попа Юрья Томосова, вдоль тринадцать саженъ, по-

---

[1] Bussow, 11, 46, 104 и слѣд.; Petrejus, 211, русск. пер. 225; Olearius, 1656, 187, 1696, 95, русск. пер. 170; Das Inland, 1836, № 36, 1848, № 38, 1851, № 44; A. Kunik, Aufklärungen über Konrad Bussow und die verschiedenen Redaktionen seiner moskowischen Chronik въ Bulletin de la Classe des Sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Imperiale des Sciences de Saint-Pétersbourg, 1851, VIII, №№ 20—24; Fechner, II, 444—447.

[1] По Becker'у («Памятники», I, № XV), онъ служилъ до 1619 года, но Büsching (II, 183) утверждаетъ, что онъ померъ въ 1609 году и что у общины послѣ того нѣкоторое время не было проповѣдника; о неимѣніи общиною пастора говоритъ и Olearius, 1647, 193, 1656, 320, 1696, 167, рус. перев. 373.

[2] Бочаромъ называетъ его Olearius (ibid); въ виду того, что онъ былъ знакомъ съ латинскимъ языкомъ, Іержемскій (Grot, I, 241) отрицаетъ это. Сообщеніе г. Соколова (46), будто бы Оксе жилъ въ Москвѣ во времена Междуцарствія, ни на чемъ не основано и противорѣчитъ извѣстію Олеарія.

перегъ восемь саженъ» [1]. «Мірскаго двора» или кирки въ Описи не означено. Но такъ какъ домъ кистера былъ просторнѣе, чѣмъ пасторовъ, и въ ближайшее затѣмъ время кистеръ кирки старыхъ Нѣмцевъ жилъ именно при своемъ храмѣ; то можно предположить, что «дворъ нѣмецкаго дьячка» служилъ теперь мѣстомъ для богослужебныхъ собраній, церковью. «Нѣмецкій попъ Юрій Томосовъ» (сынъ Томаса, Ѳомы), лицо, конечно, тожественное съ Георгомъ Оксе, и былъ при

[1] Архивъ Моск. Оруж. Палаты, рукоп. 666/1161: «Опись московскимъ дворамъ и списки земель данныхъ подъ постройки въ 7128—7140 (1620—1632) годы», другое заглавіе: «Опись дворамъ Каменнаго и прочихъ частей города Москвы 128 и 129 годовъ», л. 73, 74. Данное мѣсто рукописи Снегиревъ (Москвитян. 1843, VI, 276, Прав. Об. 1862, IX, 40) приводитъ въ такомъ видѣ: «въ описи дворовъ въ Москвѣ, 1620 и 21 годовъ, на Покровской и Фроловской улицахъ показано ««нѣсколько дворовъ нѣмчиновъ, нѣмецкихъ поповъ и дьячковъ»»; то же, безъ критическаго комментаріи, буквально повторяютъ за нимъ А. Смирновъ (Святѣйш. патр. Филаретъ Никитичъ. Чт. Общ. Люб. д. просв., 1873, февр. 240, отд. изд. М. 1874, II, 46) и Fechner (I, 196—197). Во всей рукописи слова «нѣсколько» нѣтъ, каждый домъ называется отдѣльно, и нѣмецкаго духовенства означено только два дома—одинъ «попа», другой «дьячка», а не «нѣсколькихъ поповъ и дьячковъ»; «нѣсколькихъ поповъ» тогда въ Москвѣ и не жило постоянно, историческіе документы («Памятники», I, XVI, Olearius, 1647, 193) называютъ одного Георга Оксе. Мѣстомъ означенныхъ домовъ въ Описи названъ «Тупикъ», сосѣднія съ нимъ мѣстности названы—выше: «Съ Покровки отъ Николы въ переулокъ. Противъ Николы на Покровкѣ (л. 66)... Златоустовскаго монастыря» (68),—ниже: (также) «Въ Тупикѣ» (л. 93)... Церковь Пречистые Богородицы у Котельника (98)... Въ Патріаршей Слободкѣ, что на Поганомъ прудѣ» (л. 101) и проч. Такимъ образомъ, церковные дома, по Описи, находились въ Бѣломъ-городѣ, налѣво отъ «Покровки» (т.-е. той части ея, которая нынѣ называется Маросейкой), если идти по переулку отъ церкви Николая Чудотворца (нынѣ ц. Николы въ Блинникахъ), близъ земельнаго участка, принадлежавшаго Златоустовскому монастырю, въ «Тупикѣ» (теперь, быть можетъ, Мало-Златоустовскій переулокъ). Собственно же «на Фроловкѣ» (л. 60) не означено ни одного иноземскаго двора, но въ сосѣднихъ переулкахъ, около ц. Гавріила Архангела, ихъ достаточно. Неточность у Снегирева произошла, вѣроятно, отъ того, что онъ рукописи не видалъ, а кто-нибудь сказалъ ему о содержаніи въ ней; этимъ же можно объяснить и то, почему онъ не воспользовался ею въ своемъ историческомъ описаніи Москвы, гдѣ начало многихъ церквей, которыя означены въ Описи, онъ отнесъ къ значительно позднему времени. См. также выше, стр. 46, прим. 1.

ней пасторомъ. Только что опредѣлившись на это мѣсто, Оксе, въ своей запискѣ о современныхъ ему церковныхъ старостахъ, подъ 1620 годомъ называетъ имена ея старостъ, Самуила Бернарда и Мартина Тёллинга [1]: съ этого же 1620 года начинаются церковныя книги общины [2]; книги, бывшія до Смутной эпохи, если только велись онѣ, вѣроятно, погибли вмѣстѣ съ прежнею церковью.

Храмина, какъ ни была мала и незначительна, сначала могла удовлетворять нужды небольшаго прихода. Послѣдовавшее затѣмъ быстрое приращеніе общины, какъ это, между прочимъ, видно изъ числа крещеній иноземческихъ дѣтей [3], способствовало тому, что Оксе и его прихожане улучшили свою церковь, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами. «Въ этомъ (1622) году—писалъ пасторъ—домъ Божій строился по моему настоянію предъ общиной [4],

---

[1] Заглавіе записки: Welche bey meiner Zeit alle Jahr Kirchen Vorsteher gewesen. Небольшой лоскутокъ ея сохраняется въ Архивѣ Моск. Михайловской кирки и отпечатанъ у Fechner'а, I, 192, 197—198.

[2] Отсюда еще можно предположить, что кирка могла существовать нѣсколько и ранѣе 1620 года; но нѣтъ основанія, вмѣстѣ съ Соколовымъ (13), утверждать, что до 1622 года «она простояла около 40 лѣтъ»: къ концу Смутной эпохи никакой кирки въ Москвѣ не осталось, церковь, построенная при Грозномъ, была разрушена при немъ же. Еще непонятнѣе, почему тотъ же авторъ указываетъ мѣсто этой простоявшей около 40 лѣтъ «старой» кирки въ Земляномъ-городѣ, когда онъ самъ же за нѣсколько страницъ выше призналъ (9) вѣрнымъ изслѣдованіе Fechner'а, что церковь, построенная при Грозномъ, находилась въ Нѣмецкой Слободѣ, т. е. за городомъ. Тою же вымышленностію страдаютъ (Fechner, I, 184—185, 187—188) повѣствованія другихъ историковъ о снесеніи въ 1614 г. Лютеранской кремлевской кирки на Моховую, гдѣ теперь Университетъ, и сломкѣ Лютеранской и Реформатской кирокъ въ 1616 году, какъ равно и сообщеніе Снегирева (34—35), будто бы «въ 1616 году бывшія въ Москвѣ лютеранскія церкви раздѣлились на старую и новую». Такое раздѣленіе случилось позднѣе. Какъ увидимъ, и хронологическія ошибки обусловлены главнымъ образомъ тѣмъ, что событія, переданныя Олеаріемъ, историками отнесены къ болѣе раннему времени, чѣмъ слѣдовало.

[3] Въ 1620 году ихъ крещено въ Москвѣ 24, въ 1622 году почти вдвое болѣе: 46. «Памятники», I, 183.

[4] Въ подлинникѣ собственно: ist das Gottes Hauss gebawet worden auf mein anhalten. Если-бъ не было церкви, не понадобилось бы, полагаетъ Fechner (I,

при содѣйствіи почтенныхъ, предусмотрительныхъ и уважаемыхъ лицъ, Генриха Бока Старшаго и Генриха Келлермана, которые отнеслись съ готовностію къ этому святому и богоугодному дѣлу, наблюдая за работами и собирая деньги съ прихожанъ, охотно жертвовавшихъ на то». Всего собрано, отъ 27 жертвователей, около 63 рублей; самъ Оксе внесъ 5 рублей; жертвовали Иванъ Риттеръ, пасторъ Нижегородской лютеранской общины, докторъ Валентинъ Бильсъ, Генрихъ Келлерманъ, Елисей Англеръ, Павелъ Грабау, Павелъ Вестгофъ, Давидъ Рутцъ и другіе.

Церковію пользовались иноземцы всѣхъ исповѣданій, лютеранскаго и реформатскаго, и различныхъ національностей. Въ Метрической книгѣ о крещенныхъ въ 1624 году отмѣчено [1], что «къ этой общинѣ принадлежало очень много Англичанъ, Шотландцевъ и Ирландцевъ, почти больше, чѣмъ Нѣмцевъ, и большинство изъ нихъ были военные». Между вступившими въ бракъ упомянутъ, подъ тѣмъ же годомъ, англійскій пасторъ, который, конечно, отвлекъ къ себѣ часть Англичанъ, чѣмъ и можно объяснить одновременное съ тѣмъ сокращеніе числа крестившихся въ Лютеранской церкви. Существованіе ея наше правительство однако считало нужнымъ скрывать отъ иностранныхъ правительствъ. Возобновленіе ея совпало съ сватовствомъ Михаила Ѳедоровича за племянницу Густава Адольфа, Екатерину, маркграфиню бранденбургскую, по вѣроисповѣданію лютеранку. На требованіе Густава, чтобы будущей царицѣ и ея людямъ имѣть свою кирку, бояре отвѣчали [2]: «костелы иныхъ вѣръ въ Московскомъ государствѣ ни-

---

198), никакого «пастоянія» пастора предъ общиной объ ея постройкѣ. Дѣйствительно, это рѣзко расходилось бы съ обычаями протестантскихъ приходовъ, гдѣ подобными дѣлами вѣдали не пасторы, но выборные представители, и потому слова Окса вѣроятнѣе понимать въ смыслѣ поновленія, украшенія, быть можетъ даже расширенія церкви, а не постройки ея. При этомъ невольно возникало бы предположеніе, что прежнее зданіе или сгорѣло, или покинуто, потому что объ одномъ бракосочетаніи 1620 года Оксе прямо отмѣтилъ («Памятники», I, 178) что оно совершенно было въ церкви (in der Kirche).

[1] «Памятники», I, 184.

[2] Моск. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Дѣла Шведскія, св. 32, г. 1623, № 2: «Отправленіе въ гонцахъ переводчика Андрея Англера въ Швецію съ грамотой отъ ц. Михаила Ѳедоровича къ шведскому королю Густаву Адольфу, извѣщающею

когда не бывали и впредь то статися не можетъ, потому что то нашей Православной вѣрѣ противно».

Въ 1626 году церковь сгорѣла, и вмѣсто ея была построена другая, деревянная, вдали отъ центральныхъ частей столицы. Ее поставили въ Большомъ или Земляномъ городѣ (Скородомѣ), у Земляного вала, за Фроловскими (нынѣ Мясницкими) воротами, на мѣстѣ, купленномъ общиной у вдовы Іоакима Люмзена и втораго ея мужа Іоста Кивета; церковные старосты при ея построеніи были Елисей и Андрей Англеры [1], переводчики въ Посольскомъ приказѣ. Не долго спустя, при пасторѣ Мартинѣ Мюнстенбергѣ, наши оффиціальные документы означали (1638 г.) это ея мѣсто въ Огородной Слободѣ, вблизи стоящей до сихъ поръ церкви св. Харитонія въ Огородникахъ; при киркѣ жилъ тогда ея кистеръ, старый и увѣчный, рядомъ прилегалъ дворъ пастора [2].

Георгъ Оксъ (или Оксе, Оссе) отличался начитанностію и умѣлъ пользоваться собраніемъ проповѣдей. Свои обязанности онъ выполнялъ дѣятельно и исправно велъ церковныя книги, цитатами цѣлыхъ строфъ обнаружилъ знакомство съ латинскимъ языкомъ; былъ женатъ два раза, на вдовахъ. О первомъ бракѣ онъ записалъ въ Метрикѣ: «24 мая (1621 г.), я, Георгъ Оссе, служитель Святаго Евангелія и этой общины, публично сочетался бракомъ съ почтенной и благочестивою госпожей Анной Дёсбергъ, оставшейся вдовою послѣ почтеннаго любителя искусствъ и весьма уважаемаго Аренда Клаус-

---

о желаніи государя вступить въ супружество съ родственницею его княжною Екатериной». Ср. ниже, VI гл.

[1] Rüsching, II, 184; Fechner, I, 203; ср. Акт. Ист. III, № 225; Собр. гос. гр. и дог., III. № 116 (тѣ части, въ которыхъ иноземцы-челобитчики опредѣляютъ (въ 1643 г.) мѣсто ихъ прежней кирки).

[2] Переписная книга города Москвы 1638 года. Изданіе Моск. городской думы. М. 1881, 255—256. 285—286, Перепись составлена на случай обороны столицы, и въ ней отмѣчено: «Да въ Огородной Слободѣ некрещенныхъ Нѣмецъ приходской дворъ, на немъ Слобода Нѣмецкая, а въ немъ живетъ нѣмецкой пономарь, старъ и увѣченъ, ружья нѣтъ. Дворъ нѣмецкаго попа Мартына Мартынова» (стр. 255) и проч. Затѣмъ въ итогахъ: «Загородныхъ 4 двора... Да нѣмецкой приходской дворъ, въ немъ ропата, въ немъ живетъ пономарь нѣмецкой, старъ и увѣченъ ружья нѣтъ. Да дворъ нѣмецкаго попа» (255) и проч.

сена фонъ-Штеллингверфта, его царскаго величества лейбъ-медика и переводчика. Вѣнчалъ школьный учитель Яковъ Нигенборгъ». Во второй разъ онъ женился (7 сент. 1626 г.) на вдовѣ Евѣ Гротъ. Къ старости, когда ему надоѣло читать и заниматься, онъ началъ разсказывать съ проповѣднической каѳедры такія баснословныя вещи, что община уволила (1634 г.) его отъ должности и назначила ему съ женою пожизненное содержаніе. О несдержанности его въ словахъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ весьма нескромныхъ замѣтокъ, занесенныхъ имъ въ Метрическія книги, которымъ онъ положилъ начало.

Преемникомъ ему община выбрала и подготовила учителя своей школы, Мартина Мюнстенберга, родомъ изъ Данцига, человѣка способнаго и трудолюбиваго. Бывши школьнымъ учителемъ общины и гувернеромъ дѣтей шведскаго въ Москвѣ агента (6 іюня 1631—20 августа 1632 г.) Ивана Мёллера (Joh. Möller), Мюнстенбергъ часто произносилъ проповѣди съ церковной каѳедры. Этимъ онъ ознакомилъ общину съ своимъ проповѣдническимъ даромъ, и она отправила (1633 г.) его въ Ревель за полученіемъ ординаціи въ пасторы [1]. Женатъ онъ былъ на Аннѣ «Моллеръ», быть можетъ, дочери шведскаго агента, что могло служить къ обезпеченію его общественнаго положенія и средствъ. Ему принадлежало (1638 году) два дома, одинъ въ Огородной Слободѣ, близъ его кирки, другой въ Бѣломъ-городѣ, на «Покровкѣ», близъ церкви Николая Чудотворца (на Маросейкѣ), и два человѣка прислуги [2]. Это не спасло его отъ невзгодъ. По словамъ Олеарія,

---

[1] «Памятники», I, № XV, стр. 176, № XVI, стр. 179—180, 185; Olearius, 1647, 194, 1656, 319—320, 1696, 167, рус. перев. 372—373; Büsching, II, 184; Fechner, II, 447—448.—Изъ Excerpta («Памятники», 185) видно, что Церковная книга, веденная Оксе, оканчивалась на 9-мъ февраля 1634 года, когда, слѣдовательно, и была прервана его пасторская дѣятельность; Мюнстенбергъ названъ (ibid) пасторомъ въ 1633, а учителемъ въ 1629 году, но когда началось его учительство, не отмѣчено.

[2] Въ «Переписной книгѣ города Москвы 1638 года» значится: «На Покровкѣ у Николы Чудотворца, что противъ Покрова... (дворъ) нѣметцкова попа Мартына Мартынова, у него людей Ивашка Татаринъ да Филька Ивановъ, съ пищальми (стр. 137)... Въ Огородной Слободѣ... дворъ нѣмецкаго попа Мартына

ему очень много пришлось испытать огорченій отъ долговъ, надѣланныхъ имъ вслѣдствіе пособія другимъ и послѣ московскаго пожара, въ которомъ онъ потерялъ остатки своего имущества; огорченія отъ русскихъ кредиторовъ будто бы даже преждевременно свели его въ могилу. «Съ горя и заботъ онъ заболѣлъ, и умеръ, не достигши и 36 лѣтъ своей жизни».

Извѣстіе тенденціозное. Пасторствовалъ Мюнстенбергъ значительное время, считалъ себя главнымъ въ Россіи пасторомъ и подъ конецъ жизни имѣлъ при себѣ помощника Валтасара Фадемрехта. Въ Альбомѣ [1] того же Олеарія подъ 30 сентября 1624 года онъ записался «пасторомъ Нѣмецкой общины въ Москвѣ и пробстомъ евангелическихъ церквей въ Россіи», а подъ 24 февраля 1639 года стоитъ: «Анна Моллеръ господина Мартина Мюнстенберга законная жена» и «діаконъ Нѣмецкой общины въ Москвѣ и директоръ ея школы Валтасаръ Фадемрехтъ». Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (9 іюля 1639 г.) Мюнстенбергъ приводилъ къ присягѣ одного изъ нѣмецкихъ переводчиковъ [2]. Можно предположить, что это не было на послѣднемъ годѣ его жизни: Фадемрехтъ называетъ себя «пасторомъ» не ранѣе 1645 года [3]; самъ Олеарій, въ послѣдній разъ бывшій въ Москвѣ въ 1643 году и составлявшій свое сочиненіе чрезъ года 2—3, замѣчаетъ: «теперь у нихъ пасторомъ Валтасаръ Фадемрехтъ...; прежній ихъ проповѣдникъ, въ наше время, былъ г. Мартинъ Мюнстенбергъ» [4]. Принявъ извѣстіе Олеарія о вре-

---

Мартынова, людей у него Ивашка Татаринъ да Филка Нѣмчинъ, у него двѣ пищали» (стр. 255).

[1] Хранится въ Моск. Румянц. Музеѣ, извлеченіе сдѣлано въ Das Inland, 1851, № 44, стр. 767—772: A. Schiefner, Ueber das Stammbuch von Adam Olearius.

[2] «147 г. іюля въ 9-й день переводчикъ Андрей крестъ цѣловалъ. Попъ былъ Мартынъ». Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Спб. 1881, I, 55.— Сообщеніе Becker'а («Памятники», I, 176), что Мюнстенбергъ померъ въ 1635—1636 гг., поэтому невѣрно.

[3] «Памятники», I, 185.

[4] Olearius, 1647, 194.—Въ отстраненіе различныхъ недоразумѣній и неточностей считаемъ необходимымъ сдѣлать здѣсь о самомъ Олеаріѣ слѣдующія предварительныя замѣтки. Количество посѣщеній Олеаріемъ Россіи до сихъ поръ въ нашей исторической наукѣ обыкновенно означается неточно, чаще всего го-

мени и причинѣ смерти Мюнстенберга и зная, что въ 1629 году онъ былъ уже учителемъ, пришлось бы допустить, что онъ опредѣлился въ учителя слишкомъ молодымъ. Равнымъ образомъ будетъ не понятно, почему не помогла своему пастору община, къ членамъ которой принадлежали богатые купцы и царскіе доктора, люди также

ворятъ о двухъ-трехъ разахъ, между тѣмъ, судя по его Альбому (Das Inland, 1851, № 44) и нѣкоторымъ мѣстамъ Описанія путешествія, онъ былъ въ Россіи четыре раза: въ 1634, 1636, 1639 и 1643 гг. Плодомъ посѣщеній явилось сочиненіе Offt begehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise, изданное авторомъ въ Шлезвигѣ въ 1647 и 1656 годахъ, послѣдній разъ съ измѣненіемъ заглавія, значительными дополненіями и поправками въ текстѣ; дополненія и поправки дѣлались авторомъ на основаніи слуховъ, достигавшихъ до него изъ Россіи, потому у него передается о многомъ, что̀ случилось уже послѣ его поѣздокъ въ Москву. Въ хронологіи событій онъ часто держится не столько прямаго указанія на то, въ какомъ году они случились отъ Р. Хр. или отъ того времени, какъ авторъ былъ въ Россіи, а отъ времени приготовленія имъ къ печати изданій; въ изданіи 1647 г. ведется счетъ отъ 1646 г. (наприм. на стр. 193 — о разрушеніи московскихъ протестантскихъ церквей, бывшемъ въ 1643 г., отмѣчено, что оно случилось «за три года предъ тѣмъ»; ср. 190), въ изданіи 1656 г. считается съ 1654 года (на стр. 33—о царскомъ переводчикѣ Гансѣ Гельмсъ Олеаріи выражается, что «онъ, говорятъ, живетъ и правитъ свою должность еще теперь, въ 1654 году»; стр. 221 и 240) или, во второй половинѣ книги, съ 1655 г. (279, 299), вслѣдствіе чего многія изъ событій въ этихъ изданіяхъ указаны различно. Изданіе 1656 года было выпущено Олеаріемъ затѣмъ подъ 1663 годомъ, причемъ 56 переправлено на 63, вставлено нѣсколько предварительныхъ тексту листовъ и измѣнено и дополнено приложеніе; что же касается разсказа о Россіи, то въ немъ измѣненій нѣтъ, текстъ и страницы тожественны. Все это необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи года передаваемыхъ Олеаріемъ фактовъ. Значительная доля неточностей и противорѣчій въ повѣствованіяхъ о протестантскихъ церквахъ и духовенствѣ, встрѣчаемая у историковъ, пользовавшихся Олеаріемъ, произошла именно отъ опущенія этого изъ вниманія: годы считались обыкновенно отъ времени перваго путешествія Олеарія по Россіи, почему событія болѣе поздняго времени относились къ болѣе раннему, случавшееся при Михаилѣ Ѳедоровичѣ иногда пріурочивалось къ царствованію Бориса Годунова и т. п. Въ наукѣ весьма распространено еще довольно роскошное по времени Гамбургское изданіе 1696 года, бывшее послѣ смерти († 1671 г.) Олеарія; русскій переводъ П. Барсова сдѣланъ съ изданія 1663 года. Благодаря Имп. Публич. Библіотекѣ и Моск. Рум. Музею, мы пользовались экземплярами всѣхъ этихъ изданій.

весьма обезпеченные, пользовавшіеся значеніемъ при дворѣ и въ церковныхъ дѣлахъ своей общины принимавшіе самое дѣятельное участіе. И если община, вмѣсто того, позаботилась такъ скоро пріискать ему помощника и преемника и въ то же время не оказала ему, какъ прежде Оксу, ни матеріальной, ни нравственной помощи, то ясно, что здѣсь служили виною не одни русскіе кредиторы.

Родившись въ одномъ съ Мюнстенбергомъ городѣ и подобно ему начавъ свою служебную карьеру со школьнаго въ Москвѣ учителя, Фадемрехтъ, сдѣлавшись пасторомъ, скоро вошелъ въ кругъ мѣстной нѣмецкой торговой аристократіи и пріобрѣлъ нѣкоторое значеніе даже внѣ своей церковной общины. Съ нимъ мы встрѣтимся много разъ.

Еще при пасторѣ Оксѣ часть его прихожанъ образовала (1626 г.) отдѣльную общину и устроила себѣ церковь въ Бѣломъ (Царь) городѣ [2]; весьма вѣроятно, что членами ея были по преимуществу жившіе въ этой части Москвы, которымъ ходить въ Скородомъ казалось далеко и неудобно, и что къ нимъ примкнули недавно прибывшіе и вновь переселявшіеся въ Москву, главнымъ образомъ люди военные. На службу къ себѣ они пригласили учителя школы при Первой общинѣ, Якова Нигенборга (или Нейенбурга). Въ записи бракосочетанія его въ 1632 году съ дѣвицею Елизаветой Кальтгофъ, въ Церковной книгѣ онъ названъ просто «пасторомъ Нѣмецкой общины въ Москвѣ». Ни его община, ни выстроенная ею церковь, слѣдовательно, еще особаго названія не носили; хотя здѣсь собственно, нужно думать, кроются первыя зерна извѣстной впослѣдствіи времени, такъ называемой, Новой лютеранской общины и Новой при ней церкви, или какъ ее первоначально называли, «Кирки новыхъ Нѣмцевъ» или «Офицерской кирки» [1]. Благодаря ей, численность перваго прихода сократилась весьма значительно: въ 1624 году, подъ которымъ упомянутъ англійскій пасторъ, бракосочетаній въ церкви этого прихода было 10, въ 1626 году, т.-е. въ годъ образованія Второй общины,

---

[1] Fechner, I, 203—204.

[2] Отъ нея ведетъ свое начало нынѣшняя лютеранская община съ церковью Петра и Павла.

было всего 5; крещенныхъ въ 1624 году считалось 35, въ 1626 году 24 человѣка [1].

Спокойно просуществовала церковь всего до года 1632-го. Интересенъ поводъ, по которому она была разрушена, какъ передаетъ о томъ Олеарій. Предъ осадою Русскими Смоленска, для которой было много нанято за границей иностраннаго войска, нѣкоторымъ изъ служанокъ въ купеческихъ домахъ [2] посчастливилось выйти замужъ за нѣмецкихъ офицеровъ. Новыя лейтенантши, капитанши и т. п. не хотѣли за богослуженіемъ въ церкви занимать мѣсто ниже бывшихъ своихъ госпожъ, купчихамъ же показалось крайне обиднымъ видѣть впереди себя своихъ прежнихъ служанокъ. Уступить не хотѣли ни та, ни другая сторона, и споръ между ними перешелъ однажды въ драку. Мимо кирки проѣзжалъ патріархъ и, узнавъ о причинѣ этой свалки, сказалъ: «Я думалъ, въ церковь Нѣмцы ходятъ съ благочестивыми мыслями, чтобъ отправлять свое богослуженіе, а не сводить свои тщеславные счеты». Кирка была срыта въ тотъ же день, и вновь построить ее позволили уже «за бѣлою стѣной, въ чертѣ Большаго города» (Скородома) [3], подальше отъ людскихъ глазъ и

---

[1] «Памятники», I, № XVI, стр. 179—180, 184.

[2] Въ русскомъ переводѣ П. Барсова (стр. 369 — 370) купеческія служанки (d. Kaufleuten Mägde) названы купеческими дочерьми; ошибка повторена потомъ Рущинскимъ, Религіозн. бытъ Русскихъ, 216.

[3] Olearius, 1647, 193; 1656, 317; 1696, 166. — Büsching (I, 6—7) и Dalton (4, 116) относятъ это событіе къ 1616 году, Grot (I, 236) и за нимъ Jungblut (7—8) къ 1614-му, то же, хотя нѣсколько и глухо, повторяетъ Снегиревъ (34). Патріарха тогда у насъ не было, дѣлами временно вѣдалъ крутицкій митрополитъ Іона, и свободный патріаршій престолъ берегли для митрополита Филарета Никитича, томившагося въ польскомъ плѣну, откуда онъ возвратился и былъ поставленъ въ патріархи въ 1619 году. Olearius въ изданіи своего сочиненія 1656 года говоритъ о разрушеніи, какъ о случаѣ, бывшемъ «за двадцать лѣтъ тому назадъ», въ эпоху осады Смоленска (стр. 317): Смоленскъ былъ осажденъ осенью 1632 года, хронологическій счетъ въ изданіи, какъ знаемъ, идетъ отъ 1654—1655 годовъ. Значительная часть нанятыхъ въ 1631 году полковникомъ Лесли военно-служилыхъ иноземцевъ прожила въ Москвѣ около полугода (Моск. Гл. Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію, 1631—1632 годы. См. также ниже, V гл., мѣсто о Лесли), и въ Церковныхъ метрикахъ о

соблазна. Впрочемъ, общинѣ какъ то опять удалось завести церковь въ прежней части Москвы. Несомнѣнно, у нея находилась она тамъ весною 1643 года [1] и именно, какъ намъ кажется, на Покровкѣ.

Въ надгробной рѣчи [2] надъ шведскимъ резидентомъ Мёллеромъ московскій пасторъ Георгъ Листеманъ восклицалъ: «когда его знатные люди просили, не можетъ ли честной нѣмецкій приходъ, чрезъ заступничество королевскаго величества шведскаго предъ царскимъ величествомъ, имѣть, согласно своему желанію, здѣсь, въ Москвѣ, свою божественную службу опять въ самомъ городѣ—и, о, вѣчный Боже! какъ онъ позаботился о славѣ Божіей, навострилъ перо, чтобъ храмъ и жилище Божіе опять было бы перенесено въ городъ!»

Расположеніемъ и помощью шведскаго правительства, въ виду начинавшейся тяжелой войны съ Польшей, у насъ въ началѣ 30-ыхъ годовъ тогда очень дорожили, почему Мёллеръ, какъ увидимъ впо слѣдствіи [3], пользовался въ Москвѣ необычною силой, такъ что могъ основать особую церковь, на своемъ Шведскомъ подворьѣ; однако утверждать, чтобы упоминаемая въ 1643 году кирка «новыхъ Нѣмцевъ» въ Бѣломъ-городѣ явилась здѣсь именно по его ходатайству, трудно: Листеманъ о результатѣ ходатайства умалчиваетъ, другихъ указаній на связь нѣтъ, какъ и вообще нѣтъ данныхъ о существованіи Лютеранской Бѣлгородской церкви въ тридцатыхъ годахъ, послѣ разрушенія ея Филаретомъ. Постоена она была, кажется, лишь въ началѣ сороковыхъ годовъ и, притомъ, безъ должнаго

бракахъ находится ясный намекъ («Памятники», I, 180) на то, что въ 1632 году было много бракосочетаній офицеровъ съ незнатными невѣстами. Все это прямо указываетъ на совершеніе событія никакъ не ранѣе 1632 года, незадолго до кончины (1 окт. 1633 г.) патріарха Филарета и, какъ сейчасъ увидимъ, въ резидентство Мёллера († 20 авг. 1632 г.)—Отмѣтимъ также, что, несмотря на всю ясность разсказа Олеарія, пасторъ Dalton (1887, 12), пользовавшійся этимъ авторомъ, очевидно, лишь въ выдержкахъ Fechner'a, тенденціозно передаетъ, будто бы виною разрушенія церкви была всего «одна пара женщинъ», заспорившихъ между собою внутри церкви о мѣстѣ.

[1] Акт. Истор. III, 385.

[2] Произнесена въ Москвѣ 6 сентября 1632 г., издана въ Ригѣ въ томъ же году, извлеченіе изъ нея у Fechner'a, I, 211—212.

[3] Гл. II, мѣсто о религіозной свободѣ для шведскихъ купцовъ.

разрѣшенія правительствомъ. По крайней мѣрѣ мы увидимъ ниже, съ какою легкостію она была потомъ уничтожена и съ какою настойчивостью старались выгородить себя изъ круга ея прихожанъ хлопотавшіе за кирку Первой общины, сваливая всю вину постройки Бѣлгородской церкви на Нѣмцевъ новопріѣзжихъ.

Судя же по тому, что рядъ пасторовъ, повидимому, не прерывался, самая община могла существовать постоянно. По прежнему продолжалъ править свою службу первый пасторъ общины, Нитенборгъ. На него пала очередь привести къ присягѣ двухъ переводчиковъ—въ 1640 году переводчика Василія Александрова и 18 іюля 1643 года переводчика Матвѣя Елисѣева, и въ первый разъ онъ записанъ: «приводилъ попъ Яковъ Юстремъ сынъ Ніенборхъ», во второй просто: «попъ былъ Яковъ Ніенборхъ» [1]. Едва ли не преемникомъ ему былъ упоминаемый въ русскихъ актахъ «московскихъ Нѣмецъ нѣмецкій попъ Иванъ Ивановъ», извѣстный тѣмъ, что ссужалъ Фильгобера, придворнаго проповѣдника у королевича Вальдемара, книгами во время борьбы (1644 — 1645 г.) этого съ русскими полемистами [2]. Этотъ Иванъ Ивановъ, быть можетъ, былъ пасторъ Иванъ Риддеръ, по смерти котораго его жена вышла (1662 г.) замужъ за лейтенанта Гендерсона [3]. Наконецъ, несомнѣнно, у общины является (въ 1648 г.) пасторъ Иванъ Якоби, сынъ котораго, Генрихъ, опредѣлился на русскую военную службу [4].

Одновременно съ обособленіемъ вновь пріѣзжихъ лютеранъ въ отдѣльную отъ прежней церковную общину, реформаты, состоявшіе по преимуществу изъ Голландцевъ и Англичанъ и возраставшіе у насъ теперь въ численности съ большей быстротой, чѣмъ нѣкогда при Грозномъ, прилагаютъ съ своей стороны усилія, чтобы въ церковно-богослужебномъ отношеніи мало-по-малу обставить себя отъ лютеранъ возможно независимѣе. Свои пасторы у нихъ бывали вре-

---

[1] Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи, 55.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Дѣла Датскія, карт. 24, 1645 г., 15 августа, въ «Отпускѣ изъ Москвы датскаго королевича Волдемара». См. ниже, стр. 80.

[3] Gordon, Tagebuch. Moskau, 1849, 315.

[4] «Памятники», I, 187, 5—6. Имя Якоби не Ioachim, какъ у Fechner'a I, 283.

менно, пріѣзжая съ послами. Такъ, находился пасторъ Коль въ свитѣ англійскаго посла Бауса; пасторъ д-ръ Ричардъ Джемсъ сопровождалъ посла Томаса Финча. 19 января 1619 года посольство было почетно встрѣчено въ Москвѣ и помѣщено въ Китай-городѣ, въ Большомъ Посольскомъ дворѣ, въ августѣ выѣхало обратно; корабль, на которомъ оно намѣревалось отплыть изъ Архангельска, потерпѣлъ крушеніе, часть посольства отправилась сухимъ путемъ, Джемсъ съ остальными провелъ зиму въ Холмогорахъ. Своимъ пребываніемъ въ Россіи этотъ старательный оксфордскій ученый воспользовался, чтобы собрать о ней свѣдѣнія; свои наблюденія онъ описалъ въ особомъ сочиненіи и привезъ въ Англію матеріалы по части языка и литературы, именно нѣсколько пѣсенъ и собраніе русскихъ словъ съ обозначеніемъ ихъ значенія на англійскомъ языкѣ. Былъ (1620 г.) пасторъ въ свитѣ Джона Мерика. Пріѣзжали съ пасторами и голландскіе послы. При голландскомъ посольствѣ 1630 года состоялъ пасторъ Овитій Аббема. Но реформаты считали теперь уже недостаточнымъ для себя принадлежать къ церкви Старой лютеранской общины или пользоваться этими посольскими пасторами, западавшими въ Россію на короткіе сроки. Не безъ связи съ этимъ стремленіемъ находится, конечно, приведенное уже нами извѣстіе 1624 года о бракосочетаніи въ Москвѣ англійскаго пастора. Какъ звали пастора и по какому случаю онъ очутился здѣсь, въ Метрикѣ не означено: но то обстоятельство, что одновременно съ тѣмъ замѣтна убыль въ числѣ прихожанъ единственной въ то время въ Москвѣ лютеранской церкви, какъ бы указываетъ, что онъ остался здѣсь на жительство, и съ него, быть можетъ, начинается рядъ постоянныхъ въ Москвѣ реформатскихъ пасторовъ, хотя, впрочемъ, подъ слѣдующимъ, 1625 годомъ пасторъ Оксе отмѣтилъ о себѣ, что онъ въ первый разъ теперь окрестилъ одного мальчика по англійскому обряду и на англійскомъ языкѣ. Совсѣмъ ли оставилъ Москву англійскій пасторъ, или на время, для совершенія церковныхъ требъ внѣ Москвы, рѣшить нельзя. Какъ бы то ни было, у общины вскорѣ (1629 г.) является своя церковь, для которой она выбрала мѣсто въ той же части Москвы, гдѣ находилась церковь Второй лютеранской общины, въ Бѣломъ-городѣ, только не на Покровкѣ, а неподалеку отъ нея, на Поганомъ прудѣ. Па-

сторомъ при ней, быть можетъ, служилъ «Иванъ Юстровъ». На разспросѣ (въ апрѣлѣ 1635 г.) въ Посольскомъ приказѣ, по поводу просьбы объ отпускѣ изъ Россіи, онъ сообщилъ о себѣ: «пріѣхалъ онъ къ Москвѣ съ своимъ своякомъ Давыдомъ Николаевымъ назадъ тому лѣтъ съ восемь, а имени своего въ Посольскомъ приказѣ не записалъ, потому что русскаго обычая не зналъ, и жилъ онъ на Москвѣ у иноземцевъ въ попахъ, а нынѣ хочетъ ѣхать въ свою землю и бьетъ челомъ государю, чтобъ его государь пожаловалъ, велѣлъ бы отпустить за рубежъ въ Свею на Новгородъ или на Псковъ и дать ему свою государскую проѣзжую грамоту, чтобы его по городамъ воеводы пропускали безъ задержанія». Его не задерживали.

Названный Давыдъ Николаевъ, который съ своей стороны присоединялъ просьбу объ отпускѣ пастора чрезъ Швецію, былъ Давидъ Рутцъ, агентъ датскаго короля Христіана IV, Голландецъ родомъ и, какъ кажется, реформатъ по вѣроисповѣданію; естественно, что того же вѣроисповѣданія былъ и его своякъ, пасторъ Юстровъ. Несомнѣнно, около времени отъѣзда Юстрова изъ Россіи служилъ въ Московской Реформатской церкви магистръ Генрихъ Ингенгёферъ, Саксонецъ, изъ Герцберга. Прибылъ онъ въ Россію въ качествѣ полковаго лютеранскаго пастора, во время войны подъ Смоленскомъ; по случаю смерти Густава Адольфа говорилъ (1633 г.) проповѣдь на Шведскомъ подворьѣ и вскорѣ послѣ того принялъ реформатство; свою жену, дочь извѣстнаго виттембергскаго богослова, д-ра Фёрстера, къ перемѣнѣ вѣры онъ однако не принуждалъ, и она по прежнему осталась лютеранкой. За нимъ слѣдовали Иванъ Булеусъ и Иванъ Кравинкель. Первый въ архивныхъ дѣлахъ названъ (26 іюня 1647 г.) «Голанскіе земли гостей и торговыхъ людей пасторъ Яганко Бюлеусъ»; Голландецъ Кравинкель пріѣхалъ въ Архангельскъ въ 1649 г. и чрезъ полгода былъ въ Москвѣ. То обстоятельство, что голландскіе пасторы оттѣснили англійскихъ, стояло, конечно, въ связи съ начинавшимся перевѣсомъ въ торговлѣ Голландцевъ надъ Англичанами, которые, къ тому же, завели себѣ особую церковь въ Вологдѣ.

Первоначально реформатами была, по свидѣтельству Олеарія, выстроена собственно деревянная часовня (eine hölzene Capelle), потомъ, не испросивъ на то разрѣшенія правительства, они приступили

къ постройкѣ большой каменной церкви (steinerne Kirche) и довели было ее до крыши. Обстоятельства между тѣмъ измѣнились: не успѣли они докончить своей стройки, какъ надъ ней и надъ всѣми вообще приходскими кирками разразилась (въ 1643 г.) правительственная гроза [1].

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Датскія дѣла, 1635 г. № 2: «Дѣло по челобитью датскаго въ Россіи прикащика Давида Миколаева Рудца о пропускѣ за границу свояка своего Ивана Юстрова, бывшаго въ Москвѣ пасторомъ»; о другихъ пасторахъ въ Англійскихъ дѣлахъ М. Гл. Архива, Статейн. списокъ, № 7, у Olearii, 1647, 194—195; 1656, 320; 1696, 167—168; въ «Памятникахъ», I, 179, 183; Извѣст. Англич. о Россіи, 101; у Гамеля, II, 241—246, Fechner'a, II, 512—513; о мѣстѣ и судьбѣ у Olearii, 1647, 193; 1656, 318; 1696, 166, и въ «Переписной книгѣ г. Москвы 1638 года», 143.—Grot (I, 442) и за нимъ Снегиревъ (36) и Dalton (4, 126—127) первымъ пасторомъ считаютъ Булеуса (1629—1648 г.), вторымъ Кравинкеля (съ 1649 г.) и ничего не знаютъ объ Ингенгёферѣ. Еслибы Булеусъ былъ пасторомъ съ 1629 по 1648 г., то во время пріѣздовъ Олеарія онъ былъ бы въ Москвѣ и этотъ, конечно, назвалъ бы его, между тѣмъ въ изданіи 1647 г. Олеарій говоритъ объ одномъ Ингенгёферѣ, въ Переписной книгѣ 1638 года также называется только одинъ «Индрикъ», т. е. Генрихъ Ингенгёферъ. Но и Ингенгёферъ не былъ первымъ пасторомъ: церковь явилась въ 1629 году, Ингенгёферъ перешелъ въ реформатство не ранѣе 1633 года. Не будетъ невѣроятнымъ, если допустить, что онъ занялъ мѣсто Ивана Юстрова. Такъ какъ своякъ Юстрова, Давидъ Рутцъ, жертвовалъ въ 1622 году на построеніе Московской лютеранской церкви, то это считали мы за указаніе, не были ли они оба лютеранскаго вѣроисповѣданія («Изъ истор. иностр. испов.» 40, 49—51); но затѣмъ найденъ нами архивный документъ, въ которомъ говорится о назначеніи Рутцемъ предъ смертію (1659 г.) въ опекуны своихъ дѣтей голландско-реформатскаго пастора Кравинкеля («Исковое дѣло Голландской земли торговаго иноземца Исака Руца съ Голландской же земли пасторомъ Яганомъ Кравинкелемъ», М. Гл. Архивъ М. И. Д., Монастырскія дѣла 1667—1668 г., № 92; см. также IV гл.): ясно слѣдовательно, что Рутцъ держался реформатскаго вѣроисповѣданія, котораго могъ быть и родственный ему пасторъ Юстровъ. Жертвовалъ же въ 1622 году на Лютеранскую церковь Рутцъ, нужно думать, потому, что она стояла тогда въ Москвѣ одна и что ея прихожанами считались и московскіе реформаты (см. выше, 57 стр.). Какъ бы то ни было, впрочемъ, имени перваго пастора прямо назвать еще невозможно.—Что касается мѣста Реформатской церкви, то, вслѣдъ за Олеаріемъ, историки опредѣляли его вообще въ Бѣломъгородѣ; разсмотрѣвшій этотъ вопросъ ближе, Fechner (I, 238—239), увидѣлъ ея собственно на Покровкѣ и одновременно съ тѣмъ мѣсто церкви Второй лютеранской общины счелъ на Поганомъ, нынѣ Чистомъ прудѣ. Сличеніе источниковъ,

Близость иновѣрныхъ храмовъ къ православнымъ церквамъ въ столицѣ соблазняла религіозно-нравственное чувство нашихъ предковъ. Соблазнъ и неудовольствіе возбуждались и другими причинами, болѣе практическаго свойства. Для церковныхъ приходовъ смежность кирокъ была неудобна въ томъ отношеніи, что стоявшіе поблизости

извѣстныхъ даннымъ изслѣдователямъ, съ источниками, неизвѣстными имъ, приводитъ къ обратному заключенію, именно, что на Покровкѣ была собственно Лютеранская кирка, а на Поганомъ прудѣ Реформатская. Къ помѣщенію Лютеранской кирки на Поганомъ прудѣ дали поводъ разсказы G r o t'a (I, 233—234, 240—242, 254—265), писателя на этотъ разъ крайне недостовѣрнаго. Самый Прудъ онъ полагалъ въ Земляномъ-городѣ, начало кирки отнесъ ко времепамъ Грознаго, конецъ—ко второй половинѣ XVII вѣка и считалъ ее церковью Старой общины: здѣсь ошибка на ошибкѣ (о раннемъ см. выше, стр. 43, 46 и слѣд., о позднемъ—ниже, въ повѣствованіи о Бауманѣ и Фокеротѣ). Помѣстивъ эту церковь на Поганомъ прудѣ и изъ документовъ по поводу жалобъ (о нихъ будетъ рѣчь послѣ) московскаго духовенства въ 1643 году на то, что Нѣмцы «на Покровкѣ и Поганомъ прудѣ накупили многія мѣста и также имѣютъ нѣсколько церквей» (Fechner, I, 231), убѣдившись въ существованіи въ 1643 году въ Бѣломъ-городѣ болѣе одной кирки, Фехнеру естественно было предположить мѣсто другой протестантской церкви, Реформатской, уже не на Поганомъ прудѣ, а на Покровкѣ. На которомъ изъ этихъ мѣстъ находилась та или другая церковь, данные документы не опредѣляютъ. Мѣсто Реформатской кирки ясно обозначено въ неизвѣстной изслѣдователямъ «Переписной книгѣ г. Москвы 1638 года», въ которой читаемъ: «Покровской сотни... (дворъ) нѣмецкой мірской; живетъ нѣмецкой попъ Индрикъ» (149), неподалеку отъ этого двора, въ той же Покровской сотнѣ, названъ домъ «Нѣмчина Петра Марселиса». Эта Покровская сотня находилась тогда на Поганомъ прудѣ, потому что въ жалобѣ отъ того же 1638 года московскихъ купцовъ на захваты иноземцевъ (Моск. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Дѣла Англійскія 1638 г., № 1, св. II: «Дѣло по челобитью россійскихъ купцовъ на англійскихъ и другихъ націй торговыхъ людей о недопущеніи ихъ торговать внутри Россіи») читаемъ: «А дворовъ на Москвѣ у иноземцовъ:.. дворъ Давыдка Миколаева (Рутца) на Покровкѣ, дворъ Петра Марселиса на Поганомъ прудѣ». Если же Реформатская церковь стояла на этомъ Прудѣ и была здѣсь одна, то другая протестантская кирка, Лютеранская, была, слѣдовательно, на Покровкѣ. Только при такомъ предположеніи и будутъ понятны слова пастора Листемана и жалобы духовенства на существованіе кирокъ на Поганомъ Прудѣ и Покровкѣ.—Затѣмъ, объ исторіи Реформатской церкви. B ü s c h i n g (I, 6—7, II, 199—200) и D a l t o n (Gesch., 4, 116—118) начало ея относятъ ко временамъ Годунова и будто бы она стояла до

ихъ русскіе дома покупались иноземцами въ свое владѣніе, вслѣдствіе чего приходы слишкомъ сокращались въ числѣ и не были уже въ силахъ ни поддерживать своихъ церквей въ должномъ благолѣпіи, ни въ достаточной степени содержать духовенство. Съ своей стороны, протестанты, которые поселялись въ центральныхъ мѣстностяхъ

1616 года, когда, по приказу патріарха, была разрушена, потомъ вскорѣ возстановлена внѣ бѣлыхъ стѣнъ, и опять уничтожена, чтобы въ 1635 или 1638 году явиться въ Новой-Иноземной Слободѣ; мысль о такихъ частыхъ превратностяхъ въ ея судьбѣ особенно развита у Dalton'a; о постановкѣ ея въ 1630-хъ годахъ въ Нѣмецкой Слободѣ передаютъ еще Grot (I, 435) и Снегиревъ (36). Что она не была при Годуновѣ, ясно изъ молчанія о ней современныхъ Борису писателей, изъ которыхъ Голландецъ и ревностный реформатъ Massa, какъ справедливо замѣтилъ еще Fechner (I, 188), конечно, не приминулъ бы упомянуть, такъ какъ онъ неоднократно говоритъ (русск. пер. 66, 92, 95) о Лютеранской киркѣ и свободѣ вѣры для протестантовъ. Годъ появленія кирки достаточно неопровержимо опредѣляется сохранившимся въ Моск. Гл. Архивѣ М. И. Дѣлъ (Дѣла Протестантскія 1629 г.) изображеніемъ печати Реформатской церкви: на немъ стоитъ 1629 годъ; время разрушенія указываетъ Олеарій, когда въ изданіи своего сочиненія 1647 года говоритъ: (193) «за три года предъ тѣмъ» (vor 3 Jahren), т.-е. предъ тѣмъ, какъ онъ подготовлялъ изданіе своего сочиненія. Въ послѣдующихъ изданіяхъ годъ разрушенія Реформатской кирки не опредѣленъ, но нѣсколько выше сказано, что разрушеніе Лютеранской церкви въ Бѣломъ-городѣ случилось «за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ», что дало историкамъ поводъ отнести то и другое событіе—разрушеніе какъ Лютеранской, такъ и Реформатской кирокъ—къ одному году; пользуясь же только позднѣйшимъ изданіемъ и означенные въ немъ годы считая со времени пребыванія Олеарія въ Москвѣ, Büsching, естественно, ошибся въ хронологіи событія, отнесши разрушеніе къ 1616 году. Послѣдующіе историки, не справившись поближе съ Олеаріемъ (о чемъ ясно, между прочимъ, свидѣтельствуетъ ихъ молчаніе объ Ингенгёферѣ), повторили и развили мысли Büsching'a, усиливъ его неточноети еще болѣе. Такъ, снесеніе Реформатской церкви въ Ново-Иноземскую Слободу сочтено въ 30 годы, между тѣмъ какъ Слобода явилась не ранѣе 1652 года; самое посѣщеніе Олеаріемъ Россіи Grot (I, 236) отнесъ даже къ 1614 году.

Въ значительной степени снова повторяетъ ошибки этихъ своихъ предшественниковъ г. Соколовъ (15), раздѣляя разсказанное Олеаріемъ одно и то же событіе на два и относя первую половину къ XVI вѣку. «Олеарій, пишетъ онъ, передаетъ слухъ или преданіе, что кальвинисты еще въ 16 столѣтіи построили деревянную часовню—(капеллу), внутри бѣлой стѣны или бѣлаго города и начали

города, дѣлали свое сосѣдство все болѣе и болѣе убыточнымъ для Русскихъ своими средствами наживы. Понятно, что когда неоднократныя жалобы москвичей не приводили къ желаемому, въ мартѣ 1643 года, въ моментъ особеннаго обострения религіозно-національныхъ и житейскихъ отношеній, непосредственно заинтересованные

возлѣ нея строить изящную каменную церковь и когда она была доведена уже до крыши, вдругъ, по приказанію патріарха, была разрушена, такъ какъ они строили ее безъ разрѣшенія царя и патріарха. Но этимъ глухимъ и неопредѣленнымъ слухамъ Олеаріи самъ мало довѣряетъ». Авторъ ссылается на «Olear. 369 и 370». Указываемыя имъ страницы находятся не въ нѣмецкихъ подлинникахъ, а въ русскомъ переводѣ, и нигдѣ, ни въ подлинникахъ, ни въ переводѣ, нѣтъ и намека на какое-то мало раздѣляемое Олеаріемъ преданіе изъ XVI вѣка. Вотъ это мѣсто: «Кальвинисты, также (т.-е. какъ и лютеране) внутри бѣлой стѣны, начали было строить изящную церковь, возлѣ бывшей тамъ деревянной часовни, и постройка эта доведена была уже почти до крыши; но такъ какъ патріархъ и великій князь на постройку соизволенія своего не давали и смотрѣли только на нее какъ бы сквозь пальцы, то патріарху и пришло однажды на мысль приказать разрушить сказанную церковь, вмѣстѣ съ нею и бывшую тамъ деревянную часовню. Такимъ образомъ кальвинисты въ продолженіе нѣкотораго времени ходили слушать проповѣдь въ Лютеранскую церковь, пока снова не получили дозволенія имѣть свою собственную» (рус. пер. 370). Переводъ этотъ сдѣланъ по изданію 1663 года; въ изданіи 1647 года о разрушеніи кирки сказано, что оно совершилось «за три года предъ тѣмъ» и послѣднія слова читаются такъ: «Кальвинисты за два года ходили слушать проповѣдь въ церковь къ лютеранамъ, пока они не получатъ собственную» (193). Данное свидѣтельство Олеарія не оставляетъ, такимъ образомъ, ни малѣйшаго сомнѣнія относительно времени передаваемаго тутъ событія: разрушеніе случилось въ началѣ сороковыхъ годовъ XVII вѣка; и разсказъ Соколова о преданіи изъ XVI вѣка, очевидно, навѣянъ ошибочными повѣствованіями прежнихъ историковъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ приписалъ Олеарію то, чего у него нѣтъ. И хотя въ томъ же примѣчаніи авторъ полемизируетъ съ Бюшингомъ и Дальтономъ, ссылкой на свидѣтельство Массы, но все это, какъ и самые цитаты изъ ихъ сочиненій, позаимствованы имъ у Fechner'a, I, 187—188, на котораго онъ однако въ данномъ случаѣ не указываетъ. Соколовъ продолжаетъ: «Гораздо достовѣрнѣе извѣстіе, что первая реформатская церковь была построена въ 1629 году на землѣ, пожалованной въ самомъ бѣломъ городѣ» (Цитуетъ: «Grot, 1. 434, Olear. 193. Моллеръ въ 1632 г. писалъ, что на печати этой церкви была такая надпись: «Sigil, Eccl. Reformat. Moscou. Russ. Anno 1629. Fechner 1. 205»). «Въ 1643 году, когда русскіе священники подавали жалобу на нѣмцевъ,

причты московскихъ приходскихъ церквей, въ томъ числѣ церкви Николая Чудотворца у Столпа (нынѣ въ Армянскомъ переулкѣ) священникъ Прокопій Аѳонасьевъ съ діакономъ Маркомъ Мироновымъ и церкви Козьмы и Даміана (на Маросейкѣ) священникъ Ѳедосій съ

реформаты, кромѣ упомянутой церкви, имѣли еще небольшую капеллу на покровкѣ въ бѣломъ же городѣ. Но въ роковой 1643 годъ обѣ они были закрыты» (Цит. «Fechner 1, 238»). Объ этомъ только событіи и говорится у Олеарія, а не о какомъ то преданіи изъ болѣе ранняго времени. Подобное сообщеніе авторъ едвали бы допустилъ, еслибы ознакомился хотя бы съ однимъ нѣмецкимъ подлинникомъ. Правда, онъ ссылается здѣсь на «Olear. 193», страница принадлежитъ нѣмецкому изданію 1647 года; но цитата заимствована имъ изъ Fechner'а (I, 205); только Fechner знаетъ вмѣстѣ и годъ изданія (1647), безъ чего цитата мало понятна, такъ какъ въ изданіяхъ страницы различны; у Fechner'а же взяты имъ и остальныя цитаты этой группы, причемъ ссылка на «Моллера» сдѣлана крайне неправильно. У Fechner'а (ibid) говорится, что въ 199 № Портфеля Миллера находится оттискъ уже несуществующей печати, и затѣмъ описанъ ея видъ и заключавшіяся въ ней нѣмецкія слова. Такой оттискъ въ Моск. Гл. Архивѣ М. И. Дѣлъ дѣйствительно есть, и, когда занимался тамъ Фехнеръ, онъ лежалъ въ указанномъ отдѣлѣ Архива, въ Портфелѣ (т.-е. собраніи документовъ) извѣстнаго исторіографа временъ Екатерины Великой, Миллера, въ папкѣ № 199; теперь онъ пріобщенъ къ Протестантскимъ дѣламъ 1629 года, на оберткѣ его надпись: «1629 г. № 1. Изображеніе печати Реформатской церкви въ Москвѣ». Миллеру принадлежитъ лишь честь нахожденія оттиска; что̀ случилось слишкомъ на столѣтіе позднѣе 1630-хъ годовъ, и утверждать, будто «Моллеръ въ 1632 году писалъ» (sic) о надписи на церковной печати, значитъ вполнѣ искажать фактъ и смыслъ заимствуемой цитаты. Очевидно, авторъ смѣшалъ здѣсь исторіографа Герарда Фридриха Миллера съ упоминаемымъ подъ 1632 годомъ у Fechner'а (I, 210—211) шведскимъ агентомъ Иваномъ Мёллеромъ, личностями ничего общаго между собою не имѣющими, и Мёллеръ, ходатайствуя о Лютеранской церкви, совсѣмъ не имѣлъ въ виду вопроса о церкви Реформатской, тѣмъ менѣе о какой-либо церковной печати.

Весьма серьезная неточность допущена здѣсь также преосв. Макаріемъ (Исторія Русской Церкви. Спб. 1882, XI, 233). Ссылаясь на русской переводъ Олеарія, Реформатскую часовню, Кальвинскую и Лютеранскую кирки онъ помѣстилъ въ Московскомъ Кремлѣ. Это ошибочно. Въ подлинникѣ (изд. 1656 г., стр. 317) стоитъ: «in der Stadt Musscow im Creiss Zaargorod», въ описаніи Москвы (146—149) и ея планѣ, имѣющемся въ нѣмецкомъ изданіи (между 143—144 стр.) различаются слѣдующія части города: «A. Das Schlos Kremelena. B. Kitaygorod, C. Zargorod vel Bielgorod. D. Skorodum. E. Streletska Slowoda». Слѣдовательно,

діакономъ Кирилломъ, подали (2 марта 1643 года) царю челобитную [1], съ жалобою на Нѣмцевъ, которые «въ ихъ приходахъ на своихъ дворахъ вблизи церквей поставили ропаты» и чинятъ разные соблазны и убытки. У правительства уже возникала, повидимому, мысль, что иноземцевъ слѣдуетъ поселить опять за городомъ, и результатомъ челобитной было царское повелѣніе: «ропаты, которыя у Нѣмцевъ поставлены на дворахъ близъ русскихъ церквей, сломать» и не допускать иноземцевъ до пріобрѣтенія домовъ въ предѣлахъ Москвы [2].

Въ силу даннаго распоряженія, упавшаго на иноземцевъ неожиданно, такъ что они не успѣли и предотвратить его, должно было разрушить не только кирки, бывшія въ Бѣлгородѣ, т.-е. Реформатскую, на Поганомъ прудѣ, и Лютеранскую Второй общины, бывшую на Покровкѣ, но и церковь Старой общины, стоявшую въ Земляномъ-городѣ, за Фроловскими воротами, близъ Земляного вала. Защитить Реформатскую церковь было не чѣмъ: каменную стройку реформаты затѣяли самовольно, безъ разрѣшенія высшей власти, и это имъ могли указать въ укоръ; Лютеранская церковь Второй общины находилась слишкомъ близко къ центру города, чтобы, при настоящемъ настроеніи правительства, надѣяться на успѣхъ въ ходатайствѣ за нее, да, кажется, и ея права были такъ же шатки, какъ и церкви Реформатской.

Застигнутые врасплохъ, иноземцы старались удержать выполненіе указа по крайней мѣрѣ относительно кирки самой дальней, стоявъ-

---

Царь-городъ Олеарій съ Кремлемъ не отожествлялъ и мѣсто кирокъ указалъ вѣрно, въ третьей части города, въ Царь или Бѣлъ-городѣ. Вообще, несмотря на разсказы многихъ нѣмецкихъ и русскихъ историковъ московскихъ протестантскихъ церквей, необходимо признать, что въ Кремлѣ, какъ православно-русской святынѣ кирокъ никогда не было и быть не могло.

[1] Били челомъ... церкви Миколы Чюдотворца отъ Столпа попъ Прокофей да дьяконъ Марко, да церкви Козмы и Демьяна попъ Ѳедосей, дьяконъ Кирилъ, съ товарыщи, девяти приходскихъ церквей» (Акт. Ист. III, стр. 114): подавали челобитную, такимъ образомъ, не «ein paar Pfarrgeistlichen», какъ утверждаетъ Dalton (1887, 13) и не «два московскіе священника», какъ означено у Соловьева (XI, изд. 4, стр. 371).—Полныя имена членовъ причта церкви Николая Чудотворца въ «Переписной книгѣ города Москвы 1638 года», 138.

[2] О другихъ обстоятельствахъ этого сложнаго дѣла см. въ IV гл.

шей на окраинѣ города и нѣсколько обезпеченной юридически. По примѣру изъ временъ Годунова, они начали хлопотать чрезъ придворныхъ докторовъ. Докторъ Иванъ Бѣлау, недавно прибывшій въ Россію и милостиво принятый (9 апр.) царемъ, чрезъ ближн. боярина Ѳ. И. Шереметева, вѣдавшаго Аптекарскимъ приказомъ, обратился со своими двумя сослуживцами къ царю съ челобитной (4 мая). «Тѣ иноземцы, докладывалось въ ней, которые, какъ жаловалось духовенство, въ Бѣломъ-городѣ, на Покровкѣ и Поганомъ прудѣ, настроили себѣ много домовъ и имѣютъ нѣсколько церквей,—новопріѣзжіе; у нихъ же, докторовъ, въ Бѣломъ-городѣ богомолья никогда не было; съизстари сходились они вмѣстѣ со служилыми иноземцами, переводчиками и торговыми людьми за Фроловскими воротами, близъ Землянаго вала, гдѣ они молились и молятся Богу и проповѣдуютъ Евангеліе и въ своихъ службахъ всегда отъ чистаго сердца молятъ Бога за государево многолѣтное здоровье и за счастливое воздержаніе скипетра Россійскаго государства; о томъ дворѣ челобитчиковъ и близъ его русскихъ храмовъ нѣтъ, кругомъ все огороды; имъ, докторамъ, далѣе того мѣста ѣздить изъ города невозможно, для того, что всякій часъ имъ нужно быть готовымъ для обереганія царскаго здоровья.» Поэтому доктора, «всѣ трое евангельской вѣры», просили дозволить имъ вмѣстѣ съ другими прежними иноземцами продолжать сходиться на этомъ мѣстѣ по старому, какъ то велѣно было при отцѣ государевомъ, Филаретѣ Никитичѣ. Москва разросталась; указываемое докторами мѣсто казалось правительству близкимъ, и кирка была сломана, такъ что у московскихъ лютеранъ, за исключеніемъ кирки Шведской, не осталось ни одной церкви. Поправить свои обстоятельства протестантамъ удалось, вплетя свои интересы въ дѣло сватовства Ирины Михайловны за датскаго королевича Вальдемара.

Ѣздившій въ Данію въ качествѣ русскаго свата, датскій агентъ Петръ Марселисъ, который занялъ мѣсто Давида Рутца, вернулся въ Москву какъ разъ въ это несчастное для кирокъ время (во второй половинѣ мая 1643 года). Онъ привезъ съ собой королевскую грамоту съ брачными условіями, гдѣ на первомъ планѣ стояло требованіе для Вальдемара и его людей свободы вѣры и мѣста для сооруженія въ Москвѣ имъ своей кирки. Грамота была переведена въ По-

сольскомъ приказѣ; Марселисъ также передалъ, какъ онъ завѣрилъ въ Даніи относительно свободы вѣры. Правительству не трудно было теперь догадаться, что если оно желаетъ завлечь Вальдемара въ Москву, то необходимо поддержать за границей славу о своемъ покровительствѣ лютеранскому вѣроисповѣданію, и что существованіе у московскихъ и иноземцевъ кирки, дозволенной по милости, а не въ силу формальнаго договора, было бы вполнѣ благовиднымъ предлогомъ отстранить датское требованіе о церкви: вопросъ о московскихъ киркахъ въ глазахъ правительства такимъ образомъ неожиданно самъ собою соединился съ вопросомъ о сватовствѣ. Едва ли обошлось здѣсь безъ косвеннаго участія Марселиса. Какъ Гамбуржцу, представителю датскаго короля и иновѣрцу, интересы иноземцевъ и лютеранства ему были ближе мѣстныхъ, и самъ онъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, не только возбуждалъ на себя жалобы Русскихъ своими корыстными захватами, но и стоялъ во главѣ иноземной группы, старавшейся жить внѣ русскаго вліянія. Съ докторомъ Бѣлау, который просилъ за кирку Старой общины, онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ: приглашеніе Бѣлау на службу въ Россію состоялось при его посредствѣ. Челобитной духовенства и распоряженіемъ по ея поводу Марселисъ былъ задѣтъ лично: его домъ стоялъ на Поганомъ прудѣ [1], т. е. въ районѣ тѣхъ церквей, причты которыхъ жаловались на иноземцевъ, и еще прежде (1638 г.) московскіе купцы указывали правительству на неправильность занятія Марселисомъ этого дома.

Видную роль тогда игралъ другой иноземецъ, Генрихъ Келлерманъ («Андрей Келдерманъ»), тоже занимавшійся торговлей и не разъ исполнявшій различныя порученія правительства къ иностраннымъ дворамъ; его сынъ, Андрей, ѣздилъ (1640—1641 г.) въ Данію вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳоминымъ, развѣдывавшимъ о Вальдемарѣ, и захватилъ съ собою одну нѣмецкую брошюру о войнѣ Швеціи съ Австріей, которую отецъ при-

---

[1] Въ церемоніалѣ встрѣчи (26 дек. 1643 г.) Марселиса въ Москвѣ, когда онъ возвращался изъ Даніи въ качествѣ датскаго посла, впереди Вальдемара, было наказано боярамъ сопровождать его чрезъ Москву «на Поганый прудъ, на ево Петровъ дворъ». М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Дѣла Датскія 1642—1644 г. № 8/6. Ср. выше, стр. 69, примѣчан.

несъ въ Посольскій приказъ; ее перевели и прочли государю. Съ Марселисомъ Келлерманъ, былъ знакомъ хорошо и весьма возможно, что кое-что̀ узналъ и отъ него. Келлерманъ нашелъ, что теперь вполнѣ удобно снова поднять вопросъ о возобновленіи въ Москвѣ лютеранской кирки, и совмѣстно съ ротмистромъ Андреемъ фонъ-Менгденомъ подалъ челобитную, въ которой, извѣщая, что отыскали удобное мѣсто для кирки за Земляным городомъ, между Фроловскими и Покровскими воротами, на пахотномъ полѣ, они просили отвести имъ этотъ участокъ изъ боярской или слободской земли, «гдѣ бы имъ впредь мочно было избу съ комнатою поставить и съѣзжаться для богомолія и евангельскаго чтенія, Бога молить по ихъ вѣрѣ». О пріисканіи мѣста они ссылались на царское повелѣніе. Когда вышелъ такой указъ, неизвѣстно; въ раннихъ документахъ касательно кирокъ не упоминается о немъ. 8 іюня, въ день чтенія въ Посольскомъ приказѣ русскаго перевода грамоты, привезенной Марселисомъ, велѣно было мѣсто, означенное въ челобитной, осмотрѣть, измѣрить и узнать, кто владѣетъ имъ, и о всемъ доложить государю. То былъ огородъ Никиты Зюзина, между Фроловскими и Покровскими воротами, за валомъ, въ 20 саженяхъ отъ городскаго рва, т.-е. недалеко отъ прежняго мѣста, только по другую сторону вала, но отъ православныхъ храмовъ на значительномъ разстояніи. Прежніе просители, доктора, между тѣмъ выказывали теперь особенную ревность къ службѣ. Въ іюнѣ они удачно лѣчили Михаила Ѳедоровича отъ рожи и получили за то подарки, въ первой половинѣ іюля представляли самому вліятельному тогда ближнему боярину, Ѳ. И. Шереметеву, одинъ за другимъ новыя средства отъ лѣченія различныхъ болѣзней. И возраженій на просьбу Келлермана уже не слышалось. 19 іюня Марселисъ тайно представлялъ государю подробности своего посольства, 20 числа былъ докладъ о мѣстѣ для кирки; мѣсто государь велѣлъ отдать.

Доставить отвѣтъ въ Данію опять поручили Марселису. Отвѣтная царская грамога была готова на другой день послѣ того, какъ Марселисъ снова (8 іюля) былъ тайно у государя. Собственно о вѣрѣ и киркѣ въ ней говорилось: «Королевичу графу Вальдемару и его всему двору и слугамъ въ вѣрѣ и въ законѣ неволи никакой не будетъ, а о томъ, чтобы поволено было мѣсто, гдѣ кирку поставить,

договоръ будетъ съ послами королевскаго величества, которые пріѣдутъ съ его королевскимъ сыномъ къ нашему царскому величеству къ Москвѣ, гдѣ киркѣ быть. А у предковъ нашихъ, у великихъ государей царей и великихъ князей россійскихъ, и нынѣ у насъ, великаго государя, многихъ окрестныхъ государствъ иноземцы разныхъ вѣръ люди, которые у насъ, великаго государя, и въ подданствѣ, и мы, великій государь, и у тѣхъ въ ихъ вѣрахъ и въ законѣ воли не отнимаемъ, и кирки по ихъ вѣрамъ есть, и моленье свое совершаютъ по своимъ вѣрамъ и по закону». Дѣйствительно, чрезъ три дня (13 іюля) изъ Земскаго приказа вышла данная, по которой «старымъ служилымъ иноземцамъ разныхъ чиновъ, Посольскаго приказа переводчикамъ, золотаго и серебрянаго дѣлъ мастерамъ и старымъ московскимъ торговымъ Нѣмцамъ на томъ (досмотрѣнномъ) мѣстѣ для ихъ богомолья поставить избу съ комнатою и дворъ для своего пріѣзда огородить отъ Землянаго города, ото рва въ двадцати саженяхъ». Участокъ отведенъ былъ по тридцати саженъ вдоль и поперекъ.

Церковь здѣсь была выстроена просторнѣе прежней и обнесена крѣпкимъ заборомъ. Нѣкоторое время она служила мѣстомъ богослужебныхъ собраній для обоихъ вѣроисповѣданій московскихъ протестантовъ [1].

---

[1] Изъ сопоставленія данной (Собр. гос. гр. и дог. III, № 116) съ планомъ Москвы у Oleariі (изд. 1647 г. между стр. 114—115, изд. 1656 г. стр. 143—144, изд. 1696 г. стр. 72—73) видно, что она была приблизительно противъ дома нынѣшней Яузской части, почти на срединѣ линіи между Красными воротами и такъ называемымъ Земляным валомъ (въ XVII в. этимъ названіемъ обозначался также и валъ, пролегавшій по всей нынѣшней Садовой улицѣ).—Поправки неточностей означенія этого мѣста церкви Grot'омъ (и Снегиревымъ, 38), сдѣланныя Fechner'омъ (I, 239), у г. Соколова (14) отразились въ такой формѣ: «На этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь садовая пересѣкаетъ покровку или гдѣ стоятъ красныя ворота, была построена деревянная кирка». Не понятно, что̀ собственно хочетъ сказать авторъ: то ли, что кирка построена на мѣстѣ, гдѣ находятся Красныя ворота и Садовая пересѣкаетъ Покровку, или же то, что основали ее на одномъ какомъ-нибудь изъ этихъ пунктовъ. Но ни то, ни другое не справедливо. Красныя ворота стоятъ на Садовой при окончаніи Мясницкой улицы или, точнѣе, Мясницкаго проѣзда, Садовая, доходя до Покровки, оканчивается, и начинается тамъ нынѣшній Земляной валъ, который лежитъ отъ Воротъ на разстояніи болѣе полуверсты. Между этими

Миссіи о сватовствѣ посчастливилось. Вальдемаръ съ громадною свитой и многочисленнымъ посольствомъ двинулся въ предѣлы Московскаго государства. Предупреждая его пріѣздъ въ Москву, Марселисъ отправился впередъ и на разспросѣ (въ концѣ декабря того же 1643 г.) въ Посольскомъ приказѣ сообщилъ о томъ, что̀ дѣлалъ онъ въ Даніи. По его словамъ, Шведы и Голландцы распускали по Датской землѣ слухи, а иные изъ Москвы писали туда въ письмахъ и печатали въ различныхъ вѣдомостяхъ, что государь велѣлъ сломать тѣ хоромы, въ которыхъ иноземцы сходились и съѣзжались для богомолья; первые всю вину разрушенія сваливали на бояръ и дѣлали это съ цѣлію устрашить короля и королевича, такъ чтобы Вальдемаръ, услыша по-

---

пунктами (а не на нихъ), почти по срединѣ, и стояла прежде кирка. «Изъ сличенія Грота съ Олеаріемъ, продолжаетъ авторъ (15), оказывается, что старая община не вновь построила эту церковь, а перенесла ее сюда съ прежняго мѣста». На указанныхъ имъ страницахъ говорится у Грота о Лютеранской киркѣ на Поганомъ прудѣ, будто бы явившейся при Грозномъ и просуществовавшей тамъ до второй половины XVII вѣка, у Олеарія—о киркѣ Реформатской и о снесеніи Лютеранской церкви изъ Бѣлаго города въ Большой, въ эпоху осады Смоленска Fechner (I, 238—239) пользуется этими цитатами для иныхъ выводовъ.—Grot (I 239—240) передаетъ, что эту кирку выстроили на подобіе православной церкви съ колокольней и крестами, и назвали Михайловскою; но чрезъ три года послѣ ея постройки случилось мимо нея проѣзжать новому царю Алексѣю Михайловичу, который принялъ ее за православный храмъ и, по благочестивому обычаю, перекрестился. Духовникъ открылъ ему ошибку, и молодой царь велѣлъ перенести кирку за городъ и запретилъ ставить при киркахъ колокольни и кресты. Какъ разсказъ ни характеренъ, нѣтъ, основаній довѣрять ему: (Fechner, I, 268): Олеарій прямо говоритъ, что церковь, выстроенная за валомъ, была потомъ перенесена въ Нѣмецкую Слободу при общемъ туда выселеніи иноземцевъ (въ 1652 г.). Между тѣмъ, развивая извѣстіе Grot'a собственно о названіи кирки Снегиревъ (39) писалъ: «Кирка названа Михайловскою (Michaelskirche), въ честь св. Михаила Архангела: можетъ быть, такимъ ея названіемъ, сокменнымъ царю хотѣли также изъявить ему свою признательность. Данная утверждена государемъ въ день его ангела св. Михаила Малеина». На то, чтобы кирка имѣла тогда такое названіе, въ документахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека, самъ Grot оговорился, что «такого имени она потомъ не носила»; не совсѣмъ согласны и числа: именины правились 12 іюля, данная помѣчена 13 іюля. Не говоримъ уже о томъ, что такимъ названіемъ тогда можно было только глубоко оскорбить и встревожить государя.

добныя вѣсти, не ѣхалъ въ Москву. Узнавъ о такихъ слухахъ, король Христіанъ IV будто бы спрашивалъ Марселиса: «Для какихъ причинъ тѣ хоромы у иноземцевъ сломали? Прежде у царя Ивана Васильевича (Грознаго) въ докончальной грамотѣ съ его отцомъ, королемъ Фридрихомъ (II), было написано, чтобы Датчанамъ въ Иванѣ-городѣ и вездѣ кирки держать и Богу служить вольно по своей вѣрѣ. Шведамъ и до сихъ поръ позволено держать свою службу въ самомъ городѣ, на ихъ дворѣ, и въ докончательной грамотѣ между царскимъ величествомъ и шведскимъ королемъ то укрѣплено и утверждено [1]. Какъ смотрѣть на это, когда оно положено при началѣ такого важнаго дѣла?» Марселисъ отвѣчалъ: «Какъ онъ началъ жить въ Москвѣ лѣтъ съ тринадцать, сколько ни запомнитъ, всѣмъ иноземцамъ было вольно держать свою вѣру. Нынѣ же тѣхъ хоромъ не стало оттого, что нѣкоторые русскіе попы били челомъ великому государю, будто бы иноземцы Русскихъ людей прельщаютъ въ свою вѣру, и иныя нѣкоторыя неправыя дѣла умыслили и въ челобитную свою написали; по ихъ челобитью государь и велѣлъ сломать тѣ хоромы и вмѣсто того поставить ихъ или иные за городомъ, гдѣ имъ, иноземцамъ, съѣзжаться для моленья. Только царское величество пожалуетъ, велитъ сыскать въ правду, что русскіе попы били ему челомъ ложно, и они, иноземцы, надѣются, что тогда государь пожалуетъ, снова велитъ имъ для моленья по своей вѣрѣ хоромы въ городѣ поставить попрежнему».

Очень сомнительно, чтобы такъ именно говорилъ Марселисъ королю Христіану; уже слишкомъ наивно-добродушнымъ выставлялось здѣсь правительство, и рѣчь похожа не столько на дипломатическій разговоръ, сколько на косвенную правительству просьбу. За какое бы дѣло Марселисъ ни брался, онъ никогда не забывалъ себя и своихъ. Очевидно, результатъ, какого добились московскіе протестанты послѣ просьбы Келлермана, онъ считалъ недостаточнымъ, и ему хотѣлось побудить правительство возвратить иноземцамъ все утраченное ими. Понимая свое выгодное положеніе какъ посла и свата,

[1] Факты искажены, договоры съ Даніей и Швеціей заключали въ себѣ совсѣмъ иное. См. II гл.

онъ могъ разсчитывать своимъ отчетомъ произвести теперь на правительство, такъ-сказать, дипломатическое давленіе; лучшимъ средствомъ къ тому ему казалось то, чтобы свалить всю вину на духовенство, обѣлить своихъ и дать почувствовать правительству, какъ важно ему въ данный моментъ поддержать за собою славу о покровительствѣ иновѣрцамъ. Наши остались при своемъ, пропустивъ на этотъ разъ какъ бы мимо ушей совсѣмъ не двумысленные намеки Марселиса.

И мы видимъ теперь за городомъ какъ лютеранскую церковь, такъ и пасторовъ. «1645 года 15 августа (т.-е. въ періодъ сборовъ Вальдемара изъ Моеквы), въ послѣднемъ часу дня, стрѣльцы, десятникъ Иванъ Никифоровъ съ 5 товарищами, привели въ Стрѣлецкій приказъ московскихъ Нѣмецъ нѣмецкаго попа Ивана Иванова и съ нимъ привезли на извощиковой лошади, на роспускахъ, большой сундукъ, и сказали: стоятъ они нынѣ на караулѣ у Тверскихъ воротъ, и тотъ нѣмецкій попъ Иванъ везетъ за городъ тотъ сундукъ, и началъ попъ стрѣлецкому сотнику Григорью Волоцкому говорить, чтобъ стрѣльцы пропустили его съ сундукомъ за городъ, а въ томъ сундукѣ ихъ нѣмецкія книги, которыя вмѣстѣ съ сундукомъ давалъ королевичеву попу и Нѣмцамъ на подержанье, и сотникъ Григорій Волоцкой того нѣмецкаго попа съ сундукомъ и книгами прислалъ...» Документы о задержаніи пастора обрываются здѣсь, слѣдующіе ихъ листы въ дѣлахъ Посольскаго приказа о Вальдемарѣ не сохранились; но и изъ этого видно, что если Иванъ Ивановъ, какъ предполагаемъ, пасторъ Второй общины, просился къ себѣ за городъ, то еще легче догадаться о мѣстѣ жительства пасторовъ общины Старой [1].

---

[1] Матеріалы въ Моск. Гл. Архивѣ М. И. Дѣлъ, о жалобахъ москвичей на иноземцевъ въ Англійскихъ дѣлахъ, св. 11, о Марселисѣ въ дѣлахъ Датскихъ, св. 13 и 14, и Голландскихъ, № 2, о пасторѣ Иванѣ Ивановѣ въ Датскихъ дѣлахъ, карт. 24, о киркахъ въ Протестантскихъ дѣлахъ 1643 г. и Портфелѣ Миллера, № 199, а также въ Акт. Историч. III, № 92, стр. 114—115, № 225; Собр. гос. гр. и догов. III, № 116, IV, № 207, у Olearii, 1647, 193—194, 1656, 316—320, 1696, 166—167, пер. 369—370, и Fechner'a, I, 225, и слѣд., о докторахъ въ Матеріалахъ для истор. медиц. въ Рос., №№ 151, 153—155, 212, и у Рихтера въ Исторіи медицины въ Россіи, М. 1820, II, 67, и слѣд.—Объ участіи Марселиса въ судьбѣ кирки доселѣ не было извѣстно. Возстановленіе церкви приписывать прямо

Что̀ не удалось лютеранамъ, то до нѣкоторой степени сдѣлали для себя реформаты. Марселисъ могъ хлопотать за лютеранъ только по большей близости къ нимъ, чѣмъ къ православнымъ, и по тому, что на разрѣшеніе построить лютеранскую кирку онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на прецедентъ для построенія кирки реформатской; самъ же онъ, хотя и находился въ близкомъ родствѣ съ московскими лютеранами [1], судя по намекамъ Кильбургера [2], держался реформатскаго вѣроисповѣданія, и объ интересахъ послѣдняго ему естественно было хлопотать еще настойчивѣе. Вскорѣ реформаты выстроили себѣ особую церковь въ Скородомѣ («въ Земляномъ валу»). Изданное опредѣленіе относительно мѣста кирокъ, повидимому, истолковано было въ томъ смыслѣ, что оно касалось собственно города, а не «Земляного вала», въ которомъ она была теперь построена. Недовольные тѣмъ, Голландцы шли далѣе. Чрезъ свое правительство они начали хлопотать о дозволеніи имъ возстановить церковь въ прежней части столицы, въ Бѣломъ-городѣ. Ѣхавшій съ оффиціальными представленіями голландскій посолъ Альбертъ Бургъ померъ на дорогѣ, въ Новгородѣ, и его мѣсто заступилъ его сынъ Конрадъ. При немъ находились пасторъ, 6 человѣкъ дворянъ и 23 человѣка прислуги. Прибывъ въ Москву, онъ заявилъ (3 іюня 1648 г.) правительству: «Высокомочные господа Генеральные Штаты славныхъ вольныхъ соединенныхъ Нидер-

---

просьбѣ докторовъ (Снегиревъ, 38 — 39, Соколовъ, 14—15, А. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, Спб. 1883, III, 282) основаній нѣтъ: просьба Бѣлау подана 4 мая, послѣ чего кирка была сломана, данная на мѣсто послѣдовала 13 іюля, по поводу челобитной Келлермана съ Менгденомъ и послѣ различныхъ намековъ и дѣйствій Марселиса.

[1] М. Гл. Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Приказныя дѣла 1643 г., св. 157, № 31: «Дѣло по челобитью Дарьи Петровой жены Марселиса съ Иваномъ Дюкеромъ о томъ, что онъ матери своей, а ея бабушки, дворомъ и животами насильствомъ завладѣлъ». Иванъ Дюкеръ, какъ видно отсюда, былъ лютеранинъ: пасторъ Фадемрехтъ называется его «духовнымъ отцомъ».

[2] Kilburger's Kurtzer Unterricht von dem Russischen Handel, wie selbiger mit aus—und eingehenden Waaren 1674 durch ganz Russland getrieben worden въ Büsching's Magazin, III, 338, рус. переводъ Д. Языкова, подъ заглавіемъ Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, какимъ образомъ оная производилась чрезъ всю Руссію въ 1674 году. Спб., 1820, 198.

ландскихъ земель и его пресвѣтлое высочество князь Оранскій непомѣрно и весьма подивились, когда услышали, что ихъ подданнымъ, которые здѣсь живутъ, за нѣсколько лѣтъ до сего заказано явно собираться и имѣть свою Божію службу, съ того мѣста, которое они для того купили и о которомъ повольность получена отъ высокославныхъ предковъ (?) вашего царскаго величества, церковь сломана. И мнѣ наказали поэтому весьма служительно бить челомъ вашему царскому величеству, чтобы имъ милостиво пожаловано попрежнему держать со всею повольностью свою Божію службу. Объ этой статьѣ, которая имѣетъ за собою такое прямое основаніе, ихъ высокоможество и князь Оранскій вполнѣ надѣются, что ваше царское величество, по своему природному и далеко славному милосердію и по прямой мѣрности, не откажете, но ихъ и ихъ подданныхъ пожалуете. Съ своей стороны они объявляютъ о своемъ желаніи учинить и позволить въ своихъ земляхъ вашему царскому величеству и вашимъ подданнымъ такую же дружбу, повольность, добрый уставъ и расправу, по хотѣнью и надобности вашего царскаго величества, по мѣрѣ для нихъ возможности и подобно тому, какъ воздавано и повелѣно всѣмъ инымъ народамъ, съ которыми они находятся въ соединеньи и дружбѣ».

Ведшіе съ Бургомъ переговоры, бояре Мих. Мих. Салтыковъ и Григ. Гавр. Пушкинъ, Богд. Дубровскій, думный дьякъ Мих. Дм. Волошениновъ и посольскій дьякъ Алмазъ Ивановъ отвѣтили (22 іюля) ему: «Въ Московскомъ государствѣ прежде сего въ городѣ кирки не бывали, и нынѣ, мимо прежняго обычая, быть непригоже, а быть киркѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ устроена» [1].

Отвѣтъ правительства Голландцы истолковали въ смыслѣ оффиціальнаго утвержденія за ними права постоянно имѣть свою церковь въ Земляномъ городѣ, по крайней мѣрѣ они въ такомъ смыслѣ потомъ ссылались на него; наши придали ему значеніе временной мѣры,

[1] Моск. Гл. Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Статейный списокъ Голландскаго двора 1647 г. 7 августа—5 сентября 1648 г., № 4: «Пріѣздъ въ Россію... посла Альберта Бурха (который, не бывъ на посольствѣ, въ Новгородѣ умеръ) и сына его Конрада Бурха, которой правилъ посольство, ходатайствовалъ... не чинить обидъ голландскимъ подданнымъ, построить въ Москвѣ кирку и проч.; тутъ же и отпускъ ихъ изъ Россіи».

впредь до болѣе цѣлесообразнаго распоряженія [1]. Прежняя попытка реформатовъ выстроить себѣ церковь въ Бѣломъ-городѣ безъ разрѣшенія московской власти не имѣла успѣха, и теперь они добивались было того чрезъ посредство голландскаго правительства, которое однако тоже не привело къ цѣли, какъ не помогли предъ тѣмъ лютеранамъ вчинанія со стороны правительства датскаго. Постороннія ходатайства принимались нашими за вмѣшательство во внутреннія дѣла государства, тѣмъ менѣе желательное, что уже вполнѣ окрѣпла мысль о недопущеніи иновѣрныхъ церквей въ центральныя мѣстности столицы и созрѣвала потребность въ удаленіи за городъ всѣхъ иноземцевъ.

Между тѣмъ, пока такъ дѣйствовали реформаты, лютеране Второй общины, у которыхъ опредѣлился въ пасторы Иванъ Якоби, снова самовольно выстроили себѣ церковь и притомъ на русской церковной землѣ, чего уже никакъ нельзя было допустить нашимъ. Отъ 21 генваря 1649 года шведскій резидентъ въ Москвѣ Поммеренингъ доносилъ королевѣ Христинѣ [2]: «Будетъ ли, по приказанію е. ц. в—ства, сломана кирка офицеровъ, стоящая на русской церковной землѣ, а также сломаютъ ли другія зданія, стоящія на неудобныхъ мѣстахъ, — покажетъ время». Въ отстраненіе подобныхъ надеждъ Уложеніемъ Алексѣя Михайловича [3] было строго подтверждено постановленіе Михаила Ѳедоровича о сломкѣ кирокъ съ нѣмецкихъ дворовъ и о томъ, чтобы имъ въ Москвѣ не находиться ни въ Китаѣ, ни въ Бѣломъ и Земляномъ городахъ, кромѣ какъ за Земляным городомъ, отъ церквей Божіихъ въ дальнемъ мѣстѣ. Этимъ, свойственнымъ для нихъ, «дальнимъ мѣстомъ» оказалось вновь основанное сѣверо-восточное московское предмѣстье, на правомъ берегу Яузы, куда, по царскому указу (1652 г.), вскорѣ переселились всѣ жившіе въ Москвѣ иноземцы.

Выселеніе иноземцевъ въ Ново-Иноземскую или Ново-Нѣмецкую Слободу застало въ живыхъ трехъ пасторовъ—двоихъ лютеранскихъ

---

[1] Тамъ же, № 5, г. 1664. См. ниже, стр. 85—86.

[2] Донесенія Поммеренинга хранятся въ Стокгольмскомъ Государственномъ Архивѣ, въ отдѣлѣ Muscovitica. Извлеченія изъ нихъ обязательно доставлены намъ К. И. Якубовымъ, которому приносимъ за это искреннюю признательность. Г. Якубовъ готовитъ о Поммеренингѣ спеціальное изслѣдованіе.

[3] Полн. Собр. Зак. I, Уложеніе, гл. XIX, п. 40.

и одного реформатскаго, которые были надѣлены здѣсь самыми крупными участками земли, приблизительно одинаковыми съ тѣми, какіе были выданы высшимъ служилымъ иноземцамъ. Щедрость обусловливалась тѣмъ, что на ихъ участкахъ должны были стоять и храмы. Старшій изъ пасторовъ, лютеранскій проповѣдникъ Валтасаръ Фадемрехтъ, получилъ 40 саженъ вдоль и 19 поперегъ, близъ Нѣмецкаго кладбища, и на этомъ мѣстѣ явилась у его прихожанъ кирка, вмѣсто бывшей на огородѣ Никиты Зюзина; второму лютеранскому пастору, Ивану Якоби, выдѣлили около 30 саженъ вдоль и 22 поперегъ, здѣсь построила кирку его община, реформатскій пасторъ Иванъ Кравинкель пріобрѣлъ 40 саженъ вдоль и поперегъ 20, гдѣ сооружена была Реформатская церковь. Нѣкоторыя изъ кирокъ могли быть прежнія: тогдашнюю деревянную стройку легко было ломать и переносить по частямъ на другое мѣсто.

Чтобы лютеранскимъ церквамъ присвоены были у насъ какія-нибудь особыя названія, изъ памятниковъ того времени не видно: обыкновенно онѣ упоминаются по фамиліи служившихъ въ нихъ пасторовъ: Кирка Фидемрехта (иногда съ прибавкой «стараго»), Кирка Якоби; Реформатская церковь называлась также и Голландской или Индерландской, конечно, въ силу численнаго перевѣса въ ея приходѣ лицъ Голландскаго племени [1]. Богослуженіе во всѣхъ ихъ совершалось свободно, безъ препятствій; только, если вѣрить Олеарію [2], на первыхъ порахъ были непріятности вслѣдствіе самоуправства жены полковника Лесли. Она позволила себѣ крайне жестокое и безразсудное обращеніе съ крестьянами въ помѣстьѣ своего мужа: до того отягощала ихъ непомѣрною работой, что у нихъ не было времени молиться по утру и въ праздничные дни ходить въ церковь, постами заставляла ихъ ѣсть мясо, побросала даже въ огонь образа русскихъ святыхъ и т. п. Крестьяне пожаловались царю. Пока разбиралось дѣло, оскорбленная въ своихъ національно-религіозныхъ

---

[1] Моск. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Протестантскія 1652 и 1690 годовъ, Дѣла Голландскія 1664 г., № 5; П. С. Зак. I, № 85; Собр. госуд. и грам. и догов. IV, № 207; «Памятники», I, № 1; Rinhuber, №№ V, X.

[2] Olearius, 1656, 286—287, 319, рус. пер. 318—319, 372. О разсказываемомъ имъ случаѣ разгрома другаго указанія мы не нашли нигдѣ.

чувствахъ толпа Москвичей бросилась, въ отместку, въ Слободу, напала на кирки и произвела въ нихъ не малое разрушеніе: сорвала крыши, выбросила вонъ алтари и проповѣдническія каѳедры. Построить новыя крыши было потомъ разрѣшено, но «не дозволялось воздвигать каѳедръ и алтарей» (?).

Въ исторіи московскихъ кирокъ это было послѣднее на нихъ нападеніе; разгрома ихъ болѣе не повторялось. Протестанты сами подмѣтили, что вдали отъ русскихъ жилищъ имъ было много спокойнѣе, и если иные желали бы возвратиться вмѣстѣ съ храмами на прежнія мѣста, то по причинѣ, главнымъ образомъ, неудобствъ производить торговыя и другія операціи и по случаю открывшихся въ Слободѣ взаимныхъ неурядицъ, грабежей и разбоевъ. Для своихъ земляковъ выхлопотать это право взялся посолъ Голландскихъ Штатовъ Яковъ Борель. «Въ прежніе годы, подъ владѣніемъ предковъ вашего царскаго величества», представлялъ (13 февраля 1665 г.) онъ нашему правительству, «подданные высокомочныхъ Штатовъ, живущіе въ здѣшней землѣ, имѣли въ Москвѣ свои данныя мѣста, для совершенія Божіей службы; затѣмъ Нидерландская кирка была сломана, и предъ 1648 годомъ она, по указу вашего царскаго величества, построена въ Земляномъ валу, но въ 1653 году снова силою сломана, хотя и письменный отвѣтъ вашего царскаго величества въ 1648 году данъ и крѣпкая сказка учинена къ нимъ, высокомочнымъ, что кирка будетъ стоять въ Земляномъ валу, гдѣ стояла прежде: потому прошу изволенія вашего царскаго величества приказать поставить Нидерландскую кирку на этомъ ея старомъ мѣстѣ». На требованія посла бояре, кн. Ив. Сем. Прозоровскій съ товарищами, отвѣтили ему: «Въ Московскомъ государствѣ прежде кирки не бывали, а до 1648 году Нидерландская кирка хотя и была построена въ Земляномъ валу, но то учинено на время, до отысканія ей болѣе удобнаго мѣста; и нынѣ она построена на пристойнѣйшемъ мѣстѣ, гдѣ живутъ сами Нидерландцы, въ Ново-Нѣмецкой Слободѣ, у пастора на дворѣ, и тѣ изъ нихъ, которые торгуютъ въ Русскомъ царствѣ, дворы свои имѣютъ близко и для отправленія набоженства ходятъ свободно». Не добившись желаемаго, Борель, послѣ отпускной аудіенціи у государя, прислалъ въ Посольскій приказъ просьбу, чтобы государь по крайней

мѣрѣ «изволилъ изъявить, что Нидерландская кирка, построенная въ Нѣмецкой Слободѣ, тамъ подлинно стоять будетъ, и пожаловалъ бы завесть при ней часы и колоколъ, для того, чтобы въ пожарное время можно было остеречь другъ друга». Наши не обратили на это вниманія, что̀ было также тѣсно связано съ ихъ отказомъ на другое ходатайство посла о дозволеніи селиться на прежнихъ мѣстахъ въ Москвѣ самимъ «голландскимъ подданнымъ, которые здѣсь служатъ и торгуютъ» [1].

Безуспѣшность попытки служилыхъ и торговыхъ Голландцевъ не мѣшала процвѣтанію ихъ церкви, остававшейся по прежнему общею для всѣхъ реформатовъ. Извѣстію Олеарія и Рейтенфельса [2], принимаемому нѣкоторыми историками [3], будто бы въ Слободѣ явились и стояли двѣ отдѣльныя реформатскія церкви, Голландская и Англійская, довѣрять нельзя: въ другихъ, болѣе въ этомъ случаѣ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ [4], вездѣ упоминается одна только Реформатская церковь. Да и для кого понадобилась бы теперь Англійская церковь и кто бы поддерживалъ ее послѣ уничтоженія Англо-Русской торговой компаніи? Тѣ Англичане, которые въ эту пору вновь

---

[1] Моск. Гл. Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Дѣла Голландскія 1664 г. декабрь—1665 апрѣль, № 5: «Пріѣздъ въ Москву и отпускъ... голландскаго посла Якова Бореля»; Дѣла Протестантскія 1690 г.: «Дѣло по прошенію докторовъ, аптекарей, торговыхъ и инаго званія людей о позволеніи имъ сломать ветхую протестантскую въ Нѣмецкой Слободѣ церковь и построить новую, ссылаясь на бывшую о томъ же дѣлѣ голландскаго въ Россіи посла Бореля въ 1665 году прозьбу». П. С. Зак. III, 436.

[2] Olearius, 1656, 318; 1696, 167, русск. перев. 372; Iac. Reutenfels, De rebus Moschoviticis. Patavii, 1680, 113; извлеченіе на русск. языкѣ въ Ж. М. Н. Пр. 1839, XXIII. Свое свѣдѣніе Олеаріи могъ добыть лишь по слухамъ (см. выше, стр. 61), Рейтенфельсъ хотя и былъ въ Россіи между 1671—1673 годами и написалъ сочиненіе въ 1676 году, въ годъ смерти Алексѣя Михайловича (Adelung, II, № 110), но чѣмъ-то былъ введенъ въ заблужденіе.

[3] Снегиревъ, 39.

[4] Моск. Гл. Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Дѣла Протестантскія 1652 г. № 1, 1670 г. № 1, 1690 г. № 1; Собр. гос. грам. и догов. IV, 207; Fr. Adelung, Augustin Freiherr von Meyerberg und seine Reise nach Russland. St. Petersb. 1827, 209; Rinhuber, № X; Kilburger, 338, пер. 197.

приходили на службу въ Россію, принадлежали по преимуществу къ католическому вѣроисповѣданію и составили впослѣдствіи тѣсный кругъ во главѣ съ Гордономъ.

Пасторъ Кравинкель служилъ въ ней долго. Изъ данной эпохи извѣстенъ по имени еще пасторъ Андрей Гардинъ, Шотландецъ; въ первую половину 70-хъ годовъ подручныхъ Кравинкелю было два пастора (по именамъ не названы ни у кого), и всѣ они довольно мирно правили свою службу [1]. Присутствовавшій за богослуженіемъ 7 декабря 1673 года, профессоръ Брантъ [2], изъ свиты бранденбургскаго посла Скультета, отмѣтилъ, что вся кирка сосновая и въ ней, не далеко отъ двери, по обѣимъ сторонамъ, было по конусообразной изразчатой печи, съ рисунками зеленаго цвѣта.

Попеченіе о Реформатской церкви Голландскихъ Штатовъ и ея благополучіе возбуждали завистливую ревность въ московскихъ лютеранахъ и особенно въ наслѣдникахъ прежней Второй лютеранской общины, у которыхъ въ церковномъ вопросѣ несчастливилось очень долго. Мы уже видѣли, какъ еще въ пору пребыванія иноземцевъ въ самой Москвѣ эта община то переносила свою церковь съ мѣста на мѣсто, то совсѣмъ лишалась ея и ходила въ церковь старыхъ Нѣмцевъ, такъ что иногда трудно настаивать на органической преемственности и связи извѣстныхъ намъ о другой московской лю-

[1] Olearius, 1656, 320, 1696, 168; Rinhuber, 50. Такъ какъ Олеарій ничего не говоритъ о Гардинѣ въ изданіи 1647 года и въ изданіи 1656 о немъ передаетъ, какъ о жившемъ тогда въ Слободѣ (хотя ни въ томъ, ни въ другомъ изданіи не упоминаетъ о Кравинкелѣ), а «данная» 1652 года на участокъ въ Слободѣ выдана на имя одного Кравинкеля (Моск. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Протестантскія 1652; Собр. Гос. грам. и догов. IV, № 207), то нужно допустить, что Гардинъ явился въ Москву послѣ 1652 года. Поэтому же самому помѣщать его въ хронологическомъ реестрѣ пасторовъ выше Кравинкеля (Fechner, II, 515), или считать его жившимъ ранѣе переселенія иноземцевъ въ Слободу (Соколовъ, 15) основанія нѣтъ. Въ описи Нѣмецкой Слободы 1665 годъ (Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, Разрядная вязка № 1, дѣло 125) Кравинкель названъ, но о Гардинѣ не упомянуто: вѣроятно, тогда его уже не было.

[2] Brand, Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovien, Gross-Naugardien, Twerien und Moscovien..., heraus gegeben durch. H. Chr. von Hennin. Wesel, 1702, 236.

теранской общинѣ фактовъ, на томъ, чтобы это дѣйствительно была одна и та же община: Второю или Новой ее подъ-часъ приходится называть только потому, что рядъ пасторовъ при ней, повидимому, не прерывался и что одновременно съ нею была уже одна, прежде ея образовавшаяся община, т.-е., слѣдовательно, Первая, Старая. Въ противоположность этой, у нея еще не сложилось прочныхъ преданій, твердой устойчивости и неотложной потребности въ своей церкви. Существованіе кирки во многомъ зависѣло отъ простаго случая, количества прихожанъ, участія къ ней того или другаго заинтересованнаго ею лица; прихожане ея, по преимуществу «Нѣмцы новые», еще не укрѣпившіеся въ Москвѣ, могли дорожить ею главнымъ образомъ развѣ за ея близость къ ихъ жилищамъ. Недостаточно поддерживаемая своимъ приходомъ, кирка еще менѣе могла встрѣчать поддержки извнѣ, отъ членовъ прихода Первой церкви. Изъ послѣдующей исторіи узнаемъ, что старшая община смотрѣла на младшую, какъ на соперницу, и въ теченіе долгаго времени не признавала за нею одинаковыхъ правъ гражданства и старалась вредить ея самостоятельности, притянуть опять къ себѣ; можно догадываться, что то же недружелюбное отношеніе было и въ раннюю пору. Не безъ причины же прихожане Первой церкви въ 1643 году такъ настойчиво выдѣляли себя предъ нашимъ правительствомъ отъ прихожанъ Второй, Бѣлгородской кирки, сваливая всю вину на послѣднихъ: едва ли одно простое желаніе оправдать въ глазахъ правительства существованіе своей церкви руководило здѣсь ими. До какой степени измѣнился, и измѣнился ли составъ Второй общины съ переселеніемъ ея въ Слободу, прямыхъ указаній нѣтъ; повидимому, сохранялся прежній господствующій въ немъ характеръ—присутствіе вновь пріѣзжихъ иноземцевъ и по преимуществу лицъ военныхъ; послѣдній классъ долженъ былъ получить тѣмъ большее преобладаніе, что наплывъ его въ Россію въ это и ближайшее затѣмъ время былъ особенно замѣтенъ и въ Слободѣ онъ вскорѣ по численности сдѣлался рѣшительно господствующимъ. Между тѣмъ изъ всѣхъ новопріѣзжихъ иноземцевъ военные, опредѣлявшіеся на государеву службу, должны были, по условіямъ жизни, менѣе чувствовать потребность въ особой церкви: ихъ обыкновенно отправляли то въ одну, то въ другую сто-

рону государства; остававшіеся же легко могли удовлетворяться церковью Фадемрехта, которая, по перенесеніи ея въ Слободу, стояла теперь въ центрѣ скученныхъ около нея иноземцевъ. Дальности разстоянія теперь болѣе не существовало, къ тому же, этою церковію, когда она находилась на огородѣ Зюзина и была одна, пользовались долго, и у многихъ могла образоваться къ ней привычка. Отдѣльность Второй общины и существованіе при ней церкви болѣе обусловливалось теперь просто тѣмъ, что пасторъ Якоби былъ живъ, и наше правительство выдѣлило ему значительный участокъ земли, съ цѣлію основанія здѣсь особой храмины. Но Якоби скоро померъ (1657 г.), начинавшаяся на югозападной границѣ война должна была отвлечь туда военныя силы,—и приходъ снова рушился самъ собою. Небреженіе своею церковью и привычка къ киркѣ Фадемрехта отразились настолько, что община не приложила стараній ни о пріисканіи преемника умершему пастору, ни о сохраненіи храмины. Вдова пастора, Сара Якоби, имѣя уже взрослаго сына, вышла замужъ за подполковника драгунскаго строя Ивана Юкмана. Церковное мѣсто Юкманъ присвоилъ себѣ, въ качествѣ женинаго приданаго, и выправилъ (29 марта 1660 г.) на то изъ Земскаго приказа данную. Покинутая на произволъ судьбы, церковь ветшала; чтобы безпрепятственнѣе владѣть мѣстомъ, Юкманъ, быть можетъ, и нарочно приводилъ въ упадокъ прежнюю стройку. Всѣ лютеране опять ходили въ церковь Фадемрехта. Такъ дѣло длилось до вмѣшательства въ него вновь прибывшаго военно-служилаго иноземца Баумана [1].

---

[1] Главнымъ для насъ источникомъ тутъ служитъ хранящееся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, среди Духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій 1670 года, необыкновенно содержательное «Дѣло генерала Николая Бовмана съ товарищи о построеніи въ Москвѣ въ Нѣмецкой Слободѣ кирхи». Оно состоитъ изъ 192 листовъ въ формѣ столбца, листы въ немъ не перемѣчены и мѣстами крайне перепутаны. Существенное изъ него издано нами въ «Памятникахъ», I, № 1. Изъ ученыхъ воспользовался имъ одинъ пасторъ Fechner въ своей Chronik. Mosk, 1876. I. Собственно русскіе изслѣдователи еще не пользовались имъ. Правда, г. Соколовъ, касается (стр. 18—20) разсказываемыхъ въ «Дѣлѣ» событій и ссылается (примѣчан. стр. 9—10) на самый первоисточникъ, но, очевидно, онъ не видалъ документа: тѣ немногіе факты, которые приведены

Въ виду назрѣвавшаго малороссійскаго вопроса и благодаря стремленію Алексѣя Михайловича запутать враждебную намъ Швецію, князь Даніилъ Мышецкій, нашъ посолъ (1657 г.) къ датскому двору, имѣлъ порученіе втянуть Фридриха III Датскаго въ наступательную съ нами войну противъ Швеціи и пригласить на военную службу къ намъ полезныхъ офицеровъ. Въ Копенгагенѣ онъ встрѣтилъ полков-

---

у него, находятся у Фехнера, и самый документъ онъ цитуетъ такъ, какъ иногда, для краткости, цитуетъ его Фехнеръ, а именно: «Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Acten über Bauman, 70». На подлинникѣ надпись русская. Фехнеру, какъ писавшему по-нѣмецки и для иностранныхъ читателей, было перевести ее естественно, но, конечно, не для чего было переводить ее писателю русскому. Еще неудобнѣе рабское заимствованіе имъ у Фехнера цифры 70. На языкѣ Фехнера, который не разъ ссылается на этотъ документъ, она означаетъ: «Духовныя дѣла иностранныхъ исповѣданій 1670 года»; у Соколова же безъ этихъ оговорокъ цифра совершенно непонятна: по ней найти «Дѣла» въ Архивѣ нельзя (Замѣтимъ кстати, что и другія цитаты о Бауманѣ Соколовымъ взяты у Фехнера же). Кромѣ этого «Дѣла», въ Архивѣ находятся относящіеся сюда документы въ отдѣлахъ: Выѣзды въ Россію (1667 г., № 3; 1670, № 41, 46; 1673, № 6; 1692, № 16), Подлинныя саксонскія грамоты (1662—1674, изданныя нами въ «Памятникахъ», I, №№ IX—XIII), Саксонскія дѣла (1662—1674), города Любека дѣла (1656—1657 гг.), Датскія дѣла (1663, № 1; 1666, № 1; 1670, № 2), Письма и прошенія на Высочайшее имя (1662 г.) и Портфель Миллера, № 199. Значительная доля ихъ доселѣ не была извѣстна. Другая группа документовъ хранится въ Готѣ, въ Камеръ-архивѣ и Герцогской Библіотекѣ, и извлечена въ Eine ecclesia militans in Moscau vor zwei Jahrhunderten. Berlin, 1863, въ обширной біографіи Beck'a Ernst der Fromme, Herzog zu Sachsen-Gotha und Altenburg. Weimar, 1865, I—II, и въ Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Lavrent Ringuber. Berlin, 1883. Нельзя не пожалѣть, что издатель послѣдняго сборника взялъ документы съ рукописи только Библіотеки и не снесся съ трудами его предшественниковъ, почему допустилъ весьма важные недосмотры. Напримѣръ, о № V, одномъ изъ наиболѣе содержательныхъ писемъ Рингубера, онъ замѣчаетъ, что, за несуществованіемъ подлинника, напечаталъ его съ копіи, написанной различными почерками. Между тѣмъ у Beck'a, I, стр. 599, прим. 831, прямо указывается, что подлинникъ этого письма находится въ Камеръ-архивѣ, Cap. IX, Tit. III, № 10, то-есть, въ томъ же городѣ, только въ другомъ хранилищѣ. Вообще, сборникъ изданъ не съ тою осторожностью и эрудиціей, какія мы привыкли встрѣчать въ нѣмецкихъ изданіяхъ документовъ.—Данный вопросъ служилъ предметомъ также отдѣльнаго нашего изслѣдованія: «Генералъ Николай Бауманъ и его дѣло». М. 1884.

пика Николая Баумана, человѣка энергичнаго и настойчиваго, и пригласилъ его на русскую службу. Бауманъ согласился [1], равно какъ подполковникъ Альбрехтъ Шневичъ, одинъ маіоръ и 8 капитановъ. Въ спискѣ принятыхъ Бауманъ былъ означенъ «Датскія земли полковникъ, и инженеръ, и гранатный мастеръ Миколай Бовманъ». Узнавъ отъ состоявшаго при посольствѣ переводчика иноземца Ѳедора Мейера, что московскій пасторъ Якоби померъ, Бауманъ, съ согласія остальныхъ, отправлявшихся въ Россію офицеровъ, предложилъ Ивану Дитрику Фокероту (родомъ изъ Мюльгаузена, въ Тюрингіи) ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Москву и занять тамъ мѣсто умершаго пастора.

«Послѣ того, какъ по неотвратимому изволенію Божію», читается въ письмѣ его изъ Копенгагена къ Фокероту отъ 15 сентября 1657 года, «у духовной общины въ Москвѣ пасторъ и духовникъ N. N. взятъ временной смертью, ей на это мѣсто опять надобно подходящее лицо, которое бы могло пасти ее и служить ей проповѣдываніемъ спасительнаго слова и должнымъ совершеніемъ высокихъ таинствъ. Будучи прошенъ и уполномоченъ отыскать такое лицо, я, нижеупомянутый, признаю и свидѣтельствую симъ моимъ открытымъ письмомъ, что Божіимъ Провидѣніемъ, по совершеніи молитвы Св. Троицѣ, призвалъ и этимъ письмомъ, на мѣсто прежняго проповѣдника, во имя Св. Троицы призываю достопочтеннаго и высокоученаго Ивана Дитрика Фокерота нѣмецкимъ пасторомъ Московской общины, который обѣщалъ, что, какъ только установленнымъ порядкомъ будетъ поставленъ, онъ вступитъ въ должность и будетъ,

---

[1] Заимствуя изъ неточной на этотъ разъ выписки Fechner'a (I, 289) и по обычаю ссылаясь на Acten über Bauman, г. Соколовъ (прим. 76. стр. 9), пишетъ: «Генералъ Бауманъ поступилъ въ русскую службу 1654 года; въ 1657 году былъ въ Копенгагенѣ для приглашенія въ Россію воинскихъ людей». Не Бауманъ въ 1657 году, въ качествѣ прибывшаго изъ Россіи нарочнаго агента, приглашалъ другихъ на русскую службу, а самого его тогда пригласили сюда; ранѣе же онъ никогда и не былъ въ Россіи. См. издан. нами «Памятники», № I, стр. 13, 25—26, также грамоту о приглашеніи Баумана на службу (Любскія дѣла Архива 1656—1657 г.) и справку о пріѣздѣ его въ Москву (въ М. Гл. Архивѣ, Выѣзды въ Россію 1692 года, № 16).

подобно предшественнику, служить общинѣ въ дѣлахъ ея душевнаго спасенія и уча чистому неизмѣнному слову Божію, и должнымъ образомъ совершая св. таинства, а также будетъ наставлять въ христіанствѣ изъ катихизиса и другими поученіями любезное юношество и слугъ, посѣщать бѣдныхъ и больныхъ, поучать и утѣшать словомъ Божіимъ и во всей своей жизни держаться такъ, какъ подобаетъ истинному служителю Божію, безпорочно во всѣхъ дѣлахъ. За это онъ долженъ пользоваться, какъ и его предшественникъ, всѣми правами и всѣми доходами, безъ малѣйшаго исключенія. Потому я и прошу препочтеннаго, многоуважаемаго, высокоученаго г. Ивана Сванингія, доктора и профессора богословія королевскаго Копенгагенскаго университета и суперъ-интенданта въ Зеландскомъ округѣ, вышеупомянутаго г. Ивана Дитрика Фокерота посвятить и поставить въ должность проповѣдника, если онъ найдетъ его годнымъ по ученію и способностямъ». Для большаго удостовѣренія къ этой «призывной грамотѣ» Бауманъ приложилъ свою руку и именную печать.

Получивъ (18 сентября) ординацію отъ Сванингія, Фокеротъ на счетъ Баумана прибылъ (въ февралѣ 1658 года) въ Москву. Офицеры были приняты въ Посольскомъ приказѣ милостиво, щедро награждены [1] и скоро назначены въ войско, отправлявшееся подъ начальствомъ боярина князя Алексѣя Никитича Трубецкаго въ Малороссію противъ гетмана Выговскаго и крымскаго хана [2]. Туда они взяли съ собой и Фокерота. При осадѣ Конотопа (19 апрѣля—27 іюня 1659 года) Бауманъ отличился и за то, что тамъ «съ непріятели Татары и Черкасы бился, не щадя головы своея», былъ произведенъ въ генералъ-поручики въ честь его было написано по-нѣмецки стихотвореніе, въ которомъ онъ прославлялся, какъ герой конотопскаго сра-

---

[1] «Великаго государя жалованье дано имъ на пріѣздѣ: Полковнику Миколаю Бовману кубокъ золоченъ съ кровлею въ $\overline{Д}$ гривенки, ковшъ серебрянъ въ $\overline{Г}$ гривенки, $\overline{К}$ бархата, $\overline{К}$ камки, сукно, $\overline{М}$ соболей въ $\overline{ЛЄ}$ рублей, денегъ $\overline{р}$ рублей» и проч. Моск. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію 1692 года, № 16, св. 14: «Справка» въ «Дѣлѣ по челобитью генерала Франца Лефорта о пропускѣ въ Россію иноземца Христіана Ригеля и о награжденіи его за выѣздъ».

[2] Объ этомъ походѣ см. у Соловьева, изд. 1861, XI, 62 и слѣд.

женія [1]. Войдя въ славу и обезпеченный болѣе другихъ сослуживцевъ, Бауманъ содержалъ на свой счетъ Фокерота и по возвращеніи въ Москву вмѣшался въ церковныя дѣла, домогаясь вліянія на нихъ соотвѣтственно своему почетному служебному и общественному положенію.

Какъ и всѣ другіе, Бауманъ первоначально ходилъ въ церковь Фадемрехта. Но военнымъ чинамъ, которые служили въ Россіи давно, крайне было непріятно, что по служебной іерархіи выдвинулся новый человѣкъ; самъ Бауманъ, какъ уже генералъ, требовалъ въ свою пользу различныхъ уступокъ. Возникли пререканія. Бауманъ пересталъ ходить въ храмъ и открылъ агитацію въ пользу возстановленія Второй церкви; въ пасторы къ ней онъ прочилъ своего Фокерота. Тѣмъ легче это было сдѣлать, что съ прекращеніемъ войны военные люди возвращались теперь въ Москву и, въ качествѣ инструкторовъ, поселялись въ Слободѣ въ небываломъ дотолѣ количествѣ и на болѣе продолжительное время, чѣмъ прежде, когда правительство, послѣ военныхъ дѣйствій, имѣло обычай главную массу ихъ отпускать за границу. Могло также случиться, что послѣ войны у возвратившихся съ похода было болѣе достатка, и многіе изъ нихъ, по крайней мѣрѣ новопріѣзжіе и члены распавшейся общины Якоби, желали, подобно Бауману, играть роль значительнѣе, но со стороны жителей Слободы и старинныхъ прихожанъ Фадемрехта встрѣтили противодѣйствіе. Нашлись, естественно, лица, которыя на призывъ Баумана откликнулись весьма сочувственно и рѣшились хлопотать о возвращеніи неправильно захваченнаго вторымъ мужемъ Сарры, Юкманомъ.

Для вѣрности успѣха, челобитная правительству была составлена отъ имени прежнихъ прихожанъ Якоби: Бауманъ со всѣми вновь прибывшими оставались какъ будто бы въ сторонѣ. Ссылаясь на то, что прежде въ Новой Нѣмецкой Слободѣ было дано пастору Якоби мѣсто для богомолья его прихожанъ и они построили тамъ на

---

[1] Моск. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Датскія дѣла, карт. 31, 1670 года, № 2: «Отпускъ изъ Москвы въ Данію бывшихъ въ россійской службѣ генерала Николая Боумана и полковниковъ Корнеліуса и Вилгелма фонъ-Пасберговъ со служителями ихъ». Д. къ Акт. Ист., V, 91; Brückner, Zur Geschichte der Ausländer in Russland, Russische Revue, 1886, III, 295.

свои деньги «богомольныя хоромы и дворъ пастору», и указывая, что теперь «полковникъ Николай Бауманъ вывезъ изъ Нѣмецкой земли иного пастора для ихъ богомолья и вѣры», «иноземцы полковники, подполковники, майоры, капитаны и всякихъ чиновъ служилые люди» просили (осенью 1660 года) государя пожаловать ихъ, велѣть «дать имъ на богомольное мѣсто данную, противъ прежняго своего государскаго указа, чтобы на немъ впредь жить пасторамъ ихъ для богомолья и вѣры, а Ивана Юкмана съ его женой оттуда сослать». Не дождавшись рѣшенія, община приступила къ возобновленію церкви. Сынъ пастора, прапорщикъ Генрихъ Якоби, подалъ челобитную въ пользу своего отчима, прося выданную на его имя данную оставить въ силѣ и воспретить Бауману и начальнымъ людямъ насильно строить богомольную хоромину.

Изъ Земскаго приказа наряжено было слѣдствіе. Мѣра дворовaго мѣста сошлась съ прежнею дачей и въ длину и въ поперечникѣ, на дворѣ оказалась «богомольная хоромина двойня съ сѣньми; кругомъ двора заборы, ворота». Свидѣтели 16 человѣкъ, въ томъ числѣ голландскій пасторъ, показали, что то мѣсто дано пастору Якоби не подъ дворъ, а подъ богомольныя хоромины, которыя и были выстроены приходомъ, что пасторы всегда живутъ у нихъ на мѣстахъ, отведенныхъ подъ богомолье, и что по смерти пасторовъ тѣми мѣстами владѣютъ не жены, а вновь избранные общиной пасторы.

Судъ склонился на сторону церковной партіи. Было присуждено (12 ноября 1660 года) дворъ со всею городьбой и богомольно хороминой отдать прихожанамъ для богомолья и ихъ новому пастору Фокероту и на владѣніе имъ выдать данную; Юкману и Генриху Якоби пріискать себѣ въ Слободѣ другое свободное мѣсто.

По устраненіи препятствій, члены общины выстроили церковь заново. Главнымъ вкладчикомъ былъ Бауманъ, истратившій на то нѣсколько сотъ рублей; часть издержекъ была покрыта пожертвованіями, собранными съ прихожанъ по сборной книгѣ. По количеству прихожанъ изъ высшихъ военныхъ за нею въ иноземской средѣ вполнѣ укрѣпилось названіе Офицерской церкви. Богослуженіе въ ней правилъ Фокеротъ [1].

[1] «Памятники», I, стр. 4—6; Rinhuber, № X. Полтно послѣ этого, на-

Господствующее положеніе, занятое Бауманомъ въ новой общинѣ, нѣкоторымъ сослуживцамъ его скоро показалось тягостнымъ. Едва ли не замѣшался въ поднявшихся пререканіяхъ Фокеротъ; по крайней мѣрѣ, Бауманъ почему-то быстро охладѣлъ къ нему. Генералу сталъ болѣе нравиться учитель Нѣмецкой школы въ Слободѣ [1] Грегори, котораго онъ и пожелалъ имѣть пасторомъ.

Иванъ Готфридъ Грегори былъ сынъ мерзебургскаго [2] медика Виктора Грегори; мать его, по смерти мужа, вышла за другаго медика, извѣстнаго впослѣдствіи Лаврентія Блюментроста. По переселеніи (окт. 1658 года) въ Россію, Грегори опредѣлился учителемъ школы въ приходѣ Фадемрехта. Смѣтливость, начитанность и краснорѣчіе доставили ему къ тому времени нѣкоторую извѣстность. Не терпѣвшій противорѣчій, но и не знавшій удержу въ своихъ привязанностяхъ, Бауманъ, которому понравился Грегори, настоялъ, чтобъ онъ получилъ за границей ординацію и воротился пасторомъ [3].

сколько неточны разсказы Grot'a (I, 254—255), въ значительной степени повторенные Бушемъ (Busch, 214), Снегиревымъ и Мартыновымъ (Пр. Об. 1862 IX, 40; Москва. Текстъ составленъ Снегиревымъ при сотрудничествѣ издателя А. Мартынова. М. 1875, XXXII—XXXIII), что Офицерская церковь была построена Бауманомъ еще до основанія Ново-Иноземской Слободы, вскорѣ по его прибытіи (1647 г.) въ Россію, близъ Яузы, у нынѣшняго Гошпитальнаго моста, и править въ ней службу по временамъ приходилъ Фокеротъ, «пасторъ кирки на чистыхъ прудахъ».

[1] А не «ректоръ школы общины на Чистыхъ прудахъ», и былъ, замѣтимъ кстати, посвященъ въ пасторы не въ «Данцигѣ», какъ утверждалъ Grot, I, 255.

[2] Прежде полагали, что Грегори родился въ Ейслебенѣ, или Маргебургѣ, или Мюльгаузенѣ (Kilburger, 338, Rinhuber, 2, проф. Тихонравовъ, Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра. М., 1873, и др.), пока не сдѣлалось извѣстнымъ письмо герцогу Эрнсту (вполнѣ издано у Rinhuber'a, № II) самого Грегори, гдѣ онъ своей родиной называетъ Мерзебургъ.

[3] Объ этомъ фактѣ русскіе и нѣмецкіе источники значительно разногласятъ между собою. На допросѣ 12 сентября 1668 года въ Посольскомъ приказѣ Грегори разсказывалъ: «проспли его генералъ Бовманъ съ начальными людми и дали ему письмо, чтобъ онъ ѣхалъ въ Цесарскую землю и сталъ въ пасторы. а ставъ въ пасторы, пріѣхалъ въ Москву». «Памятники», 15. Спустя нѣсколько лѣтъ

Въ Іенѣ онъ получилъ ученую степень магистра; въ Дрезденѣ, въ присутствіи курфюрста и сановниковъ, былъ рукоположенъ (вѣроятно, въ началѣ апрѣля 1662 г.) въ пасторы. Почетъ былъ вызванъ тѣмъ интересомъ, который Грегори съумѣлъ возбудить къ себѣ и своимъ московскимъ единовѣрцамъ. По Саксоніи Грегори много говорилъ о положеніи протестантовъ въ Россіи и объ отношеніи къ нимъ русскаго правительства и настолько заинтересовалъ московскими лютеранами обоихъ саксонскихъ правителей, курфюрста Іоанна Георга II и герцога Христіана, что тотъ и другой послали съ нимъ въ Москву по грамотѣ, въ которыхъ рекомендовали его государю и ходатайствовали за лютеранъ, чего до сихъ поръ не бывало.

«Извѣстились мы», писалъ (16 апрѣля 1662 года) первый, «объ отмѣнномъ благоволеніи вашей пресвѣтлости къ Германскому народу и особенно къ исповѣдующимъ христіанскую вѣру по Августанскому уставу, и пасторъ Иванъ Грегори, урожденецъ нашей земли и нашъ подданный, посланный къ вамъ для священныхъ нуждъ исповѣдниковъ нашей церкви, весьма разславлялъ и хвалилъ, съ какимъ милостивымъ снисхожденіемъ разрѣшаете вы имъ въ предѣлахъ своего царства справлять общественное богослуженіе и имѣть церковь. Это ваше свойство наипристойно скипетру и державѣ вашей пресвѣтлости, и какъ угодно Господу, такъ и намъ сладко чувствовать его на себѣ. Возлагая надежду на взаимное благоволеніе, которое всегда питали наши предки и ваши предшественники, и движимые присущею намъ любовію къ живущимъ подъ вашимъ владычествомъ

(10 марта 1673), Рингуберъ представлялъ это дѣло въ Саксонію въ такомъ видѣ; «Грегорія, какъ выдающагося оратора, сильно желалъ имѣть проповѣдникомъ генералъ. Когда онъ, для продолженія своихъ ученыхъ занятій, уѣхалъ изъ Москвы, генералъ послалъ въ догоню стрѣльцовъ и взялъ съ него клятву, что онъ вернется въ Москву пасторомъ» (Relation, № X). По первому документу, Грегори просили и Бауманъ и старшины и снадбили его рекомендательнымъ письмомъ; по второму, Бауманъ одинъ насильно принудилъ его къ тому. Самъ Бауманъ въ своей жалобѣ на Фадемрехта излагалъ Алексѣю Михайловичу, что для поставленія въ пасторы послалъ въ Германію Грегори онъ, генералъ, съ соизволенія его царскаго величества (М. Гл. Архивъ М. И. Д., Письма и прошенія на Высочайшее имя 1662 г.).

исповѣдникамъ вѣры, мы не усумнились возобновить старыя доброхотныя отношенія и смѣло увѣдомить вашу пресвѣтлость о нашемъ къ вамъ расположеніи. Прося о томъ же самомъ, мы ходатайствуемъ, чтобы вы сохранили ваше доброхотство къ намъ и къ нашимъ единовѣрцамъ, какіе тамъ найдутся, впредь милостиво дозволяли имъ открытое и свободное исправленіе священнодѣйствія и держаніе для него храма въ обширнѣйшихъ владѣніяхъ, данныхъ вамъ Богомъ, и какъ вѣрнымъ сынамъ церкви Христовой и вѣрнымъ подданнымъ вашего царства, оказывали бы всякую помощь, милость и благоволеніе; и если они въ нуждѣ станутъ подавать вашей пресвѣтлости какія-либо просьбы по дѣламъ религіи, то ради насъ мы просимъ выслушивать ихъ благосклонно. Этимъ самымъ не только по всѣмъ концамъ вашего царства болѣе и болѣе будетъ возвеличиваться честь и слава Пресвятой Троицы, но и ваша пресвѣтлость будетъ имѣть служителей Божіихъ, которые станутъ открыто возносить моленія за вашу жизнь, здоровье, умноженіе вашего могущества», и т. д. Герцогъ саксонскій, въ своей еще болѣе витіеватой грамотѣ (отъ 23 мая того же 1662 года), въ сущности повторилъ то же самое; выражая благодарное удивленіе предъ милостивымъ отношеніемъ государя къ Нѣмцамъ и по преимуществу къ евангеликамъ, онъ ходатайствовалъ какъ за всѣхъ вообще жившихъ въ Россіи Нѣмцевъ, такъ въ особенности за пастора Грегори, «который добровольно подвергъ себя изгнанію, отказавшись отъ всего имущества, оставилъ отчину, отеческій дворъ, племянниковъ и всѣхъ родныхъ, на своемъ пути подвергался въ жизни многимъ опасностямъ, и все это ни для чего иного, но какъ послушный призванію отъ Бога».

Грамоты были въ Москвѣ переведены, и прочтены (въ концѣ октября) на Верху, во дворцѣ.

Лестно аттестованный саксонскими государями и какъ пріобрѣвшій ученую степень, Грегори, казалось, могъ вполнѣ разсчитывать на полученіе выгоднаго пасторскаго мѣста. Прежній покровитель протежировалъ ему. Пока Грегори находился за границей, Старая община сдѣлала Бауману нѣкоторыя уступки, выбрала его въ попечители своей церкви, и Бауманъ постарался было воспользоваться своимъ временнымъ значеніемъ, чтобъ повторить попытку опредѣлить въ пасторы

къ ней своего кандидата. Но «купеческій пасторъ» Фадемрехтъ, какъ называлъ его Бауманъ, рѣшительно не хотѣлъ имѣть при себѣ вліятельнаго сослуживца, съ которымъ бы пришлось дѣлить значеніе и доходы; по поводу представленій Баумана объ опредѣленіи Грегори онъ надѣлалъ генералу такихъ дерзостей, что этотъ сложилъ съ себя попечительство, и Грегори былъ опредѣленъ вторымъ пасторомъ при Офицерской церкви, въ сослуживцы Фокероту, который, въ свою очередь, то же желалъ бы отдѣлатся отъ вліятельнаго и краснорѣчиваго соперника. Не отличаясь краснорѣчіемъ и потому имѣя ограниченное число слушателей и вынужденый дѣлить теперь доходы пополамъ, самолюбивый Фокеротъ устраивалъ ему сцены и на сторонѣ очень плохо отзывался о немъ. Для проповѣди Бауманъ приглашалъ Грегори къ себѣ на домъ и старался унятъ неспокойнаго пастора. Представителями общины было взято (8 января 1663 года) съ Фокерота, за порукою четырехъ штабъ-офицеровъ, письменное обязательство не оглашать Грегори никакими позорными словами, ни тайно, ни явно, ни въ лицо, ни заочно, и почитать его, какъ честнаго человѣка и достойнаго пастыря своей общины [1].

Послѣ этого было спокойнѣе Бауману продолжать устройство церкви. Къ 1665 году въ ней были хорошо обдѣланные стулья, скамьи, каменная купель, каѳедра и алтарь. Церковныхъ доходовъ однако было недостаточно, чтобы содержать ее и существовавшую при ней

---

[1] Отсюда, отмѣтимъ кстати, уже можно видѣть, съ какими ограниченіями должно принимать слова г. Соколова (18), будто бы Грегори былъ пасторомъ особой общины, «Саксонской», которая лишь «примыкала» къ общинѣ Фокерота и образовалась въ 1662 году по ходатайству саксонскаго двора. Въ грамотахъ саксонскихъ государей 1662 года нѣтъ и тѣни ходатайства объ основаніи новой общины, и сама она считала и называла себя, какъ увидимъ ниже, пока безраздѣльно одною «Офицерскою». «Саксонскою» вся эта община можетъ быть названа несравненно съ меньшимъ правомъ въ томъ смыслѣ, какъ сосѣдняя съ нею, Реформатская, иногда именовалась Голландскою. Мнѣніе о такомъ раздѣленіи, очевидно, остатокъ указанныхъ выше (стр. 95, примѣч.) разсказовъ тѣхъ изъ прежнихъ историковъ, которые считали Грегори и Фокерота пасторами общинъ и церквей, находившихся даже въ различныхъ мѣстахъ: церковь Грегори стояла де въ Нѣмецкой Слободѣ, у Яузы, церковь Фокерота на Чистыхъ прудахъ.

школу въ томъ видѣ, какъ бы желалось генералу. Много потративши на ея постройку, онъ разсчитывалъ теперь на вспомоществованіе прихожанъ, надѣясь тѣмъ воротить свои израсходованныя средства и выплатить купцамъ, заимообразно ссужавшимъ деньги на ея постройку и украшеніе. Надежды не оправдывались. Жертвованія стекались слабо. Не только не чѣмъ было выплатить лежавшій на церкви долгъ, но нерѣдко задерживалась выдача жалованья пасторамъ, начальнику школы и кантору. Члены Старой общины, пользовавшіеся, какъ кажется, поддержкой изъ Гамбурга [1], подсмѣивались надъ Офицерской общиной, что она понапрасну ищетъ себѣ благотворителей и патроновъ. Бауманъ, съ группой лицъ, сочувствующихъ его намѣреніямъ, пришелъ къ мысли обратиться за пособіемъ въ Германію, съ какой цѣлію былъ посланъ туда Грегори, вмѣстѣ съ длиннымъ проситѣльнымъ письмомъ (отъ 12 марта 1667 г.) и сборною книгой.

Какъ нѣкогда грамоты саксонскихъ государей, письмо отличалось необыкновенно высокопарной цвѣтистостью выраженій и заискивающимъ характеромъ тона, и было составлено если не самимъ Грегори, то во всякомъ случаѣ при его участіи. Обращено оно было къ королямъ, курфюрстамъ, князьямъ, графамъ, дворянамъ, рыцарямъ, начальствамъ, имперскимъ и приморскимъ городамъ, вообще ко всѣмъ представителямъ и покровителямъ евангелическаго аугсбургскаго вѣроисповѣданія и адресовано отъ имени «правителей, старшинъ и старостъ Нѣмецкой аугсбургско-евангелической офицерской общины въ Нѣмецкой Слободѣ подъ Москвой». Упомянувъ, что ихъ «Нѣмецкая аугсбургская евангелическая московская кирка», которая предъ всѣми другими можетъ де, по слову пророка Исаіи (LIV, 11), быть названа бѣдствующей и безутѣшной, должна теперь прибѣгнуть къ помощи заграничныхъ господъ, и сообщивъ, что по благосклонности государя, послѣ ходатайства (1662 года) курфюрстомъ саксонскимъ чрезъ Грегори, московскіе офицеры пользуются теперь привилегіей свободно отправлять богослуженіе и имѣютъ вполнѣ благоустроенную церковь, старшины продолжали: ихъ церковное

[1] Mönkeberg, Die lutherische Kirche in Moskau eine Tochter der hamburgischen Kirche, Hamburg, 1878.

зданіе, при всемъ своемъ благолѣпіи, должно устами своихъ служителей вопіять и жаловаться всему свѣту о томъ, что не только еще не выплачено ссуженныхъ на его постройку денегъ ни генералъ-лейтенанту Бауману, ни тѣмъ купцамъ, чьимъ содѣйствіемъ пользовался генералъ, но не можетъ уплачиваться жалованье служащимъ при немъ и при школѣ. Хотя представители этой «теперь жалующейся общины» и не могутъ пенять на щедрость ея братьевъ по вѣрѣ, но такъ какъ эти послѣдніе разсѣяны по обширному пространству Россіи и, вслѣдствіе настоящихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, едва содержатъ себя, причемъ ихъ жалованье часто задерживается болѣе, чѣмъ на годъ; то годоваго дохода церкви не достаетъ на покрытіе долговъ ея кредиторамъ, которые требуютъ свои долги все настойчивѣе. Куда же они должны прибѣгнуть, чтобы спасти ее? Обратиться снова къ трону царя значило бы дерзко злоупотребить прежнею милостью, какъ будто они не хотятъ удовлетвориться ею: потому слѣдуетъ прибѣгнуть къ начальству и собратьямъ по вѣрѣ на ихъ родинѣ, какъ опорѣ и столпамъ ихъ религіи, чтобы тѣмъ отразить презрѣніе здѣшнихъ соотечественниковъ и ихъ укоры, будто община не можетъ найти себѣ ни патроновъ, ни благотворителей. По истинѣ, какъ магнитъ ищетъ себѣ покоя подъ полярною звѣздой, по тайному и неизвѣстному сродству, такъ и эта зыблемая на чужбинѣ церковь ищетъ удовлетворенія у свѣтилъ и звѣздъ ея родственниковъ по вѣрѣ, по тайному, быть можетъ, и Божіему изволенію. Это и побудило ихъ, послѣ долгаго обсужденія, снарядить кого-нибудь изъ болѣе почетныхъ единовѣрцевъ. Въ виду того, что государь никого не отпуститъ изъ лицъ военныхъ, порѣшили отправить «вѣрнаго духовнаго отца и заслуженнаго пастора теперь плачущей Нѣмецкой евангелической офицерской церкви, господина магистра Ивана Готфрида Грегори», за отсутствіемъ котораго всѣ дѣла общины будетъ править его сослуживецъ, пасторъ Фокеротъ, съ порученіемъ молить о помощи всѣхъ ихъ соотечественниковъ и братьевъ по вѣрѣ, свѣтскихъ и духовныхъ властей, и собирать и добросовѣстно доставить подаянія на ихъ церковь. «Итакъ всемилостивѣйшія и милостивѣйшія королевскія, курфюрстскія и княжескія главы христіанскаго міра и вы, благосклонные послѣдователи и члены Аугсбургскаго исповѣданія, ко-

торымъ нашъ посланный вѣрный духовникъ и пасторъ, г. магистръ Иванъ Готфридъ Грегори, вмѣстѣ съ этою просительною грамотой отдастъ нашъ нижайшій и всеподданнѣйшій поклонъ, въ ваши всемилостивѣйшія и милостивѣйшія и высокоблагосклонныя объятья вручаемъ мы нашу еще не обезпеченную церковь и всю нашу надежду возлагаемъ, послѣ Бога, на ваше милосердое и любящее отеческое лоно, ради Господа прося васъ, чтобы вы наимилостиво и благосклонно соизволили принять на себя всемилостивѣйшую защиту, опеку и заботу о нашемъ храмѣ и богослуженіи и пролить потокъ вашей всѣмъ міромъ прославленной благотворительности, милости и христіанской любви и досюда, до Москвы, и помогли бы своими щедрыми подаяніями и подарками обезпечить и содержать нашъ бѣдный приходъ, и такимъ образомъ не только здѣшнимъ странамъ, но и всему міру доказать, что у васъ еще почитаются честь Божія и распространеніе вашей истинной религіи. Мы съ удивленіемъ смотримъ на счастье здѣшней Реформатской церкви, о которой издали блюдутъ высокомочные господа Голландскіе Штаты такъ тщательно, какъ бы она стояла въ Амстердамѣ, и это придаетъ намъ большую надежду на подобное счастье, которое могутъ оказать также и наши ревнители по вѣрѣ. Подумайте же вы, королевскія, курфюрстскія и княжескія главы, вы, высшіе начальники городовъ, духовныя и свѣтскія правительства, что нынѣ изъ чужбины къ вамъ является Христосъ и пламенно желаетъ быть принятымъ, возвеличьте же вашу временную славу въ вѣчную, которую вы услышите изъ устъ Христа: ‹‹Я былъ чуждъ и страненъ, и вы Меня приняли›› (Матѳ. XXV, 35). Мы же своими воздыханіями будемъ нашу благодарность здѣсь возсылать до небесъ и всегда во время богослуженія поминать также и васъ, въ молитвахъ къ Господу, чтобъ Онъ здѣсь, на землѣ, подалъ вамъ счастливое и мирное правленіе въ вашихъ государствахъ и земляхъ, богатое благословеніе вамъ въ правленіи, торговлѣ и во всѣхъ другихъ вашихъ дѣлахъ, тамъ же, на небѣ, даровалъ вѣчный вѣнецъ и блаженную награду›.

Посланіе было скрѣплено большой церковной печатью, подписями и фамильными печатями старшинъ, именно: Баумана и полковниковъ: Густава фонъ-Кампена, Фридриха Мейера, Фридриха Гершау

и Христіана Либенау фонъ-Лиліенклау. Копія съ посланія была внесена въ сборную книгу, гдѣ къ ней, кромѣ упомянутыхъ лицъ, подписались еще полковники: Эрихъ Андерсонъ Луксъ и Иванъ фонъ-Гове; но три полковника: Германъ и Николай фонъ-Штадены [1] и Артемій Росформъ, отъ имени которыхъ также писалось оно, своихъ рукъ не приложили.

Нѣтъ надобности придавать значеніе словамъ посланія, будто бы московскіе офицеры получили свободу богослуженія благодаря ходатайству саксонскаго курфюрста: ею пользовались они и ранѣе, и послѣ ходатайства никакого существеннаго измѣненія въ вѣроисповѣдномъ положеніи ихъ не случилось. Цѣль льстиваго преувеличенія ясна, какъ понятно, почему совсѣмъ не упомянуто о существованіи въ Слободѣ другой лютеранской церкви.

Снаряженіе Грегори общиной совпало со временемъ, когда у насъ хотѣли пригласить изъ-за границы нѣсколькихъ рудознатцевъ, ювелировъ и лицъ, знающихъ суконное и красильное мастерство. Поѣздка пастора въ Саксонію представилась удобною для того оказіей; припомнили, что Грегори былъ прежде рекомендованъ саксонскими государями. Весьма вѣроятно, что возложить на него порученіе къ саксонскимъ государямъ наше правительство побудили сами члены общины. Это во многомъ могло облегчить выполненіе магистромъ ихъ собственнаго порученія о денежной суммѣ, о которомъ однако они правительству ничего не сообщили, такъ что послѣднее совершенно не знало о настоящей цѣли поѣздки пастора, за что̀ года чрезъ полтора, когда раскрылось дѣло, Баумапъ получилъ отъ правительства строгій выговоръ. Пока готовили грамоту курфюрсту Іоанну-Георгу II объ этихъ «знатцахъ» [2], случилось, что царю понадобился хорошій лейбъ-медикъ. Чрезъ своего покровителя, Баумана, Грегори началъ добиваться этого мѣста для своего отчима, Лаврентія

---

[1] Въ нѣмецкомъ оригиналѣ, впрочемъ, упомянутъ одинъ Германъ Штаденъ (Beck., II, 169, «Памятники», I, 27), но въ русскомъ переводѣ, который имѣется въ «Дѣлѣ Баумана», означены оба.

[2] Царскій указъ Ордину-Нащокину о заготовленіи и посылкѣ такой грамоты съ Грегори помѣченъ 26 февраля 1667 года.

Блюментроста. Бауманъ вошелъ (4 марта) о томъ съ письменнымъ представленіемъ въ Пушкарскій приказъ, къ боярину кн. Юрію Ивановичу Ромодановскому. Ромодановскій принялъ его ходатайство [1], и чрезъ восемь дней (12 марта) были готовы двѣ царскія грамоты: одна Блюментросту, «опасная», съ приглашеніемъ его на службу; другая къ курфюрсту, съ просьбой объ отпускѣ изъ своихъ владѣній съ пасторомъ Грегори разныхъ мастеровъ. За исполненіе просьбы государь обѣщалъ курфюрсту «не умалять» его будущихъ прошеній, воздавать ему въ одинаковой мѣрѣ.

Благодаря царскимъ грамотамъ, Грегори явился въ Саксонію какъ бы нарочнымъ правительственнымъ агентомъ, чуть не посломъ, что̀ очень годилось ему для его прямой цѣли. Онъ побывалъ въ Дрезденѣ, Готѣ, Аугсбургѣ и другихъ городахъ и всюду былъ принимаемъ съ почетомъ. Его сборная книга покрывалась подписями очень крупныхъ жертвованій: саксонскій курфюрстъ Іоаннъ Георгъ II обѣщалъ 1.000 талеровъ, саксонскій герцогъ Эрнстъ 200, герцогъ вюртембергскій Эбергардтъ 600, маркграфъ баденскій 100, города Регенсбургъ 266, Аугсбургъ 500 талеровъ, Нюрнбергъ 389 талеровъ и 46 крейцеровъ, Страсбургъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ и Ульмъ по 50, Эслингенъ 100 и Ритлингенъ 30 гульденовъ. Изъ государей наиболѣе дѣятельное участіе приняли саксонскіе. Курфюрстъ далъ Грегори свое письмо (3 іюля 1667 года) ко властямъ и городамъ всего Рим-

---

[1] Въ архивномъ дѣлѣ объ отпускѣ Грегори (М. Г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ Выѣзды въ Россію, 1667 годъ, № 3) говорится: «Въ нынѣшнемъ въ ρо̄є году марта въ д̄ день въ Пушкарскій приказъ генералъ-поручикъ Миколаи Бовманъ прислалъ съ капитаномъ зъ Болдвинымъ Фикомъ нѣмецкое писмо. А по переводу капитана Болдвина въ томъ де генераловѣ писмѣ написано имя Цысарской земли дохтура Лаврентіюса Блуманройста, а тотъ де дохтуръ у саксонского курфиста, да Вимера, да у Голта, да у Ейзинокта надо всѣми дохтуры началной человѣкъ и судья города Милингузена». Рингуберъ писалъ потомъ (15 апрѣля 1673 года): «Въ то время у царя не было лейбъ-медика, почему Ромодановскій могъ дать призывную грамоту, кому ему было угодно. М. Грегори выпросилъ чрезъ Баумана эту грамоту для своего отчима Блюментроста» (Relation, № X). Ясны отсюда неточности Рихтера (Истор. медицины въ Россіи, II, 242—243) и Чистовича (Истор. перв. медиц. школъ въ Россіи, 1883, XCI) въ передачѣ обстоятельствъ призванія въ Россію Блюментроста.

скаго государства, въ которомъ просилъ ихъ оказать свое содѣйствіе какъ «Общинѣ Аугсбургскаго исповѣданія въ великомъ княжествѣ Московскомъ», такъ и самому Грегори. Герцогъ саксенъ-готскій Эрнстъ, за свою ревность о лютеранствѣ и благотворительность прозванный Благочестивымъ, старался пообстоятельнѣе разузнать отъ Грегори о положеніи лютеранъ въ Московскомъ государствѣ и о современномъ состояніи самого государства.

Объ этомъ кто-то уже представилъ герцогу небольшую «Записку», гдѣ, между прочимъ, было сказано, что царь не только дозволилъ свободное отправленіе евангелическаго исповѣданія, но еще въ 1660 году, приблизительно въ іюлѣ, пожаловалъ Офицерской церкви то преимущество, чтобы никто изъ подданныхъ, какъ бы ни былъ силенъ, не могъ мѣшать богослуженію евангеликовъ въ ихъ церкви, подъ страхомъ потери имущества и ссылки въ Сибирь, со всѣмъ семействомъ. Разумѣлась здѣсь, очевидно, извѣстная намъ «данная» Фокероту отъ 12 ноября 1660 года [1], въ которой ничего не заключалось, кромѣ обычно предоставляемаго у насъ владѣнія церковнымъ участкомъ и зданіемъ. Запись для просмотра и поправокъ была передана Грегори. Нельзя не подивиться, что Грегори своимъ авторитетомъ еще болѣе подтвердилъ это преувеличенное сообщеніе. Онъ написалъ: «Его царское величество не только всемилостивѣйше дозволилъ такую большую свободу нѣмецкимъ евангелическимъ христіанамъ въ Московіи, именно въ Слободѣ, но еще пожаловалъ дарственное письмо, которое хранится въ нашемъ новоустроенномъ домѣ Божіемъ, называемомъ Саксонскою церковью, и въ которомъ стоятъ такія сильныя слова: ««мы завѣщаемъ, чтобъ эта свобода, данная нашимъ нѣмецкимъ христіанамъ, сохранилась непарушимо и всѣми нашими преемниками и налагаемъ на нихъ этимъ письмомъ, какъ духовнымъ завѣщаніемъ, проклятіе и благословеніе—проклятіе, если они нарушатъ что-либо въ предоставленной свободѣ, благословеніе, если они будутъ поддерживать и хранить теперешнюю свободу Нѣмцевъ, за ихъ болѣе, чѣмъ столѣтнюю службу странѣ»» [2]. Трудно объяснить, чѣмъ соб-

---

[1] См. выше, стр. 94, и «Памятники», I, № 1, стр. 4—6.

[2] Beck (I, 585) относитъ эту небывалую привилегію и самое извѣстіе о

ственно руководствовался Грегори въ этой завѣдомой лжи, если только не желаніемъ показать значеніе своей, покровительствуемой саксонскими государями церкви, чтобы тѣмъ еще болѣе заинтересовать ихъ въ ея судьбѣ: не безъ причины же онъ назвалъ ее «Саксонской», вмѣсто «Офицерской», какъ называли ее ея прихожане и самъ авторъ «Записки», на которую отвѣчалъ Грегори.

Заинтересованный Герцогъ выдалъ (4 января 1668 г.) Грегори свои 200 талеровъ на нужды общины, обѣщалъ не оставлять ее и на будущее время и указывалъ пастору на необходимость поднять школу. Бауману онъ написалъ теплое письмо (отъ 9 янв.), въ которомъ убѣждалъ и ободрялъ его содѣйствовать общинѣ и чрезъ то «помогать распространенію божественной славы и ученія». Продолжая съ прежнимъ достославнымъ усердіемъ свои заботы и поощряя своихъ единовѣрцевъ, генералъ можетъ быть де увѣренъ, что «всесильный и великій Богъ такое доброе дѣло, служащее къ Его славѣ и распространенію истинной религіи, благословитъ и не оставитъ безъ награды», какъ и въ томъ, что герцогъ будетъ ходатайствовать за общину у курфюрста и другихъ князей и вообще не оставитъ безъ своей помощи. Свою помощь ей мечтательный герцогъ надѣялся оказать также заботами объ устройствѣ въ Москвѣ Блюментроста, на приглашеніе котораго правительствомъ онъ едва не посмотрѣлъ, какъ на прямую волю Божію, чтобъ этотъ могъ сдѣлаться орудіемъ распространенія лютеранскаго ученія въ отдаленной странѣ; онъ выдалъ доктору почетное свидѣтельство (3 января), и упросилъ о рекомендаціи его царю курфюрста Іоанна Георга II.

Отговариваясь, что пока не могъ найти въ своемъ государствѣ искусныхъ мастеровъ, курфюрстъ въ своей грамотѣ (22 января) ре-

---

ней къ 1662 году; ему слѣдуетъ Fechner (I, 299), хотя и отрицаетъ достовѣрность привилегіи. Въ отвѣтѣ Грегори, который былъ извѣстенъ Beck'у, года привилегіи, дѣйствительно, не означено, но въ Запискѣ, по поводу которой составленъ этотъ отвѣтъ, годомъ дарованія ея прямо названъ 1660-й. Что же касается года извѣстіи о ней, то въ томъ и другомъ документѣ—Запискѣ и отвѣтѣ на нее—говорится о нѣкоторыхъ событіяхъ, бывшихъ позднѣе 1662 года: московскомъ бунтѣ по поводу паденія цѣнности мѣдной монеты, только-что случившемся (1666 г.) свержепіи Никона, и проч. Оба документа изданы въ Relation, №№ I и II.

комендовалъ Алексѣю Михайловичу Блюментроста и снова повторилъ прежнее свое ходатайство о Московской лютеранской общинѣ и о Грегори. «Весьма пріятно намъ слышать, писалъ онъ, что ваша пресвѣтлость, во имя нашей взаимной дружбы и по своему государскому жалованью къ Нѣмецкому народу, до сихъ поръ милостиво держать изволили Общину евангелической нѣмецкой церкви, также надѣемся, что и впредь, на вѣчную славу вашего прехвальнаго державства, на благо всего государства и на умноженіе хвалы Божіей въ будущіе вѣка, ущедрите вашу милость и вольность живущимъ въ вашихъ пространнѣйшихъ государствахъ во всемъ покорнымъ нашимъ единовѣрцамъ христіанской вѣры и особенно возвращаемуся къ вашему скипетру пастору Ивану Готфриду Грегори».

Если правительственное порученіе о мастерахъ суконнаго, горнаго и т. п. дѣлъ не было выполнено Грегори, то ближайшихъ цѣлей лицъ своего круга своей заграничной поѣздкой онъ достигъ вполнѣ. Доставилъ въ Москву Блюментроста, на вліятельную дѣятельность котораго въ пользу лютеранства возлагались большія надежды, и, что особенно важно, на поддержаніе своей общины привлекъ къ денежнымъ пожертвованіямъ владѣтельныхъ и богатыхъ лицъ протестантской Германіи. У Офицерской общины организуется теперь связь съ саксонскими государями болѣе живая, чѣмъ у общины Реформатской—съ правительствомъ Голландскихъ Штатовъ, и у Старой лютеранской — съ Гамбургомъ. Со стороны саксонскихъ князей является какъ бы родъ патроната, главнымъ представителемъ котораго, по живости участія, несомнѣнно былъ Эрнстъ.

Члены Офицерской общины, посылавшіе Грегори, спѣшили упрочить успѣхи его миссіи. Бауманъ, въ благодарность за участіе и вниманіе, отвѣчалъ (1 іюля 1668 г.) герцогу: «Мы не въ состояніи принести болѣе высшей благодарности, кромѣ нашей благоговѣйной молитвы; но мы, по ученью Евангелія, должны, какъ прежде, такъ и въ будущемъ, возносить въ нашихъ общественныхъ собраніяхъ тысячи вздоховъ къ небу, и Богъ услышитъ ихъ на небесахъ и будетъ милостивъ здѣсь, на землѣ, къ вашей княжеской свѣтлости и всему княжескому дому. Высокія и милостивыя обѣщанія, которыя ваша свѣтлость, по высшему совершенству вашей христіанской любви,

выразили чрезъ нашего посланнаго, сильно побуждаютъ меня и моихъ собратьевъ по церковному управленію заботиться объ устроеніи церкви и школы съ еще болѣе ревностнымъ постоянствомъ, хотя, какъ маловажный членъ, не могу похвалиться, чтобы въ томъ, что могло служить къ славѣ Бога, я лично для упомянутой церкви, въ ея многихъ превратностяхъ, дѣлалъ по христіанскому долгу; только одно могу сказать съ чистою совѣстью, что тайная любовь къ ея процвѣтанію, подобно магнитизму, привязываетъ меня къ этой странѣ, когда различные почетные даже короля датскаго милостивые призывы могли бы поднять меня до высшаго счастья и внѣ этой страны».

Бауману вторили его сторонники. «Вашей великокняжеской свѣтлости, писали они герцогу отъ имени всей общины, мы, странствующіе въ здѣшнемъ мѣстѣ христіане, отъ глубины нашихъ сердецъ желаемъ Божіей милости и благословенія, счастливаго, мирнаго и долгаго царствованія изъ рода въ родъ; чтобы въ вашемъ великокняжескомъ домѣ не только ваши благочестивые подданые, но и наше христіанское общество могли имѣть главу, утѣшителя и защитника, къ которому могли бы прибѣгать, и отца, который бы о нихъ заботился. Самъ Богъ, повидимому, даровалъ христіанскому міру вашу свѣтлость съ тѣмъ, чтобы вы, высокорожденный князь, истинная богобоязнь котораго поддержала и сохранила почти упавшее христіанство, могъ, подобно утренней звѣздѣ, свѣтящей между темными христіанами, бросать лучи вашей христіанской любви оттуда до Москвы. Насъ утѣшаютъ не столько милостивыя подаянія, какъ посланныя вашею свѣтлостью 200 талеровъ съ нашимъ вѣрнымъ попечителемъ душъ и пасторомъ, магистромъ Иваномъ Готфридомъ Грегори для постройки и содержанія нашей церкви и школы, сколько удивительный примѣръ, которому могутъ слѣдовать съ великою безсмертною славой всѣ другіе христіанскіе государи, князья и господа; еще болѣе утѣшаетъ насъ высокая и душевная радость вашей свѣтлости о возрастаніи нашей еще молодой и нѣжной церкви и милостивѣйшія обѣщанія ваши касательно будущихъ попеченій о воспитаніи новорожденной невѣсты Христа, о которыхъ мы узнали чрезъ упомянутаго пастора. Милостивѣйшій князь и господинъ, мы отъ души

желаемъ, чтобы ваша свѣтлость только представилъ въ своемъ воображеніи, съ какими слезами наши любезные аугсбургскіе евангелическіе нѣмецкіе христіане радостно приняли здѣсь такія нечаянныя милостивыя предложенія, когда имъ возвѣстилъ это въ своей вступительной проповѣди такъ часто называемый любезный проповѣдникъ, и у вашей свѣтлости, быть можетъ, вызоветъ это слезы радости. Никакъ не иначе! Вѣдь до сихъ поръ здѣсь считается большимъ чудомъ, что Богъ высокохвальное христіанское сердце ихъ царскаго величества, всемилостивѣйшаго государя нашего, обратилъ, къ удивленію всего христіанскаго міра, до того, что онъ насъ, иноземныхъ христіанъ, со всей нашей свободой религіи и богослуженія держитъ на своемъ милостивомъ лонѣ такъ же, какъ мы благоденствовали въ своемъ отечествѣ. Немалое также чудо, посланное съ неба, что Богъ побудилъ столько господъ и князей, изъ такой дали, впредь принять, точно сироту, нашу вздыхающую церковь».

Было бы однако ошибочно принимать эти «единодушныя» увѣренія за чистую монету и придавать имъ широкое значеніе. Послѣдовавшія около этого времени новыя возвышенія Баумана по служебной лѣстницѣ сильно подогрѣли старыя междоусобія; заграничныя пожертвованія, будто бы вызвавшія такія всеобщія слезы благодарности, подлили, что̀ называется, масла въ огонь и послужили поводомъ или по крайней мѣрѣ внѣшнимъ предлогомъ къ необыкновенно жаркой и широкой церковно-общественной распрѣ, съ перенесеніемъ ея въ гражданскій судъ [1]. Взаимныя пререканія и обвиненія отличались настолько темнымъ характеромъ, что нѣкоторые изъ самихъ лютеранъ ожидали, какъ бы правительство совсѣмъ не закрыло Офицерскую церковь, къ чему, повидимому, и стремились иные изъ вмѣшавшихся въ тяжбу членовъ прихода стараго Фадемрехта, которые не могли вынести ни возвышенія Баумана, ни процвѣтанія Офицерской церкви; большинство же явно добивалось того, чтобы по крайней мѣрѣ отстранить отъ нея Грегори съ Бауманомъ. Пасторъ и генералъ, обвиняемые иноземцами, между прочимъ, въ

[1] Объ этой распрѣ, столь важной для характеристики моральныхъ и умственныхъ качествъ протестантовъ, см. ниже, въ IV гл.

оскорбленіи царскаго величества и чести Московскаго государства и въ утайкѣ собранныхъ на церкву денегъ, защищались отчаянно и съ большимъ искусствомъ. Спасло ихъ и самую церковь благодушное отношеніе къ нимъ нашего правительства, державшагося внѣ партій и въ сторонѣ отъ ихъ взаимныхъ дрязговъ, неясность уликъ, вниманіе къ заслугамъ и положенію Баумана и то, что у насъ не любили нарушать разъ дозволенное. Этого мало: споры послужили причиною образованія изъ одной общины двухъ самостоятельныхъ и къ созданію еще особой кирки.

Сначала Посольскій приказъ, разобравшій тяжбу, положилъ (22 декабря 1668 г.) оставаться въ церкви пасторомъ одному Фокероту, согласно пожалованной прежде (1660 г.) ему и его приходу данной на богомольную хоромину умершаго Якоби; Грегори же уволить отъ нея, съ правомъ имѣть его въ качествѣ домашняго пастора при себѣ Бауману, которому, въ свою очередь, дѣлался выговоръ и повелѣвалось счесться въ деньгахъ съ московскими жертвователями. Недовольный рѣшеніемъ, Бауманъ, улучивъ время, когда государь шелъ на Іордань (6 января 1669 г.), вручилъ ему челобитную, доказывая въ ней свои права на отнимаемую у него церковь и прося возвратить ему ее въ его вѣдѣніе.

«Бьютъ тебѣ, великому государю, писалъ онъ, супостаты мои, полковники Яковъ Бильсъ да Иванъ Гастъ съ товарищами, чтобы ты, государь, ихъ пожаловалъ, указалъ пастору Ивану Дитриху Фокероту служить въ той киркѣ, которую я, холопъ твой, построилъ на свои деньги, и бьютъ тебѣ челомъ несправедливо: они прихожане чужіе, къ киркѣ пастора Валтасара Фадемрехта, и мою у меня отнимаютъ насильно, прихожане же моей кирки тѣ, которые подписались въ этой челобитной. О построенной мною церкви писалъ къ тебѣ саксонскій курфюрстъ, прося тебя имѣть надъ нею свой милостивый призоръ, и та твоя неизреченная высокая милость будетъ восхвалена вѣчнымъ добромъ во всѣхъ окрестныхъ государствахъ. Укажи же, государь, принять отъ меня эту заручную челобитную въ Посольскій приказъ, и, учиня по ней праведный розыскъ, не вели отдавать моимъ врагамъ отнимаемую у меня насильно церковь и служить при ней ихъ пастору, чтобы мнѣ, пожалованному тобою въ генералы, не

быть отъ моихъ супостатовъ въ вѣчномъ позорѣ и въ безчестьи. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Теперь сущность дѣла была истолкована въ томъ смыслѣ, что такъ какъ Бауманъ далъ на построеніе церкви большую часть средствъ, то онъ какъ бы имѣлъ право удержать церковное зданіе за собою, съ возвратомъ остальнымъ жертвователямъ ихъ приношеній. И на другой же день послѣ челобитной Баумана государь пожаловалъ его, велѣлъ ему свезти свою кирку, куда хочетъ, мѣсто очистить и выплатить полковникамъ полученныя имъ отъ нихъ деньги. Генералъ не замедлилъ прислать въ Приказъ 213 рублей, хотя и съ оговоркой, что ихъ давали ему на постройку кирки всякихъ чиновъ служилые люди и торговые иноземцы и что въ нихъ 40 рублей его дачи; церковь сломалъ и перевезъ въ свой садъ.

Выдѣлить для нея мѣсто изъ собственнаго участка Бауману казалось малымъ. Рядомъ, по переулку къ Яузѣ, лежали участки капитана Буларта и живописца Голландца Петра Инглиса. При размежеваніи земли Буларту было отведено вдоль двадцать саженъ, но онъ обгородилъ и присвоилъ еще двадцать восемь саженъ по сосѣдству, изъ свободной земли. Весь этотъ участокъ теперь и пріобрѣлъ Бауманъ, взявъ отъ Буларта купчую данную, и еще шесть саженъ изъ участка Инглиса. Здѣсь, вблизи своего сада, Бауманъ и построилъ свою церковь. 2 февраля она была торжественно освящена [1]. Служилъ въ ней Грегори, приходъ набрался изъ сочувствовавшихъ Бауману военныхъ начальныхъ людей, бывшихъ до того ея прихожанами, когда она стояла еще на дворѣ Якоби. Садъ былъ расширенъ, такъ что церковь очутилась среди растеній, и это свое дѣтище Бауманъ назвалъ тюльпаномъ.

Въ томъ видѣ, въ какомъ явилась теперь церковь, она не была утверждена никакимъ юридическимъ актомъ. Между тѣмъ завистливые враги Баумана до того тревожили его, что онъ не видалъ иного лучшаго выхода, какъ совсѣмъ покинуть русскую службу; до

---

[1] Объ освященіи ея 2 февраля говоритъ Миллеръ (М. Гл. Архивъ М. И. Д., Портфель Миллера № 199, «Памятники», I, № XVIII), Grot (I, 258) относитъ это къ 1 февраля.

своего отъѣзда ему хотѣлось обезпечить судьбу своей церкви. И вотъ ея прихожане, «иноземцы всякихъ чиновъ», обращаются (17 декабря 1669 года) къ государю съ челобитной: «Въ нынѣшнемъ году учинился споръ между ними о мѣстѣ, на которомъ стояла прежде сего кирка, и съ того мѣста они свою кирку свезли и поставили на иное мѣсто, которое уступилъ имъ генералъ Николай Бауманъ и живописецъ Петръ Инглисъ: и великій государь пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ то мѣсто подъ ту кирку справить и дать имъ данную». Хотя по справкѣ выяснилось, что Бауманъ уступилъ ту землю не по закону, такъ какъ Булартомъ, отъ котораго онъ принялъ ее, половина ея была захвачена самовольно; однако наше правительство взглянуло милостиво. «Въ 1670 (7178) году января въ 13 день думный дворянинъ Прокофей Кузмичъ Елизаровъ, Семенъ Васильевичъ Ларіоновъ, дьяки Ѳедоръ Протопоповъ и Иванъ Рагозинъ, выписку слушавъ, велѣли... тому мѣсту быть подъ киркой и дать имъ на то мѣсто данную». На другой день она, по государеву указу, была выдана ими «иноземцамъ полковникамъ, подполковникамъ, майорамъ, ротмистрамъ, капитанамъ, поручикамъ и прапорщикамъ, которые приходятъ въ кирку, что̀ построилъ генералъ Бауманъ» [1].

Сторонники Фокерота, вдругъ очутившіеся безъ церкви, вскорѣ выстроили на прежнемъ мѣстѣ новое церковное зданіе, судя по его послѣдующей исторіи, во многомъ уступавшее снесенному.

Но Бауманъ не даромъ хлопоталъ о привлеченіи къ участію въ судьбѣ своей общины саксонскихъ государей. По выѣздѣ его за границу (весной 1671 г.) герцогъ Эрнстъ постоянно освѣдомлялся чрезъ Грегори и другихъ объ ея положеніи, ежегодно посылалъ ей денежныя вспомоществованія (subsidia charitativa), призывалъ продолжавшихъ взаимныя ссоры къ миру, и, когда денежныя пожертвованія не достигали до мѣста назначенія, счелъ умѣстнымъ снова подкрѣпить положеніе церковныхъ дѣлъ своимъ ходатайствомъ къ московскому правительству. Когда сторонникъ Баумана и Грегори,

[1] Копіи этой данной хранятся въ Моск Гл. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ, Дѣла Протестантскія, 1670, № 1, и Портфель Миллера № 199, и помѣчены 14, а не 16, какъ у Fechner'a (I, 340), января 1670 (7178) года; напечатана она въ Собр. гос. грам. и догов. IV, № 69.

секретарь нашего посольства (1672—1674 г.) къ югозападнымъ европейскимъ дворамъ, Саксонецъ Лаврентій Рингуберъ, сообщившій Эрнсту обстоятельныя о томъ свѣдѣнія, возвращался въ Россію, онъ далъ ему грамоту Алексѣю Михайловичу и два письма—одно всесильному тогда А. С. Матвѣеву, другое своимъ московскимъ единовѣрцамъ.

«Не станемъ скрывать отъ тебя», писалъ (12 февраля 1674 г.) онъ Артемону Сергѣевичу, «что мы усердно рекомендовали царю единовѣрныхъ намъ Германцевъ, чтобы подъ его высокимъ покровительствомъ они могли спокойно отправлять свои религіозныя обязанности на всемъ пространствѣ его владѣній, какъ до сихъ поръ и дѣлалось. Не сомнѣваясь въ твоей къ нимъ благосклонности, молимъ тебя, другъ (amice), убѣдительно, воспользуйся своимъ вліяніемъ на царя, чтобы милость его къ названнымъ Германцамъ не прекращалась и чтобы они пользовались на дѣлѣ плодами нашего заступничества. При первой возможности мы отплатимъ за это всевозможными услугами. Поручаемъ тебя божественному смотрѣнію. Благосклонный другъ твой Эрнестъ, саксонскій герцогъ».

Грамота къ государю, дѣйствительно, заключала въ себѣ усердныя ходатайства. Выражая сочувствіе Алексѣю Михайловичу за его планы борьбы противъ Турціи и обѣщая свое и своего дяди саксонскаго курфюрста содѣйствіе, «чтобы тому намѣренію, насколько позволитъ случай, совершиться», Эрнстъ присовокупляетъ: «При этомъ вашему царскому величеству прилежно вручаемъ Нѣмцевъ нашей вѣры, чтобы какъ до сего времени пользовались они въ отправленіи ея вашею милостивѣйшею обороною, такимъ же образомъ они и впредь мирно получали то во всѣхъ вашего царскаго величества государствахъ. Они, мы не сомнѣвается, будутъ вѣрно исполнять вашему величеству службы и въ военное, и въ мирное время».

Рингуберу герцогъ поручилъ говорить въ московскихъ придворныхъ сферахъ объ улучшеніи войска, о возможности развитія торговыхъ сношеній съ Китаемъ, о заключеніи тѣснаго союза между Россіею и Абиссиніей съ цѣлію общихъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи и проч. [1]. Для разъясненія поднятыхъ вопросовъ былъ снаря-

[1] Наша статья «Сношенія съ Абиссиніей», Русск. Архивъ, 1888, № 2.

женъ нашимъ правительствомъ въ качествѣ гонца Посольскаго приказа подъячій Семенъ Михайловичъ Протопоповъ. За болѣзнію Эрнста велъ съ нимъ переговоры его наслѣдный сынъ, герцогъ Фридрихъ, а Эрнстъ послалъ съ нимъ отвѣтную государю грамоту (24 сент. 1674 г.), въ которой не преминулъ повторить прежнее. «Просимъ вашего царскаго величества милосердія къ пребывающимъ на Москвѣ евангелическимъ лютеранскимъ церквамъ и общинамъ, какъ и къ остальнымъ въ государствѣ людямъ той вѣры, чтобъ имъ позволили оставаться при прежнихъ вольностяхъ, при невозбранномъ держаніи своей вѣры, чтобы за ваше царское величество и за всю вашу высокую палату къ Господу Богу были всегда молитвенниками и благодарили своею службою».

Начавшись съ просьбы главнымъ образомъ за пастора Грегори и его Офицерскую общину, ходатайства саксонскихъ государей, такимъ образомъ, принимали все болѣе и болѣе общій характеръ и подъ конецъ имѣли въ виду безразличія всѣ московскія лютеранскія церкви и общины и всѣхъ жившихъ въ Россіи лютеранъ. Недаромъ Кильбургеръ, говоря (1674 г.) о московскихъ лютеранскихъ киркахъ, назвалъ Эрнста ихъ общимъ патрономъ. Наше правительство, чтобы сохранить за собою свободу дѣйствій, удерживалось отъ письменнаго отвѣта на эти ходатайства, въ своихъ грамотахъ тщательно уклоняясь отъ какихъ-либо на этотъ разъ обѣщаній или даже простыхъ упоминаній; свое вниманіе къ нимъ оно выражало инымъ способомъ. Когда Бауманъ упомянулъ о ходатайствѣ за его церковь саксонскаго курфюрста и когда означилось, что выполненіе ходатайства нимало не нарушаетъ обычной практики отношенія правительства къ церковнымъ дѣламъ протестантовъ, то мы видѣли, съ какою быстротой была удовлетворена челобитная генерала, и тѣмъ увеличено число лютеранскихъ кирокъ.

Подъ вліяніемъ такихъ условій, въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича въ Нѣмецкой Слободѣ оказалось и безпрепятственно стояло, не считая Реформатской, три утвержденныхъ правительствомъ лютеранскихъ церкви, каждая со своимъ пасторомъ и приходомъ: Старо-Нѣмецкая съ пасторомъ Валтасаромъ Фадемрехтомъ, такъ сказать, Офицерская съ пасторомъ Фокеротомъ и Ново-Нѣмецкая

или Баумановская, съ пасторомъ Грегори, послѣ смерти котораго († ранѣе 18 іюня 1675 г.) пасторомъ былъ Петръ Ранъ. Всѣ церкви были деревянныя, безъ колоколовъ и органовъ, и отоплялись большими изразчатыми печами. Въ отличіе отъ Офицерской церкви, Старая называлась иногда также «Купеческою», по господствующему элементу въ ея прихожанахъ; еще чаще всѣ эти церкви назывались просто, какъ и прежде, по пасторамъ. У Фадемрехта, который сумѣлъ отстранить отъ совмѣстничества съ собой вліятельныхъ пасторовъ, былъ помощникъ, данцигскій уроженецъ Александръ Юнге [1], который иногда служилъ и въ церкви Фокерота; опредѣлился онъ едва ли не на мѣсто упоминаемаго въ срединѣ 60-хъ годовъ Андрея Грегерзена, изъ Цитау, въ Лузаціи. Въ то время, какъ Грегерзенъ жилъ на квартирѣ у портнаго Павла Фербера и имѣлъ при себѣ наемнымъ слугою Татарина, Фадемрехту принадлежало (1665 г.) въ Слободѣ два дома, въ одномъ помѣщался школьный учитель Андрей Уде, въ другомъ жилъ онъ самъ съ своею, можно предполагать, многочисленною семьею, прислуживалъ ему наемный казанскій Татаринъ. Черезъ женитьбу (1651 г.) Фадемрехтъ породнился съ одной изъ наиболѣе богатыхъ и почетныхъ иноземныхъ въ Москвѣ купеческихъ фамилій: жену его звали Елизаветой Келлерманъ. Фокеротъ былъ женатъ (1661 г.) на Екатеринѣ Лунзѣ Рейхинъ. Сынъ Грегори подъ наблюденіемъ Блюментроста обучался потомъ медицинѣ [2].

---

[1] Въ Метрическихъ книгахъ Старой общины («Памятники», I, 181) разъ было, впрочемъ, отмѣчено, что одну чету обвѣнчалъ (1673 г.) въ ея церкви Грегори.

[2] О названіи и количествѣ церквей въ Relation, №№ I, II, X, и у Kilburger'а, 338, о пасторахъ тамъ же и въ Москов. Архивѣ Мин. Юстиціи, Разрядная вязка № 1, дѣло № 125, «Памятникахъ», I, №№ XV—XVI, и у Fechner'а, II, 448—449.—Имя Грегерзена упоминается подъ 1665—1667 годами; объ Юнге первое извѣстіе 1673 года (Relation, № X), но говорится о немъ не какъ о только что пріѣхавшемъ пасторѣ. Kilburger и за нимъ Büsching (II, 185) считали Юнге родомъ изъ Кенигсберга, самъ онъ на своихъ отпечатанныхъ потомъ проповѣдяхъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ выдавалъ себя уроженцемъ Данцига; Becker («Памятники», № XV) сообщаетъ о немъ, что первоначально онъ былъ пасторомъ въ Норкопингѣ, въ Швеціи, и принялъ должность московскаго пастора въ 1677 году—послѣднее, очевидно, ошибочно.—Свидѣтельство Грегори о проис-

Имѣя свои храмы и свое духовенство, мѣстами погребенія московскіе протестанты пользовались общими съ другими иноземцами христіанскаго вѣроисповѣданія. Самое старое кладбище основалось раньше первой кирки. По всѣмъ вѣроятіямъ, оно лежало близъ Налейки, на теперешней Конной площади, у Серпуховской заставы, гдѣ найдено было (1823 г.) Калайдовичемъ нѣсколько надгробныхъ камней и откуда, нужно полагать, были занесены надгробныя плиты, открытыя (1870 г.) архим. Амфилохіемъ подъ основаніями башенъ Московскаго Данилова монастыря [1]. Надписи на нихъ на нѣмец-

---

хожденіи Грегерзена, выраженное имъ въ древне-областной формѣ: «von der Sitte aus Laussnitz» (Relation, 10) означало: изъ города Цитау, въ Лузаціи.

[1] Такое, вполнѣ правдоподобное, объясненіе этихъ находокъ по крайней мѣрѣ даетъ Fechner, II, Beil. XXV. Самъ же Калайдовичъ открытое имъ мѣсто у Серпуховской заставы назвалъ кладбищемъ опальныхъ иностранцевъ; архим. Амфилохій полагаетъ, что знатные иностранцы временъ Грознаго были хоронены не только близъ монастыря, но и въ предѣлахъ его стѣнъ. Къ своему выводу Калайдовичъ пришелъ, признавъ, что одна изъ отысканныхъ имъ надписей: «HIR LI... GIT BEGRABEN DER ACHBAR UND ERWIRDIG HER BERNDT SHAL VON BELL DES R. D. O. (т.-е. Ritter Deutsch-Ordens) KUMPTOR ZU GOLDJNG JN LIFLANDT», лежала надъ гробомъ извѣстнаго лифляндскаго ландмаршала Белля, казненнаго за дерзость царемъ Иваномъ Васильевичемъ; съ ландмаршаломъ отожествлялъ этого Белля и Снегиревъ. Противъ этого Fechner вполнѣ основательно возражаетъ: упоминаемый въ надписи фонъ-Белль былъ только кумпторъ и назывался Бернтъ (или Вернеръ) Шалль, казненнаго же звали Филиппомъ и былъ онъ ливонскимъ ландмаршаломъ, слѣдовательно, они не тожественны; да и едвали дозволялось ставить памятники надъ могилами казненныхъ. Арх. Амфилохія убѣждало въ его мысли то, что найденныя имъ плиты (числомъ 18), судя по надписямъ, лежали надъ могилами иноземцевъ, выдающихся по своему общественному положенію. Fechner не раздѣляетъ этого мнѣнія, хотя и не указываетъ прямыхъ мотивовъ, а допускаетъ «простое предположеніе», что плиты занесены съ кладбища, лежавшаго близъ Наливокъ. Намъ кажется, что надгробныя плиты еще не могутъ служить несомнѣннымъ указаніемъ на кладбище для однихъ только знатныхъ иноземцевъ: прочныя и большія плиты, съ пространными и цвѣтистыми надписями, обыкновенно кладутся надъ могилами лицъ, отличавшихся зажиточностью или выдающимся общественнымъ и служебнымъ положеніемъ, родственники или почитатели которыхъ бываютъ въ состояніи принять на себя связанные съ тѣмъ расходы; но отсюда не слѣдуетъ, что на тѣхъ же кладбищахъ, на которыхъ находятся подобные камни, не были бы хоронены и лица простыя и бѣдныя, на чьихъ

комъ, латинскомъ, итальянскомъ, англійскомъ и армянскомъ языкахъ и относятся по преимуществу ко временамъ Грознаго и Ѳедора Ивановича. Изъ нихъ узнаемъ, что здѣсь были, въ числѣ другихъ, похоронены: голдингенскій кумпторъ Бернъ Шаль фонъ-Белль, дерптскій ратманъ Тидеманъ Шрове († 31 марта 1569 г.), московскій нѣмецкій проповѣдникъ Илія († 30 апр. 1570 г.), не упоминаемый у Рихтера царскій врачъ и аптекарь Николай Броунъ († 29 іюля 1578 г.). По

могилахъ такихъ камней класть некому. Еще труднѣе согласиться, чтобы подъ этими плитами, гдѣ найдены онѣ, нѣкогда лежали тѣла иновѣрцевъ, хотя бы то и знатныхъ. Иновѣрцевъ, по крайней мѣрѣ протестантовъ, у насъ тогда не допускали и входить въ православныя церкви; Грозный не дозволилъ обвѣнчать въ церкви даже Магнуса, короля Ливоніи, на своей племянницѣ, и жениха вѣнчалъ пасторъ на паперти (см. ниже, гл. III): какъ же могло бы такъ измѣниться отношеніе къ иновѣрцамъ по ихъ смерти, чтобы разрѣшать хоронить ихъ при православномъ монастырѣ? Извѣстно (см. стр. 51—52, и ниже, гл. III), какъ отнесся къ данному вопросу Годуновъ по случаю похоронъ своего нареченнаго зятя, королевича Ивана Датскаго. Другой иновѣрный принцъ, умершій въ Россіи, католикъ Густавъ Шведскій, былъ похороненъ не въ монастырѣ Дмитрія Солунскаго, какъ сказано у Буссова, но, какъ извѣщаетъ опровергающій его извѣстіе и видѣвшій могилу Петрей (Petrejus, 1620, 276, рус. перев. 180—181), близъ Кашина, за городомъ въ березовой рощѣ, «потому что, прибавляетъ послѣдній, Русскіе, по своему обычаю, никакъ не дозволятъ хоронить иновѣрцевъ, высокаго или низкаго званія, въ ихъ священномъ мѣстѣ, въ церкви или въ монастырѣ». На вопросъ Поссевина о мѣстѣ похоронъ для католиковъ было отвѣчено: «которые торговые и всякіе люди папины и Венеты, сюды въ государство пріѣхавъ, помрутъ, и тѣхъ на Москвѣ похоронятъ по римскому обычаю папы римского закону съ тѣми вмѣстѣ, которые Нѣмцы нынѣ римского закону кладутца на Москвѣ, въ которомъ мѣстѣ имъ мѣсто на то устроено» (М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла папъ римскихъ 1580—1582, № 1, л. 222; Памятн. дипломатич. сношен. Россіи, X, 182). Впослѣдствіи въ Посольскомъ приказѣ этотъ отвѣтъ понимали такъ: «которые римляне на Москвѣ помрутъ, и ихъ хоронили бы за городомъ, на Нѣмецкомъ кладбищѣ, а у церквей ихъ похоронять не доведется и Россійской вѣрѣ противно» (тамъ же, Дѣла Католическія 1695, № 1). Вообще, допустить похороны и кладбище иновѣрцевъ при православномъ храмѣ было не въ духѣ тогдашняго времени, и потому надгробные камни, отысканные подъ башнями Данилова монастыря, могли быть принесены сюда при его перестройкѣ, какъ удобный матеріалъ, съ какого-нибудь ближайшаго иноземнаго кладбища; ближайшее къ монастырю было кладбище у Налейки, вѣроятнѣе всего, оттуда и добыты они; какъ

указаніи на имя почившаго, надписи обыкновенно заканчиваются различными изреченіями—въ родѣ: «Боже, буди милостивъ и милосердъ къ нему», «Да станетъ наконецъ со Христомъ опять имѣющій ожить здѣсь»; въ надгробной надписи лейбъ-медика Броуна очень цвѣтисто означено его занятіе: «Для чего умираетъ человѣкъ, когда цѣлебное средство растетъ въ саду? Противъ силы смерти нѣтъ лѣкарства въ садахъ» [1]. Особеннаго вниманія заслуживаетъ надпись надъ гробомъ пастора [2]. Въ срединѣ первыхъ трехъ строкъ находилось какое-то украшеніе, уже вытершееся и теперь неясное, въ срединѣ послѣднихъ трехъ строкъ изображена чаша; самая надпись означаетъ: «Здѣсь лежитъ въ Бозѣ почившій, почтенный и славный господинъ Илья, бывшій нѣмецкій въ Москвѣ проповѣдникъ святой несомнѣнной истины и святаго божественнаго слова, дожидаясь трубъ Архангела въ тотъ день, когда будутъ пробуждены живые и мертвые. Богъ да хранитъ его любезную душу подъ Своимъ милостивымъ покровомъ. Аминь. Годъ 1570, 30 апр(ѣля)» [3]. Это кладбище всего

оттуда же, конечно, взялся камень 1595 года, найденный (1876 г.) при перестройкѣ храма Казанской Божіей Матери на Якиманкѣ, стоящаго въ той же мѣстности (Мартынова, Надгробная нѣмецкая плита подъ русскою церковью, Моск. Вѣд. 1876 г. 19 мая, № 124): эта церковь въ сосѣдствѣ съ церковью Спасъ Преображенія, что въ Наливкахъ, разстоянія между ними около трети версты. Брать же камни какъ съ своихъ, такъ и съ иновѣрныхъ кладбищъ не было рѣдкостью: такіе камни мы видѣли еще подъ церковью св. Харитонія, что въ Огородникахъ куда плиты съ иностранными надписями могли попасть съ кладбища Ново-Иноземской Слободы.

[1] Письмо Калайдовича гр. Румянцеву, отъ 20 іюня 1823 г., въ Чт. Им. М. Общ. Ист. и Др. Росс., 1862, III, 175—176; Надгробные памятники иновѣрцевъ, найденные архимандритомъ Амфилохіемъ въ 1870 году въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ. М. 1871, 2—5. Камень надъ фонъ-Беллемъ, найденный Калайдовичемъ, хранится въ Моск. Оружейной палатѣ.

[2] Найдена и издана, съ переводомъ нѣкоторыхъ словъ, тѣмъ же арх. Амфилохіемъ (2) и болѣе точно снова перепечатана у Fechner'а, II, Beil. XXV; въ настоящее время, съ соизволенія покойнаго моск. митрополита Иннокентія, находится (съ 12 іюня 1876 г.) при Моск. Михайловской лютеранской киркѣ.

[3] Имя этого пастора нашими археологами-историками читалось неправильно. Въ подлинникѣ:

ближе было сначала къ жителямъ Налейки, потомъ къ тѣмъ иностранцамъ, которыхъ Грозный поселилъ на Болвановкѣ. Доставленіе сюда покойниковъ изъ другаго явившагося при Грозномъ иноземнаго селенія было сопряжено съ трудностями: находясь близъ устья Яузы, Нѣмецкая Слобода лежала отъ кладбища на противоположномъ берегу Москвы-рѣки. Затрудненія должны были увеличиться съ уничтоженіемъ этого селенія въ Смутную эпоху, послѣ которой протестантовъ сначала разселяли по различнымъ частямъ города. Сосредоточенные преимущественно, такъ сказать, въ Покровскомъ районѣ Землянаго и Бѣлаго города, иноземцы погребались теперь ближе къ этому мѣсту, за Болвановкой и Яузскими воротами, недалеко отъ нынѣшней Таганки: покойниковъ своихъ они должны были переносить сюда всего лишь чрезъ одну небольшую Яузу. Самыя древнія упоминанія объ этомъ кладбищѣ находятся въ чертежѣ Москвы 1627 года [1] и въ планѣ Москвы [2] Олеарія; но основаніе его, конечно, случилось ранѣе. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, если допустить, что на немъ могли хорониться даже жители образовавшагося во времена Грознаго приязускаго иноземскаго селенія.

. . . HER ELIAS
GEWESNER DUDESC=
HEN PREDICANTE IN
DER MUSC W (Fechner, II, 676).

Издатели и изслѣдователи прочли и объяснили это такъ: двое (арх. Амфилохій, 2; В. П., Поновленіе соборнаго храма въ Даниловомъ монастырѣ, Моск. Вѣд. 1884, № 323, стр. 3)—«господинъ Гевеснеръ Дуде», третій (Соколовъ, примѣчаній 11 стран.):—«Elias Ivesner Dudesc»; между тѣмъ какъ слѣдуетъ читать: «ELIAS GEWESNER DUDESCHEN PREDICANTE», Илья, бывшій нѣмецкій проповѣдникъ въ Москвѣ (Письмо пастора Фехнера, Моск. Вѣдом. 1884, № 332), т. е. они приняли за фамилію то, что̀ къ ней не относится.

[1] Снегирева, Памятн. москов. древностей, М. 1842—1845: Царствующій градъ Москва, м. стр. XXIV—XXV, Древніе чертежи Москвы, стр. 99, 105.

[2] Въ изданіи 1647 г. онъ вложенъ между 114—115 страницами, въ послѣдующихъ изданіяхъ перепечатанъ по тому же самому клише, безъ перемѣны Кладбище означено на немъ за городомъ, по лѣвую сторону Яузы; по другую сторону рѣки, также за городомъ и также на значительномъ отъ нея разстояніи, очевидно, на огородѣ Зюзина, нарисованъ видъ «Нѣмецкой кирки». См. выше, стр. 72—73.

Вообще, исторія этихъ двухъ старѣйшихъ кладбищъ, по отрывочности данныхъ, которыми располагаетъ современная наука, довольно еще гадательна. Пока несомнѣнно одно: ихъ мѣстонахожденіе, намѣчены также нѣкоторые пункты изъ времени ихъ существованія, почему совершенно излишне теперь предположеніе [1], что иноземцевъ хоронили будто бы тогда у насъ въ подмосковныхъ скудельницахъ [2] и при православныхъ церквахъ.

При выселеніи (1652 г.) всѣхъ иноземцевъ въ Ново-Иноземскую Слободу, въ ней основано было новое кладбище. Рядомъ съ нимъ было отведено мѣсто пастору Фадемрехту. Въ настоящее время часть его принадлежитъ къ земельному участку кирки Старой или Михайловской лютеранской общины и болѣе уже здѣсь не хоронятъ: по указу (1748 г.) Елизаветы Петровны кладбище переведено за городъ, къ Марьиной рощѣ. Его-то и имѣлъ въ виду Олеарій, въ разсказѣ объ основаніи Ново-Иноземской слободы отмѣчая, что «лютеране огородили себѣ очень большое кладбище (einen gar grossen Kirchoff), на которомъ они и кальвинисты хоронятъ своихъ покойниковъ»; по сопоставленіи съ нимъ именно Мейербергъ могъ назвать (1661 г.) на своей картѣ мѣсто за Яузскими воротами «Нѣмецкимъ старымъ кладбищемъ» [3].

---

[1] Карамзинъ, VII. 132.

[2] О нихъ въ статьѣ Снегирева, О скудельницахъ или убогихъ домахъ въ Россіи, Труды и Зап. Общ. Ист. и Др. Рос. 1827, ч. III, кн. II, стр. 235—261.

[3] М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Дѣла протестантскія 1690 г.: «Дѣло по прошенію докторовъ, аптекарей, торговыхъ и инаго званія людей о позволеніи имъ сломать ветхую протестантскую въ Нѣмецкой Слободѣ церковь и построить новую». Собр. гос. грам. и догов., IV, № 207; Olearius, 1656 и 1663, 319; 1696, 167, рус. перев. 372 (въ текстѣ 1647 г. о кладбищѣ не упоминается); Fr. Adelung, A. F. von Meyerberg. St.-Petersb., 1827, Blatt. 51 (S. 208), 63 (S. 266); Fechner, II, 677—679.—Воспользовавшись брошюрой арх. Амфилохія и запимствовавъ остальныя цитаты и данныя у Fechner'а, г. Соколовъ (стр. 26 и прим. 117) утверждаетъ, что въ концѣ XVII вѣка было четыре кладбища, и въ этомъ видитъ подтвержденіе своего предположенія о томъ, что количество протестантовъ въ Москвѣ было въ это время около 20,000 человѣкъ. Но ни у Fechner'а, ни въ другомъ какомъ-либо сочиненіи рѣшительно нѣтъ даже косвенныхъ данныхъ, чтобы всѣ эти «четыре» кладбища существовали или могли существовать одновременно, а потому они и не служатъ доказательствомъ многочисленности про-

Слободское кладбище было общимъ для протестантовъ всѣхъ испо вѣданій, почему и нѣтъ указаній на то, хоронили ли кого на Ста-

---

тестантовъ: открытіе новыхъ кладбищъ и оставленіе прежнихъ тѣсно связано съ перемѣнами мѣстожительства московскихъ иноземцевъ; кладбища открывались поблизости къ иноземскимъ домамъ. Одно кладбище, полсняетъ авторъ, находилось недалеко отъ Серпуховской заставы, на Конной площади, близъ Данилова монастыря, у его стѣнъ. Разстояніе между Конной площадью и стѣнами Данилова монастыря полторы версты, а потому выраженіе «изъ-подъ стѣнъ Данилова монастыря» весьма неточно. Авторъ продолжаетъ: «Несомнѣнно, что названная мѣстность на Якиманкѣ до половины 17 в. принадлежала обитателямъ находившейся вблизи Наливайки, или Налейки, а потомъ ею завладѣли жители нынѣшней нѣмецкой слободы». До половины 17 вѣка жители Налейки уже потому не могли владѣть никакой сосѣдней съ нею мѣстностью, что къ этому времени Налейки уже не было, а стояли тамъ Стрѣлецкія слободы, въ которыхъ еще при Олеаріѣ (Olearius, 1647, 116, рус. перев. 112) жили только «стрѣльцы» и «простой народъ» (см. IV гл.); «нѣмецкой слободы» въ настоящее время нѣтъ, жители же существующей теперь Нѣмецкой улицы не имѣютъ никакого отношенія къ мѣстности на Якиманкѣ, и разстояніе между той и другой мѣстностью болѣе 5 верстъ по прямому направленію, чрезъ городъ. «Другое кладбище, говорится далѣе, помѣщалось въ нѣмецкой слободѣ, тамъ, гдѣ построена была при Грозномъ лютеранская церковь. Оно открыто одновременно съ основаніемъ церкви (въ 1576 г.)». Очевидно, авторъ такъ рѣшительно говоритъ, перефразируя слѣдующія весьма нерѣшительныя слова Fechner'a (II, 677 подъ буквою b): «Второе кладбище мы должны искать въ мѣстности (in der Gegend), гдѣ стояла Лютеранская кирка, построенная при Иванѣ IV въ 1575 или 76 и при Борисѣ Годуновѣ въ 1602 г., слѣдовательно, въ нѣмецкомъ селеніи; на это указываетъ, если не ошибаемся, документъ 1652 года». Fechner не опредѣляетъ точно времени появленія этого кладбища, но еслибы и опредѣлилъ, изъ документа, на который ссылался онъ, нельзя вывести прямого заключенія объ его началѣ. Въ немъ говорится только, что пастору Валтасару Фадемрехту дано «въ Новой Нѣмецкой Слободѣ подъ дворъ мѣсто порожнее возлѣ нѣмецкаго кладбища» (Собр. г. гр. и дог., IV, № 207) — но когда явилось оно? Такъ какъ никакого свидѣтельства о болѣе раннемъ существованіи его нѣтъ и Олеарій писалъ о немъ въ 1655 г. (см. выше стр. 61, примѣч.), въ разсказѣ о Ново-Иноземской Слободѣ, то всего вѣроятнѣе, что оно было основано одновременно съ этой Слободой, когда чины Земскаго приказа, планируя мѣста подъ дворы, естественно заодно могли отвести мѣсто и подъ особое кладбище, которое, по выраженію Олеарія, лютеране и «огородили» себѣ. Существуй оно ранѣе, Олеарій на своей картѣ Москвы сороковыхъ годовъ, конечно, помѣстилъ бы и его, какъ помѣстилъ кладбище, лежавшее по лѣвую сторону Яузы. Часть

ромъ кладбищѣ: повидимому, оно было теперь покинуто, какъ предъ тѣмъ оставлено кладбище, бывшее близъ Палейки.

этой земли принадлежитъ теперь церкви Старой или Михайловской лютеранской общины, и надгробные камни, найденные здѣсь и на ближайшихъ дворахъ, не восходятъ ранѣе 1653 года (надписи съ нихъ у Fechner'a, II, 679). «Третье кладбище, утверждаетъ тотъ же авторъ, называемое у Олеарія Der Deutsche Begräbniss, было также въ нѣмецкой слободѣ, на большомъ церковномъ дворѣ, принадлежавшемъ лютеранамъ; (вблизи этого мѣста старая община св. Михаила имѣла свой участокъ земли (Grundstück)». Тутъ авторъ уже окончательно перепуталъ данныя, заимствованныя имъ у Fechner'a подъ литерой c. Fechner весьма ясно отдѣляетъ это кладбище отъ того, которое было въ Нѣмецкой Слободѣ и частъ котораго принадлежитъ теперь Михайловской киркѣ; «Der deutschen Begrebnus» (а не «Der Deutsche Begräbniss», какъ пишетъ Соколовъ, не точно заимствуя у Fechner'a) на картѣ Олеарія стоитъ, какъ мы видѣли, по лѣвую сторону Яузы, на значительномъ отъ нея разстояніи, и о владѣніи участкомъ земли Старою общиной «вблизи этого мѣста» свидѣтельствъ нѣтъ; Нѣмецкая же Слобода лежала по правую сторону Яузы и здѣсь именно Старая община владѣла и владѣетъ своимъ церковнымъ участкомъ. Такимъ образомъ, г. Соколовъ смѣшалъ и слилъ въ одно совершенно различные предметы. «Наконецъ, утверждаетъ онъ, въ самомъ городѣ, близъ улицы Таганки (не далеко отъ болвановскихъ воротъ) существовало особое кладбище подъ названіемъ «Der Alten Regräbniss», въ которомъ, со временъ Михаила Ѳедоровича, погребались протестанты, жившіе въ центрѣ Москвы». «Der Teutschen alte begräbnuss», занесенное на карту Мейерберга (Adelung, 208), лежало за Болвановкой и Яузскими воротами, въ той части, гдѣ оно означено Олеаріемъ. На немъ, дѣйствительно, погребались протестанты, жившіе въ Москвѣ; только при Алексѣѣ Михайловичѣ всѣ иноземцы были выселены въ Слободу, жить имъ въ Москвѣ не дозволялось и съ тѣхъ поръ, какъ устроилось кладбище въ Слободѣ, указаній на похороны въ этомъ старомъ кладбища нѣтъ, даже и послѣ того времени, какъ иноземцы снова начали поселяться въ Москвѣ: за ненадобностью оно, очевидно, было скоро покинуто. Гдѣ же, послѣ этого, основанія, въ силу которыхъ можно было бы утверждать, что къ концу XVII вѣка протестанты имѣли въ Москвѣ «четыре» кладбища, какъ то разсказываетъ разбираемый нами авторъ? За весь періодъ XVI—XVII вѣковъ, на основаніи памятниковъ, можно отыскать всего три кладбища, существовавшія почти въ преемственномъ порядкѣ. Если же выписки изъ документовъ у Fechner'a размѣщены подъ четырьмя литерами (что, очевидно, и сбило Соколова); то онъ самъ оговаривается (II, 678), что свидѣтельства, помѣщенныя подъ четвертой буквой (d), относятся къ тому же кладбищу, что и свидѣтельства подъ второй буквой (b).

Широкой свободой общественнаго богослуженія пользовались не одни московскіе протестанты. Едва первая въ Москвѣ лютеранская община выстроила себѣ церковь, какъ то же сдѣлала лютеранская община въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда Ливонская война Грознаго забросила значительныя партіи плѣнныхъ. Первымъ проповѣдникомъ при ней считаютъ Матвѣя Грабау; быть можетъ, несправедливо [1]. Какого-то пастора съ этимъ именемъ имѣли въ виду наши оффиціальные документы 1620 г. «Въ прошломъ 1619 году, по нашему указу», говорилось въ царской грамотѣ [2] настоятелю Кирилло-Бѣлозерскаго мона ря съ братіею, «въ прошломъ 1619 году, по нашему указу, посланы съ Москвы къ вамъ въ монастырь два Нѣмчина, Анцъ Локманъ и Матюшка, что былъ нѣмецкій попъ, дабы держать ихъ тамъ до нашего указа: и по нашему указу отправлена грамота на Бѣлоозеро воеводѣ Прохору Кафтыреву, по которой онъ, выбравъ двоихъ бѣлозерскихъ разсыльщиковъ, долженъ послать ихъ къ вамъ, чтобы взять, у васъ въ Кириловѣ, тѣхъ Нѣмцевъ, Анца Локмана и Матюшку, что былъ нѣмецкій попъ, и везти ихъ въ Тобольскъ на житье; и вы бы, когда разсыльщики придутъ, Нѣмцевъ имъ передали и въ Панскій приказъ о томъ отписали» [2]. Ихъ доставили по назначенію. Тобольскимъ воеводамъ было объявлено, что эти Нѣмцы посылаются въ Тобольскъ «на государеву службу, служити съ иноземцы», почему они повертали бы ихъ тамъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ наравнѣ съ

---

[1] Revidirtes instrumentum pacis ecclesiasticum. Reval, 1717. Vorrede, 9—10. гдѣ, послѣ сообщенія о службѣ въ Россіи пастора Скультета въ пользу Аугсбургскаго вѣроисповѣданія, говорится: «auch folglich diese heilige Lehre des Evangelii von anno 1594. zu Nise-Novogorod, vermittelst Bedienung des daselbigen ersten Evangel: Pastoris von der Insul Ösel, Herrn Matthias Graban, mit merklichem Nachdruck fortgepflanzet worden». На этомъ основаніи Büsching (I, 5) и съ его словъ Murait (6), Jungblut (4) и Соколовъ (9), касавшіеся вопроса о Нижегородской киркѣ, начало ея относили къ 1594 году, и если называли перваго пастора, то именно Матвѣя Грабау; у послѣдняго изъ этихъ изслѣдователей свѣдѣнія о Нижегородской общинѣ выражены въ такой формѣ: «Въ его (Ѳедора Ивановича) царствованіе евангелическое общество въ Нижнемъ-Новгородѣ, состоявшее уже изъ ста семействъ, построило въ 1594 году открытую церковь и обзавелось школою». На сколько заслуживаетъ все вѣры, будетъ указано ниже.

[2] Эта царская грамота отъ 5 іюля 1620 года. Акт. Арх. Экспед. III, № 113

тобольскими иноземцами изъ Литовцевъ и Нѣмцевъ одинаковаго съ ними разряда. Воеводы назначили попу 13 рублей, 9 четвертей ржи и по четверти крупъ и толокна, Локману нѣсколько болѣе, и опредѣлили ихъ на службу вмѣстѣ съ другими иноземцами [1].

Повидимому, и «Матюшка», и «Анцъ Локманъ» посланы въ Тобольскъ за какія-то вины; вины ихъ неизвѣстны, какъ не знаемъ и другаго, кромѣ Грабау, пастора съ одинаковымъ именемъ. Ѳома Христіани, слѣдующій извѣстный по имени пасторъ, ординировалъ въ московскіе пасторы Оксе. Третій пасторъ, Иванъ Риттеръ, былъ взятъ общиной изъ учителей Московской школы. Своихъ отношеній къ Московской церкви онъ не прерывалъ: при отстройкѣ ея Оксомъ онъ значился въ числѣ жертвователей (далъ 1 рубль) и затѣмъ былъ (1626 г.)

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Портфель Миллера, № 341/1: «Списки съ государевыхъ грамотъ о опальныхъ людехъ съ 1614 по 1624» :«ҀКѲ годъ. Государю царю и великому князю Михайлу Ѳеодоровичу всеа Русіи холопи твои Матюшка Годуновъ, Ивашко Волконской, Ивашко Шыверевъ челомъ бьютъ. Въ твоеи государевѣ царевѣ и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи грамотѣ писано въ Тоболескъ, велѣно послати зъ Бѣлаозера и съ Кирилова монастыря Нѣмецъ Анцу Локмана да нѣмецкого попа Матюшку въ Тоболескъ; и какъ, государь, изъ Кирилова монастыря тѣхъ Нѣмецъ Анцу Локмана да попа Матюшку въ Тоболескъ пришлютъ, и имъ бы, государь, велѣти быти въ Тоболскомъ городѣ и твою государеву службу служити съ иноземцы, и твоимъ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ поверстати противъ ихъ братьи тоболскихъ Литвы и Нѣмцы, кому они въ версту; да которого, государь, числа тѣхъ Нѣмцевъ изъ Кирилова монастыря въ Тоболескъ пришлютъ и что имъ твоего государева денежного и хлѣбного жалованья окладъ учинимъ, и намъ бы, государь, холопемъ твоимъ, о томъ отписать къ тебѣ, ко государю. И въ прошломъ, государь, ҀКН году августа въ ҂҂ день писалъ въ Тоболескъ зъ Бѣлаозера прохоръ Кафтыревъ и прислалъ съ Бѣлозерскими розсылщики съ Архипкомъ Ермолинымъ да съ Семенкою Суровцовымъ Нѣмецъ Анцу Локмана да попа Матюшку, и мы, государь холопи твои, по твоеи государевои грамотѣ, Анцу Локмана да попа Матюшку твоимъ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ поверстали, а учинили имъ окладъ Анцѣ Локману денегъ ҀЄ рублей, хлѣба ҀІ четьи, ржи четь, крупъ, толокна тожъ; попу Матюшкѣ денегъ ҀГ рублевъ, ҀѲ четьи ржи, четь крупъ, толокна тожъ, и велѣли имъ твою государеву службу служить съ иноземцы вмѣстѣ. Такова отписка послана ко государю съ Михаиломъ Байкашинымъ ноября въ ҂І день».

воспреемникомъ у одного изъ крестившихся въ ней. Проповѣдникъ Христоферъ Шеліусъ, изъ Ростока, занесъ (26 іюля 1636 г.) свое имя въ Альбомъ Олеарія [1]. Самъ Олеарій отзывается о немъ съ хорошей стороны.

Нижегородскую протестантскую общину голштинскій путешественникъ полагалъ самою дальней. «Здѣсь, пишетъ онъ, нашли мы послѣднихъ лютеранъ, жившихъ на Востокѣ, которые отправляютъ богослуженіе въ общественной киркѣ; община ихъ во сто человѣкъ, самымъ именитымъ былъ купецъ Гансъ Бернардъ, нашъ повѣренный. Среди нихъ много было военныхъ офицеровъ, Шотландцевъ, содержавшихъ себя частію тѣмъ, что состояли на великокняжеской службѣ, частію тѣмъ, что получали деньги въ ожиданіи назначенія, или куреніемъ и разливомъ пива и вина, что имъ дозволялось по особенной милости».

Олеарій былъ здѣсь съ 19 по 30 іюля 1636 года; между этими числами онъ и записалъ свои данныя. На возвратномъ пути изъ Персіи, въ 1638 году, онъ опять остановился здѣсь на нѣсколько дней, и дополнилъ прежнія свѣдѣнія. «21 декабря мы прибыли въ Нижній. Посланники расположились въ домѣ нашего повѣреннаго Ганса Бернарда [2], а люди вокругъ, по сосѣдству. Какъ уже говорено, мы нашли здѣсь послѣднюю, существующую въ Восточныхъ странахъ, лютеранскую кирку, которой, по словамъ мѣстныхъ лютеранъ, было тогда уже 58 лѣтъ. Пасторъ ихъ маг. Христоферъ Шеліусъ, изъ Ростока, очень образованный молодой мужъ, который служилъ у нихъ четыре года, за полгода предъ тѣмъ померъ. Когда нашъ пасторъ, въ послѣднее воскресенье предъ праздникомъ Рождества Христова, проповѣдывалъ въ ихъ церкви, просили они, нельзя ли намъ остаться у нихъ еще хоть дня на два и провести вмѣстѣ съ ними праздникъ: тогда, за неимѣніемъ своего пастора, они причастились бы у нашего; но, за поспѣшностью посланника Брюгемана, ихъ

---

[1] «Памятники», I, 176, 184; Fechner, I, 197; Das Inland, 1851, 770.

[2] Въ русскомъ переводѣ И. Барсова: «Посланники остановились въ домѣ нашего повѣреннаго (фактора) Бернарда Гауса (Hauss)» (стр. 1020); въ подлинникѣ: «Die Gesandten legten sich in unsers Factors Hans Bernhards Hauss».

просьба осталась неисполненною». Изъ Нижняго посольство двинулось къ Москвѣ 23 декабря [1]. Голландецъ Стрюйсъ [2] затѣмъ утверждалъ, что, предъ его пріѣздомъ (1669 г.), въ Нижнемъ Новгородѣ у лютеранъ и реформатовъ было по особой церкви и достаточной общинѣ, которыхъ онъ уже не засталъ, церкви и общины нарушились, потому что Нѣмцы разбрелись въ разныя стороны.

Послѣднихъ единовѣрцевъ Стрюйсъ встрѣтилъ на берегахъ Каспія. То были жившіе въ Астрахани нѣмецкіе офицеры. Олеарій [3] же видѣлъ здѣсь всего одного Нѣмца, престарѣлаго монаха. О немъ онъ сообщаетъ весьма любопытныя подробности.

«Какъ-то персидскіе купцы завезли въ Астрахань въ первый разъ виноградныя лозы, которыя одинъ монахъ посадилъ у себя въ монастырѣ, лежащемъ у огорода. Увидали, что лозы принялись и растутъ хорошо, и въ 1613 году, по повелѣнію великаго князя, тѣмъ же монахомъ разведенъ былъ настоящій садъ, который до сихъ поръ

---

[1] Olearius, 1647, 206, 533-534; 1696, 176, 397.—Извѣстіе Олеарія, что въ 1638 году было киркѣ 58 лѣтъ, полученное на мѣстѣ, имѣетъ преимущество предъ сообщеніемъ автора Rev. instr., основанномъ на давнихъ и неопредѣленныхъ преданіяхъ. Для построенія кирки время Грознаго было болѣе благопріятнымъ въ сравненіи съ царствованіемъ Ѳедора Ивановича, при которомъ значительная доля военноплѣнныхъ была отпущена на родину и иновѣрцами у насъ интересовались меньше. Потому основаніе кирки съ большею вѣроятностью можно отнести къ году 1580, а не къ 1594-му. Если же основаніе кирки случилось въ 1580 году и если предположить, что Матвѣй Грабау и упоминаемый въ царской грамотѣ 1620 года «Матюшка, что былъ нѣмецкій попъ» — одно и то же лицо; то первымъ пасторомъ Нижегородской общины считать Грабау едвали возможно. Затѣмъ, сообщеніе Соколова, что община въ 1594 году состояла уже изъ ста семействъ, падаетъ само собою послѣ приведенія подлиннаго свидѣтельства Олеарія: изъ ста семействъ она состояла въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія, при посѣщеніи ея Олеаріемъ; а какъ велика была ея численность за 40 до того лѣтъ, о томъ извѣстій не существуетъ.

[2] J. Straussens, Sehr schwere, wiederwertige und denckwürdige Reysen durch Italien, Griechenland, Lifland, Moscau, Tortarey.... Amsterdam, 1678, 92, 103; Ср. Die evangelisch-lutherischen Pfarre in Nischni-Nowgorod: Ullman's Mitteil. III.

[3] Olearius, 1647, 241; 1656, 373—374; 1696, 195, рус. перев. 455—454. Въ первыхъ изданіяхъ монаху означено 105 лѣтъ, въ послѣднемъ—106.

годъ отъ году все увеличивается и приноситъ превосходныя, большія сладкія грозды, которыя, вмѣстѣ съ другими фруктами того же сада, посылаются частію великому князю въ Москву, частію даются воеводамъ и другимъ знатнымъ господамъ. Теперь развели виноградники также и нѣкоторые астраханскіе граждане, и нашъ хозяинъ сказывалъ намъ, что его виноградный садъ доставилъ ему въ этомъ году [1] до 100 талеровъ. Въ нынѣшнемъ же году [2] меня увѣдомляли за вѣрное, будто теперь въ Астрахани изготовляется уже столько вина, что ежегодно оттуда вывозится его въ Москву до 50 и 60 пипъ или большихъ бочекъ; и имѣется виноградный садовникъ, по имени Яковъ Ботманъ, который обучался здѣсь, въ Готторфѣ, у садовника его княжеской свѣтлости, завѣдывающаго и увеселительнымъ садомъ.

«Только что помянутый монахъ былъ тогда 105-ти лѣтъ, родомъ Австріецъ, привезенъ въ Россію плѣннымъ мальчикомъ, перекрещенъ въ Русскую вѣру и посланъ сюда въ монастырь; тогда онъ управлялъ цѣлымъ монастыремъ, могъ еще сказать нѣсколько нѣмецкихъ словъ, тѣмъ изъ насъ, которые его посѣщали, дѣлалъ много хорошаго, навѣщалъ также пословъ и дарилъ имъ плоды, выпрощенные его собственною рукою, и былъ еще веселаго права. Выпивъ двѣ чарки водки, началъ выказывать свою бодрость и плясать безъ палки, но ноги дрожали. Онъ говорилъ, что страна эта здорова, и стариковъ въ ней много».

Астрахань служила тогда у насъ важнымъ поставщикомъ винограднаго вина, откуда въ половинѣ XVII вѣка, какъ увидимъ впослѣдствіи, [3] присылали его въ Москву изъ царскихъ садовъ въ большомъ количествѣ ведеръ. Обучалъ винодѣлію приставленныхъ къ нему русскихъ людей, между прочимъ, нѣкто «иноземецъ Посказаюсъ Подовпнъ», судя по переводчику, чрезъ котораго велось обученіе, «Французскія

---

[1] Т.-е. въ томъ, въ которомъ былъ тамъ Олеарій и подъ которымъ онъ разсказываетъ это: въ 1636 году.

[2] Т.-е. въ 1655, во время изготовленія къ печати изданія 1656 года, гдѣ въ первый разъ встрѣчается эта прибавка; въ изданіи 1647 года ея нѣтъ.

[3] Гл. VIII.

земли Нѣмчину Петру Лякурту», Француз[1]. Потребность въ защитѣ Астрахани отъ тревожныхъ сосѣдей часто побуждала имѣть тамъ и солдатъ, съ иноземными офицерами. Вѣроятно, этихъ лицъ и видѣлъ тамъ Стрюйсъ.

По о протестантскомъ богослуженіи здѣсь мы находимъ свѣдѣнія у одного Олеарія. Нужно замѣтить, что между нимъ и главою посольства Бругемановъ возгорѣлся въ Персіи непримиримый разладъ, грозившій тому, кого въ Голштиніи признаютъ виновнымъ, весьма серьезными послѣдствіями. Неудивительно, что авторъ въ повѣствованіи о дальнѣйшихъ событіяхъ, бывшихъ на возвратномъ пути изъ Персіи, постоянно старается накинуть тѣнь на поступки Бругемана. Въ разсказѣ о вторичномъ пребываніи еще въ первомъ русскомъ городѣ, Астрахани, въ числѣ случаевъ дерзкаго и противозаконнаго обращенія Бругемана съ членами посольства, между 1 и 25 іюля 1638 года, сообщается: «за столомъ онъ однажды насильно бросился на секретаря, замахнулся на него ножемъ и въ позорящихъ выраженіяхъ приказалъ ему встать; но впослѣдствіи, при Голштинскомъ дворѣ, предъ судомъ онъ долженъ былъ публично взять назадъ эти оскорбительныя слова. Не лучше онъ поступилъ съ нашимъ проповѣдникомъ (нынѣ пасторъ въ Стейнбекѣ, близъ Гамбурга). За строгія проповѣди объ исправленіи, въ которыхъ этотъ, по своей должности, обычные у насъ пороки порицалъ, какъ казалось Брюгеману, слишкомъ рѣзко, онъ велѣлъ сорвать съ него красное платье, которое тотъ долженъ носить; такимъ образомъ пасторъ на возвратномъ пути, въ Шемахѣ, долженъ былъ говорить проповѣдь и совершать святыя тайны въ нижней или ночной одеждѣ, и притомъ въ присутствіи русскаго посла Алексѣя, которому, впрочемъ, наше богослуженіе правилось, но о семъ случаѣ онъ выразился съ порицаніемъ и желалъ бы даже, какъ и мы, купить пастору одежду на наши деньги, если-бы нельзя было опасаться ненависти Брюгемана».

Брюгемана герцогъ присудилъ къ смертной казни; Олеарій своимъ сочиненіемъ успѣлъ обѣлить себя и своихъ единомышленниковъ; страсти поулеглись, и во второмъ изданіи этого сочиненія авторъ

[1] Акт. Истор. IV, № 138.

говоритъ о посланникѣ много сдержаннѣе. О противозаконныхъ его поступкахъ въ Астрахани съ членами посольства онъ умалчиваетъ, сообщая только одинъ, съ пасторомъ, но и то уже въ значительно смягченной формѣ. Упомянувъ о добрыхъ отношеніяхъ Брюгемана къ астраханскому воеводѣ, Олеарій продолжаетъ: «объ одномъ лишь не могу умолчать, потому что это извѣстно всѣмъ нашимъ спутникамъ посольства, изъ которыхъ многіе еще живы, именно о томъ, что посолъ Бругеманъ велѣлъ у нашего проповѣдника г. Соломона Петри сорвать одежду, которая у него должна быть красная, за то, что онъ, по обязанностямъ служенія своего, выражался довольно строго въ своихъ проповѣдяхъ объ исправленіи, въ которыхъ Бругеманъ видѣлъ намеки на себя; такъ что наконецъ на обратномъ пути, въ Шемахѣ, какъ и здѣсь (въ Астрахани), нашъ проповѣдникъ долженъ былъ сказывать проповѣдь и совершать святое причащеніе въ однихъ исподняхъ, и это въ присутствіи русскаго посланника Алексѣя, которому было очень понравилось наше богослуженіе, но онъ порицалъ это безобразіе и хотѣлъ даже самъ, наравнѣ съ нами, одѣть пастора на наши деньги, еслибы не слѣдовало бояться неодобренія посланника».

Подвергши Олеарій новой передѣлкѣ свое сочиненіе, онъ, быть можетъ, еще бы смягчилъ поступокъ Бругемана. Всего важнѣе для насъ то, что отсюда мы узнаемъ о мимолетномъ, случайномъ служеніи въ Астрахани посольскаго пастора, а не объ организованной лютеранской общинѣ. Петри нигдѣ не отставалъ отъ своего посольства, сопровождалъ его всюду и вмѣстѣ съ нимъ возратился въ свое отечество. Упоминаніе о новомъ, также временномъ посѣщеніи Астрахани пасторомъ, на этотъ разъ изъ Москвы, относится уже къ началу XVIII вѣка [1].

---

[1] Olearius, 1647, 527; 1656, 748—749; 1696, 393, рус. пер. 1010; М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію 1702 года: «Пріѣздъ Іоанна Вернера Боуса для ученія дѣтей наукамъ и языкамъ».—Такимъ образомъ, даже допустивши предположеніе, что московскіе пасторы, при объѣздѣ служилыхъ иноземцевъ, находившихся внѣ Москвы, могли иногда посѣщать жившихъ въ Астрахани и ранѣе, въ XVII вѣкѣ, необходимо признать, что здѣсь особыхъ пастора и церкви въ разсматриваемый нами періодъ, по незначительности количества постоянно жившихъ тутъ протестантовъ, быть не могло. Съ такою подробностію останавли-

За то, къ концу царствованія Алексѣя Михайловича несомнѣнно видимъ протестантскую общину на желѣзныхъ заводахъ близъ Тулы. Хозяева ихъ, Петръ Марселисъ и Тильманъ Акема, по свидѣтельству

ваемся на данномъ вопросѣ въ виду явившагося у насъ разсказа объ Астраханской общинѣ, будто-бы во времена Олеарія имѣвшей своего пастора и молитвенный домъ. Кромѣ приведенныхъ нами извѣстій голштинскаго автора, за весь до-Петровскій періодъ нѣтъ никакихъ другихъ данныхъ о богослуженіи и пасторѣ въ Астрахани. Въ извлеченіяхъ пастора Neubauer'а воспользовался этими извѣстіями Büsching (II, 131 и слѣд.), со словъ послѣдняго составилъ свой историческій очеркъ общины г. Соколовъ (34—35). «Начало этой общины, говоритъ нашъ авторъ, довольно темно въ исторіи и нѣсколько романтично. По разсказамъ Бушинга, неизвѣстный по имени, австрійскій нѣмецъ, во время войнъ Россіи съ Шведами, еще отрокомъ захваченъ былъ въ плѣнъ, обращенъ въ православіе, постриженъ въ монашество и заброшенъ судьбою въ какой-то монастырь въ Астрахани. Аскетъ затворникъ (?), какимъ онъ жилъ нѣкоторое время въ монастырѣ, сдѣлался мастеромъ винограднаго питейнаго дѣла: отправляется (?) въ Персію, вывозитъ (?) оттуда нѣсколько сортовъ виноградныхъ лозъ, садитъ виноградникъ близъ монастыря, выдѣлываетъ вино, получающее извѣстность въ столицѣ, при дворѣ, и самый виноградникъ его поступаетъ (1613 г.) въ вѣдѣніе великаго князя. Съ тѣхъ поръ винодѣліе быстро пошло въ Астрахани, и многіе предпріимчивые его соотечественники (?), по вывозу частныхъ лицъ (?) и самого правительства, одинъ за другимъ (?) стали переселяться въ Астрахань. Напр. въ 1640 (?) г., когда самъ монахъ-виноградарь очень состарѣлся, ему было тогда 107 (?) лѣтъ, Астраханцы, по его совѣту (?), вызвали себѣ искуснѣйшаго садовника Якова Ботмана, урожденца изъ герцогства Шлезвигскаго. Это былъ второй нѣмецъ, осѣдлывшійся въ Астрахани». Затѣмъ, подъ 1659 г. указавъ на «Нѣмчину Франціожскія земли Посказанса (?) Подовина» и толмача Лякурта съ ихъ русскими учениками и подъ 1702 г. упомянувъ о прибытіи сюда морскихъ офицеровъ, шкиперовъ, караблестроителей и торговцевъ, продолжаетъ: «Еще до переселенія (?) этой пестроіі толпы, изъ садовниковъ и ихъ многочисленныхъ прислужниковъ, образовалась протестантская община (?) и подъ роскошными вѣтвями винограда устроенъ былъ молитвенный домъ (?). Въ первой четверти 17 столѣтія (!) юное лютеранское общество (?) хотѣло уже построить церковь (!), но нигдѣ не могли найти для неі пастора или проповѣдника. И потому должны были довольствоваться частнымъ молитвеннымъ домомъ (?), своею скромною кущею, отоявшею подъ сѣнію виноградниковъ (?), гдѣ по воскресеньямъ собирались (?) всѣмъ обществомъ и, какъ умѣли, отправляли богослуженіе (?). Давно желанный (?) проповѣдникъ, Соломонъ Перреі (?) прибылъ (?), но не на радость обществу (?). Нерадивый и корыстолюбивый (?), онъ дозволялъ себѣ большія злоупотребле-

Кильбургера,[1] имѣли тамъ реформатскихъ пасторовъ. Очевидно, одинъ изъ нихъ, Яковъ Христіанъ Эйзенбергъ, по порученію своихъ хозяевъ наслѣдника Марселисова Христіана Марселиса и Еремея Фанъ-деръ Гатена, ѣздилъ потомъ (1676 г.) въ Швецію для найма мастеровъ на эти и другіе желѣзные и мѣдные заводы.

Прочную общину находимъ еще на противуположной окраинѣ государства.

Неудобства Холмогорской гавани побудили наше правительство, для поддержанія внѣшней торговли, заложить (1584 г.) на Сѣверной Двинѣ новый городъ, съ лучшей гаванью. Мѣсто выбрали тамъ, гдѣ рѣка раздѣляется на разные рукава и откуда течетъ ими къ морю у монастыря св. Архангела Михаила, въ 42 верстахъ отъ Бѣлаго моря, по восточному Березовскому устью, и въ 34 верстахъ отъ Никольскаго монастыря. Крѣпость и городъ заселили стрѣльцами, до 200 человѣкъ, городъ и посады—переселенцами изъ сосѣднихъ Двинскихъ

нія, продавалъ, съ акціону, разрѣшительныя отъ грѣховъ молитвы (?), говорилъ непозволительныя рѣчи, проповѣди. Голштинскій посланникъ, съ которымъ онъ прибылъ сюда въ 1636 г., собственною властію хотѣлъ отрѣшить (?) его отъ должности, сорвавъ съ него священныя одежды. Упорный проповѣдникъ не хотѣлъ уступить (?); онъ продолжалъ (?) исправлять должность и, за неимѣніемъ у у себя священныхъ облаченій, отправлялъ всѣ требы, не исключая исповѣди и миссы, въ обыкновенныхъ и даже (будтобы) спальныхъ одеждахъ. Русскій воевода (?), при всемъ своемъ уваженіи (? такъ въ подлинникѣ) къ протестантскомъ богослуженію, возмущенъ былъ подобнымъ безобразіемъ и подвергъ виновника (!) строжайшему наказанію (!!). Въ 1638 г., по удаленіи (?) голштинскаго посольства изъ Астрахани, выбылъ и Соломонъ Перреи». Послѣ того, какъ нами приведены подлинныя слова Олеарія и, между прочимъ, его свидѣтельство, что послѣднюю лютеранскую общину и церковь онъ видѣлъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, и послѣ того, какъ самъ г. Соколовъ утверждалъ, что до 1640 года жилъ въ Астрахани всего одинъ Нѣмецъ, да и то православный монахъ, вся неестественность даннаго разсказа изъ жизни Астраханской «протестантской общины», еще «въ первой четверти 17 столѣтія» имѣвшей будто бы свой лютеранскій молитвенный домъ и желавшей построить свою церковь, думаемъ мы, слишкомъ очевидна, чтобы требовались еще новыя разъясненія.

[1] Kilburger, 338; Доп. къ Акт. Ист., IX, № 15. Ср. Гамель, Описаніе Тульскаго оружейнаго завода. М. 1826, 27.

посадовъ и волостей, до 130 семей; для склада товаровъ выстроены были на берегу рѣки два государевыхъ гостинныхъ двора, Русскій и Нѣмецкій. Городу усвоили названіе Новые Холмогоры, Архангельскій городъ или, какъ впослѣдствіи, Архангельскъ. Мало по малу онъ притянулъ къ себѣ почти всѣ иностранные грузы, и главными торговыми націями заводились и увеличивались въ немъ постепенно разные гостинные и частные дворы; часть западавшихъ сюда иноземцевъ превращалась въ осѣдлыхъ жителей.

Съ разширеніемъ внѣшней торговли и прикрѣпленіемъ иностранцевъ потребность въ протестантскомъ богослуженіи дѣлается въ Архангельскѣ все существеннѣе. Пока число осѣвшихъ протестантовъ было здѣсь незначительно и городъ служилъ почти одной временной станціей въ лѣтнюю навигацію, церковно-религіозныя требы или службу могли отправлять пасторы, попадавшіе сюда случайно, сопровождая какое-либо иностранное посольство, или при проѣздѣ въ Москву по приглашенію туда Московскою общиной. Мы уже узнаемъ, какъ прозимовалъ (1620 г.) въ этой мѣстности англійскій пасторъ Ричардъ Джемсъ. Призванный изъ Голландіи въ Москву, Кравинкель задержался по просьбѣ Архангельской общины (1649 г.) здѣсь около полугода. Въ 1660 г. приплылъ къ Архангельску нарочитый пасторъ, Голландецъ Вильгельмъ Костеръ. Судя по пригласительному къ нему письму, онъ былъ призванъ въ проповѣдники реформатскихъ общинъ въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, Вологдѣ и Ярославлѣ. Какое участіе принимала каждая изъ этихъ отдаленныхъ одна отъ другой четырехъ общинъ въ избраніи общаго для нихъ проповѣдника, какъ этотъ служилъ на такомъ далекомъ разстояніи, сопровождалъ ли онъ шедшіе къ Москвѣ и оттуда купеческіе обозы или въ каждомъ пунктѣ оставался какое-нибудь опредѣленно время, указаній нѣтъ. Затѣмъ извѣстенъ сынъ ректора латинской школы въ Гаарлемѣ Авраамъ Урсинусъ, призванный въ Архангельскъ въ 1670 году. При немъ, или, быть можетъ, еще и при его предшественникѣ, возникла Реформатская кирка. Подъ 1674 годомъ извѣстный намъ Кильбургеръ записалъ: «У Голландцевъ въ Архангельскѣ есть общественная Реформатская церковь» (Die Holländer haben in Archangel eine offentliche reformirte Kirche)—свидѣтельство та-

кого рода, что даетъ право отнести ея начало и къ болѣе раннему времени. Кирка была деревянная и построена въ Нѣмецкой слободѣ, на мѣстѣ, пріобрѣтенномъ общиной у купца Елбинга [1]. Выстроить ее здѣсь могло побуждать реформатовъ и то обстоятельство, что она должна была какъ бы возмѣстить закрывшуюся предъ тѣмъ «Компанейскую ронату» [2] Англичанъ въ Вологдѣ.

Если протестантскія общины основывались и могли развиваться и заводить себѣ церкви въ предѣлахъ Россіи, то въ областяхъ, вновь присоединяемыхъ, гдѣ иновѣрцы жили въ періодъ подчиненія, мѣстныя религіозно-церковныя учрежденія легко оставлялись въ прежней силѣ. Такая вѣротерпимость русскаго правительства проявлялась со всею ясностью, когда опредѣлялись права протестантовъ завоевываемыхъ сѣ-

---

[1] Крестининъ, Краткая исторія о городѣ Архангельскомъ. С.-Пб. 1792; Молчановъ, Описаніе Архангельской губерніи. С.-Пб. 1813, 71, 78—80; Гамель, II, 214; Соловьевъ, VIII, 51; Kilburger, 247—248, 371, Dalton, Geschichte, 4, 134 и слѣд.—Церковные архивы протестантскихъ общинъ въ Архангельскѣ, гдѣ могли бы найтись документы къ первоначальной исторіи мѣстныхъ церквей и о служившихъ при нихъ пасторахъ, по наведеннымъ нами чрезъ пастора Фехнера справкамъ, погибли отъ пожаровъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду свидѣтельства Kilburger'а и за отсутствіемъ иныхъ указаній на существованіе въ разсматриваемое нами время какой-либо другой кирки, кромѣ Реформатской, разсказъ Валеріана Никонова (Извлеченіе изъ книги: Сѣверный Дневникъ Валеріана Никонова. Отрывки изъ исторіи Архангельска съ 1605 по 1698 годъ, Сѣверный Архивъ, 1826, XVII, 327; ср. Сѣв. Арх. 1826, XXII, 17) о существованіи здѣсь Лютеранской церкви въ 60-хъ годахъ XVII столѣтія долженъ быть оставленъ. Лютеранская церковь явилась значительно позднѣе, именно въ 1683 году (наше изслѣдов. «Протестантство въ Россіи въ правленіе Софьи», Русск. Вѣстн. 1883, XI, 47—49; «Изъ ист. иностр. испов. въ Рос.», 267—271). Отмѣтимъ также, что, за неимѣніемъ данныхъ изъ исторіи Архангельской лютеранской общины за XVII вѣкъ, Büsching (II, 159 и слѣд.), естественно, ограничился свѣдѣніями за современную ему эпоху и вообще за первую половину XVIII вѣка, изъ XVII же вѣка привелъ почти одни имена пасторовъ съ 1686 года; не придавъ этому должнаго значенія г. Соколовъ (31 и слѣд.), пользовавшійся въ этомъ вопросѣ однимъ Büsching'омъ, сообщенныя этимъ свѣдѣнія изъ XVIII вѣка излагаетъ въ своемъ очеркѣ состоянія общины за XVII вѣкъ: отсюда—историческая неточность.

[2] О ней буд. сказано во II гл.

верозападныхъ областей. Сдавшимся жителямъ Дерпта было объявлено (въ іюлѣ 1558 г.): «граждане дерптскіе остаются при своей религіи аугсбургскаго исповѣданія безъ всякихъ перемѣнъ и не будутъ принуждаемы отступить отъ нея; церкви ихъ со всѣми принадлежностями остаются какъ были, равно какъ и школы ихъ»; въ условіяхъ (1570 г.) съ Магнусомъ сохраненіе аугсбургскаго вѣроисповѣданія обѣщано для всей Ливоніи [1]. По Веліесаріевскому договору (20 дек. 1658 г.), жителямъ шведскихъ областей, оставшихся подъ русскимъ владычествомъ, государь обѣщалъ «ихъ богомолья не отнимать, по чтобъ имъ имѣть свои попы и церковную службу, по ихъ вѣрѣ и безъ помѣшки» [2]. Подобные факты тѣмъ важнѣе, что Западъ переживалъ тогда самыя ожесточенныя религіозныя войны, съ ихъ тяжелыми спутниками, и что наши государи, выдававшіе религіозныя привилегіи, имѣли много основаній быть недовольными отношеніемъ къ русскимъ церквамъ со стороны нашихъ лютеранскихъ сосѣдей. На ходатайство датскаго короля Фридриха II предъ Иваномъ Васильевичемъ, чтобъ этотъ не трогалъ Ливонцевъ, Грозный велѣлъ отвѣтить королю, чтобъ онъ за нихъ не вступался, потому что «люди Ливонской земли... въ Ригѣ церковь нашу во имя Николы Чудотворца, гридню и палаты отдали литовскимъ попамъ и купцамъ, въ Колывани (Ревелѣ) русскія гридни и палаты колыванскіе люди за себя взяли, въ Юрьевѣ (Дерптѣ) церковь Николы Чудотворца разорили, конюшню на томъ мѣстѣ поставили юрьевцы, а улицами русскими, палатами и погребами юрьевцы сами завладѣли». Михаилу Ѳедоровичу и его сыну причиняли слишкомъ много заботъ притѣсненія въ вѣрѣ, испытываемыя Русскими людьми въ Ливоніи и въ областяхъ, отошедшихъ къ Швеціи по Столбовскому договору. Наканунѣ своей смерти Алексѣй Михайловичъ снаряжалъ къ шведскому королю посольство, между прочимъ, съ жалобой на коронныхъ и городскихъ

---

[1] Historica Russiae Monumenta, I, № CLI; Сборн. матер. и стат. по истор. Прибалт. края, II, 372—373, III, 184, 188—189, IV, 18—25; Соловьевъ, изд. 4, VI, 136, 242; см. также ниже, VI гл.

[2] Полн. Собран. Закон., I, № 240, п. 4, стр. 454.

властей г. Ревеля, которыя церковь Николая Чудотворца, издавна утвержденную мирными договорами за государевыми подданными, держатъ «въ неволѣ» и не пускаютъ въ нее на молитву [1]. Фактическая неприкосновенность вѣроисповѣданія далеко предварила у насъ знаменитые въ западной исторіи Нантскій эдиктъ и Вестфальскій миръ, изъ которыхъ первый однако не помѣшалъ изгнанію гугенотовъ даже на исходѣ XVII вѣка. Не безъ основаній, еще не такъ давно, одинъ изъ историковъ Франціи, усвоеніе вѣротерпимости западноевропейскимъ обществомъ отнесся лишь къ XVIII вѣку, о предыдущемъ столѣтіи сказалъ, что идея свободы вѣры тогда была еще непонятна.

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Датскія дѣла, Статейный списокъ № I, отд. III: «Пріѣздъ полномочныхъ датскихъ пословъ Клауса Вернема, Владислава Бобисерова» и проч. Чт. И. М. О. И. и Д. Рос., 1881 г., IV, отд. V, № 1; Соловьевъ, изд. 4, VI, 141; проф. Замысловскій, Сношенія Россіи съ Даніей и Швеціей въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, Рус. Вѣстн., 1889, I, 11; проф. И. А. Чистовичъ, Исторія Православной церкви въ Финляндіи и Эстляндіи. Спб., 1856; наша вступительная лекція въ Московскомъ Университетѣ «Положеніе западнаго иновѣрія въ Московскомъ государствѣ», М. В., 1886, окт. См. также ниже, VII гл.

ГЛАВА II.

СВОБОДА ВѢРОИСПОВѢДАНІЯ ПРОТЕСТАНТОВЪ НЕСЛУЖИЛЫХЪ И ПРОЖИВАВШИХЪ У НАСЪ ВРЕМЕННО.

Зависимость свободы вѣроисповѣданія протестантовъ отъ ихъ рода занятій и формы жизни.—Условія о свободѣ вѣроисповѣданія съ Даніей, Англіей, Ганзой, Швеціей, Голландіей и Голштиніей для жившихъ въ Россіи иноземныхъ купцовъ.—Иноземскіе торговые дворы и ихъ назначеніе, какъ мѣстъ общественнаго богослуженія.—«Посольская церковь» на Шведскомъ подворьѣ въ Москвѣ и «Компанейская ропата» на Англійскомъ дворѣ въ Вологдѣ.—Отзывы иностранныхъ писателей о религіозной свободѣ жившихъ въ Россіи протестантовъ.

Прямымъ назначеніемъ лютеранскихъ и кальвинскихъ церквей и пасторовъ, по мысли допустившаго ихъ московскаго правительства, было служить къ удовлетворенію религіозныхъ потребностей тѣхъ природныхъ протестантовъ, которые, живя значительными группами, прикрѣпились и прикрѣплялись къ Русской землѣ и сравнительно съ другими болѣе были нужны для насъ. Стремленіе къ осуществленію различныхъ начинаній все яснѣе убѣждало государей, что изъ посторонніхъ пособниковъ намъ надобны такіе, которые могли становиться въ тѣсную связь съ государствомъ и быть болѣе надежнымъ орудіемъ для достиженія его практическихъ цѣлей, почему временный иноземецъ естественно отошелъ въ Московскомъ государствѣ на второй планъ въ сравненіи съ иноземцемъ постояннымъ; заѣзжій купецъ занялъ въ немъ мѣсто ниже иноземца служилаго, военнаго, врача, рудознатца, художника и пр. Для послѣднихъ и большій просторъ въ жизни, и право пріобрѣтенія недвижимой собственности; имъ по преимуществу дозволялось созидать себѣ и храмы, т.-е., кромѣ личной свободы вѣроисповѣданія и домашняго богослуженія, пользоваться свободой богослуженія общественнаго. Свою вѣротерпимость собственно къ служилымъ иностранцамъ правительство простирало

даже до того, что, если не опасалось пропаганды, оно само нанимало или жаловало ихъ пасторовъ. При иноземныхъ полкахъ, приведенныхъ (1632 г.) Лесли подъ Смоленскъ, находились, какъ увидимъ, пасторы, нанятые на казенное жалованье; пасторъ Грегори ѣздилъ изъ Москвы въ Сѣвскъ, къ военнослужилымъ людямъ, на казенныхъ подводахъ и съ проводникомъ. Извѣстный уже намъ «нѣмецкій попъ Матвѣй», отправленный (1620 г.) правительствомъ изъ бѣлозерской ссылки въ Тобольскъ на службу, съ опредѣленіемъ ему казеннаго жалованья, едва ли не былъ приставленъ къ служившимъ тамъ иноземцамъ. Подобное распоряженіе—въ духѣ эпохи.

«Въ прошломъ, государь, 1641 («ѕ҃мѳ») году», писалъ, напримѣръ, въ своей челобитной Михаилу Ѳедоровичу другой лютеранскій пасторъ, «нѣмецкій попъ Матюшка Шадъ», «въ прошломъ, государь, году пріѣхалъ я изъ Нѣмецкой земли съ дохтуромъ Гартманомъ (Грамаиомъ) и былъ посланъ, по твоему указу, въ Пермь Великую съ мастеромъ Аристомъ Пятцортомъ (Petzold), а въ нынѣшнемъ 1642 («ѕ҃мв») году, по твоему же государеву указу, пріѣхалъ къ Москвѣ. Милосердый государь и вел. кн. Михаилъ Ѳедоровичъ, пожалуй меня, иноземца, вели отпустить меня въ Нѣмецкую землю, дать мнѣ на дорогу свое государево жалованье, какъ тебѣ Богъ по сердцу положитъ, и свою государеву проѣзжую грамоту и подводы, чтобы можно было подняться. Царь государь, смилуйся». И «государь пожаловалъ, велѣлъ (3 марта 1642 г.) тому попу Матвѣю дать своего государева жалованья сорокъ соболей, въ двадцать пять рублей, отпустить его въ Нѣмецкую землю и дать къ рубежамъ грамоты да три подводы; приказалъ государь имянно». Государева воля Посольскимъ приказомъ была выполнена: соболи, проѣзжая грамота и подводы были Шаду выданы [1].

На степень свободы и удобствъ богослуженія протестантамъ оказывала вліяніе и ихъ численность. Тамъ, гдѣ жили они въ достаточномъ количествѣ, чтобы образовать отдѣльную общину, у насъ

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію, св. 3, 1642 г. 3 марта: «Дѣло по просьбѣ нѣмецкаго пастора Матвѣя Шада объ отпускѣ его въ свое отечество». См. также ниже, III и IV гл.

вообще не стѣсняли ихъ въ отправленіи общественнаго богослуженія, дозволяя имъ имѣть церкви и духовенство. Тѣмъ же протестантамъ, которые проживали не только временно, но и въ-разброску, порознь, каковы большею частію были купцы и тому подобные люди, добиться разрѣшенія построить себѣ отдѣльную кирку было невозможно: не стѣсняемые, наравнѣ съ остальными, въ своемъ личномъ вѣроисповѣданіи и домашнемъ богослуженіи, они должны были пользоваться церквами уже существовавшими. Правительство, очевидно, опасалось, что кирка, построенная лицами, разбредшимися по различнымъ пунктамъ государства, легко могла бы послужить не столько къ удовлетворенію дѣйствительныхъ религіозныхъ нуждъ протестантовъ, которые были тамъ немногочисленны и некрѣпки, сколько превратиться въ оплотъ и орудіе пропаганды, а это было бы ничѣмъ неоправдываемымъ нарушеніемъ непоколебимости правъ господствующей Православной церкви. И какіе пріемы ни употребляли западныя правительства, чтобъ добиться разрѣшенія для наѣзжавшихъ къ намъ на время купцовъ строить свои кирки, постоянно поэтому получался отвѣтъ: купцы вольны отправлять службу своей вѣры у себя на дому, но особыхъ церквей строить не могутъ. Такой отвѣтъ слышали послы всѣхъ протестантскихъ государствъ, большихъ и малыхъ, близкихъ и отдаленныхъ. Характеръ отвѣта обусловливался, конечно, и тѣмъ, что, считая вопросъ объ иновѣріи вопросомъ внутреннимъ и отправленіе церковно-религіозныхъ обязанностей иновѣрцевъ лишь дозволеннымъ, наше правительство не хотѣло связывать себя договорами и обязательствами, которыми невольно давался бы поводъ къ посторонннимъ вмѣшательствамъ по случаю различныхъ измѣненій во внѣшней судьбѣ иновѣрія. Припомнимъ, какъ относилось оно къ ходатайствамъ иностранныхъ правительствъ о существовавшихъ уже приходскихъ церквахъ.

Въ вѣроисповѣдномъ положеніи иноземцевъ здѣсь замѣчается значительная особенность въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ пользовались иновѣрцы до пріобрѣтенія Москвой первенствующаго значенія. Между тѣмъ какъ, напримѣръ, въ Великомъ Новгородѣ, въ пору его политической самостоятельности и обширности внѣшней торговли, католическій храмъ на Нѣмецкомъ дворѣ былъ, какъ мы видѣли, дозволенъ для ганзейскихъ купцовъ, проживавшихъ у насъ короткое время, обык-

новенно не болѣе полугода, Москва, все тянувшая на службу государству и старавшаяся замѣнить католиковъ протестантами, въ свободѣ богослуженія отдаетъ предпочтеніе протестантамъ служилымъ и прикрѣпившимся къ Русской землѣ. Правда, на первыхъ порахъ по присоединеніи Новгорода, московское правительство въ своихъ торговыхъ договорахъ съ другими государствами, тогда еще католическими, повторяло то, что было прежде. Василій III не только разрѣшилъ Ганзейцамъ возстановить прежній дворъ и церковь въ Новгородѣ: онъ предоставилъ еще подобное право Датчанамъ, которые получили отъ него дозволеніе поставить по торговому двору съ церковью въ Новгородѣ и Иванъ-городѣ и торговать по всей Россіи «всякимъ товаромъ безъ вывѣта на правахъ ганзейскихъ купцовъ» [1]. Прежняя практика, такимъ образомъ, измѣнялась не вдругъ. Однако выстроить себѣ храма въ Новгородѣ Датчане не успѣли; сынъ Василія III лишилъ ихъ и самаго на то права. Съ своимъ обѣщаніемъ очистить для датскихъ купцовъ торговые дворы въ Иванъ-городѣ и Великомъ Новгородѣ и требованіемъ отъ короля Фридриха II возвратить русскимъ купцамъ государевъ дворъ на Готландѣ и дать другой въ Копенгагенѣ, Иванъ Васильевичъ Грозный установилъ (1562 г.), чтобы русскіе купцы не имѣли своей церкви за границей, датскіе—въ Россіи [2].

---

[1] Такъ значится въ подлинной жалованной грамотѣ 1517 года, находящейся въ Копенгагенскомъ Тайномъ Королевскомъ Архивѣ, какъ это приведено въ статьѣ г. Ю. Щ. (Ю. Н. Щербачева, секретаря нашей миссіи въ Копенгагенѣ): «Два посольства при Іоаннѣ IV Васильевичѣ», Русск. Вѣстн., 1887, VII, 90. По списку жалованной грамоты, хранящемуся въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ (Датскія дѣла, 1515—1517, св. I), привилегіи Датчанамъ въ іюлѣ 1517 года были развитіемъ правъ по договору 2 августа 1516 года и заключали въ себѣ значительныя подробности. Въ спискѣ читаемъ, что Василій III разрѣшилъ Датчанамъ построить торговые дворы въ Новгородѣ и Иванъ-городѣ и на каждомъ изъ нихъ имѣть по особому храму и монаха или священника и обѣщалъ отвести мѣсто подъ новгородскій ихъ дворъ, какъ и Любчанамъ, у Волхова, вдлину 60 саженъ, поперекъ 30, въ Иванъ-городѣ подъ горой, противъ вороть въ Стрѣльскую улицу, длиннику 30 саженъ, поперечнику 8 саженъ; дворъ долженъ быть обнесенъ деревяннымъ заборомъ. Г. Щербачевъ считаетъ тотъ и другой московскій списокъ апокрифами. Окончательное сужденіе о нихъ лучше отложить до изданія подлинныхъ копенгагенскихъ грамотъ конца XV и начала XVI вѣка.

[2] «Се грамота докончалная (царя Ивана Васильевича съ Фридрихомъ Вто-

Данный договоръ, лишившій датскихъ купцовъ права строить себѣ храмы въ Россіи, былъ заключенъ, когда въ Даніи уже господствовало лютеранство, и потому онъ могъ относиться къ купцамъ по преимуществу протестантскаго вѣроисповѣданія; отличіе его отъ прежнихъ условій съ Даніей окажется еще значительнѣе, если припомнимъ, что отъ Новгородскаго католическаго храма въ данное время виднѣлись однѣ развалины, и что первой кирки въ Россіи еще не возникало. Право личнаго вѣроисповѣданія, о которомъ не упоминается, подразумѣвалось само собою. Трактатомъ утверждался еще свободный торгъ за датскими купцами по городамъ Московскаго государства, включая сюда и завоеванныя Іоанномъ части Ливоніи, а за нашими — по всей Даніи и проѣздъ чрезъ нее въ другія земли; пошлина устанавливалась соотвѣтствовавшая мѣстнымъ обычаямъ; Фридрихъ обѣщался не препятствовать проѣзду къ намъ купцовъ, врачей и мастеровъ изъ заморскихъ государствъ; за королемъ признавалось владѣніе Эзелемъ, Викомъ и нѣсколькими мѣстечками, дворами и ропатами въ Эстоніи; за Іоанномъ—почти вся остальная Ливонія.

рымъ, 7 августа 1562 года):... А что Божіею милостію мой, великого государя царя и великого князя всеа Русіи, былъ дворъ купетцкой въ твоей Фредериковѣ вотчинѣ въ Датцкой землѣ въ городѣ въ Готлантѣ и что твои Фредериковы королевы датцкого были два двора купетцкіе, одинъ въ Великомъ Новѣгородѣ, а другой дворъ на Иванѣгородѣ,—и тебѣ, Фредерику королю, дворъ купетцкой въ Готлантѣ моимъ великого государя купцомъ и гостемъ очистити, а другой дворъ дати въ Копонговѣ, каковы даны дворы купцомъ Датцкіе земли въ Великомъ Новѣгородѣ и на Иванѣгородѣ, и мнѣ, великому государю, тѣ старые дворы очистити; а тѣ дворы купцомъ и гостемъ ставити самимъ; а церквѣ русской и ропатѣ на обѣ стороны (то-есть ни въ Россіи, ни въ Даніи) не быти». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Датскія дѣла, Стат. спис. № 1, отд. V: «Пріѣздъ великихъ дацкихъ пословъ Еллера Герденберха, гофмейстера, Якова Броконгуза, Анса Улштонта и секретаря доктора Захаріаса Велинка, для учиненія договорныхъ грамотъ о вѣчномъ между обѣими государствами мирѣ и пр.», л. 268—269, ср. то же мѣсто въ грамотѣ отъ имени короля, л. 283; копія съ послѣдней грамоты имѣется еще въ отдѣлѣ Датскихъ трактатовъ 1562 г. 7 августа, № 1, подлинная договорная грамота, подтвержденная королемъ, тамъ же, 1562 г. 3 дек., № 2, и издана въ Собр. гос. гр. и дог., V, № 119. Во всѣхъ грамотахъ отъ имени датскаго короля между словами «въ городѣ въ Готлантѣ» вставлено—въ первой: «Вызбію», во второй: «Высбіюсь», въ третьей: «Вызбю».

Короля съ государемъ сближало то, что Іоаннъ желалъ сдѣлать Данію своимъ орудіемъ въ борьбѣ противъ Швеціи и Польши, а Фридрихъ, при помощи Іоанна, надѣялся укрѣпиться въ Эстляндіи. Виды на поземельныя пріобрѣтенія вызвали переговоры и о взаимной торговлѣ, которая, послѣ дружившихъ между собою Василія III и Христіана II, упала, такъ какъ отвлекаемые отъ занятій судьбою Орденскихъ владѣній[1] Фридрихъ I и Христіанъ III мало дорожили союзомъ съ Россіей. Сначала Фридрихъ II отправилъ (1559 года) въ Россію Клауса Урне[2] съ извѣстіемъ о своемъ вступленіи на престолъ, предложеніемъ возстановить прежнюю торговлю и просьбой не трогать Эстоніи, какъ области датской. Нашими установлялся взглядъ на Ливонію, какъ на безусловную собственность государя, почему право короля на Эстонію было отвергнуто, магистру, ради просьбы Фридриха, полугодичное перемиріе обѣщали и за тѣмъ требовали, чтобы пунктъ о взаимной торговлѣ былъ внесенъ въ грамоту. Клаусъ отказывался отъ послѣдняго, за неимѣніемъ полномочія, и предоставлялъ то другимъ, бо̀льшимъ посламъ. Отложить утвержденіе о торговлѣ Іоаннъ изъявилъ согласіе. «А нынѣ», прибавлялъ онъ, «нашей любви даемъ Фредерику королю знати то: гости его и купцы ѣздили бы торговать въ Ругодивъ (Нарву), Иванъ-городъ и Юрьевъ, безо всякой боязни, обиды имъ не будетъ ни отъ кого». Новые послы, Эйлеръ Гарденбергъ съ товарищами, и секретарь при нихъ, докторъ Захарій Фелингъ, были представлены (въ іюлѣ 1562) государю въ Можайскѣ. Вели дѣла съ ними бояринъ Алексѣй Даниловичъ Плещеевъ, дьяки Клобуковъ и Васильевъ. Здѣсь, 7 августа 1562 года, и написана была приведенная выше грамота, долго служившая основною для послѣдующихъ договоровъ между Россіей и Даніей. По-русски писалъ ее подъячій Суботка Кирѣевъ, по-нѣмецки толмачъ новокрещенъ Ермолай Кашпировъ. Скрѣплена она крестнымъ цѣлованіемъ лично Іоанномъ, такъ и послами, отъ имени короля, который долженъ былъ цѣловать крестъ предъ русскими послами, кн. Антономъ Мих. Ряполовскимъ-Ромодановскимъ съ товарищами, отправляемыми

[1] Г. В. Форстенъ, Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ. Спб., 1884, гл. II, и слѣд.

[2] Тамъ же, Дѣла Датскія, Статейн. спис. № 1, отд. III: «Пріѣздъ полномочныхъ датскихъ пословъ Клауса Вернема, Владислава Бобисерова» и пр.

теперь къ нему государемъ [1]. Фридрихъ II раскрылъ въ ихъ присутствіи Евангеліе съ изображеніемъ на одной изъ его страницъ распятія и поцѣловалъ это (3 дек.). Дворовое мѣсто въ Копенгагенѣ было отведено у самой пристани; дворъ на Готландѣ, въ г. Висби, принадлежавшій прежде русскимъ купцамъ, возвратили имъ [2]. По выслушаніи отъ своихъ пословъ о всемъ доклада, Иванъ Васильевичъ немедленно издалъ наказъ (4 нояб. 1563 г.) объ отведеніи датскимъ купцамъ купеческихъ дворовъ въ Новгородѣ и Иванъ-городѣ.

Какъ ни скрѣпляли договоръ крестнымъ цѣлованіемъ, дѣйствительная сила его не была продолжительна. Жалобы нашихъ купцовъ на пренебреженіе ихъ интересами со стороны Даніи и непомѣрныя притязанія Фридриха привели къ тому, что датскій посолъ Захарій Фелингъ, пріѣхавшій къ намъ въ 1564 году, вынужденъ былъ покинуть русскія владѣнія. Попытки возстановить договоръ и учинить съ Россіей вѣчный миръ на почвѣ признанія за Даніей правъ на Эстонію и часть Курляндіи и Лапландіи, неоднократно возобновлявшіяся Фридрихомъ, оказывались безполезны. Въ послѣдній разъ король пытался о заключеніи мира чрезъ своего посла Якова Кнудсена Ульфельда, снабдивъ его и его товарищей неограниченными полномочіями: что бы послы ни заключили, королемъ принималось безусловно. Всего съ Ульфельдомъ [3] было болѣе ста человѣкъ, въ томъ

---

[1] Относительно дворовъ и церквей имъ было наказано «королю говорити, чтобъ купетцкіе мѣста царевымъ великого князя гостемъ велѣлъ очистити таковы жъ, каковы дворы даны въ Великомъ Новѣгородѣ и на Иванѣ-городѣ, гдѣ бы близко пристани, а на обѣ стороны русской церкви, ни ропатъ не быти» (Тамъ же, л. 333). Поэтому чтеніе Соловьева (Ист. Росс., изд. 4, VII, 58), будто бы кн. Ромодановскому велѣно было говорить, чтобы «по обѣимъ сторонамъ русской церкви нѣмецкимъ церквамъ не быть», не можетъ признаваться точнымъ.

[2] Посольскому дьяку Петру Совину, который принималъ отъ Датчанъ Готландскій дворъ, онъ показался въ такомъ видѣ: «Дворъ каменъ вдлину $\overline{\text{SI}}$ саженъ поперегъ $\overline{\text{H}}$ саженъ, хоромъ въ немъ $\overline{\text{HI}}$ каменныхъ, да $\overline{\text{S}}$ погребовъ каменные же, колодезь... $\overline{\text{K}}$ поварни, конюшня... А церковь Никола Чюдотворецъ стоитъ на подолѣ гостинна двора, а мѣра церкви поперегъ получетверты сажени, а вдлину $\overline{\text{S}}$ саженъ; а живутъ въ ней Нѣмцы за полаты мѣсто». Тамъ же, и въ статьѣ г. Щербачева. Русс. Вѣстн. 1887, VII, 120.

[3] Jacobi Ulfeldii Legatio Moscovitica въ Historiae Ruthenicae Scriptores

числѣ одинъ пасторъ. Посольство было принято въ Александровской Слободѣ. Вмѣсто вѣчнаго мира заключили пятнадцатилѣтнее (съ 1 сентября 1578 года) перемиріе, по которому признавались за Іоанномъ права на Лифляндію и Курляндію, за королемъ—островъ Эзель съ его землями и городами, за Русскими и Датчанами взаимная свободная торговля; король обязывался не помогать ни Польшѣ, ни Швеціи и пропускать въ Россію надобныхъ ей иноземцевъ; въ Лапландіи опредѣлялись прежнія границы, которыя должны быть установлены датскими и русскими коммиссарами; о свободѣ вѣроисповѣданія торговавшихъ въ Россіи купцовъ въ грамотѣ не говорилось ни слова.

На прощальной аудіенціи (28 авг. 1578 г.), когда было окончено чтеніе трактата, царь, сидѣвшій на тронѣ въ роскошномъ одѣяніи, положилъ на поднесенное ему серебряное блюдо договоръ, на который затѣмъ возложилъ драгоцѣнное Распятіе; цѣловалъ крестъ и громко произнесъ, что будетъ по совѣсти выполнять все, о чемъ написано. Потомъ принесли Новый Завѣтъ на славянскомъ языкѣ, раскрыли на Евангеліи отъ Іоанна и поднесли посламъ. Надъ страницами его они простерли по два пальца и присягнули «душею короля»; царь просилъ ихъ, въ знакъ лучшаго укрѣпленія, поцѣловать слова Евангелія, и они выполнили это.

Договоромъ, ясно клонившимся къ выгодѣ Россіи, Фридрихъ остался не доволенъ, его не утвердилъ, самого Ульфельда исключилъ

Exte i saeculi XVI. Ed. A. de Starczewski. Berolini et Petropoli, 1842, I, № X, (русск. переводъ въ Чт. И. Моск. О. И. и Др. Рос. 1883, I—IV); Rüsching, Magazin für die neue Historie und Geographie. Halle, 1773, VII, 304—306; Adelung, Kritisch-Literärische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700. S.-Petersb. u. Leipzig, 1846, I, № 75; Соловьевъ, Исторія Россіи, изданіе третье, томъ VI, 358; Щербачевъ, Два посольства при Іоаннѣ IV Васильевичѣ, Русскій Вѣстникъ 1887, VII. — Въ М. Гл. Архивѣ сохранился только списокъ съ перемирной грамоты (Датскіе трактаты, № 3); Статейный же списокъ пребыванія Ульфельда утраченъ.—Хотя въ нашей исторической наукѣ, вслѣдъ за Adelung'омъ, и держится мнѣніе, что Ульфельдъ пріѣзжалъ въ Россію два раза, въ 1575 и 1578 годахъ, однако можно говорить (Fechner, I, 93—94, Щербачевъ, 120—121) всего объ одной поѣздкѣ 1578 года, посылка же 1575 года почему-то не состоялась.

изъ королевскаго совѣта и лишилъ лена, съ англійскихъ купцовъ, проѣзжавшихъ въ Россію, потребовалъ пошлинъ и заявлялъ притязанія на пограничные съ Норвегіей участки земли.

Возбудивъ вопросъ о датскихъ купцахъ, ливонскіе интересы должны были потомъ и задержать его. Торговыя выгоды занимали здѣсь Іоанна и Фридриха слишкомъ мало, и ни тотъ, ни другой не обозначили точно своихъ взглядовъ на свободу вѣроисповѣданія для пріѣзжавшихъ въ Россію купцовъ. Перевѣсъ торговыхъ разсчетовъ былъ въ нашихъ сношеніяхъ съ Англіей, и вопросъ о религіозной свободѣ получилъ здѣсь бо́льшую опредѣленность. Первыя привилегіи Англичанамъ, по широтѣ торговыхъ преимуществъ и независимости во внутреннемъ устройствѣ и судѣ напоминавшія новгородскія для ганзейскихъ городовъ, дѣлъ о вѣрѣ прямо не касались. Такъ было вплоть до привилегіи, выхлопотанной (1569 г.) посломъ Рандольфомъ.

«Мы», сказано въ царской грамотѣ, данной чрезъ Рандольфа Англо-Русской компаніи [1], «по нашей милости, вышеназванному обществу англійскихъ купцовъ, ихъ преемникамъ, служителямъ и торгующимъ отъ нихъ, которые живутъ или будутъ жить въ Москвѣ или иномъ какомъ мѣстѣ нашего государства, дозволили хранить свой собственный законъ, и никто изъ нашихъ да не принуждаетъ ихъ противъ воли къ нашему закону и вѣрѣ».

Привилегіи Компаніи были потомъ нарушены Грознымъ, и условіе о вѣрѣ было повторено уже послѣ его смерти, при возстановленіи утраченныхъ правъ. Отъ имени королевы Елизаветы посолъ Флетчеръ (1587 г.) ходатайствовалъ, «чтобъ вольно было англійскимъ гостямъ, ихъ слугамъ или кто отъ нихъ начнетъ торговать,

[1] A copie of the privilledges granted by the right high and mightie Prince, the Emperour of Russia, etc. unto the right worshipfull fellowship of English merchants, for the discoverie of new trades: and hither sent by Thomas Randolfe esquire, her Majesties Ambassadour to the sayd Emperour, and by Andrew Savin his Ambassadour in the yere of our Lord God. 1569, въ Hakluyt's Collection, London, 1809, I, 429. Этой грамоты въ Московскомъ архивѣ нѣтъ.

жить въ Россіи по своей вѣрѣ, въ своемъ законѣ, и къ иной вѣрѣ ихъ принуждать не велѣть». [1] Царскій казначей П. В. Траханіотовъ и дьякъ Андрей Щелкаловъ на Казенномъ дворѣ, въ Верхней палатѣ, отвѣтили (21 января) ему: «Государю нашему до ихъ вѣры дѣла нѣтъ, многихъ вѣръ люди живутъ у него въ государствѣ, кромѣ англійскихъ, пріѣзжаютъ сюда гости турецкіе, цесаревой области, французскіе, испанскіе и иныхъ государствъ, и всѣ они живутъ по своей вѣрѣ, кто какъ хочетъ, и отъ нея никто ихъ не отводитъ». [2] Увѣреніе это наши находили совершенно достаточнымъ: въ договорной грамотѣ о вѣрѣ было умолчано.

Жалованныя грамоты первыхъ лѣтъ царствованія Ѳедора были заняты точнымъ опредѣленіемъ прочихъ правъ Компаніи. За нею подтверждена безпошлинная у насъ оптовая торговля англійскими товарами; въ случаяхъ «какого дѣла въ торгу, или обиды» члены Компаніи судятся у государевыхъ казначеевъ или посольскаго дьяка, по областямъ — у намѣстниковъ, воеводъ и другихъ приказныхъ людей, безъ платы судебныхъ пошлинъ; при своемъ отъѣздѣ или от-

---

[1] «Королевнино величество (кор. Елизавета) бьетъ челомъ любительному брату своему (Ѳедору Ивановичу) о томъ, что которыя статьи написаны были въ торговой грамотѣ, которую гостемъ далъ прежней государь Иванъ Васильевичь, и тѣ бы статьи, которые пригодятца, написати велѣлъ и въ нынѣшнюю грамоту, которую нынѣ государь пожаловалъ далъ гостемъ:... (пунктъ) ⁊с. Чтобъ волно было тѣмъ гостемъ или ихъ прикащикомъ, или ихъ слугамъ, или хто отъ нихъ учнетъ торговати, и имъ бы волно было жить по своей вѣрѣ и въ своемъ законѣ и къ иной бы вѣрѣ ихъ не велѣть принуживати». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Англійскія 1581—1589 годовъ, Стат. спис. № 1-й, от. VIII: «Пріѣздъ англійскаго посла Елизара Флечера съ предложеніемъ новыхъ пунктовъ для удобнѣйшей Англичанамъ въ Россіи коммерціи и съ прошеніемъ о внесеніи оныхъ въ жалованную Англичанамъ грамоту», л. 493.

[2] Тамъ же, л. 539: «А что̀ написано въ рѣчехъ твоихъ, чтобъ волно было тѣмъ гостемъ или ихъ прикащикомъ, или ихъ слугамъ, или хто учнетъ отъ нихъ торговати, и имъ бы волно было жить по своей вѣрѣ и въ своемъ законѣ, и къ иной бы вѣрѣ ихъ не велѣть принуживати,—и на то отвѣтъ: государю нашему, великому государю ц. и в. к., до ихъ вѣры и дѣла нѣтъ: многихъ вѣръ люди живутъ въ государя нашего государствѣ, а никоторыхъ государь отъ вѣры ихъ отводить не велитъ, всякой живетъ въ своей вѣрѣ; также и турскіе и аглинскіе гости, и цесаревы области, и францовскіе, и гишпанскіе и иныхъ государствъ гости, которые ни пріѣзжаютъ въ государя нашего государство, и тѣ всѣ живутъ въ своихъ вѣрахъ, а отъ вѣры ихъ не отводятъ, хто какъ захочетъ, тотъ такъ и живетъ въ своей вѣрѣ».

сылкѣ кого-нибудь изъ ихъ людей на родину, купцы обязаны заявлять о томъ въ Посольскомъ приказѣ, у котораго долженъ храниться именной списокъ всѣхъ торгующихъ въ Россіи членовъ Компаніи и служащихъ у нихъ. Право владѣть домами предоставлено Компаніи въ Москвѣ близъ ц. св. Максима, въ Ярославлѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ и у Пудожерскаго устья, не платя съ нихъ, за исключеніемъ московскаго, оброковъ и держа на московскомъ дворѣ «дворника» изъ своихъ или одного изъ Русскихъ, на остальныхъ дворахъ человѣка по два-по три изъ иноземцевъ или Русскихъ, изъ Русскихъ «молодыхъ людей, не дворовыхъ». О дворахъ другихъ городовъ не упоминается, нѣтъ ихъ даже въ Новгородѣ и во Псковѣ. Запрещено Компаніи имѣть русскихъ скупщиковъ; равно, обставленъ былъ ограниченіями транзитный путь на Востокъ, отклонены просьбы не дозволять торговлю Англичанамъ, не принадлежащимъ къ Компаніи; рѣшительно отбиты притязанія, чтобы былъ воспрещенъ доступъ другимъ иноземнымъ купцамъ въ пристани Бѣлаго моря и въ Новгородъ.

Когда основанъ былъ Архангельскъ, то пригласили сюда и Англичанъ. Воспользоваться мыслью правительства объ устройствѣ здѣсь гавани первыми поспѣшили ихъ соперники, Голландцы. Въ годъ основанія (1584 г.) города прибылъ сюда корабль Голландца Мушерона; чрезъ два года Голландцы, чрезъ дьяка Андр. Щелкалова, выхлопотали себѣ царскій указъ (1586 г.) на переведеніе сюда своихъ торговыхъ складовъ съ Пудожерскаго устья. Жить обокъ съ непрошенными соперниками Англичанамъ не желалось, и въ привилегіи (1586 г.) имъ Ѳедора Ивановича сказано: «также пожаловали ихъ, двора ихъ съ морскаго пристанища съ Пудожерскаго устья къ новому Архангельскому городу, къ морскому пристанищу, переносить не велѣли, а приставать имъ съ своими товарами по прежнему, на тотъ ихъ дворъ, и товары свои изъ кораблей имъ выкладывать и русскими товарами нагружать корабли подъ тѣмъ своимъ дворомъ». Очевидная выгода и правительственныя мѣропріятія заставили вскорѣ покориться перемѣнѣ и Англичанъ. Выстроенный ими въ Архангельскѣ домъ замѣнилъ Пудожерскій и отчасти Холмогорскій [1].

---

[1] Сборн. Имп. Рус. Истор. Общ., XXXVIII; Временникъ, VIII, отд. II; Ко-

Для ослабленія торговаго гнета Англичанъ, помимо ограниченія ихъ въ правахъ и покровительства Голландцамъ и другимъ торговымъ иноземцамъ, была вызвана къ дѣятельности нѣкогда могучая торговля Ганзейскаго союза. Возвращеніе нами утраченныхъ при Грозномъ Ямы, Иванъ-города и Конорья облегчало Ганзѣ доступъ къ ея прежнему пепелищу. Торговые люди союзныхъ между собою городовъ заручились отъ Ѳедора Ивановича правомъ возстановить торговлю въ Великомъ Новгородѣ, Псковѣ и Иванъ-городѣ, съ уплатою половинной пошлины.[1] Путь сюда былъ еще перегороженъ, первенствующее значеніе удерживалось по прежнему за устьями Сѣверной Двины; на нихъ и обратила свое вниманіе Ганза.

Весной 1603 года ея послы, любскій бургомистръ Гермерсъ съ товарищами, и ганзейскій секретарь Брамбахъ, отъ имени союзныхъ городовъ, «били челомъ» государю Борису Ѳедоровичу,[2] чтобы позволено было любскимъ, стральзундскимъ и инымъ приморскихъ вольныхъ городовъ[3] гостямъ и торговымъ людямъ въ своихъ государствахъ, въ Новгородѣ, Псковѣ, Иванъ-городѣ, Москвѣ и во всей землѣ торговать повольною торговлей безпошлинно; пользоваться гаванями Бѣлаго Моря, Холмогорской и Архангельской, наравнѣ съ Англичанами и Голландцами; ставить во всѣхъ названныхъ четырехъ городахъ вольные торговые дворы, съ церковью и со всѣми принадлежностями. Относительно свободы богослуженія Ганзейцы явно стреми-

---

стомаровъ, Очеркъ торговли Моск. госуд., 20 и слѣд.; гр. Ю. Толстой, Россія и Англія, 39 и слѣд.

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Грамоты города Любека, съ 1586, №№ 1 и 2; Города Любека дѣла, св. 1. Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, №№ 87—96.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Имперскихъ вольныхъ городовъ дѣла, св. 62: «Пріѣздъ любскихъ, стралзунскихъ и иныхъ приморскихъ волныхъ городовъ пословъ Кондрада Гермеса съ товарищи къ царю Борису Годуновому»; Грамоты города Любека, 1603, №№ 7 и 8. Полн. Соб. Закон. I, стр. 259; Supplem. ad Hist. Rus. Monum., №№ 98—99, 105; Brambach's Relatio, Hansische Chronik aus beglaubten Nachrichten zusammengetragen von Willebrandt. Lübeck, 1748, Ш; Карамзинъ, Ист. гос. Рос., XI, 47—48.

[3] Какіе это были города, см. у Brambach'а, 149, и въ наш. кн.: «Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ». М., 1885, 39—40.

лись къ разширенію правъ, какими они пользовались прежде въ Новгородѣ; стремленіе ихъ находилось въ противорѣчіи съ проводимымъ Москвою правиломъ, и наше правительство не могло согласиться удовлетворить ихъ.

Бояринъ и дворецкій Степанъ Васильевичъ Годуновъ и дьяки Аѳанасій Власьевъ и Иванъ Грамотинъ, которымъ Борисъ поручилъ чинить переговоры, обмѣнявшись съ послами на Казенномъ дворѣ взглядами на разсматриваемый вопросъ, отправили (12 апрѣля) имъ письменный отвѣтъ на ихъ статьи. Пріѣздъ и отъѣздъ купцамъ союзныхъ вольныхъ городовъ обѣщался вольный, безъ помѣхи, со взиманіемъ обычныхъ торговыхъ пошлинъ, за исключеніемъ Любчанъ, которые платятъ половину; судиться должны всѣ по русскому закону; въ Великомъ Новгородѣ, Псковѣ и Иванъ-городѣ могутъ имѣть по двору, только безъ церквей римской или лютеранской вѣры. Дозволить государю Борису Ѳедоровичу построеніе такой церкви никакъ де невозможно. Многіе христіанскіе государи обращались къ нему съ такою просьбой, чтобъ онъ дозволилъ построеніе римской или лютерской церкви для ихъ пословъ, посольскихъ слугъ и купцовъ; но царь и сынъ его Ѳедоръ Борисовичъ всѣмъ тѣмъ великимъ государямъ отказывали, такихъ церквей въ своихъ владѣніяхъ строить не разрѣшали. И если теперь онъ разрѣшитъ это купцамъ, то всѣ великіе государи, которые напрасно прежде просили его, на него де прогнѣваются. Въ вѣрѣ же, какъ римской, такъ и лютеранской, имъ не будетъ никакого принужденія, воленъ каждый оставаться при своей и на своихъ домахъ править по ней службу.

Напрасно послы возражали и просили, чтобы торговлѣ ганзейскихъ купцовъ быть безпошлинной, такъ какъ они вели ее въ Россіи ранѣе, чѣмъ Англичане, и что только при такомъ условіи имъ можно будетъ успѣшно бороться съ Англичанами; чтобы дворы въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ строить на счетъ государевой казны, а въ Иванъ-городѣ указать бы дворъ, который купцы удѣлаютъ по своему усмотрѣнію; что Любеку и инымъ вольнымъ городамъ съизстари было пожаловано государями имѣть въ Великомъ Новгородѣ одну церковь, и купцы никакого смущенія своею вѣрой никому не чинили и впредь смущать не желаютъ. Другихъ де государствъ подданнымъ и торговымъ людямъ такой привольности въ

здѣшней землѣ прежде не было, поэтому Любчанамъ позволена была бы хотя одна церковь, въ соотвѣтствіе тому какъ у русскихъ купцовъ есть церкви по торговымъ городамъ Ливоніи, или какъ въ Россіи имѣютъ свои церкви и службу иные Нѣмцы. На прощальной аудіенціи (7 іюня), дьякъ Аѳанасій Власьевъ, въ присутствіи государя и двора, прочелъ имъ окончательныя резолюціи, въ коихъ почти буквально повторялся прежній письменный отвѣтъ. Пунктъ о вѣрѣ увеличился лишь небольшой прибавкой, въ которой означено, чьи государи обращались прежде къ Борису Ѳедоровичу о костелахъ и киркахъ, это именно: цезарь, короли испанскій, французскій, литовскій и датскій и королева англійская [1].

---

[1] «Въ А статьѣ написано, что бьютъ челомъ царскому величеству любскіе и стролзунскіе и иныхъ поморскихъ волныхъ городовъ бурмистры и ратманы и полатники, чтобъ великому государю царю и великому князю Борису Ѳедоровичю, всеа Русіи самодержцу, и его царского величества сыну, великому государю царевичю князю Ѳедору Борисовичю, всеа Русіи, пожаловати поволити любскимъ и иныхъ поморскихъ волныхъ городовъ гостемъ и торговымъ людемъ въ своихъ государствахъ, въ Новѣгородѣ, во Псковѣ, и въ Иванѣгородѣ, и на Москвѣ, и во всей своей землѣ, пріѣзжая, торговати поволною торговлею и ѣздити въ свои государства и назадъ отъѣзжати съ своими товары по прежнему обычею; также бы поволити въ тѣхъ городахъ: въ Новѣгородѣ, во Псковѣ, въ Иванѣгородѣ и на Москвѣ ставити волные гостиные дворы съ одною церковью и что къ тому надобно. И великій государь нашъ царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Русіи самодержецъ, и его царского величества сынъ, великій государь царевичъ князь Ѳедоръ Борисовичъ, всеа Русіи, по своему царскому милосердью любскихъ и стролзунскихъ и иныхъ поморскихъ волныхъ городовъ бурмистровъ и ратмановъ и полатниковъ пожаловали, поволили пріѣзжати въ свои государства со всякими товары и торговати съ своими людми поволною торговлею на всякой товаръ и назадъ отъѣзжати безо всякіе обиды и насилства, и береженье имъ во всемъ по царского величества указу будетъ, и дворы имъ въ Великомъ Новѣгородѣ, и во Псковѣ, и въ Иванѣгородѣ ставити поволятъ, опричъ церквей римского и люторского закона. Того великому государю нашему учинити невозможно, что ставити церкви римскіе или люторскіе вѣры, потому, чаю, вамъ и самимъ вѣдомо, что къ великому государю нашему, къ его царскому величеству, многіе великіе государи хрестьянскіе: цесарь и король испанской и францовской, и датцкой король, и аглинская королева многижда о томъ присылали съ великимъ прошеньемъ: которые ихъ послы и посланники, и гости, и торговые люди ходятъ въ великого государя нашего государства, и для бъ ихъ пріѣзду поволити ставити имъ церкви римской и люторской вѣры; а литовской Жигимонтъ король присылалъ о томъ къ великому государю нашемуословъ своихъ великихъ, канцлера великого княжства Литовскаго Льва Сапѣгу съ товарищи, съ великимъ прошеньемъ, чтобъ великій государь нашъ, его царское величество, для посолского

На возвратномъ пути послы въ Новгородѣ и Псковѣ потребовали отъ воеводъ мѣста для построенія торговыхъ дворовъ. Новгородскій воевода отговаривался тѣмъ, что не получалъ еще указа. До рѣшенія ихъ дѣла они оставили здѣсь своего агента и едва двинулись далѣе, какъ ихъ настигъ гонецъ съ грамотой, въ которой царь просилъ ихъ взять съ собой посылаемыхъ 5 русскихъ юношей и ходатайствовать у Любскаго магистрата объ опредѣленіи ихъ, на царскій счетъ, въ школу для обученія нѣмецкому, латинскому и другимъ языкамъ, подъ условіемъ, чтобы они были оставлены при своемъ вѣроисповѣданіи и потомъ возвращены на родину. Послы согласились, и псковскій воевода встрѣтилъ ихъ радушно, подъ ихъ торговый дворъ съ готовностію отвелъ прежнее мѣсто, гдѣ стоялъ дворъ Ганзенскій, за рѣкою Великой. Торговля возобновлялась; въ слѣдующемъ уже году ганзейскіе товары были опять въ Псковѣ и Новгородѣ и видѣлись корабли Ганзейскаго союза у Архангельской пристани. Жажда скорой наживы и отсутствіе честности въ торговлѣ помѣшали Ганзейцамъ воспользоваться льготой. Подъ фирмой Любека, который платилъ половинную пошлину, начали являться купцы другихъ городовъ: Любчане ставили ихъ на своихъ Новгородскомъ и Псковскомъ дворахъ, и Борисъ, чтобы прекратить недоборы въ пошлинахъ, былъ вынужденъ сравнять Любчанъ съ остальными.

Вѣроисповѣдныя права сосѣднихъ съ нами шведскихъ купцовъ были опредѣлены значительно позднѣе. Географическая близость и

пріѣзду и рыцерскихъ служилыхъ людей, и для гостей и торговыхъ людей, которые пріѣзжаютъ въ великого государя нашего государства, поволили имъ ставити дворы и церкви римскіе и люторскіе вѣры,—и великій государь нашъ царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Русіи самодержецъ, на то не произволилъ и тѣмъ всѣмъ великимъ государемъ братьѣ своей отказалъ, въ своихъ государствахъ римскіе и люторскіе вѣры церквей ставити имъ не поволилъ. А нынѣ толко великому государю нашему поволити любскимъ, и стролзунскимъ, и иныхъ поморскихъ городовъ гостемъ и торговымъ людемъ ставити церкви римскіе или люторскіе вѣры, и тѣмъ всѣмъ государемъ въ томъ на великого государя нашего нелюбье будетъ, что мимо ихъ прошенья Любчанамъ и иныхъ поморскихъ городовъ купетцкимъ людемъ поволено церкви ставити. А въ вѣрѣ вашей торговымъ людемъ никоторые неволи не будетъ, волно имъ будетъ по своему закону въ римской или въ люторской вѣрѣ быти и пѣнье въ домѣхъ своихъ исправляти по своей вѣрѣ». Въ указ. выше Статейномъ спискѣ о пріѣздѣ Гермерса; отдѣльнаго списка договора въ Архивѣ нѣтъ.

отсутствіе съ нашей стороны какихъ бы то ни было преградъ, кромѣ военныхъ столкновеній, возникавшихъ по временамъ между Россіей и Швеціей, давали шведскимъ купцамъ легкую возможность переступать пограничный рубежъ; но, какъ менѣе предпріимчивые, чѣмъ ихъ западные соперники, эти рѣдко проникали далѣе Новгородскаго гостиннаго двора и предпочитали торговлю пограничную, хотя, послѣ пунктовъ о пограничныхъ владѣніяхъ, условіе о торговлѣ и занимало въ трактатахъ XVI и XVII вѣковъ первое мѣсто. Съ 25 марта 1510 года у насъ было заключено съ Швеціей перемиріе [1] на 60 лѣтъ. Густавъ Ваза, предупреждая намѣренія датскаго адмирала Северина Норби, который бѣжалъ въ Москву, чтобы побудить государя на войну противъ Швеціи, поручилъ (1526 г.) своему послу Эрику Флемингу уладить дѣло; Флемингъ парализовалъ дѣйствія Норби и, какъ передаютъ иностранныя извѣстія, упросилъ Василія Ивановича подтвердить шестидесятилѣтнее перемиріе, присоединивъ къ нему новый пунктъ, по которому шведскимъ купцамъ дозволялось имѣть свой дворъ въ Новгородѣ и торговать по всему Московскому государству [2]. Взаимная вольность въ торговлѣ устанавливалась и слѣдующими договорами, при Еленѣ и Иванѣ IV Васильевичѣ. По тогдашнему обычаю, договоры чинились въ Новгородѣ новгородскими намѣстниками: московскій царь считалъ унизительнымъ для себя непосредственно сноситься со шведскимъ королемъ, и «братомъ» себѣ его не признавалъ. Отъ этого въ значительной степени зависѣло то, что въ грамотахъ обыкновенно говорилось о чистомъ пути шведскимъ купцамъ собственно въ Новгородъ, затѣмъ во Псковъ [3]. Подробнѣе и шире въ

---

[1] Списокъ съ перемирной записи 1513 г. о подтвержденіи этого договора, хранящійся въ М. Гл. Архивѣ, изданъ, въ извлеченіи, у Карамзина, VII, прим. 154.

[2] Dalin, Geschichte des Reiches Schweden, III, 72, 110—112. За неимѣніемъ въ Моск. Архивѣ договора съ Флемингомъ, трудно рѣшить, насколько точно передается здѣсь условіе о торговлѣ; въ сохранившихся же договорахъ, предшествующихъ (9 мая 1513 г. и 3 апрѣля 1524 г.) и послѣдующемъ (25 марта 1537 г.), ничего не говорится о торговлѣ по всему государству (Трактаты съ Швеціей, №№ 1, 2, и 3).

[3] Кстати здѣсь исправить существенную неточность въ нашей исторической наукѣ. Изложивъ переговоры съ послами Густава Вазы по поводу уложенія тянувшихся съ 1554 года пограничныхъ споровъ, Соловьевъ (изд. 3, т. VI, 127) продолжалъ: «Въ утвержденной грамотѣ постановлено было о взаимной

этомъ отношеніи договоръ Тявзинскій (18 мая 1595 года) калужскаго намѣстника И. С. Туренина и намѣстника елатомскаго А. М. Пушкина. Въ силу этого дипломатическаго акта, подданные шведской короны, купцы Швеціи, Финляндіи и Эстляндіи, вольны плавать по Ладожскому озеру и ѣздить въ Орѣшекъ (Нотебургъ), Ладогу, Корелу (Кексгольмъ) и Новгородъ, подниматься Наровой въ Чудское озеро, достигать Пскова и другихъ мѣстъ, лежавшихъ на этомъ водномъ пути и имѣвшихъ значеніе для торговли, приставать на своихъ судахъ, гдѣ пожелаютъ, и торговать во всѣхъ пристаняхъ и городахъ Русской земли восточной, западной, сѣверной и полуден-

---

свободной торговлѣ между обоими государствами и о свободномъ проѣздѣ чрезъ нихъ въ другія земли: ««Шведскимъ купцамъ въ отчину великаго государя, въ Великій Новгородъ, въ Москву, въ Казань и Астрахань ѣздить вольно, имъ и посламъ шведскимъ ѣздить во всякія государства, въ Индію и Китай»». Съ его словъ Костомаровъ (Очеркъ торговли, 37 — 38) писалъ: «Въ царствованіе Іоанна IV съ тѣмъ же государемъ (т.-е. Густавомъ Вазой) установленъ договоръ, по которому русскимъ купцамъ позволялось ѣздить чрезъ Швецію въ европейскія страны на шведскихъ корабляхъ, а Шведамъ дозволено торговать въ Новгородѣ, Москвѣ, Казани и Астрахани и проходить въ Индію и Китай». Такого договора у насъ не было ни при Иванѣ Васильевичѣ, ни ранѣе, ни послѣ его, въ теченіе обоихъ XVI и XVII столѣтій, и онъ былъ бы совершенно не въ характерѣ того времени. Наше правительство еще могло бы и даже—былъ моментъ—готово было пропустить Шведовъ чрезъ Россію, но чтобы Шведы предоставили намъ въ свободное пользованіе свой торговый флотъ—это шло бы въ разрѣзъ со всею ихъ политикой, стремившеюся преградить путь изъ Россіи и въ Россію. Послѣднее, конечно, и послужило непреодолимою для насъ причиной, почему не состоялось при Иванѣ Васильевичѣ такого договора, несмотря на все желаніе нашего государя. Дѣло въ томъ, что когда прибыли (въ февралѣ 1557 года) въ Москву послы отъ Густава, Стенъ Эриксонъ, архіепископъ упсальскій Лаврентій Петри, съ цѣлію прекратить споры, то Грозный согласился уставить миръ со Швеціей (статейный списокъ ихъ пріѣзда хранится въ Шведскихъ Дѣлахъ Архива, № 1, л. 56—102). Переговоры съ ними вели окольничій А. Ѳ. Адашевъ и дьякъ И. Михайловъ. Составлена была отъ имени новгородскихъ намѣстниковъ, кн. М. Глинскаго и боярина Алексѣя Плещеева, договорная запись (стат. спис. л. 104 и слѣдующ., Шведскихъ дѣлъ св. № I, мартъ 1557). Въ ней собственно о торговлѣ прямо ничего не говорилось, а было лишь сказано, что перемиріе продолжится на 40 лѣтъ, съ Благовѣщеньева дня 1557 года, согласно «старымъ перемирнымъ грамотамъ намѣстни-

ной, какъ бы они ни назывались, и въ странахъ, которыя Господь можетъ даровать государю изъ татарскихъ или иныхъ областей. Что же касается дворовъ, то въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ были, они отданы будутъ со всѣми ихъ огородами и угодьями, а гдѣ не было, дадутся и тамъ, чтобы въ нихъ класть товары. Русскимъ купцамъ свободно торговать по всей Швеціи, Финляндіи и Эстляндіи и владѣть дворами въ Выборгѣ, Ревелѣ, Або и

ковъ ноугородцкихъ князя Бориса Ивановича Горбатого и Семена Никитича Бутурлина» и по тѣмъ грамотамъ «всякіе дѣла (слѣдовательно, и торговыя) межъ себя исправливати». По тогдашнему обычаю запись эту должны были скрѣпить новгородскіе намѣстники со шведскими послами въ самомъ Новгородѣ и затѣмъ Густавъ долженъ былъ подтвердить въ Стокгольмѣ. Пословъ отпустили (24 марта) изъ Москвы въ Новгородъ къ намѣстникамъ въ сопровожденіи Ивана Шарапова Замыцкаго. Ему былъ врученъ подробный наказъ (стат. спис. л. 122 и слѣд.), что говорить и дѣлать. Это случилось въ эпоху первой поѣздки Дженкинсона чрезъ Россію въ Персію, и вотъ въ наказѣ, между прочимъ, поручалось «дать знати» (и не болѣе) отъ имени Адашева и дьяка Михайлова послу Стену съ товарищами, какъ было бы полезно для обѣихъ сторонъ, еслибы русскимъ купцамъ дозволить чрезъ Швецію безпрепятственный путь во всѣ западныя государства, а шведскимъ купцамъ во всей Россіи и чрезъ нее въ Персію и Индію (см. прилож. № IX, стр. 44—45, въ «Вѣроисповѣдн. положен. протест. купцовъ»). Что отвѣтили Шарапову, въ данномъ статейномъ спискѣ отчета нѣтъ; тамъ отмѣчено (л. 135) лишь, что 28 декабря 1557 года Шараповъ воротился въ Москву и сказывалъ государю, «что Густавъ, король свейской, на подтверженьи записи крестъ цѣловалъ, а арцыбископъ апсальской руку далъ». «Запись» подразумѣвалась та, которая въ мартѣ была составлена въ Москвѣ и скрѣплена потомъ въ Новгородѣ (списокъ съ договорной грамоты, скрѣпленной въ Новгородѣ, хранится въ отдѣлѣ Шведскихъ трактатовъ Моск. Архива, № 4, г. 1557 марта 25); слова Шарапова о свободныхъ путяхъ не должны были имѣть на нее никакого вліянія; напротивъ, въ наказѣ ему настрого повелѣвалось наблюдать, чтобы въ ней не было допущено ни малѣйшихъ измѣненій ни послами, ни Густавомъ. Эти слова были почти только пробнымъ камнемъ, чтобы поточнѣе провѣдать мнѣніе шведскаго правительства о данномъ вопросѣ, а для насъ служатъ лучшимъ выраженіемъ задушевныхъ желаній Грознаго и его ближайшихъ совѣтниковъ относительно общенія съ Западомъ посредствомъ торговли; между тѣмъ Соловьевъ принялъ ихъ за рѣшительное предложеніе Густаву и за одинъ изъ пунктовъ договора съ нимъ. Этотъ статейный списокъ ветхъ, и читать его листъ за листомъ, при колоссальности задачи, какую выполнялъ Соловьевъ, дѣйствительно, трудно; а Костомаровъ писалъ, не справляясь съ архивными подлинниками.

другихъ мѣстахъ. Пошлины должны всѣ платить, какія взимаются въ обоихъ государствахъ. Швеція обязывалась пропускать къ намъ чужихъ пословъ, докторовъ, служилыхъ людей и мастеровъ; но изъ иностранныхъ купцовъ давать пропускъ только тѣмъ, которые повезутъ товары для казны; остальные должны были приставать въ Выборгѣ и Ревелѣ, а къ Нарвѣ пользовались правомъ ѣздить одни шведскіе купцы и торговать на Нарвской, а не на Ивангородской сторонѣ.

Тявзинскій договоръ былъ заключенъ въ пору наиболѣе для насъ удобную. Соперничавшіе между собою дядя и племянникъ, Сигизмундъ и Карлъ, закрѣпляли этимъ договоромъ даже завоеванное нами приморское побережье, но и теперь, при всѣхъ стараніяхъ съ нашей стороны, Шведы не согласились на безпрепятственный пропускъ къ

Перемиріе со Швеціей нарушилось скоро. Преемникъ Густава, Эрикъ XIV, прислалъ (въ 1561 году) новыхъ пословъ, Нильса Крумме, Эрика Фалька, и тѣ же лица, Адашевъ и Михайловъ, сказали имъ, что условіе о торговлѣ при Густавѣ было такое: Густавъ долженъ былъ обослаться со всѣми заморскими государями, чтобъ они гостей своихъ для торгу съ россійскимъ купечествомъ посылали въ Швецію, и о томъ написать и утвердить съ новгородскими намѣстниками особою грамотой, но Густавъ для постановленія о торгахъ ни къ государю, ни въ Новгородъ пословъ не присылалъ. Очевидно, здѣсь намекалось на переговоры и обѣщанія чрезъ Шарапова. Послы отозвались, что этого не случилось за болѣзнію и кончиной прежняго короля; однако въ составленной съ ними договорной грамотѣ на двадцатилѣтнее (считая съ 25 марта 1560 г.) перемиріе о торговлѣ было означено: «а пойдетъ кто изъ Свейскіе земли изъ Ирйковы королевы державы и изъ Выбора города въ великого государя царя Руского отчину въ Великій Новгородъ землей и водой, путь имъ чистъ безо всякіе хитрости, по крестному цѣлованію» (Въ той же книгѣ статейныхъ списковъ, № 1, отд. VIII, л. 252; Шведскіе трактаты № 5, августъ 1561 г.; св. 1: Извѣстіе о торговлѣ Россіи со Швеціей съ 1510 года). Запись эта была учинена опять отъ имени новгородскаго намѣстника, князя Ѳ. И. Булгакова. Слѣдующимъ перемирнымъ условіемъ съ Эрикомъ въ 1564 году на 7 лѣтъ, съ 21 ноября 1564 года, которое было заключено въ Дерптѣ намѣстникомъ ливонскимъ, М. Я. Морозовымъ, шведскимъ купцамъ разрѣшалось ѣздить въ Ругодивъ, а если кто изъ Ругодива захотѣлъ бы ѣхать «въ Великій Новгородъ и Псковъ, имъ ѣздить волно, платя пошлины по старинѣ» (Шведскія дѣла 1564, св. № 1; Шведскіе трактаты, № 6). Такъ медленно расширялось поле дѣятельности для шведскихъ купцовъ.

намъ иноземныхъ купцовъ, выхлопотавъ такимъ образомъ широкій доступъ въ русскія земли лишь для себя.

Несмотря на такую дробность условій о торговлѣ, въ занимающемъ насъ актѣ о религіозной свободѣ для купцовъ не упоминалось ни однимъ словомъ, какъ равно не коснулись этого вопроса затѣмъ и въ договорѣ Выборгскомъ [1]. Высказать на нее сво взглядъ пало на долю временъ послѣ междуцарствія.

Подъ вліяніемъ печальныхъ обстоятельствъ, вынужденное отказаться въ пользу Густава-Адольфа ото всѣхъ прибалтійскихъ владѣній, правительство молодаго Михаила Ѳедоровича въ вѣроисповѣдномъ вопросѣ для торговавшихъ въ Россіи шведскихъ купцовъ выказало чрезвычайную твердость, ни на іоту не отступивъ здѣсь отъ отечественныхъ преданій. Взамѣнъ того, что за нашими купцами признано право торговли по всему Шведскому государству, право владѣть въ Стокгольмѣ, Выборгѣ, Ревелѣ и Ивангородѣ торговыми домами и въ нихъ отправлять свое богослуженіе, а въ Ревелѣ, сверхъ того, сохранить за собой прежнюю церковь, шведскіе купцы, въ силу Столбовскаго договора (27 февраля 1617 года), могли, заплативъ обычныя пошлины, безпрепятственно торговать въ Московскомъ государствѣ, имѣть торговые дворы въ Новгородѣ, Москвѣ и Псковѣ и въ своихъ хоромахъ править пѣніе по своей вѣрѣ, но не строя себѣ церквей [2]. Условія чинили, со шведской стороны, Яковъ Дела-

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Шведскія дѣла 1595 г. и послѣдующихъ; часть Тявзинскаго договора, о шведскихъ торговыхъ дворахъ въ Россіи, помѣщена нами въ «Вѣроисп. полож. прот. купц.», прилож. X.

[2] 14 пунктъ Столбовскаго договора: («Въ записи государевыхъословъ написано.»)«Такожъ произволено и договорено, что волной и безпомѣшной торговлѣ быти межъ обѣихъ государствъ, Россійского царствія и королевства Свейского, и обоихъ подданныхъ тако, что всѣмъ великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, подданнымъ торговымъ людемъ Россійского царствія, Новгородцкого и Псковского государства и из-ыныхъ городовъ, заплатя всю пошлину по прямымъ таможнямъ, волно и безъ помѣшки торговати въ Стеколнѣ, въ Выборѣ, въ Колывани, въ Ругодивѣ и в-ыныхъ городѣхъ въ Свейской, и въ Финской, и въ Лифляндской землѣ съ его королевского величества подданными торговыми жъ людми; тако же волно и безъ зацѣпки ѣздити черезъ ихъ велеможного государя короля Густава-Адолфа свейсково земли и государства для

гарди, Генрихъ Горнъ, Арведъ Тоннесонъ и секретарь Монсъ Мортенсонъ; съ нашей, окольничій намѣстникъ суздальскій князь Данила Ив. Мезецкій, дворянинъ Алексѣй Зюзинъ и дьяки Николай Новокрещеновъ и Добрыня Семеновъ; посредникомъ былъ англійскій посланникъ Джонъ Мерикъ.

своей торговли и промыслу въ Свейскомъ королевствѣ. Такожъ, что всѣмъ ихъ велеможного государя короля Густава-Адолфа свейсково подданнымъ торговымъ людемъ, которые въ Свейской, въ Финской и въ Чюхонской землѣ, тако же и тѣмъ, которые въ Иванѣгородѣ, въ Ямѣ, въ Копорьѣ, въ Орѣшкѣ, въ Корѣлѣ селятца и живутъ, какова они народу ни есть, Рускіе или иные люди, волно и безъ помѣшки торговати, какъ они свою пошлину заплатятъ въ прямыхъ таможняхъ, на Москвѣ, въ Новѣгородѣ, во Псковѣ, въ Ладогѣ и в-ыныхъ російскихъ городѣхъ царского величества съ подданными торговыми жъ людми;тако же волно и безъ помѣшки ѣздити черезъ великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, земли и государства для своей торговли и промыслу въ Росіійскомъ царствіи. И потому что напередъ сего великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, его царского величества подданные торговые люди имѣли волной торговой дворъ въ Колывани; тако же и нынѣ, по Тявзинскому и Выборскому договору, имъ очищену и дану быти двору доброму и мѣсту къ тому въ Колывани, также въ его королевского величества городѣхъ въ Свеѣ, въ Стеколнѣ, въ Выборѣ торговые дворы имѣти и по своей вѣрѣ пѣніе и вѣры своей строенье волно имъ по тѣмъ же дворомъ въ своихъ хоромѣхъ имѣти, а въ Колывани въ церквѣ, какъ изстари было, держати, а церквей по своей вѣрѣ не ставити. Тако же потому, что напередъ сего ихъ вельможного государя короля Густава-Адолфа свейсково, его королевского величества, подданные торговые люди имѣли волной торговой дворъ въ Новѣгородѣ, тако же и нынѣ, по Тявзинскому жъ и Выборскому договору, имъ очищену и дану быти доброму двору и мѣсту къ тому въ Новѣгородѣ; тако же царского величества въ городѣхъ на Москвѣ, во Псковѣ торговые дворы имѣти, а вѣры своей пѣніе волно имъ по тѣмъ же дворомъ въ своихъ хоромѣхъ имѣти, а церквей по своей вѣрѣ не ставити». Трактаты съ Швеціей, № 22, 27 февр. 1617 г.: «Списокъ съ договора между Россіею и Швеціею, заключеннаго на съѣздѣ въ деревнѣ Столбовѣ», и пр.; см. тамъ же, №№ 21 и 23, также Дѣла Шведскія 1617 года, № 19, св. 14, 68 — 70; статейный списокъ № 14, л. 218 — 221, 221 — 224.—Выраженіе: «а вѣры своей пѣніе волно имъ по тѣмъ же дворомъ въ своихъ хоромѣхъ имѣти», въ записи шведскихъ пословъ читается такъ: «и тамо имъ Божественная служба по своей вѣрѣ по своимъ дворамъ въ хоромахъ волно имѣти».

Сначала нашими послами была начертана примѣрная запись, въ которой о свободѣ вѣроисповѣданія было выражено вообще: «на обѣ стороны торговымъ людямъ вѣру свою вольно держать и пѣніе пѣти въ хоромахъ, а церквей Русскимъ людямъ въ шведскихъ городахъ, а Шведскимъ людямъ въ русскихъ городахъ попатъ не ставить». Чрезъ дьяка Волкова запись была препровождена къ Мерику, у котораго шведскіе послы сняли съ нея копію. Нѣкоторыя изъ статей послы измѣнили, другія отложили до новыхъ совѣщаній, отъ иныхъ отказались, но со статьей о вѣрѣ и торговлѣ согласились, и она потомъ, въ болѣе полномъ видѣ, занесена въ самый договоръ.

Торговые дворы, въ которыхъ, согласно условію, должно было совершаться богослуженіе, строились медленно. Ведшій дѣло въ Москвѣ о подтвержденіи договора шведскій посолъ Густавъ Стенбукъ заручился «государевою жалованною грамотой» на мѣста подъ дворы въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ. Подъ Московскій дворъ было отведено мѣсто въ Бѣломъ-городѣ, на Тверской улицѣ, въ углубленіи ея къ Никитской, близь церкви св. Николая Чудотворца въ Гнѣздникахъ. Въ длину оно тянулось тридцать саженъ, поперекъ—двадцать четыре сажени, и принадлежало тремъ владѣльцамъ: гостинной сотни торговому человѣку Истомѣ Артемьеву Мыльнику съ двумя сосѣдями, торговцами. Въ Новгородѣ указано мѣсто на Софійской сторонѣ; во Псковѣ, гдѣ найдется удобное. Псковскій воевода Мезенскій писалъ по этому поводу въ Посольскій приказъ: «По государеву указу и жалованной грамотѣ Шведскаго короля Густава-Адольфа купцамъ, какъ они во Псковъ для торговли пріѣдутъ, дать во Псковѣ въ Каменномъ въ окольнемъ Большемъ городѣ или на Завеличьѣ, близко Гостинаго Нѣмецкаго двора, пустое порожнее мѣсто, гдѣ пригоже, вдоль 30 саженъ, поперекъ 20, и на томъ мѣстѣ хоромы ставить и дворниковъ держать нѣмецкихъ, а русскихъ не держать, и торговать имъ во Псковѣ всякою повольною торговлей. Во Псковѣ, государь, Гостиный Нѣмецкій дворъ за Великою рѣкою на Посадѣ, на Завеличьѣ, а другой, государь, дворъ за Великою рѣкою на Посадѣ, близко того Нѣмецкаго двора, былъ Любскихъ Нѣмцевъ, и нынѣ, государь, на Любскомъ Нѣмецкомъ дворѣ учиненъ кабакъ». Мезенскій спрашивалъ: гдѣ отвести мѣсто швед-

скимъ купцамъ, въ Большомъ ли городѣ или на Нѣмецкомъ Любскомъ дворѣ? «Въ Каменномъ окольномъ городѣ», было отвѣтомъ.

Между тѣмъ натянутыя отношенія Густава къ польскому королю зародили въ немъ планъ втянуть Михаила Ѳедоровича въ войну противъ Польши. Эвертъ Бременъ и Унгорнъ, его послы, кромѣ такого союза съ Густавомъ, просили ускорить стройку обѣщанныхъ торговыхъ домовъ въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ и разрѣшить еще новые въ Нижнемъ, Казани, Астрахани, Ярославлѣ, Вологдѣ, на Бѣлоозерѣ и въ Архангельскѣ. О чемъ въ прежней записи не написано, отвѣчали (18 апрѣля 1626 года) бояре, [1] о томъ и думать нечего: а если не устроены дворы, прежде выговоренные, то виноваты сами шведскіе купцы: мѣста даны еще Степбуку, и доселѣ не заняты— московское мѣсто, потому что купцы въ Москву не пріѣзжали; въ Новгородѣ отведено мѣсто на Софійской сторонѣ, во Псковѣ Гостинный дворъ для пріѣзда готовъ, но купцы себѣ дворовъ на готовыхъ мѣстахъ не строятъ, а останавливаются на Гостинныхъ дворахъ и торгуютъ вольною торговлею. Захотятъ они строить въ Москвѣ и Новгородѣ, могутъ и теперь, на прежнихъ условіяхъ (то-есть, слѣдовательно, съ допущеніемъ домашняго богослуженія). Думный дьякъ Иванъ Грамотинъ пояснилъ, что если захотятъ строить дворъ и во Псковѣ, то и тамъ мѣсто готово. Послы представили (21 апрѣля) свои статьи письменно: королю Густаву-Адольфу ничего де неизвѣстно, какъ идетъ стройка обѣщанныхъ по договору торговыхъ домовъ въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ, Нижнемъ, Казани, Астрахани, на Бѣлоозерѣ и Архангельскѣ, и онъ поручилъ имъ, посламъ, узнать о томъ и ходатайствовать, чтобъ государь велѣлъ своимъ воеводамъ ускорить постройку; вмѣстѣ съ тѣмъ они просили показать имъ мѣсто, назначенное подъ Московскій дворъ. Такимъ образомъ, по ихъ словамъ, выходило, что будто бы шведскіе дворы во всѣхъ этихъ городахъ было условлено выстроить, и притомъ на государевъ счетъ, еще прежнимъ договоромъ.

Съ подобными просителями нашимъ уладиться было трудно.

---

[1] Этотъ отвѣтъ ихъ изданъ нами въ «Вѣроятнов. полож. протест. купц.», прилож. № XII, стр. 46—48.

Лишь новыя шведскія посольства, учащавшіяся къ концу двадцатыхъ годовъ, и предусмотрительность, что съ Польшей намъ въ концѣ-концовъ войны не миновать, побуждали дорожить дружбой съ Густавомъ. И въ ноябрѣ 1628 года изъ Посольскаго приказа послѣдовало распоряженіе: мѣсто, отданное въ Москвѣ подъ Шведскій купеческій дворъ, осмотрѣть и измѣрить, сойдется ли оно противъ прежней дачи, не пригородилъ ли его кто къ своимъ дворамъ, и палата, которая на немъ строилась, дѣлается ли или разрушена. На томъ дворѣ, какъ показало дознаніе, была кирпичная палата, подъ ней погребъ, но палата разрушена, кирпичъ развезенъ, а кто развезъ, неизвѣстно, погребъ засоренъ навозомъ; самое мѣсто меньше противъ жалованнаго грамотою, всего вдоль двадцать одна сажень съ четвертью, поперекъ по одну сторону девятнадцать съ четвертью, по другую — двадцать одна сажень съ четвертью, остальное застроено сосѣдями. Было велѣно все привести въ порядокъ, недостающее добавить, дворъ огородить заборомъ и поставить на немъ двѣ избы, одну бѣлую, другую черную, межъ ними сѣни; колодезь, буде можно, вычистить или же сдѣлать новый; для береженія позвать сторожа. На новый запросъ Посольскаго приказа Земскому, послѣдній, менѣе его заинтересованный въ дипломатіи, отписалъ (7 іюля 1630 года), что челобитья о томъ мѣстѣ ничьего не бывало и денегъ изъ государевой казны за всѣ три участка никому не давано. Вскорѣ прибылъ въ Москву Иванъ Мёллеръ, первый у насъ шведскій агентъ. Хотя Густавъ, чтобъ обратить всѣ свои силы противъ цесаря, замирился съ Польшей, но у нашего правительства война съ ней затѣвалась, и Мёллеръ, какъ ни подозрительно смотрѣло наше правительство на такую новость (заведеніе постоянныхъ агентовъ), былъ принятъ предупредительно. За Мёллеромъ переселилась (12 сентября 1631 года) въ Москву его жена съ тремя дѣтьми и десятью домочадцами и слугами; всѣмъ имъ, по просьбѣ агента, выдавалось казенное содержаніе по рублю на день. Помѣщеніе было приспособлено [1].

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Шведскія, св. 33: «Пріѣздъ въ Россію шведскихъ пословъ Эверта Бремена и Индриха фонъ-Унгорна»; св. 34, 1628—1633 годы, № 2-й: «Дѣло объ отводѣ мѣста между Тверской и Никицкой улицъ

Съ пребываніемъ Мёллера шведское вліяніе у насъ усилилось. Псковскій лѣтописецъ отмѣтилъ тогда (1632 года) съ горечью: «Привезли торговые Нѣмцы грамоту съ Москвы, чтобы ставить имъ дворъ Нѣмецкій во Псковѣ, входить въ городъ и торговать; билъ челомъ государю архіепископъ Іосафъ и Псковичи, чтобы не быть во Псковѣ Нѣмцамъ; но челобитья псковскаго не приняли, у Іоасафа отняли и благословеніе и службу, а Нѣмцы во Псковъ многіе входили и ѣздили по всему городу невозбранно и отмѣрили мѣсто, гдѣ дворъ Нѣмецкій ставить на Сѣнной нивѣ». Всего тяжелѣе пришлось русскимъ перебѣжчикамъ изъ-за шведскаго рубежа: большія массы ихъ были отосланы назадъ. Мёллеръ ходатайствовалъ за кирку Второй Московсковской лютеранской общины и, не ограничиваясь домашнимъ «вѣры своей пѣньемъ», которое онъ завелъ на своемъ улучшенномъ Шведскомъ подворьѣ, основалъ еще здѣсь лютеранскую церковь, такъ сказать, Посольскую, пожертвовавъ на то значительную сумму. Никакихъ слѣдовъ договора нашего правительства со шведскимъ о дозволеніи постройки церкви нѣтъ, почему нужно предположить, что Мёллеръ поступилъ такъ, разширивъ смыслъ Столбовскаго договора о домашнемъ богослуженіи для шведскихъ купцовъ, и наше правительство сочло болѣе соотвѣтственнымъ посмотрѣть на то какъ бы сквозь пальцы. Пользоваться церковью резиденту пришлось недолго: надъ нимъ вскорѣ совершено было (6 сент.) отпѣваніе; пасторомъ ея былъ хоронившій его Листеманъ. По случаю смерти Густава Адольфа въ ней произнесъ проповѣдь паст. Ингенгёферъ [1].

въ приходѣ Николы въ Гнѣздникахъ для построенія Шведскаго подворья»; св. 40 и 41, годы 1631—1632: «Пріѣздъ въ Москву шведскаго гонца Ягана Мёллера въ чинѣ агента съ разными представленіями».—Исторія шведскихъ, какъ и другихъ подворій, у насъ еще не была извѣстна, о нихъ упоминалось лишь вскользь при изложеніи международныхъ трактатовъ. Послѣ сказаннаго мы не можемъ безусловно согласиться съ Костомаровымъ (Очеркъ торговли, 38), что по Тявзинскому договору «шведскимъ купцамъ дано было право держать свои подворья не только въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ, гдѣ они ихъ уже имѣли, но въ другихъ городахъ, гдѣ до того времени ихъ не было», и съ Соловьевымъ (Ист. Росс., изд. 4, т. IX, 102), который условіе Столбовскаго договора о торговлѣ излагаетъ такъ: «шведскіе купцы получаютъ прежніе дворы свои въ Новгородѣ, Москвѣ и Псковѣ». Такое изложніе не согласно съ русскими подлинниками договоровъ и противорѣчитъ послѣдующей исторіи постройки дворовъ.

[1] П. С. Р. Лѣтоп., IV, 334; Fechner, I, 210—211. Ср. выше, 1 гл.

На Тверской улицѣ случился (7-го мая 1634 года) пожаръ, во время котораго сгорѣлъ Шведскій дворъ и разграблена часть королевскихъ денегъ и имущества Мёллеровой вдовы. «Для королевскаго имени и ея бѣдности» государь велѣлъ вдовѣ выдать 200 рублей [1]. Посольскій дворъ былъ выстроенъ снова, судя по извѣстному намеку Марселиса [2], опять съ лютеранской домашнею киркой; въ агенты назначили изъ Швеціи Петра Крузбіорна (Pet. Krusebiörns). Московское правительство имъ очень тяготилось: оно желало ссылаться съ Швеціею по прежнему, чрезъ пословъ и посланниковъ. Подъ предлогомъ, что война съ Польшей прекратилась, правительство отозвало изъ Стокгольма своего резидента или пребывательнаго агента, Дмитрія Францбекова, посланнаго для провѣдыванія всякихъ вѣстей, и старалось избавиться отъ агента шведскаго. «О резидентахъ и агентахъ, чтобы имъ жить въ нашихъ государствахъ, въ мирномъ договорѣ не написано; а мимо мирнаго договора дѣлать непригоже, чтобѣ вѣчному докончанью противно не было», разсуждали и писали (1642 года) наши. Опасеніе замѣшательствъ изъ-за этого со Швеціей принуждало однако не только терпѣть Крузбіорна, но и допустить преемниковъ его, Поммеренинга, Дородеста и др. [3] Увѣдомляя кор. Христину объ опасности для «Офицерской кирки», подъ которой подразумѣвалась церковь новыхъ Нѣмцевъ, Поммеренингъ ни слова не говорилъ о киркѣ на своемъ посольско-торговомъ дворѣ. Отсутствіе жалобы со стороны агентовъ на личныя невзгоды едвали не объясняется тѣмъ, что наше правительство не находило тогда удобнымъ для себя касаться нарушенія Мёллеромъ религіознаго пункта въ Столбовскомъ трактатѣ. По подтвержденіи этого договора Алексѣй Михайловичъ и пришелъ было потомъ къ мысли, что наступила пора отодвинуть

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Приказныя дѣла 1634 г. 9 мая, св. 66, № 16: «Сыскное дѣло о краденыхъ у жены шведскаго агента Мёллера во время пожара на Тверской улицѣ; Шведскія дѣла 1647 г.: «Пріѣздъ въ Москву шведскихъ пословъ Ирика Гульденштерна.... съ товарищи».

[2] См. выше, I гл.

[3] А. Арх. Эксп. III, № 318; Соловьевъ, изд. 4, IX, 234—237; изд. 3, X. 292—294.

шведскія границы, столь вредныя для нашей торговли и гражданственности; но безуспѣшную войну вынужденъ былъ завершить Веліесаріевскимъ перемиріемъ (1658 года) и наконецъ Кардисскимъ вѣчнымъ миромъ (21-го іюня 1661 года). Пунктъ о вѣрѣ [1] для торговавшихъ въ Россіи шведскихъ купцовъ въ послѣднемъ договорѣ былъ согласенъ со Столбовскимъ. Купцамъ возвращались ихъ прежніе торговые дома въ Москвѣ, Великомъ Новгородѣ, Псковѣ, съ прибавкой дома въ Переяславлѣ. «И въ тѣхъ дворахъ», подтверждалось договоромъ, «могутъ они чинить ихъ Божію службу по своей вѣрѣ, въ самыхъ своихъ избахъ и каморкахъ, а индѣ, въ именованныхъ городахъ, по ихъ вѣрѣ новыхъ церквей не строить».

Первымъ государямъ изъ дома Романовыхъ неоднократно докучали о своихъ прежнихъ торговыхъ привилегіяхъ также Любчане и Англичане и настойчиво добивались подобнаго же для себя Нидерланды. Бургомистры и ратманы Любека просили (1635—1636 г.) возстановить ихъ торговыя права по привилегіи 1603 года. Указывая на нарушеніе ея самими Любчанами и на отмѣну ея царемъ Борисомъ, Михаилъ Ѳедоровичъ дозволилъ любскимъ купцамъ торговать въ Новгородѣ и Псковѣ и человѣкъ по шести, не болѣе, пріѣзжать въ Москву, съ платою обычныхъ для всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ пошлинъ, въ Москвѣ они должны были класть свои товары на Гостинномъ дворѣ; Новгородскій и Псковскій дворы имъ возвращались назадъ [2]. И эти права не съумѣли Ганзейцы удержать за собою, такъ что только очень не многимъ изъ купцовъ удавалось проникать къ намъ, чрезъ подкупъ дьяковъ [3]. Алексѣй Михайловичъ возвратилъ [4] имъ то, что̀ дано его отцомъ, и опять наотрѣзъ отказалъ имъ, когда они просили его о привилегіи Годунова.

Не сомнѣваясь въ неприкосновенности личнаго вѣроисповѣданія, Англичане старались объ одной торговой прибыли. По возвращеніи,

[1] Полн. Собр. Зак. I, № 240, п. 7, стр. 455, № 301, п. 11, стр. 520.

[2] М. Г. Архивъ М. И. Д., Грамоты города Любека, 1635 г. 28 сент., № 9; Трактаты съ Любекомъ, 1636 г. 30 іюля, № 2.

[3] Ак. Арх. Экспед. IV, 17; Костомаровъ, Очеркъ торговли, 37.

[4] М. Г. Архивъ М. И. Д., Грамоты г. Любека 1652 г. 10 генв., № 10, 1661 г. 10 мая, № 12; Трактаты, 1652 г. 30 іюня, № 3. Полн. Собр. Закон. I, 259.

благодаря стараніямъ Джона Мерика, своего господствующаго положенія во внѣшней у насъ торговлѣ, Англо-Русская компанія возстановляла и заводила свои факторіи не только по большимъ городамъ, но и по второстепеннымъ. Московскій домъ на Варваркѣ, близъ церкви св. Максима, былъ расширенъ и затѣмъ былъ пріобрѣтенъ еще Новый домъ, много лучше Стараго [1]. По писцовымъ книгамъ Земскаго приказа отъ 1616 года, Старый дворъ имѣлъ вдоль 30, поперекъ 20½ саженъ; по мѣрѣ, сдѣланной въ серединѣ XVII вѣка, онъ тянулся вдлину на 32 сажени безъ трети, поперекъ на одной сторонѣ 19 саженъ безъ трети, на другой сторонѣ 21½ сажень [2]. Онъ былъ обнесенъ деревяннымъ заборомъ, и вели въ него ворота, у которыхъ стояла сторожка. Главныя хоромы красовались на правой сторонѣ двора: это было двухъ-этажное зданіе, «горница на жиломъ подклѣтѣ», съ сѣнями и крыльцомъ назади; по лѣвую сторону виднѣлось зданіе меньшее, въ одинъ этажъ, «горница поземная», тоже съ сѣнями. За ними стояли 4 «избы», двѣ «бѣлыя», соединенныя сѣнями, и двѣ «черныя»; поварня и двѣ конюшни. Вся стройка была деревянная. Сзади прилегалъ небольшой садикъ, въ которомъ росло десятка два яблонь и нѣсколько грушъ, вишень и сливъ.

Новый Англійскій дворъ, превосходившій Старый обширностію и благоустройствомъ, находился въ Бѣломъ городѣ, за Ильинскими воротами, противъ Стрѣлецкой слободы, фасадомъ къ стѣнѣ Китай-

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Англійскія дѣла, св. 14, іюнь 1649 — 1652 г., № 3/а: «Дѣло о изслѣдованіи приказу Сыскныхъ дѣлъ боярину кн. Юрію Долгорукову съ товарищи о долгахъ и о дворовомъ строеніи торговыхъ въ Россіи аглинскихъ купцовъ, по причинѣ ихъ высылки изъ Россіи»; Приказныя дѣла, св. 86, г. 1635: «О княжъ Ивановомъ Куракина домѣ въ Бѣломъ-городѣ у Пречистыя Богородицы Гребневскіе, чтобъ позволено было его продавать».

[2] «Въ Земскомъ приказѣ въ писцовыхъ книгахъ писма и мѣры Ѳедора Янова да дьяка Якова Демидова ρκд году написано: въ Китаѣ-городѣ на Варварскомъ крестцѣ у церкви Максима Христа ради уродивого дворъ Аглинской вдоль к саж., поперегъ к саженъ съ полусаженью... А по мѣрѣ нынѣшняго ρпн году того двора вдоль лк сажени безъ трети, поперегъ фі саж. безъ трети, по другой сторонѣ поперегъ ка саж. съ полусаженью». «Дѣло о изслѣдованіи приказу Сыскныхъ дѣлъ бояр. кн. Ю. Долгорукову съ товарищи о долгахъ» и пр.

города. Справа у него стоялъ домъ кн. Куракина, слѣва лежала земля церкви св. Григорія, позади земля кн. Петра Пронскаго; отъ княжескихъ участковъ отдѣляли его частоколы, отъ церковной земли деревянный заметъ. Земельный участокъ, занимаемый имъ, какъ видно изъ мартовской описи 1651 г., былъ длиною 59 саженъ, поперекъ 34 сажени впереди и 23 сажени назади.

Исторія того, какъ пріобрѣла его Англійская компанія, очень любопытна. До московскаго разоренья онъ назывался Армянскимъ, и на немъ останавливались литовскіе, кизильбашскіе и армянскіе купцы; послѣ московской разрухи половина двора отдана была кн. Ив. Сем. Куракину, который затѣмъ подпалъ опалѣ: государевымъ указомъ, все его имущество, въ томъ числѣ и дворъ, было велѣно продать. Долю его двора купилъ (1628 г.) Англичанинъ докторъ Артемій Дій, за 350 рублей. Стройки на ней тогда было всего изба, стоявшая близь воротъ, ворота бревенчатые и въ три прясла заборъ. Докторъ выстроилъ новыя хоромы, двѣ горницы, два погреба, поварскую, конюшню, выкопалъ колодезь и жилъ, пока не получилъ отпуска въ Англію. На отпускѣ ему сказано о дворѣ, чтобы безъ государева указа его онъ никому не продавалъ, можетъ его купить государь, если понадобится. Уступать дворъ Русскимъ не было въ видахъ доктора. Онъ объявилъ, что его дѣти, живущіе за моремъ, заняли у его зятя, торговаго человѣка Резина Иванова, себѣ денегъ; не имѣя, чѣмъ выплатить, онъ отдалъ ему за долгъ дворъ въ 1600 рублей и выдалъ ему купчую (23 генв. 1635 г.). Между тѣмъ изъ Посольскаго приказа явились на дворъ осмотрѣть его, годится ли онъ подъ устройство на немъ купеческаго двора Литовцамъ. Тогда Дій обратился къ государю съ челобитной, въ которой измѣнилъ свои показанія. «Здѣсь, государь, писалъ онъ въ ней, я, для скудости и пожарнаго разоренья, занялъ у своего зятя, торговаго человѣка Англійской земли Резина Иванова, 1600 р. денегъ, за которые отдалъ ему въ продажу свой дворъ со всею землею и строеньями. По твоему, государь, указу дворъ мой осматривали, чтобы устроить купеческій дворъ про Литовскихъ людей, и зять мой впередъ опасается, что его дворишко никто не смѣетъ ни купить, ни взять въ закладъ; а я, холопъ твой, далъ ему на себя купчую, чтобъ ему тотъ дворъ по ней вольно было продать, или заложить, или

самому владѣть, а мнѣ его во всемъ очищать, никакого не чинить ему убытка. Вели, государь, свой царской милостивый указъ учинить, чтобы по моей купчей вольно было зятю моему тѣмъ дворомъ самому владѣть или продать своей братьѣ Нѣмцамъ или Русскимъ людямъ». Допрошенный о домѣ, Резинъ Ивановъ Чапманъ (Reason Chapman) добавилъ: взялъ онъ его у тестя за 1600 рублей поневолѣ, потому что у Артемья денегъ не случилось, чѣмъ бы выплатить долгъ; теперь онъ торопится съ продажей его, такъ какъ ему надобно ѣхать въ Архангельскъ для торговаго промысла; но продать безъ государева указа не смѣетъ. Если государь изволитъ взять дворъ на себя, велѣлъ бы выплатить ему долгъ изъ своей государевой казны, а если взять двора не изволитъ, разрѣшилъ бы ему продать. Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ произвести оцѣнку и продать по ней кому-либо изъ Русскихъ.

Цѣну двора опредѣлили (20 іюня 1635 г.) въ 1200 рублей. Резинъ опротестовалъ, жалуясь государю, что цѣновщики такъ низко оцѣнили его дворъ, желая принести ему убытки. Назначена другая переоцѣнка (26 іюня), которой признано «всему по большой цѣнѣ 1095 рублей, а только хоромы съ мѣста продать, всему цѣна 1045 рублей». Дѣло затянулось, вниманіе правительства было отъ него отвлечено, и Чапманъ, вопреки прежней волѣ государя, не болѣе какъ чрезъ годъ все продалъ за свою цѣну «Англійскія земли королевскаго величества агенту Семену Августиновичу Дигби для Англійской компаніи». Купчая помѣчена 4-мъ іюня 1636 года.

Компанія все перестроила по своему и прибавила много другихъ зданій. Главныя зданія сдѣланы каменныя: 11 палатъ и три погреба, остальныя деревянныя: пять горницъ съ чуланами, сѣнями и дубовыми подъ ними погребами, три бѣлыхъ избы, то же съ сѣнями и погребами и, сверхъ того, съ чердакомъ, изба черная и изба поварская. По фасаду тянулся заборъ, въ которомъ были двои ворота, одни большія, дощатыя, створчатыя, другія малыя, подъ общею кровлей.

На обоихъ дворахъ останавливались пасторы, сопровождавшіе англійскихъ къ намъ пословъ, и совершали богослуженіе для членовъ посольства и членовъ торговой Компаніи. Для послѣднихъ пребыванія пасторовъ должны были пріобрѣтать возрастающую цѣну, въ виду

антагонизма съ Голландцами, мало-по-малу завладѣвшими дѣлами находившейся въ Москвѣ Реформатской кирки.

Службѣ подворій религіознымъ цѣлямъ положило конецъ изгнаніе Англичанъ, когда дворы перешли въ другія руки. Изъ перепродажи ихъ узнаемъ какъ объ ихъ устройствѣ, такъ и о цѣнности, и о дальнѣйшей ихъ судьбѣ. Старый дворъ, со всѣми относящимися къ нему строеніями и садомъ, достался окольничему Пв. Андр. Милославскому. Пожалованный государемъ суммою въ 500 р. на покупку себѣ дома, Милославскій обратился съ челобитьемъ взамѣнъ денегъ отдать ему этотъ дворъ, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что «по государеву указу велѣно англійскихъ Нѣмцевъ выслать изъ Москвы въ свою землю, а дворовое ихъ мѣсто въ Китаѣ на Варварскомъ крестцѣ никому не отдано; оно имъ данное, а не купленное». Алексѣй Михайловичъ велѣлъ измѣрить дворъ и справиться, какъ онъ достался Англичанамъ. Мѣра двора нашлась въ писцовыхъ книгахъ Земскаго приказа 1616 года, но «данный ли или купленный тотъ дворъ», нигдѣ ничего не было отмѣчено. За отсутствіемъ членовъ Компаніи, которые вмѣстѣ съ своимъ главнымъ агентомъ Пв. Асборномъ, находились уже въ Архангельскѣ, спросили «старыхъ иноземцевъ», переводчика Пв. Ѳомина, Андрея Кельдермана и Еремѣя Пантелѣева, которые сообщили (24 октября 1649 г.), что дворовое мѣсто и палата пожалована Англичанамъ ц. Иваномъ Васильевичемъ, «деревянныя сіи хоромы» Англичане выстроили сами; Кельдерманъ присоединилъ еще, что онъ слышалъ отъ Мерика и Смита, будто этотъ дворъ прежде, до отдачи Англичанамъ, принадлежалъ московскому гостю Юшкову, имени котораго онъ не припомнитъ. По осмотрѣ стройка оказалась довольно ветхой. Земскій приказъ распорядился дворовое мѣсто передать Милославскому и чрезъ дьяковъ Сыскнаго приказа объявить Пв. Гебдону, «стряпчему англійскихъ Нѣмецъ, который за ихъ дѣлами ходитъ», чтобы Англичане совсѣмъ переѣхали на свой Новый дворъ, а деревянныя хоромы, выстроенныя на Старомъ дворѣ, продали Милославскому по соотвѣтствующей цѣнѣ.

Возвратившіеся изъ Архангельска, подъ предлогомъ вершенія дѣлъ, члены Компаніи Ульянъ Христофоровъ съ 4-мя товарищами, стараясь замять дѣло и остаться въ Москвѣ, не хотѣли ни

продавать Милославскому строеній, ни свозить ихъ на другое мѣсто, и Милославскій вынужденъ былъ снова просить (22-го ноября) государя объ указѣ Англичанамъ или очистить купленное имъ мѣсто, или продать ему стройку по казенной оцѣнкѣ. Когда въ приказѣ Сыскныхъ дѣлъ объявили Ульяну съ товарищами о царскомъ указѣ, то они отвѣтили, что снести имъ строеніе некуда и продать нельзя, потому что оно принадлежитъ всей Компаніи, члены которой въ настоящее время въ-разбродѣ, за моремъ, и что могутъ продать его лишь по особому царскому указу и по казенной суммѣ, въ полученіи которой и роспишутся. Съ своей стороны они подали роспись подлежащаго къ продажѣ имущества, опредѣляя стоимость его въ 535 рублей, именно стройку въ 485 и садъ въ 50 рублей. Ихъ цѣна показалась нашимъ несоразмѣрно высокой, и изъ Земскаго двора были посланы оцѣнщики, лѣсные цѣловальники и торговцы лѣснаго ряда за Покровскими воротами, 11 человѣкъ. Стоимость стройки они опредѣлили (1 декабря) всего въ $96^1/_2$ рублей. Въ виду слишкомъ большой разности въ показаніяхъ стоимости, была назначена (24 генв. 1650 г.) чрезъ Земскій приказъ новая переоцѣнка, для которой взяли другихъ цѣловальниковъ и цѣновщиковъ, торговыхъ и посадскихъ людей изъ разныхъ мѣстностей Москвы, 21 человѣка. По ихъ оцѣнкѣ, дворъ стоилъ 118 рублей 26 алт. 4 деньги [1]. Пригла-

---

[1] Тамъ же: «Лѣта $\overline{зр}$ии генваря въ $\overline{кд}$ день... въ Китаѣ-городѣ на Аглинскомъ Старомъ дворѣ переоцѣнивали хоромы и дворовое всякое деревянное строенье... А на дворѣ хоромъ, взошодъ на дворъ, по правой сторонѣ горница на жиломъ подклѣтѣ, противъ сѣни съ верхомъ и съ переходы, позади отходъ, цѣна тѣмъ хоромамъ сорокъ рублелъ; на лѣвой сторонѣ горница поземная, противъ сѣни съ верхомъ, цѣна дватцать шесть рублевъ, да подъ тою жъ горницею погребъ дубовой трехъ саженъ, цѣна два рубли; двѣ избы бѣлые, промежъ ими сѣни дву саженъ, цѣна дватцать рублевъ; да позади тѣхъ хоромъ поварнишко, цѣна полтора рубли, подъ избою погребъ дубовой полутретьи саженп, цѣна полтора рубли; двѣ избенки ветчаны, одна бѣлая, а другая черная, да конюшнишко о трехъ стойлишкахъ, на верху сушилишко, да избенко приворотнея, цѣна тѣмъ хоромишкамъ одиннатцать рублевъ; да за полатою конюшнишко о четырехъ стойлишкахъ съ верхомъ, подлѣ ее навѣсишко, цѣна два рубли, передъ полатою крыльцо, цѣна полтора рубли, да ворота верея сосновые, цѣна два рубли, да забору дват-

шены были также садовники, которые цѣнили садъ, опредѣливъ стоимость его плодовыхъ деревьевъ въ 4 рубля 35 алтынъ на мѣстѣ, и 3 рубля съ половиной, если продать съ мѣста. Деньги по послѣдней оцѣнкѣ, 123 рубля 18 алтынъ 2 деньги, Сыскнымъ приказомъ были взяты (20 февраля) съ Милославскаго и на слѣдующій день переданы Асборну съ товарищами, подъ росписку ихъ стряпчаго Гебдона.

Вынужденные уступить Старый дворъ, Англичане не могли удержать за собою и Новый. Приказу Сыскныхъ дѣлъ Асборнъ и его товарищи сообщили, что послѣ покупки его у Дигби на немъ вся стройка сдѣлана вновь и что стоимость двора весьма высокая: дворовое мѣсто дано 1600 руб., на немъ 11 кладовыхъ палатъ и 3 каменныхъ погреба встали въ 3120 руб., деревянная стройка стала 1482 руб., всего дворъ стоитъ не менѣе 6202 р., т.-е. по цѣнности почти равняется дворамъ, имѣющимся у Компаніи въ другихъ важнѣйшихъ торговыхъ городахъ, Вологдѣ, Холмогорахъ, Архангельскѣ. Когда доложили въ с. Покровскомъ государю, онъ велѣлъ объявить истцамъ, чтобы они продали дворъ немедленно, по вольной цѣнѣ, Русскимъ людямъ, а въ случаѣ не сторгуются, продать по казенной оцѣнкѣ. Продавцы замедляли, и по своей оцѣнкѣ (10 марта 1651 г.) наши опредѣлили его стоимость въ 2700 рублей, именно мѣсто въ 1000, каменную стройку 1500 и деревянную стройку 200 рублей [1]. Оцѣнку

цать шесть прясель, цѣна семь рублевъ двацать шесть алтынъ четыре денги, да въ саду чердакъ, цѣна три рубли съ полтиною. И по сей цѣновной на Аглинскомъ дворѣ цѣна деревянному строенью всего ρи҃ рублевъ к҃г҃ алтынъ д҃ денги». — На этомъ мѣстѣ теперь «Сибирское подворье», принадлежащее русскому купцу.

[1] «Роспись Аглинскому Новому двору, что въ Бѣломъ городѣ... Мѣрою тотъ Аглинской дворъ въ государеву трехъаршинную сажень вдоль н҃ф саженъ, а поперегъ въ переднемъ концѣ л҃д сажени, въ заднемъ концѣ поперегъ к҃г сажени, да на дворѣ колодезь, а цѣна тому дворовому мѣсту ѧ҃л рублевъ. А на томъ дворѣ ѕ҃ полатъ, а мѣра полатамъ вдоль к҃к сажени съ полусаженью и съ стѣнами, а тѣ полаты кладовые безъ нутрей, нежилые, а поперегъ тѣ полаты є҃ саженъ безъ чети и съ стѣнами, а внутри мѣрою у всѣхъ полатъ межь стѣнъ вдоль по д҃ сажени, а поперегъ по г҃ сажени, а вышина полатамъ отъ мосту до сводовъ к҃ сажени, а у тѣхъ полатъ ѕ҃ дверей да рѣшетка да н҃і оконъ, затворы и въ ок-

производили дьякъ, гости, каменщики, торговцы лѣсомъ, 26 человѣкъ, по крестному цѣлованію, по памяти изъ Каменнаго приказа. Государь велѣлъ (13 августа) взять дворъ на него, государя, за долгъ Англичанъ въ 3000 руб. Большой государевой казнѣ, если же они долгъ въ Архангельскѣ возвратятъ, то выплатить имъ за домъ полностію изъ его казны. Проволочка этимъ не прекратилась. Еще въ слѣдующемъ (1652) году на Асборнѣ продолжало числиться недоимки 10,000 ефимковъ, которую онъ постарался перевести на Дав. Рутца, обязавшагося вскорѣ уплатить ее. Вся деревянная стройка двора между тѣмъ сгорѣла, и когда потомъ Пушкарскій приказъ освѣдомился [1] (1 сентября 1652 г.) въ Казанскомъ приказѣ у кн. Юр. Долгорукаго о судьбѣ его, то оказалось, что мѣсто еще никому

нахъ рѣшетки желѣзные; да къ тѣмъ же полатамъ здѣланы съ стороны д полаты поземныхъ же кладовыхъ, мѣрою вдоль полатамъ к саж. съ полусаженью и съ стѣнами, а поперегъ д сажени съ третью съ стѣнами жъ, а длина и ширина и вышина та жъ мѣра, что и въ первыхъ полатахъ, а у тѣхъ полатъ д двери да з окон, затворы и въ окнахъ рѣшетки желѣзные, а подъ тѣми полаты г погреба, к съ выходы, а мѣрою погребы по д сажени, а поперегъ по г сажени, а вышина отъ земли до сводовъ сажень съ третью, у дву погребовъ двери желѣзные, да д окна съ затворы и съ рѣшотки желѣзными, а у третьева погреба к двери да рѣшотка деревяная, а крыты тѣ всѣ полаты по черепицѣ дранью; а передъ тѣми полатами около перила и надъ тѣми перилы покрыто тесомъ; да на томъ же дворѣ у погреба дубового выходъ каменной, а у того выхода дверь да у дву оконъ затворы желѣзные. А цѣна каменному строенью и съ затворы и съ дверми и съ окны и съ рѣшотки и съ кровлею ,аф рублевъ. Да на томъ же дворѣ деревяного строенья є горницъ бѣлыхъ на подклѣтахъ съ чюланы и съ сѣнми и съ подсѣньемъ, а подъ ними є погребовъ дубовыхъ ветчаные; к избы бѣлыхъ, межъ ими сѣни, на сѣняхъ чердакъ бревенчатой, а подъ ними погребы; избушка бѣлая, сѣницы и съ чердачкомъ съ бревенчатымъ, подъ избою погребъ; изба черная у воротъ съ пристѣномъ; изба поварская съ очагомъ и съ печью; амбарецъ рубленой; городба и съ вороты деревяными, а хоромы и погребы деревяные, все ветхо. А цѣна деревяного строенья с рублевъ. И всего Аглинскому дворовому мѣсту и съ каменнымъ и съ деревяннымъ строеньемъ цѣна ,кѫ рублевъ.—Рнѳ г. марта ни подалъ сію память въ приказѣ Сыскныхъ дѣлъ приказу Каменныхъ дѣлъ подъячей второй Васильевъ». Тамъ же.

[1] Тамъ же, св. 15.

не отдано и на немъ, но отъѣздѣ Асборна, живетъ Англичанинъ Томасъ Винтъ. Вскорѣ отвели его подъ плѣнныхъ Поляковъ, Нѣмцевъ и Черкасъ, какъ это видно изъ записи [1] о раздачѣ Алексѣемъ Михайловичемъ имъ милостыни наканунѣ Рождества Христова въ 1665 году.

По первоначальному намѣренію правительства, все недвижимое имущество Англичане должны были продать нашимъ, тѣмъ не менѣе Вологодскій дворъ имъ удалось сбыть въ руки Давида Рутца. Изъ ихъ провинціальныхъ торговыхъ дворовъ онъ казался очень устроеннымъ. На краю города, въ Новинскомъ посадѣ, онъ занималъ площадь въ 78 саженъ длины и 76 саж. ширины и, подобно московскимъ дворамъ, представлялъ цѣлую группу зданій. Цѣну стройкѣ Асборнъ объявилъ Сыскному приказу въ 840 рублей, и о землѣ отозвался, что не знаетъ, купленная она или данная, такъ какъ Компанія владѣетъ ею болѣе 100 лѣтъ. Тогда Рутцъ представилъ (14 мая 1652 г.) письменное, на нѣмецкомъ языкѣ, долговое ему обязательство Асборна на 852 ефимка или 426 руб. и просилъ зачесть ему за этотъ долгъ Вологодскій дворъ Англійской компаніи, хотя у Асборна въ той же Вологдѣ былъ свой дворъ, оцѣненный хозяиномъ въ 1.200 рублей. При оцѣнкѣ двора вологжанами, оцѣнившими его всего въ 89 руб. и съ землею, вдругъ оказалось, что на немъ, между жилыми помѣщеніями и другими зданіями, находилась неизвѣстно когда и съ чьего разрѣшенія выстроенная «Компанейская роната». Это было небольшое и довольно низкое деревянное зданіе, въ пять съ половиною саженъ ширины, въ два большихъ и пять малыхъ оконъ; внутри были два тесовыхъ чулана, печь изразцовая; дверь запиралась путянымъ замкомъ; крыльцо изъ тесу, забраннаго въ косякъ. Зданіе было тогда уже далеко не новое, цѣновщики оцѣнили его въ 10 рублей [2].

---

[1] Архивъ Моск. Оруж. Палаты, Расходная книга приказа Тайныхъ дѣлъ 1665 г. Извлеченія изъ нея доставлены намъ моск. археол. А. А. Мартыновымъ.

[2] «Въ нынѣшнемъ во ρξ̃ году... вологженя посадцкіе выборные люди..., десять человѣкъ, цѣнили на Вологдѣ на посадѣ дворы Англійскихъ Нѣмецъ и всякое дворовое строенье порознь, по нашему крестному цѣлованью, а въ той цѣновной написанъ дворъ болшой Аглинской всей Компанеи въ Новинкахъ по конецъ посаду, а на томъ дворѣ хоромъ двѣ горницы по три сажени на жилыхъ

Что за пасторы служили въ этой церкви, указаній нѣтъ. Пасторамъ, сопровождавшимъ англійскія посольства, вполнѣ безпрепятственно можно было отправлять въ ней богослуженіе; но, какъ кажется, состояли при ней и особые компанейскіе пасторы. По крайней мѣрѣ

подклѣтѣхъ со всѣмъ нарядомъ, что въ стѣнахъ держитъ, и съ печми обращатыми, промежъ ими сѣни полупяты сажени забраны тесомъ въ косякъ, на верху сѣней чердакъ тесовой же, къ сѣнемъ лѣсница забрана тесомъ въ тетиву, да подлѣ тѣхъ горницъ поварнишко на жиломъ же подклѣтишкѣ, у поварни лѣстница, хоромы ветхіе, цѣна тѣмъ хоромамъ пятнадцать рублевъ; поварнишко низменная ветхая, цѣна рубль; двѣ горницы низменные по три сажени безъ чети со всѣмъ нарядомъ, что въ стѣнахъ держитъ, съ печми обращатыми и съ чюланы, у дверей замки нутреные, однѣ двери обиты сукномъ краснымъ одинцовымъ, промежъ тѣми горницами сѣни съ сторону забраны тесомъ, а въ другую бревны подъ сѣнями погребъ земляной, у сѣней крыльцо забрано тесомъ, хоромы стоялые, цѣна тѣмъ хоромамъ пятнадцать рублевъ; да Компанейская ропата низменная, межъ углы полшесты сажени, со всѣмъ нарядомъ, что въ стѣнахъ держитъ, да въ ней же два чюлана забраны тесомъ въ косякъ, печь обращатая, у дверей замокъ нутреной, передъ тою же ропатою крыльцо забрано тесомъ въ косякъ, да въ той же ропатѣ двѣ окончины большихъ да пять окончинъ малыхъ ветхіе; ропата стоялая, цѣна той ропатѣ десять рублевъ; позади той ропаты двѣ конюшни ветхіе, цѣна рубль; двѣ избы съ печми бѣлыми, сѣнцы рубленые, подъ сѣнцы погребъ; возлѣ тѣхъ избъ поварня съ очагомъ да погребъ съ напогребицею, хоромы ветхіе, цѣна тѣмъ хоромамъ десять рублевъ; три анбара въ однихъ стѣнахъ, ветхи, цѣна имъ шесть рублевъ, да противъ тѣхъ анбаровъ два анбара жъ да анбаръ съ перерубомъ, ветхіе жъ, цѣна тѣмъ анбаромъ шесть рублевъ; изба людцкая ветхая, цѣна рубль; кругъ двора сто дватцать девять прясель заборовъ, да передніе ворота съ навѣсомъ, да воротишка къ рѣкѣ къ Вологдѣ, заборы и ворота ветхіе, цѣна тѣмъ заборомъ и воротамъ четыре рубли; и всего того двора цѣна тому всему дворовому строенью шестьдесятъ девять рублевъ. А земли подъ тѣмъ дворомъ въ цѣновной мѣра написана: длиннику семдесятъ восмь саженъ, поперечнику семьдесятъ шесть саженъ, цѣна той земли особо въ цѣновной написана дватцать рублевъ, всего цѣна всему дворовому строенью и землѣ въ цѣновной написано восмдесятъ девять рублевъ». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Приказныя дѣла, св. 243, 28 февр. 1653 г.—15 марта 1654 г.: «Дѣла по челобитьямъ аглинскихъ купцовъ Ивана Асборна съ товарыщи о долговыхъ денгахъ, объ ихъ дворѣ на Вологдѣ и прочемъ».

Поммеренингъ около этой поры доносилъ своему правительству: «Англійскіе купцы, которые нѣсколько времени тому назадъ, вслѣдствіе казни ихъ короля и по другимъ причинамъ, изгнаны были изъ Москвы, получили опять позволеніе возвратиться назадъ изъ Архангельска и въ теченіе года вытребовать свои долги безъ права привозить съ собой какіе-либо товары. Хотя имъ и Голландцамъ разрѣшено пріѣхать изъ Архангельска, однако ихъ проповѣдникамъ строго воспрещено проповѣдывать (predica) въ Москвѣ» [1].

Когда члены Англійской компаніи были удалены, ихъ пасторы, естественно, должны были раздѣлить ихъ судьбу. Вологодская кирка, съ переходомъ во владѣніе Давида Рутца, не сохранилась [2]. Запрещеніе въѣзда, конечно, не могло простираться на пасторовъ при посольствахъ. Пасторъ, сопровождавшій (1663—1664 г.) Карлейля, безпрепятственно служилъ для членовъ посольства въ мѣстахъ продолжительныхъ остановокъ: въ Вологдѣ онъ служилъ въ своей походной капеллѣ; въ Москвѣ всѣ они жили въ домѣ, принадлежавшемъ прежде Рутцу [3].

Извѣстіе же Поммеренинга собственно о Голландцахъ и ихъ пасторахъ должно быть принято съ ограниченіями. Голландцы во многомъ замѣстили собою Англичанъ, съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ отъ своихъ соперниковъ, что они прочнѣе прикрѣплялись къ мѣстной почвѣ. Съ ихъ дѣятельностію было соединено во второй и третьей четвертяхъ XVII столѣтія выполненіе разныхъ правительственныхъ культурно-экономическихъ предпріятій первостепенной важности; торговали они каждый отъ себя или компаніями очень незначительными; посольско-торговыхъ дворовъ не заводили въ Москвѣ долго, и среди нихъ было много лицъ служащихъ. Неудивительно, что Московская реформатская церковь, какъ мы видѣли, быстро освободилась отъ вліянія Англичанъ и сдѣлалась «Голландской» или «Нидерландской». Вопросъ о богослуженіи на торговыхъ дворахъ

---

[1] Стокгольм. Госуд. Архивъ, отд. Muscovitica, донесеніе Поммеренинга отъ 15 іюля 1649 г.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Приказныя дѣла, св. 276, № 139.

[3] Дворцов. Разряды, 556; Отеч. Зап. 1855, XI, отд. IV, стр. 53—54, 58.

для Голландцевъ потому не имѣлъ существеннаго значенія, и правительство Соединенныхъ Нидерландовъ въ своихъ переговорахъ съ нами, вмѣсто особаго пункта о религіозной свободѣ для собственно торговавшихъ въ Россіи Голландцевъ, обыкновенно вносило предложенія о религіозной свободѣ для всѣхъ вообще своихъ подданныхъ и въ частности о благосостояніи Московской «Нидерландской» кирки, если постигала ее какая-нибудь невзгода. Таковы, приведенныя уже нами, ходатайства голландскихъ пословъ Бурга и Бореля.

Такъ какъ договоръ между Даніей и Россіей рушился почти при самомъ заключеніи, и попытки возобновить его, въ связи со сватовствомъ королевича Ивана Датскаго за Ксенію Годунову, послѣ смерти жениха теряли всякое серьезное значеніе, то датское правительство нѣсколько разъ пыталось съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ возобновить, исправить и пополнить прежнія условія. Христіанъ IV не разъ закупалъ у насъ хлѣбъ чрезъ торговавшаго въ Россіи Климента Юргенсона [1], затѣмъ чрезъ Давида Рутца. Послѣдній совсѣмъ поселился въ Москвѣ, и за нимъ усвоили у насъ званіе «датскаго короля прикащика», самъ же король называлъ его то факторомъ, то агентомъ. На Покровкѣ (нын. Маросейкѣ) рядомъ съ домомъ протопопа ц. Черниговскихъ чудотворцевъ, Григорія, онъ завелъ себѣ обширный домъ, составившійся изъ двухъ, купленныхъ имъ у русскихъ владѣльцевъ, одного дома у вдовы дьяка Григорьева (куп. 29 мая 1628 г.), за 55 р., другаго у князя Ѳед. Елецкаго (3 іюля 1631 г.), за 565 р.

Именнаго царскаго указа о разрѣшеніи закупокъ не было; записаны онѣ въ Земскомъ приказѣ по обычнымъ купчимъ, на имя «Галанскіе земли торговаго Нѣмчина Давыда Микулаева». Такая форма записей не помѣшала нашему правительству, когда это ему понадобилось, посмотрѣть на этотъ домъ какъ бы на посольскій датскаго правительства, и, во всякомъ случаѣ, торговый для датскихъ купцовъ, что̀ и заявило оно Христіанову послу (1631 года) Малте Юлу (Malte Juul) [2].

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Датскія грамоты, № 4, 1621 г. сент. 12, изъ Копенгагена, № 5, 1622 г., апрѣля 27, изъ Фридрихсбурга.

[2] Тамъ же, № 8, г. 1628, дек. 19: «Грамота къ ц. М. Ѳ. отъ дат. кор. Хри-

Быть съ посломъ въ отвѣтѣ по этому дѣлу государь и патріархъ Филаретъ Никитичъ указали ближнему боярину окольничему И. Б. Черкаскому, боярину М. Б. Шеину и думнымъ дьякамъ Ѳ. Ѳ. Лихачеву и И. А. Гавреневу. Мотивируя тѣмъ, что прежняя ивангородская торговля датскихъ купцовъ переведена теперь въ Архангельскъ, Юлъ хлопоталъ, чтобы государь позволилъ имъ безпошлинно торговать въ Архангельскѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ, имѣть имъ въ этихъ городахъ по своей церкви и, когда пріѣдутъ, быть надъ ними агентомъ Давиду Рутцу, для чего дать этому послѣднему царскую жалованную грамоту, въ которой написать его по русскому обычаю гостинымъ именемъ, дозволить купцамъ путь въ Персію и проч.

Насчетъ пути въ Персію было ему отказано наотрѣзъ, въ обозначенныхъ посломъ четырехъ городахъ торговля купцамъ, человѣкамъ шести и десяти, разрѣшалась, съ платой обычныхъ пошлинъ; въ Новгородѣ, Псковѣ и Архангельскѣ они могли купить или поставить по своему двору, въ Москвѣ же покупать-де не для чего: у Давида Николаева, королевскаго прикащика, дворъ купленъ, и ему по государеву указу для датскихъ торговыхъ людей повелѣно купить подлѣ его двора другое дворовое мѣсто, и на тѣхъ мѣстахъ Давидъ строитъ нынѣ палаты, датскимъ торговымъ людямъ пріѣзжать въ Москву есть куда, останавливаться и класть свои товары есть гдѣ, а кирки прежде сего на Москвѣ и ни въ какомъ городѣ Московскаго государства ни-

---

стіана IV, коею, жалуясь на цолнера архангелогородскаго Григорья Никитина, что онъ не столько ржи подданному его Давыду Руцу отпустилъ, сколько отъ него, государя, повелѣно было, просить объ отпускѣ остальнаго числа и о дозволеніи фактору его, дабы на всякій годъ по тридцати или сороку тысячъ четвертей ржи въ Россіи покупать и вывозить ему дозволено было»; № 20, г. 1639 мая 4: «Грамота къ ц. М. Ѳ. отъ д. к. Хр. IV, просительная, о дозволеніи фактору его Давыду Руцу къ ежегодной покупкѣ прибавить нѣсколькаго числа сеятры въ Россіи»; Датскія дѣла, св. 4, годъ 1631, іюня 15—октября 12: «Пріѣздъ въ Россію полномочнаго датцкаго посла Малтеюса Гезингарскаго для возобновленія и подтвержденія вѣчнаго между обеими государствами мирнаго договора, который за упрямствомъ датцкаго посла не состоялся»; св. 11, годъ 1641, № 4: «Память изъ Земскаго приказа въ отвѣтъ на запросъ, въ которомъ году прикащикъ короля датцкаго Давыдъ Николаевъ Руцъ на Покровкѣ домъ купилъ».

когда не бывало и впередъ ей не быть. Не статочныя рѣчи и о Давидѣ: онъ—торговый человѣкъ Голландской земли, не подданный короля и не Датчанинъ, службы его царскому величеству не бывало, дать ему жалованную грамоту не за что̀, она дается торговымъ людямъ за службы.

Дьякъ Лихачевъ, державшій рѣчь о киркахъ, правду утаилъ: въ годъ пріѣзда Юла было три церкви въ Москвѣ, двѣ лютеранскія и одна реформатская, и еще лютеранская въ Нижнемъ Новгородѣ. За то о домѣ Рутца сказано больше, чѣмъ слѣдовало: въ приказныхъ дѣлахъ прямо отмѣчено, что онъ купленъ Давидомъ у вдовы Григорьевой и князя Елецкаго по обычнымъ купчимъ [1].

Относительно Рутца посолъ заявилъ, что его можно сдѣлать агентомъ и жаловать грамотой ради ходатайства короля Христіана; о количествѣ купцовъ показалъ видъ, что не понялъ: государь пожаловалъ, позволилъ пріѣзжать къ Москвѣ торговымъ людямъ шести или десяти человѣкамъ, а тѣмъ ли или еще другимъ пріѣзжать и торговать по остальнымъ городамъ, того онъ, посолъ, не знаетъ; а слѣдовало бы допустить многихъ купцовъ, потому что въ прежнемъ мирномъ договорѣ число ихъ не ограничено, и отъ того была бы казнѣ большая прибыль. На это бояре наши отвѣчали: вѣчный миръ съ Даніей нарушенъ, срокъ заключенному послѣ того пятнадцатилѣтнему перемирію миновалъ, и королю Христіану лучше принять любовно разрѣшеніе государя торговать шести или десяти человѣкамъ. Вопросъ объ агентствѣ отклоненъ подъ предлогомъ, что государь о томъ учинитъ свой указъ, когда совершится вѣчное докончанье.

Наши написали проектъ мирной грамоты. Свобода вѣроисповѣданія на торговыхъ дворахъ въ ней положительно не опредѣлялась: какъ въ грамотѣ 1562 года, здѣсь лишь требовалось, чтобы киркамъ

---

[1] Послѣ справки о покупкѣ дома у Григорьевой продолжается: «Да въ Земскомъ же приказѣ въ дворовыхъ книгахъ прошлого же ρξϑ году іюня въ ѳ день написано: князь Ѳедоръ Елецкой продалъ Голанскіе земли торговому Нѣмчину Давыду Миколаеву дворъ свои... А записаны тѣ дворы за нимъ по купчимъ, а имяново государева указа о томъ не написано». Память изъ Земскаго приказа.

не быть ни на Москвѣ и ни въ какомъ иномъ городѣ Московскаго государства [1].

Ограниченіе количества датскихъ купцовъ и условіе, чтобъ и въ Датской землѣ были дозволены дворы для русскихъ торговыхъ людей, послу не нравилось; особенно, когда бояре говорили ему, чтобъ и въ Даніи разрѣшено было нашимъ купцамъ такое же количество дворовъ, какъ датскимъ въ Россіи. Онъ отговаривался незнаніемъ, въ какихъ городахъ король пожелаетъ разрѣшить дворы, и потому вопросъ о мѣстѣ и количествѣ русскихъ дворовъ въ Даніи наши отложили до вѣчнаго докончанья. Но главное препятствіе встрѣтилось въ мѣстахъ для титуловъ: посолъ не соглашался писать въ своей грамотѣ королевское имя ниже царскаго. За такое «упрямство» Юлъ

---

[1] «По государеву указу, образцовая запись къ датцкому послу Малтеюлу послана такова:

...«А что̀ посолъ Малтеюлъ говорилъ и билъ челомъ намъ, царского величества бояромъ и думнымъ діакомъ, чтобъ великій государь нашъ, его царское величество, для государя его Крестьянуса, короля датцкого, его королевского величества подданныхъ торговыхъ людей пожаловалъ: въ которыхъ городѣхъ имъ торговать, и въ тѣхъ бы городѣхъ поволилъ имъ дворы ставить, гдѣ имъ товары свои класть, и торговати бы имъ на Москвѣ, въ Новѣгородѣ, во Псковѣ, у Архангельского города, и гдѣ торгъ уставятъ, и тутъ бы кирки и дворы ставити,— и великій государь нашъ, его царское величество, для государя его Крестьянуса короля братцкіе дружбы и любви, подданныхъ его торговыхъ людей пожаловалъ, поволилъ въ Новѣгородѣ всѣмъ одинъ дворъ купити или поставити, а во Псковѣ одинъ же дворъ всѣмъ, у Архангельского города одинъ же дворъ всѣмъ купить или поставить, а на Москвѣ государя его у королевского прикащика, который на него хлѣбъ покупалъ, у Давыда Миколаева дворъ купленъ, да тому жъ Давыду по царского величества указу для тѣхъ же государя его подданныхъ торговыхъ людей подлѣ того его двора поволено купить другое дворовое мѣсто; а киркамъ на Москвѣ и ни въ которомъ городѣ Московского государства не быти. А которые великого государя нашего, его царского величества, подданные торговые люди учнутъ ѣздить для торгового промыслу въ Датцкую землю и въ которыхъ городѣхъ Датцкого королевства тѣ великого государя нашего, его царского величества, подданные торговые люди учнутъ торговати, и въ тѣхъ городѣхъ потомужъ государю его Крестьянусу, королю датцкому, его королевскому величеству, поволити имъ дворы купити или ставити». Статейн. спис. Датскихъ дѣлъ, № 4: «Пріѣздъ въ Россію... Малтеюса Гизингарскаго», л. 300—302.

былъ отпущенъ безъ грамоты, на прощальной аудіенціи государь и патріархъ наказали ему кланяться королю, къ царской рукѣ посолъ былъ допущенъ, но сѣсть ему не дозволили, скамейки и стала ему не было. Данія вскорѣ начала переговоры снова.

Гольмеръ, датскій гонецъ, просилъ (1637 года), чтобы копенгагенскимъ купцамъ было разрѣшено торговать во Псковѣ и Новгородѣ такъ же свободно, какъ это было дозволено прежде. Наши отвѣчали: датскимъ лучшимъ людямъ въ тѣхъ городахъ государь торговать позволитъ и подъ дворы мѣста пожалуетъ, если и въ датскихъ городахъ тоже по прежнему отведены будутъ мѣста подъ дворы для государевыхъ торговыхъ людей. Одновременно съ этимъ изъ Москвы были отправлены запросы ко псковскому и новгородскому воеводамъ, стояли ли тамъ когда-нибудь датскіе дворы. Псковскій воевода, стольникъ князь М. Пронскій, отписалъ, что во Псковѣ никто не помнитъ, чтобъ у Датчанъ когда-нибудь бывалъ свой дворъ; новгородскій воевода, князь Хилковъ, отвѣта не прислалъ.

Хлопотамъ сулился успѣхъ, когда вопросъ о свободѣ торговли и богослуженія былъ соединенъ съ вопросомъ о сватовствѣ сына Христіанова, Вальдемара, за Ирину Михайловну. Догадавшись, что царь желалъ бы выдать свою дочь за королевича, Христіанъ отправлялъ (1641 года) его во главѣ посольства о заключеніи торговаго договора; вторымъ посломъ былъ Григорій Краббе. Въ переговорахъ съ боярами, княземъ Юріемъ Андреевичемъ Сицкимъ-Ярославскимъ, окольничимъ Степаномъ Матвѣевичемъ Проѣстевымъ, они вмѣстѣ съ условіями о торговлѣ предъявили, чтобы государь для взаимной торговой прибыли позволилъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, подданнымъ Христіана имѣть свои дворы, кирки и повольность въ вѣрѣ и богослуженіи во Псковѣ, Великомъ Новгородѣ, Холмогорахъ, Архангельскѣ и въ иныхъ торговыхъ пунктахъ. Наши навели подробныя справки, точно ли такъ было прежде, и отвѣтили (26 августа 1641 года) посламъ такъ же, какъ Малте Юлу: для дружбы и любви къ Христіану государь позволяетъ купить или поставить по одному двору въ Новгородѣ, Псковѣ и у Архангельска, на Москвѣ довольно одного двора, принадлежащаго датскому прикащику Давиду Николаеву Рутцу, киркамъ ни въ Москвѣ и ни въ какомъ иномъ мѣстѣ Московскаго госу-

дарства не быть; король долженъ позволить и русскимъ купцамъ, пріѣзжающимъ въ Данію, пріобрѣтать тамъ торговые дворы [1]. Не имѣя надежды добиться бо́льшаго въ этомъ пунктѣ, послы согласились, и условіе было занесено въ договорную грамоту [2] буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ оно написано въ грамотѣ, составленной при Юлѣ, замѣнены лишь имена пословъ.

По случаю поднявшихся опять пререканій о мѣстѣ для царскаго титула, грамоту постигла прежняя участь: она не была переписана набѣло, ни скрѣплена. Послѣдняя попытка была употреблена во второй пріѣздъ (1644 — 1645) къ намъ Вальдемара, уже въ качествѣ оффиціальнаго жениха. Сопровождавшіе его послы, Олавъ Пасбергъ съ товарищами, предложили подтвердить прежнюю грамоту. Наши воздерживались отъ отвѣта имъ, выжидая, чѣмъ окончится сватовство: сватовство не привело къ цѣли, не была утверждена и грамота. Склонить правительство къ уступчивости не могло здѣсь даже ходатайство Вальдемара, за которымъ у насъ тогда такъ ухаживали [3].

Въ смыслѣ юридическомъ важнѣе, чѣмъ съ Датчанами, былъ трактатъ съ ихъ ближайшими сосѣдями. Покровитель наукъ и искусствъ, нынѣшній-голштинскій герцогъ Фридрихъ, удерживаясь отъ участія въ свирѣпствовавшей кругомъ войнѣ, снарядилъ посольство [4] къ московскому государю, съ цѣлію завязать дружественныя торговыя сношенія съ Россіей и собрать о ней нужныя свѣдѣнія. Главою посольства были гамбургскій купецъ Отто Бругеманъ и затѣмъ Балтасаръ Мушеронъ. Къ торжественному представленію (15 іюля 1632 года) ихъ вели папертью Благовѣщенскаго собора; царь Михаилъ Ѳедоровичъ сидѣлъ въ Золотой Подписной палатѣ, на своемъ престолѣ, одѣ-

---

[1] Тамъ же, Датскія дѣла 1641, № 2/6: «Пріѣздъ въ Россію и отпускъ датскихъ пословъ королевича Вольдемара и Григорія Краба».

[2] Тамъ же, № 3: «Договорная несостоявшаяся грамота между россійскими боярами и датскими послами о подтвержденіи прежнихъ между обоими государствами мирныхъ и купеческихъ постановленій».

[3] Тамъ же, дѣла 1644—1645 годовъ; см. ниже гл. VI.

[4] Тамъ же, Дѣла Голштинскія, 1632 года, св. I: «Пріѣздъ въ Москву голштинскаго посла Брюгемата съ товарищемъ Балтасаромъ Мушерономъ».

тый по-царски; по лѣвую сторону отъ него сидѣли бояре, по правую сторону его отецъ, патріархъ Филаретъ Никитичъ, на своемъ государскомъ святительскомъ мѣстѣ, въ святительскомъ платьѣ, бархатной мантіи, большомъ клобукѣ, украшенномъ золотыми дробницами, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; на стѣнѣ надъ патріархомъ висѣлъ образъ; подлѣ, на окнѣ, лежалъ на золотомъ блюдѣ крестъ. Далѣе, рядомъ съ Филаретомъ, засѣдали Крутицкій митрополитъ Павелъ, Севастійскій Іосифъ, архимандриты и игумены, которымъ патріархъ указалъ быть. По обычаю, посолъ правилъ поздравленіе обоимъ государямъ, сначала царю, потомъ патріарху. Михаилъ Ѳедоровичъ допустилъ посла къ рукѣ и, сидя, спросилъ: «Голштинскій Фредерикъ князь здоровъ ли?» Патріархъ, по обычаю, поклонился и, также не вставая съ мѣста, спросилъ: «Голштинскій Фредерикъ князь здоровъ ли? какъ его Богъ милуетъ?» Посолъ засвидѣтельствовалъ о здоровьѣ своего герцога, подалъ государю и патріарху по особой грамотѣ, но къ рукѣ и благословенію святѣйшаго государя патріарха посолъ не подходилъ, потому что былъ не греческой вѣры.

Фридрихъ прислалъ въ подарокъ одиннадцать пушекъ, со всѣмъ нарядомъ, изъявлялъ готовность содѣйствовать государю въ вербованіи наемныхъ для Россіи лицъ, осматривать ихъ и отправлять на корабляхъ въ назначенное государемъ мѣсто, для своихъ купцовъ просилъ повольной въ Россіи торговли и отпуска въ Голштинію хлѣба. Сообщая разрѣшеніе о покупкѣ въ Архангельскѣ хлѣба, бояре присоединили, что государь и патріархъ готовность голштинскаго герцога принимаютъ, и о томъ сошлются съ нимъ грамотой, когда будетъ надобно.

Узнавъ отъ пословъ поближе о Россіи, Фридрихъ рѣшился завести торговлю не только съ нами, но чрезъ насъ и съ Персіей. Послами были избраны прежній Брюгеманъ, законовѣдъ Филиппъ Крузе, въ секретари Олеарій; всѣхъ дворянъ при посольствѣ состояло 13 человѣкъ, остальныхъ 34 человѣка. Филарета Никитича въ живыхъ они не застали, и грамота, которую они привезли было на его имя, была вручена (19 августа 1634 года) ими самому государю. Въ числѣ подарковъ они поднесли: крестъ, величиной почти въ четверть локтя, изъ хризолита, оправленнаго золотомъ; боевые часы съ

изображеніемъ на нихъ подвижными фигурами исторіи блуднаго сына, дорогую химическую аптеку и проч.

Переговоры отличались оживленностью. Участіе въ нихъ приняли находившіеся въ Москвѣ шведскіе послы Гильденстернъ, Бурей и другіе; съ нашей стороны вели ихъ бояринъ князь Б. М. Лыковъ-Оболенскій, окольничій В. П. Стрѣшневъ, печатникъ и думный дьякъ П. Т. Грамотинъ, думный дьякъ П. А. Гавреневъ. Послѣ долгаго обмѣна мыслей съ боярами, Крузе и Брюгеманъ предъявили (3 декабря 1634 года) письменныя условія-обязательства: Голштинская торговая компанія должна пользоваться свободною торговлей чрезъ Россію съ Персіей въ теченіе десяти лѣтъ, за ежегодную плату государевой казнѣ по 600.000 ефимковъ; Компаніи быть изъ тридцати человѣкъ торговыхъ людей голштинскихъ городовъ, никакихъ другихъ государствъ купцовъ съ ихъ товарами съ собой не брать: въ такихъ людяхъ, ихъ жизни и товарахъ, если они окажутся, воля государева; для обороны и помощи себѣ, членамъ Компаніи ѣздить на своихъ десяти коробляхъ со своими 400 провожатыми; провожатыхъ, въ случаѣ надобности, можно нанимать и изъ русскихъ охочихъ вольныхъ людей, а не крѣпостныхъ и не кабальныхъ; корабли дѣлать, гдѣ удобнѣе, и плотниковъ на прибавку къ своимъ корабельнымъ мастерамъ нанимать русскихъ, не скрывая отъ нихъ корабельнаго ремесла и ученья; торговлю вести правильно, не нанося ущерба русскимъ купцамъ и помогая имъ христіанскимъ обычаемъ; путь держать чрезъ Швецію и Ливонію на Великій Новгородъ, Ярославль и по Волгѣ въ Астрахань, а если шведское правительство помѣшаетъ, то чрезъ Архангельскъ; на тѣхъ дворахъ, которые у нихъ будутъ въ указанныхъ для нихъ городахъ, по двору въ городѣ, безпрепятственно отправлять богослуженіе по своей лютеранской вѣрѣ, безъ постройки особыхъ себѣ церквей и съ обязательствомъ не привозить и не держать у себя ни священниковъ, ни простыхъ людей католическаго вѣроисповѣданія, подъ страхомъ смертной казни за послѣднее преступленіе. Разсмотрѣвъ эту «договорную запись», наши дипломаты приняли ее, въ своей записи (15 декабря) стараясь быть лишь еще болѣе опредѣленными. Пунктъ о вѣрѣ читался въ ней: «костеловъ имъ (членамъ Компаніи) своей вѣры на тѣхъ мѣстахъ, которыя имъ будутъ даны,

и на торговыхъ дворахъ, которые они купятъ въ указанныхъ имъ городахъ, по одному двору, не ставить, пѣнье по своей вѣрѣ совершать на домахъ, а не въ костелахъ, и римской вѣры поповъ и учителей и никакихъ латинской вѣры людей съ собой имъ въ Московское государство не привозить и тайно у себя не держать, а кто привезетъ и станетъ держать тайно, тѣхъ казнить смертію» [1]. Бояре подтвердили свою грамоту своими печатями, дьяки рукоприкладствомъ. Посламъ было внушено, что государь соглашается на просьбу герцога, въ каковой отказано многимъ государямъ Европы; то же написано было и въ отвѣтѣ (18 декабря) герцогу. Торговли чрезъ Россію съ Персіей дѣйствительно предъ тѣмъ домогались Англичане, Голландцы и Французы, но при Филаретѣ Никитичѣ они не успѣли въ своихъ домогательствахъ; на успѣхъ Голштинцевъ могло вліять то, что послѣ патріарха взглядъ на этотъ вопросъ нѣсколько измѣнился; отъ Голштиніи, какъ страны менѣе торговой, не ожидали вреда русскимъ купцамъ. Отъѣзжая назадъ, послы, въ виду предположеннаго путешествія въ Персію, отправили въ Нижній Новгородъ своего корабельнаго мастера Михаила Кордеса съ шестью людьми построить тамъ корабль для плаванія по Волгѣ и Каспійскому морю.

На домогательство пословъ о мѣстахъ для торговыхъ домовъ имъ было обѣщано, что на Москвѣ будетъ отведено тридцать квадратныхъ саженъ, въ Великомъ Новгородѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Казани и Астрахани по двадцати такихъ же саженъ; десятилѣтній срокъ дѣйствій Компаніи условились считать съ 1635 (ѧχ҃мг) года. Сообщая объ этихъ и другихъ условіяхъ договора, въ томъ числѣ и относительно свободы домашняго вѣроисповѣданія, новгород-

---

[1] «А костеловъ имъ своей вѣры на тѣхъ мѣстахъ, которые имъ даны будутъ, и на дворѣхъ, которые они для своего промыслу покупати будутъ въ указныхъ городѣхъ по одному двору, не ставити, а пѣнье по ихъ вѣрѣ совершати въ домѣхъ, а не въ костелѣхъ, а римскіе вѣры поповъ и учителеи и никакихъ латинскіе вѣры людей съ собою имъ въ Московское государство не привозити и тайно у себя не держати; а хто привезетъ и учнетъ держати тайно, и тѣхъ казнити смертію». Тамъ же, св. 2, 1634 года, № 3: «Черная запись, въ Москвѣ учиненная между боярами и голштинскими послами Крузіусомъ и Брюгеманомъ, о торговлѣ голштинской въ Персію». Ср. «Вѣр. пол. прот. кн.», 50.

скому воеводѣ князю П. М. Катыреву-Ростовскому. Посольскій приказъ наказывалъ: какъ только голштинскіе послы или торговые Голштинской компаніи люди пришлютъ въ Новгородъ просить для своего пріѣзда дворового мѣста, отвести его имъ на Софійской или на Торговой сторонѣ вдоль и поперекъ по двадцати саженъ; будутъ покупать тамъ готовый нетяглый дворъ, одинаковой съ тѣмъ мѣры, не препятствовать, но въ Каменномъ городѣ мѣста подъ дворъ и покупать готовый не давать; начнутъ пріѣзжать они съ товарами, ихъ въ Новгородѣ принимать и отсюда отпускать въ Ярославль съ провожатыми. Воевода спѣшилъ со своими недоумѣніями: по настоящее 5 число мая 1635 года, ни послы, ни торговые люди голштинскіе не бывали; но если пріѣдутъ они, а съ ними для обереганья 400 человѣкъ ратныхъ, то кому ихъ въ Новгородѣ принимать, кому за ними досматривать и съ кѣмъ провожать; брать ли съ нихъ именныя росписи, чтобъ узнать, всѣ ли они Голштинской компаніи и нѣтъ ли съ ними торговцевъ иныхъ земель и римской вѣры поповъ, учителей и людей; если поѣдутъ иною дорогой, мимо Новгорода, безъ пристава и провожатыхъ, и о томъ государь какъ укажетъ. Пословъ, разъяснили воеводѣ, и Голштинскихъ людей пропускать однихъ, въ приставахъ быть съ ними новгородскому дворянину; лишнихъ держать на рубежѣ и Русскимъ отнюдь ихъ не принимать; внушить, что безъ пристава и не положенными дорогами, самовольно, ѣздить не въ обычаѣ ни въ какихъ государствахъ.

Условія Фридрихъ подтвердилъ, предложивъ начальный срокъ Компаніи считать со времени возвращенія въ Москву изъ Персіи отправляемыхъ имъ прежнихъ пословъ. Они съѣздили въ Персію, и 2 января 1639 года было положено началомъ десятилѣтняго срока Компаніи; половину годовой платы они обязались внести въ царскую казну по истеченіи семи мѣсяцевъ, независимо отъ того, привезетъ ли Компанія свои товары.

Трудность пути и неумѣлость Брюгемана, который своими безтактными и преступными дѣйствіями возбудилъ противъ себя персидскаго шаха, были причиной, что правильной торговли съ Персіей посольство, такъ дорого стоившее герцогу, не завязало. Крузе и Олеарій обвинили своего товарища, и этотъ былъ казненъ (4 мая 1640). Не

предвидя выгоды отъ торговли, Фридрихъ постарался нарушить договоръ съ нами. Герцогъ уполномочилъ Петра Марселиса подать въ Посольскій приказъ свою грамоту, въ которой писалъ государю, что Брюгеманъ, утаивъ отъ своего товарища подлинный наказъ, заключилъ договоръ помимо его герцоговой воли, почему такого договора онъ, герцогъ, утвердить не можетъ, но что теперь онъ поручаетъ датскому посланнику Марселису свой подлинный наказъ, какъ уговориться относительно персидской торговли, а прежній договоръ проситъ возвратить. Уличить герцога въ неправдѣ было легко; на укоризненную ему грамоту онъ отвѣтилъ тоже довольно бранчиво и извѣщалъ, что дѣло о персидской торговлѣ онъ отлагаетъ до другаго болѣе удобнаго времени. Наши много не жалѣли, а сынъ Михаила Ѳедоровича, Алексѣй Михайловичъ обмѣнялъ (1653) съ Фридрихомъ подлинныя письма и грамоту о персидской торговлѣ на скрывавшагося въ Голштиніи самозванца Тимоѳея Акундинова [1].

Нѣтъ нужды, что Голштинцамъ не удалось практически воспользоваться выхлопотанными для нихъ торговыми, а отсюда и религіозными правами: важнѣе всего здѣсь форма договора. Помимо той рѣшительности, съ какою выражено въ немъ предпочтеніе, оказываемое у насъ протестантамъ сравнительно съ католиками въ свободѣ доступа къ намъ и совершеніи ими богослуженія, религіозныя права собственно иноземныхъ купцовъ ни прежде, ни послѣ не опредѣлялись съ такою прямотой и ясностію. Что въ другихъ договорахъ о вѣроисповѣдной свободѣ протестантскихъ купцовъ нерѣдко только мелькало и подразумѣвалось, то въ трактатѣ съ Голштиніей получило самую рѣзкую формулировку. При всемъ томъ, условія о казни за привозъ католиковъ нельзя признавать строгимъ въ той мѣрѣ, какъ оно представляется съ перваго взгляда. Въ договорѣ ни слова не говорится о смертной казни самимъ католикамъ, каковой, собственно за вѣроисповѣданіе никогда и не существовало у насъ по отношенію къ иновѣрцамъ, тѣмъ менѣе могла примѣняться она

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Голштинскія за соотвѣтствующіе годы, и у Олеарія. Хотя голштинскіе подлинники и отданы, но русскіе переводы съ нихъ, въ томъ числѣ и съ подтвержденной герцогомъ договорной грамоты, хранятся.

къ заѣзжимъ купцамъ, за которыми, какъ весьма желательнымп у насъ лицами, еще съ-пзстари постоянно держалось названіе «гостей». Смертная казнь сулилась теперь собственно голштинскимъ купцамъ, если бы кто изъ нихъ оказался виновнымъ въ привозѣ къ намъ католика; предложили условіе сами Голштинцы, которые, очевидно, находили его не только ненавлекавшимъ на нихъ никакой опасности, но еще выгоднымъ и удобнымъ—и въ видахъ торговыхъ, для устраненія соперниковъ, и въ интересахъ религіозныхъ. Ясно, условіе имѣло характеръ простой бумажной угрозы, для проведенія которой послы воспользовались крайне непріязненнымъ настроеніемъ тогдашняго правительства относительно католиковъ.

Безусловная обязательность договоровъ простиралась собственно на купцовъ, заѣзжавшихъ къ намъ на время. Торговые люди, основывавшіеся у насъ прочно, легко могли переступать границы, означенныя договорными пунктами. Мы видѣли, что Англійскою торговою компаніей, которая пріобрѣла значительную осѣдлость, была устроена въ Вологдѣ особая «Компанейская ропата»; извѣстный Давидъ Рутцъ привезъ съ собой пастора, своего родственника Ивана Юстрова; «гамбургскій гость» Петръ Марселисъ и «голландскій торговый человѣкъ» Тильманъ Акема на своихъ желѣзныхъ заводахъ безпрепятственно содержали особыхъ реформатскихъ пасторовъ. Купцы, вполнѣ осѣвшіе въ Россіи и жившіе скученно, особенно съ остальными одновѣрцами, въ свободѣ вѣроисповѣданія достигли на практикѣ уравненія съ людьми служилыми. Правительственнаго разрѣшенія (13 іюля 1643 г.) на постройку кирки въ огородѣ Зюзина были удостоены «старые московскіе торговые Нѣмцы» вмѣстѣ съ «старыми служилыми иноземцами». За Лютеранской церковью Старой московской общины мало по малу усвоивалось названіе «Купеческой»; торговые люди были, конечно, виновниками появленія Реформатской церкви въ Архангельскѣ [1]. Религіозныя ограниченія, заключавшіяся въ торговыхъ договорахъ, потому не были тягостны для протестантовъ, и иноземные писатели-очевидцы не безъ причины единогласно утверждаютъ лишь

[1] См. выше, I гл.

фактъ свободы у насъ протестантскаго вѣроисповѣданія—писатели протестантскіе съ нескрываемымъ удовольствіемъ, католическіе съ завистью и досадой. Хлопотавшій о «смертной казни» Голштинцамъ за привозъ въ Россію католиковъ, Олеарій, напримѣръ, засвидѣтельствовалъ, что лютеранамъ и кальвинистамъ дозволялось по ихъ собственнымъ обрядамъ отправлять богослуженіе въ общественныхъ киркахъ, вопреки католикамъ, которые никакъ не могли получить разрѣшенія на общественное богослуженіе и постройку костеловъ. «Лютеранами и реформатами, повторилъ (1674 г.) за нимъ Кильбургеръ, совершается богослуженіе свободно и безпрепятственно, какъ и въ иномъ какомъ-нибудь мѣстѣ въ свѣтѣ; но католикамъ общественное отправленіе его не дозволяется» [1]. То же въ сущности видѣли и отмѣтили и другіе западноевропейцы [2].

---

[1] Olearius, 1656, 317, 320—321; рус. перев. 369, 374; Kilburger, 338.

[2] Horsay, Possevino, Oderborn, Margeret, Massa, Petrejus, Rinhuber, Brand (цитаты см. выше, въ тѣхъ мѣстахъ первой главы, гдѣ приводятся заключающіеся у данныхъ писателей факты о киркахъ и пасторахъ), Reutenfels (1671—1673 г.), De rebus Muschoviticis. Patavii, 1680, 113, 227; Wickhart, Moscowitische Reiss-Beschreibung... in dem 1675-sten Jahren. Wienn (1676), 184, и проч.

ГЛАВА III.

ЦЕРКОВНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СТРОЙ, БОГОСЛУЖЕНІЕ И СРЕДСТВА КЪ ПРОСВѢЩЕНІЮ.

Задачи протестантовъ при устройствѣ своей церковно-религіозной жизни и условія, благопріятствовавшія ихъ выполненію.—Предѣлы автономности церковной жизни.—Церковная община и ея значеніе.—Административное устройство общинъ: церковный совѣтъ и его обязанности; общія собранія; власть старшаго пастора.—Попытки къ регламентированію строя жизни общинъ, и участіе въ томъ саксонскаго герцога Эрнста Благочестиваго.—Приглашеніе, ординація и содержаніе духовенства.—Устройство храмовъ.—Языкъ и характеръ богослуженія. — Молитвы, проповѣди и другія духовныя назиданія.—Отрицательное и положительное вліяніе на богослуженіе окружающей среды. «Плачъ» и проповѣди пастора Мартина Бера; бракосочетаніе Магнуса, похороны принца Ивана Датскаго.—Школы.—Иныя средства къ просвѣщенію.—Религіозныя и школьныя книги.

Пользуясь не только неприкосновенностію личнаго вѣроисповѣданія и домашняго богослуженія, но, въ извѣстной мѣрѣ, и свободой богослуженія общественнаго, протестанты не остались безъ заботъ о соотвѣтственномъ устройствѣ своей церковно-религіозной и духовной жизни. Имъ предстояла надобность въ организаціи всего, что обусловливало бы правильное выполненіе ими религіозныхъ обязанностей, въ созданіи средствъ для воспитанія и образованія своихъ дѣтей и сохраненія и укрѣпленія въ себѣ моральныхъ качествъ. Къ развитію этой стороны протестанты имѣли несравненно болѣе возможности и удобствъ, чѣмъ другіе христіанскіе иновѣрцы. Не стѣсняемые въ своей нравственно-религіозной области, въ своей личной вѣрѣ, католики, какъ извѣстно, не добились разрѣшенія на существованіе въ смыслѣ организованнаго религіознаго общества и могли исповѣдывать свою религію лишь частнымъ образомъ, въ домахъ. Всѣ попытки, направлявшіяся изъ католическихъ странъ, выхлопотать

право на открытое совершеніе богослуженія, происки водворить въ Москвѣ католическое духовенство и построить костелы, за исключеніемъ кратковременной и безслѣдной эпохи самозванцевъ, окончились вполнѣ безуспѣшно. Потому о правильной или опредѣленной организаціи богослуженія и всей вообще церковно-религіозной жизни католиковъ за этотъ періодъ не можетъ быть и рѣчи. Австрійскій посолъ (1661 г.), баронъ Мейербергъ [1], отмѣтилъ въ своихъ запискахъ: «Я съ горестію видѣлъ въ Москвѣ, что нѣкоторые изъ нашихъ единовѣрцевъ такъ отвыкли отъ нашихъ богослужебныхъ обрядовъ, что хотя (посольскій) священникъ служилъ у насъ ежедневно, они, къ сожалѣнію, были за службой всего раза два-три, да и то кое-какъ, между тѣмъ могли бы бывать за нею всегда; не позаботились то же очистить и свою совѣсть, сложивъ священнику свои грѣховныя скверны». За отправленіемъ церковныхъ требъ, крещенія, брака и т. п., католики обыкновенно обращались къ пасторамъ. Такъ поступалъ даже Патрикъ Гордонъ, до фанатизма преданный католичеству и на религіозныя дѣла смотрѣвшій съ іезуитской точки зрѣнія. Избравъ себѣ въ невѣсты дочь полковника Корнелія Бокговена, католичку, и руководясь въ выборѣ преимущественно религіозными мотивами, совершить вѣнчальный обрядъ онъ просилъ голландскаго пастора Кравинкеля, который и обвѣнчалъ (26 генв. 1665 г.) его, а потомъ, къ концу года (28-го ноября), крестилъ его дочь [2]. Для школьнаго обученія нѣкоторые изъ католиковъ опредѣляли своихъ дѣтей въ московскія лютеранскія школы. Это практиковалось вплоть до того времени, пока, въ правленіе Софьи, не проникли въ Московскую католическую общину іезуиты и не обособили ее отъ протестантовъ. Что касается лицъ Грегоріанскаго вѣроисповѣданія, то мы встрѣчаемъ армянскихъ купцовъ, но ничего не знаемъ о существованіи армянскаго духовенства. Понятно отсюда превосходство въ этомъ отношеніи протестантовъ, которые, благодаря разрѣшенію имѣть у

---

[1] Мейербергъ, Путешествіе въ Московію въ 1661 г. М. 1874, 103—104.

[2] Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Moskau, 1849, I, 319—320, 356, 357, 361—362. О воззрѣніяхъ Гордона см. у проф. А. Г. Брикнера Патрикъ Гордонъ и его Дневникъ. Спб. 1878, 109 и слѣд.

себя постоянныхъ пасторовъ, кирки и школы, и дѣйствительно имѣя ихъ, владѣли значительнымъ просторомъ въ устройствѣ своего внутренняго церковно-религіознаго быта.

Если у насъ и наблюдали за ихъ религіозной свободой, то по мѣрѣ, насколько было надобно, чтобы они не причиняли вреда религіознымъ убѣжденіямъ православно-русской среды. Внутренняя жизнь протестантовъ считалась какъ бы не стоющею заботъ и контроля, и на то, какъ складывалась она, обыкновенно почти не обращали вниманія. Посольскій приказъ, на обязанности котораго лежало главное вѣдѣніе церковно-религіозныхъ дѣлъ иновѣрцевъ, очень упростилъ свои отношенія. Выберетъ община себѣ новаго пастора или кто-либо изъ вліятельныхъ иноземцевъ привезетъ его съ собой, Приказъ даетъ ему впускную въ Россію грамоту и тѣмъ какъ бы санкціонируетъ его избраніе, на которое онъ не имѣлъ никакого вліянія; понадобится московскому пастору посѣтить иноземцевъ, жившихъ вдали отъ столицы, Приказъ снабжаетъ его подорожной; просятъ иноземцы дозволить имъ построить новую кирку или утвердить за ними уже построенную, отсюда, если не встрѣчалось препятствій, отсылается особая на то «данная». Приказъ былъ совершенно спокоенъ, если въ дѣйствіяхъ протестантовъ не видѣлъ какого-либо явнаго вреда православнымъ, или когда сами протестанты, чувствуя всю надобность правительственной помощи, не обращались къ нему уладить ихъ церковныя нестроенія. Тѣмъ не менѣе, ничего особенно важнаго, ни приглашеніе пастора, ни построеніе новой церкви и т. п., не должно было происходить безъ его вѣдома и разрѣшенія. Кругъ его обязанностей здѣсь, впрочемъ, не былъ строго опредѣленъ: въ судебныхъ разбирательствахъ принималъ участіе и Иноземный приказъ; «данныя» на мѣсто подъ церковное строеніе отправлялись и изъ Земскаго приказа; доктора, добивавшіеся разрѣшенія построить кирку въ 1643 году, дѣйствовали чрезъ Аптекарскій приказъ, подавъ сюда о томъ свою просьбу; важнѣйшія мѣропріятія по удаленію московскихъ кирокъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ были приняты по иниціативѣ и настоянію власти духовной и при этомъ оказалось, что Лютеранская кирка «новыхъ Нѣмцевъ» въ Бѣломъ городѣ была построена безъ вѣдома Приказа, и ни онъ, и никто изъ свѣтскаго правительства какъ бы

и не зналъ объ ея существованіи. Незамѣтно также, чтобы власть знала, когда и какимъ образомъ возникла Реформатская церковь на Вологодскомъ Англійскомъ дворѣ. Невмѣшательство правительства въ религіозную область своихъ иновѣрцевъ иногда выходило за предначертанные напередъ предѣлы.

Нѣкоторые изъ протестантовъ непрочь были преувеличить слабость зависимости своей церковной жизни отъ правительственныхъ органовъ власти и показывали видъ, будто ими пріобрѣтена полная автономность въ области церковнаго суда. Пасторъ Грегори увѣрялъ (1668 г.) саксонскаго герцога Эрнста [1]: «Мы, Нѣмцы, въ силу недавно дарованной царскимъ величествомъ привилегіи, употребляемъ церковную дисциплину, какъ-то отлученіе, позорный столбъ, къ которому привязываютъ тѣхъ, кто провинится противъ шестой (7) заповѣди, и тому подобное».

О правѣ и обычаѣ привязывать къ столбу и налагать подобныя наказанія узнаёмъ здѣсь въ первый разъ, и это извѣстіе, конечно, одинаковой достовѣрности съ тѣмъ, что тотъ же Грегори баснословилъ Эрнсту о другихъ распоряженіяхъ Алексѣя Михайловича въ пользу московскихъ лютеранъ. Единственно извѣстное по своей прочности судебное учрежденіе, бывшее у протестантовъ, церковный совѣтъ (Kirchenkollegium, Kirchen Rath), не пользовалось такой властью, и наше правительство въ своихъ оффиціальныхъ сношеніяхъ не знало его, имѣя въ виду «служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ — прихожанъ» той или иной кирки, т.-е. вообще приходъ, а не выборныхъ его представителей, не администрацію.

Приходъ—это та церковная община, въ которую группировались протестанты около той или иной кирки, или, за неимѣніемъ ея, около пастора. Общины отличались устойчивостію, такъ какъ въ непрерывномъ ихъ существованіи протестанты были очень заинтересованы, находя въ нихъ удобныя средства не только къ выполенію своихъ религіозныхъ нуждъ, но и для сохраненія своихъ моральныхъ особенностей У отдѣльной общины обыкновенно и былъ свой церковный совѣтъ, сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ правленіе. Объ устрой-

[1] Rinhuber, 10.

ствѣ его можно заключить по свѣдѣніямъ, сохранившимся объ одномъ, бывшемъ при Офицерской церкви. Данный церковный совѣтъ («ein Kirchenkollegium») въ 1665 году, по словамъ пастора Грота, состоялъ изъ предсѣдателя (Vorsitzer) — генералъ-поручика Николая Баумана, членовъ (Beisitzer): пастора Грегори, двоихъ старшинъ (Aelteste) — полковниковъ Ивана фонъ-Гове и Вас. Шварца, и двоихъ старостъ (Vorsteher)—подполковниковъ Ив. Валентина Циммермана и Марка Трауернихта [1]. Нѣтъ сомнѣнія, членомъ конвента былъ также другой пасторъ той же кирки, Фокеротъ [2]. Составъ свѣтскихъ членовъ его измѣнялся быстро [3], что зависѣло отъ новыхъ выборовъ, выѣзда заграницу, смерти и другихъ причинъ. Такъ, подполковники Шульцъ и Гильсманъ, новые члены совѣта, лѣтомъ 1668 года были, какъ утверждалъ потомъ Грегори, уволены—Гильсманъ за то, что приходилъ въ церковь пьянымъ; они, впрочемъ, отрицали это [4]. На ихъ удаленіе,

---

[1] Grot, I, 258—259. Приводя имена означенныхъ должностныхъ лицъ-Grot отнесъ къ 1665 году и самое учрежденіе совѣта; Fechner (I, 303) повто, ряетъ его слова безъ всякихъ оговорокъ. Совѣтъ, вѣроятно, существовалъ и ранѣе и въ этомъ году былъ развѣ точнѣе организованъ, такъ какъ сама церковь существовала значительное время до 1664 года, къ которому Grot (I, 255) отнесъ начало ея постройки. См. выше, стр. 91.

[2] «Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи», I, 22—23.—Grot пропустилъ его, полагая, будто онъ служилъ пасторомъ не при Офицерской церкви, а при другой, стоявшей на Чистыхъ прудахъ (I, 254—255); иновѣрной кирки тамъ, послѣ основанія Ново-Иноземской Слободы, какъ мы уже знаемъ (см. выше, стр. 80 и слѣд.), совсѣмъ не было.

[3] Спустя два года, именно 12 марта 1667 года, въ немъ, кромѣ Баумана, уже были: полковники Германъ и Николай фонъ-Штадены, Эрихъ Андерсонъ Луксъ, Фридрихъ Гершау, Густавъ фонъ-Кампенъ, Христіанъ Либенау фонъ-Лиліенклау, Иванъ фонъ-Гове и Фридрихъ Мейеръ. На засѣданіи 5 іюня 1668 года, вмѣстѣ съ Грегори и Фокеротомъ, присутствовали: полковники братья Штадены, Гершау, Отто Росформъ и подполковники: Иванъ Шульцъ, Иванъ Рель, Яковъ Гильсманъ, Ив. Валентинъ Циммерманъ («Памятники», I, 27, 23). Подъ 1673 годомъ Rinhuber (51) дѣйствительными членами совѣта называетъ всего троихъ: полковниковъ Росформа, Мейера и Либенау, присоединяя, что послѣ выѣзда (1671 г.) Баумана заграницу, «подполковникъ Циммерманъ и г. Христіанъ Эйхлеръ отказались, а Багерахъ, прекраснѣйшій человѣкъ, померъ».

[4] «Памятники», I, 20—22.

дѣйствительно, вліяли ихъ личные счеты съ Грегори и Бауманомъ; виновность же не всегда служила достаточнымъ основаніемъ участія или неучастія въ дѣлахъ конвента. Первоначально сборомъ пожертвованій въ церкви вѣдалъ Циммерманъ; при сдачѣ должности онъ передалъ сборную книгу Трауернихту, который обличилъ его въ удержаніи 19 рублей 80 копѣекъ, за 33 сбора, по 60 коп. за каждый, и Циммерманъ вынужденъ былъ выплатить; запятнанное прошедшее не помѣшало ему потомъ снова вступить въ число членовъ. Вскорѣ вошло въ обычай набирать членовъ одну половину изъ военныхъ, другую изъ гражданскихъ лицъ. Въ 1675 году, при избраніи пастора Рана, совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ полковника Николая фонъ-Штадена, состоялъ изъ троихъ военныхъ, двоихъ врачей, цейлмейстера и придворнаго часовщика [1].

Совѣту Офицерской кирки—передаетъ тотъ же Гротъ—подлежали дѣла, касавшіяся церкви, наказаніе недостойныхъ членовъ общины, брачныя условія и т. п. [2]. Подобный кругъ правъ и обязанностей, нужно думать, принадлежалъ и другимъ церковнымъ совѣтамъ, компетенція которыхъ однако всегда была тверже, если они касались текущихъ дѣлъ о благосостояніи кирки и служащихъ при ней, и не знаемъ случая, когда бы они своею властію вторгались въ частную жизнь прихожанъ и производили тамъ судъ и расправу. Не получивъ утвержденія со стороны правительства и не признаваемые имъ, совѣты не имѣли юридическихъ средствъ, чтобы заставить выполнять свои судебные приговоры, если бы они постановили таковые. Воздѣйствіе ихъ на членовъ прихода могло быть подъ однимъ условіемъ добровольнаго изъявленія согласія тѣхъ, кто бы искалъ у нихъ себѣ суда. Къ своимъ рѣшеніямъ совѣтъ Офицерской церкви прикладывалъ печать, съ надписью «Sigillum ecclesiae militantis in Moscovia» [3]; другія кирки имѣли также свои печати, хотя и неизвѣстно, всѣ ли. На печати Московской Реформатской церкви были слова: «SIGILL: ECCL: REFORMAT: MOSCOV: RVSS: ANNO 1629». Слова были на

---

[1] Grot, I, 259—260; «Памятники», I, 23. ср. 193—194.

[2] Grot, I, 258—259.

[3] Grot, I, 259; Ecclesia militans in Mosk., 4.

окружности, въ срединѣ виднѣлся агнецъ, лежащій на алтарѣ, надъ нимъ, въ облакахъ, знакъ имени Іеговы [1].

Общей связи церковные совѣты между собою не имѣли, и авторитетъ ихъ носилъ характеръ совершенно условный. При Валтасарѣ Фадемрехтѣ, пасторѣ Московской Старой лютеранской общины, благодаря продолжительности его жизни въ Москвѣ и его сравнительно мирному характеру, московскіе лютеране указывали иногда на него, какъ на лицо наиболѣе авторитетное [2], почему въ средѣ московскихъ пасторовъ онъ могъ казаться старѣйшимъ, главнымъ; но и онъ не рѣшалъ своею властію какого-нибудь общаго дѣла: авторитетъ его былъ моральный, безъ административнаго права. То же, только еще въ меньшей степени, можно сказать о московскомъ пасторѣ Мюнстенбергѣ, хотя онъ самъ себя и называлъ «пробстомъ евангелическихъ церквей въ Россіи» [3]. Въ Московской Старой лютеранской общинѣ одинъ пасторъ вообще имѣлъ преимущество надъ своимъ сослуживцемъ, былъ «старшимъ», второй его помощникомъ, «діакономъ»; но пасторы сосѣдней уже общины, Новой, не только не признавали какой-либо своей зависимости отъ главнаго пастора Старой общины, но держались независимо и одинъ отъ другаго. Поэтому, когда среди московскаго духовенства и ихъ общинъ возникали жгучіе споры и безпорядки, за рѣшеніемъ тяжущіеся обращались къ нашему правительству или же свое умиротворяющее воздѣйствіе старались оказать нѣкоторые изъ германскихъ государей, какъ саксонскій герцогъ Эрнстъ, этотъ, по опредѣленію Кильбургера [4], «почетный патронъ» (sonderlicher Patron) московскихъ лютеранскихъ церквей, отпускавшій на ихъ содержаніе ежегодную денежную субсидію и постоянно переписывавшійся съ ихъ общинами. Были попытки водворять порядокъ посредствомъ общихъ собраній прихода и даже

---

[1] М. Гл. Архивъ М. Ин. Д., Дѣла протестантскія 1629 г. № I: «Изображеніе печати Реформатской церкви въ Москвѣ».

[2] Тамъ же, Приказныя дѣла, 138 св., 1643 г.: «Дѣло по челобитью Дарьи, жены Петра Марселиса, съ Иваномъ Цюкиромъ о томъ, что онъ матери своей, а ея бабушки дворомъ и животомъ насильствомъ завладѣлъ». Памятники, I, 12.

[3] Das Inland, 1851, № 44, S. 770.

[4] Kilburger, 338.

нѣсколькихъ приходовъ, или ихъ пасторовъ; только они не вели ни къ чему положительному. Напрасно Грегори убѣждалъ (въ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ XVII столѣтія) другихъ пасторовъ собраться на совѣщаніе для рѣшенія московскихъ дѣлъ, чтобы, обращаясь за этимъ въ Приказы, не ронять въ глазахъ Русскихъ уваженія къ иноземцамъ и ихъ вѣроисповѣданію, — соперничавшіе между собою пасторы не могли согласиться съ нимъ. Не удалось ему водворить мира и въ средѣ своей общины и очистить ее путемъ наказанія виновныхъ въ убійствахъ, прелюбодѣяніи съ близкими родственницами, грабежахъ и т. п. Указывая на все безобразіе преступныхъ фактовъ, онъ настаивалъ, что виновнымъ въ нихъ лицъ не слѣдуетъ терпѣть въ приходѣ и что надобно устроить церковный совѣтъ. «Нужно оставить по старому», отвѣчали старѣйшіе; другіе: «вѣдь не всѣ такіе»; виновные: «что мнѣ смѣютъ сказать пасторы?» [1].

Узнавъ о разногласіи между московскими лютеранами, Эрнстъ въ своемъ письмѣ (14 февр. 1674 г.) къ нимъ, присланномъ чрезъ Рингубера, убѣждалъ ихъ примириться и уставить правильный церковный порядокъ, обѣщая свою матеріальную помощь для удовлетворенія текущихъ нуждъ ихъ кирокъ. «Мы, писалъ онъ, не мало обрадовались, когда были достовѣрно извѣщены, какъ Высочайшій Богъ проложилъ путь своему св. Евангелію въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ и странахъ, что даже въ большой и прославленной царской резиденціи, въ Москвѣ, такъ же, какъ и въ другихъ его царскаго величества земляхъ и областяхъ, свободно въ общинахъ Аугсбургскаго исповѣданія проповѣдуется св. Божіе слово и правильно, по установленію Христа, совершаются св. таинства. Въ доброй надеждѣ, что оказанное покровительство свободному совершенію нашей религіи послужитъ къ распространенію христіанскихъ церквей и къ обращенію многихъ душъ, мы въ присутствіи г. маг. Готфрида Грегори и на послѣдовавшія ходатайства милостиво объявили, что придемъ съ посильною помощію къ тамошнимъ христіанскимъ общинамъ не-

[1] Responsum fert â senioribus: Wir mötens bin olden blifen laten! et ab aliis: D'is nie met all! et a delinquentibus: wat heft mi de Pape tho seggen? Rinhub. S. 48.

измѣннаго Аугсбургскаго исповѣданія, для содержанія ихъ школъ и церквей, и затѣмъ будемъ продолжать сообразно найденной нуждѣ; но теперь съ особенною горестью должны были узнать, что нѣкоторые изъ нашихъ единовѣрцевъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, произвели опасныя нечестія, которыя хотя и были осуждены высшимъ начальствомъ страны, но тѣмъ не менѣе до настоящаго времени не могли быть совершенно истреблены и до основанія уничтожены. Какъ сильно поражено наше сердце подобнымъ неразумiемъ христіанскаго общества въ вашихъ мѣстахъ—объ этомъ легко судить, и мы должны озаботиться, чтобы случившіяся заблужденія и расколы не только не помѣшали миру общинъ и не повели бы къ большимъ соблазнамъ, но также, чтобы не повредили передъ этимъ дарованному свободному отправленію религіи. Хотя мы объ этихъ спорахъ не произносимъ никакого приговора и на отвѣтственности каждаго лежитъ, насколько онъ въ нихъ виновенъ или нѣтъ, но все же мы считаемъ это нашимъ курфюршесткимъ долгомъ, насколько отъ насъ это зависитъ, принять на себя нужды нашихъ христіанскихъ собратьевъ и предохранить ихъ отъ всякаго ожидаемаго бѣдствія добрымъ совѣтомъ и христіанскимъ напоминаніемъ, почему мы написали также его царскому величеству и его высокому министру, совѣтуя имъ продолжить милостивѣйшую охрану чистой евангелической церкви.

«Но такъ какъ дѣло главнымъ образомъ зависитъ отъ васъ самихъ, то мы также, по нашей христіанской заботѣ, были принуждены вамъ, какъ членамъ общей христіанской церкви, къ которой мы принадлежимъ, при этомъ милостивѣйше и настоятельнѣйше напомнить, чтобы вы наконецъ всѣ вообще и каждый въ отдѣльности понудили себя, отложивъ всѣ частныя страсти, вражду и непримиримость, которыя разрушаютъ христіанское единеніе, оставить и забыть происшедшія незаконности, чтобы Богъ и Отецъ нашего Іисуса Христа былъ единогласно восхваляемъ вами, и было сохраняемо общее христіанское домашнее, школьное и церковное благочиніе.

«Совѣтуя необходимое соблюденіе такого христіанскаго единодушія, мы не считаемъ непремѣннымъ присоединять многочисленные

обширные доводы, ибо вы сами знаете слово Божіе, какъ не хорошо, когда образуются въ общинѣ различныя партіи, и одинъ считаетъ себя Павловымъ, а другой — Аполлосовымъ, и что вражда, ссора, зависть, гнѣвъ, брань, раздоръ, злоба, ненависть суть дѣла плоти, и что тѣ, которые творятъ подобное, не наслѣдуютъ царства Божія. Потому мы надѣемся, что вы, послѣ христіанскаго соединенія и водворенія согласія и единомыслія, впредь извѣстите насъ о вашемъ лучшемъ возстановленномъ церковномъ порядкѣ, котораго мы отъ всего сердца желаемъ, общимъ письмомъ или, если, сверхъ ожиданія, этому представятся непреодолимыя затрудненія, каждая часть въ отдѣльномъ отвѣтѣ опишетъ все положеніе церковныхъ дѣлъ, чтобы мы могли лучше распредѣлять дальнѣйшія субсидіи и удовлетворять потребности евангелической церкви вообще безъ различія, гдѣ мы это сочтемъ наиболѣе нужнымъ».

Письмо было прочтено (5 іюля) лютеранами въ присутствіи трехъ пасторовъ и приходскихъ старшинъ, причемъ Рингуберъ сообщилъ, что герцогъ обѣщаетъ не только прислать имъ деньги, не полученныя ими за послѣдніе три года, но и ходатайствовать о пособіи у другихъ нѣмецкихъ владѣтелей, и что въ Бранденбургѣ собрано уже 1000 рейхсталеровъ; сообщилъ также, что герцогъ настойчиво ходатайствовалъ за евангеликовъ предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и бояриномъ Арт. Матвѣевымъ. Такое участіе лицъ посторонихъ, по извѣстію Рингубера, произвело на присутствовавшихъ сильное впечатлѣніе: у многихъ навернулись слезы, иные выразили раскаяніе въ томъ, что были виновниками соблазна. Положили обсудить дѣла на общемъ собраніи, или «генералъ-конвентѣ» (zu einem General-Convent), и Рингуберъ надѣялся было, что теперь прекратятся споры въ средѣ прихода; но на послѣдовавшихъ по этому поводу трехъ засѣданіяхъ (Sessionen) не пришли ни къ какому рѣшенію, кромѣ того, чтобы каждый пасторъ описалъ герцогу состояніе своей церкви. Лютеране скоро опять обратились къ своимъ счетамъ. Единственнымъ средствомъ для умиротворенія междоусобій Рингуберъ считалъ, если герцогъ Эрнстъ пришлетъ въ Москву своего уполномоченнаго для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ, чтобъ потомъ воздать каждому

по винѣ, и возлагалъ большія надежды на письменныя сношенія герцога съ Алексѣемъ Михайловичемъ [1].

Слабость организаціи церковно-административнаго строя, бывшая на руку внутренней безурядицѣ, однако не приводила общинъ къ утратѣ того, что̀ придавало смыслъ ихъ жизни. Главное, въ чемъ выражалась эта жизнь, были заботы, чтобы у нихъ совершалось богослуженіе. Здѣсь, прежде всего, представлялся вопросъ о пріисканіи и содержаніи пасторовъ, затѣмъ о сооруженіи и поддержаніи церквей и вообще домовъ для молитвенныхъ собраній.

Первоначальный контингентъ духовенства образовался, впрочемъ, помимо участія общинъ или ихъ церковныхъ коллегій, такъ сказать, самъ собою, изъ пасторовъ, плѣненныхъ въ Ливоніи. Нарочные призывы встрѣчаются не ранѣе времени Годунова, при которомъ такъ обезпеченно устроилась Московская лютеранская община: сверхъ плѣнныхъ пасторовъ, имѣвшихся въ ней, она пригласила къ себѣ новаго, изъ Вестфаліи, Вальдемара Гуллемана. Приглашеніе его, конечно, состоялось по волѣ нанятыхъ Борисомъ заграницей лейбъ-медиковъ, которые, получивъ отъ Бориса почетное положеніе и большія средства, тотчасъ же по своемъ прибытіи пріобрѣли въ дѣлахъ общины рѣшающее вліяніе. Съ открытіемъ въ Москвѣ своей школы, лютеране выбирали себѣ въ пасторы ея учителей, такъ что всѣ, наиболѣе видные московскіе пасторы XVII вѣка, Беръ, Фадемрехтъ, Грегори и др., и нижегородскій пасторъ Иванъ Риттеръ взяты были отсюда. Случалось, что привозили съ собой пасторовъ иноземцы, ѣхавшіе на житье въ Россію. Съ Давидомъ Рутцъ прибылъ его своякъ, пасторъ Иванъ Юстровъ; на мѣсто умершаго пастора Якоби Николай Бауманъ привезъ съ собой извѣстнаго Фокерота [1]. Когда выбывшему пастору не находили среди иноземцевъ, жившихъ въ Россіи, достойнаго преемника и не знали, кого бы лучше взять заграницей, старшины общины обращались туда, чтобы указали или прислали имъ

[1] Rinhuber, №№ X, XVIII. XIX. Beck, I. 605—607 и прилож.—Письма пасторовъ къ герцогу до сихъ поръ, къ сожалѣнію, нигдѣ не отысканы.

[1] См. выше, гл. I.

пастора по своему усмотрѣнію. По такой именно просьбѣ явился въ Москву Петръ Ранъ, преемникъ Грегори. Кандидатура Рана важна въ томъ отношеніи, что, благодаря сохранившимся документамъ, дов. подробно знакомитъ насъ съ современной процедурой замѣщенія свободной пасторской вакансіи.

По смерти Грегори, его прихожане ни на комъ изъ Слободчанъ не могли остановиться, какъ на преемникѣ ему, и рѣшились искать таковаго заграницей. Самымъ извѣстнымъ и надобнымъ при Дворѣ лицомъ среди прихожанъ былъ тогда докторъ Иванъ фонъ - Розенбургъ; вмѣстѣ съ другими видными членами общины, то же служилыми иноземцами, онъ представилъ (18 іюня 1675 г.) въ Посольскій приказъ челобитную. «Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, бьетъ челомъ твой великаго государя холопъ иноземецъ дохтуръ Ивашко Розенбургъ съ прочими дохтурами, аптекарями и лѣкарями, и всѣми иноземцами, которые служатъ у Двора. Между благотвореніями, здѣсь содѣваемыми, твоего царскаго пресвѣтлаго величества къ подданнымъ твоимъ иноземцамъ—не малѣйшее, что наимилостиво доселѣ благоволилъ попустить самосвободное закону нашему служительство, именно два храма, одинъ молитвенный, другой учительный. Но нынѣ въ нихъ нѣтъ ни пастыря, ни учителя: въ одномъ изъ нихъ, построенномъ прежде генераломъ Бауманомъ, пасторъ нынѣ померъ, въ другомъ нѣтъ учителя съ полгода, и училище, въ которомъ наставлялись отроки, опустѣло вконецъ. Я, пресвѣтлаго твоего царскаго величества холопъ, дохтуръ Ивашко Розенбургъ, съ товарищами моими, дохтурами, аптекарями и лѣкарями, твоему царскому пресвѣтлому величеству всемирно и прилежно бью челомъ, благоволитъ твое царское благоутробіе дать объ обѣднѣ нашей крѣпостную грамоту, да будетъ велѣно намъ и нашимъ преемникамъ постоянно держать здѣсь пастыря душъ нашихъ: потому что пастырю одного изъ молитвенныхъ храмовъ каждое лѣто приходится ѣздить изъ Москвы по полкамъ, ради чего лишаемся проповѣдей слова Божія на полулѣтнее время. Такъ какъ наше прошеніе въ честь имени Божія, въ нескончаемую по всей вселенной славу твоего пресвѣтлаго царскаго величества, въ пользу вѣчнаго спасенія нашихъ душъ и добраго вос-

питанія въ благоговѣйствѣ и ученіи, то крѣпко уповаемъ, что всемилостивно услышишь наше прошеніе, а мы въ томъ молитвенномъ домѣ и въ училищѣ будемъ всегда возсылать ко Господу Богу молитвы о многолѣтномъ здравіи твоего царскаго пресвѣтлаго величества и о всей пресвѣтлой царской твоей палатѣ. Милосердый государь ц. и в. кн. Алексѣй Михайловичъ, пожалуй меня, холопа твоего, съ товарищами моими, аптекарями и лѣкарями, вели государь, свою великаго государя крѣпостную грамоту намъ дать на тѣ храмы, чтобы намъ вольно было вывезть изъ-за моря пастора и учителя. Царь государь, смилуйся».

Посольскимъ приказомъ, который сдѣлалъ соотвѣтственную справку, просьба была удовлетворена. Заручившись разрѣшеніемъ, церковный совѣтъ обратился за кандидатомъ къ кёнигсбергскому богословскому факультету. Хотя предсѣдателемъ совѣта состоялъ тогда генералъ-майоръ Николай фонъ-Штаденъ, но послали въ Кёнигсбергъ, вѣроятно, по совѣту Розенбурга, получившаго въ немъ свою докторскую степень. Факультетъ рекомендовалъ Рана, и церковный совѣтъ и шестеро уполномоченныхъ общины пригласили его къ своей «Новой церкви».

Сынъ рюгенвальдскаго, въ Помераніи, суконнаго мастера, Петръ Ранъ былъ воспитанъ своимъ крестнымъ отцомъ, аптекаремъ по ремеслу, кончилъ курсъ въ Бреславской гимназіи, 5 лѣтъ былъ студентомъ въ Кенигсбергѣ и 6 лѣтъ учителемъ въ домѣ профессора доктора богословія и придворнаго проповѣдника Цейдлера. Одновременно съ предложеніемъ въ московскіе пасторы, онъ получилъ приглашеніе въ придворные проповѣдники къ курляндскому герцогу, но предпочелъ первое предложеніе. Члены мѣстной Земленденской консисторіи подвергли его соотвѣтствующему богословскому экзамену, взяли съ него присягу, что онъ останется вѣрнымъ Аугсбургскому исповѣданію на всю свою жизнь, и 4 августа 1675 года кёнигсбергскій придворный проповѣдникъ Дрейеръ, въ сослуженіи четырехъ помощниковъ, посвятилъ его въ придворной церкви. О своемъ посвященіи новопоставленный получилъ отъ консисторіи особое свидѣтельство.

«Мы, говорилось въ свидѣтельствѣ, предсѣдатель и духовные ассессоры Земленденской консисторіи, объявляемъ лицамъ всякаго

званія, чинамъ и учителямъ, которымъ о томъ надлежитъ вѣдать: въ нашемъ засѣданіи явился Петръ Ранъ и почтительно вручилъ пригласительное письмо отъ евангеликовъ, которые живутъ въ Слободѣ, подъ Москвой, и признаютъ себя держащимися неизмѣннаго Аугсбургскаго исповѣданія, чтобы онъ, по опредѣленіи въ пасторы вмѣсто блаженной памяти магистра Ивана Готфрида Грегори, принялъ у нихъ духовную паству. Затѣмъ онъ подвергся обыкновенному теологическому испытанію и просилъ о поставленіи его въ должность. Помня о своей обязанности, мы вели съ нимъ разговоръ о Св. Писаніи и другихъ статьяхъ христіанской вѣры и, по испытаніи, нашли его весьма достойнымъ этой церковной должности, тѣмъ болѣе, что онъ и публично подтвердилъ, что онъ до конца жизни не отступитъ отъ узнанной и признанной правды божественнаго слова и символическихъ книгъ Аугсбургскаго исповѣданія. Послѣ того мы приняли упомянутаго Петра Рана въ число законно призванныхъ пасторовъ и распорядились, чтобы онъ сегодня въ Курфирстской Дворцовой церкви, у почтеннаго, уважаемаго и превосходнаго мужа, доктора теологіи, старшаго профессора здѣшняго университета, придворнаго проповѣдника его свѣтлости бранденбургскаго курфирста, а также ассессора Земландеской консисторіи, нашего весьма почтеннаго товарища г. Христіана Дрейера, былъ ординированъ въ служители Божественнаго слова, по обычаю отъ апостольскихъ временъ, молитвою и чрезъ рукоположеніе. Мы рекомендуемъ его всѣмъ самымъ наилучшимъ образомъ и усердно молимъ Бога, да наполнитъ Іисусъ Христосъ, архіепископъ Своей церкви, упомянутаго Петра Рана дарами Св. Духа въ богатой мѣрѣ, чтобы онъ былъ въ состояніи приносить въ общинѣ большіе плоды. Для лучшаго удостовѣренія скрѣпляемъ это нашею печатью. Дано въ Кёнигсбергѣ 7 августа 1675 г.» Свидѣтельство было подписано офиціаломъ или президентомъ консисторіи Даніиломъ фонъ-Вегнернъ, лицомъ свѣтскимъ.

Введеніе въ должность было, повидимому, торжественное, въ присутствіи прихожанъ и церковнаго совѣта: вступительная рѣчь, произнесенная Раномъ, произвела на слушателей пріятное впечатлѣніе и сразу упрочила его положеніе предъ новою паствой [1].

[1] М. Г. Архивъ М. И. Д., Дѣла иностранныхъ исповѣданій, 1670 г.: «Дѣло

Подобно Рану, всѣ кандидаты на пасторство, избранные изъ лицъ, жившихъ заграницей, пріѣзжали въ Россію уже ординированными; избранныхъ въ Россіи въ началѣ XVII вѣка обыкновенно посвящали дома. Пасторъ Гуллеманъ ординировалъ къ себѣ въ помощники Бера, нижегородскій пасторъ Ѳома Христіанъ поставилъ въ московскіе пасторы Оксе. Обычай домашней ординаціи не укрѣпился: сдѣлалось потомъ, можно сказать, правиломъ ѣздить за ней за границу, въ Ревель, Дрезденъ [1] и т. п.

Реформатскихъ пасторовъ, насколько извѣстны ихъ біографіи, брали всегда изъ-за границы уже поставленными. Порядокъ избранія у Московской и Архангельской общинъ, нужно думать, не отличался отъ лютеранскаго; на приглашеніе пасторовъ, которые служили въ Вологодской киркѣ и вообще были тѣсно связаны съ Англійскою торговой компаніей, могъ оказывать преобладающее вліяніе главный англійскій агентъ. Англійскіе послы обыкновенно пріѣзжали, имѣя въ свитѣ особаго пастора, который, за все пребываніе посла на русской территоріи, вмѣстѣ съ прочими членами посольства и ихъ прислугой, содержался на счетъ казны. Въ таковомъ случаѣ ихъ приравнивали къ секретарямъ, переводчикамъ или вообще дворянамъ. Все отсылалось имъ натурою. Пасторъ, находившійся въ свитѣ Джона Мерика въ 1620 — 1621 годахъ, сверхъ причитавшагося ему въ общемъ содержаніи, ежедневно получалъ по одному или по два калача хлѣба, 2 чарки вина, полведра или четверть ведра цѣженаго меду и полведра пива [1]. Соотвѣтственно съ этимъ выдавалось насто-

---

генерала Николая Баумана», въ приложеніи къ нему; 1675 г.: «Ставленная грамота, выданная изъ Самланденской духовной консисторіи Петру Ранеусу, назначенному пасторомъ Евангелико-лютеранской церкви въ Нѣмецкой Слободѣ, въ Москвѣ, на мѣсто умершаго пастора І. Г. Грегори». Grot, I, 259—260; Fechner, I, 365—367; II, 494—495.

[1] См. выше, I гл.

[2] Въ какой пропорціи сравнительно съ другими выдавалось пастору, можно видѣть изъ слѣдующей росписи: «Роспись, по чему давати государева жалованья аглинскому послу, и дворяномъ, и королевскимъ людемъ поденново корму и питья въ дорогѣ. Послу на день по 2 колача, да по 2 хлѣба двуденежныхъ; дворяномъ королевскимъ, 7 человѣкомъ, 7 колачей денежныхъ, 7 хлѣбовъ двуденежныхъ; попу 2 колача,

рамъ, пріѣзжавшимъ съ другими послами, какъ англійскому, такъ и изъ остальныхъ протестантскихъ государствъ.

Есть извѣстія, будто бы всѣ московскіе пасторы содержались на государево жалованье: по Бранду (1673—1674 г), проповѣдники лютеранскихъ церквей получали каждогодно по 400, реформатскій— 500 рейсталеровъ; послѣднему выдавалось-де больше потому, что онъ не получалъ за требы; о полученіи пасторами жалованья говоритъ также другой иностранный писатель, Таннеръ, бывшій въ Россіи нѣсколько позднѣе (1678 г.) [1]. Сообщенія слишкомъ извращающія дѣйствительные факты. Въ каждомъ изъ трехъ полковъ, нанятыхъ Лесли заграницей для Смоленскаго похода (1632 г.), дѣйствительно находилось по два «попа», т.-е. пастора, получавшихъ казенное жалованье по 30 рублей каждый [2]; ниже увидимъ, какъ пасторъ Грегори былъ на-

---

2 хлѣба денежные; посолскимъ лутчимъ людемъ, 18-ти человѣкомъ, 18 колачей, 18 хлѣбовъ денежныхъ; посолскимъ же и дворянскимъ людемъ, 19-ти человѣкомъ, 10 колачей денежныхъ, 20 хлѣбовъ двуденежныхъ; послу жъ и дворяномъ съ людми и попу всѣмъ на день: полъяловицы, 3 барана, полотъ-ветчины, 10 куровъ, 150 яицъ, 8 гривенокъ масла коровья, полчетверика крупъ, четь пуда соли, четь ведра уксусу, четь ведра сметаны, луку и чесноку на гривну, свѣчъ восковыхъ и салныхъ на 2 алтына. Питья послу на день: 5 чарокъ вина горлячево доброво, полведра меду паточново, полведра меду цѣженово, ведро пива; дворяномъ королевскимъ, 7-ми человѣкомъ, по 3 чарки вина человѣку на день, да всѣмъ вопче 2 ведра меду цѣженово, 4 ведра пива; попу 2 чарки вина, полведра меду цѣженово, полведра пива; посолскимъ лутчимъ людемъ, 18-ти человѣкомъ, по 2 чарки вина человѣку, да всѣмъ 3 ведра меду цѣженово, 9 ведръ пива, по полуведра человѣку; достальнымъ посолскимъ и дворянскимъ людемъ, 19-ти человѣкомъ, по 2 чарки вина человѣку, по полуведра пива человѣку на день». Эта роспись корму и питья при выѣздѣ Мерика изъ Россіи въ іюнѣ 1621 года; въ росписяхъ при въѣздѣ и во время бытности посольства доля пастора означена: «писарю, секретарю, да попу 2 калача, 2 хлѣба денежные..., писарю да попу 4 чарки вина, полведра меду цѣженово, ведро пива». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Англійскія дѣла, статейный списокъ, № 7, и карт. № 5.

[1] Iohan-Arnolds von Brand Reysen durch die Mark—Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovien, Gross-Naugardien, Tweerien und Moscovien..., gegeben durch H. Chr. von Hennin. Besel, 1702, 257. Tanner, Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam. Norimbergae, 1689; В. Евр. 1826, VI, 108.

[2] См. ниже, V главу.

граждаемъ, когда занимался постановкою театральныхъ піесъ для государя, или отвозился на казенныхъ подводахъ въ сѣвскій иноземскій полкъ для церковныхъ тамъ требъ. Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ пасторы жаловались за службу, прямую или косвенную, государю и государству. Приходскій пасторъ всегда состоялъ на полномъ попеченіи общины. Объ условіяхъ содержанія обыкновенно объявлялось кандидату при его приглашеніи. Часть онъ получалъ въ видѣ опредѣленнаго жалованья, отъ церковнаго совѣта, гдѣ былъ таковой организованъ, другую половину отъ прихожанъ за отдѣльныя службы и требы. Приглашая Фокерота въ Москву, Бауманъ прямо обѣщалъ ему, что онъ будетъ пользоваться всѣми правами и доходами, какими пользовался его предшественникъ. Впослѣдствіи Фокеротъ требовалъ (въ засѣданіи церковнаго совѣта 5 іюня 1668 г.), чтобы Грегори изъ денегъ, собранныхъ за границей, выдѣлилъ ему 1000 талеровъ, хотя имъ не дополучено было опредѣленнаго жалованья всего 100 талеровъ [1]. Такъ какъ частные доходы зависѣли отъ количества прихожанъ и отношенія послѣднихъ къ пастору, то они постоянно служили яблокомъ раздора между пасторами сосѣднихъ общинъ и особенно одной и той же общины, если въ ней находилось ихъ двое. Самою ближайшею причиной взаимнаго неудовольствія Фокерота, Грегори и Фадемрехта были именно частные денежные доходы.

Получая плату, пасторы совершали богослуженіе и требы какъ на мѣстѣ своего служенія, такъ и нарочно предпринимали путешествія для посѣщенія жившихъ въ разброску. Пасторовъ Веттермана и Скультета мы видимъ внѣ Москвы [2]; пасторъ Беръ сопровождалъ часть Московской общины, предавшуюся Самозванцу II; для совершенія браковъ и крещеній извѣстный Оксе бывалъ въ Холмогорахъ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Ростовѣ и Серпуховѣ, оставляя Москву преимущественно въ зимнюю пору [3]. Еще чаще московскіе насто-

---

[1] «Памятники», I, 2—4, 22; Rinhuber, № X, Beck, I.

[2] Nyenstädt, 67; Revidirtes instrumentum, предислов., 9.

[3] Именно въ Холмогорахъ и Вологдѣ онъ крестилъ въ 1619 году, въ Ярославѣ въ томъ же году и еще 19 янв. 1634 г., въ Ростовѣ крестилъ 21 іюня 1632 г.; чаще всего онъ ѣздилъ въ Серпуховъ: вѣнчалъ 12 сент. 1624 г. и 7

ры посѣщали и сопровождали военныя группы, бывшія на южной нашей окраинѣ. Фокеротъ, едва пріѣхавъ въ Москву, сопровождалъ уже Баумана и его сослуживцевъ въ походъ противъ крымскаго хана, къ Конотопу. Защищая его противъ Грегори, военнослужилые сторонники его, между прочимъ, писали въ одной изъ своихъ челобитныхъ (23 дек. 1668 г.): «какъ мы бываемъ на твоихъ великаго государя службахъ, и онъ, пасторъ Иванъ Дитрикъ Фокеротъ, къ намъ въ полки пріѣзжаетъ для нашихъ душевныхъ потребъ». Нѣсколько позднѣе, они домогались было освободить его отъ личной ставки съ Грегори подъ предлогомъ, что военные иноземцы, живущіе въ Бѣлгородѣ, просили ихъ прислать къ нимъ Фокерота для духовныхъ требъ. Его соперникъ, Грегори также оставлялъ иногда Москву съ тою же цѣлію.

Посѣщая иноземцевъ служилыхъ и въ такую пору, когда за устройство театра находился въ особой милости и какъ бы самъ состоялъ на государевой службѣ, Грегори, естественно, ѣздилъ на казенный счетъ. «Будучи на твоей великаго государя службѣ, писалъ онъ въ поданной имъ въ Посольскій приказъ челобитной, полковники и иные начальные люди писали намъ изъ Сѣвска, чтобы мнѣ къ нимъ пріѣхать крестить дѣтей и для иныхъ духовныхъ потребъ; вели, государь, отпустить меня въ Сѣвскъ и дать своего государева жалованья подводъ». Рѣшеніе (18 іюля 1674 г.) послѣдовало: «По указу великаго государя, велѣть его отпустить и дать проѣзжую; отпустить на три недѣли, выдавъ ему двѣ подводы». Кромѣ подводъ, ему данъ былъ до Сѣвска особый проводникъ. Проѣзжею грамотой (22 іюля) повелѣвалось пропускать его вплоть до Сѣвска и обратно, безъ задержанія [1].

Съ тѣхъ поръ, какъ при Офицерской церкви явилось два пастора, посѣщеніе ими протестантовъ, жившихъ внѣ Москвы, вообще

февр. 1628 г., крестилъ между 7—10 ноября 1622 г., въ 1624 г. и 31 янв. 1629 г. «Памятники», I, № XVI.

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію 1674 г.: «Дѣло по челобитью пастора Готфрида Грегори о пропускѣ его въ Сѣвскъ для крещенія иноземскихъ дѣтей». «Памятники», I, № 1.

принимаетъ болѣе опредѣленный видъ и вмѣняется имъ въ прямую обязанность. Въ наши арміи, находившіяся въ Татарскихъ земляхъ, Малороссіи и на польскихъ границахъ, равно какъ и въ гарнизоны они обыкновенно ѣздили поочередно и тамъ совершали богослуженіе, крещеніе и другія требы [1]. Обязанность эта сохранилась и послѣ того, какъ община раздѣлилась и образовалось изъ нея два прихода съ особою въ каждомъ киркой и отдѣльнымъ пасторомъ. Припомнимъ, какой мотивъ приводили челобитчики Новой или Бауманской кирки, чтобы имъ дозволили послѣ умершаго Грегори пригласить изъ-за границы новаго пастора: пасторъ одной изъ церквей долженъ каждогодно отлучаться за Москву, и имъ придется оставаться тогда безъ службы [2].

Если московскіе пасторы чаще всего бывали на югѣ отъ Москвы, то пасторы вологодскіе и архангелогородскіе удовлетворяли религіозныя нужды иноземцевъ, жившихъ на сѣверъ отсюда, что иногда выполнялось и пасторами посольскими. Послѣдніе, конечно, должны были заботиться о духовныхъ нуждахъ собственно членовъ посольствъ. Такъ, пасторъ, находившійся въ свитѣ Карлейля, пріобщилъ всѣхъ членовъ посольства во время остановки въ Вологдѣ, въ рождественскомъ посту 1663 года [3]. Удовлетворенію религіозныхъ потребностей мѣстныхъ, встрѣчавшихся на пути, единовѣрцевъ могло затруднять то, что у насъ старались обособлять посольства отъ непосредственныхъ сношеній съ лицами неоффиціальными. Еще рѣже могли посольскіе пасторы служить въ приходскихъ киркахъ: здѣсь, кромѣ того, препятствовали имъ обычаи общинъ и ревность мѣстныхъ пасторовъ за свое положеніе. Легче это было, если проѣзжавшее посольство не

---

[1] Rinhuber, № I.

[2] См. выше, стр. 175. Слова челобитной буквально читаются такъ: «Понеже единово отъ храмина молитвенныхъ на всяко лѣто пастырю въ полки шествовати нуждаетъ законная, чего ради чрезъ полулѣтнее время проповедей слова Божія лишаемся» (дополн. къ «Дѣлу Баумана»). Подъ «единымъ изъ молитвенныхъ храмовъ» здѣсь, кромѣ Новой церкви, подразумѣвалась, конечно, кирка «Офицерская»: церковь Старой общины, какъ «купеческая», въ счетъ идти не могла.

[3] Посольство въ Россію графа Карлейля, Отеч. Зап. 1853. XI, отд. IV, 53—54. Ср. Олеарія, 40.

заставало мѣстнаго пастора. Лишившись своего пастора Шеліуса и не успѣвъ пригласить новаго, нижегородскіе лютеране сами просили Петри, сопровождавшаго голштинское посольство, послужить въ ихъ церкви [1].

Какъ и на чьи средства строились и содержались церкви и вообще молитвенныя дома, мы уже знаемъ; если у членовъ общины не доставало средствъ, они иногда обращались за помощью къ единовѣрцамъ, жившимъ за границей. Всѣ кирки были деревянныя [2] и своею внѣшнею архитектурой очень мало отличались отъ обыкновенныхъ жилищъ: при нихъ не было ни колоколенъ, ни колоколовъ [3], но небольшая глава съ крестомъ допускалась [4]. Внутри церквей находились алтари, крещальни, проповѣдническія каѳедры и стулья и скамьи для сидѣній [5]. Въ Московской лютеранской церкви, выстроенной при Годуновѣ, рядомъ съ алтаремъ виднѣлся небольшой крестъ, съ изображеніемъ на немъ Христа; выше алтаря висѣла доска, на которой золотыми буквами написаны были Десятословіе и другія изреченія Св. Писанія; послѣ похоронъ принца Ивана Датскаго въ киркѣ повѣсили всѣ, употребленные при похоронахъ, знамена и гербы [6]. Церкви отапливались, такъ что богослуженіе могло быть отправляемо въ нихъ круглый годъ, и лѣтомъ и зимой.

Нельзя не пожалѣть, что данныя о богослуженіи, совершаемомъ пасторами какъ въ церквахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ молитвенныхъ собраній, крайне скудны и отрывочны: до насъ не сохранилось ни нарочитаго какого-либо указателя состава и порядка службъ,

---

[1] См. выше, I гл., стр. 120 и слѣд.

[2] Petrejus, 252; Brant, 235; М. Гл. Архивъ М. И. Д., Приказныя дѣла, св. 243, и др.

[3] Gyldenstiernes Dagbod, 169; Reutenfels, 113; Чт. Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1884, III, отд. II, стр. 30.

[4] Въ такомъ видѣ нарисована Олеаріемъ Лютеранская кирка на планѣ Москвы (въ изд. 1647 г. между 114 — 115 стр., въ изд. 1696 г. стр. 73 — 75): Крестъ, повидимому, осьмиконечный.

[5] Olearius, 1696, 167; см. выше, гл. I, стр. 95.

[6] Warhafftige Relation, 275—276; Gyldenstiernes, 184; Масса, 93.

ни даже несомнѣнно бывшихъ церковныхъ метрикъ, и иностранные писатели, присутствовавшіе за богослуженіемъ, очень мало говорили о немъ. Отъ церковныхъ метрикъ дошелъ только экземпляръ краткихъ «Извлеченій» изъ Метрической книги Старой Московской лютеранской общины, написанный исторіографомъ Миллеромъ [1]. Начатая Оксе въ 1619—1620 годахъ, Метрика заключала въ себѣ запись крещеній и браковъ и различныя случайныя помѣтки. За время пасторства Оксе число крещеній колебалось очень сильно, сильнѣе, чѣмъ въ послѣдующіе годы, именно въ 1622 году было крещено 46 мальчиковъ и дѣвочекъ, въ 1632 году всего 9; обычное ежегодное количество крещеній простиралось до двухъ-трехъ десятковъ, и съ тѣми, которыя были совершаемы пасторами Старой общины въ отдаленныхъ отъ Москвы городахъ. Подъ записью объ одномъ крещеніи въ 1625 году Оксе отмѣтилъ: «Это первое дитя, крещенное мною по англійскому обычаю и на англійскомъ языкѣ, по желанію воспріемника, аптекаря Рендель, Англичанина»; о крещеніи дѣвочки 21-го сентября 1628 года упомянуто: «Это первое дитя, которое я, въ исполненіе желанія отца (Австрійца Вернера), крестилъ по древнему апостольскому церковному установленію, въ кади, полной водою, троекратно погружая крещаемаго въ воду, со словами: ««Я крещаю тебя N во имя Отца»» и т. д.» Можно думать, что эти «первые» случаи не были послѣдними и единственными. Отмѣчены крещенія нѣсколькихъ купленныхъ турецкихъ и татарскихъ дѣтей и взрослой Турчанки. Между родителями и воспріемниками упомянуты нижегородскій пасторъ Риттеръ, школьные учителя, шведскій агентъ Мёллеръ, медики, аптекаря, переводчики Посольскаго приказа, художники, мастера, военные, торговцы. На приглашеніе (1630 г.) въ воспріемники полковникъ Лесли послалъ было вмѣсто себя одного офицера; Оксе написалъ ему по этому поводу письмо, съ площадною руганью, которую пасторъ тоже не преминулъ внести въ Метрическую кни-

---

[1] Хранится въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д. и изданъ нами въ «Памятникахъ», I, № XVI. Хотя «Извлеченія» составлены Миллеромъ какъ бы начерно, нѣсколько спѣшно и для себя, пользовавшіеся ими изслѣдователи (Posselt, I, 218—219, Fechner, I) признаютъ за ними интересъ и точность.

гу. Что касается бракосочетаній, то ихъ было менѣе, чѣмъ крещеній: не возвышалось болѣе 32 и падало до одного въ годъ. Гейденъ, разведшійся съ своею первой женой, въ 1620 году «былъ обвѣнчанъ въ киркѣ, при публичномъ христіанскомъ собраніи». Такъ какъ о данномъ обстоятельствѣ упомянуто, конечно, потому, что оно было первымъ по сооруженіи церкви, то, нѣтъ сомнѣнія, послѣдующія бракосочетанія совершались въ ней же. Среди брачущихся были пасторы и разнообразные служилые люди и торговцы.

Иностранные писатели, обыкновенно такъ охотно распространявшіяся о русскихъ обычаяхъ, о протестантскомъ богослуженіи ограничивались самыми мимолетными замѣтками. Наиболѣе подробное описаніе слышаннаго въ церкви, встрѣчаемое въ сочиненіи проф. Брапда, члена бранденбургскаго посольства къ Алексѣю Михайловичу, ограничивается одними общими выраженіями. Когда, 7-го декабря 1673 года, послы заѣхали въ Нѣмецкую Слободу и присутствовали за богослуженіемъ въ Реформатской церкви, то «текстъ былъ взятъ изъ Экклезіаста Соломона, но первоначально пропѣтъ былъ здѣсь псаломъ, затѣмъ прочитанъ обыкновенный, установленный по году текстъ, затѣмъ опять пропѣтъ псаломъ, вслѣдъ за симъ молились, и наконецъ прочитанъ былъ текстъ, на который предложена была проповѣдь» [1].

Пасторомъ Реформатской церкви былъ тогда Кравинкель, служилъ онъ по-голландски, его предшественникъ, Ингенгёфферъ, служилъ по-нѣмецки; у лютеранъ богослуженіе совершалось согласно Аугсбургскому исповѣданію и на нѣмецкомъ языкѣ [2]. Языкъ богослуженія опредѣлялся вообще понятностію его членамъ общины и происхожденіемъ пасторовъ. Реформатскіе пасторы, принадлежавшіе къ англійской народности, конечно, служили по-англійски. Задачею пасторовъ было примѣняться къ потребностямъ и вкусамъ прихожанъ, съ чѣмъ тѣсно были связаны размѣры въ получаемыхъ доходахъ. Мы видѣли, что Оксе, пасторъ лютеранскій, кре-

---

[1] Brand, 235.

[2] Büsching's Magazin, III, 338; VII, 275 — 278; Olearius, 1656, 150; Fechner, I, 90 и др., «Памятники», I, 27—31, 178—186, 190.

стилъ дѣтей то «по англійскому обряду и на англійскомъ языкѣ», то «по древнему апостольскому церковному установленію», чрезъ троекратное погруженіе въ воду.

Удовлетвореніе той или иной потребности отражалось даже на содержаніи богослуженія, въ молитвахъ, духовныхъ пѣсняхъ и проповѣдяхъ. Едва ли однимъ образованіемъ проповѣдника можно, напримѣръ, объяснить проповѣдь пастора Георгія Листемана, «Зеркало христіанина» [1], сказанную при отпѣваніи (6 сент. 1632 г.) шведскаго резидента Пв. Мёллера, извѣстнаго по устройству церкви на Шведскомъ подворьѣ и хлопотамъ о лютеранской киркѣ «новыхъ Нѣмцевъ», снесенной по приказу патр. Филарета подальше отъ центра столицы. Указаніе на эти заслуги только и имѣетъ цѣну въ проповѣди. Ораторъ какъ будто заботился лишь о томъ, чтобы блеснуть предъ многочисленными своими слушателями высокопарностію слога и крайне неумѣстнымъ выборомъ примѣровъ и сопоставленій. «Натуралисты, говоритъ онъ, передаютъ обо львѣ, что блоха, попавшая ему въ глазъ, можетъ возбудить и довести его до такой ярости и такого раздраженія, что онъ совсѣмъ забывается, терзаетъ себя своими же когтями, вырываетъ глазъ и ранитъ себя до крови. Не нелѣпо можно это въ нѣкоторомъ отношеніи сказать о Богѣ, Который въ Священномъ Писаніи Самъ Себя сравниваетъ со львомъ. Наши грѣхи, которые мы считали бы маловажнѣе блохи, въ такой же степени огорчили очи Божескаго величества и возбудили въ Немъ такую ярость и гнѣвъ, что Онъ какъ бы забываетъ Себя и того, который долго могъ бы Ему еще служить здѣсь къ Его славѣ, убираетъ прочь». Подобная рѣчь, роняющая достоинство церковнаго слова, не могла быть произнесена, если бы не требовали того вкусы слушателей, или, по крайней мѣрѣ, если бы не соотвѣтствовала имъ. Но еще съ большею полнотой и характерностію отразились черты времени и свойства лютеранъ на произведеніяхъ пастора Бера и его общины.

---

[1] Christen Spiegel. Das ist: Wie ein Christen Mensch in diesem Leben musse gestalt und formiret seyn, der da anschawen will das Angesicht Gottes von Angesicht zu Angesicht in dem ewigen Leben. Изд. въ Ригѣ въ 1632, извлеченіе у Fechner'a, I, 211—212.

Помимо такой цѣнности, это, за небольшими исключеніями, почти все, что̀ сохранилось отъ тогдашняго богослуженія, и мы возможно полнѣе приведемъ здѣсь данные остатки.

Измѣнивъ Василію Шуйскому, часть московскихъ лютеранъ предалась Самозванцу II. Щедро награжденные Самозванцемъ, перебѣжчики охотно признали его истиннымъ царемъ, хотя въ душѣ, конечно, были убѣждены въ его самозванствѣ, такъ какъ лично видали перваго и отожествить ихъ, совсѣмъ не похожихъ одинъ на другаго, не могли. Пасторъ Мартинъ Беръ былъ вмѣстѣ съ ними. Въ Козельскѣ и его окрестностяхъ они получили помѣстья; ихъ незаслуженное благополучіе не могло нравиться русскимъ дворянамъ и мѣстному духовенству. Бояре, окружавшіе Самозванца, обвинили ихъ въ томъ, что они сносились съ Поляками и предлагали сдать Сигизмунду свой городъ, и что, въ радости, они съ плясками и пѣніемъ праздновали каждую неудачу его войскъ. Обвинить ихъ въ измѣнѣ тѣмъ было легче, что самъ Лже-Димитрій, убѣдившись въ вѣроломствѣ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ отрядовъ, предавшихся Сигизмунду и разорявшихъ подчиненныя Самозванцу селенія, говорилъ: «Теперь я вижу, что Нѣмцы мнѣ нимало не преданы: они служатъ невѣрному королю и бьютъ моихъ людей. Взойду я на престолъ, поплатятся у меня всѣ Нѣмцы въ Россіи». Находясь въ Калугѣ, онъ велѣлъ (въ генв. 1610 г.) привести ихъ изъ Козельска сюда и затѣмъ побросать ихъ въ рѣку. Всѣхъ ихъ съ женами и дѣтьми было привлечено 52 человѣка. На пути Беръ разспрашивалъ старшихъ изъ нихъ, не сносились ли дѣйствительно они съ Сигизмундомъ и, слыша одни отрицательные отвѣты, ободрялъ ихъ надеждой на благопріятный исходъ дѣла. Бодрость не возвращалась къ нимъ, и они, въ предчувствіи бѣды, то думали о различныхъ средствахъ къ спасенію, то готовились къ неминуемой смерти.

Надежды свои Беръ возлагалъ на содѣйствіе нѣкоторыхъ изъ фрейлинъ Марины, лютеранокъ и его духовныхъ дочерей. Оставивъ спутниковъ на берегу Оки, онъ, съ нѣсколькими офицерами и дворянами, отправился (11 генв.) къ нимъ въ городъ. Когда эти утверждали, что всѣ просьбы за осужденныхъ были бы напрасны, онъ убѣдилъ ихъ обратиться къ заступничеству Марины, представивъ ей, что среди обреченныхъ на смерть есть дѣти, ихъ духовный отецъ и родственники павшихъ

за царя, и что потому она упросила бы государя изслѣдовать дѣло, отдѣлить виновныхъ отъ безвинныхъ и затѣмъ уже поступить съ виновными по всей тяжести его царскаго гнѣва. Растроганная ихъ слезами, Марина послала сказать князю Шаховскому, чтобы онъ не производилъ казни до новаго царскаго повелѣнія; другаго пажа отправила къ Самозванцу, съ просьбой удостоить ее своимъ пріемомъ. Самозванецъ угадалъ ея цѣли, не хотѣлъ принимать ее и снова подтвердилъ, чтобы Нѣмцы были брошены въ тотъ же день. Одна изъ фрейлинъ увѣдомила пастора о безуспѣшности попытки. Тогда онъ послалъ за своими Нѣмцами и велѣлъ захватить церковную утварь, чтобы предъ смертію, вмѣстѣ съ паствой, принять причащеніе. Всѣ приговоренные къ смерти собрались въ одномъ домѣ и уже готовились къ ней.

Преклонивъ колѣна, взрослые исповѣдались въ своихъ грѣхахъ. «Отче небесный, произносилъ каждый изъ нихъ, Отче всемогущій, милостивый! Я, бѣдный несчастный грѣшникъ, признаю и исповѣдую грѣхъ свой, что я, горе мнѣ, много согрѣшилъ и худо домостроительствовалъ. Ты творилъ мнѣ доселѣ благо, отъ многихъ бѣдъ тѣлесной жизни избавилъ меня, соблюлъ въ славѣ и все нужное даровалъ мнѣ въ изобиліи. За это надлежало мнѣ посправедливости возблагодарить Тебя благочестивою жизнью; но я воздалъ Тебѣ зломъ за добро, былъ безбоженъ, не повиновался заповѣдямъ Твоимъ и не слѣдовалъ никакому внушенію и наставленію. Обо всемъ томъ скорбитъ сердце мое: зачѣмъ не былъ я благочестивѣе и подвигнулъ Тебя на гнѣвъ? Посему молю, будь милостивъ ко мнѣ, бѣдному грѣшнику, всѣ мои прегрѣшенія по милосердію Своему, Христа ради, прости и отпусти и грѣховъ юности моей и моихъ непрестанныхъ преступленій не помяни, но, по великой Твоей милости, помяни меня ради благости Твоей. О, Боже благій, ниспошли мнѣ милость Твою и Духа Святаго, дабы я удалялся отъ грѣховъ, возымѣлъ къ нимъ люту вражду и умеръ для нихъ, да не подвергнусь страшному гнѣву Твоему и избѣгну наказанія, которое Ты посылаешь всѣмъ грѣшникамъ, и вознесу святыя руки мои и призову Тебя дѣломъ и истиною и да хвалю, славлю и величаю Тебя по спасеніи моемъ. Но какъ иначе быть не можетъ, и Ты, по своей Божественной непзмѣнной

мудрости и правдѣ, долженъ наказать грѣхи и пороки мои, молю Тебя, накажи меня въ мѣру, да не погубишь меня до конца, Христа Іисуса ради. Аминь, аминь, аминь».

Затѣмъ они встали и пѣли извѣстные духовные стихи:

Erbarm dich mein, o Herre Gott и проч.
O Herre Gott, begnade mich и проч.
(«Сжалься надо мной, о, Господи Боже» и проч.
«О, Господи Боже, помилуй меня» и проч.)

Пасторъ теперь обратился къ нимъ: «Очистивъ сердца наши, исповѣдавъ наши грѣхи и испросивши прощеніе у Бога, воззовемъ съ твердымъ упованіемъ и принесемъ ему наше прошеніе. Посему преклоните колѣна ваши и молитесь отъ всего сердца и съ благоговѣніемъ.

«О, Господи Боже силъ, Ты, сильный народа Твоего Израиля! Зачѣмъ непостоствуютъ безбожные безъ причины и сильные возстаютъ и совѣщаются между собою на Тебя и на Сына Твоего Христа Помазанника и на насъ, Твоихъ дорогою цѣною пріобрѣтенныхъ христіанъ, дабы истребить и сокрушить насъ вмѣстѣ съ Твоимъ спасающимъ словомъ? О, Господи, сколь многочисленны враги наши, возстающіе и подымающіеся противъ сей горсти Твоей, чтобы погубить и сокрушить ее! они измышляютъ всякій тайный обманъ и козни, какъ лишить насъ жизни. Мыслятъ они злое; зачали несчастіе; да родятъ, Господи, неудачу; они подстерегаютъ насъ, какъ левъ, жаждущій добычи, они широко разѣваютъ пасть, какъ открытую могилу, чтобы поглотить насъ. О, Господи Боже, не предай насъ въ волю ихъ, ибо вотъ безбожная толпа говоритъ въ сердцѣ своемъ, что Ты, Господи Боже, забылъ о насъ, сокрылъ отъ насъ лицо Твое и гнѣваешься на насъ и милость Твою отнялъ отъ насъ. Посему, возстани, Господи, воздвигни руку Твою, не забудь о несчастныхъ, воспряни и не оставь насъ до конца. Зачѣмъ скрываешь лицо Твое и забываешь о несчастіи нашемъ? Возстани, помоги намъ и освободи насъ ради Твоей благости, чтобы враги наши ничего не сдѣлали намъ и сыны Веліара не могли намъ повредить. Спаси насъ отъ руки жителей земли сей, коихъ сердца сильно ожесточены и

свирѣпы и дружба лжива и притворна. О, Господи Боже силъ, побори борющихъ насъ, истреби враговъ Твоихъ, нашихъ гонителей, защити тѣхъ, которые желаютъ намъ добра и думаютъ сохранить намъ наше богослуженіе, помоги имъ славы имени Твоего ради, даруй имъ побѣду и крѣпкое одолѣніе на всѣхъ враговъ нашихъ, со всѣхъ сторонъ идущихъ на насъ безчисленными толпами, какъ пчелиный рой, на малую и слабую горсть: ибо побѣда приходитъ свыше и не дается множествомъ и численностію: Ты можешь такъ же хорошо помочь чрезъ малое число, какъ и большимъ.

«Посему сокрушн силу безбожныхъ и обрати ихъ намѣренія ни ничто, да не совершатъ того, но да постыдятся и посрамятся. Да возвратятся они назадъ, всѣ ненавидящіе Христа, Сына Твоего, и думающіе искоренить насъ вмѣстѣ съ Твоимъ Святымъ Евангеліемъ: да будутъ, какъ мякина передъ вѣтромъ, и пусть Ангелъ Твой Святый отгонитъ ихъ и погубитъ, да не хвалятся послѣ и не говорятъ: «мы сдѣлали это силою нашею, и рука наша сотворила сіе, и идолы наши были сильнѣе, чѣмъ христіанскій Богъ распятый». Посему, о, Господи Боже нашъ, ты истинный, всемогущій, вѣчный небесный Отецъ, сохрани при насъ честь на землѣ въ день сей и на все время грядущее и помоги намъ не по достоинству нашему, а по Твоему великому отеческому милосердію и ради Іисуса Христа, Сына Твоего возлюбленнаго, Господа нашего, съ Тобою и Духомъ Святымъ царствующаго и управляющаго, истиннаго Бога, присно и во вѣки. Тогда мы, твои благочестивыя дѣти, отъ всего сердца восторжествуемъ и о данной Тобою побѣдѣ («викторіи») возгласимъ и воспоемъ и имя Твое Божественное во всѣ дни жизни нашей здѣсь временно и тамъ вѣчно восхвалимъ, прославимъ и возвеличимъ. Аминь. Пошли намъ сіе, Господи Боже благій, и даруй Христа Іисуса ради. Аминь, аминь, аминь».

Паства была сдержаннѣе въ своей исповѣди. Называя своихъ «благочестивыми дѣтьми», «дорогою цѣной пріобрѣтенными христіанами», пасторъ обзываетъ «безбожными» всѣхъ враговъ, безъ различія, и предметы ихъ почитанія «идолами». Кто эти враги и что разумѣетъ подъ «идолами», онъ пока еще не означаетъ; но въ слѣдующей молитвѣ онъ называетъ враговъ уже по народностямъ—это

именно «Турки, Московиты и Татары», безъ зазрѣнія ставитъ ихъ всѣхъ на одну доску и одинаково характеризуетъ ихъ «приверженцами и соучастниками діавола». Молитва часто представляетъ у него наборъ словъ, за которымъ трудно разузнать, на сколько искренно чувство.

«Отче небесный, благій, обращался съ молитвою Беръ отъ лица своей паствы, мы, Твои несчастныя дѣти, нынѣ, въ сей многообразной нуждѣ и горести, предаемъ Твоему отеческому заступленію и защитѣ самихъ себя, тѣла и души, женъ и дѣтей, дома и дворы наши. Удержи и останови діавола, его соучастниковъ и приверженцевъ, Турокъ, Московитовъ и Татаръ, и всѣхъ противниковъ и враговъ нашихъ [1] и мыслящихъ сдѣлать зло намъ, тѣлу и жизни, чести и имени, имѣнію и добру. Да родятъ, Господи, неудачу, ибо они зачали несчастіе. Обрати въ ничто лживый губительный совѣтъ Ахитофелевъ, да покраснѣютъ отъ стыда всѣ дѣлающіе намъ зло. Возстани, Господи, и защити насъ, иначе мы погибнемъ; мы сидимъ въ глубокой тинѣ и погружаемся; водѣ до гортаней доходятъ намъ, и мы тонемъ. Потоки водные въ морѣ велики и страшно шумятъ, но Ты, Господи, еще больше въ высотѣ. Господи, дай же народамъ симъ познать и уразумѣть, что мы народъ Твой, столь славный и хвальный, что подобнаго ему нѣтъ между всѣми язычниками, мы, которые имѣемъ Бога на небѣ отцомъ, Сына Божія помощникомъ и спасителемъ, Духа Святаго утѣшителемъ и заступникомъ; сія Святая Троица защититъ насъ, такъ что безъ воли Ея и вѣдома не пострадаетъ ни одинъ волосокъ, тѣмъ менѣе причинится вредъ тѣлу и жизни, по данным намъ постояннымъ и истиннымъ обѣщаніямъ (Исаіи въ 43), гдѣ Христосъ говоритъ: «Не бойся, Израиль, Я спасъ тебя, ты Мой, Я позвалъ тебя по имени, ибо, если ты пойдешь чрезъ воду, Я буду съ тобою, дабы рѣки не покрыли тебя, и если ты пойдешь чрезъ огонь, не сгоришь и пламень не опалитъ тебя, ибо Я Господь Богъ твой, святый Израилевъ, спасающій тебя». И въ 91 псалмѣ говоритъ Богъ: «Призови меня въ день нужды, и Я спасу тебя, и вос-

[1] S. 133: «Steure und wehre dem Teufel, seinen Consorten und Adhaerenten, den Türcken, Moscowiten und Tartarn und allen, die uns widersetzlich und feind seyn».

хвалишь Меня». И Христосъ говоритъ (Матѳ. 28): «Вотъ Я съ вами во вся дни до скончанія вѣка», и (Іоан. 14): «не оставлю васъ сиротами»; также (Матѳ. 16): «врата адовы и все, что̀ принадлежитъ діаволу, не одолѣютъ васъ». Сего Твоего обѣщанія держимся мы твердо и крѣпко, такъ что ни мало не сомнѣваемся въ избавленіи отъ всѣхъ золъ, ибо слово Твое есть истина, и никогда не было лжи и обмана въ устахъ Твоихъ, и все прейдетъ, слово же Твое, которое Ты сказазъ, пребудетъ во вѣки, и когда Ты говоришь, тотчасъ исполняется, и когда что̀ повелѣваешь, бываетъ.

«А какъ мы теперь средь тысячи заботъ не зримъ спасенья и исхода, ни средства, какъ себѣ помочь, хотя и мыслимъ день и ночь, то утѣшенье намъ одно, что вмѣстѣ всѣ мы заодно зовемъ къ Тебѣ, всещедрый Богъ, избавь отъ нуждъ насъ и тревогъ. Твои слова, Господи, мы воспоминаемъ предъ Тобою, будь намъ стѣною огненной вокругъ насъ всѣхъ и домовъ и дворовъ нашихъ и яви славу Твою въ томъ, чтобы не случилось съ нами ничего худаго и никакая бѣда не приблизилась къ жилищамъ нашимъ, да узнаютъ и почувствуютъ всѣ враги наши, что Ты обратилъ на насъ особенный взоръ Свой, и оставятъ насъ невредимыми, какъ бы сильно ни желали повредить намъ. Тогда мы воспоемъ съ Давидомъ и изъ псалма 68-го скажемъ: «Мы имѣемъ Бога помогающаго и Господа, спасающаго отъ смерти, и всѣмъ врагамъ нашимъ посмѣваемся»; и изъ псалма 46 присоединимъ: «Хотя бы море бушевало и волновалось и горы рушились отъ ярости его и села, но градъ Божій пребудетъ въ веселіи, ибо святыя селенія принадлежатъ Вышнему». Такое благодѣяніе, оказанное намъ, мы высоко прославимъ предъ друзьями нашими, когда впослѣдствіи достигнемъ любезнаго намъ мира и возвратимся къ нимъ, и дѣтямъ дѣтей нашихъ славу и честь Твою возвѣстимъ и силу Твою потомкамъ нашимъ, дабы они въ подобныхъ бѣдствіяхъ по примѣру нашему къ Тебѣ единому и ни къ кому иному взывали о помощи и о спасеніи, да слава имени Твоего дивнаго нами и впредь потомками нашими во всѣ дни ищется и распространяется, Тебя со Отцемъ и Св. Духомъ пребывающаго и царствующаго, истиннаго Бога присно и во вѣки. Аминь».

Когда осужденные вмѣстѣ съ своимъ пасторомъ пѣли церковныя

пѣсни, произносили молитвы и готовились принять уже причащеніе, явился посланный отъ Самозванца съ извѣстіемъ о помилованіи. Оказалось, что Марина, окруженная приближенными дамами, не смотря на запрещеніе, вошла къ своему новому «мужу» и на колѣняхъ молила его пересмотрѣть дѣло. Для Лже-Димитрія собственно не было корысти казнить иноземцевъ безъ разсчета: ему важнѣе было внушить страхъ и видѣть покорность, и онъ, съ удивленіемъ услыхавъ, что они такъ быстро, по его приказу, прибыли изъ Козельска, тотчасъ простилъ ихъ.

Спасенные условились поднести Маринѣ челобитную, въ которой, поблагодаривъ за заступничество, просить ее, чтобы она убѣдила государя дать очную ставку съ неизвѣстными доносчиками. Полученіи отъ Марины челобитной, Самозванецъ разсмѣялся, сказалъ, что онъ болѣе не вѣритъ обвиненію ихъ въ измѣнѣ и обѣщалъ доставить имъ случай оправдаться публично. На другой день, на пути къ обѣднѣ, онъ подозвалъ къ себѣ Нѣмцевъ и началъ высчитывать имъ ихъ вины и указалъ, какъ на обвинителей, тѣхъ бояръ, которые стояли около него, и прибавилъ, что доносили ему еще изъ Козельска, тамошніе воевода, бояре, священники и горожане. Но такъ какъ присутствовавшіе бояре не могли теперь представить никакихъ писемъ, будто бы посланныхъ этими Нѣмцами къ Сигизмунду, и лишь, съ видомъ презрѣнія, отозвались: «Мы Русскіе; они ѣдятъ нашъ хлѣбъ, а не мы ихъ»; то Лже-Димитрій, снова объявивъ прощеніе, велѣлъ боярамъ возвратить иноземцамъ полученныя ими помѣстья, обѣщалъ помилованнымъ прибавить имѣній еще и предложилъ имъ жить въ Калугѣ, гдѣ, на его глазахъ, никто-де не посмѣетъ обижать ихъ.

На обратномъ пути пасторъ убѣждалъ Нѣмцевъ: «Любезные друзья! подумаемъ о средствахъ избавиться отъ несчастія. Мы слышали отъ царя, что живемъ мы среди враговъ, которымъ, быть можетъ, колетъ глаза наше благополучіе, наши дома, дворы и то, что въ нихъ есть. Съ своей стороны я рѣшился покинуть непрочное имѣніе; возьму жену, дѣтей, а потомъ, по мѣрѣ возможности, и пожитки. Кто изъ васъ согласенъ со мною, пусть будетъ готовъ къ утру. Не станемъ болѣе искушать Бога; довольно пострадали мы. Кто любитъ опасность, пусть погибаетъ. Богъ, навѣрное, не оставитъ

безъ наказанія такихъ людей, и покой не придетъ къ нимъ, гдѣ бы они хотѣли». Согласившіеся съ предложеніемъ Бера перебрались въ Калугу, другіе, пожалѣвъ разстаться съ имѣніями, остались въ Козельскѣ. Вскорѣ на него напали Поляки, разграбили, частію перебили, частію увели въ плѣнъ знать и всѣхъ Нѣмцевъ. Беръ объяснилъ это карою Божіей за непослушаніе его совѣтамъ [1] и, разумѣется, слишкомъ увлекался своей прозорливостію. Калуга не надолго могла служить безопаснымъ мѣстомъ; самъ Лже-Димитрій, слишкомъ плохо помнившій свои обѣщанія, въ концѣ (11 дек.) того же 1610 года погибъ отъ руки убійцы.

За эти мѣсяцы была изготовлена Беромъ элегія, «Плачъ» (Lamentatio), заглавіе которой вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію, излагающему жалобы Нѣмцевъ на царскій гнѣвъ и нерасположеніе къ нимъ Русскихъ. Если въ нѣкоторыхъ изъ своихъ молитвъ Беръ употреблялъ форму мѣрную, очень близкую къ стихотворной, то его «Плачъ» имѣетъ видъ стихотворенія, въ 12 строфъ, первыя буквы которыхъ составляютъ имя и фамилію автора, т. е. Martinus Beer. Вотъ это необыкновенно своеобразное стихотвореніе [2]:

«Молю, о, Боже, своей покровъ
Простри во дни печали,
Чтобы отъ яростныхъ враговъ
Совсѣмъ мы не пропали.
Одно желанье ихъ сердецъ,—
Чтобъ насъ искоренить въ конецъ
Въ предѣлахъ ихъ владѣній.
А можно-ль съ ними жить въ ладахъ?
Здѣсь безтолочь повсюду,
Мы очутились въ дуракахъ,
Посмѣшище мы люду.
Хоть исполняемъ мы свой долгъ,

[1] C. Bussowii Chronicon и Appendix, изд. въ Rerum Rossicarum Scriptores exteri, I.

[2] Изданo тамъ же, I, 135—136; помѣщаемъ въ переводѣ, обязательно сдѣланномъ для насъ проф. Московск. Универ. Ѳ. Е. Коршемъ, которому и приносимъ свою глубокую признательность. Переводчикъ удержалъ не только стихотворную форму, но и первыя буквы строфъ.

Они того не примутъ въ толкъ,
Какъ имъ ни угождаемъ.
Ряды враговъ со всѣхъ сторонъ
Насъ держатъ на сторожѣ.
На насъ и царь самъ раздраженъ,
И съ нимъ его вельможи.
Простой народъ не терпитъ насъ;
Кто споритъ съ нимъ, того какъ разъ
Погибель постигаетъ.
Тутъ вѣрности не чтитъ никто,
Всѣ къ правдѣ равнодушны,
Не ставятъ честность ни во что,
Закону не послушны.
Добро отсюда отошло:
Неправда здѣсь живетъ и зло.
Чѣмъ кончится все это?
И скарбъ свой весь мы и животъ
Царю три раза ровно—
То знаетъ множество сиротъ—
Несли безпрекословно,
И не одинъ изъ насъ герой
Царевыхъ недруговъ рукой
Сраженъ на бранномъ полѣ.
Но вотъ забыто, сколько золъ
Вкусили мы, спасая
Его величества престолъ.
А мзда за трудъ плохая,
Иль даже вовсе платы нѣтъ,
Помимо злобы и клеветъ;
Берутъ и то, что наше.
У нихъ на мысли грѣхъ и срамъ;
Здѣсь Божье слово праздно:
Надъ нимъ глумятся всѣ, а намъ
Не удержать соблазна.
Отъ нихъ намъ смерть грозитъ вездѣ.
Да, точно: въ худшей мы бѣдѣ.
Чѣмъ слыхано на свѣтѣ.
Себѣ не чаяли такой
Мы отъ царя печали,
Когда съ усердною мольбой

Ко Господу взывали,
Чтобъ Онъ послалъ его скорѣй
Средь этихъ бѣдствій и скорбей
Въ защиту угнетеннымъ.
Бѣды себѣ еще грознѣй
Добились мы отъ Бога:
Желали сами мы бичей,
И ихъ вкусили много;
При томъ узнали, что одна
У насъ молитва быть должна:
«Да будетъ Божья воля!»
Единый Стражъ своихъ рабовъ,
Спаси насъ отъ напасти,
Прими, Господь, подъ Свой покровъ,
Избавь отъ вражьей власти!
Веди, какъ истинный Навинъ,
И насъ поставь среди равнинъ
Родной земли нѣмецкой.
Еще здѣсь жить для новыхъ каръ
Твое не въ сплахъ стадо:
Страшатъ Молохъ насъ и Кидаръ [1],
Признаться въ томъ ужь надо.
Веди иль, нашей внявъ мольбѣ,
Возьми несчастныхъ насъ къ себѣ
Въ небесные чертоги.
Радъ будетъ славить всякъ изъ насъ
Тебя, пока мы живы;
Уста всѣхъ тѣхъ, кого Ты спасъ,
Не будутъ молчаливы,—
На время здѣсь и вѣчно тамъ,
Гдѣ сонмы Ангеловъ, Ты намъ
Свою да явишь милость».

Стихотвореніе пріобрѣло значеніе церковной пѣсни: оно пѣлось общиною Бера по окончаніи богослужебныхъ собраній.

Но если въ богослуженіи замѣтны элементы отрицательнаго отношенія къ русской дѣйствительности, то оно не могло миновать и положительнаго вліянія окружающаго, въ нѣкоторой мѣрѣ, подчине-

[1] Молохъ и Кидаръ—языческіе народы, упоминаемые въ Псалмѣ 120, ст. 5.

нія ему. Лютеране обыкновенно не упускали случая заявлять нашему правительству, что они въ своихъ церквахъ молятся за здоровье и благополучное царствованіе нашихъ государей, и донесли на пастора Грегори, когда онъ въ молитвѣ за богослуженіемъ произнесъ имя Алексѣя Михайловича послѣ имени государей германскихъ [1]. При бракосочетаніи Магнуса, короля Ливоніи, съ племянницей Грознаго Маріей Владиміровной и на похоронахъ принца Ивана Датскаго, жениха Ксеніи Годуновой, по политическимъ видамъ самого правительства было устроено весьма близкое соприкосновеніе протестантскаго богослуженія съ православно-русскимъ. Отраженіе условій времени сказалось здѣсь, разумѣется, не стотько въ составѣ богослуженія, сколько въ сопутствовавшихъ ему обстоятельствахъ.

«Свадебный чинъ» или «разрядъ», которымъ руководствовались при бракосочетаніи Магнуса, состоявшемся въ Новгородѣ (12 апр. 1573 г.) [2], былъ изготовленъ московскими боярами. Особаго чина для свадебъ княженъ съ иновѣрными принцами Москва еще не имѣла случая выработать; къ тому жь, теперь устраивалась свадьба съ лицомъ протестантскаго вѣроисповѣданія, то-есть съ такимъ «еретикомъ», за котораго до сихъ поръ еще совсѣмъ не приходилось выдавать нашихъ княженъ. Гдѣ дѣло касалось религіи, составители «разряда» ввели нѣкоторыя новости, во всемъ же остальномъ послѣдовали прежнимъ образцамъ, хотя и здѣсь не миновали отступленій.

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла иностранныхъ исповѣданій 1670 г., № 1: «Дѣло Баумана» и приложен. къ нему. Акты Истор. III, № 225; Памятники, I, 15—16.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Историческія и церемоніальныя дѣла, 1573 г., № 1: «Описаніе церемоніи, происходившей въ Москвѣ (?) при бракосочетаніи Арцымагнуса, датскаго королевича (названнаго лифлянскимъ королемъ) съ княжною Марьею Володимеровною, двоюродною государя царя Ивана Васильевича племянницею». Подлинникъ искаженъ поправками, сдѣланными потомъ нѣкоторыми изъ московскихъ бояръ съ цѣлію обосновать на немъ свои несправедливые родословные счеты, чѣмъ до нѣкоторой степени могутъ быть объяснены неправильности въ изданіяхъ его въ Др. Рос. Вивліоѳикѣ, XIII, 97—103, и у Сахарова, Сказанія Русск. народа. СПБ. 1849, II, 65—66. D. P. à Bucchau, Moscoviae ortus et progressus. Gubenae, 1579, 222—224. См. также ниже, VI гл.

Выбрали тысяцкаго, дружекъ, свахъ и т. п.; невѣстѣ назначили посаженаго отца и посаженую мать, но не видно, чтобы назначили ихъ для жениха, не замѣтно также «держальщиковъ шприпокъ», «мыльниковъ» и нѣкоторыхъ другихъ; за то видимъ новую должность «сидящихъ бояръ и боярынь». Бо́льшая часть должностей и самыя почетныя были замѣщены Русскими.

Согласно «разряду», въ назначенный день всѣ свадебники собрались «на царскомъ дворѣ». Невѣсту, богато разодѣтую, окруженную ея многочисленными «чинами», торжественно ввели въ ту комнату, гдѣ стояло приготовленное для нея и жениха «чертожное мѣсто». На послѣднемъ лежали одинъ подлѣ другаго два сорока соболей, третій сорокъ, «опахивальный», держалъ стоявшій подлѣ дьякъ. Тотчасъ одинъ сорокъ принялъ дьякъ Пушкинъ, и на освобожденное мѣсто свахи посадили невѣсту. Рядомъ съ нею сѣлъ вошедшій женихъ. Другой сорокъ принятъ Яровымъ. Всѣ присутствующіе размѣстились, гдѣ кому слѣдовало. Началось обрученіе. Обручалъ и мѣнялъ кольца у невѣсты новгородскій священникъ Дмитріевской церкви, у жениха — его придворный пасторъ. По окончаніи обряда княгиня Милославская, чтобъ окончательно приготовить невѣсту къ вѣнчанію, разчесала ей голову, «смачивая гребень въ чарѣ съ виномъ», надѣла на нее кику; взявъ у дьяка «осыпало», вѣроятно съ хмѣлемъ, символомъ любви, осыпала имъ вмѣстѣ жениха и невѣсту и въ заключеніе опахнула ихъ третьимъ сорокомъ соболей. Когда все было готово, открылся свадебный поѣздъ.

Поѣздъ направился въ Пробойную улицу, что̀ на Славновѣ, къ Дмитріевской церкви. Женихъ ѣхалъ на конѣ; невѣсту везли въ саняхъ, вмѣстѣ съ нею сидѣли свахи, около нея толпились «оберегатели пути» — четыре князя и до 30 боярскихъ дѣтей, обязанностью коихъ было наблюдать, чтобы никто не перешелъ пути между невѣстой и женихомъ. Много придавали пышности почетные «поѣзжане», 26 князей и бояръ и 15 королевскихъ дворянъ, приставшіе къ поѣзду у крыльца, гдѣ должны были дожидаться выхода и встрѣтить виновниковъ торжества. Кромѣ большихъ чиновъ, видѣлось множество малыхъ. Изъ послѣднихъ кто несъ фонари, кто свѣчи, коровай, стклянницу, подножія, столовья, осыпало и т. д. Одинъ изъ фонарей

отличался такою величиной, что его несли два человѣка. Свѣчи были трехъ сортовъ: одна большая, ее несли двое, другія поменьше, горѣли въ фонаряхъ; третьи, «обручальныя», небольшія. Короваи тоже раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ; большой коровай несли четыре человѣка.

Предъ церковнымъ входомъ брачной четѣ постлали большой красный коверъ,—честь, пріятно поразившая иноземцевъ, по незнанію русскихъ обычаевъ, принявшихъ это за знакъ особеннаго уваженія къ Магнусу; другой коверъ и два сорока соболей были разостланы на паперти и въ церкви. По нимъ православная невѣста торжественно вошла въ самую церковь, а женихъ на паперть,—далѣе идти ему не дозволили: вѣнчальный обрядъ надъ нимъ, какъ протестантомъ, долженъ былъ совершиться здѣсь. На лѣвой сторонѣ отъ княжны виднѣлись чины съ короваемъ, свѣчами и фонаремъ, съ тѣми же принадлежностями стояли и близъ жениха. Какъ расположились остальные присутствующіе и были ли впущены въ церковь протестанты — неизвѣстно. Вообще, послѣднимъ, изъ предосторожности, чтобъ отъ нихъ, какъ «нечистыхъ», «нехристей», не осквернился православный храмъ, входъ въ наши церкви строго воспрещался, и ниоткуда не видно, чтобъ и на этотъ разъ сдѣлано было исключеніе, хотя бы то для нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Самый вѣнчальный обрядъ по нѣкоторымъ частностямъ былъ единственный въ нашей исторіи. О предшествовавшемъ ему бракосочетаніи Елены, дочери Ивана III, съ Александромъ Польскимъ нашъ лѣтописецъ отмѣтилъ: «Въ лѣто 7003... февраля въ 15... вѣнчаша ихъ въ Станиславѣ въ римскаго закона церкви бискупъ (епископъ) Виленскій по-латыньски, а великого князя попъ Ѳома по греческому закону единъ» [1]. Какъ бы въ подражаніе этой формѣ бракосочетанія, но еще съ большею долей рѣзкости, теперь устроили такъ, что въ то

[1] Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, 165; VIII, 229. Ср. М. Гл. Архивъ М. И. Д., Историческія и церемоніальныя дѣла, св. I, г. 1495: «Отпускъ изъ Москвы въ Литву вел. княжны Елены Ивановны, выданной въ замужество за в. кн. Литовскаго Александра». Отечествен. Зап. 1826, ч. 27, стр. 228—243, Русскій Зритель, 1828, ч. 2, №№ V—VI; Сборникъ Муханова, №№ 42—45.

время какъ мѣстный священникъ вѣнчалъ въ церкви княжну по православному чиноположенію, на паперти, гдѣ продолжалъ стоять принцъ, его придворный пасторъ совершалъ надъ нимъ лютеранскій обрядъ [1]. Въ такомъ именно видѣ совершился первый бракъ протестантскаго принца съ нашею русской православной княжной, бракъ, послужившій основаніемъ для подобныхъ послѣдующихъ. Петръ I и Ѳеофанъ Прокоповичъ ссылались [2] на него, какъ на законное историческое основаніе. Своею оригинальною формой далеко превосходя своихъ предшественниковъ, онъ рѣзко отличается и отъ послѣдующихъ. Второй подобный бракъ, состоявшійся во времена Петра Великаго, былъ совершенъ однимъ православнымъ духовнымъ лицомъ и притомъ въ православной церкви.

По окончаніи вѣнчанія, когда новобрачные выходили изъ храма на улицу, ихъ, по русскому обычаю, осыпали.

Не менѣе неожиданнаго было допущено во время болѣзни и при похоронахъ Ивана Датскаго. Мечтавшій вскорѣ видѣть герцога своимъ зятемъ, Борисъ Годуновъ, естественно, былъ крайне тронутъ извѣстіемъ, что захворавшій гость все ослабѣваетъ, и захотѣлъ посѣтить (27 окт. 1602 г.) его самъ вмѣстѣ съ патріархомъ и знатнѣйшими боярами. Іоаннъ жилъ рядомъ съ Кремлемъ, въ Китай-городѣ; сюда и отправились они. Впереди Бориса несли позолоченый крестъ, обвитый бѣлымъ покрываломъ, и шелъ патріархъ, съ золотымъ крестомъ, святою водой и кадиломъ, и осѣнялъ, кропилъ и кадилъ отъ крыльца до самой комнаты герцога. На больнаго, въ которомъ было уже мало признаковъ жизни, Борисъ смотрѣлъ точно

---

[1] Въ русскомъ церемоніалѣ лютеранскій пасторъ, быть можетъ, не безъ намѣренія, названъ «римскимъ попомъ». «Обручать и перемѣнять перстни на мѣстѣ у короля попу римскому, а княжну обручать по греческому закону попу русскому; а пріѣхавъ къ вѣнчанью къ Дмитрею Святому, княжнѣ итти въ церковь, а съ короваемъ и съ свѣчами и съ фонаремъ стояти на лѣвой сторонѣ княжны, а королю стоять въ паперти и съ коровай и съ свѣчью; и вѣнчать короля по ево закону, а княжну вѣнчать по крестьянскому закону». «Описаніе церемоніи ...при бракосочетаніи Арцымагнуса».

[2] Полн. Собр. Зак. VI, № 3814; Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Испов., I, № 151.

убитый и поручилъ его помощи Бога. При возвращеніи, на лѣстницѣ, онъ крѣпко бранилъ переводчика, зачѣмъ тотъ ранѣе не говорилъ ему правды.

Многимъ очень не понравилось это первое посѣщеніе московскимъ царемъ иновѣрца. По ихъ мнѣнію, царь тѣмъ унизилъ свое достоинство.

Видимо приближаясь къ смерти, больной между тѣмъ простился (28 окт.) со своей свитой. Къ вечеру Борисъ опять посѣтилъ его, горько заплакалъ, обѣщалъ въ случаѣ выздоровленія больнаго отпустить всѣхъ плѣнныхъ, и то молился святымъ, то совѣтовалъ свитѣ поискать знахарокъ. На вопросъ, какъ почитаютъ въ Даніи Николая Чудотворца, свита отвѣтила Борису, что тамъ не оказываютъ ему особенной чести предъ другими Святыми. Борисъ покачалъ головой, прославлялъ чудеса Св. Николая и промолвилъ: «видно, за грѣхи наши не можемъ удержать герцога». Было уже темно. Бориса провожали со свѣчами. Съ улицы онъ послалъ сказать членамъ свиты принца, чтобъ они молились о своемъ господинѣ по своей вѣрѣ и что если Богъ сохранитъ его, они получатъ большіе подарки. То же было наказано всѣмъ остальнымъ московскимъ Нѣмцамъ и Нѣмкамъ. Часовъ около 6 вечера принца не стало.

При дворѣ былъ объявленъ глубокій трехдневный трауръ. Герцогскаго гофмейстера предупредили, что все нужное для похоронъ будетъ ему доставлено отъ царя.

Прежде всего озаботились относительно общихъ поминокъ какъ для Русскихъ, такъ и для иноземцевъ. Чрезъ день (30 октября) послѣ смерти герцога, на его дворѣ было накормлено нѣсколько тысячъ нищихъ, а иноземцамъ, жившимъ въ Слободѣ, посланы хлѣбъ и деньги. Тѣло покойника было набальзамировано, однако безъ взрѣзыванія внутренностей, одѣто, осыпано цвѣтами и положено въ деревянный гробъ, вложенный въ мѣдный, а этотъ въ дубовый, обитый бархатомъ и позолоченымъ серебромъ. По угламъ наружнаго гроба красовались позолоченыя головки ангеловъ, впереди, на срединѣ, стоялъ позолоченый крестъ, къ подножію прибита доска съ надписью о покойномъ; въ ней, между прочимъ, говорилось, что герцогъ «тихо почилъ во Христѣ въ Московіи, при великомъ плачѣ и

сѣтованіи царя и его подданныхъ». Почетная стража изъ бояръ и свиты окружала гробъ днемъ и ночью.

Въ Лютеранской киркѣ, находившейся въ Нѣмецкой Слободѣ, противъ алтаря вывели крѣпкій каменный сводъ, чтобы положить тамъ покойника. Имѣть при ней колокола прежде запрещалось, теперь было обѣщано прислать ихъ. Когда Гильденстернъ напомнилъ (22—23 ноября) Семену Годунову, почему такъ медлятъ присылкой, Годуновъ отвѣтилъ, что это давно уже было бы сдѣлано, если бы не воспрещали патріархъ и епископы, но что теперь царь велѣлъ послать ихъ, какъ бы ни смотрѣли на это духовные, однако съ условіемъ, чтобы послѣ похоронъ колокола были взяты назадъ и чтобы во время погребальной процессіи на православныхъ церквахъ не перезванивали.

На похороны (25 ноября), отдать послѣднюю честь покойнику, пріѣхалъ царь въ сопровожденіи знатнѣйшихъ бояръ. Благоговѣйно подошелъ онъ ко гробу, велѣлъ отнять покрывало, грустно и со слезами на глазахъ смотрѣлъ на трупъ и, произнося молитву и крестясь, три раза поклонился предъ крестомъ. Покойника понесли внизъ на колесницу. Процессію открывалъ почетный караулъ, за ними шли тридцать учениковъ нѣмецкой школы со своимъ учителемъ, пасторы, кистеры и пѣли обычныя похоронныя пѣсни. Предъ самою колесницей несли знамена, украшенныя датскимъ, мекленбургскимъ, голштинскимъ и шлезвигскимъ гербами. Колесница была покрыта чернымъ бархатнымъ покровомъ съ бѣлымъ атласнымъ крестомъ. Вокругъ нея шли благородные мальчики, числомъ до двадцати четырехъ, и тѣлохранители; мальчики несли по большой восковой зажженной свѣчѣ. Когда все это прослѣдовало, царь сѣлъ въ сани и провожалъ до улицы, ведущей въ Кремль, откуда, простившись съ покойникомъ, печальный отправился домой. Послы, свита, бояре, 1.000 стрѣльцовъ и многочисленныя толпы народа изъ Русскихъ и иноземцевъ провожали гробъ до мѣста погребенія; знать, по волѣ Бориса, должна была, къ своему крайнему неудовольствію, войти въ самую кирку. При отпѣваніи, послѣ псалма, придворный проповѣдникъ Магнуса, Иванъ Лундъ, сказалъ надгробное слово, канцлеръ Веберъ—рѣчь, въ которой, упомонувъ объ обстоятельствахъ жизни герцога и милостивомъ пріемѣ,

благодарилъ присутствовавшихъ тутъ Москвичей за ихъ участіе въ отданіи послѣднихъ почестей усопшему. Гробъ былъ уставленъ, и обрядъ закончился пѣніемъ обычныхъ псалмовъ. Знамена и гербы остались въ церкви. Пасторы и пѣвшіе ученики получили богатые подарки вещами и деньгами; киркѣ даны богатые вклады. Нѣкоторые изъ вкладовъ даны были съ согласія правительства. Когда члены посольства спросили (20 декабря) вѣдавшаго ими Аѳанасія Власьева, дозволитъ ли онъ старшинамъ нѣмецкой общины принять отъ нихъ 400 рейхсталеровъ, онъ отвѣтилъ, что этого имъ не запрещаетъ [1].

Отдать честь покойнику, присутствуя за лютеранскимъ богослуженіемъ, нашимъ пришлось снова, чрезъ нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ, при отпускѣ его останковъ въ Данію [2]. Христіанъ IV писалъ (грам. отъ 30 авг. 1636 г.) къ Михаилу Ѳедоровичу: «Нашъ любительный

---

[1] Wahrhafftige Relation der Reussischen und Muskowitischen Reise... Hertzog Johannsen dess jüngern. Magdeburg, 1604, изд. у Büsching'a, Magazin, VII; Gyldenstiernes Dagbog, Historisk Calender udgiven af L. Engelstoft og J. Möller. Kjöbenhavn, 1814. Замѣтимъ кстати, что въ показаніяхъ о количествѣ пасторовъ, отпѣвавшихъ герцога, авторы названныхъ сочиненій, оба свидѣтели похоронъ, расходятся: неизвѣстный по имени авторъ Relation (276, рус. перев. 22) упоминаетъ объ одномъ пасторѣ, Gyldenstiern (173) насчитываетъ четырехъ кистеровъ и трехъ пасторовъ: двоихъ мѣстныхъ и одного датскаго. Что касается вклада въ церковь, то, очевидно, преувеличивая его размѣры, Исаакъ Масса (Сказанія, 93) опредѣляетъ его въ 2.000 рейхсталеровъ, не считая разныхъ подарковъ. Hildenstiern (180), свидѣтель въ этомъ отношеніи болѣе достовѣрный, замѣчаетъ о похоронныхъ расходахъ: отъ датскихъ пословъ получили — ученики по черному сукну, большіе въ 4, меньшіе въ 3 локтя, оба слободскіе пастора вмѣстѣ черное сукно, употребленное при похоронахъ, и каждый по 12 талеровъ, кистеръ, который былъ и школьнымъ учителемъ, 10 талеровъ, и т. д.; церковь получила 400 рейхсталеровъ, сверхъ большихъ похоронныхъ свѣчей, стоявшихъ на алтарѣ, и 12-ти, несенныхъ предъ гробомъ.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Датскія, св. 9, 1637 г., № 1: «Пріѣздъ въ Москву дацкаго гонца Николая Голмера съ просительною королевскою грамотой объ отпускѣ въ Данію тѣла умершаго въ Москвѣ въ 1602 году дацкого королевича Ягана»; 1639 г. № 3: «Вторичный пріѣздъ Николая Голмера съ королевскою грамотой о благодареніи за отпускъ въ Данію королевичева тѣла». Подробности въ наш. изслѣдов.: «Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ Московскаго періода». М. 1884, 46—48.

братъ за нѣсколько лѣтъ преставился въ Москвѣ и тутъ погребенъ, а его блаженное тѣло оставлено тамъ за разными помѣшливыми временами; нынѣ же мы помыслили его взять, и для того наше сосѣдственное и любительное прошеніе, чтобы тѣло безо всякаго задержанія отпустить и свезть въ Ругодивъ, а изъ Ругодива мы велимъ привезть его сюда великимъ кораблемъ». Королевичевы кости, «масть, что̀ у него положена была подъ головами», и обломки мѣднаго гроба нашлись на своемъ мѣстѣ, хотя уже ни кирки, ни цѣнностей не было: все погибло въ Смутную эпоху, и остатки гроба были засыпаны землей. На средства Посольскаго и Казеннаго приказовъ былъ изготовленъ новый массивный гробъ, какъ бы для цѣльнаго тѣла: длиною въ три аршина съ четвертью, аршинъ въ ширину, въ глубину аршинъ съ четвертью, съ круглою покрышкой, снаружи обитъ чернымъ бархатомъ. Въ него положили королевичевы останки и доставили ихъ на Посольскій дворъ. Проводы были (8 марта 1637 г.) торжественные. До Тверскихъ воротъ гробъ несли на плечахъ, и, какъ въ похоронной процессіи, пѣлись похоронныя пѣсни [1]. Сопровождали бояре И. П. Шереметевъ, князь Д. М. Пожарскій, нѣсколько московскихъ дворянъ, стрѣльцы, англійскій агентъ Семенъ Дигби со всею Англійскою компаніей, шведскій агентъ Крузбіорнъ, Голландцы, московскіе служилые и торговые Нѣмцы, и другіе; всѣ шли въ траурномъ платьѣ. За Тверскими воротами гробъ поставили въ сани. Съ нимъ поѣхали дворянинъ Карамышевъ, нѣмецкій переводчикъ Вилимъ Вилимовъ и датскій гонецъ Голмеръ. Отъ Новгорода Голмеру велѣно было ѣхать впередъ, чтобы поскорѣе доставить королю царскую грамоту, извѣщавшую объ отпускѣ королевичевыхъ останковъ, и поторопить тамъ высылкой изъ Даніи въ Ругодивъ корабля. Новгородцы проводили гробъ за Земляной валъ. 22 мая датскій корабль принялъ его и отплылъ съ нимъ изъ Ругодива. Извѣ-

---

[1] «Несли гробъ съ Посольскаго двора Нѣмцы, к̃і человѣкъ, на носилкахъ, на плечахъ, а было ихъ д̃ перемѣны, въ мирномъ, въ жалобномъ платьѣ; а по сторонамъ несли свѣчи, а надгробное пѣли Нѣмцы по своему закону калвинскія вѣрѣ» («Вторичный пріѣздъ Ник. Голмера»).—«Калвинскою вѣрой», очевидно, здѣсь названо лютеранское вѣроисповѣданіе.

щая Михаила Ѳедоровича о прибытіи въ Данію королевичевыхъ останковъ, Христіанъ IV благодарилъ (1639 года) его за почетный ихъ отпускъ.

Оффиціальное присутствіе бояръ за протестантскимъ богослуженіемъ каждый разъ смягчало его тонъ. Вмѣсто восхваленій своего вѣроисповѣданія и враждебныхъ выходокъ противъ православно-русскаго протестанты должны были прямо или косвенно выражать свою благодарность присутствовавшимъ и не допускать ничего, что̀ могло бы оскорблять религіозно-національныя чувства нашихъ предковъ. Когда виднѣлась прямая выгода, составители молитвословій прибѣгали даже къ угодливости, чтобы не сказать болѣе. Для Нѣмца Фидлера, за условленную плату обязавшагося Вас. Шуйскому отравить Болотникова, Беръ написалъ присягу, слишкомъ низменную и по цѣли и по содержанію: Фидлеръ долженъ былъ обѣщаться сдѣлать тайное убійство, клянясь Богомъ, ангелами и спасеніемъ своей души.

«Святою и во всѣ времена славимою Троицею, Богомъ, вѣчнымъ Отцомъ, Богомъ Сыномъ и Богомъ Духомъ Святымъ, я, Фридрихъ Фидлеръ», значилось въ присягѣ, «клянусь извести ядомъ недруга царя Василія Ивановича и всей Россіи, Ивана Болотникова; если же не сдѣлаю этого и ради денегъ обману моего милостивѣйшаго государя Шуйскаго, пусть лишусь навсегда своего участія въ небесномъ царствѣ, и Богъ, вѣчный Отецъ, никогда во вѣкъ не окажетъ мнѣ благости и милосердія, пусть будутъ для меня напрасными драгоцѣнныя заслуги нашего Искупителя, Іисуса Христа, Сына Божія, и Духъ Святый отступится отъ меня съ Своею силою и дѣйствіемъ и никогда не соприсутствуетъ мнѣ съ какимъ-либо утѣшеніемъ; пусть не исправляютъ надо мною своего долга служебные Святые Духи, приставленные ко мнѣ и всѣмъ христіанамъ; элементы, созданные на пользу мою и всякаго человѣка, обратятся во вредъ мнѣ; земля поглотитъ меня живаго въ свою пропасть, всѣ земныя растенія и яства послужатъ мнѣ не пищею, а ядомъ; пусть буду я принадлежать дьяволу душею и тѣломъ, мучиться и казниться во вѣкъ. И еслибъ я задумалъ или захотѣлъ изъ-за денегъ обмануть моего государя и не сдѣлать того, въ чемъ клялся, и пошелъ бы къ духовному отцу

за отпущеніемъ такого грѣха, пусть разрѣшеніе всякаго служителя Божія на всемъ свѣтѣ не имѣетъ силы сложить съ меня этотъ грѣхъ, когда не выполню то, что̀ возложено на меня. Но я исполню безъ всякой хитрости, обмана и плутовства и изведу этимъ ядомъ Ивана Болотникова такъ же вѣрно, какъ непреложна для меня помощь Божія и Его спасительнаго Евангелія» [1].

Пасторъ Беръ, въ своихъ молитвахъ съ общиной не задумывавшійся обзывать Москвитянъ слугами діавола, раболѣпствовавшій предъ Самозванцемъ II и кощунствовавшій надъ иконопочитаніемъ, не зналъ мѣры и въ выраженіяхъ усердія сидѣвшему въ Москвѣ Василію Шуйскому. Клятвы, написанныя при непосредственномъ участіи русскихъ властей и произносимыя иноземцами при вступленіи на русскую службу или предъ выполненіемъ отдѣльнаго порученія [2], не унижали нравственнаго достоинства присягавшаго: въ нихъ указывалось на его вѣрность слову и долгу и призывалась помощь Бога къ добросовѣстному выполненію принимаемыхъ имъ обязанностей. Приводили протестантовъ всегда «по ихъ вѣрѣ», обыкновенно предъ Евангеліемъ, ихъ пасторы, на обязанности которыхъ лежало приведеніе къ присягѣ и католиковъ [3].

---

[1] Petrejus, 1620, 390—392; рус. пер. 254—255.—Фидлеръ, впрочемъ, не осуществилъ своей клятвы. Въ надеждѣ получить отъ Болотникова болѣе, чѣмъ взялъ съ Шуйскаго, онъ, придя въ Калугу, гдѣ заперся тотъ, при всѣхъ объявилъ ему, зачѣмъ Шуйскій прислалъ его, отдалъ ему ядъ и, осыпанный подарками, остался здѣсь. Московскія войска вскорѣ захватили его въ плѣнъ, и Шуйскій сослалъ его въ Сибирь.—Тожественно ли это лицо съ Фидлеромъ, лейбъ-медикомъ, приглашеннымъ въ Россію при Борисѣ Годуновѣ, и покровителемъ Московской лютеранской кирки, какъ думаетъ профессоръ Брикнеръ (A. Brückner, Die Aerzte in Russland, въ Russische Revue, 1887, III, 269—270),—мы сомнѣваемся: Петрей (S. 390) не означаетъ его профессіи, ничего не говоритъ о тожествѣ его съ лейбъ-медикомъ Бориса и называетъ его Фридрихомъ, между тѣмъ Фидлеръ—лейбъ-медикъ носилъ имя Каспара (Bussow, 10; Собр. гос. грам. и дог. II. № 75; Рус. Истор. Библ., VIII, 91—99; Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи, I, 360—365), какъ называетъ его въ другомъ мѣстѣ и самъ Петрей (252—253, перев. 165).

[2] Временникъ, IV, отд. III, стр. 54—58; С. г. гр. и дог. III, № 88. Памятн. диплом. сношен. древн. Россіи съ держав. иностранными. II, 1360—1361.

[3] Полн. Собр. Закон. I, Уложеніе, XIV, 3; Матер. для истор. медиц. въ Росс.

Просвѣщеніе, школы [1] были второю, послѣ богослуженія, заботою общинъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ изъ нихъ. Школы заводились при церквахъ, какъ церковно-приходскія, подъ наблюденіемъ пасторовъ, которые занимались въ нихъ обученіемъ; чтобы занятія по обученію не препятствовали пасторамъ отправлять ихъ церковныя обязанности, въ преподаватели нанимались и особыя лица, которыя, въ свою очередь, иногда носили низшія церковныя должности. Такая школа была при Московской лютеранской киркѣ, построенной во времена Бориса Годунова; это первая у насъ иновѣрная школа, о которой сохранилось извѣстіе. Преподаваніемъ въ ней занимались приглашенные общиной изъ-за границы пасторъ Гуллеманъ и студентъ Мартинъ Беръ. Изъ своихъ учениковъ они скоро приготовили небольшой хоръ, въ 6—8 голосовъ, для пѣнія въ церкви [2]: общее число учащихся однако было значительно больше. Въ погребальной процессіи (25 ноября 1602 г.) принца Ивана Датскаго ихъ участвовало до 30 человѣкъ. Ихъ учитель, шедшій съ ними въ процессіи, вѣроятно, тотъ же Мартинъ Беръ, былъ вмѣстѣ и кистеромъ.

Существованіе училища не могло быть продолжительнымъ: въ Смутное время, когда Нѣмецкая Слобода погибла въ пламени и жители ея, вмѣстѣ съ пасторатомъ, разсѣялись, конечно, погибла и школа. Выстроить новое зданіе и набрать учениковъ иноземцы могли не ранѣе, какъ начали возвращаться въ Москву и снова завели пасторатъ. Несомнѣнно, обученіе уже было въ маѣ 1621 года: «школьный учитель Яковъ Нигенборгъ» совершилъ тогда бракосочетаніе пастора Георга Оксе. Оксе заботился о переустройствѣ своей кирки, и въ реестрѣ жертвователей на нее подъ 1622 годомъ значится: «Иванъ Риттеръ, прежде школьный учитель этой (Московской) общины и теперь пасторъ въ Нижнемъ-Новгородѣ» [3]. Когда Риттеръ училъ здѣсь, послѣ ли того,

I, 55; Gordon, I, 299. Ср. Др. Рос. Вивл. 2 изд. XVI, стат. 1; П. С. Зак. I, №№ 69, 114; Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1846, I, отд. IV, стр. 53—57.

[1] Наша статья: «Первыя нѣмецкія школы въ Москвѣ и основаніе придворнаго нѣмецко-русскаго театра», Варш. Университ. Изв. 1889, № VIII, и отдѣл.

[2] C. Bussowii Chronica, 11.

[3] «Памятники», I, 179; Fechner, I, 197.

какъ Беръ былъ поставленъ (1605 г.) въ пасторы, или же послѣ Смутной эпохи, предъ опредѣленіемъ Нигенборга,—мы не знаемъ. Затѣмъ должность учителя занимали Мартинъ Мюнстенбергъ [1], Валтасаръ Фадемрехтъ и маг. Иванъ Готфридъ Грегори, для которыхъ она послужила также ступенью къ пасторству. Фадемрехтъ величалъ себя одновременно «діакономъ Нѣмецкой общины» и «директоромъ ея школы» [2]. Грегори въ 1668 году сообщалъ о себѣ, что онъ, лѣтъ за девять до того переселившись въ Россію, «учинился у кирки пастора Балсыря Петрова (т. е. Валтасара Фадемрехта) школьнымъ мастеромъ» и пробылъ имъ года съ два, впредь до приглашенія его генер. Бауманомъ въ пасторы къ нововыстроенной Офицерской церкви [3]. Его мѣсто занялъ Андрей Уде, изъ Любека, и жилъ въ домѣ Фадемрехта [4].

[1] Упоминается въ 1629 году въ качествѣ воспріемника при крещеніи. «Памятники», I, 185, г. 1629, ср. тамъ же, г. 1633.

[2] Das Inland, 1851, № 44; A. Schiefner, Über das Stambuch von Adam Olearius, стр. 770, подпись подъ 24 февраля 1639 года.

[3] «Памятники», I, 14—15; ср. L. Rinhuber'a, 43—44.

[4] Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, разрядная связка № 1, дѣло 125: «Переписныя книги дворамъ въ Ново-Нѣмецкой Слободѣ» 1665 года. Rinhuber, 2.— О судьбѣ данныхъ школъ у насъ писалъ одинъ г. Соколовъ, неточность разсказа котораго теперь видѣть удобнѣе. «На Москвѣ, говоритъ онъ, протестантская школа появилась въ первый разъ одновременно съ открытіемъ лютеранской общины въ 1565 г. Вѣроятно, то было первоначальное приходское училище» (Цит. 8 т. Ист. Рос. Соловьева, гдѣ однако припоминается лишь иностранное «извѣстіе, что Борисъ хотѣлъ повторить попытку Грознаго вызвать изъ-за границы ученыхъ людей и образовать школы, гдѣ бы иностранцы учили русскихъ людей разнымъ языкамъ»). «При постройкѣ второй лютеранской кирки въ 1601 г. устроена была при ней вторая школа, съ тѣхъ поръ никогда уже не закрывавшаяся (24 ученика ея съ ихъ учителемъ участвовали въ печально-торжественной процессіи погребенія герцога Ганса и пѣли при его отпѣваніи). При открытіи второй лютеранской общины въ 1626 г. учреждена была при ней новая (3-я) школа. Этимъ и ограничиваются извѣстія о протестантскихъ школахъ въ Москвѣ, за столѣтіе слишкомъ». (Отнош. протест. къ Рос., 48). О существованіи школы при лютеранской общинѣ 1565 года рѣшительно неизвѣстно никакихъ указаній; потому и школу, явившуюся при Годуновѣ, нельзя назвать «второю». Затѣмъ, какъ могла «никогда не закрываться» послѣдняя, если Смутное время унесло не только жителей Нѣмецкой Слободы, гдѣ стояли кирка и школа, но дочиста уничтожило и всѣ слободскія зданія? Въ погребальной процессіи герцога Ивана Датскаго, замѣтимъ также, участвовало «24 мальчика благороднаго званія», шедшихъ около погребальной колесницы (Büsching's Magazin, VII, 276, рус. пер. 22), а не «24 ученика», которые, какъ пѣвчіе, шли впереди и которыхъ было 30 (Gildenstierna, 173). Равнымъ образомъ, ничѣмъ нельзя подтвердить того, чтобы въ 1626 г. была учреждена 3-я школа, при второй лютеранской общинѣ: всѣ извѣстныя

Съ опредѣленіемъ Грегори къ Офицерской церкви возникаетъ при ней особая школа. Ея существованіе пока было бѣдное. Преподаваніемъ въ ней занимался одинъ изъ польскихъ плѣнниковъ, а Грегори былъ снаряженъ (1667 г.) въ Германію, чтобы на нее и на кирку собрать пожертвованія. Герцогъ Эрнстъ указывалъ Грегори на необходимость поднять школьное дѣло. «Если вы, говорилъ онъ Грегори, не обучите юношество христіанству, то все христіанское у васъ потеряно. Подумайте только, какъ трудно потомъ увѣрить стараго человѣка въ вѣчномъ благѣ, котораго онъ никогда не видалъ и въ юности о немъ ни разу не слыхалъ». Послѣ того школа устраивается лучше своихъ предшественницъ и на нѣкоторое время пріобрѣтаетъ даже замѣтную роль. Помощникомъ Грегори былъ Герардъ Линау, нарочно приглашенный ректоръ Нарвской школы; затѣмъ нѣкто Ив. Юстъ Марцій. Когда Бауманъ перенесъ (1669 г.) церковь на свой участокъ, школа послѣдовала за нею. По одному письму (28 января 1670 года) изъ Москвы, община, при помощи щедраго герцога Эрнста, сдѣлала ее безплатною, куда брали всѣхъ безъ различія, богатыхъ и бѣдныхъ, юношей, служанокъ, крѣпостныхъ, плѣнныхъ или купленныхъ Турокъ, Татаръ и Поляковъ и учили ихъ здѣсь Закону Божію, нѣмецкому и латинскому языкамъ, счету, письму и музыкѣ. Школа быстро развивалась, между тѣмъ матеріальное положеніе ея было затруднительно, и представители общины приготовили просьбу къ герцогу объ ея поддержкѣ.

«Наша церковь, излагали они, посылаетъ, какъ мать свое новорожденное дитя, существующую при ней теперь школу, ко всѣми прославленному христіанскому рвенію и благочестивой добротѣ вашей великокняжеской свѣтлости, чтобъ она со смиреннымъ, покорнымъ челобитьемъ испытала у вашей великокняжеской свѣтлости счастіе, не удастся ли оно ей такъ же хорошо, какъ два года тому назадъ удалось оно ея матери-церкви. Милостивѣйшій князь и господинъ! Съ грустью и смиреніемъ

данныя этой эпохи относятся къ учителямъ при школѣ «Первой» или иначе «Старой» общины. Ни матеріалы, собранные Fechner'омъ, цитатами котораго по преимуществу пользуется авторъ, ни ссылка его на Büsching'a (Gesch. der evang. Gem. Th. II, cap. VIII, § 18), который говоритъ о событіяхъ XVIII вѣка, не служатъ къ подтвержденію его повѣствованія.

вопіютъ теперь столь многихъ различныхъ націй дѣти, изъ устъ которыхъ Богъ хочетъ уготовать Себѣ хвалу, и вопіютъ прежде всего къ вашей свѣтлости, потому что надѣются, что они скорѣе всего будутъ услышаны вами. Безподобная любовь ваша къ слову Божію, всепрославленное усердіе къ распространенію богослуженія, нанудивительная любовь къ воспитанію нѣжнаго юношества вселяютъ въ насъ такую увѣренность. И какъ же иначе вы, ваша свѣтлость, можете больше увеличить вашу славу, какъ не при настоящемъ превосходномъ случаѣ, который вашему высочеству Господь посылаетъ изъ столь отдаленнаго мѣста? По вашей истинно-христіанской щедрости возросшая въ страхѣ Божіемъ молодежь будетъ, достигнувъ полнаго возраста и разума, благодарить прахъ вашей свѣтлости за свои знанія и, съ нескончаемыми вздохами, приписывать герцогу саксонскому Эрнсту свое христіанство. Мы такъ мало сомнѣваемся въ милостивѣйшемъ вниманіи, что, напротивъ, уже представляемъ себѣ, какъ ваша высококняжеская свѣтлость читаете это письмо съ христіанскими слезами радости и огорчаетесь, что не можете сами своимъ милостивѣйшимъ окомъ видѣть, какъ постоянно возрастаетъ и процвѣтаетъ ваше благословеніе надъ христіанскимъ юношествомъ».

Эрнстъ снова подарилъ (25 апрѣля) 200 талеровъ изъ собственной кассы и выразилъ желаніе получить подробное сообщеніе о томъ, какимъ образомъ будутъ употреблены пожертвованныя имъ деньги, особенно въ виду слуховъ, что прежнія употреблялись Бауманомъ не на церковь и не на школу. Бауманъ отвѣтилъ (12 сент.) ему указаніемъ на бѣдственное матеріальное положеніе служившихъ въ Россіи военныхъ иноземцевъ, вслѣдствіе задержки и сокращенія жалованья и бунта Стеньки Разина, и просилъ не прекращать его щедротъ къ Нѣмецкой націи. Герцогъ успокоился, прислалъ милостивое письмо, и община писала ему: «Признаемся, что только теперь мы учимся понимать смыслъ изреченій мудраго Соломона, когда онъ сказалъ въ своихъ Притчахъ (XIX, 12): Милость царя какъ роса на траву. Какъ прохладная роса утоляетъ жаждущую травку, питаетъ и даетъ ей ростъ, такъ и ваша великокняжеская свѣтлость посылаетъ высокую милость жаждущимъ благословенія, которое, послѣ Бога, можетъ нашему любезному юношеству подать ростъ и зелень и привести его

въ цвѣтъ страха Божія, добродѣтели и знаній. Мы, приставленные воспитатели и настоятели дорогаго юношества и школы, сердечно благодаримъ за такое благословеніе, но все же мы не въ силахъ такъ благодарить, какъ бы слѣдовало, и лишь просимъ всеподданнѣйше, чтобы вы, ваша великокняжеская свѣтлость, по своему всепрославленному благочестію, представили себѣ предъ своими очами, какъ нашимъ нѣмецкимъ школьнымъ юношествомъ вмѣстѣ съ подростающими Татарами, Турками и другими, когда они достигнутъ зрѣлаго разума и пониманія христіанства, будетъ съ благодарностью прославляться почтенная память вашей великокняжеской свѣтлости за то, что вы при своей благочестивой жизни и славномъ правленіи издали простерли имъ столь могущественную руку для возрастанія въ христіанствѣ и спасеніи. Іисусъ Христосъ весьма высоко оцѣнитъ сіе въ тотъ великій день, когда Онъ предъ всѣми избранными и святыми скажетъ вашей великокняжеской свѣтлости: «Я былъ страненъ, и ты Меня принялъ».

Дары герцога были употреблены на содержаніе школы, и именно на жалованье учителямъ. Герцогъ вполнѣ одобрилъ это, потому что, какъ писалъ (5 января 1671 года) онъ по этому поводу, «истинный путь—не только уже обращенныхъ дѣтей удерживать въ душеспасительномъ познаніи Тріединаго Бога и Его откровеннаго святаго слова, но возвѣщать эту высокую тайну и другимъ, еще не обращеннымъ, и такъ внушить ее тѣмъ и другимъ съ самаго ихъ дѣтства, чтобы потомъ, по милости Святаго Духа, оставаясь неизмѣнными сами, служили они къ обращенію прочихъ, пребывающихъ въ темнотѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ повторилъ обѣщаніе помогать доброму дѣлу и впредь, приложилъ еще 200 талеровъ, въ увѣренности, что эти деньги будутъ употреблены «для увеличенія славы Вышняго и распространенію Его святаго слова», и обѣщалъ ходатайствовать за общину даже предъ другими евангелическими общинами, особенно если она сообщитъ о себѣ болѣе точныя свѣдѣнія. Ему хотѣлось знать: прочно ли общество, сколько въ школѣ учится дѣтей, къ какимъ принадлежатъ націямъ, сколько природныхъ евангеликовъ и сколько изъ другихъ націй и вѣроисповѣданій, по какой методѣ обучаются христіанскому ученію и латинскому языку и по какимъ кни-

тамъ, сколько учителей, какое каждый получаетъ жалованье и откуда берутъ его, и пр. Предполагая, что извѣстія могли быть вредны для общины или невыгодны для Русскихъ, герцогъ предоставилъ на волю прихода, сообщить ли ихъ письменно, или, еще лучше, устно, съ выѣзжающими изъ Россіи.

Посланныя герцогомъ деньги и письмо достигли Москвы послѣ уже отъѣзда отсюда Баумана, который, утомившись борьбой съ военными иноземцами, выбылъ въ Германію. За его отсутствіемъ, какъ главы общины, купцы, привезшіе герцогскую посылку, не хотѣли выдать денегъ оставшимся представителямъ прихода, безъ предварительнаго на то указанія. Почему-то задерживались также въ Гамбургѣ обычныя, ежегодно отправляемыя Эрнстомъ денежныя вспомоществованія общинѣ (subsidia charitativa). Попало «въ руки враговъ» и письмо Грегори, въ которомъ онъ, удовлетворяя желанію герцога, описалъ положеніе школы. Оставшіеся члены церковнаго совѣта прилагали старанія о ней мало; учитель Марцій оставилъ свое мѣсто, и школа вдругъ очутилась въ крайнемъ затрудненіи: тогда Грегори привлекъ къ обученію въ ней Лаврентія Рингубера [1], который уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ Россіи, прибывъ (1668 г.) въ нее съ докторомъ Блюментростомъ, отчимомъ Грегори. Родившись въ Саксонскомъ герцогствѣ, Рингуберъ рано лишился отца и могъ посвятить себя наукамъ благодаря стипендіи. По окончаніи курса въ гимназіи, шесть лѣтъ учился медицинѣ въ Лейпцигскомъ университетѣ и не успѣлъ окончить еще курса, когда Блюментростъ, при отъѣздѣ въ Россію, взялъ его съ собою въ качествѣ ассистента. Здѣсь Рингуберъ давалъ уроки сыну Блюментроста и продолжалъ заниматься медицинскими науками, но практики пока еще не имѣлъ. Грегори упросилъ его принять учительство въ школѣ и обѣщалъ ему, что жалованье онъ получитъ отъ Эккарда, лейпцигскаго коммерсанта. Посуленнаго вознагражденія Рингуберу получить не удалось, и Грегори хо-

[1] Auf ersuchen M. Gregorij habe ich durch meine information das Schulwesen erhalten, anderst die Kinder alsobald von einander gelauffen weren», утверждалъ потомъ этотъ. Rinhuber, 51.

тѣлъ было отпустить его въ Лейпцигъ [1], какъ школа должна была заняться новымъ, неожиданнымъ для нея дѣломъ, за выполненіе котораго оказана была ей помощь съ русской стороны. Ей выпало на долю, согласно царскому приказу, послужить къ устройству придворнаго театра по западно-европейскому образцу [2].

Въ нѣмецкихъ школахъ XVII вѣка было очень распространеннымъ обычаемъ разыгрывать какія-либо пьесы, на представленія которыхъ допускалась и посторонняя публика, Школа Офицерской кирки, быть можетъ, и не знала такой забавы; но весьма возможно, что Грегори и Рингуберъ, въ былые годы, принимали участіе въ школьныхъ театральныхъ увеселеніяхъ. При разучиваніи школьниками изготовленной къ постановкѣ первой комедіи «Артарксерсово дѣйство» встрѣчаемъ еще одного учителя, уже изъ Русскихъ, Юрія Михайлова, который раньше этого едва ли преподавалъ здѣсь. На его обязанности лежало помогать разучиванію пьесы по-русски, и такимъ образомъ преподаваніе русской рѣчи ставится въ школѣ въ широкихъ размѣрахъ. Готовило пьесу слишкомъ 60 мальчиковъ, отсюда уже можно заключить о количествѣ учащихся въ школѣ.

Успѣхъ перваго представленія пьесы, разыгранной (17 окт. 1672 г.) предъ государемъ и важнѣйшимъ боярствомъ, обезпечилъ матеріальное положеніе училища. Школьное зданіе ремонтировалось и отоплялось послѣ этого на казенный счетъ [3]. Пасторомъ Грегори получено (въ началѣ 1673 г.) изъ Посольскаго приказа, управляемаго бояриномъ А. С. Матвѣевымъ, 40 соболей во 100 рублей, да пара

---

[1] Rinhuber, №№ I, II, V, X, ad X; Beck, I—II; Fechner, I, 304 и слѣд; о Рингуберѣ статьи проф. Брикнера въ Histor. Zeitschr. 1884, V, и Ж. М. Н. Пр., ч. CCXXXI, отд. 2. Говоря о пребываніи Рингубера въ Москвѣ съ 1668 по 1673 годъ, проф. Брикнеръ выражается такъ, что Рингуберъ «преподавалъ въ продолженіе года въ какомъ-то училищѣ» (Ж. М. Н. Пр., стр. 400). Училище это было именно то, которое находилось при Офицерской церкви (Rinhuber, 51).

[2] Объ участіи школы въ устройствѣ придворнаго театра будетъ сказано нами ниже, въ VIII гл., гдѣ укажемъ и литературу даннаго вопроса.

[3] «Генваря въ КА день (1673 г.), по приказной записке за помѣтою дьяка Якова Поздышева отъ починки въ школѣ въ Ново-Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ магистръ Ягань къ комидейному дѣйству дѣтей учитъ, отъ десяти окончинъ боль-

въ 8 рублей; подобное царское жалованье ему давалось и въ слѣдующіе годы [1] и разрѣшалось ему безпошлинно варить пиво про

шихъ стекляного дѣла мастеру Васкѣ Тимоѳееву и за олово и за свинецъ всего два рубли съ гривною». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Галичской четп, 1673, № 26.—«Р҃ПА г. генваря въ К҃К день по указу великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича... околничей Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ приказалъ въ Ново-Нѣмецкую Слободу къ магистру къ Ягану Годфриту въ школу, въ которой онъ учитъ дѣтей къ комидейному дѣйству, дать двѣ сажени дровъ съ Малороссійскаго двора». Лѣт рус. лит. и древн. III, отд. II, 29—30.

[1] «Р҃ПА-го генваря въ К҃А день указалъ великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержецъ, взять въ Посолской приказъ сорокъ соболей во сто рублевъ да пару въ восмь рублевъ, а изъ Посолского приказу отдать тѣ соболи его великого государя на жалованье магистру Ягану Готфриту за комедійное строенье, что о Артаксерсовѣ царствованіи, съ росписко и послать о томъ въ Сибирской приказъ память. Сесь великого государя указъ приказали записать околничей Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ да дьяки думной Григорей Богдановъ съ товарыщи. (Помѣта): По сему великого государя указу учинить».

«Р҃ПА-го генваря въ К҃Д день въ Сибирской приказъ.

«Указалъ великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержецъ, прислать въ Посолской приказъ къ околничему къ Артемону Сергѣевичю Матвѣеву да къ дьякомъ къ думному къ Григорью Богданову, да къ Якову Поздышеву, да къ Ивану Евстафьеву сорокъ соболей во сто рублевъ да пару въ восмь рублевъ, а по прежней памети (ея въ дѣлѣ нѣтъ) тоій цѣны сорока и пары не присылать. — Съ оборотомъ. — Послана за приписью дьяка Ивана Евстафьева».

«И генваря въ К҃З день изъ Посолского приказу сорокъ соболей съ хвосты во сто рублевъ, за пару въ восмь рублевъ отданы магистру Ягану Готфриту съ росписко, а росписка взята такова нѣмецкимъ писмомъ»:

«Ich Endes benannter bekenne auf Ihr: Czar: May: hohe Begnadigung empfangen zu haben ein Zimmer Zobeln mit angeschriebenen Taxt von ein hundert Rubel und noch ein Par Zobeln angeschrieben von 8 Rubeln, welches mir aus der Posolski Prakozie gegeben worden. Johann Gottfried Gregory Pastor m. pp.»

«Іюля въ К҃Г день (1674 г.) въ Сибирской приказъ.

«Въ нынѣшнемъ во р҃ѯѳ году апрѣля въ О҃І день въ памяти изъ Посолского приказу въ Сибирской приказъ писано, велѣно нѣмецкому пастору магистру Ягану Готфриту дать великого государя жалованья въ Приказъ за его работу комидійного строенья соболеи парами на сто рублевъ, а нынѣ указалъ великій государь

свой домашній обиходъ [1]. Для Рингубера открылась возможность двинуться по службѣ: его опредѣлили секретаремъ въ посольствѣ Павла Менезіуса, снаряжаемомъ тогда къ юго-западнымъ европейскимъ дворамъ [2]. Кто замѣнилъ его по должности учителя, неизвѣстно [3]; быть можетъ, Готфридъ Парторій, вызванный въ кистеры къ Офицерской церкви [4]. Игравшіе воспитанники, вмѣстѣ съ своими учителями, съ Грегори и Юріемъ Михайловымъ, удостоились на Свѣтлой недѣлѣ (6 апр. 1673 г.) необычной чести—были допущены на очи государя и къ рукѣ, между тѣмъ какъ прежде мѣстные пасторы и иноземческія дѣти на царскихъ пріемахъ не бывали. Представлявшихся государю лицъ обыкновенно или приглашали къ государеву столу, или посылали имъ обѣдъ на дома; комедіанты были пожалованы вмѣсто

то число дать ему изъ Посолского приказу, и по той памяти въ Сибирскомъ приказѣ тѣхъ соболей давать ему, магистру, не велѣть». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію, 1672—1677, № 1: «Отправленіе полковника Николая фонъ-Стадена въ Швецію, Курляндію и Пруссію для пріисканія въ государеву службу всякихъ мастеровыхъ людей, а паче рудознатцовъ и плавильщиковъ, комедіантовъ, трубачей, музыкантовъ и пр., пріѣзды оныхъ и уволненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ службы».

[1] Тамъ же, Выѣзды въ Россію, 1674 г. 2 авг.: «Дѣло по челобитью пастора Готфрита Грегори о дозволеніи варить пиво для домашняго употребленія».— Нельзя не пожалѣть, что утрачено въ Архивѣ дѣло, озаглавленное на 174 стр. указателя Приказнымъ дѣламъ, 1673—1674 г.: «Дѣло... о выдачѣ магистру Готфриду денегъ на построеніе театра и на поденный кормъ комедіантамъ и о прочихъ расходахъ; тутъ же роспись въ полученномъ разными людьми жалованья и прочаго».

[2] «Потому что», какъ года черезъ два (24 марта 1674 г.) писалъ самъ Рингуберъ боярину Матвѣеву, «надобенъ былъ господину Павлу Минiюсу (sic) такой человѣкъ, который бы зналъ нѣмецкой и латинской языкъ и служилъ бы прилежно великому государю, его царскому величеству, и посланному въ тоѣ службѣ». Тамъ же, Саксонскія дѣла 1674 г.

[3] Сообщивъ Эрнсту о своихъ занятіяхъ въ школѣ, Rinhuber (Relation, 51) замѣчаетъ (въ маѣ 1673 г.): «Ob aber und wer anitzo informiret, ist mir unbewust».

[4] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію, 1673 г., № 17: «Дѣло о пріѣздѣ въ Россію костельного дьячка Готфрида Парторія по письму пастора Грегори».

стола такъ, какъ давалось торговымъ Голландцамъ и Гамбуржцамъ [1].

Выполненіе школою правительственнаго порученія подвергло важнымъ измѣненіямъ программу занятій и составъ учащихся. Какъ увидимъ впослѣдствіи, за первою комедіею ученики разучивали и разыгрывали рядъ другихъ пьесъ, и для изученія комидійнаго дѣла были введены въ школу русскіе ученики, съ содержаніемъ отъ казны, которое было установлено и для нѣмецкихъ учениковъ-комедіантовъ.

---

[1] «ҏ҃ҏ҃а-го апрѣля въ є҃ день, по указу великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержца, околничей Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ приказалъ магистру пастору Ягану Готфриту изъ комедіантами Артаксерсова дѣйства, всего штидесятъ четыремъ человѣкомъ, быти великого государя у руки апрѣля въ ѕ҃ день, и для того почевать имъ противъ ѕ҃ числа на Посолскомъ дворѣ, а на кормъ ихъ дать два рубли изъ Новгороцкого приказу. (Помѣта): Дать съ росписко. Въ Новгородскій приказъ указъ послать апрѣля въ ѕ҃ день.

«Написано въ Докладъ. Въ нынѣшнемъ во ҏ҃ҏ҃а году апрѣля въ ѕ҃ день на Свѣтлой недѣлѣ были у великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержца, у руки и видѣли его великого государя пресвѣтлые очи магистръ пасторъ Яганъ Готфритъ да учитель Юрья Михайловъ, да съ ними экомедіанты Артаксерсова дѣйства розныхъ чиновъ служилыхъ и торговыхъ иноземцовъ дѣти, всего ѯд человѣка. А какъ они были великого государя у руки, и имъ сказано его, великого государя, жалованье въ стола мѣсто кормъ и питье; а напередъ сего изъ Посолского приказу пасторы и иноземческіе дѣти великого государя у руки не бывали и что имъ нынѣ дать въ стола мѣсто корму и питья, о томъ невѣдомо. А Гречаномъ, какъ они на Свѣтлой недѣлѣ бываютъ великого государя у руки, и имъ даютъ великого государя жалованья въ стола мѣсто корму и питья... (выдавалось каждому отдѣльно). А Галанцомъ и Анбурцомъ, торговымъ иноземцомъ, въ стола жъ мѣсто давано всѣмъ оптомъ—изъ Болшого приходу: м҃ хлѣбовъ ситныхъ, м҃ саекъ двуденежныхъ, г҃ барана живыхъ, полстяга говядины, г҃ гуся, г҃ утки, г҃ тетерева, ҃г куровъ, к҃ зайца, ҏ҃ яицъ, ҃г гривенокъ масла коровья; зъ Дворца: к҃ колача крупчатыхъ по к҃ лопатки колачъ, к҃ колача толчоныхъ, г҃ кружки вина двойного, ведро меду вишневого, ведро меду малинового, ведро меду обарного, к҃ ведра меду паточного, є҃ ведръ меду цыженого, є ведръ пива ячного доброго; изъ Новые чети: ведро вина, ѕ҃ ведръ пива, меду тожъ (Помѣта). Противъ сей статьи". Выѣзды въ Россію, 1672—1677, № 1.

«Превысокая милость царскаго величества къ неискуснымъ отрочатамъ» поддержала школу въ трудную для нея пору, бывшую для нея по отъѣздѣ Баумана и затѣмъ по смерти Грегори, послѣ котораго она опять прекратила было свое существованіе. Членами церковной общины, въ ихъ просьбѣ (18 іюня 1675 г.) [1] государю о разрѣшеніи пригласить изъ-за границы новаго пастора, указывалось, что въ училищѣ «нѣтъ учителя съ полгода и училище, въ которомъ наставлялись отроки, опустѣло въ конецъ». До прибытія пастора Рана и прекращенія театральныхъ представленій часть воспитанниковъ группировалась около Стенана Чижинскаго, Русскаго по вѣрѣ и національности. Такъ какъ контингентъ научно-образованныхъ лицъ въ Нѣмецкой Слободѣ былъ крайне скуденъ и содержаніе учителей не было обезпечено какимъ-либо опредѣленнымъ со стороны Общины окладомъ, то нахожденіе новаго преподавателя всегда соединялось съ серьезными затрудненіями. Считая своимъ знаменемъ кирки, а не школу, и не понимая должнаго значенія ея, лютеране прилагали мало заботъ объ ея благосостояніи, такъ что она постоянно нуждалась въ посторонней помощи. Что касается реформатовъ, то они совсѣмъ обходились безъ школы: писатели [2], упоминавшіе о школьномъ обученіи въ Нѣмецкой Слободѣ, говорятъ объ однихъ лютеранскихъ училищахъ. Равнымъ образомъ, нѣтъ указаній, чтобы существовали тогда какія-либо постоянныя школы внѣ Москвы [3].

Для восполненія недостатка школьнаго обученія при нѣкоторыхъ церквахъ водился обычай своего рода религіозныхъ бесѣдъ и какъ бы репетицій. Молодежь, жившую въ Московской Нѣмецкой Слободѣ, въ серединѣ XVII столѣтія, обыкновенно по окончаніи службы спрашивали изъ Катихизиса Лютера и изъ сказанной предъ тѣмъ проповѣди. Этимъ путемъ обучались особенностямъ лютеранскаго вѣро-

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла иностранныхъ исповѣданій 1670 г., приложеніе къ «Дѣлу Баумана». См. выше, стр. 190.

[2] Напримѣръ, Bussow, 11; Rinhuber, № V, ad X; Kilburger, 338.

[3] Если г. Соколовъ (9) и утверждаетъ, что «обзавелось школою» евангелическое общество въ Нижнемъ-Новгородѣ; то Олеаріи, у котораго только и сохранилось свѣдѣніе о Нижегородской общинѣ (См. выше, I гл.), ничего не говоритъ о существованіи въ ней школы.

исповѣданія какъ юношество, такъ и старшіе, родившіеся въ Россіи и выросшіе въ религіозномъ невѣжествѣ [1]. Могло практиковаться что-нибудь подобное и въ другихъ мѣстахъ, когда западали туда болѣе энергичные пасторы. Извѣстно [2], какъ объѣзжалъ плѣнныхъ Ливонцевъ, разселенныхъ Грознымъ по различнымъ мѣстамъ Россіи, плѣнный дерптскій пасторъ Веттерманъ и приставлялъ къ ихъ дѣтямъ учителей, какихъ только могъ найти, на обязанности которыхъ было также читать по воскресеньямъ печатныя проповѣди. Съ цѣлію дать дѣтямъ болѣе полное или спеціальное образованіе, но небогословское, нѣкоторые изъ иноземцевъ посылали ихъ за границу. Чаще всего это были доктора и предпріимчивые изъ богатаго купечества [3]. Чтобы ознакомить съ русскою рѣчью и грамотой, торговые люди отдавали также своихъ мальчиковъ на обученіе природнымъ Русскимъ, для чего мальчики присылались къ намъ и разными заграничными торговыми компаніями и лицами; по распоряженію правительства, въ Новгородѣ обученіемъ такихъ учениковъ должны были заниматься церковные причетники [4].

О томъ, какія **книги** употреблялись для богослуженія и въ школѣ, болѣе опредѣленныя свѣдѣнія имѣются изъ третьей четверти XVII вѣка. На обвиненіе Грегори, что 31 мая 1668 года онъ молился въ своей церкви за нѣмецкихъ государей раньше, чѣмъ за московскаго, пасторъ оправдывался тѣмъ, что сначала читалъ по печатной кни-

---

[1] Rinhuber, № 1.

[2] Nyenstädt, Livländische Chronik въ Monumenta Livoniae antiquae, II, 67, рус. пер. въ Сборн. мат. и ст. по ист. Прибалт. кр. IV, 36—37.

[3] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію 1627 г., № 2: «Дѣло по челобитью московскаго торговаго человѣка Нѣмчина Григорья фонъ-Дергейдена о пропускѣ пасынка его Даніилы Ильфова въ Голландію для науки»; 1647, № 15: «Дѣло по челобитью Петра Марселиса о пропускѣ сына его Петра для науки за море»; 1647, № 23: «Дѣло объ отпускѣ изъ Россіи въ чужія государства для науки докторова сына Ивана Грамона»; 1675, №: «Дѣло по челобитью иноземца Томаса Кельдермана о пропускѣ пасынка его Гавриды Марселіуса для наукъ въ иностранныя государства»; Англійскія дѣла, 1635 г. № 4: «Дѣло по челобитью торговаго Нѣмчина Павла Вестова объ отпускѣ въ Англію сына его для наукъ», и др. Русск. Историч. Библ. VIII, 187—188.

[4] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію, 1628 г., № 5: «Дѣло по челобитью Голландца Симеона Артемьева о дозволеніи оставить племянника своего Якова Петрова въ Кольскомъ острогѣ для ученія россійскому языку». Карамзинъ, XI, пр. 126; Акт. Арх. Эксп, III, № 184.

гѣ, потомъ молитву о царѣ и его семьѣ произнесъ устно, отъ себя [1]. Подъ печатною книгой онъ могъ подразумѣвать только служебникъ, бывшій въ употребленіи и на его родинѣ, въ Саксоніи. Отсюда, собственно изъ Готы, гдѣ жилъ герцогъ Эрнстъ, вскорѣ была отослана чрезъ Рингубера, для той же Лютеранской церкви и имѣющейся при ней школы, цѣлая серія книгъ [2], именно: Евангеліе, Псалтирь, Катихизисъ Лютера, Книга церковныхъ пѣсней, Письма Лютера, Радостное зеркало вѣчной жизни, Проповѣди предъ покаяніемъ, Азбука, Книга для чтенія, Ариѳметика, Физика, латинская и греческая грамматика, Школьная методика, Письма Цицерона, Земельный Уставъ, Уставъ судебныхъ процессовъ и т. п. Всѣхъ ихъ было отправлено слишкомъ на 45 рейхсталеровъ. Лютеранскій катихизисъ употреблялся и на русскомъ языкѣ [3]. Когда отпускали изъ Москвы королевича Вальдемара, неудавшагося жениха Ирины Михайловны, въ Тверскихъ воротахъ былъ задержанъ (15 авг. 1645 г.) «нѣмецкій попъ», везшій къ себѣ сундукъ книгъ, которыя онъ, по его словамъ, давалъ пастору Вальдемара, Фильгоберу, и пріѣзжавшимъ съ нимъ Нѣмцамъ [4]. Вѣроятно, это были книги по преимуществу богословскаго содержанія, послужившія Фильгоберу для его полемики съ нашими богословами. Опись имущества (1643 г.), оставшагося послѣ бабушки жены Петра Марселиса, извѣстнаго московскаго негоціанта, упоминаетъ «нѣмецкую Библію» и «пятнадцать книгъ нѣмецкихъ» [5]; обыкновенно описи умалчиваютъ объ этомъ предметѣ. Если не считать докторовъ, имѣвшихъ при себѣ небольшія библіотеки изъ медицинскихъ и естественно-историческихъ работъ, въ домашнемъ обиходѣ лицъ свѣтскихъ книги были большою рѣдкостію, по недостаточности въ людяхъ знающихъ, научно-образованныхъ и интересующихся истиннымъ просвѣщеніемъ, каковыя свойства иноземцевъ со всею силою отразились и на складѣ ихъ быта и взаимныхъ между собою отношеніяхъ.

---

[1] «Памятники», I, 15—16.

[2] Реестръ 1674 года изданъ у Rinhuber'a, № XXXIII.

[3] Kilburger, 338.—О мѣстѣ и цѣляхъ изданія Катихизиса на русскомъ языкѣ см. ниже, въ VII, гл.

[4] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Датскія дѣла, св. 24.

[5] Тамъ же, Приказныя дѣла 1643 г., св. 138.—Заглавіе книгъ не означено.

ГЛАВА IV.

ЧЕРТЫ БЫТА, НРАВОВЪ И ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ПРОТЕСТАНТОВЪ.

Главныя иноземскія селенія и свойства ихъ жителей. — Подмосковныя селенія: Наливки, Болвановка, Нѣмецкая Слобода.—Допущеніе протестантовъ въ Москву и высылка ихъ отсюда.—Основаніе Ново-Иноземской или Ново-Нѣмецкой Слободы. — Важнѣйшія мѣста жительства вдали отъ Москвы: Нѣмецкая Слобода въ Архангельскѣ, Новинки въ Вологдѣ и др.—Составъ жителей.—Обезпеченность и гражданскія права иноземцевъ.—Подчиненіе ихъ приказамъ.—Судъ.—Нравственный уровень протестантовъ: отзывы о томъ иностранныхъ писателей; характеристическія особенности массы населенія.—Тяжбы между отдѣльными лицами.—Соперничество главныхъ торговыхъ націй: Англичане и Голландцы. — Взаимныя отношенія военнослужилыхъ иноземцевъ. — Дѣло генерала Николая Баумана. — Значеніе иноземческихъ группъ и легкость образованія ихъ. — Многосторонность взаимныхъ отношеній между протестантами.

Общественная и частная жизнь протестантовъ наиболѣе полнаго развитія достигла у тѣхъ изъ нихъ, которые жили значительными, крѣпкими къ своему мѣсту, группами. Они служатъ для насъ представителями иноземнаго въ Россіи населенія, его интересовъ, моральныхъ качествъ, умѣнья устроить свой бытъ.

Слѣдя за судьбой лютеранскихъ и реформатскихъ церквей, мы отчасти видѣли, какъ главная протестантская группа, московская, то раздроблялась, то соединялась, мѣняя свои мѣста, пока не засѣла окончательно въ Ново-Иноземской Слободѣ. Самое старинное изъ подмосковныхъ иноземскихъ селеній, Наливки, не могло быть ей по праву: оно основано католиками и лежало на югъ отъ Москвы, откуда всего чаще она подвергалась нападеніямъ Татаръ и другихъ враговъ. При нашествіи (въ маѣ 1571 г.) Девлетъ-Гирея, когда погибъ въ пламени даже домъ Англійской компаніи на Варваркѣ, Наливки, конечно, не устояли, и воскреснуть имъ въ прежнихъ размѣрахъ было послѣ того не возможно. Олеарій нашелъ въ Замоскво-

рѣчьи однѣ Стрѣлецкія слободы, въ которыхъ жили стрѣльцы и простонародье [1]. Сами иноземцы причину своего удаленія объясняли впослѣдствіи затронутой въ нихъ честью: возмущенные тѣмъ, что въ названіи ихъ селенія крылся намекъ на пьянство и что Москвичи за то постоянно поднимали ихъ на смѣхъ, они будто бы выпросили себѣ у государя новое мѣсто жительства [2].

Съ лучшимъ чувствомъ вспоминали протестанты о другомъ своемъ подмосковномъ предмѣстьи, бывшемъ на Болвановкѣ. Зерно его составляли Шотландцы, приведенные изъ Швеціи и Ливоніи въ качествѣ плѣнныхъ. «Между плѣнниками другихъ націй, сообщаетъ Горсей, было восемьдесятъ пять бѣдныхъ шотландскихъ солдатъ отъ 700-го отряда, посланнаго изъ Стокгольма, и въ числѣ ихъ трое Англичанъ, приведенныхъ вмѣстѣ съ другими въ такомъ печальномъ видѣ, что на нихъ было жалко смотрѣть. Я хлопоталъ за нихъ, и не только употреблялъ, какъ могъ, свои усилія и кредитъ, но собственнымъ кошелькомъ, трудами и средствами доставилъ имъ возможность хорошо устроиться на Болвановкѣ близъ Москвы; и хотя царь (Іоаннъ IV) пылалъ яростью и гнѣвомъ противъ нихъ, мучилъ и осудилъ на жалкую смерть многихъ шведскихъ солдатъ, мнѣ удалось, однако, указать наглядно на различіе Шотландцевъ—нынѣ его плѣнныхъ, отъ Шведовъ, Поляковъ и Литовцевъ—его враговъ: Шотландцы народъ иноземный, далекій, предпріимчивый, воинственный, готовъ служить каждому христіанскому государю за содержаніе и жалованье; они то и докажутъ, если его величеству будетъ угодно употребить ихъ и упрочить за ними прежнее содержаніе, такъ какъ они теперь безъ службы, платья, и оружія; они могли бы показать себя и свою храбрость противъ смертельныхъ враговъ его, крымскихъ Татаръ. Повидимому, отчасти воспользовались такимъ совѣтомъ, потому что вскорѣ лучшіе солдаты и воины изъ этихъ иностранцевъ были отобраны... Имъ выдали деньги, платье и каждодневное содержаніе ѣдой и питьемъ; они получали также лошадей, сѣно, овесъ, а для вооруженія: ружья, мечи

---

[1] Olearius, 1647, 116; рус. перев. 112.

[2] Tanner, Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam. Norimbergae. 1689, Cap. XIV, p. 69—70.

и пистолеты... Получивъ жалованье и землю, на которой имъ позволено было жить, они женились на ливонскихъ красивыхъ женщинахъ, завелись семействами и пользовались расположеніемъ царя и народа» [1]. Нѣтъ, конечно, надобности довѣрять Горсею, гдѣ онъ говоритъ о степени своего личнаго значенія въ устройствѣ его единоземцевъ—хвастливость его извѣстна: его слова важны для характеристики ихъ быта. Люди военные, употребляемые въ войнахъ съ Татарами и получившіе помѣстья, они не могли прикрѣпиться къ Болвановкѣ и основать здѣсь вполнѣ прочную колонію.

Несравненно значительнѣе историческая роль выпала на долю при-Яузскаго селенія. Расположенное на правомъ берегу Яузы, близъ ея устья, оно образовалось изъ ливонскихъ плѣнныхъ. Нѣкоторыя улицы его удержали за собой названіе тѣхъ городовъ, откуда приведены ихъ жители: извѣстны улицы или слободы Нарвская, Дерптская; за всѣмъ селеніемъ усвоено названіе Нѣмецкой Слободы («D. Deutschen Frecken», «D. Deutschen Sloboda») [2], слывшей вскорѣ у Русскихъ и подъ званіемъ Кукуя [3]. Здѣсь были и знатные, и простые; для содержанія была разрѣшена имъ продажа вина, пива и другихъ

---

[1] Записки о Московіи XVI вѣка Джерома Горсея, Библ. д. чтен. 1865, № 6, стр. 48—49. Едвали это не были именно тѣ Шотландцы, «числомъ болѣе 70», которые попали въ плѣнъ въ 1574 г. и о которыхъ ливонскій лѣтописецъ Рюссовъ (Сборн. матер. и стат. по истор. Прибалт. края, III, 224—228) тенденціозно сообщалъ, что они «безжалостно были умерщвлены въ Москвѣ».

[2] Johannes Boch in Moskau im Jahre 1578 (von Dr. G. Schmid), Russische Revue, 1887, III, 333; Warhafftige Relation, 275, рус. пер. 21; Is. Massa, 44, рус. пер. 92; C. Bussow, 8, 11, рус. пер. 20—21; P. Petrejus de Erlesunda, 3, 10, рус. пер. 2, 7. По словамъ автора Relation, Слобода лежала отъ Москвы «въ четверть перехода» (ohngefehr ein Viertelweges) или нѣмецкой мили; по извѣстію Массы, на одну англійскую милю; по Буссову, на четверть мили отъ города и на половину нѣмецкой мили отъ царскаго дворца; по Петрею, на четверть мили отъ Краснаго Села, по Яузѣ, которую иноземцы запрудили своими водяными мельницами.

[3] О мѣстѣ погребенія принца Ивана Датскаго въ одной изъ Разрядныхъ книгъ, которою пользовался Карамзинъ, отмѣчено: «схоронили его въ Нѣмецкой Слободѣ въ Кукуѣ» (Ист. гос. Росс., XI, 68 прим., стр. 19). Въ Разрядной книгѣ 1602—1603 года, изданной въ Симбирск. Сборникѣ, этой замѣтки нѣтъ (См. 151 стр., гдѣ упоминается о смерти королевича). Ср. Fechner'a, I, 150.

напитковъ, бывшая монополіею казны и не дозволенная природнымъ Русскимъ.

Современники, и свои, и чужіе, близко наблюдавшіе Ливонцевъ на ихъ родинѣ, описывали мрачными красками ихъ моральныя качества и, какъ на общую черту, указывали на ихъ развращенность, крайне враждебныя отношенія между высшими и низшими классами и раздоры между католиками и лютеранами. Покинувъ обычаи и правила своихъ отцовъ, они, по словамъ кн. Курбскаго [1], «бросились къ широкому и пространному пути, т.-е. къ многому пьянству, невоздержанію, лѣни, неправдамъ, кровопролитному междоусобію». Мужчины «мало бывали въ день трезвы», женщины щеголяли невоздержаніемъ и расточительностью. Съ своими нравственными особенностями Ливонцы не разстались и въ плѣну. «Казалось, утверждалъ Маржеретъ, они были приведены въ Россію только для того, чтобы выказать свою гордость и высокомѣріе, чего не посмѣли бы сдѣлать и въ собственномъ отечествѣ, по строгости законовъ и правосудія... Забывъ минувшее несчастіе, потерявъ отечество и имущество, сдѣлавшись рабами, они, вмѣсто смиренія по причинѣ такихъ бѣдствій, вели себя столь гордо, поступали столь высокомѣрно, одѣвались столь роскошно, что казались принцами и принцессами; женщины, посѣщая церкви, наряжались не иначе, какъ въ бархатъ, атласъ, камку; самая послѣдняя носила тафтяное платье, хотя ничего больше не имѣла. Эти Ливонцы получали доходъ преимущественно отъ права продавать хлѣбное вино, медъ и другіе напитки; при чемъ имѣли прибыли не по 10 на 100, а 100 на 100: кажется невѣроятнымъ, тѣмъ не менѣе справедливо». Въ сужденіяхъ Маржерета, конечно, сказалась тенденціозность католика, изъ-за которой однако нельзя не видѣть значительной доли правды, косвенно подтверждаемой и ливонскими писателями [2]. Несомнѣнно извѣстно, что богатства, до-

[1] Сказанія кн. Курбскаго, I, 69, 92, ср. 94 и др. Ср. Костомарова, Историч. Монографіи, Спб. 1867, III, 63—65, 112—113, гдѣ, на основаніи современныхъ извѣстій, рельефно очерчены нравы Ливонцевъ.

[2] Вотъ что, напримѣръ, подъ 1571—1572 г., замѣтилъ Рюссовъ о жителяхъ Дерпта, отпущенныхъ Грознымъ изъ московскаго плѣна: «Въ то время, когда дерптцы изъ тяжелаго плѣна и нужды возвратились изъ Россіи снова въ

бываемыя продажею питей, и самыя способы продажи возбуждали непріязнь и жалобы Москвичей, которые просили заступничества у духовенства. Митрополитъ печаловался Ивану Васильевичу: Нѣмцы портятъ наше войско и доводятъ его до такой нищеты, что когда понадобится употребить его въ дѣло, отправить въ походъ, оно не будетъ въ состояніи покупать лошадей и оружіе, потому что свои деньги промотало въ нѣмецкихъ домахъ и кабакахъ.

Грозный захотѣлъ наказать иноземцевъ. Однажды (это было въ зимній день 1578 года) на Нарвскую и Дерптскую слободы вдругъ напалъ большой отрядъ вооруженныхъ лицъ. Царь ѣхалъ верхомъ посреди двоихъ своихъ сыновей и вельможъ; на всѣхъ было черное платье. По приказанію государя, вѣстникъ прокричалъ: «расхищайте, но не убивайте», и отрядъ бросился въ дома. На грабежъ сбѣжалось много и другаго народа. Все, что̀ ни попадалось подъ руку, тащили, срывали съ людей и уносили съ собой. Оборванные и раздѣтые до нага, жители бѣгали взадъ и впередъ, кто прятался, кто старался спастись бѣгствомъ. Попадавшихся били, безъ разбора; досталось и домамъ. Расправа длилась всю ночь.

Потерпѣвшіе винили въ своемъ несчастіи однихъ Русскихъ, которые-де возненавидѣли ихъ за богатства, собранныя честнымъ трудомъ, и неправо оклеветали ихъ предъ государемъ. Иванъ Васильевичъ оставилъ затѣмъ все по прежнему; неотнятая привилегія на продажу напитковъ скоро вознаградила понесенные убытки [1], а прямое покро-

---

свой городъ, то скоро забыли свои великія несчастія и печали и, по старому, стали вести распутную, неумѣренную жизнь, не смотря на то, что еще не совсѣмъ были освобождены отъ сѣтей и ига Московита и что еще не было мира въ странѣ; то же самое дѣлалось и у многихъ другихъ Ливонцевъ». Сборн. мат. и ст. по ист. Прибалт. кр. III, 209.

[1] Joh. Boch, 333—338 (онъ былъ очевидцемъ разгрома и самъ потерпѣлъ отъ него); Margeret, 31—33, рус. перев. 261—262. Объ этомъ же разгромѣ Слободы, вѣроятно, говоритъ и Горсей (Записки о Московіи, Библ. д. чтен. 1865, № 5, стр. 59), хотя и относитъ событіе къ болѣе позднему времени, къ году 1580-му (О томъ, какъ его историческія данныя грѣшатъ противъ хронологіи и отличаются неточностію, см. ст. С. Середонина Англійскія извѣстія о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка, Ж. М. Н. Пр. 1885, XI, 143—151). Горсей

вительство, оказанное впослѣдствіи иноземцамъ со стороны Годунова и Лже-Димитрія I, еще болѣе улучшило благосостояніе слободчанъ.

По восшествіи на престолъ, Борисъ позвалъ къ себѣ купцовъ, плѣненныхъ въ Дерптѣ, Нарвѣ, Феллинѣ и другихъ ливонскихъ городахъ, собственноручно подарилъ имъ по чаркѣ съ медомъ, уговаривалъ забыть старое горе, предоставилъ имъ свободную торговлю, чѣмъ угодно, и снабдилъ каждаго по нѣсколько сотъ рублей безъ роста и безъ срока. За благодѣянія купцы обязывались не оставлять Россію безъ разрѣшенія, никого не увозить за границу и повсюду разносить добрую молву о государѣ [1]. Вѣроятно, къ нимъ принадлежали «московскіе жильцы, Нѣмцы» Игнатій Поперзакъ и Андрей Виттъ, жалованныя грамоты которымъ сохранились: оба они получили (въ февр. 1599 г.) право на безпошлинную торговлю, подвѣдомственность одному «печатнику и посольскому дьяку» Вас. Щелкалову и освобожденіе ихъ московскихъ домовъ отъ обывательскихъ повинностей; Поперзаку велѣно быть «въ московскихъ лутчихъ торговыхъ людяхъ», Виттъ награжденъ «гостиннымъ именемъ»; оба причислялись къ московской гостинной сотнѣ, а съ посадскими людьми московскими ничего не тянули [2]. Многіе изъ тѣхъ, которые прежде разосланы были по различнымъ отдаленнымъ и пустыннымъ мѣстамъ, получили теперь свободу, возвращены въ Москву и водворились при щедромъ вспомоществованіи отъ казны [3]. Еще большія милости выпадали новымъ ливонскимъ выходцамъ, благодаря стремленію Бориса прослыть

вноситъ нѣкоторыя новыя подробности, судя по тону, съ какимъ разсказываетъ, прикрашенныя; самъ онъ въ это время отсутствовалъ изъ Россіи. По его словамъ, Іоаннъ, разгнѣвавшись на Ливонцевъ, отрядилъ ночью 1000 тѣлохранителей, которые грабили, раздѣвали донага, надъ женщинами производили насиліе, молоденькихъ и красивѣйшихъ дѣвушекъ увели съ собою; изъ преслѣдуемыхъ нѣкоторые убѣжали въ Англійскій домъ, гдѣ ихъ скрыли, одѣли и спасли, съ опасностью навлечь на себя царскую немилость.

[1] Bussow, 8—9, рус. перев. 18—19; Масса, 66.

[2] Собр. гос. гр. и дог. II, №№ 71—72; Соловьевъ, изд. 4, VIII, 50.

[3] Relation... Michael Spielen(sic), изд. Wichmann's Sammlung, I, 463, рус. пер. Шемякина «Донесеніе о поѣздкѣ въ Москву придворнаго рим. императора, Михаила Шиле, въ 1598 году», Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1875, II, 18.

«благотворителемъ» и его наивнымъ разсчетамъ склонить тѣмъ Ливонію добровольно подчиниться ему. Когда группа ливонскихъ дворянъ и гражданъ, изъ 35 человѣкъ, вытѣсненная изъ Ливоніи, перебралась (1601 г.) чрезъ нашу границу, она, по приказу Бориса, съ почетомъ препровождена была въ Москву и удостоена торжественнаго представленія (13 дек.) во дворцѣ. Царь съ сыномъ сидѣлъ въ богатомъ украшеніи, кругомъ была знать. Нѣмцевъ являли государю по старшинству, съ старшихъ до молодыхъ, и они кланялись государю и царевичу. Борисъ сказалъ имъ черезъ переводчика: «Добро пожаловать къ намъ, Вы, иноземцы изъ Римской имперіи, Нѣмцы изъ Ливоніи и Шведскаго государства! Радуемся, что вы по здорову доѣхали въ нашъ царствующій городъ. Очень скорбимъ, что вы изгнаны своими и лишились всѣхъ животовъ; но не печальтесь: мы втрое возвратимъ вамъ то, что̀ вы тамъ потеряли. Васъ, дворяне, сдѣлаю князьями; васъ, меньшихъ людей, боярами; слуги ваши будутъ у насъ людьми свободными; мы дадимъ вамъ землю, людей и слугъ, будемъ водить васъ въ шелку и золотѣ, кошельки ваши наполнимъ деньгами; мы не будемъ вамъ царемъ и господиномъ, но отцомъ, вы будете нашими дѣтьми, и никто, кромѣ насъ самихъ, не будетъ надъ вами начальствовать, я самъ буду судить и разбирать ваши споры; оставляемъ васъ въ вашей вѣрѣ и богослуженіи, вы свободны въ нихъ, какъ въ вашемъ отечествѣ. Но вы должны поклясться по своей вѣрѣ, что будете служить намъ и сыну нашему вѣрою и правдою, не измѣните и не убѣжите ни къ какому иному господину, ни къ Туркамъ или Татарамъ, ни къ Персіянамъ, ни къ польскому или шведскому королю. Свѣдаете противъ насъ какой умыселъ, должны объявить намъ о немъ; не будете посягать на нашу жизнь ни чародѣйствомъ, ни ядами. Если будете все это выполнять, то я васъ пожалую такимъ великимъ жалованьемъ, что и въ иныхъ государствахъ славно будетъ». Тизенгаузенъ, ловкій и краснорѣчивый ливонскій дворянинъ, отъ имени всѣхъ Нѣмцевъ благодарилъ царя за милость и клялся въ вѣрности ему до гроба. «Милыя дѣти, отвѣтилъ на это Борисъ, молите Бога о насъ и о нашемъ здоровьѣ, и пока мы живы, вамъ ни въ чемъ не будетъ нужды» и, взявшись за свое жемчужное ожерелье,

примолвилъ: «и это раздѣлю съ вами». Потомъ допустилъ ихъ къ своей рукѣ и къ рукѣ царевича и пригласилъ ихъ къ обѣду.

За столомъ знатнѣйшіе Нѣмцы были посажены такъ, что царь могъ хорошо ихъ видѣть. По обычаю, кушаньямъ и винамъ не было счета. Первую чашу царь выпилъ за здоровье иноземныхъ гостей. Наслышавшись отъ приставовъ, что Борисъ не любитъ пьянства, они старались быть умѣренными; Борисъ спросилъ, почему они не веселятся, какъ у себя дома. Когда они сказали, что изъ благоговѣнія къ царю не смѣютъ быть нетрезвыми, онъ возразилъ: «Я подчую васъ, какъ хозяинъ; веселитесь, сколько угодно, не боясь нареканія; пейте за мое здоровье. Лошади готовы: когда настанетъ время, васъ отвезутъ невредимо». Онъ ушелъ въ покои царицы. Слуги принесли новыя серебряныя бочки съ напитками, и гости до того употчивались, что не помнили, какъ добрались до дому.

Ихъ позвали затѣмъ (18 дек.) въ Разрядъ и раздѣлили на четыре статьи. Причисленные къ первой статьѣ, старѣйшіе и знатнѣйшіе дворяне, получили по 50 рублей годоваго жалованья и въ потомственное владѣніе помѣстье съ 100 душами крестьянъ; второй статьѣ дано жалованья 30 рублей и помѣстье съ 50 крестьянами; третьей статьѣ 20 рублей жалованья и помѣстье съ 30 крестьянами; наконецъ, четвертой статьѣ, состоявшей изъ молодыхъ людей и слугъ, по 15 рублей и помѣстье съ 20 крестьянами; сверхъ того, всѣмъ имъ выдано было денегъ въ размѣрѣ положеннаго имъ годоваго жалованья, по связкѣ соболей, матеріи и т. п. Нѣмцы, нежданно-негаданно вдругъ сдѣлавшіеся богатыми, естественно не помнили себя отъ радости [1].

Извѣстно также, какъ Годуновъ вызывалъ изъ-за границы ремесленниковъ, техниковъ, военныхъ.

Такими и подобными людьми пополнялось теперь подмосковное предмѣстье. Опредѣлить съ точностію численность его жителей невозможно; но если во времена Бориса однихъ ливонскихъ плѣнныхъ полагали до 4.000 человѣкъ, то населеніе Слободы нужно представлять то же

[1] Bussow, 12—17, перев. 22—28; Соловьевъ, изд. 4, VIII, 48—49. По списку Устрялова (I, 25), представленіе во дворцѣ было 24 декабря. Очевидно, это ошибка: наканунѣ праздника Р. Хр. Борисъ не могъ допустить разгульнаго пира.

очень не малымъ, такъ какъ значительная доля иноземцевъ жила именно въ ней. Не безъ причины, на взглядъ заѣзжавшихъ въ нее лицъ, она казалась тогда цѣлымъ нѣмецкимъ городкомъ [1]. Самые вліятельные при Дворѣ иноземцы, какъ доктора Бориса и тѣлохранители и совѣтники Лже-Димитрія I, не жили, правда, въ ней, а пребывали въ чертѣ города: тѣлохранители, напримѣръ, у Арбатскихъ и Чертольскихъ (Пречистенскихъ) воротъ, совѣтники и друзья Самозванца братья Бучинскіе, кальвинисты по вѣроисповѣданію, поселились неподалеку отъ своего господина; но это служило скорѣе на пользу Слободѣ. Докторамъ легче было хлопотать о постройкѣ кирки въ иноземномъ предмѣстьи, и между тѣмъ когда противъ этихъ вліятельныхъ лицъ обнаруживалось народное негодованіе, Слобода не подвергалась опасности. По смерти Годунова дома докторовъ были разграблены, при чемъ лишились имущества совершенно посторонніе люди, которые привезли его изъ загородныхъ мѣстечекъ и спрятали въ докторскихъ домахъ, надѣясь тѣмъ лучше спасти его. При сверженіи Самозванца доставалось однимъ тѣмъ иноземцамъ, которые жили въ Москвѣ: кромѣ стражниковъ, въ числѣ убитыхъ были студенты, нѣмецкіе ювелиры и аугсбургскіе купцы, имѣвшіе много денегъ и всякаго добра. Слобода же считалась тогда на столько безопасной, что многіе бросились было въ нее, чтобы укрыться отъ свирѣпѣвшаго народа [2]. Смести ее могли только смуты, въ которыхъ не устояла и Москва.

Больше всего пострадала она отъ войскъ Самозванца II. Въ одинъ изъ своихъ приступовъ (около 1 сент. 1610 г.) къ Москвѣ, сдѣланномъ съ юго-востока, они пожгли и пограбили Слободу; затѣмъ покончили съ ней Поляки, Литовцы и другіе [3]. Ополченіе Ляпунова, явившееся (весной 1611 г.) на выручку столицы, на мѣстѣ Москвы увидѣло одно пепелище, среди котораго возвышались только стѣны

---

[1] Warhafftige relation, 273, 275.

[2] Bussow, 34, 41, 49—51; Масса, 152, 206; Костомаровъ, Смутное время; наше наслѣдов.: Изъ истор. иностр. исповѣд., 298.

[3] М. Гл. Архивъ М. И. Д.. Дѣла Датскія, св. 9. Bussow, 12; Fechner, I, 179.

Кремля и Китай-города: что же говорить о второстепенныхъ частяхъ ея и о прилегавшихъ къ ней окрестныхъ селеніяхъ?! Жители Слободы разсѣялись, бѣжали, кто куда могъ: часть держалась легальнаго правительства, часть, вмѣстѣ съ пасторомъ Беромъ, предалась второму Самозванцу, другіе поступили въ польскія войска, многіе изъ купцовъ убрались въ Вологду, Архангельскъ, за границу. Даже во всю первую половину царствованія Михаила Ѳеодоровича на мѣстѣ Слободы и въ ея окрестностяхъ виднѣлись одни пустыри, поля и огороды. Иноземцы селились теперь уже въ самой столицѣ.

Озабоченное, при возстановленіи Москвы, преимущественно увеличеніемъ въ ней числа жителей и ихъ безопасностію, правительство задумало собрать въ нее и иноземцевъ, дозволивъ имъ всѣмъ селиться въ чертѣ города. Сами Русскіе, въ ожиданіи новыхъ нападеній, плотнѣе застраивали и гуще заселяли центральныя части Москвы, лѣпились ближе къ укрѣпленіямъ; иноземцы могли выбирать себѣ мѣста во второстепенныхъ частяхъ столицы, Бѣломъ и Большомъ городахъ. На приглашеніе правительства въ Москву, для которой бѣдствія еще не миновали, иноземцы пока неохотно шли въ нее. Голландецъ Симонъ Бусъ, обзаведшійся домомъ и семьей въ Холмогорахъ, просилъ (лѣтомъ 1614 г.) Михаила Ѳеодоровича: «нынѣ, государь, твои воеводы меня, иноземца, съ женишкою, дѣтишками и со всѣми животами высылаютъ на житье къ тебѣ, государю, въ Москву, а велѣно-де всѣхъ насъ, иноземцевъ, выслать туда изъ Архангельскаго города, по твоему государеву указу; и мнѣ, государь, въ нынѣшнее шаткое и безпутное время съ женишкою, дѣтишками и со всѣми животами, оставя дворишко свое, къ Москвѣ на житье подняться не умѣть». Наканунѣ Деулинскаго перемирія (1618 г.), когда для спасенія отъ Владислава были вооружаемы всѣ жители Москвы, иноземцевъ, способныхъ носить оружіе, считая и съ вновь прибывшими, нашлось въ ней менѣе 200 человѣкъ [1]. Быстрѣе развивалась ихъ осѣдлость послѣ мирныхъ договоровъ съ Швеціей и Польшей. Уже къ 1622 году иноземскихъ дворовъ, какъ

[1] Русск. Истор. Библіот. VIII, 110—113; Собр. гос. гр. и догов. III, № 4; Книги Разрядныя, I, 566—575.

узнаемъ изъ современной подворной описи Москвы [1], въ Бѣломъ и Земляномъ городахъ было около 35. Расположены они были по преимуществу въ тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ ближе прилегала прежняя Нѣмецкая Слобода и которыя были безопаснѣе въ случаѣ нападенія и удобнѣе для жительства и торговли, то-есть восточныхъ, около нынѣшнихъ Маросѣйки и Покровки. Чѣмъ занимались иноземцы и сколько ихъ было, изъ описи съ точностію узнать нельзя. Имѣя цѣлію опредѣлить землевладѣніе, она умалчиваетъ о постояльцахъ и называетъ по именамъ однихъ домохозяевъ, съ простымъ означеніемъ: «иноземецъ», «Нѣмчинъ», и лишь иногда съ болѣе частнымъ: «торговый Нѣмчинъ», «переводчикъ», «денежный мастеръ», «серебряный мастеръ» и т. п. Стройку заводили они обширную. Дворъ «лѣкаря Олферья Олферьева» тянулся вдоль 18½ саженъ, поперекъ 4½ сажени, дворъ переводчика Ивана Ѳомина вдоль 21 сажень безъ четверти, поперекъ 11 саженъ, дворъ Нѣмчина Андрея Бука 34 сажени вдоль и 21½ сажень поперекъ, и т. п.; малые дворы занимали саженъ семь вдоль и сажени четыре поперекъ.

Число домовъ возрастало съ каждымъ годомъ, особенно благодаря приливу новыхъ выходцевъ изъ-за границы. Районъ Покровки оставался главнымъ ихъ центромъ, но они являлись теперь и на Тверской, и на Арбатѣ, Сивцевомъ Вражкѣ; на восточной окраинѣ города возникли цѣлыя селеньица, именно въ Огородникахъ «Нѣмецкая Слобода», небольшая, нѣчто въ родѣ погоста, и «Иноземская Слобода», за Старымъ Деревяннымъ городомъ, на линіи между Сыромятною и Мельничной слободами, въ 1638 году имѣвшая около полсотни домовъ [2]. Стройка была деревянная; у богатыхъ купцовъ подъ домами выводились каменныя подвалы, а на дворахъ строились каменныя палатки для товаровъ; нѣкоторые обзавелись и каменными домами. Самый внушительный видъ имѣли описанные уже нами собственно торгово-посольскіе дворы. Олеарій всего болѣе восхищался

[1] «Опись московскимъ дворамъ и списки земель, данныхъ подъ постройки въ 7128—7140 годы», рукоп. Архива Моск. Оружейн. Палаты, № 666/1161 «Новые матеріалы къ исторіи Москвы», наша статья въ Моск. Вѣдом. 1885, № 75.

[2] Переписная книга города Москвы 1638 года. М. 1881.—Послѣдняя Слобода составилась, повидимому, изъ литовско-польскихъ плѣнныхъ.

банями, выстроенными на московскій ладъ [1]. Всѣхъ иноземцевъ лютеранскаго и кальвинскаго вѣроисповѣданій въ Москвѣ онъ полагалъ до 1000 человѣкъ [2], значительная доля которыхъ были, соотвѣтственно политикѣ правительства, различные служилые люди.

Вполнѣ укрѣпиться въ Москвѣ иноземцы однако не съумѣли. Москвичи роптали, что они своими средствами наживы причиняли имъ большой матеріальный ущербъ: одни захватывали русскіе дома въ лучшихъ и наиболѣе покойныхъ мѣстахъ города, перебивая у русскихъ покупателей; иные, нанимая себѣ квартиры у своихъ и Русскихъ, продавали всякіе товары, оптомъ и въ-розницу, безпошлинно. На такіе и подобные незаконные убытки, наносимые иноземцами, не разъ жаловались правительству московскіе и иногородные купцы; челобитная 1638 года была покрыта нѣсколькими сотнями купеческихъ подписей; въ началѣ сороковыхъ годовъ жалобы повторились. Съ купцами иноземцы легко совладѣвали, почти все ограничивалось простымъ и формальнымъ имъ выгокоромъ отъ правительства. Тогда мѣстные интересы приняла подъ свою защиту часть московскаго духовенства, которая сумѣла поставить вопросъ на нравственно-религіозную почву. Во главѣ одиннадцати причтовъ, взявшихся

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Голландскія, ст. спис. № 5. Olearius, 1656, 144, 209. Ср. выше, II гл.

[2] Свидѣтельство Олеарія у насъ, впрочемъ, понимается различно: одни (Соловьевъ, изд. 4, IX, 371; Соколовъ, 16) на основаніи его утверждаютъ, что протестантовъ было въ Москвѣ до 1000 семействъ; другіе (Барсовъ, рус. перев. Олеарія, 369, Рущинскій, 215) указываютъ, что ихъ было только 1000 человѣкъ; В. О. Ключевскій (Сказ. иностранц. о Москов. госуд. М. 1856, 199) передаетъ, будто бы Олеаріи говоритъ, что однихъ Нѣмцевъ-лютеранъ «было больше 1000 семействъ». Въ подлинникѣ, по Шлезвигскому изданію 1647 г.: «Die Lutheraner und Calvinisten seynd bey ihnen wol gelitten... Es seynd derer so in Musscow wohnen zusammen bey tausend Häupter» (193), по дополненнымъ и болѣе употребительнымъ изданіямъ—Шлезвигскому 1656 г.: «Die Lutheraner und Calvinisten... in Musscow wohnen bey 1000 Häupter» (317) и Гамбургскому 1696 г.: «Die Lutheraner und Calvinisten... in Musscau wohnen bey 1000 Häupter (166)—до тысячи головъ, то-есть, конечно, человѣкъ, а не семействъ, или главъ семействъ; во французскомъ переводѣ 1719 г., стр. 381—382:... «et dans la seule ville de Moscou il s'en trouve plus de mille».

хлопотать, было именно духовенство церквей, находившихся въ районѣ прежней Покровки. Указывая на неудобство того, что «ропаты» поставлены Нѣмцами вблизи православныхъ церквей, причты жаловались также, что «Нѣмцы Русскихъ людей у себя во дворахъ держатъ, и всякое осквернение Русскимъ людямъ отъ тѣхъ Нѣмцевъ бываетъ; не дождавшись государева указа, покупаютъ они дворы въ ихъ приходахъ вновь, вдовыя Нѣмки держатъ у себя въ домахъ всякія кормчы, и многіе прихожане хотятъ свои дворы продавать Нѣмцамъ, потому что Нѣмцы покупаютъ дворы и дворовыя мѣста дорогою цѣной, предъ Русскими людьми вдвое и больше, и отъ этихъ Нѣмцевъ приходы ихъ пустѣютъ». Вслѣдствіе того духовенство просило о высылкѣ иноземцевъ изъ вновь пріобрѣтенныхъ ими домовъ, запрещеніи имъ снова покупать тамъ дворы и дворовыя мѣста и объ учиненіи особаго указа о домахъ старыхъ, какъ равно и относительно кирокъ и держанія иноземцами Русскихъ людей.

Правительство посмотрѣло на это дѣло теперь со всею строгостію. Сверхъ распоряженія о сломкѣ «ропатъ», царскій указъ, состоявшійся по поводу челобитной, повелѣвалъ: «на Москвѣ, Китаѣ, въ Бѣломъ городѣ, и за городомъ въ слободахъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ Нѣмцамъ и Нѣмкамъ вдовымъ у Русскихъ людей не покупать и купчихъ и закладныхъ на то въ Земскомъ приказѣ не записывать». Изъ приказа Большаго дворца послана была (4 марта) о томъ память въ Земскій приказъ, чтобъ исполнена была царская воля; тѣмъ Русскимъ, которые и послѣ того осмѣлились бы запродать свои дома и дворовыя мѣста, угрожалось царскою опалой. Распоряженіе было принято потомъ «Уложеніемъ» и сдѣлалось укрѣпившимся закономъ [1].

Ограниченіе свободы заселять новыя мѣста столицы было мѣрою временной: иноземцы вскорѣ совсѣмъ были удалены за предѣлы города, ближайшимъ поводомъ къ чему послужили опустошительные пожары лѣтомъ 1652 года. Въ теченіи трехъ дней, 4—6 іюня, сго-

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Англійскія дѣла, св. 11, 1638 г., № 1: «Дѣло по челобитью россійскихъ купцовъ на аглинскихъ и другихъ націй торговыхъ людей». Акт. Истор. III, № 36; Полн. Собр. Закон., I, Уложеніе, XIX, 40; К. А. Неволинъ, Полн. собр. сочиненій. Спб. 1857, IV, 274.

рѣла громадная часть Бѣлъ-города, по иностраннымъ извѣстіямъ, болѣе 400 домовъ. Поднялся вопросъ о застройкѣ погорѣлыхъ мѣстъ и нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ планахъ улицъ; приняты мѣры противъ возобновленія пожара. Настрого было заказано имѣть въ домахъ по ночамъ огонь; обязанность наблюденія за этимъ была возложена на особыхъ ночныхъ дозорщиковъ, которые объѣзжали городъ и заходили иногда въ самые дома, чтобы освидѣтельствовать, нѣтъ ли тамъ въ печахъ горячихъ углей. Иноземцы жаловались на убытки отъ пожаровъ, но въ тоже время не желали подвергаться ночнымъ посѣщеніямъ дозорщиковъ и домогались, чтобы ихъ избавили отъ такого надзора. Это, конечно, увеличивало неудовольствіе на нихъ Москвичей [1]. Не удивительно, что осенью того же года правительство занялось размежеваніемъ для нихъ подъ Москвой особаго селенія. «По указу великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, говорится въ оффиціальномъ документѣ 4 октября 1652 года, Аѳанасій Ивановъ Нестеровъ да дьяки Ѳедоръ Ивановъ и Богданъ Арефьевъ строили Новую Иноземскую Слободу за Покровскими воротами, за Земляным городомъ, подлѣ Яузы рѣки, гдѣ были напередъ сего Нѣмецкіе дворы при прежнихъ великихъ государяхъ до московскаго раззоренья, и роздали въ той Нѣмецкой Слободѣ подъ дворы земли, размѣря противъ наказу, каковъ имъ данъ изъ Земскаго приказа, по приказу окольничьяго Богдана Матвѣевича Хитрова» [2]. Вновь явившаяся слобода, впрочемъ, невполнѣ совпадала съ прежней, погибшей въ Смутную эпоху, строилась болѣе въ сѣверовосточномъ

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Голландскія, 1664 г., № 5, и Статейный списокъ, № 4. Новый лѣтописецъ, издан. по списку кн. Оболенскаго. М. 1853, прилож. стр. 8—9; Theatrum Europaeum. Frankf. am. M. 1663, 320—322.

[2] Полн. Собр. Зак. I, № 85. Этотъ документъ 1652 г. подрываетъ также сообщеніе, будто бы Слобода явилась въ 1635 г. Основанное на неправильномъ пониманіи датъ Олеарія, первоначально оно было высказано Büsching'омъ (II, 220) и повторено Grot'омъ (I, 238), Posselt'омъ (I, 213), Снегиревымъ (Пр. Об. 1862, IX, 36) и др.; Ключевскій (199) представлялъ такъ, что данная «Иноземская Слобода» была выстроена «незадолго до пріѣзда Олеарія» (въ первый разъ, какъ знаемъ, пріѣзжалъ въ 1634 г., въ послѣдній въ 1643 г.) и еще когда благополучно стояла старая «Нѣмецкая Слобода».

направленіи, вверхъ по Яузѣ и дальше отъ устья, именно тамъ, гдѣ теперь Нѣмецкая улица и прилегающіе къ ней кварталы.

На выселеніе за черту города иноземцы посмотрѣли съ своей точки зрѣнія. Извѣстный Олеарій такъ изображаетъ это дѣло [1]. Несшіе службу и занимавшіеся торговлей въ Россіи Нѣмцы, Голландцы, Французы и другіе иноземцы, чтобы ближе походить на Русскихъ и при встрѣчахъ и обращеніи съ ними избавиться отъ различныхъ непріятностей и обидныхъ прозвищъ, перемѣнили свое платье на русское. Совершая крестный ходъ по улицамъ Москвы, патріархъ замѣтилъ, что нѣкоторые, когда онъ преподавалъ благословеніе народу, кланяются недостаточно глубоко и, узнавъ, что это «Нѣмцы», сказалъ: «Грѣшно, что такимъ способомъ нечестивые иноземцы, не узнанные, могутъ восхищать святое благословеніе» [2]. Ближайшій указъ объ иноземцахъ послѣ этого былъ тотъ, чтобы они немедля скинули русское платье и носили одежду своей страны. За недостаткомъ готоваго новаго платья и умѣлыхъ портныхъ, многіе вынуждены были одѣться въ старое, доставшееся отъ отцовъ и дѣдовъ, валявшееся въ сундукахъ и бывшее часто не впору. Неудовольствіемъ патріарха воспользовались московскіе священники и повторили свою прежнюю жалобу на опустѣніе ихъ приходовъ отъ Нѣмцевъ. Прежде, по особому расположенію «великаго князя» къ Нѣмцамъ, священники не могли добиться желаемаго; теперь же, когда на иноземцевъ вознегодовалъ самъ патріархъ, они довели дѣло до того, что вышелъ строгій указъ: кто изъ Нѣмцевъ окрестится въ Русскую вѣру, можетъ остаться въ городѣ; кто отказывается, долженъ перенестись со всѣмъ своимъ домомъ за городъ, за Покровскія ворота, на Кукуй, на старое мѣсто жительства иноземцевъ. Названіе Кукуя обращено было въ бранное; Русскіе, при встрѣчѣ съ иноземцами, насмѣшливо по-

---

[1] Въ первый разъ во второмъ изданіи своего сочиненія, изготовленномъ къ печати въ 1654 году. Olearius, 1656, 183—184, 317—319; ср. 1696, 92—93, 166—167, рус. пер. 163—164; 369—372.

[2] Данный случай Олеарій считаетъ совершившимся за годъ до изготовленія къ печати втораго изданія своего сочиненія, патріархъ названъ «теперешнимъ», слѣдовательно, говорится здѣсь о событіи 1652—1653 годовъ и изъ патріарховъ подразумѣвается Никонъ, несшій этотъ санъ съ іюля 1652 года.

сылали ихъ туда, и эти обратились къ государю съ челобитной, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свою защиту и запретилъ поносить ихъ на улицахъ бранными словами. Оскорблять Нѣмцевъ было запрещено подъ угрозой наказанія кнутомъ, нѣсколько ослушниковъ указа возвратились домой съ окровавленными спинами, и Нѣмцы избавились отъ брани. Самое названіе селенію государь перемѣнилъ на другое, назвалъ его Новою Иноземскою Слободою.

Голштинскому писателю, принадлежавшему къ кругу тѣхъ западно-европейцевъ, которые всѣ причины невзгодъ съ иноземцами видѣли въ однихъ Русскихъ и русскомъ духовенствѣ, и писавшему, въ данномъ случаѣ, по слухамъ, ничего инаго и нельзя было представить, какъ скользнуть по поверхности событія, ограничившись передачей наивнаго повода, въ родѣ случая на крестномъ ходѣ, къ рѣшительной мѣрѣ правительства. Онъ не могъ ни понять дѣйствительныхъ русскихъ интересовъ, ни сообщить о томъ, что западные пришельцы своею, подчасъ чисто еврейскою эксплуатаціей мѣстнаго населенія и соблазнами его нравственно-религіозному чувству, переполнили наконецъ мѣру терпѣнія правительства, которое, истощивъ всѣ мѣры для борьбы съ этимъ зломъ, но и сознавая пользу иноземцевъ для нѣкоторыхъ изъ своихъ практическихъ задачъ, не нашло инаго лучшаго средства, какъ отдѣлить ихъ отъ кореннаго населенія, подобно тому какъ это дѣлалось съ Евреями во многихъ европейскихъ городахъ и какъ поступало наше правительство въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Данное распоряженіе находилось въ согласіи съ правительственными мѣрами—удаленіемъ (1649 г.) членовъ Англійской компаніи изъ всѣхъ русскихъ городовъ къ пограничному Архангельску, чего, кромѣ русскаго купечества, добивались и соперники Англичанъ, Голландцы: неоднократными ограниченіями помѣстнаго владѣнія и найма русской прислуги и т. п.

Одинаковой достовѣрности извѣстіе Олеарія и о переименованіи предмѣстья: «Новою Иноземскою Слободой» селеніе означено въ оффиціальномъ документѣ сразу же, еще до его постройки. Послѣднее названіе вообще было болѣе оффиціальнымъ; на обыкновенномъ языкѣ предмѣстье называли Ново-Нѣмецкой Слободой или просто Нѣмецкою Слободой, какого названія не чуждались и правительственные акты,

а впослѣдствіи и вполнѣ усвоили его. И если старинное прозвище «Кукуй» нашими примѣнялось, дѣйствительно, съ цѣлію насмѣшки, то и сами иноземцы употребляли его во взаимныхъ между собою сношеніяхъ, напримѣръ, полковникъ Друммонтъ въ своемъ письмѣ (3 окт. 1664 г.) къ Гордону [1].

Удаленіемъ иноземцевъ въ Слободу правительство не имѣло намѣренія нанести имъ вреда или существеннаго стѣсненія. Оно надѣялось этимъ лишь придать ихъ жизни соотвѣтствующій характеръ, ослабить вредъ, причиняемый ими нашимъ, и удобнѣе пользоваться ими, какъ орудіемъ для достиженія своихъ практическихъ цѣлей, на содѣйствіе къ выполненію которыхъ они были призваны. На новомъ мѣстѣ оно отвело имъ участки земли вполнѣ достаточные, соотвѣтственно съ званіемъ и состояніемъ каждаго, отъ 40 до 8 саженъ вдоль и отъ 20 до 6 саженъ поперекъ, взамѣнъ тѣхъ, какими они владѣли въ городѣ; кто не имѣлъ, тѣмъ выданы даромъ [2]. Сами иноземцы, по словамъ того же Олеарія, скоро увидѣли, что имъ было здѣсь безопаснѣе отъ пожаровъ, слишкомъ частыхъ среди города, и большинство ихъ говорило, что запрещеніе носить русскую одежду и отдѣленіе ихъ отъ Русскихъ было для нихъ только новымъ удобствомъ.

Лѣтъ чрезъ десять по своемъ основаніи, Слобода производила впечатлѣніе довольно значительнаго, хотя еще и простаго подгород-

---

[1] Tagebuch des Generals Patrick Gordon. M. 1849, I, 350.

[2] Изъ «служилыхъ Нѣмцевъ» одни—именно высшіе военные чины—получили по 40 саженъ вдоль и по 20 поперекъ, другіе—оберъ-офицеры—вдоль по 30 и поперекъ по 15 саженъ, третьи—офицеры—вдоль по 15 саженъ, поперекъ по 10; врачи приравнены съ первыми; аптекари, золотаго, серебрянаго, канительнаго и кружевнаго дѣлъ мастера сравнены со вторыми; мелкимъ чинамъ—капраламъ, сержантамъ, полковымъ обозничимъ и т. п.—отведено по 10 саженъ вдоль и по 8 поперекъ; торговымъ людямъ и вдовамъ даны такіе же участки, какіе занимали ихъ прежніе дворы въ Москвѣ, а прочіе, у кого своихъ домовъ не было, получили вдоль по 8, поперекъ по 6 саженъ (Полн. Собр. Закон. I, № 85). Пасторы при надѣлѣ земли были почти приравнены къ высшимъ служилымъ иноземцамъ (см. выше, стр. 80), такъ какъ участки имъ отводились вмѣстѣ и подъ кирки.

наго селенія. Такою изобразилъ (1661 — 1662 г.) ее Мейербергъ [1]. На четырнадцатомъ году ея существованія Иноземскій приказъ сдѣлалъ ей подворную опись. Насчитали 204 дома, болѣе двухъ третей которыхъ принадлежало военнымъ чинамъ; за этими, по количеству, слѣдовали дома мастеровъ, торговыхъ, медиковъ, пасторовъ и т. д. Во многихъ домахъ квартировали постояльцы, въ иныхъ по нѣскольку семей. Прислуживали большею частію Поляки, преимущественно изъ плѣнныхъ, и Татары [2]. Не смотря на состоявшееся потомъ допущеніе

---

[1] Рисунки къ Путешествію по Россіи римско-императорскаго посланника барона Мейерберга. Изд. Ѳ. Аделунгомъ. Спб. 1827, № 52; Fr. Adelung, Augustin Fr. von Meyerberg. S. Petersb. 1827, 208—210, рус. пер. 207—208.

[2] Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, разрядная вязка № 1, дѣло 125: «Р҃ог году Переписныя книги дворамъ въ Ново-Нѣмецкой Слободѣ и кто въ нихъ люди, по наказной памяти Иноземскаго приказу». Эти «Переписныя книги» 1665 года начинаются такъ: «Лѣта ҂ζр҃ог августа въ к҃к день по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержца, указу и по наказу изъ Иноземского приказу, за приписью діака Михайла Кузовлева, Яковъ Ивановичъ Шишковъ переписывалъ въ Новой Нѣмецкой Слободѣ дворы и во дворѣхъ людей по имяномъ, хто изъ какова чину; и тому Переписные книги». Затѣмъ идетъ перечень домохозяевъ, съ указаніемъ ихъ званія и жильцовъ. Изъ означенныхъ въ описи 204 домовъ собственно военнымъ иноземцамъ и ихъ вдовамъ принадлежало 142, изъ нихъ полковничьихъ 42, подполковничьихъ 23, капитанскихъ 32, майорскихъ 16, поручиковыхъ 18, ротмистровыхъ 6, прапорщиковыхъ 5; разнымъ мастерамъ 24, изъ нихъ живописцу 1, пушечнаго дѣла мастеру 1, ружейнаго дѣла 2, ружейнаго дозорщика вдовѣ 1, золотаго дѣла мастерамъ 2, серебрянаго дѣла мастерамъ 7, часовщикамъ 2, сѣдельникамъ 1, портнымъ 7; лѣкарямъ 2, аптекарямъ 2; переводчикамъ 3, торговымъ иноземцамъ 23, стряпчему торговыхъ людей 1, «иноземцамъ» 2, евреянину 1 и 1 лицу неизвѣстнаго званія; пасторамъ принадлежало три дома: одинъ Кравинкелю, два Фадемрехту; пасторъ Грегерзенъ означенъ квартировавшимъ въ домѣ портнаго Фербера. Вотъ мѣста о пасторахъ: «Во дворѣ пасторъ Яганъ Сокравелькъ, людей у нево Нѣмчинъ Робортко съ женою» (съ него и начинается реестръ)... Дворъ пастора Балсыря Петрова, живетъ Андрей Уделъ, мастеръ, что дѣтей учитъ» (этотъ дворъ по счету 65)... Во дворѣ портной мастеръ Павелъ Ферберъ, человѣкъ у нево наемной касимовской Татаринъ Ивашко; у Павла жъ на дворѣ стоятъ лѣкарь Микулай Петровъ да пасторъ Андрей Григорьевъ, у Микулая наемной человѣкъ Татаринъ Исайко, у пастора наемной человѣкъ Татаринъ Мишка (по счету 74 домъ). Во дворѣ пастырь Балсырь Петровъ, чело-

богатыхъ купцовъ селиться опять въ чертѣ города, ихъ очутилось въ Москвѣ лишь семей съ десять: всѣ другіе жили въ своемъ подмосковномъ предмѣстьи [1], которое, годъ отъ году разширяясь, болѣе и болѣе принимало своеобразный видъ, рѣзко отличавшій его отъ русскихъ селеній. Въ предмѣстьи собрались теперь представители едва ли не всѣхъ западноевропейскихъ народностей, съ преобладаніемъ нѣмецкой; лица различныхъ христіанскихъ исповѣданій, причемъ первое мѣсто по количеству и значенію принадлежало лютеранамъ, затѣмъ реформатамъ, менѣе всего было католиковъ; здѣсь жили люди самыхъ разнообразныхъ профессій: духовные, торговцы, фабриканты, мастеровые, художники, переводчики, врачи, военные, изъ нихъ военные и вообще служилые были классомъ самымъ многочисленнымъ. Собраніе въ одномъ мѣстѣ разнохарактерной и ищущей прибытковъ группы первоначально, какъ увидимъ, сильно отразилось на взаимныхъ отношеніяхъ ея членовъ, все же она представляла весьма компактную иноземную массу, вкусамъ которой соотвѣтствовалъ и внѣшній видъ селенія. Дома были деревянные, но западноевропейской архитектуры, и обрамлены садами и полисадниками; улицы прямыя, широкія. Если «Нѣмецкая Слобода» временъ Годунова казалась «нѣмецкимъ городкомъ», то «Ново-Иноземская Слобода» по внѣшнему виду и внутреннему своему складу стала представляться уже «нѣмецкимъ городомъ». Не задолго до

вѣкъ у нево наемной Татаринъ Тимошка, казанецъ» (75 домъ). Наиболѣе занятые дома были «иноземца» Петра Мартынова и полковника Гершау. «Во дворѣ иноземецъ Петръ Мартыновъ, людей у нево Нѣмчинъ Петръ Макъ съ женою да съ дѣтьми, да у нево жъ Поляки Мартынко да Казимерко, каталицкія вѣры; на томъ же дворѣ круживново дѣла мастеръ Антонъ Томосовъ, человѣкъ у нево Нѣмчинъ Вилимко; на томъ же дворѣ канетильнова дѣла мастеръ Вилимъ Леонтьевъ (2 домъ по счету)... Во дворѣ полковникъ Фредрихъ Ершовъ съ товарищи; на томъ же дворѣ порутчикъ Томосъ Брюсъ» (105 домъ).—Опись, повидимому, не полна: на ней есть помѣта: «къ справкамъ не слѣдуетъ». Въ ней не упоминается о кирхахъ, не названо ни одного генерала, тогда какъ Мейербергъ видѣлъ въ Слободѣ три кирки: одну кальвинскую и двѣ лютеранскихъ, и въ числѣ жившихъ въ ней назвалъ «генералъ-лейтенанта» Николая Баумана.—Другая опись Слободы найдена нами въ Моск. Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, въ Лефортовскомъ дворцѣ, и относится къ 1717 году. Въ свое время будетъ нами сказано и о ней.

[1] Kilburger, 338.

смерти Алексѣя Михайловича, членъ австрійскаго посольства, Викгартъ [1], отмѣтилъ о ней: «Внѣ столицы, въ полчаса пути, лежитъ нѣмецкій городъ, большой и людный, гдѣ Нѣмцы, генералы, полковники и низшіе офицерскіе чины, вмѣстѣ съ многими купцами, художниками, ремесленниками, комедіантами и музыкантами верхне-нѣмецкой, голландской, англійской и шведской націй, имѣютъ хорошія жилища и съ широкой свободой пользуются дозволеніемъ лютеранскихъ и кальвинскихъ обрядовъ».

Расположенная подъ столицей, вблизи центра правительственной власти, которая постепенно расширяла сферу службы у насъ иностранцевъ, и выдѣливъ изъ себя богатыхъ купцовъ, устроившихся въ чертѣ города, Ново-Иноземская Слобода сдѣлалась представительницей иноземцевъ по преимуществу служилыхъ, почему болѣе сходными съ ней, по составу жителей, были западноевропейскія группы, находившіяся въ Сѣвскѣ, Бѣлгородѣ, Астрахани и другихъ укрѣпленныхъ пунктахъ. Военные, посылаемые туда на службу въ полки и гарнизоны, нерѣдко имѣли въ ней свои дома и семьи, на свое пребываніе тамъ смотрѣли, какъ на временное, и стремились къ своему домашнему очагу. Собственно военные были многочисленны и въ Нижегородской группѣ, но въ ней очень замѣтны были и купцы [2]. На заводахъ Тульскаго и другихъ районовъ дѣйствовалъ торгово-промышленный классъ [3], и лишь на отдаленныхъ заводахъ богатыхъ купцовъ Строгановыхъ еще въ XVI вѣкѣ находили себѣ работу даже нѣмецкіе воины, вѣроятно, изъ ливонскихъ плѣнныхъ [4]; въ группахъ, осѣвшихъ на главномъ торговомъ пути съ Западомъ, жили почти одни торговые люди. Новгородъ и Псковъ не могли воротить себѣ первенствующей

---

[1] C. V. Wickhart, Moscowitische Reiss-Reschreibung... in dem 1675-sten Jahren. Wienn (1676), 184.

[2] Olearius, 1656, 338, 757; 1696, 176, 397.

[3] Kilburger, ч. IV, гл. IV—V; Гамель, Описаніе Тульскаго оружейнаго завода въ историческомъ и техническомъ отношеніи. М. 1826, гл. I; Металлы, металлическія издѣлія и минералы въ древней Россіи, соч. М. Д. Хмырова, испр. и доп. Скальковскимъ. Спб. 1875, гл. VIII—IX, XII.

[4] Сибирская лѣтопись, изд. Спасскимъ. Спб. 1821, 17; Именитые люди Строгановы. Спб. 1842, 11.

роли во внѣшней торговлѣ. Иноземныхъ купцовъ правительсво продолжало отвлекать отъ поѣздокъ сюда и, сообща съ мѣстными жителями, принимало мѣры, чтобы они ставились только на однихъ гостинныхъ дворахъ; а инженеры, мастера и военные люди, снаряжаемые на службу и для производства различныхъ работъ, не были также достаточно многочисленными и долговременными гостями, чтобы основать здѣсь особую «иноземскую слободу» [1]. Излюбленными и привилегированными мѣстами иноземцевъ въ Сѣверной Россіи были теперь Архангельскъ и Вологда.

Кромѣ «Государева гостиннаго Нѣмецкаго двора», назначеннаго подъ иноземные товары, западноевропейцы еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVII вѣка имѣли на Архангелогородскомъ Посадѣ 7 своихъ дворовъ: три Голландцы и по два Англичане и московскіе Нѣмцы. Дворы стояли на концѣ Посада, недалеко отъ рѣки, оберегались русскими дворниками и отличались помѣстительностію, особенно Англійскій дворъ [2], вызывавшій со стороны Русскихъ различныя шутки. Архангелогородцы называли его «англійскимъ дворцомъ» и,

---

[1] См. наприм. указъ Михаила Ѳедоровича вологодскому воеводѣ, чтобъ «никакимъ Нѣмцамъ въ Великій Новгородъ и во Псковъ не ѣзжать, но къ Москвѣ», М. Гл. Архивъ М. И. Д., Приказныя дѣла 1621 г., св. 10, № 27; затѣмъ Полн. Собр. Рус. Лѣт., IV, 334; Акт. Арх. Экси. III, № 182; Соловьева, изд. 4, IX, 358, X, 173, и др.

[2] Въ Вельяминовской описи (Моск. Архивъ М. Юстиціи, Писцовыя книги по г. Архангельску, № 9: «Подлинная писцовая книга Мирона Андреевича Вельяминова, ҁ҃ѯ҃л—р҃м҃г», л. 32—38, 47—48) читаемъ: «На Посадѣ жъ дворы нѣмецкіе. Дворъ и анбары голанскова гостя Юрья Клинка, а въ немъ живетъ дворникъ Демидко Сидоровъ сынъ Яшневъ, а на дворѣ четыре анбара да два сарая, а оброкъ съ тово двора и съ анбаровъ сбираютъ въ корабельную пристань таможенные жъ головы. Дворъ англинскихъ гостей, а въ немъ живетъ дворникъ Павликъ Офонасьевъ сынъ Корелянинъ, на томъ же дворѣ тринадцать анбаровъ да сараи. Дворъ Англинской же, предняой, шеемной, а въ немъ живетъ дворникъ Олешка Ивановъ сынъ Патрекѣевъ. Дворъ Голанскіе земли Нѣмчина Ондреяна Володимерова, а въ немъ живетъ дворникъ Олешка Гавриловъ сынъ Епифановъ, а на дворѣ анбаръ большой да анбаръ тесовой, оброку восмь алтынъ двѣ деньги. Дворъ московского Нѣмчина Ивана Елизарова, а на дворѣ анбаръ тесовой да сараи, оброку шестнатцать алтынъ четыре деньги. Дворъ московского жъ Нѣм-

когда сгорѣлъ (1619 года) мѣстный монастырь, въ насмѣшку надъ Англичанами говорили, что они отведутъ его подъ монастырь, какъ, по своей помѣстительности, самое пригодное на этотъ предметъ зданіе [1]. Ниже дворовъ, у рѣки, мѣсто было застроено лавками мелкихъ торговцевъ, раскладывавшихъ свои товары во время навигаціи; за Англійскимъ дворомъ лежалъ обширный участокъ земли, присвоенный членами Компаніи. На немъ складывали они якори и другія корабельныя снасти и жили Русскіе, которые нанимались у англійскихъ купцовъ на работу. О мѣстѣ вышло недоразумѣніе; Джонъ Мерикъ просилъ государя не отнимать его у Англичанъ, и архангелогородскому воеводѣ кн. Хилкову былъ посланъ (5 іюня 1621 г.) указъ, чтобы онъ сыскалъ накрѣпко, какъ давно это мѣсто было за англійскими гостями, и если окажется дѣйствительно принадлежавшимъ имъ, оставить его за ними. Мерика безпокоило еще, что неподалеку отъ двора стояла торговая баня, отъ которой можетъ случиться пожаръ. Мыльню государь велѣлъ перенести.

Предосторожности плохо спасали отъ пожаровъ, неоднократно пустошившихъ иноземскіе дворы и Архангельскъ. Джонъ Мерикъ предъявлялъ было нашему правительству искъ на 40.000 руб., въ которые онъ оцѣнилъ убытки Компаніи отъ случившагося предъ тѣмъ (1619 года) здѣсь пожара. Ему отвѣтили бояре: «объ этомъ пожарѣ тебѣ бы и вспоминать не пригоже, потому что онъ учинился отъ англійскихъ гостей на ихъ дворѣ; тогда сгорѣла многая государева казна, государевымъ Русскимъ людямъ и иноземцамъ разныхъ государствъ убытка учинилось на много сотъ тысячъ

чина Матвѣя Петрова, а на дворѣ анбаръ. Дворъ Голанскіе земли Нѣмчина Хабьяна Хабьянова». Что касается Государева гостиннаго Нѣмецкаго двора, то онъ вмѣщалъ 86 государевыхъ амбаровъ, которые снимали иноземцы, и 34 амбара, собственность «нѣмецкихъ заморскихъ гостей и торговыхъ Нѣмецъ», причемъ Голландцамъ принадлежало 28 амбаровъ, Гамбуржцамъ и Нѣмцамъ по три. Сверхъ того, «московскіи Нѣмчинъ» Андрей Дюкеръ имѣлъ свой амбаръ въ Государевомъ Русскомъ гостинномъ дворѣ, другой «московскій Нѣмчинъ», Андрей Букъ, имѣлъ амбаръ подлѣ этого двора.

[1] Записки о Россіи XVII-го и XVIII-го вѣка, по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ, Вѣстн. Евр. 1868, VIII, 803.

рублей; Русскіе люди, Голландцы и иные пріѣзжіе Нѣмцы били челомъ царскому величеству сыскать ихъ убытки съ англійскихъ гостей; но государь оказалъ англійскому королю и его гостямъ любовь, убытковъ и пошлинъ съ погорѣлыхъ товаровъ брать не велѣлъ». Въ 1667 году сгорѣли государевы гостинные дворы, Русскій и Нѣмецкій, и почти весь Посадъ. Изъ Москвы пріѣхали (1668 г.) Петръ Марселисъ и Вильгельмъ Шарпфъ съ царскимъ повелѣніемъ заняться устройствомъ на прежнемъ мѣстѣ каменныхъ гостинныхъ дворовъ. До сготовки новыхъ зданій для склада товаровъ поставили было «нѣмецкіе амбары» подлѣ острожной стѣны, но вскорѣ загорѣлось (15 сент. 1669 г.) въ одномъ изъ нихъ, и пожаръ уничтожилъ не только амбары, а и острогъ, со всѣми въ немъ казенными и торговыми помѣщеніями. Трое иноземцевъ, два Голландца и одинъ Гамбуржецъ, свои торговые зданія выстроили на мѣстахъ, гдѣ предъ тѣмъ были двѣ православныхъ церкви, сгорѣвшія во время пожара. На допросѣ у воеводы они сказали, что «поставили тѣ амбары на церковныхъ мѣстахъ собою, не бивъ челомъ великому государю, и государева указа у нихъ о томъ нѣтъ»; къ своимъ показаніямъ они рукъ не приложили. На отношеніе воеводы въ Москву, какъ поступить ему, послѣдовалъ царскій указъ (25 апр. 1672 г.) снести дворы на иныя мѣста, гдѣ быть имъ пристойно. Прежній Англійскій домъ, по уничтоженіи привилегіи Компаніи, былъ обращенъ подъ тюремный и назывался Большою тюрьмою.

Увеличенію числа иноземскихъ дворовъ все это не мѣшало. Мало по малу выстроилась цѣлая «Нѣмецкая Слобода», гдѣ, въ домѣ иноземца Мартына Быхлина, прожилъ одну осень самъ двинскій воевода; это было послѣ пожара (1669 года), уничтожившаго Съѣзжую избу и другія казенныя зданія. Застраивая тяглые земли, принадлежавшія посадскимъ людямъ, иноземцы старались уклоняться отъ платежей соотвѣтственной подати. Посадскіе люди били челомъ Алексѣю Михайловичу: «Жалоба наша, государь, на торговыхъ иноземцевъ Голландской, Гамбурской и Бременской земель. Живутъ они, иноземцы, у Архангельскаго города въ рядъ съ нами, посадскими людьми; кромѣ того, что на твоихъ гостинныхъ дворахъ построили себѣ дворы, они поставились своими выставочными

домами на наши тяглыя мѣста, чѣмъ заперли нашу искони мірскую дорогу, нѣтъ ни намъ, ни скотамъ нашимъ ходу, а прохожій мостъ они разломали и разбросали; этихъ выставочныхъ дворовъ на нашей тяглой землѣ восемнадцать, и всѣ они съ амбарами, погребами, выносными поварнями, мѣрою подъ каждымъ дворомъ по сороку саженъ и больше; да двое иноземцевъ заперли проходъ къ нашимъ мяснымъ лавкамъ: одинъ поставилъ рядомъ съ ними два амбара, а другой выстроилъ за ними, къ рѣкѣ, поварню для топленія говяжьяго сала и сушенія кожи. И между тѣмъ какъ они, иноземцы, отъ сдачи въ кортому своей братьѣ, торговымъ иноземцамъ, всѣхъ этихъ зданій корыствуютца, намъ отъ нихъ одинъ вредъ; твоихъ государевыхъ податей съ нами не платятъ, и мы обнищали и задолжали. Иноземцы еще разъѣзжаютъ по волостямъ за покупкою у крестьянъ скота, рыбы и всякаго харча, тѣмъ пошлину обходятъ, не платятъ ее, и на Посадѣ ничего не покупаютъ, а у насъ никакихъ большихъ торговъ нѣтъ, кромѣ мяса, рыбы и всякаго харчу, и мы отъ иноземцевъ въ конецъ погибаемъ. Милосердый государь, вели имъ съ тяглыхъ нашихъ мѣстъ, которыми они завладѣли подъ свои дворы, твои всякія подати съ нами платить наравнѣ, чтобы намъ отъ ихъ выставочныхъ дворовъ, отъ дорожнаго и лавочнаго запора, захватовъ нашихъ тяглыхъ мѣстъ и отъѣзжихъ торговъ по волостямъ не погибнуть въ конецъ и не разбрестись врозь». Къ челобитной подписались священныхъ Спасской церкви Иванъ Романовъ «за посадскихъ людей Архангельскаго города, дѣтей своихъ духовныхъ»; сотскій и нѣсколько посадскихъ. Государь велѣлъ (12 марта 1664 г.) двинскому воеводѣ удовлетворить челобитчиковъ: иноземскіе дворы, поставленные на тяглыхъ дворовыхъ мѣстахъ безъ государева указа и причиняющіе тѣсноту, приказать снести, съ дворовъ, которымъ оставаться можно, заставить иноземцевъ платить тягло въ міръ сверхъ оброка, если платятъ его. Послѣ того иноземцы, занимавшіе новыя мѣста, платили тягло по уговору съ посадскими людьми.

Полнымъ оживленіемъ Архангелогородская Нѣмецкая Слобода отличалась во время навигаціи. Купцы, проживавшіе въ Россіи, встрѣчались въ ней и на пристани съ своими заграничными земляками; шелъ быстрый обмѣнъ товаровъ, чтобы можно было во время воро-

титься домой. Среди лѣта то и дѣло, что прибывали новые корабли группами, въ одинъ день по нѣскольку. 3 іюля 1621 года пришлыо 5 кораблей, по два изъ Гамбурга и Амстердама и одинъ изъ Любека; на слѣдующій день пристало ихъ 13, изъ нихъ 10 амстердамскихъ, остальные лондонскіе; на лондонскихъ сидѣло 72 человѣка; по 7-е іюля всего прибыло 25 кораблей; въ 1665 году ихъ перебывало 67; обыкновенно за лѣто ихъ пріѣзжало десятка четыре. У кораблей, по ночамъ или въ пасмурную погоду, когда заморскіе купцы, во избѣжаніе пошлинъ, старались тайно сгружать или нагружать товары, случались нерѣдко ссоры и драки между иноземцами и Русскими, оканчивавшіяся даже убійствами; но это не отражалось на судьбѣ Слободы. Осенью все лишнее разъѣзжалось, и въ Нѣмецкой Слободѣ новое затишье. Изъ остававшихся и жившихъ въ Россіи иноземцевъ часть, небольшая, ѣздила на зимнюю ярмарку въ сосѣдніе Холмогоры, въ которыхъ, какъ Архангельскъ ни уронилъ ихъ значенія, продолжалась держаться значительная торговля и имѣлось нѣсколько англійскихъ и другихъ складовъ и домовъ; главная масса купеческаго люда отплывала внутрь Россіи [1], чрезъ свои важнѣйшія перепутья и пристанища, Вологду, Ярославль и другія.

Роль Вологды, какъ весьма удобнаго мѣста для склада товаровъ и торговли, иноземные купцы опредѣлили скоро. Нѣкоторые изъ агентовъ Англійской компаніи считали ее болѣе выгодною, чѣмъ Новгородъ и даже Москва: въ ней безопасно, обиліе разныхъ товаровъ, обширная торговля, между тѣмъ въ Москвѣ, вблизи двора, Компаніи придется тратить половину своихъ барышей на подарки царскимъ чиновникамъ и на иные расходы [2]. Хотя во время Между-

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Англійскія дѣла, св. 4. 1620—1621 гг.: «Пріѣздъ въ Россію Англійскаго посла кн. Пв. Ульянова Мерика»; Приказныя дѣла, св. 8, № 4: «Списокъ пріѣзжимъ кораблямъ къ Архангельскому». Лѣтописецъ Двинской, въ Др. Рос. Вивліоѳ., 2 изд., XVIII. 33—34, 39—40; Kilburger, ч. IV. гл. 1—II. Дополн. къ Акт. Истор. IV, № 52, V, № 48, VI, №№ 5, 21, 51; Крестининъ, Историческіе начатки о Двинскомъ народѣ. Спб. 1784. гл. IX—X; его же, Краткая исторія о городѣ Архангельскомъ. Спб. 1792, 175—180; Костомаровъ, Очеркъ торговли, и друг.

[2] Hakluijt's Collection, I. 287.

царствія дома англійскихъ и другихъ купцовъ пострадали, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ ихъ оказалось значительное количество. Какъ и въ Архангельскѣ, стояли они на Посадѣ, по склону къ рѣкѣ, именно на восточной сторонѣ города, въ Новинкахъ. Видиѣе другихъ были дома Англійской компаніи, Асборна, Петра Марселиса, Филимона Акемы, Давида Рутца, Юрія Кленка, Петра Деладала и иные. Подъ каждымъ изъ дворовъ было мѣста по два, по три [1]. Карлейль, задержанный въ Вологдѣ уже послѣ утраты Англійскою компаніей своихъ привилегій, нашелъ (осенью 1663 г.) здѣсь немало англійскихъ купцовъ, въ обществѣ которыхъ члены посольства старались развлекать себя музыкою, разными домашними играми, танцами, охотою и катаньемъ на конькахъ; купцы совѣтовали имъ воспользоваться русскими банями, къ которымъ эти до того пристрастились, что ходили въ нихъ уже не по надобности, а изъ одного удовольствія. Голландскаго посла Конрада фонъ-Кленка чествовало (1675 г.) въ Вологдѣ болѣе 20 голландскихъ купцовъ [2].

Держась недружелюбно съ мѣстнымъ населеніемъ, иноземцы испытывали иногда значительныя непріятности. Вологжане не упускали случая сорвать на нихъ свою досаду, особенно на Англичанахъ. Рядомъ съ домомъ прикащика англійскаго гостя Джона Бедля и чрезъ домъ отъ дома Асборна загорѣлся (15 дек. 1638 г.)

---

[1] Русскіе купцы выставляли въ 1638 году правительству: «На Вологдѣ дворы торговыхъ Нѣмецъ: дворъ большой Аглинской, а другой Агличенина Ивана Азборна, д. Василья Олександрова, д. Игнатья Мартынова, д. Корнила Глухова, д. Петра Марселиса, что бывалъ гостя Надѣи Свѣшникова, д. Елисея Ульянова, д. Ивана Симонова, д. Юрья Романова, д. Ивана Еремѣева, а на томъ дворѣ ставятся барабанскіе Нѣмцы; дворъ, что бывалъ Андрея Бука, а стоятъ на томъ дворѣ барабанскіе жъ Нѣмцы; д. Юрьевской Клинкина, д. Филимона Филимонова, д. Мартына Юрьева, д. Давыда Миколаева, д. Петра Деладала; а иныхъ они многихъ дворовъ не упомнятъ. А надо всякимъ де дворомъ у нихъ мѣста по два и по три. А слышали они про тѣ дворовые мѣста, бывали (они) тяглыя, а вѣдаютъ про то на Вологдѣ вологженя всякіе торговые люди; а тѣ у нихъ дворы все большіе». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Англійскія дѣла, 1638 г., № 1: «Дѣло по челобитью россійскихъ купцовъ на аглинскихъ и другихъ націй торговыхъ людей».

[2] Посольство въ Россію графа Карлейля, Отеч. Зап. 1855, XI, отд. IV 53—54; Dalton, Geschichte, 5.

небольшой дворикъ посадскаго человѣка, и Англичане жаловались [1] потомъ на учиненные имъ убытки и насилія. Дворикъ, утверждали они, былъ подожженъ «воровскимъ обычаемъ»: во время пожара толпа городскихъ людей, люди сыщика Ос. Хлопова и подьячаго Θед. Дурышкина и стрѣльцы вломились «въ тотъ гостинъ дворъ» ссѣкли замки, ободрали на стѣнахъ и лавкахъ сукна, «грабежомъ разнесли» имущество англійскаго агента Сем. Дигби, гостинные товары, 5000 ефимковъ, оставшихся отъ икрянаго откупа, на 710 руб. разнаго платья, серебряныхъ вещей на 850 руб., узорочной рухляди на 530 руб., не считая мѣдной и оловянной посуды; разграбили они, хотя и выдано было 120 рублей для сохраненія хоромъ отъ пожара. Хлоповъ и Дурышкинъ, вмѣсто того, чтобы уставлять порядокъ, «съ большою хулою» говорили «невѣжливыя поносныя слова» объ англійскомъ королѣ Карлѣ и обзывали Дигби «недорогимъ человѣкомъ». Видя такое насиліе и позорное гоненіе, многіе хвалятся сжечь и разграбить Компанейскій домъ, такъ что имъ, Англичанамъ, въ опасеніи класть на немъ свои товары, ничего нельзя привозить изъ Москвы и другихъ городовъ. На слѣдствіи духовенство, земскій староста, цѣловальники, 10 человѣкъ, и 265 человѣкъ посадскихъ людей отозвались объ обстоятельствахъ пожара полнымъ невѣдѣніемъ и показали, что гостинный дворъ послѣ пожара не опустѣлъ, живутъ въ немъ прикащики, и что товары свои Англичане привозятъ и торгуютъ ими по прежнему.

Ярославскій пунктъ былъ несравненно менѣе Вологодскаго. Строились въ немъ большею частію тѣ же голландскіе купцы, Демулинъ, Кленкъ, Авраамъ Горкой, и др. [2], пользовавшіеся большою благосклонностію нашего правительства. Михаилу Θеодоровичу они

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Англійскія дѣла, св. 11, 1639 г., № 2: «Дѣло слѣдственное Матвѣемъ Зубовымъ о зажженіи декабря 15 дня 1638 г. на Вологдѣ двора аглинскаго гостя Ждана Бедля и о разграбленіи въ ономъ дворѣ пожитковъ его».

[2] «У иноземцевъ дворы въ Ярославлѣ: Дворъ Карпа Демулина, племянникъ его купилъ въ городѣ два двора, а третій за городомъ; дворъ Елисея Ульянова, дв. Аврама Горкова, дв. Юрья Клинкина». Тамъ же. св. 11, № 1: «Дѣло по челобитью русскихъ купцовъ на аглинскихъ и другихъ націй торговыхъ людей».

угодили тѣмъ, что когда къ нимъ въ Ярославль было прислано (1614 г.) предложеніе ссудить казну деньгами на ратное дѣло, они ссудили— Демулинъ и Кленкъ по 300, Горкой 200 рублей; послѣдній, кромѣ того, не разъ привозилъ въ Россію пушечные запасы и продавалъ въ казну по своей цѣнѣ. У Демулина шло успѣшно канатное дѣло, у Горкоя узорочье и другіе товары [1]. Англійская компанія на первыхъ порахъ, въ надеждѣ вести непосредственную торговлю даже на Каспійскомъ морѣ, для плаванія по Волгѣ соорудила здѣсь себѣ большую барку въ 24 тонны, какой прежде не видали [2].

Тѣснясь ближе къ торгово-промышленнымъ, военнымъ и административнымъ центрамъ, гдѣ были бо́льшія средства къ жизни, иноземцы, конечно, не всѣ достигали желаемаго ими благополучія. Нѣкоторые изъ нихъ уходили за границу тѣми же бездомовниками, какими явились. Несравненно однако чаще были случаи, что они скоро дѣлались обезпеченными, многіе зажиточными, иные собирали весьма значительныя средства. Припомнимъ, какъ устроились жители подмосковной Нѣмецкой Слободы, населенной даже попреимуществу плѣнными. Описи имущества, остававшагося послѣ умиравшихъ иноземцевъ, далеко не первостепенныхъ по богатству [3], свидѣтельствуютъ вообще о жизни очень обезпеченной. Среди иноземцевъ не служилыхъ болѣе всѣхъ, конечно, отличались въ собираніи средствъ люди торговые, умѣвшіе извлекать слишкомъ большія выгоды изъ своего положенія. Хотя въ теоріи наше правительство и держалось того взгляда, что для насъ было бъ выгоднѣе, еслибъ торговые люди всѣхъ націй имѣли къ намъ доступъ на одинаковыхъ условіяхъ, у насъ, въ силу нудящихъ обстоятельствъ, постоянно были благопріятствуемыя торговыя націи, компаніи и лица. Монополія на безпошлинную торговлю членовъ Англійской компаніи испытывала перерывы и ограниченія временные и мало чувствительные. «Гостямъ Англійской земли», говорили объ ихъ положеніи бояре Джону Мерику, просившему разширенія

[1] Русск. Историч. Библіот. VIII, 160—161, 199—203.

[2] Извѣстія Англичанъ о Россіи, 93.

[3] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Приказныя дѣла, 1643 г., св. 138.

привилегій, «въ великихъ Россійскихъ государствахъ такія льготы, какихъ нѣтъ не только иноземцамъ всѣхъ другихъ странъ, но и природнымъ русскимъ подданнымъ. На Москвѣ и въ иныхъ государскихъ городахъ они имѣютъ особые дворы; за товарами ихъ не смотрятъ, вѣрятъ гостямъ на слово, не берутъ съ нихъ никакихъ пошлинъ, нигдѣ ихъ не задерживаютъ и вездѣ оказывается имъ воеводами и приказными людьми почтеніе и учтивость, чего ни въ какихъ государствахъ торговымъ людямъ не бываетъ. Торговые люди прочихъ, какъ басурманскихъ, такъ и христіанскихъ странъ, пріѣхавъ въ Московское государство, платятъ съ своихъ товаровъ таможенныя пошлины, должны отдавать товары для осмотра и не имѣютъ такого вольнаго пріѣзда и отъѣзда. Королевскій посолъ, самъ знаешь, можетъ ли англійскимъ гостямъ быть милость еще больше этой!» Отъ Михаила Ѳедоровича имъ получена грамота, которою въ сущности повторена была прежняя привилегія на свободную оптовую торговлю [1]. Если не считать льготъ Любчанамъ, нѣкоторымъ ливонскимъ плѣннымъ и Голштинской компаніи, не имѣвшихъ значительнаго практическаго примѣненія, самыми покровительствуемыми лицами въ торговлѣ были, послѣ Англичанъ, Голландцы, которыхъ насчитывалось въ первой половинѣ XVII вѣка у насъ довольно большое количество [2].

Торговая дѣятельность не однихъ лицъ, въ родѣ Мерша [3], о которомъ правительство писало въ Англію, чтобы впредь «такихъ бездѣльныхъ и безчестныхъ людей» оттуда къ намъ не присылали, доставляла несоразмѣрныя барыши иноземцамъ: русскіе купцы не безъ причины считали убыточной для себя и неправильной всю систему благопріятствуемыхъ, въ торговомъ отношеніи, лицъ и націй. «Жалоба наша, государь»,

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Англійскія дѣла 1620—1621 г.: «Пріѣздъ въ Россію англійскаго посла Мерика»; тамъ же, карт. 6, № 1. Ср. Соловьева, изд. 4, IX, 105 и слѣд.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Приказныя дѣла 1644—1645 г., св. 148, № 43; «Справка о пріѣзжающихъ англинскихъ и голандскихъ купцахъ въ Россійское государство для торговли, на опую справку отвѣтъ и именная роспись онымъ купцамъ».

[3] Документы о немъ у гр. Ю. Толстаго, Россія и Англія 1553—1593 г., Спб. 1875, и въ Сборн. И. Рус. Ист. Общ., т. XXXIII.

представляли они Алексѣю Михайловичу [1], «на торговыхъ людей Англичанъ, Голландцевъ, Брабандцевъ и Гамбуржцевъ, которые ѣздятъ торговать къ Москвѣ. Послѣ Московскаго разоренья, какъ воцарился отецъ твой государевъ, англійскіе Нѣмцы, зная, что имъ въ торгахъ отъ Московскаго государства прибыль большая и желая овладѣть всякимъ торгомъ, чрезъ подкупъ думнаго дьяка Петра Третьякова взяли изъ Посольскаго приказа грамоту, чтобы торговать англійскимъ гостямъ у Архангельска и въ городахъ Московскаго государства 23 человѣкамъ; но начали пріѣзжать въ Московское государство человѣкъ по 70 и больше, понастроили себѣ домовъ и живутъ безъ съѣзду, товара своего у Архангельска Русскимъ не продаютъ и не мѣняютъ, а везутъ его прямо въ города и продаютъ, когда подпишется въ цѣнѣ; русскіе же товары, которые мы прежде на ихъ товары вымѣнивали, теперь они покупаютъ сами, своимъ заговоромъ, чрезъ посылаемыхъ ими по городамъ и селамъ покупщиковъ, и отвозятъ въ свою землю безпошлинно или, тоже безъ платы пошлинъ, тайно продаютъ на деньги у Архангельска купцамъ другихъ націй, голландскимъ, брабандскимъ и гамбургскимъ Нѣмцамъ; всѣми торгами, которые принадлежали намъ, завладѣли англійскіе Нѣмцы. Если подплываютъ къ Архангельску, стараются не дать осматривать свои товары, объявляютъ ихъ не болѣе доли десятой и тайно провозятъ на свои дворы, и тѣмъ твою государеву пошлину крадутъ. Тѣ англійскіе гости, Мерикъ съ товарищами, которые пожалованы грамотою на свободную торговлю, не были ни разу, пріѣзжаютъ по ней купившіе ее у нихъ другіе Нѣмцы и привозятъ всякіе товары, свои и чужіе, и худшіе прежнихъ. Гамбургскіе, брабандскіе и голландскіе Нѣмцы ежегодно пріѣзжаютъ съ жалованными грамотами, добытыми изъ Посольскаго приказа ложнымъ челобитьемъ и многими посулами и поминками, а иные ѣздятъ и безъ грамотъ. Всѣ они постоянно сговариваются, на Архангельской ярмаркѣ нашихъ товаровъ пріѣзжимъ изъ-за моря покупать не велятъ, заморскимъ товарамъ держатъ цѣну высокую, чтобы намъ ничего нельзя было тамъ купить и чтобы впредь на ярмарку не ѣздить, и мы вынуждены бываемъ или везти товары

[1] Акт. Арх. Экспед. IV, № 13; Соловьевъ, изд. 3, X, 129—133.

назадъ, или продавать за безцѣнокъ. Давидъ Рутцъ самовольно, безъ разрѣшенія, продаетъ на своемъ московскомъ дворѣ всякіе товары въ-розницу; Петръ Марселисъ и Еремей Фельцъ, взявъ на откупъ ворванье сало, берутъ его у Русскихъ за полцѣны, въ треть и четверть, потому что мимо ихъ никому покупать нельзя, и многіе Холмогорцы и все поморье обнищали и разбрелись и твоя государева отчина, Архангельскъ, Холмогорскій уѣздъ и все поморье, пустѣетъ. Но это еще не все. Пріѣзжая къ намъ для торговли и пользуясь льготами, Нѣмцы, между тѣмъ, не допускаютъ насъ являться съ своими товарами въ ихъ земли, въ конецъ захватываютъ всю отпускную и крупную торговлю. Когда, при державствѣ отца твоего, ярославецъ торговый человѣкъ Антонъ Лаптевъ отправился въ Амстердамъ съ дорогими мѣхами, чтобы ихъ продать и накупить тамошнихъ товаровъ, проѣхалъ цѣлыхъ три нѣмецкихъ земли и ничего не могъ сбыть, пока не привезъ все къ Архангельску, гдѣ Нѣмцы все скупили у него: такъ поступили они, чтобы изъ Московскаго государства ни съ какими товарами не ѣздили въ ихъ земли. Въ прошломъ 1645 г. изъ приказа Большой казны было продано Нѣмцамъ слишкомъ 900 пудовъ шелку сырцу. Такъ какъ у корабельной пристани они покупаютъ его дорогою цѣною прежде другихъ товаровъ, то мы били челомъ о переторжкѣ, на которой мы сдѣлали тебѣ, государю, прибыли на 8.000 ефимковъ сверхъ той цѣны, по которой онъ былъ отданъ имъ. Но на Архангелогородской ярмаркѣ, куда мы отправили шелкъ, Нѣмцы, по сговору между собою, не купили у насъ его ни на одну гривенку, да еще грозятъ: «Мы сдѣлаемъ то, что московскіе купцы настоятся въ деньгахъ на правежѣ, да и впредь заставимъ ихъ торговать одними лаптями, забудутъ перекупать у насъ товары!»

Челобитчиками были указаны одни отрицательныя стороны способовъ торговли иноземныхъ купцовъ. Они намѣренно умаляли значеніе того, что иноземные купцы знакомили Россію съ техническими и мануфактурными произведеніями Запада, давали сбытъ и нашимъ товарамъ, чрезъ закупи у самихъ производителей поддерживали мелкое производство, и что дальнія путешествія, чрезъ море и по дорогамъ, не всегда обезпеченнымъ отъ опасностей, требовали отъ нихъ не мало риска. Но несомнѣнно, что, не встрѣчая достаточнаго

экономическаго сопротивленія въ нашихъ купцахъ, дѣйствовавшихъ разрозненнѣе и съ меньшимъ запасомъ торговой предпріимчивости и опытности, пришельцы становились монополистами, тяжелыми для нашей крупной торговли. Помимо указанныхъ челобитчиками винъ, правительство знало за ними и другія вины, вывозъ, напримѣръ, товаровъ заповѣдныхъ и привозъ недозволенныхъ. Сами иноземцы, члены Англійской компаніи и Голландцы, не скрывали между собою удовольствія, что имъ удавалось сбывать свои товары по двойной и тройной цѣнѣ, и послы и агенты находили не только правильнымъ, но и похвальнымъ, если купцы, чтобы не платить всей пошлины, при таможенномъ осмотрѣ, утаивали большую часть своихъ товаровъ [1]. На сторонѣ иноземныхъ купцовъ было то преимущество, что они дѣйствовали сомкнутыми группами, компаніями. Чтобы ослабить вредъ, правительство издавало указы, по которымъ дозволялось бывать въ Москвѣ и другихъ городахъ средней Россіи только тѣмъ купцамъ, которые имѣли на то жалованныя грамоты, и лишая такихъ грамотъ лицъ заявившихъ себя слишкомъ корыстолюбивымъ эксплуатированіемъ. Когда правительство вступило на этотъ путь, естественно должна была потерять свои привилегіи и главная эксплуатирующая группа Англійская компанія, навсегда лишить которую льготъ правительство находило себя вправѣ и независимо отъ недобросовѣстнаго способа торговли Англичанъ. Послѣдняя жалованная грамота была выдана «по прошенью короля Карла», противъ котораго однако Англичане возмутились, убили его,—нѣтъ имъ, разсуждали наши, и выданной имъ ради его грамоты: могли они пріѣзжать къ одному Архангельскому порту и платить пошлину, одинаковую съ другими иноземными купцами. Пошлина была возвышена, и за уклоненіе отъ нея полагалась значительная имущественная отвѣтственность; всѣ иностранные купцы обязаны были продавать свои товары непремѣнно русскимъ купцамъ и торговать оптомъ, а не въ розницу; торговать между собою они не могли, за исключеніемъ московскихъ купцовъ иностраннаго происхожденія [2]. Торгово-промышленныя и другія

[1] Гамель, Англичане въ Россіи, 43; Вѣстн. Евр. 1868, VIII, 803.

[2] Собр. г. гр. и дог. III, № 138; Доп. къ Акт. Ист. III, №№ 54, 116, V, № 40; указъ 1653 г., Полн. Собр. Зак. I, № 107; Торговый уставъ 1667 г., тамъ же, № 408

выгоды удерживались за купцами, прикрѣплявшимися къ русской землѣ и приравниваемыми иногда къ московской гостинной сотнѣ [1]; пожалованный (1672 г.) гостиннымъ именемъ Ѳома Келлерманъ, въ грамотахъ на выполненіе даваемыхъ ему государевыхъ порученій, величался почетнымъ званіемъ повѣреннаго Московскаго государства [2]. Основатели заводовъ, особенно если издѣлія ихъ должны были доставляться первоначально въ казну и на государя, жаловались помѣстьями и могли пріобрѣтать земли, надобныя подъ ихъ производство. Къ Городищевскимъ чугуннымъ заводамъ Виніуса, Марселиса и Акемы, на которыхъ выдѣлывались пушки и ядра, была приписана дворцовая Соломенская волость съ 347 крестьянами; для заводовъ на р. Угодкѣ Марселисъ и Акема получили (1657 г.) 100 пустошей и Вышегородскую волость; свои мельницы и сушильни для выдѣлки лосиныхъ кожъ мастеръ бархатнаго дѣла Ефимъ Фимбрантъ могъ ставить на казенныхъ земляхъ 10 лѣтъ безоброчно, а на владѣльческихъ по взаимному соглашенію съ владѣльцами; для устройства стеклянныхъ заводовъ пушечный мастеръ Елисей Коэтъ получилъ дозволеніе купить въ Московскомъ уѣздѣ до 16 пустошей [3]. Здѣсь иноземцы жаловались за прямую или косвенную службу государству, его оборонѣ и промышленности.

Служилые люди, набиравшіеся какъ изъ выходцевъ, такъ и изъ «плѣнныхъ въ государевѣ имени» (плѣнные, доставшіеся частнымъ лицамъ, обыкновенно обращались въ холоповъ послѣднихъ), приравнивались къ различнымъ служилымъ классамъ, военные чины чаще всего были близки по своему положенію къ городовымъ дворянамъ.

и Собр. гос. гр. и дог. IV, № 54; М. Чулковъ, Историческое описаніе россійской коммерціи. Спб. 1781, I; Семеновъ, Изученіе истор. свѣдѣній о россійск. внѣшн. торг. и промышленности. Спб. 1859, I, гл. I; Костомаровъ, Очеркъ торговли, гл. II; Ключевскій, 234 и др.

[1] Наприм., М. Гл. Архивъ М. И. Д., Голландскіе трактаты, № 2. Собр. гос. гр. и дог. II, №№ 71—72; III, №№ 14, 109.

[2] Собр. гос. гр. и дог. IV, № 169.

[3] Доп. къ Акт. Ист. V, № 9; IX, № 16; С. г. гр. и дог. III, №№ 102—103; Гамель, Опис. Тул. Оруж. завода, 13 и слѣд.; Хмыровъ, 247 и слѣд.; Соловьевъ, изд. 4, X, 368 и др.

Дѣлились они на помѣстныхъ, содержавшихся доходами съ помѣстій, и кормовыхъ, получавшихъ жалованье; иные получали то и другое. Такъ какъ иноземцы не могли владѣть помѣстьями и вотчинами въ Россіи, развѣ по особеннымъ разрѣшеніямъ и пожалованіямъ правительства; то всѣ, владѣвшіе ими, считались временными подданными государя. Съ теченіемъ времени было признано болѣе цѣлесообразнымъ всѣхъ ихъ держать на одномъ жалованьѣ [1], весьма различномъ, смотря по виду службы, какую несъ иностранецъ, по выговоренному условію и по средствамъ государства. Жалованье военныхъ чиновъ, самаго многочисленнаго класса служилыхъ иноземцевъ, было выше въ сравненіи съ русскими. Въ пору, когда иноземцамъ уже не давали помѣстій и когда русскимъ офицерамъ конныхъ полковъ платилось по 50 рублей въ годъ, рейтарскій полковникъ, по свидѣтельству Мейерберга, получалъ 40 рублей въ мѣсяцъ, если только не было особаго жалованья, выговореннаго условіемъ; подполковникъ получалъ 18 рублей, майоръ 16, ротмистръ 13, поручикъ 8, корнетъ 7 руб.; чинамъ солдатскихъ полковъ жалованье было нѣсколько меньше [2]. Всѣхъ удобнѣе устраивались медики. Доктора Бориса Годунова пользовались такимъ богатымъ содержаніемъ и держались въ такой чести, что, по отзыву современника [3], «сами казались князьми и боярами». Не въ мѣру оказывать имъ всевозможныя милости у Бориса, впрочемъ, были и особыя побужденія. Подозрительный и довольно суевѣрный, онъ всюду видѣлъ замыслы на свою жизнь и жизнь его семьи, и потому старался окружать себя штатомъ такихъ, облагодѣтельствованныхъ имъ искусниковъ, которые бы могли охранять здоровье и противодѣйствовать замысламъ лихихъ людей. Но матеріальное положеніе

---

[1] Полн. Собр. Зак. I, № 103; Неволинъ, Полн. Собр. Сочин. Спб. 1857, IV. 146—147, 255, 273—274; Н. Загоскинъ, Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси. Казань, 1876, 157—162; Владимірскій-Будановъ, Обз. истор. Русск. права. Кіевъ, 1886, I, 99; Соловьевъ, изд. 4, IX, 339, и др.

[2] Мейербергъ, Путешествіе въ Московію... въ 1661 г. 176—177. Ср. Устрялова, Русское войско до П. В., въ Годичн. актѣ въ Импер. Спб. унив. Спб. 1856.

[3] Bussow, 11, перев. 19—21

докторовъ не понизилось и послѣ. Артемій Дій, или Артуръ Дее, 12 лѣтъ служившій докторомъ Михаила Ѳедоровича, получалъ въ годъ жалованья около 1110 рублей; сверхъ того, съ избыткомъ разное питье и значительные подарки отъ двора; недалеко отъ Москвы имѣлъ помѣстье, принадлежавшее прежде кн. Юрію Хворостину, въ Москвѣ, у Ильинскихъ воротъ, большой домъ, который, по его отъѣздѣ, его зять Чапманъ продалъ Англійской компаніи за 1600 рублей. Отдѣльное лѣченіе оплачивалось ему, какъ и другимъ докторамъ, особо, деньгами, дорогими матеріями, соболями, и т. п.; практика у знатныхъ лицъ, допускаемая съ разрѣшенія государя, приносила соболи, вина и т. п. При этомъ лейбъ-медики не были обременены занятіями. Впослѣдствіи Рейтенфельсъ разсказывалъ, что они, если при дворѣ никто не болѣлъ, вели жизнь привольную. Побывавъ утромъ въ царской аптекѣ для совѣщаній, въ остальное время отдыхали въ своихъ жилищахъ. На вопросъ, что они дѣлаютъ дома? ихъ обычнымъ отвѣтомъ было: «постоянно изучаемъ книги, чтобы лучше охранять здоровье его царскаго величества». Менѣе прибыльное лѣченіе возлагалось на полковыхъ и другихъ врачей, которымъ шло сравнительно скромное жалованье [1].

Обезпеченіе свое служилые иноземцы получили сообразно съ видами ихъ занятій, со степенью приносимой ими пользы или съ положеніемъ тѣхъ лицъ, кому непосредственно служили они. Выдавалось оно имъ подъ условіемъ исправности ихъ по службѣ. Военныхъ, сбѣжавшихъ со службы, «Уложеніе» повелѣвало, «сыскивая и чиня имъ жестокое наказаніе, бивъ кнутомъ, высылать на государеву службу въ полки къ воеводамъ съ приставами» и взыскивать съ нихъ незаслуженное жалованье. Тѣ офицеры, которые во время объявленнаго похода оказывались въ «пѣтѣхъ» и привольно жили въ пожало-

[1] Рус. Истор. Библ. VIII, 256—270; Olearius. 1656, 250, перев. 264; Reutenfels, 152; Рихтеръ, Истор. Мед. въ Рос. II, 52 и слѣд.; Brückner, Die Aerzte in Russland, Russ. Revue, 1887, III.—О средствахъ къ жизни и правахъ другихъ служилыхъ иноземцевъ см. Brückner'a Culturhistorische Studien, Riga, 1878, II, и въ статьяхъ С. М. Шпилевскаго (Временникъ, XXIV) и А. С. Лаппо-Данилевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1885, IX) и др. Послѣдній полагалъ (стр. 92), что переводчикамъ выдавалось одно кормовое жалованье: нѣкоторые изъ нихъ, какъ Ульфъ Яковлевъ (М. Гл. Архивъ, Прик. дѣла, 1641 г., № 52), Яковъ Нигенборгъ (П. С. Зак. I, № 103), имѣли и помѣстья.

ванныхъ имъ помѣстьяхъ, подвергались битью батогами; провинившихся нѣсколько разъ и не являвшихся на службу, какъ помѣстныхъ, такъ и получавшихъ одно жалованье, послѣ пониженія въ чинѣ и наказаній кнутомъ или батогами высылали за границу [1]. На правильное выполненіе принятыхъ иноземцами обязательствъ обращалось серіозное вниманіе.

Правительственные органы власти имѣли вообще подъ своимъ вѣдѣніемъ всѣхъ иноземцевъ, независимо отъ того, чѣмъ бы ни занимались и гдѣ бы ни жили они. Новгородская система, по которой согласно договорамъ латинскіе гости судились между собою своимъ судомъ и ихъ Нѣмецкій дворъ былъ какимъ-то заповѣднымъ мѣстомъ для новгородскаго должностнаго лица, Московскимъ правительствомъ не была принята: оно проводило положеніе, что иноземцы должны подчиняться однимъ русскимъ законамъ, суду и властямъ. Первоначальныя уступки Англійской компаніи и наемнымъ полкамъ только убѣждали крѣпче держаться принятой системы. Иностранцами сначала вѣдалъ болѣе «печатникъ» или думный дьякъ, правившій дѣла дипломатическія; съ развитіемъ приказной системы, наблюдали за ними и разбирали ихъ дѣла различные приказы — Посольскій, Иноземскій, Разрядный, Рейтарскій, Пушкарскій, Аптекарскій и т. п., соотвѣтственно съ родомъ ихъ занятій и нуждъ; Посольскій и Иноземскій приказы сохраняли характеръ общей инстанціи, причемъ первому изъ нихъ подлежали по преимуществу пріѣзжіе и торговые иноземцы, второму — иноземцы служилые. Благодаря послѣднему условію, Иноземскому приказу былъ порученъ высшій надзоръ за Ново-Иноземской Слободой, представительницей служилаго у насъ класса; затѣмъ, въ виду того, что главный контингентъ ея жителей составлялся собственно изъ военныхъ, которые своими обидами вынуждали торговыхъ иноземцевъ просить правительство о защитѣ отъ нихъ, Слободу перевели (18 мая 1666 г.) въ вѣдѣніе Разряда. Непосредственный полицейскій надзоръ за нею, какъ и за

[1] Полн. Собр. Зак. I, Уложеніе, VII, 9; И. Ивановъ, Описаніе государств. Архива старыхъ дѣлъ. М. 1850, 305; Устряловъ, русск. войско. 70.—Полковниковъ и другихъ начальныхъ лицъ, бѣжавшихъ (1667 г.) изъ Гадяча въ Москву, было, впрочемъ, только повелѣно «отпустить въ свои земли» съ удержаніемъ за нѣсколько прошлыхъ мѣсяцевъ жалованья, «и буде вскорѣ не поѣдутъ, выслать ихъ съ Москвы за приставы» (Д. къ Акт. Ист. V, № 42); подобное наказаніе, конечно, бывало и другимъ военнымъ чинамъ.

всякой другой Слободою, былъ отданъ десятскимъ, кругъ обязанностей которыхъ опредѣлялся наказомъ: «Вѣдать себѣ и беречь накрѣпко въ своемъ десяткѣ и приказать полковникамъ и полуполковникамъ и нижнихъ чиновъ начальнымъ, торговымъ и всякимъ жилецкимъ людямъ и иноземцамъ, чтобъ они русскихъ бѣглыхъ, и новокрещенныхъ, и бѣлорусцевъ, и гулящихъ людей во дворахъ у себя для работы безъ крѣпостей не держали, и поединковъ и никакого смертнаго убійства и дракъ не чинили, и корчемнымъ продажнымъ питьемъ, виномъ и пивомъ, и табакомъ не торговали, и воровскимъ людямъ приходу и пріѣзду и б....., и, не явясь въ приказъ Новыя четверти, никакого питья не держали, а для работы во дворѣ у себя держали всякихъ разныхъ вѣръ иноземцевъ некрещенныхъ».

За исключеніемъ случаевъ обращенія иноземцевъ въ Православіе духовная власть не имѣла къ нимъ непосредственнаго отношенія и въ ихъ внутреннія дѣла обыкновенно не вмѣшивалась. Когда лютеране пожаловались (ок. 1673 г.) патріарху на одного Датчанина, за его двоеженство, патріархъ отвѣтилъ, что это дѣло не подлежитъ его суду [1].

Состоя въ вѣдѣніи того или иного Приказа, иноземцы крайне неохотно ходили на судъ въ чужой Приказъ и обыкновенно хлопотали, чтобы дѣла и тяжбы ихъ разбирались въ ихъ Приказахъ. Докторъ Валентинъ Сибелиста усиленно домогался (въ дек. 1644 г.), чтобы дѣло по безчестью его, жены и дочери на пріѣзжемъ торговомъ Курляндцѣ Иванѣ Госенъ разбиралъ непремѣнно Аптекарскій приказъ и чтобы Госенъ былъ присланъ сюда изъ Посольскаго приказа; въ свое оправданіе онъ ссылался на то, что и прежде, по челобитью докт. Артемія Дія, были судимы здѣсь торговые Англичане и датскій дворянинъ Мартынъ Мартыновъ. На требованія (въ авг. 1668 г.) Пушкарскаго приказа пастору Фокероду явиться для суда

---

[1] Полн. Собр. Зак. I, Уложеніе, X, п. 1 и № 386; Кошихинъ, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича. Спб. 1840, 68—69, 84—86; Древн. Рос. Вивл. XX, въ III стат.; Неволинъ, VI, въ III стат.; Соловьевъ, изд. 3, XIII, 208; Olearius, 1656, 266 и д., рус. пер. 288 и д.; Reutenfels, 227 и др., рус. пер. въ Ж. М. Н. Пр., ч. XXIII, 33 и др.

съ генераломъ Бауманомъ, Фокеродъ ни за что не хотѣлъ идти и просилъ себѣ управы въ его Иноземскомъ приказѣ [1]. Особенно упорно выгораживали себя иноземцы отъ подсудности областнымъ учрежденіямъ и своими жалобами нерѣдко достигали того, что мѣстныя власти получали такого рода разъясненія: «по нашему государеву указу иноземцевъ и ихъ людей и крестьянъ во всякихъ дѣлахъ вѣдаютъ судомъ въ Иноземскомъ приказѣ, а въ иныхъ Приказахъ и въ городахъ всѣхъ ихъ вѣдать и судить, безъ нашего указа, не велѣно; и кого изъ нихъ укажемъ судить въ городахъ, о томъ посылаютъ наши грамоты изъ Иноземскаго приказа» [2]. Если служилые иноземцы крѣпко держались за Иноземскій приказъ, то торговые считали наиболѣе удобнымъ и почетнымъ подлежать вѣдѣнію одного Посольскаго приказа [3]. За исключеніемъ дѣлъ «по душегубству» и воровства и разбоя съ поличнымъ, такой подсудности добились себѣ Англійская компанія и знатные коммерсанты голландской, датской и другихъ народностей, что утверждалось за ними договорными или жалованными грамотами [4]. Послѣ того у Англійской компаніи обнаруживалось явное стремленіе выгородить себя изъ подчиненія власти другихъ вѣдомствъ и не выполнять ея законныхъ и общеобязательныхъ требованій, хотя бы послѣднія касались и не суда. Когда, въ ожиданіи вторичнаго нападенія Владислава на Москву, чтобы выяснить ея оборонительныя средства, производилась (1638 г.) опись всѣмъ ея жителямъ, члены Компаніи, жившіе на Новомъ Англійскомъ дворѣ, подъ предлогомъ, что ихъ вѣдаютъ въ Посольскомъ приказѣ, не объявили ни людей, ни оружія [5].

Всего чаще иноземцы попадали въ судъ по случаю тяжебъ между собою и съ Русскими. Въ судебныхъ искахъ самымъ прочнымъ доказательствомъ служило «цѣлованіе креста». По Судебнику Грознаго,

---

[1] Акт. Истор. III, № 237; «Памятники», I, 6—8.

[2] Царск. грамота 13 февр. 1635 г. бѣлозерскому воеводѣ, Акт. Истор. III, № 183.

[3] Доп. къ Акт. Истор. IV, № 136; Полн. Собр. Зак. II, № 792.

[4] Наприм., М. Гл. Архивъ М. И. Д., Англійскія дѣла, карт. 6, № 1; Голландскіе трактаты, портф. 1, № 2. Акт. эксп. III, № 17; Сб. И. Рус. Ист. Общ. XXXVIII, 147, 178; С. г. г. и дог. III, №№ 14, 17.

[5] Переписная книга г. Москвы 1638 года. 130.

если искалъ иноземецъ на иноземцѣ же, то отвѣтчикъ могъ отцѣловаться, что невиноватъ, или же онъ долженъ положить у креста, что̀ искалъ съ него, и отвѣтчикъ, поцѣловавъ крестъ, бралъ свое; если Русскій искалъ на иноземцѣ или иноземецъ на Русскомъ, то имъ давался жребій: чей жребій вынется, тотъ, поцѣловавъ крестъ, свое возьметъ, или отцѣлуется [1]. Англійская компанія выхлопотала для своихъ членовъ и служившихъ у нихъ людей право ограничиваться однимъ жеребьемъ: имъ было обѣщано, что «чего сыскъ не имѣетъ, имъ присуживаютъ вѣру съ жеребья, чей вынется жребій, тому и вѣру учинить». Одинъ изъ Англичанъ описалъ такое вынимание жеребья: два восковыхъ шарика съ именами тяжущихся клались въ шапку, и выигрывалъ тотъ, чье имя прежде вынималось [2]. Но это не поколебало требованія присяги. Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ точно установили, чтобы Русскіе, имѣвшіе тяжбу съ иноземцами въ Москвѣ, цѣловали крестъ не у ц. Николы Стараго, а въ Приказахъ, въ которыхъ разбиралось дѣло, для чего хранились бы здѣсь особые кресты, написанные на деревѣ, и чтобы иноземцевъ, если случится приводить ихъ къ присягѣ, «приводили по ихъ вѣрѣ въ Приказахъ же» [3]. Лица привилегированныя, подобно русской знати, къ присягѣ не являлись, вмѣсто себя могли ставить своихъ людей [4].

Хотя иностранцы, «ради ихъ иноземчества», часто освобождались отъ судебныхъ пошлинъ, въ своихъ судебныхъ тяжбахъ они несли тѣ же убытки, какіе терпѣли Русскіе, вслѣдствіе тогдашней «судебной волокиты» и взяточничества. «Записка», поданная кѣмъ-то изъ нихъ саксонскому герцогу Эрнсту, интересовавшемуся бытомъ въ Россіи своихъ единовѣрцевъ, сообщаетъ: «У евангеликовъ нѣтъ собственнаго суда, но должны пользоваться русскимъ, почему и случается, что иной, который имѣетъ между большими боярами, дворя-

---

[1] Судебникъ. п. 27, Акт. Истор. I, № 153, стр. 226.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Англійскія дѣла, карт. 6, № 1. Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ. XXXVIII, 178; Соловьевъ, изд. 4, VII, 148; Ключевскій, 119.

[3] Дополнительныя статьи къ Судебнику, п. VII. Акт. Истор. III, № 92, стр. 94—95; Уложеніе, XIV, 3, Полн. Собр. Закон. I, стр. 71.

[4] Голландскіе трактаты, № 2.

нами и царскими чиновниками добрыхъ друзей и даетъ имъ много подарковъ, выигрываетъ неправые процессы». Московскій пасторъ Грегори, случившійся въ Саксоніи за сборомъ пожертвованій на свою кирку, замѣтилъ (1668 г.) на это мѣсто «Записки», присланной ему герцогомъ для дополненій и повѣрки: «Хотя Нѣмцы и часто должны давать посулы, чтобы иное неправое дѣло вышло правымъ, однако тайно, потому что если узнаетъ царь, то бояринъ, изъ-за подарковъ оправдавшій неправое, въ опалѣ отправится въ Сибирь» [1]. Издержки не удерживали иноземцевъ отъ сутяжничества, которое было у нихъ слишкомъ обычнымъ занятіемъ, вызываемымъ ихъ моральными качествами.

Говоря собственно о служилыхъ иноземцахъ, С. М. Соловьевъ [2] представлялъ ихъ въ такомъ видѣ: «Волею или неволею оторвавшіеся отъ родной страны, мѣняющіе службу, знамена, смотря по тому, гдѣ выгоднѣе, составляя пеструю дружину пришельцевъ изъ разныхъ странъ и народовъ, служилые иноземцы были совершеннѣйшіе космополиты, отличавшіеся полнымъ равнодушіемъ къ судьбамъ той страны, гдѣ они временно поселились, отличавшіеся легкою нравственностію: побольше жалованья, побольше добычи—оставалось всегда главною цѣлію. Трудно было сыскать между ними кого-нибудь съ научнымъ образованіемъ: такіе люди не пошли бы въ наемныя дружины; но это были обыкновенно люди живые, развитые, много видѣвшіе, много испытавшіе, имѣвшіе много кой о чемъ поразсказать, пріятные и веселые собесѣдники, любившіе хорошо, весело пожить, попировать за полночь, беззаботные, живущіе день за день, привыкшіе къ крутымъ поворотамъ судьбы: нынче хорошо, завтра дурно; нынче побѣда, богатая добыча, завтра проигранное сраженіе, добыча отнята, самъ въ плѣну».

Составленная по аналогіи съ нашимъ казачествомъ, характеристика, какъ ни чужда стремленія къ намѣренной идеализаціи, во многомъ отступаетъ отъ дѣйствительныхъ фактовъ и отъ наблюденій

---

[1] Rinhuber, №№ I, II. Ср. Кошихина, 93.

[2] Исторія Россіи, изд. 3, XIII, 205.

современниковъ. Примѣнимая еще къ группѣ лицъ, въ родѣ извѣстнаго потомъ Лефорта, она далеко не соотвѣтствуетъ подавляющему большинству служилаго люда, не считая уже иноземцевъ неслужилыхъ, жившихъ торговлею и частными промыслами. Среди офицерства попадались храбрые и свѣдущіе рубаки, какъ Бауманъ, но веселаго удальства не доставало и ему, въ массѣ же несравненно чаще удали встрѣчалось буйство; беззаботную веселость заслоняло напряженіе поисковъ личной прибыли и внѣшняго положенія. На своемъ пути въ Москву Олеарій видѣлъ (1634 г.) селеніе, крестьяне котораго разбѣжались по лѣсамъ отъ нѣмецкихъ солдатъ, возвращавшихся со службы изъ Россіи. Это были части военныхъ отрядовъ, приведенныхъ изъза границы для Смоленскаго похода; многіе изъ ихъ товарищей, въ бытность подъ Смоленскомъ, «проигрався зернью, своровали, измѣнили» и предались Полякамъ. Повторили они дѣйствія полковъ Делагарди, нарушая свое, данное предъ тѣмъ подъ присягой, обязательство не измѣнять государю и «въ государевой землѣ, дорогою идучи людей не побивать и не грабить и въ полонъ не имать и надъ городами никакого дурна не учинить». И не одни такіе кратковременные гости, являвшіеся большими отрядами и на особыхъ условіяхъ, доставляли хлопоты нашимъ, но также инструкторы и другіе иноземцы. Жители Коломны жаловались (1653 г.), что имъ отъ безчинствъ и обидъ майора Андрея Цея съ его товарищами нельзя ходить даже въ церковь: попадавшихся на улицѣ эти иноземцы захватывали и мучили на майоровомъ дворѣ «для своей бездѣльной корысти». Что не было житья отъ воровства, грабежей и убійствъ, чинимыхъ военно-служилыми и всякими пришлыми людьми, жаловались (1658 г.) Голландцы и Гамбуржцы, имѣвшіе свои дома въ Ново-Иноземской Слободѣ [1]. Главнымъ поставщикомъ военнаго люди были вѣдь тогда отбросы тѣхъ военныхъ кадровъ, которые создались въ Германіи во время и около Тридцатилѣтней войны [2]; болѣе справный, въ общемъ, контин-

[1] С. г. г. и дог. III, № 83; Акт. Ист. III, № 182; А. И. IV, 200—201; Рус. Ист. Библ. VIII, 128—130; П. С. Зак., III, 436; Olearius, 1656, 26, пер. 34.

[2] «И межъ такими людьми», какъ характеризовало ихъ нравы тогдашнее военное руководство, «услышишь проклинаніе, клятвы, свары и брани, кражу и грабежъ и всякія бездѣльныя мѣры». Обручевъ, Обз. рукоп. и печ. памяти., 32—33.

гентъ офицеровъ, доставляемый намъ Шотландіею и Англіей, въ сравненіи съ Нѣмцами не былъ многочисленнымъ, да и среди нихъ нерѣдко попадались лица, какъ кн. Артемій Астонъ, оставившій о себѣ плохую память своимъ двуличіемъ; одинъ изъ Англичанъ былъ уличенъ въ выдѣлкѣ фальшивой монеты [1]. Сравнительно лучшій типъ иноземцевъ началъ составляться позднѣе, къ концу XVII вѣка.

Въ виду этого, еще болѣе исключительно мнѣніе о тогдашнемъ иноземномъ населеніи въ Россіи другаго нашего историка, А. Г. Брикнера [2], и совершенно естественно, что сами иностранные писатели, непосредственно наблюдавшіе у насъ своихъ соотечественниковъ, имѣли о нихъ другое понятіе, чѣмъ наши почтенные изслѣдователи. Шведъ Ферберъ, по поводу запрещенія правительствомъ служить русскимъ людямъ у знатныхъ и богатыхъ иноземцевъ, отмѣтилъ (около 1646 г.), напримѣръ, что иностранцы поставлены были тѣмъ въ большое затрудненіе, не имѣя возможности обойтись безъ русскихъ слугъ: «потому что», утверждалъ онъ, «находящіеся въ Москвѣ Лифляндцы и другіе тамошніе уроженцы, употребляемые для прислуги, такъ лѣнивы и глупы, что ни къ чему не годятся»; не хороши и «нѣмецкіе офицеры», состоящіе на русской службѣ: «большая часть изъ нихъ негодные люди, которые не надѣялись достигнуть значительныхъ мѣстъ въ другихъ государствахъ» [3]. «Въ послѣдніе два года», писалъ Шотландецъ Гордонъ [4] въ 1663 году, «прибыло въ Россію очень много иноземныхъ офицеровъ, нѣкоторые съ женами и дѣтьми, другіе безъ того и другаго. Большая часть ихъ — ничтожные и дрянные люди (niederträchtige und schlechte Leute). Многіе изъ нихъ никогда не служили въ офицерскихъ чинахъ, но внѣ родины выдавали себя въ этомъ достоинствѣ». Австрійскій посолъ (1661 г.) Мейербергъ писалъ о жителяхъ Ново-Иноземской Слободы, что «у нихъ бываютъ ежедневныя ссоры и драки» и что постоянно

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Англійскія дѣла, 1613—1614 г., № 5, 1617 г., № 7, 1618 г., №№ 1, 3, 1621—1622 г., № 2. Коллинсъ, 18.

[2] «Im Wesentlichen macht die ausländische Bevölkerung in Russland den Eindruck der Tüchtigkeit, Solidität und Respectabilität», говоритъ онъ. Culturhist. Stud., II, 75.

[3] Сѣверный Архивъ, 1822, I, 155, 158.

[4] P. Gordon, Tag-buch, I, 319.

тягаются они въ русскихъ судахъ [1]. Дополненіе картины крайне неприглядныхъ дѣйствій и судебныхъ процессовъ увидимъ потомъ у Саксонца Рингубера [2], который долго жилъ въ Слободѣ и училъ въ ея школѣ; по ихъ поводу онъ передалъ даже о существовавшемъ въ иноземской средѣ опасеніи, чтобы они не отразились на судьбѣ протестантскихъ храмовъ и не повели къ ограниченію свободы вѣроисповѣданія иноземцевъ.

Нравственная распущенность протестантовъ, ихъ взаимныя ссоры и дрязги и различныя неприглядныя поступки относительно Русскихъ дѣйствительно, навлекали иногда на иновѣрныя церкви серіозныя невзгоды. Припомнимъ случаи съ киркой въ Нѣмецкой Слободѣ при Грозномъ, съ Лютеранскою церковью въ Бѣломъ городѣ при Филаретѣ Никитичѣ, увидѣвшемъ въ ней и около нея драку Нѣмцевъ и Нѣмокъ, невзгоды съ московскими протестантскими церквами 1613 года, сломанными по поводу жалобъ духовенства на религіозно-нравственные соблазны и матеріальныя убытки, чинимые иноземцами Русскимъ, и наконецъ расправу Москвичей съ кирками въ Ново-Иноземской Слободѣ послѣ извѣстныхъ дѣйствій полковничихи Лесли [3]. Важны здѣсь для насъ не судьбы церквей, но ближайшіе поводы къ несчастіямъ съ ними, тѣ дѣйствія и нравственныя качества массы иноземцевъ, которыя способствовали вызову подобныхъ репрессій: сваливать вину, какъ нерѣдко дѣлается въ литературѣ, на одну «религіозно-національную нетерпимость» Русскихъ, все объяснять ею—невозможно.

На этотъ предметъ вообще нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія нашего понятія о Западѣ и его культурѣ и съ предвзятою мыслію возвышать свойства иноземнаго населенія. Извлечь побольше выгодъ, занять попочетнѣе положеніе, пороскошнѣе принарядиться, блеснуть предъ другими своею силою, властью, значеніемъ—вотъ тѣ существенные интересы, которыми руководился, жилъ и дышалъ этотъ людъ; въ самихъ духовныхъ руководителяхъ его, пасторахъ, меркантильные разсчеты и стремленіе играть видную роль слишкомъ

---

[1] Adelung, A. F. von Meyerberg, 210. перев. 208—209.

[2] Rinhuber, № X.

[3] См. выше, I гл.

были ясны. И такъ какъ число лицъ, которыя могли бы опираться на свои несомнѣнныя достоинства, было весьма незначительно, то, чтобы осуществить свои личныя цѣли, иноземцы не были разборчивы въ средствахъ. Происхожденіе, воспитаніе, взгляды, занятія въ этомъ отношеніи мало могли доставлять имъ сдержки. Между ними были члены самыхъ разнообразныхъ національностей: Французы, Испанцы, Италіанцы, Австрійцы, Англичане, Голландцы, Датчане, Шведы, Нѣмцы, Ливонцы, Поляки и проч. Происходя изъ разныхъ странъ, въ вѣроисповѣданіи иноземцы держались протестантства съ его толками и немногіе изъ нихъ католичества; въ политическихъ понятіяхъ они были то монархисты, то республиканцы самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, какіе существовали на Западѣ, и еще чаще люди безъ всякихъ опредѣленныхъ и прочныхъ воззрѣній. Къ этой разнохарактерности ихъ присоединялось еще то, что по роду занятій они были преимущественно военные, ремесленники, торговцы, т.-е. люди состоявшіе на государевой службѣ или домогавшіеся ея или вообще искавшіе заработка и прибыли, люди различныхъ практическихъ интересовъ. Усиленно занятые личною выгодой, они старались завязывать и поддерживать отношенія по возможности только съ тѣми, кто могъ служить къ удовлетворенію ихъ меркантильнымъ видамъ, и безъ стѣсненія перехватывали у другаго добычу, нарушали взаимные интересы. Нелады, столкновенія, соперничество, тяжбы шли у нихъ безпрерывно. Междоусобные счеты не были у нихъ борьбой ученой, научно богословской, политической, они не происходили въ области отвлеченной морали—всѣ эти мотивы были для иноземцевъ слишкомъ отдаленны и большинству изъ нихъ совершенно не по плечу, недоступны; религіозные и политическіе мотивы еще проскальзывали иногда, но только на почвѣ житейской. Борьба вполнѣ соотвѣтствовала свойствамъ населенія: какъ люди практическаго склада, иноземцы вели и житейско-практическіе споры, главнымъ образомъ изъ-за той или иной матеріальной прибыли.

Какого рода возникали религіозные вопросы и на какую почву ставилось рѣшеніе ихъ даже въ избранной средѣ, у лейбъ-медиковъ, показываетъ случай съ алхимикомъ Аптекарскаго приказа Ѳомою Винансъ (Thomas Winans). Голландецъ родомъ и меннонитъ

по вѣроисповѣданію, Винансъ, по пріѣздѣ въ Россію, служилъ въ Ростовѣ «у городоваго дѣла», затѣмъ опредѣлился (4-го августа 1636 г.) въ алхимики, принеся при этомъ присягу, установленную для иновѣрныхъ христіанъ, поступавшихъ на государеву службу. Ему исполнилось 30 лѣтъ, возрастъ, въ который меннонисты принимали крещеніе; за отсутствіемъ у насъ меннонитскаго духовенства, онъ крестился (1642 г.) у лютеранвкаго пастора. На это не обратилъ бы никто вниманія, еслибъ не пріятель голландскаго пастора Ивана Булеусъ, докторъ Граманъ, съ которымъ у Винанса завязались какіе-то нелады. Узнавъ, что алхимикъ крестился лишь теперь, Граманъ поспѣшилъ (2 іюня) къ бояр. Ѳ. И. Шереметеву съ донесеніемъ о томъ и присоединилъ, что «до тѣхъ мѣстъ, до крещенья, Винансъ служилъ государю въ Аптекарскомъ приказѣ шесть лѣтъ и крестъ цѣловалъ не крещенъ; и по-латынѣ грамотѣ не умѣетъ». При такихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію доктора, Винансу нельзя довѣрять составленіе лѣкарствъ про государевъ обиходъ, «потому что онъ государю и въ крещеньи солгалъ». Алхимика подвергли допросу, на которомъ онъ сообщилъ, что не знаетъ, крещенъ ли онъ съ малолѣтства: вѣровалъ онъ «вѣру Менистъ», которой держались его отецъ и мать и въ которой малыхъ дѣтей не крестятъ, пока не возмужаютъ и не узнаютъ все, поэтому онъ нынѣ и крестился въ лютеранскую вѣру; когда его приводили въ Аптекарскомъ приказѣ ко кресту, крестъ цѣловалъ онъ въ Менистову вѣру; по-латыни онъ грамотѣ не ученъ. Извѣтъ Грамана и распросныя рѣчи Винанса Шереметевъ представилъ (4 іюля) Михаилу Ѳедоровичу, и обвиняемый былъ немедленно уволенъ изъ службы въ аптекѣ. Его мѣсто занялъ другой алхимистъ Христофоръ Пухнеръ, едвали безъ протекціи Грамана.

Свою невзгоду Винансъ терпѣлъ до смерти смѣнившаго его Пухнера. Онъ на опытѣ убѣдился, что человѣка непріятнаго себѣ вліятельные иноземцы всегда съумѣютъ подвести подъ отвѣтственность; надобно было приладиться къ нимъ. Съ своей стороны Шереметевъ, быть можетъ, кое-что проповѣдавшій объ истинной причиннѣ несчастія съ Винансомъ, не прочь былъ возвратить его на прежнее мѣсто; только желалъ убѣдиться, что въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ нѣтъ подозрительнаго и что онъ знаетъ алхимистское дѣло. Онъ велѣлъ (5

генв. 1645 г.) допросить докторовъ, какъ лицъ свѣдущихъ: «какова Менистова вѣра, сходна ли съ лютеранской или кальвинской, какіе люди держатъ ее и въ Кого они вѣруютъ, и Томасъ Винсъ навыченъ ли алхимисткому дѣлу». Доктора, въ томъ числѣ и Граманъ, подававшій прежде извѣтъ, теперь прямо рекомендовали Винанса: «Менистову вѣру держатъ Нѣмцы Голландской земли; вѣруютъ они въ Господа Бога, сотворшаго небо и землю, но съ лютерскою и кальвинскою не сходятся, потому что крестятся они въ 30 лѣтъ, подражая Господу нашему Іисусу Христу, который крестился въ тридцать лѣтъ; алхимистъ Томасъ Винсъ алхимисткому всякому дѣлу навыченъ».

Возвратившись въ Аптекарскій приказъ и поддерживаемый докторами, Винансъ уже могъ вскорѣ просить о прибавкѣ жалованья; свою просьбу онъ подкрѣплялъ тѣмъ, что его мѣсто прежде занимали два алхимиста, а онъ служитъ одинъ, и работа ему у государева дѣла одному, и что въ отставкѣ онъ терпѣлъ большіе убытки. Просьба его была удовлетворена (11 іюля) [1].

Послѣ, при разсмотрѣніи отношеній между представителями главныхъ торговыхъ у насъ народностей, мы увидимъ, что на той же практической почвѣ происходили и политическія столкновенія. Настоящія же мотивы борьбы яснѣе, чѣмъ здѣсь, обнаруживались въ тѣхъ личныхъ столкновеніяхъ протестантовъ, гдѣ не было надобности прикрываться какими либо благовидными предлогами по отношенію къ русскому правительству и когда обѣ стороны старались дать одна другой соотвѣтственный отпоръ.

Семья Гамбуржца Петра Гавриловича Марселиса, пользовавшагося рѣдкимъ вниманіемъ со стороны нашего правительства, была, какъ извѣстно, одной изъ наиболѣе видныхъ, такъ сказать, аристократическихъ. У его жены, Дарьи Ивановой, померла бабушка, на оставшееся послѣ которой наслѣдство предъявили свои права сынъ ея Иванъ Дюкеръ съ своими дѣтьми и ея зять Иванъ Ульяновъ съ своею дочерью Дарьей Марселисъ. Дюкеръ поспѣшилъ переѣхать изъ

[1] Акт. Истор. III, №№ 239, 304; Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Спб. 1883, III, 237—240; Fechner, I, 266—267.

своего дома въ домъ матери и завладѣлъ всѣмъ ея имуществомъ. Въ качествѣ ходатая за обиженныхъ, Марселисъ искалъ, чтобы Дюкеру велѣно было представить въ Посольскій приказъ полную роспись всему оставшемуся послѣ покойной. Роспись вытребовали. На вопросъ, все ли изъ оставшихся пожитковъ его матери въ ней перечислено, Дюкеръ отвѣтилъ, что въ нее занесено все, до сихъ поръ найденное имъ; если же еще что-нибудь найдетъ, о томъ объявитъ въ свое время. Вскорѣ Марселисъ отправился въ Данію въ качествѣ свата царевны Ирины Михайловны за датскаго королевича Вальдемара [1], и Дюкеръ началъ распродавать имущество матери и требовать деньги съ ея должниковъ. Дарья Марселисъ обратилась къ государю съ просьбою, выясняя, что, по челобитью ея мужа, Дюкеру велѣно было доставить въ Посольскій приказъ подлинную роспись всему оставшемуся послѣ ея бабушки, но онъ роспись составилъ ложную, всѣхъ «животовъ» въ нее не внесъ, и теперь продастъ многое украдкой, «по кабаламъ къ должникамъ приставливаетъ и не бережетъ бабушкинъ дворъ»; къ записямъ и крѣпостямъ приложены руки всѣхъ наслѣдниковъ, по скольку имъ тѣми «животами» владѣть, записи хранятся въ Посольскомъ приказѣ. Челобитчица просила государя повелѣть бабушкино имущество или взять въ Посольскій приказъ, или «за третьихъ положить до раздѣлки», пока не возвратится ея мужъ, а самого Ивана водворить въ его собственный домъ. Къ челобитной она приложила перечень предметовъ, которые Дюкеръ утаилъ въ своей росписи; такую же дополнительную роспись подалъ въ Посольскій приказъ повѣренный Марселиса, поручикъ Брынкъ. Именнымъ указомъ государя Михаила Ѳеодоровича было повелѣно (9 апр. 1643 г.) отдать Дюкера на поруки, съ условіемъ, чтобы до Марселисова пріѣзда ему не тратить имущества своей матери и не продавать ея двора.

Судебный процессъ сопровождался рѣзкою перебранкой, которая едвали еще не рельефнѣе, чѣмъ тяжба, обрисовываетъ внутренній міръ тяжущихся, уровень ихъ нравственнаго и умственнаго развитія. За усмиреніемъ Дюкера и его жены Дарья Иванова обращалась

[1] См. ниже, VI гл.

къ помощи пастора Валтасара Фадемрехта, ихъ духовника, и Андрея Деладала. Это не угомонило ихъ, жена Дюкера обзывала Дарью позорными именами въ самомъ Посольскомъ приказѣ. Дарья вошла съ новой челобитной. «Царю государю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, писала она, бьетъ челомъ Петрова женишка Марселиса Дарьица. Жалоба, государь, мнѣ на иноземца Ивана Дюкера и на жену его. Сердясь на то, что мужъ мой тягался съ нимъ за имущество моей бабушки, неправильно, безъ твоего государева указа, имъ, Дюкеромъ, присвоенное, онъ, Иванъ, съ своею женою съ тѣхъ поръ завсегда бранятъ мужа моего и меня всякою неподобною и позорною лаею м..... Не могши терпѣть ихъ позорной лаи и злоогласки, я, 16 октября нынѣшняго 1643 года, посылала къ нимъ ихъ духовнаго отца нѣмецкаго попа Балцыря и торговаго Голландца Андрея Деладала спросить ихъ, почему они меня и мужа безчестятъ, и уговорить прекратить свою брань; но посланнымъ они говорили съ насмѣшкою надо мною: ‹‹мы ее не бранимъ, а называемъ ее гнилою гнилухою, чтобы ее чертъ взялъ››. А у насъ, государь, позорнѣе и безчестнѣе того не можетъ быть, что честнаго человѣка гнилымъ называть, и теперь я отъ великаго позора предъ всѣми иноземцами въ конецъ погибаю. А мужъ мой, при отъѣздѣ за море, билъ челомъ тебѣ, государю, чтобы ты меня съ дѣтишками не покинулъ и отъ всякаго насильства и обиды беречь велѣлъ, и твое государское милосердное жаловальное слово о томъ мужу моему было. Вели, государь, за службу мужа моего, оборону мнѣ дать отъ той позорной лаи, чтобы имъ впредь неповадно было мужа моего и меня такъ безчестить и мнѣ бы отъ нихъ въ позорѣ въ конецъ не погибнуть».

Обвиняемаго допросили въ Посольскомъ приказѣ, такъ ли было, какъ изложено въ челобитной. Дюкеръ подтвердилъ, что 16 октября, дѣйствительно, были у него попъ Валтасаръ и Голландецъ Деладалъ и спрашивали его, за что онъ и жена его бранятъ Марселисовъ, и онъ отвѣтилъ имъ, что они вовсе не бранятъ, а дѣло вотъ въ чемъ. Какъ умерла его мать, Дарья Марселисъ попрекала его болѣзнью, съ нимъ случившеюся, «что онъ Божіимъ гнѣвомъ въ разумѣ порушился»; на это онъ замѣтилъ ей: ‹грѣхъ-де ей, Дарьѣ, тѣмъ попрекать его, и у ней-де самой также Божіимъ гнѣвомъ носъ перегнилъ»; но «гни-

лою гнилухою» онъ ее не называлъ и «чтобъ ее чертъ взялъ» не говаривалъ. Въ подтвержденіе вѣрности своихъ показаній онъ ссылался на приходившихъ къ нему пастора и Голландца.

Позвали на допросъ Фадемрехта и Деладала. Когда они были у Дюкера, то онъ, по ихъ словамъ, во всемъ заперся, кромѣ того только, что услыша-де, будто у него, по челобитью Дарьи Марселисъ, хотятъ отнять дворъ, къ «тому слову» примолвилъ заочно: «чтобъ ей чертъ на голову, а не дворъ». Жена же его сообщила имъ, что ея мужъ Дарью не бранивалъ, назвалъ ее всего «гнилухою», каковое слово онъ и въ Посольскомъ приказѣ предъ дьяками сказалъ, и это слово она дважды вспоминала, называла Дарью гнилухою. На вопросъ Валтасара, зачѣмъ это она дѣлаетъ, она отвѣтила: по смерти бабки Дарья попрекнула ея мужа дурною болѣзнью, будто онъ «въ умѣ рушался», въ отместку ей она такъ и поступаетъ.

Относительно исполненія прежняго указа о поручительствѣ, Дюкеръ заявилъ, что за него никто не даетъ ручательства въ томъ, что онъ до пріѣзда Марселиса имущества матери своей не изсоритъ и двора не продастъ. Велѣно было тогда его держать за приставомъ въ Посольскомъ приказѣ. Марселисъ, между тѣмъ, возвратился, удачно выполнивъ свою миссію. Съ нимъ было тягаться теперь опасно, и отъ него потомъ терпѣли и не такія по своему значенію лица, какъ Дюкеръ: въ интересахъ Дюкера было войти съ нимъ въ соглашеніе. Не къ чести и самого Марселиса было дѣло, разглашенное его женою: оно раскрывало уже слишкомъ неприглядныя стороны его семейной жизни, и Марселисъ постарался замять его [1].

Семейные разсчеты осложнялись опекунствомъ. Пріятель Марселиса, Давидъ Рутцъ, помирая († 1659 г.), поставилъ душеприкащиками надъ имуществомъ и своими малолѣтними дѣтьми, Николаемъ и Исаакомъ, голландскаго въ Москвѣ пастора Ивана Кравинкеля и Голландца Артемія Артемьева Свелингребеля [2]. Точной

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Приказныя дѣла 1643 г., св. 138: «Дѣло по челобитью Дарьи Петровой жены Марселиса съ Иваномъ Дюкеромъ о томъ, что онъ матери своей, а ея бабушки дворомъ и животомъ наспльствомъ завладѣлъ».

[2] Тамъ же, Монастырскія дѣла 1667—1668 г., № 92: «Исковое дѣло Голландской земли торговаго иноземца Исака Руца съ Голландской же земли пасто-

описи наслѣдства не было составлено, и оно подъ управленіемъ опекуновъ до того разстроилось, что Николай Рутцъ, когда выросъ, продалъ (8 апр. 1668 г.) свою долю брару Исааку, съ обязательствомъ не вступаться въ прибыли и правомъ не нести убытковъ, если таковые случатся [1]. О размѣрахъ сохранившагося состоянія братья точно не знали. Не получивъ отъ опекуновъ того удовлетворенія, какого желалъ, Исаакъ подалъ (29 іюля 1667 г.) государю челобитную, что они не выдаютъ ему ни документовъ, ни имущества и не пускаютъ жить на отцевъ дворъ, сколько ни посылалъ къ нимъ посредниковъ и ни писалъ имъ писемъ, и теперь онъ «скитается по чужимъ дворамъ, помираетъ голодною смертію». На допросѣ въ Посольскомъ приказѣ пасторъ и Артемій показали: Исаакъ еще прежде подавалъ на нихъ челобитную въ Посольскій приказъ думному дьяку Алмазу Иванову «о счетѣ животовъ отца своего», и дьякъ велѣлъ ему считаться объ имуществѣ «предъ третьими»; въ качествѣ «третьихъ» они пригласили Голландцевъ торговыхъ людей Филимона Акему, Якова фанъ-деръ-Гульста, Ивана Плюса и «не по одно время» для счету посылали за Исаакомъ, но онъ не являлся, а московскій домъ своего отца продалъ своему зятю Ивану фанъ-Сведену безъ ихъ вѣдома. Неявку свою Исаакъ оправдывалъ предупрежденіемъ Алмаза Иванова, «чтобы въ томъ счетномъ дѣлѣ какого иного дѣла до него не дошло»; впрочемъ, если будетъ на то государевъ указъ, онъ и «предъ третьими» считаться готовъ. «Но мы счетъ уже учинили съ братомъ Исаака, Николаемъ, и его зятемъ», отговаривались отвѣтчики. На это Исаакъ возражалъ, что имъ съ братомъ его Николаемъ въ отцовомъ имуществѣ было считаться не для чего, такъ какъ этотъ продалъ ему имѣющую получиться свою долю, съ отказомъ отъ всякой отвѣтственности въ убыткахъ и претензій на прибыль. Въ доказательство Исаакомъ представлено было засвидѣтельствованное письмо

ромъ Яганомъ Кравинкелемъ и торговымъ иноземцемъ Артемьемъ Свелингребелемъ».

[1] «И по случаю буде брату моему Исаку не посчастливится и у сей купли ему вмѣсто прибыли будетъ накладъ, или будетъ животы отца нашего за какими случаи не дойдутъ, потому что смѣты совершенной не было, и онъ долженъ будетъ убытокъ моей доли на себѣ понести».

(отъ 23 ноября 1663 г.) Николая, въ которомъ послѣдній отказывался отъ всякихъ правъ на свою долю въ имуществѣ отца въ пользу своего брата Исаака. Послѣдній не признавалъ также законности счетнаго письма съ зятемъ и участія прежнихъ «третьихъ» въ раздѣлѣ имущества: «третьи» поступали несправедливо, а зять раздѣла имущества не учинилъ. Отвѣтчиковъ и истца судьи пока отпустили на поруки, подъ условіемъ, что они, когда понадобится, опять встанутъ по своему судному дѣлу.

За пастора и Свелингребеля поручители нашлись (3 авг. 1667 г.); Исаакъ Руцъ, вмѣсто представленія поручной записи, обратился (16 августа) съ новой челобитной, въ которой просилъ, чтобы отвѣтчики, его прежніе «застоятели», приведены были къ присягѣ по пяти приложеннымъ къ челобитной пунктамъ и наконецъ отдали бы ему все, «что́ доведется», изъ имущества его отца, дабы ему, «бѣдному сиротѣ, больше не скитаться старчески и вѣчно бы за великаго государя Бога молить». Пунктами требовалось: пусть Кравинкель и Свелингребель, подъ присягой, скажутъ, что духовную Рутца и послѣднюю его волю ни въ чемъ не нарушили и никакихъ «шкодъ» Исааку и другимъ наслѣдникамъ съ своего вѣдома чрезъ друзей не учинили; обѣщаются принести правдивый, безъ утайки, списокъ всего оставшагося послѣ него имущества; подтвердятъ, что Исааку и другимъ наслѣдникамъ постоянно искали добра и не старались, хитростію и обманомъ, часть наслѣдства присвоить себѣ; обѣщаютъ, что, давъ роспись оставшагося послѣ отца имущества, все означенное въ ней передадутъ ему сполна вмѣстѣ съ документами покойнаго; подтвердятъ, что они по невѣдѣнію позволили ему поручиться по казенному подряду, когда онъ былъ малолѣтенъ, и объ этомъ неразумномъ дѣлѣ не учинили тогда явки. Свою просьбу Исаакъ нашелъ нужнымъ повторить еще разъ (7 апр. 1668 г.), ссылаясь на то, что ему нечѣмъ платить долги. Опекуны опять сваливали съ себя всякую отвѣтственность и во всемъ винили самого Исаака. «Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, писали они въ своей челобитной (13 апр.), бьютъ челомъ голландскихъ и торговыхъ иноземецъ пасторъ Яганко Кравинкель да Голландскія земли товговой иноземецъ Артюшка Свелингребель. Торговый

иноземецъ Давидъ Рутцъ, отходя со свѣта своего, назначилъ насъ своими душеприкащиками, поручая намъ «строить и поминать» его душу, раздѣлаться изъ его животовъ съ его долгами и надзирать за его малолѣтними дѣтьми, которыя должны быть намъ во всемъ покорны. Когда онъ умеръ, мы, душу его поминая и уплачивая его долги, употребили на это всѣ его пожитки, дома и движимое имущество, и послали затѣмъ за дѣтьми его, чтобы они взяли отъ насъ отчетъ въ распоряженіи остававшимся послѣ покойнаго. И одинъ изъ сыновей его, Исаакъ, учинился непослушенъ: не смотря на неоднократный зовъ, не явился, неизвѣстно для какого умысла задумавъ насъ убытчить и волочить напрасно. Тогда мы отдали отчетъ брату его Николаю и зятю Ивану Сведену, при Яковѣ Фанъ-деръ-Гульстѣ и Фил. Акемѣ. Послѣ этого изъ имущества покойнаго Давида за нами ничего не осталось; бывшее, за всѣми расходами, у насъ на рукахъ мы передали Ивану Сведену; списокъ съ разсчета послали и Исааку. А теперь онъ требуетъ съ насъ другаго отчета и сваливаетъ на насъ остальные, еще не уплоченные долги его отца, и тѣмъ намъ чинитъ большіе убытки. Повели, государь, не вѣрить его напрасной наглости, спрашивать съ насъ другой отчетъ и дать намъ во всемъ очисть: у насъ, иноземцевъ, нигдѣ не повелося другаго отчета спрашивать».

Военнослужилые люди, по отсутствію взаимнаго уваженія и должной между ними дисциплины, свои ссоры вели крайне не сдержанно. Помимо матеріальной прибыли, вызывавшей распрю въ мірѣ коммерческомъ, здѣсь играло большое значеніе честолюбіе и соперничество. При осадѣ Смоленска, Шеинъ собралъ однажды военный совѣтъ: не испробовать ли открытую атаку королевскаго обоза. Полковникъ Лесли, Шотландецъ, совѣтовалъ прямо ударить на непріятеля; другой полковникъ Сандерсонъ, Англичанинъ, полагалъ, что слѣдуетъ держаться за окопами. Пылкій и ревнивый Лесли назвалъ Сандерсона измѣнникомъ. Хотя Шеинъ успѣлъ развести соперниковъ, и принялъ мнѣніе Лесли, но распри тѣмъ не прекратилъ. Вскорѣ наши, терпя отъ холода, пошли (2 декабря 1633 года) въ лѣсъ за дровами; на нихъ напали Поляки и убили до 500 человѣкъ. Узнавъ о томъ, Лесли уговорилъ Шеина отправиться на мѣсто и счесть по-

гибшихъ; съ нимъ поѣхалъ и Сандерсонъ. Указывая на трупы русскихъ солдатъ, Лесли вдругъ укорилъ Сандерсона: «это твоя работа, ты далъ знать королю, что наши пойдутъ въ лѣсъ». Оскорбленный Англичанъ закричалъ: «лжешь!» и Лесли, не говоря ни слова, выхватилъ пистолетъ и положилъ Сандерсона на мѣстѣ. Самоуправный убійца не подчинился суду Шепна и остался безнаказаннымъ [1].

Кровавою расправой иногда оканчивались также ссоры между военными и разными мастеровыми. Капитанъ ружейнаго дѣла, Вильгельмъ Гейманъ собралъ (22 мая 1643 г.) къ себѣ въ гости своихъ знакомыхъ изъ московскихъ иноземцевъ. Въ числѣ ихъ были офицеры полка Крафорта, поручикъ Робертъ, сержанты Идвертъ Садлиндъ, Янъ Мальцъ и Месолтъ и кружевной мастеръ Антонъ Томсонъ. Послѣдній разсорился здѣсь съ Садлиндомъ и вызвалъ его на дуэль; она состоялась у нихъ тотчасъ же, на Коровьей площади у Фроловскихъ воротъ (близъ нынѣшняго Почтамта). Томсонъ убилъ соперника и скрылся. Утромъ, когда ворота были отворены, сторожевые стрѣльцы увидали трупъ и около него трехъ иноземцевъ, Роберта, Мальца и Месолта. Всѣхъ ихъ трехъ стрѣльцы отвели въ Земскій приказъ, объявивъ, при какихъ обстоятельствахъ нашли ихъ, а о «мертвомъ тѣлѣ Нѣмчина» сообщили, что они взять его не могли, такъ какъ не на чемъ было свезти его, и кто убилъ Нѣмчина, они не знаютъ, шума и драки не слыхали. Приведенныхъ подвергли въ Приказѣ допросу порознь.

Кормовой иноземецъ, поручикъ Робертъ показалъ: живетъ онъ на Фроловкѣ, въ домѣ поручика Крафертова полка, гдѣ жилъ и убитый Идвертъ. Вмѣстѣ съ Идвертомъ наканунѣ въ обѣденное время онъ отправился въ гости къ Гейману, у котораго встрѣтилъ много другихъ иноземцевъ; тамъ были и схваченные съ нимъ сержанты и неслужилый Нѣмчинъ кружевной мастеръ Антонъ Томсонъ. Томсонъ побранился съ Идвертомъ и ушелъ со двора, а они остались ночевать. Къ утру, «часа за два до отдачи ночныхъ часовъ», Томсонъ вернулся, поднялъ опять съ Идвертомъ ссору и вызвалъ

---

[1] Соловьевъ, изд. 4, IX, 198, 340; наше изслѣдов.: «Обрусѣніе иноземцевъ-протест. въ Моск. госуд.», 49.

его на поединокъ, послѣ чего оба они ушли, а онъ, поручикъ, и сержанты пошли за ними съ цѣлію разнять ихъ, но застали Идверта уже мертвымъ, заколотымъ шпагой. Убійца Томсонъ живетъ на Поганомъ прудѣ, у Марселисова прикащика Петра Мартынова. Объ обстоятельствахъ ссоры и о дуэли сержанты повторили въ сущности то же. Такъ ли было дѣло, какъ передавали захваченные, дѣйствительно ли они не принимали участія въ убійствѣ даже въ качествѣ свидѣтелей (секундантовъ) или совершили его сами, лишь запираются, было судьямъ не извѣстно, пока не былъ бы допрошенъ убійца, почему они велѣли тѣло привезти въ Приказъ и представить убійцу.

Распоряженіе привезти тѣло убитаго сержанта было исполнено. Покойный, какъ оказалось на осмотрѣ, былъ раненъ въ грудь, одѣтъ въ нѣмецкіе штаны и сапоги, при немъ шпага и шляпа. Въ тотъ же день жена убитаго, Анна Романова, явилась съ просьбой выдать ей тѣло мужа для похоронъ. Просьба ея была удовлетворена.

Но Томсона все не находили, и поручикъ Робертъ съ товарищами были задержаны; о присылкѣ обвиняемаго въ убійствѣ затребовали отъ Посольскаго приказа. Задержанные просили (24 мая) отпустить ихъ на поруки, обѣщая отыскать убійцу. Подъ порукою (25 мая) за нихъ, что они чрезъ недѣлю (по 2 іюня) представятъ его въ Земскій приказъ, подписалось 13 иноземцевъ, въ томъ числѣ «горододѣлецъ» Ѳома Филисъ.

Послѣдній самъ вскорѣ попалъ въ подсудимые. «Мертвое тѣло, били челомъ (10 іюня) снова взятые за пристава Робертъ съ товарищами, похоронилъ Нѣмчинъ горододѣлецъ Ѳома Филисъ и самъ убійца, котораго Филисъ помирилъ съ женой убитаго, давъ ей денегъ, а мы въ томъ убойственномъ дѣлѣ сидимъ за приставомъ, помираемъ съ голоду; Филисъ и до сихъ поръ оберегаетъ Томсона, который скрылся у него тотчасъ же послѣ убійства. Вели, государь, того горододѣльца въ Земскомъ приказѣ поставить и допросить». Изъ Земскаго приказа было отправлено въ Пушкарскій приказъ требованіе прислать Филиса по обвиненію въ участіи его въ преступленіи Томсона и укрывательствѣ послѣдняго. Филисъ явился (13 іюня) самъ, безъ пристава. На допросѣ показалъ, что объ убійствѣ Садлинта Томсономъ ему ничего не извѣстно, также не знаетъ и

того, кѣмъ именно убитъ покойный; вдову съ Томсономъ онъ не мирилъ, у себя его послѣ убійства не видалъ и не укрывалъ и ничего не знаетъ о мѣстѣ настоящаго его жительства. На очной съ нимъ ставкѣ Робертъ съ товарищами вновь подтвердили написанное въ ихъ челобитной и, какъ на свидѣтелей того, что онъ мирилъ Томсона съ женой убитаго, ссылались на троихъ иноземцевъ [1]. Филисъ, то же стоя на своемъ, сказалъ, что названныя лица хотя и были у него, но въ гостяхъ, а не для примиренія Томсона со вдовою Садлинта, и чрезъ Пушкарскій приказъ выхлопоталъ (17 іюня) себѣ отпускъ на поруки.

Слѣдъ Томсона наконецъ отыскался, только не тамъ, гдѣ искали его. Жена убитаго, Анна Садлинтъ, подала (26 іюня) въ Посольскій приказъ челобитную. «Въ нынѣшнемъ, государь, 1643 году мужъ мой подрался за Стрѣтенскими воротами съ Антономъ Томсономъ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ, человѣкомъ датскаго короля прикащика Петра Марселиса, при чемъ въ дракѣ этой мужъ мой былъ убитъ Томсономъ до смерти. Послѣ мужа осталось много долгу, который перенялъ на себя упомянутый Томсонъ, и я въ этомъ долгу мужа моего не челобитчица (!). Содержащіеся въ Земскомъ приказѣ служилые иноземцы, рыцари, въ убійствѣ мужа моего не виноваты и на нихъ я также не челобитчица. Милосердый государь, пожалуй меня, рабу свою, повели ихъ освободить».

Что вдова такъ легко сошлась съ убійцею ея мужа, едва ли не намекаетъ на дѣйствительный мотивъ ссоры и дуэли, совсѣмъ не выясненный на судѣ. Недостатокъ въ женщинахъ чувствовался иноземцами постоянно, и вполнѣ возможно, что тутъ въ основѣ лежала семейная драма: нравы какъ бы оправдывали жену остаться за тѣмъ, кто оказался болѣе сильнымъ. Дѣло объ убійствѣ тогда было вытребовано изъ Земскаго приказа въ Посольскій [2].

Какъ бы замирая въ одномъ мѣстѣ и возникая въ другомъ, когда была частной, распря отличалась замѣчательнымъ упорствомъ и принимала широкіе размѣры, если касалась интересовъ цѣлыхъ иноозем-

[1] Аптекаря Филип. Николаева, поручика Ив. Чернаго и лѣкаря Елиз. Иванова.

[2] Тамъ же, Приказныя дѣла 1643 г., св. 138: «Дѣло о убивствѣ иноземца Идверта Сандинтова, бывшаго сержанта въ полку Александра Крафорта».

ческихъ группъ. Взаимное соперничество лицъ самыхъ благопріятствуемыхъ тогда у насъ торговыхъ націй, Англичанъ и Голландцевъ, веденное ими о первенствѣ въ торговлѣ, потеряло свой острый характеръ не ранѣе, какъ одна изъ борющихся сторонъ была оттѣснена. Чрезъ жизнь иноземнаго торговаго у насъ класса эта борьба проходила яркой полосой и была явленіемъ весьма характернымъ.

Заполучивъ привилегію на безпошлинную у насъ торговлю, Англійская компанія всѣми мѣрами старалась удержать за одною собой всѣ выгоды иностранной у насъ торговли и крайне ревниво посмотрѣла на Голландцевъ, въ которыхъ не безъ причины угадывала самыхъ опасныхъ для себя соперниковъ. Англійское правительство помогало ей оттѣснять ихъ въ пору первыхъ же ихъ шаговъ къ намъ. Посолъ Джеромъ Баусъ (1583 года) долженъ былъ представить нашему правительству, чтобы устраненъ былъ Нидерландецъ де-Валь, который торгуетъ безпошлинно въ нарушеніе-де повольностей Англичанъ и тѣмъ-де подрываетъ торговлю ея величества. «Должно знать, отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ Баусъ [1], что до моего пріѣзда въ Россію тамъ жило много иностранцевъ, особенно Голландцевъ, которые незаконно вторглись сюда въ торговлю. Не смотря на то, что привилегія на исключительное право Англичанъ давно уже дана царемъ, Голландцы такъ повели дѣло, что средствами, требующими расходовъ, они сдѣлали трехъ главнѣйшихъ совѣтниковъ царя вѣрными себѣ друзьями, и именно Никиту Романова, Богдана Бѣльскаго и дьяка Андрея Щелкалова; кромѣ постоянныхъ подарковъ этимъ 3 лицамъ, Голландцы взяли у нихъ въ домѣ такую сумму денегъ съ платежемъ 25%, что только одному изъ этихъ трехъ лицъ они платили ежегодно 5 тысячъ марокъ».

Подкупы и вовлеченіе въ свои интересы вліятельныхъ лицъ были самымъ обычнымъ средствомъ борющихся сторонъ. Бояре дѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая поддерживала ту сторону, въ которой была заинтересована. Возстановить положеніе Англичанъ Баусъ съумѣлъ и хотя, по внезапной смерти Грознаго, не могъ воспользоваться плодами своего посольства, однако вѣдавшій

[1] Извѣстія Англичанъ о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка, 96.

потомъ дѣлами правленія Борисъ Годуновъ, самъ, въ пору боярства, заинтересованный въ выгодахъ англійской торговли, постоянно отдавалъ преимущество Англійской компаніи. Свое превосходство удерживали Англичане въ послѣдующее время, пользуясь также, между прочимъ, отсутствіемъ въ Голландцахъ единодушія.

«Частная ненависть, которую наши купцы питаютъ другъ къ другу», сообщалъ (29 авг. 1614 г.) своему правительству голландскій посолъ Исаакъ Масса, «такъ велика, что она раззоряетъ торговлю нашу во многихъ отношеніяхъ. Ненависть эта происходитъ частію отъ различія вѣры, частію отъ различія націй, а въ прочной компаніи ничего такого не можетъ быть. Англичане же успѣваютъ въ дѣлахъ своихъ, потому что одно лишь лицо у нихъ пользуется почестями и умѣетъ поддержать національную честь. Москвитяне во многомъ похожи на Англичанъ, они также хитры, также любятъ блескъ и деньги, а потому двѣ эти націи легко сходятся и легко уживаются. Англичане пользуются большимъ довѣріемъ и, во время всѣхъ здѣшнихъ внутреннихъ безпорядковъ, они успѣли сохранить всѣ преимущества свои, какъ относительно пошлинъ, такъ и относительно другихъ пунктовъ,—между тѣмъ какъ ненависть и зависть нѣкоторыхъ изъ нашихъ купцовъ между собою уничтожаютъ всѣ наши старанія. Если мы предлагаемъ что-нибудь въ пользу страны нашей, то они изъ личной ненависти обманываютъ другъ друга, вредятъ себѣ самимъ и другимъ, не щадя даже брата роднаго. Купцы другихъ націй поддерживаютъ другъ друга; еслибъ наши дѣйствовали одинаково, то мы получили бы все, что требуемъ, даже дозволеніе проѣхать чрезъ Московію до Татаріи, до самой Персіи, въ землю ханскую, еслибъ можно было отбросить наши частныя распри». Въ орудіяхъ борьбы противъ Голландцевъ Англичане не были разборчивы. Прикидываясь «ласковыми» къ нимъ, если видѣли въ томъ выгоду для себя, они тотчасъ же измѣняли характеръ отношеній по минованіи надобности. «Лишь только замѣчаютъ расположеніе къ намъ, сообщаетъ тотъ же Масса, они всячески стараются возбудить здѣсь ненависть къ в. д. в. Генеральнымъ Штатамъ: подали, наконецъ, даже записку, въ которой изъясняли, что Генеральные Штаты—народъ, желающій вмѣшиваться въ дѣла всѣхъ государствъ и поселять въ нихъ раздоръ,

что ваши державныя власти были также виновниками шведской войны, которая большею частію производилась ихъ силами и средствами, что вы просили союза Польши противъ Россіи, и много другихъ лживыхъ сказокъ» [1].

Съ своей стороны не оставались въ долгу Голландцы. Если каждый изъ англійскихъ пословъ старался пустить стрѣлу по ихъ адресу, то и голландскіе послы платили тою же монетой; если Англійская компанія, чрезъ Джона Мерика получившая отъ Михаила Ѳеодоровича подтвержденіе привилегіи на безпошлинную торговлю, дѣйствовала сосредоточеннѣе, подъ управленіемъ главнаго агента; то голландскіе купцы орудовали въ различныхъ мѣстахъ и разнообразными средствами. Захвативъ въ свои руки преобладающее вліяніе въ церковныхъ дѣлахъ Московской реформатской общины, гдѣ Англичане прилагали недостаточно стараній, Голландцы завязывали связи въ правительственныхъ сферахъ и старались подѣйствовать на общественное мнѣніе. Замѣчательно, что здѣсь примѣнены были ими и литература, въ формѣ сатиры, и политика. Оспаривавшій значеніе у Исаака Массы, Мерикъ въ свое время жаловался нашему правительству: приходилъ на Англійскій дворъ братъ Исаака торговать сукна и, разбранившись съ Англичанами, молвилъ непригожее слово про короля ихъ Іакова, приравнялъ его съ собой: «король-де вашъ все равно что̀ я; и онъ человѣкъ, и я человѣкъ». Джонъ Мерикъ, называемый у насъ княземъ Иваномъ Ульяновичемъ, присоединялъ отъ себя по этому случаю: «Ему, князю Ивану, за великую кручину, что такой мужикъ про великого государя этакое непригожее слово молвилъ, только бы свое слово онъ молвилъ въ ихъ землѣ, то никакъ бы висѣлицы не избылъ». Обвиняемому было строго выговорено [2]. Съ большимъ основаніемъ и успѣхомъ обвинять въ прямой политической неблагонадежности могли потомъ Голландцы самихъ Англичанъ: англійскую революцію и убійство короля Карла они искусно эксплоатировали въ свою пользу. Подкупъ и сатира дополняли остальное.

---

[1] Записки о Россіи XVII и XVIII вѣка, по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ, Вѣстн. Евр. 1868, I, 243, VIII, 809—810.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Англійскія дѣла, статейный списокъ о пребыв. Мерика. Соловьевъ, изд. 4, IX, 107—108.

У Коллинса, англійскаго врача, долго проживавшаго въ Россіи, сохранились цѣнныя свѣдѣнія изъ этой области.

Онъ писалъ: «Голландцы, какъ саранча, напали на Москву, и отбиваютъ у Англичанъ хлѣбъ. Они гораздо многочисленнѣе, богаче Англичанъ, ничего не щадятъ для достиженія своихъ видовъ и всюду бросаются, куда манятъ ихъ выгоды. Въ Россіи принимаютъ ихъ лучше, чѣмъ Англичанъ, потому что они подносятъ подарки боярамъ, и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ ихъ покровительство. Также стараются они унизить и осмѣять Англичанъ: рисуютъ каррикатуры, сочиняютъ пасквили и тѣмъ даютъ Русскимъ невыгодное о насъ понятіе. Они изображаютъ насъ въ видѣ безхвостаго льва съ тремя опрокинутыми коронами и множества большихъ собакъ съ обрѣзанными ушами и хвостами. Такихъ неприличныхъ картинъ очень много, и кистью они владѣютъ искуснѣе, нежели перомъ; картины ихъ производятъ на Русскихъ большое дѣйствіе» [1].

Съ оттѣсненіемъ Англичанъ къ Архангельску и съ случившимся затѣмъ выселеніемъ московскихъ иноземцевъ въ Слободу, интересы, изъ-за которыхъ ведется борьба, вообще разширяются; не измѣняя своего основнаго мотива, глубже проникаютъ въ жизнь частную, общественную и церковно-общинную. Къ дѣйствовавшимъ побужденіямъ борьбы присоединяется новый, не менѣе существенный, именно все яснѣе и яснѣе обозначавшееся различіе между иноземцами прежними, которые вели свой родъ отъ плѣнныхъ эпохи Грознаго и вообще поселись въ Россіи давно, и вновь прибывавшими къ намъ. У самыхъ иноземцевъ составляется взглядъ, что «старые Нѣмцы» во многомъ уступаютъ «Нѣмцамъ новымъ», хуже ихъ, невѣжественнѣе. Наше правительство также не чуждо было этой мысли. У него было почти правиломъ лейбъ-медиковъ держать недолго и замѣнять ихъ новыми, нарочно призываемыми вмѣсто прежнихъ. До нѣкоторой степени это видно и въ замѣщеніи высшихъ военныхъ должностей. Захваты новопріѣзжими выгодныхъ мѣстъ, почета и прибыльныхъ отраслей промышленности возбуждали зависть и ревность въ прежнихъ иноозем-

---

[1] Самуилъ Коллинсъ, Нынѣшнее состояніе Россіи, гл. XXIV, въ Чтен. И. М. О. И. и Др. Рос. 1846, I, отд. III, стр. 38—39.

цахъ, что̀ вело къ пререканіямъ и открытой борьбѣ. Когда главная масса протестантовъ была собрана въ Ново-Иноземскую Слободу, то совмѣстная жизнь и частая встрѣча враговъ и друзей открыли подобнымъ дѣйствіямъ широкій просторъ. Здѣсь иноземцы знали одинъ другаго до мелочей, и свои родословные счеты могли вести здѣсь легко; надобныя партіи составлялись быстро, какъ бы сами собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ жители Слободы находились въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ иноземцами другихъ группъ и имѣли на нихъ вліяніе, то въ борьбѣ невольно принимали участіе и жившіе вдали отъ Москвы, участіе тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ тѣснѣе были они связаны съ представителями борющихся въ Слободѣ партій. Междоусобицы военныхъ отражались въ Сѣвскѣ и Бѣлгородѣ; счеты промышленнаго класса—на мастерахъ Тульскихъ и другихъ заводовъ; эхо борьбы между торговыми людьми отзывалось въ Вологдѣ и Архангельскѣ. Борьба иногда переносилась за границу, откуда присылали умиряющіе совѣты, различныя указанія или заступничество предъ правительствомъ за лицъ, терпѣвшихъ въ борьбѣ значительные убытки.

На тучной почвѣ взаимно-враждебныхъ отношеній между старыми и новыми собственно военно-служилыми иноземцами родилось весьма извѣстное въ свое время, необыкновенно драматическое дѣло, сосредоточивавшееся около личности новоприѣзжаго и счастливаго по службѣ Николая Баумана. Быстрое возвышеніе его вызвало среди служилыхъ иноземцевъ цѣлую бурю, въ которой переплелись взаимныя интриги не только между новыми и старыми иноземцами, но и между московскими пасторами и ихъ церковными приходами; одинъ пасторъ старался унизить другаго, одна община уничтожить сосѣднюю; кромѣ Слободчанъ, въ борьбѣ приняли участіе и иноземцы, жившіе въ отдаленномъ Бѣлгородѣ и другихъ мѣстахъ, и для улаженія неурядицы, независимо отъ содѣйствія московскаго правительства, требовалось участіе заграничныхъ государей, интересовавшихся бытомъ иноземцевъ въ Россіи. Это дѣло нагляднѣе и полнѣе всякаго другаго раскрываетъ внутреннюю сторону жизни важнѣйшей иноземческой группы, интересы и взаимныя отношенія ея членовъ.

Мы уже знаемъ, какое участіе принималъ Бауманъ въ церковномъ устройствѣ московскихъ лютеранъ, какъ онъ, покинувъ выве-

зеннаго имъ пастора Фокерета, приставшаго къ его нѣдругамъ, выдвигалъ Грегори, своего сторонника, и, за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ для поддержанія выстроенной имъ Офицерской церкви, обращался къ матеріальной помощи германскихъ владѣтельныхъ лицъ. Его хлопоты часто достигали цѣли. Удачно складывалась для него и служебная карьера. Хотя прибылъ въ Россію всего въ 1658 году, онъ вскорѣ обошелъ по службѣ многихъ изъ тѣхъ, которые служили у насъ давно и считали себя первыми кандидатами на видныя военныя должности. Правительство возвело энергичнаго полковника въ генералъ-поручики и старалось удержать его у насъ. Ссылаясь на то, что давно миновали урочные три года, на которые Бауманъ былъ приглашенъ изъ Даніи на службу въ Россіи, датскій король Фридрихъ ходатайствовалъ (12 апрѣля 1662 г.) было о возвратномъ его отпускѣ въ Данію. На королевскую грамоту наши собрались отвѣтить лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ (9 сентября 1666 г.). «Мы, великій государь, вамъ, брату нашему, объявляемъ: генералъ-поручика Николая Бовмана неволей держать не велимъ, а что противъ его вымыслу какія дѣла къ нашего царскаго величества полковому дѣлу начаты и въ совершенье не приведены, и по нашему указу ему, генералъ-поручику, побыть у насъ въ Москвѣ до тѣхъ поръ, покамѣсть у него тѣ вымышленныя имъ для полковаго строенья дѣла въ совершенье будутъ приведены; и какъ они учинятся, мы его велимъ отпустить». Задержанный и оставшійся Бауманъ постоянно пользовался разными милостями и наконецъ даже получилъ (въ февр. 1668 г.) полное генеральство. Послѣднее производство мотивировано тѣмъ, что онъ на службѣ въ полку князя Черкасскаго «въ 1664 году подъ литовскими городами на приступахъ и на полевыхъ бояхъ многихъ непріятелей побивалъ и всякіе промыслы чинилъ» [1]. Обойденные по службѣ его товарищи были крайне раздражены его счастіемъ и властолюбіемъ, и всюду, при частныхъ встрѣчахъ и на службѣ, устраивали

---

[1] См. I гл., стр. 86 и слѣд.; тамъ же указана и литература предмета.

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Датскія дѣла 1663, № 1, карт. 30, 1666, № 1, карт. 31, 1670, № 2. Доп. къ Акт. Ист. V, № 23. Близкія отношенія Баумана съ кн. Черкасскимъ были отмѣчены и Гордономъ. Tagebuch, I, 347.

ему множество различныхъ непріятностей и, въ концѣ концевъ, начали открыто и жестоко мстить ему. Когда, при встрѣчѣ (въ окт. 1667) польскихъ пословъ, Бауману надобно было командовать военными отрядами иноземнаго строя, гдѣ начальниками были по преимуществу иноземцы, то многіе изъ этихъ прямо встали отъ него по правую руку, полковникъ Иванъ Гастъ еще и обругалъ его, утверждая, чтобъ онъ и не думалъ ими командовать, никто де не желаетъ подчиняться ему. Безпорядокъ былъ прекращенъ только благодаря посредничеству Дементія Минича, который уговорилъ Гаста и остальныхъ начальниковъ ѣхать за Бауманомъ со своими ротами. Другой соперникъ, подполковникъ Юрій фонъ-Менгденъ обругалъ Баумана при паперти Старой лютеранской кирки, Валтасарѣ Фадемрехтѣ, при полковникахъ и другихъ, называя его обманщикомъ, воромъ; третій, полковникъ Андрей Эгератъ, строилъ ему козни постоянно. Рьянѣе ихъ дѣйствовалъ противъ него полковникъ Германъ фонъ-Штаденъ, который вызвалъ было его на дуэль, но удовлетворенія не получилъ, потому что отъ него, какъ отъ подчиненнаго, Бауманъ вызова не принялъ. Бауманъ не разъ приносилъ на нихъ жалобы, но правительство держалось въ сторонѣ, жалобы оставались безъ послѣдствій. Безнаказанность придавала противникамъ еще болѣе смѣлости.

Бауманъ былъ произведенъ въ полные генералы, когда Грегори, отправленный за сборомъ пожертвованій на кирку и съ различными правительственными порученіями, между прочимъ, съ порученіемъ пригласить на царскую службу доктора Лаврентія Блюментроста, находился въ Германіи. Такъ какъ поѣздка туда магистра была предпринята по иниціативѣ Баумана, то его противники задумали повредить Бауману, заподозривъ въ глазахъ правительства и личность Грегори, и мотивы его путешествія. О Грегори была ими распущена молва, будто онъ служилъ прежде въ Польшѣ, въ Ганчевскомъ полку, откуда бѣжалъ, за что̀ имя его, какъ человѣка безчестнаго, было прибито къ висѣлицѣ. Подмѣтивъ, что начальникъ Пушкарскаго приказа кн. Юр. Ромодановскій, благодаря покровительству котораго Бауману были даны пастору правительственныя порученія, впадалъ въ царскую немилость, важнѣйшіе завистники генерала нашептывали нѣкоторымъ русскимъ вельможамъ, будто Грегори отправился къ

германскимъ князьямъ съ тайными письмами и дарами Ромодановскаго, что пасторъ настоящій измѣнникъ и собираетъ на кирку, какъ будто не достаточно было того, чѣмъ она пользовалась при покровительствѣ государя, и т. п. Всѣ эти козни ведены были тайно и втихомолку. Хотя виновники ихъ мало думали о томъ, какимъ образомъ такого безчестнаго человѣка, какимъ изображался теперь ими Грегори, они могли принять къ себѣ пасторомъ и учителемъ церковно-приходской школы, ихъ клевета достигала своей цѣли: заграничная миссія Грегори была заподозрѣна правительствомъ. Приглашенный чрезъ Грегори, его отчимъ Блюментростъ прибылъ въ Россію (въ маѣ 1668 г.) вмѣстѣ съ сыномъ, двумя дочерьми и прислугой; на подъемъ отъ Пскова до Москвы ему выдано было 20 казенныхъ подводъ; но въ Москвѣ съ нимъ почти повторилась исторія, случившаяся нѣсколько ранѣе съ докторомъ Энгельгардомъ, то же оказавшимся почему то непріятнымъ части московскихъ иноземцевъ. Враги Баумана внушали правительству, что Блюментростъ совсѣмъ не докторъ и не говоритъ по-латыни. Знаніе латинскаго языка онъ доказалъ въ присутствіи Паисія Лигарида, митрополита газскаго, вскорѣ получилъ и царское жалованье; однако мѣсто главнаго царскаго врача было предоставлено только что пріѣхавшему шведскому лейбъ-медику Ивану Костеру фонъ-Розенбургъ, хотя этотъ прибылъ и безъ предварительныхъ ему призывныхъ царскихъ грамотъ. Блюментросту не дозволено было даже доступа въ Аптеку и занятія частною практикой; аптекаря не готовили лѣкарства по его рецептамъ. Ему мало помогало то, что сами иноземцы были убѣждены въ его широкихъ медицинскихъ свѣдѣніямъ и многіе изъ русскихъ вельможъ относились къ нему благосклонно и считали его ученымъ: запретъ, если вѣрить Рингуберу [1], не снимался съ него долго, нѣсколько лѣтъ, пока правительство не убѣдилось вполнѣ въ его благонадежности.

Все это было, между тѣмъ, на руку сопернику Грегори, пастору Фокероту, для котораго личность магистра, послѣ удачнаго выполненія имъ порученій какъ отъ царя, такъ и отъ общины, стала рѣшительно ненавистною. Его личные интересы и антипатіи вполнѣ

[1] Relation, № V.

совпали теперь съ настроеніемъ и дѣйствіями враговъ Баумана, и онъ рѣшительно перешелъ на ихъ стовону. Въ свою очередь, они взялись поддерживать его. Образовались два враждебные, какъ бы организованные лагеря. Фокеротъ старался пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы придраться къ своему противнику и уронить его. Вскорѣ по своемъ возвращеніи, Грегори, во время богослуженія (31 мая 1668 г.), вслѣдъ за своею вступительною проповѣдью произнесъ молитву сначала за саксонскаго курфюрста и другихъ западныхъ государей, потомъ за московскаго царя [1]. Это хотѣлъ поставить ему Фокеротъ въ вину, но поднимать судъ да дѣло по такому поводу Нѣмцамъ казалось пока не удобнымъ. Составилось (5 іюня) обычное собраніе церковнаго совѣта. На немъ Фокеротъ, подъ предлогомъ, что деньги собраны за границей для пасторовъ и что ему не доплачено жалованье, потребовалъ отъ Грегори для себя 1,200 талеровъ, тогда какъ по условію ему слѣдовало всего 100 талеровъ. Магистръ возразилъ, что деньги пожертвованы князьями и городами на улучшеніе богослуженія и изъ нихъ отнимать что-нибудь незаконно, что онъ отдастъ отчетъ въ собранныхъ деньгахъ лишь тѣмъ прихожанамъ, которые командировали его, при этомъ онъ, повидимому, какъ-то двусмысленно выразился относительно того, присланы съ нимъ наличныя ли деньги, или одни лишь записи пожертвованій: выдать теперь всю сумму не было въ интересахъ его и Баумана. Фокеротъ укорилъ его въ утайкѣ денегъ. На дѣла своей церкви Бауманъ еще имѣлъ значительное вліяніе; церковный совѣтъ состоялъ еще большею частію изъ тѣхъ членовъ, которые посылали Грегори за сборомъ, и Фокеротъ былъ поунятъ: представители общины замяли ссору, стараясь усмирить зачинщика [2]; вслѣдъ

[1] Суммируя вины Грегори, касавшійся даннаго вопроса П. Соколовъ (19) говоритъ: «Оказалось..., что Грегори... восемь лѣтъ молился въ киркѣ сперва за германскихъ князей, а потомъ и за русскаго царя». Восемь лѣтъ Грегори уже потому не могъ такъ молиться, что столько времени онъ еще не былъ въ Москвѣ пасторомъ (вступилъ въ должность въ октябрѣ 1662 года) и подобнаго обвиненія никто не возводилъ на него; обвиняли же его потомъ, что онъ такъ молился одинъ разъ, именно 31 мая 1668 года.

Kinhuber (S. 46) прибавляетъ. «Главы церкви успокоиваютъ противниковъ угрозами удалить перваго, кто возобновитъ ссору. Фокеротъ былъ отстав-

затѣмъ, подъ различными благовидными предлогами, были удалены изъ состава совѣта тѣ, которые относились къ Фокероту съ сочувствіемъ. Послѣдняя мѣра, впрочемъ, только усилила междоусобную вражду и прикрѣпила за Фокеротомъ сторонниковъ, лично заинтересованныхъ въ его распрѣ, и Фокеротъ, не довольствуясь тѣмъ, что въ интимныхъ бесѣдахъ съ врагами Баумана продолжалъ чернить своего соперника, разъ (23 августа) у себя на дому, въ присутствіи этихъ единомышленниковъ, прочелъ прямой пасквиль, гдѣ говорилось, будто бы Грегори былъ лишенъ въ Австріи чина, чести и права голоса, а Бауманъ и его пріятель полковникъ Отто Росформъ—папежники.

Слухи объ этомъ разносились по Слободѣ, и Бауманъ, услыхавъ о пасквилѣ, который могъ окончательно подорвать его нравственное положеніе среди протестантовъ, не стерпѣлъ и 26 августа подалъ на Фокерота челобитную въ свой Пушкарскій приказъ. Сюда былъ позванъ Фокеротъ. Считая себя въ подчиненіи Иноземскому, а не Пушкарскому приказу, отъ начальства котораго, къ тому же, нельзя было надѣяться чего-либо благопріятнаго, Фокеротъ «учинился силенъ», въ Приказъ не пошелъ ни по первому (27 августа), ни по второму требованію (28 августа). Изъ Пушкарскаго приказа, гдѣ вѣдалъ князь Юрій Ивановичъ Ромодановскій, послали (29 августа) въ Иноземскій приказъ, къ Никитѣ Ивановичу Одоевскому, отношеніе съ требованіемъ о доставленіи Фокерота.

Когда дѣло принимало серіозной оборотъ, сторонники Фокерота, чтобы предотвратить отъ него опасность, поспѣшили (28 авг.) въ Иноземскій приказъ со своею челобитной. «Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, писалось въ ней, бьютъ челомъ холопи твои полковники, подполковники, майоры и всякихъ чиновъ начальные люди. Приходилъ къ пастору нашему Ивану Фокероту

ленъ, обвиненный 1) въ томъ, что вѣнчалъ лицъ женатыхъ, 2) что крестилъ дѣтей неизвѣстныхъ отцевъ и 3) много дѣлалъ странностей, какъ человѣкъ не въ своемъ умѣ». Русскіе источники не подтверждаютъ этого: въ нихъ говорится только о временномъ замиреніи пасторовъ и о томъ, что Бауманъ желалъ замѣнить Фокерота. «Памятники», I, стр. 19, 21—22.

генерала Николая Баумана полку поручикъ Керстенъ Метцъ со многими людьми, и того нашего пастора они таскали по двору и жену его бранили всякою неподобною бранью и били; 28 августа тотъ же поручикъ снова пріѣзжалъ со многими людьми къ пастору, когда этого не было дома. Эта ссора, государь, чинится отъ генерала Николая Баумана, оттого, что онъ хочетъ нашего пастора отогнать и поставить на его мѣсто Ивана Готфрида Грегори. Между тѣмъ Грегори, по прибытіи изъ Нѣмецкой земли, въ киркѣ молилъ Бога сначала о здоровьѣ римскаго цесаря и курфюрстовъ и князей цесарской земли, за твое же царское пресвѣтлое, нашего милостиваго государя, здоровье онъ молился послѣ. Это онъ сдѣлалъ потому, что въ Цесарской землѣ онъ собиралъ деньги; онъ же называлъ Русскихъ варварами. Нехорошо его и давнее прошлое. Въ Москвѣ онъ былъ судимъ въ Рейтарскомъ приказѣ, еще ранѣе того убѣжалъ изъ Швеціи, изъ полку генералъ-майора Беткера, въ Польшу, въ Ганчевскій полкъ, но сбѣжалъ и отсюда. Сама кирка не принадлежитъ Бауману. Въ 1660 году, по твоему великаго государя указу и по сыску, дана данная пастору нашему Ивану Фокероту, и та кирка построена всѣмъ приходомъ. Милосердный государь, пожалуй насъ, холопей твоихъ, вели про то сыскать повальнымъ обыскомъ всякими людьми и учинить свой государскій указъ по прежнему своему указу и быть у насъ пастору Ивану Фокероту». Подъ челобитной подписались тридцать человѣкъ; двѣнадцать полковниковъ: Германъ фонъ-Штаденъ, Петръ Фрелихъ, Яковъ Бильсъ, Николай Балкъ и друг., пять подполковниковъ: Юрій фонъ-Менгденъ, Шульцъ и друг., остальные майоры и капитаны и одинъ прапорщикъ; капитаны Шарпфъ и Иванъ Менгденъ и прапорщикъ Андерсонъ подписать своего имени не умѣли, за нихъ подписались ихъ товарищи. На поручика Керстена Метца въ тотъ же Приказъ подалъ (30 августа) жалобу и пасторъ Фокеротъ («нѣмецкій пастурь Еганко Дидрихъ Фонкратъ»). «Въ нынѣшнемъ, государь, году августа въ 27 день, писалъ пасторъ, приходилъ Керстенъ ко мнѣ, твоему богомольцу, на дворишко насильствомъ съ какими-то многими людьми, не извѣстно за что меня и жену мою били, бранили всякою скаредною бранью и впредь похвалялись вся-

кимъ дурномъ. Вели, государь, про все то сыскать и по сыску свой государской милостивый указъ учинить».

Хотя прямыя обвиненія направлены были противъ поручика Метца, но было ясно, что обвинители хотѣли достать собственно Баумана и Грегори, изъ коихъ на послѣдняго составился прямой политическій доносъ, взведено было нѣчто въ родѣ «государева слова и дѣла». Тѣмъ, что Грегори по пріѣздѣ изъ Германіи въ общественной церковной молитвѣ, вслѣдъ за вступительною проповѣдью, молился прежде за курфюрста саксонскаго и другихъ князей, потомъ за царя, онъ обвинялся въ униженіи царскаго достоинства; тѣмъ, что онъ называлъ страну варварской — въ униженіи Московскаго государства. Честь того и другаго у насъ берегли ревниво, не ладились договоры самые неотложные, если въ договорныхъ грамотахъ царскому титулу не отводили перваго мѣста. Оставить безъ разслѣдованія такія обвиненія было нельзя, и царь повелѣлъ произвести судъ въ Посольскомъ приказѣ, у боярина Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащекина, думнаго дьяка Герасима Дохтурова и дьяковъ Лукьяна Голосова и Ефима Юрьева. Сюда и потребованы были (9 сентября) Бауманъ и Грегори и подававшіе на нихъ и на Метца просьбу.

Немедленно Бауманъ представилъ (10-го сентября) сюда пространную челобитную, въ которой, всѣхъ челобитчиковъ выставляя своими врагами, разоблачая ихъ заднія цѣли и козни, молилъ допросить ихъ подъ присягой предъ пасторомъ Старой кирки Валтасаромъ Фадемрехтомъ на слѣдующіе пункты. «Вопервыхъ, каждый изъ челобитчиковъ какой церкви прихожанинъ? И вскорѣ обнаружится, писалъ Бауманъ, что изъ нихъ прихожанъ нашей церкви не болѣе двухъ или трехъ человѣкъ, остальные съ давнихъ лѣтъ въ приходѣ у пастора Валтасара, и слѣдовательно съ лукавствомъ и обманомъ мѣшаются въ дѣла нашей церкви и пристаютъ сюда противъ правды. Вовторыхъ, подписавшіе челобитную знаютъ ли ея содержаніе, читали или хотя слушали ли ее и всѣ ли хотятъ и могутъ обличить и доказать по ней? Тогда будетъ ясно, что иные подписались только изъ угодничества другимъ и желая унизить его. Втретьихъ, во всемъ ли они согласны съ Фокеротомъ, особенно съ его пасквилемъ, и поручали ли ему писать и читать это ругательное

письмо? Вчетвертыхъ, на какомъ основаніи они говорятъ, что Фокеротъ ихъ пасторъ, а не мой и не мнѣ подчиненный, когда я его призвалъ изъ Копенгагена и привезъ на свои издержки, а они мнѣ ничего не заплатили и его не призывали, потому что у нихъ былъ свой пасторъ, Фадемрехтъ? Не безъ причины же, когда однажды Фокеротъ обратился съ жалобой къ покойному боярину Ильѣ Даниловичу (Милославскому), тотъ ему прямо отказалъ, замѣтивъ: ««ты подъ генераломъ Бауманомъ, и вѣдомъ и судимъ у князя Юрія Ивановича»» (Ромодановскаго). Какъ же теперь они хотятъ отнять его у меня силой?»

Что доля челобитчиковъ принадлежала къ Старой общинѣ, вполнѣ возможно. Независимо отъ ихъ личныхъ счетовъ съ генераломъ, дѣйствовать такимъ способомъ ихъ могло побуждать то, что Старая община, смотря на Новую общину, какъ на непріятную соперницу, всегда была готова, гдѣ только представлялся случай, вредить ей, и что ея пасторъ Федемрехтъ былъ противъ Грегори. Во время прежней попытки генерала опредѣлить магистра въ пасторы къ Старой киркѣ, Фадемрехтъ, безъ предварительнаго даже снесенія со всѣми членами церковнаго совѣта, прямо отвергъ присланное ему генераломъ письменное предложеніе принять Грегори къ себѣ въ сослуживцы. Бауманъ отправилъ ему другое письмо, въ которомъ, указывая ему на неправильность его дѣйствій, грозилъ сложить съ себя выполненіе принятыхъ имъ попечительскихъ обязанностей по отношенію къ церкви. Письмо было передано пастору посланнымъ отъ генерала однимъ капитанъ-лейтенантомъ въ засѣданіи (23 ноября 1662 г.) церковнаго совѣта. Не стѣсняясь присутствіемъ почетныхъ членовъ общины, а, быть можетъ, и въ надеждѣ на защиту если не всѣхъ, то большинства изъ нихъ, Фадемрехтъ съ сердцемъ бросилъ письмо на полъ, растопталъ ногами, затѣмъ поднялъ его и разорвалъ въ клочки, со словами: «развѣ я спрашивалъ генералъ-лейтенанта о ничего не стоющей бумаженкѣ?» [1] Вмѣстѣ съ сторонниками Бауманъ былъ вы-

[1] Жалоба Баумана Алексѣю Михайловичу на это, по словамъ челобитчика, «неслыханное оскорбленіе, за которое въ Германіи всякій пасторъ подвергся бы къ жестокому наказанію», безъ всякой помѣты на ней, хранится въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., въ отдѣлѣ Писемъ и прошеній на Высочайшее имя, 1662 г.

нужденъ оставить навсегда Старую общину; и если теперь просилъ, чтобы челобитчиковъ на него привелъ къ присягѣ именно Фадемрехтъ, то, конечно, не вслѣдствіе особаго довѣрія или уваженія къ нему, а лишь по необходимости, за неимѣніемъ другаго, болѣе подходящаго пастора, и въ разсчетахъ усилить челобитчикамъ неудобства клятвеннаго отказа отъ ихъ общины. Съ другой стороны, при тогдашней запутанности обстоятельствъ и отсутствію прочной организованности приходовъ, часто было весьма трудно разобраться, кто какой общины считалъ себя прихожаниномъ.

Одновременно съ пространною жалобой на челобитчиковъ Бауманъ подалъ въ Посольскій приказъ другую просьбу, на полковника Олафа. Этотъ утверждалъ, что въ Москвѣ находится капитанъ Николай Зильвертонъ, который извѣщалъ, будто бы онъ служилъ съ Грегори въ одной ротѣ, откуда послѣдній сбѣжалъ, и его имя было прибито къ висѣлицѣ. Зильвертонъ собирался ѣхать на родину, за границу, и Бауманъ просилъ задержать и допросить его.

Въ Посольскомъ приказѣ начинается рядъ допросовъ и очныхъ ставокъ. Первымъ подвергся допросу (12 сентября) пасторъ Грегори.

Спустя дней десятъ по пріѣздѣ изъ Саксоніи вмѣстѣ съ докторомъ Блюментростомъ, показывалъ пасторъ, именно 31 мая, въ своей Новой киркѣ, которая была построена Бауманомъ, послѣ проповѣди читалъ онъ, какъ было въ обычаѣ, печатную молитву за здоровье цесаря и иныхъ христіанскихъ государей, потомъ отъ своего ума молилъ Бога за здоровье великаго государя и за весь его государскій домъ, поименно, а цесаря, курфюрстовъ и князей уже не поминалъ. И то онъ сдѣлалъ безо всякой хитрости и лишь потому, что читалъ молитву по печатной книгѣ. Русскихъ онъ варварами и безчестными людьми не называлъ, въ чемъ по совѣсти клянется Евангеліемъ и ссылается на многихъ лицъ, кромѣ тѣхъ, которыя къ челобитной руки приложили и написали на него свой извѣтъ. Совсѣмъ не статочное дѣло безчестить ему Русскихъ: въ Московское государство онъ пріѣхалъ добровольно, оставивъ на родинѣ отца и другихъ сродниковъ. Быть можетъ, вмѣняютъ въ безчестье для Россіи слѣдующее. Какъ чрезъ нѣсколько дней послѣ проповѣди было въ киркѣ собраніе изъ шести старшинъ и на ихъ вопросъ:

«что говорятъ въ Цесарской землѣ о великой государской милости къ Нѣмецкому народу, что позволилъ не только кирку ставить, но и отпустилъ его сбирать на нее въ другихъ государствахъ?»—онъ отвѣтилъ: «князи и иные многіе честные люди говорятъ такъ: весьма удивительно для нихъ, что въ той землѣ, народъ которой прежде называли варварами, нынѣ царствуетъ такой милостивый государь, что позволено ему, Грегори, ѣхать въ иное государство и сбирать на кирку деньги». До какой степени онъ хвалилъ Московскій народъ, о томъ писано въ присланныхъ съ нимъ къ государю трехъ грамотахъ отъ курфюрста и герцога саксонскихъ и можетъ представить въ свидѣтели доктора Блюментроста, призваннаго имъ на государеву службу. Еслибы въ самомъ дѣлѣ онъ чѣмъ поносилъ и укорялъ Русскихъ или бы неправо прочелъ молитву о государѣ, то начальствующіе, какъ вѣрные царскаго величества слуги, тогда же обличили бы его и донесли, теперь же прошло мѣсяца съ три; написана челобитная, какъ учинилась нынѣшняя ссора, и подписали ее все лица, которымъ онъ возбранялъ отстать отъ ихъ злыхъ дѣлъ.

Такъ оправдывался Грегори, по даннымъ хранящагося въ Архивѣ слѣдственнаго дѣла; въ нѣмецкихъ извѣстіяхъ есть нѣкоторыя поясняющія дополненія. По нимъ, Грегори, не отрицая того, что въ своей молитвѣ впереди поставилъ курфюрста и иныхъ князей, однако показывалъ, что за государя молился въ такихъ выраженіяхъ: «въ особенности и прежде всего за его царское величество, какъ наше высшее начальство, подъ защиту котораго Ты, о Боже, по Твоей божественной милости и благоволенію поставилъ», и т. д. Слѣдовательно, царь ставился выше всѣхъ западныхъ государей. Второе обвиненіе, въ оскорбленіи чести жителей, Грегори объяснилъ искаженіемъ его сообщенія о томъ, какъ присутствовавшіе за столомъ герцога Эбергардта въ Витембергѣ князья и графы, обращаясь другъ къ другу, говорили: «мы такъ долго и постоянно считали Московскую землю варварскою, а теперь слышимъ отъ пастора совсѣмъ иное».

На очной съ нимъ ставкѣ (17, 19 и 21 сентября) изъ двадцати пяти лицъ девять показали, что 31 мая они, бывъ въ церкви, слышали, какъ магистръ молилъ о здоровьѣ сначала цесаря, курфюрста и князей, потомъ уже государя; а трое, полковникъ Германъ фонъ-

Штаденъ, подполковники Шульцъ и Яковъ Гильсманъ, заявили, что 5 іюня въ собраніи старшинъ въ той же церкви въ ихъ присутствіи Фокеротъ спросилъ у магистра заслуженныхъ денегъ изъ суммы собранной магистромъ у курфюрстовъ и князей, и магистръ выразился: «пль ты думаешь, что курфюрсты въ такую варварскую землю пошлютъ деньги?» Остальные отговаривались тѣмъ, что о проступкахъ Грегори слышали или отъ Фокерота, или отъ указанныхъ выше лицъ; двое добавили: что̀ написано въ челобитной, того они не знаютъ, и отъ магистра ничего не слыхали, приложили же къ ней руку, желая, чтобъ у нихъ попрежнему остался пасторомъ Фокеротъ.

Магистръ потребовалъ допросить Германа фонъ-Штадена съ двумя его товарищами: кромѣ ихъ, кто былъ въ собраніи и слышалъ, что Грегори будто бы называлъ Русскихъ варварами? Эти отвѣтили: «Въ то время въ киркѣ были подполковникъ Циммерманъ, подполковники Артемій Росформъ и братъ Германа, Николай Штаденъ, также полковникъ Гершау и подполковцикъ Иванъ Редь». Послѣдніе двое не были допрошены, потому что одинъ уѣхалъ въ свое отечество, а другой находился внѣ Москвы на государевой военной службѣ; первые же трое, когда ихъ привлекли къ допросу, показали въ пользу Грегори, утверждая, что такихъ рѣчей, будто онъ называлъ Русскихъ варварами, они отъ него не слыхали. Ихъ отреченіе ставило Фокерота и Германа съ ихъ двумя единомышленниками въ очень невыгодное положеніе, и они начали добиваться, чтобъ отрекшихся подвергли допросу врозь, подъ присягой у пасторовъ Фадемрехта и Кравинкеля. Къ присягѣ ихъ приводилъ Фадемрехтъ; однако они не отступились отъ прежняго и добавили, что «въ томъ клянутся они по своей вѣрѣ клятвой».

Искусно запутывая своихъ обвинителей, Грегори приставалъ къ нимъ: если они считали его не правымъ, почему же, служа великому государю и по долгу своей присяги, они не донесли на него своевременно? Обвинители очутились въ роли какъ бы обвиняемыхъ, такъ что имъ понадобилось защищаться. Германъ съ товарищами объясняли: ранѣе они не извѣщали потому, что имъ удалось тогда примирить Грегори съ Фокеротомъ; но замиренные разсорились снова, пасторъ принесъ имъ на магистра жалобу, почему теперь они

на магистра челобитчики. Другіе отговаривались различными предлогами: кто тѣмъ, что былъ боленъ, иной, что поджидалъ, когда подадутъ товарищи, чтобъ ему не одному быть челобитчикомъ, третьи невѣдѣніемъ русскихъ обычаевъ и предположеніемъ, что про то извѣстятъ старшіе, которые, родясь въ Москвѣ, хорошо знаютъ мѣстныя обычаи. Всѣмъ ихъ доводамъ Грегори цѣны не придавалъ и мотивы ихъ жалобъ отыскивалъ въ другомъ. Главные доношики, по его словамъ,—его прямые непріятели, за свои безчинства исключенные, по его настоянію, изъ совѣта церковныхъ старшинъ (Kirchenältesten) и изъ числа членовъ общины, между ними Гильсманъ за то, что приходилъ въ церковь пьянъ и чинилъ всякое неистовство. На это Шульцъ возразилъ, что отъ церкви онъ не отставленъ, а не ходилъ въ нее изъ-за того, что слышалъ отъ магистра непристойныя слова. Болѣе другихъ счелъ себя оскорбленнымъ Гильсманъ. Чтобъ онъ въ кирку приходилъ пьянымъ, это онъ назвалъ ложнымъ поклепомъ, и свою отставку объяснялъ опасеніемъ магистра, какъ бы не послѣдовало на него со стороны Гильсмана правдиваго доношенія. Помимо устнаго отвѣта, онъ подалъ (26 сентября) челобитную съ просьбой разыскать ложность обвиненія на него Грегори въ пьянствѣ чрезъ разспросъ военныхъ начальниковъ и всей Нѣмецкой Слободы. Въ Приказѣ ограничились тѣмъ, что ее пріобщили къ слѣдственнымъ бумагамъ.

Быть-можетъ, понявъ характеръ слѣдствія, капитанъ Николай Зильвертонъ, который ранѣе распространялъ о Грегори плохую славу, на допросѣ (19 сентября) вдругъ перемѣнилъ тонъ и сообщилъ: съ магистромъ въ Польшѣ въ одной ротѣ рейтаромъ служилъ, но оттуда магистръ не сбѣгалъ, служилъ, какъ прилично честному человѣку, и его имя къ висѣлицѣ не было прибито; такое обвиненіе на магистра сказано ложно, и онъ, Николай, про то впервые и слышитъ. Такимъ образомъ онъ очутился прямымъ защитникомъ Грегори. Показанія (4 октября) Метца въ свою очередь должны были крайне пошатнуть правдивость жалобъ Фокерота и его партіи на насильственныя надъ ними дѣйствія. Когда его спросили: 27 августа приходилъ ли онъ на дворъ Фокерота и билъ ли и бранилъ ли тамъ пастора и его жену, Метцъ объяснилъ: въ прошломъ августѣ, по челобитію гене-

рала Баумана, былъ посланъ изъ Пушкарскаго приказа подъячій Иванъ Чупышевъ съ двумя человѣками за пасторомъ Фокеротомъ; подъячій дома пасторова не зналъ, и генералъ велѣлъ ему, поручику, указать, гдѣ находится дворъ; онъ указалъ дворъ и пастора, но никого не бранилъ и не бивалъ, и со двора вышелъ вмѣстѣ съ подъячимъ.

Сошлись (21 сентября) и главные соперники, Фокеротъ и Грегори. Фокеротъ утверждалъ: послѣ того, какъ магистръ 31 мая молилъ прежде за курфюрста и князей, а затѣмъ за государское здоровье, онъ ничего отъ него не слыхалъ, потому что въ кирку не хаживалъ; а 5 іюня, когда въ церковномъ совѣтѣ спросилъ у магистра заслуженныхъ денегъ, магистръ ему сказалъ: «ль ты думаешь, что курфюрсты въ варварскую землю деньги пошлютъ?» Устное показаніе Фокеротъ повторилъ письменно, гдѣ привелъ и имена присутствовавшихъ лицъ. «Въ томъ, что магистръ Иванъ Готфридъ Грегори, значилось здѣсь, 5 іюня 1668 года по спасительномъ Рождествѣ Христовомъ, въ публичномъ церковномъ совѣтѣ, когда я потребовалъ свое заслуженное при настоящей киркѣ годичное жалованье и плату за построенный мной самимъ домъ, высокомѣрно и ясно, въ присутствіи полковниковъ: Германа фонъ-Штадена, Николая фонъ-Штадена, Фридриха Гершау, Отто Росформа и подполковниковъ: Ивана Шульца, Ивана Реля, Якова Гильсмана, Ивана Валентина Циммермана, сказалъ: ««не думаешь ли ты, что курфюрстъ пошлетъ деньги въ такую варварскую землю?»» что я отчетливо и съ большимъ смущеніемъ и ужасомъ слышалъ эти слова изъ устъ магистра Ивана Готфрида Грегори, свидѣтельствую своею чистою совѣстью и собственноручнымъ подписомъ, въ чемъ помоги мнѣ Богъ и Его святое слово».

Судьи нашли не понятнымъ, почему онъ, слыша такія рѣчи отъ магистра, ему не возбранялъ и до сихъ поръ не извѣщалъ о нихъ. Фокеротъ извинялся тѣмъ, что онъ тогда же просилъ старшину Германа фонъ-Штадена съ товарищами вслушаться въ тѣ слова и извѣстить на магистра; а послѣ убѣждалъ не молчать и тѣхъ, коихъ не было въ церкви.

Всѣ обвиненія Фокерота Грегори объявилъ ложными, и въ подтвержденіе сослался на прежнее (8 января 1663 года) письменное

обязательство Фокерота не чинить ему непріятностей. «Это письмо, отвѣтилъ Фокеротъ, нарушено тѣмъ, что генералъ Бауманъ хочетъ у кирки имѣть пасторомъ магистра, а его, Фокерота, оттѣснить». Эта замѣтка, брошенная случайно и какъ бы вскользь, проливаетъ яркій свѣтъ на мотивы спора.

При показаніяхъ на Грегори, на очной съ нимъ ставкѣ (17 сентября), полковникъ Бильсъ обратился съ просьбой о допросѣ магистра касательно безчестія, нанесеннаго имъ всѣмъ служившимъ въ Россіи иноземцамъ: бывъ у цесаря и курфюрстовъ, Грегори называлъ ихъ бѣдными людьми, такъ что будто бы у нихъ нѣтъ средствъ построить и кирки, почему и собиралъ тамъ деньги на построеніе церкви, между тѣмъ какъ они по государевой милости пожалованы, можно имъ построить кирку и на свои средства, безъ сбору въ другихъ государствахъ. Оправданіе себѣ магистръ находилъ въ томъ, что онъ сбиралъ деньги совсѣмъ не такъ, какъ говорилъ Бильсъ. Произвести сборы ему поручили Бауманъ и другіе старшины, и по возвращеніи онъ представилъ имъ сборную книгу, гдѣ курфюрсты и другіе князья лишь написали свои имена и цифры пожертвованій, обѣщая заплатить, если означенныя ими суммы будутъ собраны въ Москвѣ. На построеніе Бауманъ издержалъ до 700 рублей, но сколько было собрано потомъ въ Москвѣ и ему возвращено, того онъ не знаетъ. «Магистръ сказываетъ, изобличалъ его Бильсъ, будто бы онъ сбиралъ деньги на построеніе кирки: она была выстроена еще до его отъѣзда изъ Москвы, на деньги общины, а не одного Баумана». «Кирка, объяснялъ Грегори, была построена, когда онъ былъ въ Москвѣ; посылали же его старшины для сбору денегъ на ея поддержку въ хорошемъ состояніи и на школу». Бильсъ: «заботиться Бауману и Грегори объ этой киркѣ не къ чему: на мѣсто для нея дана данныя пастору Фокероту, который былъ призванъ не для Баумана, но по ихъ мірскому прошенію и для всей общины».

Обвиненіе Бильса поддержали и развили нѣкоторые изъ сторонниковъ Фокерота, требуя, чтобы Бауманъ представилъ въ Приказъ тотъ счетъ, съ коимъ онъ посылалъ магистра къ саксонскому курфюрсту и въ которомъ, какъ имъ казалось, они обезчещены. Бауманъ отвѣчалъ на это: подлинное прошеніе, посланное имъ и старшинами,

за ихъ подписомъ и печатями, къ курфюрсту саксонскому съ магистромъ, оставлено тамъ, потому что ни въ какомъ государствѣ не водится, чтобы листы или грамоты, писанные къ государямъ, отсылались назадъ; но копія съ просьбы была занесена въ сборную книгу, которую курфюрстъ и другія лица, записавъ въ ней свои пожертвованія и приложа свои печати, прислали съ магистромъ къ нему, генералу, и старшинамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ курфюрстъ прислалъ и свою грамоту, которую онъ писалъ къ другимъ князьямъ и вольнымъ городамъ о вспоможеніи киркѣ.

Кюрфюрстова грамота, сборная и кассовая книга о строеніи кирки наконецъ были принесены (25 сентября) Бауманомъ. По итогу стоимости постройки, выведенному въ кассовой книгѣ, значилось: всего издержано 820 рублей, 11 алтынъ, 4 деньги; начальные, служилые и торговые иноземцы внесли 213 рублей, 3 алтына; остальные 606 рублей, 7 алтынъ, 4 деньги слѣдуютъ Бауману дополучить. Въ сборной книгѣ, послѣ просительнаго письма Баумана со старшинами, было 11 подписей жертвователей: саксонскаго курфюрста Іоанна Георга, герцога саксонскаго Эрнста и др.

Въ просительномъ письмѣ къ курфюрсту, при всей униженности его тона, выраженій, прямо оскорбительныхъ для чести московскихъ иноземцевъ, къ счастію партіи Баумана, не было отыскано. Отъ Баумана сыпался рядъ челобитныхъ, въ которыхъ онъ, или повторяя свои прежнія обвиненія, или развивая ихъ и дополняя новыми, домогался управы надъ своими и Грегори соперниками. Доносители на магистра, изобличалъ онъ теперь, когда ихъ допросили порознь, все свалили на тронхъ, а иные прямо сказали, что они подписали челобитную не читая и лишь потому, что были подговорены. Несправедливо обвиняя Грегори, они называютъ своимъ пасторомъ Фокерота, котораго однако призвалъ и содержалъ прежде онъ, Бауманъ, и который теперь не достоинъ болѣе оставаться въ Слободѣ пасторомъ у иноземцевъ. Почти всѣ эти доносители принадлежатъ къ Старой киркѣ, Фадемрехта, мѣшаются въ дѣла чужаго прихода, стараясь очернить магистра, а его, Баумана, осмѣять и поругать; изъ нихъ Германъ Штаденъ явно попрекалъ его при другихъ,

будто бы всѣ неурядицы выходятъ отъ него, называлъ его главнымъ ссорщикомъ.

Вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находился Фокеротъ къ Бауману, дѣйствительно оставался еще не выясненнымъ, и велѣно было узнать отъ генерала: было ли къ нему объ этомъ пасторѣ порученіе отъ другихъ начальныхъ людей, когда онъ приглашалъ его въ Москву, и если было, почему нѣтъ ихъ рукъ въ пригласительномъ письмѣ. Онъ сообщилъ: когда онъ, получивъ въ Даніи приглашеніе отъ царскаго посланника, князя Данилы Мышецкаго, отправиться въ Москву, собирался въ путь, переводчикъ Мышецкаго, иноземецъ Ѳедоръ Мейеръ, передалъ ему о смерти пастора въ Москвѣ, и онъ, безо всякаго порученія со стороны московскихъ начальныхъ иноземцевъ, пригласилъ съ собою Фокерота, выхлопоталъ для него ставленную грамоту и на свои прогони привезъ въ Москву. Если же въ пригласительномъ письмѣ написано: «просили его, генерала, и полную мочь дали», то здѣсь должно разумѣть тѣхъ иноземцевъ, которые съ нимъ ѣхали вмѣстѣ на службу къ великому государю, своихъ рукъ они не приложили, потому что все полномочіе передали ему. И онъ представилъ именной списокъ этихъ лицъ. Всѣхъ ихъ было 14 человѣкъ, изъ нихъ въ Москвѣ оказалось всего двое, они подтвердили слова Баумана; остальные находились внѣ Москвы, на государевой службѣ, или были отпущены въ свою землю.

Какъ ни искусно вели борьбу и свою защиту Грегори и Бауманъ, вполнѣ оправдаться имъ не удалось. По близости и многосторонности своихъ сношеній съ иноземцами, судьи имѣли возможность собирать надобныя свѣдѣнія и оффиціальнымъ, и частнымъ путемъ. Свѣдѣній имъ казалось достаточно, и они приступили къ вершенію дѣла; къ тому же приближалось праздничное время, Святки. Была составлена большая докладная выписка, и судьи, выслушавъ ее, рѣшили (22 декабря): «Въ Нѣмецкой Слободѣ, при богомольной хороминѣ быть по прежнему пасторомъ Ягану Фокероту; потому что въ прошломъ 1660 году, по указу великаго государя и по челобитью полковниковъ, подполковниковъ, майоровъ, капитановъ и всякихъ служащихъ людей, дана данная на дворъ бывшаго нѣмецкаго пастора Ягана Якуби, съ тѣмъ, чтобы быть тамъ у нихъ бого-

мольной хоромінѣ и жить пастору, ему, Ягану Фокероту. Магистру же отъ той богомольной хоромины отказать: потому что онъ пріѣхалъ въ Московское государство по призыванью (?) одного генерала Николая Баумана, и потому что онъ, пріѣхавъ въ прошломъ 1668 году въ маѣ мѣсяцѣ въ Москву, бывши въ богомольной хоромінѣ, послѣ проповѣди, по обычаю читалъ по печатной книгѣ молитву и молилъ Бога прежде за здоровье римскаго цесаря и курфюрстовъ, а за здоровье великаго государя Бога молилъ послѣ; да онъ же, безчестя Русскихъ людей, называлъ ихъ варварами. Бауманъ можетъ имѣть его у себя, на своемъ содержаніи, но не у богомольной хоромины. А что доведется генералу донять за построеніе богомольной хоромины съ полковникомъ и иныхъ начальныхъ людей, въ томъ ему съ ними учинить счетъ; убытки и протори за перевозъ Фокерота изъ Даніи искать ему судомъ. За посылку магистра для сбора денегъ въ Саксонію, не испрося напередъ на то царскаго разрѣшенія, сдѣлать ему выговоръ. Пославши, ему во всякомъ случаѣ слѣдовало наказать накрѣпко магистру: если курфюрстъ саксонскій или иные курфюрсты и князья начнутъ писать свои грамоты къ какимъ-нибудь государямъ и случится въ тѣхъ грамотахъ писать именованье великаго государя, и онъ бы смотрѣлъ, чтобы въ нихъ именованье и титлы были написаны сполна, по его царскому достоинству и какъ самъ государь въ своихъ царскаго величества грамотахъ аттестуетъ, но магистръ того не остерегалъ: въ листѣ саксонскаго курфюрста къ инымъ курфюстрамъ и владѣтелямъ о вспоможеньи имя великаго государя написано просто: «въ великомъ княжествѣ Московскомъ», хотя именованье и титулы государя курфюрсту саксонскому и извѣстны».

Рѣшеніе было объявлено не тотчасъ. Предполагая, что, судя по ходу дѣла, Фокеротъ могъ проиграть, сторонники его ко времени рѣшенія усилили свою агитацію до крайней степени. Подъ новою ихъ челобитной въ пользу Фокерота они собрали до 92 подписей; за нѣкоторыхъ лицъ подписались на ней другіе.

«Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, излагалось въ челобитной, бьютъ челомъ холопи твои полковники, подполковники, маіоры, ротмистры, капитаны, поручики, прапор-

щики и всякихъ чиновъ начальные люди. Въ прошлыхъ годахъ былъ пасторъ Иванъ Якоби, и какъ только его въ живыхъ не стало, на его мѣсто приговорили быть пастору Ивану Дитриху Фокероту, и по твоему, государь, указу и по сыску, въ прошломъ 1660 году была выдана изъ Земскаго приказа ему данная на мѣсто въ Новой Нѣмецкой Слободѣ, коимъ владѣлъ прежде пасторъ Якоби. Когда мы бываемъ на твоихъ государевыхъ службахъ, онъ, пасторъ Фокеротъ, къ намъ въ полки пріѣзжаетъ для нашихъ душевныхъ потребъ. Милосердый государь, пожалуй насъ, холопей твоихъ, вели, по прежнему своему указу и по прежней данной, на мѣстѣ бывшаго пастора Ивана Якоби быть ему, Ивану Дитриху Фокероту».

Представить въ Приказъ челобитную вовремя, до рѣшенія тяжбы, они не успѣли, и, быть-можетъ, не зная еще, какъ рѣшено дѣло, они подали ее на другой день (23 декабря), послѣ того какъ состоялось опредѣленіе. Подвергать какимъ-либо измѣненіямъ рѣшеніе было не для чего: оно и безъ того клонилось въ пользу Фокерота; сдѣлано лишь небольшое прибавленіе въ концѣ его: «Да и потому приговорили пастору Фокероту попрежнему быть у той богомольной хоромины, что объ немъ били челомъ великому государю полковники, подполковники, майоры, ротмистры, капитаны, поручики, прапорщики и всякихъ чиновъ начальные люди».

Тяжущихся собрали (31 декабря) въ Посольскій приказъ для выслушанія указа. Болѣе другихъ остался недоволенъ имъ Бауманъ. Въ виду того, что его расходы по стройкѣ церкви и призыву Фокерота признаны были не возмѣщенными, тотчасъ же началъ онъ просить, чтобы государь велѣлъ полковникамъ доплатить ему оставшіяся за ними деньги, какія значатся по находящейся въ Приказѣ строильной книгѣ, заявляя, что пока они ему денегъ не заплатятъ, онъ имъ ключей отъ кирки не выдастъ и пастора въ кирку не пуститъ. При этомъ онъ говорилъ какъ бы про себя, однако такъ, что всѣ его слышали, что изъ его прихода били челомъ всего только четыре человѣка, остальные изъ приложившихъ руки принадлежатъ къ приходу другой кирки, и потому всѣ челобитчики—лжецы, и все ихъ челобитье—ложное. Главными ходатаями противъ Баумана теперь были Бильсъ, Кегелкинъ, Юрій фонъ-Менг-

денъ и Гастъ. Какъ желалъ того Бауманъ, счесться въ платежѣ долговыхъ денегъ они соглашались, если только онъ скажетъ, сколько осталось за ними денегъ, и просили, чтобы государь или повелѣлъ оцѣнить хоромину со всею стройкой и по оцѣнкѣ заплатить деньги, или же приказалъ бы Бауману снести ее вмѣстѣ съ домомъ, выстроеннымъ для Грегори, а деньги, которыя ими были жертвованы, имъ возвратить назадъ. А за то, что Бауманъ безчестилъ челобитчиковъ лжецами, всѣ эти иноземцы просили на него управы.

Пререканія и ссору они опять вынесли за стѣны Приказа. Бильсъ и Гастъ съ товарищами приставали къ Бауману и не разъ били челомъ государю объ отдачѣ имъ кирки для Фокерота. Упиравшійся Бауманъ однако, вслѣдствіе письменной просьбы, которую онъ подалъ непосредственно въ руки государя, во время церковнаго хода на Іордань (6 янв. 1669 г.), и въ которой сослался на ходатайство о церкви саксонскаго курфюрста, какъ уже знаемъ, добился-таки наконецъ того, что кирка оставлена за нимъ, съ условіемъ, чтобы онъ перевезъ ее на другое мѣсто и расплатился съ жертвователями на ея стройку.

То, что Бауманъ возвратилъ послѣ того 213 рублей, собранные на постройку церкви, и кирку перенесъ на свой участокъ, тяжбы не прекратило: главные мотивы къ ней крылись не здѣсь. Приглашенные въ Посольскій приказъ за полученіемъ своихъ прежнихъ пожертвованій, лишь бы прилагали роспись, кто сколько жертвовалъ, иноземцы, въ суммѣ, внесенной Бауманомъ, не досчитывали многаго. Намѣренно поднятъ былъ ими вопросъ о сборной книгѣ. Бауманъ, жаловался (22 января) полковникъ Бильсъ съ товарищами, по постройкѣ кирки на мѣстѣ, пожалованномъ Фокероту, сбиралъ съ нихъ и торговыхъ людей по особой сборной книгѣ, гдѣ они собственноручно записывали свои дачи; между тѣмъ онъ сломалъ церковь, не возвративъ имъ денегъ противъ сборной книги; равнымъ образомъ, ничего не выдѣлилъ имъ изъ собраннаго чрезъ Грегори за границей. Поэтому просили они: «вели, государь, ту сборную книгу въ Приказъ положить и выдать по ней всѣ деньги, на которыя бы мы могли построить кирку за тебя, государя, Бога молить; а о деньгахъ, собранныхъ въ Нѣмецкой землѣ, учини свой

государевъ указъ, чтобы генералъ не завладѣлъ ими одинъ». «Та книга,» отвѣчалъ (29 января) Бауманъ, когда потребовали отъ него книгу, «находится у подполковника Реля, который и собиралъ съ иноземцевъ деньги; до денегъ, собранныхъ въ Саксоніи, челобитчикамъ и Фокероту нѣтъ никакого дѣла: курфюрсты и иные владѣтели подписывали деньги на просьбѣ его и другихъ лицъ, прихожанъ одной съ нимъ кирки; челобитчики рукъ къ ней не прикладывали, они принадлежатъ къ другой киркѣ, Старой, гдѣ пасторомъ Фадемрехтъ».

Предполагая, что дѣло не обойдется безъ новыхъ ставокъ съ Фокеротомъ, его сторонники начали хлопотать объ отправкѣ его къ бѣлгородскимъ начальнымъ служилымъ иноземцамъ, которые будто бы просили его прибыть къ нимъ для совершенія церковныхъ требъ. Ихъ умыселъ былъ попятъ, и Бауманъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ соприхожанъ, Николаемъ фонъ-Штаденомъ, Отто Росформомъ, Фридрихомъ Мейеромъ и другими, подалъ въ одинъ день съ предыдущею своею челобитною другую о задержаніи Фокерота и очной съ нимъ ставкѣ. «О пріѣздѣ Фокерота въ Бѣлгородъ ему, пастору, отъ начальныхъ людей не писано, но писано генералу Бауману, что этотъ пасторъ имъ не надобенъ за его непристоинства: пасторъ нашего магистра Ивана Готфрида Грегори обезчестилъ, о немъ прочиталъ у себя на дому послѣ обѣдни при многихъ людяхъ поругательный листъ, въ которомъ обезчещены и выборные старшины нашей церкви. Приглашеніе вымышлено, чтобъ Фокерота съ Москвы спровадить и отбить насъ проволочкой». Фокеротъ, повидимому, отпущенъ не былъ.

Изъ опрошенныхъ относительно количества пожертвованій только полковникъ Яковъ Бильсъ и Петръ Фрелихъ сказали, что они дали на строенье кирки по пяти рублей, которыхъ однако порознь отъ другихъ брать не хотѣли; двое: Иванъ Кегелкинъ и Иванъ Гастъ, сообщили, что они, когда строилась Бауманомъ кирка, въ Москвѣ не были и на постройку ничего не жертвовали; остальные не несли про дачу никакихъ сказокъ. Подполковникъ Рель, на котораго сослался Бауманъ, находился въ иноземскомъ полку въ Бѣлгородѣ, и отъ сѣвскаго воеводы князя Семена Андреевича Хованскаго было потребовано допросить Реля по его «евангельской заповѣди», отдавалъ ли ему Бауманъ сборную книгу и у кого онъ, отправляясь на

государеву службу, оставилъ ее. Отвѣта изъ Сѣвска получено не было. Тогда допросили жену Реля, жившую въ Москвѣ; къ присягѣ приводилъ ее пасторъ Фадемрехтъ. Она показала: сборную книгу мужъ ея предъ своимъ отъѣздомъ оставилъ выборнымъ при его киркѣ, подполковникамъ Ивану Шульцу и Якову Гильсману, у которыхъ и надобно спросить ее; въ той книгѣ былъ записанъ сборъ на кирку, школу и раздачу нищимъ. Изъ этихъ лицъ Шульцъ имѣлъ случай дать показаніе о сборной книгѣ еще на очной ставкѣ (19 сентября 1668) съ Грегори. Магистръ укорялъ его, что онъ былъ отставленъ отъ управленія въ киркѣ за неправду, и что, когда прислали къ нему старшіе за книгой, онъ отвѣтилъ имъ, будто бы отдалъ ее въ Приказъ. На это Шульцъ сказалъ ему: онъ отъ кирки не отставленъ, и старшіе къ нему по книгу не присылывали. Другой разъ допрашивать его о книгѣ въ Приказѣ не стали, не спрашивали о ней и Гильсмана. Такъ и затерялся ея слѣдъ.

Нѣдруги Баумана какимъ-то образомъ вовлекли въ свои интересы царскаго духовника и, продолжая, при встрѣчахъ съ генераломъ, поносить его, однажды (3 мая) даже прямо похвалились, что ему съ ними не сладить, и не пройдетъ де трехъ дней, какъ они получатъ положенныя имъ въ Приказъ деньги, потому что упросить государя обѣщалъ имъ самъ духовникъ государевъ. Бауманъ рѣшился на послѣднее средство: или еще разъ обратиться къ ворочавшему дѣлами въ Посольскомъ приказѣ думному дьяку Дохтурову за защитой, или же чрезъ начальника Рейтарскаго приказа, Ромодановскаго, просить объ отпускѣ за границу. «Нахожусь теперь, писалъ (4 мая 1669) онъ къ Дохтурову, въ страшной скорби, что честь свою, здѣсь въ государствѣ полученную, болѣе нести не могу, и, если изволитъ Богъ, завтра же намѣренъ ѣхать къ господину моему боярину князю Ю. И. Ромодановскому и просить его доложить его царскому величеству объ отпускѣ, потому что отъ тѣхъ полковниковъ и меньшихъ начальныхъ людей до того поношенъ, что невозможно мнѣ послѣ того служить государю, не только что съ такими непокойными врагами идти противъ царскихъ непріятелей. И униженно прошу тебя, изволь мнѣ такую милость оказать, доложи въ удобное время мое дѣло его царскому величеству, чтобъ деньги были выданы изъ При-

каза не имъ, а мнѣ. Тебѣ извѣстно, какъ эти мои противники во всемъ ищутъ фальшивыми средствами и хотятъ овладѣть этими деньгами, куда одни изъ нихъ ничего не клали, другіе клали слишкомъ мало. Если жъ не сбудется, то жалобу свою мнѣ Богу и всему свѣту предложить, что я, вольный человѣкъ породы Германской, нынѣ утѣсненіе принимаю отъ подданныхъ его царскаго величества, обезчещенъ, въ своемъ правдивомъ дѣлѣ терплю притѣсненіе отъ силы своихъ непріятелей».

Враги добивали его. Они искусно истолковали въ свою пользу ссылку Баумана на Реля и показаніе жены послѣдняго. Рель, утверждали они, находился въ Кіевѣ, его жена, допрошенная подъ присягой, показала, что «сборной книги мужу ея генералъ не отдавалъ»: ясно, если Бауманъ не кладетъ книгу, то значитъ онъ хочетъ самовольно овладѣть киркой и деньгами. Въ Приказѣ требуютъ отъ нихъ записей, кто что̀ далъ на строеніе кирки; но безъ сборной книги имъ этого сдѣлать нельзя, такъ какъ многіе изъ жертвователей находятся внѣ Москвы, на государевой службѣ, другіе отпущены на родину, третьи померли. Изложивъ все это въ новой челобитной, они просили выдать имъ 213 рублей подъ росписку, а въ остальныхъ деньгахъ дозволить имъ счесться съ генераломъ, когда онъ положитъ сборную книгу.

Деньги, дѣйствительно, рѣшено было (7 мая 1669) выдать «изъ челобитчиковъ лучшимъ людямъ», съ условіемъ, чтобъ они возвращали ихъ жертвователямъ по принадлежности, беря отъ нихъ росписки. «Лучшими людьми» были полковники: Яковъ Бильсъ, Иванъ Кегелкинъ, Мартинъ Гурихъ и Петръ Фрель, все рьяные враги Баумана. На мѣстѣ, принадлежавшемъ Якоби, прихожане отстроили кирку для Фокерота: къ киркѣ Фадемрехта, не смотря на домогательства Старой общины, они не возвратились.

Около года потомъ о тяжбѣ ничего не слышно. Униженный Бауманъ не поднималъ голоса, пока еще разъ онъ не захотѣлъ попробовать счастія. Въ мартѣ 1670 года онъ подалъ жалобу [1] на то, что челобитная, по которой изъ Приказа выданы деньги, ложная;

---

[1] См. о ней въ наш. брошюрѣ: «Ген. Ник. Бауманъ и его дѣло», 44—45.

въ ней написано, будто бы она составлена отъ лица всѣхъ, кто жертвовалъ деньги, между тѣмъ какъ она составлена немногими. О присылкѣ взявшихъ деньги послано было требованіе въ Иноземскій приказъ; требованіе было повторено, и однако оттуда никакихъ вѣстей не присылали [1]. Посольскій приказъ не настаивалъ.

Очевидно, правительство было утомлено этимъ дѣломъ, и Бауману ничего не оставалось, какъ добиваться отпуска. Теперь его удерживать не думали. Жена его, Маргарита, была отпущена еще 13 сентября 1669 года; близился конецъ и его у насъ службѣ. Выхлопотавъ для своей церкви правительственную данную (17 декабря 1669 г.) и тѣмъ обезпечивъ ея судьбу, онъ началъ собираться въ путь.

30 декабря 1670 года, государь указалъ Ордину-Нащокину отпустить генерала въ Данію, снабдивъ его изъ Посольскаго приказа царскою грамотой и насомъ, обычными въ такого рода отпускахъ. Изъ Посольскаго приказа навели справку въ Пушкарскомъ о томъ, когда и за что Бауманъ получалъ повышеніе по службѣ. Свѣдѣнія эти были доставлены и изъ Пушкарскаго приказа, и самимъ Бауманомъ, который, кромѣ того, просилъ отпустить съ нимъ до шести человѣкъ, мотивируя, что всѣ они—лютеране, въ Православную вѣру не крещены, на государевой службѣ не были, а служили у него добровольно лѣтъ по пяти и больше. Просьба его была удовлетворена. На основаніи добытыхъ свѣдѣній составлены были двѣ грамоты: одна (22 февраля 1671 года) на имя короля Христіана V, извѣщающая его о почетномъ отпускѣ Баумана; другая (28 февраля), опасная, какъ бы въ родѣ рескрипта. Поводомъ къ отпуску выставлялось то, что Бауманъ исполнилъ тѣ дѣла, которыя онъ обѣщалъ устроить и до исполненія коихъ его задерживали прежде, несмотря на ходатайство покойнаго короля Фридриха. Во второй грамотѣ значилось: «Пріѣзжалъ къ нашему царскому величеству въ службу полковникъ

---

[1] Двумя требованіями въ іюнѣ 1670 года собственно и прекращается сплошная масса документовъ въ архивномъ «Дѣлѣ Баумана»; въ немъ, кромѣ позднѣйшихъ приложеній, о вызовѣ новыхъ пасторовъ, есть еще два документа, возникшіе по поводу домогательства Баумана возвратиться на службу въ Россію.

Николай Бауманъ и, будучи у нашего царскаго величества въ нашемъ государствѣ, намъ, великому государю, служилъ, противъ нашихъ недруговъ стоялъ и бился мужественно, своихъ полковыхъ людей, которые у него были въ региментѣ, управлялъ, къ бою и справѣ приводилъ, и все строилъ и дѣлалъ вѣрно, какъ годно шляхетному начальному человѣку. За это мы его пожаловали изъ полковника въ генералъ-поручики и изъ генералъ-поручика въ генералы, и наградили нашимъ жалованьемъ, кормовыми и заслуженными деньгами, по его достоинству. И нынѣ билъ онъ намъ челомъ, чтобъ его отпустили изъ Московскаго государства въ Датскую землю, и мы, великій государь, его пожаловали, отпустить велѣли и сею нашего царскаго величества грамотою о немъ свидѣтельствуемъ, что онъ человѣкъ добрый, честный шляхетный и въ ратныхъ дѣлахъ годный; и буде впредь похочетъ служить, велѣли дать ему для въѣзда въ наше царство опасную грамоту» [1].

Нѣсколько позднѣе, на домогательство генерала снова опредѣлиться на русскую службу, правительство Алексѣя Михайловича однако не послало ему за границу никакого отвѣта [2]. Бауманъ на столько устарѣлъ, что едва ли можно было ожидать отъ него большой пользы; буря, поднявшаяся изъ-за него въ Слободѣ, не улеглась; раздувать же страсти иноземцевъ не было въ видахъ нашего правительства, хотя въ его рукахъ эти междоусобія оказывались и не безъ добрыхъ послѣдствій. Споры, за рѣшеніемъ которыхъ протестанты обращались къ нему, невольно заставляли нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ ближе знакомиться съ иноземнымъ населеніемъ и повнимательнѣе присматриваться къ его внутреннему быту. Въ силу этого знакомства сдѣлались извѣстны не одни купцы и служилые люди, но и пасторы, школьные учителя. Особенно должны были выдвинуться представители Баумановской партіи, какъ люди, наиболѣе смышленые и интелигентные. Извѣстные намъ устроители придворнаго театра, Николай Фонъ-Штаденъ, Грегори, Рингуберъ,—прямые

---

[1] Доп. къ Акт. Истор. V, № 23. Ср. Собр. г. гр. и дог. III, № 104.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію, 1673, № 6. Наша брошюра: «Ген. Ник. Бауманъ», 56—57.

сторонники Баумана или главные помощники его; Нѣмецкая школа, доставившая первыхъ актеровъ, была именно та, которую создалъ и поддерживалъ Бауманъ.

Сами протестанты, покрайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ, выносили изъ своей междоусобной борьбы тяжелыя мысли. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ судебнаго процесса Баумана и вообще пережитаго въ Ново-Иноземской Слободѣ Рингуберъ, очутившійся за границей въ качествѣ секретаря при русскомъ посольствѣ, въ очень мрачныхъ краскахъ изобразилъ [1] (15 апр. 1673 г.) саксонскому правительству взаимныя отношенія и нравственное состояніе находившихся въ Россіи протестантовъ. «Это позорное дѣло я не рѣшаюсь передать ни на словахъ, ни на бумагѣ», отозвался онъ о процессѣ Баумана. Сообщивъ о числѣ протестантскихъ церквей и объ именахъ пасторовъ, онъ написалъ: «Всѣ эти пасторы ненавидятъ другъ друга. Магистръ Грегори предлагалъ имъ собраться на совѣщаніе для рѣшенія церковныхъ дѣлъ, чтобы не вселять недовѣрія къ своей религіи, рѣшая дѣла въ русскихъ канцеляріяхъ. Онъ однако ничего не добился. Нѣкоторые проницательные люди опасаются, что отправленіе религіозныхъ обязанностей будетъ нѣкогда у иностранцевъ отнято и храмы будутъ разрушены. Боже милостивый! Сколько убійствъ, прелюбодѣяній съ замужними и незамужними женщинами доходитъ до суда и разсматривается въ канцеляріяхъ и судахъ русскихъ, и тѣмъ отвращается отъ иностранцевъ расположеніе вельможъ! Я укажу на нѣсколько такихъ случаевъ, по которымъ можно судить и объ остальныхъ. Нѣкій Датчанинъ или житель Гамбурга, евангелическаго вѣроисповѣданія, былъ женатъ на молодой сестрѣ какого-то полковника и въ то же время прижилъ дѣтей съ свояченицей, которая, какъ незамужняя, жила въ его домѣ... Еще одинъ держалъ на жалованьѣ разбойниковъ слугами, у многихъ несчастныхъ они отняли жизнь и имущество; благодаря взяткамъ, разбойникъ оказался невиннымъ, и это одинъ изъ именитыхъ Германцевъ. Упоминаемые случаи самые новые. Магистръ Грегори указывалъ на эти безобразія», но его не слушали, виновые прямо отвергали право пасторовъ втѣшиваться въ

[1] Rinhuber, № X.

ихъ дѣла, а «остальные проповѣдники не обращали вниманія. Вотъ что происходитъ въ Россіи. Обстоятельства тяжелыя». Въ заключеніе Рингуберъ просилъ «ради Бога» не разглашать о сообщенномъ, потому что тогда ему нельзя будетъ жить въ Россіи.

Для правильной оцѣнки словъ Рингубера не надо, конечно, упускать изъ виду, что онъ былъ жаркимъ приверженцемъ Грегори и принадлежалъ къ сторонѣ пострадавшей. Герцогъ Эрнстъ, впрочемъ, имѣлъ много основаній вполнѣ довѣрять ему, и, какъ «почетный патронъ» своихъ единовѣрцевъ, жившихъ въ Россіи, счелъ необходимымъ энергичнѣе вмѣшаться въ ихъ междоусобныя дѣла. Надежды герцога на умиротвореніе, мы видѣли уже, не оправдались: неприглядные въ моральномъ отношеніи поступки и свойства протестантовъ не были у нихъ случайностію; напротивъ, они на столько коренились въ ихъ натурѣ, что вмѣшательство жившаго вдали герцога не могло произвести какого-либо замѣтнаго улучшенія.

Замѣчательно, что въ борьбѣ проигрывалъ тотъ, чьи интересы слишкомъ разнились отъ выгодъ другихъ иноземцевъ, кто слишкомъ самоувѣренно опирался на свою личность; напротивъ, легче выдерживалась она и успѣшнѣе достигалась цѣль, если интересы и стремленія борющагося были соединены съ интересами и стремленіями какой-либо группы или круга, и чѣмъ сильнѣе и дѣятельнѣе была партія, тѣмъ лучше для него, иначе онъ рисковалъ, что соперникъ досадитъ ему. Отъ неумѣнья или невозможности сойтись съ вліятельной партіей, которая считала извѣстное лицо чуждымъ или враждебнымъ для себя, терпѣли люди несомнѣнно достойные и пріѣзжавшіе изъ-за границы даже по вызову правительства. Бауманъ и отчимъ пастора Грегори, ученый докторъ Блюментростъ—совсѣмъ не единичные тому примѣры.

При несомнѣнномъ вліяніи партій на выгоды отдѣльныхъ лицъ, протестанты, ведя взаимную борьбу, не жили особнякомъ, замкнутою одинъ отъ другаго жизнью. Мысль, что интересы каждаго находятся въ тѣсной зависимости отъ благосостоянія его круга, глубоко проникала ихъ существо,—и на ряду съ непрерывною взаимною распрей и стремленіемъ достигнуть лучшаго положенія и побѣды мы наблюдаемъ живучесть кружковъ, партій, компаній, общинъ. Переступивъ

черезъ границу Россіи, иноземецъ скоро находилъ въ нихъ своихъ соотечественниковъ, единовѣрцевъ, лицъ сходныхъ по матеріальному положенію, наклонностямъ, надеждамъ и желаніямъ. Съ этими лицами онъ входилъ въ различныя дѣловыя и недѣловыя сношенія, учинялъ торговыя сдѣлки, займы, участвовалъ въ предпріятіяхъ и увеселеніяхъ. Важныя семейныя событія, день рожденія, браки, похороны: удачи въ предпріятіяхъ, повышенія по службѣ, встрѣча посла, важнаго гостя и т. п. сопровождались пирушками и другими увеселеніями. По окончаніи переговоровъ съ нашимъ правительствомъ, сообщаетъ Олеарій о себѣ и членахъ перваго голштинскаго посольства, «мы дозволили себѣ разнаго рода удовольствія, посѣщая нѣкоторыхъ изъ нашихъ добрыхъ друзей. Такъ, наши послы съ нѣкоторыми изъ нашихъ были однажды у шведскаго резидента: затѣмъ придворный царскій врачъ Венделинъ пригласилъ пословъ на свадьбу: потомъ задалъ тамъ роскошный пиръ именитый купецъ Давидъ Рутцъ» [1]. Продолжаясь далеко за полночь, а иногда и подрядъ по нѣскольку дней и даже недѣль, пированья хотя нерѣдко и оканчивались дракой или дуэлью, но они же служили наиболѣе обычнымъ и удобнымъ средствомъ общенія и сближенія иноземцевъ. На нихъ сходились люди различныхъ національностей и вѣроисповѣданій, не исключая и католическаго [2]. Отсутствіе напряженности религіозныхъ, политическихъ и другихъ принциповъ облегчало заключеніе и поддержаніе разнообразныхъ связей и отношеній: чему способствовало и постепенное распространеніе одного разговорнаго языка. Какъ ни разнообразны были иноземныя національности и вѣроисповѣданія въ Россіи, между ними численностію нѣмецко-лютеранская группа на столько преобладала, что остальные иноземцы, покрайней мѣрѣ жившіе въ Ново-Иноземской Слободѣ, для удобства взаимныхъ сношеній, должны были изучать нѣмецкую рѣчь («Noockduijts») [3]. Общеніе, знакомство, болѣе или

[1] Olearius, 1656, 46—47. пер. 62.

[2] Gordon, I, 296, 305, 307, 314, 315, 316, 317, 362, 410. Въ концѣ октября 1662 года онъ отмѣтилъ: «Der Obriste Cornel. Patberg, Gordon und verschiedene Andere stellten Bälle und Masqueraden an, und belustigten sich mit ihren Freunden 2 Wochen hindurch». S. 315.

[3] Possell, I, 216—217

менѣе интимныя отношенія и даже родственныя связи устроивались такимъ образомъ съ необыкновенною легкостію. Кругъ лицъ близкихъ до нѣкоторой степени замѣнялъ иноземцу родину; среди нихъ онъ жилъ какъ бы дома и удобнѣе могъ сохранять свои національныя и вѣроисповѣдныя свойства, съ которыми явился [1]. Связанная съ такимъ кругомъ или какой-либо общиной, каждая личность, если подвергалась и какой-либо невзгодѣ, всегда находила себѣ людей, старавшихся оказать ей ту или иную помощь, то или иное содѣйствіе, какъ бы далеко не забросила ее государева служба или собственный промыслъ. Когда о жившемъ въ Сибири рудознатцѣ Христіанѣ Трейбушѣ и его товарищѣ дошли до московскаго правительства недобрыя вѣсти, что Трейбушъ не радѣетъ о государевой службѣ, нейдетъ къ тому мѣсту, гдѣ отыскана руда, учиняетъ большія насилія надъ мужиками, и что оба отъ службы отговариваются и стремятся попасть въ Москву, объявляя за собой «государево слово», и т. п.; то пасторъ Фадемрехтъ не замедлилъ написать (въ дек. 1671 г.) [2] имъ изъ своей Ново-Иноземской Слободы, какъ лучше избѣжать грозившей опасности, и напомнилъ имъ, что бы они не забывали своихъ родителей, жившихъ во Псковѣ; письмо отправлялось чрезъ полковника Михаила фонъ-Штадена.

Практическая сноровка протестантовъ не ограничивалась этимъ. Въ вопросахъ, касавшихся ихъ отвошеній къ постороннимъ людямъ, разности между партіями замѣтно сглаживались, нерѣдко уступая мѣсто прямой солидарности. Антагонизмъ между голландскими и англійскими купцами не препятствовалъ имъ устроивать «сговоры», стачки относительно русскихъ купцовъ и цѣнности русскихъ товаровъ. Не смотря на то, что враждебность протестантовъ къ католикамъ, сильная на Западѣ, ослаблялась у насъ тѣмъ, что всѣ они находились на чуждой почвѣ и что католики, обдѣленные въ рели-

[1] Ср. Brückner's Culturhist. Stud. II; его же, Zur Geschichte der Ausländer in Russland, Russische Revue, 1886, III; А. Н. Пыпина, Иноземцы въ Московской Россіи, Вѣстн. Европ. 1888, I.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію, 1671 года, № 16: «Переписка находившагося въ Сибири рудознатца Трейбуша съ пасторомъ Балсаромъ и полковникомъ фонъ-Стаденомъ.

гіозно-церковномъ положеніи, за неимѣніемъ своего духовенства ходили даже въ кирки и къ пасторамъ, протестанты, безъ различія партій, считали удобнымъ для себя отсутствіе совмѣстничества съ ними католиковъ, и лишь предвидѣли, хотя бы вдали, уравненіе католичества въ положеніи съ ихъ вѣроисповѣданіемъ, у нихъ всегда находились лица, спѣшившія съ своимъ противодѣйствіемъ. Въ бытность въ Москвѣ Антонія Поссевина, домогавшагося о водвореніи у насъ католическихъ патеровъ, царю Ивану Васильевичу было подано письмо, гдѣ доказывалось, что папа антихристъ. Письмо подали члены Англійской компаніи, которымъ миссія Поссевина не нравилась и потому, что задачею ея было также добиться свободной торговли для венеціанскихъ и италіанскихъ купцовъ. Вблизи Лже-Димитрія I, чрезъ котораго католики надѣялись провести въ Россіи свои религіозно-политическія цѣли, очутились братья Бучинскіе, кальвинисты, удаленія которыхъ такъ домогался папа, не безъ основанія видя въ нихъ враговъ своимъ пропагандическимъ стараніямъ. Многіе изъ Шведовъ, сражавшихся подъ знаменами Делагарди, были воодушевлены мыслію уничтожить возроставшую у насъ силу католичества и насадить лютеранство, а члены Голштинской торговой компаніи охотно согласились не привозить съ собой католиковъ, подъ условіемъ смертной казни. При закрѣпленіи Поляновскаго договора нашимъ казалось убѣдительнымъ отстранять польскихъ купцовъ отъ торговли въ Россіи такими доводами: «въ Московское государство пріѣзжаютъ иноземцы торговые люди лютерскаго и кальвинскаго закона, и у римлянъ съ ними за ту вѣру рознь: такъ римской вѣры купцамъ съ лютерами и кальвинами будетъ ссора; и безъ брани между ними за вѣру не обойдется». Злорадный тонъ сообщеній (1668 г.) пастора Грегори въ Саксоніи, что у насъ не дозволена свобода общественнаго богослуженія католикамъ и что іезуиты и патеры, «тайно вползшіе» въ Московское государство, сосланы въ Сибирь, «гдѣ они, по выраженію пастора, и доселѣ ловятъ соболей», указываетъ, какъ такое положеніе католичества было по нраву протестантамъ [1].

[1] Supplem. ad Histor. Russ. Monum., № CLXVII; Winkler, 15; P. Pierling, Antonii Possevini Missio Moscovitica. Parisiis, 1882, 50—51; М. Шаумъ, Tragoedia Demetrio-Moscovitica, перев. въ Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1847, II, отд. III,

Обыкновенно крайне не сдержанные, протестанты обнаруживали весьма значительную осторожность, если дѣло ставилось такъ, что раскрытіе его сущности могло бы набросить тѣнь на всѣхъ ихъ и поколебать ихъ положеніе. Не только въ тяжбахъ незначительныхъ, въ родѣ дѣла алхимиста Винанса, на которыя нашими судьями не обращалось достаточнаго вниманія, чтобы вглядѣться въ ихъ внутренніе мотивы, но даже въ наиболѣе крупномъ иноземскомъ процессѣ, дѣлѣ Баумана, судьи не поняли сущности спора, рѣшивъ его такъ, какъ едва ли бы рѣшили, если бы разгадали его: вмѣсто двухъ, они дозволили въ Слободѣ три самостоятельныхъ лютеранскихъ общины и кирки и не оградили Баумана отъ нападокъ его враговъ, которые, помимо своихъ личныхъ видовъ, его непомѣрное возвышеніе надъ своими могли находить опаснымъ для равновѣсія партій. Бауманомъ правительство въ концѣ концовъ, можно сказать, пожертвовало иноземцамъ, такъ что онъ вынужденъ былъ навсегда оставить Россію. Стараніе показать товаръ лицомъ и скрывать все вредное для своего благосостоянія у иноземцевъ простиралось до того, что они были крайне осторожны даже въ отношеніяхъ къ сочувствующимъ имъ западнымъ единовѣрцамъ. Не одно желаніе, чтобы эти извѣстія не достигли русскаго правительства, руководило ими здѣсь. Рингуберъ, при всей откровенности въ письмахъ къ правительству Эрнеста Саксонскаго, сознавался, что онъ не рѣшится передать гнуснаго дѣла Баумана ни на словахъ, ни на бумагѣ, а когда немного проговорился, сообщивъ нѣсколько неприглядныхъ фактовъ изъ жизни Слободы, тотчасъ спѣшилъ съ просьбой, чтобы это хранилось въ глубокомъ секретѣ — иначе ему лучше-де и не возвращаться къ своимъ московскимъ соплеменникамъ.

Протестанты, жившіе въ Россіи, въ этихъ случаяхъ вообще доходили до сознанія въ себѣ чего-то однороднаго и отдѣльнаго, которое имѣло свои особые интересы, въ сравненіи какъ съ ихъ заграничными соотечественниками, такъ и съ находившимися у насъ католиками, и съ мѣстнымъ православно-русскимъ населеніемъ.

стр. 24; Мейербергъ, 104; Соловьевъ, IX, 216; наше изслѣдов.: «Изъ исторіи иностр. исповѣд.», кн. II, 1 гл.

ГЛАВА V.

СНОШЕНІЕ ПРОТЕСТАНТОВЪ СЪ ПРАВОСЛАВНО-РУССКИМЪ НАСЕЛЕНІЕМЪ И ОБРУСѢНІЕ ИХЪ ПОДЪ УСЛОВІЕМЪ ПЕРЕКРЕЩИВАНІЯ.

Опредѣленіе границъ сношеній между протестантами и Русскими. — Устраненіе протестантовъ отъ религіознаго общенія съ православными.—Запреты иновѣрцамъ нанимать русскую прислугу и владѣть помѣстьями.—Характеръ отношенія протестантовъ къ Русскимъ. — Усвоеніе ими русскаго языка и обычаевъ. — Принятіе ими Православія подъ условіемъ перекрещиванія, какъ единственное средство для полнаго общенія и уравненія ихъ въ правахъ съ русскимъ населеніемъ.—Заботы о религіозномъ обученіи и матеріальномъ обезпеченіи обращающагося.—Перекрещиваніе.—Утвержденіе обычая перекрещивать духовнымъ соборомъ 1620 года.—Церковный чинъ крещенія протестантовъ.—Примѣры обращенія: «графъ Матіасъ Шликъ», полковникъ Александръ Лесли. и др. — Пособія обращенному во время и послѣ его крещенія и гражданскія права его.—Границы покровительства обращеннымъ.—Юридическая отмѣна постановленія собора 1620 года о перекрещиваніи. — Удержаніе въ практикѣ перекрещиванія и вспомоществованій. — Противодѣйствіе обрусѣнію со стороны протестантовъ. Анна Беризли и дѣло Андрея Виніуса.—Отношеніе обратившихся въ Православіе къ прежнимъ единовѣрцамъ. — Сближеніе новообращенныхъ между собою. —Слободы перекрестовъ.—Ассимиляція обратившихся съ русскимъ населеніемъ.

Разнообразіе и безпрепятственность, практиковавшіяся во взаимныхъ отношеніяхъ протестантовъ между собою, за предѣлами иноземной среды подвергались весьма существеннымъ ограниченіямъ.

Создавъ изъ русскихъ удѣловъ одно крѣпкое государство на началахъ православно-русской народности, Москва относилась осторожно ко всему ей чуждому, иноземному, особенно къ тому, что̀ не согласовалось съ ея религіознымъ воззрѣніемъ. Культурность ея носила еще ту форму, въ которой вѣроисповѣданіе служитъ самымъ яркимъ отличіемъ отъ другихъ народовъ и самымъ надежнымъ оплотомъ въ сохраненіи національной независимости; съ паденіемъ

Константинополя Москва наслѣдуетъ многія изъ его преданій, дѣлается «второю Византіей». Отсюда — сознаніе своей нравственной близости съ народами единовѣрными, сохраненіе къ нимъ чисто родственнаго чувства и отчужденіе отъ иновѣрныхъ. Самыми близкими изъ чужеземцевъ были Греки. Послѣдняя Палеологъ избирается въ московскую государыню; инокъ Максимъ самою властію ставится руководителемъ духовно-просвѣтительнаго движенія. Но кромѣ людей теоретическаго и религіознаго образованія, надобились «знатцы», люди практической дѣятельности; въ послѣднихъ чувствовалась потребность даже болѣе, чѣмъ въ первыхъ. Такихъ лицъ могъ доставить намъ тогда лишь иновѣрный Западъ. Гордые культурой своихъ странъ, хотя въ большинствѣ сами невѣжественные, эти выходцы, между тѣмъ, свысока смотрѣли на все православно-русское; не понимая его свойствъ, они принижали его, иные, какъ увидимъ впослѣдствіи, не были чужды и явныхъ стремленій къ религіозной пропагандѣ. Пропаганда эта находила себѣ поддержку извнѣ, и по преимуществу изъ руководимой Римомъ Польши. Не довольствуясь религіозно-политическими насиліями въ юго-западной Россіи и частными попытками совращенія Россіи сѣверо-восточной, католическая Польша, съ цѣлію религіозной пропаганды, разъ, въ эпоху Смуты, учинила на Московское государство натискъ, явно насильственный. То же отчасти замѣчалось въ протестантской Швеціи по отношенію къ Новгородской области. Непреоборимымъ охранителемъ самобытности явилось у насъ тогда Православіе. Народъ возсталъ не столько на защиту національности, сколько за свою вѣру, которая тѣмъ самымъ помогла ему спасти и народность. Поддерживая русскаго человѣка въ его нравственно-духовной независимости, вѣра, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушала ему сознаніе духовнаго превосходства предъ окружающимъ міромъ и вселяла бодрость и надежду на лучшее будущее. Православіе дѣлается народнымъ знаменемъ, неизбѣжною принадлежностью русской національности: «Русскій» и «православный» превращаются на народномъ языкѣ въ слова какъ бы однозначущія, одно безъ другаго не мыслимыя, между тѣмъ какъ иновѣріе сближено было съ злочестіемъ, невѣріемъ, лишеннымъ таинствъ, и иновѣрецъ, по господствовавшему тогда воззрѣнію, былъ «нечистый», «поганый». Народный

инстинктъ самосохраненія подсказывалъ Русскимъ, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, свое вѣроисповѣданіе, это народное знамя, необходимо держать въ сравненіи съ другими на высотѣ недосягаемой, чтобы не дать тѣмъ и повода къ мысли о приравниваніи его къ иновѣрію и чтобы никто изъ постороннихъ, какъ не освященныхъ, не смѣлъ и касаться его.

Значеніе вѣроисповѣданія въ жизни народной и отношеніе къ нему иновѣрцевъ вело къ тому, что протестантами постоянно чувствовалось требованіе духовнаго и свѣтскаго правительства, чтобы они держались въ сторонѣ отъ Русскихъ, не «поганили» ихъ своимъ общеніемъ. Помимо исполненія возложенныхъ и принятыхъ обязанностей, протестанты, какъ иновѣрцы, не имѣли значенія, почему хотя и пользовались на практикѣ значительной автономіей въ своей внутренней жизни и не были стѣснены въ отправленіи своихъ религіозныхъ обязанностей и въ сношеніяхъ съ своими единовѣрцами, къ православнымъ они должны были ограничиваться одними чисто мірскими отношеніями, и лишь въ случаяхъ надобности. Говоря вообще, это былъ особый, если не вполнѣ огороженный, то крѣпко огораживаемый міръ. Спутникъ патріарха Макарія записалъ, правда, не безъ преувеличенія: «Иноземецъ остается между Москобами всегда иноземцемъ, будь онъ даже Александръ Великій... Иностранцевъ держатъ подъ надзоромъ, и до свѣдѣнія царя доводятъ каждое малѣйшее обстоятельство, которое къ нимъ относится... Даже кто хочетъ что-нибудь купить у франкскаго купца, тотъ долженъ покупать у него въ лавкѣ, и ни подъ какимъ видомъ не смѣетъ идти къ нему на домъ, иначе его тотчасъ берутъ въ полицію, говоря: «Такъ ты хочешь сдѣлаться басурманомъ!» Что касается до священниковъ и монаховъ, то никто изъ нихъ не осмѣливается сказать одного слова Франку или другому иноземцу: они на этотъ счетъ находятся подъ строгимъ надзоромъ» [1]. Лютеранскій пасторъ въ Нижнемъ-Новгородѣ какимъ-то образомъ познакомился (въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія) съ однимъ тамошнимъ мо-

[1] Описаніе путешествія Макарія Антіохійскаго, составленное Павломъ Алепскимъ, русск. перев. въ библ. М. Г. Архива М. Ин. Д.; неполный пер. въ Библіот. для чтен. 1836, XV.

нахомъ и часто сходился съ нимъ для разсужденій о религіозныхъ предметахъ. Когда о томъ донесли патріарху, онъ тотчасъ приказалъ вызвать монаха въ Москву. Если бы не удачно придуманный послѣднимъ отвѣтъ, не миновать бы ему бѣды. На допросѣ онъ пояснилъ, что лютеранскій пасторъ желаетъ обратиться въ Православіе и уже близокъ къ цѣли, и онъ былъ отпущенъ [1]. Исключая подобныхъ обстоятельствъ, то-есть, когда иновѣрцы изъявляли желаніе или принимали Православіе,—вся церковно-религіозная область была вполнѣ недоступна протестанту, а по связи съ нею, и многое изъ области чисто житейской. Ограниченію собственно въ церковно-религіозномъ общеніи должны были подвергаться протестанты даже болѣе католиковъ, какъ еще далѣе въ догматическомъ вѣроученіи и обрядахъ отклонившіеся отъ Православія и отъ того въ религіозно-догматическомъ отношеніи считаемые ниже ихъ: то, что, въ силу практическихъ государственныхъ цѣлей, протестанты имѣли у насъ лучшее, по сравненію съ католиками, церковно-общественное положеніе, этому ни мало не противорѣчило.

Прикосновеніе протестантовъ къ священнымъ предметамъ было невозможно. Посѣщеніе храмовъ считалось осквернѣніемъ святыни. Лже-Димитрій I, за то, что пустилъ «лютеранъ, кальвинъ и евангеликовъ» въ московскіе соборы, вызвалъ въ нашихъ очень сильный ропотъ. Новгородскимъ воеводамъ крѣпко наказывалось (1624 года) отъ московскаго правительства слѣдить, чтобы «некрещеные Нѣмцы» не смѣли ходить въ Новгородѣ въ православныя церкви [2]. Въ началѣ перваго путешествія Олеарія по Россіи (1634 года), онъ и его спутники изъ любопытства заходили въ находившіеся на пути храмы; ихъ тотчасъ выводили назадъ и выметали за ними полъ. Въ Никольскомъ, за Новгородомъ, монастырѣ нашелся монахъ, который отворилъ имъ церковный притворъ, облачился, по ихъ желанію, въ священническія одежды, показалъ славянскую Библію и

---

[1] Olearius, 1656, 279; 1696, 142, пер. 309.

[2] Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1847, IX, 21, 29; Временникъ, 1853, XIV, отд. II, стр. 43, 46; Собр. г. гр. и дог. II, № 140; Акт. А. Эксп. III, № 184; А. И. Поповъ, Изборникъ слав. и рус. соч. и статей, 407.

хотѣлъ было изъ притвора ввести ихъ въ церковь, какъ подоспѣвшіе стрѣльцы потребовали у него выпроводить вонъ своихъ гостей. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Олеарій опять былъ въ Россіи, и ему хотѣлось осмотрѣть монастырь св. Антонія, близь Новгорода. Здѣсь покоились мощи св. угодника и хранился камень, на которомъ онъ, по древнему преданію, прибылъ изъ Рима. Олеарій убѣдился, что никому изъ иностранцевъ не дозволяется доступъ къ нимъ, и только нѣкоторымъ указывали на лежавшій на стѣнѣ камень. Увидѣть мощи Антонія удалось одному Перри, сославшемуся на небывалый царскій указъ, но это случилось значительно позднѣе, и обнаруженіе обмана могло бы окончиться для него плохо. Удостоиться разрѣшенія побывать въ церкви легче было католикамъ, которые признавали св. мощи и проч. Отпуская Поссевина въ соборъ, Иванъ Васильевичъ наказывалъ ему, чтобы съ нимъ не проникъ никто изъ лютеранъ. Ѣхавшій къ Грозному посолъ датскаго короля, лютеранинъ Ульфельдъ, получилъ прямой отказъ на просьбу, чтобъ его пустили во Псковѣ въ одну монастырскую церковь. Нѣкоторые изъ иностранныхъ писателей предостерегаютъ своихъ соотечественниковъ отъ покушеній проникать въ церкви—въ опасеніи кнута, ссылки въ Сибирь и даже смертной казни, если не желаютъ принять Православія. «Русскіе, утверждалъ Коллинсъ, считаютъ церковь оскверненною, если иностранецъ ступитъ въ нее ногою; омываютъ полы послѣ такого осквернения и заставляютъ иностранцевъ креститься въ русскую вѣру, или убиваютъ ихъ за ихъ неблагоразуміе». Примѣровъ подобной строгой расправы, впрочемъ, не приводится ни Коллинсомъ, ни другими писателями. Правдивѣе сообщеніе Мейерберга. «Когда мы, записалъ онъ, попросили пристава позволить намъ войти въ церковь (пограничнаго Печерскаго монастыря), на словахъ онъ позволилъ это, а на дѣлѣ отказалъ; потому что послалъ впередъ предупредить ключаря, чтобы отнюдь не давалъ намъ этого позволенія, и когда мы подошли къ церкви, онъ никакъ не могъ добиться для насъ входа туда. Послѣ ужъ узнали мы, что Москвитяне запрещаютъ людятъ иноземной вѣры входить въ свои церкви; и если кто изъ любопытства проберется туда тайкомъ, они сейчасъ же выводятъ его, взявши за плечи, и выметаютъ послѣ него полъ, чтобы очистить его отъ осквернения поганымъ прикосновеніемъ». Подобный отвѣтъ,

какой былъ данъ Мейербергу, получилъ затѣмъ Скультетъ, прусскій посолъ (1675 г.), на его домогательство осмотрѣть Троице-Сергіеву лавру: вмѣсто нея посламъ обѣщали показать отдаленный Соловецкій монастырь, который однако имъ былъ не на пути. У насъ былъ тогда въ употребленіи «чинъ на очищеніе церкви, егда отъ невѣрныхъ внидетъ кто» и молитва «аще кій отъ еретическаго начинанія приразися укоръ святому жертвеннику» [1]. Чинъ состоялъ изъ молебна храму, большаго освященія воды, положеннаго на 1 августа, и крестообразнаго кропленія водою церкви и алтаря.

Не имѣя доступа въ православныя церкви, протестанты не могли держать въ своихъ домахъ св. иконы или покланяться имъ, хотя послѣднее иногда дозволялось лицамъ католическаго исповѣданія. «На мой вопросъ, утверждалъ Кобенцель, могу ли я поклониться образу св. Николая, котораго Москвитяне почитаютъ въ особенности, они отвѣтили, что могу, если исповѣдую древнюю римскую, а не лютеранскую вѣру». Предупреждалась всякая возможность осмѣянія иконъ со стороны протестантовъ. Нѣмецкій купецъ Карлъ Моллинъ купилъ у одного Русскаго каменный домъ. Прежній хозяинъ вынесъ всѣ иконы и тщательно соскоблилъ съ внутреннихъ стѣнъ священныя изображенія, захвативъ съ собою соскобленные остатки. Голштинскимъ посламъ, останавливавшимся по пути въ крестьянскихъ избахъ, крестьяне не дозволяли касаться руками до ихъ образовъ или ложиться на лавкахъ ногами къ нимъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ домохозяева приглашали къ себѣ священника снова освящать образа, осквернешные, по ихъ мнѣнію, этими назойливыми гостями. Для своей прислуги, нанятой изъ мѣстныхъ, нѣкоторыми зажиточными иноземцами стали было пріобрѣтаться иконы. Филаретъ Никитичъ

[1] См. напр. «Потребникъ» 1625 г. (въ библ. Спб. Д. Акад. № 648), гл. 9, л. 57 и д., 1636 г. (библ. М. Гл. Архива М. И. Д. № 607), л. 61, «Евхологій» 1658 г. (въ библ. Спб. Д. А. № 654), л. 500—511.—«Чинъ на очищеніе церкви, еда отъ невѣрныхъ внидетъ кто» былъ тождественъ съ чиномъ «еда песъ вскочитъ въ церковь», какое приправливаніе иновѣрцевъ отчасти подмѣтили и сами протестанты, Petrejus, 646, пер. 420, и др.

счелъ ихъ дома недостойными такой высокой чести, иконы велѣлъ оттуда забрать и Русскимъ у иноземцевъ не жить [1].

Потребность воспретить жизнь и службу Русскихъ у иновѣрцевъ сознали ранѣе Филарета. Выполненію желанія мѣшала необыкновенная настойчивость и изворотливость иностранцевъ, находившихъ, что ограничиваться прислугой изъ своихъ одноземцевъ имъ нельзя, частію по ея малочисленности, частію по неспособности и незнакомству съ мѣстными обычаями, и то, что къ однимъ изъ нихъ, мастерамъ, опредѣляли подмастерій «на выучку», другія же, лица позначительнѣе, владѣли помѣстьями и вотчинами, которыми правительство, не располагавшее на столько средствами, чтобы всѣхъ служилыхъ содержать на денежномъ жалованьи, награждало ихъ иногда съ правомъ наслѣдства. Льготой они подъ-часъ пользовались крайне недобросовѣстно: оскорбляли религіозныя чувства подчиненныхъ и посягали на цѣлость ихъ вѣрованія. Гермогенъ предложилъ Ѳедору Ивановичу строго воспретить Русскимъ жить и служить у Нѣмцевъ, добровольно и за деньги, живущихъ за малый долгъ—выкупить, за большой—отдать новокрещеннымъ, Нѣмцевъ же вознаградить Литовцами и Латышами, служившими у новокрещенныхъ. Хотя набожнымъ царемъ и дано было соотвѣтствующее повелѣніе, однако Михаилу Ѳеодоровичу и Филарету Никитичу снова вѣдомо учинилось (1628 г.), что на Москвѣ и въ городахъ у «невѣрныхъ некрещенныхъ иноземцевъ» служатъ православные христіане, и тѣмъ христіанамъ отъ иновѣрцевъ чинится тѣснота и осквернѣніе, и многіе неволею ѣдятъ по постамъ мясо и всякій скоромъ и помираютъ безъ покаянія и отцовъ духовныхъ. Царь и патріархъ указали православныхъ съ иноземскихъ дворовъ взять и впредь имъ тамъ не жить, «чтобы христіанскимъ душамъ

[1] Olearius, 1696, 92—93, 158, 13, 63; 150—151; Jacobi Ulfeldii Legatio Moscovitica, въ Histor. Ruthenic. Scriptor. Starczewski, I, 6; Reutenfels, 222; Beschreibung der zwoten Gesandschaft, welche J. Scultet... 1675 nach Russland gethan, Büsching's Magazin, IX, 55; Письмо Іоанна Кобенцеля о Россіи XVI вѣка, Библ. д. чт. 1842, № 35, отд. II, стр. 127—153, 132—133; ср. Донесеніе о Московіи Іоанна Перштейна, Чт. И. М. Об. Ист. и Др. Рос. 1876, II, 3; Коллинсъ, 30; Мейербергъ, 40; Перри, Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ (Петрѣ I), 150; Рущинскій, Религіозный бытъ Русскихъ.

осквернения не было, и безъ покаянія не помирали бы». Повторяя указъ, Уложеніе (1649 г.) не только запрещаетъ Русскимъ жить у иноземцевъ, но тѣхъ, кои учнутъ жить, по крѣпостямъ или добровольно, велитъ сыскивать и чинить имъ жестокое наказаніе, а иноземцамъ предписываетъ держать у себя однихъ иноземцевъ же.

Одно уже частое повтореніе указа обнаруживаетъ, какъ трудно было привести его въ исполненіе. Сообщая о запретительномъ указѣ, изданномъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ началѣ царствованія, и о затрудненіяхъ, испытываемыхъ отъ того иноземцами, которые никакъ не могли довольствоваться одною своею прислугой, «лѣнивой и глупой», Ферберъ присоединилъ: «иностранцы однако надѣются, что и это запрещеніе будетъ забыто, ибо раньше уже было дано такое запрещеніе, но никто не исполнялъ его, иначе и безъ того весьма стѣснительная торговля совершенно была бы разстроена». Дѣйствительно, когда думный дьякъ Назарій Чистого объявилъ (6 апр. 1647 г.) англійскому агенту, голландскимъ гостямъ и другимъ торговымъ людямъ, что государь Алексѣй Михайловичъ, по прошенью святѣйшаго патріарха Іосифа, велѣлъ имъ сказать, «чтобы они Русскихъ людей къ себѣ не принимали и у себя ихъ не держали, а держали бы своихъ Нѣмецкихъ людей»; то получилъ отъ нихъ отвѣтъ: «Русскихъ кабальныхъ людей у насъ ни у кого нѣтъ, а для своихъ нуждъ и торговаго промысла Русскихъ людей нанимаемъ и даемъ имъ поденный кормъ, и живутъ у насъ на дворахъ дворники и сторожа; воля государева, а безъ дворниковъ и сторожей намъ быть не возможно». Чистого пояснилъ имъ, чтобы «однолично Русскихъ людей они не держали».

Нанимать русскихъ рабочихъ первыми добыли себѣ разрѣшеніе Голландцы. Ихъ примѣръ ободрилъ московскихъ торговыхъ иноземцевъ. «Безъ работныхъ русскихъ людей, писали они въ своей челобитной, на дворахъ и на судахъ быть нельзя, отъ Вологды до Архангельска и назадъ не кѣмъ проводить свои товары, дворы ихъ останутся безъ дворниковъ пустыми, и государь пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ имъ, какъ и Голландцамъ торговымъ людямъ, дать свою грамоту, чтобы по городамъ жили на ихъ дворахъ дворники и сторожа, провожать ихъ товары отъ Вологды до Архангельска и обратно на-

нимались бы работные люди, гребцы и ярыжки, дабы безъ такихъ лицъ не запустѣли ихъ дворы, а товары не были ограблены отъ воровскихъ людей». Царскимъ указомъ (16 іюля 1652 года) вологодскому воеводѣ повелѣвалось допускать наемъ, но съ ограниченіями: пусть московскіе иноземцы нанимаютъ себѣ дворниковъ только на время своего отсутствія изъ города по торговымъ дѣламъ; если же остаются въ городѣ и живутъ на своихъ дворахъ, то дворникамъ тогда у нихъ не жить; съ ярыжекъ, нанимающихся на ихъ торговыя суда, брать поручительство въ томъ, что съ иноземцами они не будутъ ни пить, ни ѣсть. Грамота, для доставки, отдана была Ѳомѣ Келлерману.

Легче, казалось, прекратить помѣстное владѣніе иноземцевъ. Михаилъ Ѳедоровичъ не дозволялъ (1630 г.) иноземцамъ, испомѣщеннымъ въ разныхъ городахъ Помѣстнаго приказа, отчуждать свои земли, какъ одинъ другому, такъ и Русскимъ, безъ именнаго указа, объявляемаго Помѣстному приказу изъ Иноземскаго. Снова воспретивъ (1649 г.), хотя и не въ Уложеніи, самовольную передачу иноземцами своихъ земель Русскимъ, Алексѣй Михайловичъ затѣмъ повелѣлъ (1653 г.) у помѣщиковъ, за дѣлаемое ими крестьянамъ стѣсненіе въ вѣрѣ, имѣнья отобрать и «иноземцамъ всякихъ чиновъ людямъ вотчины свои продавать Русскимъ людямъ, а иноземцамъ некрещеннымъ не продавать» [1].

Одновременно съ тѣмъ, для лучшаго обереженія русскихъ интересовъ, члены Англійской торговой компаніи были удалены къ пограничному Архангельску, московскіе иноземцы выселены въ особое предмѣстье [2].

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Англійскія дѣла, св. 12, № 3, 6 апр. 1647 г.: «Объявленіе англинскихъ купцовъ агенту Спенцеру Бреттону о недержаніи иноземцамъ у себя въ домахъ крѣпостныхъ россійскихъ людей»; Приказныя дѣла, св. 255, № 64, 16 іюля 1652 г.: «Отпускъ государевой грамоты на Вологду, повелѣвающей, по просьбѣ живущихъ тамъ иностранцевъ, употреблять къ себѣ въ работу Русскихъ людей». Акт. А. Эксп. I, № 358; П. С. Зак. I, Уложеніе, XX, 70, №№ 5, 103, 113; Сѣверн. Архивъ, 1822, I, 154; Неволинъ, IV, 146—147, 255.

[2] См. выше, IV гл.—Алексѣю Михайловичу приписывается нѣкоторыми изданіе указа (18 мая 1651 г.) даже о томъ, чтобы «еретиковъ и всякихъ Нѣмцовъ на воеводства не посылать и воеводами (а по другой редакціи, «къ воеводствамъ») не опредѣлять, а быть имъ... только на Москвѣ и записываться имъ по черной сотнѣ и въ

На принятіе послѣднихъ мѣръ оказали свое вліяніе уже не столько чисто религіозныя побужденія, сколько народныя и экономическія. Вопреки желанію правительства, иновѣрцы выполняли прямыя свои обязанности далеко не безъ нарушенія интересовъ соприкасавшихся съ ними Русскихъ людей.

Тѣ свойства и ближайшія цѣли иноземнаго населенія, которыя отразились на складѣ и характерѣ взаимныхъ отношеній его членовъ, руководили имъ въ установкѣ отношеній и къ населенію мѣстному. Если протестанты, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ [1], при устройствѣ тѣхъ или иныхъ связей, въ дружбѣ и враждѣ между собою руководились главнымъ образомъ разными практическими разсчетами: то тѣ же разсчеты легко разростались у нихъ до эгоистическаго меркантилизма, когда дѣло касалось Русскихъ, какъ лицъ, чуждыхъ для нихъ; если люди ихъ собственной среды, одинаковые по жизненной опытности, привычкамъ и положенію, терпѣли часто въ неминуемой взаимной борьбѣ: то ущербъ долженъ былъ увеличиваться для Русскихъ, особенно тѣхъ, которые были поставлены къ нимъ въ зависимое положеніе — бо́льшее эксплоатированіе чужаго въ свою пользу здѣсь находило не только примѣненіе, но, съ иноземной точки зрѣнія, и оправданіе. Предупредительностію протестанты отличались въ отношеніяхъ лишь къ лицамъ правительственнымъ и вообще вліятельнымъ, но и она имѣла свои опредѣленныя границы, потому что выходила изъ стремленія добиться покровительства, той или иной выгоды.

Съ другой стороны, очень многое влекло протестантовъ къ сближенію съ Русскими и приноравливанію къ нимъ. Дѣловыя сношенія, указываемыя имъ правительствомъ и дѣйствительностію, были такъ разнообразны и часты, что услуги толмачей совсѣмъ не могли имѣть для нихъ такого значенія, какъ на Нѣмецкомъ дворѣ въ древнемъ Новгородѣ. Торговля, оптовая и розничная, въ городахъ, а иногда и въ небольшихъ селеніяхъ, промыслы и ремесла, военная и гражданская служба,

---

службу нашу царскую вступать, по нуждѣ, въ ратную». Изд. въ Рус. Стар. 1871, III, 393, 1882, IV, 277; замѣтка о немъ въ Рус. Архивѣ, 1871, 1249.

[1] См. выше, IV гл

судебныя тяжбы, пользованіе прислугой, крѣпостными и рабочими,— все это и подобное невольно побуждало ихъ присматриваться къ русскимъ потребностямъ, нравамъ, обычаямъ, изучать нашу рѣчь; для военноплѣнныхъ же, попадавшихся частнымъ владѣльцамъ и обращаемыхъ въ крѣпостные, и лицъ, нанимавшихся на частную службу, почти все русское дѣлалось прямо необходимымъ. Крайне трудно было найти среди нашихъ предковъ говорившаго на иностранномъ языкѣ или понимавшаго его; но почти всюду встрѣчались иноземцы, знавшіе по-русски; нѣкоторые изъ переводчиковъ Посольскаго приказа были въ состояніи переводить лучшимъ, по тому времени, языкомъ цѣлыя сочиненія. Торговые Нѣмцы, нарочно пріѣзжавшіе въ Новгородъ для изученія нашей грамоты, учились [1], съ разрѣшенія правительства, на Посадѣ, у церковныхъ причетниковъ. Многіе, во избѣжаніе обиднаго отношенія къ себѣ москвитянъ, чтобы не быть узнанными, носили бороды, одинаковую съ ними одежду. Иные намѣренно тянули на русскую сторону: это большею частію изъ вполнѣ разошедшихся съ своими единоземцами. Находились также люди, до того свыкавшіеся съ жизнью въ Московскомъ государствѣ, что охотно возвращались изъ-за границы и оставались въ немъ навсегда. На подобный шагъ изъявляли готовность не одни тѣ, которымъ удавалось счастливо пристроиться. Голштинецъ Лансманъ, прибывшій (1617 г.) съ просительною за него грамотой датскаго короля Христіана IV, въ Посольскомъ приказѣ сообщилъ о себѣ [2], какъ онъ прежде былъ въ Москвѣ. На возвратномъ пути Аѳанасія Власьева, посла царя Бориса, чрезъ Любекъ, онъ присталъ къ Аѳанасію «своею волею для гулянья», и Аѳанасій сталъ звать его въ Московское государство на три года, обѣщая отпустить его, если послѣ того не пожелаетъ жить долѣе. «Похотѣвъ гулять и навыкнуть русскому языку и обычаю», онъ «самовольно» отправился съ Аѳанасіемъ и прожилъ въ Москвѣ на Аѳанасьевомъ дворѣ 6 лѣтъ. Власьевъ посылалъ его въ свои помѣстья и вотчины надзирать за прикащиками и по другимъ дѣламъ,

---

[1] Акт. Арх. Эксп. III, № 184.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію, 1617 г. № 1: «Пріѣздъ въ Москву Голштинца Анца Матвѣева Лансмана».

а при Григорьѣ Отрепьевѣ хотѣлъ было насильно заставить записаться въ крѣпостные или грозилъ Сибирью. Тогда онъ бѣжалъ къ Литовскимъ людямъ и чрезъ Польшу воротился на родину. Спустя 6 лѣтъ онъ снова поѣхалъ было въ Россію, но, узнавъ въ Архангельскѣ, что Москвой овладѣли Литовскіе люди, воротился назадъ и прослужилъ 4 года Христіану, участвовалъ въ войнѣ короля противъ Шведовъ и вотъ теперь опять пріѣхалъ въ Москву поискать себѣ службы.

На заимствованіе протестантами мѣстныхъ обычаевъ и на ихъ попытки замѣшаться между Русскими у насъ однако смотрѣли неодобрительно: такое внѣшнее обрусѣніе ихъ часто приносило болѣе пользы имъ, нежели намъ. Владѣя нашимъ языкомъ и одѣтые по-русски, они легче могли эксплоатировать мѣстное населеніе. Припомнимъ, какъ московскихъ Нѣмцевъ заставили потому скинуть платье русскаго покроя и носить свою національную одежду[1]. Олеарій старался объяснить распоряженіе одними религіозными мотивами, тѣмъ, что иноземцы, одѣтые по-московски, не узнанные получили благословеніе патріарха, шедшаго по улицѣ во главѣ церковной процессіи. Но такъ какъ смотрѣніе иновѣрцевъ на крестные ходы невольно ослабляло въ нихъ предубѣжденіе противъ нашего вѣроисповѣданія, то у насъ обыкновенно не простирали своей строгости до того, чтобы препятствовать имъ видѣть процессіи; иноземные послы иногда получали нарочныя на нихъ приглашенія, и самъ Олеарій бывалъ на этомъ, по его опредѣленію, «пріятномъ зрѣлищѣ» [2]. Свѣтское правительство, легко принявшее указанную патріархомъ мѣру относительно одежды, очевидно, признавало полезность ея и для чисто житейскихъ разсчетовъ, какъ одно изъ средствъ держать иноземцевъ въ отдѣльности отъ мѣстнаго населенія.

---

[1] См. выше, стр. 253.

[2] Büsching's Magazin, VII, пер. въ Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1867, отд. IV, стр. 33 и д.; Olearius, 1656, 37, 1696, 20, пер. 51.—Присутствіе иноземцевъ въ своей національной одеждѣ на церковныхъ церемоніяхъ невсегда, впрочемъ, предупреждало неожиданности. При торжествѣ въ недѣлю ваій, одна изъ служанокъ графини Карлейль, жены англійскаго посла, захотѣла поближе увидѣть процессію и стала непосредственно за посломъ. Замѣтивъ ее и, подумавъ, что она

Стать равноправнымъ членомъ государства и не испытывать уже ограниченій въ своихъ сношеніяхъ съ Русскими и общеніи съ ними иноземецъ могъ тогда не иначе, какъ сдѣлавшись Русскимъ. Между тѣмъ Русскій не мыслимъ былъ безъ Православія, и иновѣрцу, чтобы стать Русскимъ, необходимо надобно было сойтись въ этомъ основномъ народномъ началѣ, т.-е. принять Православіе.

Принятіе это совершалось подъ условіемъ перекрещиванья. Когда протестанты, какъ иновѣрцы, считались «погаными», людьми, лишенными таинствъ, то естественно, что предъ вступленіемъ въ Православную церковь и семью «святой» Руси они должны были очищать себя «банею паки-бытія», таинствомъ крещенія. Здѣсь много значило уваженіе къ обряду, къ тому, что истинное крещеніе одно то, которое совершено чрезъ погруженіе, а не чрезъ обливаніе или окропленіе, какъ то было у иновѣрцевъ. Стоглавымъ соборамъ подтверждалось (гл. 17) при крещеніи дѣтей православныхъ родителей «не обливати водою, но погружати, въ три погруженія»; практика указывала, что подобнымъ способомъ надобно крестить и принимавшихъ Православіе иновѣрцевъ.

Заявившій о своемъ желаніи «креститься въ Православную христіанскую вѣру» отводился обыкновенно въ монастырь. Здѣсь приготовляли его къ должному принятію таинства и новой жизни, наставляли его въ вѣроученіи и обрядахъ и по минованіи срока совершали надъ нимъ крещеніе и муропомазаніе и пріобщали Св. Таинъ. Этотъ «искусъ» и крещеніе совпадали чаще всего со временемъ постовъ, и по преимуществу Великаго. Въ захолустныхъ мѣстахъ, гдѣ крещенія совершались рѣже, крестили и въ ближайшихъ источникахъ; въ московскихъ монастыряхъ существовали для этого крещальни съ большими купелями. День крещенія былъ самымъ торжественнымъ: это было торжество религіозное и національное вмѣстѣ. Но и послѣ того ново-

---

жена Карлейля, Алексѣй Михайловичъ послалъ къ ней одного изъ бояръ съ привѣтствіемъ. Посолъ отблагодарилъ, объяснилъ однако истину и тотчасъ отослалъ служанку домой. Вынесшая вдругъ столько почета и посрамленія, дѣвушка вскорѣ была утѣшена тѣмъ, что вышла въ Москвѣ замужъ за одного изъ посольскихъ служителей. Посольство въ Россію гр. Карлейля, От. Зап. 1855, XI, 66.

обращенный оставлялся на нѣсколько дней въ монастырѣ, чтобы не вдругъ перейти къ мірской жизни; если это совпадало съ наступавшимъ праздникомъ Пасхи или другимъ, то праздникъ онъ встрѣчалъ вмѣстѣ съ братіей.

Заботясь о религіозномъ наученіи обращаемаго, наши прилагали стараніе и о матеріальномъ его обезпеченіи. Иноземцы были сильны у насъ взаимнымъ содѣйствіемъ; съ обращеніемъ въ Православіе помощь отъ прежнихъ соотечественниковъ прекращалась; напротивъ, они, гдѣ могли, вредили обращенному. На нашихъ лежала нравственная обязанность облегчить ему переходъ, сдѣлать его въ матеріальномъ отношеніи нечувствительнымъ. Такимъ образомъ создается «государево жалованье», которое обыкновенно съ избыткомъ вознаграждало обращающагося за возможныя для него утраты и сразу же ставило его въ новой средѣ въ удобное положеніе сравнительно съ прежнимъ. Лицамъ простымъ отпускалось изъ казны рублей 10—30, одежда и матерія, знатнымъ до нѣсколькихъ сотъ и дарились помѣстья. Со вступленіемъ въ монастырь обращаемый уже содержался не на свой коштъ; часть жалованья выдавалась ему при крещеніи, остальное обыкновенно послѣ. Правительственная помощь нерѣдко не оставляла его и въ послѣдующее время: при покупкѣ дома, свадьбѣ и т. п. случаяхъ, не говоря уже о томъ, что служилые люди пользовались прибавкой къ жалованью, повышеніемъ по службѣ. Размѣры наградъ, конечно, зависѣли отъ многихъ случайностей; но въ основу ихъ положено было служебное или общественное положеніе обращаемаго, его пригодность, личныя качества. Что же касается національности и вѣроисповѣданія, то здѣсь онѣ значенія не имѣли, потому что въ размѣрахъ пособій примѣнялись къ прежнимъ подобнымъ примѣрамъ. Такъ какъ въ Московскомъ государствѣ сначала обращались въ Православіе Татары, то выдача имъ «государева жалованья за крещеніе» служила обращикомъ жалованья и для вновь крестившихся христіанъ, почему въ справкахъ, что̀ выдать новообращаемымъ протестантамъ, находятся выписки изъ прежнихъ дачъ Татарамъ или, иногда, католикамъ. Впослѣдствіи, когда обращенія протестантовъ составляли самое обычное явленіе, справки состояли изъ выписокъ о дачахъ протестантамъ и католикамъ и, даже, для военно-служилыхъ лицъ, образовались какъ бы опредѣленныя

мѣры, соотвѣтственно военному чину. Награда обусловливалась также и сановитостью воспріемника, каковымъ бывалъ самъ государь, но чаще бояре и именитые купцы; впослѣдствіи видимъ частыя назначенія въ воспріемники кого-либо изъ служащихъ въ Приказахъ. Кумовья дарили и отъ себя. У нѣкоторыхъ лицъ это было такимъ же благочестивымъ дѣломъ, какъ въ наши дни различныя благотворительныя пожертвованія. Сопряженныя съ этимъ издержки ни государство, ни частныя лица не считали потерянными. Если тратились большія средства на наемъ временно служилыхъ «знатцевъ», вольныхъ выѣхать по выслугѣ срока со всѣмъ нажитымъ имуществомъ, то издержки на новообращаемыхъ были зернами, отъ которыхъ всегда ожидали богатыхъ всходовъ. Не говоря объ удовлетвореніи высшей нравственной потребности, т.-е. религіозному чувству, жертвователи сознавали, что съ каждымъ новообращеннымъ пріобрѣтался дѣятель, которому уже не было побужденій пренебрегать интересами своей новой родины, ни возможности измѣнить ей, или выѣхать изъ нея: онъ дѣлался Русскимъ со всѣмъ своимъ потомствомъ. Прежнее имя замѣнялось православнымъ, подвергалась измѣненіямъ, согласно русскому произношенію, и фамилія. Для новообращающихся же получаемое ими «жалованье» часто служило значительнымъ поощреніемъ къ принятію новаго вѣроисповѣданія. Цѣльность склада русской жизни, проникнутой религіозными элементами, конечно, невольно должна была вовлекать въ себя иноземцевъ, подчинять ихъ, какъ оторвавшихся отъ своей прежней почвы; много значила истинность и положительность Православія въ сравненіи съ западными вѣроисповѣданіями, особенно съ протестантствомъ, еще весьма неяснымъ и неопредѣленнымъ для многихъ его членовъ. На своихъ родинахъ они насмотрѣлись, какъ обычны были переходы изъ одного вѣроисповѣданія въ другое и какъ нерѣдко примѣнялось тамъ правило: «чья земля, того и вѣра». Ближе и безъ предвзятыхъ мнѣній ознакомляясь съ новымъ вѣрованіемъ, настолько сильнымъ, что оно давало нравственный устой цѣлому государству и народу, нѣкоторые иноземцы не могли не сознавать и не чувствовать силы и обаянія его и на себѣ. Если нерѣдко заявлялось о желаніи принять Православіе безъ предварительнаго знакомства съ

нимъ, то находились люди, которые, скрывая о своемъ иновѣріи, проникали въ церкви, присутствовали за богослуженіемъ, прикладывались ко кресту и евангелію и даже пользовались таинствами, пока, наконецъ, явно не переходили въ Православіе. Самый характеръ Русскихъ, твердый, но добродушный, въ свою очередь также не могъ не вызывать на сближеніе и родство. Но не каждый могъ быть героемъ, чтобъ изъ-за новаго вѣроисповѣданія рѣшиться на невзгоды; переходъ былъ легче для него, если съ тѣмъ не соединялось матеріальныхъ потерь, а скорѣе получались еще выгоды. Находились лица, у которыхъ матеріальные интересы стояли здѣсь на первомъ планѣ. Иноземцы всегда отличались практичностью; на Русь они являлись съ цѣлію благопріятнаго для себя устройства. Видя, что это достижимѣе при полномъ сліяніи съ Русскими, они и прибѣгали къ этому средству.

Такъ вопросъ объ обрусѣніи иноземцевъ-протестантовъ самъ собою сводился главнымъ образомъ на вопросъ объ обращеніи ихъ въ Православіе чрезъ перекрещиваніе и на заботы о матеріальномъ обезпеченіи новообращающихся.

Перекрещиваніе протестантовъ началось при томъ же государѣ, при которомъ явились они у насъ, т.-е. при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Въ числѣ немногихъ иноземцевъ, пользовавшихся его довѣріемъ, былъ одинъ переводчикъ Каспаръ, урожденецъ Виттенберга. Отрекшись отъ лютеранства, отъ «принялъ крещеніе по русскому обряду» и, къ досадѣ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, порицалъ лютеранство, убѣждая Іоанна, что въ Германіи, въ киркахъ, нѣтъ ни уставовъ, ни алтарей, ни обрядовъ [1]. Нерѣдко принимали крещеніе торговые Англичане, вызвавшіе потомъ оффиціальныя предстaвленія англійскаго правительства нашему съ цѣлію воспретить имъ это [2]; чаще другихъ

---

[1] P. OderBorn, Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita. Witebergae, 1585, E 5. — Со словъ OderBorn'a Карамзинъ (Ист. Гос. Рос. IX, 261) назвалъ Каспара «нѣмецкимъ проповѣдникомъ». Это не точно: его званіе OderBorn означилъ словомъ interpres («ex interpretibus»), то-есть переводчикъ.

[2] См. напр. представленіе въ августѣ 1590 года, изд. у гр. Ю. Толстаго. Рос. и Англ., 383. Ясны отсюда невѣрность и тенденціозность извѣстій англійскаго посла Флетчера (О государствѣ Русскомъ. Лондонъ, 1591, 92), что «изъ

обращались въ Православіе плѣнные Ливонцы, изъ которыхъ, по словамъ ливонскаго лѣтописца, «многіе были перекрещены, а многіе добровольно согласились перекреститься, надѣясь пріобрѣсти этимъ большую милость и расположеніе великаго князя» [1]. Такъ было при Грозномъ, такъ и при ближайшихъ его преемникахъ. У Варкоча, австрійскаго посла къ Ѳедору Ивановичу, есть извѣстіе, что всѣ, кто изъ христіанъ принималъ Русское вѣроисповѣданіе, должны были снова креститься, потому что другихъ иновѣрцевъ Русскіе не признавали истинно крещенными [2]. Варкочъ не описываетъ подробно, какъ совершался переходъ; это узнаемъ изъ Флетчера. «Принимающіе русское крещеніе, говоритъ онъ, отправляются сперва въ какой-либо монастырь, чтобъ ознакомиться здѣсь съ ученіемъ и обрядами Церкви. При этомъ соблюдаются слѣдующія обыкновенія. Прежде всего на иновѣрца надѣваютъ новое, чистое платье русскаго покроя и возлагаютъ ему на голову вѣнецъ или (лѣтомъ) гирлянду изъ цвѣтовъ; потомъ помазуютъ ему голову елеемъ, въ руки даютъ восковую свѣчу и читаютъ надъ нимъ молитвы по четыре раза въ день въ продолженіе цѣлой недѣли. Все это время онъ долженъ воздерживаться отъ мясной и молочной пищи. По прошествіи семи дней онъ обмывается въ банѣ, а въ восьмой день приводится въ церковь, гдѣ монахи наставляютъ его, какъ должно оказывать почтеніе образамъ, покланяться предъ ними, до земли, креститься,

---

Англичанъ, съ тѣхъ поръ, какъ они начали пріѣзжать сюда (т.-е. въ Моск. государство), не было ни одного, который бы до того забылъ Бога (!), свою вѣру и отечество, чтобы рѣшился перекреститься въ Русскую вѣру, по страху ли, предпочтенію, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, кромѣ одного Ричарда Рельфа».

[1] Ливонская хроника Рюссова, Сб. мат. и стат. по ист. Прибалт. края, III, 321. То же въ сущности подтверждаетъ и Флетчеръ (92), который, противопоставляя Ливонцевъ Англичанамъ, говоритъ: «Изъ плѣнныхъ Ливонцевъ многіе соглашаются креститься въ другой разъ по русскому обычаю, чтобы пользоваться большою свободою и сверхъ того пріобрѣсть себѣ что нибудь на прожитокъ, получая, обыкновенно, при этомъ награду отъ царя».

[2] Warkotsch, Beschreibung der Raiss in der Moskaw въ Wichmann's Sammlung, I, 194, рус. перев.: «Описаніе путешествія въ Москву Николая Варкоча, посла римскаго императора, въ 1593 году», Чт. Им. М. О. И. и Др. Рос. 1874. IV, 33—34.

и другимъ подобнымъ обрядамъ» [1]. Еще характернѣе сообщеніе Петрея. Описавъ обрядъ крещенія младенцевъ, онъ утверждалъ, что такимъ же образомъ крестили и каждаго иновѣрца, принимавшаго Православіе; только «сначала монахи учатъ такого шесть недѣль въ монастырѣ, какъ надо молиться, креститься и кланяться предъ иконами за дневнымъ и ночнымъ богослуженіемъ. Когда ему надобно будетъ говѣть и принимать Св. Тайны, онъ долженъ проклинать и поносить прежнюю свою вѣру и поклясться не только не принимать ея снова, но и жестоко преслѣдовать (?) всѣхъ, ее исповѣдующихъ. Послѣ такого наученія приводятъ его на воду и погружаютъ его трижды всѣмъ тѣломъ, будетъ ли это зимой или лѣтомъ: ибо они говорятъ, что какъ Іоаннъ крестилъ въ рѣкѣ Іорданѣ, также должны креститься и эти язычники и еретики, омыть свои грѣхи и беззаконія и сдѣлаться христіанами; потомъ надѣваютъ на новокрещеннаго чистую и тонкую одежду, даютъ ему другое имя и называютъ вмѣсто Георга Иваномъ или Василіемъ. Если это случится зимой, прорубаютъ на льду четвероугольное отверстіе, снимаютъ съ новообращаемаго всѣ платья и трижды погружаютъ его нагаго въ воду всѣмъ тѣломъ. Но сначала монахи и священники кадятъ и крестятъ это отверстіе со всѣми обрядами, употребляемыми при крещеніи младенцевъ. Изъ воды вынимаютъ новокрещеннаго монахи, священники и кумовья, и отъ имени великаго князя даютъ ему дорогія новыя платья, ведутъ его съ собой въ монастырь, угощаютъ тамъ и радуются за его крещеніе, что спасли душу отъ ада. Послѣ этого ему дозволяется ходить въ ихъ церкви и монастыри, если желаетъ, ѣсть и пить вмѣстѣ съ Русскими и взять у нихъ себѣ жену, чего онъ прежде не могъ дѣлать. Сверхъ того, великій князь даетъ ему 30, 50 или 100 талеровъ, смотря по тому, что̀ онъ за лицо и каковъ его покровитель» [2].

При всемъ томъ, весьма можно допустить, что обычай подвергать вторичному крещенію сначала не былъ одинаковымъ для всѣхъ христіанскихъ иновѣрцевъ. По основному правилу Православной церкви,

---

[1] Флетчеръ, 92.

[2] Petrejus, 1620, 658—659, перев., 428.

крещеніе признавалось, если оно было совершено по учрежденію Христа, во имя Св. Троицы, и въ прежнюю пору у насъ высказывались въ пользу присоединенія латинянъ чрезъ одно муропомазаніе и затѣмъ допущенія ихъ до Причащенія [1]. Служившій Годунову и первому Самозванцу, Маржеретъ, утверждалъ, что католиковъ въ его время не перекрещивали [2]. За отсутствіемъ прямаго церковнаго постановленія и нарочитаго печатнаго обряда на перекрещиваніе собственно католиковъ и протестантовъ, нѣкоторыя духовныя лица легко могли иногда принимать ихъ всѣхъ безъ перекрещиванія, почему въ годину страшнаго возбужденія противъ иноземцевъ и возникъ вопросъ, нужно ли ихъ перекрещивать. Еслибъ обычай былъ общимъ,

---

[1] На вопросъ Кирика: «Оже будетъ кыи человѣкъ и крещенъ въ латиньскую вѣру, и въсхощетъ приступити къ намъ?» Нифонтъ, епископъ новгородскіи, отвѣчалъ: «Атъ ходить въ церковь по $\overrightarrow{\text{Ѕ}}$ дни, а ты первѣе нарекъ ему имя, таже $\overrightarrow{\text{Д}}$ молитвы створяй ему на день, иже то по $\overrightarrow{\text{І}}$-жды (въ другихъ редакціяхъ, «по $\overrightarrow{\text{Г}}$-жды») молвяться; а мяса не дай, ни молока, и отъ оглашеныхъ. И тако (въ) осмый день измыеться и придеть къ тобѣ, и створи ему молитвы по обычаю, и облечеши и̑ въ порты чисты, или самъ ся, и надежеши ризы крестныя (т.-е. крещальныя) и вѣнець, и тако помажеши и̑ святымъ мюромь, и дай ему свѣщю. А на литурьгіи даси ему причастье, и тако держеши, яко и новокрещеная, аще мощьно, и до осмаго дни» (Рус. Ист. Библ. VI, 26). Авторъ изслѣдованія «Правила и практика Церкви относительно присоединенія къ Православію неправославныхъ христіанъ», А. Серафимовъ (Кострома, 1881, 129—130, 210; ср. Лилова, О такъ-называемой Кирилловой книгѣ. 209—222) старается доказать, что чинопослѣдованія присоединенія латинянъ даже XV и XVI вѣковъ, согласно греческой и прежней у насъ практикѣ, уставляли это принятіе чрезъ одно муропомазаніе.

[2] «Россіяне, говоритъ онъ, почитаютъ истинно крещенными только тѣхъ, которые крестились по греческому обряду; впрочемъ, католиковъ увольняютъ отъ втораго крещенія». Margeret, 26—27, перев. 259—260.—Несмотря на это свидѣтельство, въ виду категорическихъ сообщеній Одерборна, Варкоча, Флетчера и Петрея, нельзя однако согласиться съ довольно распространеннымъ мнѣніемъ у нашихъ церковныхъ историковъ (напримѣръ, преосв. Филарета, Исторія Русской Церкви, 2-е изд., IV пер., стр. 191, 194) и канонистовъ (Обзоръ церковныхъ постановленій о крещеніи и муропомазаніи, въ Прав. Собесѣдникѣ, 1859, I, 21), по которому начало перекрещиванья вообще относится лишь къ двадцатымъ годамъ XVII столѣтія.

то естественно было бы ожидать, что въ такое жаркое время только прямо утвердятъ его безо всякихъ недоразумѣній о его годности.

Вопросъ былъ поднятъ очень скоро, и обсужденіе его отличалось весьма оживленнымъ характеромъ. Предвидя опасности для Православной вѣры и церкви, если приглашаемый въ цари польскій королевичъ Владиславъ вступитъ на престолъ католикомъ, ревностный патріотъ, патріархъ Гермогенъ и бояре дали наказъ (17 авг. 1610 г.) посламъ, ростовскому митрополиту Филарету Никитичу и князю В. Голицыну, чтобъ они предложили королю Сигизмунду III отпустить своего сына на Московскій престолъ съ условіемъ, чтобы королевичъ напередъ оставилъ католичество, крестился отъ Филарета въ Смоленскѣ и прибылъ въ Москву православнымъ; о крещеніи же писалъ Гермогенъ Владиславу въ особой ему грамотѣ (12 сентября). Того же хотѣли и Новгородцы, вынуждаемые предложить корону одному изъ шведскихъ королевичей, чтобы онъ, пришедъ на границу, «крестился, принялъ бы святую христіанскую вѣру греческаго закона» [1]. Властолюбивые замыслы и стремленія къ пропагандѣ, какими питались тогда въ Польшѣ и Швеціи, были достаточно извѣстны нашимъ, и неудивительно, что кандидатура Владислава и Филиппа не состоялась, какъ, пропустивъ благопріятный для себя моментъ, ни старались потомъ они добиться престола: на престолъ былъ всенародно избранъ укрывавшійся дотолѣ въ заволжскомъ монастырѣ сынъ Филарета Никитича, Русскій по плоти и по вѣрѣ. Тогда вопросъ о крещеніи былъ возобновленъ по поводу иновѣрцевъ, оставшихся въ Россіи послѣ Смутной эпохи. Одинъ вологодскій священникъ спросилъ (1613 года) своего архіепископа Сильвестра, какъ принять искавшихъ Православія Поляковъ, Литовцевъ и Нѣмцевъ. Распоряженіе послѣдовало въ духѣ народнаго религіознаго возбужденія: «иноземцамъ сначала говѣть, а потомъ крестить ихъ по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Отецъ, а на отреканьѣ бы свою вѣру проклинали, отрицалися отъ бесерменства, и по крещеніи и причащеніи снова поститься имъ, сколько можно, и поучать ихъ въ истинахъ вѣры» [2]. Отвѣтомъ ду-

---

[1] Соб. гос. гр. и дог. II, №№ 201 и 207; П. С. Рус. Лѣт., V, 60.

[2] Грамота вологодскаго архіепископа Сильвестра о крещеніи въ Православ-

ховнаго владыки намѣчалось, къ чему клонится дѣло. Новый патріархъ, Филаретъ Никитичъ, ускорилъ его рѣшеніе. Воспитавшись отчасти въ школѣ Гермогена и еще до возвращенія въ Москву убѣдившись, что у иновѣрцевъ нѣтъ истиннаго крещенія, онъ, когда узналъ о дозволеніи Іоны, митрополита сарскаго и подонскаго, принимать въ Православіе католиковъ безъ втораго крещенія, поспѣшилъ собрать (1620 года) помѣстный московскій соборъ [1], на которомъ мнѣніемъ присутствовавшихъ здѣсь русскихъ іерарховъ положено было: католиковъ, получающихъ обливательное крещеніе и виновныхъ во многихъ ересяхъ, при переходѣ ихъ въ Православіе безусловно подвергать православному крещенію чрезъ погруженіе.

На характерѣ соборнаго опредѣленія отразились современныя тяжелыя историческія условія. Варварства, кощунства и святотатства, учиненныя католическими панами въ Россіи въ Смутную эпоху [2], внушали нашимъ, что такъ не могутъ поступать дѣйствительные христіане; домогательства Польшею Московской державы, за которымъ виднѣлись притязанія католичества на Россію, не прекратились и по избраніи Михаила Ѳедоровича. Національное чувство нуждалось въ нравственномъ удовлетвореніи и въ обособленіи и возвышеніи народной вѣры. Недаромъ Филаретъ Никитичъ, самъ испытавшій непосредственно всю тяжесть польскаго плѣна, говорилъ Іонѣ, что онъ своимъ послабленіемъ въ принятіи католиковъ въ Православіе вводитъ соблазнъ и грозитъ расколомъ; недаромъ и отцы собора такъ легко примѣняли къ латинянамъ правила вселенскихъ соборовъ противъ древнихъ еретиковъ, такъ быстро признали, что латиняне вообще «мудрствуютъ и дѣйствуютъ не по апостольскому и святыхъ

ную вѣру Поляковъ, Литовцевъ и Нѣмцевъ, 1613 года, въ Лѣтописи Занятій Археограф. Коммиссіи, 1862—1863, II, 63—64.

[1] О немъ въ Прав. Собесѣдникѣ, 1864, I; Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщ. 1874, II; преосв. Макарія, Ист. Русск. Церкви, XI; соборное дѣяніе было издано въ 1639 году, въ Иноческомъ Потребникѣ, л. 213 и слѣд., и Мірскомъ Потребникѣ, гл. 40, л. 398—431, и вполнѣ сохранилось въ рукописи библіотеки Троице-Сергіевой Лавры, № 741, л. 46—100. См. также проф. Н. И. Субботина, Матеріалы для исторіи раскола, II, 345 и слѣд.

[2] О нихъ см. ниже, VII гл.

отецъ преданію» и сочли ихъ даже злѣйшими изо всѣхъ еретиковъ. Конечно, здѣсь много значило также не точное понятіе о вѣроученіи католиковъ-Поляковъ. Но Поляки были только главными виновниками бѣдствій. Козни строились и другими иноземцами-иновѣрцами, то-есть протестантами, которые поэтому также понижаются въ народномъ мнѣніи, и соборное постановленіе о перекрещиваніи латинянъ распространяется и на нихъ, тѣмъ болѣе, что они, согласно съ католиками, признавали крещеніе чрезъ обливаніе, и что въ соборномъ опредѣленіи говорилось: «подобаетъ убо и всѣхъ отъ различныхъ еретическихъ вѣръ приходящихъ къ нашей Православной истинной христіанской вѣрѣ греческаго закона совершенно крестити». Но «чего ради крестить ихъ?» «Потому что (понеже убо) еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но паче осквернение», и «да увѣдятъ всѣ люди Россійской земли, яко всѣ еретики различныхъ еретическихъ вѣръ не имутъ права святаго крещенія, еже водою и Духомъ Святымъ» [1]. Перекрещиванія требовало удовлетвореніе нравственному чувству Русскихъ людей, необходимость намѣреннаго постановленія Православія въ сравненіи съ другими вѣроисповѣданіями на высоту недосягаемую. Потому, хотя по первоначальной мысли Филарета, соборное опредѣленіе направлялось собственно противъ католиковъ, въ ближайшіе же за соборомъ годы прямо подвергали перекрещиванію уже всѣхъ западныхъ иновѣрцевъ, католиковъ и протестантовъ безъ различія [2].

---

[1] Книга глаголемая Потребникъ Иноческій. Изд. 20 іюля 1639 (ѯ҃рмѕ) г., въ 27 г. царствованія Михаила Ѳедоровича и 6 г. патріаршества Іоасафа (въ Моск. Синод. библіот., № 488, 92), л. 215. — Въ силу новаго, бывшаго затѣмъ (16 дек.) постановленія, повелѣвалось подвергать крещенію даже тѣхъ Бѣлорусцевъ, которые на разспросѣ предъ крещеніемъ скажутъ о себѣ, что они «въ своей землѣ крещены въ христіянскую вѣру Греческаго закона, а въ крещеніи у нихъ обливаютъ, а не въ три погруженія крестятъ»; избавлялся отъ перекрещиванія лишь тотъ изъ нихъ, кто скажетъ, что «крещенъ въ три погруженія и муромъ и масломъ помазованъ». Указъ о Бѣлорусцахъ 16 дек. 129 года, тамъ же, л. 242 и д.

[2] Русск. Истор. Библ. II. № 166.

Сообразно съ тѣмъ, подвергся соотвѣтственной переработкѣ церковный чинъ, по которому совершали надъ протестантами крещеніе, и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ явился въ первый разъ въ печати, именно въ Иноческомъ Потребникѣ 1639 года [1], отличается полнотой и подробными указаніями о принятіи лицъ всѣхъ западныхъ вѣроисповѣданій, причемъ католичество означено въ немъ вообще «латынью», протестантскіе толки «люторскою ересью». Естественно, что важнѣйшія добавленія въ немъ были въ отдѣлѣ отреканія протестантовъ отъ прежнихъ своихъ заблужденій. За исключеніемъ этихъ дополнительныхъ отреканій, которыя должны были произносить обращающіеся «отъ люторской ереси», нахожденіе «подъ началомъ» и самое крещеніе было тожественное не только для протестантовъ и католиковъ, но и для лицъ не христіанскихъ исповѣданій, еврейскаго и другихъ.

Въ церковномъ чинѣ все направлялось къ тому, чтобы крещеніе было совершеннымъ, добровольнымъ и возможно сознательнымъ. Желающій крещенія долженъ былъ явиться къ настоятелю и принять отъ него благословеніе. Настоятель поручаетъ его искусному и свѣдущему въ Св. Писаніи священнику, который называетъ явившагося духовнымъ себѣ сыномъ и даетъ ему заповѣдь на 40 дней, какъ ему вести себя. Послѣ того обращающійся долженъ былъ ежедневно приходить къ церкви къ началу всякой службы и стоять внѣ храма, на паперти, до конца церковнаго пѣнія, со вниманіемъ, слезами и сокрушеніемъ о прежнихъ своихъ грѣхахъ; долженъ класть

---

[1] Книга глаголемая Потребникъ Иноческій, гл. І, л. 247: «Чинъ и Уставъ, како достоитъ пріимати, иже отъ латынь приходящихъ къ Православной вѣрѣ, хотящихъ креститися и дающихъ на себя свитокъ писанія, и сего Чина и Устава послѣдованіе, и иныхъ вѣръ, иже жидовинъ, или срацининъ, или кто преже еретическое имѣя крещеніе». Гл. М, л. 249: «Вѣдати подобаетъ, како достоитъ подъ началомъ держати приходящихъ отъ латынь и отъ прочихъ различныхъ ересей хотящихъ креститися». Гл. КІ, л. 260: «Аще будетъ приходящій креститися отъ люторскія ереси къ Православной вѣрѣ, то и сія глаголетъ» (выше было отрицаніе отъ «латынь»). Далѣе идетъ чинопослѣдованіе самаго крещенія.

поклоновъ по 300, изучать и читать важнѣйшія молитвы, псалмы, ѣсть постное, по однажды въ день, кромѣ субботы и воскресеній. За недѣлю до крещенія оглашенный приходитъ въ крестильницу и вмѣстѣ съ другими, ищущими крещенія, въ присутствіи православныхъ, обыкновенно предъ вечернею, отрекается отъ прежнихъ вѣроисповѣдныхъ заблужденій и ересей и заявляетъ, что онъ пріобщается Православной церкви нелицемѣрно и по желанію. Отрицаніе творится съ проклинаніемъ; священникъ говоритъ, оглашенный отвѣчаетъ на каждое слово, или непосредственно, а если не знаетъ языка и грамоты, то чрезъ переводчика.

Прежде отрицаніе произносили одинаковое и католики, и протестанты; затѣмъ въ нѣкоторыхъ рукописныхъ чинопослѣдованіяхъ отрицанія отъ католическихъ заблужденій оканчиваются проклинаніемъ «и новѣйшаго, иже въ латынскихъ странахъ злѣйшаго преступника... Лютора, Мартина именуема, лютѣйшаго иконоборца» [1]. Послѣднее отрицаніе въ печатномъ чинѣ разростается въ цѣлый значительный отдѣлъ. Обращающійся изъ «люторской ереси» отрекался отъ «превозшедшихъ еретичествомъ папежскую вѣру, отъ которой отдѣлились», Вифлека, Яна Гусса и «ихъ прелести преемника» Мартина Лютера, затѣмъ Кальвина, Михаила Сервета, Фалера, Георгія Бландрата, Павла Алштатуса, Лелія Социна, Буднаго, Чеховича и др. и вообще всѣхъ ихъ учениковъ и послѣдователей; проклиналъ ихъ религіозныя измышленія и книги, малый Катихизисъ Лютера, «службу опрѣсночную», «скверное крещеніе обливаемое, а не погружаемое», «неосвященное священство», браки и безбрачіе, службы съ органами и трубами, отсутствіе постовъ, кирки, лѣтосчисленіе; проклиналъ не признававшихъ предвѣчное рожденіе Сына Божія, исповѣдь, помощь святыхъ, праздники, иконопочитаніе, поминовеніе умершихъ, хулящихъ угодниковъ Божіихъ, принимающихъ опрѣснокъ не очистившись отъ блуда, установляющихъ службу въ простыхъ домахъ, молящихся не осѣняя себя крестомъ и съ покрытою головою и т. д. По отри-

[1] Ср. чины пріятія иновѣрцевъ XVI вѣка, хранящіеся въ библ. Троице-Сергіевой Лавры, и сборникъ конца XVI или начала XVII вѣка, описанный А. Ѳ. Бычковымъ (Опис. пер.-слав. и русск. рукоп. Имп. Публ. Библ., 285).

ціи оглашенный, или вмѣсто него воспріемникъ читалъ Символъ вѣры. Такое отрицаніе повторялось на второй и на третій день, между утреней и обѣднеи; на четвертый день было полное отрицаніе отъ сатаны и сочетаніе Христу [1]. Всѣ эти дѣйствія оглашенный выполнялъ розутый и безъ верхней одежды, давалъ запись, что навсегда останется членомъ Православной церкви и каждый разъ выслушивалъ соотвѣтственное наставленіе священника. Послѣ совершенія отрицаній онъ удостоивался «божественнаго просвѣщенія», т.-е. совершалось надъ нимъ самое крещеніе. «Прежде, отмѣчено въ чинѣ, оно дѣйствовалось въ Великую Субботу во время чтенія второй пареміи: ««Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме»»; нынѣ же какъ случится и какъ изволитъ настоятель». Крещеніе можетъ быть совершаемо и въ крещальнѣ, въ большой купели, и на рѣкѣ.

Прикрытый особо назначеннымъ для того бѣлымъ сиидономъ, крещаемый, опершись на воспріемника, входитъ въ воду по грудь, священникъ возлагаетъ ему на голову руку и, съ произношеніемъ имени Св. Троицы, крститъ его, погружая его рукою трижды въ воду. По выходѣ изъ воды, крестившійся, кромѣ обычной одежды, надѣваетъ новый бѣлый «чехолъ», который долженъ носить до 8 дня; по окончаніи молитвъ, относящихся къ таинству крещенія, непосредственно удостоивается муропомазанія; домой идетъ со свѣчей въ рукѣ. Въ послѣдующіе дни онъ попрежнему не опустительно бываетъ за богослуженіемъ, уже въ самомъ храмѣ, пока въ 8 день не совершится надъ нимъ въ церкви омовеніе мура.

Такому полному крещенію подвергались теперь иновѣрцы въ необыкновенно большомъ количествѣ. Сохранившіяся распросныя рѣчи новокрещеннымъ въ Патріаршемъ дворцовомъ приказѣ въ первые же годы послѣ собора, свидѣтельствуя о немедленномъ примѣ-

---

[1] Потому совершенно ложно тенденціозное извѣстіе иностранныхъ писателей (см. напр. Петрея, 478, Коллинса, 2), будто отъ обращающагося требовалось у насъ не только отрѣчься отъ перваго крещенія, «но и проклясть своего отца и мать свою и плевать на нихъ три раза чрезъ плечо» и поклясться «жестоко преслѣдовать неповѣдающихъ» его прежнюю вѣру. О кровномъ родствѣ и о преслѣдованіяхъ не было ни слова, да и быть не могло.

ненiи соборнаго опредѣленiя, указываютъ и то, кто были обращавшiеся протестанты. Среди нихъ находились иноземцы нововыѣзжiе и родившiеся въ Россiи, лютеране и реформаты, лица разныхъ нацiональностей, Англичане, Австрiйцы, прусскiе и ливонскiе Нѣмцы, Шведы, люди различнаго рода занятiй и положенiй—военные, ремесленники, слуги. Болѣе другихъ интересно показанiе Некраса Толмачева, по крещенiи Ивана, который сообщилъ о себѣ, что онъ Нѣмецъ Цесарской земли, лютеранинъ, выѣхалъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, а въ Московское раззоренье жилъ въ Суздалѣ, во время болѣзни его исповѣдалъ русскiй священникъ и на вопросъ священника: какой онъ вѣры? отвѣчалъ, что онъ крещенъ по своей вѣрѣ; живя въ Москвѣ и по городамъ, ходилъ въ церкви, слушалъ церковное пѣнiе, прикладывался къ Евангелiю и кресту; про вѣру свою, что онъ лютеранской вѣры, не сказывалъ, вѣру нѣмецкую держалъ у себя втайнѣ, сыскать о ней не чрезъ кого, старые иноземцы побиты [1]. Наравнѣ съ протестантами брали «подъ началъ» принимавшихъ

[1] Лютераниномъ Цесарскоiи земли сказался также нѣкто Алiесъ Фишеръ, по-русски Еремей; выѣхалъ чрезъ Новгородъ и жилъ девятый уже годъ; тогда же и тѣмъ же путемъ выѣхалъ городовой подполковникъ Янъ Гинриманъ, русское имя Никита, Англичанинъ, кальвинской вѣры. Стараго выѣзда московскiй Нѣмчинъ Богданъ Ивановъ Говолтовъ сообщилъ о себѣ, что онъ лютеранинъ, а отца его полонили въ Лифляндiи при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Лютеранинъ Шведъ Яковъ Семеновъ, русское имя Дмитрiй, выѣхалъ при царѣ Борисѣ, живетъ въ Тулѣ съ крещенною въ Москвѣ, лѣтъ за 20 до его пріѣзда, Нѣмкой, живетъ съ ней безъ молитвы, дѣтей у нихъ нѣтъ. Романъ Тимоѳеевъ, по-русски Мелентiй, Тимоѳеи Моисеевъ, русское имя Мартемiанъ, въ малыхъ лѣтахъ привезены ихъ отцами изъ Нѣмецкоiи земли, держали вѣру лютеранскую. Лютеранинъ Яковъ Ѳедоровъ, по-русски Кириллъ, родился въ Тулѣ, отецъ и мать были Нѣмцы нововыѣзжiе, пріѣхали при царѣ Василiи Ивановичѣ, лютеране, отца у нихъ убили на Москвѣ, въ раззоренье. Московскiй служилый Нѣмецъ Андрей Андреевъ Фалентиновъ, русское имя Ѳедоръ, сказалъ, что отецъ его былъ изъ лифляндскихъ Нѣмцевъ, а онъ держалъ вѣру лютеранскую. Ивана Плещеева человѣкъ Нѣмчинъ Христофоръ Яковлевъ, по-русски Леонтiй, былъ лютеранинъ, изъ прусскихъ Нѣмцевъ. «Распросныя рѣчи иноземцовъ и Русскихъ, возвратившихся изъ плѣна, присланныхъ изъ Разряда въ Патрiаршiй дворцовый приказъ для допросовъ», 1623 г. сентября 11.—1624 г. августа 22, въ Русск. Истор. Библiотекѣ, II, № 166, стр. 615, 630, 639—640, 655.

Православіе католиковъ и русскихъ полоненниковъ, возвратившихся въ Россію; мущинъ держали подъ началомъ на Патріаршемъ дворѣ, женщинъ разсылали по дѣвичьимъ монастырямъ, Ивановскому и Алексѣевскому, на срокъ недѣль отъ двухъ до шести; разъ, впрочемъ, подъ 10 іюля, отмѣчено, что находившіеся тогда подъ началомъ 59 человѣкъ прожили семь недѣль, по причинѣ праздника Ризъ Положенія Пресвятыя Богородицы, случившагося въ пятницу, почему на шестой недѣлѣ поста не было. По окончаніи искуса надъ новѣрцами совершено крещеніе. За принятіе его составъ государева жалованья выробатывается весьма сложный.

О подраздѣленіи и характерѣ вознагражденій новообращеннымъ нигдѣ нельзя узнать съ такою точностію и подробностію, какъ въ исторіи принятія Православія извѣстнымъ въ свою пору «графомъ Матіасомъ Шликъ» или «Шляковымъ-Чешскимъ» [1], судьба котораго важна также въ томъ отношеніи, что въ дѣло обрусѣнія здѣсь были вплетены особые элементы. Отгораживая протестантовъ отъ православнаго населенія и допуская принятіе ихъ въ Православіе лишь чрезъ перекрещиваніе, молодое правительство Михаила Ѳедоровича, чтобы возвысить себя предъ окружающимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако слишкомъ придавало значеніе титулу, иноземному знатному происхожденію, чѣмъ иногда ставило себя въ затруднительное положеніе. Непрактичное и поспѣшное вплетеніе посторонняго элемента въ дѣло религіозно-національное приводило участвующихъ лицъ къ тяжелымъ нравственнымъ испытаніямъ.

Явившись въ Голштинію и Данію, названный искатель приключеній выдалъ себя тамъ членомъ знатнаго въ Чехіи графскаго рода Шликъ и до того правдоподобно изобразилъ свои бѣдствія отъ гоненія, воздвигнутаго на него католиками за его лютеранское вѣроисповѣданіе, что оба государя, голштинскій и датскій, приняли въ немъ живое участіе. Вскорѣ къ датскому королю Христіану IV прибыли (весной

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію, 1619—1696, № 1, стр. 19—24, 254, 1637—1646 г. № 3, л. 9—16, 1642—1650 г. № 8, 1643—1644 г. № 7, 1647 г. № 4, 1649 г. № 8; Датскія дѣла 1644 г. карт. 20, Olearius, 1656, 285—286, 295; Русск. Историч. Библіот. VIII, № 10. XXXII.

1642 года) наши послы Проѣстевъ и Патрикѣевъ, съ предложеніемъ руки царевны Ирины Михайловны его третьему сыну, «графу» Вальдемару. Сватовство не имѣло успѣха, и у Шлякова мелькнула мысль попытать своего счастія въ Москвѣ... Едва Христіанъ отпустилъ пословъ и остановился въ Глюкштадтѣ, Шляковъ обратился къ нему съ просьбой отпустить его въ Россію съ грамотами, проѣзжею, чрезъ пролегавшія страны, и рекомендательною царю Михаилу Ѳедоровичу. Грамоты ему были даны, послѣ чего онъ и двое его слугъ 10 ноября 1642 г. стояли уже на русской границѣ. Псковскому воеводѣ онъ объявилъ о себѣ: онъ—Матьясъ графъ фонъ-Шляковъ, урожденецъ Богемской земли, владѣлъ своими городами; но когда цесаревы люди завоевали его земли, онъ опредѣлился на службу къ датскому королю Христіану IV, тому назадъ лѣтъ четырнадцать, и теперь Христіанъ далъ ему свой листъ къ государю о своемъ королевскомъ дѣлѣ, да и о немъ, графѣ, въ томъ листу написано, а что̀ именно, того безъ государскаго указа ему сказать нельзя; къ Москвѣ ѣдетъ не на службу, и если въ проѣзжей написано, что отпущенъ по прошенію, то это лишь такъ написалъ секретарь по королевскому приказу.

На основаніи неопредѣленныхъ словъ его, воевода В. Черкасскій составилъ предположеніе, что Шляковъ — королевскій посолъ, и отпустилъ его къ Москвѣ на казенномъ содержаніи и подводахъ съ приставомъ Трусовымъ; во время пути до Москвы расходовалось на содержаніе ежедневно шесть алтынъ и четыре деньги. Чрезъ Трусова Шляковъ увѣдомилъ Посольскій приказъ о своемъ желаніи видѣть Петра Марселиса, служившаго у насъ «прикащикомъ датскаго короля». Этому онъ сообщилъ (29 ноября), что отпущенъ онъ Христіаномъ къ царю съ грамотой, которую велѣно подать ему лично и лично же говорить съ царемъ, а о чемъ, того пока не скажетъ; что король приказывалъ ему во всемъ совѣтоваться съ нимъ, Марселисомъ, что самъ онъ родомъ королевства Чешскаго, именитый человѣкъ и изгнанъ цесаремъ за вѣру. Цѣль посольства Марселисъ понялъ такъ, что «Матіасу наказано править царскому величеству челобитье и поздравленіе».

При начатомъ деликатномъ дѣлѣ сватовства царевны за датскаго королевича подобный таинственный датскій гость могъ вызвать до-

гадки, весьма удобныя для новопріѣзжаго. Одно уже то, что онъ привезъ какую-то грамоту отъ Христіана, должно было предрасполагать нашихъ къ выраженію ему почета и уваженія. Помѣстивъ его въ обычномъ для датскихъ пословъ домѣ Ивана Грамотина, удостоили его торжественнаго представленія (2 декабря 1642 года) государю въ Золотой палатѣ по посольскому обычаю. Являлъ его царю царскій родственникъ, окольничій В. И. Стрѣшневъ, подъ именемъ «Христіануса, короля датскаго, Матьяса графа фонъ-Шлякова». Онъ вручилъ королевскую грамоту и два свои письма, польское и нѣмецкое. На утро къ нему пріѣхалъ князь А. А. Долгоруковъ съ государевымъ жалованьемъ. «Государь нашъ, говорилъ ему князь, по любви къ брату своему Христіанусу, королю датскому, тебя, Матьяса, жалуетъ, прислалъ тебѣ отъ своего государскаго стола яству и питье». Затѣмъ онъ велѣлъ постлать на столъ скатерть, поставить принесенные съ нимъ сундуки и выдавать по росписи вино и кушанья; взявъ вина, одну чашу пилъ за здоровье царя, царевича и за ихъ дружбу съ королемъ, другую за короля. Все содержаніе шло Матьясу казенное [1].

Королевская грамота (15 августа, изъ Глюкштадта) оказалась простою рекомендаціей. «Мы, Христіанусъ IV, объявляемъ особно любительному другу, сосѣду и государю Михаилу Ѳедоровичу, что

---

[1] «На Москвѣ давано ему поденного корму и питья съ пріѣзду его до тѣхъ мѣстъ, какъ онъ во Православную христіанскую вѣру крестился, съ Дворца: по $\frac{1}{4}$ чарки вина боярского, по кружкѣ меду вишневого, по кружкѣ меду малинового, по $\frac{1}{2}$ кружкѣ меду паточного, по кружкѣ меду обарного, по $\frac{1}{2}$ ведра пива доброго на день; изъ Большого приходу: по $\frac{1}{2}$ хлѣба, да по $\frac{1}{2}$ калача двуденежныхъ, по гусю или по уткѣ, или тетереву, по $\frac{1}{2}$ части говядины или баранины доброй, по $\frac{1}{4}$ части ветчины, по $\frac{1}{2}$ яицъ, по фунту масла коровья на день, на мелкое на крупы, на соль, на уксусъ, на лукъ, на чеснокъ, на капусту по $\frac{1}{2}$ алтына на день. Людемъ его, $\frac{1}{2}$ человѣкомъ: по хлѣбу да по калачю двуденежныхъ человѣку, да по $\frac{1}{4}$ части говядины, да по $\frac{1}{4}$ части ветчины или баранины, на день. Питья изъ Новые четп, людемъ его, $\frac{1}{2}$ человѣкомъ: по $\frac{1}{2}$ чарки вина, по $\frac{1}{2}$ кружки пива на день, а меду не указано имъ для того, что ему, самому графу Матьясу, питье съ дворца велѣно давать нескудно. По $\frac{1}{2}$ воза на недѣлю дровъ, да въ поварню и въ избу на 4 дни по возу дровъ, да на $\frac{1}{2}$ денги свѣчь на день».

здѣсь, какъ мы пришли въ наше государство, сей добророжденный, намъ особенно любимый господинъ Матіасъ Сигизмундъ графъ фонъ-Шляковскій покорно доложилъ, что онъ намыслилъ ѣхать въ вашъ стольный городъ и нѣкоторое время пробыть, прося насъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ письмомъ. Его, какъ человѣка, и его умѣнье намъ хвалили, и онъ вамъ пригоденъ будетъ, и просимъ изволить доброименованнаго графа милостиво для насъ принять и его пожаловать при вашемъ царскомъ дворѣ въ воинскомъ дѣлѣ или въ иномъ, въ чемъ пригоже, и сообразно съ тѣмъ мы также ради воздавать вамъ».

Письма досказывали то, что̀ было неясно въ грамотѣ. Сообщивъ, что чрезъ него датскій король желаетъ государю всякаго добра, Шляковъ прямо излагалъ въ нихъ свою просьбу о принятіи на службу и выставлялъ, чѣмъ онъ могъ быть полезнымъ. «Въ нашемъ Римскомъ цесарствѣ и Чешскомъ королевствѣ, излагалъ онъ въ первомъ своемъ письмѣ, война жестокая, мучительство великое, кровь христіанская льется всякій день, такъ что многіе князья, графы, государи и другіе люди, изгнанные, волочатся по чужимъ странамъ, питаются чужимъ добромъ. Ради такой воинской причины и немилосердаго мучительства датскій король и послалъ меня, по моей просьбѣ, къ вашей царской милости и писалъ обо мнѣ, чтобы меня милостиво приняли на свою службу, а устно сказать велѣлъ, что съ нашимъ цесаремъ Фердинандомъ, королемъ чешскимъ, у него заключенъ миръ на взаимномъ условіи не держать имъ на службѣ людей своего союзника; такой же миръ заключенъ и съ испанскимъ королемъ, послы этихъ государей были у него одновременно съ послами вашей царской милости, почему онъ отпустилъ меня только по отпускѣословъ. И теперь, прибывъ сюда, прошу вашу царскую милость принять меня на службу свою, по прошенью и писанью королевскому. Всѣ мои города, замки и имущество взялъ цесарь; въ настоящее время я убогій изгнанникъ, живу милостью короля и многихъ иныхъ, служить обѣщаюсь вашей царской милости вѣрно, пока Богъ изволитъ дать намъ миръ». Подписался: «Вашей цесарской милости наяснѣйшаго цесаря и монарха и великаго князя слуга покорный Матьяшъ Жигимонтъ графъ Схляриковъ». Въ другомъ письмѣ про-

сителя, нѣмецкомъ, значилось: «Вашему царскому величеству подданственно объявляю, въ чемъ я навыченъ: ратномъ строеньи, конной и пѣхотной рыцарской службѣ, сооруженіи и укрѣпленіи крѣпостей, городовъ и шанцевъ, пушечномъ и парядномъ строѣ и что къ тому военному дѣлу принадлежитъ, также и въ иныхъ земель языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ, испанскомъ, чешскомъ, польскомъ и италіянскомъ; обо всемъ этомъ и буду я радѣть».

Что иностранцы приносили съ собой въ Москву рекомендательныя грамоты и письма западныхъ государей, было у насъ самымъ обычнымъ явленіемъ, и это всегда служило имъ въ пользу. Шлякову же тѣмъ легче было снискать покровительство, что привезенная имъ грамота была отъ датскаго короля, отношеніями съ которымъ у насъ тогда такъ дорожили. Благодаря этому, у насъ не показалось даже никому страннымъ, какъ могло случиться, чтобы такой родовитый и знающій человѣкъ, какимъ выдавалъ себя Шляковъ, могъ такъ легко потерять все свое имущество и положеніе и не пригодиться нигдѣ, ни на родинѣ, ни въ чужихъ земляхъ. Напротивъ, въ немъ цѣнили у насъ знатность его рода — въ ней никто тогда не сомнѣвался — и его разнообразныя знанія въ военномъ искусствѣ и иностранныхъ языкахъ. На службу его приняли, почему снова удостоили представленія (10 февраля 1643 года) Михаилу Ѳедоровичу. Приставомъ у него былъ Лаврентій Раевскій, предъявлялъ государю въ столовой избѣ думный дьякъ Ѳ. Ѳ. Лихачевъ. Государь — точнѣе, дьякъ, отъ лица государя — спросилъ его о здоровьи и объявилъ ему, что «для прошенья датскаго короля Христіана» онъ принятъ на государеву службу и пожалованъ «за выѣздъ» его государевымъ жалованьемъ изъ дорогихъ вещей, двухъ коней и 200 руб. денегъ [1]. Поденнаго «корму и питья» ему на этотъ день противъ обычнаго было дано вдвое.

[1] «Кубокъ серебрянъ золоченъ, стопа серебряна, бархатъ золото съ серебромъ по зеленой землѣ, бархатъ рытой червчатъ, камка куфтерь червчатъ, камка адамашка лазорева, сукно багрецъ червчатъ, сукно лундышъ вишневъ, ѳ сорока соболей, денегъ с рублевъ, оргамакъ совсѣмъ конскимъ парядомъ, меринъ».— «Цѣна аргамаку ѵ рублевъ, парядъ на ρл рублевъ на а алтынъ, а мерину цѣна и рублевъ».

По вступленіи на службу Шляковъ немедленно заявилъ, что онъ и одинъ изъ его слугъ, Анцъ, желаютъ обратиться въ Православіе. Заявленіе было принято нашими съ большимъ удовольствіемъ. 12 февраля, въ заговѣнье на Масляной недѣлѣ, ихъ обоихъ отправили «подъ началъ», для подготовленія къ таинству крещенія, въ Чудовъ монастырь, снабдивъ ихъ обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ жалованьемъ, одеждой, господина слишкомъ на 54 рубля и ожерельемъ, слугу на 8 рублей [1]; одновременно съ тѣмъ прежнее имя Матіасъ перемѣнено на «русское молитвенное» Левъ, а Анцъ названъ Ѳедоромъ; крестить ихъ назначили въ Лазареву субботу, на 25 марта.

Въ Чудовомъ монастырѣ Шляковъ занятъ былъ не столько прямымъ своимъ дѣломъ, изученіемъ Православія, сколько затѣянными имъ процессами, то изъ-за слугъ, то изъ-за имущества. Вести эти процессы могли побуждать его и особыя, скрытыя отъ другихъ цѣли...

Къ двоимъ слугамъ, которыхъ привезъ съ собой изъ-за границы, этотъ записной щеголь прибавилъ въ Москвѣ еще четверыхъ. Предъ

---

[1] «Для подначалства, въ чомъ ему, графу, подъ началомъ быть, послано къ нему государева жалованья съ Казенного двора платья: однорядка сукно вишнево, пугвицы серебрены золочены, цѣна $\overline{\text{ѳ}}$ рублевъ $\overline{\text{к}}$ алтынъ $\overline{\text{є}}$ денегъ; охабень объярь вишнева, нашивка золотная, цѣна $\overline{\text{и}}$ рублевъ $\overline{\text{ѕ}}$ алтынъ $\overline{\text{д}}$ денги; ферези тяфтяные на черевахъ бѣлыихъ, нашивка шолкъ зеленъ съ золотомъ, цѣна $\overline{\text{г}}$ рублевъ $\overline{\text{кл}}$ алтынъ $\overline{\text{к}}$ денги; ферези холодные тафтяные, нашивки шолкъ гвоздиченъ зъ золотомъ, цѣна $\overline{\text{є}}$ рублевъ $\overline{\text{г}}$ алтынъ съ полуденгою; кафтанъ камка червчета мелкотравная, нашивка серебреная, цѣна $\overline{\text{и}}$ рублевъ $\overline{\text{гі}}$ алтынъ $\overline{\text{к}}$ денги; шапка бархатъ чернъ, околъ лисей чернъ, цѣна $\overline{\text{д}}$ рубли $\overline{\text{гі}}$ алтынъ $\overline{\text{д}}$ денги; $\overline{\text{к}}$ сорочки да $\overline{\text{к}}$ порты, цѣна $\overline{\text{ѕ}}$ рублевъ; $\overline{\text{к}}$ пояса, верхней да нижней, цѣна $\overline{\text{кг}}$ алтына $\overline{\text{д}}$ денги; сапоги сафьянные червчаты да чюлки, $\overline{\text{л}}$ алтынъ; штаны камчатые, цѣна $\overline{\text{к}}$ рубли $\overline{\text{кі}}$ алтына $\overline{\text{є}}$ денегъ; поясъ въ штаны $\overline{\text{ѕ}}$ алтынъ.—Всего на $\overline{\text{нд}}$ рубли на $\overline{\text{гі}}$ алтынъ на пол- $\overline{\text{є}}$ денги.—Ему жъ дано съ верху ожерелье зъ бахрамою, а у него $\overline{\text{т}}$ зерна бурмицскихъ.

Человѣку сво:

Однорядка сукно аглинское мурамно зелено, цѣна $\overline{\text{т}}$ рубли съ четью; ферези киндякъ лимонной, цѣна рубль $\overline{\text{гі}}$ алтынъ $\overline{\text{к}}$ денги, кафтанъ киндякъ лазоревъ стежной, рубль $\overline{\text{гі}}$ алтынъ $\overline{\text{к}}$ денги; штаны сукно аглинское черлено $\overline{\text{кг}}$ алтынъ; рубашка да порты полотняные, $\overline{\text{гі}}$ алтынъ $\overline{\text{к}}$ денги; $\overline{\text{к}}$ пояса шолковыхъ, верхней да нижней, $\overline{\text{кі}}$ алтынъ; шапка сукно вишнево съ пухомъ, $\overline{\text{кн}}$ алтынъ; сапоги барановые, $\overline{\text{дї}}$ алтынъ; чюлки, гривна.—Всего на $\overline{\text{и}}$ рублевъ на $\overline{\text{кн}}$ алтынъ на $\overline{\text{д}}$ денги».

отправленіемъ вмѣстѣ съ Яномъ «подъ началъ», онъ заперъ свое имущество и запечаталъ его, ключи взялъ съ собою, оставивъ на дворѣ пять человѣкъ и двѣ лошади, а главный надсмотръ поручилъ Исааку Буколтову, и списокъ этихъ лицъ онъ предъявилъ въ Посольскомъ приказѣ. Буколтовъ между тѣмъ собирался въ путь вмѣстѣ съ Марселисомъ, котораго снаряжали въ Данію, чтобы поправить неудачу Проѣстева и Патрикѣева. Нечего и говорить, какъ непріятно должно было быть для Шлякова это посольство, если только вѣрно извѣстіе Олеарія [1], что онъ держалъ себя въ Москвѣ такъ, что нѣкоторые предполагали, будто онъ имѣетъ виды на царевну Ирину Михайловну. Неудивительно послѣ этого, что Шляковъ всѣми силами старается досадить по крайней мѣрѣ Буколтову, задержать его, взведя на него обвиненіе, что онъ самовольно уѣзжаетъ теперь и подговорилъ еще другаго слугу, Онуфрія, сбѣжать съ покраденнымъ у хозяина. Буколтовъ доказалъ, что служить къ нему никогда не просился и крѣпости на себя не давалъ, потому что государевъ человѣкъ, а живетъ съ своимъ братомъ и матерью; Онуфрія не подговаривалъ; Матіасъ бьетъ челомъ на него напрасно, потому что его беретъ съ собой въ Датскую землю Петръ Марселисъ... За отсутствіемъ какихъ бы то ни было уликъ, Буколтова отпустили тогда вмѣстѣ съ Марселисомъ; Онуфрія же Симонова не нашли, онъ пропалъ безъ вѣсти; за то на остальныхъ слугъ, о которыхъ Шляковъ сообщилъ, что ему нечѣмъ кормить ихъ, ему положили (20 февраля) выдавать казенное содержаніе. То, что онъ ихъ напималъ, не будучи въ силахъ содержать ихъ, ему въ упрекъ не ставили.

Улаживая тяжбу Шлякова, Приказъ хлопоталъ о заготовкѣ ему государева жалованья, которое надобно будетъ выдавать ему «для крещенія», «къ крещенію» и «на представленіи» его государю, а также о верстаніи его «государевымъ жалованьемъ помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ» и о назначеніи ему «поденнаго корму и питья». Сдѣлали справку, какъ награждали прежде подобныхъ именитыхъ лицъ: астраханскаго царевича Кутлу-Гирея, крестившагося въ 1617 году, мурзу Сулешева (1620), ногайскаго мурзу Урмаметева (1622),

[1] Olearius, 285.

князя Якова Куденетова Черкасскаго (1624), мурзу князя Сунчалеева сына Черкасскаго, во крещеніи (1631) Ѳедора, и мурзу Юсупова. Шлякова приравняли съ княземъ Ѳедоромъ Черкасскимъ, назначили ему одинаковую выдачу; но затѣмъ, вѣроятно, по ходатайству ближняго боярина Ѳ. И. Шереметева, она была увеличена: такъ, денежный окладъ вмѣсто первоначальныхъ 150 былъ опредѣленъ въ 300 рублей. Въ этотъ счетъ не шло то, что въ теченіе всего поста, по воскресеньямъ и субботамъ, приносили ему въ монастырь царскій столъ изъ свѣжей рыбы, яблокъ, грушъ, вишень и прочаго.

Въ монастырѣ обучалъ вѣрѣ и слѣдилъ за его образомъ жизни чудовскій іеромонахъ Митрофанъ, который, надо думать, и совершилъ надъ нимъ крещеніе, согласно назначенію, въ Лазареву субботу, 25-го марта. Просторная купель была нарочно обита настрафильнымъ червчатымъ сукномъ, ее закрыли завѣсой изъ желтаго атласа. Послѣ погруженія новообращенный надѣлъ данные ему «для крещенья» золотой крестъ, съ каменьями, червчатыми искорками и съ чернью, сорочку и порты тафтяные, пристежное къ сорочкѣ ожерелье, низанное въ формѣ шахматовъ, прикрѣплявшееся лаловыми пуговицами, съ яхонтовыми зернами, опоясался двумя поясами, верхній былъ шелковый съ золотомъ, съ такими же кистями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по выходѣ изъ купели, онъ получилъ присланные ему «къ крещенью» съ Казеннаго двора, по именному государеву указу, извѣстный чехолъ, кунью шубу съ бобровымъ ожерельемъ, атласный кафтанъ, опашень, ферязи, скарлатную однорядку, бархатную шапку, желтые камчатые штаны, сафьянъ на сапоги и башмаки, камчатые теплые чулки, два ожерелья стоячія и отложное, богато украшенныя жемчугомъ [1]. Въ нѣкоторыя изъ этихъ вещей князь Левъ нарядился теперь же.

---

[1] Въ сдѣланной послѣ справки вышисано: «Для крещенія дано ему блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи жалованья: крестъ золотъ съ каменьи съ искорки червчатыми, съ чернью, $\overline{\text{Є}}$ рублевъ $\overline{\text{Л}}$ алтынъ; сорочка да порты тафтяные, $\overline{\text{І}}$ рублевъ; къ сорочкѣ ожерелье пристежное, низано въ шахматы, съ пуговицы съ лаловыми и съ яхонтовыми зерны, въ $\overline{\text{М}}$ рублевъ; поясъ верхней шолковой съ золотомъ; кисти шелковые жь съ золотомъ же, ворворки низаны, рубль $\overline{\text{КѢ}}$ алтынъ $\overline{\text{Д}}$ денги; поясъ нижней,

Всего пока дано ему вообще слишкомъ на 288 рублей, не считая того, что̀ онъ могъ получить отъ своего воспріемника, богатаго боярина Ѳ. П. Шереметева. На слѣдующій день по крещеніи, то-есть въ Вербное Воскресенье, этотъ прислалъ крестнику свои столъ, когда пожаловали новокрещеннаго пищею и питьемъ не только государь, но и патріархъ Іосифъ, который послѣ заутрени прислалъ, кромѣ того, съ ключаремъ Иваномъ (Насѣдкой?) вербу, увѣшенную фруктами.

Но послѣдніе подарки послужили ближайшимъ поводомъ къ новому со стороны Шлякова процессу, запявшему дни, назначенные для того, чтобы, послѣ принятія таинства, новокрещенному по христіански приготовиться ко встрѣчѣ Свѣтлаго Праздника. Въ Великій же понедѣльникъ онъ обвинилъ Лаврентія Раевскаго, своего пристава, на обязанности котораго было оберегать его, въ различныхъ притѣсненіяхъ и взяточничествѣ, именно, что тотъ взялъ у него и оставилъ у себя или раздарилъ своей роднѣ патріаршую вербу и ѣству и нѣсколько вещей, частію изъ жалованныхъ государ-

---

тесма кружкова шелковая жь съ оковы серебряными, рубль $\vec{\text{єі}}$ алтынъ. Да къ нему жъ, ко князю Лву, по государеву имянному приказу, послано съ Казенного двора къ крещенію, какъ онъ вышелъ изъ купели: чехолъ, шуба пластинчетая кунья наголная съ ожерельемъ съ бобровымъ, чюлки камчатые теплые, подложены подъ теревесью бобровою. (А купель была обита кругомъ сукномъ червчатымъ настрафилнымъ, по кроемъ у тое купели и въ купели впущено того жъ сукна на одну четверть аршина; а около купели завѣшено запонъ отласъ желтъ, $\vec{\text{д}}$ рубли $\vec{\text{к}}$ денги). Кафтанъ отласъ золотой, $\vec{\text{кк}}$ рубли, тесма шелкъ червчатъ, оковы серебрены золочены, $\vec{\text{д}}$ рубли $\vec{\text{кг}}$ алтынъ $\vec{\text{д}}$ денги; опашень объяринной свѣтлозеленъ съ круживомъ и съ образцы, нашивка золотная къ кистми, $\vec{\text{кі}}$ рублевъ $\vec{\text{а}}$ алтынъ; ферези камка ценинная куфтерь, пуговицы серебрены золочены, $\vec{\text{г}}$ рублевъ $\vec{\text{і}}$ алтынъ $\vec{\text{є}}$ денегъ; однорядка скорлатная червчата съ круживомъ и съ запяски, образцы низаны, $\vec{\text{к}}$ рублевъ $\vec{\text{кк}}$ алтына пол- $\vec{\text{г}}$ денги; шапка бархатъ червчатъ съ душкою, петли низаные, $\vec{\text{є}}$ рублевъ $\vec{\text{а}}$ алтынъ; штаны камчатые желты, $\vec{\text{к}}$ рубли $\vec{\text{ѯ}}$ алтынъ съ денгою; на сапоги да на башмаки сафьянъ турскои, $\vec{\text{кг}}$ алтынъ $\vec{\text{д}}$ денги; $\vec{\text{к}}$ ожерелья стоячіе да отложное, да тафья низаные, жемчюгу пошло на $\vec{\text{рн}}$ рублевъ. Всего дано за крещенье $\vec{\text{сн}}$ рублевъ $\vec{\text{кѯ}}$ алтынъ пол- $\vec{\text{є}}$ денги». Ср. хранящуюся въ архивномъ дѣлѣ, въ Выѣздахъ 1642—1650 года № 8, «Роспись, что̀ изготовить государева царева и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Руси жалованья для крещенія графу Лву Шляковскому».

ремъ, частію изъ его собственныхъ; почти всю ѣству, которая присылалась ему отъ государя по воскресеньямъ и субботамъ, Лаврентій отправлялъ въ свой домъ. Однажды принесъ ему фляжку горячаго вина и велѣлъ ему пить; на его отказъ, что въ постные дни и безъ вѣдома архимандрита и іеромонаха Митрофана пить не смѣетъ, Лаврентій уговаривалъ его пить и безъ ихъ вѣдома; не успѣвъ въ томъ, донесъ іеромонаху Митрофану, будто бы Левъ безъ его вѣдома держитъ у себя въ кельѣ вино и пьетъ, за что Митрофанъ сильно укорялъ Льва. Въ другой разъ онъ опять принесъ ему вина, чарки четыре-пять: это де вино доброе, двойное, какое пьетъ его жена, и Левъ жены его не безчестилъ бы, пилъ бы вино. Въ опасеніи новаго «искуса» Левъ снова отказался. Митрофанъ подтвердилъ обвиненія. Левъ продолжалъ: «нынѣ, какъ пѣли молебенъ, при архимандритѣ, келарѣ, всѣхъ соборныхъ старцахъ и многихъ другихъ честныхъ людяхъ, Лаврентій, подойдя къ нему, сказалъ, съ большимъ шумомъ и махая шапкой: ‹‹спасибо тебѣ на твоей чести»»,—и ему отъ того былъ великій стыдъ. Нынѣ же посылалъ онъ Лаврентьева сына съ именнымъ перстнемъ и ключами на дворъ Ивана Грамотина, чтобы взялъ тамъ денегъ на расходъ. Деньги и ключи Лаврентьевъ сынъ принесъ, а перстня не возвратилъ, будто бы нечаянно потерялъ его». Все это повело къ тому, что Раевскій былъ замѣщенъ другимъ приставомъ, и было приказано ему размѣняться съ княземъ Львомъ взятыми взаимно вещами; по минованіи праздниковъ, его посадили (6 мая) на недѣлю въ тюрьму—наказаніе было отсрочено ради великихъ дней Страстной и Святой недѣли.

На Святой недѣлѣ новокрещенный удостоился представленія (6 апр.) государю. Являлъ его Михаилу Ѳедоровичу печатникъ и думный дьякъ Ѳ. Ѳ. Лихачевъ: ‹Великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ, всея Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, новокрещенъ князь Левъ Шляковской вамъ, великому государю, челомъ ударилъ и на вашемъ царскомъ жалованьи челомъ бьетъ›. Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ Шлякова къ рукѣ и велѣлъ спросить его о здоровьи. Спросивъ о здоровьи, Лихачевъ «сказалъ ему государево жалованье»: ‹Великій государь велѣлъ тебѣ говорити: пріѣхалъ ты къ нашему царскому величеству служить и билъ намъ

челомъ, чтобы тебя пожаловать, велѣть крестить въ Православную христіанскую вѣру; мы тебя пожаловали, крестить въ Православную христіанскую вѣру велѣли, и ты бы намъ служилъ и прямилъ и былъ надеженъ на наше царское жалованье, которымъ и нашею царскою милостью мы тебя, за твою службу, не оставимъ». Затѣмъ думный дьякъ перечислилъ вновь жалуемыя князю вещи и деньги: это были атласная, золотная на соболяхъ шуба, съ серебряными позолоченными пуговицами, горлатная шапка, серебряные вызолоченые кубокъ, стопа, братина и ковшъ, червчатый бархатъ, атласъ золотной, свѣтлозеленый и лазоревый, по 10 аршинъ камки желтой, лазоревой и кармазинъ, сорокъ соболей [1], помѣстный окладъ двѣ тысячи четвертей, денежный окладъ въ триста рублей [2]. Затѣмъ князь былъ приглашенъ къ царскому столу, гдѣ посадили его ниже бояръ и выше казначея.

Домъ Грамотина, въ которомъ помѣстили сначала Шлякова, служилъ ему мѣстомъ жительства временнымъ; теперь понадобился собственный домъ. Такой ему подарили въ Китай-городѣ, въ

---

[1] Стоимость этихъ вещей при представленіи не обозначалась, но она означена въ памяти изъ Посольскаго приказа въ приказъ Большой казны, гдѣ читаемъ: «Да ему жъ велѣти изготовить государева жалованья, какъ онъ увидитъ государевы очи и челомъ ударитъ: шубу отласъ золотной на соболѣхъ, пуговицы серебрены золочены въ $\overrightarrow{\text{Ѵ}}$ рублевъ, шапку горлатную въ $\overrightarrow{\text{Є}}$ рублевъ, кубокъ серебрянъ золоченъ въ $\overrightarrow{\text{Г}}$ гривенки, стопа серебрена золочена въ $\overrightarrow{\text{К}}$ гривенки, братина серебрена золочена въ $\overrightarrow{\text{К}}$ гривенки, ковшъ серебренъ золоченъ въ пол- $\overrightarrow{\text{К}}$ гривенки, отласъ золотной въ $\overrightarrow{\text{Л}}$ рублевъ, бархатъ червчатъ, отласъ свѣтлозеленъ, отласъ лазоревъ, камка куфтерь желта, камка лазорева, камка кармазинъ по $\overrightarrow{\text{І}}$ аршинъ портище; $\overrightarrow{\text{М}}$ соболей въ $\overrightarrow{\text{О}}$ рублевъ».

[2] Послѣ перечисленія вещей, въ отчетѣ о представленіи продолжается: «А окладъ своего государева жалованья велѣлъ тебѣ учинить помѣстные $\overrightarrow{\text{ѧК}}$ (было сначала «$\overrightarrow{\text{ѧЛТ}}$», но затѣмъ зачеркнуто и замѣнено «$\overrightarrow{\text{ѧК}}$») четьи, денегъ $\overrightarrow{\text{Т}}$ (сначала стояло «$\overrightarrow{\text{РО}}$») рублевъ, и тѣ денги триста рублевъ пожаловалъ государь, велѣлъ тебѣ выдать». Въ справкѣ такъ сводятся итоги полученнаго Шляковымъ жалованья: «И всего дано государева жалованья князю Лву за подначалство, и за крещеніе, и какъ видѣлъ государевы очи, опричь того, что къ нему послано къ крещенью, какъ онъ вышелъ изъ купели, и что дано при государѣ кубка, и стопы, и братины, и ковша, на $\overrightarrow{\text{ХѲ}}$ рублевъ на $\overrightarrow{\text{КА}}$ алтынъ съ полденгою. Да ему жъ учиненъ помѣстной окладъ $\overrightarrow{\text{ѧК}}$ четвертей, денегъ $\overrightarrow{\text{Т}}$ рублевъ».

приходѣ Введенія, бывшій Печатный дворъ, и назначили поденное содержаніе по два рубли на день. «Царю Государю Михаилу Ѳедоровичу, взмолился (6 мая) Шляковъ, холопъ твой Левка Шляковъ графъ Чешской челомъ бьетъ. Пожаловалъ меня, государь, дворомъ у Введенія Пречистыя Богородицы Златоверхово, что̀ былъ Печатный дворъ. И тотъ дворъ раззоренъ, ни каменнаго, ни деревяннаго строенья на немъ нѣтъ, кромѣ подземныхъ деревянныхъ хоромъ, въ которыхъ книги печатали, и въ нихъ жить невозможно, потому что дѣланы не житецкимъ обычаемъ. А мнѣ, холопу твоему, строиться нечѣмъ и взять негдѣ, помимо твоей государевой милости и жалованья». Къ челобитью о деньгахъ на дворовое строенье онъ присоединилъ просьбу о загородномъ дворѣ на огородѣ боярина князя Юрія Сулешева, «для домашнихъ нужныхъ потребъ». Наведенная справка показала, что знатнымъ лицамъ, принимавшимъ Православіе, выдавали прежде на домъ по нѣскольку сотъ рублей; и Шлякову опредѣлено (7 мая) выдать 300 рублей. Печатный дворъ онъ, кажется, и приспособилъ; по крайней мѣрѣ, его домъ мы потомъ видимъ на этомъ именно мѣстѣ [1], близь Ильинскаго крестца, въ приходѣ Введенія, у Гостинаго двора.

Князь не былъ доволенъ также и поденнымъ кормомъ. Онъ печаловался: «Идетъ мнѣ, государь, жалованья поденнаго корму съ людишками моими на мѣсяцъ по 60 рублей; надѣясь на твою милость, взялъ къ себѣ людишекъ еще, и тѣмъ моимъ жалованьемъ кормиться нечѣмъ. Вели, государь, пожаловать на тѣхъ людишекъ моихъ денежнаго поденнаго корму». Ежедневнаго содержанія онъ получалъ собственно 60 рублей въ мѣсяцъ, да конскаго корму на двѣ лошади, подводу дровъ на два дни, достаточное питье; прислуги считалось у него семь человѣкъ. Просьба его уважена (10 мая): «на мѣсяцъ ему, сказано въ указѣ, по девяносто рублей, то ему и съ женой, какъ женится, и съ людьми, сколько у него ихъ будетъ»; конскаго корму опредѣлено на 10 лошадей, дровъ по 10 возовъ на недѣлю, на свѣчи по 4 деньги въ день, питье попрежнему.

---

[1] Снегиревъ, Памятники московской древности. М. 1842—1845, ч. IV. стр. LXII; Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, III, 270.

Не безъ причины въ послѣднемъ указѣ вставлено: «и съ женой, какъ женится». Князь Шляковъ считался женихомъ знатной невѣсты, и это объясняетъ, почему такъ легко исполнялись всѣ его челобитныя: не одно происхожденіе его было здѣсь причиной, а и могущественное вліяніе его будущей родни. Съ неудовольствіемъ видя, что Ирина Михайловна предполагалась въ замужество за одного иноземнаго графа, для чего были отправлены два посольства изъ Москвы въ Данію, Шляковъ, по свидѣтельству Олеарія, «наконецъ помирился на томъ, что ему дали въ жены дочь одного знатнаго и богатаго боярина». Это была Марѳа Васильевна Шереметева, единственная дочь бывшаго нижегородскаго воеводы Василія Петровича, любимаго племянника самаго вліятельнаго тогда при дворѣ вельможи, чуть не временщика, ближняго боярина Ѳедора Ивановича Шереметева [1]. Не имѣя собственной незамужней дочери, Ѳедоръ Ивановичъ ограничился только званіемъ крестнаго отца и женилъ крестника на своей двоюродной внучкѣ. Съ другой стороны, еслибы Михаилъ Ѳедоровичъ еще не питалъ тогда надежды выдать свою дочь за датскаго «графа-королевича» Вальдемара, кто знаетъ, какая участь могла бы ожидать перекрестившагося «графа-князя» Матіаса? При нашемъ дворѣ слишкомъ были увлечены тогда желаніемъ родниться съ «знатными» иноземцами. Свадебные расходы Шлякова опять производились при помощи казны.

Вскорѣ онъ получилъ служебное назначеніе и долженъ былъ (въ 1644 г.) отправиться въ Свіяжскъ, а по возвращеніи оттуда опредѣленъ воеводой (весной 1646 года) въ отдаленный Алатырь, для охраненія границы отъ набѣговъ Крымцевъ. Служба эта не могла быть продолжительною.

Еще до своего отъѣзда въ Свіяжскъ онъ постолкнулся съ Вальдемаромъ, прибывшимъ въ Москву въ качествѣ жениха Ирины Михайловны. Ведя сношенія съ чиновниками шведскаго короля, врага Даніи, онъ постарался еще разоблачить предъ русскими властями попытку Вальдемара къ тайному побѣгу изъ Москвы, какъ ни желалъ

---

[1] О нихъ у Барсукова, Родъ Шереметевыхъ, II—III, и въ нашей статьѣ: «Московскіе бояре въ XVI и XVII вѣкахъ», Моск. Вѣд. 1884, №№ 33 и 34.

королевичъ скрыть ее [1]. Щадить датскому королю Шлякова послѣ того не было побужденій. Около этого времени Христіанъ IV узналъ, что Шляковъ лукаво злоупотребилъ его довѣріемъ, что онъ, ничего не имѣя общаго съ родомъ графовъ Шликъ, былъ лишь подчиненнымъ польскаго графа Каспера фонъ-Денгофъ (nur ein Untersass des Graffen Casper von Dehnhoff in Polen gewesen). И при другихъ обстоятельствахъ самозванство Шлякова не могло пройти ему даромъ, а теперь и подавно: по возвращеніи Вальдемара въ Данію, въ Москвѣ получается отъ Христіана увѣдомленіе о продѣлкѣ; Христіанъ извинялся за свое прежнее ходатайство, обманомъ выпрошенное у него.

Нечего и объяснять, какое впечатлѣніе могла произвести такая вѣсть. За стараніе породниться съ именитыми иностранцами нашъ дворъ платился тогда слишкомъ тяжело. Впрочемъ, по словамъ Олеарія, «хотя царскому величеству крайне было непріятно, что все это такъ случилось, но онъ не захотѣлъ уже лишать милости, разъ имъ данной, почему оставилъ Шлику княжеское достоинство и мѣсячное жалованье, и только довольно рѣзко выговорена ему вся его продѣлка и доказано, что онъ ложно выдавалъ себя за графа фонъ-Шликъ». Олеарій, писавшій о послѣднемъ по слухамъ, издалека, естественно нѣсколько ошибся здѣсь. Открытіе обмана, какъ можно заключить изъ архивныхъ документовъ, случилось весной 1647 года, то-есть уже послѣ смерти Михаила Ѳедоровича († 12 іюля 1645 года), при его сынѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, который сначала отнесся къ этому съ должною строгостію: виновный былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь и его имя написано безъ «вича».

Отвернулся отъ Шлякова и его крестный отецъ, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ. Осенью 1644 года, когда въ Москвѣ еще ничего не знали о самозванствѣ мужа его внуки, Маріы Васильевны, урожденной Шереметевой, онъ, въ составленномъ имъ тогда духовномъ завѣщаніи, написалъ: «Да крестнику моему князю Льву Александровичу Шлякову-Чешскому дать вотчину мою, въ Коломенскомъ уѣздѣ, деревню Ивановскую, Кобяково тожь, съ деревнями и пустошами. А буде князя Льва Александровича судомъ Божіимъ не станетъ бездѣтна, и та

[1] См. ниже, VI гл.

вотчина внукѣ моей, а его князь Львовѣ княгинѣ Маѳѣ Васильевнѣ; а буде внуки моей не станетъ бездѣтной, и та моя вотчина брату ея, Петру Васильевичу Шереметеву». Затѣмъ, узнавъ о виновности Шлякова, завѣщатель лишилъ его предназначенной вотчины: изустною памятью 1649 года, составленной въ отмѣну нѣкоторыхъ статей духовнаго завѣщанія, Кобяково было отказано внуку Никитѣ Ивановичу Шереметеву. [1] О женѣ Шлякова, Маѳѣ Васильевнѣ, въ изустной памяти не упомянуто ни словомъ: позоръ изобличенія ея мужа въ самозванствѣ едва ли не сократилъ ея дни.

Но смерть ея случилась не тотчасъ послѣ раскрытія обмана. Когда Шлякова сослали въ Соловки, то ей, «князь Львовой женѣ Шляковскаго княжнѣ Маѳѣ», было опредѣлено (13 мая 1647 года) продолжать выдачу (съ 9 мая) поденнаго корма и питья, противъ прежняго жалованья ея мужу въ половину. Въ 1648 онъ былъ «взятъ изъ Соловецкаго монастыря къ Москвѣ», и отъ него снова посыпались челобитныя, что онъ «съ женишкою и людишками помираетъ съ голоду, пить и ѣсть нечего». Жалованье ему дано, но половинное [2]. Недолго спустя онъ поднимаетъ дѣло о «вичѣ».

---

[1] О духовномъ завѣщаніи и изустной памяти у Барсукова, III, 251—252 509, 512.

[2] Замѣтимъ кстати, что лишь изъ челобитной Шлякова въ сентябрѣ 1648 года о возвращеніи ему прежняго жалованья и изъ справки по ея поводу и видно, что онъ былъ въ ссылкѣ въ Соловкахъ: самаго слѣдствія въ архивныхъ дѣлахъ не сохранилось, какъ нѣтъ въ нихъ и упоминанія о причинѣ ссылки. Въ своей челобитной Шляковъ выражается глухо: «какъ взятъ изъ Соловецкаго монастыря къ Москвѣ»; въ справкѣ по ея поводу писалось: «А какъ въ прошломъ во ρ҃нѳ-мъ году по государеву указу былъ онъ, князь Левъ, въ ссылкѣ и послѣ ево велѣно давать государево жалованье, поденный кормъ и питье, ево князь Львовой женѣ, противъ мужа ее князь Львовы дачи во всемъ въ полы, и съ вичемъ не написанъ; а какъ государь пожаловалъ, велѣлъ ево, князь Лва, изъ ссылки взять къ Москвѣ, и ево князь Львова о справкѣ поденнаго корму и питья челобитья въ Посольскомъ приказѣ не бывало» и т. д. Еслибы не записалъ о винѣ Шлякова Олеарій, то эти мимолетныя и случайно оставшіяся неопредѣленныя архивныя указанія были бы не понятны: повидимому, по документамъ прошла чья-то рука, заинтересованная въ скрытіи самозванства виновника, оставивъ въ большомъ количествѣ листы, гдѣ говорится о наградахъ Шлякову и объ его «графскомъ» и «княжескомъ» достоинствѣ.

Осенью 1649 года онъ жаловался на Данилу Ивановича Траханіотова, что этотъ предъ тѣмъ искалъ на него въ Посольскомъ приказѣ и писалъ его безъ «вича», между тѣмъ какъ государь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ его «вичемъ», о чемъ де, надо полагать, есть вѣдомость и въ Посольскомъ приказѣ. Справились и нашли, что въ 1646 году поденный кормъ и питье было ему писано съ «вичемъ», а съ отсылки въ Соловки до 13 января 1649 года писано его имя безъ «вича», а съ того времени начали писать его попрежнему. Окончанія дѣла нѣтъ, но не трудно догадаться о немъ.

Мало-по-малу положеніе Шлякова повозстановилось, не смотря на то, что, не обладая никакими особенными качествами, онъ нигдѣ не могъ доказать своего значенія. Чаще потомъ упоминается о домѣ, чѣмъ объ его хозяинѣ: домомъ его иногда пользовались для помѣщенія иностранныхъ пословъ, и каждый разъ съ производствомъ на казенный счетъ значительныхъ поправокъ [1]. Впослѣдствіи сдѣлана была оффиціальная выписка [2] о выѣхавшихъ въ Россію и принявшихъ Православіе знатныхъ иноземцахъ. Среди немногихъ означенныхъ въ ней лицъ приведенъ выѣхавшій изъ «Дацкіе земли датцкаго Кристіануса короля графъ Матьясъ Шляковской», «во крещеніи князь Левъ».

Вся исторія князя Шлякова, принесшая участникамъ такъ много непріятностей, была основана на томъ, что въ дѣло обрусѣнія замѣшалась излишняя почтительность къ иноземному титулу. Естественнѣе шло дѣло, когда въ иноземцѣ цѣнили его заслуги, пригодность и дѣйствительныя достоинства. Тогда не было надобности поступаться народнымъ самолюбіемъ и жертвовать своею честью. Въ этомъ отношеніи весьма любопытна исторія извѣстнаго полковника Александра Лесли [3].

---

[1] Памятн. диплом. сношен. др. Россіи съ держ. иностранными, III, 271—272, 295, 333—334.

[2] Хранится въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., Выѣзды въ Россію 1619—1696 г. № 1, 1637—1646 г. № 3, и издана въ Русск. Историч. Библіотекѣ, VIII, № 10, XXXII; всѣ остальные указанные выше архивные документы не были извѣстны въ печати.

[3] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію 1630 года, №№ 1, 2, 3, 4;

Шотландецъ родомъ, онъ перебывалъ на службѣ въ нѣсколькихъ иноземныхъ арміяхъ и нѣсколько разъ былъ и служилъ въ Россіи, пока, послѣ третьяго пріѣзда къ намъ, не увидѣлъ болѣе удобнымъ для себя принять Православіе и навсегда остаться въ Россіи. Первый разъ онъ попалъ сюда плѣннымъ. Захваченный русскими войсками подъ Смоленскомъ, онъ вмѣстѣ съ женою приведенъ былъ въ Москву и посаженъ въ тюрьму, откуда выручили его Нѣмцы, сдавшіе намъ крѣпость Бѣлую; капитаномъ у нихъ былъ Ирландецъ. Лесли служилъ послѣ того съ ними и получалъ мѣсячнаго жалованья по 10 рублей. Когда королевичъ Владиславъ подступилъ къ Москвѣ, его отослали въ Свіяжскъ и отпустили въ Литву уже при размѣнѣ плѣнныхъ. Дослужившись затѣмъ въ Швеціи до чина полковника, Лесли, по порученію Густава Адольфа, ѣздилъ въ Англію и Шотландію для найма военныхъ людей и былъ надъ ними начальникомъ. Густавъ видимо довѣрялъ ему и задумалъ воспользоваться имъ какъ бы своимъ военнымъ агентомъ въ сосѣдней Россіи. Собираясь принять участіе въ Тридцатилѣтней войнѣ въ качествѣ союзника протестантской уніи противъ католической лиги и ея главы, австрійскаго императора Фердинанда II, этотъ знаменитый шведскій король, несмотря на заключенное съ Польшей перемиріе, чтобы шире развить свои дѣйствія, старался связать послѣднюю при помощи Москвы, у которой тоже тянулись съ нею свои прежніе счеты. Густавъ охотно снабжалъ Россію такими офицерами, которые поддерживали бы русское правительство въ мысли объ успѣхѣ открытой войны съ Польшей. При такихъ обстоятельствахъ легко было Лесли перебраться тогда къ намъ со шведской службы.

1631 г. №№ 2, 3, 6, 7, 8, 11; 1651 г. № 3; Приказныя дѣла, свит. 41, № 28, св. 45, №№ 46, 47, св. 49, № 46; св. 51, №№ 1, 11; св. 56, № 67; Англійскія дѣла 1637 г. № 3, Шведскія дѣла, 1647 г.; Москов. Архивъ Мин. Юстиціи, Столбцы Новгородскаго Стола, № общ. 7.890, № частн. 142. Собр. г. гр. и дог., II, №№ 81—88, 104; прибавл. къ III т. Дворцов. разрядовъ, столб. 73; Русск. Историч. Библ., VIII, 130, 262—263, X, 518; Olearius, изд. 1656, 286—287, 319, пер. 318—320; Gordon, I, 323; Да-Чеседа, Извѣстія о Московіи... въ 1657 г., Отеч. Зап. 1829, XXXVII, 247 (по ошибкѣ онъ называетъ Лесли Весселемъ). Подробности см. въ наш. изслѣдов. «Обрусѣніе иноземцевъ-протестантовъ въ Московскомъ государствѣ». М. 1886, 36—56.

Такъ какъ иноземцы, жившіе въ Россіи, часто возвращались въ нее или на болѣе продолжительный срокъ, или же и навсегда и при возвращеніи нерѣдко влекли съ собою вереницу родичей или знакомыхъ, то это же самое случилось и съ Лесли. Онъ прибылъ съ шестью слугами, въ сопровожденіи двухъ капитановъ, трехъ поручиковъ (одинъ изъ нихъ былъ Шведъ, ѣхавшій съ женой и съ человѣкомъ), прапорщика, писаря изъ Австрійцевъ, пушечнаго мастера Голландца Юлія Коэта и Евфима Фимбранта, умѣвшаго дѣлать атласы, бархаты и кружева.

Всѣхъ ихъ на казенномъ содержаніи доставили (1 февр. 1630 г.) въ Москву. Продолжая выдачу имъ содержанія, приказы распорядились о назначеніи имъ жалованья за выѣздъ. О послѣднемъ объявлено было при представленіи (6 февр.) знатныхъ изъ нихъ государю. Во дворецъ ввели ихъ Архангельскою и Благовѣщенскою папертями изъ Посольскаго приказа, куда они первоначально были собраны. Государь спросилъ ихъ о здоровьи и допустилъ къ рукѣ. Лесли получилъ золоченый кубокъ, серебряную братину, куски бархату, камки и сукна, сорокъ куницъ, сорокъ соболей, черную лисицу, сто рублей денегъ, аргамака и мерина; остальные были награждены, смотря по чину или роду занятій: сверхъ вещей, отъ 35 до 20 рублей деньгами. Вскорѣ опредѣлено и годовое жалованье. Лесли назначено (1 марта) сто рублей въ мѣсяцъ, вообще за все: «за поденный за всякій кормъ, и за дрова, и людямъ его, и лошадямъ, и на дворовое строенье».

Благополучное устройство Лесли побудило поторопиться съ своимъ переселеніемъ въ Россію его семью, которая двинулась еще съ бо́льшимъ количествомъ спутниковъ. Пріѣздъ ихъ обставили у насъ возможными удобствами. Едва новгородскій воевода, князь Д. М. Пожарскій, увѣдомилъ Посольскій приказъ, что къ рубежу пріѣхала жена полковника Александра Лесли съ сыномъ, отцомъ, капитанами, поручиками и людьми, всѣхъ ихъ 62 человѣка, немедленно былъ отправленъ (6 авг. 1630 г.) царскій приказъ о пропускѣ и доставленіи ихъ въ Москву на казенномъ иждивеніи. Жену Лесли звали Анной Виггерсинъ, сына Густавомъ, при ней были двѣ родственницы, дѣвицы Регина Крафертинъ и Екатерина Фингинъ, и слуги; отецъ ея, поручикъ Товія Виггерсинъ или Унзинъ, ѣхалъ съ женой Вельпургіей Шультинъ, родомъ изъ

Цесаревой области; офицеры, нѣкоторые также съ женами и слугами, направлялись на государеву службу. По дорогѣ, на устьѣ Волхова, случилась задержка: жена Лесли разрѣшилась отъ бремени вторымъ сыномъ. Въ Москвѣ всѣмъ служилымъ иноземцамъ назначили за пріѣздъ жалованье, одинаковое съ тѣмъ, какое выдано прибывшимъ съ самимъ Лесли; не обойдены были и жены, и слуги. 24 октября служилые люди удостоились представленія государю въ Золотой подписной палатѣ, гдѣ они были спрошены государемъ о здоровьи, и думнымъ дьякомъ Ѳ. Лихачевымъ сказано имъ и всѣмъ пріѣхавшимъ съ ними государево жалованье: жена Лесли получила камку куфтерь, широкую тафту, сукно лундышь и сорокъ соболей. Лесли и его тесть, Виггерсинъ, вскорѣ обратились къ государю съ челобитьемъ о назначеніи постояннаго помѣсячнаго содержанія ихъ семьямъ и слугамъ: просьба была удовлетворена.

Нововыѣзжему полковнику много помогала представленная имъ грамота Густава Адольфа, которою король усиленно рекомендовалъ его Михаилу Ѳедоровичу на службу. Съ своей стороны, Лесли не скупился на важныя сообщенія политическаго характера. Вмѣстѣ съ оповѣщеніемъ о нѣкоторыхъ условіяхъ перемирія между Густавомъ и Сигизмундомъ, онъ утверждалъ, что шведскій король готовится идти на цесаревыхъ людей и на цесаря, и помогать ему хотятъ англійскій и французскій короли, Голландскіе Штаты и великіе владѣтели, а цесарь-де испанскій, папа римскій и польскій король умыслили потѣснить всѣхъ королей лютеранской и кальвинской вѣры и вѣру поломать и разорить до конца, и еслибъ государь началъ съ польскимъ королемъ хотя малую войну, то шведскій король съ литовскимъ никакъ бы не мирился, и теперь, буде понадобится, готовъ отпускать государю и людей, и оружіе.

Указанія Лесли, клонившіяся къ тому, чтобы убѣдить нашихъ въ удобности момента возобновить открытую борьбу съ Польшей [1], не могли не нравиться нашей военной партіи, какъ равно и то, что самъ онъ занимался прежде вербованіемъ иноземныхъ военныхъ

[1] О взаимныхъ отношеніяхъ между Россіей и Польшей въ ту пору см. у Соловьева, IX, гл. IV.

отрядовъ. Отсутствіе прямыхъ внѣшнихъ союзниковъ и недостачу въ военномъ искусствѣ московской рати наши, подстрекаемые заманчивыми внушеніями иноземцевъ, надѣялись съ удобствомъ возмѣстить наемными чужеземными полками. Естественно, что Лесли скоро добивается порученія набрать за границей надобную часть войска. Когда въ Приказѣ прочли ему наказныя о томъ статьи, онъ сдѣлалъ на нихъ свои возраженія и дополненія, выговаривая возможно больше полномочій для себя и льготъ для вербуемыхъ; жалованья себѣ выпросилъ до 150 рублей въ мѣсяцъ. Его желанія были приняты (30 декабря) во вниманіе, и наказъ (25 января 1631 года) былъ составленъ въ духѣ большей части его заявленій. Лесли уполномочивался нанять пять тысячъ добрыхъ солдатъ съ двумя или тремя полковниками и потребнымъ числомъ капитановъ; солдаты могутъ быть природные Шведы и иные, только не Французы; Французовъ и всѣхъ, которые римской вѣры, однолично отнюдь не нанимать. Съ полковниками и капитанами Лесли долженъ былъ заключить письменныя условія и ихъ, какъ и солдатъ, «привести къ вѣрѣ по ихъ закону» служить царю Михаилу Ѳедоровичу всею правдой, честно стоять и биться противъ его недруга, польскаго короля.

Порученіе исполнилъ Лесли довольно успѣшно. По сѣверной Германіи имъ нанято три полка, которые прибыли, правда, неполностью. Въ декабрѣ 1631 и началѣ января 1632 года тесть Лесли, возведенный въ полковники, увѣдомлялъ, что къ Москвѣ двигаются во всѣхъ трехъ полкахъ здоровыхъ людей 2.192 человѣка, больныхъ отстало 771 человѣкъ; самъ Лесли сообщилъ (4 января 1632 года), что онъ оставилъ за границей одного изъ трехъ нанятыхъ имъ полковниковъ, Дугласа, для добора недостающихъ солдатъ, и лишь по прибытіи весной послѣдняго можетъ дать полный отчетъ во всѣхъ истраченныхъ деньгахъ. Двое полковниковъ, пріѣхавшихъ со своими полками, были Гансъ Фридрихъ Фуксъ фонъ-Стразбургъ и Яковъ Карлъ фонъ-Хареслебенъ; третій полкъ, бо́льшій, принадлежалъ самому Лесли. Жалованья ему стали (съ мая) давать ежемѣсячно по 250 рублей полковничьяго и 75 рублей капитанскаго.

Партіямъ иноземнаго войска дѣлали въ Москвѣ повѣрку, съ обращеніемъ вниманія также и на вѣроисповѣданіе: католиковъ,

вознаградивъ за проѣздъ, съ надежными проводниками немедленно выпроваживали обратно, между тѣмъ какъ протестанты не только оставлялись, но допущено было и то, что въ ихъ полкахъ находились свои пасторы, нанятые на казенное жалованье.

Лесли съ товарищами устраивалъ своимъ полкамъ различныя экзерциціи, и русскіе воеводы наблюдали и старались примѣнять къ своимъ полкамъ. Къ концу лѣта 1632 года войска, подъ начальствомъ Шеина, начали надвигаться къ западной границѣ, чтобъ отомстить польско-литовскому королю и возвратить города и области, отданные Польшѣ и Литвѣ [1]. Разсчетъ на иноземцевъ оказался на дѣлѣ неосновательнымъ, между прочимъ благодаря выговоренному для нихъ Лесли условію судиться по своимъ обычаямъ и законамъ, что̀ открывало имъ просторъ къ безнаказаннымъ своевольствамъ и ограничивало надъ ними власть русскихъ воеводъ. Въ оправданіе своего несчастія Шеинъ писалъ государю, что Нѣмцы многіе измѣнили, пошли къ королю или померли на дорогѣ, и что онъ не знаетъ даже, сколько такихъ лицъ, потому что воеводы понапрасну нѣсколько дней просили у нѣмецкихъ полковниковъ росписей ихъ людямъ: полковники росписей не дали. Самъ Лесли подчасъ не зналъ удержу въ отношеніяхъ ни къ товарищамъ, ни къ Шеину [2].

Неудача подъ Смоленскомъ создала Лесли щекотливое положеніе въ Москвѣ; значительныя средства, пріобрѣтенныя имъ при наймѣ и на войнѣ, сулили ему благополучіе за границей, и вотъ, по заключеніи Поляновскаго мира съ Польшей, мы видимъ его опять въ Швеціи, гдѣ онъ получаетъ чинъ генерала. Изъ приведенныхъ имъ военныхъ отрядовъ только небольшая часть могла остаться на русской службѣ.

Но жизнь въ Россіи сдѣлалась, повидимому, его завѣтною мечтой. При Алексѣѣ Михайловичѣ онъ возвращается снова, примкнувъ

---

[1] Объ участіи Лесли въ этомъ походѣ и въ организаціи его см. также Н. Е. Бранденбурга Очерки состоянія военнаго дѣла на Руси въ полов. XVII вѣка, Военн. Сборн. 1869, №№ 4 и 9.

[2] О самовольной расправѣ его съ полковн. Сандерсономъ и неподчиненіи суду Шеина см. выше, стр. 290—291.

къ шведскому посольству, главой котораго былъ баронъ Эрихъ Гюльленширнъ [1]. Къ его предложенію принять его на службу у насъ отнеслись одобрительно: память о неудачѣ, очевидно, поизгладилась; о немъ помнили только, какъ о смѣломъ и предпріимчивомъ полковникѣ, и въ его личности усмотрѣли удобнаго инструктора. Войны тогда не затѣвалось, а безъ необходимости наши, испытывая большое безденежье, платить значительнаго жалованья не хотѣли, и Лесли просилъ вознаградить его помѣстьемъ; на это согласились, и ему было дано на Волгѣ хорошее имѣнье съ крестьянами. Принятъ онъ былъ съ званіемъ полковника. Уладивъ такъ свои дѣла, Лесли вызвалъ семью. Неизвѣстно, съ какимъ количествомъ родственницъ и слугъ явилась теперь его жена: въ виду удобства жизни, едва ли не съ бо́льшимъ, чѣмъ прежде; второй сынъ Лесли, Александръ, пріѣхалъ нѣсколько лѣтъ спустя (1651) и поступилъ на русскую службу.

Семья съ иноземными слугами поселилась въ помѣстьи. Вскорѣ въ формѣ, крайне рѣзкой, повторилось опять весьма печальное явленіе, указывающее, почему у насъ, даже и при безденежьи, такъ неохотно надѣляли служилыхъ иноземцевъ имѣньями и запрещали русскимъ наниматься въ услуженіе къ иноземцамъ. Полковничиха показала себя черечуръ уже «умною и точною домоправительницей», какъ старался объяснить ея дѣйствія ея соплеменникъ и единовѣрецъ Олеарій, смотрѣвшій на православно-русскіе интересы съ своей нѣмецко-протестантской точки зрѣнія. Она, какъ уже знаемъ, обложила крестьянъ необычными и непосильными работами, такъ что имъ нельзя

---

[1] Теперь онъ пріѣхалъ въ качествѣ истца своихъ прежнихъ долговъ на московскомъ правительствѣ. Но этотъ искъ не доданнаго ему будто бы жалованья едва ли не былъ благовиднымъ только предлогомъ скрыть отъ Шведовъ о намѣреніи остаться на службѣ въ Россіи. По крайней мѣрѣ, когда послы представили нашимъ боярамъ о денежныхъ взысканіяхъ Лесли, то получили въ отвѣтъ, что Лесли подалъ челобитную о принятіи его на государеву службу и въ челобитьѣ ничего не пишетъ о томъ. М. Гл. Архивъ М. И. Д., Шведскія дѣла, 1647 г.: «Пріѣздъ въ Москву шведскихъ пословъ Арика Гулденштерна... съ товарищи съ поздравленіемъ о вступленіи на престолъ п. Алексѣя Михайловича... и о жалобахъ... генерала Александра Леслія».

было по утрамъ совершать дома утреннія молитвы, а по праздникамъ ходить въ церковь, заставляла въ постные дни ѣсть скоромное, подвергала тяжкимъ побоямъ и даже однажды побросала въ топившуюся печь и сожгла русскія иконы. Такое безчинie и изувѣрство лютеранки-помѣщицы не могли пройти даромъ. Крѣпостные отказались повиноваться, не хотѣли болѣе служить ей. Лесли съ его семьей и дворовыми людьми потребовали въ Москву на слѣдствіе; начались допросы. Не отрицая того, что держала бабъ за работою строго, полковничиха въ своихъ показаніяхъ отрицала всѣ другія вины, оправдываясь тѣмъ, что бабы взводятъ ихъ на нее въ отместку за тяжелыя работы; нѣкоторые изъ иноземныхъ ея слугъ старались также выгородить свою госпожу; но крестьянки готовы были подтвердить свои обвиненія пыткой. Молва о злоупотребленіяхъ полковничихи подняла въ Москвѣ народныя массы, которыя вымѣстили свое негодованіе на киркахъ Ново-Иноземской Слободы. Въ дѣло вступился патріархъ: онъ представилъ государю о необходимости отобрать у иноземцевъ помѣстья и на будущее время никому изъ нихъ не давать таковыхъ, дабы тѣмъ предупредить возможность подобнаго обращенія иновѣрцевъ съ православными на ихъ родинѣ, и чтобы православное богослуженіе было ограждено отъ поруганія. Представленіе патріарха усиленно поддерживали своими ходатайствами и бояре. Ходатайства послѣднихъ Олеарій объясняетъ ихъ своекорыстными цѣлями, тѣмъ, что они «давно уже жадно потирали свои руки на благоустроенныя имѣнія Нѣмцевъ». Но печальный фактъ былъ слишкомъ внушителенъ, чтобы надобились еще эгоистическія цѣли; къ тому же, самъ Олеарій передаетъ, что бояре не взяли себѣ имѣнія Лесли. Состоялось повелѣніе объ отобраніи у Лесли помѣстья на томъ основаніи, что онъ—не православный и что на будущее время могли владѣть имѣніями одни Русскіе.

Мѣра сильно подѣйствовала на разсчетливаго Лесли. Онъ заявилъ готовность сдѣлаться со всею своею семьей Русскимъ, то-есть принять Православіе, лишь бы не лишали его помѣстья. Вина его и его жены тотчасъ была забыта, такъ какъ понимали, что причиной ея, послѣ стремленія къ наживѣ, было главнымъ образомъ ихъ иновѣріе. Заявленіе Лесли было принято благосклонно и патріархомъ, и при

дворѣ. По обычаю, обращающіеся были подвергнуты шестинедѣльному искусу въ монастырѣ, гдѣ ихъ наставляли въ основныхъ правилахъ вѣры, и затѣмъ совершили надъ ними крещеніе; Лесли былъ названъ Авраамомъ, его жена Евдокіей. Воспріемникомъ былъ тесть государя, бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій, подарившій новокрещаемымъ богатыя одежды. Государева жалованья за обращеніе они получили до 3.000 рублей [1].

Между тѣмъ крестьяне, такъ много потерпѣвшіе прежде отъ Лесли, когда узнали, что ихъ господа въ монастырѣ и что имъ грозитъ опасность снова подвергнуться ихъ игу, обратились съ челобитьемъ не отдавать ихъ болѣе Лесли, заявляя, что они готовы служить какому угодно другому владѣльцу, кого ни назначитъ государь. Случилось, что это совпало съ надобностью удовлетворить новообращеннаго изъ католичества, магистра богословія, Француза Антонія де-Грона [2], незадолго до того пріѣхавшаго (1 сентября 1651

[1] Таковыя данныя объ этомъ по крайней мѣрѣ сообщаетъ Олеарій. Изъ архивныхъ документовъ видно, что собственно жена Лесли получила на 100 рублей. «Въ Иноземскомъ приказѣ въ примѣрной росписи $\overrightarrow{\rho\varsigma}$к-го году написано: Полковника Аврамовѣ женѣ Лесли Евдокеѣ дано государева жалованья для крещенія Православные христіанскіе вѣры: опашень багрецовой, пугвицы серебрены въ ... (истлѣло) рублевъ, лѣтникъ камчатъ въ $\overrightarrow{\text{к}}$ рублевъ, лѣтникъ другой дорогиленъ въ $\overrightarrow{\text{і}}$ рублевъ, шапка шита золотомъ по атласу въ $\overrightarrow{\text{і}}$ рублевъ, другая шапка отласъ червчатъ въ $\overrightarrow{\text{г}}$ рубли въ ... алтынъ въ $\overrightarrow{\text{к}}$ денги, шуба дорогильная на бѣлкахъ въ $\overrightarrow{\text{н}}$ рублевъ, шуба киндяшная въ $\overrightarrow{\text{к}}$ рубли въ $\overrightarrow{\text{кд}}$ алтына въ $\overrightarrow{\text{к}}$ денги, волосникъ въ $\overrightarrow{\text{г}}$ рубли, подъ-убрусникъ въ $\overrightarrow{\text{г}}$ алтынъ въ $\overrightarrow{\text{д}}$ денги, подзатыльникъ въ $\overrightarrow{\text{г}}$ алтына въ $\overrightarrow{\text{к}}$ денги, $\overrightarrow{\text{к}}$ рубашки, одна въ $\overrightarrow{\text{л}}$ алтынъ, другая въ ... алтынъ, $\overrightarrow{\text{к}}$ и сапоги сафьянные въ рубль, чюлки въ $\overrightarrow{\text{г}}$ алтына въ $\overrightarrow{\text{к}}$ денги, денегъ изъ Большого приходу $\overrightarrow{\text{к}}$ рублевъ; и всего полковника Аврамовѣ женѣ Лесли Евдокеѣ дано государева жалованья на $\overrightarrow{\rho}$ рублевъ; а иныхъ дачь полковниковымъ женамъ за крещеніе въ Иноземскомъ приказѣ не сыскано». Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, Столбецъ Московскаго стола № общ. 606, № частн. 1, справка въ Дѣлѣ 1681 года о крещеніи жены полковника Тура. — Нельзя не пожалѣть, что остальные документы о крещеніи Лесли въ Архивахъ не сохранились.

[2] Документы объ его прибытіи и отчасти о крещеніи находятся въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію, сентябрь 1651—іюнь 1652 года, № 12: «Пріѣздъ въ Россію Француза Яна де-Грона и брата его Карла». Ср. тамъ же, 1652, № 5; 1619 — 1696, № 4, стр. 115 — 120, 266; Малороссійскія дѣла 1690 г., генв. 4, св. 81.

года) къ намъ, какъ онъ объяснялъ, съ цѣлью креститься въ греческій законъ и навсегда остаться въ русскомъ подданствѣ. Узнавъ о челобитьѣ крестьянъ, де-Гронъ добивался получить это помѣстье, которое и было передано ему, а Лесли уговорили, во избѣжаніе мести ему со стороны крестьянъ, добровольно отказаться отъ нихъ. Вмѣсто имѣнія ему положили высокое жалованье, до 180 рублей въ мѣсяцъ; сыну его выдавалось также полковничье жалованье, хотя и менѣе отцовскаго. Вскорѣ затѣмъ Лесли-отца мы видимъ генераломъ: въ этомъ званіи онъ со своимъ «пѣшаго солдатскаго строю» полкомъ помогалъ Алексѣю Михайловичу при осадѣ Риги въ 1656 году и померъ въ 1663 году, участвуя въ новомъ Смоленскомъ походѣ.

При тогдашнемъ складѣ жизни, иноземцы обыкновенно настолько часто заявляли о своей готовности принять Православіе и притомъ въ такомъ количествѣ, что отъ администраціи требовалось не мало заботъ объ ихъ обезпеченіи, почему, благодаря частымъ случаямъ обращенія при одинаковыхъ условіяхъ, уже при Михаилѣ Ѳедоровичѣ начинаетъ въ «государевомъ жалованьи за крещеніе» намѣчаться какъ бы опредѣленная такса. Служилымъ иноземцамъ, явившимся изъ города Бѣлы, дано за крещеніе «первой статьѣ» по 25 рублей, «второй статьѣ» по 20, «третьей статьѣ» по 15 рублей, инымъ по 12, 10, 8 и 5 рублей да по хорошему сукну; одинъ изъ нихъ Алферъ Франзбековъ, во крещеніи (1628 года) Дмитрій, получилъ камку добрую, сукно лундышъ, сорокъ соболей въ 20 рублей и 10 рублей деньгами [1], столько же получилъ его братъ Юрій, въ крещеніи (1629 года) названный Иваномъ. Крестнымъ отцомъ Алферія былъ дьякъ Иванъ Грязевъ, Юрія дьякъ Иванъ Болотниковъ; послѣднему была,

[1] «Во ρ҃ѦS году крещенъ бѣлской служилый Нѣмчинъ Олферъ Франзбековъ, а во крещеньѣ имя ему Дмитреи, и за крещенье государева жалованья ему дано: камка добрая, сукно лундышь, м҃ соболей въ к҃ рублевъ, денегъ і҃ рублевъ. А инымъ бѣлскимъ же служилымъ Нѣмцомъ давано за крещенье жь на платье и за иное государево жалованье деньгами: а҃-ій статьи давано по кє҃ рублевъ, в҃-ій статьи давано по к҃ рублевъ, г҃-ій статьи давано по єі҃ рублевъ. А инымъ давано по кі҃, и по і҃, и по и҃, и по є҃ рублевъ, да по сукну по доброму человѣку». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Датскія дѣла 1633 года, № 3.

по государеву указу, дана изъ Казеннаго двора камка, чтобъ ему подарить крестнаго сына, и велѣно подарить отъ себя крестъ [1]. «Нѣмчину Шкотскія земли» ротмистру Андрею Андрееву Вода, послѣ крещенія (16 ноября 1644 года) Назарію Бодову, было прислано 20 рублей, такой же стоимости сорокъ соболей, въ шесть рублей англійское сукно, камка, двѣ рубашки, двои порты полотняные и два шелковые пояса [2].

Благодаря тому, что контингентъ обращающихся состоялъ по преимуществу изъ военнослужилыхъ иноземцевъ, главнымъ образомъ изъ офицеровъ и солдатъ [3], опредѣленные размѣры «государева жалованья» намѣчаются именно въ этой области, и при Алексѣѣ Михайловичѣ эта норма была очень устойчива. Поручикамъ, напримѣръ, выдавалось первой статьѣ по 25 рублей, второй статьѣ по 20 рублей, третьей статьѣ по 15 рублей, офицерамъ высшихъ чиновъ, капитанамъ, майорамъ и т. д., жалованье шло еще больше. Вознагражденіе же другимъ иноземцамъ постоянно сохраняло случайный характеръ, когда каждому обращаемуся подыскивали сродные единичные примѣры. Московскому кормовому иноземцу Данилѣ Рихтерову, во крещеніи (1644 года) Ивану, была выдана одежда и матерія на нее, именно рубашка, порты, два шелковые пояса, на однорядку 4 аршина англійскаго сукна, на кафтанъ 7 аршинъ цвѣтной камки, на ферязи 4 аршина тафты, на шапку вершокъ матеріи, пухъ и тулея, на штаны аршинъ съ четвертью багрецоваго сукна. Подполковникъ Иванъ Эткинъ, по-русски Матвѣй, крестившійся (1649 г.) съ женой, сыномъ, дочерью и падчерицею, получилъ 60 рублей, жена 30, дѣти по 10 рублей. Московскому иноземцу Андрею Букову, при-

---

[1] Тамъ же, Выѣзды въ Россію 1652 года, № 7.

[2] Тамъ же, Прошенія, дѣла и разныя бумаги на русскомъ языкѣ, отобранныя изъ писемъ на иностранныхъ языкахъ, 1648 года 6 марта: «Дѣло о крещеніи въ Православную вѣру Шотландца Андрея Бодова и даннаго ему за то жалованья»; Выѣзды въ Россію, выписка за 1619—1696 гг., № 4, стр. 308.

[3] М. Архивъ Мин. Юстиціи, Столбцы Новгородскаго стола № общ. 7.775, № частн. 27, № дѣлъ 1; № общ. 7.777, частн. 29, дѣлъ 1; № общ. 7.865, частн. 117, дѣлъ 1; № общ. 7.914, частн. 166, дѣлъ 2; № общ. 7.930, частн. 182, дѣлъ 1; № общ. 7.938, частн. 190, дѣлъ 64; № общ. 8.010, частн. 262, дѣлъ 8.

нявшему (1651 года) крещеніе въ Архангельскѣ, было подарено на Москвѣ 10 аршинъ хорошей камки, 40 соболей въ 20 рублей изъ Казеннаго двора и 20 рублей изъ Большаго приходу; да ему жъ учиненъ помѣстный окладъ 400 четвертей, 15 рублей денегъ и поденное содержаніе по гривнѣ на день [1].

Пособіе на средства къ жизни простиралось и на время послѣ крещенія. Подпрапорщикъ Датчанинъ Монсъ Петерсонъ, по прибытіи въ Москву въ иноземномъ полку Карла фонъ-Хареслебена, нанятомъ полковникомъ Лесли, билъ (въ ноябрѣ 1632 г.) челомъ государю и патріарху, чтобъ они его пожаловали, велѣли взять на свое государево имя и крестить въ Православную христіанскую вѣру. Просьба его была исполнена. Пока онъ находился въ Симоновомъ монастырѣ, состоялось (30 ноября) опредѣленіе, чтобъ ему за крещеніе выдать добрую камку, сукно лундышь и 25 рублей денегъ, за выходъ 30 рублей, а о содержаніи доложить, какъ онъ выйдетъ изъ-подъ на-

---

[1] «Въ прошломъ въ ρϞϚ году крестился въ Православную христіанскую вѣру московской кормовой иноземецъ Данило Рыхтеровъ, а во крещеньѣ ему имя Иванъ, а для крещенья дано ему государева жалованья съ Казеннаго двора: на однорядку сукна аглинского Д аршина по полу-К рубли аршинъ, на кафтанъ З аршинъ камки цвѣтные по К алтынъ аршинъ, на ферези Д аршина тафты по рублю аршинъ, на шапку вершокъ въ К алт., пухъ въ пол-К рубли, тулея подъ шапку въ полтину, на штаны сукна багрецового аршинъ съ четью по полу-К рубли аршинъ, рубашка, порты, К пояса шолковые.

«Въ прошломъ въ ρϞZ году крестился въ Православную христіанскую вѣру подполковникъ Иванъ Эткинъ, а въ крещеньѣ имя ему Матвѣй, съ женой да съ сыномъ, да зъ дочерью, да съ патчерицей. А для крещенья дано имъ государева жалованья: Матвѣю Эткину за подначалство и за крещенье Ѕ рублевъ, женѣ ево А рублевъ, сыну ево и дочери и патчерицѣ по I рублевъ человѣку.

«Въ ρϞΘ году крестился въ Православную христіанскую вѣру у Архангенского города московской иноземецъ Ондрей Буковъ, а государева жалованья за крещенье дано ему на Москвѣ съ Казенного двора камка добрая аршинъ, К соболей въ К рублевъ, изъ Болшого приходу денегъ К рублевъ; да ему жъ учиненъ помѣстной окладъ: Ч четьи, денегъ ЄІ рублевъ, поденного корму велѣно давать по гривнѣ на день». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію 1652 года 18 августа: «Дѣло по памяти изъ Иноземскаго приказу о учиненіи выписки, сколько новокрещеннымъ иностранцамъ давано было за крещеніе жалованья».

чала, а о помѣстьи доложить предъ тѣмъ, какъ ему быть у государевой руки [1]. Крещенъ онъ былъ 22 декабря и названъ Дмитріемъ Петровымъ. Справились затѣмъ, сколько выдавалось военнымъ служилымъ иноземцамъ помѣстнаго оклада, денежнаго жалованья и поденнаго корму и питья, и положили (31 марта 1663) ему, соотвѣтственно военному рангу, 350 четвертей, жалованья онъ получалъ прежде пять рублей въ мѣсяцъ, теперь прибавленъ рубль «для крещенія», питья велѣно выдавать 3 чарки вина, кружку меду, 2 кружки пива и отослать его въ вѣдѣніе Иноземскаго приказа [2]. Перешедшій

---

[1] «Дать за крещеніе Нѣмчину, которой на Симановѣ, камка добрая, сукно лундышъ, ѯє рублевъ денегъ, выходново дать денгами ѧ рублевъ, а о корму доложить тогды, коли изъ-подъ начала выйдутъ, а о помѣстьѣ доложить предъ тѣмъ, какъ Нѣмчину у государевы руки быть». Тамъ же, Датскія дѣла, карт. 9, 1633 года 7 марта: «Дѣло о награжденіи принявшаго крещеніе и россійскую службу Датчанина Монса Петерсона».

[2] Тамъ же. «...Денежнымъ и помѣснымъ окладомъ не верстанъ и о поденномъ ему корму и о питьѣ, почему ему давать на день, не указано-жъ И толко государь и святѣйшіи патріархъ пожалуютъ его, Дмитрея, велятъ его поверстати своимъ государевымъ жалованьемъ денежнымъ и помѣснымъ окладомъ и укажутъ ему давати поденной кормъ и питье, и о томъ выписано на примѣръ: оклады государева жалованья нѣмецкимъ служилымъ людемъ помѣсные и денежные учинены съ пріѣзду: ѧ статьи ротмистромъ помѣсные по ѯ четьи, денегъ по ѱ рублевъ; ѯ статьи ротмистромъ же помѣсные по ѳ четьи, денегъ по ѡ рублевъ; прапорщикомъ ѧ статьи помѣсные по ѵѱ четьи, денегъ по ѧє рублевъ; ѯ статьи прапорщикомъ помѣсные по ѵѱ четьи, денегъ по ѧ рублевъ; а инымъ служилымъ людемъ учинены помѣсные оклады по ѵ и по тѱ и по т четьи; а денегъ по ѯє и по ѯ, и по єѱ рублевъ.

«А поденного корму и питья давано нѣмецкимъ служилымъ людемъ съ пріѣзду: ѧ статьи ротмистромъ давано по ѱ алтынъ по ѯ денги на день, да питья съ кабака по г чарки вина, по ѯ кружки меду, по ѯ кружки пива на день; ѯ-ії статьи давано ротмистромъ же да ѧ-ії статьи прапорщикомъ по г алтына по є денегъ на день человѣку; питья съ кабака по ѯ чарки вина, по кружкѣ пива человѣку на день; а инымъ служилымъ людемъ давано по ѯ алтына да питья, по ѯ чарки вина, по кружкѣ меду, по кружкѣ пива человѣку на день».

Помѣта: «ѮѦ-го марта въ ѯ день государь и святѣйшіи государь патріархъ пожаловали, указали ему давать служилымъ иноземцамъ въ Иноземскомъ приказѣ денежного жалованья ..тѱ четьи, корму предъ прежнимъ прибавить для

(1651) изъ лютеранства Василій Фандергорстъ къ прежнему помѣстному окладу, къ 500 четвертямъ, получилъ за крещеніе еще 200 четвертей, къ 23 рублямъ денежнаго жалованья 50 рублей. Объ этой прибавкѣ объявлено ему на представленіи его къ государю. Крестилъ его князь А. Н. Трубецкой. Когда выдача прибавки почему-то замедлилась, то государь повторилъ (1 іюля 1652 г.) свой указъ [1].

Обратившійся всегда могъ надѣяться, что его не оставятъ не только при серіозныхъ затрудненіяхъ, но и въ обстоятельствахъ, не особенно важныхъ. Иванъ Дорнъ, живя по частнымъ квартирамъ, захотѣлъ обзавестись своимъ домомъ. Хотя онъ получилъ особую сумму за крещеніе, значительное пособіе при женитьбѣ и продолжалъ получать поденный кормъ, однако подъ тѣмъ предлогомъ, что ему не было положено годоваго жалованья, онъ обратился (16 августа 1638 года) къ государю съ просьбой: «Въ прошломъ, государь, 1635 году, крестился я, холопъ твой, въ Православную христіанскую вѣру благочестія ради и для твоей государской милости, и твоимъ государевымъ жалованьемъ, денежнымъ поденнымъ кормомъ и питьемъ, пожалованъ, каковымъ я съ женишкою и людишками питаюся, одежду и обувь изъ него жъ на себя и на людишекъ покупаю, а твоего государева годоваго денежнаго жалованья мнѣ давать не указано, и дворишка за скудостью мнѣ купить нечѣмъ, скитаюся по чужимъ подворьямъ съ великою нуждой и покоя ни малаго отъ немощи своей не имѣю. А которые, государь, иноземцы прежде сего выѣзжали и оставалися на твое государское имя, и тѣмъ даваны на дворовое строенье деньги или отданы на житье опальные дворы. Милосердый государь, пожалуй меня, холопа своего, вели

крещенья на мѣсяцъ рубль, пити давати по г чарки вина, по кружкѣ меду, по к кружки пива на день и отослать ево въ Иноземской приказъ, а на прошлые мѣсяцы кормовыя денги дать опричь тѣхъ дней, которые былъ подъ началомъ въ монастырѣ».

[1] Тамъ же, 1652, № 5: «Дѣло по челобитью новокрещенаго изъ лютеранскаго въ греческій законъ Василія Фандергорста о дачѣ ему за крещеніе помѣстнаго и денежнаго оклада».

отдать мнѣ на житье дворъ служилаго Нѣмчина Ариста Фаментина, который отписанъ на тебя, государя, за винную продажу». На справкѣ оказалось, что ему денежнаго годоваго жалованья не было дано, между тѣмъ какъ различные мурзы, принявшіе крещеніе, кромѣ годоваго оклада, жалованы деньгами на пріобрѣтеніе двора. Соотвѣтственно съ тѣмъ, ему положили 140 рублей, которыми онъ долженъ заплатить за домъ Нѣмки Екатерины прапорщицы, на Срѣтенской улицѣ, отписанный на государя за корчемную продажу. На удовлетвореніе его просьбы, могло вліять и то, что онъ показалъ особую службу: вмѣстѣ съ Богданомъ Лыковымъ перевелъ (1637 г.), по государеву указу, съ латинскаго языка полную космографію [1].

Независимо отъ денежныхъ пособій, повышеній на службѣ и т. п., новообращенный безпрепятственно пользовался теперь всѣми правами и преимуществами, какія принадлежали природнымъ Русскимъ того общественнаго состоянія, къ которому онъ былъ причисленъ послѣ крещенія. Такъ какъ проводился принципъ, чтобы православные не жили у иновѣрцевъ, то новокрещенный иноземецъ, находившійся въ крѣпостномъ владѣніи иноземца же, выкупался, по Уложенію [2], за 15 рублей и получалъ свободу. Недовольные тѣмъ состояніемъ, къ которому были приписаны по крещеніи, могли добиваться иного, болѣе соотвѣтствующаго ихъ занятіямъ и происхожденію [3]. Алексѣй Михайловичъ ограничилъ (19 іюля 1675 г.) только пріобрѣтеніе земель отъ лицъ новокрещенныхъ: послѣднимъ было воспрещено продавать, мѣнять и сдавать свои земли [4].

Уравненіе новообращеннаго въ правахъ съ русскими вызывалось

---

[1] Тамъ же, Выѣзды въ Россію 1638 г., № 2: «Дѣло по челобитью Ивана Дорна о пожалованіи ему опальнаго двора». Русск. Историч. Библіотека, VIII, № 10, XXXIX; Соловьевъ, IX, 400.

[2] Уложеніе, XX, 72.

[3] См. напр. «Дѣло по челобитью новокрещеннаго иноземца нѣмецкаго полону города Риги Николая Иванова на тульскаго казеннаго старосту и на всѣхъ казенныхъ кузнецовъ въ самовольномъ написаніи его въ кузнецы, а не въ посадскіе люди». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Приказныя дѣла 1672 г. ноября 5, св 464, № 426.

[4] П. С. Закон. I, №№ 39 и 606, II, стр. 24—25; Неволинъ, IV, 147.

тѣмъ, что онъ навсегда соединялъ свою судьбу съ Россіей: крещеніе замѣняло для него присягу на вѣчное вѣрноподданство. Разрѣшая новгородскимъ воеводамъ допускать къ крещенію тѣхъ Нѣмцевъ, которые пожелаютъ его, Михаилъ Ѳедоровичъ велѣлъ (1629 г.) имъ предупреждать этихъ Нѣмцевъ еще «до крещенія, что имъ отпуску съ нашей стороны не будетъ». Плѣнные, обратившіеся въ Православіе, при размѣнѣ военноплѣнныхъ не отпускались [1].

Принимая новокрещеннаго въ свою среду и оказывая, въ предѣлахъ справедливости, покровительство ему, наши однако не простирали своихъ милостей до потворства ему. Лицъ, не покидавшихъ своего прежняго распущеннаго образа жизни, духовная власть изобличала, какъ и природныхъ Русскихъ. Извѣстны строгія наставленія Филарета Никитича относительно подобныхъ перекрестовъ изъ Нѣмцевъ, жившихъ въ Сибири. Нравственныя качества обращающагося не оставлялись безъ вниманія при самомъ его обращеніи. Объ Алексѣѣ Михайловичѣ писали [2] въ Саксонію, что онъ не принимаетъ никого въ свою вѣру, кто предъ тѣмъ провинился, такъ какъ было доведено до его свѣдѣнія, что обращеніемъ въ Православіе многіе только прикрывали свои худыя дѣла. Равнымъ образомъ, если убѣждались въ неправдѣ обращеннаго, хотя бы даже противъ прежнихъ его единовѣрцевъ, тяжба рѣшалась нашими судьями въ пользу обиженнаго, и виновнаго ждало наказаніе. «Кормовой новокрещенъ Датскія земли Нѣмчинъ» Семенъ Петровъ [3] заявилъ (въ февр. 1627 года) въ Посольскомъ приказѣ искъ на торговавшаго въ Москвѣ датскаго дворянина Мартына Мартынова Янсона, что этотъ не возвращаетъ ему поклажу, тафту и сукно, и 75 рублей денегъ. Отвѣтчикъ не только не призналъ себя должникомъ Семена, но еще представилъ встрѣчный искъ въ сотнѣ ефимковъ и въ безчестіи, что

---

[1] Акт. А. Эксп. III, № 184; II. Собр. Зак. I, стр. 541; Лешковъ, Русскій народъ и государство, 275.

[2] Rinhuber, 8.

[3] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Датскія дѣла 1627 года, № 2: «Судное дѣло Датчанина Мартина Мартинова Янсона съ новокрещеннымъ Нѣмцемъ Семеномъ Петровымъ въ безчестіи и заемныхъ деньгахъ». Дѣло изъ 60 листовъ, въ формѣ столбца, начала нѣтъ.

Семенъ повсюду безславитъ его, называетъ недворяниномъ и недворянскимъ сыномъ. Съ годъ тому назадъ, объяснялъ Мартынъ, Семенъ писалъ къ нему изъ Архангельской тюрьмы, чтобъ онъ за него заступился, билъ челомъ государю объ его выпускѣ, и, по его челобитью, Семена выпустили. По пріѣздѣ въ Москву, Семенъ занялъ у него въ кабалу сто ефимковъ, обѣщая, что ихъ выплатятъ ему родственники въ Даніи. Когда онъ послалъ кабалу въ Датскую землю къ своему отцу, чтобъ онъ взялъ по ней съ родственниковъ Семена; то отецъ отписалъ, что Семенова родня ему не хочетъ платить ни одной денежки. Тогда онъ началъ просить у Семена его долгъ, и Семенъ, чтобы не платить, обнесъ его поклажей и 75 рублями. Но Семену вѣрить нельзя: онъ завѣдомый воръ, крестился два раза, разъ въ Архангельскѣ, другой на Москвѣ, и за воровство четырежды пытанъ въ Иноземскомъ приказѣ.

Поставленный вдругъ въ положеніе обвиняемаго, Семенъ оправдывался: что Мартына называлъ недворяниномъ и недворянскимъ сыномъ, того не отрицаетъ, и теперь говоритъ, что Мартынъ недворянскій сынъ, потому что отецъ его въ Датской землѣ таможенный голова, а не дворянинъ, да и въ королевской грамотѣ, съ которою Мартынъ пріѣхалъ въ Москву, онъ, Мартынъ, дворяниномъ не написанъ; и если въ какой-нибудь королевской грамотѣ онъ будетъ написанъ дворяниномъ или дворянскимъ сыномъ, такая грамота измѣнничья, не прямая королевская. Ста ефимковъ онъ не занималъ; ихъ ему Мартынъ лишь обѣщалъ, когда по заемному письму получитъ изъ Даніи. Изъ холмогорской тюрьмы, гдѣ сидѣлъ понапрасну, выпущенъ не по челобитью Мартынову, а по челобитью и за порукой нѣмецкихъ торговыхъ людей, жившихъ въ Холмогорахъ. Крестился всего одинъ разъ въ Москвѣ, въ 1622 году, съ вѣдома святѣйшаго патріарха Филарета Никитича, и еще не принималъ крещенія нигдѣ, ни раньше, ни послѣ, почему просилъ сыскать, такъ что если сыщется, что онъ крещенъ дважды, о томъ у святѣйшаго патріарха милости просить не будетъ. Пыткѣ въ Посольскомъ приказѣ подвергался еще до крещенія, въ 1620 году, всего одинъ разъ и понапрасну.

Въ подтвержденіе своихъ словъ тяжущіеся приняли присягу и

ссылались на свидѣтелей. На дальнѣйшемъ слѣдствіи выяснилось, что Семенъ сидѣлъ въ Холмогорахъ за намѣреніе бѣжать въ Литву, въ Москвѣ пытанъ по подозрѣнію въ кражѣ у аптекаря Андрея, но уликъ относительно втораго крещенія и доказательствъ, чтобы Семенъ давалъ Мартыну вещи и 75 рублей денегъ, не нашлось; въ свою очередь, не представилъ и Мартынъ кабалы во ста ефимкахъ, не могъ обосновать и другихъ своихъ обвиненій, но то, что онъ дворянинъ, сынъ дворянина и служилъ прежде въ Даніи на конѣ по дворянскому списку, доказалъ и свидѣтелями, и королевскими грамотами, и прежними къ нему письмами самого Семена.

На всей тяжбѣ слишкомъ ясна была та обостренность, которою нерѣдко проникались взаимныя отношенія между крестившимися и протестантами: въ попыткахъ очернить одинъ другаго они иногда не знали предѣловъ. Такъ отчасти посмотрѣли на взаимныя пререканія и наши судьи, и всѣ обвиненія были оставлены какъ бы не существовавшими. Одного не могли простить Семену, зачѣмъ онъ унижалъ званіе Янсона: безъ мѣстническихъ счетовъ не обошлось и здѣсь. Отказывая тяжущимся въ искѣ денегъ и не взимая съ нихъ, по причинѣ ихъ иноземчества, пошлинъ за судебные издержки, судъ приговорилъ (6 февраля 1628 года) за нанесенное Семеномъ безчестіе, что онъ называлъ Янсона не дворяниномъ, его, «Семенку, бить батоги въ Приказѣ предъ Мартыномъ нещадно».

Пока длилось такое покровительство обращавшимся, историческія условія, вызвавшія опредѣленіе собора 1620 года о крещеніи, въ значительной степени сглаживались. Послѣ присоединенія къ намъ Малороссіи, католическая Польша утрачивала свой угрожающій намъ характеръ: Алексѣй Михайловичъ уже самъ ходилъ въ области, принадлежавшія королевству. Швеція хотя и не уступала намъ древняго русско-финскаго побережья, но могла вести съ нами лишь оборонительную войну. Иноземцы, жившіе въ Москвѣ, гдѣ они легко причиняли нашимъ матеріальные убытки и религіозно-нравственные соблазны, были выселены въ особую Ново-Иноземскую Слободу. Поводовъ къ продолженію крайнихъ опасеній отъ иновѣрцевъ дѣлалось все менѣе. Въ такую пору можно было раздаться голосу объ отмѣнѣ прежней временной мѣры.

Когда Алексѣй Михайловичъ велъ войну въ Бѣлоруссіи, то католики принимали тамъ православное крещеніе громадными массами, много ихъ крестилось и въ Москвѣ, попавъ въ нее въ качествѣ плѣнныхъ. Антіохійскій патріархъ Макарій, посѣтившій (1655—1656) нашу столицу, на просьбы патріарха Никона отмѣчать ему все, что онъ найдетъ подлежащимъ исправленію въ русскомъ церковномъ чинѣ, между прочимъ указалъ, что незаконно допускать перекрещиваніе Поляковъ при переходѣ ихъ въ Православіе. Указанія Макарія Никонъ подвергъ обсужденію на небольшомъ соборѣ (на пятой недѣлѣ Великаго Поста, между 25 и 31 марта 1655 года). «Отцы собора», передаетъ сопутникъ Макарія, архидіаконъ Павелъ Алепскій, «объявили, что вторичное крещеніе Поляковъ незаконно, опираясь на мнѣніе нашего владыки патріарха и на постановленія, заключающіяся въ Евхологіонѣ и Номоканонѣ, такъ какъ Поляки вѣруютъ и крестятся во Св. Троицу и не настолько рознятся отъ насъ, какъ прочіе еретики и лютеране, напримѣръ: Шведы, Англичане, Венгры и другія франкскія секты, которыя не соблюдаютъ постовъ, не поклоняются иконамъ, не творятъ на себѣ крестнаго знаменія и проч.» Согласившись съ мнѣніемъ собора о незаконности перекрещиванія Поляковъ, Никонъ передалъ Макарію шесть священниковъ, плѣненныхъ въ Польшѣ, уніатовъ, которыхъ патріархъ и присоединилъ въ Православіе чрезъ одно муропомазаніе. Тѣмъ не менѣе, въ силу укрѣпившагося обычая, освященнаго соборомъ 1620 года, постановленіе объ отмѣнѣ перекрещиванія не исполнялось съ должною строгостью, и вопросъ о томъ Макарій поднялъ снова (въ соборномъ засѣданіи 11 мая 1656 года). Въ подтвержденіе своей мысли, патріархъ сослался на одну привезенную съ Аѳона книгу, выписку съ коей, скрѣпивъ своею подписью, онъ сообщилъ Никону; она дошла до государя и, по извѣстію того же Павла, состоялся царскій указъ, воспрещавшій крещеніе Поляковъ и другихъ послѣдователей одинаковой съ ними вѣры. Чтобы вполнѣ убѣдить русскую церковную власть въ справедливости своего мнѣнія, Макарій, на возвратномъ пути изъ Россіи, навелъ справки въ Молдавіи и въ своемъ письмѣ на имя Никона (изъ Терговицъ 25 декабря 1656 года) подробно изложилъ доводы. Лютеранъ и кальви-

нистовъ должно перекрещивать: они суще́е еретики, отметаютъ евангельское преданіе, не признаютъ таинства священства и не имѣютъ ни этого таинства, ни истиннаго крещенія. Въ отличіе отъ нихъ, католиковъ необходимо освобождать отъ перекрещиванія: они признаютъ всѣ семь таинствъ и семь вселенскихъ соборовъ, покланяются святымъ мощамъ и иконамъ и «суть добрѣ крещени, понеже крещеніи суть во имя Отца и Сына и Святаго Духа, въ призываніе Святыя Троицы»; они только схизматики, то-есть отлученные; самъ Маркъ Ефесскій признавалъ крещеніе ихъ правильнымъ [1].

Еще съ большимъ авторитетомъ пришлось патріарху Макарію повторить мнѣніе о неперекрещиваніи латинянъ во второй его пріѣздъ въ Москву. Разобравъ основанія соборнаго опредѣленія 1620 года, великій соборъ 1667 года [2], на которомъ, кромѣ русскихъ іерарховъ, присутствовали два восточные, Паисій, патріархъ Александрійскій, и Макарій—Антіохійскій, отмѣнилъ постановленіе, обусловливая принятіе римскихъ католиковъ чрезъ одно муропомазаніе. «Днесь прочитавше оного собора дѣянія выписку, бывшаго при святѣйшемъ Филаретѣ Никитичѣ, патріарсѣ Московскомъ и всеа Русіи, обрѣтохомъ, яко неправедно списателе предложиша собору оному указанія правилная и ни суть прилична на покрещеніе латинъ; еще же во ономъ соборномъ дѣяніи обрѣтохомъ и правила правиломъ не сличны, указанія же ихъ, сирѣчь приводы, нимало къ правиломъ согласны... и согласно судихомъ вси, яко неподобно латинъ покрещевати, но точію, по проклинаніи своихъ имъ ересей и по исповѣданіи согрѣшеній и по даяніи рукописанія, помазовати ихъ святымъ и великимъ мѵромъ и сподобляти святыхъ и пречистыхъ Таинъ, и

---

[1] Описаніе путешествія Макарія Антіохійскаго, составленное Павломъ Алеппскимъ, перев. въ библ. М. Гл. Архива М. И. Д., Т. I, кн. X, стр. 204—205, т. II, кн. XIV, стр. 241—242. Митр. Макарія, Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ, въ Прибавл. къ Твореп. св. Отецъ, 1882, I, 86—89; проф. И. Ѳ. Николаевскаго, Изъ исторіи сношеній Россіи съ Востокомъ въ половинѣ XVII вѣка, С.-Петербургъ, 1882, 62—66.

[2] Доп. къ Акт. Ист. V, 477—500; Матер. для ист. раскола, II, 343—360, 413—426.

тако пріобщати святѣй соборнѣй апостольстѣй восточнѣй Церкве по священнымъ правиломъ», читаемъ въ соборномъ опредѣленіи.

Въ немъ говорится объ однихъ латинянахъ, потому что и пред шедшій соборъ разсуждалъ собственно только о нихъ, такъ что прямаго постановленія о перекрещиваніи протестантовъ (съ упоминаніемъ ихъ имени) у насъ не было; но какъ тогда, во времена Филарета, протестанты, какъ получающіе обливательное крещеніе, были подведены подъ опредѣленіе собора, такъ точно и теперь по той же самой причинѣ, повидимому, отстранялось бы юридическое основаніе къ принятію ихъ съ перекрещиваніемъ. На этотъ разъ однако это вышло нѣсколько иначе. Занесенный въ первый разъ въ Требникъ 1639 года чинъ присоединенія къ Православію «приходящихъ креститься отъ люторскія ереси», въ силу умолчанія собора о протестантахъ и въ виду грамоты Макарія Никону изъ Терговицъ, сохранялъ прежнюю силу, конечно, благодаря прочности обычая, законность котораго продолжали признавать далеко не одни старообрядцы. Когда Юрій Крижаничъ, находясь въ заключеніи въ Тобольскѣ, написалъ цѣлый трактатъ въ защиту неперекрещиванія и особенно католиковъ, то московскими властями такое разсужденіе его было вмѣнено ему въ вину [1]. Изъ иностранныхъ писателей той эпохи очень немногіе сообщаютъ, что послѣ собора нѣсколькихъ патріарховъ въ Москвѣ католики, лютеране и кальвинисты при обращеніи въ Православіе ограничивались однимъ отреченіемъ отъ прежнихъ отличительныхъ мнѣній и были присоединяемы чрезъ одно муропомазаніе, безъ перекрещиванія [2]; по словамъ же остальныхъ писателей, большинства, прежній обычай въ церковной практикѣ у насъ хранился строго. Обращавшихся, какъ изъ католичества, такъ и изъ протестантства, продолжали перекрещивать. Среди

---

[1] «Об светом Крещценю», рукоп. Моск. Синод. библіот. № 284 нов. каталога. А. В. Горскій, Описаніе славянск. рукопис. Моск. Синод. библіот. II т., 3 отд., стр. 397—404; П. А. Безсоновъ, Юрій Крижаничъ, ревнитель возсоединенія церквей и всего Славянства въ XVII вѣкѣ, въ Прав. Обозр. 1870, февр. 361; преосв. Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, I, № 227.

[2] Rinhuber, 7, и др.

лицъ, наиболѣе извѣстныхъ, въ эпоху ближайшую къ собору, бывшую предъ нимъ и послѣ его, приняли Православіе генералы и полковники Филиппъ фонъ-Бокговенъ (1675 г.), Маркъ (по крещеніи Аѳанасій) фонъ-Трауернихтъ, братья Германъ и Николай фонъ-Штадены, Бутлеръ и др.; окулистъ «Ергаръ Дляклеръ», лейбъ-медикъ Даніилъ фонъ-Гаденъ, сынъ полковника русской службы Аѳанасій Дѣнисовичъ фонъ-Визинъ («Фонвизинъ» или «Фанвисинъ»), по крещеніи служившій въ Оружейномъ приказѣ съ званіемъ стольника и потомъ (ок. 1673 г.) воеводою въ Самарѣ; польско-литовскіе выходцы и плѣнники крестились нерѣдко цѣлыми группами [1]. Обычай покровительства обращавшимся въ Православіе и благорасположенность къ нимъ сохраняли прежнюю силу, и ихъ не могъ ослабить голосъ, раздавшійся было противъ такого покровительства. Утверждая, что «безъ мала всѣ» Нѣмцы крестятся лишь «ради великаго жалованья и отчинъ», Крижаничъ [2] совѣтовалъ не опредѣлять новокрещеновъ и ихъ дѣтей ни въ Приказы, ни въ посольства и не отправлять ихъ довѣренными лицами: «ибо должно бояться, какъ бы онѣ не овладѣли государствомъ».

Въ голосѣ Крижанича слышится отчасти мнѣніе ревниваго Славянина и скрытаго католическаго священника, писавшаго противъ перекрещиванія. Иноземные писатели, упоминая о случаяхъ принятія Православія, обыкновенно теряли въ своихъ сужденіяхъ всякое безпристрастіе. Побужденія къ обращенію они объясняли одними матеріальными разсчетами; новообращенныхъ не стѣснялись называть «шельмами», «поношеніемъ христіанъ», «идолопоклонниками», людьми, продавшими душу, забывшими Бога или измѣнившими Ему; о жизни и судьбѣ ихъ имѣли обычай отзываться самымъ неодобрительнымъ образомъ, нерѣдко до полной неправдоподобности. Исключеніе дѣла-

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію 1662 г. № 6, 1663 г. №№ 2, 7, 1664 г. № 2, 1667 г. № 7, 1668 г. №№ 22, 33, 1670 г. № 37, 1673 г. № 9, 1675 г. № 3. Да-Ченеда, Отеч. Зап. 1829, XXXVII, 247—248; Gordon, I, 434; Auszug aus Engelberti Kaempferi Diarium, у Adelung's, Augustin Fr. v. Meyerberg, 370; Posselt, Franz Lefort, I, 257; Д. къ А. Ист., V, стр. 392, 395, VI, стр. 302 — 303; Матер. для ист. медиц., III, 712; Рихтеръ, Ист. медиц., II, 260—265.

[2] Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. М. 1860, I, 373.

лось для лицъ почетныхъ, у которыхъ сами иноземцы искали покровительства. Объ Англичанинѣ Ричардѣ Рельфъ посолъ Флетчеръ отозвался: «перекрестившись, живетъ онъ теперь также идолопоклонникомъ, какъ прежде былъ человѣкомъ развратнымъ и мотомъ». Всѣхъ перекрещенцевъ, жившихъ въ Нѣмецкой Слободѣ и по сосѣдству съ ней, Буссовъ называлъ «мамелюками», и «двойными шельмами», «которыхъ въ Ливоніи и Германіи казнили бы на висѣлицѣ и колесомъ», лейбъ-медикъ Коллинсъ сообщалъ, будто «изъ двухсотъ Англичанъ, Шотландцевъ и Голландцевъ, оставившихъ вѣру свою, почти ни одинъ не умеръ естественною смертію». Характеръ отношенія Буссова и Коллинса, долго служившихъ въ Россіи, не былъ принадлежностью ихъ однихъ [1].

Враждебность къ обращеннымъ поддерживалась болѣе всего въ иноземныхъ группахъ, намѣренно противодѣйствовавшихъ обрусѣнію. Здѣсь находили себѣ поддержку тѣ, которымъ предстояла надобность принять Православіе, и терпѣли сильный матеріальный и нравственный ущербъ принимавшіе его и вообще тянувшіе на русскую сторону. Нѣкоторыя обстоятельства въ жизни Анны Бернзли и Андрея Виніуса открываютъ многое изъ дѣятельности одной такой группы.

На службу къ Михаилу Ѳедоровичу прибылъ баронъ Пьеръ де-Ремонъ, Французъ, и женился на Аннѣ Бернзли, пятнадцатилѣтней Англичанкѣ, отецъ которой давно уже проживалъ въ Россіи. Вскорѣ мужъ принялъ (1628) Православіе и названъ Иваномъ; жена хотѣла остаться кальвинисткой. Когда убѣжденія и щедрыя обѣщанія не подѣйствовали, чтобы склонить ее, то съ нею поступили, какъ хотѣли. Дѣти ея были крещены; слѣдовала очередь за нею. Бернзли, явившійся ходатайствовать за дочь, былъ сурово выпровоженъ. Филаретъ Никитичъ рѣшилъ, что если она не разумѣетъ, то съ нею надо поступить, какъ съ ребенкомъ, и крестить ее безъ ея согласія. Впрочемъ, это извѣстіе Олеарія [2], который намѣренно старался выставить ее въ наилучшемъ свѣтѣ въ сравненіи съ иноземцами, принявшими Православіе, и природными Русскими, въ значительной степени ослабляется Метрическою книгой [3], веденною пасторомъ

[1] Bussow, 51; Флетчеръ, 92; Коллинсъ, 2.

[2] Olearius, 1656, 287—289; 1696, 147; пер. 320—323.

[3] «Памятники», I, 180.

Оксе, гдѣ отмѣчено, что къ перекрещиванію принудилъ ее самъ супругъ [1].

Разсказавъ о случаѣ съ баронессой, Олеарій присоединяетъ: «Но вообще не слышно, чтобы Русскіе насильно обращали кого-либо въ свою вѣру; они предоставляютъ свободу совѣсти всѣмъ, хотя бы это были ихъ подданные или рабы; если же кто пожелаетъ сочетаться бракомъ съ лицомъ ихъ вѣры, тотъ долженъ покинуть свою прежнюю религію. Всякаго, добровольно обращающагося въ ихъ вѣру, они принимаютъ охотно и доставляютъ ему содержаніе на всю жизнь». Ревнивые въ охраненіи чистоты и достоинства своего вѣроисповѣданія, наши, дѣйствительно, были чужды фанатизма пропаганды и насильственнаго принужденія, предоставляя принятіе Православія иновѣрцами воздѣйствію обстоятельствъ и доброй волѣ обращающагося: въ противоположность воинствующей католической церкви, въ церкви Православно-русской охраненіе всегда было сильнѣе стремленія къ распространенію, господству. Сидѣвшій въ московской тюрьмѣ польскій полоняникъ шляхтичъ Матьясъ Ошмянцъ сказалъ (4 октября 1664 года) за собою «государево дѣло». На разспросѣ въ Приказѣ онъ сообщилъ: прежде билъ онъ челомъ о крещеніи въ Православную христіанскую вѣру, но его крестить не указано, и сидящіе съ нимъ въ тюрьмѣ полоненники, лядской вѣры, теперь за то надъ нимъ «ругаются, смѣются и лаютъ безпрестанно», а онъ не престаетъ желать истиннаго крещенія и до сихъ поръ. Изъ Польши онъ ѣхалъ въ Москву, чтобы служить великому государю и принять крещеніе; на дорогѣ его взяли государевы люди и представили въ Москву въ «языкахъ»; государь потому велѣлъ бы крестить его, по обѣщанію; если же не велитъ, то сослалъ бы его туда, гдѣ можно

---

[1] Олеарій называетъ ее реформаткой; изъ Церковной же книги видно, что отецъ ея крестилъ своихъ дѣтей у лютеранскаго пастора и что бракъ (1627 г.) Ремона съ Анной былъ совершенъ также лютеранскимъ пасторомъ, что, впрочемъ, могло случиться за отсутствіемъ въ Москвѣ постояннаго реформатскаго пастора. Возбуждаетъ также недоразумѣніе извѣстіе Олеарія относительно предварительнаго крещенія «дѣтей» Анны: бракъ былъ въ 1627 году, крещеніе ея въ 1628 году, когда ей минуло всего 16 лѣтъ. — Полное имя мужа, по метрикѣ, Petrus de Remund Baron du Tart.

было бы жить ему безъ поруганія. Не найдя за нимъ «государева дѣла», судьи ограничились пока тѣмъ, что опять отослали его въ тюрьму. Видно, тяжело было Ошмянцу отъ одноземцевъ, что онъ рѣшился на такое опасное средство, какъ напрасное объявленіе за собой «государева дѣла», лишь бы имѣть случай снова просить о принятіи въ Православіе, и наши слишкомъ были медленны въ исполненіи его просьбы. Но если подобное бывало съ плѣнниками, и притомъ католическаго вѣроисповѣданія; то еще менѣе могла быть рѣчь о принужденіи лицъ свободныхъ. Шведскихъ перебѣжчиковъ Михаилъ Ѳедоровичъ и Филаретъ Никитичъ запрещали новгородскимъ воеводамъ допускать до крещенія, хотя бы они даже того и пожелали [1]. Бернэли же должна была принять Православіе потому, что у насъ не разрѣшались смѣшанные браки православныхъ съ иновѣрцами; и случаи, въ родѣ приключившагося съ нею, были весьма рѣдки.

Несогласіе Бернэли съ намѣреніями ея мужа въ значительной степени объясняется тѣмъ, что она принадлежала къ тому кругу московскихъ иноземцевъ, который старался устроить свое благосостояніе на почвѣ своей обособленности и служилъ немаловажнымъ оплотомъ матеріальныхъ и религіозныхъ интересовъ иноземнаго элемента. Одна сестра ея была замужемъ за Петромъ Марселисомъ, стоявшимъ во главѣ одной изъ такихъ группъ; другая сестра Анны была замужемъ за богатымъ голландскимъ купцомъ Фенцелемъ; братъ ея Вильгельмъ служилъ правою рукой въ предпріятіи Марселиса, когда этотъ хлопоталъ о возстановленіи въ Москвѣ протестантскихъ церквей и водвореніи у насъ Вальдемара, съ правомъ остаться этому при лютеранскомъ вѣроисповѣданіи и строить кирки въ его удѣлѣ по своему усмотрѣнію. Когда Марселисъ привезъ Вальдемара въ Москву, большіе убытки и непріятности долженъ былъ перенести отъ него даже очень вліятельный изъ иноземцевъ, его компаніонъ по заводскому дѣлу, Виніусъ [2], какъ явно клонившій на русскую сторону.

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Малороссійскія дѣла 1664 г., № 25: «Прошеніе полоняника польскаго шляхтича Ошмянца о дозволеніи принять ему Греческій законъ». Акт. А. Эксп. III, № 184.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Голландскія дѣла 1646 г. іюня 8: «Дѣло по челобитьямъ голландскаго гостя Андрея Виніуса съ иноземцами Петромъ Марсе-

Андрей Денисовичъ Виніусъ, гость Голландской земли, счастливо велъ обороты по продажѣ московскаго казеннаго хлѣба въ Голландіи и за то добился (31 марта 1633 г.) обмѣна прежней своей торговой грамоты (1631 г.) на новую [1], такую же, какую имѣлъ его соотечественникъ Карпъ Демулинъ [2], въ силу которой онъ могъ свободно торговать по русскимъ городамъ всякими привозными товарами, строить дома въ другихъ городахъ, гдѣ ему пришлось бы жить по торговымъ дѣламъ; по суду, за исключеніемъ дѣлъ по душегубству и татьбѣ, со всѣми своими людьми подлежалъ одному Посольскому приказу, въ судебныхъ искахъ крестнымъ цѣлованіемъ вѣрились его люди; Посольскій приказъ долженъ выдавать ему, когда понадобится, проѣзжія грамоты на безпрепятственный выѣздъ изъ Россіи и возвращеніе въ нее, и т. п. Затѣмъ, совмѣстно съ двоими компаніонами, получилъ онъ право «промышлять въ Русскомъ государствѣ, на десять лѣтъ безоброчно и впредь съ оброкомъ, желѣзнымъ заводомъ и промыслами», при казенной субсидіи и обѣщаніи правительства не разрѣшать желѣзнаго промысла инымъ иноземцамъ, пока не истекутъ урочные годы; съ своей стороны товарищество обязывалось поставлять въ казну по выговоренной цѣнѣ опредѣленное количество пушекъ, ядеръ и проч. и «людей государевыхъ всякому желѣзному дѣлу научать и никакого ремесла отъ нихъ не таить». Поставивъ

лисомъ съ товарищи въ ссорѣ и брани между собою»; Шведскія дѣла 1647 г., карт. 54, №-1, въ немъ «Переводъ съ посылные грамотки, что̀ писали Петръ Марселисъ да Филимонъ Филимоновъ въ Городище къ прикащику своему къ Христофору Бюсу»; Приказныя дѣла 1651 г. 3—10 генваря, св. 225, № 1: «Двѣ челобитныя иноземцовъ Петра Марселіуса и Андрея Виніуса о взысканіи заемныхъ между собою долговъ»; Голландскія дѣла, 1645, № 2. Собр. гос. гр. и дог., III, № 118; Доп. къ Акт. Ист., V, №№ 9, 77; VI, 165; IX, № 16; Корбъ, Дневникъ. М. 1867, 318; Временникъ, 1844, IV, 389—391; Соловьевъ, изд. 4, IX, 368—369; изд. 3, X, 306—307; Пекарскій, Наука и литература въ Россіи, I, 199 и слѣд.; Scheltema, Rusland en de Nederlanden, I, 170, 238. См. также ниже, VIII гл.

[1] Голландскіе трактаты, портф. I, № 2: «Копія съ жалованной грамоты, данной голландскому гостю Андрею Денисову сыну Виніусу о свободной ему торговлѣ во всѣхъ россійскихъ городахъ».

[2] Голландскія дѣла, 1613 г. дек., № 1.

въ 12 верстахъ отъ Тулы на рѣкѣ Тулицѣ Городищевскіе чугунные заводы, Виніусъ, бывшій душою предпріятія, принялъ (1637 г.) въ компаніоны Петра Марселиса и голландскаго купца Филимона Филимонова Акему (Thieleman Lus Ackema); по ихъ челобитью къ тульскимъ заводамъ приписана была большая Соломенская волость. Этимъ новые товарищи не довольствовались. Опираясь на свое значеніе при дворѣ, Марселисъ задумалъ оттѣснить Виніуса: вмѣстѣ съ Акемою, онъ получилъ право (5 апр. 1644 г.) строить другіе заводы на рѣкахъ Вагѣ, Костромѣ, Шекснѣ и гдѣ только сыщутся удобныя мѣста, безъ платежа оброка съ заводовъ въ теченіе 20 лѣтъ и обязательствомъ дѣлать пушки, ядра, котлы, проволоку, жесть и всему тому обучать Русскихъ; ненужныя казнѣ издѣлія могъ вывозить за границу. Выдавая эту двадцатилѣтнюю привилегію, правительство нарушило прежній свой контрактъ съ Виніусомъ.

Широкая привилегія сильно поссорила новыхъ товарищей съ основателемъ заводовъ, съ которымъ у нихъ и безъ того завязались нелады. Иноземцы подмѣтили, что Виніусъ «преданъ болѣе Русскимъ, нежели Нѣмцамъ» [1]; онъ представилъ (1646 г.) свои соображенія объ укрѣпленіи Архангельска, чтобы не могли вторгнуться въ него враги, и иностранные корабли тайно проходить по Двинѣ [2], совѣтовалъ возвысить пошлины съ иноземныхъ товаровъ и задумалъ даже принять Православіе. Его уклоненія на сторону русскихъ интересовъ и особенно намѣреніе перемѣнить вѣроисповѣданіе крайне не нравилось Марселису. За желаніе Виніуса перекреститься Марселису всего удобнѣе было ронять его въ глазахъ единовѣрцевъ и тѣмъ среди нихъ подрывать его всякій кредитъ. Пока былъ живъ Михаилъ Ѳедоровичъ и находился въ Москвѣ привезенный Марселисомъ королевичъ Вальдемаръ, Виніусъ молчалъ; при Алексѣѣ Михайловичѣ обстоятельства первоначально сложились болѣе въ его пользу, отъ него принимали совѣты такія сильныя лица, какъ Морозовъ, Чистой и др. [3]. Поднять судебный

---

[1] Письмо одного Шведа изъ Москвы 1647 г., Сѣверн. Архивъ, 1822, I, 151.

[2] Доп. къ Акт. Истор. III, № 13.

[3] Соловьевъ (Изд. 3, X, 111) отзывается по этому поводу, что это «первый примѣръ иностранца, получившаго вліяніе на государственныя дѣла».

процессъ теперь ему казалось своевременнымъ, и онъ изложилъ Марселисовы вины въ особомъ «письмѣ», назначенномъ къ подачѣ правительству.

Марселисъ и Акема, передавалось въ запискѣ, били челомъ государю Михаилу Ѳедоровичу о привилегіи на стройку новыхъ заводовъ безъ вѣдома его, Виніуса, и устранили его отъ своего товарищества подъ предлогомъ, что онъ маломоченъ и что онъ-де самъ не хочетъ быть съ ними въ товарищахъ при заведеніи новыхъ заводовъ. Спрошенный о томъ въ приказѣ Большой казны, онъ, Виніусъ, отвѣтилъ, что хочетъ отстоять свою прежнюю грамоту, но еще строить заводовъ онъ не можетъ. Говорить такъ его вынуждали различныя притѣсненія Марселиса и обѣщаніе, что новые заводы они будутъ имѣть на общихъ паяхъ и что Марселисъ будетъ все увеличивать количество заводовъ, но они всѣ, какъ новые, такъ и старые, постоянно будутъ общіе. Условіе было внесено въ запись между ними. Они обязывались также безъ укрывательства учить Русскихъ людей мастерству. Между тѣмъ Марселисъ и Акема новыхъ заводовъ не строятъ, Виніуса во всемъ тѣснятъ; равно, умышленно скрываютъ и мастерство отъ Русскихъ людей. Пусть будетъ опрошенъ, по своей вѣрѣ, плавильный мастеръ Христіанъ Вильде, который, несомнѣнно, признается, что его они приговорили мастерству плавильнаго дѣла научать однихъ Нѣмцевъ, а не Русскихъ, и что потому онъ, по повелѣнію Марселиса, и взялъ къ себѣ для обученія этого мастерства Марселисова человѣка Якова.

Свою записку Виніусъ какъ то обронилъ, бывши у Акемы, которому она и попала въ руки. Больше прежняго стали теперь нападать на ея автора его компаніоны, ругали и въ глаза и заочно, такъ что Виніусъ обратился къ государю съ челобитной, въ которой, изложивъ обстоятельства дѣла, просилъ, чтобы записка у нихъ была взята и чтобы они предъ судомъ показали, на какомъ основаніи они всюду «лаютъ» его: тогда на судѣ обнаружится ихъ неправда, и онъ больше не будетъ отъ нихъ въ огласкѣ и позорѣ.

Акемою на допросѣ (8 іюня 1646 г.) записка была предъявлена. Виніусъ, осмотрѣвъ ее, жаловался, что здѣсь всего полтора столбца, а у него ихъ было три, и просилъ снять показаніе съ рабочихъ

Акемы, Гаврилы и Мартына, которымъ извѣстно объ остальной части письма. Въ свое оправданіе Акема говорилъ, что записку нашелъ не онъ самъ, а на нее набрели его дѣти. Что не находилъ никакого письма, съ своей стороны утверждалъ и Марселисъ, хотя и признался, что «лаять Виніуса—лаялъ», называлъ его «бездушникомъ и бездѣльникомъ», потому что его, «Андреевы, объявились многія неправды». У нихъ, иноземцевъ, ужъ такой обычай: кто «объявился неправдою», того они «добрымъ человѣкомъ не называютъ, ни въ чемъ его не почитаютъ и добрыхъ словъ про него не говорятъ». Такой неправды Андреевой къ нему, Петру, много, о ней онъ принесетъ государю челобитную. О брани же Акема заперся совсѣмъ: Андрея-де онъ не лаялъ, не безчестилъ и ничѣмъ не оглашалъ, тѣмъ Андрей поклепалъ его напрасно. «Они оба, Петръ и Филимонъ, утверждалъ на это Виніусъ, вмѣстѣ называли его бездушникомъ и шельмомъ, говорили, что не будутъ съ нимъ ни ѣсть, не пить, потому что онъ хочетъ креститься». Какъ на свидѣтелей, при которыхъ они безчестили его, онъ ссылался на голландскихъ торговыхъ людей. На нихъ сослались и его противники: Акема, отрицая за собой всякую вину, Марселисъ въ подтвержденіе, что онъ не бранилъ Виніуса за его намѣреніе креститься; напротивъ, при тѣхъ же Голландцахъ самъ-де Виніусъ поносилъ ихъ различными позорными словами. Если бы это было правда, отозвался Виніусъ, то они не преминули бы тогда же подать жалобу на него.

Дьяки, производившіе судъ, думный Григорій Львовъ и Алмазъ Ивановъ, распорядившись, чтобы распросныя рѣчи были записаны и Филимоновы люди, Мартынъ и Гаврило, были найдены и приведены въ Посольскій приказъ, велѣли Виніусу представить списокъ тѣхъ Голландцевъ, на которыхъ онъ ссылался. Съ «росписью ссылочнымъ людямъ» онъ подалъ (11 іюня) новую челобитную. Въ росписи сообщалось: Филимонъ Акема называлъ его, за письмо, шельмою во время завтрака у Марселиса при Яковѣ Антоновѣ; по Филимонову наученью, родной его братъ, Елисей Филимоновъ, заочно «лаялъ» его на похоронахъ при женѣ Томаса Швана, Еленѣ Ивановой, и сказалъ ей, чтобы отецъ ея прислалъ къ нему Виніусовыхъ дочерей, «потому что какъ Андреи по-русски крестится, въ тѣ поры и дѣ-

тей его возьмутъ»; по наученью Петра и Филимона, Давидъ Николаевъ Рутцъ бранилъ его за письмо многими неподобными словами въ самомъ Посольскомъ приказѣ и говорилъ: «за то, что Андрюшка хочетъ по-русски креститься, не достоинъ съ нами ни пить, ни ѣсть»— это слышали государевы переводчики Василій Александровъ и Вильгельмъ Фикъ; за письмо и за желаніе креститься поносили его и что не достоинъ съ ними ни пить, ни ѣсть говорили Петръ и Мартынъ предъ пасторомъ и при 14 иноземцахъ: Яковѣ фанъ-деръ-Гульстѣ, лѣкарѣ Касперѣ, Рутцѣ и другихъ [1]. Челобитною дополнялось извѣстное уже изъ письма. Именно, Виніусъ долженъ былъ уступить изъ своей привелегіи потому, что «Петра Марселиса опасался, видя до него неизреченную царскую милость», самъ Марселисъ писалъ ему, что можно было ему, Петру, «всѣ заводы и промыслы за себя справить», и, «надѣясь на свое вельможество», обѣщалъ, что и на старые заводы продлится срокъ урочныхъ годовъ Филимонъ Акема обманомъ выманилъ у казны деньги, составлявшія долю Марселиса, задержанныя за казенный долгъ послѣдняго. Владѣтелями новыхъ заводовъ они оба постоянно стараются выдать предъ правительственными лицами себя однихъ, хотя сами приняли его участникомъ изъза шестой доли. Повторивъ, какъ, съ нарушеніемъ обязательства, скрывается отъ Русскихъ мастерство, Виніусъ снова просилъ допросить о томъ Христіана и Якова, по ихъ вѣрѣ.

Не замедлили съ своей челобитной (12 іюня) и Марселисъ съ Акемою. Обвиняя Виніуса въ томъ, что онъ ложно билъ на нихъ челомъ, будто они хулили Православную вѣру и говорили, что когда онъ крестится, не достоинъ будетъ съ ними ни пить, ни ѣсть, и тѣмъ своимъ челобитьемъ хочетъ укрыть и очистить свои бездѣльныя

---

[1] «Имена тѣмъ людемъ, которые слышали въ слухъ и въ видѣнья, что Петръ Марселисъ да Филимонъ Аккема меня, Андрушка Виніуса, лаели..: Томоса Свана (sic), Захарей Горценъ, Яковъ Яковлевъ Вандергулстъ, Петръ Ладаль, Андрей Ладаль, Абрамъ Рулансъ, Юстеръ Абрамовъ сынъ Блумертъ, Ондрей Фангель, Иванъ Фалкъ, Анесъ Риббеньсъ, государевъ лѣкарь Касперъ, Иванъ Ивановъ сынъ Гогенсъ, Давыдъ Микулаевъ, Елисей Филимоновъ». «Дѣло по челобитьямъ Андрея Виніуса».

дѣла, а на нихъ навесть государевъ гнѣвъ, они просили подвергнуть допросу тѣхъ лицъ, на кого онъ ссылался, какъ на свидѣтелей.

«Послухи» были допрошены въ тотъ же день. Такъ какъ обвиненія Виніуса были неудобны для иноземцевъ, особенно указаніе на отношеніе ихъ къ его намѣренію принять Православіе, то свидѣтели всѣ встали на противоположную ему сторону. По ихъ словамъ, Акема началъ бранить Виніуса «воромъ, бездушникомъ и шельмою» только послѣ того, какъ найдено было письмо; брани Марселиса и Акемы по поводу намѣренія его креститься не слыхивали; Петръ Деладалъ и Давидъ Рутцъ присоединили, что нежеланіе пить и ѣсть съ Виніусомъ Марселисъ и Акема объясняли многими его неправдами. О нахожденіи письма Филимоновы люди, Мартынъ Алферьевъ и Гаврила Карповъ, сообщили, что полтора листа нашли малолѣтнія дѣти Гавриловы и отдали ихъ своей матери, а Гаврила передалъ ихъ своему хозяину; кромѣ этихъ листовъ, они ничего не находили.

Среди свидѣтелей почему-то тогда не было троихъ, Ѳомы Швана, Захарія Горцена и Ивана Фалька. Ихъ допрашивали отдѣльно (13 іюня). За недѣлю или дней за 10 предъ тѣмъ, показывалъ Шванъ, встрѣтился съ нимъ на Покровкѣ Виніусъ и сообщилъ ему о своей утратѣ на дворѣ Акемы русскаго его руки письма, листъ отъ котораго найденъ Акемой, и о своемъ опасеніи, что если этотъ покажетъ письмо Марселису, у нихъ пойдетъ иное дѣло. Андрей просилъ его передать соображенія Филимону, что и было имъ исполнено въ Посольскомъ приказѣ въ присутствіи Петра Марселиса. Филимонъ и Петръ пригласили его затѣмъ къ себѣ, обѣщая разсказать про все «шельмовство» Виніуса. Когда онъ прибылъ къ Акемѣ, Марселисъ передалъ ему слѣдующее: Предъ Троицынымъ днемъ пріѣхалъ съ Тульскаго завода русскій ученикъ Кирюшка съ жалобой на мастера Христіана, который билъ его за то, что онъ лазилъ въ плавильную печь измѣрять ее. Они втроемъ — Акема, Марселисъ и Виніусъ — стали совѣщаться, какой отвѣтъ дать Христіану. Виніусъ въ присланномъ имъ послѣ того письмѣ совѣтовалъ написать Христіану ученика не бить, а стараться, насколько возможно, скрывать отъ него ремесло. А они, Марселисъ и Акема, разсуждали между собою, что скрывать ремесла не стоитъ, такъ какъ имъ же будетъ выгоднѣе, если въ

лицѣ Кирюшки имъ прибавится новый работникъ. Однако, чтобы утѣшить мастера, они отписали, какъ предлагалъ Виніусъ. Доставить грамотку поручено было Кирюшкѣ; но Кирюшка въ Тулу не поѣхалъ, а письмо передалъ Виніусу. Разсказавъ ему объ этомъ, Марселисъ и Филимонъ Виніуса не бранили, кромѣ какъ «шельмой и обманщикомъ»; затѣмъ послали его къ нему убѣдить его не заводить противъ нихъ никакого дѣла. На это Виніусъ замѣтилъ ему: «мнѣ нужно себя беречь и за свое стоять». Пререканій по поводу желанія Виніуса креститься онъ, Ѳома, никакихъ не слыхалъ и о крещеньи при немъ никакого слова отъ Марселиса и Акемы не бывало.—Виніусова письма́, въ которомъ указывалось, какъ отвѣчать Христіану, на судъ не доставили.

Захарій Горценъ по всѣмъ пунктамъ отозвался незнаніемъ, за исключеніемъ того, что слышалъ, какъ Акема, найдя письмо Виніуса, называлъ поступки его шельмовскими; Иванъ Фалькъ, пушечныхъ дѣлъ мастеръ, утверждалъ, что о спорѣ онъ ничего не знаетъ и съ гяжущимися рѣдко сходится, потому что онъ человѣкъ недосужный.

Слѣдствіе было перенесено на заводы. Заводскіе рабочіе показали на допросѣ, что «Русскихъ людей Нѣмецкіе люди ремеслу никакому не учили; а которые Русскіе люди у нихъ, иноземцевъ, видя какое ремесло, и станутъ учиться, и нѣмецкіе мастеровые люди за то ихъ бивали и отъ тѣхъ дѣлъ отъ себя прочь отбивали». Относительно издѣлій Виніусъ сообщилъ, что они ставятся въ казну несравненно дороже, чѣмъ стоятъ хозяевамъ. О такихъ и иныхъ «многихъ неправдахъ» Марселиса и Акемы правительство велѣло послу Ив. Дан. Милославскому даже объявить Нидерландскимъ Генеральнымъ Штатамъ, которые однако отвѣтили, что обвиняемыя лица—не Голландцы и что по тому въ данное дѣло они входить не могутъ. Тогда, подъ предлогомъ, что десятилѣтній срокъ на владѣніе Городищевскими заводами, назначенный въ грамотѣ, пожалованной Виніусу, кончился, у насъ рѣшили взять заводы въ казну.

Находчивые Марселисъ и Акема примѣнили постороннюю помощь: обратились въ Голландію и Данію за ходатайствомъ и намѣренно послали длинное письмо на имя своего городищевскаго прикащика Христофора Бюса. Въ разсчетѣ, что письмо попадетъ въ

руки слѣдователей, они, предупреждая въ немъ о возможности ходатайства за нихъ датскаго и голландскаго правительствъ и о благосклонномъ отношеніи къ нимъ нѣкоторыхъ изъ сильныхъ тогда бояръ, тенденціозно чернили Виніуса и утверждали, что «николи жесточае того дѣла не наживали, какъ это, и всѣ, которые слышатъ, тому дивятся, что у нихъ безъ вины отнимаютъ». Ходатайства изъ Даніи и Голландіи не замедлили; вмѣшался и находившійся въ Москвѣ шведскій резидентъ Поммеренингъ, но съ другою цѣлію. Въ затѣявшейся распрѣ между заводскими компаніонами онъ видѣлъ удобное средство помѣшать развитію у насъ горнаго дѣла. Пособивши получить деньги и заграничный отпускъ шведскимъ мастерамъ, явившимся съ тульскихъ заводовъ въ Москву, онъ доносилъ (18 октября 1648 г.) [1] своему правительству: «Можно думать навѣрное, что послѣ того, какъ они при первомъ удобномъ случаѣ отсюда уѣдутъ, заводъ въ Тулѣ и вообще русское горное дѣло сдвали въ состояніи будутъ принести ущербъ вашему королевскому величеству или шведскому горному дѣлу, тѣмъ болѣе, что я доставилъ Петру Марселису одного негоднаго кузнеца отъ Андрея Дениса (Виніуса), и самъ Марселисъ успѣлъ отстранить отъ завода Дениса, который привелъ его въ дѣйствіе на деньги великаго князя». Поддержанные сильнымъ ходатайствомъ и сбавивъ цѣну, Марселисъ и Акема, дѣйствительно, выхлопотали себѣ предъ тѣмъ (1 сент. 1648 г.) на 20 лѣтъ монополію желѣзнаго промысла. Виніусъ былъ отчасти вознагражденъ правомъ безпошлинной торговли на 6 лѣтъ. Около этого же времени онъ вступилъ въ бракъ (10 февраля) [2] съ Гертрудою Мейеръ, по лютеранскому обряду.

При измѣненіи обстоятельствъ тяжба о безчестіи замялась. Лѣтъ восемь спустя послѣ ея начала Виніусъ просилъ (10 января 1651 г.) о вершеніи ея. Къ ней присоединился новый вопросъ. Марселисъ предъявлялъ искъ на Виніуса въ 400 рублей, Виніусъ съ своей стороны встрѣчный искъ на 200 рублей. Челобитныя ихъ были приняты, и опять не видно, чтобы тяжба была рѣшена. Виніуса затѣмъ встрѣчаемъ уже выполнившимъ прежнее намѣреніе относительно при-

---

[1] Стокгольмскій Государственный Архивъ, отд. Moscovitica.

[2] «Памятники», I, 181.

нятія Православія, на какой шагъ сильнѣе всего могли окончательно склонить его именно непрерывающаяся ссора съ одноземцами и испытываемыя отъ нихъ оскорбленія, какъ это случалось тогда и съ другими иностранцами. Такъ, полковникъ Августинъ Элернъ, которому то же пришлось много терпѣть отъ своихъ товарищей по службѣ, генералъ-поручика Баумана и полковника Генриха Эгерата, взводившихъ на него разныя обвиненія предъ правительствомъ, писалъ въ своей челобитной (1660 г.) [1] Алексѣю Михайловичу: «видя единовѣрцовъ своихъ страшныя и богохульныя свидѣтельства, достойно ихъ и вѣры ихъ глушаюсь, и къ тебѣ, государь, вопль, изволь приказать научить меня Православной христіанской вѣрѣ и потомъ крестить».

Виніусъ крестился съ своей семьей и былъ записанъ въ московскіе дворяне. Вскорѣ по крещеніи онъ снаряженъ былъ (1652 г.) въ Голландію съ дипломатическимъ порученіемъ; сынъ его, Андрей Андреевичъ, былъ потомъ однимъ изъ образованнѣйшихъ Русскихъ людей своего времени и съ успѣхомъ и пользой служилъ въ приказахъ Посольскомъ (съ 1663 г.), Ямскомъ, Аптекарскомъ, Пушкарскомъ и Сибирскомъ. Между тѣмъ въ семьѣ Марселисовъ и Акемы довольно успѣшно шло желѣзнозаводское дѣло. Практичное московское правительство умѣло съ выгодою пользоваться всѣми иноземными партіями. Къ тому же, довольно сомкнутый, противодѣйствовавшій обрусѣнію кругъ Петра Марселиса мало-по-малу подвергся значительнымъ измѣненіямъ. Самъ Марселисъ († 1674 г.) къ концу жизни держался ближе къ русскимъ правительственнымъ лицамъ и заслужилъ значительное довѣріе. Сыновья Ремона должны были получить воспитаніе въ строгихъ московскихъ преданіяхъ. Когда отецъ ихъ померъ и мать, почувствовавъ себя на свободѣ, обнаружила было охоту держаться правилъ и обычаевъ прежняго своего вѣроисповѣданія и быта, правительство отняло у нея сыновей и отдало на воспитаніе одному знатному боярину, вѣроятно, ихъ крестному отцу, а ее, вмѣстѣ съ маленькою дочерью, отправило въ женскій монастырь, изъ котораго она освободилась уже послѣ смерти Филарета Никитича, когда позволили ей снова жить въ Москвѣ и

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Письма и прошенія на Высочайшее имя.

пользоваться свободой, съ условіемъ не ходить въ кирку и держать прислугу русскую [1]. Затѣмъ, одна Марселисъ вышла замужъ за католика Менезіуса; Вильгельмъ Бернзли обратился въ Православіе. Его, конечно, имѣлъ въ виду Коллинсъ [2], соединяя его обращеніе съ романическою исторіей. Престарѣлый бояринъ Борисъ Морозовъ, женившійся на сестрѣ царицы, Аннѣ Ильиничнѣ Милославской, заподозрилъ Бернзли въ слишкомъ короткомъ знакомствѣ со своимъ домомъ и постарался сослать его въ Сибирь. Тамъ Бернзли прожилъ около двадцати лѣтъ, пока не принялъ русской вѣры и не женился на богатой невѣстѣ.

Испытывая отъ протестантовъ и католиковъ много непріятнаго, обратившіеся часто платили имъ одинаковою монетой. «Перекрещенцы обыкновенно отличаются большою нетерпимостью къ прежнимъ своимъ единовѣрцамъ и даже по отношенію ко всѣмъ иностранцамъ гораздо тяжелѣе самихъ Русскихъ, чему можно было бы привести нѣсколько примѣровъ», отмѣтилъ о нихъ Олеарій. Поляковъ, искавшихъ, при сверженіи Лжедимитрія I, убѣжища въ Нѣмецкой Слободѣ, они перехватывали, раздѣвали донага и убивали. Интересы побуждали ихъ держаться уже одинъ другаго. Въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что военные иноземцы любили служить въ полкахъ подъ командой своихъ соотечественниковъ, обращенные просились, чтобы и ихъ опредѣляли подъ команду начальниковъ изъ перекрещенцевъ. Какого христіанскаго исповѣданія держались прежде эти начальники и къ какой національности они принадлежали, новообращенные не придавали тому большой важности: теперь ихъ соединяло сходство новаго положенія. Среди начальниковъ они нерѣдко находили своихъ прежнихъ знакомыхъ, пріятелей и покровителей.

Жили обратившіеся обыкновенно отдѣльно отъ прежнихъ своихъ единовѣрцевъ. Если часть ихъ и продолжала держаться прежнихъ обычаевъ и мало измѣняла свой домашній образъ жизни; если иные, по случайностямъ, оставались даже въ иноземскихъ

[1] Olearius, 1656, 288—289, пер. 322—323.

[2] Коллинсъ, 32. Ср. М. Гл. Архивъ М. И. Д., Датскія дѣла, 1648 г., св. 26, ходатайство к. Христіана IV объ освобожденіи изъ ссылки «Вилима Берепслея».

селеніяхъ: то большинство поселялось между природными Русскими или же, гдѣ ихъ было много, съ особыхъ слободахъ. Подъ Москвой такихъ слободъ лежало двѣ, Басманная, обокъ съ Нѣмецкой, и Панская, по другую сторону города. На взглядъ заѣзжаго наблюдателя первая изъ нихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVII столѣтія казалась, по составу своихъ жителей, населенною людьми разнаго состоянія. Въ своемъ внутреннемъ строѣ слободы перекрестовъ не могли уже удержать тотъ своеобразный характеръ, какой принадлежалъ слободамъ иноземскимъ [1]. Обращеніе иноземца въ Православіе было шагомъ, неотвратимо влекшимъ за собою дальнѣйшій процессъ перерожденія. Перекрещенцы все тѣснѣе и тѣснѣе сближались съ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ, съ которымъ у нихъ невольно завязывались самыя азнообразныя непосредственныя отношенія—и религіозныя, и общественныя, и семейныя. Правда, не безъ причины наши дворянскія фамиліи пріобрѣли, напримѣръ, пристрастіе выводить свои роды отъ «знатныхъ» пришельцевъ: перекрещенцы, несомнѣнно, прививали Русскимъ и свои соціальныя и другія понятія; ихъ типъ, внутренній и внѣшній, оставлялъ слѣды въ ихъ потомствѣ. Но, внося въ русскую среду свои воззрѣнія и привычки и, между прочимъ, содѣйствуя возбужденію въ служиломъ классѣ стремленій къ сословности и культурному сближенію съ Западомъ, сами они несравненно въ большей степени подчинялись русскому быту, послѣдующія же поколѣнія, особенно отъ смѣшанныхъ браковъ, до того ассимилировались, что уже обыкновенно никто не отличалъ ихъ отъ природныхъ Русскихъ. Устройство собственно семейныхъ отношеній для многихъ изъ протестантовъ служило даже важнѣйшимъ мотивомъ къ принятію Православія и обрусѣнію: вопросъ о бракахъ между иноземцами и православно-русскими находился въ неразрывной связи съ вопросомъ о крещеніи, въ своемъ развитіи возвышаясь иногда до значенія первостепенной церковно-государственной важности.

---

[1] М. Архивъ Мин. Юстиціи, Столбцы Моск. стола, № общ. 352, № частн. 2, л. 135; ср. лл. 157—160. Bussow, 51—52, Olearius, 1656, 289; Reutenfels, 113, пер. 20; Wickhart, 184. — Послѣдній современное ему подмосковное предмѣстье перекрестовъ называетъ «Польской Слободой», означая его отъ Нѣмецкой Слободы «по другую сторону» города. Подразумѣвалась имъ, конечно, не существующая болѣе «Панская Слобода» (о ней у Мартынова и Снегирева, Москва, I, перв. изд. стр. XXXI, 117, втор. изд. стр. XXXIV; ср. Мартынова, Названія московскихъ улицъ и переулковъ. М. 1888, 163, 173).

ГЛАВА VI.

БРАЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Роль женитьбы въ жизни иноземца. — Недостатокъ въ невѣстахъ. — Браки лицъ протестантскаго вѣроисповѣданія между собою и католиками.—Вопросъ о бракосочтаніи протестантовъ съ православными.—Женитьба перекрещенцевъ на иноземкахъ, принявшихъ Православіе, и на природныхъ православно-русскихъ. Иванъ Дорнъ, князь Левъ Шляковъ - Чешскій. — Попытки къ заключенію смѣшанныхъ браковъ въ царской семьѣ. — Бракъ Магнуса Датскаго съ Маріей Владимировной. — Сватовство Грознаго за Марію Гастингсъ. — Ксенія Борисовна Годунова и ея женихи. — Сватовство Михаила Ѳедоровича за шлезвигъ-голштинскую принцессу Доротею Августу.—Сватовство Михаила Ѳедоровича за Екатерину, маркграфиню бранденбургскую.—Дѣло Вальдемара Датскаго и Ирины Михайловны.— Отрицательное рѣшеніе вопроса о смѣшанныхъ бракахъ.

Выборъ себѣ невѣсты и женитьба не были для иноземца, запавшаго въ Россію, дѣломъ только семейнымъ. Холостыхъ у насъ подозрѣвали въ желаніи уѣхать за границу; семейныхъ считали, въ этомъ отношеніи, болѣе надежными. Къ женатымъ наше правительство, не любившее, чтобы оставляли Россію, относилось потому благосклоннѣе. Оно замѣчало, что съ женитьбой иноземецъ какъ бы прикрѣплялся къ новому мѣсту жительства: назадъ уѣзжали женатые рѣже холостыхъ. И просился ли иноземемецъ за границу повидаться съ родными, покончить счеты по раздѣлу наслѣдства или по иному какому дѣлу, или предстояла надобность нарочно послать туда съ оффиціальнымъ порученіемъ, — женатый обыкновенно пользовался преимуществомъ: залогомъ того, что онъ воротится, у него оставалась въ Россіи семья. На холостыхъ посматривали съ предубѣжденіемъ и ихъ земляки. По неудовлетворительности гостинницъ, неженатому было трудно найдти подходящую квартиру и хорошій столъ. Неудивительно, что пріѣзжіе на службу иноземцы видѣли въ женитьбѣ одно изъ лучшихъ средствъ, чтобы удобнѣе устроиться, завязать и упрочить отношенія съ другими иностранцами, особенно съ тѣми,

которые повліятельнѣе, и при ихъ помощи составить себѣ карьеру. Послѣ женитьбы они скоро дѣлались полными членами своеобразнаго иноземнаго міра, со всѣми его радостями и невзгодами, со всѣми его разнообразными интересами.

Заведеніе семейнаго очага встрѣчалось съ затрудненіемъ подыскать соотвѣтственную невѣсту. Женщинъ въ иноземскомъ населеніи было менѣе мужчинъ. Иноземцы, правда, нерѣдко пріѣзжали въ Россію съ женами, дѣтьми и родственницами или выписывали свои семьи послѣ, когда пристроивались; но люди неженатые, несемейные являлись къ намъ много чаще. Самый многочисленный и удобный классъ, который доставлялъ невѣстъ и изъ котораго иноземцы охотно брали себѣ ихъ [1], ливонскія плѣнницы, поподобрался уже къ началу XVII вѣка. Сильнѣе всего чувствовался недостатокъ въ «приличныхъ» и богатыхъ невѣстахъ. Чтобы найти таковыхъ, нѣкоторые иноземцы, впрочемъ, незначительнѣе, ѣздили и посылали своихъ сыновей жениться за границу [2]. Иные, впрочемъ, несмотря на недостатокъ въ женскомъ полѣ, поступали и обратно: покинувъ на родинѣ свои семьи, обзаводились въ Россіи новыми. Такъ сдѣлалъ, напримѣръ, Датчанинъ Николай Андерсонъ [3]. Случай этотъ не былъ единичнымъ.

---

[1] Горсей, Записки о Московіи, Библ. д. чт. 1865, № 6, стр. 49; Чт. И. М. О. И. и Др. Росс. 1877, I, 25; Margeret, 32, пер. 262.

[2] Gordon, I, 317, III, 336—337.

[3] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Датскія дѣла 1669—1670 гг., карт. 31: «Пріѣздъ въ Россію дацкого морского капитана Петра Марселиса». Въ этомъ дѣлѣ имѣется «переводъ съ грамоты» (19 ноября 1670 г.), писанной къ Петру Марселису изъ Коненгагена, Павломъ Клинбергъ. Въ ней, между прочимъ, читаемъ: «А что̀ дохтуръ Николай Андерсонъ, и тотъ здѣсь не имѣлъ особливой доброй славы, но точію исполненъ былъ юродивыми вымыслы, и отъ него довелось беречись, а не писать о его вспоможеніи, какъ азъ многажды о томъ дивился, что г-нъ градодержавецъ фонъ-Габель то сотворилъ. А что̀ тотъ человѣкъ тако забылся и себѣ другую жену, кромѣ первой, которая еще въ живыхъ, взялъ, зѣло есть страшно; азъ ему совѣту̀ю сюда не возвратитися, потому что нѣкое зло надъ нимъ могло бы ся сбыти. Азъ тебѣ, господину, совѣтую, чтобы ты съ нимъ, ни съ мѣднымъ родознатцомъ ни въ какіе дѣла не вступалъ, потому что всѣ его юродивые замыслы суетно скончеваются, и потому знатно, что мѣдное и серебряное дѣло такъ же совершится». Ничего не упоминая объ этомъ извѣстіи, Рих-

Фокерота обвиняли (1668 г.) въ томъ, что онъ вѣнчалъ лицъ женатыхъ [1], и нѣкоторые изъ остальныхъ пасторовъ, очевидно, напуганные повтореніями двоеженства, иногда отказывались совершать обрядъ бракосочетанія надъ тѣми, о безбрачіи которыхъ не получали надлежащаго удостовѣренія. Стеклянный и фигурный мастеръ Андрей Лигеръ жаловался [2] Алексѣю Михайловичу: «по твоему великаго государя указу пріѣхалъ я на службу, служу седьмой годъ, и нынѣ сговоренъ жевиться на дѣвкѣ у пастора Андрея; но вѣнчать по нашей вѣрѣ пасторъ меня не хочетъ, пока не удостовѣрено, что за моремъ у меня другой жены нѣтъ». Челобитчикъ просилъ послать пастору память съ припискою о вѣнчаніи его. Просьбу удовлетворили: пастору повелѣвалось (13 февр. 1674 г.) привести Лигера «къ вѣрѣ по ихъ иноземскому праву и извычаю», и буде окажется этотъ достойнымъ, сочетать его законнымъ бракомъ.

Въ отличіе отъ католиковъ, у которыхъ замѣтно было стремленіе жениться на католичкахъ, протестанты мало стѣснялись вѣроисповѣданіемъ. Мужъ лютеранинъ, жена кальвинистка, и наоборотъ, было явленіемъ обычнымъ, какъ равно протестанты безъ особыхъ затрудненій брали себѣ въ жены и изъ католическихъ семей. Когда пасторъ Ингенгёферъ перемѣнилъ лютеранство на реформатское вѣроисповѣданіе, жена осталась лютеранкою. Не было, конечно, недостатка и въ такихъ бракахъ, чтобы протестантки выходили замужъ

теръ (II, 260, прил. 130) лишь сообщаетъ, безъ означенія года и источника, что Андерсонъ, по опредѣленіи въ Аптекарскій приказъ, будучи увѣренъ въ постоянномъ и достаточномъ доходѣ, призвалъ въ Россію свою жену, которую до Риги привезъ его зять Яковъ Зингеръ, а отсюда до Смоленска доставилъ смольянинъ Ѳедоръ Отрепьевъ. Какъ согласовать эти разнорѣчивыя данныя? Нѣтъ ли здѣсь какого недоразумѣнія со стороны Рихтера, или наше правительство, узнавъ о двоеженствѣ Андерсона, не велѣло ли взять ему первую жену? «Исторія, заключаетъ Рихтеръ свою о немъ повѣсть, умалчиваетъ о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни его». Не его ли, замѣтимъ кстати, подразумѣвалъ Reutenfels, сообщая о двоеженцѣ Датчанинѣ, на котораго жаловались иноземцы патріарху? См. выше, стр. 275.

[1] Rinhuber, 46. См. выше, 302—303.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію, 1674 г. № 4: «Дѣло по прозбѣ стекляннаго дѣла мастера Андрея Лигера о незатрудненіи его женитбы».

за католиковъ. Если изъ большой семьи Марселисовъ одна вдова сдѣлалась женою Ѳомы Келлермана, ревностнаго лютеранина, то другая вдова вышла за овдовѣвшаго полковника Менезіуса, католика, принеся ему значительное приданое: 5.000 рублей деньгами да до 2.000 рублей серебряными и другими цѣнными вещами [1]. Смѣшанные браки и даже простыя сожительства лицъ протестантскаго и католическаго вѣроисповѣданій однако легко влекли къ измѣненію вѣроисповѣданія однимъ изъ супруговъ, и не каждый разъ въ пользу протестантства. Полковникъ фонъ-Шмаленбергъ, «имѣвшій отъ своей наложницы (Concubin) лютеранки двоихъ дѣтей», подъ вліяніемъ патера при австрійскомъ посольствѣ (1675 г.) къ Алексѣю Михайловичу, женился на ней по католическому обряду, и затѣмъ, въ присутствіи полковника Менезіуса, польскаго резидента, жены генерала Николая фонъ-Штадена и другихъ, она «торжественно отреклась отъ лютеранской секты» [2].

Если различіе въ вѣроисповѣданіи не всегда препятствовало къ заключенію браковъ, то еще съ большею легкостію устроивались эти между лицами разныхъ состояній и національностей. Пасторы, военные, врачи женились на дочеряхъ или вдовахъ купцовъ, ремесленниковъ, Англичане на Ливонкахъ, Нѣмкахъ и т. п. Пасторъ Фадемрехтъ былъ женатъ (1651 г.) на дочери купца Келлермана, докторъ Лаврентій Блюментростъ на дѣвицѣ Цециліи Берманъ (1672 г.), Яковъ Гамильтонъ, Шотландецъ, женился (1620 г.) на вдовѣ Генриха Зеекампа, дочери нѣмецкаго проповѣдника Кегеля. Вдовы не засиживались. Пасторъ Оксе оба раза былъ женатъ на вдовахъ; вдова пастора Якоби вышла (ок. 1660 г.) за подполковника Юкмана, вдова пастора Ивана Риддеръ—за лейтенанта Ивана Гендерсона (1662 г.).

По недостатку въ невѣстахъ находили себѣ жениховъ завѣдомо развратныя женщины, не оставлявшія своего ремесла и послѣ за-

---

[1] Тамъ же, 1675 г. № 1: «Дѣло по челобитью иноземца Томаса Келдермана о пропускѣ пасынка его Гаврилы Марселіуса для наукъ въ иностранныя государства». Olearius, 1656, 320; Gordon, I, 314, 316, 415.—Послѣдній бракъ, впрочемъ, былъ заключенъ уже въ 1677 году.

[2] Wickhart, 100—101.

мужества. Были въ чести также служанки или обращенныя въ протестантство Татарки. Съ ними улаживалось дѣло безъ замедленія. За время пребыванія въ Москвѣ военныхъ отрядовъ, нанятыхъ Лесли, многіе офицеры женились на служанкахъ купеческихъ и другихъ семей, что̀ косвенно отразилось потомъ на судьбѣ Второй Лютеранской церкви [1]. Въ непродолжительную остановку Стрюйса въ Москвѣ успѣли жениться двое изъ его спутниковъ. Одинъ, Корнелій Зааршенбракъ, взялъ за себя служанку завѣдывавшаго наймомъ въ русскую службу голландскихъ корабельщиковъ Ивана фонъ-Шведена, Марью Янфцъ, крещенную въ голландской церкви Татарку. Закону Божію обучилась она у мѣстнаго проповѣдника, у котораго долго жила, и говорила по нижне-германски, какъ на природномъ языкѣ. Такъ какъ она была сирота, то на свадьбѣ Стрюйсъ былъ у нея вмѣсто отца. Вѣнчаніе происходило (23 февраля 1669 г.) въ Слободѣ, въ «Нѣмецкой церкви»; пировали цѣлыхъ три дня. Кромѣ нѣкоторыхъ изъ жителей Слободы, тутъ участвовали всѣ спутники Стрюйса. Плясали и танцовали подъ скрипку, по-русски и по-польски. Чрезъ недѣлю женился другой спутникъ Яковъ Траппенъ, изъ Вѣны, на Елизаветѣ Петерсъ, родомъ изъ Любека, служанкѣ одного проживавшаго въ Москвѣ доктора медицины. Скоро обѣ новобрачныя четы направились вмѣстѣ съ Стрюйсомъ дальше къ Астрахани [2]. Свадьбы лицъ знатныхъ и богатыхъ устраивались съ бо́льшею торжественностью. На нѣкоторыхъ свадьбахъ присутствовали члены посольствъ, голштинскаго (1634 г.) и другихъ. Гордонъ упоминаетъ, какъ людно было на свадьбахъ и свадебныхъ пиршествахъ, при чемъ самъ онъ нерѣдко бывалъ главнымъ распорядителемъ или несшимъ иную какую-либо должность, хотя бы женихъ и невѣста принадлежали къ протестантамъ: при бракосочетаніи вдовы пастора Риддера онъ зани-

---

[1] «Памятники», I, № XVI; Olearius, 1656, 317; Gordon, I, 315. См. выше, гл. I и V, стр. 374—375.

[2] Struys, 1678, 73—74.—Dalton (6) думаетъ, что бракосочетаніе Зааршенбрака было въ Нижнемъ-Новгородѣ, на чемъ, между прочимъ, онъ основываетъ свое сообщеніе о существовавшей будто бы тамъ «реформатской общинѣ»: бракъ былъ совершенъ въ подмосковной Ново-Иноземской Слободѣ.

малъ мѣсто брата [1]. Какъ и въ бракосочетаніяхъ, здѣсь руководились не столько вѣроисповѣданіемъ, сколько связями и отношеніями; равно, много значили умѣнье устроивать пиры и увеселенія и охота участвовать въ нихъ.

Заключенные при подобныхъ условіяхъ, въ населеніи, не отличавшемся прочными нравственными правилами, браки, естественно, весьма часто не могли создать счастливой семейной жизни. Среди самихъ иноземцевъ раздавались жалобы [2] на слишкомъ обычныя въ ихъ быту нарушенія супружеской вѣрности, «на гнусныя прелюбодѣянія съ замужними и незамужними женщинами», съ чужими и близкими родственницами.

Важность брака въ улучшеніи положенія, недостатокъ въ невѣстахъ и непрочность семейныхъ связей побуждали многихъ изъ иноземцевъ искать себѣ женъ въ русской средѣ. Возможно это было для нихъ однако лишь послѣ предварительнаго принятія Православія. Относительно смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ иновѣрцами примѣнялся тогда общій для Восточной церкви законъ, по которому бракъ лица Православнаго исповѣданія съ лицемъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, почитаемыхъ наравнѣ съ ересями, т.-е. бракъ «съ еретическою женою» и «съ еретическимъ мужемъ», не допускался вовсе, пока иновѣрецъ или иновѣрка не обращались въ Православіе [3]. Церковь никогда формально, на общемъ соборѣ, не признавала латинянъ еретиками и не запрещала православнымъ вступать съ ними въ брачные союзы, почему таковые заключались до самаго конца Византійской имперіи [4] и у насъ, на первыхъ порахъ по принятіи христіанства, извѣстны такіе случаи въ княжескихъ семьяхъ: однако

---

[1] Olearius, 46—47; Gordon, I, 296, 314, 315, 316, 323 и др.

[2] Rinhuber, 47—48. См. выше, 323.

[3] 14 пр. Четв. Всел. соб., 72 правило Шест. Вселенск. соб.; ср. 10 и 31 пр. Лаодик. соб. Кормчая книга (изд. въ 1816 г., «во всемъ сходственно противу перваго выхода, начатаго при св. п. Іосифѣ, а оконченнаго при св. п. Никонѣ», 1653 г.), ч. I, лл. 69—70, 140, 52, 55.

[4] Чижманъ, Das Ehrecht d. orient. Kirche, 533 и слѣд. (проф. А. С. Павлова Номоканонъ при Большомъ Требникѣ. Одесса, 1872, 80).

какъ въ Византіи, такъ, соотвѣтственно съ тѣмъ, и на Руси очень скоро все сильнѣе и сильнѣе раздавались голоса противъ законности подобныхъ бракосочетаній. Если прен. Ѳеодосій въ видѣ своего частнаго мнѣнія и совѣта предлагалъ кн. Изяславу беречься отъ общенія съ латинянами и армянами, то митр. Іоаннъ возводитъ это какъ бы въ непремѣнное церковное правило и собственно о бракахъ православно-русскихъ съ католиками установляетъ: «не достойно и весьма неподобно правовѣрнымъ (князьямъ) отдавать дочерей своихъ замужъ въ иную страну, гдѣ служатъ на опрѣснокахъ и не отвергаются скверноядѣнія». Подъ вліяніемъ историческихъ условій принятый и вполнѣ усвоенный прочими русскими іерархами, взглядъ этотъ проводился ими въ практику съ рѣшительною увѣренностію и настойчивостію. Въ архіерейской присягѣ уже XV вѣка, произносимой при поставленіи въ епископа, новопосвящаемый клятвенно обязывался за себя «не оставити во всемъ своемъ предѣлѣ ни единаго жъ отъ нашея Православныя вѣры христіанскія къ арменомъ свадьбы творити, и кумовства, и братства, также и къ латиномъ; аще ли же который попъ тайно отъ меня сотворитъ, мнѣ повѣдати господину моему митрополиту. Сотворю ли что̀ тако безъ повелѣнія и безъ грамоты митрополита—заключалъ свою присягу поставляемый,—или преступлю что̀..., лишенъ буду сана своего безъ всякаго слова». Епископы XVI столѣтія обязывались не допускать браковъ православныхъ не только «ко арменомъ и латиномъ», но вообще «и ко прочимъ иновѣрцамъ», а въ XVII вѣкѣ — «и ко всѣмъ еретическимъ вѣрамъ» [1].

Подъ «прочими иновѣрцами» подразумѣвались, прежде всего, новоявившіеся «еретики», лица протестантскихъ толковъ. И вплоть до XVIII столѣтія былъ допущенъ лишь одинъ случай, когда лютеранинъ женился на православной, и допущенъ въ царскомъ родѣ и подъ гнетомъ житейско-политическихъ побужденій: крайне стѣснен-

[1] Рус. Ист. Библ. VI, стр. 7, прав. 13, ср. пр. 4 и 5; стр. 455—455 (1423 г.); Акт. А. Эксп. I, № 370, стр. 463 (1424 г.); № 375, стр. 471 (1456 г.); № 184, стр. 162 (1539 г.); Акт. Ист. IV, № 1, стр. 9 (1645—1652 гг.); Неволинъ, III, 266—267.

наго положенія жениха, надѣявшагося поправить женитьбой свои запутанныя дѣла, и разсчетовъ государя пріобрѣсти чрезъ новую чету политическое вліяніе въ приморской Ливоніи. Лицамъ простымъ смѣшанные браки были рѣшительно недоступны.

Должны были повозможности прекращаться и тѣ смѣшанные браки, которые образовывались вслѣдствіе принятія Православія однимъ изъ брачной четы. Таинство брака у протестантовъ наши отвергали, почему съ переходомъ одного члена четы въ Православіе другой членъ, чтобы удержаться въ прежнемъ супружествѣ, слѣдовалъ тому же примѣру, и ихъ, вопреки отчасти древнѣйшей практикѣ, послѣ крещенія снова перевѣнчивали [1]. Обыкновенно никого не принуждая къ обращенію въ Православіе, на этотъ разъ правительство иногда считало себя какъ бы въ правѣ покушаться на религіозную свободу остававшагося при прежнихъ своихъ вѣрованіяхъ. Жена Пьеръ де-Ремона, кальвинистка, не соглашавшаяся слѣдовать примѣру мужа, который, въ свою очередь, имѣя отъ нея потомство, не желалъ оставить ее, была крещена противъ ея воли [2]. Но такъ какъ принужденіе не было пріятно нашимъ, то, согласно съ церковнымъ законодательствомъ, такіе смѣшанные браки въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставлялись. На ходатайство (1664 г.) Карлейля объ отпускѣ нѣкоторыхъ Англичанъ на родину, бояре отвѣтили, что жена одного изъ нихъ, Франциска Розе, какъ принявшая Православіе, не можетъ выѣхать изъ Россіи, хотя бы мужъ ея и былъ отпущенъ: мужъ, очевидно, сохранялъ свое прежнее вѣроисповѣданіе. Новокрещенамъ, какъ и Русскимъ, были строго воспрещаемы лишь незаконныя сожительства [3].

---

[1] Petrejus, 659; Olearius, 1656, 287; Мейербергъ, 83.—О древнѣйшей практикѣ относительно вѣнчанія см. въ трудахъ профессоровъ прот. М. П. Горчакова, О тайнѣ супружества. Спб. 1880; Павлова, 50 глава Кормчей книги. М. 1887, 68; В. П. Сергѣевича, Лекціи и изслѣдов. по ист. рус. права. Спб. 1883, 496, 932—933; Владимірскаго-Буданова, Обз. ист. рус. права. К. 1886, II, 108—109, 111.

[2] См. V гл., стр. 394.

[3] 72 пр. Шест. Всел. соб., Кормчая, ч. I, л. 140. Соб. г. гр. и дог. III, № 60; Carlisle, A Relation. London, 1668; Fechner, I, 300—301.

По тѣсной связи брачнаго дѣла съ принятіемъ Православія и обрусѣніемъ, брачущіеся, покрайней мѣрѣ видные изъ нихъ, получали теперь, какъ и при крещеніи, «государево жалованье», женились ли они на новокрещенныхъ или на природныхъ Русскихъ, безразлично. Иноземецъ Иванъ Дорнъ по своемъ крещеніи (1635 г.) получилъ, кромѣ платья, 300 рублей деньгами; поденнаго корму дано ему, съ тремя его слугами, 25 алтынъ, питья 4 чарки вина, полведра меду, полведра пива, сверхъ того, каждому изъ его слугъ по двѣ чарки вина и по кружкѣ пива на день. Такое награжденіе было положено ему, какъ холостому, почему онъ, приготовляясь къ женитьбѣ, обратился (2 января 1636 года) къ государю съ челобитной: «По твоему государеву указу крещенъ я, холопъ твой, въ Православную вѣру и пожаловалъ ты, государь, меня, чтобы мнѣ жениться на новокрещенной иноземкѣ на вдовѣ Настасьицѣ. Свадьбишка моя будетъ въ первое Воскресенье послѣ Крещенья, и мнѣ ее, кромѣ твоего государскаго жалованья, сподобить нечѣмъ. Милосердый государь, пожалуй меня, холопа своего, для моего иноземчества и крещенья, вели мнѣ дать свое царское жалованье къ свадьбишкѣ моей на подъемъ, какъ тебѣ, милосердому государю, обо мнѣ, иноземцѣ, Богъ извѣститъ, мнѣ свадьбишку свою сподобить». Подыскавъ примѣры въ наградѣ крещеныхъ татарскихъ мурзъ и князей, ему положили выдать 15 пудовъ меду прѣснаго, 15 ведеръ меду паточнаго, 3 ведра романеи, полтора ведра алкану, 5 ведръ меду краснаго, 4 ведра меду вишневаго, 10 ведръ вина горячаго, десять четвертей ячменнаго солоду, стягъ говядины, два барана, десять куръ, осмину крупичатой и толченой муки. Вскорѣ затѣмъ къ поденному содержанію было прибавлено ему еще два алтына и на двѣ лошади конскаго корма. На 1638 годъ питья давать иноземцамъ вообще не было указано, но для Дорна выдача продолжалась, за исключеніемъ лишь доли на его слугъ, и пожаловано ему значительное денежное вспомоществованіе на пріобрѣтеніе дома, чтобы было удобнѣе ему жить съ своею женой и родившимися у нихъ дѣтьми [1].

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію 1637 г., № 2; 1641 г., № 1: «Дѣло по челобитью крещенаго въ Греческій законъ иноземца Ивана Дорна о дачѣ ему на свадьбу жалованья». Ср. выше, 383—384.

Еще щедрѣе былъ награжденъ предъ своею свадьбой извѣстный авантюристъ, князь Левъ Шляковъ-Чешскій [1], женившійся на Маѳѣ Васильевнѣ Шереметевой. По просьбѣ жениха, который печаловался государю, что ему «подняться на свадьбу вскорѣ не чѣмъ», и, согласно прежнимъ примѣрамъ, изъ Большаго дворца, Большаго прихода и Новой чети опредѣлено (24 мая 1643 г.) отпустить ему 50 рублей на столовые припасы, 40 пудовъ прѣснаго меду, 82 ведра вина и всякихъ другихъ напитковъ и 46 четей муки и солоду [2]. Предъ свадьбой Шляковъ обратился (25 іюня) къ Михаилу Ѳедоровичу, чтобъ онъ «его пожаловалъ, учинилъ свой государскій подвигъ къ нему, князю Льву, на свадьбу». Въ отвѣтъ на приглашенье царь послалъ жениху серебряный позолоченый кубокъ, атласу и 40 соболей; это «государево жалованье» отвезъ ему дьякъ Алмазъ Ивановъ.

Со своею молодою супругой, принадлежавшею къ одной изъ самыхъ богатыхъ боярскихъ фамилій, Шляковъ зажилъ счастливо. Фамилія могла испытывать удовольствіе, что Маѳа Васильевна вышла за необыкновенно «знатнаго» человѣка, за иностраннаго князя; Шляковъ долженъ былъ радоваться, что сразу вошелъ въ кругъ наиболѣе богатаго боярства. Онъ исправно получалъ свое поденное жалованье и имя его, въ знакъ почета, писалось съ «вичемъ» [3].

---

[1] О немъ и о литературѣ предмета см. выше, 355 и слѣд.

[2] «Р҃Н҃А мая въ К҃Д день государь пожаловалъ, велѣлъ дати своего государева жалованья новокрещену князю Лву Шлаковскому на свадбу: М҃ пудъ меду прѣсново, А҃ ведръ меду паточного, Є҃ ведръ романеи, К҃ ведра алкану, Г҃ ведра меду красного смородиннаго, Г҃ ведра меду малинового, К҃ ведра вишневого, Г҃ ведра ренского, Д҃ ведра вина двоиного боярсково, К҃ четп муки крупчатые, Д҃ четп муки смѣсноіі, А҃ ведръ вина простого, А҃ четьи солоду ячново, І҃ четьи солоду ржаново; да на столовые запасы Н҃ рублевъ.

[3] До 1647 года «государева царева и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи жалованье давано князю Лву Шлякову поденного корму и питья съ Дворца: по Н҃ чарокъ вина боярского, по К҃ кружки меду вишневого, по К҃ кружки меду малинового, по К҃ ведра меду паточного, по К҃ кружки меду обарного, по К҃ ведра пива доброго на день; изъ Болшого приходу по Г҃ рубли на день; конского корму на І҃ лошадей по указу, по З҃ возовъ дровъ на недѣлю, на свѣчи по Д҃ денги на день; изъ Новые чети людемъ его Ѕ҃ человѣкомъ по Д҃ чарки вина, по Д҃ кружки пива человѣку на день. И велѣно ево писать съ вичемъ».

Человѣкъ бывалый и немало видавшій, онъ давалъ теперь пиры, приводившіе въ изумленіе не только Москвичей, но и иностранцевъ. На одномъ изъ такихъ пировъ былъ у него лѣтомъ 1643 года, то-есть въ первые же мѣсяцы послѣ свадьбы, Адамъ Олеарій, котораго Шляковъ постарался угостить по-московски. «Послѣ богатѣйшаго угощенія, записалъ Олеарій [1], графъ отозвалъ меня особо отъ другихъ гостей, повелъ въ другую комнату и сказалъ, что самая большая честь и благорасположеніе, какія только могутъ быть оказаны гостю въ Россіи, состоятъ въ томъ, что жена хозяина, какъ хозяйка дома, сама выходитъ къ пирующимъ и одинаково съ хозяиномъ подчуетъ гостя, а такъ какъ я, служащій у его свѣтлости герцога голштинскаго, очень пріятенъ ему, то, въ честь и изъ уваженія къ герцогу, многими высокими милостями котораго онъ пользовался во время своихъ странствованій и гоненій, онъ желаетъ и мнѣ оказать такую же честь. Затѣмъ явилась его супруга, очень красивая собою, хотя и подрумяненная, въ бывшемъ подвѣнечномъ платьѣ, въ сопровожденіи другой женщины, которая несла графинъ съ водкой и чарку. Вступивъ въ комнату, хозяйка поклонилась своему мужу, потомъ мнѣ, велѣла налить чарку водки, приложила ее къ своимъ губамъ и затѣмъ поднесла ее ко мнѣ и просила выпить, и это повторила до трехъ разъ. Графъ пожелалъ, чтобъ я поцѣловалъ его хозяйку; непривычный къ такой чести, я поцѣловалъ лишь руку, но графъ настаивалъ, чтобъ я поцѣловалъ ее въ губы, и я изъ уваженія къ высокому лицу долженъ былъ исполнить этотъ обычай. Въ заключеніе, послѣ всего, она подарила мнѣ носовой платокъ изъ бѣлой тафты, вышитый золотомъ и серебромъ и украшенный длинною бахромой. Такими платками дарятъ къ свадьбѣ невѣстъ жены и дочери знатныхъ господъ; на подаренномъ мнѣ платкѣ вышито было мелкими буквами имя Стрѣшнева, дяди царицы». Домъ Шлякова былъ полною чашей, пока не разоблачилось самозванство его хозяина.

Относительно имущества жены новообращенный пользовался обычными у насъ для мужей правами. Вдова помѣщица, выходившая

[1] Olearius, 1656, 206—207, пер. 197—198. Ср. Родъ Шереметевыхъ, III, 248—250

за «крещенаго иноземца», приносила за собою помѣстье, прижитое ею съ первымъ ея мужемъ. За то если иноземцы, поженившіеся на дочеряхъ московскихъ иноземцевъ, могли уѣзжать изъ Россіи со всѣмъ нажитымъ имуществомъ, лишь не увозя «животовъ старыхъ жителей московскихъ»; то женатый на православной новокрещенъ долженъ былъ оставаться въ Россіи навсегда: были попытки оставлять въ Россіи и самыхъ иноземцевъ, которые женились въ Московскомъ государствѣ, конечно, на русскихъ подданныхъ. Джонъ Мерикъ, пользовавшійся у насъ такимъ значеніемъ, что былъ въ состояніи выхлопотать англійскимъ купцамъ громадныя привилегіи, когда указалъ правительству на англійскихъ прикащиковъ, которые, покинувъ своихъ хозяевъ, поступили на государеву службу и женились на русскихъ, и просилъ, чтобы подобные переходы, убыточные для торговцевъ, были воспрещены, получилъ въ отвѣтъ: «У насъ иноземцевъ въ царскую службу неволею не берутъ, силою никого не женятъ и въ Московскомъ государствѣ неволею не оставляютъ никого; а кто царскому величеству бьетъ челомъ въ службу и царскія милости и жалованья ищетъ, такихъ великій государь не оскорбляетъ, но всякимъ иноземцамъ милость свою показываетъ и отъ своего царскаго жалованья не отгоняетъ». Такъ ничего и не добился проситель. Пріѣхавшій съ Мерикомъ Джонъ Скрупъ пожелалъ остаться въ Россіи и былъ посланъ на службу въ Казань. На ходатайство англійскаго короля объ отпускѣ его на родину Михаилъ Ѳедоровичъ «въ Англійскую землю отпустить его не велѣлъ, потому что онъ, Джонъ, въ Московскомъ государствѣ женился»[1]. Права выѣзда женившійся на православной безусловно лишался собственно ранѣе вступленія въ бракъ, еще при перекрещиваніи.

На такомъ положеніи вопроса о смѣшанныхъ бракахъ протестантовъ съ православно-русскими видны ясные слѣды рѣшенія его для лицъ высокопоставленныхъ, членовъ протестантскихъ королев-

---

[1] Полн. Собр. Зак. I, Уложеніе, XVI, 19; Доп. къ Акт. Ист. V, № 48, стр. 285; Рус. Ист. Библ. VIII, № 10, XX; «Выписка изъ Статейной книги (1621 г.) Англійскаго двора о жалобѣ Англичанъ, на принятіе въ царскую службу купеческихъ прикащиковъ», Сѣв. Архивъ, 1822, IV, 341—342; Соловьевъ, изд. 4, IX, 169.

скихъ домовъ и московско-царскаго, на устройство браковъ между которыми [1] было употреблено съ русской стороны необыкновенно много стараній и усилій.

Русскіе князья прежняго періода, удѣльно-вѣчеваго, въ семейномъ устройствѣ не чувствовали стѣсненій. Сами они женились и сыновей женили на нашихъ княжнахъ, боярышняхъ, или греческихъ царевнахъ и на дочеряхъ польско-литовскихъ и другихъ королей; дочерей выдавали за князей, бояръ и принцевъ. Ко времени укрѣпленія московской централизаціи дѣло измѣнилось. Самостоятельные удѣльные князья отжили свой вѣкъ; полунезависимые бояре стали въ положеніе слугъ; прежнее юридическое понятіе «по рабѣ холопъ» захватывало все большій и большій районъ. Изъ иноземныхъ принцевъ и принцессъ, съ паденіемъ Византіи, остались одни иновѣрные, вступать въ бракъ съ которыми въ Москвѣ считалось крайне опаснымъ для достоинства и чистоты Православія и неудобнымъ въ смыслѣ народномъ; думали допускать такой бракъ подъ условіемъ обращенія чужаго лица въ Православную вѣру, чего, конечно, достигнуть было весьма трудно. Въ свою очередь, на Западѣ не настолько знали и уважали Русь, чтобы по доброй волѣ ѣхать сюда за невѣстами или посылать своихъ принцевъ и принцессъ. Татарское иго рѣзко отдѣлило Русь отъ Запада, обособило ее: Московія казалась тамъ какою-то отдаленною варварскою страной.

Измѣненіе обстоятельствъ тяжелѣе всего отразилось на судьбѣ московскихъ княженъ. Для нихъ выходъ замужъ остался возможнымъ только за подданныхъ московскаго государя; но великіе московскіе князья нашли, что выдавать своихъ дочерей за подданныхъ или, какъ тогда начали называть, за «холоповъ» значитъ унижать себя; великимъ князьямъ подражали ихъ кровные родственники, князья одного съ ними московскаго корня: и имъ также не хотѣлось равняться съ «холопами». И напрасно Шлемскій, посолъ и сватъ Грознаго, съ необычайною настойчивостью увѣрялъ англійскую королеву Елп-

[1] Вопросъ этотъ былъ предметомъ нашихъ работъ: «Марья Владимировна и Магнусъ Датскій», Ж. М. Н. Просв. 1878, III, и «Изъ исторіи брачныхъ узъ въ царской семьѣ Московскаго періода». М. 1884.

завету, что «государи наши даютъ свои дочери за государей и государскихъ дѣтей», въ подтвержденіе чего сослался на примѣръ Елены, дочери Ивана III, выданной въ 1495 году за польскаго короля Александра [1]: примѣръ Елены Ивановны—лишь печальный отголосокъ предшествовавшей исторіи, который не только не повторился, но еще повелъ къ разрыву Россіи съ Польшей. Двери московскаго терема запирались все крѣпче, оберегались все ревнивѣе.

Софья Палеологъ была послѣднею великою княгиней, взятою изъ иноземныхъ принцессъ. По необходимости беря за себя подданныхъ, большею частью дѣвицъ незнатнаго дворянства, московскіе государи какъ бы утѣшались мыслію, что тѣмъ они возвышаютъ этихъ лицъ до себя. Но эта теорія удовлетворяла не всѣхъ: прочность ея постоянно ослаблялась мнѣніемъ, что для государей приличнѣе жены изъ царствующихъ въ Европѣ родовъ. Колебаніе теоріи проявлялось иногда даже въ крайне уродливой формѣ. Отправляя Писемскаго въ Англію въ качествѣ своего свата, первый же московскій царь, на возможный вопросъ: какъ жениться ему при живой женѣ? наказалъ ему держать такой отвѣтъ: «государь нашъ по многимъ государствамъ посылалъ, чтобъ ему, государю великому, по себѣ пріискать невѣсту, да не случилось: и государь взялъ за себя въ своемъ государствѣ боярскую дочь, не по себѣ; и будетъ королевнина племянница дородна и того великаго дѣла достойна, государь нашъ царь и великій князь, свою оставя, сговоритъ за королевнину племянницу» [2].

Въ силу предпочтенія, оказываемаго у насъ протестантамъ предъ католиками, и болѣе широкихъ и тѣсныхъ связей съ сѣверными государствами, попытки эти, когда принимали серіозный характеръ, естественно производились попреимуществу на одной половинѣ Европы, сѣверно-протестантской. Вопросы, имѣвшіе немаловажное значеніе вообще въ исторіи у насъ протестантства, въ данномъ дѣлѣ занимали

---

[1] Списокъ тайнаго посольства Ѳедора Писемскаго о сватовствѣ царя Ивана Васильевича и княжны Маріи Гастингсъ, въ Сборникѣ Импер. Русск. Историч. Общ., XXXVIII, 67; также въ Сѣвер. Архивѣ, 1824, IV, 315.

[2] Память послу дворянину и намѣстнику шацкому Ѳедору Ондреевичю Писемскому, Сборн. И. Р. И. Общ. XXXVIII, 6.

роль весьма видную. Стремленіе Москвы добыть и удержать балтійско-финское побережье и урегулировать внѣшнюю торговлю если и приводило къ столкновеніямъ съ сѣверозападными державами и какъ бы ослабляло устроивавшіяся съ ними связи; то эти же столкновенія служили внѣшними ближайшими поводами къ брачнымъ сношеніямъ, при чемъ государства, близко заинтересованныя, Данія и Англія, выставляли главный контингентъ подходящихъ для брака лицъ.

Несмотря на желаніе и старанія нашихъ государей, изъ брачныхъ сношеній увѣнчалось успѣхомъ всего одно, да и то какъ бы случайно; остальныя только открыли сокровенныя тайны Московскаго дворца и всю глубину тогдашней розни между Россіей и Западомъ. Что при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ должно бы устроиваться само собою, безъ особенныхъ затрудненій, то потребовало тогда съ нашей стороны самыхъ хитрыхъ подходовъ дипломатіи, различныхъ политическихъ махинацій, а иногда и непомѣрныхъ напряженій въ области богословской науки. И однако домовитая Москва, руководясь своимъ религіознымъ чувствомъ и политическимъ смысломъ, ни разу не поступилась здѣсь своими прямыми интересами; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда личныя стремленія правителей уходили слишкомъ далеко отъ общаго настроенія народной массы, роковой преградой являлись постороннія обстоятельства. Тутъ на всемъ лежитъ ничѣмъ неизгладимый отпечатокъ тогдашней, чисто московской эпохи.

Первое и вмѣстѣ съ тѣмъ приведшее къ цѣли брачное дѣло случилось при Іоаннѣ Грозномъ, во время его долголѣтней Ливонской войны и на почвѣ чисто политическихъ ливонскихъ интересовъ.

При покореніи Ливоніи, Ивану Васильевичу, кромѣ мѣстныхъ жителей, пришлось вести счеты съ Польшей, Даніей и Швеціей, державами въ то время первостепенными, почему онъ задумалъ подчинить Ливонію пока на правахъ вассальныхъ и съ этою цѣлью предложилъ сперва Фюрстенбергу, а затѣмъ Кетлеру титулъ ливонскаго короля. Не уладившись съ ними, Таубе и Крузе, агенты Іоанна, обратились къ Магнусу [1], юному владѣтелю Эзеля, выставляя въ

[1] По словамъ Крузе, сначала обратился къ нимъ самъ Магнусъ.

самыхъ радужныхъ краскахъ всѣ выгоды вассальнаго подчиненія. Предложеніе агентовъ пало на добрую почву.

Положеніе Магнуса было не завидно. Получивъ въ наслѣдство отъ отца, датскаго короля Христіана III, Шлезвигское герцогство, онъ сталъ въ двусмысленное отношеніе къ своему старшему брату, королю Фридриху II, который счелъ болѣе удобнымъ взять эти земли себѣ, а герцогу въ замѣнъ ихъ купить часть отдаленной Ливоніи, епископство Эзельское и Пильтенъ, куда Магнусъ и направился (1560 года) вмѣстѣ съ датскою дружиной и щедрыми обѣщаніями рыцарству, если оно пожелаетъ подчиниться ему. Открытымъ и уступчивымъ характеромъ, щедростью, доходившею часто до расточительности, юношескимъ пыломъ и склонностію къ веселымъ пирамъ Магнусъ, дѣйствительно, понравился привыкшимъ къ шумной жизни ливонскимъ дворянамъ; вскорѣ ему удалось присоединить Зонненбургъ и купить обширное епископство Ревельское. Но затѣмъ счастіе ему измѣнило. Своими успѣхами онъ вызвалъ энергическое противодѣйствіе со стороны своихъ соперниковъ, и они то тамъ, то сямъ начали вредить ему: Шведы даже оттерли его отъ богатаго Ревеля; а король Фридрихъ, не видя выгодъ въ содѣйствіи брату, не только почти совсѣмъ покинулъ его на произволъ судьбы, но и задумалъ еще захватить самый Эзель въ свои руки. Борьба съ соперниками и роскошная жизнь требовали между тѣмъ отъ Магнуса непосильныхъ расходовъ. Съ цѣлію поправиться, онъ посватался за сестру польскаго короля Анну, впослѣдствіи жену Стефана Баторія, и въ приданое просилъ нѣкоторыя помѣстья изъ Рижскаго архіепископства, но въ отвѣтъ отъ Сигизмунда-Августа получилъ лишь ѣдкій отвѣтъ подумать прежде о томъ, куда привести свою будущую супругу... И въ самомъ дѣлѣ, безпомощность и безсиліе Магнуса достигли того, что и съ русской стороны съ нимъ вздумали войти въ сношенія только послѣ неладицы съ Кетлеромъ. Молодой герцогъ обрадовался предложенію Ивана Васильевича, какъ нечаянной дорогой находкѣ. Ему казалось, что зависимость отъ московскаго царя дастъ ему необходимую внѣшнюю поддержку и, быть можетъ, всю Ливонію въ руки. Чтобъ ускорить интересные переговоры, Магнусъ самъ, не снесясь напередъ съ братомъ, по-

спѣшно отправился (въ мартѣ 1570 года) въ Москву въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, имѣвшей назначеніе прикрыть его безсиліе; его не остановили даже достигшіе до него слухи о производимой Грознымъ расправѣ съ Новгородомъ [1].

Въ Москвѣ хотя и правили кровавыя поминки по новгородскомъ погромѣ, Магнуса встрѣтили (въ началѣ іюня) со всѣмъ почетомъ, свойственнымъ гостепріимной русской столицѣ, въ первый разъ видѣвшей въ своихъ стѣнахъ такого знатнаго гостя. Грозный показалъ видъ, что насколько онъ строгъ къ своимъ, настолько милостивъ къ чужестранцамъ. Ради дорогаго гостя онъ отпустилъ изъ плѣна нѣсколько тысячъ дерптскихъ и другихъ гражданъ, угостилъ и щедро одарилъ всю его свиту — совѣтниковъ, дворянъ и слугъ; со своими гостями государь былъ очень веселъ, шутилъ и громко говорилъ, что теперь отъ всей души расположенъ къ Нѣмцамъ [2]; необычнѣе всего отнесся онъ съ своимъ вниманіемъ и милостями къ Христіану Боккорну, приднорному проповѣднику Магнуса [3]. На одномъ изъ торжественныхъ собраній самъ герцогъ былъ провозглашенъ королемъ Ливоніи и въ залогъ будущаго королевства данъ ему завоеванный русскими войсками городъ Оберпаленъ; за Магнусомъ, его наслѣдниками и всѣми жителями Ливоніи оставлены всѣ прежнія права, вольности, суды и обычаи, ихъ аугсбургское исповѣданіе, ливонскимъ городамъ дано право безпрепятственной торговли въ московскихъ областяхъ подъ условіемъ обязательства короля пропускать въ Москву заморскихъ купцовъ, всякихъ художниковъ, ремесленниковъ и военныхъ людей. Съ своей стороны Магнусъ торжественно

---

[1] A. Richter, Geschichte der dem Russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen. Riga, 1857, I; Sonntag, König Magnus въ Grave's Caritas. Riga, 1831; K. H. von Busse, Herzog Magnus, König von Livland. Leipzig, 1871; Dr. Th. Schiemann, Magnus, König von Livland, въ его Charackterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des sechszehnten Jahrhunderts. Hamburg u. Mitau, 1885, 77 и слѣд.; Бестужевъ-Рюминъ, Русск. Ист., II, 277—279, и др.

[2] Scriptores Rerum Livonicarum, II, Russow, Bl. 70 a и b (перев. и прим. въ Сборн. мат. и стат. по ист. Прибалт. края, III, 187—192); Henning, Bl. 51 b; Kelch, Liefländische Historia. Revall. 1695, 293.

[3] См. ниже, VII гл.

призналъ Грознаго своимъ сюзереномъ. Разошедшійся въ милости царь промолвилъ, впрочемъ, уже не въ торжественномъ собраніи, что онъ не довольствуется однимъ высокимъ званіемъ верховнаго господина надъ новымъ ливонскимъ королемъ, но желаетъ быть еще его и родственникомъ: вмѣстѣ съ ливонскою короной онъ совершенно неожиданно предложилъ ему руку своей двоюродной племянницы [1].

Предъ пріѣздомъ Магнуса въ Москву, Грозный лишилъ жизни своего двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича, князя Старицкаго, обвинивъ его въ различныхъ измѣнническихъ замыслахъ. Отъ несчастнаго остались двѣ дочери — Евфимія и Марья Владиміровны, едвали, какъ дѣти ненавистнаго брата, пользовавшіяся расположеніемъ дяди, и въ свою очередь, конечно, не любившія дядю, жестокаго убійцу ихъ отца. Иванъ Васильевичъ держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, въ неизвѣстности; люди, даже очень близкіе къ нему, напримѣръ Таубе и Крузе, считали ихъ убитыми вмѣстѣ съ ихъ отцомъ и матерью [2]. Очень вѣроятно, что царю думалось иногда объ ихъ судьбѣ; нечаянный пріѣздъ холостаго принца натолкнулъ его на счастливую мысль выдать за этого заѣзжаго гостя старшую изъ сиротъ, Евфимію Владиміровну. Ивану Васильевичу не было нужды ни до новаго, уже извѣстнаго намъ, укоренившагося обычая, ни до того, что современные ему русскіе архіереи въ своихъ вѣроисповѣданіяхъ клятвенно обязывались не дозволять браковъ православныхъ Русскихъ съ западными иновѣрцами. Нѣтъ сомнѣнія, ему казалось, что при помощи этого брака ему удастся какъ избавиться отъ части непріятной ему тягости, такъ и крѣпче прибрать къ своимъ рукамъ Магнуса и Ливонію, гдѣ положеніе Русскихъ становилось не совсѣмъ удобнымъ. Могла ли дочь Владиміра Андреевича содѣйствовать своему нелюбимому дядѣ? Но не въ томъ вопросъ: не въ обычаѣ Грознаго было разбирать средства для дѣйствія. Съ другой стороны, и жениху

---

[1] Historica Russiae Monimenta, I, №№ CLI – CLII; Schreiben des Herzog Ulrich an d. Kais. Maximilian II, von 25 Septemb. 1571, у Карамзина, IX, пр. 335, и въ Mittheilungen aus d. Gebiete d. Gesch. Liv-Ehst-und Kurland's. Riga, 1845, III, 124.

[2] Sendschreiben an Gotthard Kettler von J. Taube und El. Kruse, 1572, въ G. Ewers, Beiträge z. Kenntniss Russlands. Dorp. 1816, I, 168.

также было не до разбора невѣстъ: какую ни предложилъ бы ему царь, онъ, чтобы не оскорбить Грознаго, едвали нашелъ бы возможнымъ отказаться. Справиться же о мнѣніи невѣсты и позаботиться объ ея согласіи никому, кажется, не приходило въ голову.

Надъ брачными переговорами царила непроницаемая тайна; по крайней мѣрѣ ничѣмъ иначе нельзя объяснить незнанія о нихъ Таубе и Крузе, которые и послѣ того продолжали думать, что ни Евфиміи Владиміровны, ни ея сестры уже давно нѣтъ на свѣтѣ. Приданое обѣщано было богатое: сверхъ разныхъ вещей, пять бочекъ золота [1]. Все сложилось съ чрезвычайною быстротой и неожиданностію. Но самые сборы къ свадьбѣ еще далеко не были кончены, а съ ливонскими дѣлами медлить было тоже нельзя, и потому бракосочетаніе отложили до болѣе благопріятнаго времени. Отсрочка, чуть не разстроивъ всего дѣла, привела къ непредвидѣннымъ послѣдствіямъ.

Съ освобожденными ливонскими плѣнными и русскимъ войскомъ только что произведенный и единственный въ исторіи ливонскій король (кромѣ Магнуса никто больше не носилъ этого титула) отправился въ обратный путь, не имѣвъ, кажется, случая видѣть свою невѣсту. Провозглашенное имъ объединеніе всѣхъ орденскихъ земель подъ своею королевскою властью, какъ вѣрнѣйшее средство для страны освободиться ото всѣхъ терзавшихъ ее невзгодъ, получило сочувственный откликъ, но неудачная осада Ревеля положила преграду его успѣхамъ, и онъ отступилъ къ Оберпалену. Данія и Швеція заключили между собою союзъ; приставленные къ Магнусу, Таубе и Крузе передались Польшѣ. Самъ Магнусъ, опасаясь, что все это Грозный можетъ объяснить не въ его пользу, боясь подозрѣній и мести, поспѣшилъ убраться на Эзель. Отошла къ отцамъ и его невѣста Евфимія Владиміровна.

Тутъ, казалось, и конецъ дружественнымъ отношеніямъ между царемъ и королемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ затѣянной исторіи брака. Разумѣется, такъ бы и случилось, если бы взаимные интересы не тянули болѣе другъ къ другу главныхъ дѣятелей въ этой исто-

[1] Mitthell. III, 124; Карамзинъ, IX, прим. 335.

ріи. Нужда въ обоюдной помощи, напротивъ, значительно у нихъ усилилась.

Союзомъ со Швеціей Фридрихъ показалъ своему брату, чего этотъ можетъ ждать отъ него. Ревельцы въ свою очередь оскорбляютъ Грознаго. День снятія осады (16 марта 1571 года) ими положено праздновать каждый годъ, какъ день освобожденія отъ «московскаго тирана», и тѣмъ, вмѣстѣ съ горькимъ сознаніемъ тяжести потерь, возбуждается въ Грозномъ чувство злобы, личная месть. И вотъ, вмѣсто того, чтобы разрывать связи, вассальный король спѣшитъ оправдаться предъ царемъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ отвѣта, а царь рѣшается продолжать разыгрывать роль великодушнѣйшаго изъ людей и посылаетъ Магнусу любезное письмо, въ которомъ, успокоивая его, проситъ возвратиться въ Оберпаленъ и обязательно предлагаетъ ему на прежнихъ условіяхъ руку Марьи Владиміровны, младшей сестры умершей невѣсты. Магнусъ тотчасъ же соглашается; свое согласіе на этотъ бракъ шлетъ въ Москву и король Фридрихъ [1].

Одно препятствіе лежало еще на пути къ совершенію бракосочетанія — война со Швеціей, но и она, благодаря не замедлившемуся перемирію (весной 1573 года), вскорѣ прекратилась. На возвратномъ пути изъ Ливоніи, гдѣ Иванъ Васильевичъ провелъ послѣднюю зиму, онъ остановился въ Новгородѣ, чтобы послѣ военныхъ трудовъ найти покой и веселье.

Когда такимъ образомъ препятствія устранились, свадьбу, не откладывая далѣе, назначили въ Новгородѣ на 12 апрѣля 1573 года. Свидѣтелями ея пришлось быть многимъ. Помимо того, что здѣсь находилась часть возвращавшагося съ Грознымъ войска, Магнусъ прибылъ со свитой до 200 дворянъ и немалымъ числомъ дамъ; съ невѣстой пріѣхали царевичъ Иванъ Ивановичъ и много московскихъ бояръ и боярынь. Въ первый разъ Русскіе и Нѣмцы встрѣтились такъ близко.

Марья Владиміровна была очень миловидная дѣвочка; ей считали всего около 13 лѣтъ, а Магнусу 23 года. Спустя шесть мѣсяцевъ братъ послѣдняго писалъ [2] мекленбургскому герцогу, что она

---

[1] Mittheil. III, 124; Büsching's Magazin, VII, 303—304.

[2] Mittheil. III, 124; VIII, 266—267.

чистое дитя: достаточно яблока и немного сахару, чтобъ она оставалась снокойною. Впрочемъ, бракъ въ такіе годы у насъ не былъ рѣдкостью. Стоглавымъ соборомъ (1551 года) запрещалось выдавать замужъ лишь моложе двѣнадцати лѣтъ [1]; у западныхъ же путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, передается, что имъ часто встрѣчались молодыя женщины, которыя, преспокойно играя на улицѣ съ другими дѣтьми, ничѣмъ не отличались отъ своихъ маленькихъ сверстницъ, кромѣ развѣ особаго способа заплетать косу.

Въ какой своеобразной формѣ, допустившей сближеніе православнаго и лютеранскаго обрядовъ, было совершено обрученіе и вѣнчаніе, мы уже видѣли [2]. Нѣмецкая свита хотя со всѣмъ блескомъ участвовала въ свадебномъ поѣздѣ къ Дмитріевскому Православному храму, она не могла идти далѣе паперти, въ которой пасторъ долженъ былъ выполнить надъ принцемъ лютеранскій обрядъ, тогда какъ Москвитяне вошли въ самую церковь, гдѣ мѣстный священникъ обвѣнчалъ невѣсту по православному чиноположенію, въ присутствіи, повидимому, однихъ Русскихъ.

Отъ церкви поѣздъ направился къ государеву дворцу. Здѣсь открылся пиръ на славу. Пировали вмѣстѣ всѣ—и Русскіе, и иностранцы, только первые сидѣли выше послѣднихъ. Изъ русскихъ боярынь «большое мѣсто» занимала жена окрещенаго татарскаго царевича Михаила Камбуловича, противъ нея сидѣлъ князь Ив. Ѳед. Мстиславскій. Русскія забавы, начавшіяся послѣ обѣда, мѣшались вмѣстѣ съ иноземными. Гости разбушевались. Въ представленіяхъ, пляскахъ и пр. они, по словамъ одного изъ ливонскихъ лѣтописцевъ, дошли до такихъ безобразій, какихъ не испорченнымъ глазамъ и ушамъ нельзя ни видѣть, ни слышать. На общей радости развеселился и царь Иванъ Васильевичъ. Не гораздый въ пляскѣ, но большой охотникъ до пѣнія, онъ собралъ маленькихъ послушниковъ и запѣлъ съ ними символъ Аѳанасія Великаго. Пѣлъ онъ быстро, наизусть, и маленькіе товарищи не могли поспѣть за нимъ по книгѣ. Это его сердило, и когда они сбивались и отставали, онъ до крови билъ ихъ тяжелымъ посохомъ, которымъ регентовалъ.

---

[1] Стоглавъ, гл. XVIII. Ср. Кормчую книгу, ч. II, 26, 29, 60, 120.

[2] Выше, стр. 212—215.

Нѣмецкіе ученые, случившіеся тутъ, видно мало принимали участія въ увеселеніяхъ. Между ними и однимъ русскимъ игуменомъ, хорошимъ начетчикомъ, завязался сильный религіозный споръ; игуменъ выказалъ желѣзную неуступчивость, чѣмъ очень не понравился иноземцамъ—отголосокъ этого неудовольствія слышенъ и въ насмѣшкахъ надъ нимъ ливонскаго лѣтописца.

На ночь молодыхъ отвели въ опочивальню, приготовленную въ одномъ деревянномъ домѣ. Въ прихожей помѣстилось нѣсколько знатныхъ пожилыхъ женщинъ. Около дома ѣздило двое сильныхъ дворецкихъ, на обязанности коихъ лежало охранять покой новобрачныхъ. По утру царь надѣлилъ молодыхъ богатыми мѣховыми шубами. Пированье продолжалось нѣсколько дней [1].

Свадьбу сыграли; наступило время разсчета. Магнусъ мечталъ о богатомъ приданомъ. Онъ надѣялся, что получитъ обѣщанныя царемъ бочки золота, всѣ завоеванныя Русскими земли и будетъ жить со своею молодою женой въ довольствѣ, припѣваючи. Но недавнія измѣны Таубе, Крузе и другихъ Ливонцевъ научили Грознаго бо́льшей осторожности. Прежній обычай хвалиться своимъ необычайнымъ довѣріемъ къ иностранцамъ онъ уже оставилъ; Фелингу, послу мекленбургскаго герцога, онъ сказалъ около этого времени: «Нѣмцы мнѣ извѣрились». Неудивительно послѣ того, что онъ задумалъ попридержать, постѣснить Магнуса, и на его требованіе отвѣтилъ ему, чтобъ онъ, пока не докажетъ своей вѣрности, довольствовался пожалованными ему Оберпаленомъ и Каркусомъ.

Новобрачная чета поселилась въ этихъ своихъ владѣніяхъ. Въ одномъ Оберпаленѣ принадлежало ей до тысячи крестьянъ; жить бы

---

[1] Кромѣ указаннаго выше, о бракѣ и пиршествѣ см. у Dr. Vheling'a Sendung durch Livl. nach Nowgorod in J. 1572, въ Bunge's Archiv, I, 323—324; Henning'a, Bl. 55 a и b; Russow'a, Bl. 82 b изд. Script. Rer. Livon. II (перев. и примѣч. 221—222), Nyenstädt'a Livl. Chronik, въ Monum. liv. antigu. II, 76 (перев. въ Сб. мат. и стат. по ист. Приб. кр. IV, 46), Горсея, въ Библ. д. чт. 1865, № 5, стр. 37—38; Чт. Имп. Мос. Об. Ист. и Др. Рос., 1877, I, 13—14; Petreii, 190, пер. 125. Всѣ эти извѣстія настолько неполны и отрывочны, что пользоваться ими возможно только при снесеніи ихъ съ данными о другихъ княжескихъ свадьбахъ той эпохи.

еще можно было, пожалуй, не особенно бѣдно, если бы чета была попрактичнѣе: жена была не хозяйка и совершенное дитя, супругъ—довѣрчивый, до расточительности щедрый юноша. Вскорѣ онъ раздарилъ своимъ придворнымъ почти всѣхъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на бѣдность, взаимныя отношенія супруговъ были добрыя. Марья Владиміровна подчинилась вліянію своего мужа. Оставивъ въ покоѣ ея религіозныя убѣжденія, онъ постарался лишь объ измѣненіи ея внѣшняго вида, такъ что въ искусствѣ принарядиться и въ изящности манеръ она потомъ не уступала ливонскимъ дамамъ. У нихъ родилась (1580) дочь Евдокія, крещеніе [1] которой, очевидно, согласно условію брачнаго договора, совершено по обряду православному.

Родство съ Грознымъ не принесло Магнусу, чего онъ добивался: основать самостоятельное Ливонское королевство подъ номинальною зависимостью отъ московскаго царя ему не удалось. Правда, счастіе улыбалось ему не одинъ разъ: когда былъ въ союзѣ съ Грознымъ, онъ иногда возвышался на такую высоту, что, казалось, былъ уже близокъ къ цѣли; но это случалось какъ будто для того, чтобы затѣмъ быстрѣе и сильнѣе низвергать его внизъ. Число враговъ его возрастало: недруги московскаго царя превратились въ его собственныхъ. Братъ Фридрихъ взялъ у него Эзель; Шведы обрѣзывали его съ сѣвера, Поляки съ юга, и когда Баторій началъ одолѣвать наши войска, Магнусъ, чтобы спасти остатки своихъ владѣній, измѣнилъ Іоанну (не даромъ Іоаннъ прежде не довѣрялъ ему вполнѣ), поспѣшивъ отдаться новому сюзерену. Постепенно стѣсняя его во всемъ, Поляки обнаружили свои хитрыя притязанія и на его послѣдній укромный уголокъ, отдаленный Пильтенъ. Политическая его роль была доведена до ничтожества, такъ что онъ пересталъ употреблять даже свой почетный титулъ ливонскаго короля. Огорченія свели его въ могилу раньше времени. Онъ умеръ 18 марта 1583 года, 42 лѣтъ отъ роду, и былъ похороненъ въ Дворцовой пильтенской киркѣ. Тѣло его потомъ [2], перевезли въ Данію.

---

[1] Kelch, hiefl. Hist., Карамзинъ, IX, прим. 506.

[2] По Лѣтописи Рюссова (Russow, Bl. 134 a), въ 1584 году, а по пильтенскимъ церковнымъ книгамъ (Kalmeyer, Wo ist Herzog Magnus begraben? Das Inland, 1837, № 25, S. 417—418), много позднѣе, именно 5 апрѣля 1662 года.

Не осталась на мѣстѣ и его супруга. Щедрыми обѣщаніями сначала убѣдилъ (1583 года) ее переселиться въ свои владѣнія Баторій, потомъ заманилъ (1586 г.) ее въ Россію Борисъ [1], и ни тотъ, ни другой не исполнили своихъ обѣщаній: Баторій отправилъ ее въ Рижскую крѣпость, Борисъ—въ монастырь. Лишившись дочери, она подъ именемъ инокини Маѳы долго еще влачила здѣсь свою несчастную жизнь, хотя съ точностію и не извѣстенъ годъ ея смерти [2]. Въ послѣдній разъ упоминается о ней въ 1609 и 1611 годахъ [3]— во время осады Троицкой Лавры Поляками и разграбленія московскаго Новодѣвичьяго монастыря казаками Заруцкаго. Казаки до-нага ограбили ее вмѣстѣ съ другою подобною инокиней, дочерью Бориса, Ксеніей, и обѣихъ ихъ подвергли поруганію... Гробницы ея и ея дочери находятся въ Успенскомъ соборѣ Троице-Сергіевой Лавры [4].

Тяжело было житье нашихъ княженъ въ теремахъ, но все же трудно сравнивать его съ судьбой кн. Маріи Владиміровны. Первый бракъ между нашею православно-русскою княжной съ нѣмецко-протестантскимъ принцемъ какъ будто и устроился только затѣмъ, чтобы подвергнуть чету тяжкимъ невзгодамъ.

Устроивъ этотъ смѣшанный бракъ, хотя бы, противъ воли устроителя, и не оправдавшій возлагаемыхъ на него надеждъ и не

---

[1] Вслѣдъ за Горсеемъ (Библ. д. чтен. 1865, № 6, стр. 8—11) въ нашей исторической наукѣ (Костомаровъ, Русская исторія, 1880, I, 589) до сихъ поръ держится мнѣніе, будто она съ ея согласія была похищена тайно отъ коменданта крѣпости. Дѣло, какъ показываютъ оффиціальные документы (Тр. и Лѣт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1837, VIII, 392—393), обошлось проще, безо всякихъ романическихъ похищеній: наше правительство, заручившись тайнымъ согласіемъ Маріи Владиміровны, обратилось къ польскому правительству о добровольномъ ея отпускѣ въ Россію, а послѣднее, давно тяготившееся непріятною для него обузой, съ полною готовностію исполнило эту давно желанную просьбу.

[2] Дата на ея гробницѣ («лѣта ≠ζр҃є (1597) іюня т҃і (13) дня, преставися благовѣрная королева инока Маѳа Владиміровна») невѣрна и ошибка сдѣлана, вѣроятно, при подновленіи. Ср. Флетчера, 15, 26.

[3] Акт. Ист. III, 286; Собр. г. гр. и дог., II, 585.

[4] Подробнѣе объ этомъ см. въ нашей статьѣ: Марья Владиміровна и Магнусъ Датскій, Журн. Мин. Нар. Просв., 1878. III.

принесшій четѣ счастія, Грозный, какъ ни домогался, не былъ въ силахъ найти на Западѣ подходящую пару для себя.

Поискать себѣ невѣсту «въ иныхъ государствахъ, у короля или у царя котораго», Иванъ Васильевичъ задумалъ еще прежде, чѣмъ родилась Марья Владиміровна. Митрополитъ склонилъ его оставить эту мысль, и царь заявилъ (1547) ему: «азъ, отче, ту мысль отложилъ, въ иныхъ государствахъ не хочу женитися: для того, что послѣ своего отца и матери остался малъ, привести мнѣ за себя жену изъ другаго государства, и у насъ въ нравахъ будетъ разное и иное между нами будетъ тщетно» [1]. Выборъ палъ на невѣсту изъ своихъ, на Анастасію Романовну. Послѣ ея смерти вліяніе духовенства и лучшаго боярства на Іоанна ослабѣло. Онъ намѣтилъ себѣ въ супруги дочь ревностнаго католика, Сигизмунда I Польскаго, Екатерину, и продолжалъ домогаться ея даже по выходѣ ея за финляндскаго герцога, потомъ шведскаго короля Іоанна, заключилъ съ этой цѣлію формальный договоръ съ послами короля Эриха XIV, пока ея мужъ съ позоромъ не выслалъ изъ Стокгольма не впору пріѣхавшихъ туда русскихъ пословъ-сватовъ. Свою неудачу Грозный впослѣдствіи объяснялъ тѣмъ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе шведскими послами, которые увѣрили-де его, что мужъ Екатерины, герцогъ Иванъ, умеръ, не оставивъ ни дѣтей, ни наслѣдниковъ, почему онъ и просилъ выдать вдову и, согласно съ договоромъ, отправилъ за ней пословъ, которые однако воротились поруганные и ограбленные. Такъ онъ объяснялъ это новымъ шведскимъ посламъ, абовскому епископу Павлу Юстену съ товарищами, которыхъ, во отмщеніе ихъ королю Ивану III, подвергъ предъ тѣмъ тяжелымъ невзгодамъ. Наканунѣ ихъ отпуска въ отечество наши бояре разспрашивали (въ генв. 1572 г.) пословъ о лѣтахъ и красотѣ сестры королевской и выразили желаніе имѣть ея портретъ. Нѣсколько ранѣе царь сватался было за ея старшую сестру, Цецилію, славившуюся красотой. Цецилія скоро предалась разгулу и думала о жизни совсѣмъ не въ такомъ замкнутомъ обществѣ, какимъ казалось тогда московское, а взаимныя отношенія царя съ братьями принцессъ, шведскими коро-

[1] Царственная книга. Спб. 1769, 127.

лями, слишкомъ были враждебны, чтобы эти попытки [1] сватовства за дочерей Густава I Вазы могли привести къ желаемой цѣли. Неудачи не остановили Грознаго. Подъ конецъ жизни въ этомъ «потомкѣ Кесаря Августа», какъ онъ иногда любилъ величать себя, съ особою силою воскресла мысль о супругѣ изъ знатныхъ иноземокъ. Предлогомъ къ возобновленію попытки опять послужилъ ливонскій вопросъ.

Стѣсненный Баторіемъ и Швеціей, Іоаннъ вынужденъ былъ на весьма невыгодный миръ: мы были совсѣмъ отрѣзаны отъ балтійскихъ береговъ, изъ-за которыхъ погубили столько усилій, средствъ и людей. Тяжелый урокъ убѣдилъ его, какъ непосильна борьба съ западными сосѣдями, пока мы неравны съ ними въ ратномъ искусствѣ и пока у насъ тамъ нѣтъ вѣрнаго союзника. Потому, не покидая надежды воротить балтійскіе берега, Іоаннъ завелъ сношенія съ англійскою королевой Елизаветой о заключеніи наступательнаго союза противъ Польши и, чтобы лучше закрѣпить его, вплелъ сюда переговоры о женитьбѣ на одной изъ родственницъ Елизаветы, Маріи Гастингсъ, дочери графа Гэнтингдонскаго [2]. Бракъ долженъ былъ служить къ закрѣпленію и другаго предпріятія Іоанна. Одновременно съ тѣмъ царь велъ переговоры съ Елизаветой о тайномъ для себя убѣжищѣ. Какъ родственникъ королевы, онъ, конечно, былъ бы

---

[1] О нихъ у Juusten'a (Ewers, Beitr. zur Kenntn. Russl., I; Аделунгъ, Крит. лит. об., I, № 64) и стат. Якубова, Дочь Густава I, Ист. Вѣстн. 1887, X, 135—137.

[2] Главные относящіеся сюда документы хранятся въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., среди Англійскихъ дѣлъ, св. I, №№ 1 и 2, и изданы въ Сѣв. Архивѣ, 1882, I, 310—322, въ XXXVIII т. Сб. И. Рус. Ист. Общества, см. также Извѣстія Англич. о Россіи (съ англійск.), 95—105, и гр. Ю. Толстаго Послѣднее посольство англ. кор. Елизаветы къ ц. Ивану Васильевичу. Сэръ Еремѣй Баусъ, въ Рус. Вѣстн. 1861, II, 1—49, его же, Россія и Англія, №№ 41—53.—Гастингсъ приходилась королевѣ дальнею родственницей: ея прабабка (бабка ея матери) была двоюродною сестрой бабки (матери отца) Елизаветы. — Извѣстіе нашей лѣтописи (П. С. Р. Лѣт. IV, 318) и сообщеніе Горсея (Библ. д. чт. 1865, № 5, 53), будто бы Грозный, введенный въ заблужденіе Елисеемъ Бомеліемъ, первоначально думалъ жениться на самой Елизаветѣ, по доводамъ гр. Ю. Толстаго, (Англія и ея виды на Россію въ XVI вѣкѣ, Вѣс. Евр., 1875, VIII, 507 – 508; Россія и Англія, 33—34), не заслуживаютъ вѣроятія.

принятъ тамъ лучше, если бы, дѣйствительно, когда-нибудь пришлось ему воспользоваться выхлопатываемымъ дозволеніемъ. То же обстоятельство, что онъ былъ женатъ и его жена Марія Нагая находилась въ добромъ здоровьи, ему не казалось препятствіемъ. Женившись въ пятый или седьмой разъ и привыкши замѣнять своихъ супругъ другими, сластолюбивый старикъ съ такою же свободой могъ взять и восьмую, и считалъ это настолько естественнымъ, что переговоры о Маріи Гастингсъ онъ поручилъ сначала вести, между прочимъ, брату своей жены, Аѳанасію Нагому.

Началось съ того, что Іоаннъ попросилъ Елизавету о присылкѣ ему хорошаго доктора и аптекарей. Подобныя просьбы были тогда въ обычаѣ, и Елизавета исполнила ее: прислала доктора Роберта Якоба (Robertus Jacobus) [1], рекомендуя его съ самой выгодной стороны и выставляя на видъ, какъ онъ и аптекаря дороги ей («себя есмя ими оскудѣли»), и если отправляетъ, то, чтобы доказать ему, Іоанну, свою дружбу. Цѣль оговорокъ понятна: побуждать государя оказывать свое покровительство англійскимъ купцамъ. Въ бесѣдѣ съ Робертомъ, Іоаннъ какъ-то спросилъ его: есть ли въ Англіи какая государская дочь, вдова, жена или дѣвица? Докторъ указалъ на королевину племянницу Марію Гастингсъ. Царь велѣлъ оружейничему Богдану Бѣльскому, думному дворянину Аѳанасію Нагому и дьяку Щелкалову разспросить поподлиннѣе доктора о той «дѣвкѣ» и о дорогѣ, какимъ обычаемъ государеву послу ѣхать въ Англійскую землю. Снаряжено было посольство. Его составляли: дворянинъ Ѳедоръ Андреевичъ Писемскій, при немъ подъячій Епифанъ-Неудача Ховралевъ, толмачи Романъ Бекманъ и Эгидій Кроу. Послѣднему было поручено тайно сообщить Елизаветѣ о намѣреніи Іоанна прибыть въ Англію, а Писемскій долженъ былъ, ведя съ ея послами переговоры о заключеніи союза противъ Польши, открыть королевѣ, что Іоаннъ желалъ бы взять ея племянницу, еслибъ эта оказалась годною ему; на его обязанности лежало добиваться, чтобъ ему была показана невѣста и данъ ему съ нея портретъ, и высмотрѣть ее

[1] Онъ извѣстенъ у насъ болѣе подъ именемъ Романа Елизарьева. О немъ у Рихтера въ Ист. мед. въ Рос., I, 293—300.

накрѣпко, развѣдать о ней и объ ея родныхъ и обо всемъ донести своему государю.

16 сентября 1582 года посольство высадилось на англійскій берегъ. Подъ предлогомъ то мороваго повѣтрія, то доставляемыхъ посламъ увеселеній, представить его Елизаветѣ и начать съ ними переговоры Англичане не торопились. Торжественная аудіенція состоялась 4 ноября, въ Виндзорскомъ замкѣ, первое совѣщаніе съ министрами во второй половинѣ декабря. Писемскій заявилъ, что за союзъ противъ враговъ, особенно противъ короля польскаго, за помощь людьми или деньгами и за пропускъ въ Россію мастеровъ и всего, что̀ пригоже къ ратному дѣлу, государь обѣщаетъ выпускать изъ Россіи въ Англію все «безъ вывѣта». Министры отвѣтили, что прежде слѣдуетъ донести имъ о томъ до вѣдома королевы.

Какъ бы для ускоренія сношеній, Писемскій, уже терявшій терпѣніе, чрезъ своего толмача Елизара, далъ знать королевѣ, что у него есть до нея тайное дѣло. Хотя изъ донесенія доктора Роберта ей кое-что было извѣстно, однако Елизавета не показала о томъ виду, назначила Писемскому быть у нея (18 января 1583 г.) въ Ричмондѣ и, оставшись съ нимъ наединѣ, спросила, въ чемъ состоитъ тайный ему приказъ государя. Писемскій предложилъ королевѣ, чтобъ она показала ему свою племянницу, велѣла бы написать ея персону для передачи государю, чтобы государь, буде Марія пригодится для его царскаго чину, началъ о томъ съ королевой говорить какъ пригоже. «Любя брата своего, вашего государя, отвѣчала Елизавета, рада съ нимъ быть въ свойствѣ; но я слышала, что государь вашъ любитъ дѣвицъ красивыхъ, а моя племянница некрасива, и вашъ государь едвали полюбитъ ее; совѣстно мнѣ также и велѣть списать ея портретъ и послать его къ государю: лежала она въ оспѣ, отъ болѣзни не оправилась, лицо у нея теперь красное, ямоватое». Елизавета, очевидно, искала предлога, чтобъ отклонить предложеніе; но посолъ настаивалъ, и Елизавета, какъ ни отказывалась, наконецъ обѣщала ему, что какъ только племянница выздоровѣетъ, она велитъ ее показать ему и написать съ нея портретъ.

Елизаветѣ хотѣлось знать поточнѣе объ условіяхъ брака. Убѣждая посла, что безъ крѣпкаго договора не отпуститъ не только пле-

мянницы, но и менѣе знатной особы, и ободряя его тѣмъ, что теперь говоритъ съ нимъ сама, безъ совѣтниковъ, она побуждала его сказать ей все. Посолъ сообщилъ: «Государь нашъ, государыня, велѣлъ говорити: какъ судомъ Божіимъ сговоришь за него свою племянницу, и быть ей за нимъ въ одной съ нимъ Христіанской вѣрѣ, какъ равно и боярамъ, и боярынямъ, которые пріѣдутъ съ нею и захотятъ жить у ней на государскомъ дворѣ; а которые пожелаютъ возвратиться назадъ въ Англійскую землю, и тѣмъ вольно ѣхать съ великимъ государевымъ жалованьемъ и путь имъ будетъ чистъ по договору, на чемъ приговорятъ по докончаніи». — А если родятся дѣти у вашего государя съ моею племянницей?—«На государство быть сыну государя, царевичу Ѳедору и его дѣтямъ; а дѣтямъ, которыхъ Богъ дастъ государю нашему съ твоею племянницей, быть на удѣлахъ по ихъ царскому чину, какъ у нихъ, государей, ведется».—А если родится дочь?—«Государи наши выдаютъ дочерей за государей и за государскихъ дѣтей», отвѣчалъ Писемскій и указалъ на примѣръ Елены, выданной за польскаго короля Александра.

Переговоры о сватовствѣ не ускоряли переговоровъ о союзѣ. Отвѣтъ королевы о послѣднемъ Писемскому былъ данъ лишь во второй половинѣ марта. Свою помощь королева обѣщала подъ условіемъ торговой для Англичанъ монополіи. Писемскій возразилъ: «Какъ Англійской землѣ нельзя быть объ одномъ русскомъ торгу, такъ и Русскимъ людямъ нельзя быть объ одномъ торгу съ Англичанами». Успѣшнѣе, повидимому, шли дѣла у толмача Кроу. Принять въ Англію Іоанна обѣщали со всѣмъ его имуществомъ.

Между тѣмъ до англійскаго правительства достигла вѣсть, что у царя отъ Маріи Нагой родился сынъ Дмитрій. И безъ того бракъ съ Іоанномъ казался незавиднымъ, а тутъ еще новое затрудненіе, и стали пробовать, не откажется ли Писемскій отъ своего порученья. «И такимъ бы слухамъ королева не вѣрила, отвѣчалъ Писемскій: лихіе люди то ссариваютъ, не хотя видѣть промежъ государя да королевны добраго дѣла». Онъ запросилъ себѣ отпуска, если она не хочетъ исполнить ему своего прежняго обѣщанія—показать племянницу и дать ея портретъ.

Отпустить его такъ было не удобно. 17 мая онъ получилъ чрезъ Рандольфа приглашенье въ домъ канцлера Бромлея, чтобы видѣть невѣсту. Ему было наказано взять съ собою одного Елизарья, такъ какъ тамъ народу будетъ немного: самъ канцлеръ, братъ невѣсты и ихъ семьи. У крыльца встрѣтилъ ихъ самъ хозяинъ вмѣстѣ съ графомъ Гастингсомъ и провелъ прямо въ садъ, въ бесѣдку. На одномъ креслѣ Бромлей предложилъ сѣсть Писемскому, на другомъ сѣлъ самъ; Гастингсъ и Рандольфъ сѣли на лавкахъ. Вскорѣ явилась невѣста; она шла между хозяйкой и женой графа Гастингса; за ними толпились дамы. Хозяинъ и Писемскій встали и поклонились имъ; эти отвѣтили на поклонъ. И Бромлей сказалъ Ѳедору: «Высмотри внимательно; королева велѣла показать тебѣ племянницу не въ темномъ мѣстѣ, не въ каморѣ, не въ палатѣ, на свѣту». Гости отправились гулять по саду, Бромлей съ Писемскимъ также, и гости встрѣтились съ ними, чтобы Писемскій могъ еще разсмотрѣть Марію. — «Хорошо ли высмотрѣлъ?» спросилъ его хозяинъ. — «Я смотрѣлъ по государя моего наказу и по королевнину велѣнью». Бромлей воротился съ Писемскимъ въ бесѣдку, подчивалъ его овощами и виномъ. Немного посидѣвъ, Ѳедоръ всталъ, хозяинъ и Гастингсъ проводили его до лодки, Рандольфъ — до посольскаго двора.

«И княжна Хунтинскаго Марья Хантисъ, записалъ посолъ въ своемъ донесеніи, ростомъ высока, тонка, лицомъ бѣла, глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, на рукахъ пальцы тонкіе и долгіе» [1]. О пріятности, красотѣ онъ не промолвился ни словомъ.

---

[1] Отсюда ясно, какъ неправдоподобенъ разсказъ Горсея. «Посолъ, передается здѣсь, въ сопровожденіи разныхъ другихъ дворянъ и господъ, былъ представленъ леди (въ Горкгаузскомъ саду), но вдругъ растерявшись упалъ къ ея ногамъ, всталъ и побѣжалъ отъ нея задомъ съ обращеннымъ къ ней лицомъ. Она и всѣ прочіе удивились такой выходкѣ. Тогда чрезъ переводчика онъ сказалъ, что довольствуется однимъ взглядомъ на ангела, котораго онъ надѣется видѣть супругою своего государя, и восхвалялъ ея ангельскій видъ, станъ и удивительную красоту. Послѣ этого приключенія близкіе друзья при дворѣ прозвали ее московскою царицей» (Записки о Московіи XVI вѣка въ Библ. д. Чт., 1865, № 5, стр. 60). Нужно полагать, что таковые именно слухи ходили тогда въ англійскомъ обществѣ; въ этомъ отношеніи только и имѣютъ свое значеніе сообщаемыя Горсеемъ подробности.

Невѣста, дѣвушка пожилая, лѣтъ подъ тридцать, едвали была бы прочь пристроиться за жениха съ громкимъ титуломъ. Его многоженство не могло слишкомъ смущать ее. Сама Елизавета — дочь короля Генриха VIII мужа шести женъ. Несравненно болѣе должны были пугать Марію нравъ и годы царя. Со своей стороны, Елизавета любопытствовала о впечатлѣніи, какое произвела невѣста на свата. «Государь вашъ племянницы моей не полюбитъ, говорила она Писемскому, и не только онъ, но и ты, думаю, не полюбилъ ее».—«Мнѣ кажется, отвѣчалъ онъ, племянница твоя красива, а становится то дѣломъ Божіимъ: присудитъ Богъ быть твоей племянницѣ за нашимъ государемъ, и она полюбится. Что мнѣ сказать отъ тебя объ этомъ дѣлѣ государю?»—«О томъ я наказала со своимъ посломъ».

Это былъ Джеромъ Баусъ. Ему назначено было отправиться въ Россію вмѣстѣ съ Писемскимъ. Рондольфъ привезъ (13 іюня) Писемскому портретъ Маріи Гастингсъ, и пословъ проводили (21 іюня) съ честью.

Насколько Писемскій держалъ себя въ Англіи прямо, настолько постоянно хитрилъ у насъ Баусъ, исполняя не посильную для него миссію. При обѣщаніи Іоанну только убѣжища въ Англіи, онъ долженъ былъ добиться исключительной и безпошлинной торговли въ Россіи для англійскихъ купцовъ и отклонить требуемый Іоанномъ союзъ противъ его враговъ и женитьбу на Маріи Гастингсъ. Въ своихъ длинныхъ переговорахъ о союзѣ онъ постоянно сбивался, не обѣщая даже свободнаго чрезъ Англію пропуска въ Россію пословъ отъ государей, которые съ Англіей не въ дружбѣ и не одной вѣры. На послѣднее бояре замѣтили ему: «Вѣра дружбѣ не мѣха: хотя кто и не одной вѣры съ государемъ нашимъ, но будутъ ему друзьями тѣмъ, что станутъ къ нему посылать своихъ пословъ и гонцовъ; вотъ и государыня ваша не одной съ нимъ вѣры, а государь нашъ желаетъ съ нею быть въ любви и братствѣ мимо всѣхъ государей». За союзъ касательно Ливоніи Іоаннъ готовъ былъ даже поступиться монополіей, хотя самъ признавалъ это тяжелѣе пени.

Ничего не добившись здѣсь, Іоаннъ велѣлъ послу быть у себя 13 декабря, безо всякаго вооруженія, безъ меча и кинжала, для

переговоровъ о тайныхъ дѣлахъ. Съ обычнымъ торжествомъ ввели его въ Столовую избу, гдѣ присутствовали знатные бояре, кн. Ѳ. М. Трубецкой, Н. Р. Юрьевъ, Б. Я. Бѣльскій, Д. И. Годуновъ, окольничій С. В. Годуновъ; думные дворяне: Игнатій Татищевъ, Д. Черемисовъ, Воейковъ, дьяки Андрей и Василій Щелкаловы, Савва Фроловъ, И. Стрѣшневъ. Подозвавъ къ себѣ Юрьева, Бѣльскаго, Андрея Щелкалова и Фролова и самого посла, царь разказалъ вкороткѣ исторію сватовства и спросилъ Бауса, что̀ ему о томъ наказано отъ Елизаветы и какъ тому дѣлу можно статься. Баусъ началъ хитрить, показалъ видъ, будто бы объ условіяхъ брака Елизаветѣ ничего не извѣстно, кромѣ того, что Писемсмій просилъ ее прислать къ государю посломъ добраго и ближняго своего человѣка, и вотъ королевна послала его выслушать и довести до нея, что̀ государь ему скажетъ, а съ нимъ ничего не наказано. Іоаннъ обратился къ частнымъ вопросамъ. «Хотимъ мы, судомъ Божіимъ, говорилъ онъ, княжну Марью, племянницу Елизаветъ - королевны, за себя взять, и княжна Марья будетъ ли со мной въ одной вѣрѣ и какимъ обычаемъ тому дѣлу совершиться?» — «Племянница королевнина княжна Марья, отвѣчалъ посолъ, по грѣхамъ сильно больна, да думаю, что и отъ своей вѣры она не откажется: вѣра вѣдь одна христіанская». Здѣсь посолъ высказалъ иной взглядъ на религію, чѣмъ во время переговоровъ о союзѣ. На это государь замѣтилъ: «Я не о вѣрѣ съ тобой говорить хочу, и тому статься не возможно: княжнѣ, которой быть за нами, слѣдуетъ сперва креститься въ нашу Христіанскую вѣру; и вижу, что ты пріѣхалъ не дѣло дѣлать, а отказывать; мы больше съ тобой о немъ и говорить не станемъ, началось оно отъ задора доктора Романа, онъ намъ насказалъ про княжну». Понимая, къ чему можетъ повести это неудовольствіе Іоанна, Баусъ замѣтилъ: «Та, государь, королевнина племянница всѣхъ племянницъ дальше, и больна, и лицомъ некрасива; а есть у королевны дѣвицъ съ десять ближе ей въ родствѣ». «Кто же онѣ?» спросилъ царь. Долгіе переговоры о сватаніи Гастингсъ вдругъ, совершенно неожиданно для присутствующихъ, готовы были превратиться въ сватаніе другихъ Англичанокъ; но это совсѣмъ не входило въ разсчеты Бауса, и онъ отвѣчалъ: «мнѣ о томъ наказа нѣтъ, чтобы называть ихъ имена».

Хотя государь и заявилъ, что онъ больше о сватовствѣ говорить съ Баусомъ не желаетъ, однако эти слова сорвались у него больше отъ досады. Баусу, въ свою очередь, также хотѣлось смягчить прежнее впечатлѣніе, и чрезъ доктора Роберта онъ добился (18 декабря) у государя дозволенія говорить съ нимъ наединѣ. Всѣмъ дворянамъ и посольскимъ людямъ царь велѣлъ выдти изъ Столовой избы, указавъ остаться одному князю Ѳ. М. Трубецкому съ товарищами; они сѣли подальше отъ Іоанна, а дьяки стали у печи. Сборы къ переговорамъ не оправдались содержаніемъ послѣднихъ. Баусъ попрежнему повелъ рѣчь уклончиво. «Я слышалъ, сообщилъ онъ Іоанну, что государыня наша Елизавета, помимо всѣхъ государей, хочетъ любовь держать къ тебѣ, государю, и я хочу служить и службу свою тебѣ являть».—«Скажи же, допрашивалъ его царь, кто у королевны племянницы, дѣвицы, чьи онѣ дочери и въ какомъ родствѣ съ королевой? Я съ тобою пошлю своего посла посмотрѣть ихъ и портреты спять, а королева прислала бы своего».—«Я тебѣ, государю, въ томъ службу свою покажу и посмотрю, чтобы портреты написали прямо и послала бы ихъ королева къ тебѣ сюда».

Слова Бауса слишкомъ были не согласны со словами и дѣйствіями Елизаветы, какъ о нихъ передалъ Писемскій, такъ что Грозный велѣлъ сличить вѣрительныя грамоты этихъ пословъ: грамоты согласовались. Продолжать переговоры съ Баусомъ Іоаннъ поручилъ боярамъ. На ихъ вопросъ о родственныхъ королевѣ дѣвицахъ, о которыхъ онъ упомянулъ государю, посолъ началъ отрицать, что онъ о нихъ ничего не говорилъ ему. «Ты, Еремей, запираешься, урезонивали его бояре: говорилъ ты предъ государемъ, что есть у государыни вашей и краснѣе той дѣвицы и ближе ей въ родствѣ дѣвицъ до десяти, и ты въ томъ государю хотѣлъ служить и лица ихъ писать предъ собою, чтобы прямо написали; и толмачилъ Елизарьевъ». Толмачъ подтвердилъ. Уличенный во лжи, Баусъ оправдывался: «То я слово говорилъ, но безъ наказу отъ королевы мнѣ списка дѣвицъ давать нельзя, государю же я служить радъ, только еще моей службѣ время не пришло».

Вмѣстѣ съ переговорами завязалась тяжба. Баусъ обнесъ думнаго дьяка Андрея Щелкалова, будто бы онъ иначе передаетъ его слова;

пожаловался и на кормовщиковъ, что они не доставляютъ ему всего положеннаго. Щелкалова царь отстранилъ, кормовщиковъ велѣлъ бросить въ тюрьму. Своею предупредительностію онъ надѣялся вызвать посла на бо́льшую откровенность. Но Баусъ и въ переговорахъ съ царемъ, и въ переговорахъ съ боярами повторялъ прежнія рѣчи. Въ послѣдній разъ Грозный велъ съ нимъ бесѣду 14 февраля: «Исхуливъ прежнюю, сказалъ онъ ему, ты толку не далъ ни объ одной другой дѣвицѣ: знатно, пришелъ не дѣло дѣлать; и мы посылаемъ съ тобою новыхъ пословъ къ Елизаветъ-королевнѣ».

Къ чему привела бы отправка новыхъ нашихъ пословъ, неизвѣстно. Самъ Баусъ думалъ, что имъ исполнена миссія удачно, и считалъ себя на верху славы. «Іоаннъ, писалъ онъ въ своемъ отчетѣ, снова изъявилъ къ намъ особенное благорасположеніе; указалъ давать мнѣ вдвое и втрое съѣстныхъ припасовъ, вина, меду, пива»; велѣлъ изложить догматы англійской вѣры и прочесть изложеніе въ присутствіи бояръ; «хотѣлъ самъ ѣхать за невѣстой въ Англію и взять съ собой всю казну свою; больно наказалъ врага моего, дьяка Андрея Щелкалова, за его обманы; торговать обѣщалъ дозволить однимъ англійскимъ купцамъ». Значительныя преувеличенія расхвастaвшагося посла очевидны, но несомнѣнно, что Іоаннъ оказывалъ ему очень много милостей. Мысль объ убѣжищѣ въ Англіи и женитьбѣ на Англичанкѣ уже слишкомъ завладѣвали имъ.

Снарядить посольство помѣшала неожиданная смерть (18 марта 1584 года, ровно черезъ годъ послѣ смерти Магнуса) Ивана Васильевича. Прекративъ всякіе переговоры, свата у насъ проводили не по-честному. Своею заносчивостью, безтактностію и непомѣрными домогательствами онъ страшно надоѣлъ придворнымъ боярамъ и во многихъ изъ нихъ, особенно тѣхъ, которые держали сторону Голландцевъ, возбудилъ крайнюю ненависть. Къ нему былъ приставленъ недругъ Англичанъ и его личный врагъ, Андрей Щелкаловъ. «Твой англійскій царъ умеръ!» сказалъ онъ Баусу и велѣлъ оцѣпить его домъ. Крѣпкій караулъ длился болѣе двухъ мѣсяцевъ. Неудовольствіе на Бауса было до того сильно, что, если вѣрить Горсею, въ Думѣ поднимался вопросъ, не предать ли его смертной казни, и его спасло лишь представленіе Горсея, что Елизавета отомститъ за него. На-

конецъ потребовали его въ Кремль, вручили ему грамоту и приказали чрезъ три дня оставить Москву. 12 августа 1584 года онъ сѣлъ уже на англійскій корабль. Подарки ему были присланы почти ничего не стóящіе. Одинъ Борисъ Годуновъ, тайно отъ другихъ бояръ, вручилъ ему сорокъ хорошихъ соболей и просилъ передать королевѣ увѣренія въ его къ ней преданности. Этотъ зналъ, что̀ дѣлалъ....

Воспитанный въ школѣ Грознаго и усвоившій многое изъ его стремленій, въ рѣшеніи брачнаго вопроса Годуновъ потратилъ еще болѣе усилій, чѣмъ его учитель. Если родственнымъ связямъ съ европейскими дворами придавалъ такое значеніе Іоаннъ, государь по крови, то во мнѣніи Бориса, родъ котораго въ отношеніи знатности далеко уступалъ даже многимъ русскимъ боярамъ, эти связи могли казаться прямою необходимостію: помимо чисто государственныхъ цѣлей, онѣ должны были поднять значеніе его рода, такъ-сказать, облагородить его. За возможность породниться онъ готовъ былъ на самыя тяжелыя уступки и жертвы, а неудачи, понесенныя предшественникомъ, еще болѣе побуждали его не скупиться на обѣщанія привлекаемымъ имъ лицамъ и предоставить остальное дѣйствію времени и обстоятельствъ. Оторвавшись отъ родной почвы и попавъ въ русскую обстановку, чужеземные гости, какъ разсчитывалъ онъ, сами поймутъ свои интересы и легче поддадутся увѣщаніямъ оставить свой языкъ, религію и пр.

Борисъ хлопоталъ не о себѣ, а о дѣтяхъ, сынѣ и дочери. Ѳедору онъ назначилъ престолъ и думалъ женить его на принцессѣ, дочь Ксенію выдать за принца, который бы переселился на житье въ Россію, въ подаренный въ качествѣ приданаго удѣлъ.

Началось съ пріисканія жениха. По нашимъ лѣтописямъ [1], Ксенія представляла собою лучшій образецъ тогдашней боярышни. Роста была средняго, полная («тѣломъ изобильна»), бѣлолицая, румяная, глаза у нея черные, большіе, выразительные, брови союзныя,

[1] Русскія Достопамятности, I, 174; Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи. Собр. и изд. А. Поповъ. М. 1869, 314.

волосы черные, густые и лежали по плечамъ «какъ трубы», умная («чуднаго домышленія»), благонравная, навычная въ книгахъ, любительница духовнаго пѣнія, осторожная и благоприличная во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Нужно полагать, она была обучена всему, что̀ было обязательно для тогдашней барышни: кромѣ чтенія, письма и изученія книгъ, попреимуществу церковныхъ, шитью, вышиванію, иконописи, а быть-можетъ, какъ назначавшаяся въ жены для иностраннаго принца, и какому-нибудь изъ иностранныхъ языковъ. При воцареніи ея отца она считалась вполнѣ взрослой: ей шелъ семнадцатый годъ (родилась въ 1582 году). Для такой невѣсты выборъ жениха первоначально палъ на шведскаго принца Густава, племянника Цециліи.

Отецъ его Эрихъ XIV былъ низложенъ, и сынъ скитался по Европѣ, въ то время какъ изъ-за его наслѣдственнаго престола велся ожесточенный споръ между его родичами, Карломъ, его дядей, и польскимъ королемъ Сигизмундомъ, его двоюроднымъ братомъ. Этого скитальца Борисъ задумалъ сдѣлать вторымъ Магнусомъ: подчинить чрезъ него себѣ Ливонію на правахъ вассальныхъ, въ разсчетѣ, что шведскій и польскій короли теперь побоятся препятствовать тому, если онъ, имѣя подъ рукой такого претендента на шведскій престолъ, будетъ грозить польскому королю союзомъ со Швеціей, а шведскому союзомъ съ Польшей, и станетъ, обѣщаніями и разными милостями, подбивать Ливонцевъ отложиться отъ своихъ настоящихъ владѣтелей. Къ Густаву были отправлены послы, которые должны были уговорить его переселиться въ Россію, гдѣ государь дастъ ему княжеское содержаніе и будетъ относиться къ нему, какъ отецъ; здѣсь онъ можетъ остаться навсегда, но воленъ и уѣхать, когда пожелаетъ, со всѣми своими людьми и имуществомъ. Густавъ согласился и былъ у насъ почетно встрѣченъ (19 августа 1599 года), щедро одаренъ [1] и получилъ въ удѣлъ Калугу. Узнавъ, что ему живется въ Москвѣ хорошо, къ нему явилось на службу много иноземцевъ, которые знали его. Изъ Данцига онъ пригласилъ къ себѣ жену своего прежняго хозяина, Екатерину Катеръ, и сталъ открыто жить съ ней въ Москвѣ. Она пышно разъѣзжала по улицамъ Москвы; Густавъ, подчиняясь ея

[1] «Получилъ отъ государя 10.000 рублей, сумму незначительную въ сравненіи съ дарами». Margeret, 96, пер. 287.

вліянію, сумасбродствовалъ, и это соблазняло Москвичей. Махинаціи относительно Ливоніи, не подкрѣпленныя оружіемъ, не вели ни къ чему положительному: заговоръ нарвскихъ горожанъ о сдачѣ своего города Русскимъ былъ открытъ, и заговорщики казнены. Густаву было дано понять, что если онъ желаетъ, чтобы государь помогъ ему получить Ливонію и шведскую корону, то долженъ искать руки Ксеніи, прянять Православную вѣру и жить скромнѣе. Разгульный, своенравный принцъ, не имѣвшій, къ тому же, случая взглянуть хотя бы издали на свою красавицу-невѣсту, продолжалъ вести себя по-прежнему. На замѣчаніе, что такъ жить неприлично королевскому сыну, онъ обидѣлся, потребовалъ отпуска и, когда ему не дали его, пригрозилъ, что все же онъ уѣдетъ, да еще и Москву сожжетъ. Борисъ убѣдился, что такое лицо въ зятья не годится, лишилъ его Калуги, нѣкоторое время продержалъ подъ стражей и затѣмъ выслалъ (1601 года) на житье въ Угличъ. Доходы съ города и уѣзда, которые при хорошемъ хозяйствѣ могли достигать до 4.000 рублей, должны были выдавать Густаву приставленные для наблюденія за нимъ бояре. Послѣ Годунова ему стало еще хуже. Умеръ онъ въ Кашинѣ въ 1607 году, жалуясь на вѣтреность женщины, для которой пожертвовалъ счастіемъ жизни [1].

---

[1] Подробнѣе на немъ не останавливаемся, такъ какъ онъ по вѣроисповѣданію былъ католикъ, что необходимо признать, несмотря на авторитетное мнѣніе историковъ (Büsching, I, 5, Grot, I, 236, Jungblut, 4, Снегиревъ, 33 и др.) протестантскихъ церквей въ Россіи и даже Соловьева (изд. 3, VIII, 32), будто бы онъ держался протестантской вѣры и дѣйствовалъ въ ея интересахъ. Поводомъ къ ошибкѣ послужило извѣстіе Петрея (Hist. и Bericht, 252, русск. перев. 166), будто для него Годуновъ позволилъ перестроить прежнюю кирку, и извѣстіе Буссова (C. Bussovii Chronicon, 10; перев. 14), что его хоронилъ лютеранскій пасторъ Беръ. Петрей и Буссовъ прямо не называютъ Густава лютераниномъ, и они не имѣли случая видѣть его; писатели же, жившіе въ Россіи при Годуновѣ и лично знавшіе Густава (Margeret, 95 — 96, Масса, 70 — 73), разсказывая объ его судьбѣ, ничего не упоминаютъ ни о томъ, какой держался онъ религіи, ни объ его услугахъ въ пользу лютеранскихъ церквей въ Москвѣ, а шведскіе, датскіе и нѣмецкіе историки (Schlegel, Dalin, Geiger, Fryxell), пользовавшіеся лучшими источниками относительно вѣроисповѣданія Густава, прямо утверждаютъ, что онъ исповѣдывалъ католичество и что католичество именно онъ и не соглашался перемѣнить на Православіе. Fechner, I, 130.

Между тѣмъ въ Англіи возникло опасеніе, какъ бы семья Бориса не породнилась съ членами Австрійскаго дома, и Елизавета наказала своему послу Ричарду Ли препятствовать тому и, для вида, въ невѣсты Ѳедору предложить дочь Фердинанда Станлея, графа Дарби. Невѣста оказалась на нѣсколько лѣтъ старше жениха. Такъ какъ Борисъ пожелалъ, чтобъ ему указали иныхъ лицъ, то Елизавета послала съ другимъ своимъ посломъ, Джономъ Мерикомъ, списокъ своихъ родственниковъ, чтобы царь самъ посмотрѣлъ, не найдется ли подходящей невѣсты или жениха для его дѣтей. Принятый (10 февраля 1602 года) ласково въ Москвѣ, Мерикъ вмѣстѣ съ А. И. Власьевымъ занялся переводомъ на русскій языкъ списка Англійскаго королевскаго дома, причемъ Власьевъ выразилъ ему свое недоумѣніе, что королева не упомянула о графскихъ фамиліяхъ Гартфортъ и Гэнтингдонъ. Всѣ названныя въ спискѣ лица Борису показались «не противъ лѣтъ» его дѣтей, и такой отвѣтъ его былъ доставленъ (5 сентября 1602 г.) Мерикомъ Елизаветѣ.

Зная о возрастѣ царскихъ дѣтей, Елизавета «подобіемъ дѣла» старалась лишь «доставить удовольствіе царю» [1]. На требовательность же, обнаруженную Борисомъ, имѣло вліяніе не одно несоотвѣтствіе лѣтъ: въ Москвѣ ожидали тогда датскаго принца Іоанна, младшаго брата короля Христіана IV.

Съ Даніей были заведены сношенія подъ предлогомъ покончить издавна тянувшіяся несогласія изъ-за Лапландіи. Среди переговоровъ было сообщено Христіану, что Борисъ желалъ бы выдать свою дочь за его младшаго брата Іоанна [2]. Предложеніе едвали было неожи-

---

[1] Hamel, Thradescant d. Aeltere 1618 in Russland. 248—249; Англичане въ Россіи. 329—331; гр. Толстой, стат. о Баусѣ, 48—49.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Датскія, св. 2, 1602 года № 1: «Пріѣздъ въ Россію дацкаго королевича Ягана»; св. 9, 1637 г., № 1: «Пріѣздъ въ Москву дацкаго гонца Николая Голмера съ просительною королевскою грамотой объ отпускѣ въ Данію тѣла умершаго въ Москвѣ въ 1602 году дацкаго королевича Ягана»; 1639 года, № 3: «Вторичный пріѣздъ Николая Голмера съ королевскою грамотой о благодареніи за отпускъ въ Данію королевичева тѣла». Русск. лѣтопись по Никонову списку, VIII, 50; Лѣтопись о многихъ мятежахъ, С.-Петербургъ, 1788, 66—67; Новый Лѣтописецъ, Временникъ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. XVII, отд. II, стр. 55—56; Симбирскій Сборникъ, 149—151; Wahrhaffige Relation

данно: о возможности этого брака въ Англіи поговпривали, еще какъ только Борисъ вступилъ на престолъ. Для Датскаго двора это сулило значительныя выгоды, такъ какъ теперь ему представлялся удобный случай легче и съ большею пользой для себя разрѣшить тяготившій его вопросъ о Лапландіи и пріобрѣсть въ Россіи надежнаго союзника противъ своей соперницы Швеціи, съ которою шелъ у него извѣстный споръ о трехъ коронахъ въ ихъ гербахъ. Нашими послами былъ переданъ Христіану портретъ невѣсты, сдѣланный московскимъ ювелиромъ Яковомъ Ганомъ; датскіе послы привезли въ Москву портретъ жениха. Бракъ устраивался. Іоаннъ долженъ былъ переселиться въ Россію. Въ удѣлъ ему назначалась Тверская область. Но Христіанъ ставилъ условіемъ брака, чтобы герцогу и его свитѣ было предоставлено безпрепятственное отправленіе религіозныхъ обязанностей по аугсбургскому исповѣданію и чтобы имѣть герцогу собственную церковь, будетъ ли онъ жить въ Москвѣ, или въ иномъ мѣстѣ, при Царскомъ дворѣ, гдѣ бы этотъ ни находился, и право строить кирки въ своемъ княжествѣ. Повторяя требованіе короля, датскіе послы Нильсъ Краге и Клаусъ Пазелихъ, когда прибыли въ Москву [1], въ переговорахъ съ нашими боярами настаивали,

---

der Reussischen und Musskowitischen Reise... Hertzog Johannsen der jüngern. Magdeburg, 1604, въ Magazin Büsching'a, VII; пер. въ Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1867, IV; Gyldenstiernes Dagbog, Historisk Calender udgiven af Engelstoft og. J. Möller Kjöbenhavn, 1814; Massa, Сказанія. 82—96; Margeret, 108—109 пер. 292; Petrejus 278—282, перев. 181—184, и другіе. Fechner, I; бар. Корфъ, Принцъ датскій Іоаннъ въ Россіи, Сѣверн. Архивъ, 1822, № 8; М. Хмыровъ, Ксенія Борисовна Годунова, Разсвѣтъ, т. XIII—XIV; Костомаровъ, Ксенія Борисовна Годунова, Историч. Вѣстникъ, 1884, № 1; Карамзинъ, XI, Соловьевъ, VIII, и другіе.

[1] Изъ выписки о пріѣздѣ датскихъ къ намъ пословъ въ концѣ XVI и начала XVII вѣка, хранящейся въ Архивѣ, видно, что они пріѣхали въ Москву 14 марта 1602 года, вмѣстѣ съ государевыми послами Иваномъ Ржевскимъ и дьякомъ Дмитріевымъ Постникомъ, и представлялись царю 25 марта. Шли они Благовѣщенскою папертью; царь былъ въ Подписной средней палатѣ и сидѣлъ на своемъ царскомъ мѣстѣ, въ царской одеждѣ. Послы подали царю грамоту и письмо (М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Датскія 1559—1604 г., св. I: «Краткая выписка о пріѣзжихъ въ Россію датскихъ послахъ, посланникахъ и гонцахъ, и о бывшей имъ въ Москвѣ встрѣчѣ, и дачѣ имъ поденнаго корму и при от-

чтобы построеніе кирокъ въ Твери было предоставлено на полную волю герцогу, такъ чтобъ ему не нужно было каждый разъ спрашивать о томъ разрѣшенія. Бояре отвѣчали уклончиво: «Государь не хочетъ приказывать княжеской милости, чтобъ онъ строилъ или не строилъ въ Твери кирки, потому что будетъ въ волѣ его княжеской милости дѣлать во своей землѣ, что̀ ему заблагоразсудится». Послы не отступали, и въ грамотѣ Годунова (10 апрѣля 1602 года), заключающей въ себѣ окончательныя условія брака, прямо было означено, что королевичу и его людямъ помѣхи въ ихъ вѣрѣ не будетъ, что его пасторы могутъ совершать свою службу по датской религіи, что онъ можетъ строить въ Москвѣ дворъ и кирку или каменный домъ, и совершенно свободенъ дѣлать то же самое въ Тверской области. Тверь, со всѣми приписанными къ ней городами, селеніями и землями, предоставлялась ему съ Ксеніей въ потомственное владѣніе, кромѣ того сулилось четѣ четыреста тысячъ польскихъ золотыхъ; честь была обѣщана зятю такая же, какъ природному царскому сыну; воленъ онъ былъ изъ своей области ссылаться со своими родными, ѣздить къ нимъ на свиданіе; судъ въ Твери правится подъ его начальствомъ, однако по русскому закону и обычаю: королевичъ и всѣ его Датчане безусловно должны быть уже вѣрны государю, Датчане должны въ томъ клясться подъ присягой [1].

Іоаннъ (родился 26 іюня 1583 года) былъ третій сынъ короля Фридриха II и носилъ названіе Младшаго въ отличіе отъ своего дяди, герцога Іоанна Зондербургскаго. Во время сватовства онъ вое-

---

пускѣ подарковъ»). Письмо, нужно полагать, заключало въ себѣ королевскія условія брака.

[1] Такъ какъ Статейный списокъ переговоровъ о бракѣ въ М. Гл. Архивѣ М. И. Дѣлъ не сохранился, то объ этихъ брачныхъ условіяхъ въ нашей исторической наукѣ, какъ заявляли и сами историки (Карамзинъ, XI, 28; Костомаровъ, 14—15), не было извѣстно; нѣкоторыя извлеченія сообщены были изъ Датскаго Королевскаго Тайнаго Архива въ Христіанборгѣ п. Фехнеру. Въ настоящее время, по нашей просьбѣ, чрезъ дирекцію Московскаго Архива, прислана оттуда намъ копія съ докончальной грамоты объ брачныхъ условіяхъ. Мы помѣстимъ ее въ IV томѣ издаваемыхъ намп «Памятниковъ къ исторіи протестантства въ Россіи».

валъ въ Нидерландахъ подъ испанскими знаменами и воротился на родину, когда его участь была предрѣшена. Перваго августа 1602 года, въ день, назначенный для его отъѣзда въ Россію, выслушавъ богослуженіе и проповѣдь, торжественно простился онъ со своимъ братомъ въ присутствіи всего двора; сановники проводили его на карабли и весело разстались тамъ съ нимъ. Его сопровождалъ громадный штатъ: королевскіе послы, сенаторы Аксель Гильденстернъ, Аксель Браге и Христіанъ Голькъ, затѣмъ канцлеръ Георгъ Веберъ, пасторы Лундъ и Іорданъ, два доктора, дворяне, слуги, всего около 350 человѣкъ [1], не считая тѣхъ, которые плыли съ нимъ только до русской границы.

Въ Иванъ-городѣ или, какъ тогда называли его, Русской Нарвѣ, королевича ожидали бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ и думный дьякъ Аѳанасій Власьевъ, нарочно присланные (1 іюня) сюда для его встрѣчи. Мѣстный воевода князь Ростовскій, которому царь приказалъ изготовить для того суда, столовые и всякіе другіе запасы, хотя и слышалъ, что королевичъ, пожалуй, прибудетъ къ Петрову дню, однако съ заготовкой не торопился. Немалымъ препятствіемъ служила ему его болѣзнь и то, что все надобно было готовить секретно отъ своихъ сосѣдей, Ливонцевъ. Оберегая себя, Салтыковъ и Власьевъ отправили (4 іюля) царю жалобу, что князь

[1] Число иноземцевъ, пріѣхавшихъ съ Іоанномъ въ Россію, опредѣляютъ различно: Margeret (108) въ 200 (ему слѣдуетъ баронъ Корфъ, 86), Massa (86) въ 400 человѣкъ (это принимаетъ Костомаровъ, 15); мы основываемся на хранящейся въ Архивѣ росписи государева жалованья, которое выдавалось въ Москвѣ королевичу и его людямъ. «Въ $\overline{\text{рі}}$-мъ году, значится въ ней, приходилъ ко государю царю и великому князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи датцкой королевичъ Яганъ, а съ нимъ ко государю прислалъ Христіянусъ корольословъ своихъ $\overline{\text{г}}$-хъ человѣкъ: Аксела Гулденстерна, да Оксела Брака, да Христьяна Олка. А съ королевичемъ и съ послы было дворянъ и посолскихъ людей всего $\overline{\text{тнк}}$ человѣка» (Дѣла Датскія 1602 г., св. 2, № 1). Въ выпискѣ о бытности у насъ Ивана, сдѣланной (1642) въ Посольскомъ приказѣ предъ пріѣздомъ Вальдемара, дополняется это: «По росписи, королевскихъ лутчихъ людей: $\overline{\text{а}}$ статьи $\overline{\text{г}}$ человѣка, дворянъ королевскихъ и королевичевыхъ людей: $\overline{\text{к}}$ статьи $\overline{\text{к}}$ человѣкъ, $\overline{\text{г}}$ статьи $\overline{\text{нк}}$ человѣка, досталныхъ $\overline{\text{сод}}$ (?) человѣка; всего $\overline{\text{тнк}}$ человѣка» (Дѣла Датскія 1642 г., св. 13, № 6).

Ростовскій не выдаетъ имъ росписи изготовленнаго и что потому они вынуждены были сами осмотрѣть припасенныя суда, стоящія на рѣкѣ Наровѣ, близь Гостиннаго двора, но «суденышекъ» нашлось мало, всего съ пятнадцать, да и тѣ худы, добро лишь одно судно, для королевича. Слышались жалобы и съ другихъ пунктовъ пути. Многіе изъ крестьянъ, взятыхъ для удѣлки дороги, бѣжали, ссылаясь на голодъ и безъ кормицу. Дворяне, получившіе приказъ съѣзжаться въ города, лежавшіе на пути королевича, съѣзжались неохотно. Между тѣмъ Борису хотѣлось удивить своего будущаго зятя богатствомъ, роскошью и радушіемъ, и онъ ничего не жалѣлъ, чтобы къ пріѣзду принца все было готово. Въ приготовленіяхъ къ пріему принца и въ отношеніяхъ къ нему у Бориса вообще часто проглядывалъ не столько царь, сколько прежній бояринъ, привыкшій падать предъ громкимъ титуломъ.

Какъ только было дано знать, что принцъ подплылъ, Салтыковъ и Власьевъ выслали тридцать одно судно—одно для королевича, остальныя подъ его свиту, людей, подъ обиходъ и рухлядь. Судно, изготовленное для принца, вышло на славу: оно было самое большое, на немъ сдѣланъ «чердакъ», извнутри до лавокъ подволоченный червчатымъ бархатомъ, а отъ лавокъ до помосту и на помосту устланный коврами, снаружи покрытъ краснымъ сукномъ, рѣшетки росписаны разными красками. На берегу былъ раскинутъ большой шатеръ, стояли стрѣльцы и 100 выборныхъ дворянъ. Часу въ четвертомъ пополудни 11 августа 1602 года принцъ вступилъ на русскій берегъ и прошелъ въ шатеръ. Здѣсь привѣтствовали его Салтыковъ и Власьевъ и поднесли ему царскіе подарки. Королевичъ отвѣтилъ, что желаетъ государю здоровья, благодаритъ его за дары и хочетъ поскорѣе видѣть его. При въѣздѣ гостей въ Иванъ-городъ, салютовали имъ изъ пушекъ. Въ городѣ остановился принцъ дней на семь, пока выгружали его корабли.

Послы пожелали договориться съ Салтыковымъ относительно дальнѣйшаго пути. Позвавъ (13 августа) его съ Власьевымъ на королевичевъ дворъ, они потребовали отъ него, чтобъ ихъ, ради чести принца, на всемъ пути до Москвы ставили съ нимъ вмѣстѣ, а не порознь. Салтыковъ и Власьевъ обѣщали, если только того пожe-

лаетъ королевичъ. Послы продолжали: «будутъ по городамъ встрѣчать королевича боярскія дѣти и княжата, и какъ королевичу чтить ихъ?» Наши отвѣчали: «въ томъ Яганова королевичева воля, какъ кого захочетъ жаловать по своему государскому чину». Относительно же себя они заявили, что когда приходятъ къ королевичу челомъ ударить, онъ жалуетъ ихъ не по мѣрѣ: встаетъ, витается съ ними, снявъ шляпу, а они того недостойны; и просили, чтобъ онъ, королевичъ, учинялъ съ ними, какъ у нашихъ государей бываетъ, по ихъ чину и достоянью. «Королевичъ, оправдывали его послы, еще молодъ, и мы московскихъ обычаевъ не знаемъ; а какъ, дастъ Богъ, пріѣдетъ къ государю на Москвѣ и узнаетъ московскіе обычаи, по тому и учнетъ дѣлати». Наши потребовали роспись, сколько и кто пріѣхалъ съ королевичемъ, чтобы сообразно съ тѣмъ выдавать каждому кормъ и питье. Роспись была выдана.

Весь путь отъ Иванъ-города до Москвы былъ торжественнымъ шествіемъ. Двигалась блестящая нѣмецкая колонія, сопровождаемая русскими дворянами и отрядомъ стрѣльцовъ. Ѣхали медленно, верстъ отъ пятнадцати до тридцати въ сутки. На каждомъ привалѣ предлагалось богатое угощенье, по городамъ устраивались торжественныя встрѣчи и особенно въ Новгородѣ (23 августа). «И королевичъ, доносилъ Салтыковъ государю, ѣхалъ въ возкѣ, съ нимъ королевскіе послы, а платьицо на немъ было отласъ, сдѣлано съ канителью по-нѣмецки, шляпка пуховая, на ней кружевца, дѣлано изъ золота да серебра съ канителью, чулочки шелкъ алъ, башмачки сафьянъ синь; и было на немъ то платьицо, какъ ѣхалъ съ корабля». За версту до города встрѣтили его новгородскій воевода князь Василій Буйносовъ и дьякъ Поздѣевъ и болѣе тысячи дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ конниковъ; воеводу и дьяка королевичъ допустилъ къ рукѣ. У посада ударили ему челомъ лучшіе торговые люди, человѣкъ съ пятьдесятъ, Юрій Иголкинъ съ товарищами, и ихъ также онъ жаловалъ, звалъ къ своей рукѣ. На мосту и по улицамъ стояло множество народа, и всѣ при проѣздѣ королевича кланялись ему. Королевичъ остановился въ домѣ Иголкина, а подъ его свиту отвели другихъ тридцать домовъ. Здѣсь королевичъ захотѣлъ подождать тѣхъ изъ своей свиты, которые отстали въ Иванъ-городѣ. Располагая

свободнымъ временемъ, онъ съѣздилъ (25 августа) за городъ на охоту, вверхъ по Волхову и инымъ рѣчкамъ до Юрьева монастыря, ѣдучи тѣшился, стрѣлялъ изъ самопала и билъ утятъ, возвратился домой поздно веселый и на слѣдующій день устроилъ у себя торжественный обѣдъ, пригласивъ важнѣйшихъ сопровождавшихъ его бояръ, Салтыкова, своего пристава князя Семена Краноткина и др. Самъ королевичъ сидѣлъ за особымъ столомъ, бояре и послы рядомъ съ нимъ за другимъ столомъ, далѣе до тридцати датскихъ дворянъ. Играла музыка, били въ цимбалы и по литаврамъ, играли въ сурны. Послѣ стола королевичъ пилъ, стоя, за здоровье государя. Своего гостя новгородцы потѣшали борьбой съ медвѣдями и другими забавами.

О томъ, какъ встрѣчаютъ его и какъ проводятъ время, принцъ увѣдомилъ своего брата, короля Христіана. Власьевъ постарался развѣдать, послалъ ли онъ вмѣстѣ съ гонцомъ что-нибудь изъ платья, подареннаго ему государемъ, и узналъ, что послы совѣтовали ему то, но онъ сказалъ имъ, что «царское жалованье, платьице, къ нему первое, онъ принялъ его съ покорностію и радостнымъ сердцемъ, и послать перваго царскаго жалованья ему не годится». Королевичу были присланы отъ царя другіе подарки и поднесены ему, когда онъ прибылъ въ Старицу. Борисъ желалъ, чтобъ его будущій зять казался пышнымъ, и велѣлъ Власьеву узнать отъ королевичевыхъ людей, какая у него лучшая одежда, и если намѣренъ шить ее, то что ему на то надобно. Одежду Власьеву показали и замѣтили, что королевичу явиться къ царю есть въ чемъ. Нѣкоторыя изъ подаренныхъ вещей Иванъ надѣвалъ, пуховую шляпу часто замѣнялъ то бархатною шапкой съ собольимъ околышемъ, то шапкой скарлату червчатаго съ рысьимъ окладомъ. Повидимому, королевичъ не прочь былъ стать къ Русскимъ поближе. Власьева онъ разспрашивалъ о государѣ, нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаяхъ, постоянно заявлялъ о своей любви къ царю и своей готовности служить и подчиняться ему; только датскіе сановники сдерживали его, убѣждали, чтобъ онъ русскіе обычаи перенималъ не вдругъ и держался прежнихъ нѣмецкихъ.

Отъ Новгорода до Бронницъ королевичъ ѣхалъ по водѣ, на су-

дахъ, отъ Бронницъ сухимъ путемъ. Самыя высшія почести ему были оказаны въ столицѣ, торжественный въѣздъ въ которую состоялся 19 сентября. На встрѣчу ему былъ высланъ особый отрядъ тысячи въ полторы конниковъ изъ русской знати и служившихъ при дворѣ Татаръ, Нѣмцевъ, Поляковъ; всѣ были въ дорогихъ одеждахъ, ихъ красивые кони въ серебряной вызолоченой сбруѣ. Играла музыка. Когда приблизился принцъ, музыка смолкла, и къ нему подъѣхали знатнѣйшіе бояре; они слѣзли съ коней; слѣзъ также и принцъ со своимъ гофмейстеромъ и королевскими послами. Послѣ привѣтственной рѣчи принцу, отъ имени государя, подвели дорогаго коня, на которомъ было серебряное вызолоченое сѣдло и чепракъ изъ золотой парчи; по коню въ превосходной сбруѣ было подарено и всей свитѣ принца, отъ высшихъ до низшихъ, смотря по чину. Гости сѣли на подареныхъ коней и отправились въ городъ. Въ Тверскихъ воротахъ встрѣтили принца князь Василій Голицынъ и окольничіе Василій Морозовъ и Петръ Басмановъ. Любопытствующіе мущины и женщины, одѣтые по праздничному, запружали всѣ улицы; знать была въ сопровожденіи своихъ слугъ, на многихъ женщинахъ виднѣлись дорогія каменья. Со стѣны Кремля тайно смотрѣлъ на въѣздъ самъ государь со своимъ сыномъ. Какъ въ праздникъ, въ Кремлѣ звонили въ большой колоколъ. Іоанна со всею его свитой препроводили въ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ Китай-городѣ; домъ былъ нарочно приготовленъ для него чисто по-царски и снабженъ припасами, слугами, дровосѣками, водовозами, лошадьми.

Представленіе пока отложили, чтобы принцъ могъ отдохнуть и поправиться. На слѣдующій день былъ присланъ царскій обѣдъ во 100 блюдъ съ соотвѣтствующимъ количествомъ пива, меду, вина и водки; блюда массивныя, золотыя, чаши съ напитками золотыя и позолоченыя. Въ назначенный день (28 сентября 1602 года) для пріема принца отъ Іоаннова дома до дворца были выстроены войска, на Красной площади громадными массами толпился народъ. Когда принцъ одѣлся возможно наряднѣе, знатные бояре, привезшіе ему приглашеніе, открыли торжественный кортежъ: они ѣхали впереди, за ними принцъ со всею своею свитой. Въ Кремлѣ опять звонили въ колоколъ. У Краснаго крыльца гостей встрѣтили князья

Трубецкой и Черкасскій, у лѣстницы князья Вас. Ив. Шуйскій и Голицынъ, въ дверяхъ въ Золотую палату высшіе вельможи: Мстиславскій, Трубецкой, Шереметевъ. Въ Золотой палатѣ сидѣли на тронѣ Годуновъ и его сынъ, окруженные многочисленною толпой придворныхъ и одѣтые въ самыя дорогія царскія одежды, блестѣвшія золотомъ и каменьями. Какъ только принцъ вошелъ, царь и царевичъ встали. Принцъ почтительно приблизился къ нимъ и поклонился; царь и царевичъ обняли его, поцѣловались съ нимъ, посадили рядомъ и долго съ нимъ разговаривали.

Изъ Золотой палаты всѣ отправились потомъ къ столу, въ Грановитую палату, убранство коей вполнѣ соотвѣтствовало торжеству. Вниманіе гостей болѣе другаго привлекали столбъ посреди палаты, обставленный съ верху до низу золотою и серебряною посудой, и пирамиды золотыхъ и серебряныхъ чашъ въ переднемъ покоѣ.

Хозяинъ сѣлъ за большимъ серебрянымъ столомъ на тронѣ между сыномъ и герцогомъ; надъ нимъ висѣла большая красивая корона съ боевыми внутри часами. Ниже ихъ заняли мѣста бояре Мстиславскій, Василій Шуйскій, Трубецкой, Черкасскій, Салтыковъ и двое окольничихъ. За кривымъ столомъ были помѣщены остальные датскіе гости и другіе бояре [1]. Осмотрѣвъ кушанья, которыхъ стояло до 200, государь велѣлъ стольникамъ разносить ихъ гостямъ; кушанья и напитки подавались въ золотой посудѣ. По окончаніи обѣда царь и царевичъ сняли съ себя по дорогой, украшенной каменьями, цѣпи и надѣли ихъ на шею принца; много было подарено ему также другихъ вещей, посуды, одежды и прочаго. Домой гости возвратились въ прежнемъ порядкѣ [2].

Царевны за столомъ не было. Своего суженаго она могла видѣть только изъ особаго скрытаго мѣста въ верхнемъ коридорѣ [3].

---

[1] По словамъ Массы (90), обѣдали также и высшее духовенство, богатые купцы и служилые иноземцы.

[2] Разсказы Schlegel'я (Geschichte Christian des Vierten. II, 314) и Müller'a, будто бы послѣ стола принцъ былъ торжественно обрученъ съ Ксеніей, не могутъ быть подтверждены ничѣмъ. Очевидцы, какъ авторъ Relation, прямо говорятъ, что въ этотъ день принцъ не видалъ во дворцѣ ни одной женщины.

[3] Описаніе смотрильной палатки или тайника и смотрильной рѣшетки у Забѣлина, Домашній бытъ русскихъ царей, Москва, 1862, I, 228—229.

Женихъ былъ красивъ, строенъ, съ бѣлымъ продолговатымъ лицомъ и, какъ говорятъ, очень приглянулся ей.

Предъ важнымъ событіемъ, по обычаю старины, совершались благочестивыя дѣла. Вся царская семья отправилась на богомолье въ Троицкую лавру. Женихъ остался въ Москвѣ. Съ бракосочетаніемъ не торопились: его отложили до наступленія зимы. Повидимому, Борисъ надѣялся, что тѣмъ временемъ Іоаннъ ознакомится съ нашимъ языкомъ, обычаями и, быть можетъ, даже надумаетъ принять наше вѣроисповѣданіе, или, если этого не случится, по крайней мѣрѣ Москвичи примирятся съ мыслію, что Ксенія выходитъ за иновѣрца. Хотя оффиціально Іоанна вездѣ принимали только въ качествѣ королевскаго брата, ѣдущаго при важномъ посольствѣ; однако всѣ догадывались о настоящей цѣли его пріѣзда, и многіе были этимъ недовольны: имъ крайне не хотѣлось, чтобъ иноземецъ и иновѣрецъ властвовалъ у насъ. Правая рука Бориса, Семенъ Никитичъ Годуновъ, будто бы прямо выражался въ кругу придворныхъ, что Борисъ знать обезумѣлъ, что хочетъ выдать свою дочь за еретика и иноземца. Неудовольствіе, конечно, было бы еще сильнѣе, еслибы большему количеству лицъ были извѣстны условія, на какихъ призванъ женихъ. Не безъ причины же теперь не объявляли оффиціально не только объ условіяхъ, но и о самомъ бракѣ.—На слѣдующій день по представленіи Семенъ Никитичъ пришелъ къ герцогу, спросилъ его о здоровьи, передалъ ему царскіе подарки и просилъ заняться изученіемъ русскаго языка; вскорѣ (4 октября) онъ опять повторилъ свою просьбу, ссылаясь на то, что царю нужно переговорить съ нимъ о многомъ тайно, побуждалъ также пословъ, чтобъ они съ своей стороны совѣтовали ему учиться нашему языку и привыкать къ нашимъ нравамъ, обычаямъ и одеждѣ. Герцогъ и посланники обѣщали; къ нимъ была доставлена русская азбука и Апокалипсисъ Іоанна Богослова. Едва ли не подготовлялось даже нѣчто въ родѣ прямаго религіознаго увѣщанія или диспута [1]. Въ народѣ

[1] Московскіе полемисты въ дѣлѣ Вальдемара утверждали, будто бы Борисъ «посылалъ по всѣ города, по всѣ власти, по митрополиты, архіепископы и епископы, для договору о вѣрѣ и крещеніи». Рук. Моск. Синод. библ. № 279 н. кат.

возникла молва, что герцогъ вознамѣрился будто бы принять Православіе [1]. Это многихъ располагало въ его пользу; но люди, близко знакомые съ дѣломъ, конечно, знали цѣну такимъ слухамъ.

Жизнь герцога была привольная. Борисъ продолжалъ дарить его, отъ невѣсты была прислана дорогая постель и роскошное бѣлье. Въ Москвѣ чествли его. Самъ Іоаннъ то принималъ у себя бояръ, то выѣзжалъ на охоту, но больше проводилъ время на своемъ дворѣ, среди своей свиты. Невоздержность разстроила вдругъ его организмъ. На возвратномъ пути съ богомолья царь получилъ извѣстіе, что его гость заболѣлъ горячкой.

Степень опасности предъ Борисомъ умаляли; тѣмъ не менѣе онъ сильно встревожился и тотчасъ отправилъ къ больному своихъ придворныхъ врачей, обѣщая имъ и Іоанновымъ врачамъ большія награды, если они поскорѣе поправятъ его. Болѣзнь развилась, такъ что герцогъ пріобщился (22 октября). Подъ предлогомъ навѣдать высокаго больнаго, пришелъ къ нему Семенъ Никитичъ и сообщилъ, что царь велѣлъ своимъ врачамъ находиться при герцогѣ денно и нощно, но тутъ же подъ рукой далъ имъ понять, чтобъ они безъ его нарочитаго приказанія не ходили къ герцогу. Когда припадокъ съ герцогомъ усилился, придворные послали за врачами, и эти могли явиться только по седьмому требованію. Послы укоряли Семена Никитича въ криводушіи; онъ отрицалъ, доктора уличили его.

Дальнѣйшая участь герцога намъ уже извѣстна. Мы знаемъ, какъ Борисъ посѣщалъ его во время тяжкой болѣзни и съ какими почестями похоронилъ его [2]. Сентиментальный въ отношеніи къ иноземцамъ и разбитый семейнымъ горемъ, Борисъ просто не зналъ, какъ лучше выразить свою печаль. Тяжело было горе и невѣсты. Услыхавъ отъ отца извѣстіе о смерти ея жениха, Ксенія въ безпамятствѣ упала къ его ногамъ. Насколько могъ, отецъ старался утѣ-

---

[1] Объ этомъ желаніи его говорится всего въ одной т. наз. Латухинской Степенной книгѣ (Рукоп. И. Публ. Библ. F. IV). Откуда ея составитель, монахъ Тихонъ, заимствовалъ свое сообщеніе, неизвѣстно; Карамзинъ (XI, 31) и особенно Хмыровъ (Разсвѣтъ, т. XIV, отд. I, стр. 24), Костомаровъ (Ист. Вѣстн. 1884, I, 16) вполнѣ довѣряютъ ему, но, какъ увидимъ, нѣсколько поспѣшно.

[2] Гл. III, стр. 215—218.

щить ее. Едвали не съ иными чувствами помиралъ герцогъ, не видавшій своей невѣсты. На прощаніи со своею свитой, въ день смерти, онъ, если вѣрить сообщенію его опекуна, подавъ каждому руку, одному изъ камеръ-юнкеровъ будто бы сказалъ, что Богъ знать не хочетъ имѣть его среди «нехристіанскаго» народа, чтобы здѣсь не обратили его въ свою религію [1].

Послы и свита оставались въ Москвѣ: часть до февраля, другая до іюня; послы продолжали переговоры о Лапландіи. По большимъ праздникамъ ихъ иногда приглашали смотрѣть съ особо устроенныхъ мѣстъ на церковныя церемоніи: въ Вербное Воскресеніе — шествіе патріарха на осляти, въ Крещеніе и Преполовеніе — на освященіе воды. Возвратился между тѣмъ изъ Даніи посланный туда вѣстникъ о смерти герцога и передалъ, что тамъ думаютъ, будто бы герцогъ померъ отъ отравы [2]. Членовъ свиты молва удивила своею неспра-

---

[1] Объ этихъ словахъ передаетъ Gyldenstierna, писатель, впрочемъ, крайне предубѣжденный противъ всего православно-русскаго, узкій датчанинъ и фанатизированный лютеранинъ.

[2] Замѣчательно, что подобная молва послалась и у насъ, обвиняя самого Бориса, который, будто бы, услыхавъ о любви народа къ принцу и опасаясь какъ бы Іоаннъ, сильный народною привязанностью, не сталъ оспаривать престолъ у Ѳедора, «наполнися ярости и зависти и повелѣ Семену Годунову, какъ бы надъ нимъ помыслити» (Лѣт. о мног. мятеж. 67; въ Нов. Лѣтописцѣ, 56: «повелѣ ему королевича Ягана тайно уморити; онъ же, вскорѣ сотвори повелѣнное»). Эта молва свидѣтельствуетъ лишь о многочисленности недоброжелателей и враговъ Бориса и ихъ готовности распускать про него даже самую несообразную клевету. Лучшимъ опроверженіемъ ея служитъ поведеніе Бориса во время болѣзни и послѣ смерти принца и желаніе многихъ изъ принцевой свиты остаться въ Россіи. Хотя иностранные писатели, какъ Gildenstierna и авторъ Relation, жившіе вмѣстѣ съ принцемъ и сочиненія которыхъ имѣли полуоффиціальный характеръ, по очень понятнымъ мотивамъ, ничего не говорятъ о настоящей причинѣ болѣзни своего господина, тѣмъ не менѣе Маржеретъ, приверженецъ Лжедимитрія и естественный недругъ Годунова, прямо приписываетъ ее «неумѣренности» принца (il tomba malade d'un excez, comme l'on tient». Margeret, 109, перев. 292). Когда Петръ Марселисъ сватался (1643) королевича Вальдемара за царевну Ирину Михайловну, и Шведы, чтобы помѣшать браку, запугивали Вальдемара тѣмъ, будто бы «на Москвѣ Арцымагнуса королевича выгнали, а Ягана королевича окормили», Марселисъ, въ отвѣтѣ королю Христіану IV и его сановникамъ, упомянувъ, что

ведливостью, такъ какъ они хорошо знали истинную причину смерти. При прощаніи многіе изъ нихъ заявили было о своемъ желаніи остаться въ Москвѣ навсегда, но имъ объявлено, что пусть они сначала побываютъ на родинѣ, иначе тамъ могутъ подумать, что ихъ удержали насильно, а затѣмъ кто воротится—получитъ царскую милость. Ихъ отправили съ богатыми дарами. Одинъ изъ нихъ, Матвѣй Кнотзенъ, дѣйствительно воротился и получилъ богатое содержаніе, помѣстье и командованіе надъ двумя стами конниковъ.

Относительно тѣла покойника король наказалъ (отъ 1 марта 1603 года) посламъ хлопотать, чтобъ его дозволено было оставить въ Москвѣ и чтобы государь обѣщался имѣть попеченіе о той киркѣ, гдѣ выстроена его усыпальница. Оно оставалось здѣсь до 1637 года, когда датское правительство перевезло его на родину.

Со смертью королевича Ивана, Борисъ опять остался безъ твердой почвы. Онъ теперь вспомнилъ объ отношеніяхъ къ Елизаветѣ. Несмотря на его довольно сдержанный отвѣтъ, посланный съ Мерикомъ,

---

Магнусу въ вѣрѣ была «повольность» и посланъ онъ былъ въ Лифляндію, гдѣ померъ своею смертію, объ Иванѣ говорилъ: «при царѣ Борисѣ Яганъ королевичъ потому жь былъ во всякой поволности и въ великой чести; и на нево де пришла болѣзнь, и дохтуры у нево были беспрестанно, и въ день и въ ночь, а велѣно имъ о томъ радѣть всякими мѣрами, чтобы той его скорби облегченье учинить; и королевича Ягана не стало своею жь смертью, а не окормили его. А которые Датцкіе люди въ то время были съ Яганомъ королевичемъ на Москвѣ, и нынѣ изъ нихъ многіе живы и про то вѣдаютъ подлинно, что онъ преставился своею смертью, а не окормленъ». Марселисъ не ограничился этимъ. «И ставилъ де онъ, Петръ, передъ короля исъ тѣхъ людей, которые были на Москвѣ съ Яганомъ королевичемъ, секретаря . . . . Винта; и король де его про смерть Ягана королевича роспрашивалъ; и онъ сказалъ правду, что ему отъ царя Бориса была честь болшая и поволность во всемъ, и умеръ онъ своею смертью, а не окормленъ» (М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Датскія, карт. 13: «Статейный списокъ бытности въ Даніи дацкаго комисара Петра Марселиса»). И если еще кого можно заподозрить въ непрямотѣ отношеній къ принцу, то не Бориса, а вѣдавшаго царскою Аптекой Семена Годунова, который, очевидно, былъ радъ неожиданной болѣзни герцога и сдерживалъ подчиненныхъ ему врачей, чтобъ они не особенно заботились объ ея излѣченіи.—Касавшійся даннаго вопроса позднѣе другихъ историковъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Ж. М. Н. Пр. 1887, VII, 91), очевидно, согласенъ съ этимъ.

королева отвѣтила ему дружественно и предложила въ невѣсты Ѳедору молоденькую Англичанку, имени которой однако не назвала. Пользуясь этимъ, Борисъ сдѣлалъ запросъ (въ апрѣлѣ 1603 года), какъ зовутъ ее и какого она происхожденія, но по случаю смерти Елизаветы извѣстія не получилъ. Тогда онъ снова обратился къ датскимъ предѣламъ. Болѣе другихъ знакомые съ Датчанами, Салтыковъ и Власьевъ, прибывъ къ шлезвигскому герцогу Іоанну, предложили (1603 года) ему женить на Ксеніи одного изъ своихъ сыновей, Фридриха или Альбера, обѣщая имъ удѣлъ. Іоаннъ убѣдилъ ихъ выбрать въ женихи третьяго сына, Филиппа, который охотно желалъ бы переселиться въ Россію. Не получая никакихъ извѣстій изъ Россіи, герцогъ написалъ (19 марта 1605 года) [1] къ датскому королю Христіану, брату умершаго принца Ивана, чтобъ онъ со своей стороны помогъ успѣху начатаго дѣла.

Но въ Москвѣ тогда было не до свадебныхъ торжествъ. Здѣсь совершалась кровавая драма. Переживъ трагически погибшихъ отца, мать и брата, сама невѣста, по выраженію лѣтописи [2], «ради красоты своея, сохранена была отъ смерти, на то на вящее безчестіе» [3] и пострижена въ монахини подъ именемъ инокини Ольги. Народъ по своему понялъ горе злополучной и симпатичной княжны и вложилъ въ уста ея пѣсню [4], въ которой невольно постриженная просила отворить ей «темну келью». Келья иногда отворялась, и опять не на счастіе царевны... Умерла она во Владимірскомъ Новодѣвичьемъ (Княжемъ) монастырѣ, на 41 году жизни, 30 августа 1622 года и, согласно ея желанію, погребена рядомъ съ ея родителями въ Троиц-

---

[1] Письмо его отпечатано у Büsching'a, Magazin, VII, 319—321, откуда и узнаемъ объ этихъ сношеніяхъ съ Голштиніей. Статейный списокъ Салтыкова и Власьева въ Архивѣ не сохранился.

[2] Изборникъ А. Попова, 43—44; 292; Иное сказаніе о Самозванцахъ, Временникъ, XVI, 29; Никон. лѣт. VIII, 70; С. Ѳ. Платонова, Древнерусскія сказанія. Спб. 1888, 32, 153.

[3] О слухахъ и слѣдствіяхъ ея отношеній къ Самозванцу у Аделунга, Критико-литер. об. пут. по Рос. II, № 33, стр. 135; ср. С. г. гр. и дог. II, стр. 243.

[4] П. В. Кирѣевскій, Пѣсни. М. 1868, VII, доп. стр. 58—61.

кой Лаврѣ, у входа въ Успенскій Соборъ, въ которомъ лежатъ останки другой несчастной княжны, Марьи Владиміровны.

Вопросъ, который столько причинилъ княжнамъ горя и заботъ государямъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ осложнился затѣмъ до полной неразрѣшимости въ положительномъ смыслѣ и въ этомъ видѣ снова, еще при жизни Ксеніи, занялъ вниманіе царской семьи и ея довѣренныхъ людей. Казавшійся громадною несообразностію, бракъ иновѣрца съ православнымъ послѣ пережитаго нашими въ Смутную эпоху дѣлался уже окончательно невозможнымъ. Введеніе иновѣрнаго лица даже въ царскую семью, къ тому же, нуждавшуюся въ полномъ народномъ довѣріи къ себѣ, могло бы сильно уронить ее въ глазахъ народа, оторвать отъ нея народныя симпатіи; народъ пересталъ бы видѣть въ ней свой идеалъ, высшаго и искренняго представителя и охранителя своихъ завѣтныхъ интересовъ; только что испытавъ на себѣ, что̀ значитъ иновѣріе, онъ крайне тревожился бы теперь, что надъ нимъ стоитъ иновѣрецъ, который не слился съ нимъ въ существенномъ. Бракъ же простаго лица съ иновѣрнымъ казался бы прямою измѣной своей національности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе установленій памятнаго Московскаго собора 1620 года, который, въ стремленіи охранять домашніе интересы, укрѣпилъ обычай принятія иновѣрцевъ подъ условіемъ крещенія, брачный вопросъ, и прежде тѣсно соединявшійся съ вопросомъ о предварительномъ крещеніи иновѣрнаго лица, теперь какъ бы совсѣмъ превращается въ него: рѣчь о бракѣ становится возможной только послѣ улаженія дѣла о перекрещиваніи иновѣрца. И Михаилъ Ѳеодоровичъ, который, не отличаясь никакими выдающимися качествами и не имѣя за собою громкихъ дѣлъ, тѣмъ попреимуществу и былъ дорогъ для народа, что жилъ совершенно одинаковыми съ нимъ понятіями, и котораго народъ потому такъ и отстаивалъ противъ всѣхъ его соперниковъ, что видѣлъ въ немъ самаго нелицемѣрнаго выразителя и хранителя всего роднаго, чисто русскаго,—Михаилъ Ѳеодоровичъ, этотъ первый послѣ Смутной эпохи царь, какъ ни желалъ породниться съ протестантскими королевскими домами, когда убѣждался, что сватаемые принцессы и принцы не согласятся креститься въ Православіе, сдержи-

валъ себя, жертвуя своими личными разсчетами интересамъ общегосударственнымъ.

Онъ дожилъ неженатымъ до двадцати шести лѣтъ. Ни одинъ изъ московскихъ государей не оставался такъ долго въ безбрачіи. Облюбованная имъ невѣста, Марья Ивановна Хлопова [1], по происканъ знатныхъ бояръ изъ партіи Салтыковыхъ, не желавшихъ уступить свое значеніе при дворѣ ея родственникамъ, какъ «испорченная», томилась въ ссылкѣ, а выбрать другую онъ не хотѣлъ. Когда возвратился изъ плѣна его отецъ, Филаретъ Никитичъ, то одною изъ главныхъ заботъ его было скорѣе женить сына, чего требовало также упроченіе престола за своимъ родомъ и спокойствіе государства. Ничего не имѣя противъ собственно Хлоповой, онъ однако, въ интересахъ поднятія значенія рода, намѣревался женить его на какой-либо принцессѣ. Въ этихъ видахъ посланъ былъ (весной 1621 года) за границу московскій Нѣмчинъ Юрій Родіоновъ развѣдать, нѣтъ ли у кого изъ государей дочери или сестры, которая была бы «красна очми и всякимъ возрастомъ, добра и ничѣмъ не увѣчна и къ такому великому дѣлу годна», и промыслить съ нихъ «парсоны, подлинныя, безъ приписи», а о женихѣ распространять молву, что онъ «образомъ красенъ, разуменъ и въ обычаѣ милостивъ», и немедля, что̀ узнаетъ, донести царю, особенно же въ томъ случаѣ, еслибы замѣтилъ, что отъ государя, у котораго есть подходящая дочь или сестра, будетъ въ Москву ссылка. Все это онъ долженъ былъ сдѣлать секретно, выдавая себя торговымъ человѣкомъ и ведя бесѣды какъ будто отъ себя и только будто потому, что о желаніи государя жениться на какой-нибудь принцессѣ слышалъ на Москвѣ въ разговорѣ съ лучшими людьми. Радѣть о государевомъ дѣлѣ и не пронести о немъ никому, ни Русскимъ, ни Нѣмецкимъ людямъ, Родіоновъ обѣщался съ клятвой предъ Евангеліемъ.

Родіоновъ, подъ видомъ торговаго человѣка, побывалъ въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Нюренбергѣ, Страсбургѣ, Парижѣ, Англіи, и узналъ слишкомъ мало. Самый интересный разговоръ у него былъ въ Дрез-

---

[1] Полн. Собр. Рус. Лѣт. V, 65—66; Соб. гос. гр. и дог. III, №№ 63—65; Акты Ист. III, №№ 80, 91.

денѣ. Шонбергъ, приближенный саксонскаго курфюрста, замѣтилъ ему, что если дѣйствительно есть у государя желаніе, то онъ бы дѣлалъ, какъ ведется у всѣхъ христіанскихъ государей: посылалъ бы о томъ своихъ пословъ, набиваться же со своими дочерьми ни у кого изъ государей не въ обычаѣ. Разсудивъ, кто бы къ тому дѣлу была годна, онъ сказалъ: «у нашего курфюрста большая дочь двѣнадцати лѣтъ; есть альтенбургская княжна Доротея четырнадцати лѣтъ, да у ней три сестры старѣе ея: одна игуменья, а двѣ столь жирны, что никто за нихъ не сватается, да и онѣ сами замужъ не хотятъ; въ Австрійскомъ дому никого не сказываютъ». Съ названныхъ лицъ Родіоновъ досталъ себѣ портреты и привезъ ихъ въ Москву [1].

Между тѣмъ въ Москвѣ прослышали, что у короля датскаго Христіана IV есть двѣ племянницы взрослыя дѣвицы, и тотчасъ же, не узнавъ даже ихъ именъ, снарядили къ нему пословъ, князя Алексѣя Михайловича Львова и дьяка Ждана Шипова, снабдивъ ихъ подробнымъ наказомъ, послужившимъ потомъ образцомъ для послѣдующихъ брачныхъ наказовъ [2]. На представленіи къ Христіану, объявивъ объ освобожденіи Москвы отъ Польши и о возвращеніи Филарета Никитича, они должны были сообщить королю, что имъ наказано еще о великихъ государскихъ дѣлахъ, говорить о которыхъ съ ними онъ велѣлъ бы своимъ ближнимъ думнымъ людямъ. И какъ король позоветъ ихъ къ себѣ въ другой разъ и пожелаетъ самъ выслушать ихъ или вышлетъ къ нимъ своихъ думныхъ людей, то имъ требовать, чтобы при королѣ и въ отвѣтѣ были лица, самыя ему близкія и вѣрныя, и, убѣдившись въ томъ, говорить: «нашъ великій государь, царь Михаилъ Ѳедоровичъ, помня давнишнюю дружбу, любовь и докончанье своихъ предковъ, великихъ государей

---

[1] Памятн. диплом. сношен. др. Росс. съ держ. иностранными, II, № XIV.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Датскія 1621 года, св. 5, № 2: «Отправленіе къ дацкому королю Христіану IV въ послахъ дворянина князь Алексѣя Львова и дьяка Ждана Шипова съ увѣдомленіемъ о освобожденіи изъ Полши и пріѣздѣ въ Москву патріарха Филарета Никитича и съ предложеніемъ о сватовствѣ одной изъ королевскихъ племянницъ за государя царя Михаила Ѳеодоровича».

россійскихъ, съ датскими королями, хочетъ быть съ Христіаномъ въ пріятельствѣ, крѣпкой дружбѣ и въ соединеніи свыше всѣхъ другихъ государей, и для того велѣлъ ему объявить, что, по милости Божіей, онъ, государь, приходитъ въ лѣта мужескаго возраста и приспѣло время ему сочетаться законнымъ бракомъ: а вѣдомо ему, что у королевскаго величества есть двѣ дѣвицы, родныя племянницы, и потому, буде онъ похочетъ быть съ государемъ въ братской дружбѣ, любви, соединеньи и въ пріятельствѣ на вѣки, далъ бы за государя племянницу свою, которая къ тому великому дѣлу годна». Для убѣдительности сваты должны выставить древность рода Михаила Ѳеодоровича, близость его къ прежнимъ царямъ, законность занятія Михаиломъ престола и даже, въ случаѣ надобности, показать его портретъ [1].

Это было однимъ простымъ приступомъ; главное должно было заключаться впереди, въ бесѣдѣ о перемѣнѣ невѣстою вѣроисповѣданія. На редакцію даннаго пункта въ наказѣ патріархъ Филаретъ Никитичъ, очевидно, болѣе всего обратилъ вниманіе, соотвѣтственно съ тѣмъ, что̀ имъ было высказано ранѣе, въ эноху собора о крещеніи: тогда онъ высказалъ сильнѣйшее порицаніе патр. Игнатію за устройство имъ брака Марины съ Лже-Димитріемъ I безъ предварительнаго крещенія ея по православному обряду [2]. За этимъ смѣ-

---

[1] Впрочемъ, пунктъ о портретѣ въ Наказѣ почему-то зачеркнутъ. Онъ очень оригиналенъ. «И будетъ спросятъ, если съ ними великого государя, его царского величества, персона, чтобъ ее королевскому величеству видѣти, и посламъ говорити: въ обычьѣ того у великихъ государей нашихъ не бываетъ, что персоны ихъ государскіе для остереганья ихъ государского здоровья въ чюжіе государства возити; а то у насъ въ обычаѣ есть же: которые великому государю нашему, его царскому величеству, служатъ и его царского здоровья остерегаютъ, и тѣ всегда персоны государского лица у себя въ домѣхъ для ихъ государского милосердого жалованья имѣютъ. И съ нами царского величества персона есть; и будетъ королевскому величеству и вамъ, ближнимъ людемъ, то подобно, и мы царского величества персону поквжемъ».

[2] «Игнатій... угожая еретикомъ латыньскія вѣры и въ церковь соборную Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи честнаго и славнаго Ея успенія введе еретическія папежскія вѣры Маринку, святымъ же

шаннымъ бракомъ, состоявшимся противъ воли русскихъ іерарховъ [1], Филаретъ и другіе, согласные съ нимъ, не признавали иного значенія, кромѣ печальнаго примѣра, какъ не слѣдуетъ устраивать бракосочетаній православныхъ съ иновѣрцами.

Если спросятъ, писалось поэтому въ наказѣ, останется ли невѣста при своей лютеранской вѣрѣ, посламъ отвѣчать: «Королевской племянницѣ быть въ одной съ государемъ вѣрѣ, въ истинной Православной христіанской греческаго закона, и, пріѣхавъ въ Россійское государство, ей перейти и креститься, а иначе дѣлу статься нельзя: то противно нашему христіанскому закону и ото всѣхъ людей Россійскаго государства великому государю и ей, государынѣ, будетъ поносно и нелюбительно, да и не пригоже дѣло, что мужъ съ женой разныхъ вѣръ; когда же высокорожденная племянница, ради благороднаго супруга своего и своего душевнаго спасенія, приступитъ къ нашей вѣрѣ, отъ Бога ей будетъ милость и ото всѣхъ людей честь и слава». А если скажутъ, что «королева племянница для любви супруга своего, великаго государя, къ Русской вѣрѣ приступитъ, но креститься ей въ другой разъ непригоже, потому что она и такъ христіанской вѣры и уже крещена по своему закону», то настаивать: «Приступя къ Православной христіанской вѣрѣ, не креститься во святой купели святаго крещенія ей никакъ невозможно, потому что у насъ въ томъ со всѣми вѣрами рознь не малая: у иныхъ вѣръ вмѣсто крещенія обливаютъ и миромъ не помазуютъ, противъ постановленія Христа и преданія апостоловъ; такъ король бы свою племянницу на то наводилъ и отпустилъ ее съ тѣмъ, чтобы ей принять святое крещеніе». Буде же король станетъ указывать, что «какъ племянница выйдетъ за государя и государь бы ее самъ къ тому приводилъ, а они у ней воли не отнимаютъ, или чтобы

крещеніемъ совершеннымъ Хрестьянскаго закона не крестилъ ю, но токмо единѣмъ святымъ муромъ помаза, и потомъ вѣнчалъ ю съ тѣмъ Розстригою, и якоже Іюда предатель, и сей поругася Христу, и обоимъ убо симъ врагомъ Божіимъ Розстригѣ и Маринкѣ подаде пречистое Тѣло Христово ясти и святую честную Кровь Христову пити». Потребникъ Иноческій. 1638, л. 214—215.

[1] Сказаніе и повѣсть... о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ, Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1847, № 9, стр. 20, и др.

послы говорили съ ней сами, а онъ пошлетъ съ ними своихъ думныхъ людей», то посламъ не соглашаться, ссылаясь на то, что «дѣвическое дѣло стыдливо, и имъ съ королевскою племянницей, для остереганья ея высокорожденной чести, много говорить непригоже, это дѣло королевское и ближнихъ ему лицъ».

Не ограничиваясь оффиціальными переговорами, по узнавъ, кто у племянницы, предназначаемой для государя, мать, родные и близкіе люди, послы должны были дѣйствовать чрезъ этихъ лицъ, хваля предъ ними вѣру, государя и его государство, и если нѣкоторые изъ этихъ лицъ станутъ склонять невѣсту выйти за государя и для него принять крещеніе, то посламъ съ таковыми быть ласковымъ и пріятнымъ, гдѣ надобно, смотря по мѣрѣ, и подарить, и впредь обнадеживать государевымъ жалованьемъ. И лишь король согласится отпустить племянницу съ тѣмъ, чтобъ она по пріѣздѣ въ Москву крестилась, но спроситъ объ ея содержаніи, какіе дадутъ ей города и села, чтобъ ей можно было чѣмъ жаловать своихъ ближнихъ и дворовыхъ людей, сколько тысячъ поступитъ ей годоваго дохода и не будетъ ли ей, какъ и ея людямъ, какой тѣсноты, при чемъ сошлется на примѣръ Марины или Хлоповой, то послы обязаны требованіе объ опредѣленномъ содержаніи ей отклонить, но въ чести завѣрить. «Какъ, принявъ крещеніе, королевская племянница, говорили бы они, сочетается съ государемъ, государь начнетъ имѣть и любить ее, какъ повелѣваетъ законъ и Святое Писаніе, и все ихъ государское будетъ безъ раздѣла, по Писанію: ««оставляетъ человѣкъ отца своего и матерь и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ оба въ плоть едину»». А коли уже плоть едина, то что же ихъ, государей, дѣлить? И раздѣловъ въ городахъ и въ доходахъ между государями и ихъ царицами прежде не бывало и быть не для чего. Все государское у нихъ общее. И чего она захочетъ то будетъ ей не возбранено; жаловать ей своихъ людей есть чѣмъ, и захочетъ кого жаловать, того по совѣту и повелѣнію супруга своего жаловати будетъ. Люди, которые при ней, неволи не испытаютъ, а думаютъ, что съ нею пріѣдетъ ихъ немного, потому что у великаго государя во дворѣ своихъ честныхъ боярынь и дѣвицъ, отеческихъ дочерей, много. Маринку примѣнять сюда непригодно: то было дѣло

лихихъ людей, воровское, по ихъ воровскому умышленію и конецъ учинился, какъ и во всѣхъ государствахъ воровъ сыскиваютъ и казнятъ. А что говорите, будто государь соизволилъ было жениться, взять въ своемъ государствѣ, то это случилось еще до возвращенія изъ польскаго плѣна отца государева, Филарета Никитича, который благословляетъ теперь своего сына жениться не на своей, но поискать у котораго-нибудь государя, и именно у вашего королевскаго величества».

Добившись согласія относительно племянницы вообще, слѣдовало перейти къ выбору одной изъ нихъ. Для этого князь Алексѣй и дьякъ Жданъ просили бы короля показать имъ его племянницъ. На представленіи къ нимъ послы должны были поднести имъ отъ себя по сороку соболей и смотрѣть, какова которая возрастомъ, лицомъ, бѣлостью, глазами, волосомъ и всякимъ прирожденьемъ, и нѣтъ ли въ которой увѣчья, смотрѣть издалека, примѣчать вѣжливо; руку у нихъ, если дѣвицы и королева позовутъ ихъ, цѣловать, а за руку не брать («не витаться»). По осмотрѣ провѣдывать, какая изъ нихъ годна къ великому дѣлу, чтобы была здорова, собою добра и разумна; которую сочтутъ годною, на ту и указать королю, предлагая ему чинить о ней съ ними договоръ. Сообразно съ его отвѣтомъ завести рѣчь о приданомъ, просить короля объявить имъ, чѣмъ онъ и родные племянницу дарятъ, какими государствами или землями и сколько съ нею будетъ казны и всякой рухляди, чтобы въ Московское государство пріѣхать ей не безчестно, было бы ей здѣсь чѣмъ себя показать и всѣ бы видѣли, что она великаго государскаго рода. Это почти единственный пунктъ, который практичные Москвичи считали необходимымъ предложить со своей стороны, во всемъ же остальномъ думали дожидаться вопроса. Договорныя статьи послы должны скрѣпить крестнымъ цѣлованіемъ и о крещеньи непремѣнно записать въ нихъ, что королевской племянницѣ, пришедъ въ царствующій градъ Москву, креститься и быть съ государемъ въ одной вѣрѣ. За королевскимъ столомъ, когда король выпьетъ за здоровье государей, князь Алексѣй, взявъ кубокъ и вставъ изъ-за стола, долженъ пить за королевское здоровье, затѣмъ за здоровье королевской племянницы, государевой невѣсты.

Но пить послѣдней чаши посламъ не пришлось. Какъ ни искусно былъ составленъ наказъ, они не побороли препятствій.

Со Львовымъ и Жданомъ отправилось до шестидесяти человѣкъ, между ними нѣсколько дворянъ, два переводчика и священникъ. При врученіи королю (1 марта 1622 года) вѣрительной грамоты послы поступили согласно наказу. О тайномъ порученіи посламъ Датчане, повидимому, предположили, не касается ли оно Лапландіи; ибо на другой же день пришли къ нимъ въ домъ, гдѣ они остановились, «королевскіе ближніе думные люди», канцлеръ Христіанъ Фризъ, Олофъ Розенспахъ, рыцарь Андрей Розенкранцъ и «докторъ въ рѣчахъ» Леопардъ Мейснеръ, объявляя, что хотя королевскому величеству теперь предстоитъ много дѣлъ, изъ-за которыхъ ему отпустить ихъ отъ себя невозможно, однако по любви къ государю послалъ ихъ сюда выслушать, что̀ сообщатъ имъ послы.

Въ бытность въ Копенгагенѣ наши успѣли уже кое-что провѣдать объ относящемся къ ихъ главной миссіи. Именно, родная сестра короля была замужемъ за шлезвигъ-голштинскимъ герцогомъ Іоанномъ Адольфомъ и отъ ихъ брака родились двѣ дочери; старшая изъ нихъ, «княжна» Доротея Августа, лицомъ и возрастомъ добра и въ обычаѣ добронравна, младшая же—больна, царскому величеству не годится. На старшую принцессу послы прямо и указали пришедшимъ, какъ на желательную для государя супругу, и просили показать ее имъ. Королевскіе совѣтники обѣщались о всемъ довести до Христіана. Пословъ между тѣмъ угощали, король устраивалъ въ честь ихъ обѣдъ за обѣдомъ.

Вскорѣ канцлеръ со своими товарищами передалъ посламъ: королю ихъ рѣчи доносили, и ему пріятно слышать о желаніи государя имѣть съ нимъ постоянную любовь и дружбу, и онъ самъ постарается объ установленіи такихъ отношеній; что же касается желанія государя жениться на пресвѣтлѣйшей и высокорожденной дѣвицѣ Доротеѣ Августѣ, наслѣдницѣ Норвежской земли, то въ ней не его королевская воля: живетъ она у своей матери въ городѣ Гаузѣ, и ея дѣло зависитъ отъ ея матери, бабушки, королевы и брата Фридриха, герцога шлезвигъ-голштинскаго, которому она поручена; на ихъ волю король все и положилъ. Отвѣтъ очень не понра-

вился нашимъ. «Государь, говорили они, послалъ насъ къ вашему королю Христіану и велѣлъ намъ о томъ великомъ дѣлѣ говорить съ нимъ самимъ или съ его думными людьми, хотя съ королевскимъ величествомъ дружбы и любви мимо всѣхъ государей, а то онъ могъ бы поискать того дѣла у иныхъ великихъ королей; и король вашъ высокорожденной племянницѣ своей, княжнѣ Доротеѣ Августѣ, съ ея матерью, велѣлъ бы пріѣхать сюда къ нему и государское дѣло дѣлать велѣлъ намъ съ нимъ и при себѣ». Въ виду лучшаго сохраненія переговоровъ въ тайнѣ наши даже настояли, чтобы Датчане приходили къ нимъ въ меньшемъ числѣ.

Христіанъ пріискивалъ средства, какъ бы отклонить отъ себя порученіе, которое ему не приносило никакой выгоды. Смутная эпоха была свѣжа въ памяти. Съ Польшей прочнаго мира у Россіи не было, Владиславъ не отказался отъ своихъ притязаній на Московскій престолъ, и въ Даніи еще, повидимому, вѣрили въ возможность новаго переворота въ Москвѣ. И королевскіе совѣтники получили отъ короля повелѣніе убѣдить пословъ отправиться самимъ въ Шлезвигъ-Голштинское герцогство для личныхъ переговоровъ съ матерью и братомъ невѣсты, указывая имъ, что самъ король безъ воли этихъ родственниковъ невѣсты распорядиться не можетъ, что носятся въ обществѣ слухи, будто бы за Доротею Августу посватался уже какой-то князь Цесарской области, хотя онъ точно еще и не знаетъ, правда ли это и сговорена ли она; что онъ отъ себя готовъ послать съ ними грамоту и если при всѣхъ его стараніяхъ дѣло не устроится, предъ государемъ хочетъ остаться безъ вины.

Когда Фризъ и Розенспахъ, явясь (10 марта) къ посламъ всего вдвоемъ, представили имъ эти аргументы, наши отнеслись еще упорнѣе, выставляя противъ нихъ свои доводы. Согласно государеву наказу, они, кромѣ короля, ни къ кому не могутъ ѣхать и не поѣдутъ, да не пристойно и не къ чести государя было бы имъ разъѣзжать по разнымъ другимъ государствамъ. Если король хочетъ оказать свою любовь къ государю, то сказалъ бы имъ, сговорена ли княжна, или нѣтъ, и за какого князя. Если сговорена, ихъ дѣло на томъ и остановится; не сговорена—могутъ и продолжать, только бы король велѣлъ княгинѣ съ ея матерью быть къ себѣ, а у нихъ къ нимъ есть

отъ царя поклонъ и рѣчь. А государя примѣнять къ князю Цесаревой области не пригодно: то государь великій, служатъ ему цари, царевичи и князья удѣльные, а это князь подовластный. Сносится же онъ съ королемъ потому, что они оба государи великіе и что желаетъ съ нимъ дружбы, которая имъ обоимъ принесетъ великую славу, а ихъ многолюднымъ государствамъ расширеніе и прибавленіе, а также потому, что знаетъ, что шлезвигскіе и голштинскіе князья королю въ свойствѣ и всѣ они и княжна Доротея его слушаютъ. Датскіе совѣтники отвѣчали: Имени князя имъ неизвѣстно; когда узнаютъ, сообщатъ, а живетъ онъ не близко. Повелѣвать княжной королю нельзя, она ему не наказана, дѣвицамъ здѣсь честь великая, даже обычнаго шляхтича дочь все дѣлаетъ по дружбѣ и любви. Пріѣхать ей сюда еще больше невозможно: ѣздить дѣвицѣ съ мѣста на мѣсто было бы безчестіе и позоръ, и того здѣсь отнюдь не ведется. Здѣсь ѣздятъ сами женихи. Такъ, англійскій король Іаковъ пріѣзжалъ къ ихъ королю, жилъ съ полгода и самъ говорилъ ему о женитьбѣ на его сестрѣ; ихъ король тайно съѣздилъ къ бранденбургскому, шведскій къ брауншвейгскому князю. Поэтому и послы лучше бы ѣхали сами. Шлезвигскіе и голштинскіе герцоги не вполнѣ зависятъ отъ короля Христіана: обоими герцогствами правитъ нынѣ одинъ герцогъ голштинскій, имѣя отъ короля лишь Шлезвигское герцогство, Голштинскою же землей владѣетъ отъ цесаря. Тѣмъ не менѣе Львовъ со Ждановъ требовали, чтобы король снесся съ невѣстой и ея родственниками и извѣстилъ бы, какъ они о томъ дѣлѣ думаютъ. Истощивъ понапрасну свои доводы, совѣтники отправились къ королю и тотчасъ же принесли отъ него обѣщаніе, что онъ пошлетъ тайно къ брату и матери высокорожденной княжны узнать отъ нихъ, въ какомъ положеніи находится у нихъ дѣло. При этомъ они уже не въ первый разъ завели было рѣчь о Лапландіи; но наши отговаривались, что имъ ничего о томъ не наказано и, буде хотятъ, пусть пошлютъ въ Москву своихъ пословъ. На прощаньи совѣтники спросили о двухъ переводчикахъ изъ Датчанъ, посланныхъ въ Россію для обученія русскому языку, и услыхали: на Москвѣ и въ Ярославлѣ есть два Нѣмчина, получаютъ по государеву указу кормъ и жалованье, и русскому языку и грамотѣ навыкли.

Въ виду замедленій, пословъ сочли нужнымъ немного успокоить. Канцлеръ Фризъ и секретарь Фридрихъ Юнтеръ уговаривали (2 апр.) ихъ не тяготиться тѣмъ и не объяснять медленность какъ-нибудь по своему, въ худую сторону: мать и братъ невѣсты сказали посланному отъ Христіана дворцовому маршалку Вольфу фонъ-Больвольту, что они сначала сошлются съ своими многочисленными родственниками въ Цесарской области, а это скоро не дѣлается. «Такъ какъ королевское величество, отвѣчали послы, о дѣлѣ государевомъ радѣетъ, братскую любовь и дружбу исполняетъ и впредь хочетъ радѣть и имъ совѣтуютъ пождать—они ждать готовы, только бы онъ еще порадѣлъ, чтобы дѣло въ протяжку не пошло». Чрезъ нѣсколько дней послы, не утерпѣвъ, напомнили Датчанамъ о своемъ желаніи поскорѣе узнать рѣшеніе дѣла. И извѣстіе наконецъ получено.

«Королевское величество, говорили посламъ (9 апрѣля) тѣ же канцлеръ и секретарь, по вашей просьбѣ, насколько могъ, радѣлъ о вашемъ дѣлѣ, посылалъ къ шлезвигъ-голштинскому герцогу и матери высоконареченной дѣвицы и извѣстилъ ихъ, какъ вы, послы, желали. И за нѣсколько дней былъ у короля посолъ голштинскаго герцога съ отвѣтомъ: герцогъ хотѣлъ бы радѣть государю и королю, но дѣвица сговорена уже за князя Цесарской области, дѣло зачато было раньше, воротить его нельзя; и за честь, оказанную царемъ ему и дѣвицѣ, онъ, герцогъ, бьетъ ему челомъ. Со своей стороны, король велѣлъ объявить вамъ, что ему и самому печально, что онъ не можетъ привести къ концу такого начатаго дѣла, какъ ни старался, чтобы тѣмъ подкрѣпить съ царскимъ величествомъ прежнюю любовь и дружбу, да и голштинскіе князья сильно обрадовались было царскому предложенію и сожалѣютъ, что у нихъ за многое до того время поминовалось то дѣло. И если понадобится, король готовъ радѣть царю, гдѣ только будетъ пригодно, и проситъ его и впредь имѣть съ нимъ навсегда любовь и дружбу попрежнему». Предполагая здѣсь хитрый обманъ и намѣренную проволочку времени, наши сердито замѣтили совѣтникамъ: «зачѣмъ же ты, канцлеръ, предъ тѣмъ передавалъ намъ, что сватается за ту княжну князь Цесарской области и то дѣло еще не договорено? Вы сами же сказывали, будто бы король посылалъ къ голштинскому князю и къ матери той дѣ-

вицы своего двороваго маршалка и тѣ писали ему, что они сначала хотятъ подумать со своими близкими родными, которые живутъ въ Цесарской области, и подумавъ вскорѣ же вѣдомо учинятъ королевскому величеству. Лучше бы вы тогда же дали намъ знать прямо, и мы съ вами больше бы не говорили». Датчане старались убѣдить пословъ, что они ихъ не обманывали, что все было такъ, какъ они говорили, что самъ король ничего не зналъ навѣрное, пока голштинскій герцогъ не прислалъ ему послѣдняго посла, и что не случилось бы этого недоразумѣнія и посламъ не пришлось бы понапрасну проѣхать такой дальній путь, если бы царь сначала спросилъ о томъ короля нарочною грамотой. «Дѣло то великое, отвѣчали наши, и ссылаться о немъ грамотой не годится, и мы, царскаго величества послы, о томъ не скучаемъ, что далеко ѣхали». Затѣмъ они требовали себѣ отпуска.

Чтобы хоть сколько-нибудь смягчить тяжелое впечатлѣніе, произведенное на пословъ, въ честь ихъ устроили на прощанье нѣсколько роскошныхъ обѣдовъ и въ Копенгагенѣ, и въ Христіанборгѣ, въ новомъ красивомъ дворцѣ. Къ столу приглашались вмѣстѣ съ послами ихъ дворяне, переводчики, подъячіе и священникъ Иванъ. Пилось по 4 чаши: за здоровье царя, короля, патріарха и королевича. Послѣ стола всѣ наши, въ томъ числѣ и посольскій священникъ, подходили къ королевской рукѣ. За столомъ и послѣ него король и его приближенные по многу разспрашивали ихъ о царѣ, патріархѣ, ихъ образѣ жизни, любопытствуя, гдѣ родился патріархъ, знаетъ ли по-гречески и бывалъ ли въ Греціи, разузнавали о духовенствѣ, іерархическихъ степеняхъ, управленіи церковными дѣлами, ученыхъ Нѣмцахъ, о томъ, есть ли въ Россіи музыка, обстроилась ли Москва, въ какія страны ѣздятъ Москвитяне и прочее. Послы усердно хвалили свою вѣру и обычаи, царя и патріарха, утверждали, что на Москвѣ многіе хорошо знаютъ греческій языкъ, самъ Филаретъ Никитичъ «по-гречески грамоту умѣетъ»; на вопросъ о томъ, живутъ ли на Москвѣ Нѣмцы и Нѣмки и въ какомъ ходятъ платьѣ, отвѣчали: «государю нашему служатъ всѣхъ царствъ иноземцы многіе, ходятъ въ русскомъ и нѣмецкомъ платьѣ, кто въ чемъ хочетъ; также ходитъ и женскій полъ».

8 мая отплывъ отъ датскихъ береговъ и 14 іюня пріѣхавъ въ Москву, послы представили своему государю подробный «Статейный списокъ» [1] о томъ, что они слышали, говорили и видѣли.

На послѣдней оффиціальной бесѣдѣ (9 апрѣля 1622 года) съ этими сватами совѣтники Христіана IV, который ничего не устроилъ въ пользу Михаила Ѳеодоровича, въ оправданіе своего короля между прочимъ сказали имъ: «Великій государь вашъ прежде сослался бы о томъ съ королевскимъ величествомъ своею государскою грамотой и далъ знать ему поранѣе, и король дѣлалъ бы тогда, пока та дѣвица не была сговорена; а нынѣ ему, королю, извѣстно, что она сговорена, поворотить ничего нельзя, и вы, царскаго величества послы, ѣхали путь дальній и труды положили великіе, какъ дѣло ужъ поминовалось». Какъ бы пользуясь этимъ совѣтомъ, московское правительство вскорѣ (24 іюля того же 1622 года) назначаетъ переводчика Посольскаго приказа Елисея Павлова гонцомъ къ шведскому королю Густаву Адольфу. Ему вручены были двѣ грамоты: одна,

---

[1] Хранится въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., среди Датскихъ дѣлъ 1621 года, св. 5, № 3, подъ заглавіемъ: «Статейный списокъ бытности въ Даніи пословъ дворянина князь Алексѣя Львова и дьяка Ждана Шипова». О немъ не было извѣстно. Всѣ свѣдѣнія о посольствѣ ограничивались у насъ слѣдующимъ. Изложивъ содержаніе наказа кн. Львову и дьяку Ждану, Соловьевъ, (изд. 4, IX, 150), всегда необыкновенно точный въ передачѣ архивныхъ матеріаловъ, на этотъ разъ, очевидно не видавъ Статейнаго списка, замѣчаетъ: «Сватовство кончилось ничѣмъ. Подъ предлогомъ болѣзни король отказался говорить со Львовымъ, а тотъ отказался объясняться съ ближними королевскими людьми» То же, ссылаясь на Берха (Царствованіе Михаила, 133), о сватовствѣ повторяетъ Забѣлинъ (Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. М. 1869. 240), прибавляя: «Сватовство, такимъ образомъ, даже не было начато. Лѣтопись разсказываетъ, что король отказалъ будто бы по слѣдующей причинѣ: прежде братъ мой ѣздилъ къ вамъ на Русь, при царѣ Борисѣ, который хотѣлъ отдать за него свою дочь Ксенію и, пріѣхавъ въ Москву, часу не жилъ тамъ отравою уморили его; также и теперь дочь мою уморите». Что король будто бы даже не принялъ нашихъ пословъ, повторяетъ затѣмъ г. А. Смирновъ, авторъ біографіи патр. Филарета Никитича (Чт. М. Об. люб. д. просв. 1874, февраль. отд. пзд. М. 1874, II, 194). Какъ видѣли, переговоры Львова велись долго и притомъ съ однимъ королевскимъ совѣтникомъ, а о герцогѣ Иванѣ не было и помину.

такъ сказать, показная, отъ царя, въ которой государь, отмѣчая то, что королевскіе воеводы пограничныхъ областей принимаютъ русскихъ перебѣжчиковъ и чинятъ московскимъ подданнымъ различныя обиды, просилъ прекратить эту неурядицу и тѣмъ не нарушать договора; вторая грамота, тайная, отъ бояръ съ предложеніемъ королю о выдачѣ за Михаила Ѳедоровича королевской свояченицы, маркграфини Екатерины, дочери курфюрста бранденбургскаго. «Государь нашъ, писали бояре, приспѣлъ въ лѣта мужескаго возраста и по преданію отеческому хочетъ сочетатися законнымъ бракомъ, въ супружество хочетъ взять и имѣть царицей и великою княгиней высокорожденную княжну Екатерину, урожденную маркграфиню и курфюрстову дочь бранденбургскаго и тѣмъ еще сильнѣе укрѣпить и утвердить прежнюю любовь между ими, государями, и между Русскимъ и Шведскимъ государствами». Отвѣтъ королевскихъ совѣтниковъ былъ такъ же кратокъ, какъ это письмо бояръ. Король, значилось въ ихъ отвѣтѣ, принимаетъ то съ любовью и, если суждено Богомъ, желаетъ и будетъ помогать, чтобы царскому величеству въ его начатомъ дѣлѣ счастье и совершенье было безъ помѣхи; однако, не имѣя полной воли надъ высокорожденною княжной, онъ не можетъ выдать ее безъ ссылки съ ея близкими родными, и потому государь самъ бы сначала написалъ къ ея матери Аннѣ, маркграфинѣ и курфюрстинѣ бранденбургской, ея брату Георгію Вильгельму, маркграфу бранденбургскому и курфюрсту прусскому, также маркграфу бранденбургскому Сигизмунду, датскому королю Христіану IV и герцогу саксонскому Іоанну Георгію и узналъ бы отъ нихъ, какъ они о томъ дѣлѣ думаютъ. Король же полагаетъ, что они согласятся и дѣло станется, если государь обѣщаетъ самой княжнѣ Екатеринѣ и всему женскому полу и слугамъ, которые съ ней пріѣдутъ, быть въ своей вѣрѣ и вольно держать свое пѣнье и службу въ киркахъ своихъ, если ей и ея людямъ даны будутъ особыя почетныя мѣста и города съ уѣздами, и польскій король, которому, конечно, не понравится этотъ бракъ, не будетъ допущенъ до ссоры съ подчиненнымъ ему бранденбургскимъ курфюрстомъ.

Выслушавъ докладъ о результатахъ сношенія съ Густавомъ, царь и патріархъ снарядили (15 января 1623 года) новаго гонца,

переводчика Андрея Англера, и опять съ двумя грамотами, царскою и боярскою. Подавая (15 февраля) Густаву царскую грамоту, въ которой заявлялось о дружбѣ государя къ королю, Англеръ на вопросъ, нѣтъ ли съ нимъ какого другаго наказа, отвѣтилъ отрицательно; потомъ, придя на квартиру, онъ просилъ королевскихъ совѣтниковъ донести королю, что у него есть грамота о великомъ государевомъ дѣлѣ, о которомъ бы Густавъ переговорилъ съ нимъ тайно, въ присутствіи лишь близкихъ къ себѣ лицъ. Король позвалъ его къ себѣ, принялъ отъ него боярскую грамоту относительно брачныхъ условій и обѣщалъ дать на нее письменный отвѣтъ.

Что король, говорилось въ боярскомъ письмѣ, хочетъ помогать государю, то государь принимаетъ съ любовью и за это подвиженъ ко всякому добру къ королевскому величеству; а что писалъ о вѣрѣ, то да будетъ ему, княжнѣ Екатеринѣ и ея роднымъ извѣстно: «похотя быти за нашимъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ сочетаніи законнаго брака и сообща съ нимъ, государемъ, всѣмъ его великимъ государствамъ царицею и великою княгиней, ея княжеская милость, княжна Екатерина, для любви и крѣпкаго союза, самимъ Богомъ и отцы преданнаго, произволила бы быть съ нимъ, государемъ, въ одной Православной христіанской вѣрѣ стараго, непорочнаго и непремѣннаго, самимъ Іисусъ Христомъ, апостолами и отцами преданнаго Греческаго закона и, пришедъ въ царствующій градъ, приняла бы святое крещеніе, по древнему отеческому преданію, какъ святая апостольская Церковь пріяла. Безъ этого начальнаго и главнаго дѣла ихъ государскому законному супружеству статься невозможно: потому что нашей Православной христіанской вѣрѣ греческаго закона у иныхъ вѣръ розни многая, и двухъ вѣръ великіе государи наши съ супругами своими никогда не бывали и впредь то быть не можетъ; по преданію святыхъ апостолъ и отцовъ, пригоже женѣ къ мужу приступить и съ нимъ сообща хвалить и прославлять Всемилостиваго Бога и владѣть своими государствами. И какъ по милости Божіей такое великое дѣло совершится, и то будетъ къ лутчей ихъ государской обоюдной любви, и Господь, видя ихъ единоревнительную къ Нему вѣру и взаимную любовь, подастъ имъ благородныхъ чадъ въ наслѣдіе преславнаго ихъ царскаго рода, а родителямъ и

родственникамъ ихъ то будетъ къ славѣ, похвалѣ и премногому утѣшенію, государствамъ ихъ къ расширенію, прибавленію, радости и благой надеждѣ, непріятелямъ къ страху и отомщенію, потому что тѣмъ ихъ государскимъ брачнымъ соединеніемъ многіе великіе государи будутъ между собою въ ссылкѣ, любви и на всякаго недруга въ соединеньи. А которые пріятели княжны Екатерины и ея слуги мужескаго и женскаго пола пріѣдутъ съ ней, тѣхъ всѣхъ государь пожалуетъ своимъ жалованьемъ и почтетъ по ихъ достоинству, и неволи имъ и недостатка ни въ какомъ житьѣ не будетъ ни въ чемъ. Въ вѣрѣ имъ быти, если похотятъ, въ Православной греческаго закона: ближнимъ людямъ при государѣ и царицѣ иновѣрцамъ быти не пригоже, костелы иныхъ вѣръ въ Московскомъ государствѣ никогда не бывали и впредь то статися не можетъ, потому что то нашей Православной вѣрѣ противно. Если же эти лица принять нашу вѣру не похотятъ, а пожелаютъ возвратиться въ свою землю, великій государь, пожаловавъ ихъ своимъ жалованьемъ, велитъ ихъ отпустить въ ихъ землю повольно, безъ всякаго задержанія».

Бояре находили невозможнымъ исполнить и другое условіе, предъявленное Густавомъ, о выдѣленіи опредѣленныхъ мѣстъ и городовъ. «Когда княжна Екатерина, писали они, приметъ Христіанскую вѣру и сочетается съ нашимъ государемъ, тогда всѣ великія Россійскія государства будутъ ихъ государскія, сообща, нераздѣльно, и воля ей, государынѣ, будетъ во всемъ по государскому чину и достоинству; и если она произволитъ какіе города и уѣзды имѣть на свое имя и доходы съ нихъ сбирать на свои дворовые обиходы и на слугъ, и великій государь нашъ за то не постоитъ: города, мѣста и уѣзды даны будутъ безо всякой скудости, и во всю свою жизнь она скудости и неволи имѣть не будетъ». Относительно опасеній, какъ бы изъ-за брака не вышло ссоры и войны у бранденбургскаго курфюрста съ польскимъ королемъ, бояре выразились: «Нашему государю доподлинно извѣстно, что курфюрстъ бранденбургскій Прусское княжество имѣетъ и держитъ отъ польскаго короля, только не подданствомъ, но леннымъ, то-есть вѣчнымъ правомъ, и ему вольно, за кого бы ни захотѣлъ выдать сестру или дочь; король польскій ему воспрепятствовать не можетъ, потому что

у бранденбургскаго курфюрста и кромѣ того государство немалое, и въ нѣмецкихъ государствахъ много родственниковъ и пріятелей, да къ тому же и образецъ есть: самъ королевское величество женился въ томъ славномъ дому и взялъ за себя курфюрста бранденбургскаго дочь, высокорожденную княжну Марію Леонору, и хотя польскій король о томъ погнѣвался, однако курфюрсту бранденбургскому учинить ничего не могъ, всчинать войну было бы противъ правды».

На совѣтъ короля обратиться первоначально къ роднымъ невѣсты, бояре замѣчали: Густаву снестись съ ними ближе, у него даже живетъ теперь сама княжна Екатерина со своею матерью, а государю, пока ему неизвѣстны ихъ мысли, ссылаться съ ними непригодно. Нашими поэтому предлагалось Густаву, чтобъ онъ отвѣтилъ скорѣе, можетъ ли дѣло статься, какъ написано въ ихъ письмѣ, и можетъ ли онъ тайно отъ польскаго короля снестись со своимъ шуриномъ, бранденбургскимъ курфюрстомъ, такъ чтобъ у послѣдняго не вышла ссора съ польскимъ королемъ, пока дѣло не совершилось; а когда оно устроится и государь будетъ съ Густавомъ-королемъ и всѣми его родными въ пріятельствѣ, любви и соединеньи на всякаго недруга, въ то время польскому королю врядъ мыслить о себѣ, какъ бы ему самому уберечься, а нетоли-что начинать неправду и войну. Если государь получитъ благопріятное извѣстіе, то онъ пошлетъ къ роднымъ Екатерины любительныя письма, а къ Густаву для договора большихъ пословъ; но если король извѣститъ, что дѣло по государевой волѣ сбыться не можетъ, все же государь останется съ королемъ въ дружбѣ попрежнему и мирный договоръ будетъ держать цѣло и ненарушимо.

Слишкомъ мѣсяцъ изготовлялся отвѣтъ со стороны шведскаго правительства. Михаила Ѳедоровича Густавъ извѣщалъ (отъ 24 марта), что онъ присланныя съ Англеромъ царскую и боярскую грамоты выразумѣлъ и велѣлъ своимъ думнымъ людямъ дать отъ его имени царскимъ ближнимъ боярамъ письменный отвѣтъ. Его министры подробнѣе развили тѣ мысли и условія, какія ими были выставлены въ ихъ письмѣ, посланномъ съ Елисеемъ Павловымъ. «Первое условіе, писали они, при которомъ согласятся на бракъ невѣста и ея род-

ные, которымъ она наказана, то, чтобъ ея княжеской милости, княжнѣ Екатеринѣ было дозволено остаться въ своемъ крещеньи и христіанской вѣрѣ и держаться той церковной службы, въ которой она воспитана, имѣть при себѣ особую церковь лютерской вѣры и все, что̀ къ нашей христіанской евангелической вѣрѣ принадлежитъ, подобно тому какъ она до сихъ поръ у своихъ имѣла; второе, чтобъ ея княжниной милости имѣть и держать у себя своихъ думныхъ дворянъ, слугъ и боярынь ея вѣры, какихъ бы земель они ни были, и у нея не отнимать этой повольности, какъ такія королевы и царицы вольность имѣютъ въ Цесарской, Шведской, Испанской, Французской, Англійской, Датской и Польской земляхъ; третье, чтобъ она была устроена особыми городами, землей и уѣздами на всю свою жизнь, хотя бы, по Божьему произволенію, она пережила своего супруга». Только при обѣщаніи государемъ удовлетворенія этихъ условій, утверждали министры, король надѣется на счастливый исходъ сватовства и обѣщается хлопотать у родственниковъ княжны, и то лишь, чтобы доказать дружбу къ государю, такъ какъ княжна ему не наказана; а что она теперь живетъ въ Швеціи, то единственно по любви ея и ея матери къ нему, королю, и его супругѣ, королевѣ Маріи Элеонорѣ. Подъ письмомъ подписалось болѣе двѣнадцати датскихъ сановниковъ, между ними графъ Абраамъ Виссенборгскій, канцлеръ Аксенстеръ и другіе [1].

Принципы, выраженные московскими и шведскими сановниками были такъ различны, что соглашенія здѣсь не могло произойти. У такого цѣльнаго въ своихъ воззрѣніяхъ народа, какъ Московскій, въ, глазахъ котораго, къ тому же, царь и его супруга имѣютъ священ-

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Шведскія, св. 31, 1622 года, № 2: «Отправленіе въ Швецію переводчика Елисея Павлова съ грамотой къ королю Густаву Адольфу о причиняемыхъ отъ его королевскихъ подданныхъ Россіянамъ обидахъ и перебѣзчикахъ»; св. 32, 1623 года, № 2: «Отправленіе въ гонцахъ переводчика Андрея Англера въ Швецію съ грамотой отъ царя Михаила Ѳеодоровича къ шведскому королю Густаву Адольфу, извѣщающею о желаніи государя вступить въ супружество съ родственницею его княжною Екатериной. Тутъ же данный ему, гонцу, отъ шведскихъ министровъ отвѣтъ и его Статейный списокъ»·

ное значеніе, царица не могла быть иновѣркою, и Михаилъ Ѳеодоровичъ, истощивъ средства добыть себѣ жену изъ иноземныхъ принцессъ, которая бы приняла Православіе, женился на русской боярышнѣ Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой, отличавшейся своею красотой; отецъ ея принадлежалъ къ партіи сильнаго тогда боярина Ѳ. Ив. Шереметева [1].

Семейная жизнь Михаила Ѳеодоровича со Стрѣшневой текла мирно и радостно. Изъ одиннадцати человѣкъ дѣтей осталось у нихъ въ живыхъ и подростало четверо: сынъ Алексѣй, здоровый мальчикъ, и три дочери, красавицы собою. Роковой ударъ счастью нанесло сватовство ихъ старшей дочери Ирины (род. 22 апр. 1627 г.) за иноземнаго принца [2].

---

[1] Объ отношеніи Стрѣшневой къ Шереметеву и объ условіяхъ ея выбора въ царицы см. у Барсукова, Родъ Шереметевыхъ, III, и въ нашей статьѣ: «Московскіе бояре въ XVI и XVII вѣкахъ», Моск. Вѣд. 1884, №№ 33 и 34.

[2] Оффиціальные документы этого дѣла находятся въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., среди Датскихъ, Польскихъ, Историческихъ, Греческихъ и Приказныхъ дѣлъ 1640—1646 годовъ, Портфелѣ Миллера, № 133, портф. 3, д. 222, Кабинетныхъ бумагахъ кн. Оболенскаго, карт. 25, св. 40, лит. а, библіотекѣ Архива, № 145, и въ Московской Синодальной Библіотекѣ, №№ 279—281, и состоятъ изъ тысячъ двадцати листовъ. Архивные матеріалы по мѣстамъ до того спутаны, что даже такой знатокъ Архива, какъ Соловьевъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ введенъ въ очень грубое заблужденіе. Такъ, факты изъ второй поѣздки Марселиса въ Данію за Вальдемаромъ онъ отнесъ (Ист. Росс. изд. 4, IX, 281—283) къ первой. Это потому, что средняя часть показанія Марселиса въ Посольскомъ приказѣ о его второмъ путешествіи лежитъ въ актахъ, относящихся къ его первой миссіи, и Соловьевъ, не видавъ остальныхъ листовъ, начала и конца, которые находятся въ другомъ мѣстѣ, листовъ черезъ тысячу отъ средины, отнесъ найденные имъ листы къ актамъ перваго путешествія. Извлеченіе Соловьева (IX, 275 и слѣд., изд. 3, X, 111—113) сдѣлано изъ Датскихъ и Польскихъ дѣлъ Архива; небольшая часть Историческихъ дѣлъ издана въ С. гос. гр. и дог. III, № 117 (Извлеченія изъ полемическихъ сочиненій будутъ указаны нами ниже, въ VII главѣ). См. затѣмъ Дворцовые Разряды, II, 724—727, 735, 744—745, III, 7—9; Выходы государей, 117, 118, 120; Акт. Ист. III, № 302; Рихтера, Ист. Медиц., II, прил. № IX. Кромѣ оффиціальныхъ матеріаловъ, важны два современныя событію сочиненія: одно иностранное, другое русское. Первое принадлежитъ перу, очевидно, одного изъ спутниковъ Вальдемара: Nachricht von Wolde-

Къ половинѣ 1640 года у нихъ созрѣло намѣреніе поискать жениха въ Даніи, въ семьѣ извѣстнаго уже Михаилу короля Христіана IV. Не женатымъ и не помолвленнымъ въ ту пору оказался третій сынъ короля, отъ второй его жены [1], графини Христины Мункъ, Вальдемаръ. По отобраніи необходимыхъ свѣдѣній въ Москвѣ отъ «датскаго короля прикащика» Петра Марселиса, въ декабрѣ отправили въ Данію гонца, переводчика «Ивана Ѳомина» (Ивана Бекера фонъ-Дельдена), копенгагенскаго урожденца, съ дипломатиче-

---

mar Christian Güldenlöwe Grafen von Schlesswig-Holstein, Sohn des dänischen Konigs Christian des Vierten, von der Christina Munk, Reise nach Russland, zur Vermählung mit des Zaren Michael Fedrowitsch Tochter Irene, въ Magazin für die neue Historie Büsching'a, X, 213—276, перев. подъ заглавіемъ «Извѣстіе о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара Христіяна Гильденлеве» въ Чт. И. Моск. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ, 1867, IV, и отдѣльно (у Büsching'a, Magazin, VII, 331 и слѣд., изданъ еще нѣмецкій переводъ съ грамоты Михаила Ѳедоровича въ Данію о брачныхъ условіяхъ.—Соколовъ, примѣч. стр. 23, называетъ все, находящееся въ Magazin, «разсказомъ Бушинга»: Бюшингъ былъ только издателемъ данныхъ документовъ). Русское сочиненіе написано въ Москвѣ въ 1647 году, т.-е. чрезъ годъ по отъѣздѣ Вальдемара изъ Россіи, и находится въ собраніи рукописей Царскаго, составляющихъ теперь собственность гр. Уваровыхъ (Строевъ, Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія Царскому, 475), и въ рукописяхъ Е. В. Барсова, № 59, л. 3—42. Заглавіе его, по экземпляру г. Барсова: «Повѣсть и писаніе извѣстно, о еже случися быти въ нашей Рустѣй земли: въ нынѣшнихъ настоящихъ лѣтѣхъ, осмыя тысящи во второмъ стѣ, въ пятой десяторицѣ, во второмъ и третьемъ лѣтѣ; есть же убо и слезамъ достойно». Въ общемъ оглавленіи статей сборника, сдѣланномъ значительно позднѣе, заглавіе измѣнено: «Повѣсть о внезапной кончинѣ государя Михаила Ѳеодоровича, случившейся по безуспѣшному дѣлу супружества княжны Ирины Михайловны съ Валдемаромъ королевичемъ». Оба эти сочиненія важны главнымъ образомъ потому, что изъ нихъ весьма ясно видимъ, какъ отразилось событіе въ сознаніи Датчанъ и Русскихъ, какъ они понимали его. Какія вѣсти о брачномъ дѣлѣ сообщались западноевропейской публикѣ, интересно напечатанное въ Theatr. Evrop., IV, 707, V, 48, 583, 688. Имѣя въ виду со временемъ составить спеціальное сочиненіе о дѣлѣ Вальдемара и издать главнѣйшіе, относящіеся сюда документы, мы ограничимся здѣсь передачей наиболѣе важнаго.

[1] «Отъ жены съ лѣвой руки», какъ выразился Марселисъ въ Посольскомъ приказѣ. О происхожденіи Мункъ у Schlegel'я Geschichte Christian des Vierten. II, 249—250.

скимъ порученіемъ, касавшимся голштинскаго герцога, который не исполнялъ условій договора [1], относительно транзитной торговли чрезъ Россію съ Персіей. Но главною цѣлью посольства было желаніе царя Михаила собрать тайнымъ образомъ на мѣстѣ всѣ нужныя свѣдѣнія о королевской семьѣ и въ особенности о королевичѣ Вальдемарѣ: его лѣтахъ, наружности, умѣ, образованіи, характерѣ, физической крѣпости, а также и о томъ, не сговоренъ ли гдѣ жениться. Послу было настрого наказано стараться всѣми средствами не только лично видѣть королевича, но персону его написать подлинно въ листъ или на доску, безъ приписи, прямо, для этого подкупить писца и, если окажется нужнымъ, помѣшкать недѣлю или двѣ, притворившись больнымъ, и не скупиться на подарки; а чтобы не догадались, заказать написать персоны самого короля Христіана и его другихъ сыновей. Порученіе Ѳоминъ исполнилъ точно. Возвратясь въ Москву, онъ представилъ портреты и донесъ государю, что королевичъ Вальдемаръ двадцати лѣтъ, волосомъ русъ, ростомъ не малъ, собою тонокъ, глаза сѣрые, хорошъ лицомъ, здоровъ и разуменъ, знаетъ по-латыни, французски, итальянски, верхне-нѣмецки, знакомъ съ воинскимъ дѣломъ.

Какъ ни секретно велъ свои дѣла Ѳоминъ, Датскій дворъ угадалъ его мысли. Когда посолъ былъ еще въ Копенгагенѣ, королевскій секретарь, спросивъ его, зачѣмъ ему понадобились портреты, прибавилъ: «если государю вашему королевичъ Вальдемаръ надобенъ для воинскаго дѣла, король отпуститъ его къ царскому величеству». Датскимъ вельможамъ хотѣлось удалить Вальдемара, чтобы не имѣть въ немъ соискателя на вице-королевскій санъ, на который онъ по своимъ правамъ могъ мѣтить. Самъ Христіанъ былъ далеко не прочь опредѣлить его къ мѣсту въ Москвѣ, породнивъ съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Съ этою цѣлію онъ снарядилъ въ Россію посольство, во главѣ котораго поставилъ Вальдемара, вторымъ посломъ былъ Григорій Краббе. Вмѣстѣ съ чисто торговою миссіей для датскихъ купцовъ Вальдемаръ получилъ отъ отца тайный наказъ на случай, еслибы въ Москвѣ стали сватать его за Ирину Михай-

[1] Гл. II, стр. 171—177.

ловну; наказъ былъ за подписью короля и королевскою печатью, и будто бы не былъ извѣстенъ даже Краббе. Вальдемару приказывалось принять предложеніе, если царь, между прочимъ, обезпечитъ ему свободу вѣроисповѣданія, и просить для окончанія дѣла прислать къ королю московскихъ пословъ.

Такъ какъ Вальдемаръ былъ объявленъ «посломъ, графомъ шлезвигъ-голштинскимъ», а не королевичемъ, то его повсюду принимали какъ только посла. Переговоры [1] о торговлѣ въ связи съ вопросомъ о свободѣ вѣроисповѣданія для датскихъ купцовъ шли довольно оживленно, хотя, за споромъ о томъ, чье имя, царское или королевское, писать прежде на бѣловой договорной грамотѣ, они и не могли кончиться чѣмъ-либо положительнымъ. О бракѣ наши не заговаривали. Государя, повидимому, тревожило сомнѣніе относительно законности происхожденія Вальдемара и дѣйствительнаго почета ему среди Датчанъ: приставамъ, бывшимъ при королевичѣ и сопровождавшимъ его, было наказано слѣдить возможно внимательнѣе, какъ относятся къ нему Датчане. Пристава доносили, что Краббе и другіе почитаютъ его государскимъ обычаемъ. Вальдемаръ показалъ тайный наказъ Марселису. Этотъ прочелъ, но довести о томъ до свѣдѣнія правительства и намекнуть ему о сватовствѣ почему-то не осмѣлился. Быть-можетъ, ему не было еще извѣстно, съ какимъ собственно намѣреніемъ правительство производило о Вальдемарѣ свои справки. Такъ послы и отъѣхали, ничего не сдѣлавъ здѣсь [2].

Спустя полгода (12 апрѣля 1642 года) въ Москвѣ рѣшили отправить въ Данію пословъ: окольничаго Степана Матвѣевича Проѣстева и дьяка Ивана Исакова Патрикѣева докончить договоръ и начать сватовство. Въ существенныхъ своихъ частяхъ тайный имъ наказъ о сватовствѣ былъ почти буквальнымъ повтореніемъ прежняго наказа князю Львову, только вмѣсто «высокорожденной королевской племянницы» повсюду стояло «королевичъ Волдемаръ Христіанусо-

---

[1] См. выше, 170—171, и въ изслѣдов.: «Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ», 70—71.

[2] Въ виду неудачи посольства, датское «Извѣстіе о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара», естественно, совершенно умалчиваетъ о немъ.

вичъ», вмѣсто имени жениха-государя — имя невѣсты-царевны. Не было допущено измѣненій не только въ пунктѣ о перекрещиваніи и о Датчанахъ,, но даже въ пунктѣ объ отводѣ брачной четѣ отдѣльныхъ владѣній: какъ и прежде, было обѣщано просто, что государь будетъ держать ее въ чести, нужды ей не будетъ. Значительныя поправки, сообразно съ обстоятельствами, сдѣлали лишь въ такихъ маловажныхъ частяхъ, какъ вопросъ о портретѣ. «Если спросятъ, было наказано посламъ, имѣется ли съ ними персона царевны, то отвѣчать: ‹‹у нашихъ великихъ государей Россійскихъ того не бываетъ, чтобъ персоны ихъ государскихъ дочерей, для остереганья ихъ государскаго здоровья, въ чужія государства возить, да и въ Московскомъ государствѣ очей государыни царевны, кромѣ самыхъ ближнихъ бояръ, другіе бояре и всякихъ чиновъ люди не видаютъ››.

Проѣстева и Патрикѣева король принялъ весьма недружелюбно, на представленіи не хотѣлъ было даже спросить о государевомъ здоровьѣ, и исполнилъ обычай лишь благодаря ихъ настоянію. Помѣщеніе титула опять помѣшало совершить докончанье. Не успѣвъ въ одномъ, послы принялись за исполненіе второй миссіи. Но такъ какъ они, сообразно наказу, не могли обѣщать королевичу опредѣленныхъ земель въ Московскомъ государствѣ и требовали, что онъ долженъ креститься въ Греческую вѣру, то не имѣли удачи и въ этомъ: Датскому двору былъ еще слишкомъ памятенъ договоръ Годунова, такъ непомѣрно выгодный для Датчанъ и ихъ вѣроисповѣданія; а послы были совсѣмъ простоваты, вели дѣло безъ снаровки. На первый же вопросъ имъ ближнихъ королевскихъ людей: «какъ государь вашъ его королевскаго сына графа Вальдемара хочетъ имѣть у себя въ присвоеньѣ и въ какой чести?› они прямо повели рѣчь о необходимости королевичу, ‹пріѣхавъ въ Россійское государство, креститься въ Православную вѣру во святой купели святаго крещенія водою и Духомъ›, чтобъ потомъ уже вступить въ бракъ съ благовѣрною царевной, и тогда ему ‹ото всѣхъ людей будетъ честь и слава› и царское величество ‹пожалуетъ ему города, села и деревни многія и казну нескудную›. Естественно, несчастье продолжало преслѣдовать прямодушныхъ сватовъ и по возвращеніи на родину. Въ Посольскомъ приказѣ подвергли ихъ суду, обвинивъ въ

нерадѣніи и неумѣньи исполнить царскую волю: въ раздачѣ соболей и денегъ не сообразовались-де съ пользой государя, а сорили всѣмъ этимъ ради своей чести, переговоры вели слишкомъ коротко, часто отвѣчали невпопадъ или совсѣмъ молчали и поспѣшили уѣхать послѣ перваго же отказа, не снесшись напередъ съ государемъ. Больше всего подпало критикѣ и порицанію то, что они не предрасположили въ пользу брака обѣщаніями, на вопросъ «о присвоеньѣ и чести» сказали прямо о вѣрѣ, не противъ вопроса. Послы думали оправдаться хитростью: «они-де говорили по наказу, а написали въ своемъ Статейномъ спискѣ, грѣхомъ, не подъ тою статьею: королевскіе думные люди спрашивали, въ которой вѣрѣ королевичу быть, къ этому слову они, послы, о вѣрѣ и крещеньѣ и говорили, въ Статейномъ же спискѣ своемъ не написали вопроса для того, что честь, и мѣра, и крещенье одно». Въ мнѣніи такихъ непосредственно-простодушныхъ натуръ, какъ послы, всѣ эти предметы были, дѣйствительно, нераздѣлимы, и хитрость, посредствомъ которой они попытались найти защиту, не могла клеиться у нихъ. За неудачу ихъ постигла опала.

Поправить дѣло надѣялись чрезъ датскаго коммиссара Петра Марселиса, которому оно было и безъ того уже извѣстно: онъ находился въ Копенгагенѣ, когда было тамъ наше посольство. Его позвали (4 декабря 1642 года) въ Посольскій приказъ. Припомнивъ прежнія службы его, Петра, и отца его Гаврилы и полученныя ими за то царскія милости и повольность въ торговлѣ, бояре поручили ему новую службу государю—ѣхать въ Данію сватомъ, обѣщая ему за то новыя награды. Марселисъ тотчасъ согласился [1],

[1] Такъ въ оффиціальныхъ архивныхъ документахъ (Дѣла Датскія, св. 13, № 8: «Отправленіе въ Данію дацкаго комисара Петра Марселиса»); по рукописи же «Повѣсть о внезапной кончинѣ государя Михаила Ѳеодоровича», Марселисъ самъ вызвался и добивался того. Упомянувъ объ опалѣ на Проѣстева и Патрикѣева и объ унынiи царя и царицы о томъ, что имъ не удалось заручить Вальдемара, авторъ продолжаетъ (л. 8): «о сицевыхъ нѣкiи же злодѣй лстивый врагъ такiи же поганинъ Нѣмчинъ здѣшнiи житель Петрушка Марселевъ, имѣя на себѣ воинскій чинъ, царю служа, видя царя и царицу печалныхъ о таковой вещи, и пзъяся царю и царицѣ, яко да идетъ тамо въ Датцкую землю къ королю Христіянусу и сыну его къ королевичю Вальдемару, яко да увѣщаетъ и подъиметъ того нече-

такъ какъ онъ понималъ, какія, въ случаѣ удачи, могутъ быть отъ того выгоды для него, какъ и для всей протестантской колоніи, лишь потребовалъ, чтобъ ему позволено было ничего не говорить Вальдемару о перекрещиваньи. Въ Приказѣ находили это невозможнымъ и уговаривали его порадѣть и о вѣрѣ. Тогда Марселисъ сообщилъ, что Вальдемаръ въ бытность свою въ Москвѣ казалъ ему тайный королевскій наказъ, въ которомъ отецъ настрого, подъ угрозой проклятія, запрещалъ сыну отказываться отъ лютеранства, «и онъ, королевичъ, мимо отца своего наказу и въ то время того учинить и къ Греческой вѣрѣ приступить не хотѣлъ, и нынѣ ему, Петру, чтобъ королевичу ѣхать креститься въ Православную вѣру греческаго закона, о томъ говорить королю и королевичу никоторыми мѣрами не смѣть, а только про то имъ говорить, и ему быть въ опалѣ». Бояре промолчали, но чрезъ нѣсколько дней Марселисъ получилъ назначеніе отправиться въ Данію. Объ этой службѣ объявилъ ему боярин Ѳ. И. Шереметевъ. Пользуясь благопріятнымъ случаемъ, онъ запросилъ соболей на 2.600 руб. для раздачи въ Даніи, привилегію для себя на желѣзный промыселъ на 20 лѣтъ, покровительство оставшейся въ Москвѣ его женѣ. Просьбы его удовлетворили съ избыткомъ: къ соболямъ на 2.600 р. прибавили ему 500 р. деньгами въ качествѣ награды за службу (съ Проѣстевымъ и Патрикѣевымъ соболей было послано на 2.000 р.). Наказъ былъ составленъ, какъ ему желалось. О прежнихъ послахъ онъ долженъ былъ доложить королю, что они поступали неправильно и нерадиво, на вопросъ о чести и о земляхъ для королевича отвѣчали не по наказу, а о вѣрѣ и о крещеніи не на вопросъ ближнихъ королевскихъ людей. Королевича-де государь станетъ держать въ большомъ пріятельствѣ и въ государской чести, какъ государскаго сына и зятя, и одаритъ его всѣмъ: города, села и денежная казна будутъ у Вальдемара многія, получитъ онъ большіе города Суздаль и Ярославль съ уѣздами, волостями и всякими доходами, и иные города и села и волости, какіе ему годны; «въ

ствиваго, яко быти ему въ Рускую землю къ нимъ, государекъ. Царь же и царица повелѣста ему ити и творити глаголемая, и даста ему честь велію зѣло и потребнаго доволно».

его вѣрѣ неволи не будетъ, а въ Православную христіанскую вѣру греческаго закона крещеніе всѣмъ людемъ даръ Божій: кого въ то Богъ приведетъ, тотъ то и приметъ, а воля Божія свыше всѣхъ человѣческихъ мыслей и дѣлъ». Ближнимъ и дворовымъ людямъ королевича будетъ оказана государская милость по ихъ достоинству неволить ихъ ни въ чемъ не будутъ, и заявившихъ желаніе возвратиться всегда отпустятъ безъ задержки. Каждое условіе онъ долженъ былъ, конечно, предложить не прежде, чѣмъ о томъ спросятъ его.

Обращеніе къ посредничеству чужеземца сразу т. обр. возвращало дѣло къ преданіямъ непомѣрно уступчиваго со стороны нашего правительства и слишкомъ убыточнаго для Россіи договора Годунова, и новому свату теперь легко было уладиться съ Датскимъ дворомъ.

По прибытіи въ Копенгагенъ быстро представленный (20 марта 1643 года) королю, Марселисъ тотчасъ изложилъ московскія условія. Чуть не съ каждымъ днемъ нуждаясь все болѣе и болѣе въ посторонней помощи противъ Швеціи, которая явно готовилась открыть противъ Даніи свои враждебныя дѣйствія, Христіанъ охотно согласился отпустить своего сына. Вальдемара, который за свою бытность въ Москвѣ имѣлъ достаточный случай убѣдиться въ неуступчивости Русскихъ, ѣхать сюда, правда, теперь не тянуло, но отказаться онъ не смѣлъ, боясь тѣмъ оскорбить отца. Серіозныхъ препятствій къ браку не находили. Оставалось заручиться отъ царя письменнымъ обѣщаніемъ.

Марселисъ получилъ (8 апрѣля) королевскую грамоту, которую онъ долженъ былъ доставить въ Москву. Заявивъ о своей готовности держать съ государемъ дружбу и прекратить споръ о титулѣ, столько лѣтъ мѣшавшій учиниться письменному укрѣпленію, Христіанъ писалъ, что онъ для взаимнаго союза склоненъ способствовать сватанью царской дочери за его сына, только бы ему напередъ получить отъ государя отвѣтную грамоту за царскою печатью и подписью, съ утвержденіемъ необходимыхъ статей. Между послѣдними первое мѣсто занимаетъ условіе насчетъ свободы вѣроисповѣданія: Вальдемару, его двору и слугамъ въ вѣрѣ и законѣ неволи быть не должно и чтобы отведено было королевичу мѣсто для поставленія кирки. Второе условіе касалось положенія королевича въ государствѣ и царской семьѣ,

чтобъ онъ кромѣ царя и царевича никого не имѣлъ выше себя; остальныя три условія опредѣляли содержаніе его и его двора: обѣщанные города Суздаль и Ярославль съ ихъ уѣздами должны остаться за нимъ и его потомствомъ навсегда, было бы честнѣе и славнѣе, еслибы прибавлено было къ тому денежное приданое; такъ какъ доходы съ городовъ неизвѣстны, то царь назначилъ бы еще опредѣленную сумму денегъ, изъ которой часть королевичъ тратилъ бы на содержаніе своего двора, другую оставлялъ у себя; управлять своимъ дворомъ, одѣвать его и принимать къ себѣ на службу и отпускать назадъ за границу королевичъ будетъ по своему усмотрѣнію.

Въ Москвѣ встрѣтили Марселиса, какъ датскаго посланника, въ поденномъ корму приравнявъ его къ пріѣзжавшему прежде Голмеру, и удостоили торжественнаго представленія царю. Пока Марселисъ выхлопатывалъ, чтобъ ему вознаградили убытки (1.000 р.), понесенные имъ въ Даніи, въ Приказѣ готовили отвѣтную, за большою государевою печатью, грамоту, въ которой на всѣ статьи, предъявленныя королемъ, давалось царское согласіе [1] съ обѣщаніемъ прибавить денежнаго приданаго триста тысячъ рублей и предложеніемъ, чтобы королевичъ взялъ съ собою изъ Даніи триста человѣкъ и всѣ земли, принадлежащія ему подъ датскою короной, оставались въ вѣчномъ наслѣдственномъ владѣніи обоихъ супруговъ. Неприкосновенность личнаго вѣроисповѣданія королевичу и всѣмъ, служащимъ при немъ, обѣщалась вполнѣ, но условія о постановленіи кирки отлагались до переговоровъ съ тѣми послами, которые пріѣдутъ съ королевичемъ, при чемъ намекалось на ея излишность, въ виду того, что кирки уже есть у иноземцевъ, живущихъ въ Россіи.

---

[1] Что, конечно, хранилось отъ остальныхъ Москвитянъ подъ величайшимъ секретомъ. Есть основаніе предполагать, что объ условіяхъ о вѣрѣ точно не зналъ даже патріархъ Іоспфъ. Когда пріѣхалъ Вальдемаръ въ Москву, посланный къ нему отъ патріарха Францбековъ говорилъ королевичу, что Марселису не было наказано ни говорить о вѣрѣ, ни рѣшать вопроса о ней. Авторъ «Повѣсти о внезапной кончинѣ Михаила Ѳеодоровича», не принадлежавшій къ правительственнымъ лицамъ и писавшій не на оффиціальныхъ документахъ, а на основаніи носившихся слуховъ, утверждаетъ (л. 9), будто Марселисъ убѣдилъ королевича ѣхать сюда «только женитися, а не креститися по нашему русскому обычаю», т.-е. въ дѣйствіяхъ Марселиса онъ видитъ хитрость, какъ бы прямый обманъ.

Интересно сопоставить этотъ отвѣтъ о церквахъ, съ тѣмъ, что за двадцать лѣтъ ранѣе писали бояре шведскому правительству. Тогда утверждалось, что иновѣрныхъ храмовъ у насъ нѣтъ и не бывало, а между тѣмъ тогда кирка стояла въ самой Москвѣ; теперь съ такою же силой увѣряли въ противоположномъ, и между тѣмъ теперь не было въ Москвѣ ни одной кирки: весной и лѣтомъ этого года всѣ онѣ (за исключеніемъ Шведской) были разрушены по распоряженію самого правительства. Здѣсь мы встрѣчаемся съ рѣшеніемъ темнаго въ исторической наукѣ вопроса, почему именно правительство вдругъ опять сочло нужнымъ возстановить для лютеранъ свободу общественнаго богослуженія, только что предъ тѣмъ отнятую у всѣхъ протестантовъ. Сватовство за Вальдемара при посредствѣ Марселиса въ судьбѣ московскихъ кирокъ имѣло весьма важное значеніе. Вмѣстѣ съ видными представителями московскихъ протестантовъ, Марселисъ сумѣлъ добиться теперь того, что одновременно съ вручеміемъ ему грамоты для доставленія въ Данію состоялось царское повелѣніе объ отводѣ участка за Земляным валомъ для лютеранской церкви [1].

Марселисомъ были взяты предосторожности, чтобы веденіе брачнаго дѣла, столь выгодное для него и иноземцевъ, удержать за собой. За границей находился тогда въ отпуску придворный докторъ Сибелиста и время отъ времени присылалъ оттуда «тайныя» вѣсти «старшему боярину» Ѳ. И. Шереметеву. Между такими письмами было одно, въ которомъ онъ увѣдомлялъ Шереметева по секрету, что король Христіанъ и его сынъ «подвижны въ вѣрной дружбѣ съ его царскимъ величествомъ и въ присвоеньи быти, только бъ статья о вѣрѣ оставлена была», и что прежніе переговоры оказались безуспѣшными потому, что слишкомъ у насъ поторопились присылкою великихъ пословъ, прямо поставившихъ вопросъ о вѣрѣ: слѣдовало бы сперва послать рядоваго человѣка, который переговорилъ бы о всемъ этомъ тайно, глазъ на глазъ съ королевичемъ и его сыномъ; какъ они соединятся во всѣхъ статьяхъ, тогда можно послать и великихъ пословъ, которые всѣ статьи подтвердятъ и укрѣпятъ крестнымъ цѣлованіемъ; умаленія такимъ образомъ чести великихъ госу-

[1] См. выше, стр. 71 и слѣд.

дарей не будетъ, все сохранится втайнѣ и проторей большихъ не понадобится. Хотя Сибелиста и выражалъ сожалѣніе, что это порученіе не возложили на него, однако, при сложившихся обстоятельствахъ, его письмо было Марселису на руку, и онъ привезъ его съ собой и вручилъ (3 іюня) по принадлежности.

Предъ вторичной посылкой Марселиса въ Данію, государь позвалъ его къ себѣ (8 іюля) тайно и убѣждалъ его вѣрно послужить ему. Прежде Марселисъ докладывалъ государю, что Датскій дворъ разсчитываетъ отправить Вальдемара не чрезъ шведскія владѣнія, а чрезъ Польшу; царь выражалъ, что онъ не надѣется и на польскаго короля, и думаетъ, не лучше ли королевичу ѣхать чрезъ Архангельскъ

Царская грамота, отправленная теперь съ Марселисомъ, не была окончательною: въ ней отмѣчено, что окончаніе будетъ совершено между боярами и большими королевскими послами, когда послѣдніе пріѣдутъ въ Москву, и что царь ту новую грамоту навсегда укрѣпитъ своимъ крестнымъ цѣлованіемъ. Христіанъ, повидимому не подозрѣвая здѣсь скрытой цѣли, отпустилъ (въ концѣ октября 1643 года) Вальдемара съ громадною свитой, послами Олавомъ Пасбиргомъ и Стрено Вилленомъ и Марселисомъ, котораго король за его службу произвелъ (16 сентября) въ потомственные дворяне. Собственно при королевичѣ ѣхало 269, при послахъ 60 человѣкъ [1]. Изъ нихъ видная роль выпала потомъ на долю королевичева пастора Фильгобера.

---

[1] Интересенъ составъ ѣхавшихъ Датчанъ, какъ о томъ Марселисъ отписалъ въ Москву изъ Глюкштадта.

«По переводу съ росписи, какову прислалъ Петръ Марселисъ, съ королевичемъ розныхъ чиновъ людей:

«Его княжскіе милости думы дворовый маршалокъ Адамъ Индрикъ Пенсъ, его княжскіе милости думы и болшой казначей Петръ Марселисъ, его княжскіе милости болшой чашникъ ротмистръ Арманъ Каасъ, комнатной дворянинъ Ацъ Фрізе, ловчей Якубъ Бюдде, а съ нимъ людей $\overrightarrow{\text{КФ}}$ человѣкъ. Да его жь королевичевыхъ дворянъ $\overrightarrow{\text{І}}$ человѣкъ, а съ ними людей $\overrightarrow{\text{ГІ}}$ человѣкъ; $\overrightarrow{\text{А}}$ человѣкъ дохтуръ, $\overrightarrow{\text{А}}$ человѣкъ попъ, секретарь да писарь, комнатной писарь съ подъячимъ, и одъячей денежного приходу, $\overrightarrow{\text{К}}$ человѣка становщиковъ, Соломонъ Ремулъ, людей съ ними $\overrightarrow{\text{С}}$ человѣкъ. Королевичевыхъ комнатныхъ слугъ $\overrightarrow{\text{К}}$ человѣка, шляхтичевъ, жильцовъ и съ людми всѣхъ $\overrightarrow{\text{І}}$ человѣкъ; поваренной подъячей, оптекарь, лѣкарь, наплечной мастеръ, ближней слуга, людей съ ними $\overrightarrow{\text{Н}}$ человѣкъ; трубачевъ $\overrightarrow{\text{КІ}}$, а съ ними людей $\overrightarrow{\text{Г}}$ человѣка; литаврьщикъ, розсыщиковъ $\overrightarrow{\text{К}}$ человѣкъ, дробантовъ

Опасаясь козней со стороны Швеціи, Вальдемаръ ѣхалъ чрезъ Польшу, такъ какъ король Владиславъ IV искалъ дружбы Даніи. Марселисъ постоянно извѣщалъ царя, присоединяя къ своимъ извѣщеніямъ различныя просьбы. Еще изъ Копенгагена писалъ (17 окт.) онъ, «что Христіанъ король сына своего королевича Вальдемара Христьяна, графа шлезвигъ-голштинскаго, отпускаетъ, а съ нимъ шлетъ къ государю своихъ великихъ пословъ, а что ему, Петру, государева жалованья, о томъ государь укажетъ». Царь похвалялъ его за службу и назначилъ награду. Предъ самымъ отправленіемъ Вальдемара Марселисъ доносилъ, что королевичъ послалъ впередъ себя въ Ригу свою конюшню, 80 лошадей и 100 человѣкъ, «а я, тутъ же отмѣтилъ онъ, долженъ былъ вашего царскаго величества честь остерегать и многими парочными подарками дарить, для чего принужденъ былъ деньги займовать». Съ пути онъ просилъ за своего брата, чтобъ ему были прощены всѣ долги въ Россіи, за жену и прочее. Жена его, дѣйствисельно, представила копенгагенскій вексель ея мужа на 2.500 рублей съ переводомъ долга на государеву казну. Все было выплачено. Шуринъ Марселиса, Вильгельмъ Иванъ Бернзли («Вилимъ Ивановъ Бянзли»), ѣздившій, какъ и прежде, вмѣстѣ съ Марселисомъ и теперь посланный имъ въ Москву на пути изъ Кенигсберга, сообщилъ въ Посольскомъ приказѣ пріятныя вѣсти: королевичъ ѣдетъ благополучно, во всю дорогу радостенъ и веселъ и желаетъ поскорѣе видѣть государя и царевича; почти на всѣхъ остановкахъ, послѣ

КД человѣка, поваръ, оберегатель серебряныхъ судовъ, чашникъ у поставца, а съ ними людей ГІ человѣкъ, бронной мастеръ у шпагъ, приспѣшникъ, музикантовъ ГІ человѣкъ, пѣшеходецъ, истопникъ, конюшей, дворовый маршалокъ, конюшей маршалокъ, К человѣка золотого дѣла мастеровъ, огненные потѣхи мастеръ, токарь, а съ ними да болшого казначея людей КГ человѣка; самопальной мастеръ, сѣделникъ, хлѣбникъ, людей съ ними Н человѣкъ; огородникъ, поваренныхъ слугъ К человѣка, псовой охотникъ; стрѣлокъ псовые охоты малой, конюховъ и возницъ А человѣкъ. Всего СХѲ человѣкъ.

«Да королевскихъ пословъ К человѣка, а съ ними людей К человѣкъ, маршалокъ, а съ нимъ людей Ѯ человѣкъ, Ѕ человѣкъ дворянъ, а людей съ ними КІ человѣкъ, попъ, заимщикъ, лѣкарь, поваренной подъячей, у приходу подъячей. Всего Ѯ человѣкъ».

кушанья, пьетъ чаши за ихъ государское здоровье и за здоровье царевны Ирины Михайловны; «учился у него, Вилима, русскому языку и по-русски многую рѣчь перенялъ и помнитъ, и гораздо переимчивъ; а какъ пріѣдетъ къ государю къ Москвѣ, и онъ выучится русскому языку вскорѣ, потому что онъ навыченъ и гораздъ многимъ языкамъ, и которыя слова по-русски выучилъ, и тѣ говоритъ гораздо чисто». На балахъ въ Вильнѣ, данныхъ въ честь его королемъ Владиславомъ, Вальдемаръ, дѣйствительно показалъ себя предъ польскими придворными знатокомъ французскаго и италіянскаго языковъ.

Отъ Вильны Марселисъ поѣхалъ впередъ прямо въ Москву, Вальдемаръ медленно двигался ко Пскову. Въ Посольскомъ приказѣ Марселиса подробно разспрашивали (въ концѣ декабря), почему онъ долго мѣшкалъ въ Даніи, и онъ сообщилъ прелюбопытныя вещи [1]. Кромѣ того, что будто бы велъ тамъ рѣчь о судьбѣ московскихъ протестантскихъ церквей [2], онъ, по его словамъ, долженъ былъ бороться противъ слуховъ, распускаемыхъ въ Даніи Шведами и Голландцами, которые разглашали, что Марселисъ взялся не за свое дѣло и ему не довести его до конца: еслибы царю было надобно онъ тогда послалъ бы своихъ большихъ бояръ; что королевичу въ Москвѣ сначала будетъ честь великая, а когда замѣтятъ, что отъ вѣры отстать не захочетъ, почитать его перестанутъ, и т. д. Свое полномочіе и себя Марселисъ защищалъ ссылкой на царскій ему наказъ; относительно чести королевичу замѣтилъ: «царскаго величества слово крѣпко и неподвижно, а тѣ люди такія слова говорятъ, ненавидя то великое дѣло, оно зачато съ добрымъ разсужденіемъ изволеніемъ Божіимъ, добромъ и кончится». Датскій резидентъ въ Стокгольмѣ Петръ Вибь извѣщалъ короля, его совѣтниковъ и Марселиса, какъ Шведы враждебно смотрятъ на родственный союзъ короля съ царемъ: они «страшатся, что отъ того будутъ многіе умыслы на ихъ Шведское королевство», признаки чего уже видятъ

[1] 17 среднихъ листовъ (всѣхъ ок. 30) этого показанія Марселиса Соловьевъ и отнесъ къ фактамъ первой поѣздки Марселиса въ Данію (см. выше, примѣчаніе на 475 стр.).

[2] Объ этой рѣчи см. I гл., 75—77 стр.

въ томъ, что шведскаго агента Петра Крузбіорна въ Москвѣ почитаютъ мало, и они питаютъ надежду, что дѣло не устроится и случится то же, что прежде съ Магнусомъ, котораго выгнали, или съ принцемъ Иваномъ, котораго окормили. Эти клеветы Марселису было опровергнуть легко: что Иванъ померъ своею смертью, онъ свидѣтелемъ выставилъ даже одного изъ близкихъ къ Ивану лицъ, его спутника въ Россію, секретаря Винта.

Подъ личиною радѣтелей датскихъ интересовъ, Шведы такъ неискусно старались предотвратить возможный, вслѣдствіе брака Вальдемара, союзъ между Россіей и Даніей потому, что у нихъ съ Даніей готовилась жестокая война. Разоблачая ихъ и ихъ цѣли, Марселису понадобилось употребить свою находчивость и противъ партіи, образовавшейся при самомъ Датскомъ дворѣ въ пользу брака Вальдемара съ дочерью чешскаго коротя, несчастнаго Фридриха Пфальцскаго. Эти утверждали: въ Москвѣ люди дикіе, слова не сдержатъ, королевича будутъ держать въ холопствѣ; московскіе бояре, въ разсчетахъ породниться съ государемъ, не желаютъ, чтобы царь выдавалъ дочерей своихъ за дѣтей чужихъ государей. На это Марселисъ возражалъ: еслибъ у царя земля и люди были дикіе, то онъ такъ долго не жилъ бы тамъ и не искалъ бы жить впередъ; было бы доброе, еслибъ уставилось такое же, какъ въ Москвѣ, строенье въ землѣ тѣхъ людей, которые говорятъ подобныя рѣчи; въ холопствѣ держать Вальдемара не станутъ, никто не докажетъ, чтобы царь не сдержалъ своихъ обѣщаній; препятствовать государю никто не можетъ: онъ самодержецъ, все дѣлаетъ по своему изволенію, и знаютъ про то великое дѣло его ближніе большіе бояре.

Только когда Марселисъ разрушилъ направленные противъ него ковы, королевскіе думные люди, по его словамъ, объявили ему о согласіи Христіана отпустить Вальдемара и пословъ, о чемъ онъ тотчасъ тогда и отписалъ государю. Между тѣмъ, къ нему не разъ приходилъ Вальдемаръ. Марселисъ расхваливалъ ему, какъ государь будетъ держать его въ присвоеніи и всей чести. Свою готовность ѣхать въ Москву королевичъ выразилъ ему скоро, въ надеждѣ ужиться съ государемъ, и сообщилъ, что отецъ передалъ ему подробно объ условіяхъ, на которыхъ долженъ состояться бракъ, и

списокъ съ грамоты, привезенной Марселисомъ; онъ надѣется на милость Божію и государя, вѣритъ царскому слову и Марселису. При этомъ Марселисъ увѣрялъ въ Приказѣ: «королевичъ говорилъ ему, Петру, чтобъ ему быть у него безотступно, для чего-де отецъ его учинилъ его, Петра, думнымъ, такъ какъ онъ русскіе обычаи и чины всѣ знаетъ и царское величество ему вѣритъ, и онъ же можетъ учинить на обѣ стороны всякое добро».

На вопросъ бояръ, почему король отпустилъ сына чрезъ Польшу и Литву, Марселисъ отвѣчалъ: Шведы мутили и хотѣли помѣшать дѣлу и шведскій резидентъ въ Москвѣ увѣрялъ иноземцевъ: какъ только королевичъ поѣдетъ чрезъ Лифляндскую землю, и тамъ его задержатъ, польско-литовскій же король Владиславъ писалъ Христіану, чтобъ онъ отпустилъ своего сына чрезъ его владѣнія, гдѣ ему окажетъ все добро. Затѣмъ Марселисъ передалъ о блестящей поѣздкѣ чрезъ Польшу и о своихъ бесѣдахъ съ Владиславомъ, который поручилъ ему нѣсколько своихъ просьбъ къ государю.

По русскимъ городамъ встрѣчали Вальдемара съ такою же торжественностью, какъ нѣкогда королевича Ивана, и опять съ соблюденіемъ осторожности въ объявленіи его женихомъ невѣсты. Какъ только получилъ отъ Марселиса достовѣрное увѣдомленіе, что Вальдемаръ отправится въ Россію, Михаилъ Ѳедоровичъ, съ радости, тотчасъ же велѣлъ въ своемъ присутствіи въ Передней избѣ объявить (28 октября 1643 г.) патріарху Іосифу и боярамъ, что датскій король Христіанъ «хочетъ съ нимъ, государемъ, быть въ крѣпкой братской дружбѣ и любви и вѣчномъ союзѣ на вѣки нерушимо, свыше всѣхъ великихъ государей, и для сочетанія законнаго брака сына своего королевича Волдемара Хрестьяна, графа шлезвизкаго-голстинскаго, отпускаетъ, а съ нимъ шлетъ пословъ; поѣдутъ они изъ Датской земли нынѣшнимъ зимнимъ первымъ путемъ; и великому бъ господину святѣйшему Іосифу, патріарху московскому и всея Руси, про то вѣдать и со всѣмъ освященнымъ соборомъ молити Господа Бога и Пречистую Богородицу, чтобъ то великое дѣло Господь Богъ Своими неизреченными судьбами къ доброму совершенью привелъ». Объявленіе, конечно, возбудило въ Москвѣ толки, вопросы объ условіяхъ брака; у Михаила Ѳедоровича могли зародиться со-

мнѣнія въ полной успѣшности брачнаго дѣла, и въ распоряженіяхъ о встрѣчѣ Вальдемара уже не говорится, чтобы принимали его, какъ жениха или будущаго члена царской семьи; объ его миссіи упоминается уже очень глухо и неопредѣленно. «Вѣдомо намъ учинилось, говорилось въ царскомъ наказѣ (13 ноября 1643 года) псковскому воеводѣ князю Черкасскому, что ѣдетъ къ намъ, великому государю, брата нашего великаго государя Христіануса, короля датскаго, сынъ королевичъ Волдемаръ Христіанусовичъ, графъ шлезвигскій-голштинскій, а съ нимъ великіе послы о великомъ нашемъ дѣлѣ, а съ королевичемъ разныхъ чиновъ и посольскихъ, и дворянскихъ, и всякихъ людей съ триста человѣкъ, да тысяча лошадей. И мы указали противъ датскаго королевича Волдемара Христіанусовича ѣхать на встрѣчу и принять его на рубежѣ боярину нашему князю Юрію Андреевичу Сицкому-Ярославскому и дьяку нашему Никифору Шипулину, а съ ними указали быть на рубежѣ московскимъ дворянамъ 20 человѣкамъ, жильцамъ 30 человѣкамъ, псковскимъ и окрестныхъ городовъ помѣщикамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, лучшимъ людямъ, конным и нарядным 300 человѣкъ и во Псковъ съѣзжаться». Псковъ и Новгородъ были первыми русскими городами, гдѣ устроены были большія встрѣчи, конечно, далеко уступавшія въ торжественности и пышности Москвѣ; почести усиливались богатыми приношеніями. Горожане подносили высокому гостю хлѣбъ-соль, золотую и серебряную посуду, соболи, цѣнныя матеріи; дорогіе дары получилъ онъ при въѣздѣ въ Москву (21 генваря 1644 г.) и отъ англійскихъ и голландскихъ купцовъ.

Противъ обыкновенія, Вальдемара помѣстили въ Кремлѣ, на старомъ Царево-Борисовомъ дворѣ. Какъ только онъ поправился съ пути, государь посѣтилъ (25 генв.) его крытымъ ходомъ, ведшимъ изъ царскихъ въ королевичевы покои, нѣсколько разъ обнималъ его и ласкалъ, какъ роднаго сына. На торжественномъ представленіи (28 генв.) въ Грановитой палатѣ послы сочли нужнымъ прямо заявить, что Христіанъ отпустилъ королевича для вступленія въ бракъ съ царевной Ириной Михайловной, наказавъ ему почитать государя какъ отца, и просить царя укрѣпить договоръ о сватовствѣ крестнымъ цѣлованіемъ и держать королевича какъ сына и зятя. Отъ

имени царя думный дьякъ увѣрялъ въ желаніи государя имѣть королевича въ ближайшемъ присвоеніи, но о крестномъ цѣлованіи дьякъ умолчалъ. Въ знакъ вѣрности своихъ словъ послы подвели королевича къ царю, который обнялъ его и посадилъ рядомъ съ собою по правую сторону, а по лѣвую сидѣлъ царевичъ. Послы и нѣкоторые изъ свиты, лейбъ-медикъ, придворный пасторъ и другіе, были допущены къ рукѣ царя и царевича. Послѣ обѣда, за которымъ Вальдемаръ сидѣлъ по правую руку государя, отецъ и сынъ одарили своего будущаго родственника чисто по-царски; выраженіе любезностей продолжалось и въ слѣдующіе дни.

Чрезъ шесть дней послѣ аудіенціи, 3 февраля, датскіе послы держали съ нашими боярами совѣтъ о вѣчномъ докончаніи, предлагая утвердить тѣ статьи, которыя были разсмотрѣны въ первый пріѣздъ въ Москву Вальдемара, и новыя, касавшіяся брака, согласно условію съ Марселисомъ. Наши бояре, князь Никита Ивановичъ Одоевскій, князь Юрій Андреевичъ Сицкій-Ярославскій, окольничій Вас. Ивановичъ Стрѣшневъ, и думный дьякъ Григорій Васильевичъ Львовъ, дьякъ Мих. Волошенниновъ, удержались отъ отвѣта. На утро посѣтилъ Вальдемара самъ государь и пробылъ у него съ часъ. Видя до сихъ поръ полное къ себѣ радушіе и, между тѣмъ, получивъ увѣдомленіе, что Шведы открыли противъ Даніи свои враждебныя дѣйствія и вторглись въ его Голштинію, Вальдемаръ счелъ теперь весьма удобнымъ приступить къ исполненію своей затаенной цѣли. Разсказавъ о нападеніи Шведовъ на его владѣнія и выставляя себя радѣтелемъ пользы Россіи, онъ направилъ было рѣчь на то, какъ слѣдуетъ царю беречься Швеціи. Вчинать ссору со Швеціей изъ-за Даніи Михаилу не было ни желанія, ни интереса, и онъ сухо замѣтилъ ему: «Правды въ Шведахъ мало и вѣрить имъ нечего, только досюда ко мнѣ отъ нихъ задору не бывало, и у меня со шведскимъ королемъ заключенъ вѣчный миръ». Королевичъ припоминалъ царю различныя неправды Россіи отъ Шведовъ; но отношеніе царя къ его словамъ должно было убѣдить его, какъ напрасна была его надежда поссорить Россію со Швеціей и тѣмъ связать руки послѣдней [1].

[1] Упоминая о посѣщеніи государя, датское «Извѣстіе» ничего не говоритъ объ этой бесѣдѣ.

Вскорѣ онъ испыталъ другую неудачу. По царскому наказу, патріархъ Іосифъ заслалъ (8 февр.) къ нему прежняго (до 1636 г.) въ Швеціи резидента Дмитрія Франзбекова, обратившагося въ Православіе, съ предложеніемъ: «Великій святитель со всѣмъ освященнымъ соборомъ сильно обрадовался, что васъ, великаго государскаго сына, Богъ принесъ къ великому государю нашему для сочетанія законнымъ бракомъ съ царевной Ириною Михайловной: и вамъ бы, государскому сыну, съ великимъ государемъ нашимъ, съ царицей и ихъ благородными дѣтьми и съ нами, богомольцами своими, вѣрой соединиться». Королевичъ немедленно отказалъ наотрѣзъ, заявивъ, что пусть государь или изволитъ дѣло дѣлать по статьямъ Марселисова договора, или же прикажетъ съ честью отпустить его назадъ. Буде же Марселисъ тайно обѣщалъ за него царю, что онъ перемѣнитъ вѣру, то это безъ его вѣдома, и онъ обманулъ. Франзбековъ замѣтилъ, что Марселисъ не былъ уполномоченъ касаться вопроса о вѣрѣ, что уѣзжать королевичу изъ Русской земли назадъ къ себѣ не честно, что лучше ему поразмыслить и поговорить о вѣрѣ изъ книгъ съ духовными людьми. Независимо отъ порученія властей, Франзбековъ могъ говорить это съ полнымъ убѣжденіемъ: самъ онъ принялъ наше вѣроисповѣданіе не вдругъ, предъ своимъ обращеніемъ просилъ Филарета Никитича объ учителѣ о вѣрѣ [1]. Тѣмъ не менѣе раздраженный Вальдемаръ отвѣчалъ: «Я самъ грамотенъ лучше всякаго попа, Библію прочелъ пять разъ и всю ее помню; а если царю и патріарху угодно поговорить со мною изъ книгъ, я говорить и слушать готовъ».

Вопросъ о вѣрѣ и объ отпускѣ королевича послѣ того отодвигаетъ собою вопросъ о бракѣ, возбудивъ длинный рядъ устныхъ и письменныхъ объясненій и пререканій между гостями и хозяевами.

13 февраля королевичъ былъ позванъ въ царскія палаты. Между нимъ и царемъ Михаиломъ произошла здѣсь слѣдующая сцена, какъ мастерски передаетъ ее Соловьевъ.

«Послы королевскіе, обратился къ Вальдемару Михаилъ Ѳедоровичъ, у насъ въ посольствѣ говорили, что король велѣлъ тебѣ быть въ моей государской волѣ и послушаньѣ и дѣлать то, что мнѣ угодно, а

[1] Строевъ, Описаніе рукоп. Царскаго, № 461. Ср. выше, стр. 379.

мнѣ угодно, чтобы ты принялъ Православную вѣру». Королевичъ отвѣчалъ: «Я радъ быть въ твоей государской волѣ и послушаньѣ, кровь свою пролить за тебя готовъ, но вѣры своей перемѣнить не могу, потому что боюсь преступить клятвы отца моего, а въ нашихъ государствахъ ведется, что мужъ держитъ вѣру свою, а жена другую, и если вашему царскому величеству по договору сдѣлать не угодно, то отпустите меня назадъ къ отцу моему». Царь: «Любя тебя, королевича, для ближняго присвоенія, я воздалъ тебѣ достойную великую честь, какой прежде никогда не бывало: такъ тебѣ надобно нашу пріятную любовь знать, что̀ мнѣ угодно исполнять, со мною вѣрой соединиться и за такое превеликое дѣло будетъ надъ тобою милость Божія, моя государская пріятная любовь и ото всѣхъ людей честь. Не соединясь со мною вѣрой, въ присвоеніи быть и законнымъ бракомъ съ моею дочерью сочетаться тебѣ нельзя, потому что у насъ мужъ съ женой въ разной вѣрѣ быть не можетъ; Петръ Марселисъ въ Московскомъ государствѣ живетъ долго и знаетъ подлинно, что не только въ нашихъ государскихъ чинахъ, но и въ простыхъ людяхъ того не повелось. Отпустить же тебя назадъ непригоже и не честно; во всѣхъ окрестныхъ государствахъ будетъ стыдно, что ты отъ насъ уѣхалъ не соверша добраго дѣла. Ты бы подумалъ и мое прошеніе исполнилъ; да и почему ты не хочешь быть въ Православной вѣрѣ греческаго закона? Знаешь ли, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ всѣмъ православнымъ христіанамъ собою образъ спасенія показалъ и погрузился въ три погруженія?» Королевичъ: «И у насъ въ лютерской вѣрѣ погруженіе было же, а перестали погружать лѣтъ съ тридцать; я погруженія не хулю; только теперь мнѣ креститься въ другой разъ никакъ нельзя, потому что боюсь клятвы отъ отца своего; да и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ было же, что его племянница была за королевичемъ Магнусомъ». Царь: «Царь Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ это не жалуя и не любя своей племянницы, а я хочу быть съ тобою въ одной вѣрѣ, любя тебя какъ роднаго сына». Королевичъ просилъ, чтобы ему съ государемъ сойтись и о вѣрѣ поговорить инымъ временемъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ бесѣды была грамота, присланная государю королевичемъ спустя три дня послѣ этого. Вальдемаръ

прямо и рѣшительно упрекалъ царя въ забвеніи обѣщанія касательно свободы его вѣроисповѣданія и въ насиліи его совѣсти. «Въ грамотѣ вашего величества, за вашею печатью присланной, не первая ли статья говоритъ о вольности и вѣрѣ? Мы никакъ не можемъ вѣрить, чтобы ваше царское величество, государь повсюду славный и извѣстный, рѣшились по совѣту злыхъ людей что-нибудь сдѣлать вопреки вашему обѣщанію и договору, что̀ приведетъ не только нашего отца, но и всѣхъ государей въ великое размышленіе, и вашему царскому величеству недобрая заочная рѣчь отъ того будетъ» [1]. На

[1] Обстоятельства пребыванія Вальдемара въ Москвѣ и поднятіе вопроса о перемѣнѣ вѣроисповѣданія г. Соколовъ, позднѣе другихъ касавшійся даннаго предмета, перепутываетъ и изображаетъ ихъ въ очень несоотвѣтственномъ видѣ. «Всмотримся, пишетъ онъ, въ поведеніе королевича въ Москвѣ. 21 января 1644 г. королевичъ прибылъ въ Москву, вездѣ встрѣчаемый въ Россіи ««дарами, соболями и золотомъ, всюду жалуемый алмазами, брилліантами, парчею, бархатомъ, атласомъ»». 13 февраля (а по Бушингу 6-го) онъ идетъ уже къ царю объявить, что «въ ихъ государствахъ мужъ держитъ свою вѣру, а жена другую, и онъ вѣры своей перемѣнить не можетъ»». Царь отвѣтилъ на это, что «не только въ государскихъ нашихъ чинахъ, но и въ простыхъ людяхъ мужъ съ женою въ разной вѣрѣ быть не могутъ; а потому не худо бы королевичу подумать да поговорить отъ книгъ съ духовными людьми, не согласится ль онъ перемѣнить своей вѣры на наше св. благочестіе»». Королевичъ изъявилъ полнѣйшее согласіе поговорить съ духовными о вѣрѣ, высказавъ при этомъ, что ««онъ лучше всякаго попа знаетъ библію»». Но вмѣсто переговоровъ, которыми онъ не хотѣлъ удостоить и бывшихъ тогда на Руси греческихъ ученыхъ, 13 февраля онъ пишетъ царю укорительное письмо: ««мы никакъ не можемъ повѣрить, чтобы ваше царское величество рѣшились, по совѣту злыхъ людей, приневоливать насъ къ вѣрѣ» (Отн. прот. къ Рос. 101), и т. д. Не упоминая уже о неточностяхъ въ показаніи нѣкоторыхъ чиселъ и преувеличеніи размѣровъ драгоцѣнныхъ подарковъ, будтобы «всюду» жалуемыхъ Вальдемару, по г. Соколову выходитъ, что Вальдемаръ какъ бы самъ началъ дѣло о перемѣнѣ вѣры, лично отправившись, «6-го февраля, по Бушингу», для этого къ царю и наговоривъ ему дерзостей. Начинать дѣло Вальдемару и тѣмъ болѣе сразу говорить лично царю столь дерзко, съ намекомъ на «поповъ», было бы несообразно («о попахъ», какъ видѣли, Вальдемаръ отозвался не царю, а Франзбекову); а въ датскомъ «Извѣстіи о поѣздкѣ Вальдемара», изданномъ у Бюшинга, совсѣмъ не упоминается о тайной аудіенціи королевича у государя: подъ 6-мъ февраля отмѣчено только объ отправкѣ графомъ царю письма. Подробными же свойствами отличается и дальнѣйшее повѣствованіе Соколова.

это былъ отвѣтъ: «И теперь мы вамъ тоже объявляемъ, что вамъ въ вѣрѣ никакой неволи нѣтъ, а говоримъ и просимъ, чтобы вамъ съ нами быть въ одной христіанской Православной вѣрѣ, въ разныхъ же вѣрахъ вашему законному браку съ нашею дочерью быть никакъ нельзя; въ нашемъ отвѣтномъ письмѣ, которое послано съ Петромъ Марселисомъ къ отцу вашему, нигдѣ не написано, чтобы вамъ съ нашею дочерью вѣнчаться, оставаясь въ своей вѣрѣ; нигдѣ не написано также, чтобы намъ васъ къ соединенію въ вѣрѣ не призывать. Мы, великій государь, хотимъ начатое дѣло дѣлать такъ, какъ угодно Богу и нашему царскому величеству, васъ къ тому всякими мѣрами приводить, и молимъ съ прошеніемъ, чтобы вамъ поискать своего душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія, съ нами вѣрою соединиться. Мы совѣта злоподвижныхъ людей не слушаемъ; его королевскому величеству, другимъ христіанскимъ государямъ и вамъ мимо дѣла и правды размышлять непригоже; о нашемъ царскомъ величествѣ недобрыхъ заочныхъ рѣчей быть не въ чемъ, и ссорѣ бы вамъ ничьей не вѣрить».

Напрасно Вальдемаръ въ новомъ письмѣ укорялъ Михаила въ казуистикѣ толкованія прежнихъ обѣщаній и просилъ отпуска въ свою землю, напрасно обращался и къ содѣйствію Ѳ. И. Шереметева. Не только не было отпуска, но еще по случаю снаряженія (въ концѣ марта) имъ и послами маршаловъ къ Христіану съ увѣдомленіемъ о ходѣ дѣла, была около его дома усилена стража, въ предосторожности, чтобы съ ними не уѣхалъ кто-либо тайно. Королевичъ опротестовалъ (7 апрѣля); оцѣпленіе сняли, и разрѣшено опять ходить всѣмъ, куда угодно; только тѣхъ Датчанъ, которые наняли было себѣ квартиры у Нѣмцевъ и Нѣмокъ въ Бѣломъ-городѣ и въ другихъ мѣстахъ, велѣно водворить на королевичевъ дворъ; послѣдній указъ мѣсяца чрезъ два понадобилось возобновить опять.

Графа наши старались привлечь на свою сторону и иными средствами. Устроена была трехдневная (9—11 апрѣля) охота, на которой ближайшіе родственники царицы, Стрѣшневы, не жалѣли усердія, чтобы расположить его къ сближенію съ Русскими. Навѣщая принца въ слѣдующіе затѣмъ дни, они прямо уговаривали его къ перемѣнѣ вѣры и однажды, по датскому извѣстію, даже попыта-

лись прельстить его красотой и нравомъ невѣсты. Они будто бы говорили ему: быть можетъ, онъ думаетъ или слышалъ, что царевна Ирина не хороша лицомъ: такъ былъ бы покоенъ, лишь бы рѣшился перейти въ Русскую вѣру, и они устроятъ, что онъ и невѣста повидаютъ другъ друга, и онъ останется вполнѣ доволенъ ея красотою; также пусть не сомнѣвается, чтобы царевна, подобно другимъ московскимъ женщинамъ, любила напиваться до пьяна: она ведетъ жизнь трезвую, дѣвушка она умная и разсудительная.

Испытывавшій глубокое огорченіе, Михаилъ Ѳедоровичъ получилъ письмо [1], въ которомъ неизвѣстный авторъ убѣждалъ его не уступать Вальдемару, не отдавать за него царевну, если этотъ не согласится на религіозное соединеніе, и совѣтовалъ ему снарядить пословъ къ его отцу, чтобы онъ велѣлъ сыну приступить къ благочестивой вѣрѣ; буде и отецъ не изволитъ, «тебѣ, государю», добавлялъ авторъ, «невозможно того учинить, что за иновѣрнаго благовѣрную и благочестивую дщерь свою дати, и повели, государь, то дѣло на духовный чинъ отводити». Съ маршалами, которыхъ Вальдемаръ и послы отправили въ Данію, кажется, было тайное порученіе воздѣйствовать на Христіана въ этомъ смыслѣ; было примѣнено и усердное убѣжденіе со стороны духовной власти. У патріарха Іосифа, который предъ тѣмъ присылалъ къ Вальдемару Франзбекова, завязываются (съ 21 апрѣля) письменныя сношенія съ королевичемъ по вопросу о вѣрѣ и крещеніи. Патріархъ написалъ королевичу посланіе, королевичъ не замедлилъ отвѣтомъ, подробнымъ опроверженіемъ котораго занялся патріархъ совмѣстно съ привлеченными имъ духовными лицами [2]. За упорствовавшимъ Вальдемаромъ и его свитой бояре находили надобнымъ усилить свой надзоръ.

Неладилось дѣло съ королевичемъ; не лучше оно было и съ послами. Не увѣдомленный еще о настоящемъ положеніи дѣла, Христіанъ прислалъ (21 марта) съ Гольмеромъ длинную грамоту, въ которой убѣждалъ Михаила Ѳеодоровича вооружиться противъ Швеціи. Наше

---

[1] Бычковъ, Опис. ц.-слав. рукоп., 316.

[2] Объ этихъ и послѣдующихъ полемическихъ произведеніяхъ будетъ сказано нами въ VII гл.

правительство осталось глухо къ этимъ убѣжденіямъ. Послы выражали неудовольствіе, почему имъ бояре ничего не отвѣчаютъ на предложенные 3 февраля пункты. Отвѣтъ имъ наконецъ былъ данъ (29 марта устно, 1 апрѣля письменно) какъ на ихъ запросы, такъ вмѣстѣ и на королевичевы письма, выставляя, что всему мѣшаетъ упорство Вальдемара, котораго они же, послы, отдали, по приказу Христіана, государю на всю его государскую волю, а его воля и желаніе всѣхъ бояръ и думныхъ людей, чтобы королевичъ прежде брака принялъ нашу вѣру. «А того, урезонивали бояре, царскаго величества въ вѣрющей грамотѣ и въ отвѣтномъ письмѣ въ статьяхъ, каково съ Петромъ Марселисомъ къ королевскому величеству послано, и въ государскомъ наказѣ, каковъ ему, Петру, данъ, также и королевскаго величества въ отвѣтномъ письмѣ, каково прислано къ великому государю нашему съ Петромъ Марселисомъ, нигдѣ не написано, чтобы королевичу Волдемару Христіанусовичу съ его государскою дщерью, съ благородною и христолюбивою царевной и великою княжной Ириною Михаловною, бракъ принять будучи въ своей вѣрѣ, съ царскимъ величествомъ вѣрой не соединяся и не принявъ истинной нашей Православной христіанской вѣры греческаго закона. И до сихъ поръ королевичу въ вѣрѣ никакой неволи не чинено и впредь въ томъ неволи не будетъ; лишь просилъ великій государь нашъ и нынѣ проситъ его, чтобъ онъ его государскую волю исполнилъ, съ нимъ вѣрою соединился, и былъ съ нимъ въ одной Православной вѣрѣ по любви. Потомъ бы и вамъ, посламъ, стать и дѣло совершить, какъ вы, послы, бывши у царскаго величества, по приказу государя своего, говорили и своимъ рѣчамъ письмо за своими руками дали и королевича отдали во всемъ на государскую волю и дѣлать угодное государю; вамъ бы королевича на то навести, чтобъ онъ великаго государя нашего волю исполнилъ, съ нимъ вѣрой соединился. Но королевичъ еще вѣры не принялъ, и добро начатое дѣло по сіе время продлилось не отъ великаго государя, а за его, королевичевымъ, упорствомъ, потому что законному браку въ разныхъ вѣрахъ ни которыми мѣрами быть не возможно и въ нашей истинной христіанской вѣрѣ, чтобы мужу съ женой держать разныя вѣры, никогда не бывало и впредь не будетъ. А какъ королевичъ

Волдемаръ Христіанусовичъ царское хотѣніе исполнитъ, вѣру Православную приметъ, и то превеликое дѣло будетъ Богу угодно и государю и всѣмъ людямъ Россійскаго государства радостно, и учнетъ государь нашъ королевича имѣть въ ближнемъ присвоеньи, какъ есть своего любительнаго сына и зятя; также и царскаго величества мы, подданные, и всѣ люди ему, королевичу, учнемъ такую честь воздавать, какъ самому государю и его сыну Алексѣю Михайловичу; а съ отцомъ его, съ государемъ вашимъ, у царя утвердится ихъ государская братская дружба и свойственная любовь свыше прежняго на вѣки неподвижно; и тѣ всѣ дѣла, о которыхъ съ вами наказано отъ короля, царь нашъ велитъ дѣлать, какъ имъ обоимъ великимъ государямъ будетъ годно и честно».

«Съ тѣхъ статей, которыя отъ царскаго величества съ посломъ Петромъ Марселисомъ присланы и въ Копенгагенѣ поданы 20 марта 1643 году, съ нами списокъ есть, отвѣчали (4 апрѣля 1644) послы. Въ нихъ писано явственными словами, что королевичеву графу Вальдемару держать свою вѣру безъ всякой досады, супротивности и помѣшки, и нынѣ вамъ, царскаго величества почтеннымъ господамъ, о томъ можно разумно разсудить: не противно ль то писанію и явственнымъ словамъ, чтобъ онъ принялъ вѣру Греческую или соединился. А его княжескую милость мы его царскому величеству не отдали, только по его царскаго величества особенному прошенію мы его вверхъ проводили, чтобъ ему сидѣть у его царскаго величества. Можно и всякому разумному, который тому дѣлу не спорщикъ, наши слова разсудить, что мы говорили на посольствѣ, и имъ иначе разсудить или сказать нельзя, что тѣ слова всѣ, которыя мы говорили, говорены по той мѣрѣ: буде крестное цѣлованіе впередъ совершится, и тогда его царскому величеству принять его королевскаго величества любительнаго сына за своего сына и зятя. И самъ государь, бывъ въ хоромахъ графа Вальдемара, говорилъ, что желаетъ имѣть его вмѣсто преставившагося своего сына, царевича Ивана Михайловича, котораго сердечно любилъ, и такую ему любовь и честь воздавать; а когда графъ Вальдемаръ на посольствѣ сказалъ до насъ, что онъ оставилъ государя своего отца, отчинную землю и добрыхъ друзей и пріѣхалъ сюда, надѣясь на его царскаго величества добро-

вольное объявленье: то государь отвѣтилъ при насъ всѣхъ, и мы сами слышали, чтобы графъ о томъ не кручинился, потому что онъ, государь, хочетъ ему быть вмѣсто того, кого онъ оставилъ. Наговаривать намъ князя, чтобъ онъ свою вѣру перемѣнилъ, мы не можемъ и не хотимъ, потому что то дѣло супротивно нашей вѣрѣ, королевскому наказу и нашей совѣсти; и его царскому величеству то хорошо извѣстно, какъ его княжеская милость говорилъ, что онъ хочетъ наслѣдовать царство Божіе и умереть честнымъ государемъ какъ есть, и той статьи, чтобъ снова креститься, никогда не захочетъ и Греческой вѣры не пріиметъ; и потому, зачѣмъ мы сюда пріѣхали, нынѣ установить невозможно». Въ заключеніе они просили себѣ и королевичу отпуска; просьбу повторили и въ послѣдующіе (14 и 17 апрѣля) дни, прибавивъ, что задерживать пословъ нигдѣ не водится.

Взаимныя отношенія обострялись. Государю было представлено (2 мая) кн. А. М. Львовымъ секретное доношеніе какого-то Нѣмца: «Пріѣхалъ королевичъ къ тебѣ на обманъ, ему хочется обмануть тебя и не креститься; онъ самъ говорилъ: ««какъ возьму за себя «царскую дочь, тогда и въ мою станетъ вѣровать вѣру, неволей, «крѣпко заберу ее въ свои руки и стану чаще ѣздить гулять, тѣ«шиться; хочется также мнѣ и то сдѣлать, чтобы изъ Московскаго «государства уѣхать тайкомъ, мнѣ не креститься, пріѣхалъ сюда по «молодому своему разуму, на Москвѣ мнѣ не жить, какъ они меня «ни утѣшай»». Въ тотъ же день стрѣльцы, бывшіе на караулѣ у Фроловскихъ воротъ въ Кремлѣ, жаловались на кощунство двоихъ Нѣмцевъ изъ Вальдемаровой свиты надъ образомъ, стоявшимъ надъ воротами. Вальдемаръ и послы возобновили свои просьбы — или вершить дѣло, или съ честью отпустить ихъ; Вальдемаръ прибавлялъ: если не уважатъ его просьбы, онъ поѣдетъ на своихъ проторяхъ; послы указывали срокъ отпуска, и услыхали (8 мая) въ отвѣтъ, что указывать имъ сроки не пригоже, дойдетъ время, можетъ государь отпустить пословъ однихъ, безъ Вальдемара, который отданъ государю на полную волю, и если какой учинится имъ вредъ, пѣняли бъ на себя. Притворившись, что они поняли это въ томъ смыслѣ, будто

государь хочетъ отпустить ихъ, послы просили отпуска себѣ поскорѣе.

У злополучнаго жениха мелькнула мысль, что, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ отправятъ пословъ безъ него, и онъ рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе о тайномъ бѣгствѣ. На имя пристава онъ оставилъ довольно насмѣшливое письмо, въ которомъ, выражая ему пожеланіе доброй ночи и благодарность за оказанныя имъ почести, увѣдомлялъ о своемъ тайномъ отъѣздѣ, и 9 мая, въ третьемъ часу ночи, въ сопровожденіи человѣкъ 15, не сказавшись будто бы даже посламъ и остальной свитѣ, вышелъ изъ своего дворца и направился къ Тверскимъ воротамъ. На улицѣ Датчане повстрѣчались съ карауломъ и, получивъ отказъ о пропускѣ, вступили со стрѣльцами въ рукопашную, и многихъ переранили шпагами. Раздѣлавшись благополучно здѣсь, они, въ увеличившемся числѣ человѣкъ до 30, пѣшіе и конные, добрались до Тверскихъ воротъ. Тутъ ждала ихъ полная неудача. Караулъ былъ больше, на крикъ его собралось такое множество стрѣльцовъ, что въ завязавшейся дракѣ Датчане оказались побѣжденными, самъ королевичъ былъ сильно побитъ, и они вынуждены были бѣжать, оставивъ въ плѣну одного изъ товарищей. Плѣнника повели стрѣльцы въ Кремль, но лишь поравнялись съ соборомъ Николы Голстунскаго, Датчане, подоспѣвшіе изъ королевичева дворца, напали на нихъ снова, шпагами закололи одного изъ нихъ, шестерыхъ ранили и въ концѣ концовъ отняли у нихъ добычу.

На утро было наряжено слѣдствіе. Князь Сицкій и думный дьякъ Львовъ просили королевича, чтобы разыскалъ, кто изъ его людей произвелъ такое буйство и убійцу казнилъ бы смертію, такъ чтобъ и другимъ, смотря на то, было неповадно царскихъ людей напрасно побивать; царскіе же люди, буде королевичевы люди и впередъ будутъ такъ дѣлать, терпѣть больше не станутъ. Королевичъ оправдывался, что все это сдѣлалось безъ его вѣдома, и обѣщалъ розыскать и наказать виноватыхъ. Между тѣмъ, чрезъ Марселиса и служившаго прежде въ Даніи перекрещенца князя Шлякова-Чешскаго, скрытаго соперника Вальдемару, въ Приказѣ скоро было все разознано, кто и съ какою цѣлію произвелъ безпорядокъ. По доношенію Шлякова, королевичъ хотѣлъ уѣхать верхомъ и всего втроемъ, съ конюхомъ, который за-

хватилъ съ собою дорогихъ вещей цѣной на три бочки золота, и фурьеромъ, отецъ котораго прежде жилъ во Псковѣ торговымъ человѣкомъ, и «послы о томъ сильно кручинятся, что королевичъ хотѣлъ такъ учинить, ради бы они и безъ него съ Москвы поѣхать». Тогда королевичъ болѣе не запирался и объявилъ князю Сицкому, что хотѣлъ ѣхать за Тверскіе ворота и убилъ стрѣльца самъ. Оскорбленный такимъ поведеніемъ Вальдемара, Михаилъ Ѳеодоровичъ чрезъ думнаго дьяка послалъ ему строгій выговоръ: ему слѣдовало ждать отвѣта патріарха, который теперь готовитъ его, людей своихъ, учинившихъ буйство, строго наказать, а убійцу казнить смертію, и если онъ, укрывая своихъ, все беретъ на себя, то «и простому человѣку дѣлать такъ не годится и слышать про то стыдно». Для «отвѣта» позвали (19 мая) на государевъ дворъ и пословъ, предъ бояръ: князей Н. И. Одоевскаго и Сицкаго съ товарищами. По изложеніи исторіи всего пребыванія пословъ въ Москвѣ и послѣдняго событія, бояре говорили: «такого дурна царское величество отъ королевича не ожидалъ; принявъ его по письму своего брата короля Христіана, почиталъ его какъ своего государскаго сына, во всемъ далъ ему повольность по его хотѣнію и нынѣ держитъ его въ такой великой чести, какой прежде ни одному королевскому сыну не бывало. Видя такую государя нашего съ отцомъ своимъ королемъ Христіаномъ дружбу и любовь, а къ себѣ пріятельство и ласку, королевичу Волдемару Христіанусовичу дѣлать бы все по приказу отца своего и волѣ государя; онъ же, какъ бы не хотя дружбы и любви между государемъ и королемъ, учинилъ такое дурное дѣло, на какое не рѣшился бы и простой человѣкъ. А разъ сдѣлалъ плохое дѣло, ему бы сказать государю прямо и принести о томъ повинную; между тѣмъ онъ сначала запирался, потомъ сказалъ, что все учинено съ его вѣдома и стрѣльца закололъ самъ, и повинной не принесъ. Мало того: въ своихъ бесѣдахъ онъ произноситъ многія ссорныя слова. За государскую ласку и любовь такъ дѣлать ему, государскому сыну, не годится. Когда по царскому указу съ Петромъ Марселисомъ вамъ, посламъ, передали объ его худомъ дѣлѣ, вы сказали, что королевичъ поступилъ не хорошо и у васъ мысли о тайномъ отъѣздѣ съ Москвы не было; и наказывали передать, какъ бы

съ угрозами, царскому величеству: если васъ не отпустятъ, то васъ на Москвѣ вѣкъ будутъ помнить, и что́ надъ вами учинится, король крови вашей не покинетъ и отомститъ; все это вы дѣлали не къ чести вашего короля и въ намѣреніи поссорить его съ нашимъ государемъ. Слыша о всемъ этомъ, царь сомнѣвается, что королевичъ и вы, и по пріѣздѣ къ своему королю, станете дѣлать добро и не будете сѣять ссоры. Вамъ, посламъ, была всякая честь, довольство въ кормахъ и полная воля, ничего плохаго не оказано; безъ отпуска отъѣзжать посламъ нигдѣ не водится, продленье по винѣ королевича, что онъ царскаго прощенья не исполнилъ. Съ отцомъ его государь нашъ желаетъ быть въ дружбѣ, любви и ссылкѣ попрежнему, и для того посылаетъ къ нему своихъословъ, а вамъ велѣлъ объявить, чтобы королевичу Волдемару и вамъ съ нами, боярами и думными людьми, укрѣпиться письмомъ, за своими руками, печатями и крестнымъ цѣлованіемъ, на томъ, что то дѣло съ обѣихъ сторонъ положить на судъ Божій, между государями быть на вѣки неподвижно во всемъ такъ, какъ было прежде, и нынѣшнее дѣло оставить и впредь не всчинать, обоимъ государствамъ плохаго между собою не мыслить и не дѣлать. Какъ только королевичъ и вы съ нами о томъ укрѣпитесь, государь тотчасъ же отпуститъ васъ, не задержавъ. И отъ чего не укрѣпиться вамъ? Вы сами, бывши на первомъ отвѣтѣ, предлагали намъ статьи о вѣчномъ докончаньѣ. И буде отъ вашего государя наказано вамъ дѣлать вѣчное докончанье, какъ оно было (трактовано) между царемъ Иваномъ Васильевичемъ и Фридрихомъ королемъ, и государь нашъ то вѣчное докончанье дѣлати велѣлъ» [1].

Уступчивѣе, миролюбивѣе этого при настоящихъ обстоятельствахъ трудно было бы и ожидать чего-нибудь отъ московскаго правительства. Еслибы послы хотя сколько-нибудь поняли это и

[1] Объ обстоятельствахъ попытки къ бѣгству датское «Извѣстіе» естественно ограничивается только лаконическимъ сообщеніемъ: «9 мая, въ 2 часа ночи, его графская милость рѣшился исполнить свое намѣреніе бѣжать самъ другъ; но въ Тверскихъ воротахъ остановили и вернули его назадъ хмѣльные стрѣльцы, которые въ этотъ самый день справляли славною попойкой праздникъ св. Николая». Затѣмъ о выговорѣ 19 мая чрезъословъ «Описаніе» не упоминаетъ ни словомъ, какъ бы его и не было.

дѣйствительно желали, безъ дальнѣйшаго оскорбленія чести обоихъ государствъ, вскорѣ выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое были поставлены и Датчане, и наши, то они могли бы по крайней мѣрѣ сослаться съ королемъ относительно возможности улаженія на условіяхъ прежняго договора. Увѣренные, что имъ ни въ какомъ случаѣ притѣсненія и безчестья со стороны правительства не будетъ и выдерживая все тотъ же высокомѣрный и требовательный тонъ, они отрицались отъ приписываемыхъ имъ словъ Марселису и отказывались ото всякихъ уступокъ. «Что прежде они подали письмо о братствѣ и дружбѣ, говорили послы, то они опять объявляютъ, что мимо главнаго дѣла, законнаго брака, имъ устроять не наказано, и какъ то дѣло встало, то имъ помимо государя своего наказу дѣлать ничего не смѣть, хотя бы десять лѣтъ здѣсь жить. Они не могутъ даже закрѣпить, чтобы нынѣшняго дѣла обоюдно оставить, впредь не вчинать и не мыслить и не дѣлать ничего дурнаго; они просятъ только поскорѣе себѣ отпуска и означить имъ путь, по которому поѣдутъ, чтобъ имъ послать напередъ себя гонца и свои вещи». Обо всемъ было тотчасъ же доложено государю; онъ велѣлъ сказать посламъ, что рѣчи ихъ бояре ему доносили и отвѣтъ на нихъ имъ будетъ инымъ временемъ, пока же отпускаетъ ихъ на подворье. Требуемаго отвѣта посламъ пришлось ждать очень долго—слишкомъ годъ.

Тѣмъ временемъ было изготовлено патріархомъ опроверженіе на возраженія королевича. Продолжать полемику королевичъ поручилъ своему пастору Фильгоберу. Она принимаетъ необычные размѣры и видимо затягивалась. Уклонявшійся отъ нея королевичъ то безполезно просилъ себѣ отпуска или вершенія дѣла, то забавлялся загородною охотой, разъ (19 сент.) имѣлъ удовольствіе угощать у себя государя и царевича съ большою свитой изъ бояръ. Когда государь шелъ уже крытымъ ходомъ въ королевскіе покои, наши потребовали, чтобы графъ и его люди, которые будутъ въ покояхъ, сняли свои шпаги, потому что у Русскихъ не водится являться съ оружіемъ предъ царскія очи. Хозяева заспорили, что по обычаю, принятому въ ихъ странѣ, должны оставить его при себѣ какъ графъ, такъ и остальные, ради почета и уваженія къ графу, и чтобы государь

не опасался чего-либо враждебнаго: они носятъ оружіе не на царя, а за царя и для его обороны. Оставаться съ оружіемъ имъ дозволили. Высокіе гости введены были прямо въ столовую, къ обѣду. Графъ предупредительно ставилъ кушанья предъ царемъ и царевичемъ, потчивалъ ихъ; всѣ пили за здоровье одинъ другаго; хозяинъ подносилъ затѣмъ по чаркѣ водки боярамъ, каждому отдѣльно; царь предложилъ графу, чтобы онъ не забывалъ и своихъ людей, и ихъ собственноручно потчивалъ бы виномъ. Заиграла, съ царскаго разрѣшенія, музыка; вино осушалось; дѣлалось веселѣе. Царь и царевичъ выражали графу полное удовольствіе, расположеніе и ласку, не однажды обнимали его; съ своей стороны старался платить должнымъ и хозяинъ. Видя такія изъявленія любезностей, прежній воспитатель царевича, дворецкій Борисъ Ивановичъ Морозовъ счелъ удобнымъ подойти къ обнимавшимся царю, царевичу и графу, чтобъ замолвить въ это время въ пользу перемѣны вѣроисповѣданія. «Сердце радуется», сказалъ онъ имъ, «видѣть столь великую любовь и дружбу между такими государями; но еще пуще была бы радость, еслибъ они сошлись и въ вѣрѣ». Графъ поспѣшилъ возразить, что любовь и дружба могутъ быть и остаться и безъ соединенія въ вѣроисповѣданіи. «За то любовь и дружба, замѣтилъ дворецкій, будутъ тогда еще больше и постояннѣе, чѣмъ прежде, и всѣ высшаго и низшаго званія люди, духовные и міряне, порадуются, полюбятъ его графскую милость и станутъ отдавать ему такія же почести, какъ и его царскому величеству и царевичу». Вальдемаръ остался при своемъ мнѣніи.

Царь и царевичъ пожелали осмотрѣть садъ, отведенный графу; ихъ проводили въ новоустроенную бесѣдку, гдѣ царь сѣлъ по срединѣ, направо отъ него помѣстился сынъ, налѣво королевичъ. Взаимное расположеніе гостей и хозяина возрастало, и было замѣтно на Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Вальдемарѣ, что въ потчиваніи напитками не было недостатка. Въ знакъ совершеннаго расположенія, было прощено нѣсколько виновныхъ Нѣмцевъ. Дѣлалось свѣжо, и графъ велѣлъ принести себѣ шапку и надѣлъ ее на себя. Царю пожелалось осмотрѣть ее; онъ примѣрилъ ее на своей головѣ, а свою шапку, черную бархатную, обложенную дорогимъ мѣхомъ и жемчугомъ, надѣлъ на графа, который тотчасъ же снялъ ее опять и сказалъ въ

шутку: «Славно! Пусть каждый оставитъ у себя, что̀ у него въ рукахъ». Когда слова перевели государю, ему они понравились, и своей шапки отъ графа не взялъ. Морозовъ подумалъ, что это удобный моментъ, снова подошелъ и заговорилъ было на прежнюю тему; но онъ былъ уже слишкомъ навеселѣ, не могъ пристойно держать себя, и его увели.

Веселились до полночи, когда высокіе гости встали, чтобы возвратиться домой. У воротъ сада, гдѣ играли музыканты, графъ самъ ударилъ въ литавры, что̀ очень понравилось государю: онъ обнялъ его и расцѣловалъ; то же сдѣлалъ и царевичъ. Вальдемаръ проводилъ ихъ до дворца.

Подвинуть дѣло эти любезности не могли. Тотъ же результатъ былъ отъ предложенія Христіана, присланнаго съ возвратившимся (11 ноября) маршаломъ, что если государю не угодно заключить бракъ на договоренныхъ условіяхъ, то онъ благоволилъ бы отпустить Вальдемара на родину. У насъ предполагали, что Христіанъ прислалъ сыну наказъ иного рода—въ концѣ концовъ уступить желанію государя. Христіанъ и Вальдемаръ воспользовались услугами польскаго короля. Еще ранѣе графъ завелъ было сношеніе съ польскимъ уполномоченнымъ въ Москвѣ, обнадеживая его, будто датскій король хочетъ нарушить дружбу съ царемъ; въ Посольскомъ приказѣ тотчасъ узнали, и дьякъ Львовъ далъ почувствовать Вальдемару всю несообразность вчинанія подобной ссоры между Москвой и Польшей. Прибылъ затѣмъ (13 генв. 1645 г.) въ Москву польскій посолъ Стемпковскій, съ которымъ, чрезъ прислугу и доктора, немедленно заводятся у Вальдемара тайныя сношенія. Допущенный къ графу, Стемпковскій за обѣдомъ сказалъ ему: «Я не уѣду отсюда, пока не добьюсь для графа чего-нибудь хорошаго, чтобы либо сыграли свадьбу, либо отпустили его вмѣстѣ со мною или вскорѣ послѣ меня». Графъ благодарилъ его. Посолъ игралъ нѣсколько двуличную роль: предъ Русскими онъ выставлялъ себя ихъ доброжелателемъ, въ сношеніяхъ съ короловичемъ онъ сообщалъ ему всѣ тайны, какія ему удавалось узнавать при Дворѣ; принадлежа къ католическоому вѣроисповѣданію, прислалъ въ Посольскій приказъ трактатъ въ пользу лютеранскихъ положеній о крещеніи. Бракъ Вальдемара могъ со временемъ принес-

ти Польшѣ и Швеціи большія непріятности, почему оттуда искусно старались мѣшать его заключенію. Въ разсчетахъ на услуги посла, Вальдемаръ написалъ ему (13 мая 1645 года) длинное и необычайно рѣзкое письмо по адресу московскихъ ревнителей и самого государя, наказавъ послу перевести письмо возможно точнѣе, и какъ только придетъ къ нему думный дьякъ, прочитать ему, все высказать и не скупиться на усердіе. «Графъ, говорилось въ письмѣ, никакъ не намѣренъ уступать Русскимъ больше, чѣмъ объявилъ имъ за годъ до того: посты съ ними держать, дѣтей крестить посредствомъ погруженія, иногда даже носить русское платье въ честь царскаго величества, а иногда, если ему захочется, и свое, и дѣлать все пріятное царю безъ оскорбленія совѣсти и нарушенія вѣры и договора. Больше же онъ не уступитъ ни въ чемъ и не посмотритъ на царскіе угрозы. Захочетъ его царь сослать въ Сибирь—воля его; захочетъ убить его—пусть дѣлаетъ и это: онъ положилъ лучше умереть съ чистою совѣстью, чѣмъ жить въ почетѣ съ преступною» и т. д.

Ни о ссылкѣ, ни о казни королевича, конечно, никогда у нашего правительства не было и мысли, и Михаилъ Ѳеодоровичъ легко разгадалъ весь напускной тонъ письма. Чрезъ своего врача, служившаго тайнымъ посредникомъ между посломъ и королевичемъ, посолъ сообщилъ Вальдемару, что государь самымъ настоятельнымъ образомъ проситъ его еще разъ побесѣдовать серіозно о вѣрѣ. Королевичъ отнѣкивался, настаивая на отпускѣ, и 25 іюня чрезъ Марселиса извѣстилъ правительство, что онъ крайне боленъ: что ни съѣстъ, все назадъ; если не подать скорой помощи, можетъ и помереть. Домашній образъ жизни его былъ хорошо извѣстенъ у насъ не только при Дворѣ, но и въ народѣ. Авторъ «Повѣсти о внезапной кончинѣ Михаила Ѳеодоровича» утверждаетъ (л. 12), что королевичъ со своими людьми, живя на отведенномъ дворѣ, «бѣсновался» по своему обычаю чуть не каждый день, играла тамъ постоянно музыка, а объ «иномъ срамъ и писати», но царь съ царицей не возбраняли ему, надѣясь «ублажить» его и принять потомъ какъ сына. Потому не особенно-то повѣрили у насъ извѣстію Марселиса и навели справки. 25 числа, по словамъ постельнаго сторожа Мины,

королевичъ кушалъ въ саду вмѣстѣ со своими ближними людьми и всѣ пили, ѣли и веселились попрежнему; послѣ ужина королевичъ долго гулялъ тамъ, а маршалокъ, позвавъ къ себѣ другихъ дворянъ, угощалъ ихъ виномъ, романеей и другими питьями до втораго часу ночи, всѣ были пьяны, играли въ цимбалы, докторъ на королевичевъ дворъ не приходилъ. Хитрость не удалась. Между тѣмъ неудовольствіе Москвичей на иноземцевъ, зажившихся безъ опредѣленнаго дѣла, возрастало. У графской свиты все чаще и чаще случались столкновенія съ простымъ народомъ и казаками, оканчивавшіяся иногда сильной побойкой Нѣмцамъ. Князю Сем. Шаховскому, который старался было, чтобъ королевичъ могъ остаться въ Россіи, не принявъ крещенія, грозила ссылка въ Сольвычегодскъ. Стемпковскій совѣтовалъ графу не противиться, придти на диспутъ (4 іюля) Фильгобера съ московскими полемистами.

Засѣданіе это было послѣднимъ. Мягкая душа Михаила не могла вынести тѣхъ безпокойствъ и мученій, которыя выпали ему на долю за время пребыванія въ Москвѣ Вальдемара, и чрезъ нѣсколько дней послѣ засѣданія его не стало въ живыхъ. Предъ своей смертью, послѣдовавшей въ его именины (12 іюля), онъ, въ ознаменованіе семейнаго праздника, послалъ королевичу со своего царскаго стола богатый обѣдъ изъ множества блюдъ. Это было послѣднимъ его распоряженіемъ относительно тяжелаго гостя.

На Вальдемара напало опасеніе. Алексѣй Михайловичъ велѣлъ извѣстить его, чтобы онъ былъ спокоенъ за свою безопасность, и сдѣлалъ еще попытку склонить его на бракъ при условіи перекрещиванья. По полученіи отрицательнаго отвѣта, новый царь, посовѣтовавшись съ высшимъ духовенствомъ и боярами, рѣшилъ отпустить гостя домой. Когда онъ сообщилъ объ этомъ своей матери, та, и безъ того больная отъ горя, теперь окончательно слегла въ постель и чрезъ пять недѣль отошла (18 авг.) въ вѣчность за своимъ супругомъ.

Накануѣ ея смерти была (17 августа) прощальная аудіенція Вальдемару, гдѣ было объявлено ему, что государь, положивъ дѣло о бракѣ на судъ Божій, отпускаетъ теперь его съ честью и въ надеждѣ, что дружба между Христіаномъ и московскимъ государемъ

продолжится по прежнему. Съ королевичемъ представлялось семнадцать человѣкъ. Всѣ они были милостиво одарены, даже «дворовой проповѣдникъ» Фильгоберъ получилъ 80 рублей. Кромѣ 20 сороковъ дорогихъ соболей, Вальдемаръ получилъ въ даръ 3.615 рублей и 7.000 на содержаніе и дорожные расходы его свиты; дозволено было взять съ собою и всѣ прежніе подарки [1]. Въ 2 часа пополудни 20 августа по Москвѣ, въ направленіи къ Тверскимъ воротамъ, медленно двинулся громадный обозъ иноземцевъ, подводъ въ четыреста, въ сопровожденіи бояръ и тысячи полторы стрѣльцовъ. Со всѣмъ почетомъ и на казенномъ содержаніи ихъ провожали до самой границы. На пути чрезъ Польшу и Пруссію Вальдемаръ, очевидно, желая показать свою стойкость, распространилъ молву, что покойный царь будто бы объявилъ ему, что онъ или долженъ принять крещеніе, или его отошлютъ въ ссылку за полтораста миль отъ Москвы. Его спутникъ въ своемъ полуоффиціальномъ «Извѣстіи о поѣздкѣ въ Россію» не жалѣлъ красокъ, чтобы восхвалить королевича и осмѣять Русскихъ, а гдѣ касался московскаго духовенства, то и прямо прибѣгалъ къ циничности; выставляя одни религіозные мотивы, мѣшавшіе заключенію брака, совсѣмъ умалчивалъ о политическихъ [2], именно, что затѣваемый бракъ не могъ состояться и пото-

[1] По свидѣтельству Юрія Крижанича, всего онъ «отнесъ есть 100 тысячь рублевъ въ злату, а 50 тысячь въ корзнехъ: и негова челядь премногіе же дары». Русск. госуд. въ полов. XVII вѣка. I, разд. 14, п. 8.

[2] О нихъ еще при жизни Вальдемара сообщилъ докторъ Сибелиста въ формѣ замѣтки на концѣ экземпляра рукописи «Извѣстія», найденнаго и изданнаго потомъ, чрезъ столѣтіе слишкомъ, Бюшингомъ, хотя, по характеру отношеній, въ которыя вставъ къ королевичу, докторъ уже, въ свою очередь, совершенно отрицалъ религіозные мотивы несогласія жениха и разстройства брака. Дѣло въ томъ, что онъ сначала напрасно набивался въ повѣренные по веденію сватовства (см. выше, стр. 485, и его письмо у Рихтера, Ист. медиц. II, прил. № IX), затѣмъ, по отпускѣ отъ насъ королевича, долженъ былъ покинуть русскую службу и выѣхалъ изъ Московской земли, опасаясь строгости графа Вальдемара» (Сѣв. Архивъ, 1822, I, 158). Его замѣтка дословно приведена Бюшингомъ въ предисловіи къ изданію «Извѣстія» Büsching's Magazin, X, 213—214). Между тѣмъ г. Соколовъ въ одномъ мѣстѣ сообщеніе Сибелисты называетъ «свидѣтельствомъ Бушинга» стр. 101), въ другомъ, передавъ нѣкоторыя черты изданнаго Бюшингомъ «Извѣстія о поѣздкѣ въ Россію Вальдемара», утверждаетъ: «Винделинъ Сабелистъ, много лѣтъ бывшій придворнымъ врачомъ въ Москвѣ и полномочнымъ посломъ по дѣлу сватовства королевича (?), отзывается объ этихъ извѣстіяхъ Бушинга (?!), что въ нихъ много насказано лжи» (стр. 123). Неточности слишкомъ очевидны, чтобы далѣе останавливаться на нихъ.

му, что, противъ разсчетовъ на него, онъ не сдерживалъ руки Шведовъ отъ нападенія на Данію. О такихъ гостяхъ у насъ не жалѣли.

«Точно по смерть самодержца и самодержицы онъ, окаянный королевичъ, приходилъ къ намъ, разсуждаетъ авторъ «Повѣсти о внезапной кончинѣ Михаила Ѳеодоровича». И онъ живъ и здравъ остался и никакой тщеты не сотворилось ему, только намъ, православнымъ христіанамъ, не благо явилось. Приходилъ не съ войной и не для взятія города, но землю истощилъ не менѣе иной рати; могъ бы царь и всѣ люди поднять много войска и стоять противъ супостатовъ, что̀ онъ, окаянный, живши истощилъ и изгубилъ въ своихъ обиходахъ. Принимая отъ царя, царицы и отъ прочилъ людей подарки и честь, во благочестіи не сталъ, царской воли не сотворилъ, нашимъ крещеніемъ не крестился: онъ, злодѣй, невѣрія своего ради, умомъ своимъ отемнѣлъ. И такъ пошелъ въ свое отечество съ великимъ богатствомъ, набравшись здѣсь царской милости, взявъ съ собою множество серебра, золота и всякихъ драгоцѣнныхъ вещей. Вѣрою и нечестивъ онъ, но счастіемъ одаренъ былъ. Если кто скажетъ: не онъ виноватъ, но мы, потому что мы сами звали его, такому нашъ отвѣтъ: всякій разумный мужъ не хочетъ себѣ худа, но добра; такъ и блаженныя памяти царь и царица не худа себѣ хотѣли, но добра, что повелѣли призвать къ себѣ такого нечестиваго врага. Они хотѣли сотворить сугубое добро: вопервыхъ, невѣрнаго отъ тьмы привести на свѣтъ и освятить святымъ крещеніемъ, вовторыхъ, сочетать законнымъ бракомъ со своею царскою дщерью и сопричесть ко своему царскому достоинству. Но если корень золъ и горекъ, то и отрасль горька, и не можетъ своей горести превратить въ сладость и останется въ своемъ естествѣ: такъ и сей окаянный не возмогъ въ свѣтѣ быть, но въ своей темнотѣ восхотѣлъ остаться, еще же сказать, не все за грѣхи наши благое случается, и не исполняется наше хотѣніе».

Впрочемъ, въ томъ, что королевичъ не принялъ крещенія и не женился на царевнѣ, авторъ находилъ и утѣшительное. «Еслибы нечестивый Вальдемаръ ото всего своего сердца захотѣлъ креститься по нашему русскому обычаю и сочетаться съ царскою дочерью законнымъ бракомъ, то радовались бы мы всѣ и были бы благодарны царской

радости, царь и царица жили бъ безъ печали и все бы было мирно и безъ кручины. Но тьма не терпитъ свѣта и бѣжитъ отъ него. Нельзя быть травѣ въ чистой пшеницѣ—заглушитъ ее, или мутной водѣ войти въ чистую—возмутитъ ее; такъ нельзя нечестію войти въ благочестіе: велика будетъ бѣда и крамола всѣмъ православнымъ христіанамъ. Не безъ причины всевидящій Богъ не допустилъ Вальдемара до крещенія. Отъ него, когда бы онъ крестился и женился законнымъ бракомъ съ царскою дочерью, велика была бы бѣда и крамола всему православному христіанству и всему великому государству смута и раздоръ. Лишь бы отошелъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, какъ этотъ, желая больше добра себѣ, нежели Алексѣю Михайловичу и Россіи, захотѣлъ бы захватить съ своими погаными Нѣмцами больше власти, и произвелъ бы великую у насъ смуту. По крещеніи сей невѣрный врагъ Божій и человѣческій не отсталъ бы отъ своего яда и держалъ бы его внутри себя тайно, до времени, пока можно было бъ ему обратиться къ своему невѣрію. Потому надобно благодарить всемилостиваго Бога, что этотъ невѣрный, не войдя въ благочестіе, не владѣетъ теперь нами, а владѣетъ Алексѣй Михайловичъ который любъ намъ, какъ царская отрасль и царь православный».

Такія откровенно печальныя и критическія повѣсти, какъ данная, были у насъ тогда не въ обычаѣ. Это понималъ самъ авторъ. Чтобъ оправдать себя, почему онъ взялся разсказать исторію, приведшую къ гибели двухъ самодержавныхъ лицъ, онъ ссылается на Библію, Степенную книгу и на Повѣсть о смутномъ времени, гдѣ много разсказывается печальнаго; главное же, онъ тѣмъ хотѣлъ на дѣлѣ показать, какъ опасно намъ дружиться съ иноземцами, тѣмъ болѣе вступать съ ними въ бракъ. «Нѣтъ и не должно быть общенія вѣрному съ невѣрнымъ», вотъ къ какому выводу пришелъ благочестивый Москвитянинъ, а съ нимъ, конечно, и громадное большинство его современниковъ. Юрій Крижаничъ [1], старался увѣрить Москвитянъ, что какъ послѣднее брачное дѣло, Вальдемара съ Ириною, такъ и прежнія были ведены «Нѣмцами» съ одною эгоистически-коварною цѣлію — подчиненія Русскихъ.

---

[1] Русск. госуд. во втор. полов. XVII в., I, разд. 14.

Возбудившій столько тревогъ, вопросъ замолкъ почти на три четверти столѣтія. Ирина Михайловна осталась въ дѣвицахъ до своей смерти (3 февраля 1679 г.), подобно всѣмъ другимъ великимъ княжнамъ, которыя «удовольство имѣя царственное», жили «какъ пустынницы» [1]. При сохранявшихся общихъ условіяхъ, которыя до сихъ поръ препятствовали заключенію смѣшанныхъ браковъ, тяжелое дѣло Вальдемара слишкомъ было памятно, чтобы можно было поднимать вопросъ снова. А если попытки оканчивались столь неуспѣшно въ царской семьѣ, гдѣ онѣ стояли въ тѣсной связи съ развитіемъ всесильной царской идеи, то тѣмъ болѣе дальнѣйшаго движенія не могъ получить брачный вопросъ для лицъ простыхъ.

Но всему свое. Когда протестантизмъ мало-по-малу утрачивалъ свою завлекающую живучесть, и для борьбы съ нимъ и католицизмомъ выростало на Востокѣ другое, кромѣ религіи, орудіе—образованіе; когда ослаблялось взаимное недовѣріе, одинаково сильное съ русской и иноземной сторонъ, и у насъ прямѣе обратились къ западно-европейской культурѣ и осложнялись элементы быта: Русская церковь, въ согласіи съ греческими іерархами, отмѣнила прежнюю временную мѣру о перекрещиваніи христіанскихъ иновѣрцевъ, обращавшихся въ Православіе, и установила принимать католиковъ, затѣмъ и протестантовъ чрезъ одно миропомазаніе; разсѣченъ былъ и гордіевъ узелъ, связывавшій вопросъ о бракахъ православныхъ съ иновѣрцами. Послѣднее случилось при великомъ Петрѣ, крестникѣ Ирины Михайловны. Допустивъ бракъ для лицъ царскаго рода и для подданныхъ съ лицами протестантскаго міра, самъ онъ однако, какъ царь, то-есть какъ, вмѣстѣ со своею супругой, живое, по мнѣнію народному, олицетвореніе и высшій носитель священныхъ народныхъ началъ, былъ женатъ на иновѣркѣ, принявшей Православіе, чѣмъ обезпечивалъ прочность духовной связи царствующей четы съ великою семьею Русскаго народа. Дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ въ Россіи, сообразно духу каноновъ и основамъ народно-государственной жизни, должны быть крещены и воспитаны въ господствующемъ Грековосточномъ вѣроисповѣданіи. Завѣтъ Преобразователя хранится до сихъ поръ.

[1] Котошихинъ, перв. изд. 12 стр., тр. изд. 16 стр.

ГЛАВА VII.

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ПРОПАГАНДА И БОРЬБА СЪ НЕЮ.

Способъ и характеръ религіознаго воздѣйствія протестантовъ на окружающую среду.—Противоположность религіозныхъ воззрѣній между Русскими и иноземцами и неизбѣжность столкновенія, взаимной борьбы.—Свойства литературной полемики.—Полемическіе труды Максима Грека.—Первыя явныя попытки протестантовъ къ пропагандѣ.—Ознакомленіе царя Ивана Васильевича IV съ протестантскимъ вѣроученіемъ.—Грозный и пасторъ Иванъ Рокита.—Устойчивость взгляда Грознаго на протестантство и значеніе этого.—Бѣдствія отъ иноземцевъ въ Смутную эпоху.—Систематическая лютеранская пропаганда въ сѣверозападныхъ русскихъ областяхъ, захваченныхъ Шведами.—Распространеніе протестантскихъ мнѣній въ предѣлахъ Московскаго государства.—Потребность въ новыхъ полемическихъ сочиненіяхъ; ихъ происхожденіе и составъ.—«О единой истинной Православной вѣрѣ», священника Василія Острожскаго.—«Объ образѣхъ и крестѣ».—«Изложеніе на лютеры».—Священникъ Иванъ Насѣдка, какъ вѣроятный составитель этого сборника.—Мысль о печатаніи противо-протестантскихъ сочиненій.—«Сборникъ, слова избранныя о чести святыхъ иконъ и поклоненіи».—«Кириллова книга о вѣрѣ».—Пренія въ дѣлѣ Вальдемара Датскаго.—«Книга о вѣрѣ».—Злоупотребленія лютеранскихъ помѣщиковъ въ русскихъ селеніяхъ.—Волненія въ областяхъ, пограничныхъ съ Швеціею.—Попытки пропаганды чрезъ живопись и школу.—Старанія саксонскаго герцога Эрнста Благочестиваго организовать у насъ лютеранскую пропаганду.—Иностранная литература о Русской церкви и жизни и ея тенденціи.—Безуспѣшность распространенія протестантства въ Московскомъ государствѣ и значеніе противодѣйствія ему.

Запрещеніе смѣшанныхъ браковъ между протестантами и православными, примѣняемое Московскими людьми съ такою настойчивостью, было одною изъ тѣхъ многочисленныхъ мѣръ, которыми наши предки, ограничивая сферу непосредственнаго общенія съ ними протестантовъ, старались охранять свои интересы. По водвореніи въ Россіи протестанты, дѣйствительно, недовольствовались прямымъ дѣломъ, къ выполненію котораго были призваны. Ихъ стремленія шли далѣе—оказать свое вліяніе на религіозныя вѣрованія Русскихъ и захватить возможно болѣе прибыли и выгодныхъ мѣстъ.

Представлять ихъ исключительно космополитами, равнодушными къ религіозной пропагандѣ, какъ думаютъ нѣкоторые изъ нашихъ историковъ [1] и вообще иностранные писатели о Россіи, было бы несогласно съ дѣйствительностью. Тогда религіозные интересы чрезвычайно многосторонне охватывали жизнь вообще всѣхъ—и иноземцевъ, и Русскихъ, и не даромъ многіе изъ протестантовъ даже потому только и приходили въ Россію, чтобы спасти свои вѣрованія отъ преслѣдовавшей ихъ на родинѣ католической партіи: такъ дорожили они ими. Съ другой стороны, не чужда преувеличенія и та мысль, что будто бы «протестанты разставили свои тайныя пропагандическія сѣти на всѣхъ путяхъ, при каждомъ соприкосновеніи съ православными» [2]. Обдуманная систематическая пропаганда свойственна крѣпко связаннымъ агентамъ папизма, но не была въ духѣ и средствахъ случайно слагавшейся, пестрой и мало просвѣщенной среды мѣстныхъ протестантовъ; подобный образъ ихъ дѣйствій предполагалъ бы единство нарочно составленнаго плана, единство направлявшаго центра и существованіе соотвѣтственной хитро и плотно устроенной организаціи, чего, между тѣмъ, не было. Принадлежа, по своему происхожденію, различнымъ мѣстностямъ и національностямъ Зап. Европы, протестанты, какъ мы видѣли, не жили подъ давленіемъ или явнымъ или тайнымъ руководствомъ одной своей власти и заняты были попреимуществу осуществленіемъ своихъ личныхъ и кружковыхъ матеріальныхъ интересовъ; партіи ихъ слагались и руководились разсчетами меркантильнаго свойства и самыя церковныя общины и пасторы, проникнутые тѣми же началами, ставили цѣлію не пропаганду, а сохраненіе въ протестантской средѣ религіозной жизни и удовлетвореніе ея религіознымъ, нравственнымъ и матеріальнымъ потребностямъ. Если протестанты заносчиво относились къ православному міру, не опускали случая высказываться въ пользу своей вѣры и во вредъ Православію, иные были уличены и въ явныхъ насиліяхъ

[1] Соловьевъ, Ист. Росс. изд. 3, XIII, 205.

[2] Соколовъ, Отношеніе протестантизма, 242—Предвзятость мнѣнія помѣшала автору взглянуть на предметъ прямо, предрасположила его къ неточностямъ и сдѣлала все изложеніе крайне натянутымъ. Ср. оффиц. рецензію проф. И. И. Малышевскаго, Церк. Вѣстн. 1884, № 25 и слѣд.

совѣсти Русскихъ; то отсюда далеко еще до обдуманной и систематической пропаганды, до намѣреннаго разносторонняго миссіонерства.

При ознакомленіи со складомъ русской жизни, протестантамъ, какъ людямъ практическаго смысла, не трудно было догадаться въ безполезности и опасности такой дѣятельности, которая могла слишкомъ мало принести имъ и грозила затворить двери Россіи, подобно тому, какъ затворялись онѣ предъ католиками. Привязанность Русскихъ къ своему вѣроисповѣданію и тяжелыя послѣдствія для пропагандиста за совращеніе имъ достаточно были извѣстны. «Измучьте сто Русскихъ, убейте тысячу, сказалъ пасторъ Гербиній, и изъ нихъ едвали одинъ отпадетъ отъ своей вѣры». Другой протестантскій писатель, Петрей, самъ долго жившій въ Россіи, сознавался, что Русскіе настолько убѣждены въ истинѣ своихъ вѣрованій, что «когда выищется кто-нибудь, возьметъ на себя проповѣдывать имъ другую вѣру, учить и назидать ихъ, они не хотятъ его и слушать, а только смѣются и забавляются надъ нимъ, считаютъ это заблужденіемъ и еретическимъ суевѣріемъ, полнымъ лжи и обмана». Совращать православныхъ въ иновѣріе было воспрещено закономъ безусловно. Если царь Иванъ Васильевичъ IV Грозный послѣ бесѣды съ пасторомъ Рокитой прямо отказалъ ему на просьбу распространять у насъ свое ученіе, а іезуиту Поссевину сообщилъ объ иновѣрцахъ, жившихъ въ Московскомъ государствѣ, что они къ Русскимъ людямъ не пристаютъ: то въ Уложеніи повелѣвалось всякаго басурмана, который «принудитъ Русскаго человѣка къ своей басурманской вѣрѣ», казнить смертію и отступниковъ отсылать къ духовнымъ властямъ для распоряженія съ нимъ по правиламъ св. апостоловъ и св. отцовъ [1]. Широкая свобода, безпрепятственность, дозволяемая иновѣрцамъ въ ихъ личномъ вѣроисповѣданіи, у насъ никогда не смѣшивалась съ правомъ пропаганды между православными.

---

[1] Petrejus, 1620, 670, пер. 435; Joh. Herbinius, Religiosae Kijovienses cryptae, sive Kijovia subterranea. Jenae, 1675; II. Собр. Зак. I, Уложеніе, XXII, 42, ср. № 441, п. 109; «Отвѣтъ государевъ», Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1878, II, 61; наше изслѣдов.: «Изъ истор. иностр. исповѣд. въ Росс.», 290—291.

Свои прозелитскія стремленія протестанты могли легче осуществлять въ средѣ жившихъ въ Россіи католиковъ и отчасти масульманъ.

Не безъ умысла протестанты хлопотали о приниженномъ положеніи у насъ католичества и понятно удовольствіе, которое испытывали они при видѣ желаемой ими неравноправности [1]: отсутствіе равносильнаго совмѣстничества, сверхъ доставленія прямыхъ выгодъ, способствовало имъ къ привлеченію католиковъ въ протестантство. Сообщая о томъ, что католики, за непмѣніемъ духовенства и школъ, принуждены были отдавать для обученія грамотѣ протестантамъ, австрійскій посолъ жаловался, что «лютеране и кальвинисты понемногу вмѣстѣ съ грамотою напечатлѣваютъ въ ученикахъ, точно неизгладимою печатью въ мягкомъ воскѣ, правила своей вѣры» [2]. Къ мусульманамъ протестанты, гдѣ представлялся случай, примѣняли и свою власть. Татарокъ, Турчанокъ и ихъ дѣтей, попадавшихся въ крѣпостные чрезъ покупку или въ качествѣ плѣнныхъ, ихъ «нѣмецкіе господа» нерѣдко «посылали» къ своимъ пасторамъ за крещеніемъ по лютеранскому или реформатскому обряду [3].

Относительно Русскихъ прямыя попытки религіозной пропаганды производились лицами отдѣльными, попреимуществу посторонними, до тѣхъ поръ не жившими въ Россіи и потому еще не успѣвшими достаточно ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, или правительствами нѣкоторыхъ протестантскихъ государствъ—датскаго, шведскаго и саксонскаго. За исключеніемъ махинацій съ шведской стороны, дѣйствія эти носятъ на себѣ отпечатокъ случайности, отрывочности и личной инициативы: какого-либо общаго плана, проводимаго съ систематическою постепенностію и съ соображеніемъ условій внутренняго состоянія нашей церковно-общественной и политической жизни, усмотрѣть невозможно. Важнѣе по своимъ размѣрамъ, и послѣдствіямъ было вліяніе, шедшее въ силу своеобразности протестантовъ, которая то увлекала, то соблазняла православныхъ, въ

---

[1] Гл. IV, стр. 327, и у Рихтера, Ист. медиц., II, прилож. № X.

[2] Мейербергъ, 104.

[3] «Памятники», I, 185; Struys, 73—74; Rinhuber, 51.

силу сходства нѣкоторыхъ явленій нашей жизни съ такими же явленіями на Западѣ и подъ дѣйствіемъ заносчиваго взгляда протестантовъ на православно-русское и заимствованіе нами нѣкоторыхъ культурныхъ началъ.

Потребность охранять русское общество отъ соблазновъ вызывала различныя мѣры, и далеко не однѣ репрессивныя. Соприкосновеніе различныхъ между собою міровъ вело къ сопоставленіямъ, усиленной критикѣ, которая иногда направлялась и съ русской стороны, и тѣмъ мало-по-малу создавался цѣлый рядъ полемическихъ противо-протестантскихъ сочиненій, которыя часто имѣютъ бо́льшій интересъ, чѣмъ самыя, прямо или косвенно вызвавшія ихъ нападенія, запросы и пронагандическія попытки. Борьба проявилась не въ бытѣ только, но и въ словѣ, во мнѣніяхъ; происходила борьба идей, со всѣмъ ея особымъ характеромъ.

Дѣло въ томъ, что когда западный Европеецъ вступалъ въ предѣлы Московскаго государства, ему сразу бросался въ глаза религіозный складъ русской жизни и преобладающій въ ней церковно-обрядовой характеръ [1]. При непоколебимомъ убѣжденіи въ правотѣ своихъ вѣрованій, Русскіе отличались необыкновенной набожностію, непосредственною любовью къ обрядности. Внѣ обрядовъ они не представляли и самой религіи. Они приступали съ благоговѣніемъ не только къ освящающимъ человѣка таинствамъ, но и каждый священный предметъ, напоминая имъ о Богѣ, постоянно возбуждалъ въ нихъ молитвенное, благочестивое настроеніе. Проѣзжая или проходя мимо монастыря, церкви, часовни, образа, Московскіе люди непремѣнно останавливались, осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, произносили краткую молитву и не иначе двигались далѣе, какъ исполнивъ этотъ благочестивый обрядъ. Иконы попреимуществу служили обычнымъ предметомъ почитанія и поклоненія. Привычка ко внѣшнимъ формамъ христіанскаго благочестія и простодушное чувство побуждали Русскаго человѣка возможно болѣе окружать себя священными предметами; ему казалось, что чрезъ это онъ какъ бы ближе становится къ Божеству. По своей наглядности, икона всего

---

[1] Религіозный бытъ Русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ, Рущинскаго, въ Чт. И. М. Общ. И. и Др. Росс., 1871, III, и отдѣльно.

удобнѣе приближала къ нему предметы его вѣры и поклоненія, священныя событія открывала даже неграмотному, и она дѣлалась для Русскаго настолько необходимою принадлежностію религіозной жизни, что безъ нея онъ не считалъ возможнымъ совершать молитву, какъ въ церкви, такъ и дома. Съ первыхъ годовъ родители пріучали къ тому дѣтей, ставя ихъ предъ образами и заставляя читать предъ ними молитвы и класть поклоны. Москвитянинъ не хотѣлъ затѣмъ никогда разставаться съ иконой. Отправляясь въ дальній путь или въ военный походъ, онъ бралъ ее съ собой; онъ желалъ, чтобы послѣдній взглядъ его падалъ на нее и при отходѣ ко сну. Съ этою цѣлію, въ спальнѣ зажиточныхъ лицъ, у изголовья, имѣлись какъ бы цѣлые иконостасы. Въ каждомъ домѣ, въ переднемъ углу, непремѣнно стоялъ образъ; ставили его также на воротахъ городскихъ стѣнъ, на торгу, перекресткахъ улицъ, въ лавкахъ и т. д. Иконы освящали собою всякое мѣстопребываніе Русскихъ; въ домахъ онѣ были самымъ достопочтимымъ предметомъ. При входѣ въ чужой домъ, гость прежде всего обращался къ переднему углу комнаты, къ образу, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и затѣмъ уже здоровался съ присутствующими и вступалъ съ ними въ бесѣду. Наши не могли терпѣть ослабленія должнаго уваженія къ своей святыни. Окружая ее почетомъ и стараясь хранить ее ближе къ себѣ, они нелицемѣрно молились предъ ней Богу и всѣмъ Его святымъ, молились за себя, за другихъ, за живыхъ и умершихъ.

Съ глубокимъ почитаніемъ священныхъ предметовъ соединялась самая живая привязанность ко внѣшнимъ пріемамъ благочестія, уваженіе къ подвигамъ. Если въ мясоѣдъ и праздники допускалось и извинялось излишество, иногда даже крайне неумѣренное, то посты соблюдались строго. Въ это время не только не употребляли скоромной пищи, но были дни, особенно въ первую и послѣднюю недѣлю Четыредесятницы, когда воздерживались и отъ постной; отъ соблюденія требованій поста не освобождались и больные и даже дѣти. На Великій постъ запирались питейные дома, и кто попадался въ это время въ нетрезвомъ видѣ, того больно наказывали плетьми, водя по улицамъ, и сажали въ тюрьму; виновные въ невоздержаніи отъ супружескихъ удовольствій подвергались тяжкой эпитиміи. Не

ограничиваясь постами, положенными церковію, многіе налагали на себя воздержаніе въ извѣстные дни добровольно. Служа наглядным выраженіемъ набожности, постъ составлялъ необходимую часть религіозной жизни. Высшую степень воздержанія Московскіе люди видѣли въ монашествѣ, полагая, что съ поступленіемъ въ монастырь и подчиненіемъ всѣмъ обѣтамъ иночества, всего лучше можно было угодить Богу. И какъ ни много было въ жизни отступленій отъ требованій христіанской нравственности, христіанство представлялось нашимъ предкамъ не въ видѣ какой-либо отвлеченной системы, но какъ сила дѣятельная, и попреимуществу въ сферѣ, неразрывно связанной съ церковностію, священнодѣйствіемъ, обрядами, символикой и подвигами.

Встрѣчая такой строй жизни, западноевропейскіе пришлецы испытывали различное впечатлѣніе. Католики находили много сходнаго со своею жизнью, и хотя старались обрисовать русскую обрядность въ болѣе темномъ цвѣтѣ за то, что Русскіе не хотѣли слышать объ обрядахъ католическихъ и власти папы, все же между католиками были лица, которыя не могли не отдать должнаго уваженія православнымъ Москвитянамъ. Увлеченный ихъ набожностью, Кампензе признавался: «Москвитяне были бы гораздо праведнѣе насъ, еслибъ не препятствовалъ-де тому ихъ расколъ». Въ своемъ описаніи русскихъ постовъ, Фарберъ прямо выразилъ убѣжденіе, что дѣятельною стороной религіозности Русскіе далеко оставляютъ позади себя его единовѣрцевъ. Итакъ, заключаетъ онъ, «помолимся прилежно Богу, чтобъ Онъ положилъ конецъ этой фараоновской гордости нашего сердца и ниспослалъ намъ благодать, чтобы мы научились добрымъ плодамъ у тѣхъ, кого мы называемъ дикарями».

Со своей стороны и протестанты не могли не признавать силы религіознаго убѣжденія нашихъ предковъ и не могли не удивляться ей. Протестантскіе писатели, упоминавшіе о религіозности Москвитянъ, всѣ единогласно говорятъ о полной непоколебимости ихъ въ вѣрѣ отцовъ своихъ. Но имъ, конечно, не могла нравиться привязанность ко внѣшней сторонѣ религіи, къ обрядности. Она, прежде всего, препятствовала близкимъ сношеніямъ ихъ съ Русскими, держала ихъ

отъ мѣстнаго населенія въ извѣстномъ отдаленіи. Даже такой, повидимому, незначительный благочестивый обычай, что при входѣ въ домъ надобно было сначала помолиться предъ образами, а потомъ заводить рѣчь съ хозяиномъ, ставилъ уже втупикъ протестантовъ, не признававшихъ иконопочитанія, и сразу дѣлалъ каждаго изъ нихъ чуждымъ, нежеланнымъ гостемъ. Перри горько жалуется, что Русскіе обзывали протестантовъ собаками за употребленіе скоромнаго въ постные дни. Наблюдая ихъ образъ жизни, Русскіе видѣли, что они живутъ не по православному, не по «христіанскому»; у нихъ не достаетъ освящающей жизнь церковной обрядности, да и существующіе обряды совершаются иначе, чѣмъ у православныхъ, а потому неправильны. Безъ правильнаго обряда, разсуждали наши предки, не можетъ быть и таинства, и у протестантовъ, слѣдовательно, нѣтъ ни крещенія, ни евхаристіи, ни преемственной іерархіи и т. д. Не исполняя уставовъ церкви, они-де не имѣютъ дѣятельной вѣры; отвергая преданіе, правила вселенскихъ соборовъ и учителей церкви, не понимаютъ Священнаго Писанія, не знаютъ истинной вѣры, самовольно ходятъ по влеченію своихъ прихотей. Что же они за христіане? Они недостойны этого названія, они сущіе «не-христи».

Такъ отъ вопроса о внѣшней сторонѣ религіи протестантовъ простодушное чувство Русскихъ вело къ заключенію и о внутренней сторонѣ вѣры, къ ея основнымъ пунктамъ. Были, конечно, между Русскими лица, знакомыя съ системой даннаго вѣроученія не хуже самихъ лютеранъ и кальвинистовъ, какъ, напримѣръ, царь Иванъ Васильевичъ Грозный, знавшій его изъ неоднократныхъ и продолжительныхъ бесѣдъ съ протестантами объ ихъ вѣроисповѣданіи, или священникъ Московскаго Успенскаго собора, Иванъ Насѣдка, изучившій Катихизисъ Лютера и сложную противопротестантскую полемическую литературу. Эти лица судили о несостоятельности протестантства съ точки зрѣнія не одной обрядности: Грозный затрогивалъ и отвлеченные исходные пункты протестантскаго вѣроученія, доказывая ихъ односторонность; но для массы, съ которою всего чаще приходилось вступать протестантамъ въ тѣ или другія сношенія, вопросъ о внѣшности въ религіи имѣлъ ближайшее значеніе. Отсюда-то, несвойственное простому наблюдателю, раздраженіе про-

тестантовъ противъ обрядности въ православно-русской Церкви, стараніе ихъ уронить ее въ глазахъ Русскихъ и тѣмъ поднять цѣну своего вѣроисповѣданія. Не ограничиваясь разными ироническими сужденіями о формахъ церковно-религіозной жизни нашихъ предковъ, они осмѣливались, за иконопочитаніе, самую религію ихъ называть идолопоклонническою. Помимо ближайшихъ эгоистически-практическихъ цѣлей протестантовъ, на это, разумѣется, много вліяло коренное различіе между вѣроисповѣданіями, Православіемъ, которое, при соотвѣтствіи духовно-тѣлесной природѣ человѣка, помогаетъ постигать таинственное чрезъ видимое и признаетъ спасеніе въ одной Церкви, и протестантствомъ, этимъ сухимъ религіознымъ раціонализмомъ, произвольно ищущимъ спасенія въ личности. Когда въ протестантскихъ сектахъ христіанство было обращено въ отвлеченную философическую систему, бѣдную обрядностями и священнодѣйствіемъ, а христіанская мораль слишкомъ разобщена съ жизнью чрезъ своеобразное ученіе объ оправданіи одною вѣрою; если церковь, съ утратою большей части церковно-каноническихъ основъ и признаніемъ единства вѣры въ одномъ личномъ разумѣніи, теряла у нихъ свою самостоятельность и ставилась въ полную зависимость отъ интересовъ общества и личностей: то естественно, что смысла и достоинства дѣятельной и внѣшней стороны въ религіи, подчиненія церковнымъ преданіямъ и уставамъ протестанты не могли ни понять, ни вѣрно оцѣнить. Но они обыкновенно и уклонялись отъ обсужденія вопроса съ принципіальной точки зрѣнія, умалчивали объ основныхъ отличіяхъ въ догматахъ; даже не ставили прямо вопроса вообще о значеніи и происхожденіи видимаго въ религіи: ихъ возраженія, касаясь тѣхъ или иныхъ особенностей, попреимуществу внѣшней стороны вѣры, вращались около частныхъ вопросовъ.

Возраженія немедленно вызывали отвѣты со стороны Русскихъ. Соотвѣтственно нападеніямъ и возраженіямъ, защита трактуетъ о тѣхъ же предметахъ и о тѣхъ же сторонахъ въ нихъ. Нѣтъ ни одного, можно сказать, русскаго богословско-полемическаго трактата, въ которомъ не защищалось бы иконопочитаніе, столь дорогое во вседневной жизни русскаго человѣка и потому болѣе всего досаждавшее протестантамъ и оспариваемое ими; затѣмъ идутъ вопросы

о постѣ, монашествѣ, почитаніи святыхъ, праздникахъ, поминовеніи умершихъ, мѣстахъ молитвы, лѣтосчисленіи, разсматриваются и таинства, но не столько по существу, сколько съ обрядовой ихъ стороны; разъ, въ бесѣдѣ съ пасторомъ Рокитой, Грозный поднялъ споръ до обсужденія нѣкоторыхъ изъ основныхъ положеній протестантской догмы, много говорилъ и объ исходномъ ея пунктѣ, вопросѣ объ оправданіи, однако не выдѣливъ этого вопроса изъ ряда другихъ, не придавая ему преимущественнаго значенія. Между тѣмъ, еслибы разбору даннаго пункта было отведено должное вниманіе, то не понадобились бы подробныя опроверженія каждаго частнаго вопроса: тогда весьма нерѣдко, вмѣсто того, чтобы приводить массу текстовъ и другихъ доказательствъ, достаточно было бы указать отраженіе этого односторонняго положенія на другіе догматы или возраженія, благодаря чему обнаружилось бы несоотвѣтствіе ихъ духу ученія, изложеннаго въ Священномъ Писаніи и Преданіи; большія полемическія сочиненія, трактовавшія о нѣсколькихъ предметахъ, получили бы болѣе внутренней системы. Впрочемъ, сами протестанты главнымъ пунктомъ признавали ученіе о Священномъ Писаніи, какъ единственномъ источникѣ вѣры, и значеніе пункта объ оправданіи начали понимать сравнительно недавно; наша же богословская полемика рѣдко переходила въ наступленіе; она старалась лишь обезсилить дѣлаемыя нападенія, найти доводы противъ возраженій, которыя чаще всего слышались или можно было слышать со стороны протестантовъ.

Вести пренія однако не было любимымъ занятіемъ нашихъ предковъ. Высоту и истиность своихъ вѣрованій они считали внѣ споровъ, ясными до очевидности; въ религіи руководствовались живымъ непосредственнымъ чувствомъ; словопренія и философствованіе, по ихъ мнѣнію, легко приводили бы къ ненужному различію взглядовъ и толкованій и внушали бы суетную гордость, разрушающую простоту христіанской вѣры; бесѣда о вѣрѣ, веденная безъ опредѣленной цѣли и безъ должной подготовки, считалась дѣломъ не благочестивымъ и опаснымъ, способнымъ возбудить соблазны, сомнѣнія. Воздерживаться отъ преній побуждалъ также низкій уровень научнаго умственнаго просвѣщенія, когда по недостатку въ

школахъ много было малограмотныхъ въ самомъ духовенствѣ и совсѣмъ незнакомыхъ съ грамотой въ средѣ даже высшаго боярства. Заводить религіозную бесѣду съ жившимъ у насъ иновѣрцемъ, какъ мы знаемъ [1], можно было развѣ подъ условіемъ, если этотъ изъявлялъ готовность принять или принималъ Православіе. Нарушать данное условіе чаще всего приходилось въ разговорахъ съ членами пріѣзжавшихъ къ намъ иностранныхъ посольствъ, которые, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, любили заводить съ встрѣчавшимися съ ними Русскими людьми рѣчи о религіозныхъ предметахъ; но эти мимолетныя бесѣды въ большинствѣ не могли имѣть серіознаго значенія. Дозволяемое же въ случаяхъ надобности, религіозное бесѣдованіе возлагалось правительствомъ на избранныхъ свѣдущихъ лицъ. Всѣмъ этимъ обусловливалось у насъ ограниченное количество богословскихъ полемическихъ сочиненій.

Для данныхъ цѣлей, въ Московскомъ государствѣ, или создавались свои сочиненія, или еще чаще пользовались уже готовыми трудами тѣхъ единовѣрныхъ народностей, гдѣ дѣло полемики, благодаря сложившимся тамъ историческимъ обстоятельствамъ, было развито значительно болѣе. На ряду съ несомнѣннымъ широкимъ воздѣйствіемъ на полемику югозападной, а впослѣдствіи и греческой литературы, среди самыхъ переводовъ и компиляцій всюду проглядываетъ стремленіе къ самостоятельному способу защиты, свойство очень важное; еще интереснѣе то, что оригинальные труды предупредили переводные. Вопросъ о протестантствѣ такъ быстро явился, что понадобился у насъ немедленный отвѣтъ на него, потребовалось сразу же опредѣлить къ нему свое отношеніе, не дожидаясь, когда придетъ голосъ съ юго-западной Руси. Каждая эпоха, затѣмъ, выдвигала свои вопросы, которые рѣшались сообразно съ временемъ, соотвѣтственно сознаваемой потребности и наличнымъ научнымъ силамъ и средствамъ; отсюда разнообразіе литературныхъ пріемовъ въ трудахъ авторовъ, между которыми были и талантливые самоучки и образованные схоластики. Служа наглядным показателемъ степени и формы научности Русскихъ людей, принимавшихъ

[1] V гл., стр. 331—332.

въ борьбѣ непосредственное участіе и отражая ихъ взгляды на иновѣріе, литературныя произведенія, особенно благодаря своей распространенности, воздѣйствовали на массу, укрѣпляли ее въ проводимыхъ ими понятіяхъ и тѣмъ служили воспитанію русскаго общества въ извѣстномъ направленіи. Потому съ каждымъ полемическимъ сочиненіемъ проливается новый лучъ свѣта въ область рѣшенія вопросовъ о томъ, какого взгляда держались у насъ на пришлое съ Запада протестантство, какою умственною пищей питались для борьбы съ нимъ и почему это вѣроисповѣданіе, сдѣлавшее широкія завоеванія на его родинѣ, не пріобрѣло себѣ прямыхъ приверженцевъ въ православно-русской средѣ. Какъ ни разнообразны по источникамъ и ни разобщены по времени, всѣ произведенія тождественны по своему основному взгляду на протестанство, которое въ догматическомъ отношеніи постоянно ими ставилось ниже даже столь не популярнаго у насъ католичества и считалось совершенно недостойнымъ распространенія среди православно-русскаго населенія; напротивъ, доказывалось, что вполнѣ естественно самимъ протестантамъ принимать Православіе, какъ вѣроисповѣданіе несравненно высшее, единственно истинное [1].

---

[1] Нельзя не пожалѣть, что значительная часть этихъ памятниковъ нашей образованности еще ожидаетъ очереди появленія въ печати и полнаго выясненія ихъ источниковъ, содержанія, характера, ближайшихъ цѣлей и научныхъ пріемовъ. Даже очень недавно профессоръ одного изъ юго-славянскихъ заграничныхъ университетовъ, въ своихъ критическихъ замѣткахъ на «Книгу о вѣрѣ» московскаго изданія 1648 г., выразилъ сѣтованіе, что «всѣ относящіяся сюда полемическія произведенія не сдѣлались до сихъ поръ предметомъ особаго изслѣдованія», что «и теперь еще мы должны удовлетворяться тѣми немногими біо- и библіографическими данными, которыя разбросаны по различнымъ стороннимъ сочиненіямъ». «Но», продолжаетъ тотъ же авторъ, «еслибъ и эти немногія библіографическія данныя были, по крайней мѣрѣ, вполнѣ вѣрны! Къ сожалѣнію, о нихъ нельзя сказать и этого» (Чт. Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс., 1886, IV, отд. II, стр. 3). Такое сужденіе о литературѣ вопроса, правда, слишкомъ строго и объясняется тѣмъ, что большая доля относящихся сюда работъ автору не извѣстна: послѣ вопроса о протестантскихъ церквахъ, полемическія сочиненія чаще всего привлекали вниманіе ученыхъ изслѣдователей (ихъ работы будутъ указаны ниже). При

Рядъ сочиненій, направленныхъ противъ протестантства, обыкновенно начинаютъ съ твореній преподобнаго Максима Грека. Но сколько таковыхъ сочиненій написано преподобнымъ Максимомъ, да и вообще имѣлъ ли онъ въ виду Лютера и его дальнѣйшихъ послѣдователей, этотъ вопросъ стоитъ весьма непрочно. Не задаваясь вопросомъ собственно о числѣ сочиненій, Карамзинъ, упоминая объ отношеніи нашихъ богослововъ къ явившейся на Западѣ реформаціи, замѣтилъ, что Грекъ Максимъ написалъ «Слово о лютеровой ереси» или «На Лютеры» [1]. Поддержавъ это мнѣніе въ своей статьѣ о Максимѣ Грекѣ [2], гдѣ одно изъ сочиненій Максима названо «Словомъ о поклоненіи св. иконъ противъ явльшагося въ Нѣмцехъ иконоборца Лютора», преосвящ. Филаретъ въ «Обзорѣ русской духовной литературы» утверждалъ, что, въ числѣ дошедшихъ до насъ сочиненій Максима, пять направлено «противъ Лютера», именно: «О поклоненіи святымъ иконамъ; О хулящихъ Божію Матерь; Какой первый грѣхъ въ естествѣ? О рукописаніи, какое дано діаволу; О томъ, что человѣческій родъ размножился бы плотскимъ рожденіемъ, хотя бы и не согрѣшилъ Адамъ» [3]. Это послужило руководствомъ для казанскихъ издателей твореній Максима, которые, вслѣдъ за Филаретомъ, приписали Максиму также пять сочиненій «противъ лютеранъ». Заглавія

всемъ томъ необходимо признать, что данный предметъ представляетъ еще очень широкое поле для всесторонняго изученія, и что самые полемическіе памятники, мало замѣтные, когда разрозненны, въ своемъ взаимномъ сопоставленіи и при сближеніи ихъ съ фактами, вызвавшими ихъ появленіе, составляютъ вереницу, весьма поучительную. Посильный отвѣтъ на вопросы, возбуждаемые этимъ предметомъ, мы съ своей стороны старались дать въ своемъ историко-критическомъ изслѣдованіи: «Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ». М. 1887, и въ статьѣ: «Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго», Ж. М. Н. Просв., ч. CCXXIX.

[1] Карамзинъ, VII, 120, прим. 341.

[2] Максимъ Грекъ. Москвитянинъ, 1842, № 11, стр. 75, примѣч. (статья безъ подписи автора).

[3] Преосвящ. Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы. Харьковъ, 1859, стр. 197.

ими текстѣ: «Слово о поклоненіи святыхъ иконъ противу являшагося въ Нѣмцехъ иконоборца Лютора; Слово на хульникы пречистыя Божія Матере; Сказаніе противу глаголющихъ, яко плотскимъ совокупленіемъ и рожествомъ хотяше множитися человѣческій родъ, аще (бы) и не согрѣшили праотцы; Сказаніе о томъ, который убо первый грѣхъ въ человѣческомъ естествѣ? Сказаніе о рукописаніи грѣховнѣмъ, даннымъ діаволу» [1].

Затѣмъ замѣчается рѣзкій поворотъ. Вмѣсто увеличенія числа противолютеранскихъ сочиненій дѣлается ихъ сокращеніе. Кіевскій изслѣдователь профессоръ А. Никольскій [2] нашелъ, что съ Лютеромъ и его послѣдователями преп. Максимъ препирался лишь въ первомъ и первой половинѣ втораго изъ названныхъ выше сочиненій; во второй же половинѣ «Слова на хульникы пречистыя Божія Матери» полемистъ обличалъ современныхъ ему русскихъ вольнодумцевъ; третье и четвертое отвѣчало на вопросы, занимавшіе юные умы нашихъ грамотѣевъ; послѣднее слово опровергало мнѣніе, которое такъ походило на «болгарскія басни, альбо бабьи бредни», распространенныя у нашихъ простодушныхъ предковъ и во множествѣ наполнявшія современные Максиму сборники. Не безъ вліянія, быть можетъ, даннаго взгляда авторъ спеціальной біографіи о Максимѣ Грекѣ, профессоръ В. С. Иконниковъ [3] пошелъ еще далѣе: онъ и первыя два слова счелъ направленными противъ домашнихъ религіозныхъ вольнодумцевъ, именно жидовствующихъ, хотя первое слово отнесъ сюда лишь гадательно, безъ опредѣленной рѣшительности. Близко къ его мнѣнію стоитъ взглядъ преосв. Макарія.

Въ своемъ обозрѣніи оригинальныхъ твореній Максима, преосв. Макарій такъ характеризуетъ ихъ по содержанію: «Самое видное мѣсто въ ряду всѣхъ этихъ сочиненій занимаютъ догматико-полеми

---

[1] Сочиненія Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академіи. Казань, 1859—1860, I, предисловіе издателей, стр. 13.

[2] А. Никольскій, Матеріалы для исторіи противолютеранской богословской полемики сѣверовосточной русской церкви XVI и XVII столѣтій, Труды Кіевск. Дух. Академ. 1864, I, 17—30.

[3] Иконниковъ, Максимъ Грекъ, Кіевск. университ. извѣстія, 1865, X, 25, въ отд. изд., Кіевъ, 1865, 181—182.

ческія, написанныя въ защиту вѣры христіанской-православной противъ иновѣрцевъ и неправославныхъ: іудеевъ, язычниковъ, магометанъ, армянъ и латинянъ, а также противъ суевѣрій и апокрифовъ, извѣстныхъ тогда въ Россіи». О сочиненіяхъ, направленныхъ противъ лютеранъ, онъ не упоминаетъ здѣсь. При дальнѣйшемъ анализѣ твореній Максима, о главномъ изъ указанныхъ выше его полемическихъ противолютеранскихъ сочиненій, «Словѣ о поклоненіи св. иконъ», которое въ казанскомъ изданіи озаглавлено «Слово на люторы», преосв. Макарій замѣчаетъ, что оно «равно могло относиться и къ іудеямъ и къ лютеранамъ», а мысль, изобличаемая въ концѣ «Слова на хульники пречистыя Божія Матери», которое по началу представляетъ «какъ бы продолженіе» предыдущаго, названа, говоритъ онъ, самимъ Максимомъ «умышленіемъ іудейскимъ» и могла принадлежать «только нашимъ іудействовавшимъ еретикамъ» [1]. Лишь въ изложеніи первоначальныхъ отношеній Русской церкви къ лютеранскимъ идеямъ почтенный авторъ упомянулъ мимоходомъ, что «Максимъ Грекъ († 1556) увидѣлъ нужду (какъ бы по поводу ереси Башкина, имѣвшей свое происхожденіе и въ лютеранствѣ и ереси жидовствующихъ) написать сочиненіе и «на Лютора», хотя и ограничился въ немъ только защитой православнаго иконопочитанія» [2]. Такимъ образомъ, у преосв. Макарія нѣтъ прямаго утвержденія, чтобы Максимъ писалъ непосредственно противъ лютеранъ.

Мысль, что препод. Максимъ не имѣлъ въ виду собственно самихъ лютеранъ и не направлялъ противъ нихъ своего пера, до самыхъ послѣднихъ границъ доведена пасторомъ Фехнеромъ. «Во всѣхъ названныхъ пяти сочиненіяхъ, возражаетъ онъ [3], не упоминается ни имени Лютера, ни названія лютеранъ. Первое сочиненіе, эта опирающаяся попреимуществу на одномъ ветхозавѣтномъ богослуженіи, довольно сильная рѣчь противъ пренебрегающихъ почитаніемъ святыхъ и иконъ, означаетъ еретиковъ, придерживающихся вообще раціона-

---

[1] Преосвящ. Макарій, Максимъ Грекъ, Христіанское Чтеніе, 1873, іюнь, 613, 614—615, Исторія Русской церкви. Спб. 1874, VII, 274—276.

[2] Пр. Макарій, Ист. Русск. церкви. Спб. 1877, VIII, 403.

[3] Fechner, 1876, I, 30, примѣч.

лизма («еретицы... уповаша бо на разсужденіе ума»). Во второмъ сочиненіи прямо говорится о латинянахъ и армянахъ, которые хотя и поклоняются съ православными Пресвятой Дѣвѣ и Ея образу, но суть лжемудрствующіе еретики. Если и можно еще послѣ этого соглашаться, что Максимъ въ своемъ изобличеніи тѣхъ, которые не почитаютъ образовъ, ни Дѣвы Маріи, желалъ навести мысль на Лютера и его послѣдователей—хотя все-таки остается въ высшей степени страннымъ, почему смѣлый полемистъ не назвалъ своихъ противниковъ, а это однако было необходимо для кого онъ писалъ:—то какъ положительно утверждать, что остальныя три сочиненія должно считать направленными противъ лютеранъ? Содержаніе третьей и четвертой статей, изъ которыхъ послѣдняя всего въ семнадцать строкъ, видно изъ ихъ заглавія. Пятое сочиненіе объясняетъ изреченіе Посланія къ Колоссаямъ (II, 14) о грѣховномъ рукописаніи Адама. Что̀ данныя темы могутъ имѣть общаго съ лютеранствомъ или какъ провинилось оно ихъ ошибочнымъ рѣшеніемъ?»

Дойдя до полнаго отрицанія, критика снова быстро обращается къ прежнему мнѣнію и доводитъ его также до крайности. Предположивъ всюду «хитрую и прикровенную» протестантскую у насъ пропаганду, г. Соколовъ пришелъ къ мысли, что «вообще въ противораціоналистическихъ статьяхъ Максима Грека, написанныхъ противъ хульниковъ святыхъ иконъ и Пресвятой Богородицы (1 и 2), преподобный Максимъ прямо имѣетъ въ виду лютеранство, во всѣхъ остальныхъ словахъ (3 — 5) ведетъ прикровенную борьбу съ его предшественниками и провозвѣстниками». Въ увлеченіи этою идеей, Соколовъ простираетъ свои догадки гораздо далѣе: ему кажется, что не только названные догматико-полемическіе труды, но «тѣмъ же сокровеннымъ противолютеранскимъ духомъ и направленіемъ проникнуты и сочиненія Максима, относящіяся къ нравственности христіанской». Способъ борьбы Максима, причину ея прикровенности авторъ объясняетъ соображеніемъ: «кажется, преподобный Максимъ держится той тактики, что новому, сильному врагу, одержавшему столько побѣдъ на Западѣ, всего цѣлесообразнѣе наносить ударъ тайный, но вѣрно разсчитанный, что для предостереженія отъ него

православныхъ всего лучше раскрыть и обнажить его козни и ухищренія, скрывая его самого отъ неопытныхъ, увлекающихся взоровъ» [1].

Непримиримость разногласія изслѣдователей вынуждаетъ на новое изученіе «Сказаній» Максима и на сопоставленіе ихъ съ дѣйствительно извѣстными и провѣренными критикой фактами его жизни.

Въ первомъ и наиболѣе важномъ изъ названныхъ его богословско-полемическихъ сочиненіи «Словѣ о поклоненіи святыхъ иконъ» ученый авторъ, оспаривая возраженія, обыкновенно приводимыя различными иконоборцами, утверждаетъ истину православно-христіанскаго иконопочитанія и разъясняетъ правильный смыслъ его. Самымъ твердымъ основаніемъ своего мнѣнія противники иконопочитанія считаютъ вторую заповѣдь Десятословія; съ раскрытія истиннаго ея смысла авторъ и начинаетъ свое «Слово». Богъ не запретилъ, объясняетъ онъ, творить вообще подобія, а только «всякое», такъ какъ язычники дѣлали подобія волхвовъ, различныхъ тяжкихъ грѣшниковъ, звѣрей, птицъ, гадовъ, нарицали ихъ богами и покланялись имъ; если же сдѣлается подобіе въ честь и славу Божію, такое безгрѣшно. Заповѣдавъ Моисею не творить всякаго подобія, Господь потому и повелѣлъ ему потомъ сотворить «многія подобія», Скинію Завѣта, этотъ древній храмъ, золотыя изображенія херувимовъ, двѣ каменныя скрижали, положить ручку съ манной и жезлъ Аароновъ, по стѣнамъ и занавѣсамъ скиніи вышить херувимовъ. Если же противники, «мудрствуя безумная», возразили бы на это объясненіе, что «честныя святыя вещи, которыя повелѣлъ Господь сдѣлать Моисею, почитать достойно, кланяться же не подобаетъ ничему, кромѣ какъ единому Богу», то имъ отвѣтъ: этимъ вещамъ поклонялись святые ветхозавѣтные мужи Моисей, Давидъ, Іона, Даніилъ и Ездра. Ветхозавѣтные мужи покланялись также огненному столпу, какъ равно и скиніи, потому что невидимый Богъ, ради людской немощи, облачался въ

---

[1] И. Соколовъ, Отн. протест. къ Росс. М., 1880, 56—57. За позднѣйшее время сочиненія Максима Грека, со стороны ихъ содержанія, подробно изучалъ И. Преображенскій (Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI вѣкѣ, по сочиненіямъ Максима Грека и современнымъ ему памятникамъ. М. 1881); но даннаго вопроса онъ не касался.

столпъ и приходилъ въ скинію, имѣя такимъ образомъ вмѣсто ризъ столпъ облачный, вмѣсто селенія небеснаго скинію или иначе церковь. И кромѣ скиніи Господь могъ бесѣдовать съ людьми, но Онъ бесѣдовалъ именно въ ней, желая изначала показать честь и славу божественной церкви. Едва Моисей внесъ въ скинію кіотъ Божій и закрылъ завѣсой, тотчасъ покрыло храмъ облако и изъ храма свѣдѣнія выззвалъ къ Моисею Господь, до того же времени знаменія не было. Сказалъ Господь Соломону: «освяти храмъ сей, который ты создалъ, и положу имя Мое тамъ, и будутъ тамъ во вѣки и очи Мои и сердце Мое». Если самъ Богъ говоритъ, что имя, очи и сердце Его въ церкви во вѣки, то ясно, что Господь пребываетъ въ ней. Итакъ, гдѣ церковь во славу Вседержителя, тамъ и Божіе пришествіе, а гдѣ Божіе пришествіе, то кто можетъ не покланяться? И если достойно покланяться церкви, то какъ не поклоняться образу Господа нашего Іисуса Христа, святымъ Его и прочимъ божественнымъ вещамъ, ради которыхъ свята сама Церковь?

Мысль автора здѣсь переносится отъ предметовъ ветхозавѣтнаго поклоненія къ новозавѣтнымъ, чрезъ сравненіе и сопоставленіе которыхъ онъ приходитъ къ убѣжденію, что вторые соотвѣтствуютъ первымъ и превосходятъ ихъ, почему поклоненіе имъ еще необходимѣе. Вмѣсто скиніи мы имѣемъ церковь во славу Божію, вмѣсто скрижалей—святое писаніе новой благодати, вмѣсто вышитыхъ херувимовъ—образъ Христовъ и святыхъ Его, вмѣсто ручки съ манною—святый хлѣбъ и чашу, въ коей совершается претвореніе въ тѣло и кровь Христову, вмѣсто жезла Аарона — жезлъ Христовъ, пречистый, животворящій крестъ, и прочее. Поклоняясь, мы получаемъ великую пользу; изображеніе Христа вселяетъ въ насъ утѣшеніе, когда мы видимъ Владыку въ плотскомъ, доступномъ зрѣнію видѣ, и поддерживаетъ въ насъ страхъ Божій; святые, образы которыхъ чтимъ мы, совершили и совершаютъ великія дѣла предъ Господомъ и многоразлично помогаютъ намъ предъ Нимъ.

Отвергнувъ одинъ доводъ противниковъ, препод. Максимъ доказываетъ несправедливость другаго ихъ довода, на этотъ разъ опредѣленнѣе называя тѣхъ, съ кѣмъ онъ борется. «Еретики» ссылаются на слова Писанія: «не сотвори себѣ богъ сребрянъ и богъ златъ и

не поклонишися имъ». Но слова Господа относились къ тѣмъ Іудеямъ, которые часто уклонялись отъ Бога и строили себѣ идолы, называя ихъ своими богами, мы же творимъ не идолы, не тельцы, не юнцы, но служимъ живому Богу и святымъ Его; любя царя, его хоругвь никто не безчеститъ. Признавъ иконы подобными идоламъ, какъ лжемудрствуютъ противники, пришлось бы и священные ветхозавѣтные предметы, скинію, храмъ и проч. считать идолами, жертвы, въ нихъ приносимыя, идольскими жертвами—вещи совсѣмъ несродныя. Оттого-то достоинство иконъ чтилось въ Христіанской церкви со временъ апостольскихъ и совершались чрезъ нихъ чудеса.

Свою отповѣдь авторъ оканчиваетъ пространнымъ укоромъ противникамъ иконопочитанія, какъ держащимся погибельнаго ученія, и обнаруживаетъ причину ихъ заблужденія: слѣдуя плотскому своему разумѣнію, «уповаша на разсужденія ума», они, «высокомудрые сердцемъ», «грѣховные внуки и прелести пища», по утратѣ должной вѣры не въ состояніи постигнуть истину; сначала не вникаютъ по самонадѣянности, непокорству, лѣности и зависти, потомъ держатся своего ученія, чтобы не осрамиться уступчивостью, почему они видя не видятъ, слыша не слышатъ, сердце ихъ суетно, не допускаетъ ихъ до разумѣнія таинъ Божіихъ. Съ такими противниками воли Божіей и святымъ писаніямъ не должно быть, по слову апостола (2 Іоан. стих. 10, 11), ни дружбы, ни тѣлеснаго общенія.

Утвердивъ истину иконопочитанія, полемистъ посвящаетъ затѣмъ въ защиту собственно достоинства Приснодѣвы Маріи цѣлое новое сочиненіе: «Слово на хульники пречистыя Божія Матери». Свою апологію онъ начинаетъ весьма искусно, чрезъ сопоставленіе. Всѣ богодухновенныя писанія учатъ и повелѣваютъ чтить, кромѣ образа Христа, пречистой Божіей Матери и прочихъ угодниковъ, всѣ священныя вещи. Такъ явилъ Христосъ, укоряя фарисеевъ за злоупотребленіе клятвой священными предметами (Матѳ. XXIII, 16—20); такъ учитъ примѣръ Корея, Даѳана и Авирона, которые за дерзкое прикосновеніе къ священнымъ предметамъ своими неосвященными руками подверглись небесной казни (Числъ гл. 16): потому что «все, освященно бывше Богови, святыни причащается и честно прочее». Высказавъ это положеніе, авторъ быстро обращается къ

прямому предмету своей рѣчи, ставя его еще на большую высоту въ сравненіи съ предыдущимъ: «Какъ, спрашиваетъ онъ, не устрашаются тѣ весьма нецѣломудренные, которые, отметаясь отъ необычайной высоты святыни и славы Пречистыя Богоматери, дерзаютъ говорить: тогда только она была свята и преславна, когда носила въ пречистой утробѣ своей Еммануила, а послѣ того, какъ родила и воскормила Его, была какъ одна изъ прочихъ женъ?» Въ опроверженіе того, что достоинство ея не умалилось, что по рожденіи она не сдѣлалась опять равною всѣмъ остальнымъ женамъ, а пребыла и будетъ честнѣе и славнѣе не только всѣхъ женъ, но даже небесныхъ силъ, серафимовъ и херувимовъ, Максимъ привелъ многочисленныя предсказанія и прообразованія о Ней въ Ветхомъ Завѣтѣ (Пс. XLIV, 10 — 11, CIX, 3 — 4, XLV, 5 — 6; Дан. II, 34, Исаіи XI, 1; Псал. XLII, 10 — 16; Быт. XXVIII, 12 — 13; Исх. III, 2) и свидѣтельство Ея Самой о Себѣ, что ублажатъ Ее всѣ роды, сослался на событія изъ Ея жизни, чудеса по смерти, чествованіе Ея апостолами и Церковію и даже «не только отъ православныхъ, но и отъ всѣхъ вкупѣ зломудренныхъ еретикъ, латинянъ и армянъ, начиная отъ лѣтъ блаженныхъ апостолъ», привелъ и нѣкоторыя сравненія изъ обычной жизни. Земная царица, которая родитъ своему мужу и царю дѣтей, не перестаетъ быть и называться царицей и имѣть власть во всемъ царствѣ своего мужа и до самой своей кончины; въ случаѣ ея смерти, ранѣе или позже мужа, погребена бываетъ по-царски и послѣ называется царицей, никто не отнимаетъ отъ нея ея названія. «Если о маловременныхъ и тлѣнныхъ царяхъ сей добрый чинъ соблюдается, какъ же, опять спрашиваетъ проповѣдникъ, избранная ото всѣхъ родовъ Богомъ честнѣйшее жилище царя всѣхъ Христа Бога, Дѣва по рожденіи и живая по смерти, какъ у васъ, богоборныхъ, единою изъ прочихъ женъ вмѣняется, не имѣющею славы, чести и доброты?» Ихъ умышленіе онъ называетъ іудейскимъ, хулу— хулой, согласною съ происшедшею отъ иконоборца Копронима, за которую неминуемо постигнетъ горькое мученіе, одинаковое съ Копронимомъ. Онъ убѣждаетъ православныхъ своихъ слушателей, если бы кого изъ нихъ коснулось подобное злоученіе, отступить отъ него. «Совѣтую вамъ, братіе, кого укололо это горчайшее терніе сквер-

наго Копронимова хуленія, попечитесь отступить отъ него скорѣе и отриньте его отъ вашей мысли, какъ ученіе иконоборца, суровѣйшаго гонителя православныхъ, умышленіе іудейское, паче же сатанинско, чтобъ и Пречистая Божія Матерь приблизилась къ вамъ и соблюла васъ отъ всякой казни и сподобила стоянія одесную Ея единороднаго Сына» [1].

Обращеніе къ слушателямъ, характеристика ученія и опредѣленіе его источника, дѣлаемыя авторомъ въ этомъ «Словѣ на хульники Божія Матери», указываютъ, что Максимъ не могъ имѣть въ виду непосредственно Лютера или его прямыхъ послѣдователей, которые не держались изобличаемаго въ «Словѣ» лжеученія о Приснодѣвѣ. Ближе къ лютеранству относится начало «Слова», гдѣ трактуется о достоинствѣ священныхъ вещей; но и оно не было составлено съ намѣренною цѣлью поразить ученіе протестантовъ: оно употреблено, какъ ораторскій пріемъ лучше выяснить достоинство Пресвятой Дѣвы, Матери Христа, чрезъ сопоставленіе съ бездушными вещами, получающими и сохраняющими уже священное значеніе, хотя только были посвящены Богу и соприкасались съ другим священными предметами.

Относительно второй половины «Слова» надобно, поэтому, согласиться со мнѣніемъ проф. Никольскаго и преосвящ. Макарія, которые также считали ее направленною противъ какой-либо группы современныхъ автору русскихъ раціоналистовъ, по мнѣнію Макарія, какихъ - либо «іудействовавшихъ еретиковъ» [2]. Возможно, что кто-нибудь изъ примыкавшихъ къ послѣдователямъ прежней, такъ-называемой, ереси жидовствующихъ и держался подобнаго ложнаго взгляда на достоинство Богоматери [3]. Съ указанными авторами нельзя только согласиться о началѣ «Слова». По мнѣнію г. Никольскаго [4], оно

---

[1] Печатн. изданіе, I, 485—494, 495—508.

[2] Никольскій, 26—27; пр. Макарій, VII, 276.

[3] Составители «Описанія славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки» (II, отд. 2, стр. 544), впрочемъ замѣчаютъ: «Повидимому, это лжеученіе зашло къ намъ съ Запада».

[4] Никольскій, 23, 24.

написано противъ лютеранъ, со второю частью «Слова» не имѣетъ ни внутренней, ни внѣшней связи и, по всей вѣроятности, первоначально относясь къ предыдущему сочиненію, то-есть «Слову о поклоненіи святыхъ иконъ», ошибочно приложено потомъ къ «Слову на хульники Божія Матери», по недоразумѣнію перваго собирателя сочиненій преподобнаго. «Какъ бы продолженіемъ» предыдущаго слова считаетъ данное сочиненіе на хульниковъ Божіей Матери и преосв. Макарій [1].

Раздѣлять «Слово» на двѣ несродныя части нѣтъ основаній. Лишенное внѣшней связи, оно особенно и не нуждалось въ ней, когда строго соблюдена въ немъ связь внутренняя. Авторъ такъ доказываетъ свою мысль: если священны вещи, посвященныя Богу и соприкасающіяся съ образами и т. п. предметами, то во сколько же кратъ должна быть священнѣе Пресвятая Дѣва, имѣвшая во чревѣ и родившая самого Господа?! Связь мыслей неразрывная. Здѣсь употребленъ авторомъ тотъ пріемъ, какимъ онъ воспользовался во второй половинѣ «Слова», сопоставляя тамъ земную царицу съ Царицей Небесной. Если же начало «Слова» неразрывное цѣлое съ остальною частью произведенія и служитъ какъ бы введеніемъ къ ней, то значитъ появленіе его, такъ же какъ и второй половины, нельзя объяснить намѣренною цѣлію автора вести борьбу съ лютеранами.

Что касается остальныхъ трехъ «Словъ» Максима, то въ нихъ совершенно напрасно было бы искать свойствъ, указывающихъ на ихъ противолютеранское назначеніе. Остается такимъ образомъ одно «Слово», первое, «о поклоненіи святыхъ иконъ». Содержаніе его можетъ быть сближено съ лютеранствомъ, которое отвергало иконопочитаніе и въ своемъ неправоученіи, между прочимъ, опиралось на основанія, опровергнутыя Максимомъ Грекомъ. Но тѣхъ же мыслей объ иконопочитаніи держались и сходными доказательствами пользовались Башкинъ и Косой [2], вольномысліе которыхъ было дальнѣй-

---

[1] Макарій, VII, 275.

[2] См. напримѣръ опроверженія доказательствъ единомышленниковъ Косого инокомъ Зиновіемъ. Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи. Сочиненіе инока Зиновія. Казань, 1863, бесѣды пятая и шестая.

шимъ развитіемъ прежнихъ раціоналистическихъ домашнихъ лжеученій и лишь отчасти, быть можетъ, раздутое пришлымъ ученіемъ со стороны. Изъ современниковъ одинъ Курбскій назвалъ это лжеученіе «отродьемъ ересей люторскихъ» [1], но и то значительно позднѣе и подъ вліяніемъ выдерживаемой имъ борьбы съ протестантствомъ въ юго-западной Россіи; сами же обвиняемые очень неохотно говорили о своихъ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ, изъ которыхъ упоминали однихъ «латынниковъ», и судьи, жившіе еще подъ впечатлѣніемъ дѣла ереси жидовствующихъ, не придавали этимъ отношеніямъ особо важнаго значенія на развитіе еретическихъ мнѣній и видѣли здѣсь связь съ предыдущимъ [2]. Въ виду этого нельзя опускать безъ

---

[1] Сказанія князя Курбскаго, I, 177.

[2] Отмѣтимъ, что на соборахъ не было помину о протестантствѣ, не называлъ нашихъ вольнодумцевъ и ихъ единомышленниковъ послѣдователями Лютера и изобличавшій ихъ затѣмъ инокъ Зиновій. Матвѣй Башкинъ сообщилъ о себѣ что онъ свое ученіе «принялъ отъ Литвина Матюшки аптекаря да Андрюшки Хотѣева латынниковъ» (Никоновск. лѣтоп. VII, 204), и Нектарій, бывшій Оеранонтовскій игуменъ, обвинялъ Артемія, что этотъ «ѣздилъ изо Пскова изъ Печерского монастыря въ Новой городокъ нѣмецкой и тамо вѣру ихъ восхвалилъ» (Акт. Арх. Эксп. I, стр. 251). Подъ нѣмецкой вѣрой, какъ и въ былые годы (А. Поповъ, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, XI—XV в. М. 1875, 24), подразумѣвалась вѣра латинская. «На умѣ у него было», оправдывался Артемій противъ обвиненія, «....говорити, какъ Хрестьянской законъ съ римскимъ закономъ потому ли, какъ у насъ; и такого ему человѣка книжна не сказали, съ кѣмъ было ему книгами говорити». «И то Артемій», укоряли его судьи, «учинилъ не гораздо: вѣдаетъ и самъ, что наша сущая Православная вѣра греческаго закона, а латынская вѣра святыми отцы отъ Православныя вѣры отречена и проклятью предана» (А. Э. I, 251—252). Этимъ мы не хотимъ отвергать возможности нѣкотораго тайнаго воздѣйствія протестантства на нашихъ вольнодумцевъ (хотя, въ противоположность мнѣніямъ гг. Емельянова, Соколова и друг., не считаемъ его и прямо доказаннымъ): для насъ важно выяснить, какъ смотрѣли обвиняемые и ихъ судьи на постороннее вліяніе, называли ли они протестантство и съ какимъ изъ западныхъ вѣроисповѣданій они еще находили надобнымъ считаться. — Кромѣ Никоновской лѣтописи, и Актовъ Арх. Экспедиціи, I, №№ 238—239, о Башкинѣ, Косомъ, Артеміи и др. см. Акт. Истор. I, № 161; Московскіе соборы на еретиковъ XVI вѣка, Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1841, III; Розыскъ... Висковатова

вниманія то, что въ «Словѣ о поклоненіи святыхъ иконъ» весь центръ тяжести доказательствъ лежитъ въ раскрытіи смысла ветхозавѣтныхъ изреченій, такъ цѣнимыхъ нашими вольнодумцами; нигдѣ не названо имени Лютера, хотя Максимъ обыкновенно называетъ тѣхъ, съ кѣмъ борется; лицъ, къ которымъ онъ обращаетъ «Слово», называетъ просто: «несмысленные разумомъ», «безумные», «еретики», «высокомудрые сердцемъ», «уповающіе на разсужденія ума», названія эти онъ легко могъ относить и къ домашнимъ вольнодумцамъ. Пріобрѣтаетъ свое значеніе также одна частность. Разъясняя различіе иконъ отъ идоловъ, Максимъ, между прочимъ, говоритъ: «Аще ли же иконы подобни суть идоломъ, якоже вы мудрствуете, то... и жезлъ Ааронов прозябшій подобенъ есть твоему жезлу, имже подпираешися». Не напоминаетъ ли эта черта лицъ въ родѣ тѣхъ «старцевъ», единомышленниковъ Косого, съ которыми потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, бесѣдовалъ ученикъ Максима, инокъ Зиновій? Къ тому же, дѣло защиты иконопочитанія у насъ было весьма существеннымъ и помимо поводовъ со стороны протестантства. Если правда, что протестантство долго представлялось у насъ попреимуществу ученіемъ иконоборнымъ, то и у домашнихъ отрицателей, начиная со стригольниковъ, этотъ пунктъ занималъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ: въ оборону православнаго ученія объ иконопочитаніи

тамъ же, 1858, II; Инока Зиновія, Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи. К. 1863; его же, Посланіе многословное, Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1880, II (первое изображаетъ ученіе въ томъ видѣ, какъ оно было усвоено его великорусскими послѣдователями; второе изображаетъ то же ученіе въ его дальнѣйшемъ развитіи, послѣ того какъ Ѳеодосій бѣжалъ въ Литву и тамъ, на свободѣ, вступилъ въ ближайшее общеніе съ мѣстными представителями протестантскихъ толковъ), статьи и сужденія Емельянова, Тр. Кіев. Дух. Ак. 1862, №№ 3, 6, 9; Щапова, Русскій расколъ, 174; Костомарова, Историч. монограф. 1863, I; Соловьева, изд. 4, VII, 116—122; преосв. Макарія, VI, VII, Соколова, 57—60, 264—271; Запкова, Старецъ Артемій, писатель XVI вѣка, Ж. М. Нар. Пр. 1887, XI, и др. При всемъ томъ вопросъ этотъ нуждается въ точномъ спеціальномъ изслѣдованіи, въ которомъ ученіе было бы разсмотрѣно въ логической связи съ предшествовавшимъ религіознымъ движеніямъ и современнымъ ему религіозно-нравственнымъ бытомъ; въ уклоненіяхъ отъ того и другаго легче будетъ тогда съ увѣренностію указывать посторонніе элементы.

такъ много и горячо долженъ былъ писать еще Іосифъ Волоцкій. Башкинъ и его единомышленники слишкомъ упорно возставали противъ иконопочитанія, называли иконы идолами [1].

Обстоятельства жизни самого преп. Максима не заключаютъ въ себѣ указаній на то, чтобъ онъ былъ близко знакомъ съ лютеранствомъ или интересовался бы имъ. На Западѣ онъ учился въ такую пору, что едва ли могъ слышать о Лютерѣ, затѣмъ значительное время [2] жилъ на Аѳонѣ и пріѣхалъ въ Москву 4 марта 1518 года [3], всего чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ какъ Лютеръ объявилъ (31 октября 1517 г.) свои тезисы; недолго спустя послѣдовали его заключенія въ монастыри, гдѣ ему не было причинъ и условій волноваться протестантствомъ, и скончался онъ въ 1556 году, когда вопросъ о протестантствѣ у насъ, можно сказать, еще только ставился. Между тѣмъ, много было у него поводовъ знакомиться съ религіознымъ раціонализмомъ, на Западѣ съ западнымъ, у насъ съ домашнимъ; самъ Грозный спрашивалъ (1554 г.) его мнѣнія объ ученіи Башкина и его единомышленниковъ и просилъ объ обличительномъ посланіи противъ нихъ [4]. Строго православный по воззрѣніямъ, онъ отрицалъ законность раціонализма, почему еслибы пришлось говорить о протестантствѣ, которое въ сущности было плодомъ западнаго раціоналистическаго направленія, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ также высказался бы и противъ него; однако прямо утверждать, чтобъ онъ въ словѣ о защитѣ иконопочитанія имѣлъ въ виду лютеранъ, прочныхъ основаній нѣтъ. Напротивъ, соотвѣтственно съ имѣющимися данными, всего естественнѣе думать, что оно написано съ цѣлію вразумленія домашнихъ раціоналистовъ и затѣмъ вскорѣ было примѣнено для пониманія и оцѣнки протестантства, подобно тому какъ нѣкоторыя бесѣды инока Зиновія въ опроверженіе Косого получили

---

[1] Акт. Эксп. I, 250.

[2] По вычисленію В. С. Иконникова (Кіев. унив. изв. 1865, № 8, стр. 47—49, въ отд. изд., 101), около 10 лѣтъ.

[3] П. С. Р. Лѣт. VI, 261; ср. Иконникова, 106—107.

[4] Акт. Ист. I, № 161: Посланіе царя Іоанна Васильевича Максиму Греку о ереси Матѳея Башкина.

потомъ названія бесѣдъ противъ Лютера и Кальвина, и внесены въ противопротестантскіе полемическіе сборники [1]. Выйдя изъ-подъ пера автора, повидимому, безъ опредѣленнаго заглавія, оно получало его отъ собирателей и переписчиковъ сочиненій Максима, которые означали его сообразно со своимъ пониманіемъ и своими цѣлями. Не безъ причины же въ сохранившихся рукописныхъ сборникахъ данное слово означается различно [2].

Вообще, съ полною увѣренностью можно говорить только объ отрицательномъ отношеніи препод. Максима къ западному и домашнему раціонализму и о томъ, что одно изъ его сочиненій, «Слово о поклоненіи св. иконъ», ближайшими его учениками было употребляемо для борьбы съ лютеранствомъ: въ немъ они видѣли удоб-

---

[1] Напримѣръ, «Слово обличительное на ересь новыхъ развратниковъ Православныя христіанскія вѣры, Лютора глаголю и Кальвина и на Ѳеодосія черница, рекомаго Косого и еретика. Списано же сіе слово іномъ Зиновіемъ боголюбезнѣйшимъ Отни пустыни» (Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской духовной академіи. I, 526—527, рукопись XVII вѣка, № 324 по нов. катал.) и въ концѣ печатн. изд. 1642 г.: «Сборникъ, слова избранныя о чести святыхъ иконъ и поклоненіи».

[2] «Слово о поклоненіи святыхъ иконъ противу явльшагось в Нѣмцехъ иконоборца Лютора» (рук. Румянц. музея, XVI в., разныхъ почерковъ, № CCLXIV, л. 241; Востоковъ, Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописей Румянцевскаго музея, 372); «На Люторы и Латину зломудреныхъ, о иконномъ покланянiи» (рук. гр. Толстаго, нач. XVII в., № 195, л. 56; Описаніе славяно-россійскихъ рукописей гр. Толстова, отд. II, стр. 347); «Слово о поклоненіи святыхъ иконъ, списано противъ еретикъ» (Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской духовной академіи, I, 493, рукоп. 1660 года, по стар. катал. № 495, по нов. № 310; она послужила основой для печатнаго изданія сочиненій Максима); «На Люторы» (Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки Свято - Троицкой Сергіевой Лавры, отд. IV, стр. 207; рукопись, вѣроятно, 1673—1674 годовъ, по стар. кат. № 1.843, по нов. № 201, л. 288; ею пользовался Карамзинъ). Въ древнихъ рукописныхъ сборникахъ сочиненій Максима, принадлежащихъ Москов. Духовн. Академіи (№ 42, экземпляръ, современный автору, и съ подписью митрополита Іоасафа), Виѳанской духовной семинаріи (по нов. катал. №№ 19—20, сборники современные автору), Москов. Синод. библіотекѣ (по нов. катал. №№ 191—194), даннаго слова нѣтъ.

ное оружіе для защиты истинности православнаго ученія объ иконопочитаніи, отвергаемаго Лютеромъ и его послѣдователями. Прямо же противъ протестантства, какъ несомнѣнно, высказались уже высшіе представители мѣстной духовной и свѣтской власти.

Еще при жизни преп. Максима протестантская пропаганда желала сдѣлать у насъ проводникомъ своего ученія типографское искусство, заведеніемъ котораго было озабочено наше правительство. Къ датскому королю Христіану III, какъ и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ, Иванъ Васильевичъ обратился (1550 г.) съ просьбой доставить въ Россію книгопечатниковъ и иныхъ знатцевъ. Подъ благовиднымъ предлогомъ основанія книгопечатанія король прислалъ (1552 г.) «типографщика»—скрытаго лютеранскаго миссіонера. По увѣдомленіи о разсѣяніи «тьмы папежской» и о своей ревности къ распространенію славы Сына Божія въ своемъ и чужихъ государствахъ, Христіанъ писалъ Іоанну: «Мы осмѣлились склонять къ тому же самому и тебя, возлюбленнѣйшій братъ. Съ этою цѣлію посылаемъ къ тебѣ искренно нами любимаго слугу и подданнаго нашего Ганса Миссенгейма съ Библіей и двумя другими книгами (вѣроятно, съ Аугсбургскимъ исповѣданіемъ и Малымъ катихизисомъ Лютера), въ которыхъ содержится сущность нашей христіанской вѣры. Если приняты и одобрены будутъ тобою, митрополитомъ, патріархами, епископами и прочимъ духовенствомъ это наше предложеніе и двѣ книги вмѣстѣ съ Библіей, то оный слуга нашъ напечатаетъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ означенныя сочиненія, переведя на отечественный вашъ языкъ, такъ что такимъ способомъ можно будетъ въ немногіе годы споспѣшествовать и содѣйствовать пользѣ вашихъ церквей и прочихъ подданныхъ, ревнующихъ славѣ Христовой и своему спасенію». Завести типографію Грозный и его совѣтники были намѣрены къ пользѣ отечественной церкви, не ко вреду ей, и потому понятно, какой отвѣтъ могъ дать царь на неожиданное предложеніе: первая, извѣстная въ исторіи попытка явной протестантской пропаганды, оказавшаяся слишкомъ наивною, не имѣлъ успѣха [1].

---

[1] Снегиревъ, О сношеніяхъ дат. к. Христіана III съ Іоанномъ Васильевичемъ касательно заведенія типографіи въ Москвѣ, Русск. Истор. Сборн. 1840,

Не могла склонить вѣсы въ пользу лютеранства и бесѣда архіепископа упсальскаго Лаврентія Петри съ московскимъ митрополитомъ Макаріемъ, въ присутствіи государя; если вѣрить шведскимъ даннымъ, ей мѣшало отсутствіе одинаково доступнаго всѣмъ языка.

Петри явился въ Москву въ посольствѣ отъ Густава Вазы для заключенія мира съ Россіей. Не знаемъ, было ли посламъ порученіе религіознаго характера, только, по волѣ Ивана Васильевича, состоялось будто бы такое преніе (послѣ 9 марта 1557 г.) между пріѣхавшимъ архіепископомъ и мѣстнымъ духовнымъ владыкой. Архіепископъ повелъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ, котораго однако не зналъ митрополитъ; тотъ перешелъ на латинскій и затѣмъ на греческій языки, но эти совсѣмъ не были понятны ни царю, ни его нѣмецкому переводчику. Бесѣдовали о постѣ и почитаніи святыхъ, между тѣмъ переводчикъ, боявшійся признаться царю въ своемъ незнаніи языка, говорилъ ему наугадъ, по своему усмотрѣнію, такъ что одинъ изъ членовъ посольства, понимавшій и по-русски, и по-гречески, не выдержалъ и разсмѣялся. Царь прекратилъ бесѣду и, въ знакъ своей милости къ архіепископу, велѣлъ повѣсить ему на шею дорогую золотую цѣпь [1].

Между тѣмъ въ областяхъ, прилегавшихъ къ Швеціи и Ливоніи, замѣчалось «нѣкое шатаніе въ людяхъ». Не смотря на строгую расправу съ виновниками домашняго вольнодумства и бѣгствомъ главнѣйшихъ изъ нихъ въ Литву, ихъ ученіе находило себѣ значительный

т. IV, кн. I, стр. 117—131. Распространенное прежде мнѣніе, что результатомъ этого посольства было начало книгопечатанія у насъ, сильно оспаривается Румянцевымъ (Сборн. памятн., относящ. до книгопечатанія въ Россіи. М. 1872, I, 9 — 16), Гатцукомъ (Оч. ист. книгоп. д. въ Рос., Рус. Вѣстн., 1872, т. 99, стр. 328—331) и др.

[1] Dalin, Gesch. d. Reich. Schweden, III, 361—363.—На нашъ запросъ Йэрне, проф. исторіи въ Упсальск. универ., о достовѣрности извѣстія Далина, полученъ нами отвѣтъ, что онъ считаетъ его «очень сомнительнаго качества. Въ русск. статейномъ спискѣ, хранящемся въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., нѣтъ упоминанія о религіозномъ преніи. Подъ 9-мъ марта въ немъ отмѣчено, что послы были у царя для выслушиванія отвѣта бояръ, «а арцибископъ съ ними не пріѣхалъ, сказался боленъ»; 13 и 21 послы «съ товарищи» опять были у царя; но объ архіепископѣ не говорится; выѣхали послы 24 марта. Ср. II гл., стр. 145—146.

кругъ послѣдователей [1], центръ котораго былъ въ заволжскихъ мѣстностяхъ, гдѣ предъ тѣмъ дѣйствовалъ Ѳеодосій и гдѣ отрицательные религіозные элементы съиздавна были въ большей силѣ. Вѣроятно, изъ этихъ именно послѣдователей вышли теперь лица, которыя усвоили себя лютеранскую догму. Тиманъ Бракель, первый лютеранскій пасторъ въ Московскомъ государствѣ, извѣстный по имени, встрѣтилъ (1559 г.) во Псковѣ между природными Русскими двоихъ тайныхъ единовѣрцевъ, занимавшихся сапожнымъ и рукавичнымъ ремеслами. Эти «члены, по обстоятельствамъ мѣста, скрытой и тайной церкви, Русскіе по происхожденію и языку», старались, насколько могли, облегчить положеніе веденнаго въ плѣнъ пастора: утѣшали его, снабдили теплой одеждой и деньгами [2]. Духовная власть, впрочемъ по иному поводу, указываетъ отличать лютеранъ отъ другихъ иновѣрцевъ и даетъ точку зрѣнія на ихъ вѣрованіе. Предъ важными предпріятіями и во время ихъ былъ обычай разсылать по монастырямъ грамоты съ просьбой о молитвѣ, и митрополитъ Филиппъ, по случаю войны съ Крымомъ и Польшей, писалъ (24 ноября 1567 г.) въ Кирилловъ монастырь: «Грѣхъ ради нашихъ, безбожный крымскій царь Девлетъ-Гирей, со всѣмъ своимъ бесерменствомъ и латынствомъ, и литовскій король Сигизмундъ Августъ и поганые Нѣмцы во многія различныя ереси впали, особенно въ Лютерову прелесть, и святыя христіанскія церкви разорили, святымъ и честнымъ иконамъ поругалися и впредь свой злой совѣтъ совѣщаютъ на нашу благочестивую христіанскую вѣру Греческаго закона. Услыхавъ о томъ, боговѣнчанный царь государь Иванъ Васильевичъ очень оскорбился и опечалился за святыя церкви и за честныя иконы и, вземши Бога и Его святыхъ на помощь, пошелъ со всѣмъ своимъ воинствомъ на недруговъ» [3] и т. д.

Не только тонъ, съ которымъ писалъ митрополитъ, и сопоставленіе означали взглядъ его на новое вѣроисповѣданіе: духовный

---

[1] Истины показаніе, 15.

[2] Сообщеніе о томъ Бракеля см. въ I гл.

[3] Акт. Арх. Эксп. I, № 275; ср. №№ 260, 267; Соловьева, изд. 4, VII, 172—173.

владыка прямо называетъ новую вѣру «Лютеровой прелестью», людскимъ соблазномъ, худшимъ прежнихъ многихъ ересей, въ которыя впадали Нѣмцы. Но и здѣсь еще не встрѣчаемъ разработки взгляда. Съ необыкновенной ясностію и многосторонностію опредѣлить публично непосредственную точку зрѣнія на протестантство и означить всю непримѣнимость его у насъ выпало на долю хорошо знакомаго съ мнѣніями Максима и митрополитовъ, государя Ивана Васильевича IV.

Весьма начитанный и свѣдущій изъ московскихъ богослововъ своего времени, Грозный легко могъ близко ознакомиться съ протестантскимъ ученіемъ и подмѣтить его слабыя стороны. Среди иноземцевъ, которыхъ онъ имѣлъ при себѣ изъ-за преслѣдуемыхъ имъ культурныхъ начинаній и завоевательныхъ цѣлей, находились лица, хорошо знакомыя со своимъ вѣроисповѣданіемъ; съ ними государь часто бесѣдовалъ и объ ихъ вѣрѣ, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ современники утверждали, что они намѣренно и настойчиво склоняли его къ протестантству. Перечисляя близкихъ къ нему иноземцевъ, Вейтъ Ценге [1] такъ отзывается (20 дек. 1566 г.) объ одномъ изъ нихъ: «Каспаръ Эверфельдъ (Caspar Ewerfeld) у великаго князя въ очень большой милости и ежедневно привлекался во всѣ совѣщанія... Государь оштрафовалъ шестидесятью тысячами рублей своего митрополита или высшаго епископа за то, что этотъ причинилъ насиліе одному Нѣмцу въ дѣлѣ вѣры, и можно бы предполагать, что онъ приметъ евангеліе, такъ какъ этотъ Каспаръ Эверфельдъ и другіе такъ много и хорошо читали и писали великому князю, что была къ тому всякая надежда». Если въ извѣстіи о штрафѣ не все вымышлено—въ поводахъ къ пенямъ Грозный не былъ разборчивъ, за то вполнѣ несогласны съ дѣйствительностію намеки на склонность Іоанна къ чужому вѣроисповѣданію. Ценге въ Москвѣ самъ не былъ, писалъ со словъ другаго, и весьма вѣроятна догадка, что упоминаемый у него Каспаръ Эверфельдъ

[1] Въ письмѣ изъ Любека къ маркграфу Альбрехту Бранденбургскому, котораго онъ былъ, повидимому, резидентомъ въ Ганзейскихъ городахъ; письмо издано у Fechner'а, I, 50—55, и въ извлеченіи у Карамзина, IX, прим. 166.

тождественъ съ переводчикомъ Каспаромъ изъ Виттенберга, о которомъ потомъ передаетъ Одерборнъ, что онъ отрекся отъ лютеранства, принялъ русское крещеніе и порицалъ предъ Іоанномъ свою прежнюю вѣру [1]. Воздѣйствіе такимъ образомъ обнаружилось здѣсь совсѣмъ не въ томъ направленіи, въ какомъ желали протестанты.

Доставленное ими оружіе, чрезъ бесѣды Каспара и другихъ, вскорѣ направилось противъ нихъ самихъ. Іоаннъ, воздерживавшійся доселѣ отъ публичныхъ преній съ протестантами, теперь съ непоколебимою увѣренностію самъ вступаетъ въ торжественное состязаніе о вѣрѣ съ ихъ ученымъ пасторомъ. Замѣчательно, что открытый диспутъ, гдѣ всего полнѣе онъ развилъ свой взглядъ на протестантство, совпалъ съ моментомъ, въ который вопросъ о вѣроисповѣданіи и національности принялъ наиболѣе живой интересъ въ дѣлахъ политическихъ. Въ разсчетахъ на близкое осуществленіе своей мечты о вассальномъ подчиненіи Ливоніи и какъ бы въ вознагражденіе тѣмъ убыли силъ внутри страны, Иванъ Васильевичъ старался выказывать теперь иноземцамъ-протестантамъ и ихъ вѣрѣ свое особое вниманіе. Въ эпоху именно своего знаменитаго диспута и тотчасъ по разгромѣ Великаго Новгорода, онъ увѣрялъ, что «строгъ только къ своимъ, къ чужестранцамъ же милостивъ», изъ послѣднихъ безусловно отдавалъ предпочтеніе протестантамъ предъ католиками и оффиціально обѣщалъ признать за лютеранствомъ, въ сравненіи съ католичествомъ, господствующее положеніе во всей Ливоніи. И все же хотя такъ рѣшительно и отдалъ лютеранству политическое преимущество предъ католичествомъ, въ догматическомъ отношеніи онъ поставилъ его значительно ниже католичества и не призналъ за нимъ почти никакой цѣны въ сравненіи съ Греко-восточнымъ исповѣданіемъ.

Поводомъ къ диспуту послужила новая попытка къ привлеченію Грознаго въ иновѣріе, на этотъ разъ изъ Польско-Литовскаго королевства.

Занятые своими внутренними дѣлами, протестанты въ Польшѣ и Литвѣ мало обращали вниманія на Востокъ; больше смотрѣли на Западъ, откуда реформаціонное движеніе, охватывавшее королевство,

[1] V гл., стр. 344.

получало свои питательные соки [1]. Проповѣдники лютеранскаго, кальвинскаго и другихъ протестантскихъ толковъ обыкновенно странствовали въ предѣлахъ королевства, или переходили за западную его границу; протестантскіе синоды хлопотали то о союзахъ и соглашеніяхъ, то принимали мѣры къ упорной борьбѣ съ католичествомъ, къ распространенію и укрѣпленію ученія и упорядоченію дѣлъ въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ. Такъ, кальвинскій быхавскій синодъ (1560 г.) снарядилъ двоихъ миссіонеровъ на Русь («in Russiam»), вѣроятно, Холмскую, принадлежавшую къ люблинскому округу. Само просвѣщеніе, говоря вообще, шло на иностранный манеръ, попреимуществу нѣмецкій, однако стремленіе популизировать свои идеи невольно побуждало протестантовъ держаться ближе къ мѣстной почвѣ. Кромѣ преподаванія въ школахъ польскаго, литовскаго и русскаго языковъ, появляются переводы Библіи и нѣкоторыхъ протестантскихъ сочиненій; въ 1562 году Кавечинскій, Будный и Кришковскій издали въ Несвижѣ, съ посвященіемъ кн. Ник. Радзивилу Черному, кальвинисту по убѣжденію и главному покровителю протестантства въ Литвѣ, малый «Катихисісъ,» который, какъ значится въ предисловіи къ нему, они написали «издавнымъ, славнымъ, далеко распространеннымъ языкомъ славянскимъ» въ той надеждѣ, что «не только княжеская милость, рыцари и братія славнаго языка словенскаго, но и чужеземскіе языцы славянскіе послѣдуютъ спасительному ученію». Въ ихъ заявленіи уже слышится явное желаніе распространить ученіе за предѣлами королевства. И дѣйствительно, если, благодаря сопредѣльности и многочисленнымъ связямъ Московскаго государства съ Литвой, осужденные въ Москвѣ Косой съ единомышленниками бѣжали въ Литву и съ успѣхомъ проповѣдывали тамъ свое ученіе, а одинъ изъ нихъ, Ѳома, сдѣлался тамъ кальвинскимъ пасторомъ, то

[1] О свойствахъ и судьбѣ протестантства въ Польско-Литовскомъ королевствѣ мы излагали въ статьѣ «Протестантсво въ Польшѣ и Литвѣ, въ его лучшую пору», Чтен. Моск. Общ. Люб. Дух. Просвѣщ. 1881, дек. книга; за послѣднее время выдающіяся работы по данному предмету профессоровъ Н. Н. Любовича, Исторія реформаціи въ Польшѣ. Варшава, 1883, и Н. И. Карѣева, Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. М., 1886.

могло случаться, что и оттуда проникали къ намъ ревностные приверженцы протестантства. Спеціальная же миссія снаряжается къ намъ, и прямо къ государю, какъ только протестантство достигло въ королевствѣ своего апогея и его представители мечтали объ удержаніи за нимъ выгоднаго положенія. Къ этой порѣ, въ виду бездѣтности Сигизмунда Августа, выростала въ королевствѣ также партія, считавшая возможной кандидатуру московскаго царя на польско-литовскій престолъ. Но въ королевствѣ, съ другой стороны, не только не желали полнаго общенія Москвы съ нимъ и Западомъ, но у Литвиновъ жила идея держать и саму Литву въ нѣкоторой обособленности отъ Польши; не безъ послѣдней цѣли видные литовскіе магнаты покровительствовали распространенію реформаціоннаго движенія въ своей странѣ. Мысль о привлеченіи въ протестантство возможнаго царственнаго кандидата на королевскій престолъ потому могла легко зародиться въ королевствѣ. И вотъ за нѣсколько лѣтъ до смерти Сигизмунда Августа, когда на сендомирскомъ синодѣ, на которомъ собралось до 70 однихъ духовныхъ представителей и множество польско-литовской знати, между вожаками трехъ главныхъ толковъ—реформатскаго, богемскаго и лютеранскаго—установлялось (14 апрѣля 1570 г.) важнѣйшее соглашеніе (consensus), легшее потомъ въ основу позднѣйшихъ соглашеній между протестантами, находилась уже въ Москвѣ тайная миссія, проникшая сюда въ королевскомъ посольствѣ.

Съ цѣлію заключенія перемирія между Россіей и Польшей, Сигизмундъ Августъ прислалъ къ Грозному своихъ большихъ пословъ, воеводу иновлоцлавскаго Ивана Кротовскаго, радзіевскаго старосту Рафаила Лещинскаго, минскаго кастеляна Николая Тальвоша и королевскаго секретаря Андрея Ивановича. Они держались евангелическаго исповѣданія, Кротовскій принадлежалъ къ общинѣ чешскихъ братьевъ, первые двое были Поляки, двое другихъ Литовцы. Свита отличалась многочисленностью. По тогдашнему обычаю съ послами двигался цѣлый вооруженный торговый караванъ: съ ними было 718 людей, да купеческихъ 643, лошадей 900. Для совершенія богослуженія и поученія въ вѣрѣ братьевъ и евангеликовъ находился проповѣдникъ Иванъ Рокита; у католиковъ былъ пріоръ Джеріо, въ

письмѣ къ венеціанскому дожу мрачно изобразившій въѣздъ царя Іоанна въ Москву и его характеръ.

Пасторъ Иванъ Рокита, Чехъ, родомъ изъ Лютомышля, считался однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ общины чешскихъ братьевъ, жившихъ въ Польшѣ, гдѣ онъ съ 1569 года до самой смерти въ 1591 году былъ «старшимъ» этого союза въ городахъ Голуховѣ и Козминкѣ. Получивъ образованіе въ Германіи, зная латинскій, нѣмецкій и славянскій языки и отличаясь даромъ слова, онъ не упускалъ случая присутствовать на различныхъ протестантскихъ собраніяхъ и принимать живое участіе въ спорахъ по дѣламъ вѣры. Переговоры веденные въ Польшѣ въ 1555 году о соединеніи реформатовъ, лютеранъ и братьевъ сильно волновали его; былъ онъ на общемъ синодѣ (1557 года) братьевъ Слезанахъ, въ Моравіи, въ качествѣ депутата общины на синодѣ въ Голуховѣ, въ Великой Польшѣ, реформатскихъ синодахъ въ Ксенжѣ-Велькомъ (1560 г.) и Буженинѣ (1561 г.) въ Малой Польшѣ и др. Въ сборникѣ церковныхъ пѣсней общины, явившемся въ 1561 году, нѣсколько пѣсенъ принадлежали перу Рокиты. Выдержавъ публичный диспутъ съ антитринитаріями въ Петроковѣ (1565 г.) въ присутствіи Сигизмунда Августа, желавшаго въ точности узнать ученіе той и другой секты, онъ способствовалъ затѣмъ разоблаченію и другихъ нападеній на ученіе братьевъ.

Кругъ подобной дѣятельности однако не удовлетворялъ его. Ему хотѣлось испробовать свои силы за сѣверовосточною границей, въ предѣлахъ Московскаго государства.

Въ настроеніи чешскихъ братьевъ данной поры было много отличнаго съ настроеніемъ ихъ предшественниковъ. Чешскіе раціоналисты XV вѣка сами искали истинную христіанскую церковь, какъ они понимали ее, и въ своихъ поискахъ снаряжали парочитыя посольства на Востокъ, въ Іерусалимъ, Египетъ, Константинополь, Московію и пр. Гоненія, воздвигнутыя на нихъ государями Габсбургскаго дома, потребовавшими, чтобы братья или возвратились въ католичество или соединились съ болѣе умѣренными гуситами, утраквистами, побудило ихъ укрыться въ сосѣднюю Польшу. Къ протестантскому движенію они, естественно, относятся съ полнымъ сочувствіемъ, заводятъ сношенія съ Лютеромъ и Кальвиномъ и усвои-

ваютъ многое изъ ученія этихъ проповѣдниковъ. Увѣренность въ правотѣ своихъ убѣжденій и желаніе распространять его среди другихъ, принадлежавшія протестантамъ, сообщаются и братьямъ, и они, найдя опору въ нѣмецкомъ протестантствѣ, вмѣсто прежнихъ попытокъ отыскать идеальную христіанскую общину, уже мечтаютъ о пропагандированіи своихъ взглядовъ. На такой почвѣ возникаетъ у нихъ религіозная миссія къ намъ Рокиты, которому сеніоры поручили позаботиться о сближеніи съ Русскою церковію и попытаться склонить въ новое вѣроисповѣданіе самого царя. Послы, съ которыми онъ ѣхалъ, конечно, знали о тайномъ порученіи ему. Предъ отправленіемъ въ Москву онъ, въ письмѣ къ одному изъ членовъ братства, Матвѣю Червенкѣ, выражалъ надежды на успѣхъ своей проповѣди. Указавъ на трудности путешествія, онъ продолжалъ: «меня утѣшаетъ, что этотъ народъ говоритъ на славянскомъ языкѣ и, можетъ быть, благодаря этому обстоятельству, Богъ проявитъ знаніе о Себѣ въ этомъ глубокомъ мракѣ. Наши уже пресытились манною, и ихъ рвеніе къ благочестію охладѣваетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что царствіе Христово распространится до послѣднихъ предѣловъ міра. До сихъ поръ Сѣверъ былъ погруженъ въ глубочайшій мракъ; но если Господу будетъ благоугодно возжечь тамъ нѣкій свѣточъ и распространить царство Христово, то я охотно посвятилъ бы на это всю жизнь. А потому я готовъ служить этимъ Христу, моему Господу, а остальное пусть будетъ, какъ будетъ. Когда-то предки наши ходили въ отдаленныя страны искать источниковъ истины, не остались ли они гдѣ въ совершенной чистотѣ; можетъ быть, и мнѣ Богъ доставляетъ подобный случай: посѣтить сѣверныя страны, да распространится слава Его и церкви братьевъ. Если считаешь нужнымъ дать какой-нибудь совѣтъ, то прошу тебя, будь такъ добръ, выскажи свое сужденіе, потому что я смотрю на это дѣло не какъ на частное, но какъ на общественное. Остальное да будетъ въ волѣ Божіей» [1].

---

[1] Slovník naučný, dil. VII, str. 619; Encyklopedya powszechna, т. XXII, буква R; Ant. Gindely, Geschichte der Böhmischen Brüder. Prag. 1857—1858, I—II; Quellen zur Geschichte der Böhmischen Brüder. Wien. 1859 (извлеч. у Fechner'a, I, 64—67); Карамзинъ, IX, стр. 99, прим. 329; Ю. Анненковъ, Гусситы въ Россіи въ XV и XVI столѣтіяхъ, въ Странникѣ 1878, январь и февраль. — О

Встрѣча пословъ позамедлилась: государь производилъ кровавую разсправу съ Новгородомъ; надобно было выждать его и держать пословъ въ невѣдѣніи относительно этого дѣла. 10 января 1570 года, князь Семенъ Пронскій, смоленскій воевода, писалъ въ Москву, что «до государя идутъ великіе королевскіе послы, панове рада короны Польской и великаго княжества Литовскаго»; грамота объ ихъ встрѣчѣ была послана 1 февраля; 4 мая государь воротился въ Москву «изъ Александровской слободы», и 7 мая велѣно было посламъ представиться во дворцѣ. Пошли обычные переговоры; вмѣто мира заключили перемиріе на три года [1]. Въ началѣ же этихъ переговоровъ, именно 10 мая, у Грознаго завязались съ Рокитою жаркія пренія о вѣрѣ [2]. Обстановка устныхъ преній была самая торжественная. Они состоялись въ царскихъ палатахъ, въ присутствіи королевскихъ пословъ и русскихъ бояръ и духовенства; царь сидѣлъ на тронѣ, въ блестящей одеждѣ, Рокита напротивъ него, на убранномъ коврами возвышеніи.

Когда Рокита былъ введенъ съ почетомъ, царь спросилъ его: «кто ты?»

— Я служитель и проповѣдникъ [3] церкви Христовой, отвѣчалъ Рокита.

религіозной миссіи Рокиты Gindely говоритъ: «Er bekam von den Senioren den Auftrag, auf die Bekehrung des Czars bedacht zu sein (Gesch. d. Böhm. Brüd. II, 89).

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Польскаго двора, Статейный списокъ 1570 — 1571 г., № 9: «Пріѣздъ въ Москву полномочныхъ польскихъ пословъ коронныхъ и литовскихъ воеводъ иновраціавскаго Яна Скратошина, каштеляна минскаго Николая Тавлоша съ товарищи для постановленія на три года перемирія». Ср. о томъ же св. 1, дѣла 1570 г. №№ 1 и 4. По Статейному списку, послы были «у государя во дворѣ» 10 и 31 мая, 19 и 24 іюня, размѣнный договорный списокъ помѣченъ 22 іюня.

[2] О днѣ этихъ преній узнаемъ изъ слѣдующей помѣты на рукописи библіотеки Холмской духовной семинаріи, содержащей письменный отвѣтъ Грознаго Рокитѣ: «Colloquium habitum fuit 1570 Maji 10 die 8 ante Pentecosten» (Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ, 1878, № 8, стр. 8).

[3] «Казнодѣй». «Kaznodzieja» значитъ собственно проповѣдникъ, «казнодѣй»—строящій козни. Грозный потомъ, какъ увидимъ, воспользовался этимъ словомъ, въ насмѣшку надъ Рокитой и его единомышленниками, употребилъ его во второмъ смыслѣ.

Пасторъ слишкомъ не ясно опредѣлилъ, къ какой религіозной сектѣ онъ принадлежитъ, почему Грозный, принявъ его за лицо лютеранскаго вѣроисповѣданія, наиболѣе тогда извѣстнаго у насъ, повелъ съ нимъ бесѣду о Лютерѣ и лютеранствѣ, касаясь отчасти и другихъ протестантскихъ толковъ.

«Вы, говорилъ ему Грозный, имѣете обычай хвалиться своею евангелическою вѣрой, а расколы и постоянныя смуты такъ раздѣлили васъ между собою, что своими догматами вы ниспровергли почти всю Европу. Это казалось бы невѣроятнымъ, еслибы, къ великому нашему удивленію, не доходили до насъ почти ежедневныя извѣстія. Мы знаемъ, что воззрѣнія вашей секты заключаютъ въ себѣ догматы старыхъ еретиковъ, уже прежде отвергнутые и строго осужденные на нѣсколькихъ соборахъ мужами истинно-учеными и истинными христіанами. Удивительно поэтому, что вы защищаете сомнительное, что вы приписываете оправданіе одной лишь вѣрѣ, тогда какъ Господь, имѣющій прійти судить живыхъ и мертвыхъ, воздастъ каждому по дѣламъ его. Если одна только вѣра приноситъ вѣчное блаженство, къ чему тогда этотъ судъ? Къ чему въ Новомъ Завѣтѣ столько разъ внушается намъ о важности дѣлъ?

«Все это величайшія нелѣпости учителей вашихъ Гуса и Лютера, которые расколами и раздорами опутали вселенную; и мы хорошо знаемъ, что они произвели эти смуты, дѣйствуя не на основаніи Св. Писанія, а скорѣе по безразсудному влеченію толпы, всегда столько же невѣжественной, сколько и безсмысленно радующейся всякой новизнѣ и всякой перемѣнѣ. И какъ названные отступники отъ древней Церкви ни отъ кого не получили законной власти учительства и не прославились никакими знаменіями, о которыхъ говорилъ Спаситель нашъ ученикамъ Своимъ, такъ и ты не по праву учишь и не можешь совершить никакого чуда и вообще не долженъ почитаться за служителя Евангелія, потому что ты не уполномоченъ для этого дѣла (spartam) законною властію. Мы памятуемъ, что сказалъ троекратно великій, славный Павелъ: «какъ призывать Того, въ кого не увѣровали? какъ вѣровать въ Того, о комъ не слыхали? какъ слышать безъ проповѣдующаго? И какъ проповѣдывать, если не будутъ посланы» (Римл. X, 14—15)? Размысли теперь, Рокита,

кто васъ, жалкихъ, послалъ на проповѣдь, подумай, что̀ вы проповѣдуете, размысли, какими недостойными средствами вы, свиньи, разстраиваете драгоцѣнное спасеніе исповѣдниковъ Спасителя нашего. Живете вы невоздержно, подобно свиньямъ; какъ бы изъ ненависти къ Церкви, вы отрицаете и охуждаете различеніе пищи и посты, сохраняющіе бодрость тѣла и крѣпость духа, тогда какъ, напротивъ, Господь столько разъ заповѣдалъ намъ бдѣть и жить воздержно. Что̀ иное ваши молитвы, какъ не пустое и совершенно напрасное бормотаніе? Вы произносите много такихъ обѣтовъ, которые вамъ же самимъ приносятъ вредъ, такъ что они могутъ казаться скорѣе проклятіями. Вы ненавистны и святымъ на небѣ, которыхъ вы поносите хулами, разрушаете ихъ храмы и алтари, а они между тѣмъ, обитая въ томъ вѣчномъ небесномъ свѣтѣ, много могли бы принести вамъ пользы своимъ предстательствомъ предъ Господомъ, Который ихъ, еще обремененныхъ смертною плотію, такъ возвышалъ, что, по ихъ молитвамъ, изгонялъ бѣсовъ и воскрешалъ мертвыхъ. Священнѣйшимъ изображеніямъ ихъ не только не воздаете никакого почтенія, но и извергаете ихъ изъ храмовъ и домовъ вашихъ, тогда какъ ими слѣдовало всего приличнѣе украшать стѣны каждаго зданія. Такое злодѣйство тѣмъ болѣе должно всѣми считаться важнымъ, что вы тутъ какъ бы возносите руку на Самого Бога, Который въ должный часъ потребуетъ отъ васъ возмездія за безчестіе, а теперь посылаетъ на васъ раздоры и непоправимое смятеніе. А сколько гнуснаго въ томъ, что вы, преданные сквернымъ похотямъ, не допускаете у себя честнаго супружества! Священники ваши содержатъ незаконныхъ женъ и толпы любодѣйницъ, при всемъ томъ эти превосходные учители народа проповѣдуютъ о благочестіи. По истинѣ, какъ постигъ гнѣвъ Божій Корея, такъ, несомнѣнно, и ихъ ожидаетъ огонь геены, и они никогда не вкусятъ вѣчной радости Господа».

Царь позволилъ затѣмъ Рокитѣ отвѣчать смѣло и свободно. Тонъ, въ которомъ Іоаннъ высказалъ свое мнѣніе о чужомъ вѣроисповѣданіи, однако, не сулилъ Рокитѣ ничего добраго; пасторъ зналъ и о суровомъ правѣ Іоанна, почему онъ выразивъ опасеніе навлечь на себя гнѣвъ своею рѣчью. Грозный разрѣшалъ ему говорить безъ опасеній, изложить всю сущность евангелическаго ученія,

сулилъ большіе подарки, если онъ сможетъ «твердыми доводами устранить всѣ сомнѣнія, объяснить запутанное, внести свѣтъ въ то, что представляется темнымъ», и обѣщалъ слушать его со всѣмъ вниманіемъ и терпѣніемъ. Подстрекаемый торжественностію обстановки, Рокита произноситъ на славянскомъ языкѣ обширную рѣчь, стараясь бить на эффектъ. Онъ отвѣчалъ на каждую мысль, высказанную государемъ противъ протестантовъ; раскрывалъ и защищалъ протестантское ученіе объ оправданіи вѣрою и значеніи добрыхъ дѣлъ, объ отношеніи къ Св. Писанію и Преданію, взглядъ на значеніе Лютера, на чудеса, посты, призываніе святыхъ, почитаніе иконъ, супружество, монашество и пр. Защита его часто переходитъ въ восхваленіе протестантскихъ сектантовъ, въ рѣзкое обличеніе католической церкви, въ укоризненные намеки православнымъ; опроверженіе нѣкоторыхъ православныхъ догматовъ отличается крайнею несдержанностію. Своихъ единомышленниковъ онъ идеализируетъ въ противоположность католикамъ, о которыхъ онъ отзывается: «Отъ римской церкви мы отреклись и не привнаемъ обрядовъ и ученія людей погибшихъ, которые чтутъ лживыхъ и вымышленныхъ боговъ, воздвигаютъ дерзновенную брань противъ Бога и Спаса Божія, тщетно пытаясь истребить Его слово и имя... Они упрекаютъ насъ въ томъ, что у насъ много сектъ и раздоровъ, а между тѣмъ у нихъ постоянная распря съ церковью Восточной, отъ которой они отпали изъ одного только высокомѣрія. Кромѣ того, сколько подраздѣленій въ самомъ католическомъ мірѣ, сколько тамъ этихъ разныхъ обезьянъ древняго стоицизма, этихъ чудовищъ въ капюшонахъ, этихъ братцевъ, одѣтыхъ въ черныя рясы, что однако не мѣшаетъ имъ быть до крайности надменными. Они проповѣдуютъ суровыя правила жизни и прикрываются именами святыхъ отцевъ, а на самомъ дѣлѣ волки въ кожѣ агнцевъ, и повинуются божественнымъ законамъ только изъ корыстолюбивыхъ разсчетовъ. Это вожди слѣпые, лживые, коварные, порожденія ехиднины, сосуды, вычищенные извнѣ, гробы повапленные, внѣ дома ходятъ въ митрахъ, клобукахъ, облаченіи и выказываютъ святость, а дома преисполнены всякихъ мерзостей: лицемѣрія, несправедливости, предаются страстямъ, кривляются, лицедѣйствуютъ, сводничаютъ, играютъ въ кости, мотаютъ деньги,

приготовляютъ отравы, опиваются. Не отъ такихъ людей мы принимаемъ посвященіе въ должность проповѣдниковъ, которая даже у язычниковъ считается трудно достижимою и почетной, но отъ общины Христовой». Выражая удивленіе, что Іоаннъ требуетъ у него чудесъ для подтвержденія истинности его ученія, Рокита говоритъ, между прочимъ: «Не чудо ли, что въ сердцахъ нашихъ, какъ въ какомъ-то безсмертномъ храмѣ, обитаетъ святѣйшій Духъ Божій, благодать Котораго изгоняетъ мракъ изъ душъ человѣческихъ? Да и теперь, свѣтлѣйшій государь, разсуди, пожалуйста, развѣ не великія чудеса творитъ Богъ, ограждая нашу общину отъ наважденій и козней діявола, направляя учителей истины къ тому, чтобъ они не только сами всячески остерегались отступать отъ пути, ведущаго на небо, но стремились и всѣхъ навести на этотъ путь? Тотъ же Богъ и меня, ничтожнѣйшаго человѣка, поставилъ предъ лице твоего величества и возжегъ въ душѣ твоей ревность къ благочестію. И если то, что Онъ въ тебѣ произвелъ, благоугодно Ему будетъ укрѣпить и моими устами открыть истину этому народу, то, конечно, мой духъ найдетъ себѣ успокоеніе въ исполненіи священнѣйшей и сладчайшей Его воли». Почитаніе и призываніе святыхъ и поклоненіе иконамъ Рокита обозвалъ суевѣріемъ и идолопоклонствомъ и закончилъ свою рѣчь объ иконахъ прямою выходкой противъ нихъ, обращаясь къ нимъ во второмъ лицѣ, какъ къ существамъ одушевленнымъ [1].

---

[1] Вся эта бесѣда изложена у двоихъ современныхъ писателей, у Ласицкаго (De Russorum Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu. Spirae, 1582, 1—10) и Одерборна (Joannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita, a Paulo Oderborno. Wittebergae, 1585, Lib. I, p. E_5 и слѣд.); наиболѣе подробное извлеченіе изъ Одерборна, въ переводѣ на русскій языкъ, въ статьѣ Анненкова (Странникъ, 1878, февраль). Ласицкій представляетъ ее въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, Одерборнъ въ видѣ двухъ рѣчей. Изложеніе Одерборна, какъ кажется, ближе къ дѣйствительности, служитъ, хотя и не безъ прикрасъ, какъ бы стенографическимъ отчетомъ о бесѣдѣ; въ основу его легла рукопись свидѣтеля спора, Николая Тальвоша, сообщенная имъ Одерборну. Отдавая преимущество данному изложенію, нельзя однако не принимать во вниманіе и изложеніе Ласицкаго, въ которомъ такъ наглядно и сжато формулированы пункты рѣчей.

Какъ ни пространно и, по мѣстамъ, ни дерзко и напыщенно говорилъ пасторъ, Иванъ Васильевичъ сдержалъ свое слово: онъ выслушалъ всю рѣчь не прерывая и, велѣвъ записать ее, обѣщался представить письменное ея опроверженіе. Рокита, между тѣмъ, видя, что Іоаннъ ничего тотчасъ не сказалъ ему въ отвѣтъ, принялъ было это за знакъ своей побѣды, подумалъ, что произвелъ рѣчью побѣждающее впечатлѣніе, въ чемъ глубоко обманулся. Онъ не понималъ ни характера Іоанна, ни того, какъ тѣсна была у насъ связь между Православною церковью, народомъ и государствомъ, и какое значеніе имѣло у насъ отечественное вѣроисповѣданіе для національнаго и государственнаго развитія. Надѣяться на успѣхъ отъ діалектики и красивыхъ рѣчей могъ только человѣкъ пришлый, не знакомый съ русскою дѣйствительностью.

Изъ устной, полемика превращается въ письменную. Когда было доставлено Ивану Васильевичу письменное изложеніе рѣчи, онъ быстро написалъ довольно подробное опроверженіе и въ дорогомъ парчевомъ переплетѣ, съ украшеніями изъ жемчуга, незадолго до отпуска пословъ, передалъ (18 іюня) [1] Рокитѣ. Книгу отвезъ пасторъ съ собою, и это послужило поводомъ литовскому евангелику Ласицкому перевести ее на латинскій языкъ и сочинить противъ нея апологію своего ученія, ссылаясь, въ свое оправданіе, на примѣръ Лютера, писавшаго опроверженіе мнѣній короля англійскаго Генриха VIII [2].

---

[1] О времени узнаемъ опять изъ надписи на рукописи Холмской духовной семинаріи, гдѣ читается: «Johannis Basilii magni ducis Moscoviae responsum datum Johanni Rokyta legatorum regis Poloniae S. Augusti concionatori anno 1570 Junii 18 die» (Холмско-Варшавск. Епарх. Вѣстн. 1878, № 8, стр. 8). Сообщеніе (Fechner, I, 72), будто бы государь передалъ Рокитѣ свой письменный отвѣтъ 1 мая, на прощальной аудіенціи пословъ, очевидно, основано на какомъ-то недоразумѣніи: до этого времени послы, какъ ясно изъ указаннаго выше Статейнаго списка, еще не видали государя.

[2] Латинскій переводъ письма Ивана Васильевича и апологія Ласицкаго изданы въ указанномъ выше сборникѣ послѣдняго, стр. 11 и слѣд.; письменный же отвѣтъ Рокиты Ивану Васильевичу не сохранился, если не считать взятою изъ него «рѣчь», помѣщенную у Одерборна.

Въ русскомъ спискѣ разборъ Ивана Васильевича письменной рѣчи Рокиты носитъ заглавіе: «Отвѣтъ государевъ» [1]. Опровергая доводы противника, царь излагалъ и православное ученіе о спорныхъ пунктахъ, чтобы лучше ознакомить пастора съ этимъ ученіемъ, и такимъ образомъ подробнѣе развилъ мысли, высказанныя и предрѣшенныя имъ въ первой своей устной рѣчи.

Собственно «Отвѣту» Иванъ Васильевичъ предпосылаетъ введеніе, объясняя въ немъ свои побужденія къ новой бесѣдѣ съ Рокитой. Царь утверждалъ, что онъ не хотѣлъ было говорить съ Рокитой о вѣрѣ, какъ о томъ предупреждалъ его и прежде, потому что Рокита ведетъ бесѣду для испытанія, а не ради вѣры. Господь училъ не давать святое псамъ и не метать предъ свиньями бисеръ (Мѳ. VII, 6), то-есть не сообщать и не исповѣдывать божественнаго слова предъ невѣрными и невѣрующими Священному Писанію, какъ предъ недостойными слышать о немъ и какъ такими, которые и попираютъ

---

[1] Оно стало извѣстно очень недавно. Еще Рущинскій (Чт. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1871, III), пр. Макарій (Ист. Русск. церкви, 1877, VIII, 408) и Ю. Анненковъ (Странникъ, 1878, III, 347), думали, «что это любопытное опроверженіе», какъ и все предшествующее собесѣдованіе царя съ Рокитой, сохранилось «только въ латинскомъ переводѣ». Сообщеніе «Древней и Новой Россіи» (1878 года, № 2, отдѣлъ «Замѣтки и Новости», ср. № 3), что въ библіотекѣ Холмской духовной семинаріи священникомъ Семеновичемъ открытъ русскій списокъ отвѣта царя Ивана Васильевича Яну Рокитѣ, побудило А. Попова издать найденный имъ въ 1874 году и хранившійся у него другой списокъ того же отвѣта. Онъ издалъ его, вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ Ласицкаго, въ Чт. Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1878, кн. II, стр. 1—61, 1—33; не замедлили съ изданіемъ экземпляра, найденнаго Семеновичемъ, отпечатавъ его въ приложеніи къ 13 и 18 №№ Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника за 1878 г. Наконецъ отыскался третій экземпляръ отвѣта, въ рукописяхъ Погодина, № 1.597, гдѣ онъ по ошибкѣ озаглавленъ: «Рѣчь великаго царя Ивана къ Максиму Греку-Святогорцу (А. Ѳ. Бычковъ, Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей Имп. Публ. Библ. 76, 526). Самый древній и лучшій изъ нихъ, XVI вѣка, экземпляръ Холмской духовной семинаріи: подраздѣленія въ немъ на «слова» или «статьи» соотвѣтствуютъ дѣленію латинскаго перевода и въ первомъ и второмъ «словахъ» онъ нѣсколько полнѣе экземпляра Попова; описатель его предполагаетъ (Холм.-Варш. Вѣсти. 1878, № 8, стр. 10—11, № 10, стр. 6—7), что это, быть можетъ, подлинникъ, врученный Іоанномъ Рокитѣ.

слова, и приводятъ въ смятеніе и бесчестятъ самого говорящаго; слово спасенія имъ въ погибель; ап. Павелъ также писалъ къ Титу: «Еретика, послѣ перваго и втораго вразумленія, отвращайся, зная, что таковой развратился и грѣшитъ, будучи самоосужденъ» (Титу, III, 10—11). Руководствуясь этимъ, а равно обремененный множествомъ государственныхъ дѣлъ, онъ былъ уже намѣренъ совсѣмъ не отвѣчать Рокитѣ; но, не услыша опроверженія, Рокита могъ бы подумать, что его собесѣдникъ не понимаетъ свойствъ излитаго имъ, Рокитою, яда, не умѣетъ отвѣтить и не знаетъ Писанія или согласенъ съ его ученіемъ, или что нѣтъ среди христіанъ разумѣющаго истину въ тайнѣ христіанской. Изъ опасенія подобнаго перетолкованія и въ желаніи обезоружить врага, онъ рѣшается не молчать и отвѣтить по крайней мѣрѣ вкратцѣ.

Опроверженіе состоитъ изъ 14 «словъ» или «статей», то-есть отдѣловъ, главъ, быть можетъ, соотвѣтственно составу и плану письменнаго отвѣта Рокиты. Первыя три главы содержатъ сужденіе о достоинствѣ Лютера и его послѣдователей; въ четвертой разоблачается противорѣчіе лютеранъ самимъ себѣ, когда они, утверждая, будто ведутъ свою проповѣдь отъ древнихъ учителей, отвергаютъ преданіе и чудеса, коими эти учителя подтверждали свое ученіе, пятая разъясняетъ, какое значеніе имѣютъ для христіанъ ветхозавѣтные заповѣди и обряды; шестая разбираетъ ученіе лютеранъ объ оправданіи вѣрою, о дѣлахъ и о Христѣ, Его Матери и Святыхъ въ дѣлѣ нашего спасенія, въ седьмой, осьмой и девятой опять идетъ рѣчь о Лютерѣ и его послѣдователяхъ; десятая защищаетъ постъ, одиннадцатая призываніе святыхъ и необходимость литургіи, двѣнадцатая развиваетъ мысли объ искупленіи, намѣченныя въ шестой главѣ, въ тринадцатой защищается иконопочитаніе, въ четырнадцатой монашество, и въ заключеніи содержится строгое запрещеніе Рокитѣ и его единовѣрцамъ распространять свое ученіе въ предѣлахъ Московскаго государства [1].

---

[1] Означаемъ содержаніе главъ по Холмской рукописи. Въ экземплярѣ Попова третья глава («слово») слита со второй, почему четвертая глава въ немъ является третьей, пятая — четвертой и т. д., а четырнадцатой главой означено уже заключеніе.

Такъ какъ расположеніе мыслей весьма часто лишено здѣсь стройности и послѣдовательности и еще ярче, чѣмъ въ сочиненіяхъ другихъ современныхъ книжниковъ, не знавшихъ систематическаго школьнаго обученія, выступаютъ уклоненія и повторенія, то постараемся сгруппировать излагаемыя въ «Отвѣтѣ» мысли безъ строгаго соблюденія плана самого произведенія, чтобы тѣмъ удобнѣе обрисовать кругъ вопросовъ, обсуждаемыхъ здѣсь, и выяснить точку зрѣнія на нихъ и полемическіе пріемы автора.

Какъ и въ устной рѣчи, самымъ выдающимся вопросомъ былъ опять вопросъ о самомъ Лютерѣ и его послѣдователяхъ. Лютеръ, по мнѣнію Ивана Васильевича, былъ самовольный похититель учительскаго права и вполнѣ достоинъ своего имени, согласовалъ съ нимъ свою жизнь: онъ по истинѣ Люторъ, то-есть человѣкъ лютый, свирѣпый, потому что весьма люто устремлялся на краеугольный камень Церкви Христа, разорялъ Его божественные уставы, перетолковывалъ ученіе Его учениковъ и апостоловъ, извращалъ установленія святыхъ отцовъ и училъ не по смыслу Писанія, а по своему растлѣнному разуму (гл. I). Написавъ, будто Лютера избралъ христіанскій соборъ, Рокита долженъ бы указать, кто его выбралъ, кто ставилъ и въ какой степени онъ былъ, апостолъ или епископъ. Лютеръ принадлежитъ къ тѣмъ ложнымъ учителямъ, о которыхъ писалъ ап. Павелъ (Посл. къ Римлянамъ, X, 13—15). Какъ же ему учить, когда онъ не посланъ и искажаетъ истину (гл. 9)?

По дереву познается плодъ, по учителю его ученики. Подобно Лютеру, всѣ его послѣдователи и проповѣдники лютеранства учители ложные, не имѣющіе божественнаго посланничества и извратители христіанскаго ученія и церковныхъ уставовъ и преданій. «Какъ сатанаилъ, сверженный съ неба, вмѣсто ангела свѣтла названъ былъ тьмой и прелестью и его ангелы демонами, такъ и вашему начальнику, обращается Іоаннъ къ Рокитѣ и всѣмъ вообще единомышленникамъ Лютера,—имя Люторъ, а вы, его послѣдователи—**козподѣи**, прелестники, потому что козньствуете всякое Божественное Писаніе и не истинно исповѣдуете. Господь указалъ свойства ложныхъ учителей: они суть волки въ овечьихъ кожахъ, подъ смиренною одеждой, подъ неопасною наружностью приносятъ соблазнительное и опасное

ученіе; они сущіе тати и разбойники, не входятъ во дворъ овчій прямо, но прелазятъ инымъ путемъ, пастырь же овцамъ входитъ дверьми, привратникъ отворяетъ ихъ ему, и овцы слушаютъ его голоса (Еванг. Іоан. X, 1—3): такъ и вы, перелѣзши чрезъ преграду божественнаго ученія и ставши на учительскомъ мѣстѣ, Христовыхъ словесныхъ овецъ, которыхъ Онъ искупилъ Своею кровію, крадете и разбиваете точно тати, потому что ни по чьему повелѣнію не пришли крезъ двери (гл. I). Основаніе церкви, Христосъ послалъ на проповѣдь своихъ Апостоловъ, давъ имъ власть пасти словесное стадо и вязать и разрѣшать отъ грѣховъ, на свое мѣсто и они ставили другихъ, передавая имъ свою власть, и она преемственно доселѣ сохраняется въ Церкви. Вашего же Лютера и васъ кто поставилъ (гл. 8)? Самовольно вскочивъ на учительство и войдя не дверьми, вы тати и разбойники» (гл. I). Слушая Лютера и слѣдуя ему, хотя и говорятъ, будто слѣдуютъ Христу и древнимъ писаніямъ, лютеране извращаютъ христіанское ученіе, отвергаютъ церковные уставы и преданія, являются врагами богооткровенной христіанской истинѣ и отсюда самому Христу; они люди антихриста, не достойные называться христіанами. «Называешь себя ты, Рокита, христіаниномъ, опять обращается къ нему государь, но ты, по слову Апостола (2 Посл. Іоанна, 7—11), не христіанинъ, потому что развращаешь Христово ученіе и отметаешь ученія апостоловъ и святыхъ отцовъ (гл. 2—3). Ты врагъ креста Христова, среди пшеницы сѣешь плевелы и истину претворяешь въ ложь, какъ сказалъ Господь въ Евангеліи: «Вашъ отецъ діаволъ, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Когда говоритъ онъ ложь, говоритъ свое: ибо онъ лжецъ и отецъ лжи» (Еванг. отъ Іоан., VIII, 44). Вы искажаете Писаніе по своему желанію. Ап. Павелъ сказалъ, что никто не можетъ положить иного основанія, кромѣ лежащаго, который есть Іисусъ Христосъ. Вы же, обращаясь къ учителямъ ложнымъ и избѣгая истинныхъ священниковъ, учителей, святителей и апостоловъ и какъ бы снова распиная на себѣ Христа, развращаете само Христово повелѣніе и самовластно учите. Тотъ же апостолъ писалъ къ Галатамъ: «Еслибы даже мы или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что̀ мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема»

(Посл. къ Галат. I, 8—9). Но вы отвергли преданіе апостольское и тѣмъ, по апостолу, сами себя проклинаете, почему и мы наводимъ праведный судъ на васъ, какъ на враговъ истины и поборниковъ нечестія, людей антихриста, то-есть сопротивника. Напрасно лютеране стараются оправдать себя чрезъ сопоставленіе съ Римлянами: латины — соблазнъ, но и они тьма. Если кто выведетъ кого-либо изъ несвѣтлой тюрьмы и затворитъ его въ другой, темной и мрачной: что̀ пользы (гл. 8)? Какъ сатана повсюду прельщаетъ людей, такъ и лютеране со своимъ учителемъ способствуютъ бѣсовской прелести (гл. 9). Нравственность ихъ соотвѣтствуетъ ихъ ученію. Вопреки ученію апостола поступать христіанамъ такъ, какъ поступалъ Христосъ (1-е Посл. Іоанна, II, 6), они все отвергли и уставили жизнь по своимъ прихотямъ (гл. 5). У нихъ творятся всѣ тѣ грѣхи, за которые, какъ писалъ апостолъ Павелъ къ Коринѳянамъ (VI, 9—10), виновные не наслѣдуютъ царствія Божія (гл. 7).

Можетъ ли быть истинно ученіе, когда таковы учителя? Оно преисполнено лжи. Лютеране учатъ, что спасаемся вѣрою чрезъ одно посредство Іисуса Христа. Слова апостола Іакова, примѣры ветхозавѣтныхъ праведниковъ и истинныя заслуги Іисуса Христа въ дѣлѣ нашего спасенія указываютъ, какъ это неполно и далеко отъ истины. «Что̀ пользы, братія моя, писалъ апостолъ Іаковъ, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? Можетъ ли эта вѣра спасти его?... Вѣра, если не имѣетъ дѣлъ, мертва сама по себѣ... И бѣсы вѣруютъ и трепещутъ... Не дѣлами ли оправдался Авраамъ, отецъ нашъ, возложивъ на жертвенникъ Исаака, сына своего? Видишь ли, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его и дѣлами вѣра достигла совершенства?... Видите ли, что человѣкъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою одной?» (Посл. Іакова, II, 14—24). И если апостолъ Павелъ писалъ о вѣрѣ (Посл. къ Евр. XI, 4—11), а апостолъ Іаковъ о дѣлѣ, распри между ними нѣтъ, но полное согласіе: одинъ подтверждалъ дѣла, другой утверждалъ вѣру, чтобы къ одной пользѣ спасенія человѣка вело то и другое; и въ иныхъ мѣстахъ, въ посланіи къ Римлянамъ (V, 20—21, VI, 1—4), тотъ же ап. Павелъ говорилъ о значеніи дѣлъ для угожденія Господу. Основаніе спасенія, конечно, Господь Іисусъ Христосъ, какъ учитъ Священное Писаніе,

и святые отцы, руководствующіе несвѣдущихъ въ пониманіи таинъ. Ап. Павелъ повелѣвалъ укрѣпляться въ благодати Христомъ Іисусомъ и повелѣвалъ другихъ научать тому (1 Посл. Тимоѳ., II, 1—2); и всѣ истинные вожди и наставники не на своемъ основаніи полагали, но приводили къ основанію Христову, потому что начало есть Христосъ. Къ Коринѳянамъ писалъ Апостолъ, что «никто не можетъ положить другаго основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ» (1 Посл. къ Кор., III, 9—11), и къ Тимоѳею, что благодать Господа нашего открылась въ немъ обильно съ вѣрой и любовію во Христѣ Іисусѣ (1 Посл. къ Тимоѳ. I, 12—14). Господь Іисусъ есть ходатай къ Богу и Отцу о людяхъ. Свершеніемъ плотскаго смотрѣнія Его разрушается Адамовъ грѣхъ, благодатію Христовой выходимъ изъ купели очищенными ото всякаго грѣха, но человѣкъ обязывается исполнить всѣ Его заповѣди, иначе ему не въ пользу и Христово воплощеніе. Если Владыка столько пострадалъ за рабовъ, какъ же мы не хотимъ соблюдать и совершать Его заповѣди? Господь сказалъ: «Если кто служитъ Мнѣ, и Мнѣ да послѣдуетъ», и еще: «Не всякій говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего небеснаго» (Ев. отъ Матѳ. VII, 21). «Видишь ли, какъ Господь не велитъ лѣниться дѣлать благое?» спрашиваетъ Иванъ Васильевичъ Рокиту, и затѣмъ, указавъ еще нѣсколько невѣрностей въ словахъ пастора, продолжаетъ: «А что писалъ ты о воплощеніи Слова Божія, что почался сынъ Слово Божіе отъ Пречистыя Богородицы, то писалъ еретическое. Апостолъ Павелъ говорилъ о семъ къ Филипписеямъ: «Въ васъ должны быть тѣ же чувства, какія и во Христѣ Іисусѣ. Онъ, будучи образомъ Божіимъ, не хищеніемъ почиталъ быть равнымъ Богу, но уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ и по виду ставъ, какъ человѣкъ» (Посл. къ Филипп. II, 5—7). Видишь ли, что не иной воплотился отъ Приснодѣвы Маріи; для нашего спасенія заимствовалъ отъ Нея плоть, но единъ Отца Сынъ собезначальный и единосущный, соприсносущное Слово Божіе Отцу и Духу, совершенный Богъ и человѣкъ. Мы знаемъ о страданіи, воскресеніи и вознесеніи Христа и о сѣденіи одесную Отца, но ты о томъ не написалъ... Мы, истинные христіане, вѣруемъ, что хода-

тай къ Богу нашему и Отцу, и начало спасенія и посредникъ о людяхъ Христосъ Богъ, Которому, бывъ спасены Его страданіями, покланяемся со Отцомъ и Пресвятымъ Духомъ во единомъ существѣ и трехъ лицахъ, молимъ Его, славословимъ и превозносимъ во вѣки, просимъ отпущенія грѣховъ, наслѣдія небеснаго царствія и всего полезнаго душамъ и тѣламъ нашимъ, какъ Бога, царя и создателя всѣмъ и все содержащаго въ рукѣ Своей... А что̀ писалъ о ходатайствѣ Божіи и о имени, что нѣтъ спасенія и отпущенія грѣховъ о другомъ имени, кромѣ Христова, и о имени Его животъ вѣчный,— то и мы такъ вѣруемъ, только мы приводимся къ сему Его учениками, апостолами и богоносными отцами... А что̀ писалъ, что грѣхи отпущаются даромъ по благодати, а не сопряженными дѣлами, что грѣхъ изыдетъ не дѣлами; то прочти слова Господа во Евангеліи: «Кто не беретъ креста своего и слѣдуетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня» (Ев. отъ Матѳ. X, 37; отъ Марка, X, 29). Крестъ есть распятіе своихъ мірскихъ желаній и хожденіе за Іисусомъ. А что̀ писалъ, что Богъ Отецъ для заслуги Сына Своего принялъ чезовѣка въ Свою милость и грѣхи отпущаетъ даромъ, то ересь Аріева, потому что тѣмъ представляешь Сына ниже Отца, повиннымъ, служебнымъ. Сынъ собезначаленъ Отцу, нераздѣленъ и несліяненъ, соприсносущенъ Святому Духу, равночестенъ Имъ, а не служебенъ; едина воля и хотѣніе Отца и Сына и Святаго Духа, единъ отъ Святой Троицы содѣлалъ человѣкамъ спасеніе со Отцемъ и Духомъ (Ев. Іоанна, I, 1 — 3, XIV, 10, 13, 21; V, 20 — 23, XV, 26, XVI, 13—15; X, 17—19, XI, 41—42; XIV, 23, XVIII, 1; Посл. къ Филипп. II, 6), потому что гдѣ естъ Сынъ, тамъ и Отецъ и Духъ, и гдѣ Духъ, тамъ и Отецъ и Сынъ. По искупленіи насъ, Господь Іисусъ Христосъ сталъ нашимъ ходатаемъ, избавителемъ отъ вѣчныхъ мученій. До Его воплощенія всѣ люди сходили въ адъ, не исключая и праведно поживщихъ, какъ повинныхъ Адамову грѣху; по воплощеніи демоны уже не имѣютъ силы болѣе удерживать въ своей власти праведниковъ: потому что вселившійся въ насъ Богъ Слово оживляетъ насъ и, освобождая отъ Адамова грѣха, дѣлаетъ выполняющихъ заповѣди Его сопричастными вѣчной жизни (гл. 6); «потому что гнѣвъ Божій и вражда, пребывающіе въ людяхъ отъ

Адама до воплощенія, Христовымъ божественнымъ плотскимъ смотрѣніемъ разрушились, побѣждено все: и смерть, и грѣхъ, и діаволя держава; Христовою благодатію люди стали самовластны и научены, какъ побѣждать князя тьмы вѣка сего и міродержителя, и по исполненіи воли Божіей дѣйствіемъ Святаго Духа становятся наслѣдниками Царствія небеснаго. Самовластно не принимающіе заповѣдей Христовыхъ и самовластно покоряющіеся діаволу сидутъ въ муку вѣчную, подобно тому какъ до Христова пришествія, когда, ради Божія гнѣва и проклятія Адаму, діаволъ имѣлъ власть надъ всѣми, даже и надъ праведными, и сводилъ души ихъ въ адъ. По пришествіи въ міръ, Іисусъ Христосъ своимъ воплощеніемъ, распятіемъ и воскресеніемъ разрушилъ сію клятву, примиривъ Бога съ человѣкомъ, сдѣлалъ человѣка самовластнымъ, какъ и Адама до преступленія, совершать добро и зло, научилъ какъ исполнять заповѣди Его и Отца и Святаго Духа и быть наслѣдниками небеснаго царствія; при вознесеніи на небо Онъ передалъ это Своимъ ученикамъ и апостоламъ, посылая ихъ на проповѣдь и повелѣвая имъ и другихъ тому научать—вотъ въ чемъ состоитъ ходатайство Господа нашего Іисуса Христа». Такъ учитъ писаніе, внушаютъ апостолы и святые отцы и такъ поется въ церковныхъ пѣсняхъ. Приведя относящіяся сюда священныя изреченія и пѣсни, царь говоритъ Рокитѣ: «И много сказалъ бы тебѣ отъ Божественнаго Писанія, но ты о семъ, какъ онагръ, не вѣруешь и, точно аспидъ глухой, затыкаешь уши свои и не слышишь голоса истины, какъ должно вѣровать и заповѣди Христовы совершать и знать, въ чемъ состоитъ ходатайство Господа нашего Іисуса Христа» (гл. 12).

Уклоненіе отъ истины и непониманіе ея у лютеранъ во многомъ обусловлено тѣмъ, что они не относятся съ должнымъ уваженіемъ къ руководству въ пониманіи Писанія и въ дѣлѣ спасенія ученію апостоловъ и св. отцовъ, не воздаютъ имъ должнаго почитанія. «Если не хочешь, изобличаетъ Грозный Рокиту, восхвалять святыхъ отцовъ и святыхъ апостоловъ, слѣдовать ихъ руководству и называть ихъ наставниками въ спасеніи, надобно тебѣ не вѣровать и ихъ писанію; а если не вѣровать писанію, то откуда узнаешь, что есть Богъ, славимый въ Троицѣ, зачѣмъ сошелъ Іисусъ съ неба, воплотился,

пострадалъ, воскресъ и вознесся на небеса, и то, какъ исполнять заповѣди Божіи. Ученіе отцовъ и апостоловъ озаряетъ свѣтомъ вѣры: почитая ихъ и молясь имъ, и можно вѣровать Писанію и научиться изъ него. И всѣ тѣ, которые будутъ подобны тебѣ, надменный, прельщенный діаволомъ, будутъ точно скоты, ничего не разумѣя» (гл. 12). Нельзя укорять насъ, будто мы боготворимъ апостоловъ и святыхъ. Апостоловъ мы почитаемъ, какъ учениковъ и посланниковъ Слова Божія, наставниковъ и руководителей въ нашемъ спасеніи; для того мы молимся имъ, да лучше уразумѣемъ ихъ писанія и да имѣемъ ихъ помощниками въ спасеніи. Такъ же почитаемъ страстотерпцевъ, пострадавшихъ за истинное благочестіе и возбуждающихъ въ насъ ревность къ совершенію благочестія; почитаемъ преподобныхъ, какъ исполнителей апостольскаго ученія и направляющихъ насъ на путь благочестія. Болѣе всѣхъ ихъ чтимъ Пречистую Богородицу и Приснодѣву Марію. Она послужила тайнѣ искупленія, вмѣстивши въ себѣ невмѣстимаго Бога; Ею примирились мы съ Богомъ и разрушилась вражда Адамова; имѣя ко Господу дерзновеніе матери, Она восполняетъ благодатію Христовой все недостающее въ насъ. И сей, какъ заступницѣ и предстательницѣ всего рода христіанскаго, молимся и просимъ у Нея помощи, да умолитъ Творца и Сына Своего и Бога нашего о нашихъ согрѣшеніяхъ, да подастъ намъ Христосъ Богъ нашъ Ея молитвами получить и принять наслажденіе будущихъ благъ. «Мы вѣруемъ, что единъ ходатай нашъ Іисусъ Христосъ; Пречистая Его Богоматерь всѣхъ владычица и ходатаица и заступница всѣмъ христіанамъ; всѣ апостолы, пророки и всѣ святые почитаются, какъ служители правдѣ и наши наставники, приводящіе ко Христу, почему покланяемся и мощамъ святыхъ, да найдемъ у нихъ бо́льшую помощь». Апостолъ Павелъ учитъ: крестясь единымъ Духомъ, мы крестимся во едино тѣло, составляя его во Христѣ, какъ члены, и страдаетъ одинъ членъ, страдаютъ всѣ члены, славится одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены, и каждый заботится о другомъ. Святые, это—высшіе члены, они имѣютъ различные дары къ исцѣленію и наученію (1 Посл. къ Коринѳ. XII, 7 — 30). «А что̀ писалъ Рокита, что нѣтъ спасенія и отпущенія грѣховъ о другомъ имени, кромѣ Христова, и о имени Его животъ вѣчный,—

мы такъ и вѣруемъ, только сими Его учениками, апостолами и богоносными отцами къ тому приводимся и наставляемся на истинный путь» (гл. 6).

Почитая святыхъ, должно чтить и священныя изображенія ихъ, иконы. Ссылка Рокиты на слова второй заповѣди Десятословія и другія ветхозавѣтныя изреченія о кумирахъ безразсудна; онъ не умѣетъ различить святаго и мірскаго, иконы Христа отъ Аполлонова идола, иконы Богородицы отъ изображенія Діаны. Идолослуженіе—образно и скверно; подобіе же Христово, пречистыя Его Матери и всѣхъ святыхъ—первообразно и полезно къ спасенію. Въ идолослуженіи—требища, жертвы, пролитіе крови; въ иконопочитаніи—церкви, духовная молитва, сердечная жертва. «Не думай, объясняетъ государь Рокитѣ, что мы боготворимъ сіи: мы поклоняемся, воздавая честь первообразному, но не самому изображенію и не доскамъ кланяемся. Ты ссылаешься на Моисеевъ законъ, и я приведу тебѣ самого Моисея: какъ же онъ сдѣлалъ два золотые херувима во Святая Святыхъ, на завѣсѣ изоткалъ подобіе небесныхъ, сдѣлалъ Кивотъ Завѣта, окованный золотомъ, и въ немъ хранилъ стамну съ манной, прозябшій жезлъ Аароновъ и скрижали завѣта, и всѣмъ этимъ предметамъ поклонялись Іудеи и такъ чтили Святая Святыхъ?» Иконопочитаніе подтверждаютъ иконы, происхожденіе которыхъ относится ко временамъ апостольскимъ: нерукотворенный образъ Христа, икона Божіей Матери, написанная Ев. Лукою и пребывающая въ Москвѣ, и другія; совершенныя чрезъ иконы многочисленныя чудеса, и достоинство изображаемыхъ, Господа Іисуса Христа, симъ образомъ изволившаго воплотиться и спасти насъ, пречистой Его Богоматери, примирившей насъ съ Богомъ, небесныхъ силъ, ходатайствующихъ о насъ, и всѣхъ святыхъ, совершителей заповѣдей Божіихъ, нашихъ наставниковъ, подражая которымъ мы надѣемся сами быть совершенными. «Все это относится къ иконамъ. Скажи же, можешь ли таковое указать объ идолахъ? Нѣтъ, не можешь, потому что поклоненіе иконамъ разнится отъ идольскаго бѣснованія. Да предъ тобой, какъ псомъ, невѣрующимъ иконному поклоненію, не слѣдовало бы, по Господней заповѣди, и говорить святое,» закрѣпляетъ Грозный этотъ рядъ доказательствъ и переходитъ къ разбору другихъ доводовъ Рокиты. Пасторъ указы-

валъ еще на слова ап. Іоанна (1 Посл. Іоанна Богосл. V, 21), повелѣвающія хранить себя отъ требъ идольскихъ; царь разъяснялъ, что въ нихъ говорится объ идолахъ, а не иконахъ. Рокита приводилъ примѣръ изъ встрѣчи Корнилія съ ап. Петромъ (Дѣян. Ап. X; 25—26) и внушенія ангела Іоанну Богослову (Апокалипсисъ, XII, 19); на это царь отвѣчалъ, что устраненіе было сдѣлано здѣсь по кротости, подобно тому какъ Господь, сходя съ горы послѣ преображенія Своего, заповѣдалъ ученикамъ Своимъ не сообщать о томъ никому, пока Онъ не воскреснетъ изъ мертвыхъ. Рокита ссылался на примѣръ ап. Павла и Варнавы, которые возбранили, когда жрецы хотѣли было принести имъ жертвы, но они возбранили потому, что жрецы хотѣли почесть ихъ такъ, какъ идоловъ, а не какъ должно чтить праведниковъ. Думая найти основаніе въ исторіи, Рокита указалъ на Епифанія Кипрскаго, который разодралъ полотенце, увидѣвъ на немъ изображеніе одного святаго. Повѣсть объ этомъ, оспаривалъ его Грозный, находится у однихъ еретиковъ, истинными христіанами не принимается; напротивъ, извѣстно, что на островѣ Кипрѣ, гдѣ Епифаній сдѣлался епископомъ, совершалось иконопочитаніе, и святые писатели того времени, Іоаннъ Златоустъ и Василій Великій прямо учили иконопочитанію (гл. 13).

Утрата лютеранами почитанія святыхъ повела къ тому, что они потеряли пониманіе того, что́ написано въ священныхъ книгахъ даже о самой божественной литургіи. «О ней подлинно изложено въ Евангеліи и писаніяхъ, затѣмъ апостолы уставили молитвы, а святые отцы какъ творить литургію. Или думаешь, обращается Грозный къ Рокитѣ, что это просто хлѣбъ и вино? Какъ же вспомнить смерть Господню, если не творить литургіи?» Она установлена въ воспоминаніе смерти Господни во оставленіе нашихъ грѣховъ; здѣсь совершается таинство Евхаристіи (Посл. къ Коринѳ. II, 22—26, Ев. Луки XXII, 19—20, Ев. Марка XIV, 24). «И сего ради, если кто не совершаетъ литургіи, тотъ не возвѣщаетъ смерти Господни и есть антихристъ и развратникъ вѣры Христовой» (гл. 11).

Ложно ученіе лютеранъ и о постѣ. Самъ Господь показалъ примѣръ сорокодневнаго поста и побѣдилъ затѣмъ искусителя; Самъ Онъ, на вопросъ учениковъ, почему они не могли изгнать изъ бѣсноватаго

бѣса, сказалъ имъ: «Сей родъ изгоняется только молитвою и постомъ» (Ев. отъ Матѳ. XVII, 21). Апостолъ Павелъ училъ: «Я бѣгу не такъ, какъ на невѣрное, бьюсь не такъ, чтобы только бить воздухъ, но усмиряю и порабощаю тѣло мое, дабы, проповѣдуя другимъ, самому не остаться недостойнымъ» (1 Посл. къ Коринѳ. IX, 26—27). «Ради этого и мы постимся, да удержимъ тѣло, поработимъ его духу и примемъ оправданіе отъ Господа. Какъ густыя облака мѣшаютъ видѣть солнце, такъ тѣло, обремененное пищей, препятствуетъ уразумѣть истинный смыслъ заповѣдей Господнихъ и видѣть праведное солнце Христа.» Каждый изъ соблюдаемыхъ въ Церкви постовъ имѣетъ свое глубокое значеніе и истрезвившійся постомъ способенъ къ совершенію христіанскихъ добродѣтелей (гл. 10).

На вопросъ Грознаго, какъ лютеране, преданные похотямъ, не имѣютъ у себя законнаго супружества, Рокита уклонился отъ прямаго отвѣта, отъ прямой защиты законности ихъ брака и напалъ на монашество. Уличивъ Рокиту въ уклончивости, Грозный энергично вступился за послѣднее. «Іоаннъ Богословъ въ своемъ Первомъ посланіи училъ, что кто вѣруетъ въ Іисуса Христа воплотившагося, тотъ долженъ поступать такъ, какъ Онъ поступалъ. А Христосъ жены не имѣлъ и всѣ апостолы женъ не имѣли. Если у Петра была теща и жена, то это было до послѣдованія Христу; послѣдовавъ Ему, сохранялъ онъ чистоту и имѣлъ тещу вмѣсто матери, жену точно сестру. Такъ же и Филиппъ, одинъ изъ семи діаконовъ: онъ имѣлъ четыре дочери, родившіяся до вступленія его въ христіанство; затѣмъ онъ пребылъ въ чистотѣ; дочери его остались дѣвственницами, принявши чисто мужское усердіе, сподобились пророческаго дара и вмѣстѣ съ апостолами проповѣдывали слово Божіе. А мироносицы? Совершилось храненіе въ обоихъ полахъ мужскомъ и женскомъ. Въ двухъ чинахъ лежитъ въ насъ пребываніе христіанское, дѣйственное и простое, и обѣщавшимся дѣвствовать должно храниться брака и мясъ не по гнушенію, а ради воздержанія, а не давшіе обѣта безбрачія, хотя бы и вступили въ бракъ и ѣли мясо, имъ то не возбраняется: потому что не однѣ заповѣди для иноковъ и для мірянъ». Затѣмъ приводитъ многочисленныя изреченія Новаго Завѣта (Ев. отъ Матѳ. XIX, 5, 6, 9, 10—12; Посл. къ Римл. XIII, 11—14;

1 Посл. къ Коринѳ. VII, 1—12, 25—28, 32—40; 2 Посл. Петра, II, 9—10; Ев. отъ Матѳ. X, 37—38; Посл. къ Римл. VI, 3—14; 1 Посл. къ Коринѳ. VI, 12—20; Посл. къ Галат. VI, 14—18), гдѣ, по его словамъ, устонавливается, какъ хранить чистоту брачной жизни и какъ воздерживаться и жить внѣ супружества, причемъ, указавъ преимущество безбрачія, монашества, восклицаетъ: «скажи мнѣ, кто исцѣлялъ недуги, врачевалъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ, безвредно пилъ ядъ, изгонялъ бѣсовъ? Не всѣ ли они иноческаго постриженія» (гл. 14)?!

Умаляя и не признавая установленія Новаго Завѣта и церкви, лютеране преувеличиваютъ значеніе Ветхаго Завѣта. Изъ Второзаконія остались обязательными лишь двѣ заповѣди о любви къ Богу и ближнему, подтвержденныя въ Новомъ Завѣтѣ. Вопреки ученію апостола поступать христіанамъ такъ, какъ поступалъ Христосъ (1 Посл. Іоанна, II, 6), вы, укоряетъ лютеранъ Грозный, все отвергли и уставили жизнь по своимъ прихотямъ. Удерживая не подтвержденныя постановленія Второзаконія, понадобилось бы соблюдать обрѣзаніе и весь законъ Моисеевъ. «И по сему вы, укоряетъ лютеранъ Грозный, жидовствуете, истиннымъ христіанамъ не подобно». Христосъ разрушилъ Моисеевъ законъ и положилъ новый, о чемъ сказалъ Іоаннъ Богословъ: «законъ данъ чрезъ Моисея, благодать же и истина произошли чрезъ Іисуса Христа» (Ев. отъ Іоанна, I, 17). О томъ, что Второзаконіе уступило новому закону, училъ апостолъ Павелъ (Посл. къ Евр. VIII, 7; III, 5), а объ обрѣзаніи онъ писалъ къ Галатамъ: «если вы обрѣзываетесь, не будетъ вамъ никакой пользы отъ Христа» (Посл. къ Галат. V, 2). Поэтому, заключаетъ Грозный, кто держится стараго закона и принимаетъ о немъ иначе, чѣмъ въ евангельскомъ ученіи, тотъ отвергается Христа (гл. 5).

Рядомъ съ широковѣщательностью, частыми отступленіями, повтореніями, запалчивостью, рѣзкостью тона, Грозный, надо признать, обнаружилъ богатый по тому времени запасъ свѣдѣній, совсѣмъ не новичка въ борьбѣ, и не поддѣльную ревность къ Православію. Имъ затронута и изобличена бо́льшая часть существенныхъ особенностей протестантства: взглядъ на достоинство Лютера и его послѣдователей, ученіе о монашествѣ, постѣ, іерархіи, иконопочитаніи, почитаніи святыхъ и ихъ мощей, значеніи священнаго преданія и святоотече-

скихъ писаній въ дѣлѣ руководства вѣры, отношеніе между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, достоинствѣ литургіи, значеніи крещенія въ дѣлѣ очищенія насъ отъ грѣховъ и даже объ оправданіи,—вопросъ, о которомъ обыкновенно не говорили полемисты и значительно позднаго времени. Подвергая обсужденію предметы, относящіеся и къ обрядовой, внѣшней сторонѣ религіи, не уклоняясь отъ поднятія спора и на почву отвлеченно-догматическую, Иванъ Васильевичъ такимъ образомъ широко коснулся протестантскаго ученія, хотя и не вездѣ съ должною полнотой. Изъ важныхъ вопросовъ остались не тронутыми вопросъ объ исхожденіи Святаго Духа, предопредѣленіи, канонѣ святыхъ книгъ; не ясно поставленъ вопросъ о таинствахъ: ихъ числѣ, значеніи, формѣ. О таинствѣ крещенія сказано лишь вскользь, что изъ купели по крещеніи человѣкъ выходитъ безо всякаго грѣха (гл. 6), что «отъ воплощенія и доселѣ всѣ называемся христіанами и во иное имя не крещаемся, кромѣ какъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (гл. 12). О таинствѣ Евхаристіи можно найти только указаніе, гдѣ говорится, что литургія установлена въ воспоминаніе смерти Христовой и что, не ходя слушать литургіи, нельзя должнымъ образомъ воспоминать Христову смерть (гл. 11). Что касается до прочихъ таинствъ и формы совершенія ихъ, то у него о томъ не упоминается; о предрѣшеніи въ смыслѣ ихъ недѣйствительности можно догадываться изъ непризнанія богоучрежденности іерархіи у лютеранъ. Въ мысляхъ о монашествѣ сильно отразился современный автору взглядъ. Несмотря на то, что ему, какъ свидѣтельствуетъ напримѣръ его обличительное посланіе къ Кузьмѣ, игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря [1], хорошо были знакомы отрицательныя стороны современнаго ему монастырскаго быта, идеалъ монашеской жизни онъ цѣнилъ одинаково съ современниками. Тогда многіе держались убѣжденія [2], что окружающій человѣка міръ, жизненныя отправленія въ ходѣ общественнаго строя, семейныя узы и проч., все это составляетъ препятствіе для нравственнаго усовершенствованія человѣка, и исключительнымъ идеаломъ высоконравственной жизни въ умахъ Русскихъ былъ идеалъ монашескій. Мона-

[1] Акт. Истор. I, № 204.

[2] В. Жмакинъ, Русское общество XVI вѣка. Спб. 1880, и др.

шеская жизнь обыкновенно называлась «Христовоподобнымъ житіемъ»; сами монахи — «вышняго Іерусалима гражданами»; въ монахахъ народъ видѣлъ спасителей и молитвенниковъ за весь міръ. Увлеченіе иноческимъ идеаломъ было таково, что многіе покидали своихъ женъ и уходили въ монастыри, или же жены постригались въ черницы тайно отъ мужей, и митрополитъ Даніилъ и Максимъ Грекъ считали необходимымъ писать о возможности спасенія и въ мірѣ. Черта времени отразилась также въ трактатѣ о десятословіи. Къ Десятословію, какъ законодательному памятнику Ветхаго Завѣта, многіе Русскіе относились недовѣрчиво, и въ представленіи Грознаго о немъ, по справедливому замѣчанію Рущинскаго, какъ бы смѣшивалось все законодательство Моисея: высокій полемистъ «какъ будто не различалъ временныхъ обрядовыхъ постановленій отъ постоянныхъ началъ нравственности; онъ ставилъ тѣ и другія въ такую тѣсную и неразрывную связь, что одни казались немыслимыми безъ другихъ, и потому, съ его точки зрѣнія, выходило, что если принимать нравственный законъ Моисея, то необходимо удерживать и обрядовой». Не различая этихъ двухъ сторонъ въ Моисеевомъ законѣ, у насъ вообще относились къ нему строго, тѣмъ болѣе, что въ Новомъ Завѣтѣ онъ представляется недостаточнымъ и его частныя обрядовыя постановленія потерявшими силу. Отчужденность отъ закона Моисея усиливалась ненавистью, питаемою Русскими къ Евреямъ, и волненіями, произведенными ересью жидовствующихъ. Въ послѣднемъ случаѣ получаетъ особенный смыслъ выраженіе Грознаго, когда онъ укоряетъ Рокиту и лютеранъ, что они, преувеличивая значеніе закона Моисея, «жидовствующе» являются. Въ этомъ отношеніи онъ какъ бы видѣлъ въ нихъ единомышленниковъ нашихъ жидовствующихъ.

Составлять полное и спокойное изобличеніе всѣхъ заблужденій лютеранства и другихъ протестантскихъ сектъ не было задачей Ивана Васильевича. Пунктъ объ исхожденіи Св. Духа, напримѣръ, былъ достаточно извѣстенъ ему: о немъ писалъ даже ближайшій учитель Грознаго, Максимъ Грекъ; но въ этомъ лжеученіи главными виновниками были католики, противъ которыхъ и направлялись предыдущіе трактаты о Св. Духѣ. Нападенію государя подверглись попреимуществу разности, бросавшіяся тогда болѣе въ

глаза и болѣе занимавшія современниковъ; къ тому же, въ своемъ письменномъ отвѣтѣ онъ, очевидно, слѣдовалъ письменной рѣчи Рокиты. «А что̀ писалъ», «а что̀ пишешь»—постоянное начало отвѣта Ивана Васильевича. Вмѣсто возможно полнаго и яснаго изложенія своего ученія съ соотвѣтствующими доказательствами, самъ Рокита часто уклонялся отъ прямого отвѣта и на поставленные государемъ вопросы, и царь вынужденъ былъ изобличать его въ томъ. «Писалъ ты о вѣрѣ, молитвѣ и службѣ Божіей, ты смѣшалъ службу со крестомъ и говорилъ о вечерѣ Христовѣ. И что̀ писалъ Главами отъ Матѳея, и мы знаемъ изъ апостольскаго проповѣданія и изъ преданія отецъ, какъ должно это дѣлать; а спрашивали тебя, чтобы ты намъ отвѣтилъ, какъ ты то дѣлаешь и учишь, и ты намъ того не сказалъ... А что̀ писалъ о дѣвствѣ и о бракѣ, и ты не то писалъ, о чемъ я тебя спрашивалъ. Я тебя спрашивалъ, какъ держите дѣвство и бракъ, и блудъ, и ты не о томъ писалъ»: такъ неоднократно укорялъ Грозный Рокиту. Въ самыхъ доводахъ государь обыкновенно пользовался тѣмъ же, на чемъ старался обосновать свое ученіе пасторъ. Когда этотъ ссылался на Писаніе, онъ тотчасъ же опровергалъ его словами того же Писанія и попреимуществу словами книги, на которую видѣлъ ссылку. Онъ часто говорилъ ему: «ты пишешь отъ Моисея, и мы покажемъ тебѣ изъ Моисея; ты ссылаешься на пророка, а мы отвѣтимъ его словами; ты приводишь слова апостола, прочти жъ, что̀ пишется у него въ другомъ мѣстѣ, или: прочти, что̀ пишется у другаго апостола». Сопоставляя различныя изреченія, онъ приводилъ ихъ не для указанія противорѣчія, но всюду находилъ внутреннее согласіе и тѣмъ оспаривалъ толкованіе своего соперника. Едва Рокита указалъ противъ иконопочитанія на житіе Епифанія, гдѣ сообщается, что Епифаній будто бы разодралъ полотно, на которомъ было изображеніе святаго, Грозный тотчасъ въ отвѣтъ ему: «вспомни и самого Епифанія, если прибѣгаешь къ отеческому ученію, какъ этотъ былъ на островѣ Кипрѣ, гдѣ много совершалось иконопоклоненіе... и святые того времени Іоаннъ Златоустъ и Василій Великій учили иконопочитанію». Всюду показываетъ Грозный большую начитанность и живую находчивость, знакомство со Св. Писаніемъ и переводами святоотеческихъ твореній, съ тѣмъ книжнымъ

достояніемъ, какое тогда было у насъ въ обращеніи. Конечно, далеко не всѣ доказательства приведены имъ съ должною основательностію; изреченія Св. Писанія онъ нерѣдко примѣняетъ своеобразно, таково, напримѣръ, примѣненіе къ монашеской жизни словъ Іоанна Богослова (1 Посл. II, 6) объ обязанности христіанъ поступать такъ, какъ поступалъ Христосъ. Историческія справки сомнительной достовѣрности у него приводятся одинаково съ указаніями, вполнѣ достовѣрными; такъ, въ отдѣлѣ о монашествѣ уже слишкомъ много насчитано безбрачныхъ лицъ; часто онъ какъ бы не умѣетъ справиться съ запасомъ своихъ свѣдѣній и загромождаетъ рѣчь множествомъ цитатъ, еще чаще переходитъ отъ одного предмета къ другому, чтобы, не докончивъ начатаго, опять обратиться къ предыдущему. Не надо забывать, что здѣсь говоритъ человѣкъ, не получившій систематическаго школьнаго образованія, самоучка, хотя и въ высшей степени талантливый, но все же лишь начетчикъ, натура первная, живая. Вмѣстѣ съ различными доказательствами и иногда весьма тонкими соображеніями, имъ употребляются рѣзкія бранчивыя выраженія, каковой пріемъ, впрочемъ, не принадлежалъ ему одному. Бранныя слова были въ обычномъ обращеніи того времени не только у насъ, но и во всей Западной Европѣ, гдѣ они свободно допускались даже въ ученыхъ диспутахъ и богословскихъ спорахъ (припомнимъ, какъ Рокита безъ видимой надобности клеймилъ отсутствующее католическое духовенство). Въ то время любили также выводить заключенія изъ названій: извѣстно, какъ инокъ Зиновій посмѣялся надъ Ѳеодосіемъ Косымъ, указывая уже въ названіи его непрямоту, ложность его ученія [1], или какъ въ Литвѣ доставалось отъ католиковъ имени выдающагося реформатскаго проповѣдника Волана; въ Германіи Мюнцеръ обозвалъ Лютера—докторъ Люгнеръ; соотвѣтственно съ тѣмъ и Грозный даетъ здѣсь волю своему остроумію, своей насмѣшливости. Главѣ нѣмецкой реформаціи онъ подыскалъ болѣе близкое созвучіе и съ болѣе сильнымъ значеніемъ, чѣмъ то было сдѣлано на его родинѣ. Имя «Лютеръ» Иванъ Ва-

[1] «Косой—понеже косыма очима зрѣніе имать, съ нима же и развращеніе мыслей сердца его». Истивы показаніе, 41.

сильевичъ произвелъ отъ прилагательнаго «лютый» и указалъ, что Лютеръ такимъ и былъ въ своей жизни и дѣятельности; опредѣленіе Рокитою себя «казнодзѣемъ» (проповѣдникомъ) онъ, затѣмъ, превращаетъ въ «казнодѣя», то-есть строющаго козни, прелестника, иронически прилагая послѣднее названіе ко всѣмъ единомышленникамъ и послѣдователямъ Лютера. Равнымъ образомъ, онъ не ставилъ различенія между опровергаемыми сектами. Такіе пункты, какъ оправданіе человѣка, призываніе святыхъ, почитаніе иконъ и т. п., дѣйствительно, относились къ лютеранамъ и самимъ чешскимъ братьямъ; тою же невоздержностію жизни, которую, по словамъ Грознаго, вели единомышленники Рокиты, отвергая бракъ и предаваясь грубому разврату, отличались развѣ адамиты. Здѣсь поэтому получаетъ вообще значеніе не столько аргументація Грознаго и не то, точно или нѣтъ разграниченіе и опредѣленіе сектъ, сколько его основной взглядъ, его чувство. Государя всюду одушевляетъ твердое и живое убѣжденіе въ истинности Православной вѣры; во всѣхъ его словахъ проглядываетъ мысль, что въ протестантствѣ, какіе бы ни были въ немъ толки, слѣдуетъ видѣть незаконное уклоненіе отъ церкви, въ его пастыряхъ—самовольныхъ похитителей учительскаго права, въ послѣдователяхъ—еще менѣе понимающихъ религіозную истину, чѣмъ католики. Родоначальникъ ихъ, Лютеръ, толкуя все по своему испорченному разуму, какъ бы ополчился на Христа, ниспровергъ Его установленія, извратилъ ученіе Писанія, апостоловъ и святыхъ отцовъ; обольщенные проповѣдью этого самозваннаго учителя недостойны называться христіанами, потому что слѣдуютъ ученію не Христа, а Лютера.

Мнѣніе это не допускало никакихъ уступокъ или сдѣлокъ. Обстоятельства побуждали иногда Ивана Васильевича произносить свое сужденіе съ меньшею рѣзкостью, но не измѣнять его сущности. Не успѣло польское посольство покинуть Москву, какъ прибылъ сюда по ливонскимъ дѣламъ голштинскій герцогъ Магнусъ [1], предъ которымъ Грозный находилъ надобнымъ проявить всю свою благосклонность къ иноземцамъ и торжественно закрѣпить за Ливоніей ея ре-

[1] О пребываніи его въ Москвѣ см. выше, VI гл. стр. 422 и слѣд.

лигіозныя и политическія привиллегіи. Возведя гостя въ достоинство короля Ливоніи и предложивъ ему руку своей племянницы, дальновидный хозяинъ свое вниманіе къ нему обнаружилъ также и тѣмъ, что предупредительно выслушалъ проповѣдь его любимаго придворнаго проповѣдника Христіана Бокхорна и мягко отозвался о Лютерѣ и лютеранствѣ.

По словамъ Одерборна [1], царь, въ знакъ своего благоволенія, подарилъ пастору богатую одежду и нѣсколько золотыхъ цѣпей и открыто высказался, что ученіе Лютера близко къ истинѣ, и его можно было бы терпѣть, если бы Лютеръ своимъ краснорѣчіемъ, съ которымъ онъ нападалъ на папу, не ниспровергъ древняго церковнаго чина и не запятналъ своихъ познаній въ Св. Писаніи отступничествомъ отъ церкви, снятіемъ монашества и женитьбой на бѣглой монахинѣ.

Данный отзывъ Грознаго о Лютерѣ и лютеранствѣ неоднократно потомъ приводится протестантскими писателями, когда они стремятся доказать благосклонность Грознаго къ протестантству и близость послѣдняго съ Православіемъ [2]. Историческія условія, при которыхъ произнесенъ этотъ сравнительно мягкій отзывъ Грознаго, не дозволяютъ преувеличивать его значенія: если отстранить изъ него элементы этого вліянія, то въ немъ въ сущности услышится то же, что̀ предъ тѣмъ было сказано Иваномъ Васильевичемъ Рокитѣ или что̀ потомъ сказано имъ одному кокенгаузенскому пастору. Лично завоевывая Ливонію, Иванъ Васильевичъ во время непродолжительнаго отдыха (въ августѣ 1577) въ Кокенгаузенѣ какъ-то проѣзжалъ по улицамъ этого города. На пути онъ встрѣтилъ мѣстнаго проповѣдника, Мартина Нандельштета, и вступилъ съ нимъ въ бесѣду. Когда, на вопросъ государя, какой онъ вѣры, и на порицаніе имъ лютеран-

---

[1] Joannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita. E$_5$; перев. Rätel'я, F 4.

[2] Petrejus, 1620, 662; перев. 431; G. A. S. (Georg Adam Schleusing), Anatomia Russiae deformatae. Zittau, 1688, и въ послѣдующихъ передѣлкахъ и сходныхъ съ нимъ экземплярахъ: Theoph. Warmund, Universa Religio Moscovitica, 1694, 17, Wendel, Czaarisches Majestät aus Moscau. Dresden, 1698, 7; I. G. Pritio, Moscowitischer oder Reussischer Kirchen-Staat. Leipzig, 1698, 21; и друг.

ства, пасторъ, защищая свое ученіе объ оправданіи вѣрой чрезъ Христа, приравнялъ Лютера къ апостолу Павлу, Грозный во гнѣвѣ ударилъ его хлыстомъ по головѣ, послалъ его къ чорту съ его Лютеромъ и отъѣхалъ отъ него [1].

Независимо отъ дерзости пастора и отъ того, что Грозный не любилъ, если собесѣдники затрогивали въ немъ православное чувство, строгость эта находилась въ связи съ новымъ характеромъ его отношеній къ Магнусу и знатнымъ Ливонцамъ, вызваннымъ ихъ крайнимъ лукавствомъ. Самые приближенные къ нему изъ нихъ Таубе и Крузе, не смотря на клятву въ вѣрности и полученныя большія выгоды [2], измѣнили еще осенью 1571 года. Слишкомъ мало достигая изъ того, что̀ наобѣщали государю, они не могли не понимать, что почва подъ ними слабѣетъ, почему спѣшили передаться Сигизмунду Августу. Теперь хвалились, что имъ извѣстны всѣ тайны Московскаго государя, что они знаютъ средства, какъ помѣшать исполненію его плановъ, и обѣщались добыть Полякамъ Смоленскъ и Полоцкъ; о самомъ царѣ они разславляли самыя ужасныя вещи, называя его теперь «человѣкомъ съ сердцемъ крокодила». Въ порывѣ негодованія, Іоаннъ шлетъ къ нимъ свои письма, укоряя ихъ въ измѣнѣ и суля имъ милость, если воротятся назадъ; недостигши желаемаго, онъ требуетъ у короля ихъ выдачи въ обмѣнъ на другихъ плѣнныхъ. Отвѣтомъ на отказъ была казнь множества плѣнныхъ Ливонцевъ. Нѣкоторое время затѣмъ еще мирила царя съ Ливонцами личность плѣннаго Фаренсбаха, который приносилъ важныя услуги въ борьбѣ съ Татарами; но и онъ, въ виду предстоявшаго ему похода въ Ливонію, бѣжалъ въ Вѣну. Слишкомъ непрочною оказалась надежда и на Магнуса, несмотря на женитьбу его на царской племянницѣ: въ пору разговора Грознаго съ кокенгаузенскимъ пасторомъ онъ находился въ явномъ разрывѣ съ царемъ. Свой авторитетъ и свою власть въ Ливоніи Іоаннъ установлялъ теперь

---

[1] Salom. Henning, Liffendische Churlendische Chronica, изд. Scriptores Rerum Livonicarum, II, 269, Bl. 63 a.

[2] P. Juusten (Acta legationis Muscoviticae, изд. Ewers и Engelhardt, Bertr. I, 151) сообщаетъ, что оба они приняли и Грековосточное исповѣданіе.

суровостью обращенія съ ея жителями и самимъ Магнусомъ—отсюда и такой рѣзкій отзывъ объ ихъ вѣроисповѣданіи, основанномъ, по мнѣнію государя, совсѣмъ не на ученіи ап. Павла, какъ хотѣлъ доказать пасторъ, а на ученіи Лютера [1]. Мартинъ Нандельштетъ былъ отведенъ затѣмъ плѣннымъ въ Москву.

Его, конечно, разумѣетъ Одерборнъ подъ «кокенгаузенскимъ пасторомъ», который помогъ Грозному прочесть таинственную надпись на камнѣ, будто бы упавшемъ съ неба близъ Москвы. Такъ какъ не нашлось никого, кто съумѣлъ бы разобрать и пояснить ее, вспомнили-де о двоихъ ученыхъ плѣнныхъ пасторахъ, изъ Кокенгаузена и Оверполя, выпустили ихъ изъ тюрьмы на волю и велѣли имъ прочесть начертанное на камнѣ. Хотя и они ничего не понимали въ надписи, однако, въ разсчетахъ получить полную свободу, пустились на хитрость и объявили государю, что будто бы въ ней предрекаются государству большія бѣды. Царь велѣлъ разрушить камень [2].

По этому или иному поводу, только Грозный, дѣйствительно, опять увидалъ Нандельштета и снова пожелалъ узнать его мнѣніе о

---

[1] Подробнѣе было сказано нами въ «Литер. бор. съ протест.» 54—58, и статьѣ «Марья Владиміровна и Магнусъ Датскій».—Есть извѣстіе, сообщенное какимъ-то Павломъ Магнусомъ мекленбургскому герцогу, будто бы Іоаннъ въ это время приказалъ во всѣхъ протестантскихъ церквахъ написать слѣдующіе, имъ самимъ сочиненные стихи:

Iwan Basiliuitz bin ich genant,
Und hab unter mir so manches Landt,
Wie denn mein Titel ausweisend ist,
Und bin dartzu ein gutter Christ;
S. Pauli Lehr halt ich fein:
Habe die gelert von den Aeltern mein,
Wie dann mein Muscowiter alle,
Die mir dienen mit reichem Schalle.

(«Иванъ Васильевичъ меня зовутъ и я владѣю многими землями, исчисленными въ моемъ титулѣ. Я добрый христіанинъ и исповѣдую истинное ученіе св. Павла, какъ научены отъ родителей моихъ и какъ исповѣдуютъ всѣ мои Москвитяне, служащіе мнѣ со славою»). Карамзинъ, IX, прим. 476, и Сб.-мат. и стат. по ист. прпб. кр. III, 278.

[2] Oderborn, пер. Rätel'я, S 3—4; Beiträge zur Geschichte der Kirchen und Prediger in Livland. Riga, 1843, III, 89.

лютеранствѣ, такъ что пасторъ долженъ былъ письменно изложить ему особенности своего вѣроисповѣданія. По сохранившемуся объ этомъ русскому «Сказанію», Иванъ Васильевичъ велѣлъ разспросить «кусконовскаго попа Мартына о вѣрѣ ихъ» [1]. Его интересовали вопросы объ ея догматахъ, церковной службѣ и церковномъ облаченіи, образѣ совершенія обѣдни и причащенія, о заутрени и вечерни, церковномъ звонѣ, крещеніи дѣтей, погребеніи и поминовеніи умершихъ [2].

Свой отвѣтъ пасторъ изложилъ по-нѣмецки, отвѣтъ перевели на русскій языкъ. Зная уже отношеніе Грознаго къ Лютеру, онъ совсѣмъ не упомянулъ объ этомъ имени, старался сблизить свое вѣроисповѣданіе съ «церковнымъ» латинскимъ и не указывать отличія его отъ православнаго, чтб, впрочемъ, зависѣло, отчасти и отъ того, что лютеранская обрядность въ Ливоніи не успѣла еще вылиться въ окончатель-

---

[1] Рукопись бывшей Соловецкой библіотеки, нынѣ библіотеки Казанской духовной академіи, № 604, л. 232—238. Точная копія памятника, по нашей просьбѣ, обязательно сообщена намъ профессоромъ академіи П. В. Знаменскимъ, которому и приносимъ свою искреннюю признательность.

[2] Въ виду своеобразности этихъ любопытныхъ вопросовъ, еще неизвѣстныхъ въ печати, мы приведемъ ихъ въ подлинникѣ. «Велѣлъ государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи, роспросити кусконоскаго попа Мартына о вѣрѣ ихъ: что ихъ вѣра? какъ въ вѣрѣ исповѣдуютца? и какъ у нихъ живетъ церковная служба? и какъ въ церковь входятъ попы служити и какія молитвы, входя въ церковь, говорятъ и какъ въ ризы облачаютца? и каковы у нихъ ризы служебные, и что у нихъ которые ризы именуются и въ какихъ служатъ обѣдню? что ее начало, что на обѣднѣ поютъ и что дѣйство службѣ и что хъ которому дѣйству поютъ или какіе молитвы говорятъ? и како причащаютца сами или кого причащаютъ, и что въ причастіи какіе молитвы говорятъ, какъ причастіе даютъ и какъ бываетъ отпускъ пѣнію? и какъ поютъ заутреню и вечерню? и коли бываютъ въ который день праздники, и какъ у нихъ звонятъ, во всѣ ли дни или по великимъ праздникомъ Господьскимъ? и какъ крестятъ дѣти, гдѣ ихъ крестятъ и что поютъ или говорятъ на крещеніи молитвы, или псалмы, или пѣсни, и какъ младенцу обѣтъ къ Богу и отроканіе отъ діавола? и какъ у нихъ бываетъ погребеніе умершимъ, что поютъ и какіе молитвы за умершаго есть ли, или прощеніе или разрѣшеніе во грѣсѣхъ? и какъ у нихъ погребаютъ и какъ умершихъ поминаютъ, на который день по умертвіи, и что поютъ на поминаніе? И живетъ ли у нихъ общее поминаніе въ году по всѣхъ умершихъ, и на которые дни поминаютъ, и что поютъ?»

ную своеобразную форму и во многомъ зависѣла отъ прежней, латинской. По неопредѣленности изложенія особенно выдѣляется ученіе объ оправданіи вѣрою, этомъ главномъ пунктѣ протестантской догмы, и совсѣмъ умолчано о святомъ преданіи, авторитетѣ Вселенскихъ соборовъ, значеніи обрядовъ и проч. Главною заботой автора было выставить лютеранъ христіанами.

«Вѣруемъ мы, писалъ пасторъ, въ одного истиннаго всемогущаго Бога, создателя неба и земли и о всемъ промышляющаго, въ Троицу нераздѣльную, въ Отца и Сына и Св. Духа. Его мы чтимъ и молимся Ему, Онъ нашъ избавитель. По нарушеніи первыми людьми, Адамомъ и Евой, Божіей заповѣди, чѣмъ они навлекли на себя и на всѣхъ людей вѣчное проклятіе, Онъ, чтобъ они и ихъ наслѣдники не всѣ погибли на вѣки, обѣтовалъ имъ послать отъ женскаго пола Сѣмя, которое сотретъ главу змія, и тому Сѣмени, то-есть во Второе лицо Святыя Троицы, мы вѣруемъ со всѣми христіанами». Господь Іисусъ Христосъ принялъ человѣческую плоть, пострадалъ, умеръ и воскресъ для нашего спасенія; Онъ хранитъ и оборопяетъ Св. Духомъ всѣ Свои христіанскія церкви до самаго Своего втораго пришествія, когда вѣрныхъ спасетъ, противныхъ ввержетъ въ вѣчную муку. «Мы вѣруемъ также въ Бога Св. Духа. Онъ истинно вводитъ въ христіанскую церковь, очищаетъ человѣческія сердца и приводитъ къ правому познанію Божію и правой вѣрѣ и ко всѣмъ христіанскимъ дѣламъ...; а исходитъ Духъ Святый отъ Отца и Сына, и тѣмъ познаніемъ будемъ спасены... Вѣруемъ и въ то, что Богъ имѣетъ на землѣ одну христіанскую церковь, въ которой слово Божіе пребываетъ чисто, и божественный даръ, причастіе, дано въ ней... Надѣемся также на отпущеніе грѣховъ, зная изъ слова Божія, что Богъ, для Христа, Сына Своего единороднаго, насъ помиловалъ и отпускаетъ наши грѣхи, когда мы вѣруемъ въ Его Сына. Въ такой вѣрѣ мы и поживемъ до конца, изъ такой вѣры родятся прямые христіане, доброподвижные въ христіанской жизни. Христосъ избавилъ насъ не для того, чтобы намъ жить во всякомъ злодѣйствѣ и чтобы быть христіанами лишь по имени. Спасеніе въ вѣрѣ: добрыя дѣла—плодъ ея и которыя изъ нихъ безъ вѣры, тѣ Богу непріятны. Авраамъ вѣровалъ, и ему Богъ счелъ то во спасеніе. Чтобы надѣяться въ спасе-

ніи на свои добрыя дѣла, нигдѣ не написано; оно возможно, если кто вѣруетъ въ Іисуса Христа, такъ писалъ апостолъ Павелъ къ Тимоѳею (4 гл.) и Римлянамъ (4 гл.) и такъ сказано во многихъ мѣстахъ Писанія. Въ это мы вѣруемъ и о томъ знаемъ; а вѣру утвердилъ Христосъ со своими учениками и апостолами.

«А что до церковной службы, церковнаго чина, ризъ, молитвъ и пѣнія по праздникамъ и по всѣмъ днямъ, писать объ этомъ было бы слишкомъ много, объ этомъ подлинно написано въ печатной книгѣ: «Римскій церковный чинъ». Когда идемъ въ церковь, часу во второмъ или въ третьемъ, пѣть обѣдню, трижды звонятъ въ колокола, въ церкви поемъ всѣ вмѣстѣ, сначала: «Пріиди Боже и Св. Духъ и исполни сердце наше,» затѣмъ одинъ или два очередные псалма, молитву: «Господи, помилуй», стихъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ». Попъ, стоя у престола въ ризахъ, оборачивается къ людямъ, ограждаетъ ихъ крестомъ, поетъ: «Господь Богъ буди съ вами», а люди отвѣчаютъ ему: «и Святымъ Духомъ». Попъ читаетъ очередное Евангеліе, а въ Рождество Христово, въ Великій День и другіе большіе праздники читаетъ Евангеліе особое, какое положено на праздникъ, и учитъ онъ жить, какъ написано въ Евангеліи. Поется опять очередной псаломъ, а попъ идетъ въ ризахъ къ престолу, начинаетъ пѣть: «Господь Богъ съ вами», и люди ему отвѣчаютъ: «и со духомъ твоимъ». Читается попомъ Евангеліе, полагаемое на Великій Четвергъ; по окончаніи его люди поютъ: «Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ», и другія пѣсни. Если которые люди приходятъ къ причастію, то, какъ только причаститъ ихъ, поворотясь у престола къ людямъ, начинаетъ пѣть: «Господь Богъ съ вами», люди: «и со Духомъ Святымъ», попъ: «Буди благословеніе господне на васъ и Божія милость», люди: «Господи, призри лицомъ Своимъ и дай намъ миръ», и прочее. Вечерни у насъ поютъ по большимъ праздникамъ и по воскресеньямъ, причемъ поются псалмы и читаютъ часовникъ; какой псаломъ начнетъ попъ пѣть, люди поютъ съ нимъ тоже. Затѣмъ читается молитва, люди произносятъ «аминь»—это отпускъ. А заутрени и часовъ у насъ не поется. Звонятъ же во всѣ дни у насъ одинаково. По мертвомъ, когда его несутъ изъ дому къ могилѣ, звонъ бываетъ во всѣ колокола, предъ нимъ идутъ попы и робята, поютъ

псалмы или стихъ, иногда читаютъ книги и молитвы. Объ умершемъ молимся: «Помилуй его, Господи», годоваго же поминовенія въ церквахъ нашихъ не бываетъ. Крещеніе младенцевъ у насъ есть. Кумовья и кумы приносятъ младенца въ церковь, и попъ, спросивши ихъ объ имени младенца, говоритъ: «Иди вонъ нечистый духъ, дай мѣсто Св. Духу», ограждаетъ его крестомъ и читаетъ надъ нимъ молитву по книгѣ. Затѣмъ обращается: «Послушаемъ Святаго Евангелія Марка», читаетъ одну главу, благословляетъ младенца: «Богъ тебя благословитъ отнынѣ и до вѣка и во вѣки вѣковъ», произноситъ надъ нимъ отреканіе: «отрицается діавола и всѣхъ дѣлъ его», кумовья повторяютъ за нимъ тоже и читаютъ: «Вѣрую во единаго Бога» все сполна. По вопросѣ къ кумовьямъ: «хочетъ ли младенецъ креститься?» и отвѣтѣ ихъ: «хочетъ младенецъ креститься», онъ молвитъ ему: «Азъ тебя крещаю во имя Отца и Сына и Святаго Духа», трижды взольетъ на него воды или омочитъ въ воду и произноситъ молебенъ: «Могущій Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Который снова родилъ Св. Духомъ и отпустилъ тебѣ всѣ грѣхи, тебя укрѣпляетъ своею милостію къ вѣчному животу. Аминь, аминь». Это, по нашему, крещеніе».

Отвѣтъ кокенгаузенскаго пастора написанъ въ такой формѣ, что хотя изъ него трудно было получить какое-либо опредѣленное свѣдѣніе о лютеранствѣ, за то онъ и не требовалъ опроверженія, и въ рукописи противъ одного только мѣста, гдѣ говорится объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, сдѣлана замѣтка: «ересь». Кѣмъ первоначально сдѣлана она, неизвѣстно, но самъ Грозный продолжалъ интересоваться протестантскою догмой и послѣ, къ чему могли также побуждать его новые иноземцы, добытые имъ изъ Англіи.

Неудача въ ливонскихъ дѣлахъ побуждаетъ Іоанна усиленно искать опоры въ дружбѣ съ Англіей, и прибывшіе оттуда лейбъ-медики пріобрѣтаютъ теперь у него особое значеніе. Современники отмѣчаютъ между ними отчасти уже извѣстныхъ намъ Елисея Бомелія и Роберта Якоба.

Докторъ Елисей Бомелій (Elisaeus Bomelius) [1] родомъ изъ Ве-

[1] П. С. Рус. Лѣт. IV, 318; Сборн. Имп. Русск. Истор. Общества, XXXVIII, 84, 139; Повѣсть нѣкоего боголюбива мужа, въ Москвитянинѣ 1844, I, 246—

зеля, въ Вестфаліи, медицинскія знанія пріобрѣлъ въ Кембриджѣ и занимался болѣе астрологіей. Его слава, какъ астролога, составила ему въ Лондонѣ кругъ почитателей, и архіепископъ посадилъ его въ тюрьму, соглашаясь не иначе освободить его, если онъ покинетъ Англію. Савинъ, нашъ посолъ (1570 года) въ Лондонѣ, пригласилъ его за выгодную плату отправиться на службу государю. Бомелій обратился къ Уйльяму Сесилю, чтобъ не препятствовалъ его устройству, и обѣщалъ за это доставлять ему всевозможныя свѣдѣнія о Россіи и сосѣднихъ странахъ и каждогодно подарки. Въ Лондонѣ были готовы сбыть его съ рукъ, и Савинъ взялъ его съ собой. Въ Москвѣ онъ вкрадывается въ довѣріе Іоанна и является здѣсь одною изъ самыхъ мрачныхъ личностей. Честолюбивый, безчестный и своекорыстный, онъ старался поддерживать свое значеніе, дѣйствуя на суевѣріе и болѣзненную подозрительность Іоанна. Много русскихъ бояръ погибло по его наущеніямъ; для удобства казни онъ составилъ особый ядъ, отъ котораго несчастные помирали въ назначенную Грознымъ минуту; въ самомъ государѣ онъ питалъ мысль о побѣгѣ въ Англію и старался колебать въ немъ религіозно-національное чувство. По словамъ нашей лѣтописи, этотъ «лютый волхвъ Елисей... конечно было отвелъ царя отъ вѣры; на Русскихъ людей царю возложилъ свирѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи».

Успѣхъ его въ сферѣ религіозныхъ мнѣній Грознаго не могъ быть однако серіознымъ. Рѣзкій отвѣтъ кокенгаузенскому пастору о Лютерѣ падаетъ на время преимущественнаго вліянія Бомелія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его козни вызвали къ нему самую непримиримую ненависть въ народѣ. Чтобы раскрыть государю правду, да не впадаетъ онъ «въ злыя сѣти и беззаконія» прельстителей и «губительныхъ волковъ», написана была прикровенная повѣсть о зломъ чародѣѣ, подъ кото-

---

249; А. Ѳ. Бычковъ, Описаніе церк.-слав. и русск. рукописей И. Публ. Библ., 140; Дж. Горсей, Записки о Московіи, Библ. д. чт. 1865, № 4, стр. 47, № 5, стр. 40, 50; Рихтеръ, Ист. медиц. въ Россіи. I, 286—289; Гамель, Англичане въ Россіи, 98; Петровъ, О вліяніи западноевропейской литературы на древнерусскую, въ Труд. Кіев. Дух. Акад. 1872, апрѣль 64—65; Fechner, I, 77, 81, 95, 97, 106.

рымъ подразумѣвался Бомелій. По повѣсти, чародѣй побуждалъ государя поднимать гоненіе на своихъ подданныхъ и оскорблять ихъ разными печалями; внутреннія и внѣшнія несчастія народа и самого царя продолжались, пока государь не убѣдился на опытѣ въ злодѣйскихъ умыслахъ и предательствѣ чародѣя и не казнилъ его вмѣстѣ съ его злыми единомышленниками. Дѣйствительно, не довольствуясь богатствами, нажитыми отъ русскаго царя, изъ которыхъ значительную долю переправилъ на свою родину, лицемѣръ составилъ заговоръ въ пользу польскаго короля, за что подвергся (1579 года) мучительной смертной казни. Жена его, Анна Ричардсъ, природная Англичанка, по ходатайству королевы Елизаветы была отпущена (1584 года) Ѳедоромъ Ивановичемъ въ отечество; ее отпустили вмѣстѣ съ докторомъ Робертомъ Якобомъ.

Присланный (1581 года) Елизаветой по просьбѣ государя, онъ по силѣ своего вліянія вскорѣ въ значительной степени замѣнилъ своего предшественника. Мы уже видѣли [1], какъ подъ его вліяніемъ завязалось прискорбное сватовство государя при живой женѣ Маріи Нагой за Англичанку Марію Гастингсъ и какое, при его помощи, непомѣрное значеніе пріобрѣлъ въ глазахъ государя явившійся въ Москву въ отвѣтъ на наше посольство къ королевѣ посолъ Джеромъ Баусъ и съ какимъ безчестіемъ былъ выпровоженъ послѣдній послѣ неожиданной смерти Грознаго, случившейся среди жгучихъ переговоровъ о сватовствѣ, убѣжищѣ и англійской торговлѣ. Робертъ Якобъ и другіе англійскіе медики отплыли съ Баусомъ на одномъ кораблѣ. Въ своей запискѣ о миссіи къ намъ Баусъ, между прочимъ, сообщалъ: «Царь теперь прямо выставлялъ свою любовь къ ея величеству и ея странѣ: такъ, онъ прислалъ спросить посла, могутъ ли его проповѣдникъ Мг. Cole и Англичанинъ, царскій докторъ Якобъ, изложить тезисы англиканской вѣры; посолъ заставилъ этихъ лицъ исполнить это и послалъ тезисы къ царю, который былъ очень доволенъ и, щедро наградивъ авторовъ, приказалъ прочесть тезисы публично предъ многими изъ своей думы и знати» [2]. Записки Бауса

[1] VI гл., стр. 432 и слѣд.

[2] «Посольство Ер. Бауса» въ «Извѣстіяхъ Англичанъ о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка» (съ англійскаго), 101; гр. Ю. Толстой, Послѣдн. посол.

носятъ печать хвастливости, преувеличенія; преувеличеніемъ и ложною окраской отличается и данное его сообщеніе.

Назидать своихъ чуждымъ вѣроисповѣданіемъ Грозный никогда не имѣлъ въ виду; его дѣйствія не могли простираться далѣе простаго удовлетворенія свойственныхъ ему любознательности и любви къ богословствованію и словопреніямъ, которыя питали его теоретическую пытливость. Отдаливъ отъ себя представительныхъ Русскихъ, свѣтскихъ и духовныхъ, и пытаясь наполнить образовавшуюся около него пустоту то опричниками, которыхъ, конечно, едва ли могъ уважать, то умными иностранцами, которые однако преслѣдовали свои эгоистическія цѣли и слишкомъ были далеки отъ интересовъ Россіи, и потому не имѣя съ кѣмъ бы поговорить по душѣ, какъ въ былые годы съ митроп. Макаріемъ или протоп. Сильвестромъ, Іоаннъ естественно думаетъ иногда занять себя бесѣдой хотя бы съ какимъ-нибудь пасторомъ. Оказать же вниманіе къ изложенію каплана Коля и доктора Якоба, сверхъ того, побуждало Грознаго его усиленное стараніе угодить послу Елизаветы, какъ нѣкогда вниманіемъ къ проповѣди пастора Бокгорна онъ пытался сильнѣе предрасположить къ себѣ Магнуса и Ливонцевъ. Потому все это ни мало не препятствовало ему во мнѣніи о чуждомъ намъ протестантствѣ и на границы его распространенія неизмѣнно оставаться вѣрнымъ взгляду, который съ такою ясностью и рѣшительностію онъ высказалъ въ заключеніе своего письменнаго отвѣта къ пастору Рокитѣ: «Мнѣ нельзя не считать тебя еретикомъ, потому что все твое ученіе неправо, Христову ученію и церкви Христовой во всемъ ты мудрствуешь противно; ты не только еретикъ, но и слуга антихристовъ діавольскаго совѣта, но не худшій: Лютеръ еще хуже тебя [1]; но и тебѣ впредь ученія своего въ нашей землѣ не объявлять,

---

англ. кор. Елизаветы къ царю Ивану Васильевичу, Рус. Вѣстн. 1861, т. XXXVI, 29—30; Fechner, I, 105—106; Рихтеръ, I, 293—300. Ср. выше, VI гл., стр. 32—440. Представленное пасторомъ Humphry Cole изложеніе вѣры было, безъ сомнѣнія, тѣ 39 членовъ, которыя въ 1571 г. были приняты парламентомъ.

[1] Это мѣсто читается нѣсколько различно—въ Холмскомъ экземплярѣ: «а не пошлои еси, лютеръ еще тебя пуще есть»; у Попова: «а не пуще лютерь еще тобя пущи есть»; Ласицкій перевелъ его въ такомъ видѣ: «Non solus tamen tu es Luteranus, sunt enim alii te deteriores».

и о томъ молю Господа Бога, чтобъ Онъ сохранилъ нашъ Россійскій народъ отъ тьмы невѣрія вашего».

Выраженныя имъ мысль и чувство такъ были живы въ немъ, что всецѣло переходили у него въ дѣло; произнесенный имъ приговоръ былъ роковымъ и выражалъ мнѣніе общее, обнаруживая тѣмъ, какъ безплодны были бы надежды протестантской пропаганды на успѣхи въ Россіи. Авторитетъ государя былъ высокъ не въ однихъ дѣлахъ гражданскихъ: въ лицѣ государя Русскіе видѣли живаго выразителя и носителя ихъ религіозныхъ вѣрованій и самаго нелицемѣрнаго защитника ихъ религіозныхъ интересовъ. Какъ случилось во времена Василія II, отвергшаго католичество, вторгавшееся было въ лицѣ уніата митрополита Исидора, и народъ призналъ въ этомъ свое собственное рѣшеніе; точно также и теперь, во времена Грознаго. Не всѣ одинаково могли доказывать, но не было тогда большой разности во взглядахъ массы, правительства и ученыхъ. Царь стоялъ лишь впереди, за нимъ и съ нимъ стояли его подданные. Вмѣстѣ съ нимъ они одинаково твердо были убѣждены, что протестантамъ не оправдать своего ученія, не совратить православныхъ и что допущеніе распространять его у насъ было бы дѣломъ крайней несправедливости, прямымъ нарушеніемъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Тѣмъ большее значеніе и большій интересъ имѣлъ отрицательный взглядъ государя на новое вѣроисповѣданіе, что онъ согласовался съ тѣмъ, что̀ потомъ высказалъ младшій современникъ царя, Іеремія II, патріархъ Константинопольской церкви, отъ которой находилась въ зависимости церковь Московская [1].

---

[1]) Чтобы подкрѣпить доводы своего вѣроученія, или расширить предѣлы своего господства, католики и протестанты, какъ извѣстно, старались вовлечь въ собственную междуусобную борьбу восточныхъ патріарховъ и пріобрѣсть ихъ голосъ, каждая сторона въ свою пользу. Аугсбургское исповѣданіе было переведено (1559) на греческій языкъ, и Меланхтонъ послалъ его Константинопольскому патріарху Іосафу: посланіе осталось безъ отвѣта. Но эти сношенія возобновились при Іереміи Второмъ (занимавшемъ патріаршую каѳедру въ 1572—1579 и дважды до 1594), когда тюбингенскій профессоръ Мартинъ Крузе, лютеранинъ, чрезъ проповѣдника, находившагося при нѣмецкомъ послѣ въ Константинополѣ, переслалъ ему два письма и Аугсбургское исповѣданіе въ греческомъ переводѣ съ

Въ томъ же Новгородѣ, гдѣ прежде замѣчалось религіозное вольномысліе, къ концу царствованія Грознаго протестанты, поднимавшіе богословскіе споры, получали отвѣты, непріятные имъ. На брачномъ пирѣ Магнуса русскій игуменъ въ оправданіе своей твердости въ вѣрѣ сослался на примѣръ царя: какъ вѣруетъ царь, такъ-

---

просьбой высказать свое мнѣніе. Завязалась литературная полемика, необыкновенно сходная съ веденною въ Москвѣ и длившаяся до тѣхъ поръ, пока Іеремія, изложивъ православное ученіе и раскрывъ отступленія отъ него лютеранства, не попросилъ тюбингенскихъ профессоровъ прекратить переписку. Протестантскіе богословы, по справедливому сужденію А. В. Горскаго, имѣли въ виду преданіе, проповѣдуемое западною церковью, которое во многомъ, дѣйствительно, было искаженіемъ истиннаго преданія, произведеніемъ мірскихъ цѣлей іерархіи, а между тѣмъ отвергали самое преданіе и авторитетъ церкви; свой пріемъ относительно западной церкви они переносили къ церкви Восточной; отвергая неправильное, они не щадили и истины, не признавали самаго корня. Православный полемистъ, наоборотъ, думалъ не о преобразованіяхъ, а о томъ, чтобъ остаться вѣрнымъ преподанному и сохраняемому въ Православной церкви. Основываясь на Св. Писаніи и Преданіи, Іеремія, въ противоположность Аугсбургскому исповѣданію, именно доказывалъ: 1) «Духъ Святый исходитъ отъ одного Отца, 2) въ человѣкѣ и по паденіи, остается свободная воля, 3) человѣкъ оправдывается не одною вѣрою, но и добрымъ дѣлами, 4) таинствъ семь, а не два, 5) должно призывать святыхъ и ангеловъ и поклоняться святымъ иконамъ и мощамъ, 6) жизнь иноческая не противорѣчитъ духу Евангелія». Сходство было не только въ пунктахъ, противъ которыхъ боролись полемисты, не только во мнѣніяхъ, но даже и въ формѣ. Послѣ двухъ обличеній, патріархъ Іеремія писалъ своимъ совопросникамъ: «мы хотѣли пройти молчаніемъ посланіе ваше и не отвѣчать вамъ ничего, видя, что вы по своему произволу превращаете писаніе и толкованіе святыхъ; къ этому убѣждало насъ и слово апостола Павла: «еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся» (Тим. III, 10). Но поелику молчаніемъ могли мы подать вамъ поводъ думать, что соглашаемся съ вами, какъ будто бы вы правильно разсуждали, и будто бы Писаніе и св. отцы на вашей сторонѣ, то въ защищеніе сихъ свидѣтелей истины и нашемъ къ вамъ нынѣ» (А. В. Горскаго, О церкви Греческой съ 1453 года до начала XVIII столѣтія, въ Прибавл. къ Твор. Св. Отц. 1883, IV). Какъ напоминаютъ эти слова начало письменнаго отвѣта Грознаго Рокитѣ! Заѣхавъ въ Москву при сынѣ Ивана Васильевича, Іеремія послужилъ здѣсь учрежденію самостоятельнаго патріаршества въ сознаніи, между прочимъ, необходимости лучшей защиты отъ религіозныхъ враговъ, становившейся не подъ силу порабощенной церкви Константинопольской. Могъ онъ ознакомить московскую іерархію также и со своею полемикой.

де и тому же вѣруетъ и онъ [1]. Еще болѣе жесткія рѣчи выслушалъ датскій посолъ Ульфельдъ на его лютеранскія сужденія объ иконахъ. Задержанный въ Новгородѣ на своемъ пути въ Россію, Ульфельдъ, дожидаясь, пока получится царское разрѣшеніе на дальнѣйшее слѣдованіе, часто заводилъ бесѣду съ священниками и боярами о вѣрѣ и церковныхъ обрядахъ и доказывалъ, что не должно молиться святымъ и почитать ихъ иконы; свою мысль онъ доказывалъ мѣстами Писанія (Исх. XX; Второзакон. V; Исаіи, XLIV; Варуха, VI; Псалтирь, CXV псал.; Посл. къ Коринѳ.) противъ кумировъ и идоловъ. Несоотвѣтствіе этихъ и подобныхъ ссылокъ уже давно было доказано у насъ Максимомъ Грекомъ, Зиновіемъ, Грознымъ и др. Наши отвѣчали теперь кратко, что они вѣруютъ, какъ вѣровали отцы, что почитаніе святыхъ и ихъ иконъ требуется чудотвореніями и находитъ оправданіе въ обыденной жизни. Князья сего міра окружены сановниками, которыхъ должны просить княжескіе подданные прежде, чѣмъ получатъ доступъ къ владыкѣ, и милость приходитъ скорѣе чрезъ тѣхъ, которые болѣе имѣютъ у князя довѣріе. Отвергая возможность приравниванія земнаго къ Небесному, Ульфельдъ снова сослался на заповѣдь о почитаніи одного Бога и почитаніе святыхъ назвалъ идолопоклонствомъ Тогда наши съ нескрываемымъ гнѣвомъ замѣтили ему: «такихъ, которые говаривали хульныя рѣчи объ угодникахъ Божіихъ, сажали въ тюрьмы и казнили смертію; и то весьма извѣстно, что Лютеръ осужденъ со всѣми своими согласниками, а тѣ, которые призывали святыхъ на помощь, спаслись. На Руси и въ самомъ Новгородѣ почиваютъ святыя мощи: ясно, что оные мужи благочестиво жили и причислены къ лику святыхъ». Ульфельдъ замолчалъ и послѣ того уже ни разу не рѣшался упоминать объ иконахъ [2].

---

[1] Гл. III, 426—427; Henning, Bl. 55.

[2] Ульфельдъ, Путешествіе въ Московію, 20 — 21. Ср. выше, 136 — 137. Г-нъ Ю. III., подробно воспроизведшій обстоятельства посольства Ульфельда, справедливо замѣчаетъ по поводу затѣваемыхъ Ульфельдомъ неумѣстныхъ споровъ: «Читая отчетъ объ этихъ спорахъ, нельзя не признать, что одна сторона проявляла въ нихъ бо́льшую терпимость, другая же, по меньшей мѣрѣ, полное

Испытавъ на опытѣ, что̀ значитъ вести съ Русскими полемику, протестанты надолго оставляютъ ее. Они пробовали иныя средства. У лѣтописца царствованія Бориса Годунова разсказывается, что самые довѣренные изъ иноземцевъ къ этоту государю лица, нѣмецкіе врачи, часто бесѣдовали съ нимъ о дѣлахъ вѣры, но не упоминается, чтобы пускались въ полемику: повидимому, они находили болѣе удобнымъ ограничиваться однѣми похвалами своему вѣроисповѣданію, не касаясь Грековосточнаго, почему Борисъ дозволилъ имъ построеніе Лютеранской церкви и будто бы даже, умиленный ихъ разсказами, просилъ ихъ «молиться о блаженствѣ души своей». За то, когда услыхалъ отъ свиты умиравшаго принца Ивана, что въ Даніи Николаю Чудотворцу не воздается особаго почитавія, царь Борисъ немедленно охулилъ такое упущеніе и прославлялъ чудеса св. угодника. Изъ временъ Ѳеодора Ивановича встрѣчается извѣстіе, указывающее, какой путь избрали тогда нѣкоторые изъ протестантовъ. Казанскій митрополитъ Гермогенъ писалъ (1593 г.) государю, что въ его епархіи если Татары, имѣвшіе нѣмецкихъ плѣнницъ, жили съ ними по своему мусульманскому обычаю, то набрали себѣ въ услуженіе Русскихъ людей и Нѣмцы, и эти «Русскіе люди отпали отъ христіанской вѣры и превратились у Нѣмецъ въ римскую и въ люторскую вѣру». Какъ уже знаемъ, послѣднее средство было въ рукахъ иноземцевъ самымъ не уловимымъ, и какъ ни боролось съ нимъ правительство, цѣли мало достигало [1].

Послѣдовавшія государственно-общественныя смуты дали имъ большую возможность къ проявленію ихъ своекорыстныхъ желаній и стремленій. Легальнаго правительства держались немногіе изъ протестантовъ, остальные, если не убѣжали за границу, кинулись въ водоворотъ событій, увеличивая тѣмъ замѣшательство и бѣдствія. Даже видные носители образованности между ними, какъ напримѣръ, Буссовъ, авторъ хроники современныхъ ему событій, оказались слиш-

---

отсутствіе такта» (Два посольства при Іоаннѣ IV Васильевичѣ, Рус. Вѣстникъ 1887, VIII, т. CXC, 133).

[1] Гл. III, стр. 216, гл. V, стр. 335 и дал.; Bussow, 11; Акт. Арх. Экеп. I, стр. 438.

комъ далекими отъ космополитизма, когда люди смотрятъ на борьбу партій съ высшей точки зрѣнія, безпристрастно. Буссовъ принималъ сторону то одной, то другой партіи по чисто эгоистическимъ побужденіямъ; лица его профессіи приставали къ той сторонѣ, гдѣ было больше денегъ, выгодъ, дѣйствовали подъ знаменами различныхъ самозванцевъ, или на сторонѣ Шведовъ и Поляковъ [1]. Смуты открыли также широкій просторъ къ наплыву въ Московское государство иноземцевъ новыхъ, въ томъ числѣ и протестантовъ. Изъ Швеціи они являлись преимущественно подъ видомъ защитниковъ, изъ Польши— въ качествѣ прямо искателей приключеній и выгодъ. При высокомѣрномъ взглядѣ на Русскихъ, какъ на темную массу, къ эксплуатированію и «просвѣщенію» которой они считали себя призванными, и подъ вліяніемъ обстоятельствъ, удобныхъ для ихъ быстрой и легкой наживы, протестанты, гдѣ могли, въ оскорбленіи человѣческаго, національнаго и религіознаго чувства Русскихъ заявляли себя не меньше, чѣмъ католики. Даже отъ перваго Самозванца его нѣмецкіе тѣлохранители добились того, что для нихъ онъ отнялъ дома у Арбатскихъ и Чертольскихъ священниковъ и дозволилъ пастору Мартину Беру служить въ самомъ Кремлѣ; на время своего бракосочетанія (7-го мая 1606 года), въ видахъ безопасности, онъ велѣлъ быть въ церкви «лютерамъ, кальвинцамъ и евангеликамъ», гдѣ они, къ соблазну Русскихъ, вели себя слишкомъ непринужденно, «образамъ ругались и смѣялись, за обѣдней сидѣли, другіе спали, на образа приклонясь, и за то никаковъ человѣкъ не смѣлъ имъ слова молвить» [2]; о кощунствѣ иновѣрцевъ надъ образами, храмами и другими святынями въ послѣдующее время нечего и говорить. Вотъ какъ изображаетъ бѣдствія Руси историкъ въ спеціальномъ изслѣдованіи, посвященномъ эпохѣ. Не ограничиваясь грабежемъ селеній, монастырей, насиліями и проч., «для посмѣянія, паны заставляли монаховъ и монахинь пѣть срамныя пѣсни и плясать, а кто станетъ упрямиться, того ни почемъ было и убить. Къ соблазну

[1] Статья Kunik'a о Буссовѣ: въ Bulletin de la Classe des Sciences histor., philol. et polit. de l'Académie Impr. des Sc. de St.-Pétersbourg. VIII, №№ 20—25.

[2] Bussow, 46, пер. 52, 58; Собр. г. гр. и дог. II, № 140; Сказан. о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ, Чт. И. М. О. И. и Д. Рос. 1847, IX, 22; Костомаровъ, Смутное время, I (Истор. Моногр. Спб. 1868, IV), 342.

благочестивыхъ, обдирали оклады съ иконъ въ церквахъ, брали чаши и утварь, клали на дискосы мясо, загоняли скотъ въ церкви, кормили собакъ въ алтаряхъ, изъ царскихъ дверей устраивали себѣ кровати, изъ священническихъ облаченій шили себѣ исподнія платья... играли на образахъ въ карты или шашки, покрывали воздухами и пеленами лошадей»... [1]. И благочестивый бытописатель [2] восклицалъ: «Нѣсть возможно толикихъ бѣдъ изрещи, еже сотвориша окаяніи они Лютори въ царствующемъ градѣ Москвѣ!» Несчастія осложнялись тѣмъ, что изъ Шведовъ, нанявшихся въ качествѣ защитниковъ, одни передавались польскому королю, противъ котораго были призваны, другіе осуществили корыстные разсчеты своего короля. Предвидя, что побѣда въ Московскомъ государствѣ самозванцевъ, за спиной которыхъ дѣйствовали католическія Польша, Римская имперія и Испанія, вредно отзовется на протестантской Швеціи, Карлъ IX принималъ всѣ мѣры, чтобы Русскіе не сдавались въ рабство польскимъ и литовскимъ «собакамъ», и, навязывая нашимъ свою помощь противъ юго-западныхъ враговъ, своимъ коммиссарамъ, предъ которыми ему нечего было прикрывать своихъ цѣлей, указывалъ «воспользоваться смутами въ Россіи для территоріальнаго обогащенія шведской короны». Его важнѣйшею мыслію было утвердить власть и вліяніе Швеціи въ сѣверной Россіи, сдѣлавъ Иванъ-городъ и Новгородъ форпостами шведскихъ владѣній на востокѣ [3]. Шведскія войска захватили Великій Новгородъ и до того пожгли и разграбили его, что, по свидѣтельству лѣтописи, казалось, отъ самаго начала ему не было такого опустошенія. «И кое зло не бысть надъ нами! Кая бѣда, кая напасть не покры насъ!» Въ злѣ, покрывшемъ Русскую землю, были виновны, прежде всего, конечно, домашнія неурядицы, русская вольница и соперничество искателей власти и короны, но «и отъ Литвы и отъ Нѣмецъ было всякое разореніе», оповѣщаетъ лѣтописецъ [4].

Религіозное и національное чувство Русскихъ было до чрезвычайности возмущено и возбуждено подобными бѣдствіями. Подъ вліяніемъ возбужденія, зловредныя дѣйствія иновѣрцевъ представлялись

[1] Костомаровъ, Смутное время, II (Ист. Моногр., Спб. 1868, V), 198—199.
[2] Авр. Палицынъ, Сказаніе объ осадѣ Троицк. монаст. М. 1822, стр. 286.
[3] Форстенъ, Политика Швеціи въ Смутное время, Ж. М. Н. Пр. 1889, II.
[4] П. С. Р. Лѣт. V, 59; IV, 322; Авр. Палицинъ, 44.

прямо безбожными и всѣ чужія вѣроисповѣданія еще худшими, чѣмъ прежде. Бѣдствія Смутной эпохи если и убѣждали однихъ въ необходимости уже настойчиваго и систематическаго усвоенія нѣкоторыхъ плодовъ западной образованности, то одновременно съ тѣмъ въ такой мѣрѣ усиливали прежнее раздвоеніе въ отношеніяхъ къ иноземцамъ, что нерасположенность, питаемая большинствомъ, перешла въ ненависть, иновѣрецъ представлялся нестолько нечистымъ, сколько уже прямо поганымъ: бѣдствія невольно наложили на все болѣе густыя краски. Правда, въ немилость попали по преимуществу католики, какъ главные виновники бѣдствій, тѣмъ не менѣе въ общественномъ мнѣніи сильно упали и протестанты. Съ явнымъ намѣреніемъ выразить порицаніе, у насъ стали обзывать протестантовъ «латинами», католиковъ—«люторами», въ смыслѣ «бусурманъ»; названіе «поганый», «зловѣрный», «окаянный», «безбожный» къ слову «люторъ», (лютеранинъ) и «нѣмецъ» прилагаются уже какъ эпитеты, чуть не синонимы, и содружество съ лютеранами и кальвинами въ глазахъ лучшихъ людей того времени казалось достойнымъ посмѣянія всѣхъ языковъ [1]. На что былъ неустойчивъ князь Василій Шуйскій, пытавшійся поправить свои и государственныя дѣла наемными шведскими войсками, но и онъ пришелъ къ мысли, что на инородцевъ надежда плоха; горячій патріотъ кн. Д. М. Пожарскій прямо высказывалъ, что нужно полагаться на одни свои домашнія силы. Извѣстно отношеніе Русскихъ къ протестантамъ, бѣжавшимъ изъ Москвы, какъ рисуетъ это элегія [2] пастора Бера. Естественно, что когда Московское государство, поочистивъ свою территорію отъ внѣшнихъ враговъ, принялось за устройство своихъ внутреннихъ дѣлъ, протестанты, потерявшіе въ общемъ мнѣніи, стали терять и въ сферѣ юридической. Многое изъ того, что было для ихъ вѣроисповѣданія неблагопріятнаго въ практикѣ, получаетъ теперь форму закона. Если при Годуновѣ и Лжедимитріѣ I ихъ религіозное положеніе улучшилось противъ

---

[1] Тамъ же, III, 266, 283, 285, 286, 287; IV, 59, V, 51—54, 73, и мн. др.; Авр. Палицына, 44, 85, 249, 285, и друг. повѣствованіяхъ той эпохи (о воззрѣніяхъ ихъ авторовъ см. у С. Ѳ. Платонова, Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Спб. 1888); ср. сужденія Костомарова (Ист. Моногр. Спб. 1868, VI, 324—325) о характерѣ отношенія къ иноземцамъ тогдашняго русскаго населенія.

[2] Bussow; см. выше, гл. III, 302 и слѣд.

прежняго, то теперь оно опять обратилось къ старому, въ смыслѣ юридическомъ даже стало хуже. Несмотря на первоначальное допущеніе иноземцевъ и ихъ кирокъ въ черту столицы, вызванное необходимостію, царствованіе Михаила Ѳеодоровича — время узаконенія такихъ мѣръ, какъ перекрещиваніе, низведшее западныхъ иновѣрцевъ чуть не на степень не имѣющихъ таинствъ язычниковъ, недопущеніе ихъ въ православные храмы, сломка и удаленіе кирокъ въ дальнія мѣста и т. п. Признавая, что важнѣйшею причиной вреда, приносимаго иностранцами, служило ихъ иновѣріе, правительство такими мѣрами старалось возвысить въ глазахъ Русскихъ значеніе домашняго вѣроисповѣданія, поддерживавшаго народъ въ религіозно-національной независимости. Тѣмъ настойчивѣе чувствовалась потребность въ репрессаліяхъ, что съ минованіемъ Междуцарствія злоупотребленія и пропаганда не прекратились, мало того, въ захваченныхъ Шведами сѣверо-западныхъ русскихъ областяхъ онѣ продолжались съ возраставшею настойчивостію.

Стѣсненное положеніе покоренныхъ новгородцевъ вынудило ихъ на присягу вѣрности шведскому королевичу Филиппу и на обѣщаніе подчинить ему все Русское царство, между тѣмъ какъ остальные русскіе города избрали царя изъ дома Романовыхъ. Что было дѣлать новгородцамъ? Отдѣлиться отъ Москвы? Но это значило бы пренебречь своими жизненными интересами и симпатіями. Оторваться отъ Швеціи и пристать къ Москвѣ? Но гдѣ къ тому физическая возможность, когда они находились въ рукахъ шведскаго войска и искуснаго Делагарди, преслѣдовавшихъ свои цѣли?

Достаточно извѣстны политическія [1] и религіозныя виды, преслѣдуемыя тогда здѣсь шведскимъ правительствомъ. Его мысли находили себѣ ярыхъ приверженцевъ. Съ тѣмъ, какихъ взглядовъ держались и какія мечты питали запавшіе сюда простые иноземцы, отчасти знакомятъ насъ записки Матвѣя Шаума, участника въ походахъ Делагарди. «Русскіе, разсуждалъ онъ, всѣхъ на свѣтѣ грѣшнѣе, по своему закоснѣлому суевѣрію и безбожію, не смотря на то, что только себя называютъ святымъ народомъ, а всѣхъ прочихъ скверными бусурманами. Ибо хотя они заня-

[1] Форстенъ, Ж. М. Н. Пр., 1889, февр., окт. и слѣд.

ли нѣчто у Грековъ отъ истинной христіанской вѣры, но, подъ видомъ и подъ именемъ христіанъ, остаются прямыми варварскими язычниками». Я не думаю, чтобы они удержали свою вѣру». Сообщивъ затѣмъ о захватѣ Шведами Новгорода, Нотебурга, Иванъ-города, Ямы, Копорья и др., Шаумъ продолжаетъ: «Такимъ образомъ Господь Богъ и здѣсь, въ семъ варварскомъ идолопоклонническомъ народѣ, показалъ доброе начало къ зачатію евангельскаго ученія и къ распространенію христіанской церкви, что не только мы, но вмѣстѣ съ нами и все христіанство должно славословить Господа..., съ мольбою, да совершитъ Онъ благое начатое дѣло..., т.-е. съ помощію сихъ народовъ отнынѣ посрамитъ враговъ любезнаго Своего христіанства, особливо же папу, который въ семъ мѣстѣ думаетъ ворваться въ стадо Господа, и да ни зринетъ ихъ въ ямы, которыя они искапываютъ для христіанъ! Ибо отнынѣ мы не какъ прежде, уже не противъ Москвитянъ, но за Москвитянъ должны молить Бога (такъ какъ ихъ могущество, которымъ насъ устрашали, уже миновало), да спасетъ ихъ отъ глубочайшаго и все потопляющаго суевѣрія и идолопоклонства и наставитъ на путь совершеннаго познанія существа Своего и воли и да присоединитъ сихъ другихъ овецъ Своихъ съ конца свѣта къ Своей паствѣ. — И такъ, молимъ Бога, да руководитъ и охраняетъ пресвѣтл. младаго князя шведскаго, герцога Карла Филиппа, счастливо и благополучно, ко благу и защитѣ всего христіанства и къ распространенію Своего имени, да заведетъ онъ у Русскихъ благоустройство, церкви, училища, или, если они будутъ ему противиться лицемѣрить, да сильною рукою разсыплетъ ихъ и учинитъ ихъ покорными; да оградитъ ихъ Господь отъ папы и Поляковъ» [1].

Уступая силѣ, новгородцы и православные Финны поневолѣ должны были выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ. Съ полученіемъ ими тайной ободрительной грамоты Михаила и признаніемъ Густава

---

[1] М. Шаумъ, Tragoedia Demetrio-Moscovitica, въ Чт. И. М. О. И. и Д. Рос. 1847, II, 3, 16, 24—26.—Шаумъ былъ Нѣмецъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, до конца 1613 г. служилъ въ шведскомъ войскѣ, участвовалъ въ походахъ Шведовъ въ Россію и по увольненіи на родину написалъ свою «Трагедію», посвятивъ ее Густаву Адольфу.

трудности удержать за собою, по его выражанію, гордый и ненавидѣвшій всѣхъ иноземцевъ Новгородъ, православные ободрились. Михаилу Ѳедоровичу однако нечего было думать о возвращеніи всѣхъ отнятыхъ Шведами русскихъ областей. Послѣ долгихъ стараній ему удалось возвратить Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, Гдовъ, Ладогу, съ ихъ уѣздами и Сумерскую волость; но Иванъ-Городъ, Ямы, Копорье, Орѣшекъ съ ихъ округами такъ и остались въ рукахъ Шведовъ; царь отказался отъ своего права на Лифляндскую землю и Корелу и предоставилъ шведскимъ купцамъ имѣть свои дворы въ Новгородѣ, Псковѣ, Москвѣ съ свободой домашняго богослуженія. Все, что̀ удалось русскому правительству сдѣлать для облегченія православныхъ, отданныхъ по Столбовскому договору (1617 г.), это—оставить за новгородскимъ митрополитомъ завѣдываніе ихъ духовными дѣлами. Замѣчательно, что такому праву новгородскаго владыки не противились сначала и сами Шведы, предвидѣвшіе, что въ противномъ случаѣ почти все вновь пріобрѣтенное православное населеніе перебѣжитъ на русскую почву [1].

Шведскимъ правительствомъ употреблены были теперь всѣ, зависящія отъ него средства къ вовлеченію въ лютеранство всѣхъ новопріобрѣтенныхъ подданныхъ. Нигдѣ лютеранская нетерпимость не проявлялась противъ Православія съ такою систематическою послѣдовательностію, какъ здѣсь. Важные опорные пункты распространенія и поддержанія Грековосточнаго вѣроисповѣданія на финскомъ берегу Ладожскаго озера, Валаамскій и Коневскій монастыри, были Шведами разорены и превращены въ кирки, монахи или убиты или изгнаны; подобная участь постигла и нѣкоторые приходскіе храмы и служившее при нихъ духовенство [2]. Впрочемъ, чтобы поворотъ не казался населенію слишкомъ крутымъ и не вызывалъ вспышекъ раздраженія, правительство старалось начать съ мѣръ благовидныхъ, и примѣнять принужденіе, когда силы православныхъ были уже ослаблены. [3]

---

[1] Никон. Лѣтопись, VIII, 223—224; Бергъ, Царствованіе Михаила Ѳеодоровича, II, 98—102; Соловьевъ, изд. 4, IX, 83 и дал.; Лыжинъ, Столбовскій договоръ и переговоры, ему предшествовавшіе. Спб. 1857 г.

[2] Валаамскій монастырь. Спб. 1864.

[3] Свѣдѣнія заимствуемъ попреимуществу изъ финскаго сочиненія Саленіуса,

Еще до Столбовскаго мира Густавъ Адольфъ велѣлъ своимъ придворнымъ проповѣдникамъ, Руббеку и Пальмѣ, побесѣдовать въ Иванъ-городѣ съ русскими священниками о вѣроисповѣданіяхъ и написать сочиненіе о богослуженіи шведской церкви и объ особенностяхъ лютеранскаго и Восточнаго вѣроисповѣданій въ сравненіи ихъ между собою. Явившееся въ Нарвѣ сочиненіе «Краткое изложеніе и наставленіе о нашей христіанской вѣрѣ и богослуженіи въ Швеціи» [1] было издано на шведскомъ и русскомъ языкахъ, и Русскіе приглашались въ немъ отказаться отъ своихъ «заблужденій». Въ Стокгольмѣ заведена была потомъ (1625 г.) славянская типографія, въ которой кириллицею были напечатаны переводы Лютерова катихизиса на русскомъ языкѣ (1628 г.) и на ингерманландскомъ финскомъ нарѣчіи (1644 г.) [2]; русскій переводъ занесли даже въ Москву, гдѣ онъ не только вошелъ въ употребленіе между протестантами, но сталъ извѣстенъ и нѣкоторымъ природнымъ москвичамъ. [3] Тѣмъ православнымъ священникамъ, которые выучивали Лютеровъ катихизисъ, и тѣмъ финскимъ пасторамъ, которые проповѣдывали по-русски и могли переводить проповѣди на русскій языкъ, назначались особыя награды; впослѣдствіи русскимъ священникамъ, соглашав-

---

Греческая вѣра въ Финляндіи. Борго, 1873 (переводъ извлеченій изъ него обязательно сдѣланъ и доставленъ намъ К. И. Якубовымъ), проф. И. П. Чистовича, Ист. Прав. ц. въ Финляндіи, и др.; нѣкоторыя данныя сообщены намъ упсальскимъ профессоромъ Г. Йрне (Harald Hjärne).

[1] Полное заглавіе сочиненія: «Краткое изложеніе и наставленіе о нашей христіанской вѣрѣ и богослуженіи въ Швеціи. Здѣсь также изложены кратко и опровергнуты грубѣйшія заблужденія, какія есть въ религіи Русскихъ. Написано для русскихъ священниковъ и всего прихода въ Иванъ-городѣ, а также и для другихъ (людей) той же вѣры придворными проповѣдниками корол. величества шведскаго и проч. Іог. Руббекомъ и І. Пальмой. Нарва 24 авг. 1614» (1616?). Второе изданіе было въ Вестеросѣ въ 1640 г.

[2] Заглавія и указаніе мѣстонахожденія ихъ см. у Каратаева, Описаніе славяно-русскихъ книгъ. Спб. 1883, 397, 510—511. По Бергу (Bergius, Exercitatio de statu ecclesiae et religionis Moscoviticae. Holmiae, 1704, предислов.); русскій переводъ былъ изданъ дважды.

[3] Kilburger, 338; Правосл. Исповѣданіе. М., 1696, посл. къ паствѣ п. Адріана, и др.

шимся обучать своихъ прихожанъ лютеранскому катихизису, отводилась усадьба на казенной землѣ и ежегодно изъ казенныхъ запасовъ давалось хлѣба отъ 6 до 12 бочекъ. Послѣднее распоряженіе состоялось по предложенію лютеранскаго выборгскаго епископа и ингерманландскаго суперъинтендента. Дворянскимъ дѣтямъ, учившимся въ шведскихъ школахъ, назначались казенныя стипендіи.

Съ учрежденіемъ высшей лютеранской духовной власти обращеніе православныхъ вообще стало проводиться съ меньшей застѣнчивостію. На новыя высшія духовныя мѣста тогда назначали обыкновенно суперъинтендентовъ, но близость Русской церкви побудила оставить въ сопредѣльномъ Выборгѣ чтимое русскими званіе епископа. Высшимъ властямъ вмѣнялось въ обязанность обучать православныхъ въ лютеранской вѣрѣ, строить кирки или, искусно, превращать въ кирки православныя церкви. По распоряженію (1630 г.) Густава Адольфа, въ каждое село должно постепенно назначать по лютеранскому пастору, и православные жители, хотя бы и правилось богослуженіе въ ихъ церкви, обязывались выслушивать каждый праздникъ (позднѣе, каждое второе воскресенье) финскую проповѣдь у лютеранскаго пастора; по смерти или выходѣ православнаго священника лютеранскій пасторъ совсѣмъ занималъ его мѣсто. Само собою разумѣется, что содержаніе пастора и кирки возлагалось и на православныхъ, которымъ потому, противъ лютеранъ, приходились двойные расходы на церковь. Чтобы парализовать связь съ Новгородской митрополіей, было предложено (1633 г.) православнымъ жителямъ Карелiи и Ингерманландіи послать кого-либо въ Константинополь для посвященія у патріарха въ митрополиты; поставленный тамъ митрополитъ могъ бы потомъ ставить для нихъ священниковъ. Но народъ хотѣлъ быть въ единеніи съ Новгородомъ, получать духовенство оттуда, чему, между тѣмъ, все болѣе и болѣе препятствовали Шведы. И когда нѣкоторые православные жители Ингерманландіи просили (1640 г.) шведское правительство позволить имъ своихъ кандидатовъ для поставленія во священники посылать въ Бѣлоруссію, то имъ уже отвѣтили, что они должны принимать тѣхъ священниковъ, которыхъ они предложатъ сами и которыхъ посвятитъ суперъинтендентъ, отправляемый вскорѣ въ Нарву или Нienшанцъ; опредѣленіе о посвященіи у лютеранскихъ

суперъинтендентовъ примѣнялось потомъ со всею строгостью. Желающіе быть священниками должны сначала выдержать особое испытаніе и принести присягу на вѣрность. Епископъ Бьюггъ жаловался, что русскіе купцы и крестьяне ѣздятъ въ Новгородъ для поставленія во священники въ Кексгольмской губерніи; правительство опредѣлило тогда штрафъ и такимъ «измѣнникамъ».

Штрафы, наказанія и различныя притѣсненія обрушивались на православныхъ съ возрастающей силой. Обращеніе въ Греческую вѣру воспрещалось подъ угрозой смертной казни. Смертная казнь полагалась и на перебѣжчиковъ. Если обращенные въ лютеранство Шведы или Финны убѣгали за московскій рубежъ и принимали тамъ Русскую вѣру, то, въ случаѣ захвата или возвращенія, вѣшали ихъ на рубежѣ, такъ какъ-де они «отреклись отъ христіанской вѣры». Но если изъ завоеванныхъ областей убѣгали въ Россію православные и затѣмъ возвращались оттуда, то имъ обыкновенно отдавались ихъ прежнія земли: въ нихъ Шведы видѣли удобный контингентъ для обращенія въ лютеранство. При совращеніи не обходилось безъ прямыхъ принужденій: лютеранскіе пасторы возбуждали къ насиліямъ противъ Русскихъ, «этихъ идолопоклонниковъ», какъ они обзывали православныхъ.

Сопротивленіе послѣднихъ вело къ тому, что шведское правительство не разъ вынуждалось умѣрять свое рвеніе и обѣщать оставить все попрежнему. Даже къ концу правленія Густава Адольфа въ Кексгольмской губерніи было (1630 г.) 17 православныхъ священниковъ и лишь 6 лютеранскихъ пасторовъ, 48 церквей и 8 кирокъ; къ 1640 году въ Ингерманландіи было уже 15 новыхъ лютеранскихъ приходовъ. Гнетущее время брало свое. Всего тяжелѣе приходилось православному духовенству, церквамъ и монастырямъ. Угнетаемые Русскіе видѣли, какъ шведскіе «фанатики вновь родившагося вѣроисповѣданія распространяли между жителями лютеранство»; православные Финны все замѣтнѣе и замѣтнѣе лишались своей самостоятельности. Не одна тысяча ихъ была такимъ образомъ совращена въ лютеранство, но многіе изъ нихъ предпочли лучше покинуть свои жилища. Огромными гурьбами бѣжали они въ едино-

вѣрное Московское государство [1], особенно въ виду того, что Москва не прекращала заботъ о парализированіи шведско-лютеранской пропаганды, пользуясь, главнымъ образомъ, правомъ новгородскаго владыки завѣдывать духовными дѣлами православныхъ въ уступленныхъ Шведамъ русскихъ областяхъ. Михаилъ Ѳедоровичъ благодарилъ (1617 г.) новгородскаго митр. Исидора, что онъ, по мѣрѣ силъ, охранялъ православныхъ отъ религіозныхъ и политическихъ «насильниковъ германскаго рода». Филаретомъ Никитичемъ посланъ былъ (1619 г.) слѣдующему новгородскому митрополиту, Макарію, «образцовый списокъ» для тѣхъ грамотъ-посланій, съ которыми митрополитъ долженъ былъ обратиться къ своей заграничной паствѣ, и, между прочимъ, объявить Финнамъ, чтобъ они мужались, крѣпко держались своей Православной вѣры и по своимъ духовнымъ дѣламъ пріѣзжали къ нему въ Новгородъ; за неисполненіе наставленій владыка грозилъ судомъ Божіимъ. Въ виду опасенія Шведовъ относительно этихъ сношеній, пришлось сдѣлать уступку: о дѣйствіяхъ митрополита давалось воеводами знать мѣстному шведскому начальству; но перебѣжчики и послѣ того тайно принимались, съ предоставленіемъ имъ различныхъ льготъ.

Размѣры лютеранской пропаганды вынудили московское правительство издать (1629 г. 31 генв.) новгородскимъ воеводамъ наказъ, чтобъ они тѣхъ пріѣзжавшихъ изъ-за рубежа, которые начнутъ бить челомъ о допущеніи помолиться въ соборной церкви Софіи и новгородскимъ чудотворцамъ, гораздо развѣдывали, не пошатнулись ли эти въ Православной вѣрѣ, твердыхъ пускать на посадскія церкви, но не въ Софійскую, пошатнувшихся и приставшихъ къ лютеранской вѣрѣ не пускать и въ посадскія церкви, «дабы нашей Православной вѣрѣ поруганья не было». Что же касается до самихъ природныхъ лютеранъ, бывающихъ въ Новгородѣ, то ихъ, «некрещеныхъ Нѣмцевъ», въ православныя церкви отнюдь не пускать, «о томъ бы есте дьячкомъ (воеводы) приказывали накрѣпко». Вмѣстѣ съ этимъ Нѣмцы лишились доступа въ центръ города. Подобно тому, какъ въ допущеніи шведскихъ православныхъ различались посадскія церкви отъ Софійской, также точно здѣсь различались другія части

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Шведскія за соотвѣтств. годы; Акт. Эксп. III, №№ 155, 165 и мн. др.; Валаамскій монастырь, 53.

города отъ Кремля. «Каменный городъ» для заморскихъ не крещеныхъ Нѣмцевъ, по приказу Михаила, долженъ быть недоступнымъ. На Посадѣ же, у церковныхъ дьячковъ, какъ лицъ опытныхъ, а не у простыхъ людей, иноземцы могли учиться русскому языку. Только натянутыя отношенія между Россіей и Польшей заставили потомъ наше правительство предупредительнѣе относиться къ Шведамъ и ихъ требованіямъ. Челобитная архіепископа Іоасафа о недозволеніи Нѣмцамъ ставить во Псковѣ торговый дворъ принята не была, и накрѣпко было велѣно розыскивать перебѣжчиковъ съ шведской стороны, отсылать ихъ обратно и новыхъ не принимать. Новгородскій митр. Кипріанъ нашелъ себя вынужденнымъ воспретить (2 авг. 1629 г.) Соловецкому монастырю принимать на монастырскія вотчины шведскихъ перебѣжчиковъ и отказывать имъ на ихъ просьбы о крещеніи. Политическія обстоятельства мѣшали дѣлу защиты [1].

Прописки католической Польши поддерживали антагонизмъ Москвитянъ вообще къ католикамъ и ихъ вѣроисповѣданію; къ тому же результату, хотя и не въ такой степени, вели подобныя дѣйствія Швеціи относительно протестантовъ.

Въ частяхъ Московскаго государства, освобожденныхъ отъ иноземнаго владычества, вмѣсто такой систематической, сопровождаемой насиліями пропаганды, видимъ, что въ одномъ мѣстѣ проявитъ себя какой-либо пасторъ, тѣмъ болѣе, что, по сознанію протестантскихъ писателей, проповѣдь была бы лучшимъ средствомъ «направить Русскихъ на истинный путь», еслибъ она была только развита и дозволена; въ другомъ обнаружитъ излишнюю ревность иной помѣщикъ или домохозяинъ, стараясь провести свои религіозныя тенденціи между своими крѣпостными или русскою прислугой; тамъ кто-нибудь, разговорившись съ Москвитяниномъ о житейскихъ предметахъ, переведетъ рѣчь на предметы религіозные, неодобрительно отзовется о Православіи и православныхъ и похвалитъ своихъ, чаще и рѣшительнѣе поступали такимъ образомъ, какъ и въ былыя времена, члены посольствъ.

[1] Акт. Ист. III, стр. 453; Акты Экспед. III, №№ 107, 108, 111, 127, 128, 155, 165, 179, 181, 183, 184, 200, 203; Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, Псковск. Лѣт., 334; Арх. Досифей, Географич., историч. и статистич. описаніе Соловецкаго монастыря. М. 1836, III, 214—215; Макарій, XI, 20—22; Соловьевъ, IX, 356 и д.; А. Смирновъ, Св. патр. Филаретъ Никитичъ, ч. II, гл. II.

Голштинскому посольству при возвращеніи изъ Персіи пришлось долго застояться въ Казани, въ прилегавшей къ ней Слободѣ. Случился праздникъ Николая Чудотворца (6 дек. 1638 г.), когда мѣстный причтъ, обходя своихъ прихожанъ со святой водой, посѣтилъ и домъ, гдѣ квартировалъ Олеарій. По окончаніи молебна священникъ утѣшалъ хозяйку дома въ ея горѣ, такъ какъ мужъ ея сидѣлъ въ долговой тюрьмѣ. Въ бесѣдѣ принялъ участіе и Олеарій. Священникъ сообщилъ ему много о Русской вѣрѣ, чудесахъ святыхъ, о почивающихъ въ Казани мощахъ Варсонофія и Гурія, отъ которыхъ многіе больные получали исцѣленія. Олеарій увидѣлъ въ этомъ предлогъ подсмѣять надъ собесѣдникомъ съ своей лютеранской точки зрѣнія. Онъ спросилъ священника, что если отъ мощей получаются исцѣленія, то почему же онъ самъ не полѣчится этимъ средствомъ отъ своей боли въ спинѣ, на которую онъ предъ тѣмъ жаловался хозяйкѣ, и почему въ Казани много больныхъ? Разговоръ принималъ форму, объяснявшую причину, по которой у насъ воспрещалось безъ надобности вести религіозныя бесѣды съ протестантами. Діаконъ, при вопросѣ Олеарія, разсмѣялся, а священникъ обругалъ ихъ обоихъ; причтъ немедленно отправился далѣе.

Но находились у насъ люди, поддѣлывавшіяся и подъ тонъ своихъ собесѣдниковъ. Въ Нарвѣ жилъ русскій купецъ Филиппъ, человѣкъ общительный; онъ часто хаживалъ къ членамъ посольства Олеарія, чтобы съ ними раздѣлить трапезу, и передавалъ требовавшіяся имъ свѣдѣнія. Однажды (30 января 1634 г.), по его приглашенію, посѣтилъ его Олеарій вмѣстѣ съ своимъ докторомъ Гартманомъ Граманомъ. «Мы», пишетъ этотъ путешественникъ,—«разговорились съ нимъ о его религіи, особенно объ образахъ, и онъ далъ намъ такое исповѣданіе своей вѣры, въ которомъ мы увидали слѣды истиннаго христіанина. Сказавъ, между прочимъ, что образа онъ ни во что̀ не ставитъ, взялъ носовой платокъ, провелъ имъ по образу, и прибавилъ: «Краску я могу стереть, а дерево сжечь; долженъ ли я въ этомъ искать свое спасеніе?» Показалъ намъ Библію на славянскомъ языкѣ, на которомъ онъ читалъ хорошо, раскрылъ нѣсколько мѣстъ, перевелъ ихъ и сказалъ: «Здѣсь я долженъ искать волю Божію и сообразно съ тѣмъ поступать». Посты, какъ отправ-

ляютъ ихъ многіе Русскіе, онъ не считалъ полезными: «Что въ томъ», сказалъ онъ,—«если я не ѣмъ мяса, но пользуюсь хорошей рыбой, и напиваюсь виномъ и медомъ? Истинный постъ тотъ, какъ заповѣдалъ намъ Богъ чрезъ пророка Іоиля въ первой и другихъ главахъ, и бываетъ, если я ничѣмъ не питаюсь, кромѣ воды и хлѣба, и часто молюсь». Жаловался при этомъ на своихъ соотечественниковъ, что имъ слишкомъ много недостаетъ до такого знанія о религіозныхъ предметахъ и отправленія христіанскихъ обязанностей. Когда мы спросили, почему онъ, имѣя такое свѣтлое знаніе о Богѣ, не научаетъ ему своихъ собратьевъ, онъ отвѣтилъ, что не имѣетъ къ тому призванія, да и они не повѣрили бы ему, сочли бы его еретикомъ; а что онъ держитъ образа, это въ воспоминаніе о Богѣ и святыхъ. Затѣмъ принесъ онъ изъ кладовой портретъ Густава Шведскаго, отпечатанный на золотой кожѣ, и сказалъ: «Мы можемъ вѣдь терпѣть его въ нашихъ комнатахъ, изъ уваженія къ герою, который такъ много совершилъ славныхъ дѣлъ — почему же нельзя имѣть образа святыхъ въ воспоминаніе объ нихъ, которые въ духовныхъ дѣлахъ были такими великими и удивительными мужами» [1]. Быть можетъ, не безъ вліянія жившихъ въ Нижнемъ Новгородѣ лютеранъ, священникъ Нижегородскаго Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря Иванъ дошелъ до такой «гордости» и такого «иступленія ума», что называлъ еретиками прочихъ священниковъ [2].

---

[1] П. С. Зак. I, Уложеніе, XX, 70; Büsching, Gesch., II, cap. VIII; Olearius, 1656, 292, 297—298, 756—757; 1696, 146, 149, 155—156, пер. 327, 335—337; 1018—1020. Олеарій передаетъ далѣе, будто бы также разсуждалъ объ иконахъ протопопъ Иванъ Нероновъ и за то былъ сосланъ въ монастырь. Нероновъ былъ сосланъ (4 авг. 1653 г.) за свои старообрядческія мнѣнія, противодѣйствіе реформамъ Никона и обиды ему (Субботинъ, Мат. для ист. раскола, I, 134—135, 41—51; Макарій, Патр. Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ, Приб. къ Тв. Св. От., 1882, I, 25—27; Ист. Рус. ц. XII, 203).

[2] «Въ нынѣшнемъ во 140 (1632) году генваря въ 31 день», писалъ патр. Филаретъ Никитичъ игумену съ братіей Корельскаго Никольскаго монастыря, «по нашему указу посланъ къ вамъ, въ Корѣльскій монастырь, подъ начало въ смиренье, Нижняго Новгорода Воскресенскаго дѣвича монастыря попъ Иванъ, за его гордость и высокую мысль, во иступленіи ума бысть и нынѣ не въ совершенномъ разумѣ, и въ людѣхъ многую смуту чинилъ, и людей училъ безъ нашего благословенія, и священникомъ лаялъ и еретиками называлъ, отъ своего безум-

Въ подобныхъ податливыхъ личностяхъ едва ли не выступаютъ на свѣтъ скрытые послѣдователи ересей XVI вѣка. Трудно думать, чтобъ еретическое движеніе, послѣ того, какъ оно было осуждено на соборѣ, исчезло: религіозныя заблужденія, какъ бы ни были странны, не пропадаютъ такъ скоро; чаще всего они, сообразно съ обстоятельствами, лишь видоизмѣняются. Если догадка справедлива, то здѣсь намъ представляется весьма любопытное явленіе. Отпоръ протестантской пропагандѣ, нанесенный Грознымъ, близко совпалъ съ соборнымъ осужденіемъ ересей Башкина и Косаго. Явная пропаганда была невозможна, оставался путь скрытый. Мы уже знаемъ, какого рода подпольный путь избрало тогда протестантство. Здѣсь оно, повидимому, встрѣтилось съ русскимъ еретическимъ движеніемъ, такъ какъ и прежде оно могло нѣсколько соприкасаться къ нему. Тотъ фактъ, что, по свидѣтельству уже приведенныхъ нами правительственныхъ распоряженій, Русскіе люди, перестающіе соблюдать посты, исповѣдываться и т. д., жили у «Нѣмцевъ», и жили въ иныхъ случаяхъ добровольно,— многозначителенъ. При общемъ нерасположеніи, а пожалуй и презрѣніи къ иновѣрцамъ людей консервативнаго направленія, идти къ нимъ на добровольную службу имъ было крайне затруднительно. Рѣшиться на подобный шагъ легче было людямъ прежнихъ религіозно-раціоналистическихъ понятій, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько тронутымъ ими. При встрѣчѣ, протестанство, какъ облеченное отчасти въ оружіе науки и пропагандируемое лицами, имѣющими обезпеченное общественное положеніе, получаетъ перевѣсъ надъ русскимъ раціонализмомъ, обнаруживаетъ на него свое вліяніе и сообщаетъ ему новый характеръ, уничтоживъ признаки, напоминавшіе о жидовствѣ, важной въ первоначальную пору точкѣ отправленія русскаго религіознаго вольномыслія. Новые вольнодумцы не составили какого-нибудь общества, потребовавшаго созванія особаго собора, въ общей массѣ православныхъ

ства» (Акт. Эксп. III, № 198). Патріархъ называетъ источникомъ его свободомыслія «безумство». Однако не было ли въ этомъ дѣлѣ о монастырскомъ священникѣ связи съ призывомъ въ началѣ 30-хъ годовъ къ патріарху одного нижегородскаго «мѳнаха,» ведшаго бесѣды съ таможнимъ пасторомъ Шеліусомъ? См. выше, V гл., 331—332; Olearius, 1656, 279, 757, пер. 309, 1020.

были почти не замѣтны, и о существованіи ихъ мы знаемъ не изъ соборныхъ опредѣленій, а изъ разныхъ частію оффиціальныхъ, частію неоффиціальныхъ мимоходныхъ извѣстій. По этимъ даннымъ, они относились съ безусловнымъ уваженіемъ къ одному Священному Писанію, іерархію порицали, пренебрегали храмами, иконопочитаніемъ, исповѣдью, причащеніемъ, постами. Между вольнодумствующими упоминаются не одни крестьяне и прислуга, но купецъ, священникъ и князь: знакъ, что протестанты не упускали изъ виду и лицъ другихъ сословій, кромѣ крестьянскаго, тѣмъ болѣе, что и въ числѣ еретиковъ XVI вѣка были лица различныхъ сословій. Между всѣми ими одинъ кн. Ив. Андр. Хворостинъ [1] еще напоминаетъ Косаго, одинъ онъ обвинялся въ отрицаніи воскресенія мертвыхъ, но и въ немъ уже не замѣчалось жидовства; напротивъ, современники называли его вольномысліе латинствомъ, и доля вліянія послѣдняго была совершенно возможна.

Дѣйствія протестантской пропаганды, какъ и при Грозномъ, снова привлекли вниманіе православныхъ и побудили лучшихъ знатоковъ дѣла взяться за перо. Припомнимъ, что Нѣмецкой Свободы подъ Москвой уже не существовало, и протестанты жили въ самой столицѣ, неся государеву и частную службу и нерѣдко нанимая къ себѣ въ услуженіе русскую прислугу. Съ прибытіемъ сюда новыхъ иноземцевъ - протестантовъ и осложненіемъ сношеній ихъ съ Русскими сами собою могли учащаться бесѣды и споры о вѣрѣ, увеличиваться соблазны намѣренной или ненамѣренной протестантской пропаганды.

---

[1] Акты Арх. Эксп. III, № 147, 149; Собр. гос. гр., III, № 90; наиболѣе біографическихъ свѣдѣній о немъ собрано у Платонова, 182—203. Хворостинъ подъ конецъ жизни сдѣлался строго православнорусскимъ и померъ (1625 г.) монахомъ Троице-Сергіева монастыря. Строевъ (Библіологич. Словарь, 289) указываетъ даже одно его полемическое сочиненіе противъ протестантовъ, къ сожалѣнію, безъ означенія мѣста, нахожденія его. Въ доступныхъ намъ рукописныхъ собраніяхъ и печатныхъ ихъ описяхъ мы его не нашли. Всего вѣроятнѣе, Строевъ видѣлъ данную рукопись въ какой-либо изъ монастырскихъ библіотекъ въ Сѣверной Россіи, во время своего путешествія туда; разъясненіе, быть можетъ, находится въ его бумагахъ, хранящихся въ С.-Петербургѣ.

Понятна потребность въ сочиненіяхъ, гдѣ въ доступной формѣ давались бы отвѣты на болѣе употребительныя возраженія и вопросы, предлагались бы обоснованныя свѣдѣнія о протестантствѣ и его несостоятельности въ сравненіи съ Православіемъ. На первыхъ порахъ Великороссамъ, послѣ только-что вынесеннаго государственнаго разгрома и при низкомъ уровнѣ образованія, создать оригинальныя полемическія сочиненія однако было не подъ силу. Группа лицъ хоть сколько-нибудь подготовленныхъ была привлечена правительствомъ къ дѣлу исправленія и печатанія богослужебныхъ книгъ, въ которомъ чувствовалась самая неотложная потребность и которое, хотя съ грѣхомъ пополамъ, двигалось быстрѣе другаго книжнаго дѣла. Практичнѣе и естественнѣе всего было или ограничиться пока перепиской и собираніемъ прежнихъ русскихъ или переводныхъ греческихъ и латинскихъ сочиненій, бо́льшая часть которыхъ если и не направлялась непосредственно противъ протестантства, но по своему содержанію легко могла быть употреблена въ качествѣ удобнаго оружія для борьбы съ нѣкоторыми изъ пунктовъ протестантскаго ученія, или брать и переводить сочиненія южно-русскихъ православныхъ полемистовъ, которыми противопротестантская полемическая литература была поставлена на значительную высоту. Собственно изъ московскихъ сочиненій пользовались теперь словомъ Максима Грека «о поклоненіи святыхъ иконъ», которому вполнѣ усвоивается назначеніе противъ лютеранства, «Отвѣтомъ» Грознаго Рокитѣ и бесѣдами объ иконопочитаніи, заключающимися въ сочиненіи инока Зиновія «Истины показаніе», направленными противъ лжеученія Ѳеодосія Косаго; изъ греческихъ и латинскихъ авторовъ пользовались предпочтеніемъ тѣ, кто писалъ о почитаніи святыхъ иконъ: константинопольскій патріархъ Германъ, царь Константинъ Порфирородный, Іоаннъ Дамаскинъ, современникъ императору Льву Исаврянину римскій папа Григорій и др. Южно-русская полемическая литература привилась къ намъ въ сочиненіяхъ Василія Острожскаго, Стефана Зизанія, Захарія Копыстенскаго, Нафанаила и др. Знакомясь съ данными произведеніями и вырабатывая на нихъ литературные пріемы, московскіе ревнители или брали ихъ въ цѣломъ видѣ, или сводили въ сборники, какъ бы въ цѣльныя системы, куда вносили главы и собственнаго

сочиненія. Нѣтъ нужды, что эти труды выходили въ большинствѣ не самостоятельными: тогда у насъ держались взгляда, что въ дѣлахъ вѣры «веліе безуміе есть оставити глаголы готовы и глаголати своя» [1], даже, какъ увидимъ, авторы намѣренно не означали своего имени, стараясь прикрыться чужимъ, завѣдомо авторитетнымъ. Заслуга и искусство составителей сказывались въ умѣньи выбирать пригодное и вселяющее убѣдительность въ сознаніи современниковъ. Часть этой литературы послужила затѣмъ матеріаломъ для нашихъ полемистовъ въ извѣстномъ дѣлѣ Вальдемара.

Хотя южно-русская полемика направлялась попреимуществу противъ католиковъ [2], какъ главныхъ враговъ Православія, и съ протестантами, въ интересахъ общей обороны, православные не разъ заключали союзы; обстоятельства однако требовали разъяснить православнымъ разность ихъ вѣрованія отъ протестантскаго и тѣмъ предохранить ихъ отъ безсознательныхъ или сознательныхъ увлеченій. Такъ, кромѣ бѣжавшихъ изъ Москвы князя А. Курбскаго [3] и старца Артемія [4], священникъ Острожскій Василій, сотрудникъ князя К. Острожскаго въ дѣлахъ на пользу Православія, въ своемъ сочиненіи «О единой истинной Православной вѣрѣ и о святой соборной и апостольской Церкви, откуду начало приняла и како повсюду распростреся», напечатанномъ (ок. 1588) противъ латинянъ, посвящаетъ цѣлый отдѣлъ (шестой, заключительный) разбору ученія и возраженій лютеранъ и другихъ современныхъ ему «иконоборцевъ» относи-

---

[1] Книга о вѣрѣ, рукоп. Моск. Румянцевскаго Музея, изъ собранія Ундольскаго, № 427, л. 8 об.

[2] А. С. Архангельскій, Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература кон. XVI—пер. пол. XVII в., Чт. И. М. О. И. и Д. Рос. 1888. I.

[3] Сказанія князя Курбскаго. Спб. 1833, II, въ особ. письма къ Чаплію, Бокею, Древинскому и др.

[4] Его посланія «къ лютеранскимъ учителямъ», «до Симона еретика Буднаго» изданы, вмѣстѣ съ другими его посланіями, въ IV т. Русской Исторической Библіотеки, по экземпляру Имп. Публ. Библ.; другой экземпляръ XVI—XVII вѣковъ, въ 201 листъ въ осьмушку, имѣется въ Моск. Рум. Музеѣ, собранія Ундольскаго, № 494.—О сочиненіяхъ этихъ полемистовъ не говоримъ здѣсь, такъ какъ, по весьма понятной причинѣ, во времена Михаила Ѳедоровича ими въ Московскомъ государствѣ, повидимому, не пользовались.

тельно св. храмовъ, иконъ и мощей [1]. Этотъ отдѣлъ имѣетъ и общее заглавіе: «О св. храмѣхъ, въ молитву и къ пребыванію имени Господня созданыхъ, и о почитанію святыхъ иконъ, на воспоминаніе богомужнаго вочеловѣченія Спасова написаныхъ», и частныя, соотвѣтственно двоякому содержанію: а) «О церкви албо о храмѣ молитвеномъ», 2) «О образохъ, рекше о иконахъ». Въ первой статьѣ, небольшой по объему, авторъ доказываетъ превосходство церкви, какъ дома молитвы и Господня, предъ простыми жилищами, въ которыя протестанты сходятся «на свое богохульное набоженство» и гдѣ «они съ женами живутъ и гдѣ всякое празднословіе глаголется». Вторая статья, какъ бы продолженіе первой, подробно обосновываетъ богоучрежденность иконопочитанія, разъясняетъ сущность его въ Православной церкви и, опровергнувъ этимъ возраженія и хулы протестантовъ, осмѣливающихся называть иконы идолами, предостерегаетъ тѣхъ православныхъ, которые, говоря, что «еретики заслоны вѣрѣ здѣшнихъ (южно-русскихъ) христіанъ отъ зловѣрныхъ (католиковъ), которые за еретиками не могутъ ихъ приневолити въ зловѣріе свое», часто, по неразумію, не понимаютъ опасности отъ этихъ союзниковъ, не видятъ, какъ эти «многихъ въ безчинное шатаніе поднаживаютъ, съ единой прелести въ другую поскакуючи—изъ люторской въ кальвинскую, а изъ той въ аріанскую и въ прочія многія, даже до совершеннаго хотѣнія вра-

---

[1] Заглавіе книги относится къ одному первому отдѣлу, отчего въ литературѣ она извѣстна по преимуществу подъ названіемъ «Книжицы крилика Острожскаго Василія», какъ самъ авторъ называетъ себя въ сочиненіи (въ концѣ пятаго отдѣла подписался: «многогрѣшный и худьшій въ христіанѣхъ убогый Василей»; здѣсь же читаемъ: «написася сія... въ лѣто отъ созданія міра 7096,... отъ по плоти рожства Господня 1588»). Она издана снова въ Русской Истор. Библіотекѣ, Спб. 1882, т. VII, Памятники полемической литературы въ Западной Руси, столб. 600—938, по старопечатному экземпляру Имп. Публ. Библіотеки (изъ собранія графа Толстаго? См. Описаніе стар. книгъ графа Толстова, № 26). Критическія замѣтки о ней у Никольскаго, Матеріалы для исторіи противолютеранской полемики Южно-русской церкви XVI и XVII столѣтій, въ Труд. Кіевской Дух. Ак. 1862, II; Соколова, Отн. протест. къ Рос. М. 1880, 69—71; Завитневича, Полинодія Захарія Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемики XVI и XVII вѣковъ. Варшава, 1883, 90—103; Каратаева, Опис. сл.-рус. кн. Спб. 1883, № 119, и др.

жія». «Почитая св. иконы, поклоняясь предъ ними и цѣлуя ихъ, мы, говоритъ авторъ, не боготворимъ самыя иконы, не полагаемъ въ нихъ своей надежды, какъ клевещутъ на насъ христіанохульники, но, возводя умъ на первообразное, сею видомою честію Невидимаго почитаемъ, то-есть Того, Его же образъ написанъ... И когда входимъ въ церковь, мы вмѣняемъ святыхъ Божіихъ какъ живыхъ, но по своей ненасыщенной любви стоящихъ съ нами, и для того подвизаемся въ подобіи богоугодной ихъ жизни, или бываемъ къ тому побуждаемы». Иконы, мощи и другіе останки угодниковъ Божіихъ хотя и бездушны и нечувственны, но они орудія и сосуды скрытой въ нихъ божественной чудодѣйственной силы, ради святыхъ, которыхъ они образы и останки. Такъ плодоносныя деревья, которыя на зиму лишаются внѣшней своей красоты и стоятъ какъ мертвыя, сохраняютъ въ себѣ силу жизни, снова обнаруживающуюся съ весны. Иконопочитаніе— установленіе божественное, и никто изъ святыхъ вселенскихъ учителей не называлъ иконъ идолами, напротивъ, всѣ отдавали имъ должное. Безъ иконъ чѣмъ будутъ по наружности отличаться отъ простыхъ домовъ самые храмы?

Обиліе текстовъ Ветхаго и Новаго Завѣта, которыхъ здѣсь болѣе, чѣмъ въ словѣ Максима Грека, обоснованность разъясненій ихъ, мѣткость изобличенія мнѣній противниковъ, удачность сравненій, простота изложенія мыслей при спокойствіи тона и твердость убѣжденія автора въ истинѣ православнаго ученія, искупающія нѣкоторые недостатки научнаго пріема, сдѣлали указанную статью, какъ и всю книгу, очень распространенною. Съ южно-русскаго нарѣчія ее перевели на общедоступный церковно-славянскій московскій языкъ, и въ этомъ видѣ уже въ первыя десятилѣтія XVII вѣка она служила употребительною книгой чтенія въ Московскомъ государствѣ. Самъ авторъ придавалъ особое значеніе главѣ о храмахъ и иконахъ. Еретики, говоритъ онъ, объясняя «вину написанія ея»,—еретики, изобличенные въ различныхъ ересяхъ, если не могутъ отвѣчать, устремляются тогда на иконное поклоненіе и богохульно укоряютъ имъ православныхъ, и «отъ сего писанія да заградятся уста говорящихъ неправду».

Опасность, грозившая со стороны протестантовъ, побуждала къ литературной дѣятельности другихъ ревнителей за православныя убѣж-

денія. Младшій современникъ извѣстныхъ социніанскихъ учителей, Буднаго и Чеховича, написалъ «О образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей, и хвалѣ и молитвѣ святыхъ, и о иныхъ артикулѣхъ вѣры единое правдивое церкве Христовы...» и проч. По обычаю того времени, когда, изъ опасенія преслѣдованія со стороны изобличаемыхъ, южнорусскіе авторы полемическихъ трудовъ обыкновенно скрывали свое имя [1], сочинитель не означилъ ни имени, ни года, ясно указавъ лишь тѣхъ лицъ, съ коими вступилъ въ борьбу, и тѣ мнѣнія, которыя опровергалъ. Изобличаемыя имъ лица—«иконоборцы», наслѣдники и продолжатели заблужденій иконоборцевъ, осужденныхъ еще на вселенскомъ соборѣ. Авторъ приводитъ ихъ въ преемственномъ порядкѣ. Послѣ осужденныхъ за иконоборство Аерія (IV вѣка), Юліана, Бициніа, Филиппа, Льва III и Льва IV «въ 1430 году, говоритъ авторъ, возстало иконоборство въ нѣмецкихъ странахъ и въ Англіи, отъ Вифлака и Яна Гуса, сожженнаго въ Констанціи. Потомъ, въ 1517 году возсталъ Мартинъ Лютеръ, ученіе котораго Нѣмцы держатъ и донынѣ. Вскорѣ возсталъ ученикъ Мартина, Кальвинъ, превративъ ученіе своего учителя; ученія Кальвина-иконоборца держатся такъ-называемые евангелики. За нимъ поднялся нѣкто другъ Кальвина, иконоборецъ горшій своего соблазнителя, по имени Михаилъ Серветъ, учившійся въ лютеранской школѣ нѣкоего Фалера; онъ началъ проповѣдывать ученіе худшее нечестиваго Кальвинова, въ каковое скверное ученіе однако увѣровали многіе народы. Кальвинъ, отказавшійся за такую вину отъ прежняго своего друга, довелъ Сервета до того, что его сожгли въ Женевѣ. По сожженіи Сервета возстали его наслѣдники, иконоборцы: Георгій Бландрата, Павелъ Алштатусъ (Іоаннъ Павелъ Альціатъ), Леліусъ Социнусъ (Лелій Социнъ), Францискъ Давидовичъ (Давидъ), нѣкіе министры въ Семиградской землѣ. Въ Литвѣ же возсталъ тогда Будный; а въ Люблинѣ Чеховичъ. Эти иконоборцы и сами между собою разногласятъ во многомъ: ибо Чеховичъ со своимъ любельскимъ (люблинскимъ) соборомъ отринулъ отъ себя Буднаго и пре-

[1] Русская Историч. Библіотека, IV, 318; Акты Западной Россіи, IV, 225, Голубевъ, Біографическія замѣчанія о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковнославянскихъ книгахъ. Кіевъ, 1876, 6—9.

далъ его проклятію; а Будный называетъ Чеховича любельскимъ папежемъ и декретовъ его не принимаетъ. Явился въ дни Михаила Сервета и еще нѣкто, тоже великій иконоборецъ, именемъ Валентинъ Ентилисъ (Гентилій), который распространилъ свою иконоборческую ересь въ землѣ Швейцарской, во Франціи и иныхъ странахъ. Когда онъ вторично пришелъ въ Швейцарію, его взяли и сожгли въ Бернѣ, на 11 году послѣ смерти Сервета. Иныхъ же учениковъ и собщниковъ Мартина Лютера, Кальвина, Цвинглія и другихъ, которые скверное ученіе свое распространили и людей Божіихъ совратили изъ правовѣрія и привели въ ровъ пагубный, этихъ за продолженіемъ писать по порядку нѣтъ надобности. Ихъ пагубнаго ученія иконоборная ересь и донынѣ держится съ иными многими ересями, отъ коихъ да избавитъ насъ Христосъ Сынъ Слово Божіе» [1]. Подъ ближайшими «иконоборцами» и «аріанами», такимъ образомъ, авторъ разумѣлъ лютеранъ, кальвинистовъ, цвингліанъ и антитринитаріевъ. Изъ разсказа о Будномъ и Чеховичѣ видно, что онъ былъ близокъ къ нимъ не только по времени, но и по мѣсту; объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ онъ говоритъ, какъ о современныхъ ему.

Какъ ни разнообразны были изобличаемыя секты, онѣ согласовались въ одномъ, въ ослабленіи требованій дѣятельной стороны вѣры, въ «иконоборствѣ» и отрицаніи должнаго значенія церковныхъ обрядовъ, отрицаніи непостижимости таинствъ, объяснить которыя учители ихъ думали своимъ разумомъ, почему авторъ былъ въ правѣ писать общее на нихъ обличеніе и одинаковую противъ нихъ защиту православнаго ученія. Свое сочиненіе онъ составилъ въ 12 главъ, изъ коихъ въ первыхъ трехъ говорится объ иконахъ, въ 4, 5 и 6-й о крестѣ, въ 7 и 8-й о хвалѣ Божіей во святыхъ, въ 9-й о постахъ, въ 10-й и 11-й о таинствахъ, въ 12-й о молитвахъ за умершихъ. Въ сущности здѣсь говорится главнымъ образомъ о тѣхъ же предметахъ, о которыхъ писалъ и священникъ Василій; но къ прежнимъ здѣсь прибавляются новые: таинства, поминовеніе умершихъ, посты, и о прежнихъ трактуется значительно шире. Авторъ

[1] Гл. II, л. 12—14. Приводимъ по рукописи Московской Синодальной библіотеки, № 547 по прежнему каталогу и 277 по новому.

имѣлъ цѣлію собрать и изобличить бывшія въ обращеніи возраженія противъ возможно бо́льшаго количества догматовъ и учрежденій Православной церкви и тѣмъ дать православнымъ въ руки первый опытъ свода, какъ бы цѣльной богословско-полемической системы, въ которой они могли бы найти должные отвѣты на смущающіе ихъ запросы противниковъ. Обыкновенно онъ подбираетъ группу возраженій, относящихся къ одному и тому же предмету, отводя опроверженію ихъ иногда по нѣсколько главъ; разобравъ по порядку возраженія одной группы, онъ обращается къ другимъ возраженіямъ, касающимся иного предмета и т. д. Этимъ внѣшнимъ расположеніемъ пока и ограничивается система.

Прослѣдимъ существенныя возраженія и отвѣты на нихъ, какъ они расположены у автора.

Глава I—III. Еретики говорятъ: «Церковь Божія имѣетъ иконы не по Божію повелѣнію, но отъ скверныхъ языкъ преданія». Нѣтъ, отвѣчаетъ и доказываетъ имъ полемистъ, какъ въ Древнемъ законѣ были иконы по Божію повелѣнію, такъ въ Новомъ апостолы приняли то отъ Самого Іисуса Христа Бога нашего и передали своимъ преемникамъ; отсюда мы чтимъ и цѣлуемъ иконы и покланяемся имъ во славу Божію. Не иконопочитаніе, но иконоборство имѣетъ человѣческое происхожденіе: начиная отъ Аерія (IV вѣка) еретика и кончая послѣдователями Лютера, Кальвина и другихъ, оно постоянно поддерживалось различными христіано-хульниками. «Но, продолжаютъ еретики, иконы были внесены въ первый разъ на VI Вселенскомъ соборѣ».—Не правда: церковь приняла иконы отъ Самого Христа и апостоловъ; на VI Вселенскомъ соборѣ было запрещено только изображать Іисуса Христа въ образѣ агнца, какъ это нерѣдко дѣлалось тогда, и повелѣно изображать Его въ одномъ человѣческомъ образѣ.— Иконопочитаніе, ссылались далѣе иконоборцы, отвергается пророкомъ Давидомъ, который, сказавъ, что идолы дѣло рукъ человѣческихъ и бездушны, присовокупилъ, что подобны имъ будутъ и надѣющіеся на нихъ (Псал. 113, ст. 12—17). Такимъ толкованіемъ изреченія можно прельстить только не знающихъ Писанія: пророкъ говорилъ объ языческихъ идолахъ, на которыхъ язычники полагали всю надежду и считали ихъ богами; православные же христіане чтятъ изображенія въ честь и славу истиннаго Бога и поклоняются Ему;

взирая на икону Іисуса Христа, вспоминаютъ, какъ совершилъ Онъ спасеніе, и чтятъ Его и возлагаютъ на Него всѣ надежды. Если относятся съ уваженіемъ къ царскому изображенію: то какъ не чтить образъ Царя царствъ, нашего Спасителя? На это, отмѣчаетъ полемистъ, еретикъ не могъ ничего отвѣтить, и лишь, дыша духомъ иконоборства, сказалъ: «аще образъ Христовъ написуете и поклоняетеся: почто святыхъ образы такоже на иконахъ написуете, отъ коего писанія и преданія имаши ли и о сихъ показати истинное свидѣтельство?» Полемистъ разъясняетъ ему: изображать дѣйствія Божіи о спасеніи человѣческаго рода невозможно безъ изображенія святыхъ; напр., нельзя изобразить втораго пришествія Христова, когда извѣстно, что Онъ придетъ судить міръ со всѣми своими святыми (Зах. 14, Матѳ. XIX, 28); нельзя изобразить младенца Іисуса на рукахъ Своей Матери безъ изображенія Богородицы и т. д. При видѣ иконъ, мы ревнуемъ жизни праведниковъ и молимъ Бога, чтобъ Онъ сподобилъ насъ непорочной жизни и сдѣлалъ насъ причастниками Своей славы, подобно тому какъ, взирая на распятіе Іисуса Христа, мы воздаемъ хвалу Христу, что Онъ, безгрѣшный, таковымъ образомъ совершилъ наше спасеніе, и молимъ Его, чтобъ Онъ призрилъ насъ съ высоты Своея и отпустилъ наши грѣхи.

Послѣ этого естественно рѣчь переходитъ къ разсужденію о чествованіи креста.

Гл. IV—VI. «Крестъ, учатъ еретики въ своей ереси, не отъ Божія повелѣнія есть, но отъ умышленій человѣческихъ; и никто отъ васъ Святаго Писанія о семъ показати намъ не можетъ, когда Богъ крестъ творити бы повелѣлъ».—Не только Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ повелѣлъ творить крестъ на посрамленіе и прогнаніе врага; но еще въ Ветхомъ законѣ возвѣстилъ о немъ чрезъ Своихъ пророковъ и прообразовалъ многообразными подобіями; тотъ, кто стыдится креста, стыдится и Распятаго на немъ. «Но чего ради знаменать лицо свое крестообразно рукой?»—Крестное знаменіе, прообразованное въ Ветхомъ Завѣтѣ, постоянно съ первыхъ временъ христіанства было признакомъ истинныхъ христіанъ, не боящихся исповѣдывать свою вѣру; перстосложеніе и крестное знаменіе, какъ объясняли то святые отцы, имѣетъ символическій смыслъ основныхъ

истинъ вѣры. «Для чего приняла Православная церковь хожденіе со крестами.»—Какъ Евреи, подкупивъ стражу, таятъ воскресеніе Христово и не вѣрятъ пришествію Мессіи: такъ, напротивъ, вѣрные христіане не только во храмѣ, но и внѣ его славятъ воскресеніе Христово и свидѣтельствуютъ, что обѣтованный Мессія уже явился, жилъ съ людьми и совершилъ спасеніе людей; какъ тѣ, бывшіе народомъ избраннымъ, не стыдились ходить съ Кіотомъ Завѣта и побѣждали своихъ враговъ: такъ нынѣ мы ходимъ во славу Божію съ крестами, не стыдясь враговъ своихъ и особенно Божіихъ, чтобъ и Онъ въ день страшнаго суда не постыдился насъ.

Отъ трактата о крестѣ авторъ прямо обращается къ защитѣ почитанія святыхъ, соблюденія постовъ и т. п.

Гл. VII—VIII. Противники, ругаясь надъ святою Божіею Церковью, говорятъ въ поношеніе православнымъ: «почто̀ почитаете святые угодники хвалой таковою, яжъ точію Самому Богу единому надлежитъ?»—Го́спода, отвѣчаетъ на то полемистъ, мы хвалимъ и чтимъ не какъ созданіе, но какъ Бога и Творца; святыхъ Его чтимъ такою славой, какою славится Самъ Богъ, то-есть, согласно повелѣнію Писанія, мы хвалимъ Бога во святыхъ Его.—«Святые мертвы: зачѣмъ же чтить ихъ мощи?»—Душа святыхъ не умерла, пребываетъ въ рукахъ Божіихъ; тѣлеса ихъ были храмомъ Духа Святаго, Который и понынѣ живетъ въ ихъ останкахъ и совершаетъ чрезъ нихъ чудеса, и мы, взирая на сохраняющіеся останки, ревнуемъ подвигамъ свитыхъ, да будемъ участниками ихъ славы, ради ихъ молитвъ.—По своему непокорству и въ непотребномъ самомнѣніи «мнози противніи» однако говорятъ: «что̀ намъ помощь въ молитвѣ святыхъ умершихъ?» Но не знаютъ «окаянные», что такъ не дерзали говорить даже сами святые: они всегда призывали въ своихъ молитвахъ отшедшихъ прежде святыхъ, потому что ради праведниковъ и ихъ молитвъ Господь милуетъ тѣхъ, за кого предстательствуютъ они.

Гл. IX. По своему желанію отвергнуть законность поста, существующаго во святой Церкви по велѣнію Божію, святыхъ апостолъ и ихъ наслѣдниковъ, нѣкоторые приводятъ слова апостола Павла къ Тимоѳею (1 Тим. IV, 1—6), гдѣ предвозвѣщается, что явятся отступники отъ вѣры, возбраняющіе жениться и удаляющіеся отъ

брашенъ. По свидѣтельству Златоуста, эти пророчественныя слова исполнились на гностикахъ, возбранявшихъ вообще употребленіе въ пищу многихъ яствъ и отвергавшихъ бракъ, какъ скверну. Святая Церковь признаетъ бракъ честнымъ и ложе нескверным, не возбраняетъ и умѣреннаго употребленія брашенъ; она учитъ лишь воздержанію и, въ извѣстное время, посту.— «Но посты ненужный вымыслъ человѣческій». Напротивъ, постъ есть установленіе божественное, оправдываемое примѣрами въ жизни Моисея, Иліи, Даніила съ тремя отроками, Іоанна Крестителя и преимущественно жизнью и ученіемъ Христа. Каждый изъ соблюдаемыхъ постовъ и постныхъ дней учрежденъ въ воспоминаніе великихъ религіозныхъ событій, а четыре поста, кромѣ того, въ ознаменованіе того, что мы приносимъ Господу начатки каждаго времени года. Постъ обновляетъ, совершенствуетъ человѣка, по слову апостола: «елико внѣшній человѣкъ изнемогаетъ, толико внутренній обновляется» (2 Кор. IV, 16); посредствомъ поста легче отгонять отъ себя всякіе соблазны и приготовить изъ себя наслѣдника небесныхъ благъ, почему во время поста вѣрные причащаются тѣла и крови Христовой и исповѣдаютъ свои грѣхи.

Послѣдняя мысль приводитъ къ отдѣлу о таинствахъ, исповѣди и Евхаристіи.

Гл. X—XI. Противники говорятъ: «что ради исповѣдаетеся предъ попами грѣховъ? ибо то недавно умышлено».—Исповѣданіе грѣховъ священникамъ получило начало въ Ветхомъ Завѣтѣ и продолжалось въ Новомъ. Господь даровалъ апостоламъ власть отпускать и удерживать грѣхи: какъ они исполняли бы это, если бы не было исповѣди? Она необходима предъ священникомъ также, какъ открытіе болѣзни предъ призваннымъ на помощь врачемъ. Покаяніе и очищеніе грѣховъ дѣлаетъ насъ достойными къ принятію тѣла и крови Христа. Любители раздоровъ «не исповѣдаютъ быти во спасеней жертвѣ истиннаго тѣла и крови Христова, но мнятъ быти подобіе нѣкое». Такое ученіе—противно ученію Христа и апостоловъ. Въ таинствѣ Евхаристіи мы причащаемся истиннаго тѣла и истинной крови Христа, въ которыя дѣйствіемъ Св. Духа и силою Вышняго осѣненія, во время священнической молитвы, таинственно претворяется хлѣбъ и

вино. Какъ совершается пресуществленіе, это непостижимо, но познается вѣрою. Когда Господь сказалъ: «сіе есть тѣло Мое» и «сія есть кровь Моя», то такъ и есть, потому что слово Божіе праведно. Люди не привыкли ѣсть сырое, и Господь Іисусъ Христосъ, по снисхожденію къ немощи человѣческой, даетъ людямъ тѣло и кровь Свою подъ видомъ обыкновенныхъ, «обыклыхъ брашенъ», хлѣба и вина. Ради принятія нами сего тѣла и крови живетъ въ насъ Христосъ, и мы въ Немъ, и это принятіе бываетъ въ просвѣщеніе и исцѣленіе наше и въ приложеніе божественной благодати.

XII. Наконецъ, что касается молитвъ и благотвореній за умершихъ, то, по словамъ полемиста, здѣсь не требуется имѣть съ сопротивными многаго словопренія, потому что весьма ясно говорится о томъ въ книгахъ Маккавейскихъ (2 Макк. XII, 43): Іуда Маккавей послалъ до 2.000 гривенъ серебра въ Іерусалимъ, чтобы тамъ была принесена жертва за грѣхи убитыхъ на брани. И если нѣкоторые утверждаютъ, будто книгъ Маккавейскихъ церковь не принимаетъ, то это напрасно, церковь всегда принимала эти книги; къ тому же, онѣ согласны съ другими мѣстами Писанія. Товитъ завѣщалъ сыну: «хлѣбъ твой и вино твое при гробѣ праведнаго даждь» (Тов. IV, 17); пророкъ Варухъ молился за отшедшихъ отъ сего міра (Вар. III, 4). Необходимость молитвъ установлена прямымъ апостольскимъ правиломъ (14 прав. св. Апост.), повелѣніями св. отцевъ и учителей Церкви и постоянною церковною практикой. Молитвы и благотворенія низводятъ на умершихъ милосердіе Божіе, прощеніе грѣховъ, и для самихъ молящихся и благотворящихъ снискиваютъ ходатаевъ на небесахъ и любовь Божію, потому что Господь особенно милостивъ къ тѣмъ, кто заботится не только о своей душѣ, но и о ближнихъ, и кто имѣетъ въ себѣ совершенный уставъ любви. Свою защиту поминовенія умершихъ полемистъ заключаетъ обращеніемъ къ православнымъ, чтобъ они не переставали молиться объ отшедшихъ отцахъ и братьяхъ.

Сочиненіе заканчивается особымъ послѣсловіемъ, въ которомъ авторъ проситъ «христоименитое собраніе», то-есть православныхъ читателей, что если они «въ сихъ божественныхъ писаніяхъ, изложенныхъ въ обличеніе враговъ святой соборной апостольской Церкви и во утвержденіе вѣрнымъ», встрѣтятъ что-нибудь «неблагословное», то не кляли его, а исправляли и улучшали.

Способъ доказательствъ всюду одинаковый. Приводя возраженіе противника, авторъ, не пускаясь въ отвлеченныя умствованія, тотчасъ противопоставляетъ ему факты и изреченія сначала Ветхаго Завѣта, затѣмъ Новаго, изреченія поясняетъ на основаніи толкованія того или другаго отца Церкви и дѣлаетъ выводъ, подкрѣпляя его, гдѣ можно, указаніемъ событій изъ исторіи. Случается, что авторъ касается нѣкоторыхъ возраженій отрывочно, какъ бы мимоходомъ, отвергаетъ голословно, что̀ такъ естественно въ спорныхъ бесѣдахъ, запись которыхъ, повидимому, напоминаютъ многія мѣста сочиненія, но это бываетъ не часто: обыкновенно онъ приводитъ по порядку всю сумму имѣющихся налицо доказательствъ; въ послѣднихъ видна его широкая начитанность, умѣнье пользоваться своими знаніями и твердое православоное ученіе. Если и встрѣчаются здѣсь доказательства, отличающіяся натянутостію, какъ наприм. объясненіе формы и значенія перстосложенія, столь пріятное нашимъ старообрядцамъ, или объясненіе крестныхъ ходовъ, то такихъ мѣстъ не много.

Въ виду того, что въ жизни слышались православными не столько цѣльныя системы протестантскаго вѣроученія, сколько отдѣльныя возраженія противъ того или иного пу́нкта православнаго вѣроисповѣданія, книга «О образѣхъ» могла находить широкое примѣненіе. Читатель находилъ въ ней нужные ему отвѣты. Этимъ и объясняется, почему данное сочиненіе сильно отразилось на православной литературѣ, и югозападной и сѣверовосточной, войдя, какъ часть, въ богословско-полемическія сочиненія, или послуживъ основой и образцомъ для подобныхъ сборниковъ.

Написанное на бѣлорусскомъ нарѣчіи и отпечатанное, какъ полагаютъ, въ Вильнѣ въ 1602 году [1], въ Москвѣ оно распространяется на современномъ здѣсь литературномъ церковно-славяно-русскомъ языкѣ, едва ли не въ пору попытокъ (1621—1623) Филарета Никитича

[1] По предположеніямъ однихъ библіографовъ, въ видѣ отдѣльной книги, по другимъ—въ видѣ заключительной части сочиненія «Книги о вѣрѣ». Отсюда обычное въ библіографіи за данною книгой названіе «Книга о вѣрѣ» виленскаго изданія, въ отличіе ея отъ «Книги о вѣрѣ» кіевскаго изданія 1619 года, или «Книги Азаріи», представляющей значительную передѣлку первой, сдѣланную, надо думать, Захаріемъ Копыстенскимъ. Голубевъ, 44—59; его же, Кіев. митр.

женить своего сына Михаила Ѳеодоровича на какой-либо изъ иностранныхъ принцессъ. Попытки эти вызвали въ правительствѣ об сужденіе объ отношеніи Православія къ лютеранскому, и каждое сочиненіе, служащее къ объясненію даннаго вопроса, было весьма кстати. Независимо отъ того, сочиненіе удовлетворяло потребности узнать отвѣты на опровергнутые въ немъ вопросы, съ которыми иногда обращались протестанты и къ православнымъ Москвичамъ, и вообще пріобрѣсть критическій взглядъ на выдающіеся пункты вѣроисповѣданія тѣхъ, которые предъ тѣмъ оказывались религіозно-политическими насильниками и продолжали свои насилія въ сѣверозападной русско-финской области [1]. Кто перевелъ его и первый распространилъ по Москвѣ, неизвѣстно. На экземплярѣ синодальной рукописи есть собственноручная подпись «Ивана» [2]. Съ этимъ именемъ мы потомъ встрѣтимся еще не одинъ разъ, что̀, быть-можетъ, послужитъ къ отысканію переводчика.

Петръ Могила. Кіевъ, 1883, 277—278, 393—394; Завитневичъ, 276—285; Опис. старопечатн. книгъ библ. Спб. Дух. акад., Христ. Чт. 1886, I, прилож., № 63; Каратаевъ, №№ 170, 246. — На Бѣлорусскомъ экземплярѣ рукописи Царскаго «написаніе», то-есть, очевидно, переписка (Строевъ, Описаніе, № 392, стр. 446; Лиловъ, О такъ-называемой Кирилловой книгѣ. Казань, 1858, 173—174; Никольскій, 172) рукописи, означено 1615 годомъ.—О времени появленія кіевской печатной книги самымъ неправдоподобнымъ мнѣніемъ признается Соникова, митр. Евгенія и Галичанъ Іосифа Левицкаго и Головацкаго, отнесшими это къ 1625 году, причемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ она отождествляется съ виленскою книгой; Головацкій полагалъ, что «Книга о вѣрѣ» лишь два раза издана, въ 1619 и 1625 годахъ, и оба раза въ Кіевѣ.

[1] Утверждая, что сочиненіе «Объ образѣхъ» было «воспроизведеніемъ личнаго состязанія съ противниками» и что оно могло быть сѣверно-русскаго происхожденія, Соколовъ (72—74 и примѣч. къ нимъ) пришелъ къ выводу, что заключающіеся въ немъ вопросы и отвѣты составляли «упорную злобу дня» и служатъ къ указанію «плана, тона и пріемовъ» протестантской пропаганды въ Московскомъ государствѣ начала XVII вѣка; выводъ, очевидно, соотвѣтствуетъ посылкѣ, и его надобно было бы имѣть въ виду, если бы данное сочиненіе первоначально вышло изъ-подъ руки Великороссa.

[2] «Сия книга отдана Терентію Петровичю вовѣки вѣкомъ невозвратно, а подписалъ я, Иванъ, своею рукою». Первый листъ рукописи Моск. Синод. Библ., по стар. катал. № 547, по новому № 277. Данная рукопись важна также въ томъ отношеніи, что церковно-славянскій переводъ сочиненія «О образѣхъ»

Переводъ существовалъ въ видѣ отдѣльнаго сочиненія недолго. Къ нему присоединили у насъ «Иныглавизны», и новый расширенный сборникъ получилъ иное названіе, тоже болѣе распространенное и относящееся ко всему сборнику: «Изложеніе извѣстно отъ божественныхъ писаній Стараго закона и Новыя благодати на окаянныя и злоименитыя лютеры, на многіе ихъ ереси» [1]. Къ двѣнадцати главамъ было присоединено тридцать пять главъ, такъ что сборникъ вышелъ въ 47 главъ; къ нимъ, въ свою очередь, дѣлались новыя приложенія, и сборникъ совмѣщалъ въ себѣ до 49 и 50 главъ [2]. Сорока-

---

паходится въ ней отдѣльно, какъ самостоятельное цѣлое; это одинъ изъ первыхъ экземпляровъ московскаго перевода. Составъ ея такой. Въ началѣ, на листѣ, приставшемъ къ переплету, можно разобрать: „Цр҃ю Гд҃рю і велнкомꙋ кн҃зю Михаилꙋ Ѳедоровичꙋ всеа Русн“; на лицевой сторонѣ перваго листа приведенная выше подпись «Ивана», на оборотѣ листа оглавленіе первыхъ главъ; на 2 л. нѣсколько тропарей изъ великаго канона Андрея Критскаго, непосредственно за ними, съ середины оборотной страницы, начинается полемическое сочиненіе «Объ образѣхъ» и оканчивается на 67 л.: въ концѣ пришита особая тетрадь съ таблицами (л. 68—76), служащими къ опредѣленію времени праздника Пасхи и другихъ подвижныхъ праздниковъ. Само полемическое сочиненіе общаго заглавія не имѣетъ, а лишь его главы: 1—3 «Объ образѣхъ и отказъ иконоборцомъ», 4—5 «О крестѣ», 6 «О хожденіи со кресты», 7 «О хвалѣ и чести святыхъ», 8 «О молитвѣ святыхъ», 9 «О постѣ, 10 «О исповѣди», 11 «О пречистомъ тѣлѣ и крови Христовѣ», 12 «О отшедшихъ свѣта сего» или «О памяти умершихъ»; послѣсловіе. По этой рукописи мы и изложили содержаніе сочиненія. Близкій къ ней экземпляръ находится въ библіот. Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря, рук. № 143 (Арх. Амфилохій, Описаніе Воскресенской Новоіерус. библіотеки. М. 1875, 179) съ помѣтами владѣльцевъ отъ 31 дек. 1630 г. и марта 1640 г.

[1] Таково заглавіе обоихъ сборниковъ Царскаго, №№ 394 и 690.

[2] Экземпляры «Изложенія извѣстно отъ божественныхъ писаній... на окаянныя и злоименитыя лютеры» сохранились въ весьма многихъ собраніяхъ старыхъ рукописей: въ Моск. Синод. библ. №№ 274—276 по нов. катал. (Описаніе славянск. рукопис. Моск. Синод. Библ. отд. II, ч. 3, стр. 358—367), Моск. Духовн. академіи, С.-Петерб. Дух. акад. № 79, Казанской Духовн. акад., по нов. катал. № 323 (Опис. рукоп. Солов. мон., наход. въ библ. Каз. Дух. Акад. I, 518—523), Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ, № 195, Царскаго, №№ 394 и 690 (Строевъ, Рукописи славянскія и россійскія принадлежащія Царскому, стр. 454—461, 730—733), графа Толстаго, № 306 (Описаніе славяно-россійскихъ рукописей графа Толстова, отд. II, стр. 460), Е. В. Барсова (объ его рукописномъ со-

семиглавый сборникъ первоначально составился безъ измѣненія прежняго двѣнадцатиглаваго сочиненія; затѣмъ, при послѣдующихъ работахъ и дополненіяхъ, видно стараніе о большей округленности. Именно, было опущено послѣсловіе, находившееся послѣ 12 главы, и вычеркнуты слова: «ины главизны», стоявшія предъ 13 главой [1]. Испы-

---

браніи см. въ нашей брошюрѣ: «Записка объ ученыхъ трудахъ Е. В. Барсова». М. 1887, VII—VIII), № 18, и др. Отмѣтимъ серіозное недоразумѣніе, возбужденное рукописью С.-Петербургской Духовной академіи и до сихъ поръ держащееся въ печати. На первомъ листѣ этой рукописи есть такая запись: «Начата сія книга писать о иконоборцахъ кальвинахъ и люторахъ и откуда иконоборство зачася: лѣта: ҂ζρ҃п҃а г., м҃ц҃а іанурія въ а҃ день, на Обрѣзаніе Господне и на память во с҃тыхъ отца нашего Василія Великаго а҃рх҃п҃а Кесарійскаго. При державѣ В. Г҃р҃а Царя и В. К. (полное) (sic) Ал. М—ча всея В. и М. и Б. Россіи С—ца (полное). Тщаніемъ и снисканіемъ его государева духовника, благовѣщенскаго протопопа Андрея Савиновича. А совершися сія книга того же р҃п҃а году м҃ц҃а августа въ к҃г день на память св. мучениковъ Адріана и Наталіи». На основаніи этой отмѣтки, написанной тою же рукой, что и рукопись, нѣкоторые самое составленіе этой рукописи отнесли къ 1671 году и авторомъ ея сочли Андрея Савиновича. Неизвѣстный составитель статьи въ Христ. Чтен. 1857, іюнь, 396—397, привелъ изъ нея небольшой отрывокъ и, назвавъ ея авторомъ Андрея Савиновича, озаглавилъ ее «О иконоборцахъ, кальвинахъ и люторахъ»; отсюда и повторялось мнѣніе, что это особое сочиненіе, не имѣющее ничего общаго съ «Изложеніемъ извѣстно отъ божественныхъ писаній». Такого отдѣльнаго сочиненія, принадлежащаго перу Савиновича, или, точнѣе, отрывка изъ него за послѣднее время искалъ въ библіотекѣ Академіи Соколовъ (Отн. протестан. къ Росс., прим. стр. 21) и, конечно, не нашелъ. Этотъ академическій экземпляръ состоитъ изъ 49 главъ и по содержанію одинаковъ съ Синодальною рукописью № 275; также тождественно и его заглавіе, именно: «Изложеніе извѣстно отъ божественныхъ писаній Стараго закона и Новыя благодати на окаянныя и злоименитыя лютеры на многія ихъ ереси, отвѣты возразительныя на иконоборцы православнымъ христіаномъ». Слѣдовательно данная рукопись въ 1673 году только переписана на издержки Савиновича, или быть-можетъ его рукой, и не болѣе. Подробное описаніе этой академической рукописи, по нашей просьбѣ, сдѣлано для насъ проф. Академіи прот. П. Ѳ. Николаевскимъ, которому и приносимъ здѣсь искреннюю признательность.

[1] Напримѣръ, въ синодальной рукописи № 274, состоящей изъ 47 главъ, послѣсловіе и надпись «ины главизны» еще есть; въ № 275, состоящемъ изъ 49 главъ, и тождественныхъ съ нимъ рукописяхъ Барсова, С.-Петерб. Дух. акад., этихъ мѣстъ уже нѣтъ; въ синодальной рукописи, № 276, послѣсловіе сохранилось, но надпись «ины главизны» опущена.

тывалъ колебаніе также составъ главъ, и особенно 47 главы. Вторая, бо́льшая по объему, половина ея, состоящая изъ отдѣльныхъ статей, между прочимъ изъ статей о лютеранскихъ и кальвинскихъ ересяхъ и о киркахъ датскаго короля, явилась, очевидно, позднѣе и составляла то нѣсколько самостоятельныхъ главъ [1], то помѣщалась отдѣльно отъ 47 главы, въ видѣ особыхъ статей [2], пока наконецъ не была вполнѣ присоединена къ первой половинѣ [3], и вмѣсто нея явились послѣ новыя двѣ главы, 48 и 49, съ инымъ содержаніемъ [4]. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько измѣнилось и самое заглавіе: къ нему были прибавлены слова «отвѣты возразительные» [5], и еще: «на иконоборцы православнымъ христіаномъ» [6].

---

[1] Въ рукописи Царскаго, № 690, онѣ составляютъ 48, 49 и 50 главы.

[2] Такъ стоятъ онѣ въ синодальной рукописи, № 274, гдѣ послѣ первой половины 47 главы, предъ этими статьями оставлены два не исписанныя листа.

[3] Въ 47 главахъ сборникахъ Царскаго, № 394, Соловецкаго мон., № 322.

[4] Напримѣръ, въ рукописяхъ Синодальной, № 275, С.-Петерб. Дух. акад., Барсова. Онѣ, очевидно, присоединены послѣ того, какъ обѣ половины 47 главы составили одну. Сливая вторую половину 47 главы съ первою, авторъ считалъ свое дѣло оконченнымъ (см. приписку 14 іюля 1642 года въ 47-главомъ экземплярѣ Царскаго, № 394) и совсѣмъ не имѣлъ въ виду этихъ новыхъ главъ. Что касается другихъ разностей въ рукописяхъ, то упомянемъ о той, что въ Синодальной рукописи, № 274, четырнадцатая глава имѣетъ особое надписаніе: «О иноцѣхъ»; но болѣе всѣхъ отличается 50-главый сборникъ Царскаго, № 690. Отличія его, впрочемъ, заключаются не въ составѣ, а въ подраздѣленіи главъ, и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ какъ бы особый видъ. Въ противоположность 47-главому сборнику того же Царскаго, № 394, Синодальнымъ, С.-Петерб. Дух. акад., Казанск. Дух. акад., Барсова, въ немъ 18 и 19 главы составляютъ одну ихъ 18 главу; счетъ главъ у него затѣмъ заходитъ впередъ на одну главу, вплоть до 29, которая, въ свою очередь, распадается на двѣ (28 и 29) главы указанныхъ сборниковъ; далѣе счетъ идетъ согласно, до 40 главы, которая тождественна съ тремя (40, 41 и 42) главами рукописей; счетъ въ ней отстаетъ, такъ что 41 глава ея равняется 43, 42—44, 43—45; три слѣдующія главы, 44—46, совмѣщаются въ одной 46 главѣ тѣхъ сборниковъ, и начало 47 главы у всѣхъ ихъ одинаково; но вторая половина ея въ сборникахъ, какъ уже видѣли, тождественна съ остальными тремя (48, 49 и 50) главами рукописи.

[5] Напримѣръ, въ 47 главомъ сборникѣ Синод. Библ., № 274.

[6] Синод. рук., № 275, С.-Петерб. Дух. акад. Эти двѣ прибавки обусловлены

Въ своей окончательной редакціи, заключающей въ себѣ 49 главъ, «Изложеніе извѣстно отъ божественныхъ писаній» и проч. или, какъ для краткости часто означаютъ его у насъ, «Изложеніе на лютеры», въ 13-й главѣ говоритъ о призываніи святыхъ, въ 14 о монашествѣ и безбрачіи, 15 глава содержитъ трактатъ о киркахъ и таинствахъ, 16 о лютеранскомъ духовенствѣ, 17 о праздникахъ въ честь святыхъ, 18 о лѣтосчисленіи, 19—22 о поклоненіи святымъ иконамъ, 23 о канонѣ св. книгъ и священномъ преданіи, 24 объ апостольскомъ крещеніи, 25 объ іерархіи, 26—45 о хлѣбѣ въ таинствѣ Евхаристіи, 46 объ авторитетѣ св. отцевъ и вселенскихъ соборовъ, 47 о превосходствѣ Восточной церкви предъ католическою и протестантскими, 48 о клятвѣ крестнымъ цѣлованіемъ и 49 объ агнцѣ въ Евхаристіи [1].

Предметы обсужденія такимъ образомъ частію тѣ же, которые разсмотрѣны въ первыхъ 12 главахъ, частію новые. Прежніе предметы разсматриваются большею частію съ другихъ сторонъ, соотвѣтственно опровергаемымъ возраженіямъ, иногда же и безъ существеннаго измѣненія въ постановкѣ вопроса; въ тѣхъ случаяхъ, когда протестантское ученіе сходно съ католическимъ, направляется изобличеніе и противъ католичества; одна глава, 48-я, къ главному содержанію книги прямаго отношенія не имѣетъ.

Какъ и прежде, ведется рѣчь объ иконопочитаніи, почитаніи

тѣмъ, что частное оглавленіе («сказаніе главамъ въ книзѣ сей»), ставившееся первоначально между заглавіемъ книги и первою главой, или переносилось въ другое мѣсто (начало или конецъ книги) или совсѣмъ опускалось, и слова, относившіяся къ заключенію первой главы, мало-по-малу слились съ заглавіемъ всей книги; а дата: «глава $\overline{\text{а}}$» иногда уже не писалась.

[1] При изложеніи руководствуемся синодальными сборниками въ 47 и 49 главъ, и 49-главою рукописью г. Барсова, который обязательно далъ ее, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими важными рукописями, намъ на домъ, и потому мы могли вполнѣ сличить ее съ экземплярами синодальными. Пользуемся случаемъ принести ему за это свою глубокую признательность. Сборникъ приготовленъ нами къ печати. См. также А. Никольскаго, Матеріалы для исторіи противолютеранской богословской полемики Сѣверовосточной русской церкви XVI и XVII столѣтій, Тр. Кіев. Дух. Акад. 1864, I, 128 и слѣд.; Соколова, 80 и слѣд.

святыхъ, таинствахъ покаянія и Евхаристіи, упоминается о постѣ и проч. Защитѣ иконопочитанія посвящены четыре главы (19—22). Опровергаемыя возраженія противъ него могутъ быть сведены къ одному: «въ чести подобаетъ имѣти святыя иконы, а молитися имъ недостоитъ, сице убо второе идолопоклоненіе будетъ». Такъ какъ это возраженіе въ сущности то же, что̀ разобранное выше и лишь поставлено оно здѣсь въ менѣе рѣзкой формѣ, то и опроверженія его во многомъ напоминаютъ прежнія; оригинальнѣе мѣста, гдѣ доказывается, что «должно молитися Господу стоя и съ открытою главой, а не лежа на локтяхъ или на колѣняхъ падши, какъ латинники, лютеране и кальвины молятся, обычаемъ огарянскимъ, въ шапкахъ и въ шляпахъ». Прежнее возраженіе о призываніи и прославленіи святыхъ: «что̀ намъ помощь въ молитвахъ святыхъ» (глав. 8), выражено такъ: «не могутъ праведніи ничто же помощи намъ, аще не Самъ Богъ кого помилуетъ» (глав. 13); разобранный вопросъ: «почто̀ почитаете угодники такою хвалой, яже единому Богу палежитъ» (гл. 7), переиначенъ: «не подобаетъ святымъ угодникамъ Божіимъ праздновать, кромѣ Божіихъ праздниковъ» (гл. 17), то-есть вопросы выражены въ формѣ прямаго отрицанія. Новое возраженіе одно, частное: «еже по смерти святыхъ явленія, то вымыслъ лукавыхъ человѣкъ» (гл. 13). Опровергаетъ его полемистъ указаніемъ на свидѣтельство Священнаго Писанія о явленіи праведнаго Самуила Саулу (1 Царствъ, XXVIII, 12—14), о явленіи Моисея и Иліи во время преображенія Іисуса Христа на горѣ Ѳаворѣ (Еван. Лук. IX, 30) и на разсказы греческихъ и римскихъ писателей о явленіяхъ умершихъ праведниковъ жившимъ на землѣ людямъ.

Таинствъ покаянія и Евхаристіи полемистъ касается не по существу ихъ, а болѣе со стороны ихъ формы, соотвѣтственно конечно, бывшимъ въ обращеніи возраженіямъ. Если прежде изобличалось мнѣніе протестантовъ противъ исповѣди у священниковъ (гл. 10), то теперь разоблачается ихъ сужденіе о тяжести налагаемыхъ епитимій. «У насъ, Грековъ и въ Руси, сказуете, яко правила отеческія страшны о семъ и невозможно епитимій никому исправити», говоритъ полемистъ, и приводитъ имъ на это еще болѣе строгія постановленія закона Моисея (Исх. гл. IX). Вмѣстѣ съ тѣмъ указы-

вается, какъ безъ должнаго покаянія протестанты недостойно приступаютъ къ причащенію и какой безъ него вредъ чистотѣ ихъ нравовъ.

Этимъ почти и ограничиваются упоминанія о покаяніи. Полемистъ касается его какъ бы вскользь, въ своемъ разсужденіи о неуважительномъ отношеніи протестантовъ къ киркамъ и таинствамъ (гл. 15). За то съ необыкновенною и для того времени неожиданною подробностью говорится о таинствѣ Евхаристіи. Вопросъ о существѣ таинства, о пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христовы былъ разобранъ прежде (гл. 11); теперь говорится собственно о хлѣбѣ (26—45) и агнцѣ (49) въ таинствѣ. Вопросу объ опрѣснокахъ посвящено всего болѣе мѣста, цѣлыхъ 20 главъ, и этимъ онъ предваряется почти на полустолѣтіе, когда, съ переѣздомъ къ намъ южнорусскихъ ученыхъ, въ концѣ XVII вѣка онъ поднимается снова и пріобрѣтаетъ самый жгучій характеръ. Направленный тогда собственно противъ католиковъ и латинствующихъ, онъ перешелъ въ вопросъ о времени пресуществленія Св. Даровъ [1].

Полемистъ доказываетъ, что пророчества Ветхаго Завѣта и многочисленныя мѣста Новаго убѣждаютъ насъ въ отмѣненіи и воспрещеніи Господомъ іудейскихъ приношеній и жертвъ, жертвенниковъ съ опрѣсноками, и лютеране и латиняне, удерживая опрѣсноки, обнаруживаютъ, вопреки слову Божію и преданію и ученію отцовъ и учителей Церкви, приверженность къ іудейству. При установленіи таинства Евхаристіи на Тайной Вечери, Іисусъ Христосъ преподалъ Своимъ ученикамъ хлѣбъ обыкновенный, квасный, а не опрѣснокъ: Онъ совершилъ Пасху, когда еще не наступило время яденія опрѣсноковъ, и еслибъ Онъ, противъ обычая, подалъ Своимъ ученикамъ

---

[1] О послѣднемъ см. изслѣдованіе Мирковича, О времени пресуществленія Св. Даровъ. Споръ бывшій въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Вильна, 1886. Вопросъ объ опрѣснокахъ былъ у насъ, впрочемъ, далеко не новый: въ предупрежденіе соблазна латинствомъ, его касались еще въ пору насажденія у насъ Православія, и не разъ повторялся онъ и затѣмъ. А. Н. Попова, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. М. 1875; А. С. Павлова, Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ. Спб. 1878.

опрѣснокъ, то евангелисты не умолчали бы о томъ, но они прямо повѣствуютъ, что Господь Іисусъ взялъ именно хлѣбъ и, благословивъ, преломилъ и далъ ученикамъ, говоря: «пріимите и ядите: сіе есть Тѣло Мое». Неправо думая о хлѣбѣ въ Евхаристіи, «еретики» возражали также и противъ агнца: «почто христіанстіи попы дѣйствуютъ надъ просфорой, а называютъ Агнцемъ Христомъ ту просфору и прободаютъ копіемъ... и вопрошаютъ насъ, рекуще: откуда вы сіе взяли? Христосъ предаде хлѣбъ ученикомъ преломивъ, а не заклавъ». Но и Господь Іисусъ преподалъ ученикамъ на Тайной Вечери хлѣбъ не просто только преломивъ его, но прежде повѣдавъ имъ, какъ Ему пострадать и быть пропятымъ и прободеннымъ. Объ этомъ было прообразованіе въ Ветхомъ Завѣтѣ: жрецы закалали тельцовъ и агнцевъ во образъ безкровной жертвы Христовы, и ихъ закланіе было безгрѣшно; такъ точно нынѣ, по объясненію Златоуста, священники во время священнодѣйствія закалаютъ уготованный хлѣбъ и, по вѣрѣ въ совершеніе Божіе, называютъ Его Агнцемъ, какъ предсказалъ Исаія: «Агнецъ Божій на заколеніе ведеся».

Такъ какъ возраженія противъ поста были уже опровергнуты прежде, то авторъ направляется (гл. 16) не столько на защиту его, сколько на разоблаченіе невоздержной жизни иновѣрцевъ.

Къ новымъ элементамъ въ составѣ сборника, по сравненіи его съ 12-главымъ сочиненіемъ, относятся: защита таинствъ крещенія (47), священства (24—25) и брака (16); необходимости церковнаго преданія (23), авторитета свят. отцевъ и вселенскихъ соборовъ въ дѣлахъ вѣры и церкви (46), истинности и святости Восточной церкви (47), дѣйствительности монашества (13), лѣтосчисленія (18), причемъ дѣлаются сильныя обличенія непристойностей въ киркахъ и нравственныхъ недостатковъ протестантскаго духовенства и вообще протестантовъ. Мѣсто о крещеніи представляетъ передѣлку соборнаго опредѣленія 1620 года о перекрещиваніи католиковъ. Встрѣчая у лютеранъ и кальвинистовъ многія изъ тѣхъ ересей, которыя были указаны въ опредѣленіи у католиковъ, напримѣръ, догматъ объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына, неправильность въ совершеніи обряда крещенія и проч., авторъ приходитъ къ тому выводу, что «за толикія сія злыя ереси, люторей и кальвинъ, какъ и латинъ, должно совер-

шенно крестить, потому что Божественному Писанію сопротивно мудрствуютъ и иныхъ учатъ». Самое же крещеніе онъ считалъ обязательнымъ для всѣхъ христіанъ и доказывалъ, что были крещены не только Христосъ, но и Его Матерь, и всѣ апостолы. Крещеніе апостоловъ онъ нашелъ нужнымъ доказывать въ виду опровергаемаго имъ мнѣнія лютеранъ, старавшихся оправдать свое внѣшнее избирательное священство тѣмъ, что сами апостолы не были даже и крещены водой. Въ противоположность этому раскрывалось, когда и какъ были крещены и поставлены апостолы и какъ они крестили и рукополагали своихъ учениковъ, а отъ нихъ шло преемственно іерархическое священство, безъ котораго, учитъ полемистъ, не можетъ быть ни истинной церкви, ни истиннаго христіанства, подобно тому какъ безъ таинства брака нѣтъ священнаго семейнаго союза.

Въ защиту церковнаго преданія былъ данъ «отвѣтъ люторемъ и латынникомъ (?) и инѣмъ еретикомъ о книгахъ Ветхаго закона и Новыя благодати, иже глаголютъ, яко кромѣ Бытейскихъ книгъ, и Евангелія, и Апостола, гдѣ что̀ написано, и тому нечего вѣрити». Должно вѣрить и инымъ книгамъ, кромѣ находящихся въ Библіи, потому что въ нихъ написано не все, о многомъ упоминается кратко, объ иномъ, о чемъ апостолы учили устно, записано ихъ очевидцами и намѣстниками.

Противъ авторитета св. отцевъ и Вселенскихъ соборовъ лютеране возражали: «что̀ ради святыхъ отецъ списанія слушати и что̀ Вселенскихъ седми соборовъ утвержденіе держати? а до нихъ апостольская вѣра не бывала ли во вселенней и святіи мученики Господни не спасли ли душъ своихъ, кровь свою проливающе за Христа?» — Но мученики страдали не только за Христа, но и за различныя заповѣди, и за писанія святыхъ отцевъ. Господь Іисусъ Христосъ не перестаетъ служить спасенію людей, руководя подвизающимися и открывая имъ многое и Самъ и чрезъ Св. Духа. И апостолъ Павелъ писалъ ученику своему Тимоѳею: «укрѣпляйся, сынъ мой, въ благодати Христомъ Іисусомъ; и что̀ слышалъ отъ меня, при многихъ свидѣтеляхъ, то передай вѣрнымъ людямъ, которые были бы способны и другихъ научить» (2 Посл. къ Тим. II, 1 — 2); тотъ же апостолъ училъ, что Духъ Святый поставляетъ послѣ апостоловъ

учителей и различныхъ пророковъ (1 Коринѳ. XII, 27, 29—31; XIII, 14). Если христіанинъ поэтому долженъ вѣрить св. отцамъ, этимъ намѣстникамъ апостольскимъ; то тѣмъ болѣе необходимо вѣрить Вселенскимъ соборамъ, гдѣ ихъ засѣдало вообще до двухъ тысячъ. «И вы, люторове, обращается къ нимъ авторъ, вѣрите тремъ или четыремъ вмѣстѣ съ Мартиномъ, взбѣсившимся на св. Православную вѣру: какъ же не послушаемъ мы такого множества отцевъ?» Сказавъ о дѣяніяхъ 2-го Вселенскаго собора, на которомъ утвержденъ догматъ о Св. Духѣ, авторъ естественно касается этого догмата и опровергаетъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына. Главное основаніе ученія, что, по Св. Писанію, Св. Духъ посылается отъ Сына, полемистъ опровергаетъ различеніемъ исхожденія и посланія: исхожденіе выражаетъ вѣчное отношеніе Св. Духа къ Богу Отцу, тогда какъ посланіе означаетъ временное посольство въ міръ, какъ и Христосъ говорилъ о Себѣ, что Его послалъ Духъ Святый.

Противъ исключительной истинности и святости Православной восточной церкви лютеране возражали: «что ради Восточныхъ церквей слушати? или убо апостоли восточныхъ людей однѣхъ научили, а прочихъ языковъ не онѣ ли учили?»—Апостолы, правда, единые учителя всѣмъ странамъ; но Мартинъ Лютеръ и самъ не научился отъ апостоловъ, и другихъ училъ отъ себя. Понявъ уклоненіе отъ истины папства и отвергшись Рима, онъ не приложился къ истинной Восточной церкви. «Онъ возсталъ на папу, но не тѣмъ образомъ, какъ правды ради, истинные пастыри, пасущіе стадо Христово, святые отцы, собирая соборы и вкупѣ съ церквами; но, какъ родившійся отъ истаго льва аспидъ прелютѣйшій, крича на него во всю вселенную и не радуяся со святыми, утвердилъ ученіе еще злѣйшее папина». На Востокѣ были всѣ престолы апостольскіе и всѣ семь Вселенскихъ и девять помѣстныхъ соборовъ; восточные христіане и Русскіе, принявшіе вѣру изъ Греціи, твердо сохраняютъ и держатъ апостольское ученіе; Римъ же уклонился отъ него, а лютеране и кальвины, удержавъ часть католическихъ пунктовъ и еще болѣе прибавивъ своихъ, тѣмъ далѣе уклонились отъ религіозной истины и тѣмъ далѣе отстоятъ отъ нея.

Защищая эти основныя положенія, «Изложеніе на лютеры» обосновываетъ и такіе пункты, какъ формы жизни и лѣтосчисленіе. Возраженія лютеранъ и кальвинистовъ противъ монашества были особенно многочисленны. «Иноцы - де оставиша заповѣдь Божію и пророческое, и евангельское, и апостольское писаніе, и самосмысленіемъ изобрѣтоша себѣ житіе и держатъ преданія человѣческая; и аще бы иноческое житіе Богу угодно было, то былъ бы убо и Самъ Христосъ и божественніи апостоли во иноческомъ образѣ; и еже убо чернѣ образъ носити, и то-есть знаменіе бѣсовскаго дѣйства; и о сихъ святый Павелъ къ Тимоѳею паки писа, духъ же реченію глаголетъ: яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣціи отъ вѣры... возбраняюще женитися и удалятися брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣденіе съ благословеніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину. И того ради Мартинъ, мужъ мудрый, не восхотѣ въ иноческомъ житіи блудъ творити и сверже съ себе иноческій образъ и пріятъ законъ Божій, якоже мнози праведни и во пророцѣхъ и во апостолѣхъ съ женами бѣша и Богу угодиша». Ни одно изъ этихъ возраженій не было оставлено безъ отвѣта. Иноки, доказывалъ полемистъ, изобрѣли свою жизнь согласно съ божественнымъ писаніемъ, и дѣвственная жизнь была почтена еще въ Ветхомъ Завѣтѣ; въ Новомъ положилъ ей начало Іоаннъ Предтеча. Самъ Господь Іисусъ Христосъ указывалъ на высоту ея, и многіе апостолы и ихъ ближайшіе ученики не только похваляли дѣвственную и иноческую жизнь, но и сами были внѣ супружества, и тѣмъ учредили и узаконили иночество. Если же Христосъ и апостолы не были въ иноческомъ образѣ, то это потому, что иноческій образъ есть образъ покаянія и плача, а имъ, безгрѣшнымъ, онъ не былъ надобенъ; къ тому же, необходимо, чтобы называли Христа не инокомъ, а Богомъ, а апостолы были поставлены въ образъ высшій иноческаго, въ апостольскій санъ. Думать, что черный образъ заимствованъ отъ козней діавола, что св. Пахомію являлся не ангелъ Господень, а діаволъ, прямая хула на Писаніе: ангелы, по Писанію, являются въ различныхъ образахъ, когда какъ полезно людямъ, и ангелъ явился Пахомію въ черномъ, повелѣвая тѣмъ имѣть плачевное житіе, потому что плачущіе облачаются въ черное. Апостолъ же Павелъ (1 Тим. III, 1—4) говоритъ

о тѣхъ, которые возбраняютъ жениться, а иноки, восхваляя дѣвство, не безчестятъ и не возбраняютъ браковъ и за Православную вѣру полагаютъ свою душу.

На слова о неправильности нашего лѣтосчисленія авторъ указывалъ, что русскія и греческія книги, въ противоположность нѣмецкимъ лютеранскимъ и кальвинскимъ, согласны съ лѣтосчисленіями главныхъ восточныхъ народовъ; въ подтвержденіе мысли приводятся ссылки на самыя разнообразныя лѣтописныя книги: египетскія, еврейскія, эллинскія, латинскія, нѣмецкія, датскія, шведскія, французскія и другія.

Но главная особенность дополнительныхъ главъ сборника не столько въ этихъ новыхъ вопросахъ и доказательствахъ ихъ, сколько въ наступательномъ, изобличительномъ тонѣ, въ сатирѣ на нравы и обычаи протестантовъ, на ихъ церкви и духовенство.

«Если бы вы», обращается полемистъ ко своимъ противникамъ, «прочитали правила новой благодати, апостольскія, отеческія и вселенскихъ соборовъ, то поняли бы въ себѣ діавольскую прелесть и свою немощь и неразуміе; но вы не только не хотите прочитать правильнаго утвержденія семи Вселенскихъ соборовъ, но и слышать о немъ и, ругаясь, говорите: ««въ тѣхъ соборахъ и Бога невозможно разумѣть»»; писанія святыхъ отцевъ называете ересью и послушающихъ ихъ считаете врагами Божіими. Поэтому отъ святыхъ отеческихъ писаній, обруганныхъ вами, ничего не говоримъ вамъ, развратникамъ, но покажемъ отъ любимаго вами Ветхаго закона, что вы не христіане и не евреи, но по истинѣ хуже жидовъ. Отлучась отъ исповѣданія Православной вѣры въ догматахъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ нашихъ и впавши во всѣ древнія ереси, вы уже не христіане; хуже же жидовъ такимъ образомъ. Евреи держали свой храмъ въ великой чести и въ немъ совершали службу и всѣ важнѣйшіе обряды, кромѣ обрѣзанія: вы же откуда взяли возносить жертву приношенія о грѣхахъ и внѣ церкви, въ простыхъ домахъ? Іудеи праздновали свои большіе праздники въ Іерусалимѣ и готовились къ нимъ со всѣмъ тщаніемъ; а вы, лютеране, и священники ваши, научившись отъ латинъ, шесть дней не омывъ скверны блуда, входите въ кирки и говорите другъ другу: ««Что за грѣхъ ходить не омывшись? Мужъ

«и жена одно тѣло. Да и для чего безчестить самого себя, полагать «хулу на образъ Божій, называть скверною чадородное сѣмя?»» Если случится ночью искусъ діавольскій, вы выражаетесь: ««Кровь де «лишняя въ человѣкѣ играетъ, и это что̀ за скверна и къ чему очи- «щаться отъ того и перемѣнять рубашку?»» Но у васъ дѣлается скверна еще худшая. Отрокъ или неженатый мужъ, проблудодѣйствовавъ ночь съ дѣвицей или вдовой, по утру приходитъ въ кирку, исповѣдаетъ грѣхъ блуженія и, выпросивъ у вашихъ священниковъ прощеніе, тотчасъ молитъ, чтобы, ради очищенія отъ того блуднаго грѣха, дано было ему отъ приношенія опрѣсночнаго, хотя онъ и не показалъ никакого исправленія. Откуда взяли, что всегда пей и блуди, да принимай причастіе? Вы говорите, что у насъ, Грековъ и въ Руси, правила отеческія о томъ страшны и никому нельзя выполнить ихъ. Какъ же не видите вы въ Законѣ Моисеевомъ, который вы любите носить, гдѣ въ книгѣ Исходъ, главѣ 19, отъ имени Бога написано не о безбрачныхъ, не о блудникахъ, но о самихъ брачныхъ, чтобъ они очистились и три дни готовились къ явленію Господа на Синаѣ? И апостолъ Павелъ учитъ: ««кто ѣстъ и пьетъ не- «достойно, тотъ ѣстъ и пьетъ осужденіе себѣ, не разсуждая о тѣлѣ «Господнемъ»», и тотъ ««виновенъ будетъ противъ тѣла и крови Гос- «подней»» (Коринѳ. XI, 29, 27). Такъ изобличаетъ васъ Писаніе, и вы, дѣйствуя вопреки Писанію, хуже жидовъ, потому что и жиды хранили законъ, вы же не храните ни христіанства, ни жидовства. Церковь ваша, за несоблюденіе ея чистоты, по слову Моисея (3 кн. Моис. гл. XXIII), не церковь Божія, но домъ бѣсовскій и мерзость запустѣнія. Услишите также и о попахъ вашихъ (гл. 15).

«Откуда это у васъ, лютеране, то, что попы ваши женятся во второй и третій разъ и продолжаютъ поповствовать? Явные вы еретики, потому что разрушаете преданіе ап. Павла, который заповѣдалъ Титу ставить по городамъ въ попы изъ тѣхъ, кто непороченъ и мужъ одной жены. Вы утверждаете, что ап. Павелъ учитъ, чтобы попу держать одну жену, а не двѣ. Гдѣ же писано, чтобы простымъ людямъ держать по двѣ жены? Такъ толкуя слова ап. Павла, вы вводите агарянство. Да и какъ имѣть вашимъ попамъ дѣтей вѣрныхъ, безъ укоризны въ блудѣ? Дочери ваши года два, три, четыре и бо-

лѣе блудятъ съ женихомъ прежде брака, и какъ забременѣетъ дѣвица, тогда и заключаютъ бракъ, а не будетъ чревата, сквернится долгое время, въ поискѣ жениховъ; вдова приживаетъ дѣтей отъ какого-нибудь женатаго мужа, за это ей нѣтъ у васъ ни срама, ни наказанія. Гдѣ же пріискать чистую дѣву, не говоря уже простымъ людямъ, но и самимъ попамъ? Между тѣмъ Моисеевымъ закономъ и апостольскими правилами (прав. св. Апостолъ 17—18) воспрещается быть священниками двоеженцамъ и женатымъ на вдовахъ и блудницахъ. У васъ же не только простые люди, а и попы, епископы и архіепископы сами сквернятся и другихъ сквернятъ, вопреки апостольскому правилу (63) ѣдятъ всякое животное, живущее на сушѣ, въ водѣ и воздухѣ и удавленину, и пьютъ всякую кровь (гл. 16).

«А что сказать о храмахъ лютеранскихъ? Лютеранская ересь здѣсь согласна съ латинской и кальвинской, но хуже латинской. Когда входятъ во время службы въ мнимыя свои церкви, т.-е. въ ропату, костелы и кирки, то вводятъ съ собою псовъ и не препятствуютъ ходить тамъ. Дѣлать такую скверну лютеры и кальвинцы изобрѣли не отъ божественныхъ устъ, не отъ апостольскаго и святыхъ отецъ преданія, но научились тому у латинянъ. Къ той скверне у лютеръ и кальвинцевъ прибавлена еще другая: въ киркахъ ихъ попы и пономари лазятъ на престолъ и стоятъ ногами, гдѣ приносятъ опрѣсночную жертву. Кирокъ и ропатъ своихъ, случится ли въ полдень или ночью и вечеромъ, обыкновенно не запираютъ, потому что онѣ у нихъ огорожены каменными оградами, на подобіе монастырскихъ, ходъ въ ограду сдѣланъ въ родѣ воротъ, но безъ запору, лишь выкопана яма четвероугольная, точно колодезь, въ иныхъ мѣстахъ выложенная камнемъ, въ иныхъ съ врѣзаннымъ въ нее срубомъ, на ямѣ желѣзная рѣшетка, но она въ немногихъ мѣстахъ. Сдѣлано это для того, чтобы никакая животина не входила въ ропату; но собаки легко перебѣгаютъ чрезъ желѣзныя рѣшетки, входятъ со своими хозяевами въ кирки, лазаютъ на престолы и повсюду гадятъ, а лютеране и кальвины выметаютъ; а если нѣтъ рѣшетокъ, то лазитъ всякая животина. А у датскаго короля даже тамъ, гдѣ живетъ архіепископъ («арцибискупъ») и стоятъ большія соборныя кирки, также все не затворено и по обѣимъ сторонамъ кирокъ, у дверей, люди гадятъ, и въ

киркахъ старое все жидовство: на престолѣ поставлены двѣ Моисеевы скрижали съ Десятословіемъ, написаннымъ на нихъ большими золотыми буквами, въ сторонѣ органы, трубы и свирѣли многія, подъ игру на нихъ поютъ Псалтирь. Кажденія кадиломъ у лютеранъ и кальвинъ нѣтъ, во время пѣнія мало кто стоитъ, всѣ сидятъ, иные лежатъ на локтяхъ. Послѣ пѣнія, случится ли въ полдни, къ вечеру или ночью, иные заходятъ въ кирку и, зайдя за западныя двери, блудятъ съ женками и дѣвками, только боятся блудники подходить къ престолу, а то за грѣхъ не считаютъ, оправдываясь: «святыня де Божія не сквернится, но Божія церковь сама всѣхъ освящаетъ; отъ Бога де не утаишься, Онъ вездѣ видитъ грѣхъ, тайный или явный, на дому или въ церкви, нигдѣ нельзя скрыться»; и въ этой скверне они походятъ на Персовъ и Татаръ. У датскаго же короля поставлено въ киркахъ много ратныхъ литавръ, знаменъ и копій и инаго кроваваго оружія, взятаго на бояхъ и поставленнаго по жидовскому обычаю, и это ведется у всѣхъ Нѣмцевъ для ихъ славы; у нихъ же въ киркахъ продаютъ всякіе товары. Кромѣ того, у датскаго короля въ потѣшномъ городѣ Христіанборгѣ («Христьборѣ») сдѣлана палата, украшанная многою великою красотой, внизу у нея помостъ и на верху кровъ весьма и весьма добръ, юнымъ жъ и блудникамъ ей-ей поистинѣ геенскій гробъ».

Здѣсь, въ изображеніи христіанборгской храмины, сатира достигаетъ даже какъ бы поэзіи, въ описаніи соблюдается риѳма:

«Дива убо есть велика та палата видѣти,
Христіаномъ же истиннымъ зѣло ю достоитъ ненавидѣти;
Златомъ убо и сребромъ много устроена тѣлеснаго та,
Въ нихъ же тайна блудная вся открыта срамота,
Ихъ же блуднымъ рачителемъ въ видѣ зрѣти утѣшно,
Конецъ же зрѣнія есть мученіе вѣчно безутѣшно.
Въ толику убо гордость король онъ, Христіанусъ, произыде,
Яко же и сатана на сѣверныя горы мыслію взыде:
Горѣ убо устроилъ двоекровную палату,
Долу же подъ нею двоеимянную ропату,
И по-лютерски нарицаютъ ихъ двѣ кирки,
По-русски же видимъ ихъ отворены люторемъ во адъ двѣ дирки;
Горѣ убо устроенъ въ палатѣ блуда и піанства столъ,

Долу же подъ нимъ приношенія пасенія ихъ не Божій престолъ;
Горѣ бо въ палатѣ бѣсованіе земное,
Долу же въ киркѣ приношеніе, но ихъ, небное.
Многихъ же вводятъ въ кирку ту смыслу королевску дивитися,
Велеумнымъ же мужемъ не подобаетъ безумію ихъ дивитися:
Явный бо той есть врагъ Божій,
Иже возвысился на образъ Божій:
Нигдѣ убо въ нихъ и нидѣ не видѣти написанныхъ образовъ Божіихъ,
Якоже дивнымъ письмомъ въ тѣхъ дву киркахъ не Божіихъ,
И не на поклоненіе святыя иконы добротою въ нихъ воображены,
Но въ урокъ христіаномъ святыхъ иконъ поклонникомъ предложены,
Понеже въ выспрь убо надъ самѣмъ тѣмъ престоломъ королевское мѣсто,
Долу же подъ нимъ образу Божію отнюдь быти не мѣсто.
Аще бо горѣ бѣсованію быти пиршественному,
То отнюдь невозможно быти долѣ возношенію небожественному,
И естествомъ Благій вся терпитъ до конца,
Не кающихся же о семъ имать мучити безъ конца.
И о семъ не бывшимъ тамо православнымъ христіаномъ Греческаго закона нѣсть вѣдомо,
Нынѣ же буди всѣмъ православнымъ христіаномъ о ихъ злочестіи свѣдомо,
Яко во всемъ Господне ученіе отвергоша».

Отношеніе лютеранъ и кальвинистовъ ко своимъ храмамъ, разсуждаетъ далѣе полемистъ, находитъ прямое изобличеніе въ Писаніи и Новаго и Ветхаго Завѣта. Іисусъ Христосъ изгналъ изъ Іерусалимскаго храма торгующихъ, сказавъ имъ: «не дѣлайте дома Отца Моего домомъ торговли»; повелѣвая Моисею войти на гору Синай, Господь заповѣдалъ, чтобы никто, пока онъ находится тамъ, не подходилъ къ горѣ; всякій, человѣкъ, или скотъ, или звѣрь, кто ни прикоснется къ ней, долженъ умереть. Кіотъ Завѣта хранился со всѣмъ благоговѣніемъ; Озонъ, осмѣлившійся прикоснуться къ нему во время перенесенія его изъ плѣна при царѣ Давидѣ, былъ пораженъ отъ Господа смертью. Церковь христіанская еще честнѣе Кіота Завѣта. Въ Кіотѣ были богописанныя скрижали, данныя Моисею въ завѣтъ роду Израилеву; въ Церкви же всегда закалается единородный Сынъ Божій за избавленіе отъ грѣховъ всего міра. «Какъ же не устрашатся лютеране и кальвины въ такую свою мнимую святыню вводить псовъ сквернихъ и безпрепятственно даютъ имъ входить во

всѣ церковныя и алтарныя мѣста? Явно, что это не отъ преданія божественнаго и апостольскаго, не отъ ученія богоносныхъ отцовъ лютеры и кальвины съ латины мудрствуютъ, но отъ своихъ нечестивыхъ размышленій».

Такъ характеризуются протестанты, ихъ ученіе и обычаи въ излагаемомъ нами сборникѣ. О Лютерѣ и его послѣдователяхъ во всѣхъ добавочныхъ главахъ выражается мнѣніе, самое невыгодное для нихъ.

Кто же могъ тогда такъ писать у насъ? На одномъ сорокасемиглавомъ экземплярѣ сборника находится слѣдующая приписка: «Слава Богу, въ Троицы пѣваемому! Аминь. Совершена же бысть сія книга въ лѣто 7150 (1642) года іюля въ 14 день (рукою) многогрѣшнаго и непотребнаго раба, попа Іоанна» [1]. Здѣсь опять встрѣчаемся съ извѣстнымъ уже намъ именемъ, и это даетъ ключъ къ разгадкѣ составителя и отчасти автора даннаго сборника, по крайней мѣрѣ въ 47 главъ. Подъ «попомъ Іоанномъ» некого болѣе разумѣть, кромѣ ключаря Успенскаго Собора, священника Ивана Насѣдки (съ 1650 г. іеромонаха Іосифа), въ чемъ убѣждаютъ всѣ біографическія данныя о немъ.

Иванъ Насѣдка всю свою жизнь провелъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ рѣшеніемъ важныхъ вопросовъ въ сферѣ церковно-религіозной и отчасти гражданской и постоянно находился при книжномъ дѣлѣ. Первоначально онъ служилъ священникомъ, вѣроятно, въ Москвѣ, но послѣ пожара 1611 года укрылся въ Троице-Сергіевскій монастырь, куда бѣжали тогда громадныя массы. Архимандритъ Діонисій поручилъ ему совершать службу и требы для мірянъ въ церкви преподобнаго Сергія надъ монастырскими воротами и отвелъ келью въ монастырѣ. Находясь въ постоянномъ общеніи съ этимъ горячимъ патріотомъ, онъ часто и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ и помогалъ ему въ составленіи и распространеніи пламенныхъ воззваній объ изгнаніи враговъ и, по его порученію,

---

[1] Рукопись Царскаго, № 394, л. 503 (Строевъ, Описаніе, 461). Соколовъ (прим. стр. 20), приводя данную замѣтку, утверждаетъ, что ею заканчиваются «многія рукописи». Какія еще? Мы пересмотрѣли всѣ рукописи и описанія ихъ, какія указаны у него, и многія другія, но тамъ ея не повторяется.

обходилъ окрестности съ цѣлію духовной помощи страждущимъ. Понятно, какія чувства должны были укрѣпиться въ немъ по отношенію къ иновѣрцамъ. Хотя, какъ знаемъ, главными врагами, свирѣпствовавшими около Москвы и Троицкой Лавры, были католики, Поляки, однако, гдѣ могли, не отставали въ нанесеніи вреда Русскимъ и кощунствѣ надъ святынями и протестанты, почему Авраамій Палицынъ, находившійся въ добрыхъ отношеніяхъ къ Насѣдкѣ, писалъ потомъ, что «содружество съ лютеранами и кальвинами достойно посмѣянія всѣхъ языковъ» [1]. Насѣдка не могъ, конечно, держаться иного взгляда.

Опредѣленный затѣмъ во священника подмонастырскаго села Клементьевскаго и узнавъ о порученіи (1615 года) правительства нѣкоторымъ старцамъ Троице-Сергіева монастыря исправить и приготовить къ печати Требникъ, Насѣдка явился въ Москву и чрезъ боярина Бориса Михайловича Салтыкова добился того, что, по государеву указу (6 ноября 1616 года), дѣло исправленія было переведено въ лавру и поручено архимандриту Діонисію съ приставленными къ нему помощниками, имъ, попомъ Иваномъ, и старцами Арсеніемъ и Антоніемъ. О перенесеніи исправленія въ лавру и передачѣ его Діонисію Насѣдка хлопоталъ, конечно, потому, что рядомъ, въ Клементьевскомъ, жили его жена и дѣти, и что у Діонисія онъ пользовался полнымъ расположеніемъ. Не трудно было предвидѣть опасности, соединенныя съ возложеннымъ дѣломъ, и Арсеній убѣждалъ сотрудниковъ добиться сначала того, чтобъ оно было взято подъ непосредственное наблюденіе митрополита Іоны, завѣдывавшаго патріаршествомъ; но энергичный священникъ Иванъ побуждалъ не медлить съ началомъ дѣла. Діонисій принялъ совѣтъ Насѣдки.

Достаточно извѣстно, какъ тяжело оправдались опасенія Арсенія икакія ошибки были исправлены этими справщиками [2].

---

[1] Авраамій Палицынъ, Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря. М. 1822, 44. Ср. выше, стр. 584—587.

[2] Объ этомъ подробно сказано въ Чтен. Общ. Ист. и Др. Рос. 1848, кн. VIII, отд. 1, Правосл. Собесѣд. 1862, кн. II; Чтен. въ Моск. Общ. Любит. Дух. Просвѣщ. 1865, и др.

Когда Діонисій представилъ исправленный Потребникъ Іонѣ, митрополитъ, предубѣжденный уже противъ справщиковъ и, можетъ быть, обиженный, что они указывали недостатки въ книгахъ, изданныхъ въ періодъ его управленія патріаршествомъ, собралъ (18 іюля 1618 года) изъ московскаго духовенства небольшой соборъ для суда надъ справщиками. Напрасно обвиняемые оправдывали законность своихъ исправленій, и особенно Насѣдка, который въ жару спора, по выраженію Арсенія, своимъ обвинителямъ даже «очи слюнами запрыскалъ». Было рѣшено «архимандрита Діонисія и попа Ивана» отлучить отъ церкви и запретить имъ священнодѣйствовать; Діонисія заключили въ Новоспасскій монастырь, Арсенія на Кирилловскомъ подворьѣ, и оба подверглись тяжкимъ наказаніямъ и униженіямъ; Насѣдка отъ заключенія какимъ-то образомъ уклонился и жилъ на свободѣ, хотя и не священнодѣйствовалъ; объ Антоніи ничего неизвѣстно. Обвиненные не переставали оправдываться. Въ свою защиту они писали особыя посланія или «Рѣчи»: Діонисій ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, Арсеній одну къ Салтыкову, другую къ близкому къ Іонѣ протопопу Ивану Лукьянову. Съ своей стороны не молчали и ихъ враги. Самымъ виднымъ обвинителемъ явился Антоній Подольскій, судя по фамиліи, изъ Подоліи. Кичась своимъ образованіемъ, которое однако у него было не велико, онъ рѣзко нападалъ на справщиковъ и всего болѣе на Насѣдку, который, находясь на свободѣ, легко могъ изобличать обвинителей. Антоній ославлялъ ихъ и въ частныхъ домахъ, и на рынкахъ, и написалъ противъ нихъ цѣлую книгу. Въ опроверженіе его, Насѣдка тоже написалъ значительное сочиненіе, изъ 35 главъ, гдѣ собралъ соотвѣтствующія слова Писанія, толковаго Евангелія и Апостола, писаній св. отцевъ, Кормчей, церковныхъ службъ, сопровождая свои выписки и указанія соображеніями противъ Антонія, нерѣдко самыми рѣзкими и безпощадными. Борьба толкаетъ, такимъ образомъ, Насѣдку въ область церковно-богословской полемики, сообщая послѣдней особенный тонъ и характеръ.

Защита справщиковъ была безуспѣшна, пока не занялъ патріаршій престолъ воротившійся изъ плѣна Филаретъ Никитичъ. Насѣдка подалъ ему свое сочиненіе противъ Антонія и новую обшир-

ную «Рѣчь», въ 30 главъ, изъ которыхъ въ первыхъ 12 оправдывалъ опущеніе въ молитвѣ на Богоявленіе прибавки «и огнемъ», въ остальныхъ—исправленія окончаній нѣкоторыхъ молитвъ. Въ ней онъ помѣстилъ посланіе Діонисія къ православнымъ христіанамъ и Арсенія къ боярину Салтыкову, лишь съ небольшими измѣненіями и нѣсколько въ иномъ порядкѣ, безъ означенія того, откуда взялъ, и отъ себя прибавилъ нѣсколько вставочныхъ замѣчаній и новыхъ примѣровъ. На соборѣ (2 іюля 1619 года), бывшемъ подъ предсѣдательствомъ вновь поставленнаго патріарха Филарета и заѣхавшаго къ намъ патріарха іерусалимскаго Ѳеофана, въ присутствіи государя, обвиняемые были оправданы и разрѣшены. Діонисій послѣ того съ честью былъ отпущенъ въ лавру; Арсенія снова приставили въ справщики печатающихся книгъ, а Иванъ Насѣдка, бывшій дотолѣ священникомъ захолустнаго села Клементьевскаго, опредѣленъ былъ во священника и ключаря Московскаго каѳедральнаго Успенскаго собора. Для разъясненія паствѣ, Насѣдка, съ благословенія и даже, можетъ-быть, по порученію Филарета, написалъ новое сочиненіе въ оправданіе поправокъ. Сочиненіе составлено изъ сорока съ небольшимъ главъ и уже сравнительно спокойнѣе, чѣмъ направленное противъ Антонія [1].

На Филарета способный и энергичный Насѣдка произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Патріархъ постоянно пользовался его услугами. Приставилъ его къ печатанію богослужебныхъ книгъ, которое теперь двигалось несравненно успѣшнѣе прежняго; вскорѣ «попа Ивана», конечно именно его, Насѣдку, какъ довѣренное лицо, патріархъ отправилъ (1621—1622 г.) въ Данію къ Христіану IV при посольствѣ князя Алексѣя Михайловича Львова. Вмѣстѣ съ явнымъ порученіемъ объявить королю объ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ и возвращеніи отца государева, Филарета Никитича, посольство имѣло, извѣстное намъ [2], тайное порученіе интимнаго для царской семьи

[1] Рукописи Троице-Сергіевской лавры, № 700, Моск. Синод. Библіот. №№ 46 и 822 по прежн. катал. Акт. Эксп. III, № 329; Житіе архим. Діонисія. М. 1824; Тр. Моск. Археол. Общ. 1869, II; А. Смирновъ, Свят. п. Филаретъ Никитичъ. М. 1874, ч. II, гл. 3; пр. Макарій, Ист. Рус. церкви. Спб. 1881, т. X. гл. IV, 1882, т. XI, гл. I; Платоновъ, 1888, 297 и слѣд.

[2] Гл. VI, стр. 459—469.

характера: сватовство Михаила Ѳеодоровича за одну изъ королевскихъ племянницъ.

Исполненіе порученія поставило Насѣдку лицомъ къ лицу съ протестантствомъ и дало ему долю цѣннаго матеріала для его полемики. Непремѣннымъ условіемъ для брака послы должны были ставить крещеніе принцессы въ Православіе; на характерѣ даннаго имъ въ руководство наказа видно отраженіе состоявшагося незадолго до ихъ отправленія изъ Москвы соборнаго опредѣленія (осенью 1620 года) о перекрещиваніи католиковъ. Сватовство не спорилось, и Христіанъ, не считавшій бракъ выгоднымъ, чтобы смягчить непріятное впечатлѣніе отказа, устраивалъ въ честь пословъ обѣдъ за обѣдомъ и въ Копенгагенѣ, и въ подъ-столичномъ Христіанборгѣ, въ новомъ красивомъ дворцѣ. За столомъ, въ числѣ русскихъ гостей, былъ и священникъ Иванъ. За обѣдомъ 28 апрѣля 1622 года въ Христіанборгѣ «королевскіе думные люди подчуя говорили посламъ, чтобы они приняли то въ честь и добро отъ королевскаго величества: самые хоромы, въ которыхъ они обѣдаютъ, лишь только отдѣланы, въ нихъ едва начали селиться, а дѣлаетъ хоромы самъ король, своими замыслами, не совѣтуясь ни съ кѣмъ изъ мастеровъ; въ этомъ мѣстѣ онъ любитъ строиться потому, что здѣсь родился; нравомъ онъ добръ и къ своимъ людямъ милостивъ, съ иноземными государствами ссоры не ищетъ». Наши отвѣчали: «вѣдаемъ мы и сами, что государя вашаго, его королевское величество, Богъ родилъ разумна и изрядна всякою добротою, и ему можно и безъ мастеровъ разумѣть, а хотя бы хоромы у королевскаго величества и не таковы были, только братская любовь и дружба къ великому государю нашему, его царскому величеству, пріятна», и затѣмъ хвалили также своего государя. Послѣ обѣда главные королевскіе думные люди отъ имени короля пригласили пословъ прогуляться по королевскому дворцу. Ходили они по палатамъ, осмотрѣли и дворцовую Лютеранскую церковь. Наши замѣтили, что въ палатахъ стѣны обиты золотными и цвѣтными бархатными и фряжскими шелковыми коврами, на потолкѣ вырѣзаны различные люди, звѣри, травы; потолки были рѣзаны и золочены по камню и въ киркѣ [1]. На слѣдующій день (29 апрѣля) наши опять

[1] «Царскаго величества послы королевскимъ думнымъ людемъ говорили:

получили приглашеніе къ королевскому столу. Обѣдъ былъ торжественный, съ тостами, музыкой и пѣніемъ. Стѣны столовой красовались обоями и живописью, потолокъ разными фигурами, въ углу билъ красивый фонтанъ [1].

Теперь понятно, откуда взялась сатира на датскія кирки и христіанборгскую «палату», заключающаяся во второй половинѣ 47-й главы «Изложенія на лютеры» [2].

««гдѣ насъ зовете гулять?»» И королевскіе думные люди царского величества посломъ говорили: ««Здѣсь де на королевскомъ дворѣ, по палатамъ погулять, «чтобъ вамъ, царского величества посламъ, было не скучно.»» И царского величества послы съ королевскими думными людьми пошли, и королевскіе дворяне шли передъ послы, снявъ шляпы, и въ палатахъ и въ киркѣ ходили; и въ палатахъ стѣны обиты бархаты золотными и цвѣтными и ковры шолковыми фряскими, а на подволокахъ рѣзаны люди, и звѣри, и птицы, и травы золочены, а дѣланы разными образцы; и прошли сквозь кирку, а на ней полата, а въ киркѣ подволока рѣзана, по каменю золочена». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Датскія дѣла, 1621 г., св. 5, № 3: «Статейный списокъ бытности въ Даніи пословъ дворянина князя Алексѣя Львова и дьяка Ждана Шипова».

[1] Тамъ же. «А передъ столомъ, и передъ ѣствами, и передъ овощи били по литаврамъ и играли въ трубки. А въ столъ играли въ музыку и припѣвали разными голосы, а игрецовъ было человѣкъ съ тридцать. А полата обита обыты стѣнными, писана, а подволока рѣзана, люди и звѣри, золочена. А какъ король съ послы сѣли, и въ палатѣ въ углу приведена вода въ колодезь, за рѣшетками мѣдяными здѣланъ мужикъ серебрянъ, позолоченъ, литой, а изъ него вода пущена, бѣжитъ изъ глазъ и изъ перста, и изъ грудей, да птички и звѣри и змѣйки къ нему придѣланы, а изъ нихъ вода жъ пущена и изо рта, и изъ глазъ, и изъ ноктей струйкою невеликою».

[2] Не зная о миссіи «попа Ивана» въ Данію, Никольскій (Матеріалы для исторіи противолютеранской богословской полемики, въ Труд. Кіевск. Дух. Акад. 1864, I, 164) считалъ эту главу непосильною для московскаго богослова и думалъ, что она писана кѣмъ-либо изъ богослововъ южно-русскихъ. Южнорусскаго происхожденія могла быть одна первая половина 47 главы, отвѣчающая на часто слышавшійся въ югозападной Россіи вопросъ: «чего ради Восточныхъ церквей слушати, или убо апостоли восточныхъ людей однихъ научили, а прочихъ языкъ не онѣ ли учили»? Во второй же половинѣ, та часть, гдѣ говорится о перекрещиваніи протестантовъ, есть ни что иное, какъ незначительная передѣлка съ примѣненіемъ къ протестантамъ соборнаго опредѣленія 1620 года о перекрещиваніи латинъ, а часть о датскихъ киркахъ могла быть написана однимъ «попомъ Ива-

По возвращеніи въ Москву, Насѣдка, очевидно, усердно занялся изученіемъ протестантскаго вѣроученія, имѣя подъ рукой не одни полемическія сочиненія, но и самый лютеранскій Катихизисъ въ русскомъ переводѣ. Впослѣдствіи, во время своего спора съ пасторомъ Матвѣемъ Фильгоберомъ, онъ писалъ (1644): «я, попъ Иванъ, знаю, что Мартинъ въ Катихизисѣ ихъ о Десятословіи къ Моисею все развелъ на укоризну и Грекамъ, и намъ; и тотъ разводъ Мартинова ученія у меня, грѣшнаго, есть, и патріарху государю про то извѣстно, да въ людй ту книгу казать мнѣ не для чего, а буде положитъ Матвѣй то ученіе явно, и той всей вражьей книгѣ готовый отвѣтъ у меня есть» [1]. Хотя на поляхъ имѣвшагося у него экземпляра Катихизиса Лютера онъ и дѣлалъ различныя критическія замѣтки [2], но

номъ». Не безъ причины въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, какъ видѣли, вторая часть главы стоитъ отдѣльно отъ первой, и между ними находятся бѣлые листы; въ рукописи Царскаго она представляетъ даже особыя главы.

[1] Рукопись Моск. Син. Библ., № 279 нов. кат. л. 255.

[2] Въ библ. Моск. Дух. ак. есть копія 1665 (҂ѯѳ҃г) года съ этого экземпляра (рукоп. № 223; что это копія, видно изъ замѣтки на 149 л. об.: «Сія приписъ была на подлинной книгѣ, которую давалъ... Іванъ Насѣдка»). Въ началѣ ея, предъ предисловіемъ, читаемъ: «Книгу богохулну еретику Мартину Лютеру, ею жъ прельсти многихъ языкъ, намъ же, христіаномъ православнымъ, ничто же ино у ней, развѣ на обличеніе ихъ богохулнаго закону; понеже еретикомъ обычай: начинаетъ благочестіемъ, а все даетъ еретическое свое ученіе, якожъ среди пшеницы плевела; и кто не наученъ до конца Православія догматъ, и тотъ спросту и безъ хитрости почитаетъ еретическія плевелы за пшеницу. Сего ради здѣ на сей книгѣ по полемъ намѣчены обличенія на еретическая его злоумышленныя собранія». Послѣ предисловія, предъ Катихизисомъ, отмѣчено: «Книга глаголемая Катихисисъ, слогъ Мартина Лютора, имъ же прелсти многихъ Нѣмецкихъ людей въ западныхъ странахъ въ королевствѣ Французскомъ, и въ Польскомъ, и въ Свискомъ, и въ княжествѣ Галанскомъ, и во многихъ въ околныхъ городѣхъ. Сію же книгу истиннымъ православнымъ христіаномъ, которые не читали божественнаго Писанія доволно, и таковымъ людемъ не подобаетъ въ сію книгу приницати, ни чести, понеже сія книга не Святымъ Духомъ сложена, но самъ сатана въ Мартинѣ Люторѣ дѣйствовалъ; исполнена сія книга всякіе прелести бѣсовскіе. А кто станетъ по сей книгѣ мудрствовать или людей учити, и тотъ человѣкъ по святыхъ отецъ правиломъ будетъ проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ».

подъ «готовымъ отвѣтомъ» всего естественнѣе подразумѣвать «Изложеніе на лютеры», гдѣ видимъ извѣстный уже намъ его литературный пріемъ. Какъ прежде въ «Рѣчи» къ патріарху Филарету, онъ и здѣсь пользовался уже готовымъ, составляя изъ него цѣлый богословско-полемическій противопротестантскій сборникъ, съ прибавкой по мѣстамъ своихъ вставокъ, а, можетъ-быть, и цѣлыхъ главъ. Въ сатирѣ на лютеранскія кирки и нравы протестантовъ виденъ авторъ сочиненія противъ Антонія Подольскаго. Весьма вѣроятно, что ему же принадлежитъ переводъ съ бѣлорусскаго сочиненія «О образѣхъ», легшаго въ основу «Изложенія на лютеры»: онъ по порученію Филарета разсматривалъ «Учительное евангеліе» Транквилліона, написанное на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Изъ сколькихъ сочиненій образовался новый сборникъ, опредѣлить нельзя. Первыя 12 главъ, какъ мы видѣли, представляютъ прямой переводъ съ бѣлорусскаго сочиненія «О образѣхъ»; судя по тому, что въ послѣдующей части сборника нѣкоторыя главы слишкомъ не сходны между собою по характеру изложенія (напримѣръ, 14 и 24, 18, 24 и 25 въ сравненіи съ остальными), и въ виду того, что главы, въ которыхъ говорится объ одномъ и томъ же предметѣ, помѣщены иногда не рядомъ, можно предположить, что вторая часть сборника составлена изъ нѣсколькихъ сочиненій, которая, по мѣрѣ нахожденія и изготовленія, авторъ присоединялъ одно къ другому, хотя, въ большинствѣ случаевъ, и нѣтъ возможности указать, какими сочиненіями онъ пользовался [1], какъ и самое время написанія ихъ [2]. Несомнѣнно одно, что

---

[1] Между другими, сюда могло относиться «обличительное списаніе», изданное А. Поповымъ въ Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1879, II; къ сожалѣнію, многимъ произведеніямъ нельзя было сохраниться на мѣстѣ ихъ родины: католическіе монахи и польскіе католическіе паны слишкомъ много прилагали старанія объ истребленіи и скрытіи православно-русской и особенно богословской литературы. См., напримѣръ, Акт. Зап. Россіи, IV, 204.

[2] О времени написанія первыхъ 12 главъ мы уже говорили. Въ 18 главѣ есть такое указаніе времени. «У васъ убо», возражали лютеране православнымъ, «нынѣ лѣто пишется ҂ζρλ, у насъ же еще шестая тысяща идетъ; и у васъ убо въ книгахъ вашихъ написано, яко Христосъ родился въ лѣто ҂єφ, у насъ же не въ шестой тысящѣ родился Христосъ, но въ четвертой.... а отъ Рождества Хри-

сорокасемиглавый сборникъ былъ оконченъ и пущенъ въ публичное пользованіе не позднѣе начала сороковыхъ годовъ [1], а изготовлялся и служилъ высшей духовной власти пособіемъ и опорой при разработкѣ ею нѣкоторыхъ церковныхъ чинопослѣдованій немного ранѣе. Обстоятельства побуждали тогда обратить особенное вниманіе на иновѣріе, такъ какъ теперь обнаружилось слишкомъ много неудобствъ для Русскихъ отъ чужеземцевъ, допущенныхъ жить въ самой Москвѣ, и здѣсь поднялась сильная агитація противъ протестантовъ и ихъ кирокъ, въ борьбѣ противъ торговыхъ иноземцевъ приняли живое участіе другіе большіе города, гдѣ жили и торговали протестанты; духовной властію былъ изготовленъ и отпечатанъ подробный чинъ крещенія обращавшихся отъ «люторскія ереси», вслѣдъ за отпечатаніемъ его возобновился и пріобрѣлъ жгучій интересъ вопросъ о бракѣ въ царской семьѣ съ нѣмецко-протестантскимъ принцемъ подъ условіемъ обращенія иновѣрнаго лица. Отсюда—своевременность даннаго полемическаго сочиненія. Хотя оно и не представляло всей противопротестантской системы, вопросы отвлеченные едва, можно сказать, затрогивались, а основнаго протестантскаго догмата, объ оправданіи, совсѣмъ не касалось, да и весь споръ вращается преимущественно около внѣшнихъ сторонъ разбираемыхъ пред-

---

стова по се время ⁄АХКА› (Рук. Син. Библ. въ 47 главъ, № 274, л. 237 об.; въ 49-ти главыхъ рукописяхъ, синодальной № 275, л. 219, С.-Петерб. Духовной академіи, л. 110 об., Барсова, л. 131—132, вмѣсто ‹⁄ZРЛ› года стоитъ впрочемъ «⁄ZРМZ» годъ, но ‹⁄АХКД› годъ отъ Рождества Христова остается неизмѣннымъ). Отсюда видно, что 18 глава явилась въ 1622 году, но упоминаемый 1621 годъ относится ли къ появленію южнорусскаго подлинника, или славянорусскаго перевода, сказать нельзя; судя по тому, что эта дата не измѣняется въ различныхъ рукописяхъ, можно думать, что всего скорѣе къ подлиннику.

[1] Подъ рукописью Царскаго, № 394, л. 503 об. (Строевъ, Описаніе, 461), какъ уже видѣли, означено: «Совершена бысть сія книга въ лѣто 7150 (1642) года іюля въ 14 день». На экземплярѣ рукописи Моск. Дух. Акад., № 178, находится припись: «РНД года маія въ Г день списывана сія книга, отвѣты и обличенія на различные еретическіе вѣры люторскіе и римскіе и латынскіе и иныхъ, въ Якутскомъ острогѣ съ книги, которая куплена на Москвѣ въ прошломъ въ РМѲ (1641) съ Покровки отъ Пречистыя и съ Кожевниковъ у пономаря Івана Іванова».

метовъ; хотя въ расположеніи статей и главъ оно болѣе походило на простой, довольно механическій сборникъ богословско-полемическихъ противопротестантскихъ статей, чѣмъ на особое систематически-цѣльное сочиненіе, а въ числѣ доказательствъ встрѣчаются иногда не оправдываемыя историческою критикой: монашество, напримѣръ, будто бы уже во времена апостоловъ существовало въ томъ видѣ, въ какомъ оно было при жизни автора; иныя доводы отличаются наивно-казуистическимъ характеромъ, таковы доказательства о крещеніи апостоловъ; такія главы, какъ 18-я, о лѣтосчисленіи, не могли быть понятны многимъ читателямъ,—но все же это былъ трудъ тогда весьма полезный. Помимо уже его содержательности, сочиненіе было важно тѣмъ, что опровергаемыя возраженія были взяты изъ жизни, хотя по преимуществу южно-русской, но отсюда, въ силу извѣстнаго сходства въ положеніи, отчасти и сѣверно-русской; по мѣстамъ оно являло плодъ устной бесѣды, по мѣстамъ опровергало литературныя сочиненія, иныя главы составлены были на тотъ разъ, еслибы православнымъ случилось завести съ протестантомъ бесѣду о томъ. Православный читатель могъ запастись здѣсь готовымъ и довольно вѣскимъ отвѣтомъ на кругъ наиболѣе распространенныхъ возраженій противниковъ и обоснованнымъ взглядомъ на протестантство. Его должно было привлекать богатство доказательствъ изъ Св. Писанія, наиболѣе въ данномъ случаѣ убѣдительныхъ, такъ какъ протестанты любили ссылаться именно на Св. Писаніе. Важно также, что авторъ не ограничился защитой православнаго ученія, но иногда переходитъ въ прямое наступленіе, разоблачаетъ и изобличаетъ протестантовъ, ихъ образъ жизни и ихъ мысли. Рѣзкій тонъ изобличеній, которымъ вообще отличается большинство дополнительныхъ главъ, не только не ослаблялъ впечатлѣнія, но, соотвѣтствуя тогдашнему настроенію и взгляду на формы борьбы, еще усиливалъ его. Съ другой стороны, если сами противники допускали прямое глумленіе, если они выставляли такія возраженія, что подвижнику Пахомію являлся не ангелъ, а бѣсъ въ одеждѣ чернеца: то что же удивительнаго, если и нашими, въ пылу обоюднаго спора, первая правдоподобная догадка выдается за несомнѣнное доказательство, и опроверженія ихъ вращаются попреимуществу въ средѣ тѣхъ же внѣшнихъ сторонъ,

въ которой держатся противники? Главныя же теоретическія, оспариваемыя врагами, православныя истины указаны прочно; въ вопросахъ вѣроученія обыкновенно высказывается вѣрный православный взглядъ. Замѣтки, въ родѣ «книга мудра и удобна» [1], встрѣчающіяся на нѣкоторыхъ рукописяхъ сборника, и, судя по количеству сохранившихся экземпляровъ, необыкновенно широкое распространеніе его, указываютъ на тотъ авторитетъ, какимъ пользовалось данное сочиненіе у своихъ современниковъ. Въ немъ они въ одномъ мѣстѣ находили почти все наиболѣе цѣнное, бывшее тогда въ обращеніи противъ протестантовъ. Другіе извѣстные полемическіе сборники, какъ напримѣръ «Просвѣтитель литовскій» [2], были въ значительной долѣ или очень сходны съ нимъ или же направлялись попреимуществу противъ латинянъ [3], и противъ протестантскихъ сектъ обыкновенно содержатся въ нихъ по частямъ тѣ же главы, что и въ разсмотрѣнномъ нами сборникѣ; чаще всего встрѣчаются первыя 12 главъ.

Но преимущественное значеніе «Изложенія на лютеры» сказалось въ томъ, что его главнѣйшія положенія противъ протестантскихъ сектъ вошли въ печатный чинъ (1639 г.) крещенія принимавшихъ Православіе протестантовъ, именно въ отдѣлъ отреченія крещающимся отъ прежнихъ заблужденій [4]. Послѣ поименованія представителей протестантскаго движенія, какъ они названы и помѣщены въ

---

[1] Такая подпись находится, напримѣръ, на рукописи Моск. Синод. библіотеки, № 274, л. 508.

[2] Подробно о немъ въ описаніяхъ рукописей Царскаго, № 461, Ундольскаго, № 426, Каз. Дух. акад. №№ 317—319 нов. кат., и др. На экземплярѣ Каз. Дух. ак. № 319, носящемъ заглавіе «Изложеніе о вѣрѣ», есть помѣта, указывающая на 1638 годъ.

[3] Замѣчательно, что противъ латинянъ и уніатовъ у насъ съ южнорусской литературы переводились и составлялись тогда не только сборники, но переводились и такія большія спеціальныя сочиненія, какъ «Апокрисисъ» Христофора Филарета. Экземпляръ такой рукописи хранится въ собраніи г. Барсова; на первыхъ листахъ ея читается помѣта: «сія книга думнаго дьяка Григорья Карповича Богданова Апокрисисъ». Недавно этотъ памятникъ снова изданъ въ польскомъ и западнорусскомъ текстахъ (Рус. Ист. Библіот. VII, 1003—1820), переведенъ (Апокрисисъ въ переводѣ на современный русскій языкъ. Кіевъ. 1870), проф. Н. Скабалановичъ изслѣдовалъ его (Объ Апокрисисѣ. Спб. 1873).

[4] V гл., стр. 351—353.

сборникѣ, своеобразности и заблужденія протестантства формулированы въ отреченіи большею частію также и нерѣдко въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ «Изложеніи на лютеры», съ тѣмъ лишь различіемъ, что вмѣсто пространныхъ опроверженія и обличенія помѣщено прямое отрицаніе и проклинаніе ихъ [1].

Внесеніемъ въ печатный чинъ противопротестантскихъ пунктовъ какъ бы намѣчалось уже признаніе надобности въ печатной книгѣ противъ иновѣрія. Какое бы сравнительно широкое примѣненіе ни находили рукописные полемическіе сборники, они, по трудности, медленности и дороговизнѣ переписки, не могли вполнѣ удовлетворить потребности книжныхъ людей. Все сильнѣе чувствовалась надобность въ печатныхъ руководствахъ. Окрѣпнувшая московская типографія могла выпускать не однѣ богослужебныя книги и труды, въ родѣ «Катихизиса» Лаврентія Зизанія. Несмотря на это, тогда, повидимому, представлялось не совсѣмъ удобнымъ начать печатаніе съ такихъ полемическихъ сочиненій, какъ «Изложеніе на лютеры», которое, хотя и касалось многихъ частныхъ вопросовъ и имѣло очень значительный внѣшній объемъ, отличалось спеціальнымъ интересомъ—изобличеніемъ въ сущности однихъ протестантовъ; у насъ же были и другіе религіозные враги, противъ которыхъ также желали дать полезное оружіе; названное сочиненіе во многихъ своихъ частяхъ изложено въ такой формѣ, чтобы читатель могъ воспользоваться готовымъ отвѣтомъ во время религіозныхъ споровъ, между тѣмъ прави-

[1] Вотъ, напримѣръ, мѣста отреченія о почитаніи святыхъ, поминовеніи умершихъ о принятіи Причащенія: «Проклинаю всѣхъ еретикъ, яже хулятъ святыхъ угодниковъ Божіихъ,... не вѣруютъ молитвамъ святыхъ, еже нынѣ святіи вси молятся о насъ... Проклинаю всѣхъ еретиковъ мудрованіе возбранляющихъ о отшедшихъ свѣта сего о преставльшихся памяти творити и милостыня даяти. Еще проклинаю и сіно еретическое мудрованіе лютеръ и калвинъ, иже глаголютъ яко не могутъ праведніи ничтоже помощи, аще не Самъ Богъ кого помилуетъ.. Проклинаю всѣхъ еретикъ, иже не очистився отъ грѣхъ беззаконія блуднаго и пріемлютъ опрѣснокъ скверный ради очищенія своего. Проклинаю лютеръ и калвинъ мудрованія, иже глаголютъ, яко не подобаетъ святымъ угодникомъ Божіимъ праздновати, кромѣ Божіихъ праздниковъ». Книга глаголемая Потребникъ Иноческій. 1639 г.

тельство допускало религіозные споры съ иновѣрцами лишь въ случаяхъ исключительныхъ; наконецъ, эта рукопись составлена была лицомъ, которое, по своему вліянію въ правительственныхъ сферахъ, уступало многимъ инымъ духовнымъ лицамъ [1]. Для правительства естественнѣе было позаботиться дать книгу не столько приноровленную къ религіознымъ преніямъ, сколько «богодухновенную», хотя бы и безъ прямаго отвѣта на задаваемыя иновѣрцами возраженія: главная сила была въ авторитетности ея происхожденія, въ общепризнанной непогрѣшимости ея автора въ изложеніи вѣроученія. Не даромъ еще первая печатная книга по возобновленіи московской типографіи, «Псалтирь», предназначалась, какъ оповѣщено въ послѣсловіи къ ней, для утвержденія православныхъ въ вѣрѣ противъ нахлынувшихъ въ Московское государство ересей [2]. Извѣстно особенно глубокое уваженіе къ Псалтири нашихъ предковъ: она была наиболѣе любимою книгой въ ихъ домашнемъ употребленіи. Но ея служеніе для борьбы съ иновѣріемъ могло быть слишкомъ отдаленно; требовались сочиненія, прямѣе соотвѣтствующія цѣли. И вотъ, когда рукописное «Изложеніе на лютеры» было готово и распространено въ

---

[1] Впрочемъ, преосвящ. Филаретъ (Обзоръ русской духовной литературы, Харьковъ, 1859, № 208, стр. 319—320), ссылаясь на «Изв. Акад. IV, 199», объ «Изложеніи на лютеры» замѣчаетъ: «По списку Бередникова, можно полагать что это сочиненіе, перемѣнивъ кое-что, готовили къ печати». Съ его словъ, безъ снесенія съ подлинникомъ, повторяютъ это Никольскій (Матеріалы для исторіи полемики, Тр. Кіевск. Дух. Акад. 1864, I, 159; цитуетъ «Извѣст. Акад. IV, 199» и Соколовъ (Отнош. прот. къ Россіи, прим. стр. 20; цит. «Изв. Акад. IV, 199»). Въ указанномъ преосвященнымъ Филаретомъ мѣстѣ Извѣстій Импер. Акад. Наукъ по отдѣлу русск. язык. и словесности (т. IV, Спб. 1855, столб. 198—199) дѣйствительно есть «Записка о библіотекѣ Я. И. Бередникова», составленная Корсуновымъ; но въ ней нѣтъ никакого упоминанія объ «Изложеніи на лютеры». За послѣднее сочиненіе преосвященный Филаретъ, очевидно, по ошибкѣ, принялъ означенную здѣсь рукопись XVIII вѣка: «Правда Святовосточныя и Великороссійскія церкве, правою вѣрою и догматами утвержденная въ 7156 (1648) 5 мая, въ 7158 (1649) 5 ноября и 7161 (1653) 5 іюня свѣту явленная».

[2] Печатаніе этой «Псалтири» начато 5 іюня 1614 года, окончено 6 генв. 1615 года; послѣсловіе къ ней помѣщено у Строева въ Описаніи старопечатныхъ книгъ Царскаго. М. 1836, № 53, и у Каратаева, № 216.

различныхъ спискахъ, изъ печати является (въ августѣ 1642 года) книга, по свидѣтельству послѣсловія къ ней, богодухновенная, собранная воедино отъ многихъ святыхъ отецъ. Направлялась она къ защитѣ и утвержденію религіознаго пункта, который тогда имѣлъ первенствующее значеніе въ нашихъ вседневныхъ соприкосновеніяхъ съ протестантами, былъ предметомъ самыхъ грубыхъ сужденій послѣднихъ и за который они все Православіе осмѣливались называть идолопоклонствомъ, а православныхъ идолопоклонниками. Это былъ пунктъ объ иконопочитаніи.

Новая книга — «Сборникъ, слова избранныя о чести святыхъ иконъ и о поклоненіи» [1]. Напечатана она была по повелѣ-

---

[1] Такое заглавіе ея въ посдѣсловіи къ ней, л. 167, удерживаемое библіографамъ; въ началѣ же текста она называется: «Книга слова избранныя святыхъ отецъ о поклоненіи и о чести святыхъ иконъ». Пользуемся экземпляромъ Моск. Румянц. Музея, № 239. Листовъ въ книгѣ 4+283+169; начато печатаніе 26 апрѣля и кончено 26 августа 1642 года, въ первое лѣто патріаршества Іосифа. Послѣсловіе ея перепечатано Строевымъ въ Опис. старопеч. кн. Царскаго, № 125.—Изъ словъ г. Соколова (стр. 70 текста и относящееся къ ней 58 примѣчаніе), который утверждаетъ, что еще ранѣе, по повелѣнію Михаила Ѳеодоровича, были переведены и распространены извѣстныя статьи свящ. Василія Острожскаго, и что объ этой распространенности ихъ «свидѣтельствуетъ множество дошедшихъ до насъ рукописныхъ и печатныхъ экземпляровъ», можно, правда, заключить, что «Слова избранныя» не были первою у насъ печатною противопротестантскою книгой. Но откуда извѣстно, чтобы не только ранѣе, но и вообще въ ту пору у насъ были напечатаны названныя статьи свящ. Василія? Въ означенныхъ авторомъ цитатахъ упоминается объ однихъ рукописныхъ московскихъ экземплярахъ перевода, а въ указанномъ имъ мѣстѣ Обозрѣніе славяно-русской библіографіи Сахарова (т. I, кн. 2, № 80) говорится о печатномъ изданіи ихъ въ 1588 году въ Острогѣ, не на московскомъ нарѣчіи. Тотъ же авторъ, отмѣтимъ кстати, сообщаетъ (68 примѣч. на 21 стр.) еще, что 50-я глава рукописнаго экземпляра Царскаго, № 694, Изложенія на лютеры «есть перепечатка послѣдней половины 47 главы изъ рукописи № 394»: но это можно понимать развѣ только въ видѣ простой обмолвки автора. Соколовъ (стр. 80) считаетъ также «дѣломъ протестантской интриги, искусно дѣйствовавшей чрезъ нашихъ издателей-полемистовъ», изданіе въ Москвѣ въ 1627 году большаго Катихизиса Лаврентія Зизанія. Этотъ Катихизисъ, дѣйствительно, страдаетъ многими неточностями, которыя однако лишь плодъ тогдашняго южно-русскаго образованія автора, гдѣ въ

нію Михаила Ѳеодоровича, съ цѣлію собранными въ ней «богодухновенными» писаніями святыхъ отцевъ, «какъ плевелы отъ пшеницы, отъять или, какъ пепелъ, развѣять и безъ вѣсти показать еретическія хулы и бѣсованія на церковь Божію и на св. иконы Господа Бога Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистыя Его Матери и всѣхъ святыхъ», на общую духовную пользу своему царству и всему христоименитому православному христіанству, «окаяннымъ же еретикамъ на вѣчное проклятіе, исчезновеніе и посрамленіе». Всего помѣщено въ ней 12 статей, взятыхъ изъ греко-римскихъ и русскихъ писателей противъ иконоборцевъ, старыхъ и новыхъ, именно: слово царя Константина Порфирогенита (Порфироороднаго) о нерукотворенномъ образѣ; два посланія Григорія, папы римскаго, къ императору Льву Исаврянину о св. иконахъ; слово Германа, патріарха константинопольскаго, къ тому же императору о св. крестѣ и иконахъ; слово Іоанна Дамаскина о св. иконахъ царю Константину V (Копрониму), его же три слова изъ книги «Небеса»; сказаніе о чести и поклоненіи св. иконъ, избранное изъ многихъ писаній; многосложный свитокъ къ императору Ѳеофилу о св. иконахъ, составленный патріархами александрійскимъ Христофоромъ, антіохійскимъ Іовомъ и іерусалимскимъ Василіемъ; сказаніе о чудесахъ иконы Божіей Матери, называемой «Римлянынн»; обличительное слово инока Зиновія на ересь иконоборцевъ. Протестантскіе писатели во многомъ заимствовались въ доказательствахъ и мысляхъ у иконоборцевъ, и «Слова избранныя» могли быть употреблены для борьбы съ протестантствомъ. Статьи Зиновія, инока Новгородской Отенской пустыни, написанныя имъ противъ современнаго ему ученія Косаго, здѣсь означены напра-

---

такомъ употребленіи были католическія и протестантскія богословскія сочиненія, и недостаточнаго пониманія подлиннаго текста нашими справщиками книги; протестантскую интригу примѣшивать въ изданіе напрасно, а потому и воздвигнутое затѣмъ гоненіе на книгу не могло быть прямою борьбой собственно противъ злонамѣренной протестантской пропаганды. Пренія о данномъ Катихизисѣ и объ его характерѣ и судьбѣ см. въ Лѣтоп. Рус. Литер. и Древн., изд. Тихонравова, кн. IV, отд. II, 80—100, Пам. Общ. Любит. Древн. Письмен. Спб. 1878, № XVII; Правосл. Собесѣдникъ, 1855 года, III, 117, IV, 252; 1856, III, 305, IV, 399; Ист. Русск. Ц. преосв. Макарія, XI, 50—59.

вленными «на ересь новыхъ развратниковъ православной христіанской вѣры», Лютера, Кальвина и Ѳеодосія Косаго. Соотвѣтственно съ тѣмъ измѣненъ и текстъ статей: мнѣнія, приписывавшіяся прежде одному Ѳеодосію, опровергаются, какъ принадлежащія Лютеру и Кальвину и вообще «безбожнымъ» лютеро-кальвинамъ и инымъ «иконоборцамъ». Ученіе всѣхъ одинаково признается «исполненнымъ всякія хулы на Бога, аще и лукавствомъ проповѣдати единаго Бога мнятся».

Кто былъ собиратель «Словъ», не объявлено: изданіе выпущено анонимнымъ. Въ послѣсловіи говорилось лишь: «Въ Троицѣ славимый всесильный Богъ благоволилъ и вложилъ въ сердце благочестивому и истинному искоренителю ересей царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу... напечатать сію богодухновенную книгу, отъ многихъ св. отцевъ во едино собравши». Имена авторовъ отдѣльныхъ статей и высота положенія покровителя изданія должны были производить свое внушающее дѣйствіе; объявленіе имени составителя, при тогдашнемъ взглядѣ на право учительства въ дѣлахъ вѣры, могло бы только ослабить впечатлѣніе.

Удовлетворивъ требованію авторитетности авторовъ, правительство пожелало издать другія сочиненія, съ болѣе широкими задачами, плодомъ чего были печатныя изданія такъ-называемой «Кирилловой книги» и «Книги о вѣрѣ».

У высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, большимъ, чѣмъ Иванъ Насѣдка, вліяніемъ пользовался тогда московскій протопопъ собора Черниговскихъ чудотворцевъ Михаилъ Роговъ, приставленный къ дѣлу исправленія печатаемыхъ богослужебныхъ книгъ. «По повелѣнію царя и патріарха», онъ, вмѣстѣ «съ прочими избранными мужами», взялъ на себя трудъ составленія «Кирилловой книги»; въ числѣ помогавшихъ ему избранныхъ мужей могъ быть и священникъ Иванъ Насѣдка, какъ одинъ изъ дѣятельныхъ справщиковъ и знающихъ лицъ, почему, конечно, его «Изложеніе на лютеры» и отразилось на новой книгѣ. Явилась она въ 1644 году [1]. Несмотря на по-

[1] Печатаніе ея начато 24 августа 1643 года, кончено 21 апрѣля 1644 года, въ третіи годъ правленія патр. Іосифа. Листовъ въ ней 15 + 8 + 361, во 2 долю листа. Въ Моск. Румянц. Музеѣ она подъ № 250.

четное положеніе главнаго составителя, имя его опять не было означено: о немъ узнаемъ изъ посторонних указаній [1]; не были даже названы авторы, статьи которыхъ вошли сюда. Вмѣсто этого, послѣсловіе поясняетъ общую цѣль сборника и ограничивается необыкновенно усиленными, непомѣрными ему похвалами. Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ, говорится въ немъ, «повелѣлъ сію предобрую книгу, отъ различныхъ святыхъ отецъ учиненную на различныя ереси, совокупить во единъ купъ и, какъ корабль, наполнить многимъ богатствомъ, и печатнымъ тисненіемъ вообразить, и пустить ее во всю Русскую землю для всякаго православнаго христіанина, желающаго прочитать ее, видѣть божественные догматы и заграждать тѣ еретическія уста». Нѣсколько выше, точнѣе означены еретики, противъ которыхъ направлялось сочиненіе, и та опасность, которая грозила отъ нихъ. Именно говорится, что озарило свѣтомъ государя Михаила Ѳеодоровича «сію предобрую книгу, избранную отъ святыхъ писаній, учинить на еретиковъ и на раскольниковъ нашей Православной христіанской вѣры, на римляны и латины, на лютеры же и кальвины, да заградятся уста ихъ, говорящія неправду; ибо тѣми своими еретическими ученіями возмутили всю вселенную, да и нашей Православной вѣрѣ сопротивятся». Затѣмъ перечисляются ереси отъ Арія до Лютера.

Пріемъ сокрытія дѣйствительнаго происхожденія книги оказался здѣсь, въ интересахъ истины, весьма неудобнымъ. Если авторы скрывали свое имя въ юго-западной Руси, то къ этому побуждала ихъ предосторожность избѣжать преслѣдованія со стороны католиковъ и отчасти протестантовъ; до нѣкоторой степени былъ въ правѣ не называть себя и составитель изданнаго въ Москвѣ сборника «Слова избранныя»: авторы почти каждаго изъ помѣщаемаго въ немъ словоозначены, и

[1] Въ посланіи извѣстнаго діакона Ѳедора къ Максиму сказано: «А яже печатная московская Кириллова книга глаголется, и та нѣсть Кириллова, но собиралъ ее черниговскій протопопъ Михаилъ Роговъ съ прочими избранными мужи, по повелѣнію царя и патріарха, на многія ереси латынскія, и арменскія, и нѣмецкія и прочія (проф. Субботинъ, Матеріалы для исторіи раскола. М. 1881, VI 152—153). См. также Записки о жизни протопопа Неронова съ 1653 по 1659 годъ (Тамъ же, I).

ихъ имена сами говорили за себя. Но когда въ послѣсловіи вновь выходившей книги заявлялось, что она будто бы учинена «отъ различныхъ святыхъ отецъ», многіе поняли это въ точномъ смыслѣ, даже прямо приписали ее св. Кириллу Іерусалимскому, и тѣмъ были введены въ заблужденіе, котораго доселѣ придерживается часть раскольниковъ, между тѣмъ какъ въ ней въ сущности лишь указывалось, хотя и негласно, на быстрое усиленіе въ правительственной власти уваженія къ южно-русскимъ ученымъ борцамъ за Православіе. Печальная исторія Катихизиса Лаврентія Зизанія и Учительнаго Евангелія Кирилла Транквилліона Ставровецкаго, случившаяся въ Москвѣ при Филаретѣ Никитичѣ, до того подняла въ московскомъ правительствѣ подозрительность противъ южно-русскихъ книгъ, что царь и патріархъ прямо повелѣли отобрать всѣ бывшія въ употребленіи печатныя и рукописныя литовскія книги, замѣнивъ ихъ по церквамъ и монастырямъ книгами печати московской. Во времена же патріарха Іосифа это недовѣріе быстро ослабѣло: трактаты изъ южно-русскихъ сочиненій вошли не только въ рукописные сборники, но и въ печатныя книги, какъ «Кириллова,» почти цѣликомъ составленная изъ сочиненій Южно-руссовъ, которыя здѣсь, къ тому же, выданы даже вообще за труды «различныхъ святыхъ отцевъ»... Понятно теперь, почему при статьяхъ книги не названы имена ихъ авторовъ, какъ это сдѣлано въ сборникѣ «Слова избранныя»: вмѣсто уваженія, какое она не заслуженно получала въ глазахъ читателей, не знавшихъ истиннаго ея источника, она крайне упала бы въ общемъ мнѣніи, и выдача южно-русскихъ дѣятелей XVI и XVII вѣка за «святыхъ отцевъ» могла бы вызвать открытый ропотъ.

«Кириллова книга» получила свое названіе случайно, по первой въ ней статьѣ «Книга иже во святыхъ отца нашего Кирилла архіепископа іерусалимскаго на осмый вѣкъ», которая въ сущности представляетъ простую перепечатку, съ переложеніемъ на церковно-славянскій языкъ, сочиненія Стефана Зизанія: «Казанье св. Кирилла, патріархи іерусалимского, о антихристѣ и знакохъ его, з росширеніемъ науки противъ ересей розныхъ» [1]. Книга вышла въ Вильнѣ

[1] Описано у Каратаева, № 141.

въ 1596 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до объявленія уніи, съ цѣлію хоть сколько-нибудь парализовать дѣйствія папства, готовившагося торжествовать надъ Грековосточнымъ вѣроисповѣданіемъ. Горячій защитникъ послѣдняго, учитель виленскаго братства Зизаній воспользовался распространенною тогда мыслью о царствѣ антихриста въ лицѣ папы и старался доказать ее, объясняя въ этомъ смыслѣ признаки антихриста, заключавшіеся въ 15 огласительномъ словѣ Кирилла Іерусалимскаго, почему къ тексту «оглашенія» постоянно присоединялись авторомъ обширныя собственныя дополненія и разсужденія. За начальною статьей идутъ 46 обличительныхъ главъ противъ неправославныхъ обществъ, различныхъ протестантскихъ толковъ, католиковъ и армянъ [1]; остальныя двѣ главы (47—48), заключительныя, содержатъ посланіе патріарха Фотія къ болгарскому князю, символъ св. Аѳанасія и объясненіе Іисусовой молитвы, для руководства вообще православнымъ христіанамъ.

Обличительныя главы также собраны изъ различныхъ южнорусскихъ полемическихъ сочиненій или изъ московскихъ книгъ и рукописей. Отдѣлъ противъ протестантскихъ толковъ взятъ попреимуществу изъ кіевской (Азаріевой) «Книги о вѣрѣ», или изъ «Литовскаго просвѣтителя», частію изъ «Изложенія на лютеры» Насѣдки и другихъ сборниковъ [2]. Въ свою очередь книга Зах. Копыстенскаго и

---

[1] Авторъ изслѣдованія «О такъ-называемой Кирилловой книгѣ» (Казань, 1858, 172—173, 182, 231) Лиловъ такъ группируетъ главы по ихъ назначенію: первыя 24 и 28—29 направлены противъ «аріанъ иконоборцевъ и новокрещенцевъ», 25—27, 34—46 противъ латинянъ, 30—33 противъ Армянъ. Ср. Вятскія Епарх. Вѣдом. 1872, № 22 и слѣд.

[2] Сличеніе «Кирилловой книги» съ ея источниками привело проф. Н. Каптерева («Патріархъ Никонъ какъ церковный реформаторъ и его противники» въ Православномъ Обозрѣніи, 1887, I, 156—169, и отд.) вообще къ слѣдующему: 14 главъ (1—3, 6—16) могли быть взяты или изъ «Азаріевой книги» или изъ «Литовскаго просвѣтителя», причемъ въ одной изъ нихъ (10) есть вставка изъ «Изложенія на лютеры»; 12 (17—22, 25—26, 29—30, 32—33) изъ «Литовскаго просвѣтителя», 1 (36) изъ Азаріевой книги или сочиненій Максима Грека, 2 (34—35) изъ сочиненія свящ. Василія Острожскаго «О единой истинной Православной вѣрѣ», 10 (37—46) изъ книги «Мелетія, патріарха александрійскаго, посланія къ неунитамъ», напечатанной въ Острогѣ въ 1598 году; 2 (4—5) изъ московскихъ

«Литовскій просвѣтитель» большею частію заимствованы изъ «Книги о вѣрѣ» виленскаго изданія, которая въ одной своей половинѣ, книгѣ «О образѣхъ», послужила основой начальнымъ главамъ «Изложенія на лютеры». Отсюда сходство въ предметахъ и пріемахъ ихъ раскрытія. Та же защита иконопоклоненія, почитанія святыхъ, силы и значенія крестнаго знаменія, крестныхъ ходовъ, постовъ, безкровной жертвы, исповѣди, молитвы за умершихъ; новыми противъ «Изложенія на лютеры» являются главнымъ образомъ тѣ главы, которыя вошли въ сочиненіе Капыстенскаго и «Литовскій просвѣтитель» попреимуществу изъ другой части виленской «Книги о вѣрѣ», носившей названіе книги «О Св. Троицѣ»: здѣсь раскрывается догматъ Св. Троицы и доказывается достоинство Іисуса Христа и Св. Духа. Затѣмъ, помѣщена защита достоинства Дѣвы Маріи.

Не ограничиваясь опроверженіями частныхъ положеній, авторъ дѣлаетъ попытку суммировать отличія иновѣрія отъ Православія. Особенности католичества и армянскаго ученія обозначены отчетливо, по отдѣльнымъ пунктамъ; заимствованное изъ «Литовскаго просвѣтителя» указаніе особенностей лютеранства [1] еще не вылилось въ такую опредѣленную форму и ограничивается пока общею ихъ хара-

---

сборниковъ, въ родѣ имѣющагося въ собраніи Царскаго, № 719; 1 (27) изъ Московскаго потребника 1639 года, и т. п. Г. Лиловъ полагалъ, что бо́льшая часть главъ прямо взяты изъ «Изложенія на лютеры».

[1] Если сравнить печатный текстъ главы «О Лютерѣ и его прелести» (гл. 29), гдѣ заключается это указаніе, съ экземпляромъ «Литовскаго просвѣтителя» въ Румянц. Музеѣ № 426 (изъ собр. Ундольскаго), то окажется ихъ буквальное сходство за исключеніемъ отличій въ нѣсколькихъ словахъ. Именно, въ рукописи (л. 295 и слѣд.): «послѣдующе погибели злѣйшаго своего ихъ учителя», «бысть нѣкто отъ странъ ихъ», «Лютеръ въ нынѣшнемъ во осмотысящномъ вѣцѣ явльшуся», «въ молитвахъ призывати на помощь не велитъ»; въ печатномъ (л. 163 и слѣд.) вмѣсто «ихъ» стоитъ «имъ», вмѣсто «странъ» «страны», глаголы «явльшуся» и не «велитъ» замѣнены «явлься» и «не велѣлъ»; въ рукописи: «всякъ подвигъ, иже Христа ради и своего ради душевнаго спасенія и вѣчнаго ради житія въ будущемъ вѣцѣ, вся сія добрая отринулъ безумный Лютеръ, ни во что́ же вмѣни», въ печатномъ между словами «ради спасенія» вставлено «душевныя», «житія» замѣнено «живота», вмѣсто «безумный Лютеръ» стоитъ «безумный и нечестивый» и т. п.

ктеристикой, проникнутою духомъ полной непримиримости. «Лютеране, значится здѣсь, превратили законъ римскій, неугодный Богу и исполненный многихъ ересей, но превратили не въ поискахъ истины, а еще далѣе уклоняясь отъ нея. Возгордѣвшись зломудренно и желая иного закона, слабѣйшаго, они совсѣмъ отпали отъ благодати Божіей: прежде отъ истиннаго закона православнаго хромали многими своими ересями на одинъ бокъ, нынѣ хромаютъ на оба, разслабились всѣ составы ихъ ума и погрузились во всякое богомерзкое нечестіе. Послѣдовали они погибели злѣйшаго своего учителя, который былъ новымъ предтечею антихриста, нѣкій монахъ изъ ихъ страны, рожденный въ ихъ безсупружномъ законѣ, а дѣлами дьяволъ, по имени Мартинъ, сынъ самого сатаны, злоименитый Лютеръ, явившійся въ вынѣшнемъ осмотысячномъ вѣкѣ. Не только апостольскому преданію и отеческому ученію нанесенъ имъ вредъ: въ мечтаніи утвердить свой вредоумный латинскій законъ, онъ погубилъ остатки его, разрушилъ свои латинскія церкви, охулилъ и отвергъ священную литургію, назвалъ идолами образъ Господа нашего Іисуса Христа, написаннаго по подобію человѣческому, и иконы Пречистой Матери Его и всѣхъ святыхъ, произнесъ еще хулу на святыхъ, будто они не имѣютъ дерзновенія молиться Богу о людяхъ, почему и не велѣлъ покланяться имъ и призывать ихъ на помощь. Толкуя неправо все Священное Писаніе, евангельское, апостольское и пророческое, на прельщеніе и вѣчную слабость, онъ, окаянный, не устыдился похулить Пречистую Богородицу, нашу заступницу и надежду. Самый честный крестъ, который Господь назвалъ Своею славой и ради котораго разрушена смерть, плененъ адъ и отверзся рай, и знаменіе котораго Господь обѣщалъ явить со славою предъ Своимъ страшнымъ пришествіемъ, Лютеръ и его ученики своими хульными языками обозвали висѣлицею и велятъ не только не покланяться ему, но и гнушаться и упразднить всякую молитву. Постъ, воздержаніе, поклоны, всякій тѣлесный трудъ и всякій подвигъ, ради Христа и вѣчнаго спасенія, все это доброе отринулъ, безумный и нечестивый, и ни во что вмѣнилъ и совершенно обнажилъ людей отъ всей душевной и добродѣтельной одежды. Святительскій руковозложенный чинъ поставлять во епископы, попы, діаконы и иныхъ церковныхъ чиновъ отринулъ и

вмѣсто него установилъ рукоположеніе имъ отъ простыхъ лицъ. Божественную службу уподобилъ дѣтскимъ играніямъ и наругался надъ ней, употребляя священные церковные сосуды на мірскія потребы и искроивши и продавая въ мірскія вещи фелони, стихари, эпитрахили, орари, поручи и всѣ прочія священныя одежды и всю церковную утварь, сдѣланныя изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней и бисера. Въ своихъ училищахъ велѣлъ учить Десятословіе, данное на время Іудеямъ, и широкому и пространному пути, а удобный путь отвергъ, пренебрегъ евангельскія законоположенія и тѣсный прискорбный путь, похваленный самимъ Господомъ, и совратилъ многихъ людей на всякія душепагубныя дѣла, слабость, прельщеніе, скверное житіе и блудныя страсти. Отрекся онъ, окаянный, отъ своихъ монашескихъ обѣтовъ и безбрачной жизни, одѣлся въ мірскую одежду, взялъ жену и тоже научалъ дѣлать и всѣхъ латинскихъ иноковъ; предложилъ и иныя многія студѣнія, о которыхъ неудобно и говорить. Многіе послѣдовали прелести его злаго богоборнаго развращенія и погибли. За всѣ эти нечестія да будетъ проклятъ Лютеръ со всѣми прилегающимися къ нему и хвалящими его. Написано сіе вкратцѣ, да узнаютъ православные лукавство ихъ и, узнавши ихъ худыя дѣла, да соблюдаютъ себя отъ нихъ. И Господь да сохранитъ насъ отъ всякія прелести богомерзкихъ сихъ лютеръ, а также и латинъ, и отъ всякой козни и дѣлъ непріязненныхъ, и, всегда сохраняемые Богомъ, поживемъ во всякомъ благовѣріи и чистотѣ, творя святое въ страхѣ Божіемъ».

Составители «Кирилловой книги» нашли своевременнымъ также обосновать необходимость крещенія дѣтей (гл. 24) и перекрещиванія западныхъ иновѣрцевъ, обращающихся въ Православіе (гл. 27), помѣстивъ для послѣдней цѣли извѣстное соборное опредѣленіе временъ патр. Филарета. Данный вопросъ принималъ теперь особенное значеніе, выдвигался во всей своей силѣ. Изданіе книги совпало съ знаменитыми преніями нашихъ богослововъ съ датскимъ королевичемъ Вальдемаромъ и его сторонниками «о вѣрѣ и крещеніи», и наши не разъ пользовались книгой [1], тѣмъ болѣе, что именно

[1] См. наприм. рукопись Моск. Синод. библіот., № 279, лл. 107, 113, о защищеніи св. иконъ и постовъ.

составители ея и другихъ прежнихъ полемическихъ сборниковъ, протопопъ Роговъ и Насѣдка, вынуждены были вести этотъ споръ.

Въ противоположность обычной практикѣ, теперь, во время пребыванія (январь 1644—августъ 1645 года) Вальдемара въ Москвѣ, само правительство способствовало вызову протестантовъ на богословское состязаніе. По оживленности и продолжительности спора и по количеству участвовавшихъ въ немъ лицъ и интересовавшихся имъ это было что-то особенное, дотолѣ никогда въ Москвѣ невиданное, дѣло не только религіозное, но и политическое, тѣсно связанное съ брачнымъ вопросомъ въ царской семьѣ, или, какъ тогда понимали, съ честью царскаго рода и благомъ государства. Въ томъ, что здѣсь правительство отступило отъ обычая не допускать религіозныхъ споровъ съ иновѣрцами, нѣтъ противорѣчія вѣковымъ традиціямъ: оно дѣйствовало въ надеждѣ обратить Вальдемара въ Грековосточное вѣроисповѣданіе и поручило то лицамъ избраннымъ, на которыхъ оно вполнѣ полагалось, что они не уронятъ достоинства защиты [1].

---

[1] Памятники этой полемики, по количеству сохранившихся экземпляровъ превосходятъ всѣ другія полемическія сочиненія разсматриваемаго того времени: въ рѣдкомъ болѣе или менѣе значительномъ собраніи рукописей не имѣется теперь древнихъ ея списковъ; нѣкоторые изъ подлинниковъ (именно посланіе патріарха и письменные отвѣты Вальдемара и Фильгобера) хранятся въ Датскихъ дѣлахъ М. Гл. Архива М. Ин. Дѣлъ за 1644 годъ. Сверхъ находящагося въ Архивѣ, мы пользовались рукописями Московской Синодальной библіотеки, №№ 587, 893, 565 стараго катал., 279—281 нов. кат. и Е. В. Барсова; между другими рукописями неизвѣстный доселѣ экземпляръ, принадлежащій г. Барсову, долженъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ. См. также Матеріалы для исторіи русско-церковной полемики противъ лютеранства въ первой половинѣ XVII столѣтія (Правосл. Собесѣдн. 1861, II); проф. Петрова, О вліяніи западно-европейской литературы на древне-русскую (Труд. Кіев. Дух. Ак. 1872, апр., стр. 21—24); проф. прот. П. Ѳ. Николаевскаго, Изъ исторіи сношеній Россіи съ Востокомъ въ первой половинѣ XVII вѣка (Христ. Чтен. 1882, I—II, 245—249, и въ отд. изд. 1—5); преосв. Макарія, XI, 105—114; кн. Соколова, 99 и слѣд., рецензію на нее проф. Малышевскаго; различныя замѣтки въ описаніяхъ рукописей Моск. Син. Библ. (отд. 2, ч. 3, стр. 370—382), Моск. Рум. Муз. №№ 207, 208; И. Публ. Библ., № 64, изъ собр. Погодина (стр. 330), Каз. Дух. Ак. № 326, Кіевск. Дух.

Брачнымъ дѣломъ Вальдемара съ Ириной такимъ образомъ былъ данъ необыкновенно сильный толчекъ къ взаимной полемикѣ. Началось, какъ помнимъ [1], съ того, что наше правительство, увидѣвъ, что Вальдемаръ не изъявляетъ склонности къ соединенію съ нами въ вѣроисповѣданіи, задумало, въ числѣ другихъ средствъ, воздѣйствовать на него силою убѣжденій, путемъ религіозныхъ бесѣдъ. На предложеніе «поговорить изъ книгъ о вѣрѣ и крещеніи» женихъ согласился, но нехотя, и не скрывалъ, что онъ возвратится назадъ, если не устроится все въ его пользу; затѣмъ и прямо сталъ добиваться отпуска. Тогда, именно чрезъ три мѣсяца по прибытіи въ Москву, 21 апрѣля 1644 года, пришелъ къ нему посланный отъ патріарха съ такою рѣчью: «Государь королевичъ Вольдемаръ Христіанусовичъ! послалъ меня къ тебѣ государевъ отецъ и богомолецъ, святѣйшій Іосифъ, патріархъ московскій и всея Россіи, велѣлъ о твоемъ здравіи спросить, какъ тебя Христосъ милостію Своею сохраняетъ, и извѣ-

---

Ак. №№ 119, 120 (Н. Петровъ, Опис. рук. Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Дух. Академіи. Кіевъ, 1875, вып. I, стр. 51—52). Имп. Ак. Наукъ, № 105, Царскаго, № 398, Ундольскаго, № 429, и др. За исключеніемъ небольшой доли преній, напечатанной въ московской «Книгѣ о вѣрѣ» 1648 года, л. 283—288, и нѣкоторыхъ извлеченій, помѣщенныхъ въ указанныхъ описаніяхъ рукописей и статьяхъ, эти памятники еще не были изданы, хотя Соколовъ (24 стр. прим.) и утверждаетъ, будто «все преніе о вѣрѣ и даже отповѣдь Вальдемара Христіана, графа на Слезвигѣ, святѣйшему Іосифу всея Россіи патріарху (данная 1644 года, 23 ноября), преосвященнымъ Стефаномъ Яворскимъ явлены были въ свѣтъ печатнымъ тисненіемъ противу оной лютеранской и другихъ ересей». Дѣло въ томъ, что въ 1732 году, чрезъ десять лѣтъ послѣ смерти Яворскаго, былъ снова переведенъ съ нѣмецкаго языка отвѣтъ Вальдемара патріарху Іосифу, какъ значится на быв. рукописяхъ Царскаго (Строевъ, Описаніе, 276) и Ундольскаго (Слав.-русск. рукоп. Ундольскаго, 314—315), «для пользы читающимъ изданную преосвященнымъ Стефаномъ Яворскимъ... противъ оной и другихъ ересей книгу «Камень вѣры», да удобнѣе свойство оныхъ познать и во истинѣ утвердится возмогутъ». А Соколовъ понялъ это подписаніе въ томъ смыслѣ, будто этотъ переводъ отвѣта и вся вообще полемика съ Вальдемаромъ и Фильгоберомъ изданы Стефаномъ Яворскимъ. Экземпляръ перевода 1732 года есть еще въ Библ. Моск. Гл. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, № 144/211.

[1] Гл. VI, стр. 492.

стить тебя: слухъ до него дошелъ, что ты, государь королевичъ, у царскаго величества отпрашивался къ себѣ, а любительнаго великаго дѣла, для чего пріѣхалъ, съ царскимъ величествомъ не хочешь совершить. Такъ святѣйшій патріархъ Іосифъ о томъ къ твоему величеству совѣтное, за своею печатію, письмо прислалъ, чтобы тебѣ пожаловать вычесть и любительно отвѣтъ учинить». Въ своемъ посланіи патріархъ убѣждалъ королевича принять Православіе. «И тебѣ бы, государь королевичъ, присвоитися святой соборной и апостольской Церкви греческаго Православія и принять святое крещеніе во Святую и Единосущную Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, въ три погруженія, и благочестиваго и великаго государя нашего Михаила Ѳеодоровича послушать и волю его по Бозѣ сотворить, а о томъ сомнѣнья не держать: если и крещенъ, но несовершенно, государь, вашей вѣры крещеніе, требуетъ истиннаго исполненія, такимъ образомъ и будетъ едино крещеніе во святую соборную и апостольскую Церковь, а не второе, потому что у насъ втораго крещенія нѣтъ». Письмо патріарха отличалось сдержанностью и кротостью тона и прямотой. «Изначала знаемъ васъ, писалъ онъ, что вы именуетесь христіанами, но не во всемъ вѣру Христову прямо держите и во многихъ статьяхъ раздѣляетесь отъ насъ». Сначала была одна Церковь, православная, затѣмъ Римляне отступили отъ нея въ ученіи объ исхожденіи Святаго Духа, признавъ исхожденіе Его и отъ Сына, вмѣсто кваснаго хлѣба въ Евхаристіи стали употреблять опрѣсноки и во многихъ другихъ тайнахъ нарушили; наконецъ «нѣкто учитель въ нѣмецкихъ странахъ Мартинъ Люторъ и Кальвинъ и иные учители» отступили даже и отъ Римлянъ, еще болѣе извративъ крещеніе, евхаристію и пр., и отставивъ чинъ и уставъ церковный. И это «недавнее ученіе, слабое и легкое, держатъ нѣмецкія страны». Какъ видно изъ посланія, авторъ его, глубоко убѣжденный въ правотѣ своихъ догматическихъ и историческихъ положеній, высказывалъ ихъ какъ истины несомнѣнныя и не требующія особенныхъ доказательствъ, почему и внѣшній объемъ посланія былъ невеликъ.

Вальдемаръ не спѣшилъ съ отвѣтомъ [1], въ которомъ, оправдыва-

[1] Помѣченъ 23 апрѣля.—О патріаршемъ посланіи и отношеніи къ нему Вальдемара у насъ говорилъ г. Соколовъ (стр. 102). По его словамъ, «па-

ясь, что его твердость нельзя называть упрямствомъ и что въ дѣлахъ вѣры надобно болѣе слушаться Бога, нежели людей, старался доказать вѣрность своего ученія и точнѣе опредѣлить его сущность. «Намъ до Кальвина дѣла нѣтъ, потому что онъ училъ, что во святомъ причастіи истиннаго тѣла и истинной крови Господни нѣтъ; а до Михайла Сервета и много меньше намъ дѣла, потому что онъ училъ, что Христосъ Господь не истинный Богъ, и по правдѣ того Сервета въ градѣ Женевѣ въ 1553 году сожгли публично. А что̀ о Люторѣ, и тотъ для великихъ причинъ началъ римскаго папу божественнымъ словомъ уличать, потому что онъ былъ мужъ во Святой Библіи и въ книгахъ греческихъ писателей гораздо извыченъ, и узналъ, что папа со своимъ стриженымъ соборомъ училъ противно Божію слову и древнимъ вселенскимъ соборамъ. И хотя сей Богомъ спасенный мужъ прямо сдѣлалъ, что онъ тому безбожному папѣ встрѣчу говорилъ, только мы не вновь крещены, и не хотимъ того, чтобы насъ кто люторскими назвалъ, потому что во Христа мы крещены, Христово мы ученіе имѣемъ и христіанами мы слыть хотимъ. Въ крещеніи о

тріархъ 29 апрѣля отправилъ королевичу свитокъ или посланіе, съ убѣжденіемъ креститься въ православную вѣру и съ изъявленіемъ вкратцѣ ея отличительныхъ догматовъ и обрядовъ. Королевичъ осмотрѣлъ свитокъ, вымѣрилъ его длину, подивился, поострилъ надъ 48 саженями его длины... и велѣлъ своему пастору Фильгоберу написать отвѣтъ». Авторъ, конечно, имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ извѣстнаго разсказа спутника Вальдемарова (Извѣстіе о поѣздкѣ въ Россію Вальдемара-Христіана Гильденлеве, перев. съ нѣмецкаго въ Чт. Им. М. О. И. и Д. Рос. 1867, 18): 23 мая опять пришелъ канцлеръ Львовъ поговорить отъ царскаго имени съ графомъ и тотчасъ по приходѣ вручилъ ему отъ имени его царскаго величества *другое* письмо патріарха, чуть не въ 48 саженъ». Здѣсь Соколовъ отнесъ къ первому посланію то, что̀ прямо относится ко второму, присланному 23 мая, которое въ сравненіи съ первымъ отличается значительною полнотой: въ Синодальной рукописи № 279 первое посланіе занимаетъ 3—12 листы, второе 86—179 л.; въ рукоп. № 281 перв. посл. л. 1—9, втор. посл. л. 84—150; 86 листовъ подлинника втораго посланія (первыхъ листовъ нѣтъ), въ формѣ длинныхъ столбцовъ, хранится въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ, Датскія дѣла, св. 19. Къ тому же, слова спутника Вальдемарова нельзя относить къ словамъ и дѣйствіямъ самого Вальдемара, какъ то дѣлаетъ Соколовъ.

погруженіи въ воду, такъ, какъ ваши всѣмъ тѣломъ влагаютъ, о томъ намъ подлиннаго повелѣнія не имѣемъ». Около мысли о крещеніи и вращается большая половина доказательствъ, съ цѣлію обосновать, что крещеніе слѣдуетъ производить чрезъ обливаніе, или окропленіе, а не чрезъ троекратное погруженіе. На каждой страницѣ видно желаніе автора блеснуть своею ученостью, цитатами, діалектикой; подъ конецъ Вальдемаръ иронически проситъ патріарха взять на себя грѣхъ Ирины Михайловны, что она вступитъ въ бракъ съ иновѣрцемъ.

Поспѣшный отвѣтъ его, хотя королевичъ и придавалъ ему весьма важное значеніе, естественно не произвелъ желаемаго дѣйствія, и автору объявили, что на всѣ возраженія его будетъ изготовленъ патріархомъ подробное опроверженіе. Нетерпѣливый женихъ сдѣлалъ попытку (9 мая) тайнаго изъ Москвы бѣгства, окончившуюся неудачно. Недѣли черезъ двѣ затѣмъ было изготовлено обѣщанное опроверженіе. Можно предполагать, что оно составлено при содѣйствіи ключаря Успенскаго собора Ивана Насѣдки и случившихся тогда въ Москвѣ греческихъ архимандритовъ Анѳима и Парѳенія. У думнаго дьяка Григорія Львова, который принесъ (23 мая) королевичу опроверженіе [1], Вальдемаръ сначала не бралъ его, но когда дьякъ отказывался взять его назадъ и упомянулъ о великой чести у насъ графу, то онъ принялъ его. Такъ какъ письменный отвѣтъ королевича распадался на 21 отдѣлъ или главу, то въ посланіи патріарха давались опроверженія каждаго изъ существенныхъ въ нихъ положеній. Патріархъ опять находилъ необходимымъ для королевича предъ бракомъ креститься въ Греческую вѣру. Приводимое Вальдемаромъ изреченіе ап. Павла: «святится мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ», патріархъ изъяснялъ въ томъ смыслѣ, что оно относится къ живущимъ въ супружествѣ и дозволяетъ лишь не расторгать супружескаго союза, а не вступать въ бракъ

---

[1] Авторъ Отношенія протестантизма къ Россіи (102) опять перепутываетъ факты, разсказывая, будто это посланіе было прислано ранѣе попытки Вальдемара къ бѣгству: попытка была 9 мая, а посланіе доставлено 23 мая, и Михаилъ Ѳеодоровичъ, по поводу бѣгства, прямо укорялъ Вальдемара, зачѣмъ онъ не дождался патріаршаго отвѣта. См. выше, стр. 500—501.

разновѣрнымъ. «А что̀ вы пишете намъ, смиренному патріарху, что у васъ христіанская вѣра вся полна, и какъ вамъ она предана отъ святыхъ пророкъ и апостолъ, написано въ вашихъ вѣрныхъ статьяхъ; и въ томъ къ вамъ нашъ отвѣтъ: не совершенна ваша вѣра, но превратна въ крещеніи, приношеніи святаго причастія, постахъ, служеніи церковномъ, постановленіи епископовъ, поповъ и прочее. Истинно исповѣдуете, когда пишете намъ объ утвержденіи Апостольскаго символа на седми соборахъ и что Духъ Святый исходитъ отъ единаго Отца, а не отъ Сына. Когда же хвалитесь, что взяли вѣру и ученіе лучше насъ, отъ Сіона и Іерусалима, то затѣмъ сами же себя изобличаете, сознавая, что вамъ досталась несовершенная вѣра и что держались ея, пока не взялись вы за Святую Библію при королѣ Карлѣ V и изъ нея опять не научились старинной пророческой и апостольской вѣрѣ: вы слѣдовательно приняли вѣру не отъ св. апостоловъ и не отъ Іерусалима, а отъ Рима, и пребывали въ ней до Лютера, который самъ себя назвалъ вашимъ учителемъ и сталъ у васъ законоположникомъ, возносясь надо всѣмъ Божественнымъ Писаніемъ и Десятословіе толкуя по своему разуму, не по Божественному Писанію, и всѣ учите его законъ больше словъ Христовыхъ». Раскрывъ высоту Православія въ сравненіи съ протестантствомъ, патріархъ заключаетъ: «весьма удивляюсь, государь, тебѣ, не знаю, какая боязнь возмущаетъ умъ твой, что и по сіе время не хочешь быть сообщникомъ въ царствіи Христовомъ благочестивому царю Константину и князю Владиміру, который, когда восхотѣлъ взять въ жену сестру греческихъ царей, скоро крестился. Послушай, государь, нашего смиренія, о Христѣ молю тебя и все говорю къ твоей пользѣ: прими святое крещеніе въ три погруженія, и такъ просвѣтися душою и тѣломъ, и самъ уразумѣеши истину и будеши сынъ свѣта».

Продолжать полемику королевичъ поручилъ своему пастору Фильгоберу, подъ рукой котораго было значительное количество книгъ [1]

[1] Московскій пасторъ «Иванъ Ивановъ», при отпускѣ Вальдемара везшій къ себѣ съ королевичева двора сундукъ съ нѣмецкими книгами, утверждалъ, что онъ давалъ ихъ королевичеву попу и Нѣмцамъ на подержанье (I гл., 77, II гл., 238). Едва ли, впрочемъ, данныя книги не принадлежали самому Фильгоберу и

Съ нашей стороны повели ее благовѣщенскій протопопъ Никита, протопопъ церкви во имя Черниговскихъ мучениковъ Михаилъ, ключарь Успенскаго собора Иванъ Насѣдка, строитель костромской Геннадіевой пустыни Исаакій, греческіе архимандриты Аѳеимъ и Парѳеній, князь Дмитрій Албертосъ Далматскій и другіе; сторону Фильгобера поддерживали Петръ Марселисъ и польскій посолъ католикъ Стемковскій; дѣломъ интересовались массы народа, москвичи и иноземцы, и приняли участіе въ немъ даже восточные патріархи.

Отецъ Вальдемара Христіанъ обратился къ польскому королю, этотъ чрезъ кн. Радзивила къ молдавскому воеводѣ Василію, который въ свою очередь къ константинопольскому патріарху Парѳенію I съ просьбой разсудить, признавать ли лютеранское и кальвинское крещеніе или нѣтъ. Порабощенная Константинопольская церковь переживала тогда тяжелые годы [1]. Къ богословскимъ сочиненіямъ, направляемымъ иновѣрцами въ Константинополь, присоединилось политическое вліяніе на турецкое правительство и Грековъ со стороны постоянныхъ посланниковъ западныхъ державъ при Оттоманской Портѣ. Перехватывавшіе одинъ у другаго вліяніе послы старались то низвергать неугодныхъ имъ высшихъ духовныхъ лицъ, то возводить и поддерживать наиболѣе благосклонныхъ къ нимъ и искавшихъ у нихъ покровительства. Греческой церковію примѣнялись громадныя усилія, чтобы охранять свою цѣлость и независимость отъ западнаго иновѣрія. Были осуждены и опровергнуты такъ называемыя «Кальвинскія главы» и, для руководства паствы, редактировалось «Изложеніе вѣры Руссовъ», представленное кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилой и подъ названіемъ «Православнаго исповѣданія» сдѣлавшееся потомъ символическою книгою Восточной греко-россійской церкви. Естественно, что на соборѣ, созванномъ патріархомъ по поводу датскаго предложенія, въ виду опасностей отъ иновѣрія при-

---

королевичевой свитѣ, которые теперь только оставляли имъ московскимъ лютеранамъ. Но если догадка и неправильна, то, кромѣ этихъ книгъ, Фильгоберъ, конечно, имѣлъ еще свои, взятыя имъ изъ Даніи.

[1] А. В. Горскій, О церкви Греческой, Прибавл. къ Твор. Свят. Отцовъ, 1883, IV.

знавали необходимымъ усиленіе охранительныхъ мѣръ. Соборъ продолжался дней двадцать и положили призвать архіереевъ еще большее число и «на томъ соборѣ учинити и изъ всѣхъ семи соборовъ выписати на еретиковъ». Окончить рѣшеніе вопроса о перекрещиваніи лютеранъ однако не успѣли: Парѳеній I былъ низвергнутъ (1 сент. 1644 г.), и его преемникомъ по каѳедрѣ былъ назначенъ Парѳеній II, который и озаботился рѣшеніемъ вопроса. Петръ Могила, по ходатайству польскаго короля, просилъ патріарха послать къ московскому государю славившагося тогда въ Греціи своею ученостію Мелетія Сирига съ мнѣніемъ объ излишности крестить второй разъ Вальдемара. Ходатайство не было уважено. На соборѣ признана необходимость перекрещиванія лютеранъ: потому что они не погружаютъ при крещеніи, а обливаютъ (и не водою, а какою-то водкою и другими душистыми водами) и для спасенія придаютъ значеніе не таинству, а вѣрѣ, и Турки, крещенные простыми мірянами, на Востокѣ снова подвергаются крещенію.

Извѣстія о положеніи дѣла въ Константинополѣ, доставленныя къ государю въ трехъ письмахъ, еще сильнѣе поддерживали энергію московскихъ ревнителей.

Нѣтъ большой надобности слѣдить здѣсь за ходомъ и деталями полемики [1]. Остановимся на одной послѣдней по времени бесѣдѣ нашихъ богослововъ съ Фильгоберомъ, или точнѣе, на данномъ нашимъ полемистамъ письменномъ для этого наказѣ, гдѣ съ значительною полнотой суммированы всѣ прежнія оффиціальныя пренія.

«1645 года 4-го іюля, государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи указалъ говорить при датскомъ королевичѣ при Вальдемарѣ Христіанусовичѣ съ попомъ его Матвѣемъ противъ рѣчей, каковы онъ, Матвѣй, прислалъ въ Посольскій приказъ на письмѣ о вѣрѣ, черниговскому протопопу Михаилу, соборному ключарю Ивану Насѣдкѣ да съ Костромы Геннадіевы пустыни строителю Исаію съ товарищами, что Православная христіанская наша вѣра истинная греческаго закона православіемъ сіяетъ предъ всѣми вѣрами свѣтло какъ солнце подъ небесемъ, и законъ преданъ намъ отъ

[1] Это будетъ сдѣлано нами въ спеціальной работѣ о дѣлѣ Вальдемара.

Самого Бога Его святыми учениками и апостолами и богодухновенными святыми отцами, сошедшимися на святыхъ семи вселенскихъ соборахъ, и стоимъ въ этой Православной вѣрѣ и богопреданномъ законѣ твердо и непоколебимо, съ вѣрой и правдой, по ученію святыхъ отцовъ, и соблюдаемъ заповѣданные ими уставы; а лютерская вѣра — новозаконеніе христіанохульника Лютера Мартина еретика, которое онъ по своей самохотной прелести узаконилъ, чего ему не предано ни отъ Бога, ни апостолами, ни святыми отцами и вселенскими соборами, и отъ Православной вѣры та лютерская вѣра отмѣтна».

Однако подъ предлогомъ, что самъ государь не будетъ на засѣданіи, Вальдемаръ уклонился явиться на него, снарядивъ отъ себя лишь важныхъ членовъ своей свиты. Присутствовали также Стемковскій, бояре и дьяки. Къ Посольскому приказу члены свиты прошли чрезъ громадныя толпы народа, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ: такъ великъ былъ интересъ къ тому, что̀ обсуждалось въ засѣданіи!

Наши полемисты должны были вести свою защиту соотвѣтственно съ указомъ.

Пасторъ утверждалъ, что совершаемое у лютеранъ крещеніе истинное, законное, и что потому несправедливо требовать вторичнаго крещенія принца. Если у Русскихъ оно совершается чрезъ троекратное погруженіе крещаемаго въ воду, а у лютеранъ чрезъ обливаніе или окропленіе, то это безразлично. «Истинно есть крещеніе, утверждалъ онъ, или въ три погруженія, или въ три поливанія, или въ три покропленія». Сила крещенія заключается не въ водѣ, но въ дѣйствѣ Св. Духа, Который въ крещеніи обильно на насъ излитъ, въ силѣ крови Христовой, которою въ крещеніи окроплены и обмыты, въ прихожденіи Св. Духа, въ вѣрѣ и чистой совѣсти крещающагося и въ словахъ: «Азъ тя крещаю во имя Отца и Сына и Св. Духа»; количество воды не имѣетъ значенія; крещеніе можетъ быть совершеннымъ, если въ немъ окропляется одна часть тѣла, оно вмѣняется даже и безъ воды.

Наши богословы отвѣчали на это, что не все равно въ крещеніи погрузить, облить или окропить, и нельзя употреблять иного вещества, кромѣ воды. Въ крещеніи мы спогребаемся Христу въ смерть

и совозстаемъ съ Нимъ вѣрою къ новой благодатной жизни (Римл. VI, 3—4; Колос. II, 12), и это возможно лишь при погруженіи, гдѣ вода образуетъ землю или гробъ, погруженіе въ воду—погребеніе, троекратное погруженіе—трехдневное пребываніе Христа во гробѣ, и отсюда мы исходимъ обновленными. Поэтому же необходима въ крещеніи и вода. Хотя въ этомъ таинствѣ дѣйствуетъ тотъ же Духъ Святый, но Онъ дѣйствуетъ здѣсь водой, а не кровію; кровію Христовой Онъ дѣйствуетъ въ другомъ таинствѣ, Евхаристіи. «Аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе» (Еван. Іоанна, III, 5), сказалъ Спаситель; о крещеніи именно водой говоритъ и апостолъ (Дѣян. X, 47—48).

Въ подтвержденіе своего положенія Фильгоберъ ссылался на смыслъ подлиннаго названія таинства и на прообразованія о крещеніи. Греческое слово, говорилъ онъ, βαπτίζω крещаю, отъ котораго происходитъ названіе таинства, βαπτισμός, крещеніе, означаетъ не только погружать, но чаще обмывать, обливать, окроплять, какъ это видно изъ различныхъ мѣстъ Писанія (Марка, VII, 8; Луки, XI, 38, XII, 50). Въ Ветхомъ Завѣтѣ прообразовали крещеніе омовеніе священниками рукъ въ мѣдномъ морѣ храма Соломона и различныя окропленія кровію. Іоаннъ Предтеча крестилъ народъ и Христа водой, а не въ водѣ, то-есть чрезъ обливаніе, а не чрезъ погруженіе во Іорданѣ. Св. апостолъ Павелъ называетъ крещеніе обрѣзаніемъ Христовымъ (Кол. II, 11—13), и какъ обрѣзаніе было внѣшнее, такъ и крещеніе будетъ исполнено, если совершится чрезъ дѣйствіе водой, хотя бы надъ однимъ составомъ.

Поддержанные въ толкованіи греческаго названія участвовавшими въ полемикѣ Греками, наши говорили, что βαπτισμός означаетъ одно погруженіе, а обливаніе по-гречески выражается иначе (ἔυρεξ), и въ мѣстахъ Писанія, на которыя указываетъ пасторъ, говорится не о крещеніи, но объ омовеніи сосудовъ (Марк. VII, 8) или рукъ (Луки, XI, 38) и пр.

Устраивая мѣдное море въ своемъ храмѣ, чтобы священники, закалающіе жертвенныхъ животныхъ, могли обмывать свои руки, Соломонъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду будущаго крещенія; крещеніе прообразовано всемірнымъ потопомъ въ отсѣченіе грѣха, Чермнымъ

моремъ при выходѣ Израильтянъ изъ Египта, потопившимъ грѣшныхъ Египтянъ и спасшимъ намъ купель прошедшихъ по нему Израильтянъ, погруженіемъ Неемана въ Іорданѣ по очищеніи отъ проказы, и, наконецъ, овчею купелью, въ которую приносили больныхъ для исцѣленія: всѣ эти прообразованія указываютъ на погруженіе. И Іоаннъ Предтеча крестилъ Христа именно въ водѣ, а не водой: въ повѣствованіи о крещеніи у всѣхъ Евангелистовъ (Мѳ. III, 11, Мар. I, 8, Лук. III, 16, Іоан. I, 26) по-гречески стоитъ ἐν ὕδατι, то-есть «въ водѣ», также и въ нашихъ славянскихъ переводахъ; а если у Нѣмцевъ переведено «водой», то у нихъ здѣсь застарѣлая ересь: книги ихъ перепорчены еще ранѣе папой, который велѣлъ по своему переправлять даже тѣ православныя книги, которыя, по взятіи Константинополя крестоносцами, были вывезены отсюда, велѣлъ подлинныя жечь и продавать по Европѣ однѣ испорченныя имъ. О крещеніи Христа во Іорданѣ чрезъ погруженіе свидѣтельствуютъ св. отцы и Іосифъ Флавій. Но еслибъ Іоаннъ Предтеча даже крестилъ и водой, то его примѣръ еще не обязателенъ: «занеже не въ три составы крещалися»; обязательна заповѣдь Христа и Его апостоловъ. Господь, повелѣвая крестить во имя Отца и Сына и Св. Духа, заповѣдалъ совершать крещеніе въ три погруженія, потому что крещеніе образуетъ Его смерть, то-есть трехдневное пребываніе въ ней. Апостолъ Павелъ писалъ къ Римлянамъ (Римл. VI, 3—9): «или не разумѣете, яко... въ смерть Его крестихомся; спогребохомся Ему крещеніемъ въ смерть». И хотя онъ называетъ крещеніе обрѣзаніемъ Христовымъ (Колос. II, 11), но также объясняетъ, что мы обрѣзываемся этимъ нерукотвореннымъ обрѣзаніемъ, то-есть крещеніемъ, когда спогребаемся Христу крещеніемъ въ смерть (1 Кор. II, 11—12); спогребеніе же совершается чрезъ троекратное погруженіе въ крещеніи, и Апостольскія правила (50) повелѣваютъ совершать крещеніе чрезъ погруженіе.

Фильгоберъ, кромѣ того, старался обосноваться на почвѣ церковно-исторической. Ссылаясь на слова апостола Павла (1 Кор. XV, 29), онъ доказывалъ, что чрезъ окропленіе или обливаніе крестили еще при апостолахъ; въ книгѣ «Дѣяній апостольскихъ» нигдѣ не говорится, чтобы взрослые, принимавшіе христіанство, были выводимы

за городъ или на рѣку; константинопольскій патріархъ Іеремія, проѣзжая недавно чрезъ Польшу, не дозволялъ перекрещивать крещенныхъ во имя Отца и Сына и Св. Духа; въ Россіи также не требовали этого прежде: государь Иванъ Васильевичъ III выдалъ свою дочь за польскаго короля Александра, государь Иванъ Васильевичъ IV отдалъ за шлезвигскаго и голштинскаго герцога Магнуса свою племянницу, царь Борисъ Годуновъ призвалъ для своей дочери въ женихи герцога голштинскаго Іоанна; наконецъ, здѣсь важенъ примѣръ женитьбы волошскаго князя.

Слова апостола Павла къ Коринѳянамъ о спогребеніи Христу крещеніемъ въ смерть, опровергали наши Фильгобера, св. Іоаннъ Златоустъ объясняетъ въ формѣ погруженія; изъ того, что въ «Дѣяніяхъ апостольскихъ» не говорится о выведеніи крещаемыхъ за городъ или на рѣку, нельзя заключать, что они были крещаемы чрезъ обливаніе; напротивъ, примѣръ Іисуса Христа, крестившагося у Іоанна чрезъ погруженіе, названіе апостоломъ Павломъ крещенія спогребеніемъ, прямое апостольское правило указываютъ, что приводимые въ Дѣяніяхъ случаи крещенія стражи, 3.000 народа (Дѣян. II, 40—41) и др. были совершены чрезъ погруженіе, хотя св. Лука, для краткости, и не упоминаетъ о томъ; ссылка на патріарха Іеремію сомнительна: онъ въ Москвѣ былъ, но ничего не говорилъ объ этомъ, да и не сталъ бы говорить безъ разсужденія, то-есть не велѣлъ бы крестить въ другой разъ только истинно крещеныхъ; прежніе единичные случаи не убѣдительны: Иванъ Васильевичъ III выдалъ свою дочь не за лютеранина, а за латинянина, латиняне же хотя и отпали отъ Православной церкви и ученіе ихъ еретическое, но все же у нихъ есть постановленіе кардиналовъ и архіепископовъ отъ папы; царь Грозный отдалъ свою племянницу за лютеранскаго герцога по нелюбви къ ней и потому, что ея отецъ ни въ чемъ не хотѣлъ добра государю; царь Борисъ, призвавъ Іоанна въ Москву, послалъ по всѣмъ городамъ за высшими духовными іерархами для договора о вѣрѣ и о крещеніи, но съѣзжавшіяся власти не застали уже герцога въ живыхъ; до брака волошскаго князя Москвѣ дѣла нѣтъ: какъ хотятъ, такъ въ своихъ земляхъ пусть и поступаютъ.

Выводъ былъ ясенъ: лютеранское обливательное крещеніе не

есть дѣйствительное таинство, подающее отпущеніе грѣховъ и дары Св. Духа, почему бракосочетанія между лютеранами и православными не возможны безъ предварительнаго обращенія лютеранъ въ Православіе, и обращающихся изъ лютеранства необходимо крестить чрезъ погруженіе. Точка зрѣнія—противоположная той, какую высказывали Датчане. Но крещеніе, говорилъ Фильгоберъ, не повторяемо. Да, отвѣчали наши, оно не повторяемо, но только истинное, св. соборной и апостольской Церкви, въ три погруженія: «еретическое же крещеніе нѣсть крещеніе, но паче осквернѣніе». Лютеранское крещеніе не согласно со словомъ Божіимъ, съ образомъ смерти Христовой и совершается людьми, не имѣющими на это права.

Такъ отъ вопроса о крещеніи невольно переходили къ вопросу о совершителяхъ его, достоинству іерархіи, и пр.

Въ противоположность Православной церкви, изобличали наши Фильгобера, «у васъ, лютеранъ, нѣтъ ни священнаго чина постановленія, по преданію апостолъ и св. отецъ. Мы въ правду вѣдаемъ, что и ты, Матвѣй, не освященъ въ крещеніи, ни рукоположенъ съ возложеніемъ руку священства: какъ тебѣ иныхъ крестить и освящать? И какъ вамъ другихъ святить и крестить, когда вы сами ни отъ кого не освящены?... У васъ нѣтъ ни церкви, ни святителя, ни святыхъ иконъ Спаса нашего Христа Бога, Пречистыя Богородицы и святыхъ Его, угодившихъ Ему вѣрой; также мощей святыхъ, преподобныхъ отецъ, святителей и мучениковъ не почитаете и не поклоняетесь имъ... У васъ нѣтъ ни кадила, ни церковнаго пѣнія, вечерни, навечерія, заутрени, часовъ и св. литургіи, ни крещенія въ три погруженія, ни освященія; святыхъ постовъ, ни среды, ни пятка не почитаете; нѣтъ у васъ ни колѣнопреклоненія, ни всякаго чина и дѣйства церковнаго, принятаго Восточною соборною апостольскою церковью: отъ всего этого христіанскаго законоуставнаго положенія чужды и пусты»... На престолахъ мы имѣемъ антиминсы съ мощами святыхъ, и тѣмъ святятся наши церкви; «ваши же церкви не святы, потому что въ нихъ нѣтъ антиминсовъ съ мощами святыхъ мучениковъ...; на верху церкви божественной мы поставляемъ крестъ Христовъ, а не пѣтуха, какъ вы, и тѣмъ вмѣсто Христа чтете пѣтуха... Не будьте же младенцы умомъ, скитаясь во всякомъ вѣтрѣ ученія,

и будьте всѣ во единеніи вѣры, какъ сказалъ апостолъ (Іак. II, 14, 17—26): вѣра добро съ дѣломъ, а дѣло съ вѣрой. А у васъ всѣ тѣ чины и уставы церковные отринуты, ради слабаго и прелестнаго житія суетнаго сего свѣта. Вы все пишете: ««мы стоимъ въ вѣрѣ прямо, при Божіемъ словѣ»»: гдѣ же у васъ прямость, какъ показали вамъ выше? Вы хуже даже римлянъ. Хотя папа и всѣ римляне еретики, отпали отъ Православной церкви еще при королѣ Карлѣ, внеся на Ахенскомъ соборѣ прибавленіе въ 8-й членъ Символа Вѣры объ исхожденіи Св. Духа «и отъ Сына», и за то прокляты отъ св. отецъ вѣчною клятвой, почему, вмѣстѣ съ восточными патріархами, мы и не имѣемъ съ ними общенія: но если римляне и еретики и отъ святыхъ отецъ прокляты, но, къ вашей вертячей худой вѣрѣ прикладывая, отъ Греческой же отмѣняя, у нихъ лучше вашего. Это мы говоримъ не къ похвалѣ имъ, а желая явно обличить вашу злѣйшую еретическую вѣру. Хотя у нихъ и еретическое ученіе и проклято оно, только у нихъ есть поставленіе отъ папы кардиналовъ, архіепископовъ и епископовъ («арцыбискупомъ и бискупомъ»), а у васъ и того худаго нѣтъ, не именуется».

Это, такъ-сказать, основные, центральные пункты, около которыхъ сосредоточились въ концѣ-концовъ споры и которымъ обѣ стороны придавали преимущественное значеніе. Но ранѣе трактовали о многихъ другихъ предметахъ, такъ что въ общемъ осмотрѣна была почти вся система особенностей лютерантства отъ Грековосточнаго вѣроисповѣданія. Замѣчательно, что Фильгоберъ здѣсь еще болѣе подчасъ усиливался выразить свою мысль въ такой формѣ, чтобы нашимъ показалось одно внѣшнее, несущественное отличіе лютерантства. Между тѣмъ какъ наши разъясняли безусловное значеніе Св. Писанія и Преданія какъ источниковъ вѣры, Фильгоберъ старался доказать значеніе Св. Писанія и обойти молчаніемъ Преданіе; католико-протестантскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына онъ представлялъ, перемѣшивая предвѣчное исхожденіе Св. Духа отъ Отца съ временнымъ ниспосланіемъ Его отъ Сына и признавая, что «Духъ Святый исходитъ отъ Сына, о томъ въ Писаніи не описано»; въ таинствѣ Евхаристіи Фильгоберъ утверждалъ безразличіе хлѣба и опрѣсноковъ; въ трактатѣ о другихъ таинствахъ онъ старался обо-

значить внѣшнее сходство совершенія ихъ у православныхъ и лютеранъ; свою уступчивость и приноровленіе онъ простеръ, между прочимъ, почти до прямаго признанія монашества: «монастырскіе уставы, говорилъ онъ, мы не мечемъ, только бы монахи радѣтельно учились и молились и честно жили, чтобъ изъ нихъ можно было людей взяти къ церквамъ и школамъ».

Примирительныя уступчивыя сужденія пастора могли бы имѣть серіозную цѣну, еслибы онъ точно означалъ, кому именно принадлежатъ высказываемые имъ взгляды и положенія. Не упоминая о пунктахъ не столь существенныхъ, что касается собственно важнѣйшаго отличительнаго православнаго догмата, затронутаго здѣсь, то дѣйствительно, напримѣръ, «довольно извѣстно, что протестантскіе богословы, хотѣвшіе въ вѣроученіи основываться исключительно на Св. Писаніи, иногда серіозно задумывались надъ filioque, перешедшимъ къ нимъ отъ р.-католической церкви и прямо противорѣчащимъ словамъ Писанія, что одни изъ нихъ старались примирять это мыслію о временномъ посланничествѣ Св. Духа и отъ Сына, а нѣкоторые шли и далѣе, переходя именно на сторону православнаго ученія, какъ напр. Адамъ Зерникавъ». При всемъ томъ, далѣе единичныхъ раздумій и признаній дѣло не шло. Между тѣмъ Фильгоберъ старался представлять въ томъ видѣ, какъ будто бы это принадлежало всѣмъ лютеранамъ и исповѣдуемому ими вѣроученію [1].

Условность сужденій Фильгобера и Вальдемара до нѣкоторой степени была понимаема и нашими полемистами, почему отличія про-

[1] Считаемъ необходимымъ сдѣлать это замѣчаніе въ виду исключающихъ одно другое противоположныхъ мнѣній, высказанныхъ въ послѣднее время на данный предметъ нашими историками. За «признаніе» православнаго догмата Фильгоберомъ г. Соколовъ (111) считаетъ себя какъ бы въ правѣ «бранить», а г. Малышевскій (Церк. Вѣстн. 1884, № 26, стр. 123) «привѣтствовать» пастора, такъ какъ первый, видя повсюду осуществленіе своей имъ теоріи о хитрой систематической и таинственной протестантской пропагандѣ, принимаетъ всѣ эти слова Фильгобера за вѣроломное лицемѣріе, разсчитанное на уловленіе православныхъ въ сѣти лютерантства, а второй, держась совершенно противоположнаго взгляда, принимаетъ ихъ лишь за искреннія и нравдивыя слова. Предвзятая точка зрѣнія препятствовала авторамъ судить о предметѣ безъ искусственной окраски.

тестантства отъ Православія оттѣнялись ими съ наибольшею силой. Глубоко убѣжденные, что всѣ эти своеобразности протестантства—прямое уклоненіе отъ истины, наши богословы рѣдко ставили различіе между догматическими и обрядовыми особенностями протестантства, одинаково относя то и другое къ прямой винѣ его и не давая противникамъ сбить себя неопредѣленностію выраженій. Въ трактатѣ объ исхожденіи Св. Духа, королевичу и пастору, правда, удалось замаскировать свою мысль, такъ что наши уже подумали, что лютеране «едино съ православными вѣруютъ въ исхожденіе Св. Духа отъ единаго начала, сирѣчь отъ Отца»: но обыкновенно это имъ не удавалось. Преимущественно въ одномъ случаѣ было трудно нашимъ полемистамъ, именно, когда они, въ виду еще не отмѣненнаго опредѣленія московскаго собора 1620 года и полученнаго извѣстія о взглядѣ константинопольскихъ іерарховъ, доказывали необходимость перекрещиванья протестантовъ. Православною церковію крещеніе признается, если оно совершено по учрежденію Христа, во имя Св. Троицы, почему она допускаетъ крещеніе и обливательное, но какъ исключеніе, вынуждаемое обстоятельствами: законнымъ считается одно крещеніе полное, чрезъ троекратное покруженіе, а чрезъ обливаніе и окропленіе лишь дѣйствительнымъ, т.-е. кто такимъ образомъ былъ крещенъ, тотъ признается дѣйствительно крещеннымъ. Между тѣмъ извѣстныя печальныя историческія обстоятельства, побуждавшія обращать почти все вниманіе на однѣ отрицательныя свойства западныхъ вѣроисповѣданій, и опасности, грозившія Грековосточному исповѣданію отъ иновѣрія, побудили духовную власть, въ видахъ лучшаго предохраненія православныхъ, временно отмѣнить признаніе дѣйствительности обливательнаго крещенія, принять мѣру перекрещиванья католиковъ и протестантовъ, чѣмъ намѣренно указывалось, какъ низко иновѣріе въ сравненіи съ Православіемъ. Отъ этого не вполнѣ точнаго взгляда на крещеніе, совершаемое у лютеранъ, главнымъ образомъ зависѣли и другіе недостатки въ полемикѣ, прямо основывались на немъ или вытекали изъ него, благодаря пріобрѣтенному имъ здѣсь первенствующему значенію. Нашимъ полемистамъ нельзя было поэтому ослабить всѣ положенія своихъ противниковъ, нѣкоторыя возраженія должно было обойти молчаніемъ или показывать видъ, какъ

будто не понимаютъ ихъ; при слабости исторической критики, имъ было труднѣе, когда споръ переходилъ на почву историческую; но говоря вообще, даже и въ вопросѣ о перекрещиваньи лютеранъ они не были безотвѣтны, даже и безъ ссылки на соборъ московскихъ іерарховъ, опредѣленія котораго не могли имѣть авторитета въ глазахъ иновѣрцевъ; въ остальномъ же, гдѣ ихъ защита не выходила изъ мнѣнія о перекрещиваньи, они стояли прочнѣе. Какъ ни старался Фильгоберъ доказать и обѣлить высоту своего вѣроисповѣданія, полемисты указывали ему несостоятельность протестантства, бо́льшую, чѣмъ католичества, и обрисовали глубокую пропасть, отдѣлявшую его отъ Грековосточнаго исповѣданія. Какъ нѣкогда царь Иванъ Васильевичъ Грозный, они выставляли лютеранскую вѣру «новозаконеніемъ христіанохульника Лютера Мартына еретика, которое онъ по своей самохотной прелести узаконилъ», «отметною» отъ Православной вѣры и «ни въ чемъ ей не пріятною»; лишенная, по ихъ словамъ, преемственной іерархіи и таинствъ, она хуже римской, и послѣдователи ея, хотя и называются христіанами, «только словомъ показуются вѣрны» и до того ослѣплены своимъ безвѣріемъ, что едва ли и возстаніе имъ будетъ. Наши богословы затронули даже исходный протестантскій пунктъ, нравственное ученіе объ оправданіи, о которомъ умалчивали противники; они указали, что добрыя дѣла, «всѣ тѣ чины и уставы церковные отринуты ради слабаго и прелестнаго житія суетнаго сего свѣта», то-есть объясняли происхожденіе основнаго протестантскаго догмата изъ мірскихъ побужденій. Въ религіи, выдаваемой за религію «духа», они указывали ея произвольно-мірской характеръ и совершенно справедливо отрицали въ ней возстановленіе первобытнаго христіанства, на что̀ такъ претендовали лютеране.

Полемистовъ мало смущало то, что нѣкоторыя изъ возраженій образованнаго и искуснаго въ діалектикѣ Фильгобера представляли неодолимыя для нихъ трудности, въ справедливомъ убѣжденіи, что истина не страдаетъ, не перестаетъ быть истиной, если исповѣдующій и защищающій ее не всегда можетъ отразить всѣ нападенія вооруженныхъ противниковъ. Непоколебимо-твердая вѣра въ истину и полное превосходство своей религіи проникала каждое ихъ слово,

почему они съ рѣдкимъ спокойствіемъ, терпѣніемъ и снисходительностью какъ выслушивали укоры и разбирали возраженія противниковъ, такъ и излагали свои мнѣнія и доказательства. Если они, напримѣръ, засѣданіе 2 іюня 1644 года окончили словами: «и мы съ ними Нѣмцы, Матвѣемъ и его товарищами, рѣчь говорить перестали, потому что они отговариваются неправдой», то несравненно чаще имъ приходилось замѣчать противнику, слишкомъ уже все толкующему по своему личному разумѣнію: «то умышленіе чуже есть соборныя и апостольскія Церкви и далече отъ истины», «онъ, попъ Матвѣй, разума слова въ Божественномъ писаніи не узналъ», «говоритъ по своему мнѣнію, не испытавъ Божественнаго писанія», «то у него писано не по правдѣ», «не по правдѣ толкуетъ», «о томъ лжетъ»; или же обращались они съ прямымъ увѣщаніемъ принять истину: «самъ же ты, Матвѣй, во многихъ стѣтьяхъ говорилъ: ««будетъ де укажутъ отъ св. Библіи, и мы де имъ поступимся»»; время есть тебѣ своихъ словесъ устрамитися и писанію повинутися, и св. соборной апостольской Церкви сообщнику быти, яко много тебѣ показахомъ отъ Божественнаго писанія Ветхаго завѣта и Новыя благодати; и молимъ тебе, яко брата нашего, аще въ сообщеніи будеши христіанскія вѣры Греческаго закона». Увѣщанія къ обращенію и молитву о немъ они признавали своимъ прямымъ христіанскимъ долгомъ. Самъ патріахъ свои доводы нерѣдко перерывалъ или заключалъ увѣщаніемъ Вальдемару соединиться съ Русскими въ вѣрѣ: изъявляя склонность, въ отличіе отъ Грознаго, называть лютеранъ христіанами, только не прямыми, несовершенными, онъ убѣждалъ и умолялъ Вальдемара соединиться съ нами вполнѣ: еслибъ это смущало его, казалось ему грѣхомъ, то такой «грѣхъ» онъ, патріархъ, бралъ на себя. Наши полемисты участвовали не только умомъ, но и сердцемъ, всею непосредственностію своей живой вѣры. Они выразили то, чѣмъ жилъ Русскій народъ.

Убѣжденія и отвѣты не могли, конечно, нравиться гостямъ. Ихъ досада и заносчивость ярко отразились въ повѣствованіи о поѣздкѣ въ Россію принца Вальдемара, написанномъ однимъ изъ его свиты и при очевидномъ участіи пастора. Все русское авторъ старался унизить, осмѣять. О послѣднемъ, напримѣръ, засѣданіи 4 іюля 1645 г., состоявшемся, какъ мы видѣли, въ Посольскомъ приказѣ, авторъ

отмѣчаетъ, что объясненія Фильгобера наши бояре «приняли съ насмѣшкой и тщательно замѣчали только представленія своихъ Русскихъ, но ни одного изъ нашихъ». «По этой-то причинѣ, продолжаетъ онъ, да и потому еще, что у невѣждъ ничего нельзя было добиться, кромѣ ребяческихъ словъ и мужицкихъ отвѣтовъ, при томъ же очевидно было, что не все передавалось переводчикомъ правильно, мы и рѣшились уступить, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей» [1]. За лучшее сочли гости обратиться прямо къ государю съ письменнымъ изложеніемъ своихъ мнѣній и просьбой, чтобъ онъ рѣшилъ споръ своею собственною властью. Обращеніе въ дѣлахъ церковно-религіозныхъ прямо къ волѣ государя обыкновенно употреблялось иновѣрцами, и протестантами и католиками, когда они хотѣли достигнуть своихъ цѣлей въ Россіи: въ этихъ случаяхъ они развивали мысль о цесаропапизмѣ [2]. Впослѣдствіи времени, когда среди правительства появились лица, склонныя слушаться подобныхъ внушеній, этотъ пріемъ приносилъ не мало тяжестей отечественной Церкви: но въ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и ближайшихъ къ нему лицахъ у насъ не даромъ видѣли нелицемѣрныхъ выразителей и хранителей всего роднаго, чисто русскаго. Царь Михаилъ не могъ отмѣнить то, что было постановлено, какъ необходимое для пользы Церкви и государства, при его отцѣ, патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, и чему, по характеру народнаго сознанія, еще пора не миновала. Чтобы не производить соблазна въ народѣ, онъ пожертвовалъ своими личными разсчетами: померъ (12 іюля) онъ въ сильной кручинѣ, не найдя возможнымъ ни

---

[1] Чт. Имп. М. Общ. Ист. и Др. Росс. 1867, IV, 59: Извѣстіе о поѣздкѣ въ Россію Вальдемара.

[2] О католикахъ см. въ сочиненіи гр. Толстаго, «Католицизмъ въ Россіи», т. I, и въ нашемъ изслѣдованіи «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ», кн. II. Вотъ что, напримѣръ, писалъ папа Павелъ V къ первому Самозванцу: «Мы не сомнѣваемся, что... ты хочешь привести въ лоно римской церкви народъ Московскій, потому что народы необходимо должны подражать своимъ государямъ и вождямъ... Такъ какъ ты можешь дѣлать въ своей землѣ все, что хочешь, то повелѣвай» (Изъ исторіи иностран. испов. 298). Совсѣмъ иную роль въ дѣлахъ церкви и вѣры указывали, какъ извѣстно, папы западнымъ государямъ въ своихъ къ нимъ посланіяхъ.

отпустить назадъ нареченнаго зятя, ни поступить противъ народной и своей совѣсти.

Мы уже знаемъ, съ какими мыслями Москвичи проводили затѣмъ Вальдемара и его многочисленную свиту. Москвичи разсуждали, что если бы королевичъ принялъ крещеніе искренно, то у насъ была бы неподдѣльная радость; принявъ же Православіе наружно, онъ, «желая больше добра себѣ, нежели Россіи, захотѣлъ бы захватить со своими погаными Нѣмцами больше власти», и «велика была бы бѣда и крамола всему православному христіанству и всему великому государству смута и раздоръ». Безъ соединенія въ вѣрѣ, наши не считали бракъ даже и возможнымъ: вредъ тогда былъ бы еще бо́льшій [1]. И тонъ отношенія ко всему православно-русскому, съ какимъ составлена датская записка о поѣздкѣ Вальдемара въ Россію, указываетъ, что эти опасенія были не безъ основаній; самъ Вальдемаръ, по свидѣтельству той же записки, до такой степени «не могъ приноровиться ни къ языку, ни къ одеждѣ русскихъ ратоборцевъ, что было необходимо» предъ тѣмъ, какъ имъ разъ понадобилось явиться къ нему, «чтобы лукавые соглядатаи-толмачи сняли съ бѣдныхъ простаковъ русскія темныя рясы и, насколько сумѣло ихъ толмачество, одѣли ихъ въ нѣмецкое платье» [2]. Полемика, стремившаяся устроить бракъ подъ условіемъ крещенія и сознательнаго убѣжденія въ высотѣ Православія имѣла поэтому, несмотря на свой богословскій характеръ, значеніе не только церковно-религіозное, но и государственное. Съ этой точки зрѣнія попре-

---

[1] Гл. VI, стр. 509—510; «Повѣсть о внезапной кончинѣ государя Михаила Ѳеодоровича», рукопись г. Барсова, № 59, л. 28—31.

[2] Извѣст. о поѣзд. въ Рос. Вальдемара, 16 — 17. Припомнимъ также, что Михаилу Ѳеодоровичу было кн. Львовымъ подано (2 мая 1644 г.) письмо одного Нѣмца, гдѣ передавалось, что будто бы королевичъ говорилъ: «какъ возьму за «себя царскую дочь, тогда и въ мою станетъ вѣровать вѣру, неволей, крѣпко «заберу ее въ свои руки». Какъ ни тенденціозно было это письмо, однако, по обстоятельствамъ и настроенію времени, нельзя было нашимъ не принимать его въ разсчетъ, тѣмъ болѣе, что сообщенное въ немъ предупрежденіе, что Вальдемаръ, въ случаѣ неудачи, думаетъ тайно бѣжать изъ Москвы, вскорѣ (9 мая) оправдалось.

имуществу и надобно судить о ней. Отсюда такъ естественно, что она, отклонивъ бракъ царевны съ иноземцемъ-иновѣрцемъ, въ концѣ концевъ близко совпала съ думами Юрія Крижанича, который, оспаривая законность перекрещиванія иновѣрцевъ, смотрѣлъ на смѣшанные браки въ царскихъ семьяхъ почти исключительно съ точки зрѣнія національно-государственной, иодъ опасеніемъ «чужевластва». Брать въ семью членовъ изъ Нѣмецкихъ земель, по его сознанію,— наивреднѣйшее для Славянъ предубѣжденіе, навязанное намъ Нѣмцами: чужеродное лицо слушается совѣтовъ людей инородныхъ, которые преслѣдуютъ свои, чуждые народу, цѣли, вводятъ чужіе законы и обычаи, ереси, смятеніе; государь каждой славянской державы долженъ выдавать своихъ дочерей только за государей славянскаго рода или за своихъ бояръ и долженъ жениться только на Славянкахъ [1].

Опираясь въ значительной своей части на прежнія рукописныя и печатныя полемическія сочиненія, изъ которыхъ наши богословы, какъ мы видѣли, брали свои доказательства, споръ съ Вальдемаромъ и Фильгоберомъ, въ свою очередь, отразился на первомъ же явившемся послѣ него печатномъ полемическомъ трудѣ. Напечатанная въ 1648 году въ Москвѣ «Книга о вѣрѣ единой, истинной и православной, и о святѣй церкви Восточной» [2] заканчивается статьей: «О святомъ крещеніи, яко погружати подобаетъ, а не обливати; отъ пренія съ латинскимъ капланомъ и съ клевреты его, иже быша Датскія земли съ кралевымъ сыномъ Вальдемаромъ, въ царствующемъ градѣ въ Москвѣ, въ лѣто 7152». Въ своемъ цѣломъ это новое полемическое

---

[1] Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, разд. XII и слѣд.; проф. І. І. Первольфъ, Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Варшава, 1888, II, 336.

[2] Полное заглавіе ея: «Книга о вѣрѣ единой истинной и православной, и о святѣй церкви Восточной, и о изряднѣйшихъ правовѣрныхъ сложеніяхъ, отъ Божественнаго писанія вкратцѣ избрана». Л. І. Листовъ въ ней 289. Печатаніе ея начато 1 марта, кончено 8 мая 1648 года, въ седьмой годъ патріаршества Іосифа. Предисловіе и послѣсловіе помѣщено у Сахарова, № 159. Въ Моск. Рум. Муз. книга находится подъ № 283; о мѣстѣ другихъ экземпляровъ см. у Каратаева, № 641.

сочиненіе не совсѣмъ исправный переводъ на современный московскій литературный языкъ западно-русской компиляціи, составленной изъ различныхъ полемическихъ статей. Компиляція написана была на бѣлорусскомъ нарѣчіи [1], въ 1644 году [2], Наѳанаиломъ, игуменомъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря, дѣятелемъ противъ уніи. Кто перевелъ ее на церковно-славянскій московскія языкъ, не знаемъ [3]. Со вступленіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича, въ средѣ московскаго духовенства выдвигается Стефанъ Вонифатьевъ, протопопъ (съ 1645 года) Благовѣщенскаго собора и царскій духовникъ. Это былъ человѣкъ, отличавшійся умомъ, энергіей, нравственными качествами, ревностію къ благочестію, дружившій съ извѣстнымъ ревнителемъ южно-русскаго просвѣщенія въ Москвѣ бояриномъ Ѳед. Ртищевымъ и Никономъ; онъ способствовалъ первоначальному возвышенію Неронова, Аввакума, Логгина, Лазаря и др. и поддерживалъ ихъ, пока они не объявились противниками Никоновыхъ церковныхъ исправленій, и имѣлъ вліяніе на молодаго государя, на церковныя и отчасти государственныя дѣла [4]. Не удивительно, что московская рукопись

---

[1] Заглавіе носила: «Книжица, или списаніе о вѣрѣ Православной, о святой церкви Восточной, о изряднѣйшихъ правовѣрныхъ артыкулахъ, отъ Божественнаго писанія путнаго ради случая, въ гоненіи отъ нужды, вкратцѣ собрана» (Славяно-русскія рукописи Ундольскаго, стр. 309, № 427).

[2] Сильвестръ Медвѣдевъ записалъ, что эта книжица была «вкратцѣ собрана въ лѣто міра 7152 (1644) маія 1-го» (приложен. къ библіографическому разысканію Ундольскаго, статья Сил. Медвѣдева: «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ», № 33, въ Чт. Имп. М. О. И. и Др. Рос. 1846, III, отд. IV, стр. 12). Его свидѣтельство подтверждается рукописью 1644 года (А. Поповъ, Описаніе библіотеки Хлудова, № 90). Надпись на экземплярѣ Ундольскаго, № 427: «Книжица... собрана, въ лѣто отъ созданія міра 7156, а отъ еже по плоти Рожества Господа Бога и Спаса нашего Іис. Христа 1648», не можетъ поэтому считаться вѣрнымъ показателемъ времени написанія подлинника.

[3] Въ описи Моск. Печатнаго двора за 1649 годъ значится только, что хранившаяся въ немъ «Книга о вѣрѣ, письменая,... прислана съ Верху въ переводъ». Въ числѣ справщиковъ служилъ тогда на немъ Иванъ Насѣдка. Чт. Имп. М. О. И. и Д. Рос. 1887, IV, отд. IV, стр. 31; ср. стр. 19, 30 и предислов.

[4] За послѣднее время всѣхъ полнѣе о немъ писалъ проф. Каптеревъ, въ статьѣ о патр. Никонѣ (Прав. Обозрѣн. 1887, февр. 325, апрѣль, 773 и слѣд.),

«Книги о вѣрѣ» была отпечатана его «тщаніемъ» [1] и вмѣстѣ «повелѣніемъ» государя Алексѣя Михайловича и по «совѣту и благословенію» патріарха Іосифа «въ пользу душамъ многочисленнаго христіанскаго народа Великія Русіи и иныхъ странъ живущимъ народамъ» [2].

Противъ рукописнаго перевода [3], кромѣ измѣненій и отступленій въ выраженіяхъ [4], въ печатномъ изданіи замѣнена заключительная (30-я) глава «Объ антихристѣ и о скончаніи свѣта, и о страшномъ судѣ» другою главой, съ подобнымъ же заглавіемъ, и къ ней присоединена указанная выше статья о крещеніи, такъ что прежній компилятивный характеръ сочиненія вполнѣ сохранился [5]. Благодаря

но слишкомъ идеализировалъ его и расширилъ кругъ его дѣятельности и вліянія. Ср. сообщенія пр. Макарія, XI—XII.

[1] Объ отношеніи Наѳанаила и Вонифатьева къ этому труду узнаемъ изъ посланія къ Максиму діакона Ѳедора: «Книга о вѣрѣ правой писана нѣкоимъ игуменомъ Наѳанаиломъ благочестивымъ Михайловскаго монастыря на уніятское отступленіе, и на Москвѣ въ печать издана повелѣніемъ царевымъ и тщательствомъ благаго духовника его Стефана Вонифатьевича, благовѣщенскаго нашего протопопа, во время благочестивое и тихое» (Матер. для истор. раскола, VI, 143). Необходимо, слѣдовательно, принять мнѣніе Сахарова, Ундольскаго, Гильдебранда и др., что авторомъ «Книги о вѣрѣ» былъ Наѳанаилъ, и нельзя согласиться съ сужденіями Медвѣдева, Сопикова, Строева и преосв. Ѳеофилакта, что имя автора неизвѣстно, или съ г. Охотинымъ и преосв. Филаретомъ, приписавшими ее Захарію Копыстенскому. См. Григ. Дементьева, Критическій разборъ такъ называемой Книги о вѣрѣ сравнительно съ ученіемъ Филаретовыхъ старообрядцевъ. Спб., 1883.

[2] Послѣсловіе къ книгѣ.

[3] Экземпляръ его въ Румянц. Музеѣ подъ № 427 (изъ собр. Ундольскаго).

[4] Приведены у Дементьева, 28 и слѣд.

[5] По изслѣдованію черновицкаго (въ Буковинѣ) профессора Э. Колужняцкаго, изъ 30 главъ печатнаго сочиненія двѣ трети (21 глава) заимствованы изъ трудовъ Захарія Копыстенскаго (именно: 3, 17 — 19, 21 — 23, 25 — 28 гл. изъ «Палинодіи», 4—6, 9—10, 12—15 и 29 изъ «Книги о вѣрѣ»), четыре (2, 7, 8, 10) главы основаны на мысляхъ частію «Палинодіи», частію «Апокриса» и другихъ подобныхъ полемическихъ сочиненій, двѣ (11, 30) выписаны изъ унотребительныхъ тогда сборниковъ, одна (1) воспроизводитъ мысли «Книги о вѣрѣ» свящ. Василія Острожскаго и еще одна (24) взята изъ Синопсиса, напечатаннаго на польскомъ языкѣ въ Вильнѣ въ 1632 году (Игумена Нафанаила Книга о вѣрѣ, ея источники и значеніе въ исторіи южно-русской полемической литературы, со-

сходству и тождеству источниковъ, которыми пользовался Наѳанаилъ съ источниками «Кирилловой книги», и благодаря одинаковости историческихъ условій и цѣлей, при которыхъ явились эти источники, въ этихъ книгахъ много сроднаго. Вопросъ объ уніи крайне тяготилъ православныхъ. «Многіе отъ Православія въ зловѣріе уклоняются», «иные не знаютъ, въ чемъ православные рознятся отъ отпадшихъ», жаловался Наѳанаилъ. Грозила опасность и отъ протестантскихъ толковъ. Поэтому хотя прямою задачей автора было дать православнымъ какое-либо орудіе для борьбы съ латинствомъ и уніатствомъ, однако, «видя такую облагающую насъ бурю ругателей различныхъ и многохульныхъ супостатовъ», онъ долженъ былъ дѣйствовать и противъ протестантовъ. И среди главъ, направленныхъ противъ первыхъ враговъ, въ «Книгѣ о вѣрѣ» встрѣчаются уже во многомъ знакомые намъ южно-русскіе трактаты о почитаніи креста, образовъ, призываніи святыхъ, поминовеніи умершихъ и о постахъ. Всѣмъ этимъ трактатамъ снова придавалась особенная сила. «И о семъ досюда наши православные глаголы, да не прельщаютъ насъ нелѣпые еретическіе расколы во вѣки» [1], такими словами заключается книга.

Этотъ окончательный выводъ былъ тождественъ съ тѣмъ, что̀ нѣкогда высказалъ Грозный Рокитѣ; условія времени наложили на него лишь печать большей рѣзкости въ выраженіи. Независимо отъ обстоятельствъ, переживаемыхъ въ Малой и Бѣлой Россіи, въ Москвѣ съ послѣдними религіозными спорами близко совпали усиленныя старанія духовенства и правительства вынести кирки за черту столицы, затѣмъ были приняты мѣры къ ограниченію торговыхъ привилегій и мѣстъ жительства иноземцевъ, кончившіяся уничтоженіемъ англійской монополіи и выселеніемъ московскихъ иноземцевъ въ отдѣльную Слободу. Занося свѣдѣнія о спорѣ съ Вальдемаромъ въ первую же

общилъ Э. І. Калужняцкій, Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1886, IV. Нельзя не пожалѣть, что авторъ не зналъ брошюры г. Дементьева, а обоимъ имъ не была извѣстна обширная статья Н. Докучаева, О такъ называемой Книгѣ о вѣрѣ единой, Черн. Епарх. Извѣст. 1867, № 17 и слѣд.: работы ихъ получили бы тогда иной видъ).

[1] Л. 288; см. также конецъ послѣсловія, л. 289.

печатную полемическую книгу и тѣмъ косвенно подтверждая распространенную тогда мысль, что отъ королевича и его Нѣмцевъ, еслибъ онъ остался у насъ, «велика была бы бѣда, крамола и смута» вѣрѣ и государству, московскіе полемисты могли опираться и на признаваемыя самимъ правительствомъ неудобства даже отъ простыхъ и разрозненныхъ между собою помѣщиковъ-иновѣрцевъ: во сколько же разъ должны были осложниться затрудненія, когда бы компактная королевичева свита вторглась клиномъ въ правительственный классъ и поддерживалась властной рукой царскаго зятя! Если Михаилъ Ѳедоровичъ съ Филаретомъ Никитичемъ замѣтили, что у тѣхъ протестантовъ, у которыхъ живутъ русскіе люди, послѣднимъ нерѣдко чинились «тѣснота и оскверненіе»; то «Алексѣю Михайловичу», какъ сообщается въ правительственномъ указѣ (1653 г.), «вѣдомо учинилося, что они, некрещеные Нѣмцы, своимъ крестьянамъ чинили всякій налогъ и утѣсненіе въ нашей Православной христіанской вѣрѣ греческаго закона и крестьянскимъ душамъ многое оскверненіе, и многіе изъ крестьянъ безъ отцовъ духовныхъ, безъ покаянія помирали, и въ Великій постъ и въ иные посты мясо и всякій скоромъ съ ними, Нѣмцы, ѣли и съ ними неволею всячески пріобщалися и отъ святыни, по неволѣ отъ нихъ, Нѣмецъ, отлучалися». Извѣстный фанатическій поступокъ полковничихи Лесли только самый яркій примѣръ злоупотребленій помѣщичьей властью. Для прекращенія зла правительство не видѣло другаго лучшаго средства, какъ отобрать у протестантовъ-помѣщиковъ пожалованныя имъ помѣстья и впредь содержать служащихъ иноземцевъ на жалованьи [1].

«Неволя отъ Нѣмцевъ» появлялась тамъ, гдѣ былъ недостаточенъ правительственный надзоръ, чаще всего въ дальнихъ захолустьяхъ, и безпрерывно гнела въ областяхъ, оторванныхъ отъ государства къ лютеранской Швеціи. Тяжелыя обстоятельства склонили нашихъ при заключеніи Столбовскаго договора подчинить религіозные интересы политическимъ, почему неприкосновенность вѣроисповѣданія православнаго населенія Ингріи и Кареліи хотя въ немъ и подразумѣвалась, но не была прочно обусловлена какимъ-либо пунктомъ, опираясь на который московское правительство имѣло бы право требовать

[1] Гл. V, 335—337, 377; IV, 272; Полн. Собр. Зак. I, №№ 103, 113.

отъ шведскаго точнаго выполненія выговореннаго условія; мало того, пунктъ о взаимной выдачѣ перебѣжчиковъ оказался выгоднымъ для одной Швеціи, такъ какъ бѣжали почти только съ шведской стороны, и тѣмъ постоянно давался законный поводъ къ различнымъ домогательствамъ Шведовъ. Мы видѣли, что правительство Михаила Ѳедоровича, во время своей войны съ Польшей, вынуждено было, скрѣпя сердце, запрещать пріемъ и крещеніе перебѣжчиковъ. Бояре убѣждали также шведскихъ державцевъ, чтобы они, Шведы, нашихъ людей въ вѣрѣ не тѣснили и не гнали, иначе отъ нихъ поневолѣ будутъ бѣгать. Но это не рѣшало затрудненій. Чтобы спасти свои религіозныя убѣжденія и народныя особенности, православное населеніе жертвовало за рубежемъ всѣмъ своимъ имуществомъ. Ко времени Алексѣя Михайловича такихъ перебѣжчиковъ накопилось до пятидесяти тысячъ. Выполнить требованіе объ ихъ выдачѣ значило бы по взгляду нашего правительства завѣдомо отдать ихъ въ лютеранство, съ чѣмъ никакъ не могло мириться благочестивое православное чувство. Съ другой стороны, было бы безопасно поддерживать изъ-за нихъ нелады съ Швеціей. И шведскій резидентъ доносилъ королевѣ Христинѣ: «Здѣсь, въ Москвѣ, сообщаютъ мнѣ за вѣрное, что великій князь хочетъ обѣщать в. корол. величеству нѣсколько тысячъ человѣкъ въ помощь, когда в. к. в. пожелаете ихъ имѣть противъ своихъ враговъ, потому что ему невозможно возвратить всѣхъ перебѣжчиковъ» [1]. Посолъ окольничій Борисъ Пушкинъ уладилъ (1649 г.) въ Стокгольмѣ на томъ, что перебѣжчики выкупались нами за 190.000 рублей; часть выкупной суммы выплачивалась хлѣбомъ.

Хлѣбъ правительство положило отпустить изъ царскихъ житницъ во Псковѣ. Это породило недоразумѣнія и повело къ бунту. Вѣсти и бѣдствія перебѣжчиковъ до такой степени раздражали населеніе Новгородско-Псковской области, что оно смотрѣло крайне подозрительно на всякія дружественныя сношенія съ Шведами и его раздраженіе всегда было готово перейти въ дѣло. Въ свою очередь улаженіе спорнаго вопроса между Москвой и Стокголь-

[1] Донесеніе Поммеренинга отъ 9 февр. 1649 г., Стокгольмскій государственный Архивъ, отд. Muscovitica.

момъ было невыгодно для Польши, и она домогалась мѣшать миру. Во Псковѣ и Новгородѣ разсказывали, что въ Нейгаузенѣ у городскихъ воротъ прибитъ большой листъ нѣмецкаго письма, на которомъ «королева какъ жива сидитъ съ мечемъ въ рукахъ, а внизу подъ нею наклонясь стоитъ государь Алексѣй Михайловичъ, и ему, царскому величеству, всѣ поругаются». Ходили слухи, что бояре, окружающіе государя, Морозовъ и другіе, дружатъ Нѣмцамъ ко вреду Русскимъ, что Нѣмцы замышляютъ что-то недоброе; разные заѣзжіе «литовскіе люди» разглашали, что государь будто бы собирается въ Литву, впослѣдствіи они прямо увѣряли, что будто бы видѣли его на дорогѣ туда и что онъ почетно, «съ кресты, молебнымъ пѣніемъ и хлѣбомъ и солью», принятъ въ Варшавѣ литовскимъ королемъ. Тревога и подозрительность въ массѣ увеличивалась мѣстными условіями. Та же близость къ рубежу, которая создавала антагонизмъ къ Шведамъ, способствовала и къ обратному явленію. Нѣкоторыя лица уличены были въ лютеранскихъ убѣжденіяхъ. Новгородецъ Иванъ Козыревъ «лютеранствовалъ», и хотя онъ только «въ себѣ самомъ, а съ иными о томъ мало или и ничто разглагольствовалъ», патріархъ заточилъ его въ Соловецкій монастырь. Псковскаго гостя Ѳедора Емельянова псковичи обвиняли, что онъ принимаетъ къ себѣ иноземцевъ, «хвалитъ нѣмецкую вѣру и обо всѣхъ вѣстяхъ пишетъ Нѣмцамъ». Казалось подозрительнымъ и то, что полковникъ русской службы Краффертъ, сопровождавшій посла Пушкина, осматривалъ всѣ укрѣпленія во Псковѣ. Мѣстныя власти сердили населеніе благосклонностью къ иноземцамъ и разными поборами и неправдами.

Какъ только было узнано, что ѣдетъ изъ Москвы Нѣмецъ съ большой казной и что изъ псковскихъ магазиновъ велѣно давать хлѣбъ Шведамъ, естественно все объяснили здѣсь по своему: увидѣли измѣну, интриги, подготовлявшія отторженіе области къ Швеціи. Пронеслась молва, что лишь пройдетъ казна въ Шведскую землю, Нѣмцы на эти деньги наберутъ войско и подступятъ къ Новгороду и Пскову. Псковичи заволновались. У воеводы Собакина народъ потребовалъ (27 февр. 1650 г.) не выдавать хлѣбъ и укоряли его, зачѣмъ онъ, противъ царскаго указу, пускаетъ Нѣмцевъ въ городъ, именно на пиръ къ гостю Емельянову. О хлѣбѣ воевода сказалъ имъ, чтобы

они не совались не въ свое дѣло, а о пропускѣ Нѣмцевъ замѣтилъ: «для того я велѣлъ пускать Нѣмцевъ къ Емельянову, что онъ боленъ, изъ двора не выходитъ, а у него у Нѣмцевъ заторговано на государя золотыхъ много». На другой день шведскій агентъ Нумменсъ подвозилъ къ Пскову часть выкупныхъ денегъ, выданныхъ ему въ Москвѣ. Толпа напала на него, захватила деньги, била его. Въ свое оправданіе Нумменсъ изложилъ, какъ было дѣло, и просилъ пустить его повидаться съ Емельяновымъ; но упоминаніемъ объ Емельяновѣ еще болѣе раздражилъ толпу. Казну его сложили въ Снетогорскомъ монастырѣ, запечатали; самъ онъ былъ затѣмъ не разъ допрошенъ, пытанъ.

Волненіе разросталось и перешло въ Новгородъ, гдѣ была та же молва о хлѣбѣ и деньгахъ. По ошибкѣ принявъ проѣзжавшаго датскаго посла Краббе за Шведа, везшаго съ Москвы деньги, обобрали его, избили; взяли въ Земскую избу съ Любскаго двора пріѣзжихъ торговыхъ Нѣмцевъ; на Шведскомъ дворѣ захватила Нѣмчина, назвавшагося Аминевымъ, у котораго отобрали нѣсколько нѣмецкихъ писемъ, и онъ далъ за своей рукой сказки, что по прибытіи казны въ Шведскую землю Нѣмцы придутъ къ Пасхѣ подъ Новгородъ и Псковъ и что въ тотъ день велѣно хорошенько напоить горожанъ, чтобы попасть на пьяныхъ и взять города безъ бою. Гилевщики вышли изъ повиновенія: одни кричали: «государь не знаетъ, отпускаютъ казну бояре»; другіе шумѣли: «государь объ насъ не радѣетъ, деньгами подмогаетъ и хлѣбомъ кормитъ нѣмецкія земли»; не слушали мѣстныхъ властей и тѣхъ, кто стоялъ за порядокъ; напали на воеводу кн. Хилкова, избили митрополита Никона, укрывшаго воеводу. Въ Москву неслись жалобы и челобитныя. Для возстановленія порядка двинутъ былъ изъ Москвы военный отрядъ, подкрѣпляемый царскими грамотами. На челобитную новгородцевъ царь писалъ имъ: «Въ вашихъ челобитныхъ написано, чтобы нашей денежной казны и хлѣба въ Шведскую землю не пропускать: и мы, великій государь, съ Божіею помощію, вѣдаемъ, какъ намъ государство наше оберегать и править. По вѣчному докончанью съ шведскимъ королемъ надобно намъ отдать всѣхъ перебѣжчиковъ, а довелось тѣхъ перебѣжчиковъ православныхъ христіанъ въ шведскую

сторону отдать въ лютерскую вѣру съ 50.000 душъ, и мы велѣли за нихъ дать деньги 190.000 рублей, и въ то договорное число отпущено было съ Логиномъ Нумменсомъ только 20.000... Хотя бы вамъ въ хлѣбѣ и прямое оскуденіе было, такъ вамъ бы надобно было бить челомъ намъ, великому государю, и мы бы приказали привезти къ вамъ хлѣба. Пишете, чтобъ хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ продавать за рубежъ не велѣлъ, но тому статься нельзя, потому что между государствами обоюдной ссылкѣ и всякой торговлѣ какъ не быть?... А чтобъ шведскимъ нѣмцамъ идти подъ Новгородъ и Псковъ, и то нестаточное дѣло, потому что между нами и королевою вѣчное докончанье». На челобитную псковичей, въ которой они излагали вины воеводъ, иноземцевъ и др., государь отвѣтилъ: «Холопи наши и сироты намъ, великимъ государямъ, никогда не указывали, и вамъ надобно было челомъ бить до нынѣшняго смятенья, а самимъ не управляться... Крафферть у насъ въ вѣчномъ холопствѣ и подалъ намъ чертежъ, какъ укрѣплять Псковъ... Царю Ивану Васильевичу и отцу нашему служили цари и царевичи и король Магнусъ и многіе иноземцы». Отряду, посланному изъ Москвы, Псковъ оказалъ сопротивленіе. Никонъ совѣтовалъ государю поступить съ мятежниками возможно мягче, и волненіе мало-по-малу утихло. Псковичи писали потомъ Алексѣю Михайловичу: «отчина твоя псковское государство, будучи между католицы и лютеры, отъ всѣхъ прелестей, благодатію Божіею, заступленіемъ пречистыя Богородицы и молитвою псковскихъ чудотворцевъ, неподвижно стоитъ» [1].

Лишеніе служилыхъ иноземцевъ помѣстій и волненія въ пограничной съ Швеціей области должны были еще разъ показать иноземцамъ, какъ опасно для нихъ явно затрогивать религіозно-національное чувство Русскихъ. Ихъ вліяніе могло проникать инымъ путемъ. Московскій житель Ѳедоръ Шиловцевъ убѣдился, что иконамъ кланяться не подобаетъ, потому что Богъ на небѣ и всякому чело-

[1] Моск. Синод. библіот., рук. № 393 стар. кат., л. 101; М. Гл. Архивъ М. И. Д., 1650 г., св. 244, № 24, св. 248, № 64, св. 251, № 85. А. Арх. Эксп. III, № 155; Д. къ А. Эксп. V, стр. 9; Соловьевъ, изд. 3, т. X, 151—181. Olearius, 1656, 250—252, перев. 280—283.

вѣку можно видѣть «умными очами» тотъ образъ Божій; посаженный подъ началъ въ Чудовъ монастырь, онъ дошелъ до неистовства. Подъ началомъ сидѣлъ съ нимъ иноземецъ Крюковскій, у котораго онъ выпялъ квасу, и тотчасъ, по показанію Шиловцева, у него поднялся шумъ въ животѣ, и «чаетъ де, что въ тѣ поры онъ испорченъ»; когда затѣмъ онъ началъ читать новую Псалтырь, то предъ нимъ зашумѣло, какъ бы пролетѣлъ ангелъ или бѣсъ, подлинно не знаетъ, только помнитъ, что ангелъ велѣлъ ему снять образъ Пречистой Богородицы, потому что «непригоже образамъ кланяться», и онъ снялъ образъ и крестъ, положилъ ихъ на полъ, и крестъ началъ вспрядывать, и онъ на образъ и на крестъ ступилъ ногами....[1] Затѣмъ впалъ «въ иступленіе ума» стольникъ Григ. Милославскій, и его отослали (1665 г.) въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, чтобы тамъ привели его къ страху Божію[2]. «Умоповрежденіе» новгородца Ивашки Клеопина выразилось въ такой формѣ. По показанію свидѣтелей «забываться» онъ началъ на государевой службѣ, «отца своего роднаго и мать хотѣлъ саблею сѣчь, а брата своего посѣкъ саблею, иконы божественныя и книги словами безчестилъ и за людьми гонялся и въ лѣсъ бѣгивалъ и говаривалъ, что онъ, Ивашка, прощалъ и исцѣлялъ многихъ людей, надъ матерью своей родной хотѣлъ неистовое дѣло учинить и самъ ножомъ рѣзался, въ огонь бросался и платья на себѣ далъ; называлъ себя великимъ человѣкомъ царевичемъ». Ивашку поймали (1671 г.), когда онъ пробирался въ Польшу, и послѣ суда повѣсили[3].

Во всѣхъ этихъ «умоповрежденіяхъ» чувствуются признаки какого-то посторонняго вѣянія, которое однако раздувало лишь домашній пепелъ. Ѳедоръ Шиловцевъ хотя и утверждалъ, что онъ «попорченъ» въ ту пору, какъ напился квасу у сидѣвшаго подъ началомъ иноземъ-

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Приказныя дѣла, св. 231, № 112, г. 1651. «Распросныя и нытныя рѣчи Ѳ. Шиловцева». Дознанія о тѣхъ бесѣдахъ, которыя Шиловскій велъ съ иноземцемъ, въ этомъ дѣлѣ нѣтъ.

[2] Д. къ Акт. Ист. V, № 2.—Незадолго предъ тѣмъ отняты были (1661 г.) у астраханскихъ іеродіакона и дьячка какія-то «богоотступныя письма», по, повидимому, политическаго содержанія. Тамъ же, IV, № 99.

[3] Соловьевъ, изд. 3, т. XIII, 157—158.

ца, но еще ранѣе вотъ какія мысли занимали его. Недѣли за двѣ до отдачи его подъ началъ встрѣтился съ нимъ дьякъ Казеннаго приказа Захаръ Онуфріевъ. Разговоръ коснулся почитанія иконъ. Дьякъ сѣтовалъ, что въ Москвѣ продаютъ иконы въ томъ же мѣстѣ, гдѣ торгуютъ хлѣбами и калачами, «и ему, Ѳедькѣ, съ тѣхъ поръ вмѣстилось въ мысль о иконахъ, что не подобаетъ поклоняться». Померъ одинъ изъ близкихъ ему пріятелей, и отъ кручины по умершей «ходилъ онъ внѣ ума, и началъ мыслить о св. иконахъ, достойно ли поклоняться, потому что иконы пишутъ мужики простые и пьяные съ небреженьемъ и продаютъ на торгу просто». Въ праздникъ Ризы Господней, когда государь былъ въ соборѣ, «онъ, Ѳедька, началъ себѣ мыслить: какъ онъ деньги, которыя, будучи на Денежномъ дворѣ, кралъ, объявитъ и отдастъ, и государь вину ему проститъ и начнетъ его жаловать, и онъ, надѣяся на государеву милость, начнетъ государю говорить, что Богъ на небеси, а иконамъ достойно ли кланяться? Чтобъ государь велѣлъ свидѣтельство учинить, и будетъ достойно иконамъ поклоняться, и государь указалъ бы для иконъ устроить дворъ особый и писать тѣ иконы всѣмъ иконописцамъ справчиво, и приставилъ бы къ иконному дѣлу честныхъ людей».

Неизрядно написанныя иконы и способы ихъ продажи соблазняли тогда многихъ. Развивавшаяся эстетическая потребность побудила нѣкоторыхъ московскихъ живописцевъ при писаніи иконъ перенимать «манеру польскихъ и франкскихъ живописцевъ», и иконы, написанныя такимъ способомъ, назывались «новыми»; съ своей стороны иновѣрцы не замедлили, вмѣстѣ съ картинами и портретами, продавать Русскимъ различныя изображенія святыхъ. Красота рисунка и отдѣлки изображенія соотвѣтствовала вкусу нѣкоторыхъ Москвичей, одни хвалили, другіе покупали. Но если на произведеніяхъ русскихъ живописцевъ, по неумѣнью этихъ самостоятельно воспользоваться чужою техникою, могли оказываться слишкомъ рабскія подражанія чуждымъ образцамъ; то въ изображеніяхъ, сдѣланныхъ самими иноземцами, еще больше было такого, что невольно должно было служить къ соблазну религіознаго чувства Русскихъ, привыкшихъ видѣть иконы, написанныя на доскахъ и по старымъ образцамъ. Энергическій ревнитель греческаго стиля, патріархъ

Никонъ въ «новыхъ» произведеніяхъ церковно-религіозной живописи увидѣлъ явныя уклоненія въ латинскую сторону; п. Іоакимъ усмотрѣлъ здѣсь козни протестантовъ. Въ самомъ обществѣ высказывалось мнѣніе, что совсѣмъ не слѣдуетъ поклоняться иконамъ, писаннымъ иноземцами; но находились лица, особенно среди молодыхъ иконописцевъ, рѣзко оспаривавшія такое сужденіе. Въ отстраненіе недоразумѣній и религіознаго соблазна, духовною властію приняты были мѣры, чтобы удержать живопись подъ наблюденіемъ Церкви. Не препятствуя обученію русскихъ учениковъ у иноземныхъ художниковъ, Никонъ велѣлъ отобрать и уничтожить находившіяся въ русскихъ домахъ иконы, рабски написанныя по итальянской манерѣ, и вмѣнилъ живописцамъ въ обязанность брать за образецъ древнія иконы греческаго стиля. Патр. Іоакимъ вооружился собственно противъ печатныхъ картинъ, входившихъ въ употребленіе вмѣсто дорого стоившихъ живописныхъ образовъ, и писалъ (1674 г.), что «Нѣмцы еретики, лютеры и кальвины», не почитающіе св. иконъ, «въ посмѣхъ христіанамъ печатаютъ ихъ на бумагѣ неистово и неправо, на подобіе лицъ своей страны, въ одеждахъ своестрастныхъ нѣмецкихъ, а не съ древнихъ подлинниковъ, имѣющихся у православныхъ», и тѣмъ иконное почитаніе вводятъ въ презрѣніе. Духовнымъ пастыремъ строго запрещалось Русскимъ продавать и покупать такія еретическія иконы [1].

Ослабить у насъ ревность къ иконопочитанію, несомнѣнно, было въ интересахъ протестантовъ. Живописью, рисунками они любили тогда пользоваться для своихъ матеріальныхъ и политическихъ цѣлей [2]: могли примѣнить данное средство и для цѣлей религіозныхъ. Однако насколько съ разсчитаннымъ намѣреніемъ подъ благовидной внѣшностію провести свои религіозныя тенденціи они облекали почитаемыхъ Русскими святыхъ въ нѣмецкіе костюмы и рисовали ихъ

---

[1] М. Г. Архивъ М. И. Д., Приказныя дѣла, св. 231, № 112; Пав. Алеппскій, Опис. путеш. Макарія Антіохійскаго, рук. библ. М. Г. Архива, т. II, кн. IX. Акт. А. Эксп. IV, № 200; Востоковъ, Опис. рукоп. Румянц. Муз., 775—776; Соловьевъ, XIII, 158—159; свящ. П. Смирновъ, Іоакимъ, патріархъ московскій. М., 1881, 147, 151; пр. Макарій, XII, 169—171; Ѳ. И. Буслаевъ, Историч. очерки русской народной словесности и искусства. Спб. 1861, II, стат. Русская эстетика XVII вѣка. Ср. ниже, VIII гл.

[2] Гл. IV, стр. 297.

съ лицами нѣмецко-національнаго типа, этого мы не знаемъ. Иноземные мастера, обязанные, какъ увидимъ впослѣдствіи, обучать Русскихъ своему искусству, предлагали свои произведенія, часто болѣе красивыя по рисунку, и писали и печатали на листахъ по преимуществу собственно картины, въ западномъ стилѣ, которыя, въ отличіе отъ иконъ, употреблялись бы для «пригожества», украшенія. Мы увидимъ также прямыя заимствованія картинокъ изъ библій Лютера, Пискатора и другихъ московскими граверами лицевыхъ Апокалипсисовъ: тѣмъ естественнѣе была рабская зависимость отъ западныхъ образцовъ у живописцевъ и граверовъ иноземныхъ.

Если трудно утверждать что̀-либо положительное о пропагандическихъ тенденціяхъ въ живописи, за то вполнѣ извѣстны неумѣренныя мечты, соединяемыя нѣкоторыми изъ лютеранъ съ процвѣтаніемъ ихъ церковно-приходскихъ школъ. Припомнимъ, какія широкія надежды возлагалъ на лучшую изъ нихъ, бывшую при Бауманновской церкви, саксонскій герцогъ Эрнстъ и съ какими мыслями онъ посылалъ денежныя вспомоществованія на ея поддержку: обучавшіяся въ ней «обращенныя дѣти» служили бы потомъ «къ обращенію прочихъ, пребывающихъ въ темнотѣ», а отправляемыя деньги употреблялись бы «для увеличенія славы Вышняго и къ распространенію Его святаго слова». Эрнста интересовало количество обучавшихся въ ней лицъ другихъ исповѣданій, и настолько онъ былъ увѣренъ въ невыгодности для Русскихъ требуемыхъ имъ свѣдѣній, что просилъ доставить ихъ тайнымъ путемъ. Старшины общины въ своихъ письмахъ и доношеніяхъ льстили ему, хотя изъ постороннихъ въ ней обучалось лютеранскому Катихизису всего нѣсколько крѣпостныхъ турецкихъ и татарскихъ дѣтей, принадлежавшихъ нѣмецкимъ господамъ; напротивъ, вмѣсто орудія къ пропагандѣ лютеранства, она въ рукахъ нашего правительства, которое обратило не нее вниманіе, послужила, какъ увидимъ потомъ, къ учрежденію перваго придворнаго театра на западно-европейскій образецъ. Посылаемые въ нее русскіе мальчики учились собственно «комидійному дѣлу», и разыгрываемыя ими пьесы, имѣвшія, въ противоположность правоучительнымъ школьнымъ драмамъ Симеона Полоцкаго, по преимуществу веселый сценическій интересъ,

заключали въ себѣ и серьезное содержаніе и были пропикнуты мотивами общерелигіозными и эстетическими, одинаково важными для протестантовъ и для Русскихъ; смыслъ театра, управляемаго пасторомъ Грегори, заключался именно «въ нравоучительной идеѣ вообще о возвеличеніи смиренія и наказаніи за гордыню», и тѣмъ былъ очень близокъ къ тону и характеру тогдашней литературы. Самъ Симеонъ Полоцкій не считалъ неудобнымъ для себя брать сюжеты изъ комедій Грегори.

Эрнстъ видѣлъ также чуть не прямую «волю Божію» въ приглашеніи (1667—1668 г.) нашимъ правительствомъ отчима Грегори, доктора Блюментроста. Совсѣмъ не по простой заботѣ объ устройствѣ его положенія онъ, отпуская его въ Россію, выдалъ ему почетное свидѣтельство (3 генв. 1668 г.) и еще побудилъ саксонскаго курфюрста Іоанна Георга II рекомендовать его царю, какъ необыкновенно опытнаго и искуснаго врача: герцогъ ожидалъ, что Блюментростъ сдѣлается важнымъ орудіемъ лютеранской у насъ пропаганды. Высшіе представители у насъ западно-европейскаго научнаго знанія, придворные доктора, дѣйствительно, въ ту пору играли въ Москвѣ вообще замѣтную роль, такъ какъ въ вызовѣ ихъ изъ-за границы правительство постоянно наблюдало особенную разборчивость, приглашало наиболѣе извѣстныхъ, не жалѣя издержекъ; профессія, открывавшая имъ доступъ къ государю и виднымъ правительственнымъ лицамъ, иногда дѣлала ихъ тамъ весьма близкими людьми. Отъ вопросовъ о болѣзняхъ бесѣда нерѣдко переходила на другіе предметы, интимно-семейные, политическіе и даже религіозные. Роль въ этомъ отношеніи Бомелія, Якоба, Фидлера, Сибелиста намъ уже извѣстна; извѣстно также, что Годуновъ не чуждался разсуждать съ своими докторами о постороннихъ предметахъ, особенно о религіозныхъ; у лютеранъ не было кирки, и доктора выпросили у него позволеніе построить ее. И впослѣдствіи никто такъ часто не просилъ Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича о нуждахъ лютеранскихъ церквей и пасторовъ, какъ врачи. Они постоянно были вліятельнѣйшими носителями интересовъ протестантства въ Россіи. Къ нимъ, какъ къ компетентнымъ судьямъ въ дѣлахъ ихъ вѣры, само правительство обращалось иногда за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній о свойствахъ

религіозныхъ убѣжденій того или иного иноземца. О «меннстовой вѣрѣ», исповѣдуемой алхимикомъ Винансъ, дали заключеніе не пасторы, а врачи. Родственникъ пастора, Лаврентій Блюментростъ, отличавшійся религіозностію и познаніями въ церковно-религіозной области, могъ бы потому, казалось, оправдать надежды герцога. Но обстоятельства побуждали его вести себя осторожнѣе, чѣмъ другихъ докторовъ, и затѣмъ, умудренный опытомъ, онъ нашелъ надобнымъ, вмѣсто пропагандическихъ задачъ, буде дѣйствительно таковыя и имѣлись у него, позаботиться впослѣдствіи [1] объ умиротвореніи внутреннихъ неурядицъ въ средѣ самой Московской лютеранской общины.

По мысли и надеждамъ Эрнста, Блюментростъ долженъ былъ, повидимому, сдѣлаться только главнымъ руководителемъ и двигателемъ лютеранской пропаганды; съ нимъ и за нимъ должны дѣйствовать группы его соотечественниковъ. На дѣло распространенія «истинной религіи» Эрнстъ не разъ побуждалъ и ободрялъ Баумана. Лаврентія Рингубера, котораго онъ старался сдѣлать своимъ агентомъ у насъ по дѣламъ церковнымъ и общественнымъ, уполномочилъ [2] предложить правительству, не пригласитъ ли и не приметъ ли оно отъ герцога «математиковъ, рудознатцевъ, художниковъ, дорогознатцевъ и, если надобно, ученыхъ, которые сыновъ государей во ученіяхъ свободныхъ изучатъ». Такъ какъ религіозные мотивы у Эрнста слишкомъ преобладали надъ всѣми прочими, то трудно думать, чтобы онъ руководился здѣсь желаніемъ способствовать одному культурному развитію. Согласно, конечно, съ его желаніемъ былъ оказанъ затѣмъ тенденціозный пріемъ гонцу Сем. Мих. Протопопову, отправленному къ герцогу за разъясненіемъ поднятыхъ Рингубером вопросовъ. Въ Альтенбургѣ принимала Протопопова вдовствующая княгиня. Ему показали здѣсь придворную и соборную кирки, предлагали послушать церковное пѣніе и музыку. Въ знакъ удовольствія подъячій подарилъ дискантамъ по талеру и заявилъ, что охотно взялъ бы съ собою одного изъ

---

[1] «Памятники», I, № XIX; наши стат.: «Протестантство въ Россіи въ правленіе Софьи», Русск. Вѣстн. 1883, XI, 37—38, 44.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Саксонскія дѣла 1674 г.

мальчиковъ на обезпеченномъ содержаніи. За обѣдомъ онъ «хорошо» велъ богословскій разговоръ, поставивъ вопросъ: осужденные на Страшномъ судѣ будутъ ли зрѣть Господа или нѣтъ? доказывалъ, что не увидятъ Бога, велѣлъ принести красивую славянскую Библію и, къ удивленію присутствовавшихъ, легко находилъ тѣ мѣста, на которыя ссылался. Въ слѣдующее воскресенье онъ присутствовалъ до обѣда за богослуженіемъ, и когда потомъ ему объяснили, что происходило въ церкви, онъ будто бы замѣтилъ, что и въ лютеранствѣ добрый христіанинъ можетъ достигнуть блаженства души своей [1].

Съ нашими послами нерѣдко заговаривали на Западѣ о религіозныхъ предметахъ, и притомъ не безъ намѣреній выставить свои церковно-религіозныя особенности по сравненію съ грековосточными въ лучшемъ свѣтѣ и вызвать у гостей похвалу и сочувствіе чужимъ религіознымъ учрежденіямъ и обычаямъ. Московскіе дипломаты, владѣвшіе по преимуществу религіозною образованностію, съ любопытствомъ разсматривали показываемые имъ священные предметы или почитаемые таковыми, не отказывались и отъ бесѣдъ о церковно-религіозныхъ вопросахъ. Было обычнѣе это въ католическихъ странахъ [2], но не опускали благопріятнаго случая также протестантскіе государи и сановники. Сватовъ Михаила Ѳедоровича, кн. Львова съ товарищами, напримѣръ, подробно разспрашивали въ Даніи о Русской церкви и водили ихъ осмотрѣть придворныя достопримѣчательности и святыни [3]. Обращеніе вниманія Протопопова на лютеранскіе предметы отличалось лишь изъ ряда обыкновеннаго.

Что касается протестантскихъ богослововъ, то нѣкоторые изъ нихъ писали о нашемъ вѣроисповѣданіи спеціальныя сочиненія и диссертаціи или устраивались богословскіе диспуты. Произведенія теологовъ сосѣдняго съ нами Польско-Литовскаго королевства значительною долей были свя-

---

[1] Rinhuber, № XXVII. Въ своемъ Статейномъ спискѣ (М. Гл. Архивъ М. И. Д., Саксонскія дѣла 1674 г.) Протопоповъ, естественно, совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ.

[2] Гр. Толстой, Римск. катол. въ Россіи, I; проф. Брикнеръ, Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи въ XVII столѣтіи, Рус. Вѣстн. 1877, III—IV, VI.

[3] Гл. VI, 468, VIII, 632—633.

заны съ защитою миссіи Рокиты. Ковенскій пасторъ Павелъ Одерборнъ [1] и членъ евангелической общины Иванъ Ласицкій [2] не пожалѣли ѣд-

---

[1] Независимо отъ богословскаго трактата De Russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, victu, vestitu etc. deque Tartarorum religione ac moribus (первон. изд. въ 1581—1582 г. отдѣльно и въ сборникѣ Lasicius'a, 235—264) Oderborn'у принадлежитъ не разъ упоминаемое нами сочиненіе о Грозномъ (Joannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita. Witebergae, 1585), гдѣ подробно изложены и устныя пренія между царемъ и Рокитой. Ковенскимъ проповѣдникомъ Одерборнъ, впрочемъ, былъ случайно. По предположенію проф. В.Г. Васильевскаго (Польская и нѣмецкая печать о войнѣ Баторія съ Іоанномъ Грознымъ, Ж. М. М. Пр. 1889, I, 151), въ Ковно его вызвали не мѣстные протестанты, такъ какъ онъ едва ли зналъ по-славянски; всего вѣроятнѣе, онъ сопровождалъ въ Литву прусскій отрядъ, отправленный на помощь Стефану Баторію въ войнѣ московской. Самъ онъ сообщаетъ о себѣ, что послѣ того какъ нѣмецкія отряды были вывезены изъ Бѣлоруссіи и для охраненія занятой (1579 г.) области были оставлены одни пруссы, онъ, осужденный съ послѣдними на жительство въ «варварской» (и, прибавимъ, враждебной) странѣ, разгонялъ свою «душевную тоску» посѣщеніями «русскихъ поповъ», съ которыми чрезъ переводчиковъ велъ бесѣды о вѣрѣ и церкви. На основаніи разговоровъ и наблюденій у него составилось (1581 г.) сочиненіе о религіи Русскихъ, объ ихъ свадебныхъ и погребальныхъ обрядахъ, и о вѣрованіяхъ и правахъ Татаръ, написанное въ формѣ письма къ прежнему учителю автора, проф. Ростокскаго протестантскаго университета Давиду Хитрею, который, по своимъ отношеніямъ къ польскимъ и ливонскимъ событіямъ, былъ враждебно настроенъ къ Русскимъ и еще ранѣе (1663 г.) такой случай, какъ взятіе Полоцка войсками Іоанна, выставлялъ событіемъ горестнымъ для всей Германіи и всего христіанства (Тамъ же, 148—149, 152). Авторъ передаетъ не *мало свѣдѣній о русскихъ* вѣрованіяхъ и обычаяхъ, но «его рѣчь, какъ справедливо замѣчаетъ Рущинскій (14), непріятно поражаетъ читателя желаніемъ выставлять все въ дурномъ свѣтѣ», искаженіями фактовъ и искусственнымъ подборомъ «смѣшныхъ и нелѣпыхъ картинъ». Обстоятельства его службы и характеръ отношеній во многомъ объясняютъ и то, что во второмъ своемъ сочиненіи, о жизни Грознаго, гдѣ, между прочимъ, изложены пренія Рокиты, виденъ поклонникъ Баторія, старавшійся расположить общественное мнѣніе Европы въ пользу соперника Іоаннова, почему данное произведеніе носитъ въ себѣ по преимуществу политическій характеръ.—Затѣмъ Одерборнъ служилъ (Adelung, I, № 91) проповѣдникомъ въ Ригѣ (1587) и Митавѣ (1589 г.).

[2] Результатомъ его трудовъ былъ изданный имъ сборникъ «De Russorum Moscovitarum et Tartarorum religione» и проч. (Spirae, 1582), въ которомъ онъ

кости и желчи, чтобы очернить Грознаго и Русскихъ съ ихъ вѣрованіями и религіозно-церковными обычаями. Если у перваго изъ нихъ замѣтна политическая подкладка, то въ трудѣ втораго ясно вліяніе раздраженнаго чувства за неудачу, нанесенную царемъ Иваномъ Васильевичемъ попыткѣ къ религіозной пропагандѣ. Дѣла Грознаго не забыты были и ливонско-шведскими пасторами, но ихъ работы ближе стояли къ замысламъ лютеранской пропаганды въ русско-финскихъ областяхъ, отобранныхъ отъ Московскаго государства. Кромѣ извѣстнаго намъ «Краткаго изложенія и наставленія», написаннаго (ок. 1614 г.) шведскими придворными проповѣдниками Рубекомъ и Пальмой съ цѣлію вовлеченія въ лютеранство православнаго населенія въ Иванъ-городѣ и другихъ мѣстахъ, проповѣдникъ Густава Адольфа докт. Ботфидъ защищалъ въ Упсальской академіи свое небольшое богословское разсужденіе, на тему: «Христіане ли Русскіе?» [1] Этотъ вопросъ послужилъ предметомъ публичнаго пренія Генриха Стааля, нарвскаго суперъинтенданта въ Ливоніи, наиболѣе же подробную разработку онъ получилъ въ диссертаціи (1665 г.) Ив. Швабе [2], впослѣдствіи ревельскаго проповѣдника, читанной въ собраніи богослововъ Іенскаго университета, въ которомъ авторъ получилъ свое образованіе. Поставивъ данный вопросъ прямо для одного отдѣла книги, авторъ кос-

---

полемику Рокиты съ Грознымъ подкрѣплялъ своею апологіею противъ положеній и доказательствъ Грознаго и помѣстилъ богословскій трактатъ Одерборна и даже сочиненія Фабера, іезуита Скарги и др. католическихъ авторовъ, писавшихъ о Русской церкви.

[1] Joh. Bothvidus, Theses de quaestione: utrum Muschovitae sint christiani? (въ Имп. Публ. Библ. имѣется лейпцигское изданіе 1705 г.).—Выставленныя въ этомъ небольшомъ разсужденіи 50 положеній о вѣроисповѣданіи и богослуженіи Русскихъ авторъ, по незнанію русскаго языка, основываетъ на свидѣтельствахъ однихъ западныхъ писателей.

[2] Joh. Schwabe, Цурковь Московскій. Sive dissertatio theologica de religione ritibusque ecclesiasticis Moscovitarum. Jenae, 1665. Хотя объ этой диссертаціи упоминаетъ, впрочемъ, дов. неточно, г. Соколовъ (36 стран. примѣчаній, пр—ніе 38), однако это же именно сочиненіе нужно разумѣть, читая у него, что «Михаилъ (?) Граманъ (?), вмѣстѣ съ медицинскою докторскою диссертаціею, представилъ въ Кенигсбергскомъ (?) университетѣ диссертацію (?) о россійской религіи (?) въ 1651 (?) году» (тамъ же, пр—ніе 39). Обучавшійся

венно отвѣчаетъ на него и въ остальныхъ частяхъ ея, и въ общемъ произведеніе явилось самымъ полнымъ и ученымъ сочиненіемъ той поры о нашемъ вѣроученіи и религіозно-практической жизни. Желаніе одного Ливонца, Крамера, пріобрѣсти свѣдѣнія о религіи Русскихъ побудило президента Гессенскаго университета Михаила Сириція написать о ней (1661 года) особое историко-богословское изслѣдованіе [1]. Несмотря на то, что авторы единогласно должны были признать Русскихъ христіанами, это не мѣшало имъ одобрять православныхъ только въ тѣхъ случаяхъ, если приводили догматы и учрежденія, сходныя съ лютеранствомъ и отличныя отъ папства, и рѣзко осуждать и обличать при указаніяхъ разностей Православнаго исповѣданія отъ протестантскаго, съ своей предвзятой точки зрѣнія относя всѣ эти разности одинаково къ области «заблужденій», «суевѣрій» и т. п. Только скромно проживавшій въ Кёнигсбергѣ прежній виленскій пасторъ Ив. Гербиній, чуждый цѣлей политической и религіозной пропаганды и знакомый съ славянскимъ языкомъ, отнесся съ необычными для германо-протестантскихъ писателей спокойствіемъ и уваженіемъ къ Православію и сочувствіемъ къ Славянскому племени; но и онъ не могъ разстаться съ лютеранскою точкою зрѣнія въ сужде-

---

въ Германіи Іоаннъ Гартманъ Граманъ, сынъ служившаго у насъ доктора Гартмана Грамана, какъ извѣстно, присоединилъ къ этому сочиненію Швабе привѣтственные автору стихи, неблагопріятные для мнѣнія о Россіи, что и помѣшало ему потомъ возвратиться къ намъ. Рихтеръ (Ист. медиц. въ Россіи, II, 72), на котораго ссылается Соколовъ, прямо приписываетъ диссертацію «Швальбе», а «Іоанну Граману» только «поздравительное письмо», какъ это на самомъ дѣлѣ и было, а о племянникѣ Гартмана, Михаилѣ Граманѣ, сообщаетъ (стр. 71), что онъ «жилъ у дяди (1650) и получилъ въ сіе время отъ царя дозволеніе отправиться въ Германію, чтобы учиться медицинѣ; въ университетѣ Іенскомъ получилъ онъ степень доктора, и по прибытіи въ Россію (1667) принятъ въ царскую службу». Сообщеніе Рихтера, воспроизведенное въ его настоящемъ смыслѣ, не можетъ также служить основаніемъ къ разсказу г. Соколова (стр. 218) о томъ «напряженномъ вниманіи», съ какимъ до Петра Великаго выслушивались будто бы на Западѣ свѣдѣнія о Русской религіи «отъ искавшихъ ученыхъ степеней врачей».

[1] Mich. Siricius, Religio moscovitica. Giessae, 1661. Cramer потомъ издалъ его въ своемъ нѣмецкомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: Mosskowitischer Irr-Glaube. Giessen, 1662.

ніяхъ о нетлѣніи мощей и т. п. [1]. Источникомъ для названныхъ теологовъ почти совсѣмъ не служило личное наблюденіе надъ религіознымъ бытомъ Московскихъ людей—ни одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ Гербинія, за время своего странствованія по Ливоніи заходившаго въ пограничныя московскія Печеры, не былъ въ Московскомъ государствѣ: свои сужденія они обыкновенно основывали на разсказахъ другихъ лицъ или на сочиненіяхъ иностранныхъ писателей о Россіи.

Поддерживаемые общественнымъ интересомъ своихъ соотечественниковъ, иностранные протестантскіе писатели къ передачѣ о выполненіи своихъ политическихъ, торговыхъ и др. миссій и обрисовкѣ гражданскаго быта Россіи пріобрѣтали обычай присоединять все болѣе и болѣе данныхъ о вѣроисповѣданіи и церкви Москвитянъ. Внѣшняя, обыденная сторона нашего религіозно-церковнаго быта была доступна имъ. Въ противоположность отечественнымъ авторамъ, вниманіе которыхъ привлекалось главнымъ образомъ событіями выдающимися, посторонніе наблюдатели, мало знакомые съ прошлымъ народа, выросшіе въ иной средѣ, подъ вліяніемъ отличныхъ понятій, вѣрованій, условій, прежде всего заинтересовывались повседневнымъ, прямо бросавшимся имъ въ глаза, теченіемъ жизни, и они сообщали о немъ не мало свѣдѣній, имѣющихъ цѣну и интересъ и для современнаго историка. Но само собою разумѣется, что, не говоря о писателяхъ явно тенденціозныхъ, у кото-

---

[1] Joh. Herbinius, Religiosae Kijovienses cryptae, sive Kijovia subterranea Jenae, 1675. Характеристика и извлеченія у Новицкаго, Пасторъ Іоаннъ Гербиній, Вѣстн. Западн. Рос. 1871, IV; опроверженіе мнѣнія Рущинскаго (29) и Соколова (68), будто Гербиній нѣсколько разъ бывалъ въ Москвѣ, въ рецензіи проф. Малышевскаго, Церк. Вѣстн. 1884, № 26. Родомъ изъ прусской Силезіи, Гербиній во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ XVII в. занималъ должность ректора Стокгольмской лютеранской школы и находился въ знакомствѣ съ нашимъ Котошихинымъ; по указанію упсальскаго архіепископа былъ поставленъ (30 іюля 1672 г.) въ пасторы въ Вильно, куда пригласила его мѣстная нѣмецкая община и гдѣ прожилъ онъ съ небольшимъ два года, состоя въ дружественныхъ отношеніяхъ съ настоятелемъ Св. Духова монастыря Мартиніаномъ Волосовичемъ, который доставилъ ему возможность получить отъ кіевопечерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля нѣкоторыя письменныя свѣдѣнія о кіевскихъ пещерахъ. Принужденный удалиться изъ Вильно, онъ странствовалъ по Ливоніи, заходилъ въ пограничныя Печоры и въ Кёнигсбергѣ докончилъ свое сочиненіе.

рыхъ пристрастіе простиралось до озлобленія, авторы образованные и сравнительно безпристрастные не представляли объективнаго изложенія видѣннаго и слышаннаго: характеръ вѣроисповѣдной и національной субъективности отражался въ ихъ описаніяхъ, разсказахъ и особенно въ сужденіяхъ, такъ что мы чаще читаемъ здѣсь какъ бы исповѣдь иностранца, гдѣ раскрывается духъ страны или націи и характеръ среды, къ которымъ принадлежалъ авторъ, нежели получаемъ правильное понятіе о предметѣ. Они одобряли, касаясь сроднаго или такого, что̀ годилось къ дѣйствію противъ папства, и тотчасъ измѣняли тонъ, когда встрѣчали неудобное для нихъ. Безспорно, самый подготовленный изъ нихъ былъ Адамъ Олеарій. Важный недостатокъ, что онъ не владѣлъ русскимъ языкомъ и жилъ въ Россіи неподолгу, значительно покрывается его образованіемъ и рѣдкою наблюдательностію и тѣмъ, что онъ посѣтилъ Московское государство нѣсколько разъ въ разныя времена года, проѣхалъ его съ сѣверозапада до юговостока, повсюду вступая въ сношенія съ лицами различныхъ классовъ общества; надобныя ему свѣдѣнія онъ продолжалъ получать чрезъ московскихъ иноземцевъ и послѣ своихъ путешествій къ намъ. Магистръ философіи Лейпцискаго университета, знатокъ въ математикѣ, астрономіи, географіи Олеарій, по возвращеніи изъ миссіи былъ назначенъ придворнымъ библіотекаремъ герцога Фридриха; на новой должности онъ пополнилъ свои знанія по исторіи и литургикѣ, почему для втораго изданія (1656 г.) своего «Описанія путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію» ему удобно было воспользоваться также массою сочиненій прежнихъ писателей о Россіи и даже византійскими авторами [1], у которыхъ онъ старался найти или дополнительныя данныя, или объясненіе русскихъ религіозныхъ особенностей. Естественно, что онъ представляетъ наиболѣе обстоятельныя описанія и разсказы о гражданской и религіозно-церковной жизни и практикѣ, сопровождаемые историческими справками, къ которымъ однако относится критически, такъ что его трудъ но-

[1] Въ Catalogus Avtorum, помѣщенномъ въ предисловіи ко второму изданію, онъ приводитъ заглавія ок. 150 сочиненій, на которыя ссылается въ своемъ трудѣ. Большую часть произведеній онъ, конечно, нашелъ въ герцогской библіотекѣ.

сить на себѣ печать добросовѣстнаго и по мѣстамъ научнаго изложенія предмета. Согласно съ своей задачей дать «правдивое и точное описаніе видѣнныхъ странъ, областей и народовъ» авторъ смотритъ на Русскихъ безъ особеннаго предубѣжденія, съ похвалой отзывается объ ихъ храбрости, способности къ мастерствамъ и ремесламъ и желаетъ имъ успѣховъ въ просвѣщеніи. Но и у Олеарія напрасно было бы искать настоящей объективности въ изображеніяхъ и вѣрнаго толкованія одухотворяющихъ жизнь принциповъ. Если, вмѣстѣ съ послами, онъ находилъ естественнымъ предлагать и писать условіе о «смертной казни» для членовъ Голштинской торговой компаніи за привозъ въ Россію или держаніе у себя какого-либо «паписта»; то и главы о «вѣрѣ Русскихъ» онъ считаетъ надобнымъ начать рѣшеніемъ вопроса, какимъ ранѣе его задавались Ботфидъ и Сталь, т.-е. «христіане ли Русскіе?» Въ виду того, что «у Русскихъ есть существенное христіанства или необходимѣйшіе главные предметы христіанской вѣры», онъ, вслѣдъ за другими, рѣшалъ его въ положительномъ смыслѣ, и все же у него повсюду прилагается предвзятая исключительно нѣмецко-лютеранская мѣрка. Говоря, напримѣръ, объ иконахъ и поклоненіи имъ, онъ не только осуждалъ плохую живопись видѣнныхъ имъ образовъ, но готовъ былъ порицать стиль живописи и силился доказать излишность и неправильность самого иконопочитанія, какъ религіознаго догмата. Онъ смѣется надъ Русскими, зачѣмъ они не принимаютъ и не почитаютъ образовъ, писанныхъ иновѣрцами, «хотя бы иконы эти сдѣланы были изящно и искусно»—какъ будто въ области церковной живописи все значатъ ея внѣшняя техника и западные образцы. Строгій, безстрастный и возвышающій къ небесному византійско-русскій стиль Олеарію не понятенъ. Ему, какъ человѣку Запада, гдѣ искусство такъ часто подчиняетъ религію, въ церковной живописи, очевидно, болѣе нравились бы, выражаясь языкомъ ея современныхъ западныхъ цѣнителей, «чувственная прелесть и тѣлесная привлекательность»; какъ лютеранину, собратья котораго обзывали католиковъ и православныхъ идолопоклонниками, ему желалось бы вмѣсто иконъ встрѣчать простыя изображенія, картины. Тѣмъ менѣе поддавалось разумѣнію Олеарія вообще внутреннее достоинство и дѣйствительное значеніе встрѣчен-

наго имъ вѣроисповѣданія; для него оставался закрытымъ смыслъ даже современной ему церковной реформы Никона, производившейся въ духѣ Греко-восточной церкви и противника Никонова, московскаго протопопа Неронова, боровшагося за старообрядческія мнѣнія о двуперстномъ сложеніи и т. п., онъ сдѣлъ проповѣдникомъ противъ иконопочитанія.

Знакомя Западъ съ Русскою вѣрою и церковью, сочиненія теологовъ и путешественниковъ дѣлались извѣстными и въ Россіи, иноземцамъ и нашимъ. Члены Англійской торговой компаніи сами просили свое правительство запретить книгу Флетчера, чтобы она не навлекла на Компанію царскаго гнѣва [1]. Повидимому, у насъ были знакомы съ нѣкоторыми изъ свѣтскихъ сочиненій, и съ такими богословскими трактатами, какъ диссертація Швабе[2]. Сочиненія эти, конечно

---

[1] Adelung, I, № 95.

[2] Судя по рукописному экземпляру Н. Публичн. Библіотеки, полный русскій переводъ Олеарія былъ сдѣланъ еще въ XVII в., а можетъ быть, впрочемъ, и въ началѣ XVIII вѣка (Пекарскій, I, 339; Козубскій, Ж. М. Н. Пр. 1878, V, 14); Ю. Крижаничъ въ своей Политикѣ изобличалъ предъ Русскими произведенія Олеарія и др. Что касается собственно сочиненія Швабе, то московскіе дипломаты строго выговаривали за него шведскимъ посламъ въ годъ смерти Алексѣя Михайловича. Опираясь на 2 ст. Кардисскаго договора, они, конечно, могли опротестовать только заключающееся въ книгѣ безчестье великому государю, именно, что царь Иванъ Васильевичъ титулованъ въ ней всего «великимъ княземъ», обозванъ «тираномъ, мучителемъ, чудовищемъ человѣческимъ, звѣремъ свирѣпѣйшимъ» и приравненъ къ Герострату. «А сложилъ и строилъ злодѣйственнымъ своимъ вымысломъ ту книгу пашквиль», говорили окольничій Бутурлинъ съ товарищами, «королевскаго величества природной подданной Лифлянецъ колыванской житель Иванъ Шваба. Печатана та книга латинскимъ языкомъ, королевскаго величества въ городѣ Енѣ, а приписана та книга его королевскаго величества подданнымъ колыванскимъ начальнымъ людемъ. Неподобную хвалу тому злодерзому и судъ Божій и свою мѣру забывшему Швабѣ при томъ пашквилѣ сложили и виршами выдали королевскаго величества подданные, такіе жъ, какъ и онъ, Шваба, злодерзные люди, а именно: Георгій Гоезіусъ, Михайло Людовикусъ, Исакъ Годреусъ, Иванъ Гартманъ, которые къ тѣмъ виршамъ и руки свои приложили. Листъ къ тому невѣжѣ Швабѣ прислалъ за своею рукою, такъ же неподобную, какъ обычай хулящимъ добро творить, хвалу ему сплетчи, королевскаго величества докторъ Иванъ-Ернестъ Ергардусъ, королевскаго жъ величе-

имѣли больше значенія для самихъ иноземцевъ, поддерживая въ нихъ вѣроисповѣдную и національную обособленность. Въ порицаніяхъ, напримѣръ, обратившимся въ наше вѣроисповѣданіе и прославленіи тѣхъ, кто отказывался принять его, протестанты не могли не находить для себя опоры [1]. Кругъ Марселиса, дружественный съ Олеаріемъ и, нѣтъ сомнѣнія, имѣвшій его «Описаніе путешествія», гдѣ, между прочимъ; съ тенденціозною похвалою обрисована родственница Марселиса, Анна Бернзли, долго служилъ оплотомъ для тѣхъ протестантовъ, которые старались жить обособленно отъ Русскихъ и преслѣдовать среди нихъ свои цѣли. Но сочиненія западныхъ писателей не могли не производить своего дѣйствія и на Русскихъ людей. Разумѣется, какъ книги не дозволенныя для обычнаго чтенія и написанныя по преимуществу на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, онѣ были доступны очень ограниченному количеству лицъ. Это могли быть люди, стоявшіе ближе къ Посольскому, Иноземскому, Аптекарскому и т. п. приказамъ, въ которыхъ имѣлось дѣло съ иноземцами, да и они, за незначительными исключеніями, могли знакомиться съ содержаніемъ иностранной литературы чрезъ посредство лучшихъ новокрещеныхъ [2] или наиболѣе образованныхъ иноземцевъ. Непосредственно же

ства подданной и города Ены житель». Затѣмъ послы привели «невѣжественныя и злодерзостныя слова», которыми умалялась честь государя. (Проф. Е. Е. Замысловскій, Сношенія Россіи съ Швеціей и Даніей въ ц. Ѳедора Алексѣевича, Рус. Вѣстн. 1889, I, 13—14). Тонъ протеста однако показываетъ, что такія книги не могли быть у насъ дозволенными для чтенія. И не безъ причины въ числѣ книгъ самого Посольскаго приказа къ концу XII в. за исключеніемъ книги Антонія Поссевина, не было ни одного иностраннаго сочиненія о Россіи, хотя тамъ сохранилось даже не мало лютеро-кальвинскихъ и католическихъ богословскихъ книгъ (См. списокъ книгъ Посольскаго приказа отъ 1696 года, М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Посольскаго приказа, карт. I, № 1); едва ли простая случайность и то, что въ русской рукописи сочиненія Олеарія, имѣющейся въ И. Публ. Библіотекѣ, не достаетъ первой части и есть только послѣдняя, о путешествіи собственно въ Персію.

[1] Даже современные намъ протестантскіе историки приводятъ такія мѣста и отзывы съ особеннымъ удареніемъ и какъ несомнѣнныя. Brückner, Culturhist. Stud. II, 78—79; Fechner, I,131, 244—247; Dalton, 1887, I, 11—12.

[2] Не говоря о Посольскомъ приказѣ, куда заносились иностранныя сочиненія о Россіи и гдѣ важнѣйшими переводчиками чаще служили новокрещены, у

пользоваться ею были бы въ состояніи члены ученыхъ братствъ, Славенецкаго и другихъ, только братства эти очень мало интересовались сужденіями протестантскихъ писателей о Россіи: ихъ занимала литература о самомъ Западѣ, и притомъ латинская [1], или же они были поглощены внутренними дѣлами Московской церкви. За то эти лица, какъ сравнительно опытныя, подготовленныя, начитанныя, а иныя и научно образованныя, легко могли разобраться въ представлявшейся имъ массѣ указаній на темныя стороны церковно-практической жизни, отличить въ нихъ справедливые укоры и вѣрные совѣты, отстраняя при этомъ, какъ не нужное, чуждые и несвойственные намъ вѣроисповѣдные и моральные элементы. При всемъ томъ, нѣтъ фактическихъ данныхъ, чтобы у насъ принимались во вниманіе критическія сужденія протестантовъ при проведеніи той или иной правительственной мѣры въ области церковно-религіозной жизни. Какъ ни былъ поколебленъ нравственный авторитетъ Грековъ, въ данной области сохраняли свое значеніе указанія и мнѣнія представителей однихъ единовѣрныхъ церквей, съ которыми поддерживались самыя разнообразныя сношенія [2].

нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ имѣлись сочиненія иностранныхъ путешественниковъ. Въ библіотекѣ А. Виніуса были сочиненія Петрея, Олеарія и др. (Пекарскій, I, 208), хотя и неизвѣстно, съ какого года они поступили въ нее: быть можетъ, и позднѣе разсматриваемаго времени.

[1] См. заглавія книгъ, принадлежавшихъ Епифанію Славенецкому, Временн., 1850, V, отд. 3, стр. 73—85.

[2] Поэтому трудно говорить о широкомъ вліяніи протестантства на русскую религіозную и церковно-практическую жизнь, какъ то дѣлаетъ г. Соколовъ, который полагалъ даже, что самъ Никонъ приступилъ къ своимъ реформамъ «не безъ совѣта и одобренія лучшихъ просвѣщенныхъ людей изъ протестантовъ» (168). Допущенный имъ пріемъ, что «предположительный тонъ рѣчи измѣнялъ иногда въ положительный», по собственному сознанію автора (Чт. Общ. люб. д. просв. 1882, III, 126), должно считать «промахомъ», и, дѣйствительно, онъ не можетъ сообщить мыслямъ большой убѣдительности. Что касается, въ частности участія протестантовъ въ реформахъ Никона, то позволимъ себѣ сослаться на мнѣніе проф. С.-Петерб. Дух. Академіи прот. П. Ѳ. Николаевскаго, который лѣтъ 12 спеціально, по архивнымъ и другимъ источникамъ, изучаетъ патріаршество Никона для приготовляемой имъ докторской диссертаціи (см. нашу критич.

Произведеніе и вмѣстѣ отрицаніе католичества, протестантство, поднявъ на своей родинѣ религіозно-церковные, общественно-политическіе и частные интересы до крайняго возбужденія, разразившагося страстной борьбой и кровопролитіемъ, сдѣлало тамъ громадныя завоеванія, которыя однако быстро прекращались съ перенесеніемъ его на православно-русскую почву, оберегаемую Русскою церковью и московскимъ правительствомъ. Эпоха побѣдъ на Западѣ не сопровождалась пріобрѣтеніями въ Московскомъ государствѣ, гдѣ протестантство не основало ни одной своей общины изъ природныхъ Русскихъ. Тѣ немногіе протестантствующіе, которые замѣчались у насъ, насколько извѣстны ихъ религіозныя убѣжденія, не были безусловными приверженцами какого-либо протестантскаго толка и состояли главнымъ образомъ или изъ крестьянъ, отданныхъ помѣщикамъ Нѣмцамъ, или изъ немощныхъ тайныхъ послѣдователей прежнихъ домашнихъ религіозныхъ вольнодумцевъ, т.-е. изъ лицъ невѣжественныхъ и подвластныхъ, или и безъ того уже только по виду принадлежавшихъ къ Отечественной церкви. Подпадая вліянію протестантства, они, въ то же время, не выработывали какого-либо цѣльнаго религіозно-нравственнаго воззрѣнія, чаще всего обнаруживали самомнительность, небреженіе въ вѣрѣ и нравственную распущенность въ жизни. Подчинявшихся ему протестантское вѣроисповѣданіе обыкновенно демонализировало. Что касается православнаго населенія въ областяхъ, отобранныхъ Швеціей, то, вслѣдствіе шведско-лютеранскаго гнета, оно

статью въ Русск. Вѣстн. 1886, VIII). «Я не знаю», писалъ онъ намъ еще на дняхъ, «и нигдѣ не находилъ никакихъ данныхъ и указаній, чтобы протестанты вліяли въ церковныхъ дѣлахъ Никона. Первостепенное его дѣло, исправленіе книгъ, по тому плану, по какому онъ велъ его, задумано и намѣчено раньше его, дов. ясно высказано еще при Іосифовскихъ справщикахъ, оно до нѣкоторой степени высказано даже троицкими справщиками—Діонисіемъ архимандритомъ съ товарищами; и какая нужда была протестантамъ указывать на необходимость исправлять церковныя книги по первоисточникамъ?» Непосредственная зависимость Никона отъ дѣятельности предшественниковъ обстоятельно выяснена также въ указанномъ нами выше изслѣдованіи проф. Н. Каптерева; нельзя найти данныхъ, которыя подтвердили бы предположеніе г. Соколова, и въ критическомъ обозрѣніи литературы о Никонѣ, сдѣланномъ за послѣднее время проф. Нконниковымъ в ст. Новые матеріалы и труды о п. Никонѣ (Кіев. Унив. Извѣст. и отд.).

вынуждалось или утрачивать свою прежнюю вѣру и забывать о своей національности, или же спасать ту и другую тяжелой, непосильной борьбой и бѣгствомъ въ Россію. Образовательное вліяніе протестантство имѣло въ московскихъ предѣлахъ отчасти на однихъ тѣхъ, кто вступалъ съ нимъ въ борьбу и относился къ нему критически. Столкновенія и сопоставленія съ нимъ служили къ возбужденію умовъ, къ поднятію напряженныхъ учено-богословскихъ споровъ, интересовавшихъ иногда, какъ въ дѣлѣ Вальдемара, весьма значительныя массы, побуждали къ выясненію различныхъ, дотолѣ мало затрогиваемыхъ у насъ пунктовъ вѣроученія и церковной практики, при рѣшеніи которыхъ представители книжности, непосредственно противодѣйствовавшіе протестантству, обогатили отечественную литературу цѣнными для русскаго общества сочиненіями, которыя имѣютъ не одинъ богословскій интересъ. Содѣйствуя въ свое время разработкѣ догматики и полагая важныя начала къ развитію полемическаго богословія, знакомя насъ съ тогдашними взглядами на пришлое иновѣріе и способами борьбы съ нимъ, эти произведенія даютъ намъ ясное понятіе и о состояніи и характерѣ тогдашней учености; содержаніе ихъ отмѣчено такими подробностями, которыя любопытны и важны въ историко-литературномъ отношеніи. Припомнимъ «Отвѣтъ» Грознаго Рокитѣ или хоть мѣсто о храстіанборгской храминѣ въ «Изложеніи на лютеры» свящ. Ивана Насѣдки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда наши усмотрѣли, что протестантство въ догматическомъ отношеніи ниже католичества и его послѣдователи слабѣе католиковъ проникнуты духомъ религіозно-политической пропаганды, непосредственныя сношенія съ протестантами признаны менѣе опасными, и это тотчасъ же значительно упростило постановку вопроса о болѣе широкомъ заимствованіи нами отъ иноземцевъ дѣйствительно нужнаго и полезнаго для насъ. Принимавшіяся репрессивныя мѣры направлялись къ огражденію Русскихъ людей отъ соблазна посторонннимъ ученіемъ, а не къ стѣсненію пришлыхъ лицъ въ ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Чужое вѣроисповѣданіе, какъ субъективная стихія Германскаго племени, оставлялось при тѣхъ, чьей природѣ оно было сродно. Протестанты должны были служить у насъ передачѣ и разработкѣ того, что имѣетъ космополитическій характеръ.

ГЛАВА VIII.

ЗАКОННАЯ СФЕРА ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И ВЛІЯНІЯ ПРОТЕСТАНТОВЪ ВЪ РУССКОЙ СРЕДѢ.

Отношеніе Русскихъ къ западноевропейской культурѣ.—Примѣненіе въ Московскомъ государствѣ иноземческаго труда и знанія въ развитіи военнаго дѣла, промышленности, торговли и международныхъ сношеній.—Улучшеніе условій частнаго быта и житейской обстановки; развитіе искусствъ и высшихъ ремеслъ при помощи иноземцевъ.—Вліяніе Нѣмцевъ на просвѣщеніе, нравы и обычаи.—Юрій Крижаничъ о роли Нѣмцевъ.—Взглядъ на нихъ въ разныхъ слояхъ русскаго общества.—Окончательное рѣшеніе вопроса о пригодности у насъ протестантовъ.

Сфера дѣятельности и желательнаго вліянія протестантовъ была у насъ не религіозная, но житейско-практическая: иноземцы должны были помогать удовлетворенію возникавшихъ въ жизни политико-экономическихъ и культурныхъ потребностей государства, двора и отчасти общества [1].

---

[1] А. И. Пыпинъ, Московская старина. Гл. V, Вѣстн. Евр. 1885, VI; его же Иноземцы въ Московской Россіи, Вѣстн. Евр. 1888, I; А. С. Лаппо-Данилевскій, Иноземцы въ Россіи въ ц. Михаила Ѳеодоровича, Ж. М. Н. Пр. 1885, IX; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, XIII, гл. I; его же Сочиненія. Спб. 1882, стат. 4; A. H. Brückner, Culturhistorische Studien. II: Die Auslander in Russland im 17. Jahrhundert. Riga, 1878; его же, Zur Geschichte der Ausländer in Russland, Russische Revue, 1886, III. Первая изъ этихъ работъ проф. Брикнера вошла съ измѣненіями и дополненіями въ его недавно явившееся сочиненіе: Die Evropäisierung Russlands. Land und Volk. Gotha, 1888; подробныя рецензіи о послѣднемъ дали уже проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Ж. М. Н. Пр. 1888, VIII), Пыпинъ (В. Евр. 1889, I) и A. Peters (Russ. Rev. 1888, III). По мнѣнію проф. Бестужева-Рюмина, въ этомъ сочиненіи вопросъ разсматривается подъ угломъ зрѣнія «нѣмецкой науки» (415, 417), а г. Пыпинъ находитъ, что «авторъ, быть можетъ, дѣлаетъ слишкомъ большое удареніе на германскомъ мірѣ, сообщавшемъ Россіи начала цивилизаціи» (335). Свое сужденіе объ этомъ новомъ трудѣ мы выскажемъ въ приготовляемомъ нами разборѣ.—Другія изслѣдованія, по частнымъ вопросамъ, будутъ указаны нами ниже.

Ни по природѣ, ни по характеру дѣятельности не бывши страной «азіатской», Русь, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ географическихъ условій и тяжелыхъ историческихъ обстоятельствъ, невольно слишкомъ долго задерживалась въ своемъ культурномъ ростѣ. Одновременно ей было надобно и охранять свою политическую самостоятельность, безпрерывно напрягая свои силы и истощая себя на веденіе войнъ и содержаніе войска, и собирать около себя отдѣльныя русскія земли, чтобы сплотить ихъ въ одно цѣлое и крѣпкое государство. Тѣмъ, что вела многовѣковую борьбу съ разными, приходившими изъ Азіи кочевниками, Славяно-русская народность, безъ сомнѣнія, приносила существенную пользу Западной Европѣ, которая подъ русскою защитой отъ азіатскаго напора и опустошенія, занималась болѣе работою бѣлою, чистой, что облегчало ей сравнительно быстрое и безпрепятственное развитіе ея цивилизаціи; не говоримъ уже о томъ, что Западная Европа была прямою наслѣдницей культурныхъ достояній Римской имперіи. Но отъ этого еще пока было мало выгодъ для самой Россіи. Напротивъ, едва ослабила азіатскій напоръ и тѣмъ оказала Европѣ услугу, Московская Русь, въ пору первыхъ же своихъ настойчивыхъ запросовъ на усвоеніе нѣкоторыхъ принадлежностей западноевропейской культуры, испытала тяжелый разгромъ съ Запада, когда ей снова грозила опасность лишиться своей политической самостоятельности; защитивъ свою независимость, она должна была потомъ долго отдавать свои силы и средства на умиротвореніе государства и новыя войны изъ-за возврата и присоединенія южно-русскихъ областей и русско-финскаго прибалтійскаго побережья.

Тратя такъ много силъ и времени на тяжелую работу, Русь не утратила своихъ существенныхъ свойствъ. Народъ Арійскаго племени, этого любимца исторіи, народъ историческій, способный къ широкому развитію, конечныя границы котораго еще не намѣчены и доселѣ, народъ христіанскій, Русскіе постоянно носили въ себѣ задатки къ культурнымъ успѣхамъ. Безпрерывно борясь съ азіатскимъ Востокомъ, который никогда не считали образцомъ для себя, Русскіе, по мѣрѣ возможности, усвоивали достояніе Византіи; слившись христіанство, полученное изъ Греціи, съ понятіемъ о своей національности, и пріобрѣтя въ немъ весьма важное начало къ охраненію

національно-религіозной обособленности и независимости, съ какой бы стороны ни грозила этимъ опасность, вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣли въ немъ и связующее звѣно съ остальнымъ христіанскимъ міромъ, такъ что уже не могли не интересоваться прочими христіанскими народами и ихъ бытомъ, ихъ образованностію. «Какъ водится у другихъ?» повседневный вопросъ въ человѣческой жизни, задаваемый частными лицами и правительствами, пріобрѣталъ въ Россіи особенное значеніе. Въ силу закона преемственности образованія, который проходитъ чрезъ всю всемірную исторію, народы запоздалаго въ образованіи Сѣверовостока должны были ученически обращаться къ болѣе опытному и свѣдущему Западу, гражданственность котораго невольно рисовалась въ привлекательныхъ чертахъ. Естественно, что чѣмъ позднѣе, тѣмъ интересъ къ Западу у насъ возросталъ и расширялся. Преслѣдуя свои историческія задачи, Москвитяне думали и старались о томъ, чтобы получить оттуда не достававшее имъ и пріобрѣсть практическое умѣнье, которое способствовало западнымъ людямъ въ устройствѣ благосостоянія. Національная жизненность и сила, обнаружившіяся предъ тѣмъ въ борьбѣ съ Азіей и собираніи восточно-европейской земли въ одно государство, проявлялись теперь въ тяготѣніи къ тому образованію, которое развилось на Западѣ въ тяжкій періодъ нашего невольнаго застоя и усвоеніе котораго представлялось для насъ необходимымъ. Потому даже самая война съ западными сосѣдями изъ-за приморскихъ береговъ, столь важныхъ для дѣла культуры, не имѣла завоевательнаго характера и была неразрывно связана съ обезпеченіемъ условій правильнаго роста государства при непосредственномъ общеніи съ остальной Европой.

Объ учрежденіи свѣтской школы, которая приготовила бы своихъ научно-знающихъ и умѣлыхъ лицъ, своихъ техниковъ, инженеровъ, врачей и т. п., у насъ пока не могли хлопотать. Независимо отъ того, что составъ иноземцевъ, проживавшихъ въ Россіи, былъ таковъ, что у нихъ еле влачили свое существованіе одно-два элементарныхъ церковно-приходскихъ училища, а западныя государства, изъ-за понятныхъ разсчетовъ старавшіяся держать насъ въ черномъ тѣлѣ, обыкновенно только по необходимости отпускали къ намъ и простыхъ мастеровъ, которые, въ свою очередь, были

озабочены скрываніемъ отъ Русскихъ своихъ познаній и умѣнья, пудящая потребность въ правильно устроенной свѣтской школѣ, какъ общеобразовательной, такъ и профессіональной, развивается всегда уже послѣ продолжительнаго знакомства съ образованными народностями, послѣ ряда внѣшнихъ заимствованій у нихъ. Устроить подобную школу способны были одни западные иновѣрцы, а въ централизованномъ Московскомъ государствѣ за науку у нихъ могли приняться не ранѣе основанія своей высшей духовной школы, на обязанности которой лежало бы научно защищать религіозно-національные интересы, такъ какъ существовало опасеніе, что, въ противномъ случаѣ, съ западной наукой, съ обученіемъ у иноземцевъ ученики непремѣнно наберутся чужихъ вѣръ и чужой вольности, т.-е. ожидался вредъ религіознымъ и политическимъ воззрѣніямъ, составлявшимъ душу государственной жизни. Опасеніе находило себѣ поддержку въ такихъ фактахъ, какъ соблазны религіознымъ убѣжденіямъ Русскихъ, жившихъ у иноземцевъ, и печальная судьба посланныхъ для науки Годуновымъ за границу молодыхъ людей: изъ этихъ «первыхъ русскихъ студентовъ» только объ одномъ сохранилось смутное извѣстіе, что онъ воротился въ Россію, опредѣленный шведскимъ королемъ въ переводчики генералу П. Делагарди; прочіе погибли для своей родины. Объ отправленныхъ въ Англію «для науки латинскому, англійскому и иныхъ разныхъ нѣмецкихъ государствъ языкамъ и грамотѣ» и понадобившихся Михаилу Федоровичу «къ посольскому дѣлу» наши узнали, что «Англичане скрываютъ этихъ русскихъ людей и привели ихъ всѣхъ въ свою вѣру; одного изъ нихъ, Никифора Олферьева сына Григорьева, поставили въ попы (пасторы), и живетъ онъ у нихъ въ Лондонѣ, а другой въ Ирландіи секретаремъ королевскимъ, третій въ Индіи въ торговлѣ отъ гостей; Никифоръ за англійскихъ гостей, которые ходятъ на Русь, Бога молитъ, что вывезли его оттуда, а на Православную вѣру говоритъ многую хулу». Всѣ домогательства правительства о возвращеніи этихъ дворянскихъ дѣтей были напрасны: ни Англичане не отпускали ихъ, ни тѣ, очевидно, не желали возвращаться назадъ [1]. Въ Западной Европѣ, ведшей кровавыя религіозныя

[1] Bussow, 9, перев. 18; Сбор. И. Рус. Ист. Общ. XXXVIII, 424——425; Сѣверн. Архивъ, 1822, IV, 342—343, Карамзинъ, XI, пр. 126; Соловьевъ, изд.

войны, вѣроисповѣдные и политическіе элементы слишкомъ еще слабо отличались отъ дѣла культуры, и наши молодые люди, попавъ въ новую среду и лишившись сдерживающаго ихъ домашняго руководства, легко увлекались чужимъ до измѣны своему. Но не лучше случалось иногда и въ домашней сферѣ и даже нѣсколько позже прекращенія на Западѣ междоусобныхъ религіозныхъ войнъ. Сынъ знаменитаго дипломата А. Л. Ордина-Нащокина, учившійся у плѣнныхъ польскихъ шляхтичей, отъ которыхъ наслышался разсказовъ о прелестяхъ заграничной жизни и польской свободы, бѣжалъ изъ Россіи, и Алексѣй Михайловичъ, не имѣя возможности воротить его, утѣшалъ огорченнаго отца сравненіемъ сына съ птицей, «которая летаетъ туда и сюда, и, полетавъ довольно, опять къ своему гнѣзду возвращается» [1]. Понятно послѣ этого, что наши могли тогда воспользоваться лишь нѣкоторыми плодами западной образованности, брать ее, такъ-сказать, натурой. И Московская Русь, не усваивая самой западной науки, пыталась для своихъ практическихъ нуждъ примѣнить

4, VIII, 54, IX 80, 111, 169—170; А. Арсеньева, Исторія посылки первыхъ русскихъ студентовъ за границу при Борисѣ Годуновѣ. Спб. 1887. Всѣхъ было послано Борисомъ 18 человѣкъ, именно 5 въ Любекъ, 6 во Францію и 4 въ Англію. Послѣдніе были отправлены (1602 г.) съ Джономъ Мерикомъ, который нѣсколько ранѣе отвезъ чрезъ Архангельскъ изъ Россіи «за море Францовского Нѣмчина Жака Паркета, лѣтъ въ 18, да Англичанина Ульяна Колера, лѣтъ въ 15, робята молоди, а на Москвѣ учлись русскому языку». Этотъ примѣръ иностранцевъ, присылавшихъ къ намъ своихъ дѣтей учиться по-русски, вѣроятно, и увлекъ Бориса, почему наши дипломаты, прося Англичанъ о возвращеніи учившихся въ Англіи русскихъ дворянъ, могли представлять потомъ, что «съ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣста съ аглинскими гостьми малые робята для науки русскому языку и грамотѣ бывали и задержанья имъ и причины объ нихъ никакія не были: живутъ въ наукѣ лѣтъ по шти и десяти и пріѣзжаютъ и отъѣзжаютъ по волѣ». Впрочемъ, еще ранѣе Годунова, Иванъ Грозный посылалъ молодыхъ людей въ Германію учиться нѣмецкому языку и наукамъ; одинъ изъ нихъ жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, объѣздивъ всю Германію, но по возвращеніи въ Россію чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ за что-то казненъ государемъ. Сказанія кн. Курбскаго. Спб. 1842, 107.

[1] Проф. В. С. Иконниковъ, Ближн. бояр. Ав. Лавр. Ординъ-Нащокинъ, Русск. Старина, 1883, X, 41—42, и отд.

подготовленныхъ иноземцевъ, съ тѣмъ, чтобы эти лица доставляли намъ то, въ чемъ мы нуждались, и облегчали Русскимъ людямъ перенять доступныя послѣднимъ практическія мастерства, «разныя заморскія хитрости». Съ этимъ было тѣсно связано, какъ мы отчасти уже видѣли, самое появленіе у насъ западноевропейцевъ, сначала католиковъ, потомъ протестантовъ.

Соотвѣтственно съ сознаваемыми потребностями распредѣлялось примѣненіе иноземческаго труда и знанія.[1] Такъ какъ текущія нужды государства, гдѣ болѣе всего чувствовалась важность чужой помощи, вызывали потребность въ иностранной техникѣ, военной и промышленной, то здѣсь главнымъ образомъ излюбленные изъ иноземцевъ, «Нѣмцы»-протестанты, и находили у насъ себѣ службу. Военный строй,[2] созданный домашними средствами, былъ недостаточенъ для успѣшнаго выполненія выпадавшихъ на него задачъ, которыя все осложнялись. Первая энергичная попытка Русскихъ воротить себѣ уголокъ балтійскаго прибрежья, на опытѣ показавшая превосходство западнаго военнаго искусства и убѣдившая въ необходимости слѣдовать въ военной техникѣ западноевропейскимъ сосѣдямъ, совпала съ временемъ предпочтенія протестантовъ предъ католиками, и первоначальная проба подкрѣпить домашнія силы иноземными отрядами, набиравшимися изъ пришельцевъ югозападныхъ народностей, утрачиваетъ свою исклю-

---

[1] В. Ешевскій, Русскій народъ и государство. М. 1858; Соловьевъ, сочиненія, Спб. 1882, стат. 3 и 7; замѣтки объ иност. въ унив. курсахъ его же и проф. В. О. Ключевскаго.

[2] Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ, съ рисунками, составленное по Высочайшему повелѣнію. Спб. 1844, I, и прилож. къ нему Рисунки одежды и вооруженія, I; П. Бѣляевъ, О русскомъ войскѣ въ ц. Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ. М. 1846; Обручевъ, Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи, по 1825 годъ Спб. 1853; Устряловъ, Русское войско до Петра Великаго, въ Годичн. торжеств. актѣ въ И. Спб. унив. бывш. 8 февр. 1856. Спб. 1856; его же, Ист. П. В. II, гл. IV; П. Гудимъ-Левковичъ, Историческое развитіе вооруженныхъ силъ въ Россіи до 1708 года. Спб. 1875; П. Бобровскій, Переходъ Россіи къ регулярной арміи. Спб. 1885; и др.; Ѳ. Ласковскій, Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. 1858, I; работы А. Савельева и др.

чительную привлекательность. Иноземцевъ нанимали главнымъ образомъ на службу въ «нарядѣ», въ качествѣ пушкарей, а также строителей городоваго и засѣчнаго дѣла, и состовлялись изъ нихъ незначительныя отдѣльныя части пѣхоты; съ развитіемъ огнестрѣльнаго боя созданіе надежной пѣхоты получало даже большее значеніе, чѣмъ улучшеніе строя помѣстной конницы. Но въ Ливонской войнѣ Грозный опасался еще примѣнять плѣнныхъ, взятыхъ въ Ливоніи и Швеціи, и пользовался значительными ихъ партіями по преимуществу въ своихъ южныхъ и юговосточныхъ войнахъ. Офицерами къ нимъ Грозный обыкновенно назначалъ одноземцевъ, какъ непосредственно знакомыхъ съ ихъ языкомъ искусствомъ и нравами; высшее начальство принадлежало Русскимъ. Такіе отряды наносили Татарамъ чувствительный уронъ. Съ пользой назначались лучшіе офицеры и въ смѣшанные отряды. Извѣстный Георгъ Фаренсбахъ, командуя отрядомъ въ 7000 человѣкъ, подъ начальствомъ главнаго воеводы Воротынскаго, близъ Оки нанесъ непріятелю сильное пораженіе и своимъ мужествомъ и искусствомъ надолго остался памятнымъ у своихъ воиновъ.[1] При ближайшихъ преемникахъ Грознаго, Ѳеодорѣ и Борисѣ Годуновѣ, иноземная дружина, подъ вліяніемъ послѣдняго, пріобрѣтаетъ болѣе опредѣленную организацію, причемъ различные «Нѣмцы»: Ливонцы, Шведы, Голландцы, Датчане, Шотландцы и др., составляли въ ней замѣтный процентъ[2]. Получая отъ казны содержаніе денежными и помѣстными окладами, она находилась въ вѣдѣніи своихъ капитановъ. Изъ нея первый Са-

[1] Герберштейнъ, 78, 140; Горсей, Библ. д. чт. 1865, № 5, 48—49; Tiepolo въ Histor. Russ. Mon. I, 171—172; Schiemann, 58—60. Нельзя поэтому признать точнымъ мнѣніе Устрялова (58), долго поддерживавшееся другими изслѣдователями, что «первоначальное войско иноземнаго строя учреждено въ Россіи умомъ Бориса Годунова въ царствованіе Ѳеодора Ивановича»: оно было заведено ранѣе Годунова.

[2] Въ войскахъ Ѳедора Ивановича число наемныхъ пѣхотныхъ солдатъ изъ «иностранцевъ» Флетчеръ опредѣлялъ въ 4300 человѣкъ, изъ нихъ малороссійскихъ казаковъ («Черкасъ, подвластныхъ Полякамъ») ок. 4000, Голландцевъ и Шведовъ ок. 150, Грековъ, Турокъ, Датчанъ и Шведовъ одинъ отрядъ ок. 100; ихъ, добавляетъ Флетчеръ, употребляютъ только на татарской границѣ и противъ Сибиряковъ, между тѣмъ какъ Татаръ на противоположной границѣ, противъ Поляковъ и Шведовъ (Флетчеръ, О государствѣ Русскомъ. 54—55, 38). Margeret

мозванецъ набралъ себѣ три роты или сотни тѣлохранителей, создавъ было тѣмъ иностранную лейбъ-гвардію [1]. Смутное время разбросало иноземную дружину въ разныя стороны; доля ея, съ новыми дополненіями, находилась, впрочемъ, безъ особенной пользы, при Скопинѣ-Шуйскомъ [2], часть предалась второму Самозванцу; неоправдала ожиданій также попытка Шуйскаго воспользоваться большимъ шведскимъ отрядомъ Делагарди, и глава народнаго ополченія, князь Пожарскій, прямо отказывалъ иноземцамъ, предлагавшимъ ему свои услуги [3]. Убѣдивъ, что въ дѣлѣ защиты и спасенія страны наемные иноземцы ненадежны, Смутное время однако сильнѣе прежняго обнаруживало цѣнность войска, знакомаго съ западнымъ военнымъ искусствомъ, и правительство Михаила Ѳедоровича, продолжая вести оборону почти исключительно домашними силами, уже явно опасалось двигать свои арміи въ дальній походъ безъ посторонней помощи. Ко второй войнѣ съ Польшей, въ виду свойствъ національной пѣхоты, сносной для защиты, но не

(82, пер. 281—282), который самъ служилъ въ иноземскихъ отрядахъ Годунова, Черкасъ полагалъ до 4000 и «до 2.500 Нѣмцевъ, Поляковъ и Грековъ, съ окладами отъ 12 до 60 рублей, нѣкоторые капитаны ихъ получали до 120 рублей, кромѣ земли отъ 600 до 1000 четвертей».

[1] Эта стража составилась «изъ однихъ Нѣмцевъ», подъ начальствомъ троихъ капитановъ, говорившаго по-нѣмецки Француза, католика Якова Маржерета, Курляндца Матвѣя Кнультсена и Шотландца Альберта Вондмана. Bussow, 39—40, пер. 51—52; Petrejus, 1620, 322—323, пер. 211; Паерле, 180; Де-Ту, 343 (пер. Устрялова, изд. 3, I); Рус. Ист. Библіот. I, 420.

[2] Его сборное войско, по современнымъ отпискамъ, состояло, между прочимъ, изъ «Нѣмецкихъ ратныхъ людей Свитцкія земли, Цесаревы области, и Аглинцовъ, и Фрянцовъ, и Скотъ, и Любчанъ и иныхъ земель». Сборникъ кн. Хилкова. 109.

[3] Въ августѣ 1612 г., изъ лагеря подъ Троице-Сергіевымъ монастыремъ, онъ писалъ иностраннымъ офицерамъ Фрейгеру, Эстону, Гилю и другимъ, что русскіе служилые люди «за святыя Божіи церкви, и за Православную нашу крестьянскую вѣру, и за свое отечество» бьются «безъ жалованья», и «мы, добавлялъ князь, чаемъ мудраго въ Троицѣ славимаго Бога нашего милости, оборонимся отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей сами, Россійскимъ государствомъ, и безъ наемныхъ людей». С. гос. гр. и дог. III, № 285.

для внѣшней войны, оно рѣшило послѣдовать примѣру Шуйскаго, нанять до 7000 охочихъ Нѣмцевъ въ полномъ вооруженіи и снарядило съ этой цѣлію полковниковъ Александра Лесли, фанъ-Дама и другихъ. Неудача подъ Смоленскомъ обнаружила, что иноземныя массы, не надежныя при защитѣ государства, мало полезны и въ наступленіи, несмотря на то, что обходились очень дорого: навербованные изъ кого попало, ничѣмъ не связанные съ государствомъ, кромѣ добычи и корыстныхъ разсчетовъ, эти пришлые отряды вели себя крайне буйно, на войнѣ слабли отъ неумѣреннаго дезертирства, и отъ полковниковъ нельзя было даже добиться того, сколько на лицо подъ ихъ командой людей. Тогда правительство расплатилось съ ними по условію и пожаловало высшихъ офицеровъ особыми грамотами, въ родѣ рескрипта, гдѣ восхвалялась ихъ служба и сулился имъ свободный въѣздъ въ Россію, если бы кто изъ нихъ пожелалъ возвратиться на государеву службу. Но здѣсь былъ простой разсчетъ, чтобы безъ надобности не раздражать иноземцевъ: изъ тѣхъ, которые потомъ возвращались, приняты у насъ немногіе. Въ сущности это была послѣдняя попытка правительства вызывать ихъ на короткій срокъ и цѣлыми полками. Сама собою возникла и созрѣвала мысль, что несравненно цѣлесообразнѣе нанимать ихъ ограниченными группами, на значительные сроки и по возможности въ качествѣ инструкторовъ. Почти совсѣмъ отказываясь отъ призванія иноземныхъ солдатъ, изъ которыхъ выбирали немногихъ и искусныхъ, думали удовлетвориться по преимуществу чужими офицерами, чтобы при ихъ помощи завести собственные полки, обученные по иностранному.

Еще когда полки Лесли собирались въ Москвѣ и имъ устраивались здѣсь смотры и экзерциціи въ присутствіи русскихъ воеводъ, послѣдніе старались подмѣченное примѣнять къ своимъ полкамъ, и тогда же было рѣшено набрать нѣсколько полковъ пѣшихъ и конныхъ изъ дворянъ и разнаго рода охочихъ и даточныхъ людей, которые были ввѣрены иностраннымъ офицерамъ для обученія ихъ ратному дѣлу. Такъ, въ отличіе отъ войскъ русскаго строя, явились русскія войска иноземнаго строя, полки солдатскіе (пѣхотные), драгунскіе и рейтарскіе (конные). Подъ Смоленскомъ было уже нѣсколько такихъ полковъ съ иностранной командой [1]. Ихъ можно было двигать

[1] Акт. Арх. Эксп. III, №№ 206, 223, 224, 239, 246; А. Поповъ, Изборн-

противъ западныхъ сосѣдей гораздо смѣлѣе, и при Алексѣѣ Михайловичѣ, который рѣшалъ малороссійскій вопросъ и пытался рѣшить бѣлорусскій и ливонскій, новое учрежденіе развивается и принимаетъ обширные размѣры, чему, кромѣ сознаваемой у насъ потребности, способствовали перевороты въ Англіи, выбрасывавшіе недовольныхъ за предѣлы отечества, и окончаніе Тридцатилѣтней войны, послѣ которой тысячи военныхъ сдѣлались дома совсѣмъ лишними, скитались по Германіи безъ дѣла и денегъ и искали наживы въ войнѣ. Если наши послы, Ив. Дан. Милославскій (1646 г.), кн. Д. Мышецкій (1657 г.) и др., хлопотали въ Голландіи, Даніи и Германіи надъ приглашеніемъ офицеровъ и искусныхъ солдатъ, то еще болѣе являлось къ намъ безъ нарочитаго приглашенія, причемъ въ томъ и другомъ случаѣ не приходилось быть намъ требовательными [1]. Офицерами въ полкахъ иноземнаго строя назначались по преимуществу иностранцы, или прежніе, изъ распущенныхъ дружинъ, или вновь пріѣзжавшіе по вызову и безъ вызова правительствомъ.

Иноземцы скоро подмѣтили благопріятное для инструкторовъ измѣненіе удобствъ службы въ этихъ новыхъ полкахъ. Оно находилось въ тѣсной связи съ признаніемъ пользы, приносимой ими. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича шведскій резидентъ еще могъ отписать своему правительству: «Иноземныхъ какъ шведскихъ, такъ и нѣмецкихъ офицеровъ здѣсь (въ Московскомъ государствѣ) довольно много, но пол-

---

никъ, 316; Рус. Ист. Библіот. I, ст. V; Н. Бранденбургъ, Очерки состоянія военнаго дѣла на Руси въ половинѣ XVII вѣка, Воен. Сборн. 1869 г.; наше изслѣдован.: «Обрусѣніе иноземцевъ-протестантовъ въ Моск. госуд.», 41 и слѣд. — Хотя число иноземцевъ, участвовавшихъ въ Смоленскомъ походѣ, съ точностію неизвѣстно (Olearius, 1647, 131, полагалъ ихъ до 6.000 человѣкъ, цифра едва ли не преувеличенная. См. Соловьева, IX, 390), но достовѣрно, что во время капитуляціи находилось восемь «нѣмецкихъ» полковниковъ, не считая убитаго предъ тѣмъ Сандерсона (А. А. Э. III, стр. 374; Р. И. Библ. I, 751—754): отсюда ясно количество полковъ иноземныхъ и русскихъ иноземнаго строя.

[1] На сколько немногосложныя знанія требовались отъ иноземцевъ, поступавшихъ къ намъ даже въ званіи офицеровъ, и въ какой мѣрѣ и эти свѣдѣнія часто не соотвѣтствовали претензіямъ нанимавшихся, всего яснѣе показываетъ описаніе смотра и набора Милославскимъ. Соловьевъ, изд. 3, X, 307—308. Отзывы Фарбера и Гордона объ инструкторахъ нами приведены уже выше, IV, 280.

ковники всѣ трое Шотландцы, а именно Александръ Краффортъ (A. Craffort), Александръ Гамильтонъ (A. Hamilton) и Мункъ Кармикель (Munke Karmickel). Они получали прежде одинаковое жалованье: первый 50 рублей, второй 30, третій 15 рублей въ мѣсяцъ; но такъ какъ оба старшіе получили помѣстья, то имъ теперь совсѣмъ не выдается денегъ, и они живутъ въ этихъ своихъ помѣстьяхъ, а Кармикель находится постоянно въ Москвѣ. Изъ всѣхъ иноземныхъ офицеровъ ни одинъ не имѣетъ подъ своимъ начальствомъ войскъ, пока не приходится выступать въ походъ, тогда только собираются или вербуются и даются имъ войска» [1]. Обусловливалось послѣднее не однимъ тѣмъ, что у насъ собственно еще не было настоящей регулярной арміи и что сами иноземные офицеры, предпочитавшіе жить въ помѣстьяхъ или даромъ получать жалованье, чѣмъ служить въ строю и заниматься обученіемъ, не любили, а многіе и не были въ состояніи развивать у насъ мысль о важности и необходимости арміи постоянной и о тѣхъ улучшеніяхъ, какія, съ легкой руки Густава Адольфа, вводились въ войскахъ западныхъ: были тому и другія причины. Тотъ же Поммеренингъ отписалъ года чрезъ два: «Такъ какъ 2000 дворянъ-рейтаръ Букговена никоимъ образомъ не хотятъ позволить командовать собою голландскимъ и вообще иноземнымъ офицерамъ, которыхъ они называютъ некрещеными (odöpte) и о которыхъ отзываются, что они сами большею частію не служили, и бывшіе подъ Смоленскомъ понимаютъ больше ихъ, то ежедневно упражняются 200 рейтаръ, изъ числа упомянутыхъ 2000, чтобы они могли потомъ обучать своихъ товарищей и другихъ и командовать ими» [2]. Но уже Мейербергъ отмѣтилъ (1662 г.), что русскіе «не отказываютъ въ повиновеніи иностраннымъ начальникамъ», и объяснялъ это «дознанной доблестью» послѣднихъ, а пасторъ Грегори увѣрялъ, что солдаты гораздо охотнѣе

---

[1] Донесеніе Поммеренинга отъ 15 сент. 1647 г., въ Стокгольмскомъ Государственномъ Архивѣ, въ отд. Muscovitica. Всѣхъ «нѣмецкихъ» офицеровъ вмѣстѣ съ рядовыми Фарберъ полагалъ тогда до 500 человѣкъ. Сѣв. Архивъ, 1822, I, 157.

[2] Донесеніе Поммеренинга отъ 22 ноября 1649 года. Букговена (Buchhofuen) онъ называетъ голландскимъ полковникомъ.

сражались подъ нѣмецкой, нежели русской командой, и видѣлъ въ этомъ «особенное устроеніе Божіе». Не долюбливая самыхъ людей, наши, очевидно, цѣнили въ нихъ степень знанія и искусства. Кромѣ «множества» подполковниковъ, майоровъ, капитановъ и прапорщиковъ, Мейербергъ засталъ въ нашихъ войскахъ болѣе 100 иноземныхъ полковниковъ и 4 генераловъ; всѣмъ имъ, по его словамъ, государь не тяготился платить жалованье даже и за даромъ въ мирное время, чтобы имѣть ихъ всегда на лицо при неожиданно наступившей войнѣ; многіе изъ нихъ только жаловались, что легче поступить на службу, чѣмъ получить отпускъ на родину: теперь ихъ удерживали всевозможными способами [1]. Иноземные инструкторы посылались и въ отдаленныя отъ Москвы области [2], въ Старорусскій уѣздъ, въ Заонежье, Томскъ, Сѣвскъ и проч., и такимъ образомъ рядомъ съ національнымъ войскомъ повсемѣстно мало-по-малу развивалось устроенное по западноевропейскому образцу. Частъ новаго войска была организована въ видѣ военныхъ поселеній на шведской границѣ, изъ перебѣжчиковъ и сельскихъ жителей, и въ югозападной Украйнѣ, по границѣ съ Татарами.

Для обученія пользовались нѣкоторыми иностранными военными сочиненіями. Составленный преимущественно по «Военной книгѣ» Фронспергера, «Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки», явившійся въ первой четверти XVII вѣка, заключалъ въ себѣ правила о походѣ войска и осадѣ городовъ, о приготовленіи пороха, селитры и т. п. [3] Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ издать переведенный до него строевой уставъ, подъ заглави-

---

[1] Мейербергъ, 177, 180. Rinhuber, 11. Ср. Котошихина, IX, стат. 2.— Иностранными военными начальниками Мейербергъ, конечно, считалъ и тѣхъ изъ нихъ, которые приняли Русское вѣроисповѣданіе. Несмотря на многочисленность иностранныхъ военныхъ начальниковъ, нуждается однако въ документальномъ обоснованіи сообщеніе (Устряловъ, 68; Иконниковъ, Рус. Стар. 1883, X, 34), что при Алексѣѣ Михайловичѣ полковники солдатскихъ и рейтарскихъ полковъ были почти исключительно иноземцы, при каждомъ изъ нихъ находилось 33 человѣка офицеровъ, также большею частію иностранцевъ.

[2] А. Ист. IV, № 39, Доп. къ Акт. Ист. III, 49, 65, IV, 128, и др.

[3] Взявъ за образецъ Kriegs Buch Fronsperger'a, издан. въ 1574 г., переводчики Посольскаго приказа Михаилъ Юрьевъ и Иванъ Ѳоминъ, по желанію М.

емъ «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей» (М. 1647 г.) [1]. Руководство представляло переводъ устава Карла V съ незначительными измѣненіями; сопровождавшіе его чертежи продавались и отдѣльно, чтобы солдаты могли покупать и имѣть при себѣ. Мысли и правила, заимствованныя у иностранцевъ, изложенныя въ этомъ и другихъ руководствахъ, передавались нашимъ почти безъ всякой предварительной обработки; инструкторы мало думали о доступности и дѣйствительной надобности сообщаемаго; немногіе изъ нихъ владѣли научными знаніями военнаго искусства, и каждый полковникъ обыкновенно обучалъ по своему разумѣнію, безъ общей, обязательной для всѣхъ системы. Самые переводы военныхъ сочиненій изготовлялись въ ту пору, какъ эти руководства уже старѣли и замѣнялись другими. Уставъ Карла V, изданія 1615 г., переведенъ былъ, когда на Западѣ повсюду уже рѣшительно приступили къ преобразованію военнаго дѣла. Естественно, что у насъ было многое не взято изъ того, что̀ сдѣлано въ Европѣ для поднятія военнаго искусства. «Опыты Тридцатилѣтней войны въ Германіи», отзывается, впрочемъ, строго, современный намъ изслѣдователь, «давшіе сильный толчекъ къ улучшенію способовъ содержанія войскъ въ военное время и къ устраненію поводовъ къ столкновеніямъ между гражданами и войсками по поводу насильственнаго добыванія корма одними и защиты своей собственности другими, оставались въ Россіи тогда не замѣченными; наступившая продолжительная война за Малороссію, спустя пять лѣтъ послѣ созданія Соборнаго Уложенія, обнаружила полную несостоятельность существовавшихъ у насъ за-

---

Скопина-Шуйскаго, сготовили въ 1607 г. «Воинскую книгу», которую потомъ, къ 1621 г., дополнилъ новыми переводами и извлеченіями изъ иностранныхъ книгъ переводчикъ Описимъ Михайловъ. Дополненіе и было «Уставомъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ». Хотя и видно вліяніе его еще на Смоленскомъ походѣ 1632 г., однако рукопись издана Рубаномъ только въ 1777 и 1781 гг. по экземпляру, найденному въ Московской Оружейной Палатѣ. Обручевъ, 21—27, Бобровскій, 131 и д.

[1] Изд. въ 224 листа, въ томъ числѣ 35 таблицъ. Обручевъ, 29 — 45; А. Родосскій, Каталогъ старопечатныхъ книгъ библіотеки Санктпетерб. Дух. Ак., № 605; остальная литература о книгѣ у Каратаева, № 629.

коновъ для предотвращенія безпорядковъ и злоупотребленій по довольствію войскъ, поставленныхъ въ зависимость отъ всѣхъ случайностей войны... Дворянская конница не была въ состояніи выдерживать продолжительной войны... Солдатскіе полки, составленные изъ даточныхъ поселянъ, подъ командою иноземныхъ начальниковъ и офицеровъ, были безнадежны для военнаго дѣла, потому что разбѣгались при самомъ началѣ кампаніи, а оставшіеся въ строю гибли отъ неустройства и недостатка въ продовольствіи. Послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій, остатки солдатскихъ полковъ распускались, власть полковниковъ и офицеровъ прекращалась, люди становились опять пахарями. Роль людей, бывшихъ то воинами, то поселянами, теперь, во второй половинѣ XVII столѣтія, имѣла весьма вредное вліяніе на военный духъ и на самый успѣхъ военнаго дѣла» [1]. Главною виною слабости войска, проявлявшейся особенно въ продолжительныхъ походахъ, служила система его содержанія и замедленіе въ реорганизаціи его въ регулярную армію; тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что заботы правительства, чтобы иноземцы обучали неоплошно, не остались безъ послѣдствій: солдаты умѣли владѣть мушкетомъ, рейтары—карабинами и пистолями, явились справные артиллеристы, подъ указаніями военныхъ инженеровъ русскіе научались выполнять разныя крѣпостныя и другія работы, такъ что иностранные писатели-очевидцы начали отзываться о нашихъ войскахъ съ похвалой [2]. Были уже между нашими государственными людьми лица, какъ Ординъ-Нащокинъ, которые вполнѣ сознавали необходимость устроить военныя силы вполнѣ сходно съ образцами западноевропейскихъ государствъ, имѣть войско постоянное и иначе обставленное въ спосо-

---

[1] Бобровскій, 137, 108—109. Впрочемъ, и у нашихъ сосѣдей были дѣла совсѣмъ не въ образцовомъ порядкѣ: воевавшій съ нами польскій король Янъ Казиміръ къ концу войны не имѣлъ почти ни одной устроенной арміи. Тамъ же, 118.

[2] Рейтенфельсъ (ок. 1673 г.) находилъ ихъ даже равными лучшимъ войскамъ Европы и думалъ, что они едва ли не превзошли своихъ нѣмецкихъ учителей (Извлеченіе изъ Сказаній Якова Рейтенфельса о состояніи Россіи при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ, Ж. М. Н. Просв. 1839, XXIII, 39). О другихъ отзывахъ иностранныхъ писателей см. въ кн. проф. Ключевскаго, Сказан. иностр. о Москов. государствѣ, 87.

бахъ содержанія. Слышались совѣты, правда, пока не со стороны служившихъ у насъ военныхъ иноземцевъ,чтобы войска безпрерывно обучать и въ мирное время [1].

Арміи надобилось соотвѣтственное вооруженіе, и военные запасы выписываются изъ-за границы и по дорогимъ цѣнамъ. Частію по затруднительности и недостаточности привоза, частію въ видахъ сбереженія казенныхъ расходовъ, стараются завести техническія учрежденія, которыя снабжали бы армію всѣмъ необходимымъ [2]. Давно уже призывали иноземныхъ рудознатцевъ и при ихъ помощи искали руду какъ въ разныхъ мѣстахъ европейской Россіи, такъ потомъ и въ Сибири. Англійская компанія, стремившаяся устроить у насъ добычу желѣзной руды, скоро получила привилегію на устройство желѣзнаго завода въ Вычегдѣ, для чего отведенъ былъ

---

[1] По возвращеніи изъ-за границы съ грамотами саксонскаго герцога Эрнста, докт. Рингуберъ вмѣстѣ съ ними представилъ (1674 г.) правительству еще «предложенія о храненіи государства и умноженіи», гдѣ въ первомъ пунктѣ значилось: «Служивые люди и граждане по городамъ и городкамъ его царского величества на всякую недѣлю единожды или дважды отъ начальныхъ людей учены дабы были, яко бываетъ во иныхъ государствахъ, причина есть, что когда въ воинственномъ дѣлѣ достаточно изучатся, къ бою суть охотнѣйшіи и смѣлыи: убо что̀ кто совершенно умѣетъ, вездѣ и на всякое время творитъ и опасается». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Саксонскія дѣла 1674 г. См. также Brix's, Geschichte der alten Russischen Heeres-Einrichtungen. Berlin, 1867, 505 и слѣд.

[2] Kilburger, ч. IV, гл. IV—V; Шишонко, Пермская лѣтопись. Пермь, 1882, II, 363, 480—483, г. 1884, III, 897 и др.; И. П. Сахаровъ, Обозрѣніе русской археологіи, въ Зап. отд. слов. и рус. арх. Имп. Археол. Общ. 1851, I; И. Е. Забѣлинъ, О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII вѣка, въ Зап. И. Арх. Общ. 1853, т. V; Металлы, металлическія издѣлія и минералы въ древней Россіи. Соч. М. Д. Хмырова, испр. и дополн. К. Скальковскимъ. Спб. 1875; Хмыровъ, Артиллерія и артиллеристы въ до-Петровской Руси, Артилл. Журн. 1865, IX и слѣд.; Н. Е. Бранденбургъ, Артиллерійское искусство на Руси въ періодъ до-Петровскій, Воен. Сборн. 1874, №№ 7—8; его же, Историческій каталогъ С.-Петербургскаго артиллерійскаго музея. Спб. 1877—1889, I—III; Полетика и Блиновъ, Исторія основанія русскихъ горныхъ заводовъ. Памятн. книжка для рус. горныхъ людей. Спб. 1862; Гамель, Описан. Тульск. оружейнаго завода. М. 1826; Желѣзные заводы въ Тульск., Каширск. и Алексинск. уѣздахъ въ XVII ст., Оруж. Сборн. 1875, и др.

тамъ компаніи большой участокъ земли. Мастеровые для заводскихъ работъ и обученія русскихъ должны были пріѣхать изъ Англіи [1]. Успѣшнѣе производились поиски и обработка руды по непосредственному порученію правительства и по преимуществу иноземцами, осѣвшими у насъ. Рудознатецъ Аристъ Петцольдъ, посланный Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ Пермскіе предѣлы подъ надзоромъ гостя Свѣтѣшникова, осмотрѣлъ найденный до него рудникъ Кужгурскій и для обработки его руды основалъ заводъ на р. Камѣ въ дачахъ Пыскорскаго монастыря. Близъ послѣдняго вскорѣ былъ отысканъ также мѣдный рудникъ Григорьевскій, выше отъ Соликамска, и Свѣтѣшниковъ съ Петцольдомъ и 14 иностранцами, чтобы плавить мѣть, устроилъ новый заводъ. Въ 1642 году изъ этихъ пермскихъ рудниковъ добыто мѣди около 1600 пудовъ. Русскіе работники брались изъ ссыльныхъ или вольнонаемныхъ, съ платою отъ казны, пока заводы не были переданы братьямъ Тумашевымъ, изъ которыхъ одинъ перебрался для рудныхъ поисковъ въ Верхотурскій уѣздъ, гдѣ и остался. Предъ ливонскимъ походомъ Алексѣя Михайловича иностранцы были вызваны отсюда въ Москву для указаній при осадѣ Риги; это ослабило заводы, вскорѣ около нихъ повыработалась и руда. На казенный счетъ начали было при Алексѣѣ Михайловичѣ рыть мѣдную руду въ Олонецкомъ уѣздѣ, подъ вѣдѣніемъ новгородскаго гостя Семена Гаврилова и подъ руководствомъ Нидерландца Дениса Іовиса, служившаго прежде на шведскихъ заводахъ въ Ливоніи. Гавриловъ просилъ разрѣшенія послать въ Швецію для тайнаго найма мастеровъ; его просьбу велѣно было олонецкому воеводѣ удовлетворить; но казна продолжала терпѣть большіе убытки, и едва ли не этотъ заводъ вмѣстѣ съ двумя другими, открытыми близъ Мезени, передали Петру Марселису, условившись просить датскаго короля о присылкѣ рабочихъ людей, а Гавриловъ, какъ кажется, принялся за самостоятельную разработку желѣзной руды. Нахожденіе желѣзной руды въ районѣ Тулы и Калуги облегчило открытіе тамъ извѣстной намъ группы вододѣйствующихъ желѣзныхъ заводовъ Виніуса, Марселиса и

[1] Стат. спис. посол. Флетчера, Времен., VIII, 28; Гамель, Англичане въ Россіи, 90—91. Состоялось ли учрежденіе завода на Вычегдѣ, неизвѣстно.

Акемы. Кромѣ основанныхъ Виніусомъ Городищевскихъ заводовъ, въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія возникли тамъ заводы Каширскіе (нын. Тульск. губ.), съ славившимся среди нихъ оружейнымъ Ченцовскимъ, и заводы Протовскій и Угодскій (Калужск. губ.); на содержаніе всѣхъ ихъ были отведены большія дворцовыя волости. Послѣ того какъ Виніусъ долженъ былъ выдти изъ компаніи и послѣ опыта казны взять и вести часть этихъ заводовъ отъ себя, Марселисъ и Акема, сдѣлавшись ихъ полными хозяевами, стали владѣть ими раздѣльно, причемъ Марселисъ владѣлъ заводами Городищевскими и Каширскими, а Акема Протовскимъ и Угодскимъ; когда Марселисъ померъ, его заводы были утверждены (1674 г.) правительствомъ за его сыновьями. Между тѣмъ и правительство, не останавливаясь предъ трудностями казеннаго хозяйства, взяло и перестроило оставшійся послѣ боярина Б. Морозова Павловскій желѣзный заводъ (въ Звенигородск. уѣзд., Москов. губ.), опредѣливъ къ нему мастеромъ одного изъ служившихъ у Марселиса.

Поиски руды постоянно соединялись съ обдѣлкой ея, съ основаніемъ заводовъ желѣзныхъ, чугунныхъ и мѣдныхъ, гдѣ приготовлялись бы пушки, ядра и прочее. Независимо отъ чужеземнаго оружія, еще въ XVI в., когда всѣ металлы были почти одни привозные, вслѣдъ за удачными опытами конца XV вѣка надъ изготовленіемъ пушекъ при помощи италіанскихъ мастеровъ, у насъ отливали мѣдныя и чугунныя орудія, выковывали желѣзныя пищали, выдѣлывали стальныя шеломы, булатныя сабли и мелкозвенчатыя кольчуги. Артиллерійскою техникою того времени предпочиталась въ издѣліяхъ грандіозность, но большее искусство и разнообразіе достигнуты были ею въ XVII вѣкѣ. На заводѣ, бывшемъ въ самой Москвѣ, въ Бѣломъ-городѣ, во времена Олеарія славился своимъ искусствомъ Гансъ Фалькенъ, изъ Нюренберга. Подъ Москвой, на Яузѣ, выдѣлывались ружья на вододѣйствующемъ заводѣ, устроенномъ ствольнымъ мастеромъ Индрикомъ Франъ Акиномъ, котораго нанялъ въ Голландіи посолъ Милославскій. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ артиллерійскія орудія дѣлались также въ Устюжнѣ и Новгородѣ. Значительную помощь оказывали заводы

Марселисовъ и Акемы [1], хотя приготовляемыя на нихъ пушки и не отличались особенною доброкачественностію. Когда Марселисъ послалъ свои литыя пушки чрезъ Архангельскъ въ Голландію, то онѣ на пробѣ разорвались, а самъ онъ считалъ такія пушки выше по качеству выдѣлываемыхъ у него кованыхъ и на этомъ основаніи однажды отказывался отъ выдѣлки кованыхъ пушекъ. Марселисъ отказывался также отъ выполненія и разныхъ другихъ казенныхъ заказовъ. Поэтому домашніе заводы вообще только служили подспорьемъ къ иноземному привозу оружія. Предъ войной съ Польшей Алексѣй Михайловичъ посылалъ (1653 г.) въ Голландію купить 20.000 мушкетовъ и 20 или 30.000 пудовъ пороху и свинцу; покупки повторялись тамъ не разъ въ продолженіе войны, какъ равно закуплено было 20.000 мушкетовъ еще въ Швеціи.

Послѣ военнаго дѣла, нуждавшагося въ посторонней помощи, экономическое благосостояніе страны, безъ котораго не могло быть прочнымъ и само военное дѣло, занимало ближайшее мѣсто. Промышленность, торговля съ сосѣдними и отдаленными народами и флотъ приносили Западной Европѣ большія богатства; овладѣть этими средствами, способствующими поднятію благосостоянія, старались и Москвитяне. Обстоятельства сами отклоняли отъ односторонности и

---

[1] По казенному заказу на 1668 годъ и отвѣту на него П. Марселиса можно, вмѣстѣ съ тѣмъ, судить о размѣрахъ производительности заводовъ этого самого крупнаго изъ иностранныхъ заводчиковъ. Согласно условіямъ, на которыхъ возвращены Марселису Тульскіе и Каширскіе заводы, Пушкарскимъ приказомъ было велѣно ему приготовить 20 кованыхъ пушекъ, 6.000 ядеръ, 10.000 ручныхъ гранатъ, гранатъ большихъ и среднихъ, сколько понадобится; затѣмъ 5.000 пудовъ прутоваго и связнаго желѣза, 5.000 пуд. досокъ кованыхъ желѣзныхъ, 100 желѣзныхъ мельницъ, 1.000 желѣзныхъ фурмъ, 50 иготей, 50 ступъ, 100.000 разныхъ гвоздей. И «въ сказкѣ иноземца Петра Марселиса написано: тѣ де дѣла, по памяти изъ Пушкарского приказу, готовить они станутъ; а кованыхъ де пушекъ сдѣлать не мочно, что мастеровыхъ людей у нихъ такихъ нѣтъ, да и не прочны де кованые пушки, а вмѣсто де кованыхъ мочно сдѣлать литыхъ; а фурмъ де литыхъ не ведется; а гвоздей де у нихъ не дѣлаютъ, толко де на гвозди тонкого желѣза вытянуть, сколько надобно, мочно; а мелницъ де дѣлать опасно, чтобъ въ Пушкарскомъ приказѣ охулки не было». Доп. къ Акт. Ист. V, 393—394.

спеціализированія. Какъ ни значителенъ былъ приливъ иноземнаго люда, они не настолько еще измѣнились сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда италіанскіе художники и техники выполняли разнообразныя работы. Мѣдные и желѣзные заводы, на которыхъ выдѣлывались военные снаряды, приготовляли и иные предметы. На Московскомъ заводѣ извѣстный Фалькенъ, кромѣ пушекъ, отливалъ колокола; на Тульскомъ заводѣ Марселиса, доставлявшемъ въ казну артиллерійскіе снаряды и орудія, дѣлали сабельные клинки, также полосовое и листовое желѣзо, двери и ставни для церквей и домовъ, толстыя плиты для пороговъ, тонкіе и двойные листы, употребляемые на латы, сковороды, котлы и горшки; хотя, впрочемъ, ни у Марселиса, ни у Акемы не любили выковывать гвоздей и другихъ мелочей, потому что крестьяне, при помощи своихъ ручныхъ мѣховъ, выдѣлывали ихъ дешевле и лучше [1]. Если военные инженеры руководили не только при постройкѣ укрѣпленій, но и городскихъ и общественныхъ зданій, то офицеры занимались и заводскимъ производствомъ. Полковникъ Александръ Краффортъ выхлопоталъ (1644 г.) себѣ привилегію на 7 лѣтъ жечь золу и дѣлать поташъ въ Муромскомъ лѣсу, и вскорѣ (1649 г.) въ его Арзамасскомъ помѣстьѣ англійскій агентъ Асборнъ, пользовавшійся десятилѣтнею привилегіею на изготовленіе золы и поташа, имѣлъ всякихъ запасовъ на золеное и поташное дѣло больше, чѣмъ на 2.000 рублей [2]. Прибывшій съ полковникомъ Лесли, «астрадамлянинъ» пушечный мастеръ Юлій (Елисей) Коэтъ основалъ стеклянный заводъ, Духанинскій, верстахъ въ 40 отъ Москвы; нужные матеріалы сначала онъ выписывалъ изъ нѣмецкихъ земель, но затѣмъ онъ нашелъ ихъ въ Россіи, и они обходились ему дешевле привозныхъ; на этомъ заводѣ приготовлялись скляницы и оконное стекло. Вскорѣ устраивается другой стеклянный заводъ, дворцовый, въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ, подъ управленіемъ Итальянца Мингота, который умѣлъ дѣлать стекло чище, чѣмъ приготовлявшееся у Коэта [3].

---

[1] Olearius, 1656, 149; Kilburger, ч. IV, гл. V, пер. 158—164, 169—170.

[2] М. Г. Архивъ М. И. Д., Англійскія дѣла 1649 г., № 3а. Соловьевъ, IX, 370—371. Свой заводъ Асборну при удаленіи Англичанъ было велѣно продать.

[3] М. Г. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію 1630 г., документы о пріѣздѣ Лесли. Собр. г. гр. и дог. III, № 103; Kilburger, ч. I, гл. III, рус. пер. 77—80.

Такимъ образомъ мало-по-малу появляются заводы и не имѣвшіе непосредственной связи съ военнымъ дѣломъ и вообще прямыми собственно государственными нуждами. Кромѣ стеклянныхъ заводовъ, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и его сынѣ видимъ заводы кожевенные, бумажные, суконные и т. п. Бархатнаго дѣла мастеръ Ефимъ Фимбрантъ получилъ (1634 г.), на льготныхъ условіяхъ, право на заведеніе въ Россіи по нѣмецкимъ образцамъ мельницъ и сушиленъ для выдѣлыванія лосинныхъ кожъ, съ разрѣшеніемъ ему свободно привозить изъ нѣмецкихъ земель надобныхъ для него мастеровыхъ людей [1]. Писчая бумага обыкновенно привозилась изъ-за границы [2], пока не основались у насъ бумажные заводы, которые возмѣщали часть привозной. Издавна проживавшій въ Москвѣ Голландецъ Иванъ Ивановичъ Фанъ-Сведенъ, державшій въ откупу хлѣбныя водяныя мельницы на р. Пахрѣ, верстахъ въ 20 отъ Москвы, построилъ тамъ и взялъ въ оброкъ (1666 г.) бумажную фабрику, двоимъ мастерамъ которой Алексѣй Михайловичъ поручилъ устроить такую же фабрику казенную, на Яузѣ, близъ Нѣмецкой Слободы. Мастерамъ очень не хотѣлось отходить отъ Сведена, однако они должны были выполнить царскую волю. По примѣру предшественниковъ, этотъ государь не разъ посылалъ за границу поискать тамъ «мастеровъ, которые умѣли бы сдѣлать всякія добрыя сукна и красить ихъ всякими красками» [3]; и Сведенъ, согласно порученію правительства, привезъ (въ іюнѣ 1667 г.) около 15 человѣкъ мастеровъ суконнаго дѣла. Отъ своей фабрики, основанной при казенной субсидіи и на льготныхъ условіяхъ, непрактичный Сведенъ потерпѣлъ накладъ, и принужденъ былъ распустить своихъ мастеровъ; изъ нихъ при Кильбургерѣ жилъ въ Москвѣ всего одинъ и не работалъ. Успѣшнѣе дѣйствовали бумажныя фабрики, доставляя дешевые сорта бумаги. Послѣ смерти Сведена († 1668 г.) его мельницами и заводами владѣла его жена, Марья [4].

---

[1] Собр. гос. гр. и дог., III, № 102.

[2] Въ одномъ 1621 г. по 30 іюля привезено ея чрезъ Архангельскъ 1831 стопа. М. Г. Архивъ М. И. Д., Приказныя дѣла, 1621 г., № 4, св. 8.

[3] Тамъ же, Выѣзды въ Россію, 1667 г., № 3.

[4] Д. къ А. Исг. V, 216, X, 45, XII, 25; Kilburger, ч. I, гл. III, ч. IV, гл. VII, пер. 72—74, 173. По его извѣстію, францувской, голландской и нѣмецкой

Сведенъ развивалъ предъ правительствомъ широкіе планы. Онъ обѣщалъ не только выдѣлывать сукна изъ русской шерсти, но и «держать гишпанскія, аглинскія и поморскія овцы, съ людьми, которые паству такихъ овецъ знаютъ и его царскаго величества подданныхъ могутъ учити, чтобъ впредь завести великія стада въ таковыхъ мѣстахъ, которыя нынѣ впустѣ и никакого доходу съ нихъ нѣтъ» [1]. Съ заботами о развитіи и улучшеніи обрабатывающей промышленности при помощи Нѣмцевъ такимъ образомъ соединялся вопросъ о нѣкоторыхъ видахъ скотоводства, земледѣлія. Породистые жеребцы, присылаемые западноевропейскими дворами въ подарокъ Московскому двору, отсылались на государевы заводы. При Алексѣѣ Михайловичѣ, по преданіямъ, положено было основаніе разведенію въ Вяткѣ шведскихъ лошадей [2]. Припомнимъ извѣстіе Олеарія о посадкѣ винограда и устройствѣ винодѣлія въ Астрахани монахомъ, по рожденію Нѣмцемъ, принявшимъ Русскую вѣру. Его примѣръ увлекъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей, которые наняли къ себѣ на службу голштинскаго садовода Якова Ботмана; Алексѣй Михайловичъ, пославшій туда винодѣла Француза «Подовина» (Poitevin?), заботился не только объ усиленіи здѣсь винодѣлія, но и о водвореніи его на Терекѣ: астраханскіе воеводы должны были, согласно царскому указу (1652 г.), отправить туда русскихъ людей, бывшихъ «питейнаго дѣла у мастеровъ у Нѣмцевъ для ученья и работы», чтобы они «изъ терскаго винограду сдѣлали питье на опытъ, сколько доведется, примѣрясь къ астраханскому питейному дѣлу». Астраханское вино стало отчасти конкурировать съ виномъ, привозимымъ чрезъ Архангельскъ на голландскихъ и другихъ корабляхъ: въ одномъ 1658

бумаги было привезено чрезъ Архангельскъ въ 1671 г. 28479, въ 1672 г. 3709, въ 1673 г. 8033 стопы и 2 кипы; бумага, приготовленная въ Россіи, продавалась по рублю стопа, заграничная клееная стоила въ лавкахъ весной 1674 г. 1 р. 60 к., французская почтовая малаго формата 1 р. 40 к.

[1] Доп. къ Акт. Истор. V, 216—218.

[2] И. Мердеръ, Историческій очеркъ русскаго коневодства и коннозаводства. Спб. 1868, 30—31; Н. Зезюлинскій, Историческое изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи. Спб. 1889, I; Н. В. Пономаревъ, Историч. обз. правител. мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи. Спб. 1888, 7.

году прислано изъ Астрахани въ Москву на обиходъ великого государя 1206 ведеръ. Царскою грамотою наказывалось затѣмъ астраханскимъ воеводамъ о разширеніи данной промышленности, между прочимъ чрезъ увеличеніе числа учениковъ у иноземнаго мастера [1].

Московскими Нѣмцами во времена Михаила Ѳедоровича привезенъ изъ-за границы салатъ; Марселисъ досталъ изъ Готтофскаго сада голштинскаго герцога первыя садовыя розы, и они принялись какъ нельзя лучше. Для дворцовыхъ садовъ Алексѣя Михайловича, устроиваемыхъ по европейскимъ образцамъ, иноземцы, гость Андрей Виніусъ и Иванъ Марсовъ, вывезли (1654 г.) чрезъ Архангельскъ экземпляры садовыхъ и оранжерейныхъ деревьевъ [2]; изъ выписанныхъ (1667 — 1668 г.) государемъ для Измайловскаго сада иноземныхъ садовниковъ, одинъ, Григорій Хутъ, развелъ обширный огородъ на Просяномъ пустоши и сѣялъ и садилъ тамъ разныя травы и овощи въ грядахъ и творилахъ, другой, Валентинъ Давицъ, занимался виноградным садомъ, гдѣ также ростилъ всякія нѣмецкія травы и цвѣты. Помощниками иноземнымъ садовникамъ и надсмотрщиками надъ ними были русскіе. Крупныя землевладѣльцы пробовали сѣять въ поляхъ новыя заграничныя сѣмена, какія сѣяли у себя военные Нѣмцы, имѣвшіе помѣстья [3].

Вниманіе правительства было обращено на то, чтобы какъ новыя отрасли обрабатывающей и первоначальной промышленности, такъ и улучшаемыя прежнія удержать въ русскихъ рукахъ. Таковы были важнѣйшія побужденія къ основанію и веденію заводовъ отъ казны, пусть нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, желѣзные, и обходились ей слиш-

---

[1] Olearius, 1656, 155, 373—374, пер. 121, 453—454; Акт. Ист. IV, №№ 63, 138; Медовиковъ, Историч. значеніе царств. Алексѣя Михайловича. М. 1854, 180; Соловьевъ, изд. 3, XIII, 89.

[2] Это были «2 дерева оранжереевыхъ яблокъ, 2 дерева лимонныхъ, 2 дерева винныхъ ягодъ, 4 дерева перзиковыхъ сливъ, 2 дерева априкозовыхъ яблокъ, 3 дерева шпанскихъ вишенъ морелленъ, 2 дерева миндальныхъ ядеръ, 2 дерева большихъ сливы».—Успѣшнѣе, впрочемъ, шла посадка деревьевъ, привозимыхъ русскими садовниками изъ Кіева, Астрахани и др. мѣстъ южной Россіи,

[3] Olearius, 154—155, пер. 119, 121; Вѣстн. Евр. 1871, февр., 469; Забѣлинъ, Опыты изуч. русск. др. и исторіи. М. 1873, II, 286, 293—294.

комъ дорого. Всѣ привилегіи давались иноземцамъ на опредѣленные сроки, по истеченіи которыхъ право владѣнія заводами или переходило въ казну или оставалось за устроителями, но уже на общихъ условіяхъ, и Русскіе могли свободно строить по образцу этихъ заводовъ свои. Заботясь всего болѣе объ усиленіи горныхъ промысловъ, столь важныхъ для военнаго дѣла и вполнѣ зависѣвшихъ отъ правительства [1], послѣднее, не ограничиваясь нарочными посылками иноземныхъ и русскихъ свѣдущихъ лицъ на поиски, начало поощрять русскихъ предпринимателей къ вступленію съ иноземными заводчиками въ компаніи, предоставляя такимъ компаніонамъ право совмѣстно производить поиски руды безпрепятственно, гдѣ ни отыщется, и свободно строить заводы на казенныхъ земляхъ, а на земляхъ помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ по взаимному соглашенію [2]. Иностранные учредители заводовъ, за разрѣшеніе на производство, за субсидіи, земли и монополіи, и иноземные мастера, вызываемые на казенное жалованье, обязывались обучать производству и мастерству Русскихъ людей, ничего не скрывать отъ нихъ. На Ченцовскій оружейный заводъ, согласно выговоренному условію и царскому указу, посылались тульскіе казенные кузнецы, поочереди и помѣсячно, для усовершенствованія ихъ у иностранныхъ мастеровъ заваркѣ и прочимъ частямъ оружейнаго производства. Грамотою (1669 г.) Алексѣя Михайловича строго наказывалось внушать и слѣдить, чтобы Посказаюсь Подовинъ своихъ учениковъ питейному дѣлу училъ «съ великимъ радѣньемъ», такъ чтобы ученики его сами могли потомъ приготовлять хорошее церковное вино. О передачѣ иноземцами и заимствованіи у нихъ умѣнья хлопотали и частные предприниматели. Когда полковникъ Краффортъ долженъ былъ произвесть посѣвъ новаго

---

[1] С. М. Шпилевскій, О благоустройствѣ по Уложенію и современнымъ ему памятникамъ, отд. IV—V, Временникъ, XXIV.

[2] Съ такимъ правомъ даны были (1675 г.), напримѣръ, грамоты «дворянину Андрею Виніусу, да Вологженину Якову Галкину, да московскимъ иноземцомъ Петру Марселису да Еремѣю Фандергатену, да церковь Успенія пресвятыя Богородицы, что у Новаго гостина двора, попу Дементью Ѳедорову, да дѣтемъ его, сытнику Лву Нарыкову съ братьями и съ товарыщи». Доп. къ Акт. Ист. VII, № 10, стр. 55—57.

заморскаго сѣмени въ одномъ изъ нижегородскихъ или арзамасскихъ помѣстій Бор. Морозова, то бояринъ распорядился [1], чтобы его прикащики и крестьяне внимательно высмотрѣли и все переняли, какъ жать, молотить и прятать это сѣмя.

Желая создать себѣ у насъ монополію въ торговлѣ и промышленности, иноземцы были противъ условій объ обученіи. О пользѣ, которую принесутъ, они много говорили предъ полученіемъ привилегій [2], а затѣмъ, когда выгодныя льготы добыты, прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, чтобы не выполнять обязательства. Подмѣтивъ, какъ Русскіе способны къ усвоенію всевозможной техники и какъ легко перенимаютъ, что̀ ни увидятъ у иноземцевъ, они думали, что если кто изъ нихъ владѣетъ особеннымъ пріемомъ или ремесломъ, тотъ, въ охраненіе своей выгоды, «не долженъ показывать» своего искусства ни одному Русскому. При отливкѣ и выдѣлкѣ значительныхъ пушекъ и другихъ предметовъ, когда надобно было примѣнять важнѣйшіе пріемы техники, извѣстный литейный мастеръ Гансъ Фалькенъ, хотя служилъ на казенномъ заводѣ въ Москвѣ, высылалъ русскихъ подмастерій, чтобы они на это время оставляли его одного; за попытки подсмотрѣть секреты искусства и мастерства русскіе рабочіе, какъ знаемъ, терпѣли сильные побои даже на Тульскихъ желѣзныхъ заводахъ, гдѣ пайщикомъ былъ расположенный къ Русскимъ Виніусъ. Но какъ бы то ни было, благодаря выговоренному условію и способностямъ русскихъ учениковъ и другихъ лицъ, все чаще и чаще попадаются у насъ умѣлые литейщики, научившіеся отливать только наглядкою, и исторія сохранила немало именъ искусныхъ русскихъ мастеровъ какъ литейнаго, такъ и сродныхъ и несродныхъ съ нимъ дѣлъ [3]. Винодѣловъ, обучавшихся у иноземныхъ мастеровъ въ

---

[1] Вѣстн. Евр. 1871, февр. 469.

[2] Въ этомъ отношеніи не отставалъ отъ другихъ даже П. Марселисъ. Д. къ А. Ист. IX, 46—47.

[3] М. Г. Архивъ М. И. Д., Голландскія дѣла 1646 г. іюня 8. Маскевичъ, Дневникъ, у Устрялова Сказан. совр. о Дим. Самозванцѣ. Спб., изд. 3, II, 47; Olearius, 149, 206, пер. 111—112, 199; Хмыровъ, Металлы, 143, и др.; Бѣляевъ, 68.—По изслѣдованіямъ Сахарова (Обозр. рус. археол.) и Забѣлина (О метал. произв.), въ числѣ извѣстныхъ мастеровъ было несравненно болѣе Русскихъ, нежели иноземцевъ.

Астрахани, Алексѣй Михайловичъ считалъ пригодными, чтобы поднять винодѣліе на Терекѣ.

Если поднятіе военной и промышленной техники производилось по преимуществу чрезъ протестантовъ, то и внѣшнія торговыя сношенія съ Западомъ, которыя должны были обезпечить доставку намъ надобныхъ товаровъ и сбытъ товаровъ лишнихъ, ведены были опять главнымъ образомъ чрезъ нихъ же. Практиковавшаяся система благопріятствуемыхъ въ торговлѣ германо-протестантскихъ лицъ и націй упрочила торговое общеніе съ Западомъ. Внѣшняя торговля велась, правда, еще чрезъ иноземцевъ [1], однако она утрачивала уже прежній случайный характеръ, свою зависимость отъ каравановъ, прибывавшихъ при посольствахъ, и къ половинѣ XVII столѣтія открылась возможность безъ всякой опасности для ея размѣровъ круто раздѣлаться съ Англичанами: торговый путь въ Россію сталъ достаточно извѣстенъ и проторенъ, монополіи и исключительныя торговыя привилегіи отживали свой вѣкъ. Со второй четверти XVII вѣка яснѣе стали понимать, что иностранные торговцы должны были не только доставлять непосредственныя выгоды казнѣ, но и быть помощниками русскому купечеству. Принципъ ограниченія правъ иноземцевъ въ пользу русскаго купечества, послѣдовательно проведенный въ Новоторговомъ уставѣ 1665 года, сильно сказался еще въ условіяхъ съ Голштинской торговою кампаніей, которая, обѣщаясь дѣйствовать противъ католиковъ, формально обязывалась помогать нашимъ купцамъ «христіанскимъ обычаемъ», какъ равно при постройкѣ торговыхъ судовъ для себя не скрывать отъ русскихъ рабочихъ кораблестроенія.

Польза «корабельнаго мастерства» была сознана у насъ скоро, и правительство дѣлаетъ неоднократныя попытки къ заведенію флота. Небольшая русская флотилія была въ Иванъ-городѣ, когда онъ принадлежалъ Московскому государству; казенныя и частныя торговыя суда покрывали водный путь къ Архангельску и отъ Ярославля къ Астрахани; по словамъ англійскихъ агентовъ, по верховьямъ

[1] Костомаровъ, Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. См. также выше, IV гл.

Волги ходило до 500 большихъ и малыхъ судовъ. Самыя лучшія суда виднѣлись у Вологды и были сдѣланы Грознымъ, при помощи англійскихъ судостроителей. Чрезъ Дженкинсона онъ просилъ (1567 г.) кор. Елизавету дозволить пріѣзжать къ нему мастерамъ, которые умѣли бы строить корабли и управлять ими. Такихъ кораблей, выстроенныхъ Англичанами, Горсей видѣлъ въ Вологдѣ 20, но царь сказалъ ему, что онъ построитъ ихъ вдвое; повидимому, его намѣренія простирались далѣе. Разспросивъ Горсея о самыхъ большихъ корабляхъ, бывшихъ въ англійскомъ военномъ флотѣ, онъ взялъ у него описаніе ихъ на бумагѣ и рисунокъ лучшаго корабля. Англичане приписывали себѣ честь устройства перваго большаго судна въ Ярославлѣ; затѣмъ Голштинское посольство выстроило въ Нижнемъ-Новгородѣ корабль для плаванія въ Персію. По договору, Голштинская торговая компанія могла выстроить на Волгѣ 10 кораблей, причемъ плотниковъ, въ прибавку къ своимъ корабельнымъ мастерамъ, должна нанимать русскихъ охочихъ людей, «и отъ тѣхъ плотниковъ корабельнаго мастерства не скрывать». Первый корабль строился съ помощью русскихъ мастеровыхъ подъ управленіемъ опытнаго морехода, любскаго уроженца Кордеса, корабельнаго мастера Іостена, Шведа, четырехъ голштинскихъ людей и «московскаго торговаго Нѣмчина Анца Беркова» (Hans Berck). Въ іюлѣ 1636 года этотъ корабль, во 120 футовъ длины, изъ еловаго лѣса, плоскодонный, безъ киля, съ тремя мачтами, о 24-хъ веслахъ, со многими каютами внутри и съ пушками для отраженія разбойническихъ нападеній, и небольшая шлюпа были готовы и понесли на себѣ голштинское посольство, но у Низибада, на берегу Дагестана корабль потерпѣлъ (11 ноября) крушеніе. Переговоры посольства съ персидскимъ правительствомъ не имѣли успѣха, вслѣдствіе чего не состоялось и строеніе остальныхъ девяти кораблей.

Обязывая Голштинцевъ не скрывать корабельнаго мастерства отъ нашихъ, правительство, очевидно, разсчитывало завести флотъ по образцу голштинскаго. Неудача Голштинцевъ заставила Московскихъ людей отложить выполненіе мысли до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, но не убѣдила покинуть ее. Въ предисловіи къ военному уставу 1647 года было обѣщано изданіе книги О корабельной ратной наукѣ. Къ царскому родственнику, боярину Никитѣ Ивано-

вичу Романову былъ доставленъ сдѣланный въ Англіи и столь извѣстный впослѣдствіи ботъ. П. Гавр. Марселисъ, обыкновенно хорошо знавшій о намѣреніяхъ правительства, выполненіе которыхъ сулило предпринимателямъ большія выгоды, нашелъ своевременнымъ [1] для ознакомленія съ морской службой послать своего старшаго сына Петра, который воротился (1669 г.) оттуда въ чинѣ морскаго капитана.

Стремленіе западныхъ народовъ завладѣть азіатскою торговлею Россіи между тѣмъ побуждало правительство принять особыя мѣры, чтобы сохранить эту торговлю за собой. Персидскій шахъ далъ (1664 г.) русскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ въ Персію, свободу отъ пошлинъ и другія льготы; Алексѣй Михайловичъ дозволилъ (31 мая 1667 г.) вновь учрежденной Армянской компаніи, изъ персидскихъ подданныхъ, производить чрезъ Россію торгъ шелкомъ сырцомъ и иными товарами; провозъ товаровъ отъ Астрахани, за плату, правительство брало на себя. Но провозъ товаровъ, съ ручательствомъ и отвѣтственностію за ихъ цѣлость, ставилъ въ необходимость принять всѣ мѣры къ обезпеченію его. Наибольшая опасность грозила отъ разбоевъ, обычныхъ на Каспійскомъ морѣ и низовьяхъ Волги, и потому главною мѣрою могло быть заведеніе хорошо вооруженныхъ судовъ, которыя могли бы перевозить и защищать персидскіе товары, направляемые въ Россію, какъ равно служить и для возки товаровъ изъ Россіи въ персидскія владѣнія. Обратить сюда все свое вниманіе побуждало Алексѣя Михайловича и то, что его попытки завести флотъ на сѣверозападѣ оказались напрасны. Въ свое управленіе частью Ливоніи Ординъ-Нащекинъ устроилъ было небольшой флотъ на Западной Двинѣ, который, по условіямъ Кардисскаго мира, былъ уничтоженъ. За неимѣніемъ на Балтійскомъ морѣ своихъ гаваней, Алексѣй Михайловичъ готовъ былъ взять гавани хотя бы на откупъ и завести изъ нихъ мореплаваніе. Отвѣтъ курляндскаго герцога, на просьбу заказать для царя нѣсколько кораблей со всѣми принадлежностями, былъ неблагопріятенъ. Поневолѣ Каспійское море являлось

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Датскія дѣла 1669—1670 гг., карт. 31: «Пріѣздъ въ Россію дацкого морского капитана Петра Марселиса».

наиболѣе доступною намъ областью. И вотъ недѣли черезъ три послѣ грамоты Армянской компаніи Ординъ-Нащекинъ получаетъ (19 іюня) указъ «для посылокъ изъ Астрахани на Хвалынское море дѣлать корабли въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ дворцовомъ селѣ Дѣдиновѣ».

Корабельные строители были уже готовы, на этотъ разъ все Голландцы. Ихъ нанялъ извѣстный намъ голландскій купецъ Фанъ-Сведенъ, ѣздившій на родину съ порученіемъ для найма корабельщиковъ въ царскую службу. Онъ привезъ съ собой четырехъ земляковъ, корабельщика Гельта съ товарищами, и въ день изданія указа представилъ ихъ московскому начальству, объявивъ при этомъ, что его племянникъ, Бутлеръ, остался въ Амстердамѣ продолжать наемъ.

Подъ высшимъ надзоромъ Ордина-Нащекина корабельщики, съ присоединеніемъ къ нимъ полковника Голландца Корниліуса фонъ-Буковена, съ участіемъ русскихъ плотниковъ [1] выстроили въ с. Дѣдиновѣ, на Окѣ, корабль «Орелъ», яхту, ботъ и двѣ шняки; желѣзо и желѣзныя издѣлія брали съ Тульскихъ и Каширскихъ заводовъ Марселиса. При сооруженіи отчасти руководились примѣромъ Голштинцевъ [2]. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ (въ ноябрѣ 1668 г.) Бутлеръ, съ нанятыми, по порученію Сведена, тогда уже умершаго, 14 служилыми и мастеровыми людьми, Голландцами, между которыми находились извѣстный Стрюйсъ, и «корабельнаго пушкаря товарищъ» Карстенъ Брантъ [3]. Всѣ они были опредѣлены къ выстроенной флотиліи. Весной 1669 года она была спущена и въ іюлѣ отплыла изъ Нижняго-Новгорода къ Астрахани. Обошедшись правительству въ 9.021 рубль, 25 алтынъ и полденьги, она погибла во время бунта

---

[1] Сначала ихъ было назначено 30 человѣкъ, затѣмъ строители просили еще 20, не считая живописца, рѣщика и другихъ мастеровъ; непосредственный надзоръ за стройкой былъ порученъ дворянину Якову Полуектову и подъячему Мытной избы Степану Петрову; сношенія между русскими и голландскими строителями велись чрезъ двоихъ переводчиковъ.

[2] Андрей Виніусъ однако совѣтовалъ соорудить катарги, болѣе удобныя для плаванія по Каспійскому морю, нежели большія суда, ссылаясь на то, что «какъ голштинскіе послы въ прошлыхъ лѣтѣхъ поѣхали на кораблѣ въ Персиду, и тогда на морѣ корабль ихъ разбило». Доп. къ Акт. Ист. V, № 80.

[3] Въ рус. документахъ онъ назывался «Кастеръ Брантъ». Тамъ же, V, стр. 263.

Стеньки Разина, который велѣлъ корабль сжечь. Иноземцы разсѣялись, и послѣ разныхъ несчастій одни изъ нихъ достигли своего отечества, иные померли, двое, Брантъ и лѣкарь Иванъ Термонтъ, возвратились въ Москву. Разбои Разина, разногласія въ компаніи и смерть шаха Аббаса II-го помѣшали также исполненію договора съ Армянами, и заведеніе флота пришлось опять отложить на неопредѣленное время.

Нѣтъ нужды, что такой былъ печальный исходъ корабельнаго дѣла. Важна идея, установленіе преданій, появленіе надобныхъ людей. Мысль объ устройствѣ флота чрезъ Голландцевъ послѣ того не пропадала, и Карстенъ Брантъ впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ по обученію Петра мореходству и кораблестроенію; сослужилъ свою службу даже англійскій ботъ Н. И. Романова [1].

Военныя, торгово-промышленныя, политическія и другія дѣла вызывали разнообразныя сношенія съ западными дворами и государствами. Незнаніе чужихъ языковъ и обычаевъ побуждало прибѣгать къ помощи протестантовъ, изъ которыхъ многіе, живя въ Россіи, какъ мы знаемъ, выучивались свободно говорить и писать по-русски. Такихъ принимали въ переводчики Посольскаго приказа и отправляли толмачами при посольствахъ, иной разъ и прямо снаряжали ихъ съ какимъ-

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію, 1668 г., №№ 30, 42, 47, 1876, № 9. Д. къ А. Ист. V, стр. 246—284, XII, стр. 22—23; Ю. Толстой, Рос. и Анг., № 12; Горсей, Библ. д. чт. 1865, № 5, стр. 50—52; Olearius, 1656, 337, пер. 397—398; Struys. Sehr schwere, wiederwertige und denkwürdige Reysen. 1678 (извлеч. и перев. въ Др. Росс. Библ. III, 463—471; Сѣверн. Архивъ, 1824, IX, 275 и д.; Рус. Архивъ, 1880, I); А. Висковатовъ, Строеніе военныхъ судовъ въ Россіи при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, Морск. Сборн. 1856, I, 89—131; А. Поповъ, О построеніи корабля Орла, Русск. Бесѣда, 1858, IV, 1—18; С. Елагинъ, Исторія русскаго флота. Спб. 1864; Ѳ. Веселаго, Дѣдушка русскаго флота, Рус. Стар. 1871, IV; его же, Очеркъ русской морской исторіи. Спб. 1875, I, гл. 2; Соловьевъ, изд 3, XII, 225—226, 268—272; проф. Иконниковъ, Ближ. бояр. А. Л. Ординъ-Нащекинъ, гл. V.—Нѣкоторые изъ иноземцевъ также сами предлагали Алексѣю Михайловичу завести въ Россіи корабельное строенье и надобные для того канатные и другіе заводы. Выѣзды въ Россію, 1651—1652, № 12; Приказныя дѣла, 1672 г., св. 466, № 537.

либо порученіемъ [1]. Переводчики были также въ Иноземскомъ и Аптекарскихъ приказахъ, приставлялись къ рудознатцамъ и другимъ служилымъ иноземцамъ: здѣсь они должны были облегчать сношенія Русскихъ съ мѣстными иноземцами. Въ случаяхъ, когда правительство старалось добыть свѣдѣнія о какихъ-либо событіяхъ Западной Европы, иностранцы были посредниками между Россіей и Европой безъ дипломатической службы и независимо отъ того, состояли ли они у насъ переводчиками [2].

Сношенія съ Европой удобнѣе было вести чрезъ почту, о которой Нащекинъ писалъ Алексѣю Михайловичу: «Это великое соединительное дѣло впередъ къ умноженію всякаго добра царству Московскому будетъ». Учрежденіе и организація почты, взамѣнъ прежнихъ ямъ, поставлявшихъ гонцамъ подводы, поручены были Ивану фанъ-Сведену, который и держалъ ее около трехъ лѣтъ (1665 — 1 іюня 1668 г.). Его преемниками были сыновья Марселиса, Леонтій и затѣмъ Петръ. У нихъ происходили столкновенія съ Посольскимъ приказомъ, переводчики котораго жаловались на Леонтія, что онъ распечатываетъ куранты прежде предъявленія ихъ въ Посольскій приказъ, а Петра Марселиса винили въ томъ, что почта при немъ

---

[1] «Толмачить» при нашихъ посольствахъ и помогать сношеніямъ съ пріѣзжавшими къ намъ послами нѣкоторые довѣренные иноземцы приглашались часто и не изъ служившихъ переводчиками. Андрей Келлерманъ, напримѣръ, не разъ и подолгу несъ эту обязанность въ нашихъ сношеніяхъ съ Англіей, Швеціей и др., но «государева денежнаго жалованья и корма онъ не получалъ, а кормился своимъ торгомъ и промысломъ въ Москвѣ, Архангельскѣ и другихъ городахъ, платя пошлинъ болѣе 300 р. въ годъ»; за эти и другія службы ему дозволялось имѣть свои лавки въ московскихъ торговыхъ рядахъ. Приказныя дѣла, 1651, св. 227: «Дѣло по челобитью моск. торговаго иноземца Томаса Келлермана о справкѣ за нимъ оставшихся въ Москвѣ по смерти отца его лавокъ». Ср. Д. къ Акт. Ист. VI, 211—215.

[2] См. напр. письма докт. Венделина Сибелиста къ государю и боярамъ о разныхъ европейскихъ вѣдомостяхъ (Выѣзды въ Россію 1643 г., № 3), или разспросы у иноземцевъ, жившихъ въ Россіи, такъ и вновь пріѣзжавшихъ на службу (Тамъ же, 1630—1631 г.; Русск. Ист. Библ. VIII, № 10). См. также Russ. Revue, 1888, I, стр. 48 и слѣд.

приходитъ неисправно, постоянно запаздываетъ. Управленіе почтой послѣ того было поручено (4 дек. 1675 г.) переводчику Посольскаго приказа Андрею Виніусу, получившему впервые у насъ титулъ почтмейстера. Почта ходила въ двухъ направленіяхъ, къ Курлянiи, чрезъ Новгородъ и Псковъ на Ригу, и къ Польшѣ на Вильну. До ея учрежденія казенную и частную корреспонденцію обыкновенно посылали съ нарочными гонцами и довѣренными лицами, теперь отдавали ее въ руки ямщиковъ, обязанныхъ въ установленные сроки доставлять ее въ назначенныя мѣста; съ частныхъ писемъ бралась небольшая плата, по вѣсу и разстоянію. Все это облегчило безпрерывность западной корреспонденціи. Казна пользовалась почтой постоянно; изъ частныхъ лицъ больше отправляли по ней иноземцы.

Не столько государственнымъ, сколько уже долгое время собственно государевымъ и частнымъ потребностямъ служили иноземные врачи. Въ XVI и началѣ XVII вѣка медицинскою помощью пользовались только при дворѣ. Одинъ царь дозволялъ себѣ роскошь имѣть при себѣ докторовъ, которые, съ царскаго разрѣшенія, могли лѣчить и важнѣйшихъ бояръ. Впрочемъ, богатые купцы Строгановы на своихъ отдаленныхъ заводахъ содержали и тогда иностранныхъ лѣкарей и фельдшеровъ [2]. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ войны съ Польшей и Швеціей мало-по-малу принимали, такъ сказать, европейскій характеръ, стали нанимать на службу военныхъ врачей, хирурговъ. Съ 1615—1616 г. встрѣчаются полковые врачи, на казенномъ жалованьи. Въ Смоленскомъ походѣ 1632 г. ихъ было значительное

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Почтовыя дѣла, 1668—1671 гг., № 1. Собр. г. гр. и дог. IV, № 210; А. Фабриціусъ, Почта и народное хозяйство въ Россіи въ XVII столѣтіи. Спб. 1864; И. П. Хрущевъ, Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до ц. Екатерины II. Спб. 1884; Kilburger, ч. III, гл. VII; Brückner, Russisches Postwesen im 17. und 18. Jahrhundert, въ Zeitschrift für Allgem. Geschichte. 1884, Heft XII, S. 881 и слѣд.

[2] Флетчеръ (46) утверждалъ, что въ его время у Строгановыхъ были въ Вычегдѣ «свои лѣкаря, хирурги, аптекаря и всякіе ремесленники изъ Голландцевъ и другихъ иноземцевъ».

количество; въ одномъ полку Фукса, нанятомъ Лесли, находилось четыре лѣкаря, съ жалованьемъ по 60 цесарскихъ ефимковъ. «Полковой лѣкарь» Вульфъ, по государеву указу, ѣздилъ (1635 г.) въ Соликамскъ для врачеванія «иноземцевъ руднаго сыску мастеровъ» и находился (1644 г.) въ Калмыцкомъ походѣ. Но институтъ полковыхъ врачей не пріобрѣталъ должной устойчивости. О назначеніи врача въ свой полкъ напрасно очень долго добивался (1663—1664 г.) кн. Григорій Ромодановскій, при своемъ отправленіи въ походъ; генералъ-майоръ Даніилъ Краффортъ и всякихъ чиновъ ратные люди излагали въ своей челобитной (1669 г.), что у нихъ въ Смоленскѣ, гдѣ они служатъ лѣтъ 10, нѣтъ лѣкарей, безъ которыхъ однако имъ быть невоможно, и просили прислать къ нимъ лѣкаря Стейна, взятаго въ Москву. Обычнѣе было такъ, что доктора оставались въ Москвѣ и вообще тамъ, гдѣ находились государь и члены его семьи, а лѣкарей посылали и въ арміи, для пользованія ратныхъ людей; раненыхъ на войнѣ иноземцевъ и Русскихъ, когда ихъ доставляли въ Москву, лѣчили врачи и отчасти доктора.

Для упроченія и разширенія врачебнаго дѣла правительство пробовало готовить докторовъ въ заграничныхъ медицинскихъ факультетахъ изъ дѣтей служившихъ у насъ иноземцевъ. На обученіе въ Лейденѣ медицинской наукѣ Валентина Бильса, сына доктора того же имени, Михаилъ Ѳедоровичъ издержалъ болѣе 1.000 рублей. Опытъ сталъ слишкомъ дорого, и правительство, охотно разрѣшая иноземцамъ, жившимъ въ Россіи, посылать своихъ дѣтей за границу для изученія медицины, старается теперь приготовить врачей безъ отсылки за границу и притомъ изъ природныхъ Русскихъ. Иноземнымъ медикамъ вмѣняется въ обязанность приставленныхъ къ нимъ русскихъ учениковъ ознакомлять со способами лѣченія разныхъ болѣзней. Во времена Котошихина въ Аптекарскомъ приказѣ всѣхъ иностранныхъ докторовъ и лѣкарей было 30 человѣкъ и до 20 русскихъ учениковъ. Предъ смертію Алексѣя Михайловича тамъ, по оффиціальной росписи (1 сент.—1 дек. 1675 г.) Приказа, состояло на государевомъ жалованьи 4 доктора, 4 аптекаря, 3 алхимиста, 6 лѣкарей и два ученика изъ иноземцевъ и 8 лѣкарей и 19 учениковъ

изъ Русскихъ. Въ отличіе отъ иноземныхъ врачей, русскіе выученики назывались «русскими лѣкарями», большинство ихъ носило названіе по видамъ спеціальности, алхимиста, костоправа, рудомета, лѣкарей чепучиннаго, гортаннаго, зубнаго и т. п. дѣла. Уже изъ этого перечня можно видѣть, что ими усвоены были только различныя отрасли врачебнаго мастерства, пріобрѣтенныя путемъ практическимъ. Такъ какъ сами иноземные учителя обыкновенно не только не знали русской грамоты, но нерѣдко не умѣли и говорить по-русски, сносясь съ Русскими чрезъ переводчиковъ, то естественно, что для нашихъ выучениковъ не считалась обязательною даже грамотность: были между ними такіе, которые не умѣли подписать своего имени; но все чаще встрѣчались люди и грамотные, и очень навычные въ своемъ дѣлѣ. Осторожное и требовательное въ выборѣ и приглашеніи иноземныхъ врачей, правительство признавало эмпирическія свѣдѣнія, полученныя русскими выучениками, совершенно достаточными для того, чтобы этихъ лицъ назначать, наравнѣ съ иноземными врачами, на очередное дежурство въ Аптекарскомъ приказѣ, посылать на службу въ полки, дозволять имъ лѣчить постороннихъ больныхъ, благо ихъ служба оплачивалась крайне дешево, несоотвѣтственно труду [1]. Въ 1673 году русскіе и иноземные лѣкаря и лѣкарскіе

[1] Какъ это, между прочимъ, видно изъ челобитной (1661 г.) ихъ о прибавкѣ жалованья. «Аптекарского приказу лѣкари да лѣкарскова и костоправнова дѣла ученики Ѳедотка Васильевъ съ товарыщи девятнадцать человѣкъ» били челомъ государю: «Служимъ мы, холопи твои, тебѣ, в-му г-рю, въ Оптекарскомъ приказѣ и на всѣхъ твоихъ государевыхъ службахъ за тобою великимъ государемъ подъ Смоленскимъ и подъ Вилнею и подъ Ригою съ приходу и до отпуска были, и твоихъ государевыхъ ратныхъ раненыхъ людей лѣчили; и въ полкѣхъ у бояръ и воеводъ по вся годы были, твоихъ государевыхъ ратныхъ людей лѣчили. А здѣ, на Москвѣ, мы, холопи твои, днюемъ и ночуемъ и въ посылки ходимъ, и всякую работу работаемъ, и твоихъ государевыхъ ратныхъ раненыхъ людей, коихъ присылаютъ изъ розныхъ полковъ, лѣчимъ же, и на твоей государевѣ службѣ бываемъ вмѣсто лѣкаревъ иноземцовъ, и тѣми твоими государевыми далными службами лѣкаревъ иноземцевъ отслуживаемъ; а имъ, лѣкаремъ иноземцомъ, твое государево годовое жалованье, и кормъ идетъ большой; а мы, холопи твои, людишки бѣдные, твоего государева годовова жалованья и корму идетъ на день толко по десяти денегъ». Матер. для ист. медиц., III, 748.

ученики одинаково состояли на службѣ въ Сибири, Астрахани, Бѣлгородѣ, на Дону и въ другихъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ Москвы.

Съ увеличеніемъ числа иноземныхъ и русскихъ врачей, увеличивается количество аптекъ. Къ старой Кремлевской, сохранявшей первоначальное назначеніе для царской семьи, и полковымъ, прибавляется въ Москвѣ царская аптека въ Новомъ Гостинномъ дворѣ, съ продажею лѣкарствъ на волю; построить аптеку по ея образу посылали было (1675 г.) аптекаря Петра Понтана въ Вологду. Чтобы сократить выписку лѣкарствъ изъ-за границы, ввели собираніе по лугамъ и посадку въ огородахъ нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ растеній. При Алексѣѣ Михайловичѣ было въ Москвѣ три аптекарскихъ огорода или сада, въ которыхъ, подъ наблюденіемъ иноземныхъ спеціалистовъ, разводились травы, надобныя для медицинскаго употребленія. Съ этимъ было тѣсно связано распространеніе письменныхъ травниковъ. Доктора, лѣкари и аптекари разъ разсматривали (1661 г.) такіе травники, представленные въ Аптекарскій приказъ подъячимъ Львовымъ, и нашли, что оригиналъ латинскій, составленъ еще въ третьей четверти XVI вѣка и переведенъ на русскій языкъ однимъ плѣннымъ Нѣмцемъ (1616 г.). Нѣкоторыя изъ растеній были расписаны натуральными красками, и Алексѣю Михайловичу, которому были отправлены экземпляры такихъ травниковъ въ Преображенское, до того понравились они, что онъ велѣлъ переписать ихъ снова [1].

Частныя нужды выражались пока въ улучшеніи житейской обстановки. Бытовыя особенности иноземнаго обычая, естественно, про-

---

[1] Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Спб. 1881—1884, вып. I—III; Собр. г. гр. и дог. III, № 87; А. Ист. III, № 305; Д. къ А. И. V, № 100; Рус. Ист. Библ. VIII, № 10; Котошихинъ, гл. VII, стат. 23, гл. IX, ст. 12; Рихтеръ, Ист. мед. въ Россіи, I—II; Русская военно-медицинская старина, Военно-медиц. журн. 1869, CIV, отд. VII, стр. 27 — 30; проф. Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. Спб. 1883; Brückner, Die Aerzte in Russland bis zum Jahre 1800, Russ. Revue, 1887, II—III, въ сокращ. видѣ эта статья вошла въ D. Evropäis. Russlands.—Данныя, заключающіяся въ «Матеріалахъ къ ист. мед. въ Россіи», не были извѣстны изслѣдователямъ разсматриваемаго вопроса, почему даже гг. Чистовичъ и Брикнеръ, напримѣръ, обученіе у насъ медицинѣ ведутъ со временъ Петра Великаго.

никаютъ прежде всего въ самый властный и обезпеченный домъ, царскій дворецъ, который ранѣе другихъ принимаетъ нѣсколько иной видъ, давая у себя пріютъ различнымъ чужеземнымъ диковинкамъ [1]. До разграбленія его Поляками и друг. онъ представлялъ, такъ сказать, музей нетолько драгоцѣнныхъ, но и красиво отдѣланныхъ вещей, часто иноземной работы. Тронъ, столовая посуда, разныя ювелирныя украшенія поражали пословъ и гостей. Не задолго до опустошенія дворца, свитѣ королевича Ивана Датскаго, приглашенной Годуновымъ къ обѣду, царская Столовая представлялась въ такомъ видѣ: «Это большая зала со сводомъ, красиво расписанная и убранная. Царскія кресла были золотыя, столъ серебряный, съ позолоченными лапами, а кругомъ стола лежалъ тканый съ золотомъ коверъ. На верху въ залѣ висѣла прекрасной работы корона съ боевыми внутри ея часами. Посреди залы большой столбъ, а кругомъ его горка, на которой, снизу до верху, стояло такъ много золотыхъ и серебряныхъ кубковъ и большой посуды, что на удивленіе. Въ передней комнатѣ стояло кругомъ столько золотыхъ и серебряныхъ чашъ и блюдъ, между прочимъ огромные сосуды въ видѣ большихъ разнаго рода звѣрей, что не повѣрятъ, если сказать» [2]. Столовой соотвѣтствовало отчасти богатое убранство другихъ комнатъ. Такъ какъ почти все это погибло въ московскую разруху [3], то первымъ государямъ дома Романовыхъ пришлось заводить снова. Въ ихъ дворцахъ массивность предметовъ домашняго комфорта замѣтно поступается въ пользу разнообразія и изящества отдѣлки. Надъ тропомъ Михаила Ѳедоровича, обошедшимся въ 25.000 талеровъ, три года работали нѣмецкіе и русскіе мастера, изъ которыхъ главнымъ

---

[1] Забѣлинъ, Домашній бытъ русскаго народа въ XVI и XVII ст. (Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII ст.), I—II.

[2] Wahrhaffige Relation, Rüsching's Magazin, VII, пер. 14.

[3] Отъ прежняго великолѣпія остались почти однѣ стѣны; при вступленіи Михаила Ѳедоровича на престолъ всѣ палаты и хоромы были безъ кровель, безъ половъ и лавокъ, безъ окончинъ и дверей, такъ что новому царю негдѣ было поселиться. И это отъ того, что, по Рукописи Филарета (М. 1837, 48), «на царьскомъ дворѣ, во святыхъ Божіихъ церквахъ, и въ палатѣхъ и по погребомъ все стояху Литва и Нѣмцы и все свое скаредіе творяху».

былъ нюренбергскій уроженецъ Исаія Цинкрефъ [1]. Золотой тронъ Алексѣя Михайловича былъ осыпанъ драгоцѣнными камнями и имѣлъ небольшія колонны; нѣкоторыя изъ нихъ были ордена коринѳскаго, другія іоническаго, тосканскаго, дорическаго, а большая часть смѣшанныхъ [2]. Мало-по-малу рядомъ со столами и лавками домашней работы и на ихъ смѣну вводятся «нѣмецкіе» и «польскіе» столы, «золотные нѣмецкіе» стулья, съ живописными и другими украшеніями. Въ хоромахъ Алексѣя Михайловича находился (1675 г.) «столъ писанъ по золоту разными краски травы; въ серединѣ кругъ, въ кругу орелъ двоеглавый съ короною; по сторонамъ круга писано золотомъ по столу по птицѣ сирину (райской); каймы писаны по золоту жъ съ разными краски, въ углахъ травы; подстолье писано по разнымъ краскамъ золотомъ травы». У стѣнъ комнатъ, гдѣ не было лавокъ, и на лавкахъ стояли поставцы, въ которыхъ хранились разныя вещи, наряды, дорогая посуда, возможно изящной работы. У Прины Михайловны, невѣсты Вальдемара, въ ея затѣйливомъ поставцѣ, между прочимъ, стояло нѣсколько серебряныхъ золоченыхъ «нѣмокъ», у одной изъ нихъ въ рукахъ сосудецъ съ кровлею, у другой братина, у третьей ведро, у четвертой лахань; затѣмъ хранились «корабликъ на колесахъ», «два возка серебряны маленьки, нѣмецкое дѣло», и т. п. Зеркала употреблялись «булатныя» и «хрустальныя», различныхъ видовъ. Голландскій посолъ Яковъ Борель поднесъ (1665 г.) государю два большихъ зеркала; одно было около двухъ аршинъ вышины, въ рамѣ, на верху которой красовалась рѣзная золоченая корона съ крестомъ на ней. Часы были столовые, стѣнные и карманные, съ хитрыми затѣями, съ «планидами», «знамены небесными», съ «цимбальцы и съ Нѣмцы и съ башенкою», съ «трубачи и со слономъ», и въ формѣ башни, колымаги, паникадилы, фляги, ставца, сыра и т. п. Между письменными принадлежностями на комнатномъ столѣ Алексѣя Михайловича находились «часы въ собачкѣ, нѣмецкіе, подъ ними въ шкатулкѣ черниленка да песочница, ножичекъ,

---

[1] Olearius, 33, пер. 44.

[2] Сказаніе Адольфа Лизека о посольствѣ отъ имп. рим. Леопольда къ в. ц. моск. Алексѣю Михайловичу, въ 1675 году, Ж. М. Н. Пр. 1837, X, 378.

поженки». Употребленіе часовъ во дворцѣ извѣстно очень рано. Ихъ также подносили послы, или покупались они у иноземцевъ, продававшихъ по дорогой цѣнѣ. Шведскіе послы привезли (1557 г.) Ивану Васильевичу кубокъ золоченъ, накрывавшійся крышкой съ часами; послы императора Рудольфа поднесли Ѳедору Ивановичу нѣсколько часовъ, между прочимъ «часы съ перечасьемъ, съ людьми и съ трубы, съ накры и съ варганы; какъ перечасье и часы забьютъ, въ ту пору въ трубы, въ накры и въ варганы заиграютъ, какъ живые люди». Подобныя приношенія повторялись и впослѣдствіи, какъ равно были обычны приношенія со стороны иностранныхъ купцовъ, которые, по случаю торжественныхъ дней и праздниковъ, били челомъ государю и членамъ царской семьи такими и другими западными издѣліями, за что̀ получали соотвѣтственное вознагражденіе. Это однако ни мало не ослабляло прямыхъ покупокъ и заказовъ. Въ 1675 г. куплены за 30 рублей у Голландца Логина Фабриціуса «часы боевые столовые мѣдные золоченые съ перечасьемъ и будильникомъ нѣмецкаго дѣла, самые добрые». За рѣдкостью и дороговизною карманныхъ часовъ употреблялись часы башенные, которые однако показывали время соотвѣтсвенно съ русскимъ дѣленіемъ сутокъ. Въ концѣ XVI в. такіе часы стояли на трехъ воротахъ Кремля, съ трехъ его сторонъ. На смѣну старыхъ боевыхъ часовъ, стоявшихъ на Спасскихъ воротахъ и проданныхъ (1624 г.) Ярославскому Спасскому монастырю, Англичанинъ Христоферъ Головей сдѣлалъ (1625 г.) новые и вывелъ надъ ними каменный шатеръ въ готическомъ стилѣ, украшающій ворота и доселѣ. Чтобы держать часы въ исправности, часовщиками служили иноземцы, которые, когда было нужно, починяли ихъ, или дѣлали новые.

Стѣны дворца украшались рѣзьбой и живописью. Столовая Алексѣя Михайловича, построенная по «вымыслу» нѣмецкаго инженера-архитектора полковника Густава Декемпена, была украшена рѣзьбой фигурною, въ стилѣ возрожденія, но съ нѣмецкою и готическою его обработкой, и эта фигурная рѣзьба мало-по-малу отъѣсняетъ прежнія рѣзныя украшенія; рѣзныя, золотильныя и живописныя работы въ Столовой выполняли мастера литовско-польскіе и русскіе, которые потомъ въ томъ же стилѣ отдѣлали Столовую ца-

ревича Алексѣя Алексѣевича. († 1670 г.), Коломенскій дворецъ и др. Для стѣнописи и вообще картинъ къ предметамъ изъ священной исторіи присоединялись сюжеты изъ исторіи русской и отчасти древней всеобщей; въ большомъ употребленіи были также портреты лицъ царскаго семейства и высшихъ духовныхъ лицъ, символическія изображенія временъ года, «бѣги небесные», «лунное теченіе, солнце, мѣсяцъ и звѣзды», четыре стихіи; картины перспективныя и ландшафты, наконецъ «фряжскіе листы». Картины, при всемъ преобладаніи въ нихъ церковно-назидательнаго характера, отличались отъ иконъ, и были писаны нерѣдко иноземными художниками; самыя «притчи» списывались обыкновенно съ гравированныхъ рисунковъ, изъ разныхъ духовныхъ книгъ, славянскихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ. Среди придворныхъ собственно нѣмецкихъ живописцевъ Михаила Ѳедоровича наиболѣе извѣстенъ Иванъ Детерсъ, Алексѣя Михайловича Нѣмецъ Цесарской земли Данило Вухтерсъ, и знакомый уже намъ «перспективнаго дѣла мастеръ» Петръ Инглисъ. Что касается «фряжскихъ листовъ» [1], то эти извѣстные еще съ XVI столѣтія эстампы, гравированные на мѣди и на деревѣ, въ XVII вѣкѣ подъ названіемъ «потѣшныхъ нѣмецкихъ печатныхъ листовъ» украшали, наравнѣ съ картинами и портретами, постельныя палаты, въ которыхъ не было стѣнописи, и покупались они для царскихъ дѣтей вмѣстѣ съ русскими и нѣмецкими игрушками. По комнатамъ царевича Алексѣя Алексѣевича съ такими листами было развѣшано пятьдесятъ рамокъ. Заносились во дворецъ и разные чертежи и географическія карты.

Если фряжскіе листы, часы съ музыкой и т. п. предметы убранства и домашняго обихода употреблялись для забавы, то для увеселенія прямѣе должны были служить органы, извѣстные во дворцѣ съ XV в., и клавикорды или цимбалы, завезенные столѣтіемъ позднѣе. Красиво убранные цимбалы поднесъ Горсей царю Ѳедору Ивановичу. При Потѣшной палатѣ Михаила Ѳедоровича находились постоянные игрецы на этихъ инструментахъ, цимбальщики и органные мастера. На его свадьбѣ (1626 г.) играли въ Грановитой

[1] Д. Ровинскій, Русскія народныя картинки. Спб. 1881, V, гл. III.

палатѣ на «цимбалахъ и варганахъ» и тѣшили государя гусельники, домрачеи, скрипочники, въ числѣ послѣднихъ названъ нѣмчинъ новокрещенъ Арманка. Къ этому государю пріѣхали (1631 г.) затѣмъ на службу два часовыхъ мастера, названные въ нашихъ актахъ [1] «Яганъ и Мелхертъ Луневы», и привезли съ собой изъ Голландіи «стрементъ на органное дѣло», который они доправили въ Москвѣ: «около него сдѣлали станокъ съ рѣзью, и рѣзь цвѣтили краскою и золотомъ, и на стрементѣ дѣлали соловья и кукушку съ ихъ голосами; и какъ заиграютъ органы, обѣ птицы запоютъ сами собою, безъ человѣческихъ рукъ». Хотя, въ качествѣ часовщиковъ, они опредѣлены были съ окладомъ государева жалованья, однако «за то мудрое дѣло, что они сдѣлали стрементъ со всею игрою, пожаловалъ ихъ государь, велѣлъ дать имъ 2676 рублевъ», да послѣ того, какъ дважды слушалъ ихъ игру, прибавилъ 40 соболей и въ стола мѣсто кормъ и питье. Послѣ смерти Ягана (1637 г.), Мельхертъ, по его собственному желанію, былъ отпущенъ, и получилъ въ награду 100 рублей деньгами и 40 соболей. Луневыхъ замѣстили другими, иноземцами и русскими. Органистъ Алексѣя Михайловича, шляхтичъ Симонъ Гутовскій по порученію (1663 г.) государя сдѣлалъ органы громадныхъ размѣровъ, въ десять голосовъ, для отсылки въ подарокъ персидскому шаху, которому самъ Гутовскій доставилъ ихъ въ исправности. Тотъ же Гутовскій устроилъ и приспособилъ цѣлый оркестръ для придворныхъ театральныхъ представленій.

На ряду съ разными домашними потѣхами «веселыхъ» людей въ первой половинѣ XVII вѣка шли при дворѣ представленія нѣмецкихъ фигляровъ, балансеровъ, фокусниковъ и т. п. лицъ, разыгрывавшихъ иногда и дѣйства. Съ 1629 г. болѣе 10 лѣтъ состоялъ на службѣ въ Потѣшной палатѣ канатный плясунъ, потѣшникъ Нѣмчинъ Иванъ Семеновъ Лодыгинъ, едва ли не изъ перекрещенцевъ. Случалось, что онъ тѣшилъ царскую семью въ подгородныхъ царскихъ селахъ. 29 мая 1635 г. онъ веселилъ ее въ с. Покровскомъ-Рубцовѣ

[1] М. Г. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію, 1638, сент.—ноябрь; Портфель Миллера, № 385, портф. 1, № 7. Временникъ, кн. 16, смѣсь, 22—26; Рус. Истор. Библ. VIII, 284—291.

съ участіемъ другаго потѣшника, Нѣмчина Юрія Воинъ-Бранта. Подъ вліяніемъ Никона, врага увеселеній и скоморошества, Потѣшная палата въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича утратила было свой характеръ, за то послѣ войны съ Польшей и съ пріобрѣтеніемъ при дворѣ значенія А. С. Матвѣевымъ она расширилась въ небывалыхъ дотолѣ размѣрахъ, такъ что теперь возымѣли охоту завести настоящій театръ.

Наши послы не разъ сообщали о театральныхъ представленіяхъ, видѣнныхъ ими у польскаго и другихъ королей; заѣзжавшіе въ Москву иноземцы устраивали иногда любительскіе спектакли [1]; очередь заведенія театральныхъ представленій наступала за Московскимъ дворомъ. По выходѣ замужъ за Алексѣя Михайловича воспитанницы Матвѣева, Наталіи Кириловны Нарышкиной, болѣе свободные порядки, бывшіе въ домѣ этого вельможи-западника, переносятся во дворецъ, и самъ государь, отличавшійся большимъ эстетическимъ чувствомъ и любившій красивыя зрѣлища и церемоніи, много хлопоталъ объ утѣхахъ своей молодой супруги. Театральныя увеселенія, заносимыя къ намъ изъ югозападной Россіи, могли казаться здѣсь недостаточными. Между тѣмъ въ качествѣ начальника Посольскаго приказа Матвѣевъ хорошо зналъ извѣстнаго генерала Баумана и его способную партію, и вотъ за двѣ недѣли до рожденія Петра сторонникъ Баумана и «пріятель» Матвѣева, подковникъ Николай фонъ-Штаденъ, былъ посланъ въ Курляндію, Швецію и Пруссію для найма годныхъ музыкантовъ, танцовщиковъ и комедіантовъ [2]; едва этотъ

---

[1] У англійскаго посла Карлейля, въ отведенномъ ему домѣ на Покровкѣ, прежнемъ Давида Рутца, было однажды (1664 г.) дано театральное представленіе (Посольство въ Россію гр. Карлейля, От. Зап. 1855, XI, отд. IV, 58—59), каковые спектакли могли находить мѣсто и въ Нѣмецкой Слободѣ.

[2] Оффиціальные документы о миссіи Штадена хранятся въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., Выѣзды въ Россію 1671 г., № 3, 1672—1677, № 1.—Объ этой и послѣдующей исторіи основанія театра см. работы Ѳ. Кони, Русскій театръ, его судьбы и его историки, въ Русск. сценѣ, 1864; А. Н. Веселовскаго, Старинный театръ въ Европѣ. М. 1870; Н. С. Тихонравова, Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра. М. 1873; его же, Русскія драматическія произведенія 1672—1725. Спб. 1884, I—II; Е. В. Барсова, Хроника Русскаго театра Носова. М. 1883;

успѣлъ двинуться въ путь, какъ нетерпѣливые государь и вельможа, не дожидаясь его возвращенія, повелѣли другому сторонникy и любимцу Баумана, пастору Грегори, написать комедію, разучить ее въ его школѣ и поставить при дворѣ. Именемъ государя указывалось (4 іюня) «иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Эсѳирь и для того дѣйства устроить хоромину вновь».

Грегори былъ знакомъ съ тѣмъ положеніемъ драмы въ Германіи, въ какомъ она находилась до поры его выѣзда оттуда, почему для выполненія порученія государя онъ искалъ пьесъ не въ отжившемъ запасѣ мистерій и моралите и не въ новомъ, только что входившемъ въ употребленіе репертуарѣ Фельтеновской труппы, но въ средѣ произведеній тѣхъ комедіантовъ, которые, придя изъ Англіи на европейскій материкъ, оставили глубокій слѣдъ въ драматической литературѣ и сценической практикѣ Нѣмцевъ и подготовили эпоху Фельтена. Первую траги-комедію Эсѳирь или такъ называемое Артарксерксово дѣйство онъ написалъ очень скоро [1]. Экземпляра ея доселѣ не найдено; это, надо полагать, была передѣлка Комедіи о королевѣ Эсѳири и высокомѣрномъ Аманѣ, разыгрываемой прежде при саксонскомъ дворѣ и помѣщенной еще въ первомъ нѣмецкомъ

В. Карпова, Русскій театръ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, Искусство, 1883, № 25; публ. лекц. проф. А. С. Архангельскаго, Театръ до-Петровской Руси. Казань, 1884; A. Wesselofsky, Deutsche Einflüsse auf das alte russische Theater von 1672—1756. Prag. 1876; въ Ж. М. Н. Пр. за 1887—1888 г. помѣщено изслѣдованіе П. О. Морозова, Очерки изъ исторіи русской драмы, вышедшее отдѣльною книгой, оцѣнка которой представлена А. В-нъ въ Вѣстн. Евр., 1888, XI, и профессорами А. Н. Веселовскимъ въ Ж. М. Н. Пр., 1888, XII, и А. И. Соболевскимъ въ Рус. Филол. Вѣстн., 1889, т. XXI.

[1] Rinhuber (29) передаетъ, будто бы Грегори исполнилъ царское порученіе крайне неохотно, и лишь по боязни, что пришлось выбирать между царскимъ благоволеніемъ и немилостью. Здѣсь вполнѣ довѣрять словамъ Рингубера нельзя, такъ какъ онъ писалъ ихъ для герцога Эрнста Благочестиваго, ревнивому религіозно-лютеранскому чувству котораго могло показаться крайне непріятнымъ подобное примѣненіе труда лютеранскаго пастора и школы; самъ Рингуберъ на благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на государя первымъ театральнымъ представленіемъ основывалъ большія надежды для матеріальнаго положенія своей партіи.

сборникѣ «англійскихъ комедій и трагедій» (1620 г.). Пьесу начали готовить къ постановкѣ. Слишкомъ шестьдесятъ мальчиковъ, дѣти разныхъ служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ, ученики Нѣмецкой школы, около трехъ мѣсяцевъ разучивали ее по-нѣмецки и по-русски. Пастору пособляли занимавшійся тогда преподаваніемъ въ школѣ Рингуберъ и русскій учитель Юрій Михайловъ; кулисы рисовалъ живописецъ Петръ Инглисъ, сосѣдъ Баумана, уступившій ему долю своего участка подъ его церковь; оркестръ составили органистъ Симонъ Гутовскій [1] и «игрецъ» Тимоѳей Гасенкрухъ, съ дворовыми музыкантами Матвѣева. Предназначавшаяся для спектакля, «комидійная хоромина», небольшая, но богато убранная, подъ наблюденіемъ Грегори была устроена неподалеку отъ Слободы, въ селѣ Преображенскомъ, на государевомъ дворѣ [2]. Существуетъ преданіе [3], что Алексѣй Михайловичъ, желая допустить и посмотрѣть «лицедѣйство библейской исторіи Нѣмцами», спросилъ своего духовника, не будетъ ли оно противно правиламъ христіанской вѣры и обычаю русскому. Никона уже не было, и духовникъ успокоилъ его совѣсть ссылкой на примѣры христіан-

[1] Морозовъ (Очерки изъ ист. рус. др., Ж. М. Н. Пр. 1888, III) считаетъ его «церковнымъ органистомъ». По свидѣтельству писателя той поры, Kilburger'a (337, пф. 197) въ московскихъ киркахъ не было не только органовъ, но и колоколовъ (см. также выше, III гл., 198 стр.). Гутовскій скорѣе былъ однимъ изъ преемниковъ Луневыхъ и едва ли принадлежалъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію. Какъ шляхтичъ, онъ, вѣроятно, былъ католикъ, а можетъ быть, и православный: послѣ польской войны Алексѣя Михайловича большинство придворныхъ живописцевъ и другихъ иноземныхъ художниковъ набралось изъ Поляковъ и Литовцевъ, плѣнныхъ и приглашенныхъ, которые или оставались при прежнемъ вѣроисповѣданіи, или изъ католичества и уніи переходили въ Православіе. О національности этихъ художниковъ см. у Забѣлина; о принятіи литовско-польскими плѣнными нашего вѣроисповѣданія см. въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., Выѣзды въ Россію и Приказныя дѣла за соотвѣтствующіе годы.

[2] Кромѣ извѣстнаго въ печати о ея строеніи (см. архивныя извлеченія у Тихонравова, Лѣт. рус. лит. и др. III, отд. II, Забѣлина, Бытъ русск. царицъ. М. 1872, 483), нѣкоторыя дополнительныя данныя находятся въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., Приказныя дѣла 1672 г., св. 454, № 15; 1673 г., св. 468 и 476.

[3] Неточно, впрочемъ, отнесенное (Хроника русскаго театра, Носова, 6—9) къ другому случаю, переданному также въ крайне искаженномъ видѣ. Ср. Пекарскаго, Наука и Литер. въ Рос. при П. В., Спб. 1862, I, 392.

скихъ государей иныхъ земель и въ особенности константинопольскихъ императоровъ, у которыхъ въ цареградскихъ палатахъ давались различныя потѣшныя игрища.

«Представленіе состоялось 17 октября 1672 года. Въ удивленіи имъ царь смотрѣлъ цѣлыхъ десять часовъ, не вставая съ мѣста. Онъ выразилъ свою милость автору пьесы (маг. Грегори) и сыну доктора Блюментроста, лучше всѣхъ другихъ исполнившему свою первую роль» (вѣроятно, роль Эсѳири). Такими чертами описываетъ впечатлѣніе, произведенное на государя первымъ представленіемъ, Рингуберъ, принимавшій въ постановкѣ пьесы непосредственное участіе [1]. Щедро наградивъ Грегори и оказавъ помощь школѣ, Алексѣй Михайловичъ свое вниманіе къ пьесѣ выразилъ тѣмъ, что поднесенный ему экземпляръ комедіи велѣлъ переплести въ сафьянъ съ золотомъ.

Ученики должны были ходить или ѣздить теперь то въ Преображенскій дворецъ, то въ Кремль, гдѣ въ палатахъ надъ Аптекарскимъ приказомъ, попеременно съ Преображенскимъ, устраивались спектакли. Успѣхами учениковъ въ сценическомъ искусствѣ наши были на столько довольны, что не особенно гнались за Фельтеномъ, нѣвицей Паульсонъ и другими нѣмецкими знаменитостями, вошедшими въ сношенія съ фонъ-Штаденомъ, которому удалось привезти (3 дек. 1672 г.) съ собою пока лишь небольшое число музыкантовъ [2]: новыхъ

---

[1] Это свидѣтельство Rinhuber'а весьма важно въ томъ отношеніи, что точно устанавливаетъ время перваго представленія и тѣмъ устраняетъ прежнія мнѣнія, относившія начало театральныхъ дѣйствій къ разнымъ годамъ и мѣсяцамъ.

[2] «Въ нынѣшнемъ во ρπΔ году декабря въ Ѓ день къ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержцу, пріѣхалъ изъ Свѣи полковникъ Николай фанъ-Стадинъ, а въ Посолскомъ приказѣ объявилъ: по указу-де великого государя, будучи онъ въ Стеколнѣ и въ Курлянской землѣ, въ службу великого государя приговорилъ и привезъ съ собою къ Москвѣ одного человѣка трубача Цесарскіе земли Яна Вандона, да четырехъ человѣкъ музыкантовъ Прускіе земли Фредрика Планшлейна, Курлянскіе земли Якова Филипова, Гданчанина Готфрита Бегена, Саксончина Христофора Акамера. А съ ними есть розныхъ семь страментовъ... А великого-де государя жалованья договорился онъ, Николай, давать имъ помѣсячно кормъ съ

предложеній и обѣщаній знаменитостямъ, въ нерѣшительности раздумывавшимъ, ѣхать ли имъ въ Москву, наши не посылали, найдя болѣе практичнымъ подкрѣпить новопріѣзжими оркестръ и къ нѣмецкимъ комедіантамъ присоединить русскихъ учениковъ. Маленькіе актеры упоминали о себѣ въ разыгрываемыхъ пьесахъ скромно: въ одной называли себя «еще неискусными и несмысленными отрочатами», въ другой просили снисходительности къ своему «дѣтскому дѣйствію» и т. п. Тѣмъ не менѣе на ихъ представленіяхъ охотно присутствовали члены царской семьи и важнѣйшее боярство. За Артаксерксовымъ дѣйствомъ Грегори изготовилъ и поставилъ комедіи Іудиѳь, Товій, Іосифъ, Адамъ и Евва, Темиръ-Аксаково дѣйство или Баязетъ и Тамерланъ, цѣлый репертуаръ. Не миновали и балета. Полагаютъ, что это было подражаніе виттенбергскому балету (1638 г.) Орфей и Эвридика и что онъ былъ поставленъ (1673 г.) на московской сценѣ фонъ-Штаденомъ, котораго, по его возвращеніи изъ-за границы, не разъ призывали во дворецъ вмѣстѣ съ Госенкрухомъ и Гутовскимъ.

Театръ былъ только завершеніемъ нѣмецкихъ и нѣмецко-русскихъ потѣхъ, дававшихся при дворѣ веселыми людьми. Но цари знали и другія развлеченія, устраиваемыя иноземцами или при помощи иноземцевъ. Михаила Ѳедоровича тѣшили разъ (18 іюля 1633 г.) поединкомъ на шпагахъ поручикъ Анцъ Сандерсонъ и золотаго дѣла мастеръ Яковъ Гастъ. Этотъ государь любилъ и львиную потѣху; къ нему привели также и слоновъ, а львы завезены были еще при Ѳедорѣ Ивановичѣ, когда у Китайгородской стѣны выстроили для нихъ особый дворъ. Появляются также попугаи и другія рѣдкія птицы, выпиской которыхъ для Алексѣя Михайловича, между про-

---

сентября мѣсяца нынѣшняго ρ̃п̃а году: трубачю по н̃ рублевъ на мѣсяцъ; музыкантомъ по s̃ рублевъ на мѣсяцъ человѣку, а на годъ будетъ всѣмъ дать тр̃д рубли». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію, 1672 — 1677, № 1: «Отправленіе полковника Николая фонъ-Стадена въ Швецію, Курляндію и Пруссію для пріисканія въ государеву службу ...комедіантовъ, трубачей, музыкантовъ и проч.»—Въ августѣ 1675 года трое изъ этихъ музыкантовъ подписалось въ полученіи жалованья, за три мѣсяца по 9 рублей, такими именами: Jacob Philitz, Gottfried Berge и Christoffor Akermann. Тамъ же, Дѣла по Галичу, № 26, л. 230.

чимъ, занимались гость Ѳома Келлерманъ и Андрей Виніусъ. Нѣкоторые царскіе сады, распланированные и разсаженные по указаніямъ иноземцевъ, Петръ Инглисъ украсилъ преспективнымъ письмомъ [1]. Царскія погреба были наполнены разными заморскими винами.

Для ближайшаго къ царю боярства дворецъ служилъ во всемъ образцомъ. Обстоятельство, что нѣмецко-русскій театръ явился подъ вліяніемъ Матвѣева, не нарушало сущности положенія. Тѣ диковинки, какія находились во дворцѣ, появлялись и въ боярскихъ домахъ и подобнымъ же путемъ. Вліятельнымъ лицамъ иноземные послы и добивавшіеся привилегій и милостей иноземцы всегда дарили разныя вещи западнаго издѣлія; еще болѣе покупалось ихъ у иноземцевъ, привозившихъ ихъ изъ-за границы или выдѣлывавшихъ на заказъ. Принадлежности домашняго обихода, живописныя и рѣзныя украшенія, картины, портреты, эстампы, матеріи, вина и т. п. все чаще и чаще встрѣчаются въ боярскихъ домахъ. Послѣ двоюроднаго брата Михаила Ѳедоровича, боярина Никиты Ивановича Романова († 1654 г.), среди массы предметовъ русской работы, осталось очень большое количество вещей, отмѣченныхъ въ описи «нѣмецкими» или «нѣмецкаго дѣла». Это были большіе сундуки, разные ящики, шкатулки, кресло, кубки, стопа, кувшинъ, солонка, болѣе двадцати «пистолей», карабинъ, «кинжалецъ», сѣдла, удила муштучныя, «шляпенко черное», сѣрое сукно, часы, двѣ сурны, органы и т. п. Тутъ находилась «шкатула нѣмецкая, а въ ней цимбалъ, а на верху часы боевые», «шкатула черная, нѣмецкое дѣло, лѣкарственная, а въ ней 8 суденковъ серебряные золочены, на склянкахъ, тиски серебряные золочены жъ, а нижняго и верхняго ящика отомкнуть было нечѣмъ; шкатула жъ черная нѣмецкая жъ, вверхъ палаткою, писано серебромъ и золотомъ, въ верхнихъ ящикахъ подъ мѣсты 4 черепа, кости рыбьи, шадра черная, въ середнемъ ящикѣ судонки костяные. Да въ Аптеку указалъ государь изъ животовъ бояр. Никиты Ивановича взять шкапъ большой, дерево индѣйское, въ немъ всякія разныя снасти лѣкарственнаго дохтурства, а куплена та шкатула у Нѣмецъ,

[1] Доп. къ Акт. Истор. VI, 102; Забѣлинъ, Московскіе сады въ XVII стол., Опыты изуч. рус. древн. и исторіи. М. 1873, II, 276—277, 285—286, 296.

дана 950 рублевъ». Въ числѣ найденныхъ портретовъ были «парсуна» Густава Адольфа и парсуна королевы Христины, конечно, «нѣмецкой» работы; того же издѣлія, разумѣется, былъ «кубокъ лосчатой золоченъ съ кровлею прорѣзною, подъ нимъ росольникъ, на верху мужичекъ съ парусомъ, а въ кровлѣ весюлки серебряныя, а въ срединѣ въ кровлѣ мужичекъ крылатъ съ лукомъ; вѣсу въ немъ 4 фунта 15 золотниковъ, влагалище деревянное» [1]. Послѣдняя вещь отчасти объясняетъ, почему на подмосковномъ дворѣ боярина найденъ впослѣдствіи Петромъ англійскій ботикъ [2]. Домъ и обстановка Артемона Сергѣевича Матвѣева своими «нѣмецкими» диковинками совсѣмъ удивили заѣзжаго наблюдателя. О пріемной комнатѣ, въ которой бояринъ принималъ (1675 г.) у себя австрійскихъ пословъ, Лизекъ записалъ: [3] «Потолокъ залы былъ разрисованъ, на стѣнахъ висѣли изображенія святыхъ нѣмецкой живописи; но всего любопытнѣе были разные часы съ различнымъ исчисленіемъ времени. Такъ, одни показывали часы астрономическаго дня, начиная съ полудня (какія употребляются и въ Германіи); на другихъ означались часы отъ заката солнца, по счету богемскому и италіанскому, иные показывали время отъ восхода солнца, по счисленію вавилонскому, другіе по іудейскому, иные, наконецъ, начинали день съ полуночи, какъ принято латинскою церковію». За первостепенными боярами тянулись и нѣкоторые изъ менѣе знатныхъ. Много диковиннаго западало также въ дома другихъ богатыхъ лицъ и въ дома высшаго духовенства. У патр. Никона однихъ гравюръ было до нѣсколько сотъ.

Изъ иноземныхъ художествъ высшимъ признавалось у насъ живописное, какъ это, между прочимъ, видно изъ отзыва (ок. 1666 г.)

---

[1] Роспись всякимъ вещамъ, деньгамъ и запасамъ, что осталось по смерти большаго боярина Н. И. Романова и дачи по немъ на поминъ души, Чт. И. М. О. И. и Д. Рос. 1887, III. Домъ Никиты Ивановича стоялъ на Никитской улицѣ. Пекарскій, Свѣдѣніе о домѣ въ Москвѣ, принадлежавшемъ въ XVII вѣкѣ бояр. Н. И. Романову, Изв. И. Археол. Общ. Спб. 1865, V, 258—259.

[2] Веселаго, Дѣдушка русскаго флота, Русск. Старина, 1871, IV, 464—465, 468.

[3] Лизекъ, Ж. М. Н. Пр. 1837, X, 367—368.

Симеона Полоцкаго [1] о дѣятельности у насъ иностранныхъ живописцевъ и объ отношеніи къ нимъ русскихъ заказчиковъ работы: «И здѣ нынѣ зримъ: тѣхъ же странъ живописцамъ, имъ же многія по своему желанію персоны писати даютъ и за сіе имъ почитаніе веліе и мзду изобилну воздаютъ, тако жъ и во одежахъ и во иныхъ во всякихъ вещехъ избираютъ лучшая».

Западная цивилизація, иноземныя мастерства и художества привлекали здѣсь къ себѣ Русскихъ людей новыми удобствами жизни, удовольствіями и удовлетвореніемъ эстетическому чувству и вызывали щеголеватость роскоши и нѣкоторую искусственность потребностей, вмѣсто прежней простоты. Но дѣятельность Нѣмцевъ не могла ограничиваться одною доставкой новинокъ, въ родѣ картины, часовъ, покойной кареты, красивой сбруи, музыкальныхъ инструментовъ и т. д. Служба иноземныхъ мастеровъ и художниковъ, помимо ихъ работъ для дворца и богатыхъ домовъ, заключалась и въ томъ, что они подготовляли опредѣляемыхъ къ нимъ на казенномъ содержаніи русскихъ учениковъ [2], изъ которыхъ иные достигали значительнаго совершенства. Ученикъ Вухтерса и смоленскаго шляхтича Лопуцкаго, Иванъ Безминъ за свои работы по живописи возведенъ былъ потомъ въ московскіе дворяне. Изъ подобныхъ ему учениковъ образовалось нѣчто въ родѣ школы, внесшей свойства живописнаго западнаго стиля даже въ иконопись и церковную стѣнопись, которыя, сохраняя въ общемъ своеобразныя черты стариннаго стиля, пріобрѣтали уже болѣе свѣтлый колоритъ и правильный и изящный рисунокъ и большее приближеніе къ дѣйствительности. Работая подъ наблюденіемъ иноземныхъ художниковъ и съ иноземныхъ, случайно западавшихъ въ Московское государство образцовъ, наши мастера, конечно, не получали понятія о различныхъ стиляхъ западнаго искусства; русскій мастеръ «не могъ», по наблюденіямъ нашего ученаго зна-

[1] Л. Н. Майковъ, Симеонъ Полоцкій, Очерки изъ исторіи русск. литературы XVII и XVIII столѣтій. Спб. 1889, 146.

[2] Ученикамъ, напримѣръ, Детерса выдавалось оно изъ приказа Большаго прихода, ученикамъ Лопуцкаго—изъ Оружейнаго приказа. Забѣлинъ, Матеріалы для исторіи русской иконописи, Временн., VII, отд. II, стр. 43.

тока древне-русскаго искусства [1], «отличить произведеній школы нѣмецкой отъ фламандской или италіянской, школъ древнихъ отъ новыхъ; но во всемъ, что̀ ни доносилось къ нему съ Запада, чувствовалось ему новое, освѣжительное благоуханіе красоты; глазъ привыкалъ къ изящнымъ очертаніямъ, къ благородной постановкѣ фигуръ, къ артистической драпировкѣ. Художникъ свыкался съ натурою, руководительницею всякаго искусства. Живопись колорита иностранныхъ картинъ на доскахъ или полотнѣ поражала его тѣмъ невѣдомымъ на Руси обаяніемъ, какое способно производить на душу только истинное художество, воспроизводящее природу». То обстоятельство, что у нашихъ художниковъ были одни ограниченныя, случайныя сношенія съ западнымъ искусствомъ, не вредило пока дѣлу; напротивъ, такія сношенія «послужили только къ ихъ пользѣ, не причинивъ того вреда, который, безъ сомнѣнія, оказался бы въ ихъ религіозныхъ произведеніяхъ недостаткомъ искренняго христіанскаго одушевленія... Въ древне-русскомъ художникѣ пробуждалась потребность красоты, естественности и природы, въ какой мѣрѣ эта законная потребность согласуется съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ».

Собственно на церковной живописи и иконописцахъ непосредственнѣе отражалось вліяніе образцовъ и художниковъ католическихъ, именно итальянскихъ, польско-литовскихъ и другихъ, или художниковъ, только получившихъ образованіе въ католической школѣ, каковы бѣлоруссы и малоруссы, такъ что даже всѣ измѣненія и улучшенія въ иконописи, введенныя при патр. Никонѣ, расколоучителямъ [2] казались цѣликомъ фряжскими, заимствованными у католиковъ. Мы видѣли [3], какъ строго самъ Никонъ, въ интересахъ религіозныхъ, вооружался противъ рабскаго подражанія и подчиненія католическимъ образцамъ, но это не исключило вліянія итальянской живописной школы. Что касается нѣмецко-протестантскихъ образцовъ и художниковъ, то они, повидимому, прямѣе вліяли въ области гра-

---

[1] Ѳ. И. Буслаева, Русская эстетика XVII вѣка, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Спб. 1861, II, 403.

[2] Протоп. Аввакумъ, О иконномъ писаніи или О образѣхъ, въ Матер. для истор. раскола, V, № 30.

[3] Гл. VII, стр. 680—681.

вированія. Первыми русскими граверами были знаменщики или рисовальщики Серебряной палаты, составлявшей отдѣленіе Оружейной палаты. Эти знаменщики дѣлали рисунки для травъ (украшеній), фигуръ и надписей, вырѣзываемыхъ на предметахъ царскаго обихода; затѣмъ выдѣлились и особые граверы. На связь и зависимость гравированія на мѣди отъ нѣмецкаго образца и искусства указываетъ, напримѣръ, то, что доска для краснваго заглавнаго листа къ Ученію о ратномъ строѣ сдѣлана по царскому заказу въ Голландіи въ 1647 году; иллюстрація Лютерова Апокалипсиса установила характеръ западной редакціи нашихъ лицевыхъ Апокалипсисовъ. «По своему натурализму въ стилѣ возрожденія, какъ ни противорѣчитъ Лютерова иллюстрація основнымъ преданіямъ нашей иконографіи, однако», по изысканіямъ новѣйшаго изслѣдователя [1], «она произвела эпоху въ исторіи нашихъ лицевыхъ Апокалипсисовъ, и въ теченіе столѣтій, отъ XVI и до XVIII включительно, оказывала на нихъ свое вліяніе. Особенно сильно оно выразилось уже въ XVI в. въ Соловецкомъ юсовомъ Апокалипсисѣ, въ которомъ, при общемъ господствѣ западнаго характера, нѣкоторыя миніатюры можно признать за копіи съ небольшими измѣненіями съ Лютеровыхъ гравюръ». Лицевая Библія, выполненная брюссельцемъ Борхтомъ (1540—1608), въ теченіе почти всего XVII вѣка имѣлась въ мастерскихъ нашихъ живописцевъ и граверовъ; изъ большой Библіи Пискатора, издателя (1631 г.) карты Россіи [2], іерей Прокопій картинки своего Апокалипсиса и лицеваго Отче нашъ (1646—1662) рисовалъ въ ту же мѣру, какъ въ подлинникѣ. Оно и понятно. Лютеранскіе художники направляли свой рѣзецъ противъ общаго съ Русскими религіознаго врага, римскаго католицизма, почему, напримѣръ, легко случилось, что въ Соловецкомъ юсовомъ Апокалипсисѣ XVI вѣка апокалипсическій звѣрь въ нѣкоторыхъ рисункахъ носилъ на себѣ папскую тіару. Но и здѣсь не обходилось безъ соблазна. Припомнимъ энергическое запрещеніе патр. Іоакимомъ печатныхъ нѣ-

---

[1] Буслаева, Русскій лицевой Апокалипсисъ. Сводъ изображеній изъ лицевыхъ Апокалипсисовъ по рус. рукоп. съ XVI вѣка по XIX-й. М. 1884, 133—134.

[2] Исправленный переводъ карты, составленной по повелѣнію Борпса Годунова и изданной Герардомъ еще въ 1614 г.

мецкихъ листовъ съ религіознымъ содержаніемъ [1]. Безпрепятственнѣе примѣнялось гравированіе въ области не религіозной. Такъ называемые потѣшные нѣмецкіе листы, гравированные иноземцами на мѣди и деревѣ и продававшіеся въ большомъ количествѣ въ московскомъ овощномъ ряду, послужили въ рукахъ нашихъ мастеровъ началомъ лубочныхъ картинъ, получившихъ широкое распространеніе въ народѣ [2].

Придворный часовщикъ и органистъ Мелхертъ Луневъ обучилъ органной игрѣ одного изъ Русскихъ и при отпускѣ (1638 г.) получилъ наказъ: когда пожелаетъ воротиться къ намъ, то нанялъ бы и привезъ съ собой двоихъ часовщиковъ, которые могли бы служить своимъ ремесломъ государю и научать учениковъ. Другой часовщикъ, Гансъ Кёзель (Hans Kösel), ѣздившій въ Персію съ голштинскимъ посольствомъ и оставшійся по возвращеніи оттуда на государевой службѣ, согласно обязательству, дѣйствительно, училъ двоихъ учениковъ часовому мастерству. Самъ онъ преувеличивалъ свои заслуги, утверждая, будто до него часовые мастера никого не учили. При башенныхъ часахъ, находившихся не только въ Московскомъ Кремлѣ, но и по большимъ городамъ и монастырямъ, въ большинствѣ могли состоять часовщиками лишь Русскіе; одного изъ такихъ московскій купецъ встрѣтилъ (1623 г.) даже въ Персіи, въ Испагани. Олеарія особенно удивили наши золотыхъ дѣлъ мастера, которые, по его словамъ, дѣлали серебряную съ разными украшеніями посуду съ такимъ

---

[1] Гл. VII, стр. 681.

[2] Кромѣ указанныхъ сочиненій Забѣлина, Буслаева, см. труды Д. А. Ровинскаго объ иконографіи, гравюрахъ и народныхъ картинкахъ, В. Стасова и др. Считаемъ не лишнимъ исправить одну существенную неточность, допущенную г. Ровинскимъ въ его послѣднемъ изданіи. Въ «Подробномъ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» (I, стр. 629) поясной гравированный портретъ Грегори выдается за портретъ Грегори, московскаго доктора медицины средины XVIII столѣтія, между тѣмъ какъ онъ изображаетъ извѣстнаго намъ Ив. Готфрида Грегори, московскаго пастора временъ Алексѣя Михайловича, на что указываетъ отчасти и подпись подъ гравюрой. По поводу нашей статьи «Генералъ Николай Бауманъ и его дѣло», помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1884 г., ноябр. кн., этотъ портретъ пастора изданъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1885 г., сент. кн., стр. 599.

искусствомъ и изяществомъ, что не уступали уже ни мало Нѣмцамъ. Развитіе этого искусства было обязано не столько Нѣмцамъ, сколько процвѣтанію у насъ работъ надъ церковною утварью, надъ ризами для иконъ и т. п., все же нѣмецкое мастерство-художество проникало и въ эту область. Такъ, изъ 11 паникадилъ, висѣвшихъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, 8 были сдѣланы Голландцемъ Иваномъ Госомъ. Не упоминая о другихъ богато и искусно украшенныхъ московскихъ храмахъ, отмѣтимъ, что въ Устюгѣ, въ соборной церкви Успенія пелены у нѣкоторыхъ образовъ были (1630 г.) съ нѣмецкою выбойкой [1].

Отъ обязанности учить своему художеству не были освобождены и искусники въ потѣхѣ. Обученіе одного изъ Русскихъ органной игрѣ Лупевъ съ правомъ могъ выставлять своей заслугой; потѣшника Нѣмчина Лодыгина наградили (27 іюня 1637 года) за то, что выучилъ пять человѣкъ по канатамъ ходить и танцовать и всякимъ потѣхамъ, какимъ самъ умѣлъ, и 24 человѣка бить на барабанахъ [2]. Отсюда уже было недалеко, чтобы потомъ заставить устроителей придворнаго театра, пастора Грегори съ товарищами, обучить нашихъ

---

[1] Рус. Ист. Библ. VIII, 285—286; Матер. къ ист. медиц. въ Рос. I, № 206; О ходу въ Персицкое царство. Писано моск. куп. Ѳ. Котовымъ, Временникъ, XV, отд. II, стр. 9; Устюгъ Великій. Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII вѣка. М., 1883, 5; Olearius, 57, 206, пер. 4, 199; Сахаровъ, Обозрѣніе рус. археол., Снегиревъ, Памятн. моск. древн., и др.—Объ употребленіи въ церквахъ предметовъ иноземной работы любопытно своеобразное свидѣтельство московскаго живописца Іосифа въ его посланіи къ Симону Ушакову объ иконописи, направленномъ противъ старца Іоанна Плѣшковича, Серба, отвергавшаго поклоненіе иконамъ работы иновѣрныхъ художниковъ. Въ пылу полемики, Іосифъ утверждалъ, правда, не безъ сильнаго преувеличенія: «Намъ зазираешь отъ иноземцевъ иконныя изображеніа принимать; а самъ же ты хитродѣлія иноземнаго касаешься. Вопроси отца твоего, пусть скажутъ тебѣ и старцы твои, что во всѣхъ нашихъ христіано-русскихъ церквахъ всѣ утвари священныя, фелони и омофоры, пелены и покровы, и всякая хитроткань, и златоплетенья, и каменье дорогое, и жемчугъ, все это отъ иноземцевъ пріемлешь, и въ церковь вносишь, и престолъ и иконы тѣмъ украшаешь, а ничто скверно или отметно не паричаешь!» Буслаевъ, Истор. очерки, II, 401—402.

[2] Забѣлинъ, II, 437.

разыгрыванію драматическихъ пьесъ. На слѣдующее же лѣто послѣ перваго представленія комедіи правительство пожелало испробовать домашнія средства и распорядилось (въ іюнѣ 1673 г.) къ воспитанникамъ Нѣмецкой школы присоединить 26 мѣщанскихъ и подъяческихъ мальчиковъ изъ Московской Новомѣщанской Слободы (нынѣ Мѣщанскія улицы); за время ученія у магистра каждому изъ нихъ выдавалось «великаго государя жалованье», по 4 деньги на день [1].

Затѣмъ по пути обрусѣнія театра былъ сдѣланъ новый шагъ. Интересъ къ комедіямъ Грегори не могъ держаться продолжительно въ одинаковой силѣ, хотя онѣ, нужно думать, игрались на русскомъ языкѣ [2]. Предстявляя изъ себя буквальные и часто тяжелые переводы нѣмецкихъ пьесъ съ очень незначительными долями оригинальнаго и приноровленнаго къ русской жизни элемента, онѣ неминуемо должны были возбудить у нашихъ мысль, нельзя ли сообщить московскому театру болѣе русскій или славянскій характеръ, къ чему могли склонять и пріобрѣтавшіе при дворѣ значеніе ученые южноруссы, во главѣ съ Симеономъ Полоцкимъ, авторомъ театральныхъ пьесъ. Уже жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ, въ отличіе отъ другихъ пьесъ проникнутая духовно-нравоучительнымъ характеромъ, на столько отличалась отъ нихъ и языкомъ, который у нея чисто великорусскій, близкій къ церковно-славянскому и чуждъ обычныхъ германизмовъ, что вызвала въ наукѣ предположеніе, не написана ли она по плану и подъ руководствомъ пастора прямо по-русски и кѣмъ-либо изъ

---

[1] Записной расходный столбецъ приказу Галицкія чети 182 года, Временникъ, XXIV, 7.

[2] Проф. Тихонравовъ, правда, предполагаетъ, что первая пьеса, текстъ которой не сохранился, была представлена на нѣмецкомъ языкѣ (Первое пят. рус. театра, 15; Рус. др. произв. I, предисл. XX). Рингуберъ прямо говоритъ, что пьесу предъ тѣмъ разучивали и по-нѣмецки и по-русски («Germanice et Slavonice»); да и Алексѣй Михайловичъ едвали бы могъ внимательно смотрѣть и слушать ее 10 часовъ, еслибъ она играласъ на чужомъ, непонятномъ ему языкѣ. Русскій языкъ былъ очень распространенъ въ нѣмецкихъ семьяхъ, и первую пьесу помогалъ разучивать русскій учитель; на 60 слишкомъ человѣкъ, участвовавшихъ въ ея представленіи, приходилось говорить не помногу. Послѣдующія комедіи, текстъ которыхъ сохранился, несомнѣнно игрались по-русски.

Русскихъ, быть можетъ, учителемъ Юріемъ Михайловымъ. Естественно, что когда Грегори умеръ (ранѣе 18 іюня 1675 г.), дѣло поручается Степану Чижинскому [1], года два бывшему учителемъ Кіево-братской духовной академіи. Его появленіе въ Москвѣ едва ли не было соединено съ задачей удовлетворить новой потребности. По крайней мѣрѣ, какъ только онъ пришелъ къ Матвѣеву, бояринъ прямо «спрашивалъ его о комидійныхъ наукахъ, а онъ ему сказалъ, что комидійное дѣло его станетъ». По порученію Матвѣева, Чижинскій написалъ комедію «Давыдъ съ Голіафомъ» и нѣсколько другихъ и занимался обученіемъ комедіантовъ. «Комидійному дѣлу» училось тогда «80 человѣкъ всякаго чину людей». Каждый ученикъ получалъ «государева жалованья поденнаго корму по алтыну на день». Такъ образовалось нѣчто въ родѣ театральной школы, въ концѣ концевъ съ преобладаніемъ въ ней русскаго элемента; только новыя пьесы, написанныя Чижинскимъ, вѣроятно, въ духѣ такъ называемой школьной драмы, едва ли были движеніемъ впередъ въ области художества. Чижинскій училъ въ продолженіи всего 8 мѣсяцевъ, съ іюня 1675 по январь 1676 года, до смерти Алексѣя Михайловича, когда перемѣна въ правительствѣ быстро положила конецъ представленіямъ нѣмецко-русскаго театра.

Службу и вліяніе Нѣмцевъ въ удовлетвореніи частнымъ потребностямъ и въ развитіи искусствъ и ремеслъ, находившихъ себѣ главное примѣненіе въ дворцовой и боярской жизни, нельзя поэтому существенно отдѣлять отъ дѣятельности ихъ на пользу того, что имѣло болѣе общее примѣненіе и что вызывалось прямыми нуждами государства. Рукодѣльные и гораздые люди, были ли то доктора, аптекари, военные, рудознатцы, каменщики, архитекторы, фабриканты, ремесленники, художники, всѣ они, при приглашеніи и наймѣ, и многіе торговцы, при допущеніи, слышали, чтобы служили великому государю и за то государево жалованье къ себѣ видѣли. Съ теченіемъ времени яснѣе развивалось, въ чемъ должна была состоять ихъ служба: они должны служить не только лично, но и

[1] О немъ пока единственныя свѣдѣнія получаются изъ документа, изданнаго Е. Барсовымъ, 4—5.

обучать своему умѣнью, искусству и ремеслу природныхъ Русскихъ. За скрываньe отъ Русскихъ желѣзоплавильнаго мастерства потерпѣли такіе надобные и сильные люди, какъ Марселисъ и Акема, за эксплоатацію въ торговлѣ пострадали Англичане, и въ то же время за успѣшное обученіе каждый имѣлъ право надѣяться на полученіе наградъ, на прибавку жалованья и льготъ, даже если бъ не были довольны мастеромъ его ученики. Ученики часоваго мастера Кёзеля просили (8 апр. 1643 г.) государя положенное денежное и хлѣбное жалованье впредь выдавать помимо ихъ мастера, чтобы «имъ ѣсть особно и отъ него не осквернитьcя». Въ день подачи ими просьбы Кёзель представилъ челобитную, въ которой, указывая на то, что одинъ изъ его учениковъ «сдѣлалъ часики указные, первое ученье его» (первый курсъ ученья), а другой готовился вскорѣ сдѣлать то же, онъ просилъ вознаградить его труды прибавкой жалованья. Обѣ просьбы были удовлетворены [1]. Наблюдая, чтобы практическое обученіе у иновѣрцевъ не приносило ни матеріальныхъ убытковъ, ни соблазна религіозно-нравственному чувству Русскихъ, какъ это понималось тогда, правительство поощряло иноземцевъ, чтобы они обучали добросовѣстно и неоплошно.

Практическія заимствованія военной и промышленной техники, мастерства, художества, потѣшныхъ увеселительныхъ вымысловъ и т. п. не оставались безъ пробужденія интереса къ одухотворяющей ихъ мысли. Забавляясь, напримѣръ, потѣшными нѣмецкими печатными листами, царскія дѣти, а отчасти и взрослые получали изъ нихъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ предметахъ естественной исторіи, географіи, всеобщей исторіи и проч. Если предметы, назначавшіеся для забавы, переносили мысль за предѣлы обыденныхъ интересовъ, то сильнѣе будили ее и расширяли ея кругозоръ предметы болѣе серьезные. Во дворецъ заносились разные чертежи, географическія карты, глобусы, театральныя пьесы, куранты или переводы

[1] Акт. Ист. III, № 244; Матер. къ ист. медиц. въ Рос. I, №№ 204, 206; Временникъ, VII, отд. II, стр. 57—59; Лешковъ, 368, 371.

и извлеченія изъ газетъ [1]. Въ описи имущества бояр. Никиты Ивановича также встрѣчаемъ «два яблока нѣмецкія большія, писано на нихъ землемѣріе, на стоянахъ, въ кольцахъ мѣдяныхъ, наверху по колечку мѣдному»; кромѣ этихъ глобусовъ, у него находились куранты и «нѣмецкія книги» (какія, не означено) [2]. У А. С. Матвѣева имѣлись чертежи Свейской и Датской земель, да три чертежа печатныхъ: Московской, Польской и Азіатской [3]; вмѣстѣ съ книгами религіознаго содержанія, православными, католическими и лютеранскими, онъ имѣлъ книги объ огородномъ и палатномъ строеніи, о конноводствѣ, о гражданскомъ житіи, Судебникъ Магдебургскаго права, сочиненія Виргилія, Политику Аристотеля и т. д. [4] Являются

---

[1] Образцы курантовъ въ Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1880, II, 37—46; за время Алексѣя Михайловича ихъ очень много сохранилось въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., по преимуществу между Приказными дѣлами. О нихъ у Капустина, Дипломатическія сношенія Россіи съ Западною Европою. М. 1852, 76.

[2] Роспись, въ Чт. И. М. О. И. и Др. Рос. 1887, III, 37, 108, 115.

[3] Забѣлинъ, I, 179.

[4] Составъ его библіотеки очень любопытенъ. «Во ρπϵ (1677) году прислано изъ Стрѣлецкого приказу въ Посолской приказъ изъ животовъ боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева книгъ на разныхъ языкахъ: Двѣ книги Іоанна Златоустаго, въ доскахъ, ветхи, на латинскомъ языкѣ. Книга Аврелія Августина, епископа гипонского учителя, безъ досокъ, ветха, на латинскомъ языкѣ. Книга Описаніе Іерусалима града. Книга Библія, на нѣмецкомъ языкѣ, въ черной кожѣ. Книга Георгія Пахимеры, по греческому и латинскому языку. Другая книга того жъ Георгія, такая жъ, на одномъ латинскомъ языкѣ. Книга о Рѣчи Посполитой... на латинскомъ языкѣ. Книга Виргилія стихотворца, на латинскомъ языкѣ. Книга Антонія Поссевина, на латинскомъ языкѣ, въ бумажныхъ доскахъ. Книга Лѣтописецъ церковный Ветхаго Завѣта, на латинскомъ языкѣ. Книга Іоанна Антонія Веліасквенса, Толкованія казанья, на латинскомъ языкѣ. Книга О гражданскомъ житіи, на латинскомъ языкѣ. Книга конская, въ лицахъ, на полскомъ языкѣ, учителная. Книга огородного и полатного строенья, въ лицахъ, на нѣмецкомъ языкѣ. Книга чертежей полатныхъ, въ лицахъ, на нѣмецкомъ языкѣ. Въ полдесть: Книга Аристотеля, томъ первый. Книга Іоанна Θелипона о сотвореніи міра. Полскіе печатные, въ десть: Книга Житія святыхъ. Книга Гисторія Кромерова. Книга Политика Аристотелева. Книга Судебникъ Магдебурского права. Книга Гисторія Бѣлского Старого. Книга Мартина Лютора, на нѣмецкомъ языкѣ. Въ полдесть: Книга Ботера. Книга Камень. Книга Іустина

переводы космографіи, историческихъ, врачебныхъ, военныхъ и др. книгъ, переводы и передѣлки поэтическихъ произведеній, правда, главнымъ образомъ изъ литературы польской и вообще, такъ сказать католической, что существенно обусловливалось дѣятельностію прибывшихъ къ намъ лицъ южнорусской школы: [1] собственно въ книжной сферѣ прямое воздѣйствіе и вліяніе протестантовъ, за исключеніемъ въ военной и драматической литературѣ, было у насъ очень слабо, независимо даже отъ того, что у насъ сторонились настоящихъ учителей изъ иностранцевъ и что иновѣрцы подготовленнѣе были къ работѣ въ практической сферѣ. Свѣтская литература протестантской Германіи была тогда бѣдна и долго еще потомъ сама питалась чужею пищей; богаче была литература въ Англіи, но къ тому времени, какъ у насъ шире уставился вопросъ о заимствованіяхъ и объ обученіи у западноевропейцевъ, Англичане, и безъ того ни мало не думавшіе объ ознакомленіи насъ съ своимъ литературнымъ достояніемъ, утратили въ Московскомъ государствѣ свое значеніе, такъ что даже «англійскія комедіи» перешли къ намъ въ нѣмецкой редакціи и чрезъ лютеро-нѣмецкаго пастора. Не маловажную услугу въ дѣлѣ переводовъ иностранныхъ произведеній на русскій языкъ оказали протестанты, принявшіе Русское вѣроисповѣданіе, какъ Иванъ Дорнъ, А. А. Виніусъ и др.; послѣдній, писавшій языкомъ, чуждымъ германизмовъ, извѣстенъ и самостоятельными работами въ литературѣ [2].

Гисторика. Книга Новый Завѣтъ. Книга Краткое описаніе полскихъ королей». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Посольск. приказа, св. I, № 1.—У Матвѣева были еще и другія книги.

[1] Пыпинъ, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб. 1857; Д. Мордовцевъ, О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка. М. 1862, 91—97; Пекарскій, Наука и литер. въ Рос. при П. В. Спб. 1862, I, VIII и слѣд. гл.; А. Галаховъ, Исторія русск. словесности. Спб. 1880, I, парагр. 26—27. При этомъ мы не говоримъ о перенесеніи книгъ отъ единовѣрныхъ народовъ, Грековъ и другихъ. Въ одной только «Переписной книгѣ домовой казны патр. Никона» означено болѣе 1000 книгъ и рукописей, славянскихъ, греческихъ, латинскихъ и др., въ числѣ которыхъ были творенія Гомера, Геродота, Гезіода, Софокла, Демосоена, Ѳукидида и другихъ древнихъ греческихъ писателей, причемъ значительная доля ихъ пріобрѣтена Никономъ чрезъ Арсенія Грека (Временникъ, XV, отд. II).

[2] Пекарскій, I, 200—201; Фабриціусъ, 62—63.

Голоса о развитіи и поднятіи просвѣщенія, научнаго образованія слышались между тѣмъ все сильнѣе. Объ этомъ громко толковали заѣзжіе Греки, убѣдительнѣе ихъ говорили вызванные и прибывшіе Южноруссы; случалось, что намекали и западноевропейцы. Всѣ они говорили объ образованіи различномъ и направленномъ для различныхъ цѣлей, причемъ первыми больше разумѣлось образованіе церковно-религіозное и теоретическое, послѣдними по преимуществу практическое, свѣтское. Такъ какъ главная масса протестантовъ стояла на очень низкомъ уровнѣ научнаго знанія и развитія и далеко отъ просвѣтительныхъ идей и научныхъ вопросовъ, то здѣсь имѣли значеніе немногіе,—нѣкоторые военные, художники, доктора, заѣзжіе члены посольствъ и т. п. избранныя лица. Въ своихъ бесѣдахъ, заводившихся между ними и Русскими по тому или иному поводу, и эти люди обыкновенно не упоминали о книжныхъ занятіяхъ, а вели рѣчь больше о томъ или иномъ практическомъ дѣлѣ, о политикѣ, взаимныхъ отношеніяхъ и т. д., и пользовались обыкновенно такими случаями, чтобы просить вліятельныхъ собесѣдниковъ о чемъ-нибудь или о комъ-нибудь. Докторъ Коллинсъ, Англичанинъ, въ характеристикѣ Ордина-Нащекина даетъ любопытныя намеки о такихъ своихъ бесѣдахъ съ этимъ дипломатомъ, котораго онъ старался поддерживать въ склонности къ Англичанамъ въ ущербъ Голландцамъ и тѣмъ ослаблять дѣйствія Богдана Матвѣевича Хитрово, покровителя послѣднихъ [1].

«Нащекинъ», записалъ Коллинсъ [2], «человѣкъ неподкупный, строго воздержный, неутомимый въ дѣлахъ и обожатель государя. Говоря о соединеніи Французовъ и Датчанъ съ Голландцами противъ Англіи, онъ проронилъ слѣдующія слова: «Удивляюсь, какъ эти два короля такъ неблагоразумны и безразсудны, что отстаиваютъ и поддерживаютъ такихъ мужиковъ противъ англійскаго государя! Лучше

---

[1] По словамъ Коллинса (36—37), Хитрово потому покровительствовалъ Голландцамъ, что состоялъ у нихъ на подкупѣ, и, находясь подъ вліяніемъ доктора лютеранина, родомъ Еврея, помогавшаго ему въ любовныхъ дѣлахъ, оказывалъ свое покровительство также Евреямъ.

[2] Коллинсъ, 33—34.

бы имъ соединиться съ остальными европейскими государями, чтобы разрушить всѣ республики, которыя ничто иное, какъ матери ереси и бунтовъ». Онъ при мнѣ говорилъ, что для царя выгоднѣе поддерживать связи съ королемъ англійскимъ, нежели со всѣми другими христіанскими государями. Онъ единственный покровитель Англичанъ. Когда его просили о впускѣ англійскихъ товаровъ, онъ показалъ лондонскій отчетъ о смертности, по которому, хотя очень немногіе, померли отъ чумы. «Несмотря на это», сказалъ онъ, «какъ намъ знать, не вывезены ли товары изъ зараженныхъ домовъ? а довольно искры, чтобы зажечь цѣлый мѣшокъ съ угольями. Странное у васъ обыкновеніе — разглашать свои несчастія... Также намъ кажется странно, зачѣмъ часто присылаются къ намъ особенныя королевскія письма съ просьбами за частныхъ лицъ, какъ будто нашъ царь не довольно печется какъ о Русскихъ, такъ и объ иностранцахъ. Чаще другихъ государей обращается къ намъ съ такими просьбами король датскій, у котораго они, какъ слышно, дешевы; не знаю, что они стоятъ въ Англіи. Да что намъ за дѣло до иноземныхъ обычаевъ: ихъ платье не по насъ, а наше не по нихъ». Здѣсь онъ вдругъ остановился, какъ будто высказалъ больше, нежели хотѣлъ сказать, какъ будто боялся, чтобы его словъ не повторяли». Коллинсъ вывелъ заключеніе о своемъ собесѣдникѣ, что «онъ великій политикъ», который, «быть можетъ, не уступитъ ни одному изъ министровъ европейскихъ».

Въ своихъ сношеніяхъ съ образованными иноземцами воспріимчивые члены русскаго общества не упускали благопріятныхъ обстоятельствъ позаимствовать отъ нихъ тѣ или иныя свѣдѣнія. Извѣстно, съ какимъ удовольствіемъ кн. Курбскій и другіе бояре проводили время въ бесѣдахъ съ плѣннымъ ливонскимъ ландмаршаломъ Филиппомъ Белемъ и съ какимъ вниманіемъ слушали его краснорѣчивые разсказы о судьбахъ Ливоніи и ордена меченосцевъ [1]. Бояринъ ближайшей затѣмъ эпохи, Головинъ, тайно держалъ у себя одного жившаго въ Москвѣ Нѣмца и нашелъ Поляка, разумѣвшаго по-латыни; оба они приходили къ нему скрытно въ русскомъ платьѣ, запира-

[1] Сказанія кн. Курбскаго, изд. 2, 73—75.

лись въ комнаты и читали вмѣстѣ латинскія и польскія книги, какія онъ успѣлъ пріобрѣсть и уже изрядно понималъ. Маскѣвичъ [1], который сообщаетъ объ этомъ, видѣлъ его собственноручные переводы съ языка латинскаго на польскій и множество латинскихъ и нѣмецкихъ книгъ, доставшихся послѣ смерти Головина его младшему брату. Нашъ посолъ Алексѣй Романчиковъ, сопровождавшій голштинское посольство въ Персію, въ продолженіе 5 мѣсяцевъ настолько успѣлъ научиться отъ Голштинцевъ латинскому языку, что могъ свободно и понятно излагать на немъ свои мысли, быстро и охотно постигъ употребленіе астролябіи и примѣненіе геометріи. Посольскому часовщику (вѣроятно, извѣстному Кёзелю) онъ заказалъ сдѣлать астролябію, и, при остановкѣ въ городахъ и селахъ, выходилъ съ ней для упражненій на улицу и опредѣлялъ высоту домовъ и другихъ зданій, къ удивленію любопытствовавшихъ, не привыкшихъ видѣть соотечественниковъ за подобными занятіями. Къ сожалѣнію, Романчиковъ кончилъ несчастливо, не доѣхавъ до Москвы. Между тѣмъ члены и свита голштинскаго посольства произвели въ Москвѣ хорошее впечатлѣніе и многіе изъ нихъ были приглашены на нашу службу, въ томъ числѣ и ученый Олеарій, этотъ въ качествѣ придворнаго астронома и географа. По полученіи въ Голштиніи мѣста придворнаго библіотекаря, Олеарій предпочелъ остаться тамъ, мотивируя свой отказъ отъ московскаго предложенія, которое было принялъ сначала, тѣмъ, что въ Россіи астрономію и астрологію считаютъ волшебными науками [2]: ученая миссія не привлекала и его.

---

[1] Устрялова, Сказ. соврем. о Дм. Самозванцѣ, изд. 3, ч. II, 55—56.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла голштейнъ-готторпскихъ или шлезвигъ-голштинскихъ герцоговъ, св. 3, 1639 г., № 1: «Возвратный изъ Персіи въ Москву пріѣздъ голштинскихъ пословъ Крузіуса и Брюгемана; тутъ же грамоты въ Голштинію къ докт. Гартману Грамону и въ Саксонію къ профессору Адаму Олеарію о вызовѣ ихъ въ Россію». Olearius, 1656, 184—185, 380—381, пер. 165—166, 464—465, и предисловіе переводчика; (Собр. гос. гр. и дог. III, № 110); Соловьевъ, IX, 400. Приглашеніе къ Олеарію очень интересно. «Вѣдомо намъ, говорилось въ царской грамотѣ, учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ астрономіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ, великому государю,

Въ этомъ отношеніи дѣйствія Олеарія не много разнятся отъ того, что̀ случилось въ началѣ разсматриваемаго нами періода. Плѣннаго пастора, магистра Ив. Веттермана Грозный велѣлъ допустить къ осмотру Кремлевской въ Москвѣ библіотеки, въ которой хранилось до 800 еврейскихъ, греческихъ и латинскихъ рукописей и которая предъ тѣмъ привела въ удивленіе своею цѣнностію осматривавшаго ее Максима Грека. По словамъ ливонскаго лѣтописца [1], наши дьяки [2] пригласили тогда пастора и съ нимъ нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ Ливонцевъ, которые знали русскій языкъ: Ѳому Шрёффера, Іакима Шредера и Даніила Бракеля, и въ ихъ присутствіи велѣли вынуть нѣсколько книгъ. Взявъ ихъ въ руки, Веттерманъ увидѣлъ здѣсь сочиненія знаменитѣйшихъ авторовъ, которыя, вслѣдствіе гибели Птоломеевой и другихъ библіотекъ, были извѣстны на Западѣ по одному названію, и какъ ни былъ бѣденъ, желалъ бы пожертвовать послѣднимъ имуществомъ, лишь бы пріобрѣсть это сокровище и передать въ лютеранскіе университеты, «такъ какъ эти книги могли бы принести много пользы христіанству». Но наши предложили ему перевесть одну изъ книгъ на русскій языкъ, обѣщая опредѣлить къ нему, кромѣ трехъ упомянутыхъ лицъ, нѣсколькихъ Русскихъ и хорошихъ писцовъ, и обнадеживая, что всѣмъ имъ будетъ отъ государя хорошее содержаніе: пища, питье, жилище, жалованье, почетъ. Въ слѣдующій день Веттерманъ совѣщался съ своими Нѣмцами, что если они переведутъ одну книгу, то имъ поручатъ другую, затѣмъ третью и т. д. безъ конца, до ихъ смерти, и они рѣши-

---

нашему царскому величеству, таковъ мастеръ годенъ...; и тебѣ бъ, Адаму, нашего царскаго жалованья къ себѣ поискати, ѣхати къ намъ, в-му г-рю, тѣмъ мастерствомъ своимъ послужити такъ же, какъ и въ иныхъ разныхъ государствахъ службу свою объявилъ, и на Москвѣ у нашего ц-го в-ства побыти тебѣ вольно по своей волѣ и хотѣнью, а мы, в-кій г-рь, пожалуемъ тебя нашимъ царскимъ жалованьемъ, смотря по твоей къ нашему ц-му в-ству службѣ».

[1] Nyenstädt, Livländische Chronik, въ Mon. Livon. antiquae, II, 68—69, рус. пер. въ Сб. мат. и ст. по ист. Прибалт. края. IV, 37—38.

[2] «Oberst. Cantzler und Diac. Andrey Solckan und Nikita Wysrowata und Funica», т.-е., конечно, дьяки Андрей Щелкаловъ, Ив. Мих. Висковатый и Никита Аѳан. Фуниковъ.

ли уклониться отъ предложенія. Книги опять были заперты въ комнатахъ со сводами [1]. Самая библіотека потомъ погибла, вѣроятно, при сожженіи Москвы Поляками въ 1611 году.

При всемъ своемъ самомнѣніи и нежеланіи содѣйствовать успѣхамъ Русскихъ въ техникѣ, знаніи и силѣ, протестанты видѣли въ нихъ совсѣмъ не лѣнивую восточную массу, напротивъ, народъ, способный къ европейскому просвѣщенію. Тѣ изъ Русскихъ, которые разширяли свои понятія сношеніями, разговорами съ иностранцами или практическими занятіями подъ ихъ руководствомъ, казались, по наблюденію иноземцевъ, общительнѣе, развитѣе и умѣлѣе, и въ отдѣльныхъ личностяхъ представляли выдающіеся примѣры просвѣщенія и практическаго знанія. Въ домахъ бояръ, имѣвшихъ дѣло съ избранными иноземцами и иностранными дипломатами, вводится непринужденность въ разговорѣ и угощеніи, ослаблявшая прежнюю обрядность и формализмъ. Практическая опытность и просторъ въ воззрѣніяхъ все чаще встрѣчались съ тѣхъ поръ, какъ расширялась сфера близкихъ соприкосновеній Русскихъ съ иноземцами и обученіе у иноземцевъ проводилось съ большею настойчивостью.

Разумѣется, образовательную роль Нѣмцевъ нужно понимать въ условной, соотвѣтственной дѣйствительности формѣ. Она не отличалась глубиной дѣйствія: настоящей науки еще не было, полезныя свѣдѣнія сообщались въ видѣ, такъ сказать, мастерства, и самая передача ихъ носила характеръ больше подневольный, какъ это

---

[1] Nyenstädt увѣряетъ, что все это онъ слышалъ отъ самого Веттермана, и потому нельзя признать вѣрными разсказы Arndt'a (Der Liefländischen Chronik Andrer Theil. Halle im Magdeburg, 1753, 258) и Richter'a (Gesch. der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen, II, 60), будто бы Веттерманъ привелъ въ порядокъ царскую библіотеку, слова Карамзина (IX, 52), что Грозный велѣлъ пастору разобрать ее, и Снегирева (Прав. Обозрѣн. 1862, IX, 32; Москва. Изд. Мартынова, 1875, I, стр. XX), будто бы Веттерманъ былъ царскимъ библіотекаремъ. Подробнѣе въ наш. изслѣдов. «Изъ истор. иностран. испов.», 13—16. См. также Fechner'a, I, 48—49, свѣдѣн. о библ. у Клоссіуса въ D. Dorpat. Jahrbüch., 1834, III, и Ж. М. Нар. Просв. 1834, іюнь, и у проф. Иконникова, Макс. Грекъ, 107—109, Оп. изслѣд. о культ. значеніи Византіи въ рус. исторіи. Кіевъ, 1869, 54—56.

было у состоявшихъ на русской службѣ и пользовавшихся привилегіями иноземцевъ, или, какъ въ обученіи Голштинцами Романчукова, совершенно случайный. На сколько неудовлетворительна была дѣятельность даже лучшихъ представителей западной учености, медиковъ, мы уже видѣли на примѣрѣ русскихъ лѣкарей. Средства медицинской полиціи также почти остались внѣ ихъ вліянія, какъ равно, несмотря на интересъ къ врачебнымъ свѣдѣніямъ, который обнаруживали начальники и члены Аптекарскаго приказа, они не могли освободить самое высшее общество отъ предразсудковъ относительно появленія, напримѣръ, моровой язвы и вообще разныхъ болѣзней. Служить и къ поднятію нравственности своимъ примѣромъ, протестанты, жившіе въ Россіи, обыкновенно не были въ состояніи, потому что сами преслѣдовали личныя цѣли и въ большинствѣ отличались нравственною распущенностію. Извѣстны уже намъ стремленія и моральныя свойства жившаго у насъ иноземнаго люда и отзывы самихъ иноземцевъ о своихъ соотечественникахъ. Но и у этихъ иностранцевъ можно было поучиться общительности, и въ ихъ средѣ находились люди, невольно возбуждавшіе уваженіе къ умственнымъ и общественнымъ качествамъ, и чрезъ нихъ пріобрѣтались театральныя и иныя удовольствія, питавшія эстетическое чувство и облагораживавшія праздничный досугъ. Здѣсь важно было то, что разнообразныя сношенія съ протестантами имѣли по преимуществу дѣловой и казовый характеръ, почему иноземная стихія новаго знанія и культурнаго обычая все шире и съ большею пользой распространялась въ различныхъ областяхъ жизни [1]. Она касалась удовле-

[1] Надо признать вообще излишне строгимъ сужденіе Костомарова (Очеркъ торг. Моск. гос. 56), по которому «пребываніе у насъ иностранцевъ не оказывало ни малѣйшаго благодѣтельнаго вліянія ни на улучшеніе нравовъ, ни на просвѣщеніе, ни на благосостояніе народа; иностранцы всѣми способами старались отклонить Россію стать въ уровень съ западными странами, чтобы самимъ не терять выгодъ, которыя они получали отъ нашего государства; съ своей стороны власть, сохраняя неприкосновенность православнаго ученія и древняго гражданскаго порядка, установившагося въ Россіи, отстраняла всякое нравственное сближеніе Русскихъ съ иностранцами». Но и г. Соколовъ въ своихъ воззрѣніяхъ собственно на просвѣтительную дѣятельность протестантовъ, конечно, вдает-

творенія и общественно-государственныхъ потребностей, и частныхъ нуждъ и привычекъ, начиная съ различныхъ видовъ техники и кончая увеселеніями и обычаями, хотя въ области бытовыхъ особен-

---

ся въ противоположную крайность, такъ какъ факты, на которыхъ опирается онъ, переданы имъ или съ увеличеннымъ значеніемъ или неточно. Члены просвѣщеннаго протестантскаго міра, говоритъ онъ, «всѣми средствами и при всякомъ удобномъ случаѣ внушали русской любознательности уваженіе къ наукѣ и оказывали дѣятельныя услуги въ ея юныхъ научныхъ стремленіяхъ» (стр. 223). Къ этому выводу «о дѣятельномъ непосредственномъ участіи иностранцевъ въ развитіи русской образованности» авторъ пришелъ, между прочимъ, путемъ такихъ фактовъ и домысловъ (стр. 221—222): «Докторъ медицины и философіи Генрихъ Келлерманъ, обладавшій знаніемъ иностранныхъ и русскаго языковъ, переводилъ и читалъ передъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ европейскія газеты (Цитуетъ: «Рихтера, II, 290 и Пекарск. 199»). Самуилъ Коллинсъ своимъ извѣстнымъ сочиненіемъ о Россіи много способствовалъ пробужденію наблюдательной пытливой русской мысли какъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ частныхъ образованныхъ кружкахъ.... Посланникъ герцога саксонскаго, а потомъ (съ 1684 г.) русскій придворный врачъ и наконецъ одинъ изъ 8 дворовыхъ дворянъ—Лаврентій Лингуберъ (sic) привнесъ въ эту высшую среду новый свѣтъ науки и знанія. (Ссылается на Рихтера). Врачъ и аптекарь Петръ Понтанъ въ 1675 г. ѣздилъ въ Вологду для открытія аптеки въ сопровожденіи многочисленной свиты: переводчика, писцовъ, приказныхъ: и всѣ они ««многому научились отъ сего во всемъ человѣка потребнаго»» (Цит.: «Указъ на имя Вологодскаго воеводы Ѳедора Тишкевича. Рихтера, 267 и 274»). Врачи, художники и вообще образованные протестанты передавали свои свѣдѣнія русскимъ не при служебныхъ только или частныхъ сношеніяхъ съ ними, но и въ нарочито учрежденныхъ для того школахъ. Еще въ 1652 г. при московскомъ госпиталѣ открыты были воспитательный домъ и школа, въ которыхъ всякому желающему и изъ русскихъ преподавались иностранцами: ариѳметика, геометрія, артиллерія, архитектура, живопись и мастерства: часовое, оружейное, суконное, шелковыхъ, локатныхъ товаровъ и золотыхъ дѣлъ» (Цит.: «Рихтера II т., 299 и 301»).—Извѣстіе, что докт. Келлерманъ читалъ Алексѣю Михайловичу газеты, дѣйствительно, есть у Рихтера и Пекарскаго и за ними постоянно повторяется въ исторической наукѣ (Иконниковъ, Рус. Стар. 1883, XI, 306; Пыпинъ, Вѣстн. Евр. 1885, III, 338, и друг.), только оно не заслуживаетъ вѣры: Келлерманъ былъ отправленъ (1661 г.) отцомъ за границу учиться въ молодыхъ лѣтахъ, возвратился оттуда послѣ смерти Алексѣя Михайловича, въ 1678 (наше изслѣдов. «Протест. въ Рос. въ правл. Софьи», Рус. Вѣстн. 1883, XI, 50), и въ первые годы своей

ностей она больше встрѣчала противодѣйствіе, тѣмъ болѣе, что далеко не всегда приносила дѣйствительное благородство вкуса.

По тогдашнимъ воззрѣніямъ Русскихъ, внѣшній обликъ долженъ былъ строго держаться національности и ея особенностей. Когда расположенный къ Нѣмцамъ Н. И. Романовъ, въ домѣ котораго легко нашли себѣ мѣсто разныя заморскія диковинки и нѣмецкія

медицинской практики могъ сноситься съ русскими больными лишь чрезъ толмачей (Матер. для ист. медиц., IV, 1063). Вѣроятности того, что англійское сочиненіе Коллинса, изданное авторомъ по возвращеніи на родину (Adelung, II, № 106; Рихтеръ, II, 225—225), могло попасть къ намъ вскорѣ послѣ своего изданія, мы не отвергаемъ; однако откуда извѣстно автору, что оно было тогда привезено въ Россію и читалось какъ въ «правительственныхъ сферахъ», такъ и «въ частныхъ образованныхъ кружкахъ»? У Рихтера, на котораго ссылается г. Соколовъ, нѣтъ упоминанія объ этомъ. Не даютъ основанія и находящіяся у Рихтера сообщенія для такой біографіи Рингубера, какую создалъ нашъ авторъ. Рингуберъ никогда не значился русскимъ «дворовымъ дворяниномъ», служилъ врачемъ ранѣе 1684 года, не добившись близости ко двору, какой искалъ, и вся его дѣятельность по просвѣщенію у насъ ограничилась тѣмъ, что онъ училъ нѣкоторое время въ Московской лютеранской школѣ, когда ему пришлось пособлять Грегори въ изготовленіи первой театральной пьесы и въ постановкѣ ея на сценѣ, или передавалъ нашему правительству разныя предложенія саксонскихъ государей (см. выше, I, III, 227, VII, 684, VIII, 735; Rinhuber, Relation. Berlin, 1883; Брикнеръ, Ж. М. Н. Пр. 1884, II, 396—421; Рихтеръ, II, 265—267). Еще менѣе основаній возвышать дѣятельность аптекаря Понтана. Сказавъ о томъ, что Понтанъ ѣздилъ въ Вологду для открытія аптеки, Рихтеръ (II, 273—275) замѣчаетъ; что она едва ли была тамъ открыта, и совсѣмъ не упоминаетъ о какомъ-либо обученіи спутниковъ, не говоримъ уже о «многомъ». Что касается, наконецъ, воспитательнаго дома и школы, въ которыхъ съ 1652 года преподавались будто бы Русскимъ учеными иноземцами разныя науки и искусства, то у Рихтера (281—289) сообщается лишь о болѣе позднемъ указѣ объ учрежденіи подобныхъ заведеній и о проэктѣ для нихъ, причемъ онъ присоединяетъ: «дѣйствительно ли и долго ли существовали заведенія сіи, опредѣлить съ точностію невозможно; поелику въ семъ же году (въ которомъ послѣдовалъ указъ) смерть прекратила дни царя Ѳеодора Алексѣевича» (Подробнѣе объ этомъ правительственномъ актѣ 1682 г. у проф. Замысловскаго, Царств. Ѳед. Ал., 19—20; наша рѣчь о немъ будетъ въ изслѣд. о второй эпохѣ). Не будемъ подвергать критикѣ остальныхъ доказательствъ г. Соколова: по своей научной цѣнности они въ большинствѣ тожественны или сходны съ разобранными.

книги, сшилъ себѣ польское и нѣмецкое платье, въ которомъ, ради своего удовольствія, выѣзжалъ иногда на охоту, то патріархъ лишилъ его возможности такъ одѣваться [1]. Предъ тѣмъ состоялось распоряженіе, чтобъ иноземцы не носили русскаго платья; самъ государь одѣвался въ платье только русскаго покроя; естественно было требовать, чтобы всѣ Русскіе одѣвались не по иноземному. Примѣръ воспитателя дѣтей Михаила Ѳедоровича, боярина Бор. Морозова, который нашилъ нѣмецкое платье царевичамъ и воспитывавшимся съ ними сверстникамъ, не могъ имѣть значенія. Иногда это дѣлалось по соображеніямъ чисто военнымъ, чтобы не смѣшивать своихъ съ врагами. На войнѣ съ Польшей было воспрещено (1662 г.) ношеніе нѣмецкаго и польскаго платья ратнымъ людямъ [2]. Строже смотрѣли у насъ, когда съ перемѣною въ костюмѣ присоединялось измѣненіе въ уборѣ волосъ и т. п. Молодаго кн. Андрея Михайловича Кольцова-Масальскаго за то, что онъ подстригъ у себя на головѣ волосы, Алексѣй Михайловичъ исключилъ изъ списка стряпчихъ и низвелъ въ жильцы и именнымъ указомъ (1675 г.) велѣлъ объявить придворнымъ чинамъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ, чтобы они «иноземныхъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосъ у себя на головѣ не подстригали, а также платья, кафтановъ и шапокъ у себя не носили и людямъ своимъ потому жъ носить не велѣли»; ослушникамъ грозилось царскою опалой и пониженіемъ въ чинахъ [3]. Неудивительно, что еще большія непріятности и бѣды выпадали за бритье бороды, которая прочнѣе служила внѣшнимъ отличіемъ русской народ-

---

[1] Olearius, 184, пер. 164. Для этого, по словамъ автора, «патріархъ долженъ былъ хитростію похитить у князя иностранныя платья». Никонъ, который подразумѣвается здѣсь, едва ли имѣлъ надобность прибѣгать къ подобному средству: въ эту пору онъ безъ стѣсненія отбиралъ у бояръ неправильно написанныя иконы и т. п. Да и что̀ значило бы подобное лишеніе для богатѣйшаго боярина, когда подъ бокомъ жили нѣмецкіе портные, готовые къ его услугамъ, еслибъ не побуждала его оставить свою забаву болѣе серіозная причина?!

[2] М. Архивъ М. Юстиціи, Столб. Моск. Стола, 1662 г., № общ. 335, № частн. 2, д. №№ 3, 9.

[3] Именной указъ 6 авг. 1675 г., П. Собр. Зак. I, № 607; въ спискѣ Миллера (М. Г. Архивъ М. И. Д., Портфель Миллера, № 53, 4) онъ помѣченъ 27 іюля·

ности отъ чужеземныхъ и, при поддержкѣ иконописью, получила въ народномъ мнѣніи религіозный и нравственный характеръ [1]. Пресѣкалось, заимствованное первоначально, какъ полагаютъ [2], отъ Англичанъ, куреніе табаку, частію по суровому мнѣнію о немъ, частію по соображеніямъ интересовъ хозяйственныхъ и общественной безопасности, потому что куреніе, производившееся до отумяненія головы, сопряжено было съ убыточными издержками и пожарами и считалось, наравнѣ съ пьянствомъ, причиною грабежей и разбоевъ. За куреніе табаку была опредѣлена (1626 г.) смертная казнь, впослѣдствіи замѣненная другими, но очень строгими наказаніями, битьемъ батогами и т. п. Подъ угрозою жестокаго тѣлеснаго наказанія и денежной пени запрещалось торговать табакомъ и жившимъ въ Россіи иноземцамъ. Какъ бритье бороды осуждалось въ особыхъ повѣстяхъ, такъ и противъ табаку были въ ходу изобличительныя сказанія, въ которыхъ куреніе выставляли смертнымъ грѣхомъ [3]. Равно, преслѣдовались и изобличались разорительныя игры въ карты, зернью и т. п.

Запрещенія и строгость наказаній—свидѣтели, что все это распространялось. Вмѣстѣ съ узорочными, стеклянными и другими товарами, вмѣстѣ съ винами, военными снарядами и т. п. лѣтомъ од-

---

[1] «Взирайте часто на икону Страшнаго втораго Христова пришествія, говорилось въ одной старинной рукописи, и видите праведныя въ деснѣй странѣ Христа стоящи, всѣ имущи брады; на шуей же стоящіи бесермены и еретики люторы и поляки и иныя подобныя имъ брадобритенники, точно имущія едины усы». Буслаевъ, Древнерусская борода, Истор. очерки русск. народн. словесн. и искусства. Спб. 1861, II, 235—236. Борода, впрочемъ, сначала служила символомъ русской старины и народности въ противоположность собственно латинопольской и впослѣдствіи долго сохраняла такое преобладающее значеніе. Стоглавъ, 40 гл.; рукоп. Моск. Син. библ. № 1500/394, л. 70.

[2] Е. Рагозинъ, Исторія табака и система налога на него въ Европѣ и Америкѣ. Спб. 1871, 19.

[3] Такова, напр., легенда о происхожденіи табака: «Сказаніе отъ книги, глаголемыя Пандокъ, о хранительномъ быліи, мерзскомъ зеліи, еже есть травѣ табацѣ», въ Памятник. старин. русск. литературы, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко, подъ ред. Костомарова. Спб. 1860, II, 427—434.

ного 1635 года чрезъ Архангельскъ было привезено шляпъ нѣмецкихъ на 10 рублей и 440 дюжинъ картъ, послѣднія вещи едва ли для однихъ иноземцевъ. Алексѣй Михайловичъ, подтверждавшій строгія мѣры противъ табакокуренія, въ годъ изданія указа (3 іюня 1661 г.), чтобы иноземцы не смѣли торговать табакомъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ шлетъ кадомскому воеводѣ повелѣніе прислать въ Аптекарскій приказъ три пуда листоваго табаку послѣдняго сбора и полъосмины свѣжихъ табачныхъ сѣмянъ. Карлейль, долго остававшійся въ Вологдѣ въ 1663 году, передаетъ, какъ Русскіе пристращались къ табаку, особенно курительному, дымомъ котораго упивались до обмороковъ [1]. Повидимому этотъ обычай наиболѣе былъ распространенъ именно по торговому пути въ Архангельскъ. Одинъ изъ эпизодовъ обличительнаго сказанія о табакѣ пріуроченъ къ области Устюга Великаго, къ великой рѣкѣ Двинѣ [2].

Измѣненіе внѣшности, обычая было тогда дѣломъ первой важности. Отсутствіе духовнаго простора, неразвитость внутреннихъ народныхъ основъ создавали то, что какъ ни крѣпко былъ соединенъ народный организмъ въ одно цѣлое нравственною духовною связью, однообразіе, сходство внѣшняго, формы слишкомъ преобладали въ сохраненіи связи между членами народа. Вслѣдствіе недостаточности сознанія объ отдѣльности существеннаго отъ несущественнаго придавалось значеніе неизмѣняемаго условному, переходному, и перемѣна во внѣшнемъ, измѣняемомъ и условномъ на чужое внѣшнее и условное же считалась нарушеніемъ основнаго, существеннаго, даже измѣною народности, ея вѣрѣ. И когда послѣднія неразрывно соединялись въ представленіи съ обычаями, внѣшностію, то, дѣйствительно, при перемѣнѣ своихъ обычаевъ на чужіе, грозила, въ силу такой связи, серіозная опасность понести ущербъ въ основномъ, если не

---

[1] Не безъ основанія, въ нашихъ актахъ, вмѣстѣ съ запретомъ бражничать, играть въ карты и зернью, встрѣчается запрещеніе «пить» табакъ и сыздавна сложилась пословица: «испила баба табаки, да несетъ, что отъ собаки». Пыпинъ, Очеркъ, 207; Памят. стар. рус. лит. 435.

[2] П. Собр. Зак., I, Уложеніе, XXV, стат. 11—21, № 299; Матер. для ист. медиц. III, 738; Русск. Истор. Библ., II, № 162; Пыпинъ, Очеркъ, 207—209; Галаховъ, I, 462—465.

вооружаться осмотрительностію и опытностію, въ чемъ, между тѣмъ, чувствовался большой недочетъ. Если человѣкъ книжный, какъ кн. Ив. Хворостининъ, въ своемъ увлеченіи иноземнымъ, дошелъ было до того, что пересталъ ходить въ церковь, соблюдать посты, повелъ невоздержный образъ жизни и не хотѣлъ бы долѣе жить въ Россіи, высказывая, что въ ней нѣтъ человѣка, съ которымъ можно бъ было слово молвить, и продолжалъ такъ вести себя и говорить, пока не образумила его духовная и свѣтская власть; то неумѣренная уступчивость во внутреннемъ была еще легче у лицъ попростодушнѣе его, въ случаѣ ослабленія ими внѣшней связи съ своимъ народомъ. Одной воли каждаго удержаться въ должныхъ предѣлахъ было недостаточно.

Отсюда понятны непріязненный взглядъ общества на новинки въ обычаяхъ и суровыя, время отъ времени принимаемыя противъ нихъ, мѣры. Защитники старины, еще при Борисѣ Годуновѣ подмѣтившіе увлеченіе нѣкоторыхъ Русскихъ иноземными обычаями, нашедшими поддержку въ потаковничествѣ Бориса, явно клонившаго къ Нѣмцамъ, и безсильные остановить сами, укоризненно обращались къ современному имъ, первому у насъ патріарху: «Отче святый! зачѣмъ молчишь, видя все это новотворимое»? Іовъ терзался совѣстію и сердцемъ, но говорить царю противъ нововведеній, равно и объ его болѣзненной подозрительности къ Русскимъ, у него не доставало духа: «видя сѣмена лукавствія, сѣемыя въ виноградѣ Христовомъ, дѣлатель изнемогъ, и только ко Господу Богу единому взирая, ниву ту добрую обливалъ слезами». Русскіе люди, привыкшіе жить по вѣковому порядку и смотрѣть на свои старинные обычаи, какъ на освященные вѣрою, не нашутку опасались, чтобы съ новыми иноземными обычаями не исчезли благочестивые старые. «Въ коейждо странѣ свои обычаи: не приходитъ чужой законъ въ другую страну, но каждая своего обычая законъ держитъ», внушалъ патр. Іосифъ своей паствѣ, предостерегая ее отъ увлеченій. Впослѣдствіи лица раскольническія, враги не только церковныхъ реформъ, но и гражданскихъ преобразованій и нововведеній, прямо не хотѣли, чтобы Русскіе перенимали какіе-либо обычаи. Главный расколоучитель протопопъ Аввакумъ восклицалъ: «охъ, бѣдная Русь, чего-то тебѣ захотѣлось латин-

скихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступковъ»?! Съ другой стороны, подобнымъ образомъ могли разсуждать и не одни раскольники. «Братія моя возлюбленная»! говорится въ одномъ обличительномъ посланіи Русскимъ людямъ, «братія, бѣда и скорбь и погибель роду христіанскому: отлучився вѣры православныя, измѣнивше благовѣрному царю и государю своему, и возлюбивъ слабую и прелестную и незаконную латинскую и многихъ ересей вѣру и позавидѣхомъ ихъ иновѣрнымъ ризамъ, отъ главъ и до ногъ, и всего ихъ обычая: и то не разумѣхомъ, чему отъ невѣрныхъ порадѣемъ, а послѣ тому со слезами поработимъ». Противъ конкретной пересадки къ намъ иноземныхъ обычаевъ высказывались люди, хорошо понимавшіе цѣну европейской образованности и западноевропейскаго для насъ образца, какъ знаменитый дипломатъ Ординъ Нащекинъ [1].

Несомнѣнно, безусловная, слѣпая подражательность далека отъ самоусовершенствованія и во многомъ вредитъ ему. Удобное и хорошее для одного народа не всегда оказывается такимъ для другаго. Безъ достаточнаго усвоенія чужой техники неумѣренное измѣненіе народныхъ формъ быта, введеніе иноземной обстановки и т. п., влекутъ за собою ослабленіе домашней производительности, соотвѣтствовавшей бытовымъ особенностямъ, и, вмѣсто учрежденія правильныхъ связей съ другими національностями, ставятъ народъ въ излишнюю зависимость отъ постороннихъ въ торговлѣ, промышленности, искусствѣ, даже пріучаютъ смотрѣть на себя и свои интересы чужими глазами, принижать свое, отуманиваютъ, что̀ называется, своего царя въ головѣ. Однако и брать чужихъ обычаевъ и вообще плодовъ чужой культуры нельзя безъ того, чтобы не переносить и нѣкоторыхъ условій, при которыхъ выросли эти плоды, безъ нѣкотораго усвоенія началъ чуждаго быта. Важно при этомъ, чтобы это перенесеніе и усвоеніе служило только къ развитію и расширенію домашняго, а не къ нагнетанію или искаженію его. Правильность народнаго развитія требуетъ улучшенія, усовершенствованія своего при помощи чужой техники и принятія чужихъ элементовъ по мѣрѣ того, какъ народный

[1] Щаповъ, Русскій расколъ старообрядства. Казань, 1859, 90—103; Соловьевъ, изд. 4, VIII, 56, IX, 414—413; пр. Макарій, X, 89; Соколовъ, 49—52.

творческій умъ овладѣваетъ ими и переработываетъ ихъ соотвѣтственно своему существу. Подобной мысли найти надлежащее пониманіе въ русской средѣ было тогда еще трудно. Многіе, въ заботахъ объ охраненіи себя отъ вліянія чужеземнаго быта, культурное сближеніе съ образованными народностями рѣзали подъ корень, особенно подъ впечатлѣніями плохихъ примѣровъ заимствованія Русскими и отрицательныхъ свойствъ и дѣйствій встрѣчаемаго у насъ нѣмецкаго населенія. Самъ собою такимъ образомъ возникалъ и созрѣвалъ вопросъ, что же изъ гражданской культуры западныхъ народностей можно принимать намъ съ дѣйствительною пользою для себя и до какихъ же размѣровъ могло простираться примѣненіе иноземцевъ для культурно-экономическихъ потребностей государства и общества.

Чтобы подъ благовидною внѣшностію культуры, Нѣмцы, вмѣсто ожидаемой и обѣщаемой пользы, не нанесли ничѣмъ непоправимый вредъ, выяснить Московскимъ людямъ поставилъ своею задачей провозвѣстникъ славянскихъ идей, Юрій Крижаничъ [1], широко знакомый съ характеромъ и пріемами дѣятельности выходцевъ «нѣмецкаго рода» и написавшій касающіяся даннаго предмета сочиненія какъ разъ въ годы наиболѣе многосторонняго и усиленнаго примѣненія у насъ иноземческаго труда и знанія.

[1] О немъ существуетъ уже цѣлая литература, наиболѣе подробное указаніе которой у Козубскаго, Замѣтки о нѣкоторыхъ иностранныхъ писателяхъ о Россіи въ XVII вѣкѣ, Ж. М. Н. Пр. 1878, V, 17—18, и проф. Брикнера, Юрій Крижаничъ, Русск. Вѣстн. 1887 (изслѣдов. еще не кончено); затѣмъ прибавимъ ст. В. Колосова, Вновь открытое сочиненіе Юрія Крижанича, Ж. М. Н. Пр. 1888, XII. Для нашего предмета ближайшее значеніе имѣютъ труды П. Безсонова, Юрій Крижаничъ, ревнитель возсоединенія Церквей и всего Славянства въ XVII вѣкѣ, Прав. Обозр. 1870; М. Маркевича, Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность. Варшава, 1876; Костомарова, Юрій Крижаничъ, Русск. истор. въ жизнеоп. главн. дѣятелей, т. II; Первольфа, Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Варшава, 1888, II; Пыпина, Обзоръ русскихъ изученій Славянства, Вѣстн. Евр. 1889, IV—V. При всемъ томъ, сочиненія Крижанича нуждаются въ полномъ научномъ изданіи и въ соотвѣтственномъ съ этимъ цѣльномъ изслѣдованіи; вопросомъ объ изданіи занято въ настоящее время Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ.

Первоначально Крижаничъ не избѣгъ обычной судьбы католическихъ дѣятелей. Онъ занятъ былъ идеей католической пропаганды, для осуществленія которой въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича побывалъ въ Смоленскѣ и Москвѣ [1]. Дѣйствительность и образованіе отрезвили его, и лѣтъ черезъ 10 онъ снова является въ Россіи уже совсѣмъ съ иными намѣреніями. Ознакомившись ближе съ современнымъ и прошлымъ положеніемъ Славянства, которое показалось ему крайне печальнымъ, онъ убѣдился въ необходимости разстаться съ миссіей среди Славянъ въ пользу Рима и выдвинуть у нихъ вопросы національный, политическій и образовательный. Онъ понялъ, что Славяне южные и западные, безсильные освободиться отъ иноземнаго ига собственными средствами, могутъ возстать при одномъ содѣйствіи Россіи, которая должна быть для нихъ освободительницей и, вмѣстѣ, просвѣтительницею, и Славяне должны принять одинъ литературный языкъ — русскій. Для этого надобно, чтобы сама Россія, прежде всего, сдѣлалась просвѣщенною державой. Служить поднятію въ ней умственнаго уровня и славянскаго самосознанія Крижаничъ и явился сюда.

Хорватъ родомъ и католическій каноникъ, онъ въѣхалъ подъ именемъ Юрія Сербянина, очевидно, чтобы прикрыть тѣмъ настоящее свое званіе и вѣроисповѣданіе: католическія духовныя лица, за исключеніемъ сопровождавшихъ посольства, у насъ, въ предупрежденіе пропаганды, тогда, какъ мы знаемъ [2], рѣшительно не допускались, Сербы же у насъ были извѣстны съ хорошей стороны и признавались единовѣрными. Среди вліятельныхъ московскихъ бояръ онъ ближе познакомился съ Бор. Ив. Морозовымъ, доживавшимъ свои дни. Прежній покровитель Нѣмцевъ-протестантовъ, Морозовъ съ удовольствіемъ слушалъ его рѣчи и въ присутствіи гостя высказывался: «О, зачѣмъ только я не моложе, чтобы поучиться чему-нибудь доброму»! Подобное впечатлѣніе его рѣчи, нужно полагать, производили не на одного престарѣлаго Морозова: однако и двигаться

[1] Archiv für slavische Philologie. 1882, VI, 120.

[2] Гл. III, 179—180, и въ нашемъ изслѣдованіи: «Сооруженіе перваго католическаго костела въ Москвѣ», I и II гл.

далѣе его дѣлу было трудно. Въ иноземцахъ у насъ привыкли видѣть лицъ извѣстныхъ практическихъ профессій, между тѣмъ Крижаничъ, какъ теоретикъ и человѣкъ кабинетныхъ занятій, едва ли могъ указать для себя какое-либо опредѣленное практическое дѣло; какъ иновѣрцу, ему нельзя было примкнуть и къ ученой братству Славенецкаго, съ которымъ онъ познакомился въ Москвѣ. Въ будущемъ онъ, конечно, обѣщалъ многое, но однимъ простымъ обѣщаніямъ иноземцевъ у насъ уже достаточно научились не вѣрить; въ настоящемъ у него не было въ рукахъ ничего цѣннаго, а о прошедшемъ для него было выгоднѣе совсѣмъ умалчивать. Если у насъ и не знали точно, кто онъ и каково его прошедшее, то объ этомъ искусно могли догадать Нѣмцы, которые зорко слѣдили за пріѣзжавшими иноземцами и старались удалять лицъ, опасныхъ имъ. Поневолѣ онъ долженъ былъ показаться какъ бы праздным скитальцемъ и, пожалуй, подозрительнымъ. Гдѣ были ручательства чистоты его намѣреній? Ни одинъ же католическій миссіонеръ вѣдь не говорилъ о пропагандическихъ цѣляхъ. Самъ Крижаничъ хотя потомъ и выражался, что онъ не «таковъ твердъ латинникъ», чтобы не пріобщаться у русскихъ священниковъ, и писалъ впослѣдствіи въ защиту Русской церкви противъ раскольниковъ, которыхъ, за отпаденіе отъ нея, онъ назвалъ сидящими «въ лютеровѣ костелѣ»; однако, для разсѣянія недоразумѣній и пріобрѣтенія полнаго довѣрія, не принималъ Русской вѣры. Съ другой стороны, наши не могли не цѣнить въ немъ обнаруженныя свѣдѣнія и желаніе послужить государю. И вотъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ его въ Москву состоялся царскій указъ, которымъ повелѣвалось ему, «иноземцу Юрью Ивановичу сыну Сербину», «быть въ Тобольску у государевыхъ дѣлъ, у какихъ пристойно», съ значительнымъ по тому времени содержаніемъ, по семи съ половиною рублей въ мѣсяцъ. Между прочими его, конечно, имѣлъ въ виду пасторъ Грегори въ извѣстномъ злорадномъ сообщеніи (1668 г.)[1] герцогу Эрнсту о «вползшихъ» въ Россію католическихъ духовныхъ лицахъ, которыя-де «донынѣ ловятъ въ Сибири соболей».

Въ многолюдномъ Тобольскѣ, тогдашней столицѣ Сибири, без-

[1] Rinhuber, 15. См. также выше, гл. IV, стр. 327.

препятственно сносясь съ мѣстными и пріѣзжими жителями, пользуясь значительнымъ количествомъ русскихъ и иностранныхъ книгъ и не обремененный поглощавшими его досугъ и силы служебными занятіями, но и испытывая душевную тяжесть вслѣдствіе невольнаго удаленія отъ центра государственной жизни и дѣятельности, Крижаничъ усиленнѣе, чѣмъ когда-либо, отдается сроднымъ его натурѣ книжнымъ интересамъ, и изъ-подъ его пера выходитъ рядъ историческихъ, филологическихъ, богословскихъ и политическихъ сочиненій, за высказанныя въ нихъ мысли заслужившія ему столь почетное мѣсто въ исторіи славянскаго самосознанія.

Изъ всѣхъ ихъ для насъ имѣютъ непосредственное отношеніе его «Политика» [1] и «О промыслѣ» [2]. Первое изъ этихъ произведеній отличается историко-политико-экономическимъ характеромъ, второе, по существу богословско-политическое, развиваетъ нѣкоторыя мысли предыдущаго сочиненія.

Въ отличіе отъ нашихъ полемистовъ, для Крижанича вѣроисповѣдный вопросъ имѣлъ второстепенное мѣсто. Онъ, правда, жаловался: «Нѣмцы проповѣдуютъ намъ нечестивыя и гибельныя для душъ ереси; они стараются увлечь насъ въ свою школу, выше всего ставятъ проповѣдь или толкованіе Евангелія, увѣряя, что этого одного достаточно для спасенія, и подстрекая насъ къ спорному разбирательству; убѣждаютъ насъ, чтобы мы воспринимали всякую распущенность плоти и презирали жизнь монастырскую, посты, ночныя молитвы и всякое умерщвленіе плоти; они сущіе еретики, всю Европу заразили излишествами и распутствами; ни у одного народа нельзя услыхать столько ужасныхъ богохульствъ, какъ у Нѣмцевъ, и все это стараются они передать другимъ». Но и съ этими жалобами на религіозно-нравственный вредъ Нѣмцевъ не дается имъ разбора протестант-

---

[1] Или «Разговоры объ владательству», написанное въ 1663—1664 гг., на латинскомъ и славянскомъ языкахъ, не окончено; хранится въ Моск. Синод. библіотекѣ и не въ цѣломъ видѣ издано П. Безсоновымъ, подъ заглавіемъ Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. М. 1859—1860.

[2] De providentia Dei, напис. въ 1666 г.; хранится тамъ же и часть изд. тѣмъ же ученымъ, въ Москвѣ, 1860 г.

скаго вѣроученія, взятаго отдѣльно: онъ трактуетъ не столько о вѣрѣ, сколько о людяхъ и ихъ дѣйствіяхъ, о хищническихъ поступкахъ иноземцевъ, захватахъ ими торговли, выгодныхъ мѣстъ, стараніяхъ унизить Русскихъ и т. п. «Всю Русь», пишетъ онъ, «наводняютъ шайки Нѣмцевъ, и всѣ благіе плоды земли нашей они пожираютъ, и страну нашу дѣлаютъ пустыней, и постепенно да нечувствительно обращаютъ насъ въ ихъ данниковъ и подчиненныхъ. Лукаво стараются убѣдить насъ, что все ихнее—самое лучшее, что все это намъ необходимо, все дѣлаетъ намъ честь, и такимъ образомъ ставятъ насъ, въ отношеніи къ нимъ, въ зависимость и подданство... Я часто самъ слыхалъ отъ нихъ притчу, косою они хвалятся и велятъ своимъ: кто хочетъ хлѣбъ даромъ ѣсть, да придетъ въ Москву. И они постоянно поступаютъ по своей притчѣ, гостятъ и пьянствуютъ, а нашихъ людей, кои на встрѣчу случайно при нихъ будутъ, псами, свиньями и всякаго скота именами обзываютъ, многократно и бьютъ». Было бы несправедливо все это объяснить одною ревностью Славянина: доля правды тутъ несомнѣнна, и доля значительная, преувеличеніе же состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что стремленія и желанія Нѣмцевъ принимаются часто за самые факты. Припомнимъ, какою горечью отзывались жалобы нашихъ купцовъ на Англичанъ и другихъ купцовъ; со временемъ написанія трудовъ Крижанича совпадаетъ и наплывъ военнослужилыхъ иноземцевъ въ нашу армію и наибольшее прикрѣпленіе ихъ къ ней. На допущеніе иноземцевъ въ наши войска и на торговыя выгоды чужимъ купцамъ сильнѣе всего и сѣтуетъ Крижаничъ. Отъ такихъ порядковъ ему въ будущемъ чудится уже опасность повторенія въ Россіи тѣхъ печальныхъ явленій, какія вынесли и выносятъ въ своей жизни остальныя славянскія народности.

Человѣкъ по своему времени широко образованный, богословъ, филологъ, историкъ и необыкновенно проницательный политикъ, и притомъ съ точки зрѣнія славянской, впервые имъ поставленной и разъясненной, дѣятельность у насъ Нѣмцевъ Крижаничъ разсматриваетъ подъ призмой своего взгляда на характеръ взаимныхъ отношеній между Славянскимъ и Германскимъ племенами. Явившись въ Россію подъ впечатлѣніемъ тягостей, испытываемыхъ его соотече-

ственниками и соплеменниками отъ Нѣмцевъ, онъ былъ убѣжденъ, что Нѣмцы ни мало не заботятся о духовномъ просвѣщеніи и матеріальномъ благосостояніи тѣхъ народовъ, куда приходятъ или бываютъ призваны; напротивъ, ищутъ одной своей выгоды и стремятся подчинить себѣ другихъ матеріально и духовно. Они—самомнительнѣйшій народъ въ мірѣ, самые гордые презиратели другихъ народовъ и вреднѣйшіе враги и насильники Славянства; намѣренно всюду прославляютъ свои достоинства, нерѣдко небывалыя, и чернятъ всѣхъ Славянъ, преувеличивая дѣйствительные недостатки послѣднихъ и не гнушаясь явною ложью и клеветой. «Съ безстыднѣйшею дерзостію хвастаются Нѣмцы, что они изъ всѣхъ народовъ самые вѣрные, постоянные и правдивые, а между тѣмъ они самые вѣроломные. Сами они въ пословицахъ похваляются своею вѣрностію и прославляютъ ее: пусть вѣритъ имъ, кто желаетъ попасться въ обманъ. Мы знаемъ, что они вѣрны, пока имъ выгодно. Въ торговлѣ они, правда, не гонятся за мелкою добычей: но въ большой суммѣ, если можно, они надуваютъ самымъ вѣрнымъ образомъ, что тысячу разъ они доказали на Руси дѣломъ. Въ битвахъ, когда могутъ измѣнить, не упускаютъ случая: припомнимъ ихъ измѣны подъ Клушиномъ, Смоленскомъ и другихъ мѣстахъ. Нерасположенные къ кому-либо и не имѣя чѣмъ повредить ему, они примѣняютъ стрѣлы клеветы» въ пасквиляхъ и устно. Такъ, вслѣдъ за своимъ учителемъ Лютеромъ, они много клевещутъ на папу; но еще злѣе ихъ клевета на насъ. «Я, говоритъ авторъ о себѣ, я бывалъ съ ними много тысячъ разъ, и почти всегда вынужденъ былъ выслушивать, какъ они честятъ нашъ народъ Славянскій, пронизывая всѣми возможными ругательствами и клеветами... Чего только не пишутъ о насъ въ своихъ книгахъ, и нельзя довольно высказать, сколько гибеленъ ядъ клеветъ ихъ для нашего народа и сего славнаго царства!» Вся Европа вѣритъ имъ, даже ближайшіе къ намъ Ляхи повторяютъ ихъ клеветы, и унижается доброе имя народа.

Но это еще начало болѣзнямъ. Все наше Славянское племя они ненавидятъ непримиримою, вѣчною, демоническою ненавистью, и особенно Русское царство. Послѣ того, какъ вытѣснили славянскія племена изъ Моравіи, Поморья, Силезіи и Пруссіи или уничтожили ихъ

тамъ, послѣ захвата господства въ Угріи, Чехіи, Польшѣ и Литвѣ (чрезъ шведскую династію), они не могутъ терпѣть того, что остается свободной отъ ихъ прелютаго ига Русская держава, которая можетъ послужить надеждой и опорой для Славянъ. Способы, посредствомъ которыхъ приносятъ они вредъ, крайне разнообразны, проникаютъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь и политику. Какъ ненавистники Славянства, Нѣмцы всюду сѣютъ въ Славянахъ междоусобныя распри, вовлекаютъ ихъ въ безполезныя и убыточныя войны; какъ заклятые враги Россіи, усиленно стараются ослабить, унизить ее. Имъ много помогаетъ здѣсь «чужебѣсіе» Славянъ, выражающееся въ непомѣрной охотѣ къ подражанію и податливости чуждымъ вліяніямъ противъ собственныхъ братьевъ. Тѣ, которые живутъ между Нѣмцами или подъ ихъ властію, стыдятся своего языка, своего народа; излишне отдаютъ предпочтеніе Нѣмцамъ и другіе, и иноземцы пользуются этимъ для своихъ захватовъ, во всѣхъ сношеніяхъ съ Славянами соблюдаютъ только свои собственныя выгоды. У всѣхъ народовъ презирается чужевластіе, одни Славяне допускаютъ призывать иноплеменниковъ на начальственныя мѣста и даже въ государи, не понимая, что даже худшій, но свой, полезнѣе лучшаго чужаго, потому что чужой, радѣя своимъ, будетъ утѣснять народъ въ ихъ пользу, между тѣмъ какъ государь непремѣнно долженъ быть славянскаго рода и вступать въ родство только съ Славянами.

«Мы впадаемъ въ большое заблужденіе, если вступаемъ въ длинные договоры и пренія съ такими хитрыми и оборотливыми народами, каковы Нѣмцы: ибо всегда почти кончается тѣмъ, что насъ надуваютъ постыднѣйшимъ образомъ. Это всегда бывало съ Ляхами, да, кажется, и съ нами, Русскими. Постыднѣйшее также заблужденіе нашего народа—допущеніе и приглашеніе чужихъ царей и властителей въ посредники и помощники при заключеніи нами съ кѣмъ-либо мира. Это никогда не приносило намъ добра, но всегда большія издержки и пренебреженіе». Принося ущербъ въ переговорахъ и помѣху въ качествѣ посредниковъ, Нѣмцы не упускаютъ случая причинять вредъ, когда проникаютъ на службу, допускаются во внутреннюю торговлю. «Они мѣшаются въ наши рати: и вмѣсто обѣщанной помощи приносятъ гибель. Къ какимъ бы людямъ ни пришли на помощь, тѣхъ непремѣнно разоря-

ютъ. Приводятъ въ крайнее убожество и подъ причиною торговли; торговцы-инородники уже загребляютъ себѣ благо и прибыль Русскаго царства... Вообще, ни одинъ народъ подъ солнцемъ не былъ искони такъ обиженъ и осрамленъ отъ иноплеменниковъ какъ мы, Славяне, отъ Нѣмцевъ, а между тѣмъ нигдѣ иноплеменники не пользуются тѣмъ почетомъ и выгодами, какъ у насъ, на Руси, да у Ляховъ. Откуда голодъ, притѣснепія, мятежи, всякая нужда парода Русскаго, какъ не отъ иноплеменниковъ? Куда идутъ слезы, потъ, невольный постъ и подати, награбленныя съ народа Русскаго? Все это пропиваютъ и утаскиваютъ Нѣмцы, торговцы, полковники, разныхъ народовъ послы, да крымскіе разбойники. Инородные торговцы вездѣ держатъ товарные склады и откупы и всякіе промыслы; вольно имъ ходить по нашей землѣ и покупать наши товары дешевою цѣною, а къ намъ привозить свои по дорогой цѣнѣ и притомъ безполезные. Гдѣ только есть пригожія мѣста для торговли—все это отняли у насъ Нѣмцы, отогнали насъ отъ моря, отъ судоходныхъ рѣкъ, загнали въ широкое поле землю орать. Вездѣ на плечахъ намъ сидятъ они и ищутъ надъ нами господства. Голодной ихъ жадности никогда не наполнить, какъ дыряваго мѣшка. Они хотѣли бы высосать кровь изъ жилъ, мозгъ изъ костей нашихъ». Напрасна надежда найти въ нихъ полезныхъ учителей. «Одни изъ нихъ, подъ видомъ знатоковъ, приходятъ къ намъ со врачевствомъ, другіе заводятъ рудокопни, дѣлаютъ стекла, оружіе, порохъ и проч., и никогда не научаютъ дѣлать тоже и насъ, хотятъ на вѣки отъ насъ корыствоваться; иные обѣщаютъ выучить насъ военному искусству, но такъ, чтобы всегда остаться нашими учителями; подъ именемъ наукъ стараются навязать намъ демонскія фокусничества, астрономію, алхимію, магію. Прибыльнымъ знаніямъ они никогда не учатъ насъ».

Признавая за Нѣмцами преимущество въ богатствѣ знаній и устройствѣ быта, признавая, что въ развитіи торговли и промышленности, въ механическихъ искусствахъ и ремеслахъ они превосходятъ всѣ народности, Крижаничъ не видитъ пользы для Славянъ отъ этого превосходства, если они неосмотрительно отдадутся на волю Нѣмцевъ. Наружныя улучшенія, которыя заведутся въ странѣ, будутъ служить къ выгодѣ самихъ Нѣмцевъ, а на долю Славянъ

падутъ одни работы и порабощеніе. Если же Нѣмцы пользуются своимъ преимуществомъ для дальнѣйшаго униженія, ослабленія и истребленія Славянъ, то ихъ совсѣмъ не слѣдуетъ пускать во внутреннія области государства, принимать на службу и давать имъ права гражданства.

Бѣду для Русскихъ Крижаничъ видитъ не въ однихъ Нѣмцахъ, которыхъ считаетъ лишь главными угнетателями: онъ указываетъ и на Грековъ, Турокъ, Татаръ, Армянъ и пр., разоблачаетъ собственныя недостатки Славянъ и Русскихъ, убѣждаетъ соплеменниковъ остерегаться вредныхъ иноземцевъ и исправлять свои недостатки и предлагаетъ рядъ полико-экономическихъ реформъ, отвѣчавшихъ на жгучіе вопросы законодательства и администраціи.

Мысли, высказанныя Крижаничемъ, дѣлаются извѣстными при дворѣ. Его Политика къ концу жизни Алексѣя Михайловича находилась въ царской библіотекѣ. Авторъ хлопоталъ, чтобы съ его идеями ознакомился и наслѣдникъ престола. До Крижанича достигали, конечно, вѣсти о характерѣ образованія Ѳедора Алексѣевича и приближенныхъ къ нему лицъ, и онъ написалъ (1675 г.) царевичу «Письмо объ освобожденіи», гдѣ суммировалъ многое изъ того, что подробно развивалъ о Нѣмцахъ въ изложенныхъ уже нами произведеніяхъ. Съ необыкновенною яркостію и силою изобразивъ опасность Славянству отъ успѣшныхъ дѣйствій Нѣмцевъ, Крижаничъ закончилъ свое письмо вопросомъ, вызывавшимъ на глубокія думы о судьбѣ Россіи, если она заблаговременно не приметъ пригодныхъ средствъ, чтобы отвратить грозящія бѣдствія [1].

---

[1] «Ни одинъ народъ подъ солнцемъ, писалъ Крижаничъ царевичу, не выноситъ отъ иноплеменниковъ столь тяжелыхъ оскорбленій, безчестій, позора, попрековъ, вреда, соблазна, замѣшательствъ, брани, измѣны и разоренія, какъ народы Русскій и Польскій на своей родинѣ и подъ своимъ государемъ отъ Нѣмцевъ. Нѣмцы не только войною, но и всякимъ коварствомъ забираютъ каждое государство, гдѣ люди менѣе осторожны и недостаточно остерегаются отъ ихъ нападенія и наводненія. Они либо воюютъ подъ знаменами своихъ государей или на службѣ чужихъ государей, либо подъ именемъ торговли пробѣгаютъ весь міръ на сушѣ и на морѣ, въ чужихъ странахъ содержатъ своихъ торговыхъ агентовъ или проживаютъ въ качествѣ пословъ при другихъ государяхъ, зани-

Нельзя поэтому не пожалѣть, что, по неблагопріятнымъ условіямъ жизни автора, его сочиненія не вдругъ достигли Москвы, и что вслѣдствіе языка и азбуки, на которыхъ они написаны, и по своей не оконченности, своевременно они не получили должнаго распространенія, критической оцѣнки и воздѣйствія. Они могли бы способствовать развитію сознанія трудности положенія и необходимости упорной и осторожной работы въ области культуры.

Тѣмъ не менѣе надо признать, что выводъ, къ которому пришелъ Крижаничъ относительно удаленія Нѣмцевъ, не вполнѣ согласовался съ его просвѣтительною миссіей у насъ. То правда, что «духовное и матеріальное самоподчиненіе иноземному вліянію, не можетъ содѣйствовать ни развитію народнаго образованія, ни увеличить народнаго благосостоянія»; но вѣрно также и то, что «чужебѣсіе», въ которомъ изобличаетъ Крижаничъ Славянъ,—

маются искусствомъ врачебнымъ, монетнымъ, металлургическимъ или другимъ, дѣлаются переводчиками, или стараются принимать религію другихъ народовъ, чтобы пріобрѣсти привилегіи того народа, сдѣлаться дворянами, патриціями и наконецъ князьями. Такъ какъ у Нѣмцевъ столько разнообразныхъ способовъ и причинъ, чтобы приходить въ чужія страны и въ нихъ жить, то сталось, что въ разныхъ государствахъ нѣмецкіе рабы очень размножились; когда же они видятъ, что ихъ въ какомъ-либо городѣ уже достаточно, то скоро, при удобномъ случаѣ, завладѣвали имъ, или передавая его какому-нибудь властителю своего рода, или измѣняя на войнѣ чужому государю, у котораго находились они въ военной службѣ. Такимъ путемъ сдѣлались нѣмецкими Англія, Данія и Швеція и земли нашего народа, Чехія, Силезія, Моравія, Поморье, большая часть Угріи и друг. Иногда они сначала вкрадываются подъ именемъ священнаго ополченія (лиги) или крестоносцевъ, а потомъ вѣроломно и жестоко захватываютъ чужія земли, коренныхъ жителей либо прогоняютъ, либо убиваютъ, либо исключаютъ изъ рядовъ дворянства и выгоняютъ изъ городовъ для воздѣлыванія полей. Такъ поступили они въ Пруссіи и Ливоніи. Что̀ сказать о Польшѣ? Въ ней остается уже не много, особенно среди дворянства, чтобы сдѣлать ее нѣмецкою. Что̀ сбудется съ Россіей «Russia quo specіat?» Подлинникъ письма, писанный рукою Крижанича, хранится въ Чешскомъ музеѣ въ Прагѣ, куда подарилъ его г. Безсоновъ, предварительно напечатавъ въ русскомъ переводѣ нѣсколько выдержекъ изъ него (Прав. Обозр. 1870, I, 382—383); полнѣе извлеченіе и переводъ сдѣланы потомъ проф. Первольфомъ (Отчетъ о науч. занят. за границею съ 20 мая по 20 сентября 1882 года. Варшава, 1883, 69—70; Славяне, II, 345—346).

не природное ихъ свойство; оно было лишь слѣдствіемъ ихъ «незнанія», съ минованіемъ котораго невольно поднимется и самосознаніе. Въ пріобрѣтеніи же знаній нельзя обойтись безъ посторонней помощи. Крижаничъ рекомендовалъ Русскимъ переводить надобныя книги о земледѣліи и призывать свѣдущихъ Славянъ—средства, явно недостаточныя. При печальномъ положеніи славянскаго міра, посредниками распространенія просвѣщенія могли быть тѣ, кто имъ владѣлъ, т.-е. почти одни «Нѣмцы». Между тѣмъ Крижаничъ возбуждалъ къ нимъ полное отчужденіе, недовѣріе и ненависть и, въ то же время, въ виду несомнѣнной надобности культуры, совѣтовалъ сознательныя отъ нихъ заимствованія полезнаго для благосостоянія страны, что возможно, конечно, подъ условіемъ сближенія, знакомства. Можно смотрѣть какъ на уступку, когда онъ предлагаетъ призвать избранныхъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, однако подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы какъ только они обучатъ своему ремеслу кого-либо изъ русскихъ учениковъ, поворачивать ихъ домой и ни подъ какимъ видомъ не допускать имъ здѣсь плодить своего народа, такъ какъ, размножаясь, Нѣмцы изъ подчиненныхъ дѣлаются потомъ господами.

Разрѣшить трудности, непреодолимыя для теоретика-мыслителя, съ значительнымъ успѣхомъ старалось практичное московское правительство. На пребываніе у насъ иноземцевъ оно смотрѣло то же не какъ на цѣль, но какъ на служебное орудіе для достиженія своихъ задачъ, проводя это однако цѣлесообразнѣе, чѣмъ проектировалъ Крижаничъ. Чужое лицо можетъ служить другимъ при извѣстныхъ, подходящихъ для себя условіяхъ, и одновременно съ принимаемыми мѣрами, чтобы иноземцы были полезны у насъ, правительство обезпечивало ихъ положеніе и постепенно разширяло сферу ихъ дѣятельности, въ своихъ наградахъ, льготахъ и возвышеніяхъ по служебной лѣстницѣ отдавая предпочтеніе тѣмъ, дѣятельность которыхъ находило болѣе соотвѣтственною для насъ, и особенно тѣмъ изъ нихъ, кто соединялся въ вѣрѣ и народности, т. е. ассимилировался. Самостоятельныхъ постовъ иноземцамъ не поручалось. Даже полковники и генералы непремѣнно находились подъ властью русскихъ воеводъ, и получить высшій военный чинъ всегда легче было перекрещенцу; среди переводчиковъ Посольскаго приказа, людей подначальныхъ по

своему положенію, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ почетнѣйшими были именно обратившіеся въ наше вѣроисповѣданіе. Нѣкоторую обособленность приняла было почта, но и она находилась въ вѣдѣніи Приказовъ и лишь начала прочнѣе организоваться, какъ была поручена перекрещенцу Виніусу. Ни на одно руководственно-административное мѣсто въ гражданскомъ управленіи, ни въ Приказахъ, ни по воеводствамъ, не были опредѣляемы иноземцы. Оставляя дѣйствительную власть, руководство и контроль въ рукахъ тѣхъ, кто были хозяевами въ государствѣ, у насъ примѣняли иноземцевъ и пользовались ихъ помощью, гдѣ надобны были разныя техническія и т. п. знанія. При заимствованіи и обученіи наблюдалась постепенность, чтобы предшествующее подготовляло послѣдующее, и чтобы вообще все чужое способствовало развитію, а не угнетенію народной жизни и ея началъ.

Каковы бы ни были частныя отступленія, существенною основою благополучія протестантовъ въ государственномъ и религіозно-общественномъ отношеніи была именно та польза, которой отъ нихъ ожидали и которую они должны были приносить: безъ признанія нужды въ нихъ и пользы за ихъ дѣятельностію имъ ничего бы не добиться. Разумѣется, для большей части Русскихъ эта польза имѣла отдаленный интересъ, и ихъ непосредственное отношеніе къ иноземцамъ перевѣшивалось другими мотивами. Духовной іерархіи, какъ прямой представительницы и защитницы господствующей вѣры, протестанты казались недругами цѣлости Православія или же нивой, на которую должно пасть слово Божіе, будущими чадами Православной церкви. Съ точки зрѣнія благочестиво-домовитаго Москвича протестантъ, какъ иновѣрецъ и иноземецъ, былъ человѣкъ чужой, нечистый, существо низшее, богопротивное, недостойное дружескаго отношенія. Привыкнувъ жить въ своей національной обособленности, Московскіе люди думали, что при такомъ общеніи, которое неминуемо повело бы къ измѣненіямъ народныхъ обычаевъ, они не могутъ остаться прежними православно-русскими, почему сторонились и отстраняли наѣхавшихъ къ намъ и жившихъ у насъ Нѣмцевъ и не зависимо отъ того, чтобы оберегать себя отъ эксплоатированія или отъ нравственной безурядицы этого люда. Когда затѣмъ крайне консервативная часть русскаго общества, раскольничествующая, въ своемъ упорствѣ церковно-граж-

данскимъ реформамъ, признала всѣ вообще нововведенія противными православной вѣрѣ и древнецерковному благочестію, то она не только не скрывала прямой своей вражды къ иноземцамъ, которую инстинктивно питала къ нимъ, но осуждала и всякое общеніе съ ними. «О, прелесте! понеже еси пестра, восклицаетъ одинъ изъ первыхъ расколоучителей: скверные Поляки, Нѣмцы и прочіе безбожные языки яко благодѣи пріемлются и честію велію почитаются... сплелись западные съ восточными!» [1]. Отъ тѣхъ, кому больше другихъ приходилось выносить на своихъ плечахъ тяжесть чужой эксплоатаціи, протестанты терпѣли нерѣдко. При встрѣчахъ съ ними иноземцамъ приходилось слышать различныя насмѣшки и бранныя клички, во время народныхъ возмущеній и государственныхъ неурядицъ подвергаться опасности, и правительство въ пользу охраненія ихъ принимало особыя мѣры, въ родѣ наказаній за бранныя слова, Алексѣй Михайловичъ счелъ надобнымъ, для успокоенія взволновавшихся Псковичей, писать имъ оправданіе своего покровительства иноземцамъ. Отчужденіе отъ иноземцевъ было значительно и въ высшихъ кругахъ, особенно если и тамъ соприкосновеніе затрогивало житейскіе интересы обѣихъ сторонъ. Собственно купцы и ремесленники сталкивались съ торгово-промышленнымъ элементомъ, служилые люди съ лицами военными. Если дворяне иногда изъявляли полную неохоту подчиняться иноземнымъ инструкторамъ и служить съ ними, то иные изъ нихъ высказывались противъ того или инаго лица слишкомъ рѣзко. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, по донесенію Поммеренинга [2], при дворѣ слышались голоса даже самыхъ видныхъ бояръ объ удаленіи чужихъ офицеровъ изъ русской арміи. Стольникъ и воевода князь Иванъ Ивановичъ Дашковъ не жалѣлъ бранныхъ словъ противъ полковника Александра Гибсона, котораго онъ заподозрилъ въ неправильныхъ дѣйствіяхъ во время войны (1654 г.) съ Польшей, когда самъ государь находился въ станѣ подъ Смоленскомъ [3].

---

[1] Щаповъ, 93.

[2] Стокгольмскій государственный архивъ, отд. Muschovitica, донесеніе Поммеренинга отъ 31 окт. 1642 года.

[3] Гибсонъ въ своей челобитной и его сторонники на произведенномъ потомъ слѣдствіи утверждали, что кн. Дашковъ «лаялъ» его, полковника, м.... о, назы-

Правительство должно было примирять интересы. Ему не была чужда мысль, что государство, какъ общество людей, стремящихся путемъ гражданскаго общежитія и объединенія достигнуть лучшаго благосостоянія, не можетъ замкнуться въ средѣ одной національности и вѣры и должно, по мѣрѣ надобности, принимать въ свою среду лицъ различныхъ національностей и вѣръ; оно понимало и то, подъ какимъ условіемъ протестанты соглашались и были въ состояніи оказывать ему свое содѣйствіе. Въ раздачѣ льготъ иноземцамъ нельзя, конечно, отрицать значенія и различныхъ «посуловъ», на принятіе которыхъ, при развитіи взяточничества, такъ падки были бояре и дьяки. За весь періодъ, съ Грознаго по царствованіе Алексѣя Михайловича, встрѣчаются извѣстія о разныхъ вліятельныхъ лицахъ, оказывавшихъ имъ свое покровительство по личной корысти. Но образованные наблюдатели видѣли, что въ общемъ юридическое и фактическое положеніе иноземцевъ обусловливалось совсѣмъ не частными интересами. Тотъ же докторъ Коллинсъ, который утверждалъ, что Русскіе въ своихъ отношеніяхъ къ иноземцамъ руководствуются мнѣніемъ, что «деньги на все отвѣчаютъ», и совѣтовалъ Англичанамъ поднести Богдану Хитрово разныхъ рѣдкостей, возлагалъ большіе надежды въ успѣхѣ Англичанъ противъ Голландцевъ на то, еслибъ какой-нибудь умный человѣкъ сдѣлалъ въ Москвѣ «самое выгодное описаніе» британскихъ владѣній и поднесъ это сочиненіе неподкупному Аѳанасію Нащекину. Какъ предпочитанія одной иноземной народности предъ другой, такъ и преимущества той или иной группы и тѣхъ или иныхъ лицъ главнымъ образомъ зависѣли отъ связаннаго съ ихъ дѣятельностію, такъ сказать, процента пользы, знанія и труда и отъ того тяготѣнія къ культурнымъ достояніямъ Запада, которое, рано явившись у насъ,

---

валъ жабоѣдомъ, латышемъ некрещенымъ, некрестью, некрещенымъ лбомъ, худякомъ наемнымъ государевымъ холопомъ и измѣнникомъ. Кн. Дашковъ оправдался тѣмъ, что Гибсонъ самовольно свелъ караулъ съ своего мѣста, пороховую казну оставилъ на произволъ судьбы, за городомъ, вдали отъ пушекъ, «въ городъ навелъ изъ чужихъ полковъ Нѣмокъ, коровъ и мелкой животины», и притѣсняетъ солдатъ, которые, не стерпѣвъ притѣсненій, побоевъ, увѣчья, дурнаго корма и неслужебныхъ работъ, начнутъ, пожалуй, «розно бресть». Моск. Арх. Мин. Юстиціи, Столбцы Новгородскаго стола, № общ. 7.938, № частн. 190, дѣло 94.

постепенно усиливалось и вскорѣ послѣ Смутной эпохи нашло въ извѣстномъ кругу наибольшее примѣненіе. Рядомъ съ людьми, которые дѣйствовали по личнымъ разсчетамъ, теперь все чаще и чаще являются въ правительствѣ лица, опредѣлявшія свои отношенія къ иноземцамъ по убѣжденію. Самые замѣтные изъ нихъ, и вмѣстѣ популярные въ народѣ, двоюродный братъ Михаила Ѳеодоровича Н. И. Романовъ, дипломатъ Ординъ-Нащокинъ считались «друзьями Нѣмцевъ», вліятельнѣйшее лицо подъ конецъ царствованія Алексѣя Михайловича, А. С. Матвѣевъ, сверхъ того, и ихъ «отцомъ».

То обстоятельство, что эти лица, сравнительно ближе стоявшія къ иноземцамъ, были у насъ самыми популярными, указываетъ не только на характеръ ихъ дружбы, вообще сдержанной и неподкупной, но и на то, что подобныя отношенія отвѣчали народнымъ интересамъ. Эпоха преобразованій уже стучалась въ двери, и вѣковая практика Московскаго государства въ культурномъ сближеніи съ Западомъ, поддерживаемая складомъ западной жизни, предрѣшала, какими свойствами должна отличаться реформа и кѣмъ изъ западноевропейцевъ должно преимущественно пользоваться въ ея проведеніи. Культурное достояніе Запада космополитическаго характера приходилось брать главнымъ образомъ изъ сѣверной, германо-протестантской Европы, члены которой должны быть и главными посредниками въ передачѣ этихъ достояній. Даже такія частности, что изъ самихъ протестантовъ въ эпоху преобразованій численно преобладали въ военно-служиломъ классѣ выходцы нѣмецкихъ государствъ, а Голландцы удерживали преимущества въ торгово-промышленномъ дѣлѣ, были подготовлены и указаны предшествующимъ временемъ, создавшимъ у насъ соотвѣтственныя съ этимъ связи и вліятельныя иноземческія группы.

Колебанія въ юго-западную сторону, обнаруживавшіяся было при старшихъ дѣтяхъ Алексѣя Михайловича, рожденныхъ отъ Милославской, уже не могли одолѣть традиціи; напротивъ, и въ правленіе Ѳеодора и Софьи, какъ ни напрягались католики, юридическое и фактическое положеніе осталось за протестантами [1]. Въ правленіе Софьи католики добились того, что имъ дозволено было, на время,

[1] Наши работы: «Положеніе протестантовъ въ Россіи до временъ Петра Великаго», Ж. М. Н. Пр. 1883, IX—X; «Протестантство въ Россіи въ правленіе

имѣть при себѣ по одному - по два католическихъ духовныхъ лица, которыя, тайно отъ правительства, на дворѣ Гваскони построили «деревянный костеликъ»; за то Старая Московская лютеранская община свою деревянную церковь, съ разрѣшенія правительственной власти, замѣнила тогда каменною, какъ болѣе прочною и видной, и выгнанные изъ Франціи Гугеноты получили оффиціальное приглашеніе переселяться въ Россію, тогда какъ іезуиты, уличенные въ религіозной и политической пропагандѣ, были высланы за границу въ первые же мѣсяцы по паденіи Софьи. Если на военной службѣ поднимался Гордонъ, который, по мѣрѣ возвышенія, все ближе къ сердцу принималъ католическіе интересы въ Россіи и превращался въ главный оплотъ и орудіе іезуитской пропаганды; то во всѣхъ 63 трехъ полкахъ войскъ иноземнаго строя, до какого числа эти войска, судя по оффиціальнымъ даннымъ, достигли еще за годъ до смерти Ѳеодора, высшіе чины изъ иноземцевъ были въ большинствѣ протестанты или перекресты. Лица, знакомыя намъ по исторіи Баумана въ качествѣ его сторонниковъ и враговъ, и носившія нерѣдко второстепенные чины, теперь занимали полковническія мѣста, заклятый его врагъ, полковникъ Яковъ Бильсъ, служилъ уже генералъ-майоромъ. Женевецъ Лефортъ, прибывшій не за долго до смерти Алексѣя Михайловича, хотя и не успѣлъ еще пріобрѣсть теперь видной роли, однако завязывалъ такія связи и отношенія, которыя потомъ повели къ сближенію его съ Петромъ и помогли ему ослабить значеніе Гордона. Развитіе института военныхъ инструкторовъ вообще шло въ прежнемъ направленіи. При Алексѣѣ Михайловичѣ, который впервые такъ разширилъ сферу обученія у иноземцевъ, была сдѣлана попытка посылки русскихъ учениковъ въ Слободскую нѣмецкую школу, правда, пока для обученія театральной потѣхѣ; при Ѳеодорѣ и Софьѣ русскіе ученики посылаются въ Слободу, чтобы научиться уже ино-

---

Софьи», Рус. Вѣстн. 1883, XI; «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII в.» М. 1886, гл. III; «Обрусѣніе иноземцевъ - протестантовъ въ Московскомъ государствѣ». М. 1886, гл. V; «Литературная борьба съ протестантствомъ». М. 1887, гл. V—VI, и др. Данный вопросъ за это время, какъ и за эпоху Петра, составитъ предметъ особаго нашего изслѣдованія, куда, между прочимъ, войдутъ и соотвѣтствующія мѣста указанныхъ работъ.

страннымъ языкамъ и шелковому и т. п. производству. Алексѣй Михайловичъ находилъ достаточнымъ, если русскіе лѣкаря достигали умѣнья лѣчить путемъ практическимъ, не зная ни чужой, ни русской грамоты; его старшій сынъ, Ѳедоръ, посылаетъ способныхъ учениковъ къ учителю Нѣмецкой школы, который ознакомилъ бы ихъ уже съ «латинскимъ и цесарскимъ языками», чтобъ имъ можно было потомъ въ совершенствѣ настигнуть «аптекарское и алхимисткое дѣло», и утверждаетъ проектъ устройства медицинской школы съ полнымъ и систематическимъ курсомъ ученія.

Вниманіе правительства Милославскихъ къ выдающимся католикамъ и усилившіяся махинаціи католической партіи, направленныя къ стѣсненію вѣроисповѣднаго и общественно-государственнаго положенія и матеріальнаго благосостоянія протестантовъ, не принеся послѣднимъ существеннаго ущерба, побудили ихъ только сомкнуться и принять свои мѣры противъ показавшейся опасности. Виновники внутреннихъ распрей не находятъ уже себѣ прежней горячей поддержки и нѣкоторые изъ нихъ прямо выдаются правительству самими протестантами. Равнымъ образомъ, представители нѣмецко-протестантскихъ группъ и партій на опытѣ убѣждаются, какъ недостаточно ограничиваться привлеченіемъ на свою сторону того или инаго боярина— значеніе таковаго вполнѣ обусловливалось личнымъ отношеніемъ къ нему государя: несравненно прибыльнѣе казалось заручиться расположеніемъ самого царствующаго лица, еще лучше, насколько возможно, воспитать его въ своихъ интересахъ: тогда не будутъ опасны никакія измѣненія въ придворномъ персоналѣ. Соперничество Милославскихъ съ Нарышкиными и опальное положеніе и личныя свойства молодаго Петра облегчили имъ не только вплести свои нити въ дворцовыя событія, но и настолько приблизить протестантовъ къ будущему сильному правителю и дать ему почувствовать ихъ пригодность, что когда онъ сталъ самостоятельнымъ и принялся за реформаторскую дѣятельность въ томъ направленіи, какое было намѣчено и подготовлено Московскою Русью, въ выборѣ себѣ помощниковъ изъ иноземцевъ ясно и рѣшительно, какъ то было и въ предшествующій періодъ, онъ отдавалъ предпочтеніе протестантамъ предъ католиками.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
41	24—25 св.	1887	1886
54	12 »	Христіанъ.	Христіани.
75	6 »	и иноземцевъ	иноземцевъ
171	11 »	Олавъ	Олафъ
184	— »	полковника	генералъ-майора
—	12 »	цейлмейстера	цейгмейстера
188	15 »	5 іюля	5 іюня
194	13 »	рублей	цесарскихъ ефимковъ
197	2 »	1885	1855
208	12 »	Полученіи	По полученіи
225	4 сн.	травку	траву
226	7 »	и распространенію	и къ распространенію
229	1—2 св.	давалось и въ слѣдующіе годы	дано и въ слѣдующемъ году
232	3—4 »	и затѣмъ по смерти Грегори, послѣ котораго она	. Затѣмъ, по смерти Грегори она
251	13 сн.	4 марта	4 марта 1643 года
267	1 »	XXXIII	XXXVIII
271	1 »	X	IX
331	12 св.	не имѣли	почти не имѣли
—	4 сн.	XVI	XVII
352	14 »	Алштатуса	«Алштатуса» (Альціата)
355	1 »	205	206—207
407	3 »	родознатцомъ	рудознатцомъ
417	1 св.	прижитое	«прижитое»
419	3 сн.	1824	1822
431	12 »	1882	1822
478	8 св.	какъ только	только какъ
481	3 сн.	государекъ	государемъ
—	2 »	творили	творити
502	— »	«Описаніе»	«Извѣстіе»
—	1 »	далѣе	долѣе
516	3 св.	заимствованіе	заимствованія
524	20 »	Заглавія	Заглавія ихъ они обозначили точнѣе, соотвѣтственно надписямъ въ издаваемомъ
526	4 сн.	1873	1872
539	6 »	качества.	качества».
545	13 св.	Слезанахъ	въ Слезанахъ
552	10 сн.	tegatorum	legatorum
562	11 »	требица	требища
569	1 »	Истивы	Истины
571	15 »	отстранить	устранить
581	11 »	противит ьися	противиться и

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
604	12 св.	Бицинія	Лицинія
635	21 »	которая	которыя
652	3 сн.	не спѣшилъ	спѣшилъ
653	11 »	23 мая	«23 мая
654	12 »	опроверженія	особыя опроверженія
659	9 »	єὑρєξ	єὑράξ
664	7 »	своей имъ	своей
675	17 св.	было бы безопасно	было не безопасно
680	7 »	по умершей	по умершемъ
685	8 сн.	устраивались	устраивали
692	3 »	церкви	церкви,
693	13 сн.	XII в.	XVII в.
712	11 св.	мѣть	мѣдь
777	7 сн.	думами	думали
782	7 св.	настигнуть	постигнуть
—	5 сн.	реформатовскую	реформаторскую

Высказанное нами предположеніе, что московскій священникъ Иванъ Насѣдка сопровождалъ русское посольство въ Данію (стр. 631, ср. стр. 464), находитъ себѣ точное подтвержденіе. Въ Статейномъ спискѣ, на которомъ мы основывались, онъ названъ лишь «попомъ Иваномъ», но въ «Дополненіяхъ къ Дворцовымъ разрядамъ» (Чт. Им. М. О. И. и Др. Рос., 1882, III, 357) читаемъ: «7132 (1623 г.), ноября въ 30 день, по государеву указу, выдано государева жалованья Благовѣщенскому попу Ивану Насѣдкѣ 5 арш. сукна лундышу вишневого, по рублю по 8 алт. по 2 денги арш.; да 10 арш. камки адамашки лазоревой, по 20 по 3 алт. по 2 денги аршинъ; да пожаловалъ государь его за службу, что онъ былъ посыланъ съ государевыми послы, со княземъ Олексѣемъ Львовымъ, да съ дьякомъ со Жданомъ Шиповымъ въ Дацкую землю» (ср. статью Село Клементьево; тамъ же, 1887, кн. II, отд. V, 30—32). Отсюда получаетъ достовѣрность и другое, уже существенное предположеніе— о непосредственномъ знакомствѣ Насѣдки съ заграничнымъ бытомъ лютеранъ и объ его противъ нихъ авторствѣ.